

**ОСНОВОПОЛОЖНИК
РОССИЙСКОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ**

АКАДЕМИК
**АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
ШЁГРЕН**

ИССЛЕДОВАНИЕ
ТЕКСТЫ

Отсканировано
в мае 2014 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бәрзәфцәг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд әрцәд
2014 азы майы мәйы
сәрмагондәй паблик «Бәрзәфцәг»-ы
чиныгдонән.

<http://vk.com/barzafcag>

Почтенному совершителю углублённой обзорной
пустьёмки С. В. Вера, Любовному Г. И. Шерину,

— — — — —

Вот вам Бурка — друг походный:
Часто в густом полѣ, в бурю,
Подъ дождем, подъ звонким градом,
Завернувшись в бурку, бодрый
Вонюк, в полѣ, спит какъ дома.
Мимо мчатся красны тузы,
Грохотъ громом вторятъ горы,
Но подъ буркой сонъ покою:
Вонюк веселье в ней какъ дома!

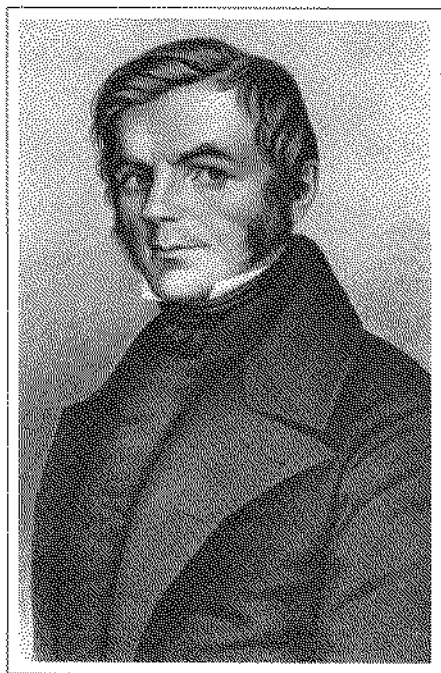
Вы не воинь, но дорожи
по лѣсам и по пустыням
Пробивать должны вы прямо...
Такъ примитежъ домъ походный:
Пусть хранитъ онъ васъ и вами
на двѣднннннн думати!

Вашъ, в знакъ дружбы, вашъ знакомецъ
Гвѣтъ геломъ — Черкесской буркой —

И. Т. Петрова-Водкина

16 26го года, 1103/12 19го года

Ведомъ Шинкина.

Андрей Михайлович Шёгрэн

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО РАН

Основоположник российского
академического кавказоведения

а к а д е м и к
Андрей Михайлович
Ш ё г р е н

Исследование. Тексты

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2010

УДК 821
ББК 82

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Исследовательский проект № 06-04-00329а
Издательский проект № 10-04-16073д

Составление, текстологическая подготовка
рукописных материалов А.М. Шёгрена из архивов С.-Петербурга
и Хельсинки, «Введение», статья «Академик А.М. Шёгрэн —
основоположник российского академического кавказоведения»
и аннотированный «Указатель имен»
А.И. Алиевой

Ответственный редактор
академик РАН, доктор филологических наук профессор
М.И. Исаев

Рецензенты:
член-корреспондент РАН профессор В.М. Гацак,
доктор филологических наук профессор К.К. Султанов

**Основоположник российского академического кавказоведения
академик Андрей Михайлович Шёгрэн: Исследование. Тексты. —
М.: ИМЛИ РАН, 2010. — 952 с.**

© ИМЛИ РАН, 2010
© СПб.Ф АРАН, 2010
© ИВР РАН, 2010
© ЦГИА, 2010
© Kansaliskirjasto —
Käsikirjoituskokoelmat, 2010
© Suomalaisen kirjallisuuden seuran
kirjallisuusarkisto, 2010

ISBN 978-5-9208-0374-0

ВВЕДЕНИЕ

Уже в самом названии этого издания заложена полемика с установившейся в начале XX в. традицией — с легкой руки академика Н.Я. Марра (1864–1934) — считать «первым специалистом по Кавказу в России»¹, т.е. основоположником российского академического кавказоведения, ординарного академика по разряду истории и словесности азиатских народов Историко-филологического отделения Императорской Санкт-Петербургской академии наук Мария Ивановича Броссе (Brosset Marie-Felicité, 1802–1880)².

Надо сразу заметить, что и академик Н.Я. Марр, и все, кто придерживается такой точки зрения, подчеркивают, что М.И. Броссе по праву считается основателем *грузинской историографии* в европейской литературе; многим обязана ему и разработка *армянской истории*, а особенно *археологии*³.

Данное издание должно стать убедительным аргументом в пользу того, что *в первой половине XIX в.* в России успешно работали два «первых специалиста по Кавказу» — М.И. Броссе и Андрей Михайлович Шёгрэн (Sjögren Johann Andreas, 1794–1855) — ординарный академик по Историко-филологическому отделению (филология и этнография финских и кавказских народов в России) той же Академии наук⁴, составивший первую научную грамматику осетинского языка и положивший начало изучению языков ряда других народов Северного Кавказа⁵.

Такое утверждение, во-первых, в полной мере учитывает специфику понятия «кавказоведение» и определяющего его термина, который употребляется «...для обозначения той области этнолого-лингвистических исследований, которая имеет своим предметом выяснение исторического прошлого и современного положения языков и народов Кавказа»⁶, и, во-вторых, нисколько не умаляет вклад М.И. Броссе в исследование истории, археологии, культуры и языков Грузии и Армении.

В отличие от областей гуманитарного знания, занимающихся исследованием групп народов, говорящих «на языке одного корня»

(термин А.Н. Генко), например тюркологии или иранистики, кавказоведение исследует группы языков «разного корня». Это обусловлено прежде всего уникальностью такого региона Европы, как Кавказ.

Географическое расположение Кавказа, служащего на протяжении многих веков своеобразными «воротами» из Европы в Азию (и из Азии в Европу), специфические физико-географические условия (Главный Кавказский хребет, или «Большой Кавказ», делит регион на две не связанные и практически недоступные одна для другой территории), многочисленные столкновения разноязыких народов, пути которых проходили через Кавказ, и многое другое обусловило сложность исторических судеб населяющих этот регион народов и сделало его «горой языков», между которыми не всегда обнаруживается даже отдаленное родство⁷.

Достаточно самого беглого перечисления народов, населяющих Кавказ, значительно различающихся по генезису, историческим судьбам, языку: одни принадлежат к абхазско-адыгской группе иберийско-кавказских языков (кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абазины); другие — к дагестанско-вайнахской группе иберийско-кавказских языков (чеченцы, ингуши, аварцы, лезгины, лаки, даргинцы, андийцы, лидойцы и др.), третьи — к иранской (осетины, курды, таты, горские евреи, талыши), четвертые — к тюркоязычной группе (балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы), чтобы понять, что для изучения да и просто первого знакомства с этой «многонациональной семьей языков» нужен был целый коллектив «первых специалистов по Кавказу».

И действительно, на всем протяжении XIX в. российское академическое кавказоведение будет постоянно прирастать новыми именами исследователей, которые обратятся к изучению бытующих на Кавказе иранских, адыгских, вайнахских, тюркских языков, многочисленных языков народов Дагестана. Но это будет *во второй половине XIX в.*, когда изучением неславянских, в частности кавказских, народов начнут систематически заниматься и сотрудники Императорской академии наук, и члены многочисленных научных обществ, которые широко развернут работу на всей территории страны.

В первой половине XIX в., когда кавказоведческими исследованиями занимались А.М. Шёгрэн и М.И. Броссе, *научное кавказоведение* в России только начиналось и было представлено двумя этими учеными.

В их судьбах много общего: почти ровесники, оба иностранцы (М.И. Броссе — француз, А.М. Шёгрэн — финн), которых привела в Россию страсть к науке (на всем протяжении XIX в. многие европейцы, обратившиеся к изучению народов России, достигли здесь выда-

ющихся научных результатов); обоим Академия наук предоставила все условия для научной работы, щедро финансировавшей ее самим царем, а результаты их научных поисков получили признание не только в России, но и во всей образованной Европе.

Разница была в том, каким путем каждый из них пришел к изучению Кавказа. М.И. Броссе прибыл в Россию уже как автор ряда грузиноведческих исследований, сделавших ему имя, для того чтобы продолжать их «на месте»; А.М. Шёгрэн по приезде в Петербург занялся исследованием финно-угорских народов, проживающих на территории Российской империи. Его обращение к изучению Кавказа было продолжением его финно-угроведческих штудий — он намеревался найти здесь следы предков финно-угров, которые, согласно утвердившейся в первой половине XIX в. в Финляндии теории, занимали огромные территории, простиравшиеся от Ледовитого океана до Каспийского моря и Кавказских гор. Следов финно-угров ученый здесь не нашел, но зато основательно изучил осетинский и кабардинский языки, собрал ценнейшие материалы по истории, этнографии, языкам целого ряда народов Кавказа: грузин, армян, удин, крымских татар, ногайцев, черкесов и др.

За годы работы в Академии наук и М.И. Броссе, и А.М. Шёгрэн много сделали для изучения народов Закавказья и Северного Кавказа. Но если труды М.И. Броссе (а их более 250) были опубликованы при его жизни, а после его кончины сын ученого еще издал и их полную аннотированную библиографию⁸, то А.М. Шёгрэн опубликовал при жизни все свои финно-угроведческие ученые сочинения (вскоре после его кончины они были переизданы в двух томах, второй — в двух книгах).

Иначе сложилась судьба его кавказоведческого наследия. А.М. Шёгрэн успел завершить и издать лишь труды, посвященные осетинскому языку: «Осетинскую грамматику, с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским» и первую часть исследования осетинского языка⁹. После этих публикаций и в России, и в Европе его стали воспринимать исключительно как осетиноведа. Во всяком случае именно так отнесся к нему известный французский востоковед Вивьен де Сен-Мартен, напечатавший в 1848 г. в Париже в переводе на французский язык отправленные в Академию наук отчеты Шёгрэна о ходе его кавказской экспедиции¹⁰.

Представление о Шёгрэне как *только* осетиноведе подкреплялось и тем, что о его занятиях другими народами Кавказа было известно очень мало.

А ведь во время экспедиции на Кавказ и в Крым, продолжавшейся с сентября 1835 по январь 1838 г. — два года и три месяца,

А.М. Шёгрэн проехал огромные расстояния по Закавказью, Северному Кавказу, Крыму, много и целеустремленно занимаясь изучением языков, истории, традиционной культуры, этнографии, экономики и даже статистическими исследованиями тех мест, где он работал. Действительно, в центре его внимания были осетины, их язык, быт, нравы, обычаи. Но одновременно с осетинами Шёгрэн занимался изучением армян, грузин, удин, адыгов, крымских татар, ногайцев.

Правда, многие из собранных им материалов остались не только не изданными, но даже не обработанными; к тому же большинство записей было сделано на шведском и немецком языках¹¹, что стало препятствием для введения их в научный оборот даже для тех, кто обращался к рукописям, хранящимся в архивах ученого. Но самое главное — еще ни один исследователь кавказоведческого наследия Шёгрена не ознакомился *со всей совокупностью* его рукописных материалов, хранящихся в трех архивах в Петербурге (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Институт восточных рукописей РАН, Центральный государственный исторический архив) и в двух архивах в Хельсинки (Отдел рукописей Национальной библиотеки Финляндии и Литературный архив Финского литературного общества).

До сих пор российские кавказоведы работали преимущественно в фонде А.М. Шёгрена в филиале Архива Академии наук в Петербурге и в ЦГИА; к материалам ученого, что находятся в Институте восточных рукописей, бывшем Азиатском музее, никто из современных исследователей не обращался. В архивах Хельсинки никто из них не был.

Автору этих строк первой из российских специалистов удалось изучить всю совокупность его рукописных материалов, хранящихся во всех пяти архивах в Петербурге и в Хельсинки. Это позволило максимально полно представить в данном издании не только известные работы ученого, посвященные народам Кавказа, но и важнейшие его рукописные материалы, прежде недоступные исследователям. Объем их так значителен, что, даже отобранные по самым строгим критериям, они составили объемистую книгу.

В нее из изданных работ ученого вошли: его основательное исследование «Осетинские штудии с особой оглядкой на индогерманские языки», впервые переведенное с немецкого языка на русский Л.Г. Григорьевой и Т.В. Кудрявцевой (под ред. К.Г. Красухина); отчеты о ходе его экспедиции на Кавказ и в Крым президенту Академии наук графу С.С. Уварову, академикам Ф.И. Кругу и Х.Д. Френу, опубликованные на немецком языке и впервые переведенные А.П. Кашперской с немецкого оригинала (а не с французского перевода, как иногда практиковалось); рецензия А.М. Шёгрена (тогда ре-

цензии академиков назывались «донесениями») на «Словарь русско-черкесский или адигский с краткою “Грамматикою”. Составленный коллежским ассессором Люлье».

Основное место в книге занимает публикация рукописных материалов ученого из архивов Финляндии и России. Это его «Дневник» с сентября 1835 до января 1838 г., в котором отразился весь ход его экспедиции на Кавказ и в Крым. Он хранится в Литературном архиве Финского литературного общества и для данного издания впервые переведен с шведского языка на русский М.Р. Ненароковой.

Впервые публикуются и письма А.М. Шёгрена с Кавказа от его наставников в изучении кавказских языков — первых образованных горцев, безотказно помогавших ему во время его экспедиции: они хранятся в Отделе рукописей Национальной библиотеки Финляндии.

Значительный интерес представляют рецензии А.М.Шёгрена на три варианта перевода «Псалтыри» на осетино-тагаурское наречие Гр. Мжедлова и на «Кабардинскую грамматику» Ш.Б. Ногмова (автор назвал ее «Примечания») — все они печатаются по рукописям, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, как и «Донесение... о рукописях, найденных по смерти кабардинского узденя штабс-капитана Шора-Бек Мурзина» (Ногмова), что находится в Центральном государственном историческом архиве в Петербурге.

Не является научным сочинением своеобразная автобиография А.М. Шёгрена «Мой путь в науке», опубликованная в 1955 г. на финском языке. Но она существенно дополняет наши представления о нем как о человеке и ученом, и составитель сочла целесообразным включить ее в издание. С финского языка на русский ее перевели И.Ю. Марцина и Э.Г. Рахимова.

До сих пор речь шла о собственных рукописях А.М.Шёгрена, включенных в издание. Исключение — репринтное воспроизведение двух рукописей наставника ученого в изучении кабардинского языка — первого кабардинского лингвиста, историка, фольклориста Ш.Б. Ногмова — «Начальные правила атыхейской грамматики» (1840 г.) и второго ее варианта «Начальные правила кабардинской грамматики», подготовленного с учетом замечаний А.М. Шёгрена, подробно рецензировавшего первый ее вариант. Поскольку судьба этих рукописей оказалась сложной и во многом даже загадочной, с многочисленными исчезновениями, составитель сочла целесообразным опубликовать эти рукописи, чтобы наконец сделать их доступными для исследователей.

Своеобразие материалов, составивших данное издание, где не публиковавшиеся прежде рукописные материалы существенно дополняют

(и даже в известной мере корректируют) сложившиеся представления о вкладе академика А.М. Шёгрена в российское академическое кавказоведение, определило и специфику научного аппарата к ним. Здесь невозможно было ограничиться краткими пояснениями к публикации каждой рукописи, поэтому было решено подробно охарактеризовать их совокупность во вступительном исследовании к изданию. Его дополняет аннотированный указатель имен, который должен помочь читателю составить достаточно полное представление о круге лиц, с которыми А.М. Шёгрэн общался, сотрудничал, с кем аргументированно дискутировал, кого готовил к научной работе и у кого учился сам.

При подготовке к печати материалов, составивших издание, не допускалось никакого вмешательства в них — ни редактирования, ни унификации имен собственных и географических названий, ни перевода на современную графику примеров, приводимых А.М. Шёгреном на осетинском и кабардинском языках средствами его собственного алфавита.

Отдельно издана книга, содержащая репринтное воспроизведение главного кавказоведческого труда А.М. Шёгрена — его «Осетинской грамматики, с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским», увидевшей свет более 160 лет назад и давно ставшей практически недоступной для исследователей. В статье М.И. Исаева «Академик А.М. Шёгрэн — исследователь осетинского языка» дана исчерпывающая оценка языковедческих работ основоположника осетинского языкознания (см.: Академик А.М. Шёгрэн. «Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским». М.: ИМЛИ РАН, 2010).

* * *

Читатель обратит внимание на разницу в написании имени академика Шёгрена в разных источниках: Андерс Йохан, Иоганн Андреас, Андрей Михайлович и др. Вариант, принятый в наст. изд.: Андрей Михайлович — так обращались к ученому коллеги в Академии наук, его спутники и помощники во время его многочисленных экспедиций, сам он подписывал свои сочинения так: «Андрей Шёгрэн».

* * *

До сих пор исследователи, обращавшиеся к «кавказоведческому наследию» А.М. Шёгрена, не просто концентрировали внимание преимущественно на материалах, относящихся к языку и традиционной культуре исследуемого ими народа, но и нередко сознательно «отсекали» всё, что относится к другим народам. Благодаря такому подхо-

да А.М. Шёгрэн предстает то только *грузиноведом*, то только *осетинноведом*, то только *адыговедом*. На самом деле академик А.М. Шёгрэн сделал очень много для изучения *разных народов* этого региона. При всей значительности объема данного издания необходимо подчеркнуть, что здесь приведена *только часть* научных материалов этого первопроходца в деле изучения народов Северного Кавказа.

Впервые проведенное исследование всей совокупности опубликованных и рукописных кавказоведческих трудов А.М. Шёгрена позволило впервые составить реальное представление об истинных масштабах вклада ученого в возникновение и развитие российского академического кавказоведения в первой половине XIX в. В процессе подготовки издания стало ясно, как много еще предстоит сделать для воссоздания этой важнейшей главы в истории российской науки, как много в ней «белых пятен», заполнить которые предстоит новому поколению отечественных кавказоведов.

* * *

В заключение считаю своим приятным долгом выразить сердечную благодарность всем, кто щедро помогал мне в работе над этим изданием: сотрудникам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и Института восточных рукописей РАН, Центрального государственного исторического архива в Петербурге, Отдела рукописей Национальной библиотеки Финляндии, Финского литературного общества, Литературного архива Финского литературного общества и Славянской библиотеки Национальной библиотеки Финляндии.

Слова благодарности я обращаю переводчикам работ А.М.Шёгрена со шведского, финского, немецкого языков: М.Р. Ненароковой, И.Ю. Марциной, Э.Г. Рахимовой, Л.Г. Григорьевой, А.П. Кашперской, Т.В. Кудрявцевой, ответственному редактору издания М.И. Исаеву, моим рецензентам: заведующему Отделом фольклора ИМЛИ РАН члену-корреспонденту РАН В.М. Гацаку и заведующему Отделом литератур народов РФ и СНГ доктору филологических наук К.К. Султанову. Отдельное спасибо моему безотказному помощнику и консультанту в работе с финскими материалами в архивах Хельсинки Э.Г. Рахимовой.

На заключительном этапе работы над изданием неоценимую помощь мне оказала редактор М.Л. Береснева.

А.И. Алиева

¹ Характеризуя в 1920 г. рукописные материалы бывшего Азиатского музея (ныне — Институт восточных рукописей РАН), Н.Я. Марр заметил, что самую значитель-

ную часть их составляют грузинские, затем армянские материалы, что, на его взгляд, связано прежде всего с «грузиноведными интересами первого специалиста по Кавказу академика Броссе». См.: *Март Н.Я.* Кавказ // Азиатский музей Российской Академии наук. 1818–1918: Краткая памятка. Пг., 1920. С. 91.

² Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. I: 1724–1917. Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранные члены. М., 2009. С. 47.

³ Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М., 1915. Т. I. С. 43. Ср.: *Лавров Л.И.* К 250-летию академического кавказоведения в России // КЭС. [Т.] VI. М., 1976. С. 7.

⁴ Российская Академия наук: Персональный состав... С. 45.

⁵ *Миллер В.* Кавказские языки // ЭСБЕ. СПб., 1894. Т. 13. С. 815.

⁶ *Генко А.* Кавказоведение // БСЭ. М., 1937. Т. 30. Стб. 482.

⁷ *Миллер В.* Кавказские языки. С. 814.

⁸ *Brosset L.* Bibliographie analytique des ouvrages de M. Marie-Felicité Brosset, membre de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. 1824–1879. St. Pétersbourg, 1887.

⁹ *Шёгрэн А.* Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844; Ирон *Æвзагахур*, das ist Ossetische Sprachlehre, nebst kurzem Ossetisch-deutschen und Deutsch-ossetischen Wörterbuche. St. Pétersburg, 1844; *Sjögren A.J.* Ossetische Studien mit besonderer Rücksicht auf die indo-europäischen Sprachen. Die Selbstlauter // MAIS. T. VII. S. 571–652.

¹⁰ *Sjögren A.J.* Voyage dans les vallées centrales du Caucase, pour l'étude approfondie de la langue, des mœurs et des traditions populaires des Montagnards de l'Osséthi // Nouvelles Annales des Voyages et des Sciences Géographiques... / Réd. M.V. de Saint-Martin. P., 1848. T. I. P. 129–145, 268–292; P., 1848. T. II. P. 276–327.

¹¹ А.М. Шёгрэн, как правило, писал на этих языках. Исключение составляют лишь некоторые его «донесения» — рецензии на поступающие к нему различные материалы — и публикация на русском языке его фундаментальной «Осетинской грамматики со словарем осетинско-русским и русско-осетинским» (СПб., 1844), в предисловии к которой он *дважды* подчеркнул: «Я решился, не смотря на малый навык мой писать по-русски, издать сию “Граматику” на русском языке» (Там же. С. XV) и «...это есть первое мое сочинение, написанное и напечатанное на русском языке» (Там же. С. XXXVII).

**Академик А.М. Шёгрэн —
основоположник российского
академического кавказоведения**

ИЗУЧЕНИЕ КАВКАЗОВЕДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.М. ШЁГРЕНА В ФИНЛЯНДИИ И В РОССИИ

Ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук «по этнографии и языкам финских и кавказских народов, населяющих Россию», Андрей Михайлович Шёгрэн (1794–1855) волею судьбы и обстоятельств, но прежде всего благодаря жажде познания стал основоположником двух направлений гуманитарного знания в России — финно-угроведения и кавказоведения.

На протяжении более полутора веков, прошедших после кончины А.М. Шёгрена, интерес к его «финскому наследию» никогда не угасал, да и сам ученый в разные годы воспринимался прежде всего как финно-угровед¹. Уже в 1861 г. в России были опубликованы основные его исследования ряда финно-угорских языков (в двух томах, трех книгах)², регулярно издаются работы, посвященные именно этим трудам³.

Осетиноведческие работы ученого всегда подробно характеризуются в многочисленных его жизнеописаниях, опубликованных и в России⁴, и в Финляндии⁵. Еще при жизни Шёгрена увидела свет его «Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским» (на русском языке в двух книгах, на немецком — в одной) и основательное исследование осетинского языка⁶. Эти труды А.М. Шёгрена получили высокую оценку таких выдающихся лингвистов-кавказоведов, как: внесший значительный вклад в изучение истории, этнографии, ряда языков народов Кавказа член-корреспондент Императорской академии наук по разряду лингвистики барон генерал-майор П.К. Услар (1816–1875); востоковед-тибетолог, много сделавший для знакомства европейских ученых с достижениями российского академического кавказоведения экстраординарный академик Императорской академии наук А.А. Шифнер (1817–1879), первым опубликовавший тексты осетинского фольклора на языке оригинала (и с немецким переводом)⁷; автор основательных работ по проблемам кавказоведения и кавказского языкознания, активный сотрудник Кавказского отдела Русского географического общества и редактор ряда изданий этого отдела Л.П. Загурский (1827–1891); автор фундаментальных исследований языков и фольклора народов Кавказа (прежде всего адыгских: адыгейского и кабардинского), бессменный редактор авторитетного кавказского издания «Сборник материалов для описания местностей и племен Кав-

каза» профессор Л.Г. Лопатинский (1842–1922).

Во второй половине XIX в. кавказское языковедение развивалось под несомненным влиянием осетиноведческих трудов А.М. Шёгрена, бесспорной заслугой которого признавалось решение «положить русский алфавит в основание горских азбук»⁸, что значительно облегчало обучение грамоте на родном языке детей народов Кавказа и не только Кавказа: «Алфавит Шёгрена применен многими учеными к азбукам разных инородческих языков. Член Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения П.П. Савваитов применил его к зырянскому, академик Бётлингк к якутскому языку, академик Радлов к татарским наречиям, академик Залеман к языкам Памира, доцент Жуковский к персидскому, Н.И. Ильминский составил целый ряд переводов для татар, г. Яковлев применил к чувашскому. Таким образом, в настоящее время имеется уже целый ряд азбук, составленных на основании русского алфавита. Это побудило г.г. академиков Радлова, Васильева и Залемана приступить к составлению общего лингвистического алфавита на основании русской азбуки»⁹.

Вторая волна интереса к опубликованным кавказоведческим трудам Шёгрена поднимается в 80-е годы XIX в. в связи с началом занятий осетинским языком будущего российского академика В.Ф. Миллера (1848–1913) — автора капитальных трудов, посвященных истории, религии, языкам, этнографии, эпиграфике, фольклору народов Северного Кавказа (осетин, горских евреев-татов и татов-мусульман, чеченцев, кабардинцев, балкарцев и карачаевцев).

В 30-е годы XX в. изучением сохранившихся в СПб.Ф АРАН материалов А.М. Шёгрена по кабардинскому языку занялся ученик академика Н.Я. Марра, тогда сотрудник Института языка и мышления в Ленинграде, Г.Ф. Турчанинов (1902–1989), будущий автор большого ряда трудов в области истории, культуры, языков народов Кавказа. В 1940 г. он опубликовал статью, в которой охарактеризовал рукописи Шёгрена по кабардинскому языку в этом архиве¹⁰ — не только их содержание, но и «внешнюю сторону»: почерк ученого, последовательность поправок и вставок по цвету чернил и качеству бумаги, структурирование самого материала¹¹.

Г.Ф. Турчанинов разделил рукописные материалы Шёгрена по кабардинскому языку на две группы: его собственные записи образцов кабардинского языка, которые ученый осуществил во время экспедиции по Кавказу и Крыму; выписки и конспекты по кабардинскому языку из рукописей первого кабардинского просветителя, филолога, историка, поэта Шоры Бек-Мурзина Ногмы (Ногмова, 1801–1844), «...с рядом дополнений и поправок, сделанных Шёгренем»¹².

К сожалению, в описании материалов первой группы Г.Ф. Турчанинов не назвал и другие рукописи, представляющие значительный интерес для исследователя: «Список русских слов с переводом на черкесский язык» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 114, 115), «Список слов русско-осетинско-адыгских» (Ед. хр. 164) и «Словарь русско-осетинский-кабардинский-абазинский» (Ед. хр. 257). Они существенно дополняют представление о масштабах занятий академика Шёгрена адыгскими языками.

Изучение кабардино-черкесских материалов архива А.М. Шёгрена — научного наследия Ш.Б. Ногмова — на много лет определило круг занятий не только самого Г.Ф. Турчанинова, но и целого ряда адыгских историков, этнографов, литературоведов и лингвистов, достигших впечатляющих результатов, но это тема другого специального исследования. Вся же *совокупность* не только опубликованных, но и — прежде всего — рукописных работ А.М. Шёгрена, посвященных адыгским народам, все еще ждет своего исследователя.

Иначе сложилась судьба «осетинского наследия» А.М. Шёгрена. Прежде всего потому, что важнейшие свои труды — «Осетинскую грамматику» и исследование осетинской фонетики, как уже было сказано, ученый опубликовал при жизни. В XX в. они были высоко оценены такими крупнейшими иранистами-кавказоведами, как В.И. Абаев (1900–2001)¹³ и М.И. Исаев (род. 1928)¹⁴, и рядом других специалистов. Но значительная часть осетиноведческих материалов Шёгрена, хранящихся в СПб. Ф АРАН, также ждет всестороннего исследования.

События последних десятилетий подстегнули интерес к Кавказу, в частности в этнографическом и лингвистическом плане. С 1981 г. систематически публикуются работы, посвященные Шёгрено-осетиноведу. Первой была монография историка Г.И. Цибирова «Осетия в русской науке (XVIII в. — первая половина XIX в.)»¹⁵. В ней на основе ряда публикаций об ученом и рукописных материалов из его личного архива в СПб.Ф АРАН были охарактеризованы жизненный путь А.М. Шёгрена, его экспедиция на Кавказ (о работе ученого в Крыму, как мы увидим дальше, предусмотренной программой этой экспедиции, автор даже не упоминает, как, впрочем, и другие исследователи кавказоведческого наследия ученого), его «Осетинская грамматика...» и статья «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях».

Об этой статье следует сказать особо. В 1843 г. она была напечатана в столичном журнале «Маяк» без имени автора; в примечании на стр. 13 было указано: «Сообщено г. академиком А.М. Шёгреном»¹⁶.

В 1846 г. статью перепечатали в тифлисской газете «Кавказ» уже как написанную академиком¹⁷, в дальнейшем даже такие авторитетные знатоки и исследователи Кавказа, как академики А.А. Шифнер¹⁸ и В.Ф. Миллер¹⁹, не высказывали сомнений по поводу авторства А.М. Шёгрена. Понятно, что Г.И. Цибиров, как и другие исследователи, обратившиеся к осетиноведческому наследию этого ученого в XX в., полагался на их мнение.

Одновременно с книгой Г.И. Цибирова в 1981 г. был издан сборник материалов «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах»²⁰, составленный крупным этнографом-осетиноведом, доктором исторических наук профессором Л.А. Чибировым (род. 1932). В него вошли материалы по истории и этнографии осетин, опубликованные на страницах четырех тифлисских газет: «Тифлиссские ведомости», «Тифлисский вестник», «Закавказский вестник» и «Кавказ». Среди их авторов составителем назван и «...автор первой научной грамматики осетинского языка, известный ученый-филолог, академик А.М. Шёгрэн, опубликовавший на страницах “Кавказа” свое замечательное исследование “Религиозные верования осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях”»²¹. Как мы увидим дальше, вопрос об авторстве этой статьи все еще остается предметом дискуссий исследователей осетиноведческих трудов А.М. Шёгрена.

В 1983 г. в журнале «Литературная Грузия» были напечатаны письма к А.М. Шёгрёну П.И. Иоселиани (1809–1875)²² — известного грузинского общественного деятеля, редактора, издателя, исследователя грузинского языка, литературы, истории, одного из самых активных помощников и корреспондентов ученого (как и современника и коллеги Шёгрена академика М.И. Броссе, автора многочисленных исследований литературы, истории, археологии, географии Грузии и Армении). Эти письма будут охарактеризованы вместе с письмами других кавказских помощников А.М. Шёгрена в изучении им языков народов Кавказа.

Серьезным стимулом к пробуждению новой волны интереса к наследию А.М. Шёгрена стало празднование 200-летия со дня его рождения.

5–7 октября 1993 г. в Санкт-Петербурге состоялись Ежегодные российско-финляндские гуманитарные чтения, посвященные этой дате²³. В их работе приняли участие ученые из России, Финляндии, Эстонии, Латвии.

Значительное место было отведено докладам, в которых А.М. Шёгрэн охарактеризован как исследователь ряда народов прибалтийско-финской группы, языки которых близкородственны финскому:

вепсов²⁴, карел²⁵, финноязычного населения Петербургской губернии²⁶, ливов²⁷, а также саамов²⁸ и коми²⁹ — их языки дальше отстоят от финского. Разбирались также проблемы историографии финно-угров³⁰, их истории³¹, контактов³².

Ряд докладов был посвящен отдельным этапам и проблемам научной деятельности А.М. Шёгрена³³. Особый интерес представляет освещение судьбы архива и библиотеки ученого³⁴. В контексте данного исследования справедливо особо выделить доклады крупнейшего этнолога-кавказоведа XX в. Б.А. Калоева (1916–2006), талантливого осетинского этнолога профессора В.С. Уарзиати, безвременно ушедшего из жизни в самом расцвете своего дарования (1952–1995), а также доктора филологических наук профессора Т.Т. Камболова, в которых охарактеризованы осетиноведческие труды А.М. Шёгрена³⁵.

200-летию со дня рождения А.М. Шёгрена была посвящена и международная конференция, состоявшаяся в 1994 г. во Владикавказе. В отличие от петербургской конференции 1993 г., где был представлен *весь комплекс* научных вопросов, исследованием которых занимался академик Шёгрэн, здесь рассматривались преимущественно проблемы осетиноведения, как было обозначено в самом ее названии³⁶: затронуты важнейшие аспекты исследований в области осетинской археологии, истории, языка, фольклора, этнографии, этнопсихологии, проанализирован вклад помощников академика в изучение осетин, а не только выдающаяся роль самого А.М. Шёгрена, и т.д.³⁷ Необходимо особо выделить доклад В.С. Уарзиати «Этнокультурная значимость осетиноведческих трудов А.И. Шёгрена»³⁸. Его основные положения получили аргументированное развитие в других публикациях этого талантливого ученого³⁹, в которых характеристика осетиноведческого наследия А.М. Шёгрена дается с учетом не только изданных его трудов, но и рукописных материалов, хранящихся в его фонде № 94 в СПб.Ф АРАН. И сегодня работы В.С. Уарзиати — исчерпывающее исследование самой значительной — осетиноведческой части кавказоведческого наследия академика А.М. Шёгрена.

В докладе Т.Т. Камболова «О библиографии А.М. Шёгрена»⁴⁰ было предложено внести туда серьезные уточнения: во-первых, включить в нее важнейшие рукописные работы ученого из его архива в СПб.Ф АРАН и, во-вторых, исключить статью «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях», как ему не принадлежащую.

Поскольку А.М. Шёгрэн при жизни опубликовал все свои завершённые труды, посвященные осетинскому языку, а в его архиве хранятся лишь их черновики и собранные им различные материалы об

осетинах, так и оставшиеся необработанными, то их вряд ли целесообразно включать в библиографию его трудов.

Обсуждение проблемы, исключать ли статью «Религиозные обряды осетин...» из перечня трудов А.М. Шёгрена, Т.Т. Камболов продолжил в «Предисловии составителя» к изданной им в 1998 г. книге «А.М. Шёгрэн. Осетинские исследования». Мы вернемся к ней, когда речь пойдет об этом издании.

Следует подчеркнуть, что Т.Т. Камболов начал исследование осетиноведческого наследия А.М. Шёгрена задолго до 200-летнего юбилея ученого и опубликовал ряд его материалов, ранее не печатавшихся. Как и историк Г.И. Цибиров⁴¹, он не только считал, что хранящаяся в архиве А.М. Шёгрена в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН рукопись «Описание дугорского народа»⁴² принадлежит А.М. Шёгрэну, но и издал ее под именем ученого⁴³. Однако такой серьезный знаток работ Шёгрена, как Т.Т. Камболов, не мог не сравнить почерк, которым написана эта работа, с другими материалами в архиве исследователя и не увидеть, что это не рука Шёгрена и не рука переписчика, обычно чистившего подготовленные к печати труды. Еще более важно отметить, что язык этой рукописи радикально отличается от языка работ Шёгрена. Скорее всего это — одно из описаний разных народов Кавказа, полученных ученым от его многочисленных добровольных помощников, вероятно откуда-то переписанное. В пользу этой версии свидетельствует помета, сделанная рукою Шёгрена, на титульном листе этой рукописи. Все это внушает сомнения в правомерности включения «Описания дугорского народа» в число работ А.М. Шёгрена.

В 1994 г. Т.Т. Камболов напечатал в журнале «Дарьял» письмо А.М. Шёгрена академику Ф.И. Кругу, посланное из Моздока 20 октября 1837 г., в собственном переводе с французского. В емком предисловии к публикации охарактеризованы жизненный путь ученого и его работы, посвященные осетинам⁴⁴.

Известно, что кавказские «письма» А.М. Шёгрена (т. е. его отчеты о ходе кавказской экспедиции, написанные на немецком языке; подробнее о них ниже) были опубликованы на немецком, а затем изданы известным французским востоковедом В. де Сен-Мартеном в переводе на французский язык. Понятно, что целесообразно было подготовить русский перевод этих писем с немецкого оригинала и без всяких изъятий. Т.Т. Камболов выбрал из этого письма только то, что касается занятий Шёгрена осетинами, хотя в нем, как увидит читатель дальше, содержатся интереснейшие сведения и о других народах Кавказа.

Итог изучения осетиноведческого наследия А.М. Шёгрена Т.Т. Камболовым подвела изданная им в 1998 г. книга «А.М. Шёгрэн. Осетинские исследования»⁴⁵. В «Предисловии» кратко охарактеризованы жизненный путь ученого, его экспедиция на Кавказ, «Осетинская грамматика» и статья «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях». Т.Т. Камболов еще раз привел аргументы, уже высказанные им на владикавказской конференции 1994 г. в доказательство того, что Шёгрэн не был ее автором, хотя и включил ее в свое издание.

Книга Т.Т. Камболова состоит из двух разделов: «Осетинские исследования А.М. Шёгрена» и «Приложения». Первый раздел составили: кавказские письма академика, статьи «Описание дигорского народа» и «Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях», предисловие Шёгрена к русскому варианту его «Осетинской грамматики», рецензия на перевод Гр. Мжедлова «Краткой священной истории» и «Краткого катехизиса» и статья «Осетинские имена».

Особый интерес представляет публикация писем Шёгрена, адресованных президенту Императорской академии наук графу С.С. Уварову, академикам Ф.И. Кругу и Х.Д. Френу. Это первое издание в русском переводе всей совокупности писем, воссоздающих (хотя бы в общих чертах) работу ученого по изучению Кавказа. Как и ранее опубликованное Т.Т. Камболовым письмо академику Ф.И. Кругу, все они переведены на русский язык с французского перевода; кроме того, в них сделаны значительные купюры: оставлено только то, что имеет отношение к изучению ученым Осетии и осетинского языка.

Во втором разделе, «Приложения», воспроизводятся материалы из редких и теперь малодоступных изданий первой половины XIX в.: статья об ученом, напечатанная в 1847 г. в XII томе «Справочного энциклопедического словаря» К. Крайя, в значительной мере написанная самим Шёгренем (рукопись ее хранится в СПб.Ф АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 35), статья «О цели путешествия академика Шёгрена на Кавказ» и некролог из «Журнала Министерства народного просвещения», а также некролог, опубликованный в 1855 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Заключает раздел исследование «Осетиноведческие штудии академика А.И. Шёгрена» В.С. Уарзиати, память которого посвящена книга Т.Т. Камболова.

В 2002 г. в журнале «Дарьял» в переводе со шведского Т. Хетагурова напечатала отрывки из дневника А.М. Шёгрена, который он вел во время своего путешествия по Кавказу⁴⁶. Это записи за период с

2 апреля по 26 мая 1836 г., запечатлевшие лишь небольшую часть его кавказской экспедиции. К сожалению, Т. Хетагурова не указала, с какого именно источника сделан перевод, где он хранится.

14–17 июня 2006 г. в г. Коувола в Финляндии состоялась вторая конференция, посвященная памяти А.М. Шёгрена: «Исследование и идентичность: нерусские народы в Российской империи. 1800–1855»⁴⁷. В ее работе приняли участие ученые из Финляндии, Англии, Австрии, Германии, Швейцарии, Венгрии, США, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии. Российскую Федерацию представляли ученые из Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Саратова, а также из Карелии, Марий Эл, Татарстана, Удмуртии, Северной Осетии.

В докладах шла речь о роли Академии наук в формировании национальной политики в начале XIX в. в условиях полиэтнического и поликонфессионального государства, о вкладе в изучение народов страны самой Академии и ее бессменного президента и министра народного просвещения графа С.С. Уварова (1786–1855), а также об истории высшего научного учреждения России⁴⁸ и различных аспектах деятельности С.С. Уварова⁴⁹.

В соответствии с проблематикой конференции одно из центральных мест в ее программе заняли доклады, характеризующие положение и судьбы малочисленных народов в Российской империи. Среди таких целесообразно выделить доклады финских ученых, на конкретном материале положительно характеризующие роль России в формировании национального самосознания финнов и в судьбе ряда выдающихся деятелей Финляндии, для которых Россия стала страной «хороших возможностей»⁵⁰.

В программе конференции достойное место заняли доклады, в которых было охарактеризовано финно-угроведческое наследие А.М. Шёгрена⁵¹. В меньшей степени с кавказоведческими исследованиями ученого соотносятся доклады, посвященные народам Северного Кавказа и Закавказья⁵²; только один из них — Р.С. Бзарова, доктора исторических наук, профессора кафедры российской истории и кавказоведения Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ), — представил осетиноведческие труды А.М. Шёгрена в контексте исторического развития Осетии в первой половине XIX в.⁵³

Итак, на протяжении более полутора веков, прошедших после кончины А.М. Шёгрена, и в Финляндии, и в Советском Союзе, и теперь в России кавказоведческое наследие ученого характеризовалось главным образом по его опубликованным исследованиям, посвященным осетинскому языку, получившим европейское признание и став-

шим мощным стимулом для изучения языков и других народов Кавказа, и не только Кавказа.

С одной стороны, это совершенно справедливо. Но с другой стороны, неполнота учета того, что сделал А.М. Шёгрэн для изучения других языков народов Кавказа, и его огромной, выражаясь современным языком, «научно-организационной» работы, способствовавшей пробуждению интереса у представителей такой малочисленной в первой половине XIX в. кавказской интеллигенции к собственной истории, языку, традиционной культуре и заботливому воспитанию этой интеллигенции, не позволяет составить полное и точное представление о реальном вкладе ученого в возникновение и становление российского академического кавказоведения.

А сделать это никак невозможно без тщательного изучения рукописного кавказоведческого наследия А.М. Шёгрена, как, впрочем, и многих других представителей русской академической науки⁵⁴.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ И РУКОПИСНЫЕ ТРУДЫ УЧЕНОГО ПО КАВКАЗУ В ФИНЯНДИИ И В РОССИИ

В настоящее время рукописи А.М. Шёгрена хранятся в трех российских архивах в Петербурге и в двух финских архивах в Хельсинки. Российские исследователи кавказоведческого наследия ученого до сих пор в архивах Финляндии не работали. Из петербургских архивов они отдавали предпочтение изучению фонда А.М. Шёгрена (Ф. 94) в СПб.Ф АРАН⁵⁵, что, впрочем, вполне справедливо: именно здесь находится основная часть важнейших рукописных материалов академика по Кавказу.

Достаточно полно их охарактеризовала еще в 1940 г. В.Ф. Гнучева: «Хранящийся в Архиве АН архивный фонд А.М. Шёгрена содержит большое количество относящихся к его кавказским исследованиям материалов, распадающихся на следующие группы: 1. Дневники 1835–1837 гг., на немецком и частью на шведском языках, 6 тетрадок, общим объемом около 150 стр. (ф. 94, оп. 1, №№ 256–261). 2. Различные заметки по Кавказу, озаглавленные “Caucasia” (ф. 94, оп. 1, №№ 18–19). 3. Деловая переписка относительно отъезда А.М. Шёгрена на Кавказ и его донесения оттуда (ф. 2, 1835, № 5, на 24 л.). Среди остальных материалов архивного фонда А.М. Шёгрена имеется значительное количество заметок по отдельным наречиям Кавказа»⁵⁶.

К сожалению, В.Ф. Гнучева, так внимательно изучившая фонд А.М. Шёгрена в петербургском архиве, не упомянула ни сохранив-

шиеся здесь рукописи научных и переводческих опытов первых просвещенных кавказцев, работой которых внимательно руководил ученый, ни его собственные конспекты опубликованных источников по Кавказу, ни снятые им копии материалов о разных народах Кавказа, которые ему удалось получить от представителей военного командования, находившегося в Тифлисе.

Последнюю группу материалов А.М. Шёгрена в СПб.Ф АРАН внимательно изучил и охарактеризовал исследователь истории первобытного общества, истории и этнографии народов Кавказа, доктор исторических наук профессор М.О. Косвен (1885–1967), автор фундаментального библиографического труда, посвященного истории этнографического изучения Кавказа в русской науке⁵⁷.

Но в Петербургском филиале академического архива хранится только часть — пусть и самая значительная — большого массива рукописных материалов кавказоведческого наследия А.М. Шёгрена. Другие его части, как уже говорилось, находятся в двух других архивах в Петербурге и в двух архивах в Хельсинки. Попытаюсь воссоздать историю формирования архивов ученого в Петербурге.

Поскольку А.М. Шёгрэн был сотрудником Академии наук в Петербурге, после его кончины все рукописные материалы ученого поступили в I Отделение академической библиотеки.

В 1857 г. известный ориенталист, историк мусульманского Востока П.И. Лерх (1827–1884), имевший богатейший опыт работы библиографа (в течение жизни он занимал должности протоколиста в Академии наук, помощника библиотекаря, затем библиотекаря в Санкт-Петербургском университете, библиотекаря в Императорском Русском археологическом обществе⁵⁸) «под наблюдением академика А.А. Куника»⁵⁹ — составителя первой и до сих пор единственной аннотированной библиографии прижизненных изданий трудов А.М. Шёгрена, во многом облегчившей разбор его рукописных материалов, — подготовил их опись «*Katalog zu Sjögrens handschriftlichen Nachlass*» на 104 страницах.

Рукописи А.М. Шёгрена, систематизированные и описанные П.И. Лерхом, хранились в I Отделении Библиотеки Академии наук более 40 лет и практически были недоступны для исследователей. Позже востоковед академик В.В. Бартольд (1869–1930) с горечью отмечал, что это происходило в известной степени по вине иранист-востоковеда академика К.Г. Залемана (1849–1916), прекрасно знавшего цену рукописным материалам А.М. Шёгрена⁶⁰. Только в мае 1890 г. Историко-филологическое отделение Академии наук поручило библиотекарю приват-доценту Академии Эдуарду Александрови-

чу Вольтеру (1856–1941) «заняться под наблюдением и руководством г.г. академиков А.А. Штрауха (зоолог, 1832–1893) и К.Г. Залемана разборкою рукописей А.М. Шёгрена»⁶¹.

За короткий срок Э.А. Вольтер отобрал из большой массы некаталогизированных рукописей XVIII–XIX вв., среди которых находились материалы Шёгрена, все работы ученого, включенные в каталог П.И. Лерха, и разместил их в том же порядке. Но, в отличие от предшественника, Э.А. Вольтер особо выделил кавказские материалы: два тома рукописей «Caucasia» и рукопись на шведском языке «Utdrag ur A. Sjögrens dagbok frön Sept. 1835 till Jan. 1838» («Выдержки из дневника А. Шёгрена с сентября 1835 по январь 1838 г.»), т. е. описание экспедиции ученого на Кавказ и в Крым и «Извлечения из работы Ш.Б. Ногма “Предания черкесского народа”», также на шведском языке.

Уже через год, в 1891 г., академик К.Г. Залеман «...представляет Академии краткий отчет г. Вольтера о бумагах Шёгрена и испрашивает разрешения на передачу из библиотеки в Азиатский музей 16 рукописей Шёгрена на языках турецком, грузинском и осетинском, и на передачу в I Отделение библиотеки восьми его русских рукописей»⁶².

В том же году в другой статье К.Г. Залеман сообщает, что 16 шёгреновских томов «Orientalia» переданы из II зарубежного отдела Азиатского музея в его библиотеку, и приводит их перечень⁶³.

В 1892 г. работа по разбору рукописного наследия А.М. Шёгрена была завершена: «Приведен в окончание порученный приват-доценту Э.А. Вольтеру разбор бумаг покойного академика Шёгрена, — сообщил К.Г. Залеман, — и затем ценное это наследие распределено между различными учреждениями, входящими в состав Академии, а именно: 1) в Азиатский музей переданы рукописи на языках турецком, грузинском и осетинском (Отдел с, d). 2) В 1-ое Отделение библиотеки поступили восемь русских рукописей, без всяких отметок Шёгрена, а представленный г. Вольтером общий обзор бумаг Шёгрена напечатан в “Записках” Академии»⁶⁴.

Некоторые рукописные материалы А.М. Шёгрена, в частности его «Донесение» о посмертных бумагах первого кабардинского ученого Ш.Б. Ногмова, помогавшего академику изучать кабардинский язык, хранятся также в Петербурге, в третьем архиве — ЦГИА⁶⁵, куда они поступили из Кавказского комитета.

Итак, рукописное наследие А.М. Шёгрена в Петербурге разделено на три неравные части. Самая значительная, после кончины ученого переданная в I Отделение Библиотеки Академии наук, в 1931 г. была

переведена в Архив АН (Петербургский филиал)⁶⁶, где она находится и сегодня (Ф. 94); «восточная» часть, поступившая в Азиатский музей, входит в грузинский фонд сектора восточных рукописей и документов; самая небольшая (по объему, а не по значению) — в Центральном государственном историческом архиве.

Судьба и содержание архивов Шёгрена в разных российских хранилищах характеризуются здесь столь подробно совсем не случайно: без учета этих материалов невозможно представить реальные масштабы того, что сделал А.М. Шёгрэн для изучения народов Кавказа, как он готовился к своей экспедиции на Кавказ и в Крым, как определял ее маршрут, какую литературу об этом крае изучал, какие источники о народах Кавказа (немногочисленные в начале XIX в. издания и рукописные материалы) пытался разыскать во время своей экспедиции, и наконец самое главное, как изучал языки, историю, быт и нравы этих народов и кто помогал ему в этом непростом занятии.

Исследование кавказских материалов в петербургских архивах А.М. Шёгрена позволяет говорить о том, что ученым были собраны и изучены практически все имевшиеся в первой половине XIX столетия и в России, и в Европе публикации, посвященные Кавказу, а кроме того, и сведения об этом крае, собранные в начале XIX в. служившими здесь чиновниками русской администрации и военными разного звания (от подпоручика до генерала!) и хранившиеся в архиве русского военного командования, базировавшегося в Тифлисе. Но Шёгрэн не успел (или не смог по причине занятости проблемами финно-угроведения) реализовать полностью следующую — исследовательскую часть работы. В силу этих обстоятельств его архив занимает особое место среди архивов его коллег-академиков первой половины XIX в.: историков Ф.И. Круга (1764–1844) и Ф.П. Аделунга (1768–1843), востоковедов Х.Д. Френа (1782–1851) и Б.А. Дорна (1805–1881), историка и филолога А.А. Куника (1814–1899), филолога-слависта А.Х. Востокова (1781–1864), исследователя языка, истории и литературы Грузии и Армении М.И. Броссе (1802–1880). Их архивы составили главным образом различные варианты рукописей их опубликованных работ и письма коллег, иногда черновики ответов на эти письма.

В отличие от своих коллег, А.М. Шёгрэн тщательно хранил, наряду с рукописями собственных трудов, и источники, использованные при их подготовке, и даже те материалы, которые успел изучить. Он не только приобретал необходимые для работы рукописи и книги, но и тщательно копировал материалы, которые ему невозможно было

купить (единственный экземпляр необходимых ему книг хранился, как правило, в библиотеке Эрмитажа, в Румянцевском музее либо у частных лиц). В архиве А.М. Шёгрена нередко оставались и рукописи, присланные ему для рецензирования; в случае, когда их необходимо было вернуть автору, он либо копировал их, либо конспектировал. Благодаря этому правилу ученого (требовавшему и огромного усердия, и времени) до наших дней дошли редчайшие материалы из наследия первых просвещенных горцев из осетин, адыгов, ингушей; о сохраненных ученым материалах Ш.Б. Ногмова говорилось выше.

По просьбе Шёгрена его обретенные на Кавказе друзья собирали и присылали ему материалы по родному языку, истории, фольклору — многие из них находятся в его архиве. Наконец, сам Шёгрэн записывал данные по языкам разных народов Кавказа: осетин, адыгов, ингушей, чеченцев, удин, армян, грузин, крымских татар, ногайцев; эти записи занимают значительное место.

Микрофильмы всех материалов, хранящихся в личном фонде А.М. Шёгрена в СПб.Ф АРАН, переданы и в Отдел рукописей Национальной библиотеки Финляндии⁶⁷.

В Институт восточных рукописей Российской академии наук (бывший Азиатский музей) попали только книги и рукописи, полученные ученым в дар от его обретенных в Грузии друзей и помощников либо поступившие к нему на рецензию. Во время работы в январе 2009 г. в Грузинском фонде восточных рукописей и документов благодаря помощи сотрудников этого фонда мне удалось выявить по инвентарной книге № 1 Грузинского фонда (его опись пока не составлена) следующие рукописи из архива Шёгрена⁶⁸, которые были просмотрены *de visu*:

1. Антоний I. Грузинская грамматика. II. 1788 г. Груз. яз. Мхедрули. Бумага. Переплет деревянный, обтянутый кожей с тиснением, 3 заставки. 126 л. На обороте страницы, следующей за оглавлением, надпись: «Андрею Михайловичу Г. Шёгрёну Академии наук Экстра-Ординарному Профессору, при отъезде его в С.-Петербург в знак памяти и желанья успехов в предпринятом его намерении дарит сию книгу Тифлиской Духовной Семинарии по Философии и Физике учитель Богословия Кандидат Платон Иоселиан. Июня 16-го дня 1837 года. Г. Тифлис» (Шифр М. 44).

2. Лексикон русско-греко-латинский в пользу мудролюбивому учащимся вразумлению. В кожаном переплете с 2 заставками. 189 с.

Это рукописный русско-грузинский словарь. Видимо, список русских слов, сгруппированных по темам (человек, части его тела и т. д.), списан с какого-то словаря, но грузинские соответствия приведены да-

леко не всегда. Видимо, это первая часть словаря — буквы от А до П (Шифр Е. 42).

3. [Иоане Багратиони. Грузинская грамматика царевича Иоанна]. Без обложки. Начата в Петербурге 6 сентября 1829 г., закончена 19 сентября 1829 г. Бумага. Переплет картонный с кожаным корешком. 227 с.

На развороте второго форзаца — дарственная надпись по-грузински (Шифр Е. 44).

4. [Словарь русско-осетинский] (грузинская графика). Буквы от А до Ө.

Внизу с. 1–11 рукою переписчика начертано: «Императорской Академии наук Экстраординарному Профессору Андрею Михайловичу Г. Шёгрёну — в дар от Грузинского дворянина Платона Иоселиана. 1838 года, мая 12 дня, Тифлис».

5. [Прения весны с осенью. Теймураза. II]. 9 листов с оборотом, переписанных А.М. Шёгреном по-грузински. Мхедрули (Шифр С. 41).

6. Катехизис на осетинском языке. Переписано А.М. Шёгреном с печатного издания 1798 г. На обороте обложки рукописи приклеен текст, напечатанный типографским шрифтом: «20 (№ 56 — 35×22 см. 6 fol. 2 Col. var. lin.) R osset. Afskrift af: "Начальное учение человекомъ, хотящимъ учити Книгъ Божественнаго Писания. печат. в Московской Синодальной Типографии ДѢ44 (1798) года, мѣца мая". (På Slavonska och Ossetinska) 12. — Catéchisme en lanque osse en caractères et avec traduction russe donné par M. Sjögren. — C'est une copie, faite par M. Sjögren lui-même. Quelques extraits de ce catéchisme, publié par l'archimandrite Cajus ont été imprimés par Mr. Klaproth (Kaukas. Sprachen p. 189 = Voyage du Caucase II, 461), cp. Sjögrén, Osset. Sprachlehre p. VII) en transcription latine assez fautive. L'original est extrêmement rare, il s'en trouve un exemplaire au Musée Asiatique: sans titre, Ks fol 16 (16×10 см)» (Шифр Н. 75).

Пока в Институте восточных рукописей не удалось найти упомянутый К.Г. Залеманом переписанный в 1846 г. А.М. Шёгреном «Словарь русско-черкесский или адигской, с краткою грамматикою сего последнего языка. Составленный Коллежским Ассессором Люлье» (он не обозначен и в инвентарной книге) и «Святое Четверо-Евангелие с грузинского на осетинский язык переведенное осетинским дворянином Иваном Ялгудзевым», хотя в инвентарной книге № 1 (Арх 20. Инвентарь грузинских рукописей, шифр С. 82) оно обозначено: «Четвероевангелие на осетинском языке». Разм. 33×23.

Как уже говорилось, в Финляндии рукописные материалы А.М. Шёгрена находятся в двух архивохранилищах в г. Хельсинки:

в Отделе рукописей Национальной библиотеки Финляндии (Kansalliskirjasto-Käsikirjoituskokoelmat, далее — ОР НБФ) и в Литературном архиве Финского литературного общества (Suomalaisen Kirjallisuuden seuran Kirjallisuusarkisto, далее — Литературный архив Финского литературного общества). В первом коллекция Шёгрена значится под № 209.1–209.40. Для нас особый интерес представляют биографические материалы ученого (Coll. 209.21), документы, адресованные ему из Академии наук (чаще всего постановления Конференции), поручения отрецензировать очередной труд, поступивший от первых исследователей финноугорских или кавказских языков (Coll. 209.23). Здесь хранятся многочисленные письма коллег к ученому (Coll. 209.1–209.20), среди которых для нас особенно важны «Русские письма к Шёгрелю» (Coll. 209.19, 209.20), посланные академику из самых разных мест, где проходили его экспедиции по северу и югу России.

Настоящим потрясением стало знакомство с подлинными письмами Шёгрелю от Экзарха Грузии Евгения, щедро помогавшего ему в получении различных материалов о Кавказе, от П. Жукаева, П. Иоселиани, Х. Ксенофонтова, Л. Люлье, А. Маевского, Г. Мжедлова, Ш.Б. Ногмы, С.П. Гукасова — подробнее о каждом из них будет сказано дальше, при описании кавказского путешествия А.М. Шёгрена. Почти все они были помощниками академика в изучении языков народов Кавказа, старались по его просьбе приобретать старинные монеты (для Академии, прежде всего для пополнения коллекций академиков Ф.И. Круга и Х.Д. Френа), старинные рукописи, первые издания книг о разных народах Кавказа, их истории и языках. Научное сотрудничество и настоящую дружбу со своими адресатами, как мы увидим дальше, А.М. Шёгрелю сохранил до конца дней; и, хотя к каждому из них он относился сердечно и был признателен за оказанную ему помощь, в оценке их трудов всегда был принципиален и строг.

В Литературном архиве Финского литературного общества хранится рукописный дневник А.М. Шёгрена (10502–10519. *Ephemeris. Päiväkirja v.v. 1806–1855. Sid. I–XVIII*), который ученый вел всю жизнь начиная с 1806 г.; он писал его по-шведски мелким, поистине бисерным почерком, с редкими вставками на немецком, русском языках и на латыни.

Судьба этого документа, важного для оценки жизненного пути ученого и особенно его кавказоведческих штудий, так же сложна, как и судьба всех его рукописных материалов, поэтому целесообразно рассказать о ней подробно. После кончины А.М. Шёгрена среди прочих материалов в I Отделение академической библиотеки был сдан и

дневник, который ученый вел во время своей экспедиции на Кавказ и в Крым — его оригиналы и сегодня хранятся в СПб.Ф АРАН (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 256–261). Это шесть тетрадей: первая — с 19 июля 1835 г. по 31 декабря 1835 г. (Ед. хр. 256), вторая — с 1 июня по 4 августа 1836 г. (Ед. хр. 257), третья — с 5 августа по 3 декабря 1836 г. (Ед. хр. 258), четвертая — с 1 января по 20 марта 1837 г. (Ед. хр. 259), пятая — с 21 марта по 24 сентября 1837 г. (Ед. хр. 260), шестая — с 25 сентября по 14 декабря 1837 г. (Ед. хр. 261). Здесь же находится еще одна тетрадь — «Выборки из дневника Шёгрена с 1835.IX. по 1838.I.» — перебеленная переписчиком рукопись на шведском, по-видимому подготовленная ученым к печати, но, как уже говорилось, так и оставшаяся неизданной (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 274).

Дневники за все другие годы оставались в семье А.М. Шёгрена вплоть до 1 ноября 1897 г., когда его дочь Матильда обратилась в Императорский Александровский университет в Хельсинки с письмом, копия перевода которого с финского языка на русский сохранилась в архиве А.М. Шёгрена в СПб.Ф АРАН (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 280):

«В библиотеку Императорского Александровского Университета я сим передаю дарообразно дневники покойного отца моего, академика А.И. Шёгрена за 1807–1822 и 1826–1855 года. Сверх того библиотеке предоставляется право на получение также недостающих записок за 1823–1825 года, если они найдутся, а также подлинных дневников за время от октября 1835 до января 1838 года (Путешествие на Кавказ), которые в настоящее время выданы взаимообразно академику Кунику, но копия с которых входит в переданную теперь коллекцию. Гельсингфорс. 17 ноября 1897 г.

Подлинный подписала Матильда Шёгрэн».

На основании этого дарственного письма ректор Александровского университета профессор правоведения Яакко Форсман (1839–1899) обратился 15 февраля 1899 г. в Академию наук с соответствующим письмом, которое сохранилось в том же архиве А.М. Шёгрена (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 280):

«Ректор Императорского
Александровского Университета
Гельсингфорс 15 дня февраля 1899 г.
В Императорскую
Академию наук

Дочь покойного академика Андрея Иогана Шёгрена девица Матильда Шёгрэн дарственным письмом от 1 ноября 1897 года передала дневники своего покойного отца в собственность Библиотеки Императорского Александровского Университета. В момент передачи

дневники за время от октября 1835 года до января 1838 года находились в заимах у члена Императорской Академии наук Куника, у которого они с тех пор и остались. Но так как означенный академик недавно умер, я сим осмеливаюсь обратиться в Академию с почтительнейшею просьбою не отказать в посредничестве Академии для получения означенных рукописей от наследников академика Куника».

Известно, что нахождение материалов из архива одного академика у другого, действующего, у которого они нередко и оставались, было обычным делом в Академии наук⁶⁹. Подтверждение тому — лингвистические материалы по Кавказу, собранные академиком П.С. Палласом (1741–1811), который в 1810 г. подарил их академику Ф.П. Аделунгу (1768–1843) — директору Института восточных языков при Министерстве иностранных дел, автору ряда работ по русской археологии и обзоров сказаний иностранцев о Древней Руси. После смерти Ф.П. Аделунга эти материалы перешли к А.М. Шёгрену⁷⁰.

Вполне логично, что часть рукописных материалов А.М. Шёгрена оказалась у академика А.А. Куника, издавшего, как уже говорилось, сразу после кончины старшего коллеги аннотированную библиографию его прижизненных публикаций, а в 1890-е годы руководившего описанием его рукописных материалов.

После обращения в Академию наук ректора Александровского университета кавказский дневник А.М. Шёгрена был возвращен наследниками А.А. Куника и включен в его петербургскую коллекцию. Снятые с него копии были переданы в Хельсинки, в библиотеку Александровского университета (ныне — Университет Хельсинки); таким образом, дневник А.М. Шёгрена был полностью укомплектован. Примечательна дальнейшая его судьба — еще одно свидетельство удивительно бережного отношения Финляндии к своему научному наследию.

Все, кому приходилось работать в архивах А.М. Шёгрена, всегда говорят о трудности работы с его рукописями, написанными мельчайшим почерком. В первую очередь это относится к его дневнику, в том числе кавказскому, который ему приходилось вести в весьма непростых условиях — нередко при тусклом свете свечи, да еще и держа тетрадь на коленях.

В 1955 г. по решению Финского литературного общества финскими учеными была проведена необыкновенно трудоемкая работа по текстологическому анализу — практически расшифровке — дневниковых записей ученого и подготовке их к перепечатыванию на машинке. В течение 10 лет эту непростую работу тщательно выполнила г-жа Илта Суолахти. Перепечатанный ею материал был сброшюро-

ван в 18 томов в картонном переплете⁷¹. Было подготовлено 5 экземпляров «Дневника» А.М. Шёгрена. Один из них передан в Литературный архив Финского литературного общества, второй — в Отдел рукописей Национальной библиотеки Финляндии, третий — в Ленинградский филиал Архива АН СССР, четвертый — в библиотеку Университета Турку, пятый — в Педагогический институт г. Ювяскюля. Таким образом, «Дневник» А.М. Шёгрена доступен исследователям как в России, так и в Финляндии, однако до сих пор он не был опубликован ни на языке оригинала, ни в переводе.

Для нас особый интерес представляет 16-й том, охватывающий период 1835–1841 гг., а в нем — с. 1–201, включающие записи А.М. Шёгрена с сентября 1835 г. по 9 января 1838 г., т. е. все время его экспедиции на Кавказ и в Крым.

Сравнение белой рукописи «Отрывки из дневника А.И. Шёгрена с сентября 1835 г. до января 1838 г.» на шведском языке, хранящейся в СПб.Ф АРАН, с текстом в 16-м томе «Дневника», что находится в Архиве Финского литературного общества, позволяет утверждать, что ученый не допустил редактуры, дописывания или каких-либо уточнений в тексте «Дневника».

Кроме «Дневника», в Архиве Финского литературного общества хранятся автобиография А.М. Шёгрена, воспоминания его современников и часть его переписки⁷².

* * *

Важнейшие материалы о занятиях Шёгрена изучением народов Кавказа — прежде всего его кавказский дневник, переписка с первыми образованными горцами, собранные им редчайшие материалы об истории и языках народов Кавказа и др., хранящиеся в личных архивах ученого, — должны стать основными источниками для анализа этой части его научного наследия. Но прежде чем переходить к характеристике занятий А.М. Шёгрена исследованием народов Кавказа: армян, грузин, осетин, адыгов, татар, ногайцев, удин, народов Дагестана, чеченцев и ингушей, необходимо хотя бы кратко рассказать об обстоятельствах его жизни, сформировавших из сына бедного финского сапожника и земледельца известного в Европе ученого, ординарного академика Петербургской академии наук, статского советника. Чтобы подчеркнуть значимость такого высокого признания научных заслуг Шёгрена, достаточно сказать, что, как явствует из «Дополнительных пунктов к регламенту Императорской Академии наук», она состоит из 21 ординарного академика, причем «разделение академиков учреждается на следующем основании: “§ 46. По истори-

ческим и политическим наукам: для политической экономии и статистики один академик; для истории и древностей российских один; для греческих и римских древностей два, и для истории и словесности азиатских народов два» (Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, данный Правительствующему Сенату, «подлинный, его Императорского Величества рукою (“Николай”) подписанный 30 января 1830 г., утверждая “Дополнительные пункты к регламенту Императорской Академии наук”»⁷³.

Подчеркну, что ординарных академиков «для истории и словесности азиатских народов» было два, когда «для чистой математики — два академика, для прикладной математики — один, для астрономии — два, для географии и навигации — один, для физики — 2, для общей химии — один, для ботаники — один, для минералогии — один, для сравнительной анатомии и физиологии один»⁷⁴. Одним из ординарных академиков, «для истории и словесности азиатских народов» был А.М. Шёгрэн.

НАЧАЛО ПУТИ

Андерс Йохан Шёгрэн (Anders Johan Sjögren) родился 26 апреля 1794 г. в деревне Ситиккаля, прихода Итис (Ийтти), Ньюландской (Уусимаа) губернии Великого княжества Финляндского, в семье деревенского сапожника и земледельца Михаила Йогансона Шёгрена. Отец мечтал приохотить сына к собственному ремеслу, но мальчик рано проявил интерес к чтению — к восьми годам он прочитал все книги религиозного содержания, что были в доме, выучил наизусть катехизис.

Местный пастор Остберг, увидев страсть мальчика к учению, стал уговаривать родителей отправить его в школу в г. Ловийсе. Но, во-первых, для этого надо было научить мальчика говорить и читать по-шведски — иначе поступить в школу было нельзя, во-вторых, для учебы в Ловийсе необходимы были средства, которых у родителей Андерса Йохана не было. Тогда пастор Остберг взял мальчика в свой дом, где он выучился не только шведскому языку, но еще и арифметике. Теперь одаренный мальчик мог отправляться в школу.

В начале XIX в. в Финляндии учебные заведения делились на «педагогии» и «тривиальные школы»⁷⁵. В первых дети получали начальное образование, что позволяло им поступить в тривиальную школу — четырехклассное учебное заведение с шестилетним курсом. Выпускник тривиальной школы получал право учебы в гимназии,

которая давала самое основательное образование и готовила к поступлению в единственный в Финляндии университет в г. Або (ныне г. Турку) — Академию Або.

Поскольку юный Шёгрэн был подготовлен пастором Остбергом, он пошел в 1803 г. сразу в тривиальную школу в Ловийсе, где отличался и примерным поведением, и необыкновенным усердием. Видя это, магистр философии Экмарк стал давать ему частные уроки немецкого и французского языков, которые Шёгрэн изучил основательно.

Как мы увидим дальше, в течение всей жизни стремление А.Й. Шёгрена к учебе, к занятиям наукой будет встречать понимание, одобрение и, главное, поддержку (в том числе финансовую) многих лиц сначала в Финляндии, затем в России.

После окончания школы в Ловийсе Шёгрэн продолжил заниматься в гимназии г. Борго (ныне Порвоо) для подготовки к поступлению в Академию Або. блестяще сдав выпускные экзамены в гимназии, в 1813 г. он стал студентом означенной академии, созданной в 1640 г. по распоряжению графа Петера Браге (1602–1680), генерал-губернатора Финляндии в 1637–1640, 1648–1854 гг., на базе кафедральной школы, действовавшей при соборе в г. Турку с 1276 г.

После вхождения Финляндии в состав Российской империи на правах широкой автономии в 1809 г. Академия Або именовалась Императорской, а ее канцлером обязательно был представитель царствующей фамилии. После ужасного пожара в Турку, уничтожившего и Академию, ее прямым преемником в 1827 г. стал университет в Хельсинки.

В годы учебы в Академии Або Шёгрэн изучал, наряду с новыми и классическими языками, и восточные, увлекался историей литературы (особенно древнеримской), историей России и финно-угорских народов (он называл их «чудскими племенами»), проявлял особый интерес к изучению финского языка. Студент Шёгрэн находился под сильным влиянием своих непосредственных предшественников в сравнительно-историческом языкознании: шведского германиста Й. Йре (Johan Ihre, 1707–1780), немецкого германиста А.-Л. Шлёцера (August Ludwig Schlözer, 1735–1809), прославившегося как историк и выдающийся фольклорист; венгерского знатока и исследователя финно-угорских языков Шамуэля Дьярмати (Sámuel Gyarmathi, 1754–1830). Особенное влияние на Шёгрена оказал Хенрик Габриэль Портан (Henrik Gabriel Porthan, 1739–1804)⁷⁶ — выдающийся финский просветитель, филолог, этнограф, философ, писатель и публицист, первый исследователь истории Скандинавии и Русского Се-

вера, автор первой в Скандинавии истории России с древнейших времен до начала Северной войны, автор концепции о происхождении и расселении финно-угорских народов⁷⁷, согласно которой древние финны, бывшие когда-то единым народом, занимали огромные территории от Ледовитого океана до Каспийского моря⁷⁸.

Шёгрэн испытывал особый интерес к путешествиям по новым местам и знакомствам с новыми людьми, и потому большое впечатление произвел на него приезд в Або (г. Турку) знаменитого датского языковеда Кристиана Раска (1787–1832) — одного из основоположников сравнительно-исторического языкознания в Скандинавии. По пути в Индию К. Раск сначала остановился на некоторое время в Або, где изучал финский язык, затем на год в Петербурге, откуда и отправился в Индию.

Шёгрэн уже студентом мечтал совершить такое же путешествие — но для изучения истории России, места в ней финно-угорских народов, проблемы финно-угорского родства — и попытался встретиться с Раском в Або. Когда это не удалось, Шёгрэн написал ему письмо в Петербург и получил полное одобрение от своего кумира.

16 июня 1819 г. Шёгрэн стал доктором философии и получил назначение на должность помощника библиотекаря — должность весьма почетную для ученого в XIX в. — список академиков, ее занимавших, получается весьма внушительный!

В апреле 1820 г. на утлом суденышке, служившем для перевозки бревен (денег на дорогу у Шёгрена не было), он прибыл в Петербург, с которым будет связана вся его дальнейшая жизнь.

Первая половина XIX в. в России — «петербургский период» в судьбе А.М. Шёгрена, как известно, с полным основанием считается золотым веком в истории русской литературы; но это был и золотой век в истории российского образования и науки. Во многом их успехи и даже расцвет были предопределены незаурядной личностью и делами графа Сергея Семеновича Уварова (1786–1855)⁷⁹. Этот, пожалуй, самый образованный из министров эпохи царствования Николая I в течение почти всей первой половины XIX в. возглавлял в России развитие народного образования и науки. С 1810 г. он — попечитель Петербургского учебного округа, с 1826-го — член Специального комитета устройства учебных заведений, с 1832 г. — помощник министра народного образования, с 1833-го — управляющий этим Министерством, с 1834 по 1849 г. — министр народного просвещения. С 1818 по 1855 г. (37 лет!) С.С. Уваров был президентом Императорской академии наук.

Если отвлечься от разнообразных толкований печально знаменитой триады «православие, самодержавие, народность», которые вот

уже более полутора столетий отодвигают на второй план то бесспорно положительное, что сделал С.С. Уваров для российского образования, науки и культуры в целом, от не всегда симпатичных черт его характера⁸⁰, в контексте данного исследования прежде всего надо сказать о вкладе этого государственного деятеля в развитие науки в России и процветание Академии наук в первой половине XIX в. А сделал С.С. Уваров немало... Привлечение в Академию выдающихся ученых и талантливых молодых людей, готовых посвятить себя науке, не только из России, но и из Европы, независимо от их национальной принадлежности; организация археографических экспедиций для разыскания исторических источников в России и в странах Западной Европы и создание на этой базе Археографической комиссии; популяризация истории Российской академии наук, в частности издание материалов ее экспедиций XVIII в. и проведение новых, щедро субсидируемых экспедиций в разные районы Российской империи (более половины их состоялось в период, когда Академией руководил С.С. Уваров).

Особой заботой президента Академии было развитие славистических исследований, прежде всего организация изучения российской истории, к тому времени совершенной *terra incognita*. Надо сказать, что со времени основания Российской академии наук в 1724 г. и до 1805 г., когда в нее был принят будущий академик и великий историк Ф.И. Круг, в ней работали 14 академиков-историков, но ни один из них исследованием российской истории не занимался — они специализировались в других областях. В год вступления С.С. Уварова в должность президента Академии наук в ней был *один* историк — экстраординарный академик с 1807 г. Ф.И. (И.Ф.) Круг (1764–1844)⁸¹. Этот ученый много сделал (при поддержке С.С. Уварова и вместе с графом Н.П. Румянцевым), чтобы привлечь к изучению русской истории молодых исследователей: будущих академиков Н.Г. Устрялова (1805–1870), Я.И. Бередникова (1793–1854), П.М. Строева (1796–1876), митрополита Евгения (Е.А. Болховитинова) (1767–1837), М.А. Коркунова (1806–1858), П.Г. Буткова (1775–1857) и членов-корреспондентов А.И. Гиппинга (1788–1862), А.Д. Черткова (1789–1858), М.А. Оболенского (1805–1873), М.С. Куторгу (1809–1886). Многие из них были не только историками, но и археографами (как Я.И. Бередников, П.М. Строев) и археологами (как академик Е.Е. Кёлер (1765–1838), М.Т. Каченовский (1775–1842), А.И. Михайловский-Данилевский (1790–1848)); а академик А.А. Куник (1814–1899) — не только историком и нумизматом, но и филологом и этнографом.

Все названные выше ученые стали сотрудниками Академии наук в пору, когда ее возглавлял С.С. Уваров.

Следует особо подчеркнуть, что почетными членами Академии были писатель, историк и историограф Н.М. Карамзин (1766–1826) и историк и археограф А.И. Тургенев (1785–1845).

А.М. Шёгрэн начнет работать в Академии наук как историк: с 1827 г. — в должности адъюнкта по истории, в 1829 г. он получит должность экстраординарного академика по русской истории и древностям, и только в 1844 г., после выхода в свет его «Осетинской грамматики», он займет должность ординарного академика «по филологии и этнографии финских и кавказских народов в России».

Другие отрасли гуманитарного знания в первой половине XIX в. в Академии наук были представлены совсем небольшим числом ученых: экономистов было всего двое — академики П.И. Кеппен (1793–1864) и К.С. Веселовский (1819–1901), историков православной церкви трое — архиепископ Иннокентий (И.А. Борисов, 1800–1857), митрополит Филарет (В.М. Дроздов, 1782–1867), епископ Макарий (М.П. Булгаков, 1816–1882); филологов-славистов трое — академики А.Х. Востоков (1781–1864), И.И. Срезневский (1812–1880), И.С. Кочетов (1787–1854) и два члена-корреспондента — В.И. Григорович (1815–1876) и И.М. Бодянский (1808–1878); этнографов двое — И.П. Сахаров (1804–1863) и И.М. Снегирев (1793–1868).

По инициативе С.С. Уварова двери Академии наук были широко открыты для писателей и поэтов. Должность академика занимали В.А. Жуковский (1783–1852), П.А. Вяземский (1792–1878), И.А. Крылов (1769–1844), В.И. Панаев (1792–1859), П.А. Плетнев (1792–1859), М.П. Погодин (1800–1875), С.П. Шевырев (1806–1864), Д.И. Языков (1773–1845), М.Е. Лобанов (1787–1846), И.И. Давыдов (1794–1863), П.А. Ширинский-Шихматов (1790–1853), В.А. Поленов (1776–1851), А.С. Норов (1795–1869); должность члена-корреспондента — Н.И. Гнедич (1784–1833), Н.И. Греч (1787–1867), Н.А. Полевой (1796–1846), В.И. Даль (1801–1872), А.Н. Майков (1821–1897); целый ряд русских литераторов первой половины XIX в. были почетными членами Академии наук. Поскольку многие из них сочетали труд литератора с занятиями историей, археографией, археологией, лингвистикой, журналистикой, их работа в Академии во многом способствовала развитию здесь широкого круга славистических исследований.

Не только создание славистики, но и оформление востоковедения в самостоятельную отрасль гуманитарного знания в России во

многом заслуга С.С. Уварова, как и организация Азиатского музея — первого научного учреждения в стране, в котором собирались рукописи сначала арабские, персидские, тюркские, а затем и грузинские, армянские и некоторых других народов Кавказа, велось их описание и исследование.

Если развитием славистических дисциплин занимались, как мы видели, преимущественно русские ученые, то востоковедов необходимо было приглашать из соседних европейских стран, где к началу XIX в. эта наука достигла больших успехов. Действительно, первыми востоковедами в Российской академии наук были немцы, причем почти за 100 лет, прошедших со дня ее основания, всего двое: историк Готтлиб Байер, или Теофил Зигфрид (1694–1738), работавший в Академии с декабря 1725 г., и китаист (а затем и исследователь народов Кавказа) Генрих Юлиус Клапрот (1783–1835), адъютант по восточным языкам и словесности с 1 сентября 1804 г., экстраординарный академик с 11 марта 1807 г. по 15 мая 1817 г.⁸² Впрочем, востоковеды, приглашенные в Академию наук уже в годы, когда ею руководил С.С. Уваров, чаще всего тоже были иностранцами — в России востоковедов тогда еще не было. Должность академика получили арабист, тюрколог, нумизмат Х.Д. Френ, основатель Азиатского музея, родоначальник российского востоковедения и восточной нумизматики (о его роли в судьбе А.М. Шёгрена будет сказано дальше); специалист по литературе и древностям Востока академик Я.И. Шмидт (1779–1842); иранист и семитолог Б.А. Дорн (1805–1881); санскритолог О.Н. Бётлингк (1815–1904)⁸³.

В должности члена-корреспондента Академии наук работали китаевед Н.Я. Бичурин (1777–1828), арабист О.И. Сенковский (1828–1858), востоковед А.К. Казембек (1802–1870), арабист Н.В. Ханьков (1819–1878), монголовед и исследователь языков народов Средней Азии В.Г. Григорьев (1816–1881). Потребность в специалистах по Востоку была так велика, что зарубежных ученых приглашали на работу в Академию наук на любой удобный для них срок⁸⁴.

Особой заботой С.С. Уварова стала все настойчивее осознававшаяся в просвещенном русском обществе необходимость «...более тесного сближения и знакомства с языками и литературами восточных племен, немало значительная часть которых обитает в пределах Империи»⁸⁵. Даже не подозревавший (как, впрочем, и все другие представители русского образованного общества) о том, что в 1733 г. знаток арабского и турецкого языков, единственный в то время в Европе ориенталист, специализировавшийся в восточной нумизматике, академик Г.Я. Керр (1692–1740), подготовил проект «Академии или

Общества восточных наук и языков в Империи Российской»⁸⁶, который затерялся в Архиве Академии и совершенно случайно был обнаружен академиком Х.Д. Френом лишь в 1821 г., С.С. Уваров в 1810 г. опубликовал свой проект Азиатской академии, написанный по-французски⁸⁷. Уже в следующем 1811 г. этот проект был издан в переводе на русский⁸⁸ и немецкий⁸⁹ языки, стал предметом широкого обсуждения⁹⁰ и даже обратил на себя внимание Наполеона, не успевшего, однако, воплотить понравившиеся ему идеи Уварова во Франции⁹¹.

Поскольку проект Уварова не был реализован в том виде, как предлагал его автор, он стал искать и нашел другие пути изучения истории, языков, традиционной культуры этих народов⁹².

Прежде всего С.С. Уваров выработал определенную политику в отношении неславянских народов России, предполагавшую уважение к их истории, языкам, культуре, обычаям — их следовало внимательно изучать. Именно этой цели и служили многочисленные экспедиции в разные регионы империи, которые осуществила Академия в годы руководства ею С.С. Уварова. Как мы увидим дальше, он сам ходатайствовал перед Николаем I о предоставлении А.М. Шёгрёну права и средств на проведение его экспедиции в Крыму и на Кавказе.

Но обо всем по порядку. Вернемся в 1820-й год, когда юный выпускник Академии Або А. Шёгрён прибыл в Петербург, где с самого начала ему сопутствовала удача — встреча с разными людьми, которых, однако, объединяла одна черта — готовность прийти на помощь молодому финну. Одним из первых был Иван Николаевич Лобойко (1786—1861) — профессор истории Виленского университета. Человек чрезвычайно общительный⁹³, он легко заводил знакомства и щедро вводил своих новых друзей в круг петербургских ученых. Так было и с Шёгрёном: Лобойко представил его ряду знаменитых ученых в Петербурге и уговорил написать статью «О финском языке и литературе». Шёгрён, только осваивавший русский язык, да и в дальнейшем предпочитавший для работы шведский и немецкий, написал ее по-немецки. Граф Н.П. Румянцев ознакомился с нею в рукописи, предложил Шёгрёну ее расширить и дополнить, опубликовал ее за свой счет и подарил весь тираж автору. Целеустремленность Шёгрёна и в этот раз получила не только понимание и поддержку; как мы увидим дальше, встреча с Н.П. Румянцевым определила дальнейшую судьбу молодого ученого.

Граф Николай Петрович Румянцев (1754—1826) — сын фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского — в историю России конца XVIII — начала XIX в. вошел как блестящий дипломат и важный государственный сановник (гофмейстер, обер-гофмейстер, действи-

тельный тайный советник, генерал-прокурор, главный полечитель Вспомогательного банка, сенатор, канцлер). Но, пожалуй, прежде всего Н.П. Румянцев известен как меценат, много способствовавший не только щедрой материальной помощью, но и своей, говоря современным языком, научно-организационной деятельностью возникновению и формированию исторической науки в России, точнее — изучению отечественной истории, интерес к которой возник у него в юности и сохранился на протяжении всей жизни. Здесь интересы Н.П. Румянцева полностью совпали с планами С.С. Уварова по развитию славистических исследований, прежде всего — по изучению российской истории, поиску связанных с нею документальных источников и в конечном счете созданию Археографической комиссии и публикации этих источников.

Исследователи русской истории первой половины XIX в. оказались не только востребованными, но и организованными и, главное, щедро субсидированными графом Н.П. Румянцевым, который «...показал полное участие в пробуждавшейся ученой деятельности по русской истории»⁹⁴, которое выразилось прежде всего в том, что граф был не просто дружен, но и сотрудничал практически со всеми, кто занимался этой проблематикой: Н.М. Карамзиным, академиками Ф.П. Аделунгом, Ф.И. Кругом, А.Х. Лербергом, А.И. Гиппингом, Х.Д. Френом, а также с директором Архива Коллегии иностранных дел в Москве Н.Н. Бантыш-Каменским.

Иначе говоря, Н.П. Румянцев руководил огромной работой по собиранию и публикации памятников отечественной истории⁹⁵, начало которой было положено подготовкой и изданием в 1813–1828 гг. на средства графа четырехтомного «Собрания государственных грамот и договоров», воссоздающего историю русской дипломатии с 1265 по 1696 г. Затем последовали издания — также на средства графа — трудов ученых, изучавших историю России: Ф.П. Аделунга и А.Х. Лерберга.

В поисках источников Н.П. Румянцев задумал и финансировал серию археографических экспедиций в европейские страны: Германию, Италию, Францию, Англию. Значительное внимание граф уделял разысканию таковых в России, прежде всего в монастырских архивах и библиотеках разных российских губерний. Он и сам ездил с этой целью не только по Московской губернии, в Микулино городище, в Ржев и Старицу, но и на Северный Кавказ — в Пятигорск (где не только лечился на водах), в Крым, на Украину — в Киев, а также в Поволжье — Казань. Поиск восточных источников он вел с помощью академика Х.Д. Френа, привлекавшего труды восточных авторов для

воссоздания древнейших этапов русской истории. Ему Н.П. Румянцев поручил перевод «Историй» Абулгази, Белазори и Ибн-Фозлана, благодаря его посредничеству связался с рядом европейских востоковедов.

В контексте данного исследования чрезвычайно важно свидетельство академика А.А. Куника о том, что «в последние годы жизни канцлер обращал внимание на все народы, жившие некогда или действовавшие на почве России»⁹⁶, и планировал всестороннее их изучение. Среди таких народов справедливо будет выделить народ Финляндии — в судьбе этой страны Н.П. Румянцев сыграл особую роль. Он не только участвовал в подготовке Фридрихсгамского мира, по которому Великое княжество Финляндское вошло на правах автономии в состав Российской империи, но и от имени России 17 сентября 1809 г. подписал этот документ, за что и был удостоен высшей в России государственной должности канцлера.

Совсем не случайно при реализации своего плана изучения истории, этнографии, языков народов России — этот план был предметом особой заботы графа — Н.П. Румянцева обратился в 1816 г. к финским ученым. М. Бранч⁹⁷, а затем А.И. Терюков⁹⁸ воссоздали историю сотрудничества Н.П. Румянцева с такими выдающимися финнами, как профессор и вице-канцлер Академии Або, теолог и политический деятель Я. Тенгстрём (1755–1832), статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского, почетный член Императорской академии наук граф Р.И. Ребиндер (1777–1841), член Правительственного сената в Гельсингфорсе зоолог-энтомолог граф Карл Густав Маннергейм (1797–1854), член-корреспондент Императорской академии наук, прадед знаменитого маршала и президента Финляндии Карла Эрика Маннергейма⁹⁹.

Я. Тенгстрём и Р.И. Ребиндер знакомили с графом молодых финнов, искавших его покровительства в своих научных занятиях: религиозного деятеля, писателя и исследователя финского языка Г. Ренвалла (1781–1841), преподавателя русского языка Академии Або Э.Г. Эрстрёма (1791–1835), религиозного деятеля и исследователя русской истории, впоследствии члена-корреспондента Академии наук А.И. Гиппинга (1788–1862). Особый интерес представляет роль Н.П. Румянцева в жизни А.М. Шёгрена¹⁰⁰, судьбу которого в Петербурге во многом определила также помощь двух выдающихся ученых — академика Ф.И. Круга и академика Х.Д. Френа. Первым среди них должен быть назван ординарный академик Императорской академии наук с 1818 г. Филипп Иванович (Иоганн Филипп) Круг (1764–1844) — ближайший советник графа Н.П. Румянцева, «...кото-

рый в нем нашел и ученого советчика и ревностного помощника в своих многочисленных предприятиях на пользу русской истории»¹⁰¹.

Исследователь русской нумизматики, древнейшей русской хронологии, византийской истории, истории происхождения варягов, которому удалось разъяснить и найти документальные подтверждения важнейших событий истории Древней Руси, вызывавшие прежде сомнения (время крещения Ольги в Константинополе, подлинность договоров Олега и Игоря с греками и др.)¹⁰², Ф.И. Круг вошел в историю российской науки не только как талантливый и исключительно требовательный к себе ученый (лишь после его смерти академик А.А. Куник опубликовал два тома его трудов)¹⁰³, но и как человек, проявлявший постоянную заботу о привлечении в Академию исследователей в области гуманитарных наук. Именно Круг при поддержке С.С. Уварова и Н.П. Румянцева сумел настоять на приеме в Академию будущего создателя знаменитого Азиатского музея (ныне Институт восточных рукописей РАН), «первостепенного ориенталиста» и «князя восточной нумизматики» Христиана Даниловича (Христиана Мартина) Френа (1782–1851). Ф.И. Круг «также руководил первыми шагами А.И. Тургенева, содействовал приглашению в Академию Лерберга, Погодина, Шёгрена, Устрялова»¹⁰⁴.

Совершенно закономерно, что А.М. Шёгрена долгие годы, до избрания его на должность ординарного академика «по этнографии и языкам финских и кавказских народов, населяющих Россию», как уже говорилось, занимал сначала (с 30 сентября 1829 г.) должность адъюнкта Академии наук по истории, а затем (с 9 марта 1831 г.) должность экстраординарного академика по русской истории и древностям.

Ф.И. Круг не ограничивался хлопотами о приеме в Академию «...замечательных молодых людей, которых занятия имели прямое или косвенное отношение к русской истории», он «поддерживал всеми силами и старался упрочить и обеспечить их дальнейшую деятельность на пользу науки»¹⁰⁵. Убедительное тому подтверждение — помощь, которую и Ф.И. Круг, и Х.Д. Френ оказывали А.М. Шёгрена, и не случайно именно этим двум коллегам он адресовал свои письма — фактически подробные отчеты о ходе экспедиций — сначала по Русскому Северу, затем по Кавказу.

По инициативе Х.Д. Френа Шёгрена сначала получил возможность доступа в богатейшую библиотеку Н.П. Румянцева, где были сосредоточены книги и рукописи преимущественно по истории России, а затем (опять не без помощи Ф.И. Круга) и должность библиотекаря, которую до него (1820–1823) занимал его однокашник Андреас Иоганнес Гиппинг (1788–1862)¹⁰⁶.

Вступив в должность библиотекаря Н.П. Румянцева, Шёгрэн занялся изучением богатейших источников по русской истории и задумал обширную экспедицию (в XIX в. их называли «учеными путешествиями») по местам настоящего и прежнего проживания финно-угорских народов на обширнейшей территории — от Ледовитого океана до Кавказа.

По ходатайству графа Н.П. Румянцева и тогдашнего статс-секретаря Великого княжества Финляндского барона Р.И. Ребиндера (1777–1851) в 1823 г. А.М. Шёгрэну «было Высочайше пожаловано» на два года по 3000 рублей ассигнациями для изучения финно-угорских народов, проживающих в разных губерниях Российской империи. Поскольку молодому исследователю предстояло тщательно подготовиться к столь ответственной экспедиции, ему было позволено отложить отъезд до лета 1824 г. За это время Шёгрэн успел не только составить четкий план будущей экспедиции, но и опубликовать рецензию на фундаментальное исследование академика Х.Д. Френа «Ибн-Фозлан и другие арабские источники о древней истории Руси»¹⁰⁷.

13 июня 1824 г. началось «ученое путешествие» Шёгрэна, ход которого регулярно освещался и в российской¹⁰⁸, и в финской печати¹⁰⁹. В разных районах Русского Севера ученый кропотливо собирал статистические, исторические, географические, топографические, этнографические, археологические, лингвистические и даже климатологические сведения о местах, где он бывал. Но главное его внимание было обращено на изучение старинных грамот, летописей и актов, хранившихся в монастырях и в частных собраниях. Много времени уходило у Шёгрэна на разыскание этих документов, исследование и тщательные выписки из них — все они хранятся в его личном архиве в филиале Архива РАН в Петербурге.

Огромный по объему материал, нередко полученный с невероятными трудностями, сложности пути, бытовая неустроенность — всё это сказалось на здоровье молодого ученого, который подолгу болел во время экспедиции. Ему пришлось просить о ее продлении еще на два года, и благодаря ходатайству академика Ф.И. Круга вопрос был решен.

Во время экспедиции А.М. Шёгрэн успевал не только разыскивать, приобретать или копировать редчайшие, до тех пор неизвестные материалы, но и систематизировать и изучить их. Полученные результаты превзошли все ожидания — ученым были подготовлены и вскоре после возвращения из экспедиции опубликованы основательные исследования ряда финно-угорских народов, проживающих в

пределах Российской империи¹¹⁰. Они получили высокую оценку коллег: 12 августа и 30 сентября 1829 г. на заседании Конференции¹¹¹ Академии было прочитано «Донесение» академика Ф.И. Круга и академика-экономиста, статистика К.Ф. (К.Т.) Германа (1767–1838) о рукописи труда А.М. Шёгрена, посвященного зырянам¹¹². Его историческая часть была так охарактеризована Ф.И. Кругом: «Когда г. Шёгрэн окончит свое путешествие, оно должно доставить нам совершенно неожиданные объяснения такой части русской истории, которая доселе покрыта глубоким мраком <...> Считаю себя обязанным настоятельно рекомендовать Академии автора этого сочинения, и высказать свое убеждение, что я не знаю никого, кто был бы более или хотя столько же способен к подобным исследованиям, как г. Шёгрэн»¹¹³.

ЗАМЫСЕЛ И ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИИ НА КАВКАЗ И В КРЫМ

В 1835 г. начинается новый этап в научной судьбе А.М. Шёгрена, связанный с несколько неожиданным — но только на первый взгляд — расширением круга его научных интересов. Выше говорилось, что сразу по поступлении на службу к Н.П. Румянцеву Шёгрэн задумал провести обследование обширнейших территорий, на которых проживали в России финно-угорские народы, — оно должно было окончиться Кавказом «...как самым южным рубежом, до которого можно было еще находить следы народов чудского (т. е. финно-угорского. — А.А.) племени»¹¹⁴.

Здесь ученый придерживался взглядов своего уже упоминавшегося предшественника — крупнейшего финского ученого и просветителя, профессора Академии Або Хенрика Габриеля Поргана (1739–1804), который «...создал довольно стройную и значительную для своего времени концепцию происхождения и расселения финно-угорских народов. Первоначальными местами обитания древних финнов он считал обширные территории между Ледовитым океаном и Каспийским морем, где проживали многочисленные финно-угорские племена, бывшие когда-то единым народом»¹¹⁵.

В работах о жизни и научном наследии А.М. Шёгрена, как правило, его «кавказское путешествие» связывают прежде всего с его намерением выполнить рекомендации врачей для лечения «глазной болезни». Между тем сам ученый четко (и неоднократно) объяснял, что кавказская экспедиция была прежде всего органической составляю-

щей его большой научной программы. Вот как он сформулировал цели своей экспедиции на Кавказ в «Записке», представленной в Академию наук: «Что касается до Кавказа, то по плану прежнего моего ученого путешествия я должен был окончить свои исследования тем краем, который, как кажется, составляет границу на юге для чудских племен и следов их. Обнять теперь надлежащим образом все языки народов Кавказа было бы дерзкое, самонадеянное предприятие, и, по моему мнению, не в том еще состоит теперь нужда. Мы имеем много более или менее обширных, также более или менее точных собраний слов, изданных Гильденштедтом и в особенности Клапротом; но о грамматических особенностях тамошних языков, исключая грузинский, нет ничего, кроме отрывистых замечаний, или, как например, об осетинском, бедных эскизов, рассеянных в некоторых журналах. По сию пору ни одно наречие не представлено во всех своих свойствах и не исследовано с надлежащею полнотою. Грамматическое разложение и рассмотрение отдельных кавказских языков есть еще предмет непочатой, ожидающий возделывателя. Правда, это гораздо труднее, нежели собирать слова или отдельные речения. Притом же таким трудам всегда препятствовали местные и политические обстоятельства, и эти препятствия еще легко могут встретиться и теперь; но, несмотря на то, я намерен сделать мои опыты на этом затруднительном поприще, сколько то позволят внутренние и внешние обстоятельства. Кроме татарского и грузинского языков, составляющих для меня и цель, и средство, я займусь еще в особенности осетинским, который, имея общую важность, для меня еще любопытен по отношению, какое имеет он к прежним моим занятиям. Клапрот в сочинении своем "Asia polyglotta" (стр. 42, 82) представляет его отдельною ветвию индо-германского корня в Азии, и на странице 88 замечает, что в осетинском находятся многие слова, встречаемые в латышском, а преимущественно в вотякском, зырянском и пермском языках. По свидетельству его, грузинский и армянский, также как и все кавказские языки вообще, имеют много общего с финским и с другими северо-кавказскими языками (см. то же сочин., стр. 111 и 113). Тот же самый ученый основательно доказывает, что нынешние осетинцы суть не что иное, как асы (as) и аланы средних веков; вместе с тем он находит в названии их сходство с именем народа асов (asen), из первобытного жилища коих вышел Один с колониєю асов и поселился в древней Скандинавии. Это мнение обещает важную историческую истину, если собраны будут все существующие известия о поселениях и переселениях и сравнены между собою, как то сделал шведский историограф Гейер в сочинении своем "Swea Folkes häfder"; мысль эта еще более подтверждает-

ся замечанием того же самого историка Гейера, что в числе приводимых Клапротом 317 осетинских слов (см. *Asia polygl.*, стр. 88) оказывается много слов готских, именно 61, следовательно, 1/5.

Этого намека весьма достаточно для поощрения к точнейшим исследованиям осетинских нравов и обычаев, а в особенности свойств и конструкции языка осетинского, равно как и преданий, религиозных мнений и народных песен, если только они имеют их. Сказанное мною достаточно объясняет пользу и важность моего предприятия»¹¹⁶.

Через несколько лет после завершения кавказской экспедиции А.М. Шёгрэн в «Предисловии» к своей «Осетинской грамматике» еще раз подтвердит, что она преследовала прежде всего научные цели, и объяснит, «...сколь необходимо было подробное исследование осетинского языка во всех его грамматических свойствах на месте у самих осетин. А к сему важному предприятию вызывала меня, казалось, самая судьба тем, что в 1835 году, по причине постигшей меня глазной болезни, для восстановления поврежденного уже на одном глазе зрения или по крайней мере охранения другого, врачи советовали мне ехать на Кавказ, на минеральные воды и пробить подолее в южном теплом климате»¹¹⁷.

Как мы увидим дальше, А.М. Шёгрэн действительно потратил отведенное время и средства преимущественно на проведение научных исследований, а не на заботы о своем здоровье.

Между тем его «Записке» был дан ход, и 31 мая 1835 г. Конференция обратилась к президенту Академии наук и министру народного просвещения России графу С.С. Уварову с просьбой «Об отправлении в путешествие в Крым и на Кавказ экстраординарного академика Шёгрена», и уже 5 июля того же года был получен ответ, копия которого сохранилась в личном архиве А.М. Шёгрена в Отделе рукописей Национальной библиотеки Финляндии (Coll. 209.23):

«Конференции Императорской Академии наук.

По представлению Конференции от 31 прошлого мая об отправлении экстраординарного академика Шёгрена в путешествие на Крымский полуостров, в Грузию и на Кавказ для лингвистических исследований на полтора или на два года, с производством ему сверх штатного содержания по званию экстраординарного академика и указанных прогонов еще до тысячи шестисот рублей в год на расходы по ученым исследованиям — я входил со всеподданнейшим докладом к Государю Императору о проведении сего предположения к исполнению на основании, изложенном в представлении Конференции, с удовлетворением расходов на путешествие из Государственно-

го Казначейства, на что во второй день сего июля и последовало Высочайшее Его Императорского величества соизволение.

Уведомляя о сей Высочайшей воле Конференцию Академии к надлежащему исполнению, нужным считаю присовокупить, что вместе с тем я отнесся к Господину Министру финансов об учинении с его стороны распоряжения, чтобы на сказанные издержки по путешествию Шёгрена отпуск сумм из Государственного Казначейства производим был по требованию Академии.

Министр Народного Просвещения
Президент Академии Сергей Уваров.
Управляющий департаментом
князь Ширинский-Шихматов».

За этим документом последовал ряд административных решений: с 1 августа 1835 г. А.М. Шёгрэн был «...уволен от должности библиотекаря 2-го Отделения академической библиотеки, а на место его определен Господином Министром Народного Просвещения г. академик Бэр»¹¹⁸ — тот самый академик-естествоиспытатель Карл Максимович (Карл Эрнст) фон Бэр (1792–1876), основатель сравнительной эмбриологии, который в наши дни мог стать нобелевским лауреатом¹¹⁹, а он великолепно справлялся еще и с обязанностями библиотекаря в Библиотеке Академии!

Как видим, вопрос о предоставлении А.М. Шёгрэну возможности предпринять ученое путешествие на Кавказ решался на самом высоком уровне. Уже в июле 1835 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (кстати сказать, по распоряжению графа С.С. Уварова подробно освещавшем научную и образовательную деятельность в России) в разделе «Высочайшие повеления» была напечатана информация «Об отправлении в путешествие экстраординарного академика Шёгрена на Крымский полуостров, в Грузию и на Кавказ»¹²⁰.

14 августа 1835 г. Конференцией Академии наук было принято решение о выделении ученому «на научные исследования на Кавказе» 1600 рублей в год¹²¹, 23 августа Комитет Правления Императорской академии наук сообщил ему, что «...согласен оставить, на время его путешествия, из занимаемой им квартиры две боковые комнаты для хранения его библиотеки и прочих принадлежностей»¹²²; в первых числах сентября его супруга с детьми уехала в Финляндию к родственникам, и А.М. Шёгрэн, «...коему дано Академиею ученое предложение на Кавказе»¹²³, мог отправляться в путь.

Столь активное участие президента Академии наук С.С. Уварова в экспедиции А.М. Шёгрена на Кавказ и в Крым не было случайным: эта экспедиция, как и позже экспедиция в Грузию академика

М.И. Броссе, должна была служить реализации программы Уварова по изучению неславянских народов России. Иначе говоря, «уваровский период» истории Академии наук ознаменовался возникновением российского академического кавказоведения. Основоположником изучения народов Северного Кавказа в русской академической науке выпало стать А.М. Шёгрёну, в области истории и археологии Грузии и Армении — М.И. Броссе.

Задолго до начала экспедиции А.М. Шёгрёна ее программа и цели обсуждались и в академической печати¹²⁴, и в изданиях, адресованных образованной публике, и в России¹²⁵, и в Финляндии¹²⁶. Работа А.М. Шёгрёна на Кавказе регулярно освещалась в ежегодных «Отчетах Императорской Академии наук»¹²⁷, и более подробно — в его письмах к академикам Ф.И. Кругу, Х.Д. Френу и президенту Академии графу С.С. Уварову — их печатали в периодическом академическом издании «Bulletin scientifique publié par l'Académie impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg»¹²⁸. Публикации этих писем (точнее, важнейших отрывков из них) стали основными документами, на которые опираются исследователи кавказоведческого наследия А.М. Шёгрёна.

Может возникнуть естественный вопрос: почему письма А.М. Шёгрёна с Кавказа вот уже более полутора столетий служат основным документальным источником для воссоздания хода его кавказской экспедиции? Дело в том, что по установленной в Академии наук традиции письма одного ученого к другому содержали не только проявление дружеских чувств или обсуждение профессиональных тем. Прежде всего это были *отчеты* о работе в экспедиции или во время заграничной командировки, оплачивавшейся Академией. Такие письма регулярно печатались, в частности, в уже упоминавшемся издании «Bulletin scientifique...», выходившем дважды в месяц. Его выпуски включали, наряду с публикацией научных работ, такие обязательные разделы, как «Voyages scientifiques» и «Correspondance». В первом печаталась информация о ходе экспедиций, организованных Академией, во втором — отрывки из писем их руководителей или участников.

Так, в 1836–1838 гг., когда проходила кавказская экспедиция Шёгрёна, в I–III томах «Bulletin scientifique...» были напечатаны не только отрывки из его писем с Кавказа, но и письма ряда участников академических экспедиций, проходивших в разных районах Российской империи — от Крайнего Севера и Дальнего Востока до Черного и Каспийского морей¹²⁹. В этом же издании публиковалась информация о различных материалах, которые ученым удавалось разыскать

(или получить в дар) во время экспедиции. Так, например, А.М. Шёгрэн сообщал ученому миру об уникальных книгах и рукописях, переданных Академии уже упоминавшимся грузинским общественным деятелем, редактором, издателем, ученым П. Иоселиани¹³⁰, и о предоставлении Академии наук многочисленных рукописных материалов естествоиспытателем-ботаником, садоводом, энтомологом Х.Х. Стевеном¹³¹.

Но, понятно, увидела свет лишь самая незначительная по объему часть информации о ходе академических экспедиций. Основная же осела в архивах и все еще ждет внимательного исследования, которое обещает и настоящие открытия.

К работе в Крыму и на Кавказе А.М. Шёгрэн подготовился не менее тщательно, чем к экспедиции на Север России. Мы имеем возможность составить представление о том, какую литературу о Кавказе он изучил, благодаря тому что в 1866 г. в Хельсинки был издан каталог книг, составивших библиотеку ученого¹³², а в его личном архиве в СПб.Ф АРАН сохранилось значительное число конспектов изученных им книг.

Начну с библиотеки А.М. Шёгрена, которую он тщательно собирал всю жизнь, — по справедливому замечанию академика М.И. Броссе, она была «...его единственной чрезмерной страстью»¹³³. Среди хранившихся в ней более девяти тысяч томов значительное место занимали книги, посвященные языкам разных народов Ближнего (арабский, персидский, турецкий) и Дальнего Востока (китайский, монгольский) и особенно Кавказа: грузинскому, армянскому, осетинскому языкам. Кроме словарей этих языков А.М. Шёгрэн хранил труды участников экспедиций, организованных Академией наук в последней трети XVIII — начале XIX в. для изучения прежде всего производительных сил на Кавказе; в них, как правило, фиксировались и разнообразные сведения об истории, этнографии, языках местного населения. Это были издания трудов ботаника, действительного члена Академии наук с 1767 г. С.-Г. Гмелина (1744–1774), врача и естествоиспытателя, действительного члена Академии наук с 1769 г. И.-А. Гюльденштедт (в других источниках — Гильденштедта, 1741–1781), химика, медика, этнографа, путешественника И.И. Георги (1729–1802), почетного члена Академии наук с 1806 г. И.О. (Яна) Потоцкого (1761–1815), врача и путешественника Я. Рейнеггса (1744–1793), врача и естествоиспытателя, действительного члена Академии наук с 1877 г. П.-С. Палласа (1741–1811), немецкого востоковеда-китаиста, занимавшего должность адъюнкта по восточным языкам и словесности в Императорской академии наук с 1804 г. и

должность ординарного академика с марта 1807 по 15 мая 1817 г., Г.-Ю. Клапрота (1783–1835).

Перед отправлением в кавказскую экспедицию А.М. Шёгрэн внимательно изучил труды своих предшественников, но особенно пристально — публикации Г.-Ю. Клапрота, в 1807–1808 гг. совершившего по заданию Академии наук путешествие по Северному Кавказу и Грузии. Подтверждение тому — хранящиеся в архиве ученого рукописи «Сравнение осетинских слов, собранных Клапротом во время его путешествия на Кавказ» («Voyage du mont Caucase et en Géorgie». Т. II. Р. 440–470. СПб.Ф АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 161) и «Материалы по осетинскому языку. Выдержки из материалов Клапрота» (Там же. Ед. хр. 165).

Как мы видели, Шёгрэн полемизировал с Клапротом уже в своем ходатайстве о предоставлении ему командировки на Кавказ и в Крым, и у него в дальнейшем не раз будут основания критически говорить о работе своего предшественника на Кавказе.

В соответствии с планом будущей экспедиции, предполагавшим изучение на Кавказе в первую очередь грузинского, татарского и осетинского языков, в процессе подготовки к ней ученый внимательно конспектировал труды, посвященные носителям этих языков.

Так, в архиве А.М. Шёгрена в СПб.Ф АРАН хранятся конспекты, рефераты или выписки из следующих работ, содержащих сведения о Грузии: на шведском языке — из труда «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные статским советником Броневским» (В 2 ч. Ч. I: Географические известия. Ф. 94. Оп. 1. № 18. Caucasia I. С. 152–182); на немецком — «Versuch einer Geographische Beschreibung des Caucasus» (Там же. С. 237–290); на французском — «История грузинской иерархии. Inscriptions copies dans le formul manuscrit de Reineggs. 3 мая 1778» (СПб.Ф АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 165, 166). Конспект единственной работы об Армении — «Auszüge aus Moses Chorenazi». Ed. Whiston. L., 1736. Ф. 94. Оп. 1. № 18. Caucasia I. С. 125–133, 314–346) — на латыни. Древнейшей истории Кавказа посвящен конспект издания «Alte Geographie. Erlauterung des Strabo» (Там же. С. 310–313, 355–364; по-немецки).

По-французски написан конспект «Histoire Généalogique des Tatars, traduit du Manuscrit tataré d'Abulgasi Bagadur-chan par D^{xxx} a'Seyde, 1426» (Ф. 94. Оп. I. № 18. Caucasia I. С. 3–24); по-немецки — конспект «Kurze Geschichte der Nogaier Tataren im Taurischen Gouvernement Melitopolischen Kreise» неназванной работы, включающей и разнообразные статистические данные о ногайцах (Там же. С. 221–236).

Из посвященных Осетии А.М. Шёгреном скопирован «Именной список в благочинии священника Георгия Бердзенова с приписанными деревнями и с приходами в Стыр-Дигории» (Ф. 94. Оп. 1. № 18. Caucasia I. С. 191).

На шведском языке написан реферат «Ossetica» неназванной работы (Ф. 94. Оп. 1. Caucasia I. С. 197–211), с подробными статистическими данными об Осетии и названиями по-русски различных мест в этом регионе.

А.М. Шёгреном изучил (и законспектировал) всю доступную ему литературу о других народах Кавказа, не обозначенных в планах его экспедиции. На русском языке написан перевод «Дербент-наме» — на последней его странице указано имя переводчика (или переписчика) «Магомет Авати Акташи пишет сию книгу» (Там же. С. 146–150об.).

Как видим, А.М. Шёгреному удалось ознакомиться с небольшим числом работ, посвященных Кавказу, который ко времени его экспедиции «...оставался еще, можно сказать, совершенно неизученным»¹³⁴. Вот почему, как мы увидим дальше, в ходе кавказской экспедиции ученый так настойчиво и последовательно пытался разыскать самые разнообразные источники об этом крае.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ ЭКСПЕДИЦИИ: ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА И ИХ ЯЗЫКОВ

Кавказская экспедиция А.М. Шёгрена началась 9/21 сентября 1835 г., когда он выехал из Петербурга, и закончилась 7/19 января 1838 г., когда он, «совершенно больной и с отмороженными членами», в Петербург вернулся. За два года и три месяца ученый преодолел не только огромное расстояние: от Петербурга до Тифлиса, от Тифлиса до Владикавказа, от Владикавказа до Крыма и оттуда опять на Кавказ, а затем в Петербург, но и встречался с почти сотней людей разного социального статуса и служебного положения: от епископа Карталинского и Кахетинского экзарха¹³⁵ Грузии Евгения¹³⁶ и генерал-майора барона Г.В. Розена (1781–1841), в 1831–1837 гг. командующего Отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющего гражданской частью и пограничными делами, почетного члена Императорской академии наук с 1836 г.¹³⁷, — до школьных учителей, помогавших ученому, и земледельцев, самоотверженно сопровождавших его в труднейших переходах через Большой Кавказ. Очень важно подчеркнуть, что все, кто встречался с А.М. Шёгреном на Кавказе,

сохранили о нем добрую память (и первые образованные горцы, и вдова, у которой ученый квартировал в Крыму). Они не только посылали ему свои первые ученые сочинения, но и обращались к нему за помощью (или посодетьствовать в продвижении по службе, или просто одолжить денег). Но самое главное — все они помогали А.М. Шёгрёну в его повседневной научной работе по изучению Кавказа, что было первой задачей ученого. А.М. Шёгрёну начал с освоения армянского и грузинского: вскоре по прибытии в Тифлис, 8 декабря 1835 г., у него «вечером уже были учителя армянского и грузинского языков из здешней (тифлисской. — А.А.) гимназии».

Образованные армяне, проживавшие в Тифлисе, охотно пришли на помощь Шёгрёну. «Особенно помог мне в изучении армянского во время моего первого пребывания в Тифлисе, — писал он академику Х.Д. Френу 27 апреля 1836 г., — <...> и ученый оберпастор немецкой колонии Дитрих (автор перевода Нового Завета на простонародный армянский и Словаря более древнего книжного армянского языка). Я уже начал изучать этот язык, при том, что многие образованные армяне предоставили мне часть литературы, которой богат их язык. Среди этих образованных людей были и братья Арсановы, сами являющиеся авторами многих, пока еще рукописных учебников армянского и оказавшие мне при изучении языка всевозможное содействие. Но увы, непривычные для глаза маленькие, угловатые буквы армянского алфавита так дурно стали влиять на мое и без того слабое зрение, что мне пришлось оставить изучение этого языка». Однако А.М. Шёгрёну и в дальнейшем не утратил к нему интереса. «Воспользовавшись возможностью (в Карасу-базаре. — А.А.), я собрал сведения об армянском языке, на котором там говорят; у меня была также возможность завести несколько интересных знакомств; в частности, я познакомился с местным католическим армянским священником, отцом Минасом, одним из мхитаристов¹³⁸, автором “Русской грамматики” для армян; в настоящее время он работает над турецко-русско-французско-армянским словарем», — писал он академику Х.Д. Френу 19 апреля 1837 г.

По этой же причине А.М. Шёгрёну пришлось отказаться от изучения древнегрузинского языка, сходного по графике с армянским. «Грузинская церковная письменность была не лучше (армянской. — А.А.), зато алфавит светского языка оказался проще для моего восприятия; поэтому главным предметом моих лингвистических штудий во время пребывания в Тифлисе и стал грузинский. К тому же мне несказанно повезло с усердным преподавателем, учителем гимназии Захаром Степановичем Коргановым — поистине удача при тех

доселе скудных возможностях к изучению этого специфичного и древнего языка. До сей поры мне никак не удавалось получить достаточные познания в грамматике: единственным средством к ее изучению могла стать грамматика Броссе, изданная в Париже, которую я, впрочем, пока что так и не получил, а кроме того, ранее выпущенная тем же автором "Chronique Géorgienne", равноценная вышеупомянутой грамматике. Не смог я, несмотря на все усилия, найти в Тифлисе известный еще автору "Митридата" (I, 432) старый учебник грузинского языка католикоса Антония» (Х.Д. Френу, 27 апреля 1836). Зато Шёгрэн овладел грузинским разговорным языком настолько, что «уже мог немного объясняться».

Ученый так увлекся грузинским языком, что даже во время ежедневных занятий в Тифлисе осетинским «...был занят <...> собственными исследованиями и размышлениями о формах грузинской грамматики и об их связи с другими языками» (А.М. Шёгрэн. Дневник. 13 апреля 1836).

Результаты занятий грузинским языком А.М. Шёгрэн суммировал в «Русско-грузинском словаре»; здесь же (не рукою Шёгрэна) — текст на грузинском языке с подстрочным немецким переводом (СПб.Ф АРАН. Ф. 94. Оп. 1. № 18. Caucasia I. С. 35–54) и «Грузинская песня» на грузинском языке с русским переводом (Там же. С. 192–194).

Сразу по приезде в Тифлис Шёгрэн обратился к изучению не только армянского и грузинского, но еще и языка «удов» — удин. Он записал в своем дневнике 21 ноября 1835 г.: «Во второй половине дня заявил о себе семинарист, по рождению уд, присланный сюда экзархом. С ним я начал составлять удский словарь». 22 ноября 1835 г. ученый «продолжил удские записи».

Обращение Шёгрэна к изучению удин не было случайным. Вполне вероятно, оно было подсказано сочинениями древнегреческого географа и историка Страбона (64–63 до н.э. — 23–24 н.э.), автора «Географии» в 17 книгах, объединившей географические знания античности (в СПб.Ф АРАН в архиве ученого хранится их реферат «Alte Geographie. Erläuterung des Strabo», Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 18. Caucasia I. С. 355–364), упоминающего о народе «ути» или «ути», который Шёгрэн мог отождествить с «удами».

К тому же в пору подготовки ученого к его кавказской экспедиции, в 1834 г. в Штутгарте была издана книга выдающегося русского естествоиспытателя, профессора Петербургской медико-хирургической академии, члена-корреспондента Императорской академии наук Э.И. Эйхвальда (1795–1876) «Reise auf dem Caspischen Meere und

in den Kaukasus, unternommen in den Jahren 1825–1826», написанная по материалам его путешествия в 1825–1826 гг. по Дагестану и Закавказью. В ней Эйхвальд «причислил удин к финскому племени, считая, что они пришли на Кавказ с низовьев Волги; одновременно он сблизил их с вотяками (удмуртами), называющими себя “удами”, которых кавказские “уды” — “чуть ли не потомки”»¹³⁹.

Иначе говоря, изучение языка «удов» вполне вписывалось в программу поиска следов финно-угров на Кавказе. Впрочем, занятия Шёгрена языком «удов» в его первый приезд в Тифлис не были долгими — собранные им материалы содержит рукопись «Vocabulaire de la langue udska, tatarska, ossetinska, tatarska v Karasubazar, armenska, pogaiska, adgei v Karasubazar, tscherkess v Karasubazar» (СПб. Ф. АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 147). Она включает 360 русских слов с соответствиями на всех названных выше языках, причем первые (после русских) в этом ряду — слова на удинском.

Проблема «удов» привлекала внимание А.М. Шёгрена и после завершения его кавказской экспедиции. Когда в 1838 г. в журнале «Библиотека для чтения» было напечатано обширное исследование того же Э.И. Эйхвальда «Страбоновы известия о Кавказе и Южной России»¹⁴⁰, А.М. Шёгрэн написал о нем подробный отзыв, впрочем оставшийся неопубликованным¹⁴¹.

В центре внимания ученого на всем протяжении его кавказской экспедиции, естественно, был язык осетин. В уже упоминавшемся основательном исследовании «Осетиноведческие штудии академика А.И. Шёгрена»¹⁴² В.С. Уарзиати подробно охарактеризовал занятия академика осетинским языком — источники, которыми Шёгрэн для этого располагал (а они немногочисленны), труды его предшественников в области осетиноведения (прежде всего уже упоминавшегося Ю. Клапрота), его наставников в изучении осетинского языка: переводчика Петра (Тасо) Жукаева и протоиерея Шио Двалишвили. Представляется целесообразным дополнить заключения В.С. Уарзиати документальными свидетельствами самого А.М. Шёгрена.

Приехав в Тифлис, Шёгрэн сразу же стал искать носителей этого языка для занятий с ним. В духовной семинарии был студент — «природный осетин», и уже 10 декабря 1835 г. ученый писал в дневнике: «Осетинский семинарист сидел у меня весь вечер». 11 декабря Шёгрэн был «...у ректора семинарии, чтобы попросить разрешение семинаристу посещать меня». 12 декабря он «весь день работал с осетинским семинаристом».

Внимание властей Тифлиса к академику-гостю было так велико, что 13 декабря 1835 г. «Барон Розен сам пришел ко мне с визитом, —

записал Шёгрэн в дневнике, — спросил о моих занятиях и о том, были ли у меня до осетинского семинариста какие-либо учителя, которые понимали бы по-русски. Когда я ответил отрицательно, он указал мне на своего переводчика». На следующий день к Шёгрэну «...пришел переводчик барона вместе с семинаристом». Его работа с семинаристом продолжалась до февраля 1836 г., когда ему дали в помощники переводчика-осетина Петра Жукаева и грузина протопопа Шио Двалишвили, прекрасно владевших и осетинским, и русским языками.

28 апреля 1836 г. Шёгрэн записал в дневнике: «С протоиереем и переводчиком я закончил свои занятия осетинским языком и теперь, по крайней мере, имею общее представление о нем и о его грамматике». 10 мая 1837 г. он «во второй половине дня <...> закончил осетинскую морфологию», а 16 мая 1837 г. «... наконец закончил свою осетинскую грамматику с Шук<аевым>¹⁴³ и протопопом».

И таких результатов ученый достиг, несмотря на занятость своих помощников, которых постоянно отвлекали дела по их основной службе. Всегда краткий в дневниковых записях и сдержанный, Шёгрэн не раз фиксировал такие случаи: «Несмотря на обещание, протопоп (Шио Двалишвили. — А.А.) сегодня не пришел. Шукаева снова отослали. Быков пришел, но извинился, что у него нет времени, ибо он находится у коменданта. Досада заставила меня пойти к коменданту, который спросил меня об успехах в моих занятиях. Возможно, ответ был дан с тихо сдерживаемой враждебностью, и он отвечал с раздражением, что он ничем помочь не может: Шукаев занят чиновничьими делами и будет использоваться для переговоров. Прикомандировать его ко мне он не мог; все-таки у меня были протопоп и школьный учитель. После этого мы стали договариваться, и он предложил, чтобы я привлекал Шукаева и Быкова по очереди. Я рассказал, как было сегодня с Быковым, на что он обещал приказать ему иногда приходить ко мне. На мое замечание, что мы уже подружились с Шукаевым, и даже, кажется, у него есть желание работать со мной, он пообещал сегодня, что после его приезда, он скажет Шукаеву, чтобы он был у меня всегда при всех обстоятельствах, и обещал позаботиться, чтобы прикомандировать его ко мне навсегда» (Дневник. 20 апреля 1837).

1 мая 1837 г.: «Здесь Шукаев, чтобы извиниться, что он не мог прийти в прошедшие пятницу и субботу, так как опять был отослан. Быков обещал прийти вместо него, но он этого не сделал. Также сегодня Шукаев должен отъехать отсюда на 35 верст и не знает, сможет ли он завтра вернуться. Плохие перспективы того, что я быстро за-

кончу работу»; 2 мая 1837 г.: «Шукаев уехал только сегодня, вчера комендант не отпустил его. Поэтому я послал за Быковым, который и был у меня. Сегодня Быков помогал мне, пока во второй половине дня его не вызвал комендант»; 4 мая 1837 г.: «Утром у меня был Быков, позже — протопоп. Во второй половине дня никто не пришел, и Шукаева снова отослали, о чем я услышал вечером у протоиерея»; 12 мая 1837 г.: «Шукаев приехал только во второй половине дня»; 13 мая 1837 г.: «Протопоп был здесь, но его отозвали. С одним лишь школьным учителем я работать не мог».

Конечно, все это затрудняло занятия А.М. Шёгрена осетинским языком, но благодаря самоотверженным помощникам ученый достиг замечательных результатов и навсегда сохранил к ним чувство признательности. В предисловии к своей «Осетинской грамматике» он дважды рассказал об этих людях: «Оканчивая это предисловие, священным долгом считаю здесь изъявить истинную мою признательность тем трем ниже поименованным лицам, которые на самом месте преимущественно содействовали к успешному собранию материалов для этого сочинения. Это были именно...» (здесь я опущу слова благодарности, адресованные экзарху Грузии Евгению, — они будут приведены ниже, когда речь пойдет о том, как А.М. Шёгрэн собирал различные материалы о народах Кавказа. — А.А.); «...2) Владикавказский протоиерей, природный грузинец, Шио Двалишвили, вспомоществовавший мне в Владикавказе в практическом изучении осетинского языка под главным руководством 3) природного осетина, бывшего переводчика осетинского языка и помощника осетинского пристава, прапорщика Петра Жукаева, коего деятельным и основательным наставлениям я обязан за первое положительное знание тагаурского наречия во всем его объеме»¹⁴⁴.

Дальнейшая жизнь помощников А.М. Шёгрена в изучении осетинского языка сложится по-разному. Судьбу П. Жукаева проследил М.П. Санакоев по материалам, хранящимся в архивах Москвы, Тбилиси, разных городов Северного Кавказа. Он установил, что Петр Жукаев «в 1830 году поступил на военную службу и принял участие в военных действиях на Кавказе, был награжден серебряной медалью и чином прапорщика. Так началась военная и административная деятельность Петра Жукаева, получившего затем чин майора и в 1855 г. должность помощника пристава горских народов Владикавказского округа»¹⁴⁵, достигшего значительного сословного статуса в осетинском обществе, высоких воинских чинов и даже чести присутствовать в составе делегации от горцев Северного Кавказа на коронации императора Александра II.

А.М. Шёгрэн неоднократно с благодарностью вспоминал, какую помощь оказал ему П. Жукаев в изучении осетинского языка, а после выхода в свет «Осетинской грамматики» послал ему два экземпляра своего труда. Получив их, 18 июня 1845 г. П. Жукаев отправил академику письмо, в котором «чувствительно сердечно» выразил благодарность за это и поведал об обстоятельствах своей жизни: и трагических (утрата родителей, брата, жены с пятилетним сыном), и счастливых (новая женитьба, успехи по военной службе), а также просил передать поклон своему брату Тембулату, служившему в Павловском кадетском корпусе.

Кроме постоянных помощников — П. Жукаева и Ш. Двалишвили — А.М. Шёгрэн не упускал случая обратиться к любому встреченному им носителю осетинского языка, чтобы получить ответы на возникавшие в процессе работы вопросы. *20 мая 1837 г.*: «Позже приехал линейный казак из Моздока <...> Он предложил свои услуги в отношении языка. На свои вопросы я получил при помощи множества примеров <ответ>, что дигорский диалект и в грамматических формах значительно отличается от тагаурского, в то время как куртатинский и алагирский языки находятся с ним в согласии»; *22 мая 1837 г.*: «Так как некоторые мужчины также говорили и по-грузински, я попытался с их помощью сделать дигорский словарь, но быстро обнаружил, что не стоит особенно надеяться на какую-то пользу, ибо я ничего не понимал, да и они сами, как я заметил, не были особенно сильны в грузинском языке. Зато я не более их способен прилично объясниться с ними»; *24 мая 1837 г.*: «С помощью моих хозяев-священнослужителей я записывал дигорские слова»; *27 мая 1837 г.*: «Остальную часть утра я занимался со своими дигорскими спутниками, чтобы завершить мой словарь».

Особенно сложно было А.М. Шёгрэну найти помощника в изучении дигорского диалекта в Моздоке. *22 октября 1837 г.*: «...<пошел> посоветоваться с комендантом, чем он может помочь в моих занятиях. Он послал за осетинским дворянином по имени Бухгул; тот обещал найти некоего урожденного дигорца, который хорошо говорит и по-русски»; *23 октября 1837 г.*: «Бухгул привел трех осетин — двоих мужчин и мальчика. Мальчик только полгода назад переехал сюда из Дигории, почему я просил его прийти утром. Со временем Бухгул обещал привезти с собой из Екатеринограда кого-нибудь из дигорских казаков, которые также говорят и пишут по-русски...»; *25 октября 1837 г.*: «Так как мальчишки не было и сегодня, я пошел в предместье в Успенскую церковь, к которой, говорят, принадлежит большинство осетин, и ее священник-грузин должен немного знать

по-осетински; но он сказал, что не может здесь порекомендовать ни одного осетина, сведущего в дигорском языке, но указал на станицу Черноярскую, которая почти вся населена дигорцами, служащими казаками»; *30 октября 1837 г.*: «Бохгулов привел ко мне дигорского казака из станицы Черноярской, что в 20 верстах отсюда, который приехал за покупками, и сказал, что у него нет времени мешкать. Оба предложили мне поехать в станицу или в Екатериноград, где также есть казаки из урожденных дигорцев. Однако Бохгулов обещал спрашивать еще здесь»; *31 октября 1837 г.*: «Бохгулов не пришел, но вместо него явился Тантисов, которого послал мне комендант. Это, как я ныне узнал, был тот самый человек, что приютил Клапрота, получившего от Тантисова много монет и рукописей, которому Тантисов всячески помогал в его путешествиях в этой местности. Так как я теперь, наконец, нашел в нем для себя умного человека, я попросил его посоветовать мне, как найти дельного помощника в отношении дигорского и черкесского языков. Он пообещал поискать»; *1 ноября 1837 г.*: «Во второй половине дня я поплелся под дождем к Тантисову. Он сказал, что послал весточку Никите Тускаеву, урожденному дигорцу, живущему в станице Новоосетинской. Он порекомендовал Тускаева прежде всех для помощи по дигорскому языку»; *3 ноября 1837 г.*: «Так как от Тантисова ничего не было слышно, я начал <заниматься> осетинским Новым Заветом в соотношении с грузинским».

О своих трудных поисках помощника по осетинскому языку в Моздоке А.М. Шёгрэн поведал и в письме к академику Ф.И. Кругу. Подробный же его рассказ об осетиноведческих штудиях приведен и в письме графу С.С. Уварову, которое заканчивалось просьбой разрешить продлить его пребывание на Кавказе для завершения всех планов: «Весну я провел во Владикавказе за изучением осетинского, из-за его связей с основными европейскими и родственными азиатскими из всех кавказских языков, без сомнения, самым важным. Довелось мне наконец получить материалы для изучения его особенностей, в частности изучив тагаурский диалект, самый богатый и развитый. Для южного осетинского я уже ранее получил много пособий, частью печатных, частью рукописных, от экзарха Грузии. Оставался лишь западный диалект Дигории, наиболее отличный от других и наименее известный. О нем не было никаких сведений, кроме нескольких ненадежных слов в описании путешествий Клапрота. Посему мне казалось необходимым самому предпринять путешествие в Дигорию, чтобы одновременно кроме познаний в языке собственными глазами увидеть повседневную жизнь осетин в самых отдаленных

местах и заодно проверить на месте сомнительные данные Клапрота. Кроме того, из Дигории <...> вел самый прямой путь в Имеретию и Рачу, где я желал главным образом посмотреть старинный монастырь Гелати и его библиотеку, по слухам, богатую древними рукописями.

<...> Главное препятствие заключалось в том, что мне повсюду отказывались давать переводчика и сопровождающих дальше, чем до ближайшего дигорского села, поскольку Дигория находится под юрисдикцией крепости Нальчик в Кабарде, а не под Владикавказской. Командант вообще пытался отговорить меня от моего предприятия, но я решил положиться на судьбу и все-таки поехать. Вскоре меня ждала награда: уже в первом селе знакомый мне грузинский священник, по прозвищу благочинный, крестивший всю Дигорию, примкнул ко мне, чтобы также объехать Дигорию. В его обществе я и проехал всю эту местность до последнего села у подножья главного, покрытого снегом хребта <Кавказа>, через который мне потом пришлось с превеликим трудом пробираться пешком в сопровождении троих осетин, которые на спинах несли мою поклажу. Так я наконец благополучно достиг Рачи, северного района Имеретии, и могу сказать о себе, что я “пришел и увидел”, но, увы, не особенно “победил”, так как главной цели своего путешествия — ознакомиться с диалектом — я так и не достиг. Из двоих местных русских переводчиков, которым меня поручили во Владикавказе, один отсутствовал, а другого старшина, у которого он жил, всячески мне отсоветовал. Мои спутники духовного звания, священник и дьячок, говорили по-русски лишь в случае крайней необходимости, а по-дигорски еще меньше, так как сами были не из тех мест и недолго там служили. Посему мне приходилось обходиться собственными познаниями в тагаурском и грузинском — довольно скудными, надо сказать, и недостаточными для того, чтобы изучить диалекты во всех их грамматических особенностях, и все, что я смог узнать, послужило лишь тому, чтобы еще больше ощутить нехватку хорошего переводчика, подобного тому, что был у меня во Владикавказе.

Дигорский диалект настолько сильно отличается от тагаурского, что оба племени с трудом понимают друг друга. Дигорский в большей степени, чем тагаурский, проявляет свои особенности не только в отдельных словах, но и в грамматических формах, и еще более близок к другим языкам индоевропейской группы <...> Особое мое сожаление вызывает то, что даже в моих осетинских штудиях остался большой пробел, и тем самым отсутствует важное звено для сравнительных исследований. Этому, однако, можно было бы помочь. От Вашего сиятельства зависит, буду ли я в состоянии это сделать, и вернусь ли из этого путешествия удовлетворенным.

Как я сам узнал лишь в Дигории, множество осетинских жителей Моздока родом дигорцы, и именно там можно изучить их язык даже лучше и с бóльшим удобством, чем на их исторической родине. Поскольку там давно находится осетинская миссия, которая даже отпечатала “Катехизис”, то, вполне возможно, обнаружатся и более старинные памятники письменности, содержащие сведения об истории осетин и других, соседних с ними горских народов, поскольку я сам во время моего первого пребывания здесь натолкнулся на целую кучу старых грамот. Кроме того, у меня была бы возможность усовершенствовать свои знания в черкесском и написать более основательную грамматику этого языка — книгу, которая, помимо научного интереса, могла бы оказаться весьма полезной и в политическом отношении.

Посему прошу Вашу Светлость, буде это возможно, с 9 сентября, когда истекает срок моего двухлетнего пребывания здесь, продлить его на четыре или, по меньшей мере, на три месяца. Если мое зрение восстановится или хотя бы вернется в прежнее состояние, я не премину делом всячески доказать свою благодарность за Вашу любезность».

Просьба А.М. Шёгрена была доложена «Его Императорскому Величеству», и 30 июля 1837 г. он получил уведомление от непременно секретаря Императорской Санкт-Петербургской академии академика П.Н. Фуса (1797–1855), что срок его путешествия продлен до января 1838 г.

Но вернемся к занятиям Шёгрена языками и других народов Кавказа. Выше уже говорилось, что кроме грузинского и осетинского он планировал заняться еще и тюркскими языками — турецким и татарским. К их изучению он приступил уже в Тифлисе осенью 1836 г.: *6 сентября 1836 г.*: «...занимался с турком татарской грамматикой»; *8 октября 1836 г.*: «Я опять принялся попеременно за турецкие и татарские занятия»; *12 октября 1836 г.*: «Сегодня я начал с Нового Завета на турецком»; *14 октября 1836 г.*: «...возобновил татарские и турецкие занятия <на материале> Нового Завета»; *19 ноября 1836 г.*: «Визит так наз. Султана и директора здешней гимназии, который по моей просьбе прислал мне учителя татарского языка, чтобы он помог более тщательно изучить привезенные вчера старые книги»; *19 декабря 1836 г.*: «Чтобы познакомиться с татарским языком, сегодня я снова продолжил свои занятия по сравнению текстов Евангелия от Матфея, прерванные из-за переезда из Магарача».

Особенно результативными занятия Шёгрена тюркскими языками были в Крыму, в местах проживания крымских татар и ногайцев.

11 января 1837 г.: «Городничий прислал мне школьного учителя-татарина, с которым я начал проверять записанные в Карасу-базаре слова степных татар и их варианты (сам учитель родился в Симферополе) и ногайского диалекта, насколько он смог привыкнуть к нему»;

16 января 1837 г.: «Я закончил сегодня работу с татарским учителем Абдерресимом Богданинским. Вечером он был у меня со своим товарищем по дому, фельдшером Эль-Мурзой, по рождению ногайцем»;

17 января 1837 г.: «Сегодня я начал работать с этим ногайцем. К сожалению, он не изучал грамматику, так что, возможно, дело пойдет несколько медленнее и труднее»;

24 января 1837 г.: «Закончил свою работу над ногайским <приложением> с Эль-Мурзой. Вместе с Абдерресимом съездил к ногайскому кадию».

Вот как сам ученый рассказал о своих «турецко-татарских» занятиях в письме к академику Х.Д. Френу 26 ноября 1836 г.: «Что касается моих литературных занятий, то этим летом, помимо отдыха на водах, я прилежно изучал восточные языки, в особенности турецкий и татарский; а поскольку мне следует беречь глаза от искусственного света, то долгие осенние вечера служили мне для переваривания и обдумывания того, что я изучил за день. Поэтому мои штудии, несмотря на все печальные препятствия, получили крепкие основания, и в своих размышлениях я достиг любопытных результатов, которые по моему благополучному возвращению, если даст Бог, окажутся полезными для сравнительного языкознания и этнографии».

Из Крыма Шёгрэн решил возвращаться на Кавказ не тем путем, каким он добирался сюда, а «по берегу Азовского моря, через Мариуполь, Таганрог и Черкасск; эта дорога также предоставит мне возможность — в связи с моими прежними татарскими штудиями — познакомиться с ногайцами и их своеобразным диалектом», — писал он в том же письме Х.Д. Френу.

О ходе своих занятий ногайским языком и о своих помощниках ученый сообщал Х.Д. Френу уже в другом письме — от 19 апреля 1837 г.: «В маленьком городке, который ногайцы называют Ногайск (русские обычно называют его Обиточна — по названию здешней реки), мне наконец предоставился случай, которого я так долго ждал: я смог заняться непосредственно особенностями ногайского диалекта. Два человека, которых я встретил там, сделали все возможное, чтобы помочь мне в этом. Одного зовут Эль-Мурза Салбиев; он ногаец по национальности, учился в симферопольской гимназии; другой — Абдерресим Богданинский, крымский татарин, назначенный главой татарской школы, недавно открытой в Ногайске для юных ногайцев; он любезно и без усталости помогал мне в моем изучении татарского и ногайского языков».

А.М. Шёгрэн собрал словарный материал по татарскому и ногайскому языкам, о чем свидетельствуют сохранившиеся в СПб.Ф АРАН рукописи: «Vocabulaire de la langue udska, tatarska, ossetinska, tatarska v Karasubazar, armenska, nogaiska, adgei v Karasubazar, tscherkess v Karasubazar» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 147), «Nogaiska och tscherkess Mozdok» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 194) и исследование «Über den tatarischen Dialekt in der Krim» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 117).

Кроме того, Шёгрэн предложил своему учителю татарского языка А. Богданинскому составить «ногайско-татарский словарь». Об этом мы узнаем из письма Богданинского к нему от 1 мая 1838 г. (ОР НБФ. Coll. 209.19), из которого следует, что, вернувшись в Петербург, ученый отправил Богданинскому письмо с вопросом о ходе работы над ногайско-татарским словарем, которое тот получил уже 15 апреля 1838 г.

Приведу письмо Богданинского Шёгрэну полностью: «Милостивый государь Андрей Михайлович! Я имел счастье получить письмо Ваше 15 апреля и читал оное с величайшим удовольствием; извините меня, милостивый государь, что я не исполнил своего долга и данного Вам обета; причиною оных была долговременная болезнь моя, которою страдал я 9 мес<яцев>, и другие разные обстоятельства встречающиеся препятствовали мне приняться к начатию ногайско-татарского словаря; к тому же еще удерживало и то, что, не получая от Вас никакого известия, не мог предпринять сего труда, сомневаясь, чтобы занятия мои впоследствии не остались тщетными; ныне смею откровенно сказать Вам, что я могу составить таковой словарь, но не прежде, пока не получу от Вас для руководства и порядка татарского же словаря. Если Вы останетесь еще на некоторое время в Академии и не оставите присылкою оною мне, <...> то я приложу старание всевозможными мерами составить ногайско-татарский словарь к общей пользе <...>

Р. S. Я за большое счастье почел бы себе, есть ли бы возможно было мне переменить место и службу перемещением в Академию, хоть с небольшим жалованьем, но могущим содержать себя прилично; я убедительно прошу Вашего Высокоблагородия хлопотать об этом и в последующем не оставить меня, также уведомить в возможной скорости».

Понятно, что А.М. Шёгрэн не имел возможности «переместить» А. Богданинского в Академию наук, и на этом их переписка оборвалась.

До сих пор речь шла о занятиях Шёгрэна языками, для изучения которых он и направлялся на Кавказ. В его планы не входило изуче-

ние кабардинского языка. Но «по счастливому стечению обстоятельств» ему «удалось как следует познакомиться с черкесским языком и его грамматическим строем», — писал он графу С.С. Уварову из Тифлиса 3 июня 1837 г.

А.М. Шёгрэн подробно рассказал в кавказском дневнике историю своего знакомства и сотрудничества с одним из первых образованных кабардинцев — Шорой Бек-Мурзиным (Ногмовым). Он узнал о Шоре в Тифлисе 26 октября 1835 г. в доме князя Шаховского: «Вечером с Н. у его друга князя Шаховского, несколько других офицеров и партия в карты. Я имел счастье познакомиться с одним <офицером>, у него жил черкес Шора Бек-Мурзин. Он находился много лет в Пет<ербурге> и там учился под руководством Шармуа, по чьей рекомендации он написал черкесскую грамматику с диалогом».

Вскоре Шёгрэн познакомился с Ногмовым, и началось их сотрудничество.

Отправившись на лечение в Пятигорск в феврале 1837 г., ученый решил воспользоваться близостью черкесских поселений, «чтобы узнать что-нибудь черкесское у крещеных черкесов, живущих среди колонистов» в шотландской колонии Карас (ныне пос. Иноземцево, пригород Пятигорска. — А.А.). (Дневник. 21 февраля 1837). Сначала Шёгрэн «заключил договор с крещеным черкесом, который, как сказали, самый знающий из всех» (Там же), а 22 февраля он решил разыскать Шору Ногмова и встретиться с ним: «... я написал письмо черкесскому узденю Шоре Бек-Мурзину, с которым я познакомился в Тифлисе, — он живет в 35 верстах отсюда — и пригласил его приехать в Карас, чтобы обучить меня черкесскому языку».

В фонде А.М. Шёгрена в Национальной библиотеке Финляндии (Coll. 209.19) сохранился ответ Ногмова на это письмо — он обещал приехать к академику уже на следующий день. В ожидании приезда Шоры Шёгрэн стал заниматься черкесским языком с другим черкесом. 24 февраля 1837 г.: «Сегодня я начал заниматься черкесским под руководством <моего> хозяина. По произношению это сложнейший язык <из тех>, с которыми я до сих пор познакомился, особенно богатый свистящими и шипящими звуками, из которых многие и происходят»; 25 февраля 1837 г.: «Из некоторых разысканий я понял, что в отношении грамматики я не должен ожидать ничего большего от моего хозяина, который не имеет о ней никакого понятия. Таким образом, мои занятия должны скоро закончиться, если Шора не придет. В день перед моим отъездом сам хозяин просил черкеса из того же аула в Пятигорске передать ему привет и сообщить, что профессор, который познакомился с ним в Тифлисе, приехал сюда, ... и желает его видеть».

27 февраля 1837 г. «к великой <...> радости» А.М. Шёгрена, Ногмов прибыл. Ученый подробно зафиксировал в своем дневнике все этапы их совместной работы. 28 февраля 1837 г. было принято «решение о переезде Шоры сюда, так как хозяин обещал за ту же цену снабжать его едой вместе со мной».

Однако первый учитель Шёгрена из местных черкесов был недоволен приездом Ногмова: «Все больше разногласий между хозяином и Шорой; первый уверен, что он хорошо знает <родной> язык и без грамматики, что Шора, конечно, считает неправильным. Помимо того, кажется, у последнего несколько мнительный характер» (Дневник. 1 марта 1837).

Правда, позже, 12 марта, хозяин сказал Шёгрону, «что он должен покаяться перед Ногмой, что он без всякой пользы для меня погубил две недели моего времени и что он сомневается, что я буду благодарен ему за это».

Но это было позже, а 2 марта Ногмов переехал жить на квартиру Шёгрена, где пробыл до 12 марта и ученый «...успел закончить выписки из рукописи Ногмы» (из его «Атыхейской грамматики». — А.А.) (Дневник. 12 марта 1837).

Описывая сложные отношения двух черкесов, каждый из которых считает себя лучшим знатоком родного языка, А.М. Шёгрэн не без юмора отмечает маленькие хитрости Шоры Ногмова. *13 марта 1837 г.*: «Позавчера Ногма высказал большое желание купить у Галлоуэя арабско-турецкий словарь, за который тот просил 60 руб. Но Ногма хотел бы дать лишь 40 р. Мне показалось, что вся торговля начата с целью таким образом тонко призвать меня сделать ему подарок... Ногма был весьма доволен. После его отъезда я занялся с Хунтером».

Во всех этих детальном описаниях в дневнике Шёгрена принципиально важно подчеркнуть, что ученый в марте 1837 г. имел возможность не только познакомиться с «Грамматикой» Ногмова, но и сделать из нее подробные выписки, как свидетельствуют сохранившиеся в СПб.Ф АРАН материалы по адыгским языкам.

Следующая встреча Шёгрена с Ногмовым состоялась в сентябре 1837 г. и продолжалась недолго — всего 3 дня. Вот как описал их ученый в своем дневнике:

21 августа 1837 г.: «После того как проедешь Подкумок со слободами и небольшой ручей Гитсу, с другой стороны от Ховечеродской станицы местность несколько поднимается, после чего <начинается> сплошная ровная и плоская степь с лугами и полями проса, принадлежащими черкесам. В конце дороги есть кордон у ручья, впада-

ющего в Подкумок, который русские называют Золка — искажение черкесского (название “Дзелуко”, состоящее из “дзел” — ольха и “кво” — ущелье). В 2 часа прибыл я в Кармов-аул (черк. Квармахабла — ныне село Каменомостское в Кабардино-Балкарской Республике), — где нашел родной дом Шоры»; 22 августа 1837 г.: «Сегодня я начал работать, но мне было неудобно и затруднительно потому, что мой стол представлял собой маленькую шкатулку на коленях или на диване»; 24 августа 1837 г.: «Работа прервана из-за всяческого рода задержек и гостей, а также постоянного притока соседей, которые требуют рассказать, кто я такой, комментируют мой приезд и занятия. Шора сам, кажется, начал ошибаться, отвлекаться и дал понять, что я приехал некстати, когда приближается время уборки урожая; к тому же вскоре ожидается приезд императора. К этому событию Шора должен подготовиться и привести в порядок свое оружие, в котором недостает колчана. Может быть, он все-таки сможет получить его в черкесском Бабуков-ауле в 5 верстах от Георгиевска, ныне также переданном казакам; он должен ехать туда сам <...> Я решил уехать. <...> Шора подарил мне на память черкесскую деревянную ложку из пальмового дерева из Транскубанской местности».

Наиболее подробно А.М. Шёгрэн описал свои занятия кабардинским языком с Шорой Бек-Мурзиным (Ногмовым) в письме к академику Х.Д. Френу, отправленном из Владикавказа 19 апреля 1837 г. В нем он не только воссоздал историю своего знакомства с Ногмовым, но и рассказал о его работе над кабардинской грамматикой:

«Как я Вам уже сообщал, я намеревался пробыть еще какое-то время в окрестностях Пятигорска, в бывшей шотландской колонии Карас, которая ныне стала немецкой колонией, чтобы составить там первое, хотя бы самое поверхностное, впечатление о черкесском языке. Для этого именно там, а не где-либо еще, мог я рассчитывать действительно найти подходящую возможность, поскольку там живут черкесы, перешедшие в баптистскую веру благодаря деятельности бывших здесь некогда шотландских миссионеров. Я поселился там у одного из них, который, по общему мнению, должен был лучше других знать свой родной язык; кроме того, в течение долгого времени он служил наборщиком в типографии бывшего английского библейского общества в Астрахани. В Карасе я узнал, что один кабардинский дворянин, лейтенант Шора Бек-Мурзин Ногма, который ранее прослужил несколько лет в черкесском полуэскадроне в Санкт-Петербурге и который некогда уже занимался — под руководством нашего бывшего собрата Шармуа — черкесской грамматикой диалекта Кабарды. Итак, я узнал, что этот образованный черкес в последнее вре-

мя занят работой над грамматикой такого рода на русском языке и что живет он всего лишь в тридцати пяти верстах от Пятигорска. Поскольку в Тифлисе я уже мог лично познакомиться с ним и поскольку я имел возможность увидеть в нем человека, стремящегося к знаниям и интересующегося научной работой, я написал ему и пригласил его приехать ко мне в Карас и привезти с собой свои материалы.

Он приехал сразу, как только получил мое письмо, и гостил у меня в доме две недели, в течение которых я сделал выписки из его "Грамматики", а также воспользовался его устными объяснениями и комментариями всего того, что казалось мне непонятным и сомнительным. Он отправил свою грамматику барону Розену, командующему Кавказским корпусом в Тифлисе, который, следует полагать, ее опубликует; и публикация сего труда будет в любом случае полезна, несмотря на то что произведение это, будучи первой попыткой такого рода, по всей вероятности, может иметь пробелы и изъяны. На научные изыскания и на работу над этой грамматикой Ногма потратил несколько лет; и чем больше я ее изучал, тем больше убеждался в том, что автор ее достоин всяческого уважения. Поражает уже сам факт, что ему пришла в голову идея создать подобный труд, что же говорить о том, что ему хватило мужества и упорства довести начатое дело до конца, тем более что русским языком он владеет весьма посредственно и это единственный европейский язык, который он знает. В нескольких восточных языках — в турецком, в татарском и арабском, он, напротив, весьма сведущ; на основе арабского он составил свой новый черкесский алфавит, состоящий из сорока букв, где к уже имевшимся обозначениям гласных <...> он добавил только две новые буквы для звуков "и" и "е".

А.М. Шёгрэн очень подробно охарактеризовал в этом письме особенности фонетики кабардинского языка, где должно быть большое множество и разнообразие звуков, «вследствие чего произношение в этом языке должно быть весьма сложным. Таким образом, в этом отношении из всех известных мне языков лишь один приближается к черкесскому, однако рядом с этим языком даже грузинский кажется забавой. Простые звуки здесь сочетаются таким образом, что можно насчитать тридцать шесть или тридцать семь различных весьма устойчивых модификаций; тем не менее звуки эти, как правило, представляются естественными, и главная трудность заключается в сочетании или в быстром следовании нескольких звуков, весьма отличающихся друг от друга. Впрочем, к этому легко привыкаешь, как только научишься различать должным образом простые исходные звуки. Эти простые звуки в черкесском языке имеют характер ис-

ключительно четкий. В языках, к которым мы привычны, и в значительной мере в грузинском звуки (обозначаемые буквами), как правило, обычно представляют собою не что иное, как более или менее открытое выдыхание воздуха, тогда как в черкесском языке нужно сначала задержать дыхание и лишь затем выдохнуть для того, чтобы произнести звук, который таким образом получает двойную силу и который, как кажется, не просто произносится, а вырывается резко, почти силой. Таковы губные (лабиальные) звуки. Помимо звуков *ф* и *п*, артикулируемых открыто, у черкесов есть другие звуки, относящиеся к классу только что упомянутых мною резких звуков, как если бы, например, вместо простого *ф* мы хотели произнести одновременно *вф* или произнести *пп* вместо *п*. Тем не менее автора “Грамматики” отговорили вводить новые буквы для обозначения последнего звука из боязни слишком раздуть этот алфавит.

Таким образом, уже внешняя сторона языка служит демонстрацией его бойцовского духа, страстей, желания во что бы то ни стало, любой ценой победить трудности, которые, как кажется, он создает сам себе словно для того, чтобы поддерживать прекрасную форму в постоянных упражнениях и не дать ей разнежиться и одряхлеть. Черкесы любят прежде всего палатальные звуки и шипящие, которые они постоянно повторяют и часто стягивают в один, отчего этот язык, уже сам по себе такой необычный для европейского уха, приобретает исключительно варварский вид, когда его звуки пытаются передать посредством наших европейских алфавитов, в особенности используя сложные сочетания немецкого алфавита. Приведу здесь лишь несколько примеров: “поток воды” будет записано *gytschetschebsippogo psi* (*q* для *ʃ*), *dtsuchuvf* — “порядочный человек”, “дворянин”, *dtsuch* — “человек” и *vfö* — “хороший”, *arslanr* (из турецкого) *anachh thlesschsch blanecheme* или *blanehegosscheame* — “лев, самый сильный из зверей”.

И тем не менее европейца сразу сочтут за чужака по тому, как он произнесет большинство слов, которые я только что привел. У черкесов есть звук *t* с придыханием (обозначенный выше в словах как *th*), который чрезвычайно труден и который, по крайней мере для меня, остается недоступным. Это своего рода свистящий, который частично схож с английским *th* и частично с *v* в новогреческом, не будучи при том ни тем, ни другим. Я по пятнадцать минут пытался произнести правильно простое слово *tchitl* (книга, письмо, надпись или бумага, это слово *tchivl* имеет все эти значения), но как я ни ломал язык, мне всего раз или два случайно удалось выговорить верно, причем как только мне нужно было повторить это слово, у меня уже не получалось.

Язык уже представлял бы достаточно большой интерес с точки зрения своего грамматического строя, если бы не пугающие трудности произношения, весьма осложняющие подход к нему.

Черкесский язык, как представляется, не так беден, как то можно было бы себе представить, хотя в нем недостаточно выражений для обозначения значительного числа абстрактных понятий. В том, что касается глаголов и частиц, он представляет собой огромное богатство; однако в том, что касается именного склонения, он довольно беден, и в особенности его падежи заслуживают отдельного и усердного изучения. Что касается системы падежей, черкесский язык, как представляется, скорее схож с арабским; склонение, как мне показалось, может быть представлено по образцу русского языка, как то уже прозорливо заметил автор "Грамматики". Остается только пожелать, чтобы он сохранил силы и не утратил свой благородный порыв изучать культуру родного языка, равно как и все те, кто, в свою очередь, его окружают и могли бы поддержать.

Разумеется, работы еще много; *кроме того, многие вещи, я думаю, до сих пор не систематизированы* (курсив мой. — А.А.).

Удивительно, что, еще не ознакомившись с сочинением Ногмова «История адыгейского народа», А.М. Шёгрэн уже по его рассказам попытался понять суть народной поэзии адыгов: «...язык этот (кабардинский. — А.А.) издавна находится в употреблении, и сегодня используется каждый день как в ежедневном обиходе, так и в поэзии. Возможно, у этого народа нет ни одного вождя, известного в истории, о котором не было бы сложено хотя бы одной песни. В древние времена поэты должны были присутствовать на поле боя, где их песнопения вдохновляли воинов. Этот обычай, как кажется, напоминает традиции древних скандинавов, что, впрочем, является далеко не единственным замеченным мною сходством между этими народами, пусть не в языке. Этого рода песнопения по сей день широко <распространены> среди черкесов. Ногма сам является страстным поэтом; так, все время, что он провел в моем доме, он в основном занимался поэзией как собственного сочинения, так и переводами, которые он делал с русского. Их песни очень оригинальны и характерны. Как и песни татарских народов, они большей частью меланхоличны и однообразны, с той лишь разницей, однако, что у черкесов голос неожиданно с силой поднимается на последнем стихе или на припеве. К сожалению, у меня было недостаточно времени для того, чтобы получить полное представление ни об интимном характере черкесской поэзии, ни о ее тематике, ни о ее формах, поскольку я полностью посвятил себя изучению грамматики, так как <...> я хотел завершить ее изучение».

Говоря о стремлении Шоры Ногмова поскорее вернуться домой, Шёгрэн как бы мимоходом характеризует один из адыгских обычаев в отношениях мужа и жены: «Я стремился отправить своего гостя назад, к его соплеменникам, поскольку Шора все чаще и настойчивее получал приветы от своей маленькой дочки. Таков их обычай. Чужой не имеет права передавать приветы от женщины, если он не хочет оскорбить своего земляка и доставить себе неприятности. Причина этого — в жизненном укладе особого рода по восточным законам, по которым чужой мужчина не имеет права видеть женщину в доме. «Какая тирания и варварство!» — воскликнут наши европейские дамы. Другое дело — черкешенки, которые родились и выросли, соблюдая эти законы. Черкешенка сама почувствует себя оскорбленной, вздумай ее муж предложить ей прогулку на людях. Подобный образ мыслей не допускает и считает позорным передать кому-то привет от жены. Точно также будет сочтено за оскорбление справиться о жене другого; разве может это касаться кого-то, кроме мужа! Кроме того, кажется, что мужчины вообще считают постыдным вести друг с другом разговоры о женщинах».

Итак, во время кавказской экспедиции А.М. Шёгрэн занялся изучением еще и «незапланированного» кабардинского (черкесского) языка. Случайная встреча с Шорой Бек-Мурзиным (Ногмовым) и с его «Грамматикой» позволила ему сначала познакомиться с этим удивительным языком, приступить к его изучению, а затем и помогать пытливому кабардинцу, мечтавшему о приобщении к грамоте своего народа, в совершенствовании его труда.

Находясь в Ставрополе, А.М. Шёгрэн познакомился и с другим исследователем черкесского языка — Леонтием Люлье, о котором он сообщал в том же письме академику Х.Д. Френу от 19 апреля 1837 г., где описал свое знакомство с Ногмовым:

«В дополнение к моим сообщениям о черкесской литературе я хочу добавить, что некий француз Люлье, как я слышал в Ставрополе, занят теперь в черноморском Екатеринодаре составлением черкесского словаря на основе транскубанского диалекта, весьма отличного от кабардинского, с тем, чтобы затем издать его вместе с немцем по имени Тауш, который, в свою очередь, также провел несколько лет на реке Кубань среди тамошних черкесов и даже научился разговаривать на их языке».

Основательным анализом трудов и Ногмова, и Люлье Шёгрэну предстояло заняться после завершения его кавказской экспедиции и возвращения в Петербург (об этом ниже). В процессе изучения кавказских языков А.М. Шёгрэн тщательно фиксировал любые сведе-

ния, которые ему удавалось получить либо от своих информантов, либо от представителей местной власти, либо из ставших ему здесь доступными различных источников, не только о тех народах, чьи языки он изучал, но и об их ближайших соседях. Так, ученый приводит рассказ ингушского пристава об ингушах и о древних памятниках, которые сохранились на их территории: «Протоиерей пообещал инструменты. Я отправился к нему и встретил там ингушского пристава Хаитова; он рассказал, что на некотором расстоянии от Назрана посреди ровной степи можно найти каменное строение со склепом и с восточной (может быть, арабской) надписью, которая, как он слышал, означает, что 470 лет назад там был похоронен какой-то султан со своей супругой. Он рассказал об ингушах, что они получили свое название от нынешнего места их жительства — селения Ингуш, куда они переселились с гор примерно 30 лет назад. Сами они называют себя “халгай”, осетины называют их “калга”, а чеченцы — “хири”. <...> Ингушский диалект довольно грубый и жесткий, чеченский же звучал, как персидский. По моему предположению, осетины, может быть, были персидской колонией. <Хаитов> подумал <и решил>, что с этим можно согласиться, и добавил, что осетины, как и персы, обыкновенно оставляли прядь волос, свисающую на висок; они оставляли также и прядь волос сзади на голове, выбривая все остальное. Еще в юности он видел, как осетины точно так же, как персы (и грузины), пользовались разрезами в рукавах. В Курталинской долине находились остатки каменной стены длиной в 1,5 версты, которые, по традиции, приписываются какому-то шаху. Имя “хан” входит во многие часто употребляющиеся женские имена» (Дневник. 6 апреля 1837).

В поисках документов по истории разных народов, проживавших в начале XIX в. в Крыму, А.М. Шёгрэн узнал об исторических судьбах караимов: «Мой хозяин принес мне копии ханского помилования (письма с помилованием) и привилегий для караимов в Кале; их копированием я и был сегодня занят. Приложенный татарский перевод на более новый диалект помог мне скопировать татарский мулла. Оригинал, к сожалению, здесь нет — они в Корсове. Они должны быть на старом крымском, который они называют “чаголтай”; теперь некоторые понимают его хуже. Караимы, должно быть, сначала пришли сюда в Крым с греками из Анатолии во времена Хангупса и Карла. Впоследствии они распространились отсюда дальше; по предложению польского короля ханам, они переселились в Польшу, где получили большие привилегии и еще встречаются в разных городах, например в Луцке. Из Польши евреи переселились и сюда. Число ка-

раимов во всех странах теперь не превосходит 4000. <...> Они хорошо знакомы со старым, чистым Моисеевым законом, отклоняя все поздние выкладки, как, например, Талмуд и Мишна» (Дневник. 17 декабря 1836).

В связи с изучением тюркских языков (турецкого, крымско-татарского, ногайского) А.М. Шёгрэн зафиксировал свое представление о крымских татарах, составленное частью по его старым записям, частью по сведениям, сообщенным ему его хозяином-татарином:

«Татары в Крыму разделяются на горных, степных и просто татар. Первые, горные, говорят на языке, который ближе всего к турецкому. <...> Обычно их лица очень красивые. Очень изящные ступни ног. В городах, особенно в Бахчисарае, по-татарски говорят довольно чисто, там лучше <сохранились> особенности турецкого языка. Гораздо сильнее отличается язык сельских, или степных, татар — своеобразный переход к весьма отличному от этого диалекту, ногайскому, вне самого полуострова от Перекопа и от Днепра к востоку в Екатеринославской губ. Среди степных татар также насчитывают много ветвей. Живущих за Перекопом крымцы называют чунгарами или чунганами; это наименование, возможно, связано с именем Чоонгар, чтобы намекнуть на смешение их с монголами. Согласно утверждению учителя ногайского языка, это, собственно, Чонгар, что подтверждает эту связь еще больше. В остальном он считает, что это наименование употребляется не к перекопским татарам, но к жителям степи между Керчью и Феодосией (Кафа). Татары около Айле, живущие за Козловом по направлению к Перекопу, называются «торгаили» — от татарского «меньший, узкий». Название «чунгары» употребляется у ногайцев в окрестностях Мелитополя. От этих татар не отличаются те, кто живет за Перекопом, так называемые маазлемен-ногайцы. Между Перекопом и Молочной должны быть и туркмены, и киргизы. Днепр по крайней мере ногайцы называют «Оса»; это и есть татарское название Очакова.

Достойно замечания, что у малороссийского простонародья Екатеринослав называется Половица. Клапрот также подтверждает гипотезу, что ногайцы — это половцы. Согласно тому же учителю ногайского языка, сельские татары Крыма должны называть Перекоп «Ор», принимая во внимание его более высокое положение.

У ногайцев этим же названием обозначается степь к северу от Кавказа, и это, собственно, и должно было предполагаться как Ёр. Также у крымских татар бытует мнение, что они пришли сюда из Бухары, и среди ногайцев в округе Мелитополя еще находятся бухарцы. Из Бухары все племя должно было сначала перейти в страну, кото-

рую они называют “Эр” (возможно, есть связь с именем элоты), откуда оно вошло в другую землю, которую они называли Энгиль-Онгуль (возможно, степь в южной России между Днепром и Доном, где и сегодня есть еще река Ингуль), и оттуда переселились в Крым, который, как сказали в Бахчисарае, прежде назывался Яфил-Ада, или зеленый остров; имя Крым он, вероятно, получил в память о военачальнике. К этимологии имени “татары” применяют глагол “tartare”, “я тащу”, случайный выбор из-за незнания настоящей этимологии. Согласно их собственному <...> мнению, нынешний язык уже весьма отличается от старинного, который они называют “чаголтай”, некоторые и “чаломтай”, без сомнения искаженное “чагатай”. На этом языке, возможно, были записаны и народные песни ногайцев, и подвиги древности, ибо учитель утверждал, что их трудно понять. Если судить по старинным письменным источникам, например о древних ханах Крыма, то полагают, что старинный язык был приблизительно такой же, как современный татарский в Казани и Сибири, и отличия, таким образом, легко объясняются воздействием турецкого языка в более поздние столетия» (Дневник. 31 декабря 1836).

Исключительно подробно А.М. Шёгрэн описал в своем кавказском дневнике немецкие, болгарские и греческие колонии в Крыму, привел исчерпывающие сведения об их расположении, о числе хозяйств и жителей в каждой из них, о сельскохозяйственном инвентаре, садах, виноградниках, пасаках — иначе говоря, подробно охарактеризовал каждую колонию, уделил особое внимание религиозной принадлежности их жителей¹⁴⁶.

Особый интерес представляет описание различных сект: русской секты рационалистического направления — духоборов¹⁴⁷ и молокан, а также меннонитов — одной из протестантских сект, получившей название от имени ее основателя — голландца, католического священника Симониса Меннона (1491–1561), отрекшегося от католической веры и принявшего учение анабаптистов. В 1789 г. по приглашению правительства в Россию прибыло 228 меннонитских семей, которые получили много прав и свобод (освобождение от военной и гражданской службы, от всяких податей, свободу вероисповедания) и взамен принесли на новую родину умение рачительно вести хозяйство, обустроить достойный быт и т. д.

В письме к академику Х.Д. Френу от 19 апреля 1837 г. А.М. Шёгрэн рассказал о замечательном менноните Иоганне Корниге, который «...благодаря своему острому уму и неутомимому трудолюбию <...> сумел приобрести значительное состояние, которое сегодня он использует самым достойным образом <...> чтобы принести культуру и улуч-

шить жизнь во всем крае. Он трудится и, главное, с усердием, для того чтобы принести цивилизацию своим соседям-ногайцам, по сей день пребывающим в полуварварском состоянии; и уже настолько в этом преуспел, что за последние годы тридцать шесть ногойских семей по своей воле отселились от своего народа и образовали неподалеку от места, где живет этот господин, и под его отеческим покровительством главное поселение — в прямом смысле этого слова. Жизнь этой колонии полностью строится на основе меннонитских принципов; можно сказать, что, принимая во внимание местные обычаи и другие обстоятельства, не учитывая которые невозможно, она организована столь хорошо, что в самом деле достойна стать образцом для других».

Иоганн Корниг показал А.М. Шёгрёну, как живут его соседи-ногайцы, «...так что уже с первого взгляда понимаешь, что едешь по немецкому, а никак не ногойскому селу». Провожатый привез ученого к старшему учителю Тимеру Мантутову из рода Мантут, и он стал расспрашивать гостеприимных хозяев об их истории: «Я задал ногойцам вопросы об их традициях, об их <древних> судьбах, расселении и положении, о чем у них, вероятно, не могло сохраниться достаточно сведений; но они ответили, что все это подробно записано в их "tewarich" <исторических хрониках>. У их кадия Элиаса-эфенди, живущего в окрестностях Ногайска, также должен быть экземпляр» (Дневник. 7 января 1837).

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Как видим, во время экспедиции по Кавказу и Крыму А.М. Шёгрён постоянно занимался поисками рукописных и опубликованных материалов об этих регионах и населяющих их народах, и его усилия в этом направлении встречали не только понимание, но и поддержку самых разных лиц, с которыми ему довелось здесь встретиться, прежде всего высшего русского военного руководства на Кавказе, базировавшегося в Тифлисе. Они прекрасно знали, что «...кроме боевой деятельности, генеральный штаб на Кавказе принимал весьма значительное участие и в ученых трудах по исследованию как местности, так и населения этой причудливо-разнообразной страны»¹⁴⁸. Об их помощи А.М. Шёгрён писал в своем письме к академику Х.Д. Френу 27 апреля 1836 г.: «Мое первое устремление заключалось в том, чтобы узнать больше о Западном Кавказе и Грузии как в географическо-статистическом, так и в этнографическом плане. По любезному позво-

лению главнокомандующего барона Розена, командующий Генштабом генерал Вольховский и оберквартирмейстер барон фон дер Хофен предоставили мне в свободное пользование богатые собрания Генерального штаба. Им обоим я остаюсь вечным должником за гостеприимство, которое они мне оказали».

О бароне Г.В. Розене говорилось выше; целесообразно сказать о других высокопоставленных помощниках академика, им упомянутых. В.В. Вольховский (1798–1841) — выпускник Московского университетского пансиона и первого набора Царскосельского лицея, «...товарищ по выпуску и друг Пушкина <...>; с 1826 г. на службе на Кавказе <...> с 1831 г. в чине генерал-майора состоял оберквартирмейстером, с 1832 г. — начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса; в <...> 1837 г. вследствие “немилости” Николая I Вольховский был переведен с понижением по службе на должность командира бригады в Литву»¹⁴⁹. Как и другие офицеры русской армии, служившие на Кавказе, В.В. Вольховский вел военно-топографические исследования мест, где ему доводилось служить, и потому хорошо представлял, какие материалы разыскивает А.М. Шёгрэн¹⁵⁰.

Способствовал А.М. Шёгрэну в поисках источников (как опубликованных, так и рукописных) и генерал-майор Р.И. фон дер Хофен (1775–1861). Назначенный в 1818 г. по личному выбору А.П. Ермолова грузинским гражданским губернатором, Р.И. Хофен успешно исполнял эту должность до 1829 г. Под его руководством в 1824 г. было переведено на русский язык «Уложение царя Вахтанга»¹⁵¹. Как и В.В. Вольховский, Р.И. Хофен оказывал всяческую поддержку А.М. Шёгрэну в его работе на Кавказе.

Вскоре после прибытия в Тифлис Шёгрэн попросил разрешения ознакомиться с материалами об осетинах, и уже 6 ноября 1835 г. он «получил в подарок экземпляр изданной там же <в Генеральном штабе> карты Кавказа и Грузии». «Я обратился, — продолжает ученый в своем дневнике, — к барону Розену с просьбой позволить мне узнать, какие письменные заметки и сообщения об осетинах я могу здесь найти».

9 ноября 1835 г. эти материалы уже были у него: «Вечер у Розена, он передал мне связку старых документов за 1747–1761 гг., касающихся этой местности, на просмотр и выписки из которых я потратил следующий день».

11 декабря 1835 г. ученому опять представили «...из Генерального штаба в пользование кучу бумаг о горских народах». Видимо, из них А.М. Шёгрэн отобрал ряд работ военных, в начале 30-х годов XIX в. служивших на Кавказе, имевших возможность наблюдать быт, обы-

чай, нравы кавказских горцев и оставивших описание разных сторон их жизни. Ученый не просто ознакомился с ними, но и переписал (или законспектировал) те из них, которые содержали заинтересовавшую его информацию. Эти конспекты на шведском языке вошли в первый и (в основном) во второй том рукописных материалов «Caucasia», хранящихся в фонде А.М. Шёгрена в СПб.Ф АРАН (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 18, 19).

Многолетний исследователь истории этнографического изучения Кавказа в русской науке М.О. Косвен выделил из общего числа этих конспектов два из первого тома «Caucasia»: «Описание дугорского народа» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 18. С. 11–33) и «Описание о живущих за Кубанью народах, начиная от Шат-горы, или Эльбруса имянуемой, до Анапы о числе оных, кто где жительство имеют, о их связи с прочими народами, на здешней стороне обитающими, с принадлежащими к сему замечаниями». Надписано: «Сие описание сочинено Потемкиным, бывшим приставом закубанским 1803 и мне сообщено генерал-майором Михаилом Михайловичем Веревкиным. Оно писано весьма пространном слогом и потому все ненужное пропущено» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 18. С. 117–146).

Ко второй рукописи мы еще вернемся, а теперь приведу перечень конспектов из второго тома «Caucasia», выделенных М.О. Косвеном: «Tschetschenser» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 19. С. 64–72об.); «Svaneti» (Там же. С. 73–74); «Mingrelien och Gurien» (С. 75–83об.); «Khartalinien» (С. 85–95об.); «Kachetien» (С. 96–103об.); «Imeretien» (С. 110–116об.); «Grusien» (С. 117–136об.); «Dagestan och Lesgier» (С. 137–138об.); «Abchasiien» (С. 140–149об.); «Kabarda und Bergstataren och Nogaierne» (С. 175–192об.).

В процессе многолетних поисков в архивах Москвы и Ленинграда М.О. Косвену удалось сопоставить некоторые из этих конспектов А.М. Шёгрена с рукописными материалами, поступавшими к русскому военному командованию в Тифлисе, а ныне хранящимися в Центральном военно-историческом архиве в Москве, во многих случаях определить их авторов (и даже привести — с разной степенью полноты — сведения о них)¹⁵².

Как установил М.О. Косвен, в основном это были описания разных мест на Кавказе, составленные военными топографами, служившими здесь в начале 30-х годов XIX в. Так, рукопись А.М. Шёгрена «Mingrelien och Gurien» — конспект «Краткого описания Мингрелии и Гурии», составленного «корпуса топографов подпоручиком Петровым 2-м в 1833 г.», в настоящее время хранится в ЦГВИА. (Колл. 482. Д. 193. Л. 360–404)¹⁵³.

В основе рукописи А.М. Шёгрена «Khartalinien» — составленное в 1831 г. военным топографом прапорщиком П.З. Богатыревым «Краткое статистическое и военное описание Карталинии», ныне хранящееся в ЦГВИА (Колл. 414. Д. 301. Л. 271–302)¹⁵⁴, рукописи «Kachetien» — «Краткое военно-статистическое описание Кахетии, составленное корпуса топографов поручиком Федоровым и подпоручиком Мамонтовым в 1833 г. Ныне оно также хранится в ЦГВИА (Колл. 482. Д. 193. Л. 287–306)¹⁵⁵.

В характеристике Имеретии («Imeretien») А.М. Шёгрэн опирался на «Краткое описание Имеретии, составленное корпуса топографов подпоручиком Саломатиным в 1832 году» (ЦГВИА. Колл. 482. Д. 193. Л. 328–359).

В фонде Н.Н. Раевского в ЦГВИА (Ф. 563. Д. 146) М.О. Косвен обнаружил «Описание Цибельды и дорог, ведущих из оной в Абхазию и Закубанскую сторону к карачаевцам и чегемцам», положенное в основу рукописи А.М. Шёгрена «Abchasien» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 19. С. 140–149об.). Оно было составлено поручиком Генерального штаба И.К. Ашем (1806–1832), участником военных действий на Черноморском побережье Кавказа.

Помимо поиска сведений о народах Закавказья (вспомним, что А.М. Шёгрэн первоначально планировал прежде всего изучение грузинского языка), ученый собирал материал и о других народах Кавказа: аварцах, лезгинах, кумыках, ногайцах, табасаранцах, балкарцах и карачаевцах, чеченцах, адыгах.

Конспект работы о чеченцах «Tschetschenser» примечателен тем, что в его основе не только «Статистико-топографическое описание кистинских и дидойских земель унтер-офицером Павленком 1836 г.», но и статья И. Иванова «Чечня», опубликованная в № 19 и 20 журнала «Москвитянин» в 1851 г. А это несомненное подтверждение того, что, как будет показано дальше, А.М. Шёгрэн до конца своих дней не утратил интереса к Кавказу.

Внимательно законспектированы сведения о ногайцах (рукопись «Kurze Geschichte der Nogaier Tataren im Taurischen Gouvernement Melitopolischen Kreise», 1836. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 18. С. 221–236).

Еще не предполагая возможности изучения черкесского языка, А.М. Шёгрэн собирал и конспектировал материалы об адыгских народах — кабардинцах и черкесах. Свидетельство тому — его рукописи «Zur Tscherkessischen Geschichte mit einer Karte» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 19. С. 209–212); «Cerkessica: Bemerkung von A. Kunik zur unentschiedenen Frage über die Aechtheit der Tscherkessischen Traditionen und deren Werkt für die Geschichte Türstenschums Tmtorakan»

(С. 121–214); «Tscherkesser» (С. 222–225). Подробные сведения не только о кабардинцах, но и об их ближайших соседях — горских татарах (т. е. балкарцах) и ногайцах — содержит рукопись «Kabarda und Bergstataren och Nogaierne» — реферат статьи «Краткое описание Большой Кабарды с прилегающими к ней Обществами малкарцев, урусбиевцев и карачаевцев прапорщиками Какоулиным и Чуркиниловым в 1836 г.».

А.М. Шёгрэн изучил, законспектировал и рукописи старшего адъютанта Генерального штаба Кавказского корпуса в Тифлисе И. Шаховского, в 1834 г. командированного в Сванетию и Кабарду, где он собрал разнообразные сведения о населяющих эти края народах (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 19. С. 73–74об.)¹⁵⁶.

М.О. Косвену не удалось установить источники *всех* конспектов А.М. Шёгрена; главный результат проведенного им исследования — заключение о том, что А.М. Шёгрэн тщательно учитывал и настойчиво разыскивал материалы о *разных* народах Кавказа и, как правило, опирался на документальные свидетельства.

Но вернемся к рукописи «Описание о живущих за Кубанью народах, начиная от Шат-горы...». М.О. Косвен установил, что в архиве А.М. Шёгрена в СПб.Ф АРАН находится копия (сокращенный вариант) этой рукописи из собрания материалов ординарного академика Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности Петра Григорьевича Буткова (1775–1857), служившего на Кавказе до 1803 г., автора добротных описаний ряда народов Кавказа (*Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. I–III*)¹⁵⁷.

Эта находка еще раз убедила А.М. Шёгрена в том, что были веские основания весьма критически относиться к работам Г.-Ю. Клапрота, в которых приводились разнообразные сведения о народах Кавказа и их языках. 17 декабря 1835 г. ученый записал в дневнике: «Когда я сегодня продолжил разбор бумаг из Генерального штаба, то нашел в разделе 14. № 10 “Описание о живущих за Кубанью народах, начиная от Шат-горы, или Эльбруса именуемой, до Анапы, о числе оных, кто где жительство имеет, о их связи с прочими народами, с принадлежащими к сему замечаниями” (покойного полк<овника> Верховского), настоящий истинный источник главы 9 Клапрота (*Voyage au mont Caucase. T. I. P. 187 и след.*) от 206 страницы до конца. Большею частью списано слово в слово. Рукопись не имеет дат, но из упомянутых событий сразу видно, что они за 1807 — тот самый год, когда путешествовал Клапрот».

Об этом А.М. Шёгрэн писал и в письме академику Х.Д. Френу от 26 ноября 1836 г.: «Прошлой же зимой я случайно обнаружил в Тиф-

лисе среди старых бумаг Генерального штаба оригинал клапротовского описания Кубани и живущих по ее берегам народностей, с которого Клапрот буквально перевел свои заметки (*Voyage au mont Caucase. T. I & Chaptire IX*; в старом немецком издании — 22 глава, стр. 187 и след. по большей части, и особенно со стр. 206 и до конца); хотя бы словом упомянуть о первоисточнике: «*A beau mentir, qui vient de loin!*»* — вот наиболее подходящий эпитаф для описаний мнимых поездок Клапрота по Кавказу и Грузии».

Сомнения А.М. Шёгрена относительно достоверности свидетельств Клапрота о Кавказе подтвердили и материалы, представленные ему Х.Х. Стевенем. Проживавший под Симферополем знаменитый естествоиспытатель, ботаник, энтомолог, садовод, доктор медицины, главный инспектор шелководства, инспектор сельского хозяйства Южной России, директор знаменитого Никитского сада в Крыму, член-корреспондент Императорской академии наук с 1815 г. и почетный ее член с 1849 г., Христиан Христианович Стевен (1781–1863)¹⁵⁸ во время многочисленных служебных поездок по Югу России помимо материалов по своим основным специальностям — ботанике, энтомологии, шелководству, виноделию и другим отраслям сельского хозяйства (значительная их часть опубликована в авторитетных российских изданиях) — собрал разнообразные сведения о народах Кавказа, которыми щедро делился с коллегами, посещавшими его всегда открытый дом. Особенно много материалов он передал А.М. Шёгреному в бытность того в Симферополе: «Мое пребывание здесь, — писал А.М. Шёгреному в письме академику Х.Д. Френу от 26 ноября 1836 г., — я использовал для более подробного знакомства с этой областью и для подготовки к возвращению на Кавказ. Прекрасную для этого возможность предоставило мне любезное гостеприимство моего ученого земляка¹⁵⁹, статского советника фон Стевена, который с поистине научной либеральностью передал мне в свободное пользование для изучения интересующих меня предметов свои богатые собрания материалов по Кавказу, с одним лишь условием, что в случае, если я по причине непредвиденных обстоятельств не смогу ими воспользоваться, я должен буду самое важное передать Академии наук, чтобы в будущем это послужило на пользу другим».

А.М. Шёгреному передал Академии наук все материалы о Кавказе, собранные Х.Х. Стевенем, и первыми из них были «...три любопытнейшие папки, содержащие в себе материалы о пребывании Клапрота в Тифлисе и Грузии; я счел своим долгом, — писал Шёгреному Х.Д. Френу,

* «Тому легко лгать, кто приехал издалека» (*франц.*).

— переправить их через Ваше сиятельство, Академии, дабы их использовали по усмотрению. Они проливают новый свет на доселе неизвестную деятельность, несмотря на шарлатанство, прекрасного ученого и позволяют предположить, что он, вероятно, не совершал сам все путешествия в Тифлис, но обрисовал их по устным или письменным свидетельствам других людей и приписал себе. Таким образом, его записи могут являться не более чем мастерской подделкой»¹⁶⁰.

В этом же письме Х.Д. Френу А.М. Шёгрэн сообщил о получении от Стевена и других рукописей. Это были: дневник немецкого врача и путешественника, служившего в Грузии, а затем в России и оставившего описание ряда народов Кавказа (абхазов, адыгов, осетин, лезгин, кистов, чеченцев, ингушей), Якоба Рейнеггса (1744–1793)¹⁶¹, который тот вел во время своего пребывания в Турции в 1771–1778 гг.; статистические сведения о Грузии, Гандже, Баку, Кубе с приложением «Записки о пребывающих в Грузии жидях», 1815; «Камеральное описание Горийского уезда, Карталинни, Сигнахского, Тифлисского уездов»; выписки из архива коменданта Кизляра — данные по статистике, истории, географии и этнографии этого края в начале XVIII в., другие документы по истории Кавказа¹⁶².

Поиск опубликованных и рукописных материалов о Кавказе А.М. Шёгрэн продолжал на всем протяжении своей кавказской экспедиции. В свой второй приезд в Тифлис в 1837 г. он записал в дневнике 17 июня 1837 г.: «Из Генерального штаба <...> получил для просмотра стопку описаний горских народов, поступивших <только> теперь», а 28 июня 1837 г. «...закончил выписки из бумаг Штаба и вернул их». 1 июля 1837 г.: «Генерал Ховен подарил мне на память 6 листов новонапечатанной карты Кавказа, включающих Осетию».

В первую очередь А.М. Шёгрэна интересовали, конечно, рукописи и книги, посвященные Осетии. В Тифлисе он получил их у экзарха Евгения, который сначала позволял ему только переписывать имевшиеся у него осетинские книги. 31 октября 1835 г. Шёгрэн записал в дневнике: «Долгое время у экзарха, который проявил себя весьма либеральным и учтивым и одолжил мне редкую книгу, напечатанную в 1798 г. в Москве с осетинским переводом, чтобы я мог ее переписать», а уже 5 ноября 1835 г. ученый отметил, что он «закончил переписывать осетинский Катехизис».

17 ноября 1835 г. экзарх подарил ученому «...по экземпляру всего того, что перевел Ялгузидзе, и вместе с грузинским нашел <для меня> и осетинские переводы».

О помощи экзарха Грузии в собирании осетинских книг А.М. Шёгрэн с благодарностью писал в письме академику Х.Д. Френу в самом

начале их знакомства — 27 апреля 1836 г.: «С глубокой благодарностью вспоминаю я и о досточтимом экзархе грузинском Евгении, с которым мы провели не один вечер в познавательных беседах. Ему я обязан многими редкими и доселе неизвестными научному миру сведениями об осетинской литературе. Их содержат в себе книги, напечатанные здесь в Тифлисе и в Москве грузинским церковным шрифтом — утренние и вечерние молебны, катехизис с краткой моралью, литургия, молебен на крещение, помолвку, венчание и погребение, а также букварь. Все эти книги — на грузинском и осетинском. Кроме того, рукописный перевод четырех Евангелий на осетинский. Если причислить к этому упомянутый Клапротом (*Voyage au mont Caucase*, II, 461) более древний, но тем не менее широко известный славянско-осетинский катехизис, то мы получаем полное собрание всей осетинской литературы. Все пять упомянутых произведений, переведенных и изданных лишь после 1819 года, принадлежат осетинскому дворянину, умершему несколько лет назад, секретарю губернатора Ивану Григорьевичу Ялгузидзе. Они имеют немалую ценность как первые полные и прилежно собранные сведения о диалекте осетинского языка, по крайней мере, его южном варианте у границ с Грузией».

Необходимо привести хотя бы самые краткие сведения о переводчике этих книг на осетинский язык — И.Г. Ялгузидзе (1775–1835). «Осетинские исследователи по-разному пишут его имя — Иоанн Григорьевич Ялгузидзе¹⁶³ и Иоанн Иалгузидзев¹⁶⁴, но сходятся в характеристике его происхождения и судьбы: осетин из района Джаввы, Южной Осетии, он принадлежал к грузинскому дворянскому сословию, хорошо владел, кроме осетинского, грузинским и русским языками, состоял на русской службе в Тифлисе, с 1820 по 1824 г. занимался просветительской деятельностью. «По инициативе экзархов Грузии Феофилакта и Моисея И. Ялгузидзе создал осетинский алфавит на основе церковно-грузинской графики, так называемого “хуцури” и “мхедрули” и уже в 1802 году <...> перевел на осетинский язык с помощью письма, основанного на “мхедрули”, судебные приговоры, а начиная с 1819 года он переводит и издает целый ряд религиозных произведений»¹⁶⁵.

В. Уарзиати привел полный перечень переводов И.Г. Ялгузидзе, которые он напечатал грузинским церковным шрифтом *хуцури*; это четыре публикации: «1. Утренние молитвы, вечерние молитвы, катехизис или краткое христианское учение, краткое наставление в христианском законе, краткий молитвенник... Тифлис, 1820; 2. Богослужение... Москва, 1821; 3. Обряд крещения, обряд бракосочетания, обряд по усопшим... Тифлис, 1824; 4. Грузинско-осетинский букварь (19 стр.). Тифлис, 1821.

В распоряжение ученого была предоставлена и рукопись «Четвероевангелия» на осетинском языке, с предисловием на осетинском и грузинском языках. Работа над ней велась Иалгузидзевым... но она так и не увидела свет»¹⁶⁶.

И. Ялгузидзе считается также автором первой осетинской поэмы «Алгузиани».

Почти через 10 лет после первой встречи с экзархом Евгением А.М. Шёгреном в предисловии к «Осетинской грамматике» среди своих помощников в изучении осетинского языка *дважды* первым называет именно его: «Его Высокопреосвященство Преосвященнейший Евгений, Архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, незабвенный для меня своим ко мне благорасположением, поучительным во всех отношениях обхождением, и щедро одаривший меня всеми прежде существовавшими книжными пособиями при моих приготовлениях к делу в Тифлисе»¹⁶⁷.

Экзарх Евгений сохранит доброе отношение к А.М. Шёгреному и будет помогать ему и разыскивать документы по истории Кавказа и распространять его «Осетинскую грамматику» среди образованных горцев и после своего переезда в Астрахань. Подтверждение тому содержится в его письмах А.М. Шёгреному 1838–1846 г. (ОР НБФ. Coll. 209.19). В письме от 23 февраля 1839 г. он писал: «...согласно уведомлению Вашему о Кутаисском протоиерее Кутателадзе, который вступил уже в переписку с г. Броссетом и изъявил готовность доставлять съемки с грамот и других письменных документов, находящихся в кутаисских церквях и других местах, я сделаю распоряжение и предпишу ему, Кутателадзе, чтобы он в случае каких-либо затруднений при отыскании древних памятников Грузии всегда уведомлял меня, а я с своей стороны буду просить Имеретинского архиепископа Софрония об открытии замечательных редкостей в церквях и монастырях, существующих в Имеретии, и об удобном доступе Кутателадзе в те места. Постараюсь также доставить возможные способы и г. Иоселиану для отыскания в Мцхете и других церквях и монастырях по Грузии древних документов и редкостей. О чем прошу уведомить от меня и г. Броссета».

Упомянутый экзархом Евгением кутаисский протоиерей Николай Фомич Кутателадзе (1797–?) был авторитетным в Грузии священнослужителем: в 1845 г., например, он «...был послан в Сванетию для увещания враждовавших между собою князей Дадешкелиани»¹⁶⁸.

Во время служения в Грузии экзарх Евгений поддерживал тех, кто пытался способствовать просвещению грузин и осетин. Переводчики священных книг на осетинский язык представляли результаты своих

трудов прежде всего экзарху. От него рукописи поступали в Синод, который направлял их в Академию наук, где их — нередко многократно — рецензировал А.М. Шёгрэн¹⁶⁹.

Причем академик был не только строгим наставником своих кавказских коллег, но и дисциплинированным «учеником», работы которого они внимательно рецензировали. Из письма экзарха к Шёгрэну от 28 июля 1843 г. мы узнаем, что 15 июня того же года он получил «Осетинскую грамматику» ученого (вероятно, речь идет о рукописи труда, который увидит свет только в 1844 г. — А.А.) и передал ее Г. Мжедлову, «чтобы он, прочитав оную со вниманием, сделал свои замечания и таковые сообщил Вам для соображения». А 17 ноября 1843 г. экзарх писал А.М. Шёгрэну: «...состоящий учителем осетинского языка при Тифлисской духовной семинарии Григорий Мжедлов по получении от меня составленной Вами “Осетинской грамматики” успел прочитать оную, и в изложенных в ней правилах не нашел ничего, против чего он с своей стороны мог бы сделать замечания».

Архиепископ Евгений передаст своему преемнику, экзарху Исидору, традицию отправлять ученому материалы о разных народах Кавказа. Подтверждение тому — письмо экзарха Грузии Исидора А.М. Шёгрэну от 24 января 1847 г.:

«Милостивый государь Андрей Михайлович!

Владикавказский священник Цамциев, восемь лет находившийся на службе между ингушами-назрановцами, составил «Краткий словарь ингуше-назрано-чеченского языка». От сочинителя, обучавшего только в семинарии, и не знакомого с правилами филологических исследований, конечно, нельзя ожидать зрелого произведения. Но как ингуше-назрано-чеченский язык еще не исследован, то и несовершенный опыт — думаю — в руках просвещенного филолога может иметь какую-нибудь цену.

Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, уведомить меня, заслуживает ли труд Цамциева внимания; — и если он в каком-либо отношении может быть полезным, то не оставьте преподать сочинителю наставление, что нужно сделать к усовершенствованию словаря его».

В петербургском архиве А.М. Шёгрэна (СПб.Ф АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 197) сохранилась эта рукопись, озаглавленная «Краткие разговоры и словарь с русского на ингушевско-назрановско-чеченский язык. Составленные Благочинным священником Григорием Цамциевым 1846 года. Списано с подлинника — с опущением грузинского перевода — в 1847 году». На обороте обложки ее название повторяется: «Самоучитель, содержащий в себе разговоры и словарь на российском и назрано-ингушевского-чеченском языках, состав-

ленный служащим в Осетинской Духовной Комиссии Благочинным Григорием Цамциевым».

Важно подчеркнуть, что при составлении словаря тогда бесписьменного языка чеченцев и ингушей Г. Цамциев использовал алфавит Шёгрена для обозначения звуков осетинского языка.

Поскольку А.М. Шёгрэн не занимался изучением языка вайнахов, он, естественно, не мог высказать свое мнение о работе Цамциева. Собранный им материал, зафиксировавший состояние чечено-ингушского языка полтора столетия назад, все еще ждет своего исследователя.

Кроме рукописей и книг на осетинском, Шёгрэн на протяжении всего кавказского путешествия пытался разыскать рукописи на тюркских языках — татарском и ногайском. 10 июля 1836 г. он записал в дневнике: «Я ездил с Сунбладом в Карас и посетил пастора Лавэ, у которого П. Галова подарил мне напечатанный в Астрахани татарский перевод Н. Тиста и Голитершеса». 16 декабря 1836 г. Шёгрэн получил в Тифлисе от доктора Дитриха «пару сочинений на здешнем татарском».

До конца своих дней А.М. Шёгрэн продолжал занятия «турецко-татарским языком» и поиск источников для его изучения. Подтверждение тому — письмо из Казани некоего Осипа Ковалевского от 18 января 1848 г. (ОР НБФ. Coll. 209.19):

«Милостивый государь Андрей Михайлович,

По желанию Вашему выпросив 1 экз. «Грамматики турецко-татарского языка» от автора, имею честь передать Вам через природного монгола, кандидата здешнего университета Банзарова, которого позвольте Вам рекомендовать, а вместе покорнейше прошу Вас принять чувства душевного моего к Вам уважения и неизменной преданности.

Ваш, милостивый государь, усерднейший слуга Осип Ковалевский».

Прекрасно понимая, как немногочисленны были в первой половине XIX в. издания на этом языке, А.М. Шёгрэн уделял основное внимание поиску рукописных материалов и все больше убеждался, как мало их сохранилось. Это были, например, копии документов, о которых он писал в дневнике 17 и 19 декабря 1836 г.: «Мой хозяин принес мне копии ханского помилования и привилегий для караимов в Кале; их копированием я и был сегодня занят. Приложенный татарский перевод на более новый диалект помог мне скопировать татарский мулла. Оригиналов, к сожалению, здесь нет — они в Корсове. <...> Мулла вернулся, но сказал, что он не знает никаких хроник, которые, он думает, в наши дни совершенно утрачены. Посколь-

ку он не выполнил мое задание и был слаб в русском, то мне не было от него никакой иной пользы, чем та, что я поручил ему переписывать оставшиеся ханские документы» (об этой находке Шёгрена писал и в письме Френу 19 апреля 1837 г.).

В другом случае ему представили лишь фрагменты рукописей: «...кадий Элиас Эфенди <...> показал нам только несколько разрозненных фрагментов различных “теварихов” и сказал, что у него самого нет ничего более обширного; однако он не желал уступать их, но обещал со временем послать их позже, когда сможет сделать для себя копию. Об оплате не должно быть вопросов, но на будущее: будет ли он передавать их на собственное рассмотрение Академии. Он намеревался разыскивать полные хроники еще и в Крыму, куда он вскоре должен поехать по делам службы, и со временем известит об этом» (Дневник. 25 января 1837).

Но иногда ученому удавалось получить и подлинные издания «татарских» книг: 22 декабря 1836 г. мулла подарил ему «...очень изящную рукопись турецкого букваря», а 27 февраля 1837 г. один из его новых знакомых на Кавказе, Галлоуэй «принес <...> экземпляр Нового Завета, отпечатанного в Астрахани для татар, живущих там, и особенно к западу от Волги, как и пару других маленьких трактатов».

В добычании ногайских рукописей А.М. Шёгреному помогал уже упоминавшийся Юл. Корниг, задумавший научить ногайцев жить почти по-европейски. 6 января 1837 г. ученый записал в дневнике: Юл. Корниг «...пополнил мои собрания, сделанные еще в Симферополе, копией нового описания ногайцев и сочинением о живущих в этой местности молоканах». Тот же Корниг дал задание местному учителю разыскать ногайскую рукопись, которую он сам недавно видел: «Владелец ее умер после <встречи с Корнигом>, и его сын утверждает, что теперь <осталась> только половина толстого, объемистого манускрипта. Однако он сказал, что на данный момент не может его найти. Корниг пообещал еще разузнать <об этом>».

Настоящим открытием для кавказоведов будет упоминание в дневнике Шёгрена двух рукописей о черкесах. 14 февраля 1837 г. в Ставрополе он «...познакомился с титулярным советником Карлом Ивановичем Таушем из Иностранной коллегии <...> В качестве комиссара он прожил шесть лет среди натухайцев и выучил черкесский язык, на котором бегло изъяснялся, когда призвали двух черкесов из этого же рода»¹⁷⁰.

15 февраля 1837 г. Шёгрена снова встретился с Таушем, «...чтобы с ним проверить правильность “Заметок о черкесах”, которые, — писал он в кавказском дневнике, — я везу из Тифлиса. От него к полковни-

ку Горскому — с ним прошлой зимой я познакомился в Тифлисе и там слышал его рассказы о здешнем рукописном древнем описании Кавказа на латыни. Его нельзя было получить сейчас же, поскольку я предполагал уехать утром. <Тауш собирался> скоро приехать в Тифлис, и я попросил его <договориться> с владельцем, чтобы он дал ему это описание и <позволил привезти в Тифлис>, что он и пообещал.

И здесь же Шёгрэн сообщает и о другой рукописи о черкесах: «Я получил у <Тауша> другую рукопись о черкесах — Хана-Гирея, урожденного черкеса. Рукопись должна быть отправлена в Тифлис — возможно, там я воспользуюсь ею».

А.М. Шёгрэн упомянул здесь рукопись сочинения полковника, флигель-адъютанта, командира Кавказско-горского полуэскадрона Хан-Гирея (1808–1842) «Записки о Черкесии», написанного им по предложению графа А.Х. Бенкендорфа в 1829–1836 гг. в связи с планировавшейся поездкой на Кавказ императора Николая I. В отличие от других сочинений Хан-Гирея, увидевших свет и при его жизни¹⁷¹, и в основном после его смерти¹⁷², «Записки о Черкесии», много раз кочевавшие из одного архивохранилища в другое¹⁷³, только в 1958 г. были обнаружены научным сотрудником Центрального государственного военно-исторического архива В.А. Дьяковым¹⁷⁴ и вызвали огромный интерес к судьбе и творчеству их автора, прежде всего к этому «выдающемуся для своего времени произведению». Возможно, доведись А.М. Шёгрэну познакомиться с ним во время его кавказской экспедицией, его занятия адыгами приняли бы другие масштабы.

Приобретенные во время экспедиции рукописи или издания, посвященные народам Кавказа, ученый иногда обозначал как просто «восточные»: 6 февраля 1837 г. аптекарь Эльсинг подарил ему «... из своего маленького нового собрания все восточное, что у него было, и признался, что помимо того выбрал кое-что еще», а 10 марта 1837 г. Шёгрэн просмотрел у Галлоуэя «...множество восточных рукописей, из которых только две собственно исторические». В других случаях он точно определял их принадлежность тому или иному народу.

9 февраля 1837 г. в Нахичевани А.М. Шёгрэн нашел у армянского священника манускрипты на армянском языке — «только богословские <...> среди них старый на пергаменте “Занятия Кирилла”, который, как он утверждает, “много отклоняется от печатного”».

2 февраля 1837 г. Шёгрэн получил от «...аптекаря Эльсинга, старого, образованного, достойного уважения человека, <...> несколько калмыцких манускриптов (они сохранились в СПб.Ф АРАН, в фонде ученого — Ф. 94. — А.А.), а также печатную книгу, как и печатный арабский катехизис».

Среди приобретенных Шёгреном на Кавказе изданий были и на персидском языке: 3 декабря 1836 г. некто Заставский вручил ему «...персидский Новый Завет в обмен на французское издание “Путешествия Клапрота”», а 16 декабря 1835 г. пастор Дитрих подарил ему «Новый Завет и Притчи Соломоновы на персидском языке».

Но самые большие надежды найти рукописи и изданные книги А.М. Шёгрена связывал с Грузией. По его просьбе для него составляли «Грузинский лексикон», переписали текст поэмы «Витязь в барсовой коже» и ряд других материалов.

В первую очередь Шёгрена искал «Граматику Антония». Ему называли разных лиц, у которых она могла быть, и ученый обращался к каждому из них. 11 июня 1837 г. он записал в дневнике: «Теперь я начал искать князя Эрнстова, у которого, по словам его брата из Тифлиса, есть “Грамматика Антония”. Я натолкнулся на него прямо на улице. Его “Грамматика”, как он сказал, была не здесь, а в селении около Гурами. Однако он полагал, что эта самая грамматика есть и у других здесь в городе, и сам указал мне на священника Иессия Яковлевича Гарсеванова, человека просвещенного и любителя древностей. К сожалению, я не нашел его дома».

21 июня 1837 г. Шёгрена на обеде у Тальквиста «...наконец увидел “Граматику Антония”, а также рукопись грузинской хроники в 500 страниц in folio. Это, должно быть, хроника Вахтанга, но в извлечении его сына Вахушти. <Иоселиани> считал, что невозможно получить экземпляр также бóльшей, первоначальной <хроники> и в любом случае пообещал мне список имеющейся сейчас, принадлежащей князю Тарханову».

28 июня 1837 г. уже упоминавшийся учитель Тифлисской духовной семинарии Платон Иоселиани, у отца которого была библиотека «с множеством грузинских рукописей, конечно, большей частью богословского характера, но также и переводы многих трудов Аристотеля и Прокла, комментарии Диалога на Аристотеля, из которых он пообещал экземпляр Академии» (Дневник. 26 июня 1837), подарил академику рукописную «Граматику Антония» (она хранится в Институте восточных рукописей РАН в Петербурге).

Это случилось во второй приезд А.М. Шёгрена в Тифлис в 1837 г., и с этого времени П. Иоселиани стал систематически разыскивать и отправлять в Академию — то А.М. Шёгрена, то академику М.И. Броссе — различные материалы о Грузии. Убедительное представление о работе, которую провел Иоселиани, дают его письма к А.М. Шёгрена, хранящиеся в Отделе рукописей Национальной библиотеки Финляндии (Coll. 209.19). Приведу цитаты из них.

Письмо от 1 июня 1837 г.: «Теперь, без сомнения, Вы в Пятигорске, и потому спешу по обещанию сообщить Вам краткое понятие о книге, которую я просил пожертвовать от меня Академии наук. Книга сия на грузинском переводе носит такое название: “Прокла Диадиха Платонического философа Богословския системы”. Она тем более может быть важною для ученых, что есть перевод десятого века и, след<овательно>, может служить к объяснению многих мест, искаженных временем и переписчиками в оригинале. Перевод сей, сделанный грузинским философом Иоанном Петрицием, жившим около 970 года, разделен на 211 глав, и каждая объясняется им же, Иоанном».

14 апреля 1838 г.: «Очень рад, что г. Броссе предупредил письмом, отправив к нему для пожертвования от меня Академии же книгу — Соч. Католикоса Антония I, драгоценную во многом отношении для истории и литературы грузинской».

12 мая 1838 г.: «“Лексикон”, который был Вам обещан Коргановым, хотя при моем содействии и окончен, но он для Ваших слабых глаз весьма не полезен, притом же полон ошибок. Для этого жертвую Вам свой “Лексикон”, крупнее переписанный и не с большими ошибками, которых, уверяю Вас, не имел времени теперь поправить».

4 августа 1838 г.: «Предприятие мое совершить маленькое ученое путешествие по Грузии нашло величайшее препятствие. Открывшаяся в Ахалцихе чума заставила меня остаться в Тифлисе... Зато я ездил в Душет, где я искал случаев пробиваться в ущелья гор и искать древние книги. В этом я действительно успел довольно. Прошу Вас спросить г. Броссета, и он Вам прочитает мое письмо».

5 октября 1838 г.: «Нынешнее лето я почти сгнил в жарах Тифлиса, строя себе дом на прекрасном месте, в котором желал бы я Вас видеть. <...> И посему-то не мог совершить по Грузии путешествия для отыскания старинных книг, которыми я очень богат. К тому же отыскал здесь древнюю “Историю Грузии” на армянском языке, которая списывается для меня и которую сообщу и Академии наук. Портреты древних царей Груз<ии>, находившиеся в Мцхетском соборе, скопированы; но живописец Роцци заболел лихорадкою и не мог приготовить как следует для Академии. По выздоровлении его представляю их Академии».

10 ноября 1838 г.: «“Христоматия татарская”, о которой спрашивает г. Френ, еще не издана, и как ее должен печатать сочинитель, то за этим и остановка. Впрочем, как только отпечатается, я доставлю 2 и даже 4 экземпляра.

Вместе с некоторыми нужными для г. Броссе надписями прислал я Вам и по экземпляру изданных мною поэм Шавтели и Чахруладзе; равно и для г. Ак<адемика> Френа».

9 марта 1839 г.: «По данной Вами мне мысли еще в бытность Вашу в Тифлисе — собирал доселе монеты старинные и собранные в числе 39, в том числе и несколько серебряных, я уже 6 числа этого м<есяца> отправил по тяжелой почте прямо на Ваше имя. По представлении их в Академию и разборе и обо всех последствиях прошу покорнейше меня уведомить. Там найдете монеты царицы Русудан — медную и серебр<яную>, царей Грузии Теймураза, Ираклия и Георгия XIII. Следующею почтою отправляю г. Броссе и собранные мною из уст народа загадки для понятия о характере народа, о его жизни — политической и семейной; кажется, должны быть очень важны. По крайней мере, по ним можно судить о нравственном достоинстве народа в лета и годы политич<еского> его бытия, его образе мышления и степени образования его. Я бы перевел их на русский язык, если бы последнее поручение Вашей Академии — собрать документы для “Истории” из хартий Синодальной здесь конторы — не мешало мне в этом. Это я считаю более полезным для “Истории” моего отечества.

Получили ли “Вепхисткаосани” (поэма “Витязь в барсовой коже”. — А.А.), принадлеж<авший> Г. Шопену¹⁷⁵ и отправленный мною к Вам через г. Броссе?».

4 декабря 1839 г.: «Я очень жалею, что не мог к концу этого года представить Академии снимки с портретов древних царей грузинских в Мцхете. Но эй, эй, я не виноват в такой медленности; имею в том много свидетелей и во главе их — кн. Баратаева и г. Коцебу. Живописец обещал, наконец, к наступающей почте кончить свои работы набело.

Что касается до древних гуджар, т. е. старинных актов, то многие из них уже переписаны и дожидая портретов, чтобы их вместе выслать.

«<...>На наступающий 1840-й год издал на груз<инском> языке “Календарь”, труд, конечно, не важный, но необходимый для народа, который никогда еще его не имел. С прошедшею почтой я отправил их вместе с одною монетою царя Груз<ии> Теймураза I-го, не известною Академии, в числе 30 экз. Прошу один из них принять от меня в дар — малый, ничтожный, но с усердием приносимый».

10 октября 1840 г.: «Теперь для Академии Вашей готовлю новые подарки:

1. Портреты или лучше образа около 20 лиц, прославившихся в нашей церкви. Какие они, прочитаете в письме к г. Броссе. 2. Древнюю “Географию”, найденную в библиотеке здешнего армянского

епархиального архиерея, на арм. языке. З. “Историю Грузии” на арм. языке, которая оканчивается XI веком. Эти две последние книги будут высланы следующей тяжелой почтой на имя г. Броссе.

Г. Броссе прочитает в моем письме к нему новое открытие для “Истории”. В Кахетии мужики отыскивали бога древних поклонников Солнца или Огня. Это — грифон древних египтян.

Не нужна ли будет для Академии коллекция древних книг грузинских? Она состоит из 200 экз. оригинальных и переводных, большей частью древних. Многие из них писаны на пергаменте. Я писал об этом и г. Броссе. Прошу поговорить с академиками и мне сообщить».

А.М. Шёгрэн неоднократно и с похвалой отзывался о П. Иоселиани — и в своих публикациях о кавказской экспедиции¹⁷⁶, и в письме к академику Ф.И. Кругу от 20 октября 1837 г.:

«Как было на этот раз в Грузии, я не мог и думать о покупке рукописей либо монет (которые я видел в Тифлисе). Все же мне удалось приобрести для нашей Академии дубликат старинной и очень редкой рукописи, которую я теперь и имею честь переслать. <...> Рукопись эта — подарок некоего Иоселиана — кандидата теологических наук и учителя философии и физики в Тифлисской духовной семинарии, молодого человека, много обещающего в науках. Я очень сожалею, что не познакомился с ним раньше. От него я получил на память уже упомянутую “Грамматику” Антония».

П. Иоселиани не только сообщал А.М. Шёгрэну о своих поисках и находках материалов о Грузии, но и рассказывал о научных планах: о подготовке «Истории грузинской литературы» («мысль которой была ему подана» А.М. Шёгреном), «Географического и исторического описания Древней Грузии», «Лексикона грузинского», «Грузинской грамматики», об издании «Закавказского вестника», редактором которого он был, и о реализации задуманного (в своих письмах к академику от 14 и 21 апреля, 23 июня 1838 г. и др.).

Делясь своими замыслами с академиком, П. Иоселиани не только не скрывал, что он мечтает служить в Императорской академии наук, но постоянно обращался с просьбой помочь ему быть избранным в члены Академии — известно, что в XIX в. такое избрание не давало ученому почетного звания, а позволяло получить лишь должность, т. е. работу и жалованье. При увольнении из Академии ученый утрачивал и должность, и право называться академиком или членом-корреспондентом. Убедительный пример — известный востоковед-арабист и санскритолог Ф.Ф. (Франсуа Бернар) Шармуа (1793–1868). Избранный в 1829 г. в члены-корреспонденты, а в 1832 г. в действи-

тельные члены, в 1835 г., после возвращения во Францию, он стал иностранным членом Императорской академии наук. Такие случаи многочисленны.

П. Иоселиани многократно обращался к А.М. Шёгрёну с просьбой поддержать его стремление трудиться в Академии. Приведу выдержки из его писем 1838–1841 гг.:

«Г. Броссё писал, что если не в этом году (1838), то в следующем (т. е. 1839) буду я выбран в члены-корреспонденты Академии. Могли надеяться этого? Бог и совесть — свидетели, что я всевозможно тружусь для Академии и для своего края. Таковая честь больше побудит меня к занятиям и пожертвованиям Академии, куда и я буду принадлежать. Исполнение такого желания полезно для меня на поприще служения по ученой части, которому я всего себя давно посвятил» (5 октября 1838 г.).

«Письмо Ваше от 17-го окт. я получил 3 ноября. День, в который Вы писали ко мне, замечателен для меня по важному и радостному событию: в этот день Бог даровал мне сына Аполлоса. Дай Бог, чтоб и дело о книге моей, шагнувшей к сочлену Вашему Устрялову¹⁷⁷, отозвалось и повторилось в сводах Вашей Академии вожделенным для меня эхом. Я знаю и уверен, что она не выдержит строгой критики, ибо судите сами: она писана в Грузии — земле бедной учеными пособиями. Считаю опасным и то, что ее должен рассматривать человек еще новый в Академии и, разумеется, с точки зрения — блеснуть на новом и первом поприще. И борьба такого человека начинается с слабым существом, с книгою, которой дал бытие также несильный, бессильный в пределах Азии. Впрочем, что делать? Я держался и хотел держаться во всем берегов, а очутился в середине моря» (10 ноября 1838 г.).

9 марта 1839 г.: «Давно, давно не получал от Вас письма и даже ответа на мое последнее к Вам письмо от ноября или окт<ября> писанное. Экзарх наш показывал и диплом свой на члена-корреспондента¹⁷⁸, и письмо Ваше к нему. Академия очень кстати сделала такое распоряжение, полезное и для меня. Потому что с этого времени стал <я> смелее действовать на поприще своих изысканий для Академии, для Наук. С этого же времени проснулась и “Грамматика” моя с русским переводом, отдохавшая в кабинете его года ровно два».

19 октября 1839 г.: «После письма моего к Вам от 6-го числа этого месяца, отправленного вместе с письмом к г. Броссе, я нашелся вынужденным, не пропуская времени и случая, отправить к Вам и это письмо. Цель и того, и другого, как Вы и увидите, есть разбудить внимание ко мне Академии, важное для меня в том отношении, что я всего себя и навсегда посвятил наукам и изысканиям древностей своего

Отечества. Г. Коцебу, приятель мой и академиков Круга и Кеппена — у которого крестил он и сына в последнее пребывание его в Петербурге — писал ходатайственное письмо о принятии участия по делу чл.-корр. моего в Вашей Академии. Уведомляя Вас об этом, снова убедительнейше прошу сделать все возможное с Вашей стороны, хотя я и без того в Вас в том уверен».

4 декабря 1839 г.: «Г. Броссе нащел моей к Вам и к нему просьбы писал некоторое уверение. А потому прошу покорнейше побудить его для совместного с Вами и с Кеппеном действия. К последнему писал об этом и г. Коцебу. След<овательно>, для троих дело это должно быть очень возможным».

10 октября 1840 г.: «Между тем не забудьте и обо мне, и об членстве моем в Вашем ученом сословии. Не совершится ли желание мое, и обещание со стороны Вашей, г. Броссе и ак<адемика> Кеппена — в нынешнем году?»

21 ноября 1841 г.: «Занятия мои все идут по-старому. Из письма моего к г. Броссе узнаете, что и я не дремлю и при малых средствах работаем и совершаем если не гигантское, то соразмерное силам частного человека, обремененного многими занятиями по службе. А потому обнадеженный Вами <...> не теряю надежды на Ваше давно обещанное мне содействие в деле, Вам уже известном <...> Броссе снова обещается, а я к Вам обращаюсь».

Мечте П. Иоселиани работать в Петербурге, в Академии наук, не суждено было сбыться. Но и оставшись в Тифлисе, он много сделал для изучения грузинского языка и литературы, истории Грузии, для развития просвещения в Закавказье.

Все, с кем встречался А.М. Шёгрэн в Грузии, узнав о его поисках материалов об этом крае, советовали ему посетить монастырь в Гелати. И он предпринял труднейший переход через горы, чтобы «...лично убедиться в том, действительно древние рукописи до сих пор хранятся в <этом> монастыре, как то следует из сообщения Гамбы» (Письмо академику Х.Д. Френу 19 апреля 1837 г.).

Библиотеку монастыря Гелати А.М. Шёгрэн описал в своем дневнике 5 июня 1837 г. и более подробно — в письме академику Ф.И. Кругу: «В Кутаиси я задержался до 28 мая <...> За это время я в сопровождении протоиерея Николая Кутателадзе, для этих мест человека необычайно образованного, совершил экскурсию в старый монастырь Гелати, расположенный в семи верстах отсюда. Я надеялся найти там старые рукописи. Еще в Кутаиси я лелеял большие надежды в этом отношении — там в самом деле должно было сохраниться много интересных рукописей. Хотя главные — в общей слож-

ности 15 штук — не так давно оттуда вывез один знатный местный собиратель. На мой вопрос, что это были за книги, он смог назвать «одну по этике, одну по догматике, и одну книгу Эффрама Сирова». В этой коллекции должны были также находиться экземпляр «Грамматики» католикаса Антония и «Хроники» истории Грузии и Имеретии. Библиотечного каталога никогда не существовало. Кроме того, я обнаружил там кроме нескольких «Евангелий», использовавшихся для церковной службы, несколько фолиантов рукописей, написанных большей частью на пергаменте. В них, однако, не было никаких исторических сведений, за исключением нескольких житий святых. Остальные были трактаты отцов церкви или переложения и трактовок библейских сюжетов.

В одной из комнат лежало большое количество отдельных листов пергаментов или тетрадей, по-видимому, того же содержания, просмотреть которые никому не пришло в голову. В коллекции много золотых вещей и драгоценных камней. Они, как и другие реликвии и иконы, были подарены прежними грузинскими и имеретинскими царями и другими важными персонами. Многие из них снабжены выгравированными надписями, которые могли бы представлять исторический интерес. Так, например, последнего абхазского католикаса Эвдемона, портрет которого упомянут среди прочего и в перечне Клапрота <...>, взятом у Пюльденштедта, находится на внутренней стене церкви, называют в одной из надписей на иконе <...> католиком северным (тенева сторона) и абхазским. Это доказывает, что в то время (около 300 лет назад) по крайней мере нынешние области Сванетия и Тзибелда (возможно, и Черкесия) относились к его епархии, то есть имели по крайней мере часть христианского населения. Это доказывают и многочисленные старинные церкви или их развалины на Кавказе.

Вызывает большое сожаление тот факт, что никому не пришло в голову сделать копии с многочисленных грузинских надписей в монастыре. Лишь три из них известны. Исключение составляет также арабская надпись на тамошнем железном крыле ворот, копию которых делали Эйхвальд, Дюбуа и Бартеуев.

Работа эта, конечно, заняла бы много времени и у опытного специалиста, поскольку и монахи были бы ему плохими помощниками в поисках таковых надписей. К сожалению, ни время, ни состояние глаз, пострадавших за время путешествия по горам, не позволяют мне заняться этой работой. Впрочем, упомянутый выше Кутателадзе пообещал мне заняться этим в будущем и прислать через меня эти копии Академии... Мне рекомендовали местного грузинского свя-

щеннослужителя, якобы просвещенного знатока и собирателя рукописей. Но и его я несколько раз принимался искать, правда, безуспешно. Наконец на следующее утро я застал его дома. Он сказал мне, что у него есть 6 рукописей, среди которых — долго разыскиваемая мною “Грузинская грамматика” католика Антония, “Грузинский словарь”, “Астрономия”, по указанию царя Вахтанга переведенная с персидского, и экземпляр под названием “Tzchowreba Sakartwelosa”, известная “История” Грузии. Однако уже довольно давно он отдал их все имеретинскому князю и также собирателю подобных вещей, который до сих пор их ему не вернул.

В то же утро я продолжил свой путь в Тифлис, до которого от Гори — 87 верст, и прибыл туда в тот же день вечером, совсем измученный и больной от путешествия и изнуряющей жары.

Прошло несколько дней, прежде чем я снова пришел в себя. Частью благодаря старым знакомствам, частью — новым я попытался использовать наилучшим образом время пребывания в Тифлисе, и получил возможность осмотреть у одного старого священника интересную библиотеку грузинских рукописей и убедился еще больше, что грузинская рукописная литература вовсе не так уж и бедна. История, кажется, сводится в ней по большей части к “Житиям” святых, за исключением упомянутой “Цховреба Сакартвелоза”, существующей в нескольких списках, в которых, однако, много несовпадений. Поэтому трудно представить правильную картину истории страны по имеющимся источникам. Намного богаче поэзия, прежде всего — религиозная. У грузин есть много переводов из произведений разных отцов церкви. Есть среди них и переводы древних греческих философов. По всей видимости, особенно большим уважением пользовался Аристотель. Имеются переводы его многочисленных произведений, в том числе с собственным комментарием.

Поскольку расцвет грузинской литературы приходится на то время, когда во всей Европе господствовала схоластическая философия во главе с Аристотелем, то именно она и получила в Грузии наибольшее распространение; это способствовало переводам трудов Аристотеля. Это подтверждает еще и тот факт, что грузинские философы добавляли к своим именам определенные эпитеты, сходные с теми, что использовали схоластики-философы в Средневековой Европе. Так, до сих пор по сохранившимся рукописям известно имя грузинского ученого по прозвищу *Invincibilis*.

Как было на этот раз в Грузии, я не мог и думать о покупке рукописей либо монет, которые я видел в Тифлисе. Все же мне удалось приобрести для нашей Академии дубликат старинной и очень редкой

рукописи, которую я теперь и имею честь переслать. О ее содержании сообщит наш новый член <Академии> господин Броссе¹⁷⁹.

<...> То, что в Грузии могут отыскаться даже старинные классические рукописи в оригинале, вполне вероятно, поскольку я сам видел у ученого экзарха Евгения маленькую тетрадку из пергамента, составленную из отрывков различных отцов церкви на греческом языке. Они были найдены в Гелатском монастыре и посланы в Тифлис на-верное потому, что на месте их не могли расшифровать. Было бы замечательно, если бы такой знаток грузинского языка, как наш господин Броссе, мог проехать по всей Грузии, с тем, чтобы подробно ознакомиться с рукописями, имеющимися в тамошних монастырях».

Описание поисков А.М. Шёгренем письменных источников в письме академику Кругу — еще одно свидетельство того, с какой целеустремленностью работал ученый во время своей экспедиции.

ЗНАКОМСТВО С ИСТОРИЧЕСКИМИ И ХРИСТИАНСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ НА КАВКАЗЕ

Интерес А.М. Шёгрена затронул и историю Кавказа. Ученый стремился ознакомиться не только с рукописями или книгами на эту тему, но и с теми историческими памятниками, что встречались на его пути.

Так, во время поездки в Крым в июле 1836 г. он осмотрел и описал Золотой курган и Митридатову гору: «Тем временем я предпринял поездку в татарской кибитке к так наз. Золотому кургану, за четыре версты от города возле большой дороги на Феодосию — последнему в ряду из четырех курганов, протянувшихся с запада на восток, а если считать так называемую Митридатову гору за один курган — пятый. Золотой курган превосходит остальные величиной. Прежде, несколько лет назад, на другой стороне горы в нем открыли вход с лестницами, такой широкий, что в него можно было свободно въехать верхом. Теперь, однако, он уже настолько ветхий, что только отсюда видишь его начало. На много сажений впереди хорошо сохранился главный вход в курган со ступеньками из песчаника, по которым попадаешь в высокий зал, примерно четыре сажени в диаметре и такой же высоты; в нем нашли всякие золотые вещи — отсюда и <название> Золотой курган. На поверхности ближайшего кургана большие камни образуют правильные линии, одна подле другой; такие же сле-

ды и на Золотом кургане. Вообще все окрестности Керчи покрыты большими и маленькими курганами; некоторые, раскопанные, уже обследовали, чтобы приумножить интересное собрание древностей, для которых создали музей. Почти ни один курган не находят пустым, но из-за их величины и, как следствие этого, издержек в сочетании с незначительностью добычи работы ведутся малоактивно и медленно.

После возвращения в город у меня было достаточно времени, чтобы побывать на Митридатовой горе, у подножия которой город построен в форме треугольника с почти тупыми углами на краю Керченского залива. С горы открывается превосходный вид на весь город и на окрестности со стороны суши, справа Таманский залив и позади азиатский берег, Босфор и Азовское море. Я поднялся туда мимо наполовину построенного нового музея по восточному крутому склону <горы> у моря. Пока я бродил, погруженный в мысли о древних временах и о том вожде, который, как полагают, был погребен здесь, но который не смог столь же успешно овладеть этим местом, то захотел увидеть то, что вместе с воображением могло существовать здесь как остаток тени Митридата. В это самое время серая длинная змея свернулась кольцами в высокой траве.

С северной стороны над городом возвышается большая гора со многими вырубками, напоминающими лестницы, и с южной стороны, словно сиденье, — это Митридатов Трон. Далее с левого края вершины другая скала в середине как бы вырублена в форме террасы с лестницей, идущей вниз. Это и было причиной того, что в самом низу вырыли такую глубокую яму в земле, не докопавшись ни до чего. От горы я отправился в музей. Это маленькое здание из 3 комнат, одна подле другой. Весь фасад вместе с лестницей наполнен статуями и барельефами из мрамора или большей частью из песчаника с подписями или без них. Так как для них нет места в маленьком тесном музее, они постоянно валяются там, подвергаясь воздействию воздуха и воды. Большая часть внутреннего пространства <музея> заполнена подобными предметами, — больше фрагментов, чем целых экземпляров. Вазы, домашняя утварь, кольца и маленькое собрание — может, единственное, что, собственно, приведено в порядок. Все относится к античности, кроме знаменитого тьмутараканского камня. Должно сожалеть, что новый музей, который продолжают строить, не будет более вместительным. Думается, что, проектируя <музей>, намеревались сохранить собрание, не приумножая его новыми приобретениями. Все, все здесь делается с мелким сиюминутным расчетом» (Дневник. 25 июля 1836).

На пути в Чуфут-кале ученый посетил старинный монастырь: «Мы отправились сначала к монастырю и после — к Чуфут-кале. Первый находится на расстоянии 1,5 верст по дороге к Бахчисараю, по ту сторону верхней части города Салатшик, в самой известняковой отвесной стене справа. Поднимаешься сначала вверх по 50 ступеням, словно вырубленным в скале, на террасу — она представляет собой маленький передний двор, огороженный каменными стенами. Оттуда столько же ступенек, разделенных на пять порций, чтобы подняться, прежде чем попадаешь в последнюю, большую, самую высокую точку — в маленькую церковь с галереей, откуда открывается поразительный вид на долину. Салатшик и одна из высших школ-медресе — внизу, в самой долине; прямо напротив — другая скалистая стена со множеством больших и маленьких пещер. Такие же пещеры в горе под монастырем — они служат конюшней. В одну ширину с террасой вне внутреннего двора монастыря вырубili также глубокие и большие ниши, служащие гостиницей для приезжающих, но они еще не были завершены. Кроме церкви, монастырь имеет еще несколько маленьких келий, в которых живет настоятель церкви с супругой» (Дневник. 17 ноября 1836).

Описания христианских храмов в Осетии обычно кратки: «После я посетил старую разрушенную церковь времен Тамары. Только хоры сохранились хорошо, и еще на стене виднелись следы Образа Спасителя в натуральную величину. Остальные стены церкви были разрушены, но она была в 3 или 4 раза больше, чем в селении Ахсау. Церковь в Налъчике еще больше, — сказал благочинный; другая старинная церковь с образами святых находится еще в Оллэком. Близко от старой церкви есть остатки другой каменной церкви, построенной 10 лет назад, но из-за нехватки извести в ней она уже совершенно развалилась. Все место вокруг этих церковных развалин покрыто четырехугольными каменными могильными плитами. Новая церковь должна быть из дерева, штат уже установлен с <жалованьем> 200 руб. сер<ебром> для священника; на них он мог бы жить, если бы местность не оказалась слишком бедной» (Дневник. 23 мая 1837).

Зато в июне 1837 г. А.М. Шёгрену удалось тщательно ознакомиться и подробно описать грузинские церкви и монастырь в Гелати: «Позже <я нанес> визит архимандриту Гелатского монастыря — очень хорошему человеку, такому же, как и Мцхетский протоиерей, который <находился> здесь случайно вместе с архитектором из Тифлиса. Позже вместе с ними мы посетили руины старинной монастырской церкви, которая в свое время должна была быть большим и

прекрасным зданием, но совершенно разрушена. Много колонн и капителей еще сохранилось вместе с прекрасно изваянными фигурами, но без симметрии, что, по словам архитектора, обычно для всех остатков лучших древних церквей и монастырей. На восточной стороне высокой стены находится полукруглая надпись старого грузинского церковного письма, плохо сохранившаяся и расположенная слишком высоко, чтобы можно было расшифровать то, что от нее осталось. Кутателадзе сказал, что разобрали только несколько слов, содержащих часть титула какого-то царя. И высоко над этими руинами, поросшими деревьями и находящимися в полном небрежении, на небольшом расстоянии, у обрыва над Риони находятся остатки древней крепости с огромными стенами. <...> От стен крепости — прекрасный вид на город и его окрестности» (Дневник. 3 июня 1837).

Вот как рассказал ученый о своем посещении монастыря в Гелати: «Во второй половине дня пришел ко мне Кутателадзе и предложил срочно выехать в монастырь в Гелати <...> <Здесь> самая лучшая церковь в этом месте — возможно, лучшая во всей Грузии — особенно принимая во внимание ее величественное и красивое здание — с богатым иконостасом, изготовленным на пожертвования. Но большинство старых <икон> пожертвовали частью грузинские, частью имеретинские цари и другие высокие лица духовного сана. Другие, меньшие церкви носят имена Николая и Георгия. Последняя была построена основателем монастыря Давидом Агма Шухебели в качестве образца, после чего позже были построены все соборы. В обеих маленьких церквях также много мощей. На многих иконах пространные надписи; никому из монахов даже не случилось взглянуть на них, еще менее — списать их. <...> Я закончил свою экскурсию осмотром железных ворот с арабскими надписями внутри того самого портика, в котором похоронен основатель монастыря царь Давид, как все еще указывает надпись, теперь многими уже забытая. У входа в собор <осмотрел также> разные другие могилы высоких духовных лиц с обширными надписями <...> Трапезная с мраморными скамьями по стенам для 700 монахов, которая еще 7 лет назад, вероятно, была совершенно целой, совсем обветшала. Теперь все это большое помещение стоит почти без крыши и совершенно разрушено! Внутри монастыря — картина мерзости и запустения, а крыша самого собора также настолько плоха, что при сильном дожде она протекает <...> Здесь находится только семь или восемь монахов <...> Немного выше в гору, к востоку, есть другой маленький монастырь с тремя или четырьмя монахинями» (Дневник. 4–5 июня 1837).

В письме к академику Кругу — бесспорно, основанном на дневниковых записях, — описание Гелатского монастыря дополнено историческими сведениями и передает ту боль, которую испытал ученый при виде великих руин: «Благодаря своему местоположению монастырь представляет чрезвычайно живописную картину. В нем три церкви, причем собор, наверное, самый первый в Грузии, судя по его грандиозности и красоте. На внутренних стенах, как уже было замечено, висят портреты царей и других важных персон. Главный среди них — Давид, по прозванию Агмаш-чебели, или реставратор, который правил Грузией и соседними странами в 1089–1130 гг. и был основателем монастыря. Он там и похоронен, судя по полустертой надписи на надгробии. У входа в главную церковь также много надгробий с пространными надписями, принадлежащих разным высоким духовным лицам».

После Гелатского монастыря А.М. Шёгрэн «...намеревался совершить экскурсию в старинный монастырь Мартвили в Мингрелии, находящийся в 70 верстах к северо-западу, по ту сторону речки Тценис-тцгали (т. е. “Лошадиная вода”), впадающей в Риони. Говорят, что он еще великолепнее и божественнее. Туда у меня также было рекомендательное письмо от моего ученого покровителя экзарха Евгения. Однако, поскольку лето уже заканчивалось и меня заверили, что там я не найду ничего привлекательного, я отказался от этого плана, и 22 мая отправился в противоположном направлении в Грузию и в Тифлис».

На протяжении XIX в. Гелатский монастырь и сохранившиеся в нем свидетельства древней истории Грузии привлекали внимание исследователей Кавказа, но только в начале XX в. результаты его изучения были опубликованы.

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ, ФОЛЬКЛОРА, РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДОВ КАВКАЗА

В письме к Ф.И. Кругу А.М. Шёгрэн писал, что хочет поехать в Дигорию, *чтобы как следует познакомиться с жизнью и бытом осетин*. Но во время кавказской экспедиции он делал это постоянно, фиксируя особенности жизни разных народов Кавказа, к которым он относился с неизменным уважением: «Видно, что они знают себе цену, — писал он об осетинах, — они учтивы и держатся с достоинством» (Дневник. 24 мая 1837).

А.М. Шёгрэн характеризует горцев как неутомимых тружеников. *19 октября 1835:* «Жители гор обычно сеют просо, также ячмень, овес, а поближе к своим аулам — кукурузу; как и просо, выгодны овощи: огурцы, арбузы, дыни, редька, лук, который в горах вырастает очень большой. Значительно развито животноводство — много овец, их содержат иногда от одной до тысячи. Коровы мелкие, небольшого роста, невзрачные; кони превосходные; имеются также козы, куры, индюки».

Правда, орудия их земледельческого труда почти первобытные. *20 октября 1835 г.:* «Пашня, засеянная горным просом, которое осетины продолжают складывать в копны <...> и молотить. Делается это таким образом: пару быков или лошадь гоняют по разбросанным по земле растениям».

Горцам не хватало плодородной земли, и потому они должны были заниматься не только земледелием, но и другими ремеслами: «Собственные посевы недостаточны для их годовых нужд, и необходимо получать больше с равнины от животноводства, бурок и прочего ремесла. Вместо этого <нет> ничего, что можно было бы купить за деньги, из которых они знают только русские серебряные рубли. Бумажные или более мелкие серебряные деньги, так же как и грузинские обезы, почти никто не знает. За барашка платят 1–2 руб. серебром. Земля здесь необыкновенно дорогая: за 1 аршин, говорят, требуют 5 руб. серебром, и всего жалованья священника, таким образом, едва хватит на участок земли, который можно вспахать за день. Маленький зеленый кусок земли примерно в 20 сажен в окружности никак не хотели отвести для церкви и дома; священник угрожал, что в таком случае он переселится отсюда, так что не оставалось ничего другого, как очистить чрезвычайно каменистое место старой церкви настолько, чтобы священник мог получить дом с маленьким участком для сада. Главный промысел жителей — животноводство. Много овец и маленьких ослов, как в Грузии. Маленькие огороды, в которых выращивают практически только редьку и лук; последний едят с хлебом и сыром. Картофеля имеют они немного, капусты, гороха, бобов нет. Табак возделывают, но он не особенно хорошо растёт (Дневник. 24 мая 1837).

Естественно, что при таком «натуральном хозяйстве» одежда горцев была более чем скромной. Вот как ученый описывает одежду осетин: «Среди них <осетин> несколько и дворян в хорошей одежде. Это кафтаны из более легкой материи с разрезанными рукавами на грузинский манер. <...> крестьяне ходят в кафтанах из грубой ткани или в овчинах. Такая же одежда и у женщин, только гораздо более длинная. Бедняки и дети не имеют нижних рубашек. Девочки носят

на голове маленькие круглые шапочки. Волосы причесаны так, что на лбу и на висках сделано что-то вроде локонов. У младших сзади свисает длинная коса» (Дневник. 24 мая 1837).

Более подробно А.М. Шёгрэн описал одежду грузин:

«По дороге к нам присоединились три знатных господина из местных, державших, как и князь, путь в соседний город. Все они были одеты в шаровары либо в короткие, но широкие штаны из грубого синего либо серого полотна, в легкие камзолы, расшитые пестрыми нитками или серебром. <...> Поверх на них были надеты один-два более плотных полотняных камзола. На самом же князе был лишь короткий жакет с красным воротником и широкими красными обшлагами на рукавах, закинутых за спину. Одежда других также была скроена по грузинскому образцу, в свою очередь перенятому у черкесов — с длинными свисающими рукавами <...> Одна сторона шапки образует свисающий на глаза козырек, а другая сзади лишь прикрывает затылок, откуда свисают волосы, схваченные на затылке в толстую косу, обрезанную наискось. Этот способ покрывать голову имеет национальный характер, вне зависимости от социальной принадлежности, и придает местным жителям особый колорит, что, вероятно, и побудило турок назвать Имеретию и ее обитателей *Atschiqbasch*, т. е. “открытая” или “обнаженная” голова. Лишь немногие носят конические шапки, обшитые мехом. Среди моих именитых спутников лишь один имел при себе огнестрельное оружие, которое хранилось в меховом футляре. У всех, однако, были сабли. Простые имеретины обычно носят лишь кинжал или вовсе ходят без всякого оружия. Их кафтаны по большей части сшиты из грубого черного либо серого сукна. У женщин обыденную одежду обычно составляет также удобный серый, черный либо синий сарафан, что-то вроде покрывала на голове и лице, так что оказывается видна лишь его верхняя часть и глаза. Поверх покрывала они носят на голове еще широкую синюю либо черную повязку. Летом простолюдины — как мужчины, так и женщины — ходят по большей части босиком <...>»

Многочисленная знать, среди которой выделяются два крупных рода — а именно Эристов на севере и Цулукидзе на юге, так же бедна, как и крестьяне, и влачит почти такое же жалкое существование. Большое значение придается верхней одежде, под которой по большей части даже у князей ничего нет» (Письмо академику Ф.И. Кругу).

Жизнь в горах никогда не была легкой, поэтому настоящим праздником для них становилась, например, ярмарка, на которую съезжались из самых отдаленных аулов: «В пригороде как раз была ярмарка. <...> Все пестро, интересный шум разных народов и их на-

речий. В отдалении ногайцы со своими кибитками, татары, русские, казаки, много видов военной формы, горцы вооруженные и невооруженные, пешие, но большинство верхом, и все эти <верховые> вооружены саблями, кинжалами и пистолетами; кроме того, у многих еще и винтовки за спиной» (Дневник. 10 октября 1835).

Но ярмарку устраивали редко, а будничная жизнь горцев проходила в домах, которые Шёгрэн описал с достаточной полнотой. Вот типичный осетинский дом: «Дворы защищены высокой каменной стеной. Я попросил одного осетина показать свой двор, что он и сделал. Жилое помещение имеет полуоткрытую прихожую, с другой стороны — конюшня и хлев вместе с кухней. Оба помещения очень темные, с единственным отверстием в крыше. В самой глубине маленького жилого помещения очаг; на той же стороне, что и вход, есть продолговатое отверстие, похожее на окно, но без стекла. Настоящая печь находилась <вне дома>, около поля. У противоположной стены узкая кровать» (Дневник. 20 октября 1835).

Вот еще одно описание осетинского дома: «Пристав отвез нас к своим родственникам, из которых один, — Йерсма ад-Хаджис, — <живет> в ближайшем селе. Мне разрешили осмотреть также жилое помещение вне гостевой комнаты. <...> Ни в жилом, ни в гостевом помещении нет земляных полов, для сидения поставлены одна или две низкие лавки. В подобных жилых помещениях у более зажиточных людей все же имеются изящные закругленные диваны из Кабарды. По задней стене широкая лавка, на которой стоят сундуки <...> Эта же лавка, кроме дивана, служит кроватью; печь у передней стены; широкая скамья; в сущности, очаг находится внизу, на земле, а над ним — похожая на крышку плита, чтобы не давать дыму распространяться по комнате. Вместо окна — одно или два продолговатых отверстия, по большей части со стороны очага, в основном без стекол» (Дневник. 21 апреля 1836).

Во дворе любого горца положено было иметь специальное строение для гостей, всегда желанных. А.М. Шёгрэн так описал его в письме к академику Кругу: «...нас хорошо приняли, и, как обычно, разместили в комнате для гостей в пристройке. Это была маленькая, отделанная деревом комнатка без настила на полу, зато с чем-то вроде невысокого открытого камина, в котором сразу разожгли огонь — он должен был освещать комнату до тех пор, пока мы не ляжем спать. Около камина в стене было маленькое четырехугольное отверстие, заменявшее окно; остальной свет проникает днем сквозь всегда открытую дверь. Рядом с ней к стене была прикреплена скамья для сидения, у задней стены стоял передвижной диван, деревянный, низкий, с по-

душками. Под оконным отверстием находилась широкая и в то же время низкая кровать, на которую тут же положили пару подушек и пригласили меня сесть. К ночи, после нехитрого ужина, мне принесли постельные принадлежности и помогли в тепле устроиться спать» (похожее описание есть в дневнике Шёгрена за 18 мая 1837 г.).

Грузинский дом несильно отличался от осетинского: «Дом был весьма вместительный и очень высокий, без всякой другой домашней утвари, кроме низких брусьев или лавок по стенам. Посреди пола был разведен огонь, который поддерживали весь вечер. Для моурава принесли вид низкого порожка, на который он сел...» (Дневник. 25 мая 1837).

То же касается и помещения для гостей:

«Наконец хозяин дома открыл дверь, и меня провели в маленькую каморку с голыми стенами, освещавшуюся лишь благодаря открытой двери» (Письмо Ф.И. Кругу).

Всюду, где доводилось останавливаться ученому, не было стола, и ему приходилось «...воспользоваться доской, которую положили на маленькие табуретки и колени, однако сооружение оказалось столь низко, что я с трудом выдержал эту пытку до обеда» (Там же).

Несколько отличались от кавказских жилища крымских татар:

«Мой провожатый отвел меня к знакомому татарину. Гостиная комната с ковром по всему полу и низким диваном вокруг по стенам. Окна низкие, и такое скудное освещение тягостно для глаз» (Дневник. 17 ноября 1836).

А.М. Шёгрэн описал и пищу горцев. В осетинском доме его угостили не только русским чаем из самовара, но и традиционными блюдами национальной кухни. 20 мая 1837 г.: «Через некоторое время так называемый князь сам явился, чтобы поприветствовать меня, и тут же приказал поставить самовар — единственный во всей Дигории, привезенный им из Ставрополя. Чай нам подал сам хозяин, а после пришло время обеда. Поскольку он был приготовлен заранее, то будет любопытно упомянуть, из чего он состоял. На первое было подано очень вкусное блюдо из яиц с маслом и сыром; после — вареное мясо овцы, которую хозяин велел нарезать специально к моему приезду. Как и у черкесов, еда подается на маленьких, низких круглых столах, стоящих на трех ножках и больше походящих на сервировочные блюда. Посредине стоит миска или горшок с основным блюдом, вокруг лежат нарезанные куски только что испеченного хлеба. Мясо также подается уже порезанным и положенным в миску с растопленным жиром, в который его окунают, прежде чем съесть. Вилками не пользуются, едят руками, которые поэтому моют до и после застолья.

Самым лучшим из поданного мне в доме Бек-Мурзы я, однако, нахожу домашнее пиво, которое хозяин сам щедро подливал гостям — оно было настолько вкусным, что сделало бы честь любому европейскому княжескому двору. Делают осетины и водку, но она очень слабая и сильно уступает пиву» (письмо академику Ф.И. Кругу; ср. запись в «Дневнике» за 19 мая 1837 г.).

Ужин в грузинском доме «...состоял из пшеничных лепешек, сыра, вареной курятины, омлета и вина. По обычаю, вместо тарелок его подали на листьях либо дощечках, и к трапезе присоединились принесшие еду люди. Толмач и его товарищ произносили тост за тостом. На следующее утро принесли еще вина, несколько вареных яиц, а для меня нечто дотоле неизвестное — гоми*, т. е. *Panicum Italicum*, приготовленный как густая каша, которую едят, отрезая куски ножом или отрывая пальцами. Это основная пища урожденных имеретин и мингрелов, и она считается чрезвычайно полезной» (Письмо Ф.И. Кругу).

В кавказоведческих материалах А.М. Шёгрена мы не найдем специальных описаний кавказских обычаев — о них рассказывается «по случаю» или в связи с обстоятельствами, свидетелем которых стал ученый. Так, оказавшись гостем в одном осетинском доме, Шёгрэн был удивлен тем, что, «несмотря на то достоинство и важность, с которым держался хозяин, он не пожелал сам принять участие в обеде, но стоял вместе со слугами и соседями у двери: по его словам, национальный обычай требовал, чтобы таким образом выказывалось уважение. Только после моих настоятельных просьб он наконец согласился сесть с нами за стол» (Письмо Ф.И. Кругу).

Осетинские женщины не должны были показываться чужому мужчине (даже гостю), и когда Шёгрэн попросил разрешения одного осетина осмотреть его дом, то «должен был подождать, когда женщины смогут уйти». Ученый только однажды упоминает о нарушении осетинской женщиной такого обычая: «В одном селении, где мы обедали, я попытался заговорить по-осетински, и это произвело такой эффект, что даже хозяйка перестала смущаться, подседа ко мне и начала со мной беседовать» (Письмо Ф.И. Кругу).

О том, что кабардинские супруги не только не могут разговаривать при посторонних, но даже не могут передать привет друг другу, мы узнали из приведенного выше описания Шёгреном его встречи с образованным кабардинцем Шорой Ногмовым.

Во время поездки по Крыму А.М. Шёгрэн обратил внимание на отношение к женщине у крымских татар, армян и евреев: «Обычное <дело> здесь — запирают женщин, которые не показываются вне до-

* Густая кукурузная каша.

ма и незнакомым. Большинство татар имеют лишь одну жену; более зажиточные, однако, две, редко три. Самая младшая имеет самую тяжелую долю, ибо она должна прислуживать старшим. У армян только одна жена. Ее положение там гораздо более тяжелое, скорее всего от такого же большого деспотизма со стороны мужа. Однако жены несут свой жребий терпеливо и без жалоб. Обычай татар отчасти перешли к другим: и у армян также принято, чтобы жених после помолвки до свадьбы не видел невесту. Цыгане, живущие в городе, четко разделены на касты: корзинщики, поводыри медведей и кузнецы — так что они редко женятся на ком-то, кроме своих» (Дневник. 16 декабря 1836).

Другие отношения в еврейской семье: в доме раввина «посреди пола — круглая дыра для очага, чего я не видел у татар, в чьих домах нет никакого очага. Различие и в том, что его жена присутствовала <при нашем разговоре>, в то время как у татар женщин не увидишь. Хозяин предложил мне трубку, и когда я отказался, велел жене принести орехи, яблоки, белый хлеб и яблочный сок» (Дневник. 19 октября 1836).

Особенно подробно А.М. Шёгрэн описал такой кавказский обычай, как гостеприимство. Ученый подчеркивал: где бы он ни появился, тотчас собиралось все мужское население: «С моим приездом вокруг меня собрались все парни и мужчины села; я послал мой "открытый лист" моураву, который тут же пришел сам и указал мне рядом расположенный дом. Снова всей толпой они последовали за мною туда...»

Местные жители ни на минуту не оставляли гостя без внимания, так что старшему в селении иногда приходилось применять силу, чтобы он мог передохнуть:

«Моурав заставил палками выгнать селян; но они тотчас же вернулись, так что процедуру пришлось повторить с еще большим усердием, прежде чем толпа отказалась от дальнейших попыток удовлетворить свое любопытство. Моурав остался с несколькими соседями, и я вынужден был раздеться в *omni presentia* — в присутствии всех, пока они трапезничали» (Письмо Ф.И. Кругу).

В первую очередь гостя надлежало накормить: «Было уже пополуночи, когда мы наконец встретили в живописном селении Кимши человани, и ему было приказано позаботиться об обеде, которого нам пришлось ждать несколько часов. Оный же оказался не чем иным, как закуской из сыра и свежеспеченных маленьких круглых лепешек из пшеницы или кукурузы, сдобренной парой кувшинов вина. Так я впервые попробовал кукурузный хлеб, который мне пришлось

по вкусу, хотя он не так полезен для здоровья и от него бросает в жар, как и от местного белого вина. Как уже ясно из моих замечаний, пища простолоудина в Имеретии чрезвычайно незатейлива, обязательно лишь вино, которое подают в избытке, хотя только во время трапезы. Этим объясняется малое количество драк и краж, которые здесь практически не известны. Вино часто пьют из больших рогов. Таков был обычай и у скандинавов, с которыми у имеретин в Грузии немало общего — например, питание во время их путешествий.

Для высоких чинов, своих и чужих, в особенности своих, человани должен собрать в своем селении еду и выпивку. С миру по нитке. Об оплате не может быть и речи. Зато люди, принесшие еду, имеют право участвовать в застолье. Таков национальный обычай со времен прежних местных царей — те поступали таким же образом во время частых поездок по своим владениям в сопровождении многочисленной свиты, как можно и сегодня наблюдать в находящейся под русским покровительством самостоятельной Мингрелии» (Там же).

В другом случае гостя угощали не только вином, но и пивом:

«За обедом, в котором принимали участие самые почетные соседи, моурав угощал все общество, помимо имеретинского вина, еще и хорошим пивом, которое варят в Раче и некоторых окрестных селениях» (Там же).

После угощения и отдыха хозяевам предстояло достойно проводить гостя: «Сразу после обеда я продолжил путешествие, для которого услужливый моурав Отиа Джaparидзе нашел мне лошадей и несколько проводников, которые должны были доставить меня в ближайший город Они; для тамошнего моурава Отиа составил рекомендательное письмо. Он сам проводил меня из деревни и помог переправиться через Чвешури, которая вблизи села несколькими рукавами впадает в Риони и не имеет мостов. Там мы сердечно распрощались, при этом он попросил меня и в будущем останавливаться у него, если судьба снова приведет меня в Геби» (Там же).

Путнику щедро помогали и совсем незнакомые люди: «Неподалеку от города нам встретились два имеретинца из Глолы, северной деревни Рачи, восточнее Геби <...> Один из упомянутых имеретинцев тут же вызвался переводить мне с осетинского и, объяснив, что они держат путь в Кутаис, запросились к нам в попутчики. Толмач, как оказалось, прослышал о моем путешествии еще в Геби. Я заметил, что этим новым проявлением доброты и заботы я обязан достопочтенному моураву Джaparидзе. И на самом деле о лучших попутчиках не стоило и мечтать. Когда толмач заметил, что лошадь моя никуда не годится, он предложил мне своего красавца-скакуна, на котором я до-

брался до Кутаиса. Чтобы успеть до обеда, мы по его совету прибавили шагу, оставив позади евреев с моим багажом. Вскоре мы встретили старого князя Джапаридзе, который приходился родственником моураву из Геби. Его слуга был послан в соседнюю деревню позаботиться об обеде. Однако это дело провалилось, поскольку он не застал человани дома. Мы расположились на зеленом лугу, подкрепившись хлебом с сыром из сумок попугачиков» (Там же).

Но иногда исполнению обычая гостеприимства мешала необходимость выполнения формальностей, сильно утомлявшая гостя, о чем не без юмора пишет А.М. Шёгрэн: «По указанию Джапаридзе меня провели через город к моураву, у которого за городской чертой собственный красивый, почти в европейском вкусе, дом. Спустя некоторое время появился и он сам, однако не сразу взял адресованное ему письмо и приказал отвести меня назад в город к человани — еврею, который должен был проводить меня на квартиру, определенную моуравом. Еврей, живший на другом конце города, противоположном тому, откуда я, собственно, и пришел, по дороге в город справедливо выказал недовольство моуравом. <...> Дом <человани> оказался на запоре. Опять возник шум, на который сбежались все соседи. В конце концов терпение мое лопнуло, и в присутствии подоспевшего моурава я пожаловался в крепких русских выражениях на невежливое со мной обхождение» (Там же).

А.М. Шёгрэну довелось присутствовать при исполнении некоторых народных обрядов и описать увиденное. Свадебный обряд армян, в силу ряда причин, оказался не совсем традиционным: «До обеда у Ховена с Норд<енстаммом¹⁸⁰>. После этого Арс<анов> был приглашен на армянскую свадьбу одного из учителей семинарии. Гости были созваны к 7 часам. Он сказал, что было 50 человек. После того, как мы пришли и прождали некоторое время, показался сильно расстроенный жених. Духовенство отказало ему в венчании по причине, что невесте было только 14 лет вместо 16, как предписывают каноны. Положение было досадное, особенно ведь дело зашло так далеко. Некоторые из более знатных гостей вызвались вести переговоры. На это ушло более 10 часов, и все-таки решили, что венчание должно состояться. Перед тем жених послал к невесте под музыку сладости (“халву”), состоящие из головы сахара и конфет, и шаль на подарочном <подносе>, после чего она, со своей стороны, прислала назад голову сахара и хлеб. После ее прибытия в дом 2 священника читали и пели некоторое время перед столом, за которым жених стоял со стаканом вина; он выпил его, <только> когда церемония окончилась и пожелали молодым счастья. Бракосочетание продолжалось

недолго, прошествовали в церковь и обратно под музыку. Оттуда толпа женщин, собравшихся у родителей невесты, последовала за ней к дому жениха; здесь их встретили с большим бокалом вина, из которого позволили пить сначала невесте, потом гостям, пока оно не кончилось. Потом женщины танцевали грузинские <танцы>, после чего они с невестой перешли в другое помещение. Было уже за полночь, и теперь я увидел <на празднике> все, что можно было увидеть» (Дневник. 11 и 13 февраля 1836).

Похоронный обряд осетин А.М. Шёгрена имел возможность наблюдать уже на кладбище: «Шукаев пришел только во второй половине дня и сообщил, что сегодня многолюдные осетинские похороны. Умерла жена одного старшины-мусульманина. Как только тело вынесли, я отправился на кладбище. Вдали за вырытой могилой полукругом стояло много мужчин, некоторые опирались на палки. На этой стороне могилы на зеленой траве лежало тело, завернутое в ковер. Оно было закутано в белое полотно, и сверху было накинуто широкое покрывало красного шелка, вышитое золотом. Погребальная одежда должна состоять из четырех рубашек. Покрывало и одежду покойной получит мулла. Христиане заворачивают умерших в их одежды. Отступив 100 шагов, огромная толпа женщин стояла группами, одна за другой. Вскоре толпа пришла в движение и медленно пошла вперед, постоянно в такт выкрикивая «Дагай» и одновременно ударяя себя обеими руками сначала по бедрам, а потом по голове. Это продолжалось до тех пор, пока каждая из них не вышла вперед и не дотронулась до тела. После та же самая церемония некоторое время продолжалась близкими, которые выражали большую скорбь более сильными ударами, так что у большинства из них лица сделались совершенно красными. Прежде и мужчины били себя по лицу, но не руками, а кнутами. Ныне в городах этого не делают, но в горах и более отдаленных областях <этот обычай> еще сохраняется.

После этой церемонии вперед вышла старая женщина (говорили, что это мать усопшей). Она подошла к телу, повязала платком голову, села на небольшом расстоянии от него (за ней ближайшие родственники этой же семьи — прочие стояли группами в стороне) и начала род скорбной песни. В ней она восхваляла дела покойницы и <говорила>, какую глубокую скорбь испытывала <сама мать> и другие, оставшись без нее. Во время каждой паузы те, кто сидел ближе, начинали хором оплакивать ее. После кабардинский мулла (со стороны мужа), выделявшийся своей белой чалмой с синей бахромой посередине, вместе с 10 мусульманами-осетинами выступил вперед к месту, где лежало тело. Все сняли обувь и подошли ближе, первым мулла,

<приблизившийся> к самому телу, около которого он отслужил короткий молебен. Затем тело подняли, отнесли к могиле и опустили его туда. После над телом соорудили крышу из досок, которые установили над телом так, что нижние концы упирались в дно могилы, а верхние — в ее верхнюю часть. Их ставили так близко друг к другу, что они образовали настоящую плотную крышу. Затем у головы покойной установили четырехгранный толстый столб — он был такой длинный, что поднимался над землей на целый локоть и после того, как могилу засыпали. Могила была полностью засыпана землей, которую плотно утрамбовали. Мулла во второй раз подошел к засыпанной могильной яме и образовавшемуся над ней холму, присел на корточки над могилой и прочитал еще несколько молитв, после чего встал. Другие мужчины взяли уже прежде вырезанный длинный кусок земли с зеленой травой, который они положили на могильный холм, и, осторожно разровняв, покрыли его, так что он даже в своей высоте спрятался среди прочей зелени. Потом все пошли назад, в дом усопшей, — мужчины и женщины по отдельности, — чтобы угощаться там до вечера. Иногда еще используют на могиле сухой порох и поджигают его; но здесь этого не случилось» (Дневник. 7 мая 1837).

Как видим, А.М. Шёгрэн внимательно фиксировал этнографические сведения о народах Кавказа. В меньшей степени ему удалось записать фольклорные произведения горцев. Естественно, что, проезжая по различным местам Северного Кавказа, Закавказья или Крыма, встречаясь с разными людьми, ученый записывал их фольклор. Вот фамильное предание осетин, переданное кратко: «Визит старшины этой местности; это скромный и учтивый, но слепой старик из рода Чергессата. Он рассказал, что его предки прежде жили у Черного моря. Оттуда переселились 3 брата, из которых двое осели здесь, а один в Кабарде: род их прежде назывался Таврас и только позже принял нынешнее имя» (Дневник. 22 мая 1837). И более подробно:

«...Подтвердили, что семья Бадигата (Бадиката) происходит из Мадзхара, и добавили, что их предок еще раньше вышел из Константинополя или Крыма к немцам; в той земле, где они находились некоторое время, еще и теперь живут члены их рода, равно как и в Мадзхаре. Оттуда два брата приехали сюда, и один из них, Абдул-Хан, осел здесь, а другой — Тчинктухо-Хан, напротив, поселился западнее и стал родоначальником балкарцев; здешние семьи считают, что находятся с балкарцами в близком родстве» (Дневник. 19 мая 1837).

А.М. Шёгрэн записал и краткий пересказ осетинского топонимического предания — о горе Казбек. 22 октября 1836 г.: «От Казбекской станции кажется совсем близко до вершины горы Казбек, покрытой неизменным снегом. Так ее называют русские, ибо вся местность с древнейших времен принадлежала княжеской семье Казим-беков, из каковых здравствует ныне один потомок, лейтенант на русской службе; он сам приехал к нам с визитом. Грузины называют эту гору Кази-Беги <...> (или Казбекская), или еще Ялбузи (так называют гору осетины); напротив — Тшеревстий Тсуо (?) (Хростова гора), ибо, по преданию, там родился Христос, и ту вершину называют Вифлеемом».

Но большинство топонимических преданий, упоминаемых ученым, чаще всего связаны с именем царицы Тамары, будто бы построившей почти все храмы на Кавказе, мимо которых довелось проезжать Шёгрэну, пока он не достиг места ее гибели. 22 октября 1836 г.: «В этой живописной местности у последней в своем роду грузинской царицы Тамары был замок, и теперь еще показывают на несколько отдельных зубцов <стены> и руины на висящей над Тереком скале. Говорят, что в этом месте она бросилась со скалы в Терек, получив известие, что ее возлюбленный убит в сражении».

Среди преданий, изложенных Шёгрэном, следует особо выделить предание о лесе Тшетага. 18 мая 1837 г.: «...во время пути переводчик рассказал мне историю о совершенно круглом и густом участке леса, который находится перед селением и носит название Тшеттэджигад, по имени некоего Тшетага, которого до этого места преследовали из Кабарды; он бежал оттуда. Внезапно лес вырос таким, какой он сейчас, и спрятал беглеца. Он добрался до Нарских долин, где еще можно найти многочисленную и уважаемую семью Тшеттаг, ведущую свой род из Кабарды. Один раз в году в этом месте празднуют память об этом событии, принося жертву и веселясь в этом "лесном парке"».

Это — совершенно замечательный пример взаимовлияния фольклора разных народов Северного Кавказа. Предание о лесе Тхашаг у адыгов одновременно с Шёгрэном зафиксировал его современник — С. Хан-Гирей, автор «Записок о Черкесии», которые, как известно, ученый не смог прочитать осенью 1835 г. в Тифлисе. А.М. Шёгрэн приводит осетинский вариант этого предания, органично включенный в осетинский контекст: его герой, кабардинец, бежит из Кабарды в Осетию, где и локализуется это предание.

А.М. Шёгрэну *случайно* удалось зафиксировать немногие образцы произведений фольклора кавказских горцев. Но в его кавказоведческих материалах мы находим свидетельства того, что он пытался ор-

ганизовать запись фольклорных материалов: «Во второй половине дня в селе Никита попросить татарина, который был у меня, записать народные песни. Он обещал прийти завтра» (Дневник. 28 октября 1836).

В январе 1837 г. он упоминает, что по его просьбе «обещали позаботиться, чтобы собирались и записывались <татарские> национальные песни и пословицы».

Замысел А.М. Шёгрена организовать сбор «турецко-татарских» песен и пословиц, о котором он упомянул в кавказском дневнике, заслуживает специального внимания.

В свой первый приезд в Тифлис осенью 1835 г. ученый познакомился с учителем греческого и татарского языков Тифлисской духовной семинарии Христофором Петровичем Ксенофонтовым и предложил ему записывать татарские песни и пословицы. В архиве А.М. Шёгрена в Национальной библиотеке Финляндии сохранилось шесть писем Ксенофонтова (от 20.I, 13.V, 14.XI.1850, 5.II и 16.XI.1851 и 3.XII.1852), которые позволяют воссоздать историю коллекции фольклорных материалов, собранных им. Но эти письма рассказывают о *завершении* истории взаимоотношений А.М. Шёгрена с Х.П. Ксенофонтовым. *А начало* этой истории позволяют реконструировать письма П. Иоселиани академику, в которых он, рассказывая Шёгрена об их общих тифлиских знакомых, неоднократно упоминает и о занятиях Ксенофонтова сбором фольклорных материалов и даже пытается помочь последнему с отправкой этих материалов А.М. Шёгрена. Так, в письме от 21 апреля 1838 г. П. Иоселиани пишет: «Наш татарский учитель Христофор Ксенофонтов, как я знаю, много заботился исполнить все, им Вам обещанное. Песни все списал, а подлинник возвратил Шопену чрез полковника Норде<и>стамма. Он уже 4 раза писал к Вам и, вероятно, Вы не получили ни одного его письма, в коих он ожидал от Вас совета насчет высылки песен. Ныне я сам посылаю их к Вам с этою же почтою. Может быть, оне дойдут до Вас по тяжелой почте. У него готовы и пословицы татарские, набранные им до трех тысяч. Он думает привести их в азбучный порядок, и тогда прислать их к Вам. Недоумевает, что делать с пословицами безнравственными. Конечно, их предать забвению! Обо всем ожидает Ваших наставлений и совета».

В письме к Шёгрена от 12 мая 1838 г. П. Иоселиани объясняет, почему он не выслал ему татарские песни: «Я, кажется, Вас обманул, не прислав при письме песней татарских. Но что делать — два раза возвращали с почты на основании какого-то правила — не принимать рукописи. Поэтому я перепоручил хлопоты, нашел людей, как бы послать рукописи, и успел в том».

В письме Иоселиани к Шёгрёну от 23 июня 1838 г. затронута деликатная тема оплаты Ксенофонтову его трудов по сбору фольклорных материалов: «Сей час получил я от Вас письмо. Напрасно Вы присылаете 50,7 за тат<арские> песни. Ксенофонтов так Вам их жертвует, и об этом я уже и писал к Вам».

А.М. Шёгрёну совсем не случайно отправил деньги за собранные Ксенофонтовым фольклорные материалы — это становится ясно из письма Ксенофонтова к Шёгрёну от 20 января 1850 г. Целесообразно привести его здесь полностью:

«Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Изволите ли Вы помнить некогда учителя греческого и татарского языков Тифлисской духовной семинарии, Христофора Ксенофонтова, которому в бытность Вашу в Тифлисе поручили Вы собирать турецко-татарские пословицы. Это я, покорный слуга Ваш, с готовностью принявший Ваше поручение. С тех пор начал я собирать уже известные Вам и Академии наук цветки, или как называл один из ученых-филологов, драгоценные жемчужины, пословицы и изречения мусульманские. Руководимый частью словесными, частью письменными полезными Вашими наставлениями, привел их в известный порядок и систему. В одном из Ваших писем ко мне 5 июня 1838 года, Вы между прочим изволили советовать мне: “по моему мнению, приложить, если не объяснения, то по крайней мере русский перевод, — ко всем, разложить пословицы в алфавитном порядке не худо, ибо удобнее будет их там сыскать и найти”. Но я, вполне чувствуя высокую цель Вашу и желая хоть несколько оправдать доверие Ваше, предпринял всевозможные старания не только перевести, но и объяснить их, как видно из моей рукописи. Словом, Вы поручением своим предоставили мне самое поучительное и самое приятное занятие, что я уже с лишком 12 лет день и ночь, имея памятную книжку и карандаш в кармане, собрал до 6000 пословиц и по сие время еще собираю, по одному лишь Вашему поручению, имея в виду ту надежду, что многолетний труд мой не будет отринут ученым классом.

Нелишне, впрочем, будет с моей стороны напоминать о том, что я для собирания предлагаемых пословиц и для ученой публики не щадил, да и не щажу — тяжких трудов и чувствительных для меня издержек, без чего в Азии невозможно было и думать о подобном предприятии. Впрочем, я частью поощрен Вами и другим достойнейшим ценителем труда моего г. академиком Б. Дорном¹⁸¹, которые, отзываясь о моем бедном сборнике богатым, полезным и проч., доказали готовность Вашу для усовершенствования оногo. И вот я, пользуясь мудрыми замечаниями и полезными наставлениями его, с особен-

ным рвением исполнил все то, что предложено было мне Академиею, как видно из моего сборника, и далее отделил поговорки и изречения от пословиц. Если я буду столь счастлив, что Академия, по ходатайству Вашему, найдет труд мой, измененный уже по ее указанию и приведенный в систему, достойным для издания в свет, то я почту себя вполне поощренным за долговременное мое занятие и постараюсь новыми дополнениями обогащать цветник, Вашими настояниями первоначально насаженный и от Вас же ожидающий плодотворного орошения.

Примите удостоверение в глубочайших моих чувствах, с какими имею честь быть

Ваш покорнейший слуга Ксенофонов».

В следующем письме, от 13 мая 1850 г., Х.П. Ксенофонов сообщает Шёгрёну, что его сборник турецких и татарских пословиц через канцелярию кавказского наместника отправлен в Академию наук, в письмах от 5 февраля и 16 октября 1851 г. — о посвящении его рукописи наследнику престола Александру Николаевичу, и это посвящение должно быть непременно на будущей книге; завершает переписку Х.П. Ксенофопова с А.М. Шёгреном письмо от 3 декабря 1852 г., в котором он описывает свой приезд в Академию, встречу с непременным секретарем Академии академиком П.Н. Фусом и академиком М.И. Броссе, рассказывает, как хлопотал о выдаче ему денег за рукопись и как надеется получить еще: «Поверьте мне <...> Андрей Мих<айлович>, что еще маленькое поощрение Академии побудит меня к новым и важнейшим занятиям, восстановит умирающее перо мое к вновь движению, для усовершенствования подобных моему собранию да еще важнейших и общепользных дел, которые будут принадлежать Вам, перед публикою и всем ученым светом <...> В противном случае все гибнет, все умирает во мне бездушно, и начатый мною труд останется неконченным и несовершенным может быть до конца света; ибо Академия сама видит, как истинно говорил мне об этом Павел Николаевич <Фус>, что кроме меня никто не имеет столько возможности, для полности и усовершенствования такого дела, которое признано совестным, полезным и усердным. За такое дело грешно наградить меня 100 руб. сереб<ром>». На этом переписке А.М. Шёгрена с Х.П. Ксенофоновым прервалась.

Всех информантов и коллег академика всегда отличало бескорыстие и готовность разыскивать и представлять ученому материалы о своем народе совершенно безвозмездно. Свидетельство тому — хранящиеся в его архиве в СПб.Ф АРАН присланные безымянными адресантами «Калмыцкий текст» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 18. С. 137–143)

или «Песня Кюръ-Огли» (Там же. С. 130–131), все еще ожидающие исследования.

А.М. Шёгрэн нигде не упоминает о том, что пытался во время кавказской экспедиции отыскать образцы осетинского нартского эпоса — мы узнаем об этом из письма некоего А. Маевского, обещавшего прислать ему тексты эпоса о нартах (ОР НБФ. Coll. 209.19): «...во Владикавказе <...> случай свел меня с людьми, которые имели честь быть Вам известными при посещении Вами этого округа, — писал Маевский А.М. Шёгрэну, — протонерей Шио Двалишвили, переводчик Шукаев и многие другие дали мне полное понятие о трудах Ваших на поприще осетинского языка. Беспреданно вспоминая с удовольствием о времени, проведенном в приятной беседе с Вами, они сожалели, что не могут удовлетворить желания Вашего доставкой осетинских нартов, и тем самым внушили мне смелую мысль вызваться на эту услугу <...> уведомите между прочим, угодно ли Вам будет иметь осетинские “Нарты”, коих собиранием я теперь занимаюсь. Тогда, поощренный таким вниманием, я употреблю все старания, чтобы оправдать Ваш лестный выбор, и готов исполнить все поручения, которые Вам угодно будет на меня возложить».

Других писем этого адресанта в архивах А.М. Шёгрэна обнаружить не удалось, как и записанных им текстов осетинских нартских сказаний.

Сведения о религиозных представлениях народов Кавказа, зафиксированные А.М. Шёгрэном, немногочисленны. В своем кавказском дневнике он только приводит мнение благочинного О. Бердзенова о двоеверии осетин: «Я могу упомянуть, что их <осетин> религиозные представления, по выражению благочинного, довольно ограничены. Посты соблюдают больше по собственному желанию, чем по порядку и строгости, а часть <осетин> совсем не постится. Он <благочинный Бердзенов> полагал, что в более поздние времена сюда проникло мусульманство, в котором признаются все лучшие <люди> и их дворянство; оно испортило христианство, которое было более прочным и правильным, и смешалось с ним, с юга распространившись в Дигории. Многие имеют только одну жену, но незадолго до моего отъезда я сам был свидетелем того, что пожилой мужчина желал жениться, вдобавок к собственной жене, на молодой вдове своего брата, оправдываясь, что народный обычай всегда был таков¹⁸². Они протестовали, не позволяя благочинному причастить тяжело больного человека, из страха, что от этого он может умереть. К сожалению, это случается часто. У дигорцев во время похорон господствует церемония самоистязаний, как у других осетин, и мужчины так же бьют се-

бя по голове кнутом. Равно и в гражданском отношении тоже много беспорядков. Поскольку старшина края живет далеко от города, Нальчик оказывает лишь слабое — или вообще никакого — воздействия» (Дневник. 25 мая 1837).

Как бы в доказательство утверждения мусульманства среди осетин тот же отец благочинный в день праздника св. Николая «...сказал, что этот святой во всей Осетии почитается только жителями Донифарса и других селений, лежащих на южном берегу реки по соседству; эти селения составляют один приход, церковь которого, построенная еще во времена Тамары, находится в Донифарсе. В <селении> Нара (Нэрэ) нам сообщили, что из-за ошибки в вычислении времени праздник святого отметили уже неделю назад <...> В Нара большинство мусульмане, и только несколько дворов — христиане» (Дневник. 21 мая 1837).

А.М. Шёгрэн многое успевал сделать во время своей экспедиции на Кавказ и в Крым: изучал языки, собирал материалы по истории и главным образом языкам народов Кавказа. При этом нельзя не учитывать, что ученому приходилось постоянно работать в экстремальных условиях.

ТРУДНОСТИ ПУТИ

Уже на подъезде к Северному Кавказу А.М. Шёгрэн понял, что здесь «не мирно». И хотя он всюду встречал теплый прием, поддержку официальных лиц, желание простых горцев помочь ему, за время экспедиции ему пришлось преодолеть немало трудностей, прежде всего потому, что в то время передвигаться по Кавказу было опасно. Подтверждение тому — следующий рассказ Шёгрена: «Через полчаса после побудки для отъезжающих был дан сигнал барабанным боем; снова бьют в барабан, и вот караван собирается возле крепости. В 7 часов, когда барабан бьет в третий раз, явилась охрана: 30 солдат, 10 казаков и несколько артиллеристов с трехфунтовой пушкой. Вскоре обоз пришел в движение: сначала первая часть конвоя с 20 арестантами, затем артиллеристы с горящими фитилями, за ними — почта, и уже после всех — почтенные люди из путешествующих, по большей части чиновники. Офицеры с женами и детьми, много купцов, одни в кибитках, другие верхом, представительные государственные транспорты. Последние — купеческие грузы; их везли моздокские осетины на двухколесных повозках (арбах), каждая из кото-

рых была запряжена парой быков. Весь обоз растянулся более чем на милю. Конвой был большой, и многие в караване были вооружены, в особенности почти все осетины-возчики, поэтому они часто путешествуют без конвоя» (Дневник. 17 октября 1836).

Вероятно, пережив испытание такими сборами, А.М. Шёгрэн чаще всего отправлялся в путь один с небольшим конвоем, который ему редко случалось получить по первому требованию; он не имел с собою оружия, не менял своей европейской одежды — иначе говоря, А.М. Шёгрэн бесстрашно шел навстречу возможным опасностям.

Не облегчала его положение и постоянно сопровождавшая его волюта с документами. Вот как встретил его Тифлис осенью 1835 г.: «Визит к начальнику здешнего Генерального штаба Вольховскому, к которому у меня было рекомендательное письмо и посылка от Энгельгардта из Петербурга. От него я услышал, что барону Розену уже поступило из Петербурга уведомление о моем приезде. В надежде получить здесь другие документы, касающиеся моего путешествия, я поспешил на почту. Там мне представился случай рекомендоваться несколькими откровенными строчками от Кеппена помощнику инспектора, но на почте для меня ничего не было — ни частного, ни официального. Денисов велел сопровождать меня к начальнику канцелярии и дал мне адрес секретаря. Тот подтвердил, что документы для меня, без сомнения, пришли, но предположил, что они были возвращены в Петербург, так как меня здесь не было. Возможно, они находятся и у барона, к которому он посоветовал мне обратиться. После долгого ожидания обо мне доложили барону, справедливому, простому пожилому, честному и доброжелательному военному. Он также подтвердил, что мои документы пришли, но повторил несколько раз, что письменный приказ Министра внутренних дел мне уже не нужен. Именно ему принадлежит здесь исключительная власть, и я, таким образом, должен обращаться к нему со всеми пожеланиями. Со своей стороны он намеревается во всем помогать мне, равно как и отрекомендовать меня доктору Прибылову. Он приказал, чтобы документы были пересланы мне из канцелярии. Чиновник пошел туда, но вернулся с ответом, что сейчас регистратора нет на месте. <...> В канцелярии барона я долго ожидал регистратора, и в результате оказалось, что мои документы действительно по ошибке были отправлены в Петербург, откуда их затребуют обратно» (Дневник. 26–27 октября 1835).

А.М. Шёгрэн еще не раз с разной степенью полноты расскажет в своем дневнике о подобных недоразумениях с его документами, но вместе с тем не упустит ни одного случая упомянуть о добром к нему

отношении местных жителей, всегда готовых прийти на помощь и щедро угостить его из своих более чем скромных продовольственных запасов.

Выше говорилось о трудностях, которые предстояло преодолеть А.М. Шёгрену прежде, чем он получит конвой и переводчиков. Но самым тяжёлым было преодоление дорог в горах — это ученый детально описал в своем дневнике: «Я выехал с тремя осетинами, которые несли мои вещи. Мы поднялись сначала вверх на более широкое северное береговое плато мимо маленького селения Кусу, лежащего у подножия горы. Примерно на таком же расстоянии несколько дальше проходишь Хавсадидон, который по ущелью впадает в Хервесдон, через каковой мы переправились по маленькому деревянному мосту на левый берег этой реки, который здесь очень крутой, но потом <становится> шире, но не намного. Там мы оставили Хервесдон и высокий холм, от которого река получила свое название, и начали карабкаться вверх по другому крутому ущелью налево, вдоль горной реки, которая называется Хобидон. Мы шли по этой реке через заросли, скалы и обломки каменной соли, а также через маленькое снежное поле. Крутой склон весьма зарос лесом, и здесь я в первый раз увидел сосны. ... После мы еще некоторое время продолжали подъем, начался сильный дождь, от которого мы нашли укрытие в просторной пещере. Ее высокие каменные стены были совершенно черны от дыма, после того как здесь жгли костры. Прямо перед нами была большая гора, покрытая снегом. Чтобы лучше защититься от дождя, я надел обычную осетинскую “тсогга” из грубой серой ткани с газырями спереди из коричневой ткани и застегивающуюся с помощью маленьких деревянных крючков. Такая одежда стоит в этой местности 2 сер<ебряных> рубля. После очень трудного восхождения мы достигли более открытого, но сплошь каменистого склона и вскоре после этого — другой пещеры в совершенно безлесом месте под навесом многих высоких скал. Пещера была такая низкая, что в глубине ее я мог только лежать. Перед ужином один из осетин прочитал молитву Ваш Кевчи, которого он просил об удаче в нашем путешествии. Дождь прекратился, но густой туман лишил меня всякой возможности что-либо разглядеть. Перед нашим отъездом мои спутники сняли шапки, посмотрели вверх и снова призвали Ваш Кевчи. <...>

После пары часов прогулки вверх по снегу и камню возле скал мы достигли более открытого каменистого склона, который они называли Хобе (Коби, между Владикавказом и Тифлисом), откуда вытекает Холейдон. На склоне я должен был тверже ступать по длинному и крутому снежному полю; <мои спутники> сняли с меня галоши и на-

дели на меня легкие ботинки из Стур-Дигора из козьей кожи мехом наружу. Их называли “ерге”; набили их изнутри сухой травой и зашнуровали ремнями. Снег становился все гуще, и направо от нас начинался длинный язык глетчера, который выше был покрыт снегом. При этом все больше усиливающимся и увеличивающимся снегопаде мои спутники прикрепили к своим “ерге” еще и другие продолговатые приспособления “атхаланта”. Вокруг моей талии обвязали веревку, другой конец которой держал один из мужчин. Кто-нибудь должен был все время идти впереди и утаптывать <снег> своими “атхаланта”. Много раз восклицали “Ваш Кевчи”. Наконец мы достигли высшей точки снежной горы с высокой каменной вершиной. Самая близкая круча с южной стороны протянулась столь же далеко, как и с северной. Тем временем спуск был еще более затруднителен, потому что я постоянно скользил и падал в глубоком снегу. Туман начал рассеиваться. Дальше впереди перед нами снова были кручи, по которым мы скользили вниз. Так мы достигли глубокого длинного ущелья, по правой стороне которого мы предполагали продолжать двигаться, но ужасный треск возбудил <у нас> подозрения о снежных лавинах и принудил нас сменить направление, чтобы двигаться вперед вдоль восточного края той же долины. Чем больше прояснялось небо, тем мягче становился снег, и появилась опасность, что мои глаза ослепнут. Позже мы все еще скользили вниз и оказались у ручья Кертцски. В это время и снега становилось все меньше, и тут показались трава и деревья, а на какие-нибудь 200 саженей ниже — прекрасные цветы, благоухание которых доносилось до меня на большом расстоянии» (Дневник. 25 мая 1837; ср. с описанием в послании академику Ф.И. Кругу).

Вызывает восхищение не только мужество ученого и его умение стойко переносить трудности, но и умение в этих условиях открывать для себя красоту Кавказа. 22 октября 1835 г.: «Даризэл лежит напротив Ларса на высоком берегу Терека, по которому едешь вперед вдоль каменных стен и скалистых холмов, лишенных каких-либо деревьев и кустов. На самых высоких вершинах лежит снег, и недалеко от Дар<изала> мы видели справа от себя выше других вершин, покрытых снегом, целую ослепительно белую пирамиду — гору Казбек, расположенную примерно в 18 верстах отсюда».

Другие примеры: «По другую сторону этой <Крестовой> горы въезжаешь в Торповую долину, где зимой постоянные метели. Справа видна была продолговатая — на первый взгляд — снежная вершина, но скоро, видя подвижность предполагаемого снега и стремящейся вверх скалы, я убедился, что это был всего лишь туман, который

лежал над глубокой долиной, по которой течет Арагва. Чем сильнее пригревало солнце, тем больше туман рассеивался и превращался в облака; в то же время становилась видна и вся долина с множеством маленьких сел, разбросанных по склонам, и стремительно текущий ручей среди кустов и зеленых лужаек, покрытых травой. Картина красивая, но человек смотрит на нее не без некоторого страха, словно затаившись: дорога крайне узкая и крутая, пропасть слишком глубокая, так что содрогающийся путник видит на дне крохотные дома и людей. Эту <гору> русские называют Гут-горой».

Или: «Природа меняется тем сильнее, чем дальше спускаешься вниз. Еще на расстоянии хорошо видны покрытые снегом вершины, но только очень высоко к северу. Дальше внизу снова кусты и в долине маленькие дубы. Прохладный ветер, который так недавно охлаждал нас, исчез; солнце грело все сильнее, и на нас пахнуло прозрачным теплым воздухом. Несмотря на неопределенность <указаний> географов, я больше не сомневался, что теперь я уже в Азии. Спускаешься вниз и тотчас удаляешься от восточной границы Крестовой горы, вдоль ее уже более широкой и менее крутой оконечности против станции Кайшау, вокруг которой видны маленькие селения с башнями, окруженные засеянными полями. <...> Мы должны были проехать еще 4 версты вниз с горы, крутизна которой увеличивалась вместе с глубиной пропасти, прежде чем спустились в долину Арагвы и переправились через эту реку» (Дневник. 23 октября 1835).

Преодолевая невероятные трудности пути, А.М. Шёгрэн не только разглядел красоту кавказской природы, но и красоту людей, готовых прийти на помощь в любых условиях и поделиться с гостем всем, что есть в доме. Именно это и позволило ему добродушно поведать о маленьких хитростях горцев, которым, например, полюбился его нюхательный табак: «Так как мне сказали, что старшина очень любит нюхательный табак, я его угостил им. Многие прочие присутствующие также хотели бы угоститься. После того как старшина ушел домой, он прислал коробку с пожеланием, чтобы я положил туда табак. Всю вторую половину дня меня беспрестанно посещали люди обоюго пола и всех возрастов, чтобы поглазеть на меня, сделать свои замечания и попросить табака» (Дневник. 22 мая 1837).

С мягким юмором пишет ученый и о своих попутчиках, которые хотели немного заработать не совсем честным путем. 29 августа 1836 г.: «Перед Пришибом командующий офицер, сопровождающий <обоз>, начал придирается к едущим и потребовал, чтобы обоз остался, под предлогом того, что у них был приказ не брать с собой больше ста фур. Весь караван задерживали, пока один из армянских

купцов, также следовавших в караване, и хозяева обоза собрали 10 рублей и с затруднениями было покончено. Вероятно, для того чтобы предотвратить новые расходы, обоз на следующее утро выступил пораньше и затем проделал весь путь отдельно от нас».

22 мая 1837 г.: «В то время как я ожидал на берегу лошадей из села, я разговорился с хозяином дома, французом, нанятым графом Воронцовым, которому принадлежит Артек. Француз объездил всю Европу, много чего испробовал, был торговцем, был богат, но ввязался в большую спекуляцию, которая привела к банкротству, и кончил тем, что стал служить поваром.

После долгого ожидания привели лошадей, но потребовали плату до Ялты, хотя я должен был доехать только до Магарача, до которого, по свидетельству Монтандона, было всего четыре или пять верст. В противном случае меня не хотели везти, и я сам пошел вниз, сославшись на управителя графа, некоего Жаксона. Я обратился к нему, ибо, как говорили, скорее всего он и держал почтовых лошадей. Сначала он сказал, что не хочет вмешиваться в это дело, но в конце концов разрешил везти меня и притом сообщил почтмейстеру в Ялте, что я заплатил только за 5 верст и что он должен позаботиться взыскать с меня деньги за проезд. Затем за мной последовал писарь и отговорился, что интендант приказал ему потребовать плату за весь перегон».

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННАЯ РАБОТА А.М. ШЁГРЕНА

7 января 1838 г. кавказская экспедиция была завершена, А.М. Шёгрэн вернулся в Петербург и приступил к обработке собранных материалов. Авторы жизнеописаний ученого обычно детально характеризуют его финно-угроведческие исследования, которые он вел с 1838 г. и до самой смерти в январе 1855 г., прежде всего изучение языков, фольклора, традиционной культуры финно-угорских народов, проживавших на территории России. В 1846 г. по поручению Русского географического общества А.М. Шёгрэн отправился в третье свое путешествие — теперь по Лифляндии и Курляндии — для изучения двух исчезающих народов: ливов и кривингов, их языка, этнографии, традиционной культуры. В 1852 г. он повторил этот маршрут и привез новые материалы. Собранные в этих экспедициях данные и напи-

санные на их основе исследования будут дополнены, обработаны и подготовлены к печати известным финноугроведом академиком Ф.И. Видеманном (1805–1887)¹⁸³ и составят три объемистых тома финноугроведческих работ Шёгрена, которые, как уже говорилось, были изданы в Петербурге в 1861 г.

Особенно много времени уходило у Шёгрена на рецензирование трудов, представленных на соискание Демидовской премии, и на разбор сочинений авторов «с мест», обратившихся к изучению родного языка, истории, фольклора. В Национальной библиотеке Финляндии (Coll. 209.23) сохранились «Extrait du Protocole de la Conférence de l'Académie Imperiale des Sciences» (Выписки из протоколов Конференции Императорской Академии наук) с 9 декабря 1829 по 1854 г., в которых ученому предписывается дать заключение по целому ряду работ: «Зырянский словарь» Н. Попова (2 мая 1836), сочинение «О нравах и обычаях самоедов Мезенского уезда» (27 октября 1837), перевод на финский язык церковных книг для Финляндии и для финнов в России (24 марта 1845), на «Зырянскую грамматику» Н. Попова «в добавление к "Грамматике" того же языка» краеведа, лингвиста П.И. Савваитова (1815–1895) (2 марта 1846; речь идет о вторичном рецензировании этих трудов). Наряду с финно-угроведческими исследованиями после возвращения с Кавказа А.М. Шёгреному предстояло привести в порядок собранные материалы и завершить начатую на Кавказе работу над «Осетинской грамматикой».

Ученый блестяще справился с этой задачей: он не только закончил работу над этим фундаментальным трудом — первым своим сочинением, написанным на русском языке¹⁸⁴, но и сам перевел его на немецкий¹⁸⁵.

В 1844 г. увидела свет шёгреновская «Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским», опубликованная на русском языке в двух томах и на немецком — в одном¹⁸⁶. Этот фундаментальный труд был высоко оценен на Кавказе — там, где были собраны для него материалы и где его очень ждали. П. Иоселиани напечатал в «Закавказском вестнике» рецензию, в которой с восторгом писал о его авторе: «Сочинитель этой "Грамматики" академик Шёгрен должен быть назван героем народным и благодетелем для всего племени иронов, под которым именем известны себе осетины <...> одинокому ученому посреди народонаселения мнительного и молчаливого, не имеющего ни письмен, ни образов, удалось постичь одним слухом такое множество грамматических форм, такие важные и новые диалектические различия, терпеливо,

осторожно собрать все это, а потом из сих рассеянных материалов воздвигнуть грамматическое здание, столь полное и благоустроенное»¹⁸⁷.

«Осетинская грамматика» получила и европейское признание, о чем сообщалось на страницах «Журнала Министерства народного просвещения»: «В торжественном собрании всех пяти Академий Королевского Французского Института, происходившем 2 мая н. ст., читан был отчет о конкурсе 1846 г. на премию, учрежденную графом де Вольнеем. К соисканию представлено было десять печатных и рукописных сочинений по сравнительной филологии, и премия, состоящая из золотой медали в 1200 фр<анков>, присуждена Комиссиею, назначенною по этому предмету, г. Академику Императорской Академии наук Шёгрёну за его сочинение «Грамматика Осетинского языка с присовокуплением краткого осетино-немецкого и немецко-осетинского словаря». В «Донесении» своем Комиссия говорит, что это — творение ученое и добросовестное, которое впервые знакомит во всей подробности с одним из самых важных и занимательных наречий Кавказа»¹⁸⁸. Король Дании наградил А.М. Шёгрёна за этот труд орденом Данеборга третьей степени. Признанием заслуг ученого в области финноугроведения и кавказоведения явилось его избрание 5 октября 1844 г. на должность ординарного академика по Историко-филологическому отделению (филология и этнография финских и кавказских народов России), назначение директором Этнографического музея Академии наук и произведение в статские советники.

В 1847 г. Шёгрён закончил первую часть задуманного им масштабного изучения осетинского языка в сравнении с другими индоевропейскими языками¹⁸⁹. Во всех исследованиях научного наследия А.М. Шёгрёна характеристика его вклада в российское кавказоведение, как правило, ограничивается анализом этих его трудов, что, с одной стороны, совершенно справедливо, ведь именно ими был «...проложен первый путь к знакомству с кавказскими языками»¹⁹⁰, и не только в России, но и за ее пределами. С другой стороны, учет лишь опубликованных работ ученого не позволяет представить истинные масштабы того, что сделал А.М. Шёгрён для изучения народов Кавказа. После завершения экспедиции на Кавказ и в Крым наряду с активным продолжением финноугроведческих исследований он фактически возглавил в Академии наук изучение народов Северного Кавказа. Познакомившись во время экспедиции с первыми образованными кавказцами и пробудив (в других случаях — поддержав) их интерес к научным занятиям, А.М. Шёгрён в процессе многолетней

переписки с ними систематически помогал им строгими, но, как правило, конструктивными советами.

В соответствии с существовавшими и в кавказской администрации, и в Академии наук правилами, просвещенные горцы отправляли свои ученые опыты «по инстанциям». Преподаватель Тифлисского духовного училища, например, представлял свои труды экзарху Грузии, тот обращался в Синод, который отправлял их в Академию, на заседание Конференции, т. е. Общего собрания, решавшего, кому поручить рецензирование того или иного труда. Так, в «Выписках из протоколов...» от 7 мая 1841 г., 9 июня 1844 г., 20 июля 1844 г., 13 сентября 1845 г., 21 декабря 1846 г., 31 января 1846 г., 17 августа 1848 г., 23 февраля 1850 г., 20 августа 1852 г., 15 сентября 1852 г., 19 марта 1853 г., 13 января 1854 г. зафиксировано предписание академику дать заключение о работах Г. Мжедлова (их ученый рецензировал пять раз), Ш.Б. Ногмова, Л.Я. Люлье, Х. Ксенофонтова, А. Богданинского или высказать свое мнение о возможности преподавания языков народов Кавказа в ставропольской гимназии.

Внимательное изучение и финноугроведческих, и кавказоведческих работ первых представителей национальной интеллигенции и Севера, и Юга России занимало немало времени ученого, что, впрочем, признавало и руководство Академии наук: «Г. Шёгрэн опять должен был жертвовать своим временем разбору авторов, не принадлежащих к Академии: таких сочинений ему было поручено пять: два об осетинском языке, столько же о зырянском и одно о мордовском», — подчеркивалось в ее отчете только за один 1851 год¹⁹¹.

Среди авторов с Кавказа, увлеченно занимавшихся изучением родного языка, истории и этнографии своего народа, но «не принадлежащих к Академии», были: осетин Григорий Мжедлов — смотритель Владикавказского духовного училища, затем учитель осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии, позже — губернский секретарь, переводчик на осетинский ряда священных книг; кабардинец Шора-Бекмурзин Ногма (Ногмов) — поручик Кавказско-Горского полуэскадрона, затем секретарь Временного суда в Нальчике, автор первой «Атыхейской грамматики» и первой «Истории» адыгов; француз Леонтий Люлье, чиновник для особых поручений при командующем войсками на Кавказской линии, много лет проживший среди западных адыгов и составивший «Словарь русско-черкесский или адигский, с краткою грамматикою сего последнего».

Самым не только длительным, но и, как увидим позднее, самым результативным было сотрудничество А.М. Шёгрена с Григорием Мжедловым — оно продолжалось с 1839 по 1852 г. В этот период

А.М. Шёгрэн не только руководил работой Гр. Мжедлова по переводу священных книг на осетинский язык. Это было творческое сотрудничество академика с одним из немногих в ту пору образованных осетин. Академик по работам Мжедлова совершенствовал свое знание осетинского языка, а Гр. Мжедлов по замечаниям наставника перерабатывал свои переводы и даже пытался создать грамматику родного языка.

В СПб.Ф АРАН сохранилась часть материалов, которые Гр. Мжедлов посылал академику на рецензию. Это либо оригиналы его работ: «Перевод Псалтыри на осетино-тагаурский язык» (Автограф в переплете; Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 121); «Ossetische Überetzung einzelner Capitel aus den 4. Evangelien» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 176), либо выписки из его переводов, сделанные А.М. Шёгреном: «Anmarknigar till osset. "Boltern"» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 123) и «Varianten im Ossetinska öfwersättningen of Evangeliern efter Mshadlofs öfwersättning». 1851 (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 125).

В этом же архиве хранятся рукописи отзывов А.М. Шёгрена на труды Мжедлова, позволяющие проследить, как добивался академик совершенствования работ своего кавказского коллеги: «Отзыв, представленный в Академию наук 8 октября 1841 г., о переводе "Псалтыря" на осетино-тагарский язык, сделанный смотрителем Владикавказского духовного училища Мжедловым» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 70); «Отзыв о вторичном разборе перевода "Псалтыря" на осетино-тагаурское наречие Мжедлова. Представлен А.М. Шёгреном в Историко-филологическое отделение АН 6 сентября 1844 г.» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 78); «Отзыв о разборе в третий раз перевода "Псалтыря" на осетино-тагаурское наречие Мжедлова. Представлен А.М. Шёгреном в Историко-филологическое отделение АН 24 апреля 1846 г.» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 83); «Разбор перевода "Псалтыря" на осетино-тагаурское наречие, составленный Мжедловым» (Три черновика; Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 124); «Донесение о переводе на осетинский язык "Краткой священной истории" и "Краткого Катехизиса" Мжедлова, представленное А.М. Шёгреном в Историко-филологическое Отделение Академии наук 4 января 1851 г.» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 100); «Замечания на выдержки из "Грамматики осетинского языка", составленной Г. Мжедловым на осетинском языке» (на шведском яз.; Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 162).

Хранящиеся в архиве А.М. Шёгрена в Финляндии письма Гр. Мжедлова к его наставнику, написанные в период с 19 августа 1839 по 21 июня 1852 г. (Coll. 209. 19), позволяют проследить, как внимательно он относился к замечаниям и предложениям академика.

Смотритель Владикавказского духовного училища Гр. Мжедлов принадлежал к кругу образованных горцев, которые помогали А.М. Шёгрёну изучать осетинский язык во время его кавказской экспедиции. Это были уже упоминавшиеся переводчик осетин П. Жукаев и протоиерей грузин Шио Двалишвили, в совершенстве владевший осетинским. Они, вероятно, и представили Г. Мжедлова академику во время его пребывания во Владикавказе, и он дал будущему переводчику ряд советов, которым тот следовал в своей дальнейшей работе. Не случайно, видимо, первое письмо к Шёгрёну Шио Двалишвили и Гр. Мжедлов подписали вдвоем: «Давно собирались писать к Вам, но только теперь осмелились изъяснить Вам наше усердное почтение <...> Покорнейше просим не забыть нас и уведомить об Вашем здоровье, равно и о том, можем ли прислать к Вам переводы “Разговора” и других Св<ященных> книг; если примете и вводите их в учености. Мы давно бы принялись за составление “Словаря осетинского”, но у нас нет хорошего “Словаря”, и все ожидаем “Лексикона” Г. Чубинова. Если вышел из печати Чубинова “Словарь”, покорно просим прислать нам по экземпляру и уведомить о цене их, что по получении отправим к Вам¹⁹²».

Пожелав Вам всякого счастья и благополучия, честь имеем остаться покорными Вам слугами. Протоиерей Шио Двали Швили. Учитель Григорий Мжедлов».

Все следующие письма Мжедлов подписывал один, и речь в них особенно подробно всегда шла о его собственной работе. Так, в письме от 16 февраля 1840 г. читаем: «Занимаемся по-осетински. О. протоиерей перевел три Послания апостола Павла к римлянам и два к карфагенянам, а я — краткую “Св. историю” с “Кратким Катехизисом” и “Пространный Катехизис” и доставил уже экзарху. Теперь же, после получения Вашего письма, занимаюсь перепискою набело перевода “Осетинского разговора”, переведенного с Чубинова “Разговора”, и надеюсь в марте доставить Вам по почте вместе с переводом трех “Посланий” апостола Иоанна Богослова, переведенного мною».

В письме от 2 мая 1840 г. Гр. Мжедлов писал А.М. Шёгрёну: «При сем присылая к Вам осетинский перевод трех “Посланий” Апостола Иоанна Богослова и грузинский “Разговор весны с осенью”, переложенный в стихах грузинским царем Теймуразом, уведомляю Вас, что я по нездоровью и по училищным делам не мог в обещанный срок прислать к Вам “Осетинского разговора”, а стараюсь окончить скоро и в вакацияльное время. Непременно буду присылать к Вам и надеюсь, что труды мои будут Вами введены в число тех лиц, которые трудятся для пользы отечества изданием их в печати».

Письмо Ваше очень обнадежило меня, и занимаюсь с переводом “Разговора” и переводом “Псалтиря”, и перевел уже половину и надеюсь окончить через три месяца.

Я весьма жалею, что я не смог обещание мое исполнить Вам в скорости нащёт “Осетинского разговора”. Буду непременно заниматься переводами и держаться тех правил, которые передали мне Ваши священные уста в бытности во Владикавказе».

О дальнейших результатах работы Гр. Мжедлова над переводами священных книг мы узнаём из его письма к Шёгрёну 5 августа 1841 г.: «Труды мои, хотя я не могу хвастаться, довольно значительны, что я уже перевел “Псалтырь” и представил уже “Евангелие”, и “Деяния Св. Апостолов” уже вчерне у меня выведены, и как я сам надеюсь, и другие в том уверяют меня <что> сии последние переводы должны быть лучше и основательнее первых, хотя писаны теми же буквами. Я намерен оставить “Грамматику” и заниматься исправлением переводов, пиша их собственно Вашими буквами, и надеюсь, что труды мои, вверенные Вашему усмотрению, без всякой пользы не останутся как для меня самого, так и для осетинской церкви».

Важно отметить, что все помощники Шёгрёна в изучении осетинского языка сохранили дружбу, сотрудничали и помогали друг другу. Так, Шио Двалишвили, как и Гр. Мжедлов, занимался переводами на осетинский вплоть до своей кончины в 1843 г., а П. Жукаев, как мы узнаем из письма Мжедлова Шёгрёну от 2 февраля 1845 г., помогал ему совершенствовать его труд: «... получивши перевод “Псалтиря”, я <...> уже два месяца занимаюсь исправлением и перепискою набело сего последнего. К счастью моему, известный Вам <...> Жукаев приезжал в Тифлис и, живя около трех недель у меня в генваре месяце, очень много помог мне в исправлении этих ошибок, какие Вами замечены, и надеюсь в первых числах марта перевод сей отослать Вам по начальству».

О помощи Жукаева Мжедлов говорит и в письме от 16 ноября 1845 г.: «...прочие замеченные ошибки в слогах и стихах по возможности и с помощью г. Петра Жукаева, который целый месяц жил в г. Тифлисе у меня, почти все исправлены, и ошибок, которые в настоящем состоянии осетинского языка сложно было исправить, по отзыву г. Жукаева, нет».

Мжедлов не только следовал советам Шёгрёна, но и опирался на его опыт в изучении осетинского языка: в письме от 5 августа 1841 г., когда работа академика над «Осетинской грамматикой» еще не была завершена, он просил своего наставника прислать изобретенный им алфавит, чтобы использовать его в своих работах: «Я имел разговор с

эксархом и прокурором Синодальной конторы об удачности и правильности для выражения составленных Вами букв, и давно жду Вашей “Грамматики”; но, узнав еще в 1839 году из Вашего письма о ее замедлении и не осмелясь выпросить у Вас рукописной азбуки, я стал писать мой перевод Вам известными буквами. Ныне же я надеюсь, что если “Грамматика” Ваша еще не отпечатана, по добродушию Вашему не откажете прислать мне одни буквы Ваши с присовокуплением на них употребляемых знаков и тех осетинских слов, из которых я вернее могу увидеть употребление каждой буквы в письме и тем доставить мне единственное средство к продолжению моих занятий».

Особо Гр. Мжедлов благодарил академика за присылку ему «Осетинской грамматики». В письме от 24 сентября 1844 г. он писал: «Вы, милостивый государь, очень много одолжили мне, что прислали экземпляр Вашей “Осетинской грамматики”, она теперь мне служит единственным руководством при подавании уроков моим ученикам в Тифлисской семинарии. Я не намерен прекратить занятия по этому языку, а, напротив, усугубить, надеясь, что труды не останутся без пользы».

В следующем письме, датированном 8 апреля 1845 г., Мжедлов сокрушался: «Присланную Вами мне “Грамматику” отнял новый эксарх и доселе не возвращает мне, и потому прошу покорнейше прислать мне шесть экземпляров с уведомлением о цене каждой книги, которую, по получении книг, не медля вышлю».

Весьма важна для нас реакция Мжедлова на критические замечания и советы А.М. Шёгрена. Выражая готовность дорабатывать свои переводы, Мжедлов вместе с тем пытается объяснить их недостатки и рядом объективных причин. В его письме к Шёгрёну от 5 августа 1841 г. читаем: «4-го числа сего месяца (август 1841 г. — А.А.), к сожалению моему, я получил от Высокопреосвященнейшего эксарха Грузии составленную мною “Осетинскую грамматику” и другие переводы в подлинниках с Вашими замечаниями на счет их неправильностей, и само собою разумеется, по Вашему мне предположению, он предписал мне исправить оные и опять представить ему. Из замечаний Ваших я увидел и верю, что слова Ваши, которыми Вы благоволите называть их не верными, особенно по правописанию, истинно верны, да и без того таковым переводам и сочинениям при самом начале на неграмотном языке нельзя быть. Сколь я не употреблял усилия проникнуть и вернее выразить все звуки приличными буквами, столько я нашел неудобства и затруднения и ограничился только теми буквами, которые уже Вам известны, и я думаю, зато и Вы не изволите так строго судить меня, зная силы мои и, имея много приме-

ров даже образованных языков, которых азбуки еще, как я от Вас же знаю, не совсем совершенны. Что же касается до выражения смысла вернее и приличными словами, то я теперь в состоянии довольно удачно работать, так как я чрезвычайно занимался и имею желание сделать что-нибудь своим трудом, полезное церкви осетинской».

Спокойно и с достоинством воспринимал Гр. Мжедлов и положительные отзывы А.М. Шёгрена о своих трудах, полученные после неоднократной и усердной их доработки. 2 февраля 1845 г. он писал академику: «Письмо Ваше от 16 октября 1844 я имел счастье получить, из которого усмотрел приятное для меня известие о том, что Вы, по милости Божией, благополучно живете, и перевод мой “Псалтиря”, кроме замеченных Вами еще ошибок по правописанию и некоторых слов, неудачно переложенных, Вами уже одобрен. Вслед за этим письмом весьма скоро получил и упомянутый перевод, перепискою которого набело уже занимаюсь и надеюсь, что все оставшиеся в нем ошибки теперь будут мною удачно исправлены по Вашему указанию».

Работая в течение более десяти лет под руководством А.М. Шёгрена, Гр. Мжедлов научился не просто править свои переводы по замечаниям наставника, но и отстаивать свои решения и находки для передачи содержания церковных книг средствами осетинского языка. Убедительное тому свидетельство — его письмо к А.М. Шёгреному от 16 сентября 1846 г., где после благодарственных слов («21-го прошлого мая я имел счастье получить письмо Ваше, из которого я, к удовольствию моему, узнал об одобрении перевода моего») идут подробные объяснения, какие исправления были внесены в текст перевода по замечаниям Шёгрена, а в каких случаях автор перевода настаивает на своем решении.

Многолетнее тесное сотрудничество А.М. Шёгрена с Гр. Мжедловым завершилось успешно — в «Библиографии», предваряющей вторую часть «Осетинских этюдов» В.Ф. Миллера, названо «Святое Евангелие на осетинском языке, переведенное Гр. Мжедловым. Тифлис, 1848»¹⁹³, а из одного из последних писем Гр. Мжедлова А.М. Шёгреному от 3 марта 1851 г. мы узнаем, что его перевод «Псалтиря» увидел свет и что переводчик отправил академику «... чрез редакцию “Закавказского вестника” безвозмездно и с большим удовольствием 3 экземпляра» этой книги.

Переписку Гр. Мжедлова с А.М. Шёгренем заключает послание от 21 июня 1852 г., в котором целесообразно выделить два момента: 1) в процессе работы с академиком Мжедлов не только следовал его советам, но и обращался к «образованным осетинам», у которых его переводы проходили апробацию: «Затем я уже на совершенство пе-

ревода совершенно надеюсь, и в этом уверяют образованные осетины, к которым для усовершенствования одного я часто обращался и требовал их помощи и совета»; 2) как и другие кавказские коллеги академика, Гр. Мжедлов надеялся на поощрение своих многолетних и бескорыстных усилий, направленных на просвещение родного народа: «Я совершенно уверен, что отзыв Ваш об этом переводе будет хорош, и я за мои усиленные труды не останусь без награды, хотя счастье мое с наградами всегда бывает плохое, что видно из того, что уже 15 лет работаю, но ни от кого нет никакого поощрения. В прошлом году экзарх просил г. Обер-прокурора Святейшего Синода о награждении меня орденом св. Анны 3 ст., но доселе нет даже ответа, и некогда мне просить узнать, на чем дело остановилось».

Реальной наградой Гр. Мжедлову за многолетний упорный труд было признание земляков — то, что «Осетинский “Псалтырь” уже в употреблении, и отзыв об нем от всех осетинцев и других, знающих осетинский язык, весьма хорош», — как писал он А.М. Шёгрену 21 июня 1852 г.; а также упоминание о его переводах священных книг на осетинский язык в рецензии П. Иоселиани на «Осетинскую грамматику» А.М. Шёгрена:

«Соревнователем трудов ученого академика остается донныне г. Мжедлов, преподаватель этого языка в Тифлисской духовной семинарии, изучивший этот язык во Владикавказе в бытность его там смотрителем училища. Вот составленные им на осетинском языке и переведенные с русского книги: 1) Краткая св. история с кратким катехизисом; 2) Осетинская грамматика; 3) пространный катехизис; 4) псалтырь; 5) четвероевангелие и деяния св. апостолов. Все эти книги существуют еще в рукописи. Из них псалтырь уже одобрен академиком Шёгренем»¹⁹⁴.

Одновременно с систематическим рецензированием переводов Гр. Мжедлова А.М. Шёгрен руководил работой Шоры Бек-Мурзина Ногмова, одного из первых образованных кабардинцев, над его «Атыхейской грамматикой». Выше — по материалам кавказского дневника академика и его писем к академикам Ф.И. Кругу и Х.Д. Френу — были подробно охарактеризованы встречи Шёгрена с Ногмовым на Кавказе и его занятия с ним кабардинским языком. Письма Ногмова, хранящиеся в Отделе рукописей Национальной библиотеки Финляндии (Coll. 209.19), позволяют впервые воссоздать следующий этап их сотрудничества — с 1838 по 1841 г., которым датировано последнее письмо Ногмова к Шёгрену¹⁹⁵.

Итак, переписка А.М. Шёгрена с Ш.Б. Ногмовым возобновилась сразу после отъезда академика в Петербург. Из письма Ногмова Шё-

грену от 6 июня 1838 г. мы узнаем, что он отправил свою «Грамматику» командирующему Отдельным Кавказским корпусом барону Г.В. Розену и ему не известна ее дальнейшая судьба, что Шёгрэн говорил об этом сочинении Ногмова с президентом Академии наук и министром народного просвещения графом С.С. Уваровым и Ногмов надеется на его помощь, и главное, что Шёгрэн дал ему ряд советов по доработке «Грамматики» и он пытается их реализовать: «По советованиям Вашим я уже постараюсь прибавлять к “Грамматике” словосочинение или синтаксис практического употребления, также и словарь, отдельным образом с разговором; я полагаю, что, кажется, не так трудно будет, впрочем, не знаю, я не делал до того, и “Грамматика” самой лучшей будет, потому что всю снова рассматривал, только в русском языке я не так сильный».

Ш.Б. Ногмов, несмотря на чрезвычайную загруженность — он теперь исполнял должность секретаря Временного суда в Нальчике, продолжал работу над своим трудом, и уже 2 января 1839 г. писал Шёгрёну: «“Грамматику” и “Синтаксис” или “Словосочинение” кончил, и “Разговор” (т. е. “Словарь”. — А.А.) еще <только> начинается», а меньше чем через полгода, 5 июня 1840 г., он сообщал: «...относительно трудов моих уведомляю, что “Грамматика” мною окончена, исправлена и дополнена и теперь до самых глаголов вовсе не та, что была прежде; вскоре она будет отправлена к Вам».

И эта огромная работа была выполнена в кратчайшие сроки, хотя Ногмов продолжал служить во Временном суде и одновременно с «Грамматикой» готовил еще одно сочинение: «...все время это был занят — мне вот уже два года как поручена должность секретаря в Временном суде, и кроме того, составлено мною “Историческое описание атихейского народа” от древних времен, которого оглавление, желая удовлетворить Ваше любопытство, при сем прилагаю. Труд этот уже мною окончен, и в скором времени поеду в Тифлис», — сообщает Ногмов в том же письме от 5 июня 1840 г. Далее следует «Оглавление» «Исторического описания атихейского народа» — труда, который Шёгрэн сможет прочитать и сделать из него выписки только в 1845 г. по посмертным бумагам своего кавказского коллеги.

Видимо, в ответе на это письмо Ш.Б. Ногмова А.М. Шёгрэн выразил готовность ознакомиться с новой, доработанной рукописью «Атихейской грамматики» и вскоре получил письмо, датированное 5 июля 1841 г.: «Благодарю Вас за снисходительное внимание, с которым Вы беретесь разобрать мою “Грамматику”. И в этом случае совершенно полагаюсь на Ваше благоусмотрение, на милостивое расположение, которое Вы изъясняете в Ваших письмах, и не ищу ника-

кой награды. Единственное мое желание состоит в том, чтобы содействовать к образованности моих <нрзб.> и обратить внимание высшего начальства на труды человека мало ученого, но горящего ревностью к просвещению и сближению с российской державой своего народа.

Если по Вашей рекомендации я могу привлечь на себя внимание Правительства, то это послужит к убеждению моих единоземцев, что не одна личная храбрость и искусное владение оружием могут заслужить благосклонность Правительства. Без сомнения, распространение сего мнения будет поощрять молодых людей к учению, разысканиям и возбуждать в них соревнование к просвещению себя знанием и науками, чуждыми доселе нашему народу».

Отослав рукопись «Атыхейской грамматики» своему наставнику 19 июля 1840 г., Ш.Б. Ногмов отправил ему письмо, в котором описал, как возник у него замысел этого труда. До сих пор все исследователи научного наследия Ш.Б. Ногмова говорили о том, что он работал над «Грамматикой» под руководством академика Ф.Ф. Шармуа, которому вручил один экземпляр своего труда. В письме от 19 июля 1840 г. названы другие обстоятельства возникновения замысла ногмовской «Грамматики»: «Узнав в нашем эскадроне от штаб-ротмистра Туганова о предписании 1830 года господина графа Бенкендорфа¹⁹⁶, нашего благодетеля, коим предложено было о составлении «Черкесской грамматики», что и побудило меня ревностно заниматься составлением «Грамматики». И когда справитесь, то постарайтесь чрез господина Министра Уварова довести до сведения его сиятельства графа Бенкендорфа о моем сочинении».

Представляя доработанный вариант своей «Грамматики» А.М. Шёгрёну, Ш.Б. Ногмов надеялся на получение за нее награды: «Я Вас покорнейше прошу представить труд мой господину Министру Уварову, и независимо <к> Демидовской премии, просить его о исходатайствовании мне в поощрение прочим с Монаршей наградой» и даже доверял академику хлопоты о ее оформлении, как и о возможной публикации его «Грамматики»: «Доброе Ваше расположение заставляет меня надеяться на то, что просьба моя не будет Вами оставлена, и Вы, как и прежде уверяли меня, будете во всем стараться по возможности. Посылаю при сем к Вам один лист бумаги за моей подписью. Может быть, Вам нужно будет для представления в Академию — то, что нужно, на нем напишете. Что же касается до напечатания «Грамматики», то я очень прошу у Вас совета. Я в сем деле не сведущ, и уверен, что Вы мне напишете, как лучше».

А.М. Шёгрэн внимательно изучил новый вариант «Грамматики» Ш.Б. Ногмова, о чем свидетельствуют его конспекты этого сочинения и выписки из него, хранящиеся в филиале АРАН: «Kabardinisch-Tscherkessische Sprachlehre, Tscherkessiska» — конспект «Грамматики» Ногмова 1840 г. на швед. яз. (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 192); «Utdrag af: Атыхейская грамматика, сочиненная порутчиком (sic!) Ногма Шора Бекмурзиным 1840 г.» Здесь с. 1–28 — конспект «Грамматики» Ногмова, с. 29–47 — «Кабардинско-русский словарь» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 193); «Выборки и замечания о “Грамматике атихейского языка, составленной Шора Бек-Мурзин-Ногма» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 268. С. 1–27об.). Последним названием объединены «Примечания» (С. 1–7об.) — рецензия на «Грамматику» Ногмова; «Utdrag utun Kabardinska uzden Nogma “Грамматика атихейского языка”» (С. 8–27об.); «Выдержки из “Грамматики атихейского языка” кабардинского узденя Ногма», из них: с. 8–11 — на шведском языке конспект «Грамматики» Ногмова; с. 12–18 — образцы кабардинской речи с русским переводом; с. 18об.–27 — тексты кабардинских историко-героических песен на языке оригинала, частично с русским подстрочным переводом.

В контексте характеристики сотрудничества А.М. Шёгрена с Ш.Б. Ногмовым особый интерес представляют его «Примечания» — рецензия на «Грамматику» Ногмова (ее текст публикуется в наст. изд.). Целесообразно процитировать письмо Ш.Б. Ногмова к А.М. Шёгрэну от 26 сентября 1841 г., свидетельствующее о том, что Ногмов с пониманием воспринял критические замечания своего наставника: «Получив Ваше письмо, от 10 минувшего августа писанное, с возвращением моей рукописи и с приложением собственной Вашей записки, на которое уведомить честь имею: найденные Вами в моем сочинении ошибки весьма основательны. Следовательно, я и не смею быть в претензии за сделанные Вами мне замечания, но, напротив того, приношу Вам искреннюю мою благодарность за пожертвование двухмесячного времени на исправление ошибок и недостатков <э>того сочинения. Это я принимаю знаком истинного Вашего ко мне благорасположения; будьте уверены, что я потщусь к оправданию оною».

Здесь же Ш.Б. Ногмов объяснил недостатки своей «Грамматики» несколькими обстоятельствами: «Теперь позвольте сказать Вам откровенно: не имея никакого совершенно воспитания, да и к тому же не владея хорошо русским языком, как бы я не руководствовался рекомендованною Вами переделкою, но мог ли обойтись без ошибок.

Дикая необразованная наша сторона, в которой я жительствую, отнюдь не могла бы препятствовать к усовершенствованию умственного развития. Если бы я имел некоторое образование, к тому же не

был бы занят другими народными делами, от коих по обязанности моей отказаться не смею, что и не дозволило мне отъехать для рассмотрения напред такого моего сочинения на обращение внимания на главнейшие его несовершенства сведующего человека. Кроме того, побуждаем будучи высшим начальством о скорейшем представлении в корпусный штаб моего сочинения, содержащего в себе предания и песни кабардинского народа, вынужден был отправиться в Тифлис, поручив мою рукопись писарю как для окончания, так и отправления к Вам, отчего произошли такие несообразности с настоящими правилами; ныне же я усугублю все мои способности к исправлению всех ошибок и исключу не понравившиеся Вам буквы, и в генваре будущего 1842 года представлю к Вам».

Вероятно, Ш.Б. Ногмов надеялся, что А.М. Шёгреном не просто ознакомится с новым вариантом «Грамматики», но и подготовит ее к публикации и будет ходатайствовать о представлении его труда к Демидовской премии: «По получении которой Вы примете на себя труд пересмотреть оную, и если и затем найдете какие-либо ошибки, то, исправив таковые, представьте в Академию для напечатания от имени моего и выпущения в свет, ибо я — если потружусь при немалых моих занятиях, то это не для корысти, но единственно для пользы моих соотечественников; следовательно, с Демидовскою наградою, которая по существующему положению следует мне, я представляю Вам ведаться там по усмотрению Вашему, как я уже писал Вам и прежде».

В 1841 г. переписка Ш.Б. Ногмова с А.М. Шёгреном прекратилась — во всяком случае никаких ее следов в архивах академика не обнаружено. Имя Ногмова возникает в его рукописных материалах только после 10 июня 1844 г., когда первый кабардинский просветитель скончался в Петербурге, будучи прикомандированным к Кавказско-Горскому полуэскадрону для доработки своих ученых сочинений и их возможной публикации.

В Центральном государственном историческом архиве в Петербурге сохранились «бумаги, оставшиеся после смерти Шора Бек-Мурзина»; они находятся в двух фондах: Ф. 1268. Ед. хр. 478 и Ф. 735. Оп. 2. Ед. хр. 482.

В 2009 г., когда я работала в этом архиве, материалы Ф. 1268 находились на сканировании для Библиотеки им. Б.Н. Ельцина; доступными оказались только документы, составившие Ф. 735. Оп. 2. Ед. хр. 482. Это «Дело Канцелярии и Министра народного просвещения» — оно включает переписку военного министра с министром народного просвещения и вице-президентом Академии наук.

Особый интерес в этом фонде представляет «копия с донесения экстраординарного академика Императорской Академии наук статского советника Шёгрена о рукописях, найденных по смерти кабардинского узденя штабс-капитана Шора-Бек Мурзина».

«Донесение» Шёгрена было подготовлено по поручению вице-президента Академии наук князя Дондукова:

«Ординарному академику
Господину статскому советнику,
Шёгрену.

Г. Военный министр по Высочайшему повелению препроводил на рассмотрение Академии наук найденные по смерти бывшего кабардинского узденя, штабс-капитана Шора-Бек-Мурзина, составленные им с целью распространения в Кавказском и Закавказском краях 1) «Граматику атихейского языка»; 2) «Предания черкесского народа» и сверх того разные черновые бумаги, к этим предметам относящиеся.

К сему г. Военный министр присовокупил, что, по отзыву местного начальника, распространение означенных сочинений может иметь полезное для нас влияние на умы тамошних жителей.

Оценка этих сочинений и бумаг в ученом отношении может быть сделана с надлежащею точностью собственно Вами потому, что Вы как ученый лингвист занимаетесь и наречиями Кавказа.

Посему, препровождая у сего упомянутые сочинения и бумаги при особой описи, я предлагаю Вам рассмотреть оные и представить мне обратно с Вашим мнением.

Вице-Президент Князь Дондуков»¹⁹⁷.

«Донесение» А.М. Шёгрена о трудах Ш.Б. Ногмова публикуется в наст. изд., поэтому здесь можно ограничиться лишь выделением важнейших положений. Прежде всего Шёгрена дает высокую оценку личности первого просвещенного кабардинца: «Покойный штабс-капитан Шора Бек-Мурзин, при жизни мне лично известный, был человек по своей преданности Правительству и по чистой своей любви к просвещению достойный высшего уважения, тем более что он не только умел вполне ценить высокое преимущество просвещения пред грубым невежеством своих единоземцев, но и собственными несусыпными трудами старался таковое невежество от них устранять и в том именно отношении собою подал своим соотечественникам пример донныне первый и единственный. Наилучшим подтверждением сказанного служит, кроме оставшихся его многочисленных бумаг, собственное его «Предисловие» к «Грамматике атихейского языка», живо отражающее пламенное стремление души его к просвещению и

к споспешествованию распространения его между грубыми своими соотечественниками многолетними неутомимыми трудами. По крайней мере я не без сердечного умиления мог прочитать это, сверх того и примерною скромностью отличающееся “Предисловие”, сожалея о жестокости судьбы, преждевременно прекратившей его жизнь...»

Строго и конструктивно рецензировавший в 1840 г. первый вариант «Грамматики» Ш. Ногмова, в «Донесении» А.М. Шёгрена чрезвычайно деликатно говорит о доработанном автором втором ее варианте: «Вследствие неожиданной кончины автора упомянутая его “Грамматика”, к сожалению, осталась в нынешнем виде, не достигши еще того совершенства, которое она могла бы получить, если бы судьба дозволила автору ее здесь в Петербурге обработать <...> это сочинение полезно только тому, кто умеет им критически пользоваться как материалом к исследованию грамматического устройства чудного и трудного кабардинского языка, существенно еще гораздо более различающегося от русского, нежели можно предполагать по одностороннему изложению покойного автора. Весьма естественно, что самая большая часть читателей книги, напечатанной в таком виде, мало или вовсе не будет пользоваться ею вышеозначенным критическим образом <...> а потому я и сомневаюсь в пользе отпечатания этой “Грамматики”».

Иное заключение сделал А.М. Шёгрена о другом сочинении Ногмова — «Предания черкесского народа»: «Другое дело с пространнейшею еще историческою рукописью под заглавием “Предания черкесского народа”. Есть, конечно, и в этой ощутительные недостатки и странные неосновательные соображения, естественные по степени образования покойного автора; но тут каждый предусмотрительный читатель сам легко увидит, в какой мере он может полагаться на сочинителя, и, не опасаясь быть введенным в заблуждение, снисходительно извинит встречающиеся недостатки, щедро вознаграждаемые множеством любопытных и совершенно новых сведений. И вот на каком основании эта рукопись и с пользою может быть напечатана в каком-либо хорошем периодическом журнале или, может быть, лучше даже отдельною книгою и, разумеется, под именем автора, коего многостороннему трудолюбию она делает честь».

Далее А.М. Шёгрена подробно охарактеризовал содержание 16 «Черновых тетрадей», позволяющих составить представление о процессе работы Ногмова и над «Грамматикой», и над «Преданиями черкесского народа».

Завершая «Донесение», А.М. Шёгрена четко сформулировал предложение издать «Предания черкесского народа» и в приложении к

ним — ряд материалов из рабочих тетрадей Ногмова. «Что же касается другой рукописи под заглавием “Грамматика атихейского языка” со всеми прочими черновыми тетрадями, относящимися по большей части к той же “Грамматике”, то я долгом считаю представить на благоусмотрение Правительства, не угодно ли будет пожертвовать все эти бумаги Академии наук, как самому приличному месту для их хранения».

А.М. Шёгрэн не просто рекомендовал издать «Предания черкесского народа», но и подготовил такое издание. Подтверждение тому — сохранившиеся в СПб.Ф АРАН (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 19. Caucasasia 2. С. 215–236об.) рукопись «Utdrag af Nogmas “Предания черкесского народа”» («Отрывки из “Преданий черкесского народа” Ногмова»), написанная рукою ученого на шведском языке, с цитатами из кабардинского фольклора на кабардинском языке и в русском переводе, и этот же текст, перебеленный рукою переписчика (Там же. С. 264–319об.). По какой-то причине А.М. Шёгрэн не издал ее, и только в 1861 г. сочинение Ногмова было опубликовано сначала на русском языке, а затем в немецком переводе¹⁹⁸, и стало широко известно не только в России, но и в Европе.

Итак, сотрудничество А.М. Шёгрэна с Ш.Б. Ногмовым продолжалось с 1835 до 1841 г., которым датировано последнее письмо кабардинского корреспондента. Следует подчеркнуть, что это было действительно сотрудничество — доверительное и бескорыстное. По материалам Ногмова (в частности, по тщательно законспектированной рукописи первого варианта его «Грамматики») и с его помощью Шёгрэн изучил кабардинский язык.

Но А.М. Шёгрэн не только использовал работы Ногмова, но и пытался помочь ему их совершенствовать — прежде всего я имею в виду его рецензию на «Грамматику».

В то же время А.М. Шёгрэн чувствовал некоторое недоверие Ногмова к себе: в кавказском дневнике он подметил мнительность своего наставника в кабардинском языке и, возможно, упомянул о его недоверии в письмах к нему. Об этом мы узнали из письма Ногмова к Шёгрэну от 6 июня 1838 г. (ОР НБФ. Coll. 209. 19): «...я ни в чем не сомневаюсь. Извините меня, что и прежде я напрасно сомневался, не зная о благих Ваших намерениях, за то я недоверчивый черкес есть, и что прошло, то прошло, я теперь Ваш слуга».

Вопрос о недоверии к Шёгрэну снова возникает в письме к нему Ногмова от 5 июня 1840 г.: «Что же касается до недоверия моего к Вам, то оно всегда было чуждо меня; доказательством сему может служить моя “Грамматика”, которую Вы скоро получите. Ибо если

бы я не доверял Вам, то мог бы найти много средств отправить “Граматику” через нынешнее начальство в Академию, но я надеюсь на Ваше слово.

Признаюсь Вам, что мне весьма было бы обидно, если бы Вы издали прежде меня взятую Вами копию с моей “Граматики”, которая неправильна; ныне же я усовершенствовал <ее> введением европейских букв и исправил во всех неполностях — однако я уверен, что Вы этого никогда бы не сделали и писали ко мне не с таким намерением».

И даже отправляя рукопись второго варианта «Граматики», Ш.Б. Ногмов опять касается темы недоверия к нему: «Окончив, исправив и дополнив совершенно свою “Черкесскую грамматику” прибавлением “Синтаксиса” и “Словаря”, мне весьма приятно препроводить ее к Вам. Теперь Вы сможете видеть, справедливо ли Ваше мнение о моем недоверии, о котором в письмах Ваших часто упоминается — я доказал Вам свое доверие и, надеюсь, искренно, что Вы будете мне способствовать столько, сколько будет возможно» (Письмо от 19 июля 1840 г. ОР НБФ. Coll. 209. 19).

А.М. Шёгрэн не просто принял к сведению опасения Ногмова, но и изменил свои планы, связанные с изучением кабардинского языка. Из его письма к президенту Академии наук графу С.С. Уварову мы узнали, что ученый задумал написать собственную грамматику черкесского языка (в XIX в. редко дифференцировали адыгские языки, определяя их собирательным термином «черкесские»): «...у меня была возможность усовершенствовать свои знания в черкесском и написать более основательную грамматику этого языка — книгу, которая, помимо научного интереса, могла бы оказаться весьма полезной и в политическом отношении».

Но поскольку «Грамматика» Ногмова не была опубликована, А.М. Шёгрэн отказался от замысла подготовить свою черкесскую (или кабардинскую) «Граматику», хотя изучил этот язык основательно, что позволяют утверждать хранящиеся в Петербурге вышеупомянутые материалы. Такое решение А.М. Шёгрэна — бесспорное свидетельство его уважения к воле Ш.Б. Ногмова.

12 сентября 1845 г., т. е. вскоре после рецензирования посмертных бумаг Шоры Ногмова, Класс (т. е. Отделение) историко-филологических наук Императорской Академии наук направил А.М. Шёгрэну на отзыв рукопись «Словарь русско-черкесской или адигской, с краткою грамматикою сего последнего языка», автором которой был коллежский ассессор Леонтий Люлье¹⁹⁹.

Француз по национальности, Леонтий Яковлевич Люлье (1805–1862) почти всю жизнь провел в России. Он «с 1822 г. состоял переводчиком Керченского портового карантин, с 1824 г. — в штате “попечителя торговли с черкесами и абазинами”, с 1825 г. комиссар в Черкессии, с 1832 г. в штате начальника Кавказской области, с 1838 г. чиновник для особых поручений при Керчь-Еникальском градоначальнике, состоял также по совместительству директором Керченского Музеума древностей; с 1843 г. чиновник для особых поручений при начальнике Черноморской береговой линии; был назначен на эту должность, чтобы предоставить ему возможность закончить работу над пособиями по черкесскому языку, кроме того, предполагалось назначить его директором школы для горцев. Люлье неоднократно находился при войсках во время военных экспедиций»²⁰⁰. Около 40 лет Л.Я. Люлье, «трудясь ревностно, неутомимо и добросовестно на служебном поприще, <...> выказал редкую способность и служить краю, и изучать его: у него служба и наука взаимно помогали одна другой»²⁰¹.

Поскольку Л.Я. Люлье жил преимущественно среди представителей кяхов («нижних адыгов»), ныне называемых адыгейцами, он занимался изучением их языка, этнографии, религиозных представлений, которым посвятил ряд работ²⁰², получивших высокую оценку современников: «Этнографические статьи его, напечатанные в “Записках Отдела” (в “Записках Кавказского отдела Императорского Русского географического общества”, действительным членом которого он был. — А.А.) по добросовестности своей и верности данных стоят несравненно выше сочинений Белля, Коленати и Лапинского. Генералу Услару удалось побывать в тех местах, которые описывал Люлье, через 30 лет после него; на месте поверил он сведения, сообщаемые Люлье — и не нашлось ни одного неверного показания»²⁰³.

Более сложной оказалась история публикации «Словаря русско-черкесского или адигского...» Люлье — и она была связана с А.М. Шёгренем.

Вот как описал сам Люлье свое обращение к изучению адыгских языков и совет, который дал ему в этой связи академик: «... я был назначен Начальством состоять при командующем войсками на Кавказской линии, — где как в центре всех вообще племен горцев, обращавшихся по разным случаям к главному Начальству края, я имел возможность познакомиться со всеми наречиями адигского (черкесского) языка <...> Через это я мог собрать и поверить разные оттенки означенных наречий и вообще языка, не имеющего ни малейшего

сходства не только с известными нам языками, но даже и с другими наречиями племен, населяющих Кавказские горы.

Тогда-то я имел случай видется в Ставрополе с ординарным академиком А.М. Шёгреном, который изучал на Кавказе наречия горцев. Он поощрил меня к составлению Адигского (Черкесского) словаря, — каковой труд и предпринят был мною, не взирая на предстоящие трудности в деле, для меня совершенно новом»²⁰⁴.

Как уже говорилось, встреча Люлье с Шёгреном состоялась в 1836 г., но только через 10 лет работа над словарем была завершена и рукопись его поступила в Академию наук, где была передана «на рассмотрение» академику.

Узнав об этом, Люлье обратился к А.М. Шёгреному с письмом (ОР НБФ. Coll. 209.19, письмо от 5.I.1846), в котором напомнил об их встрече на Кавказе и просил о снисходительном отношении к его труду: «Милостивый государь Андрей Михайлович. Смею думать, что Вы еще изволите меня помнить, смею также думать, что Вы не позабыли советы, которые Вам было угодно мне дать при свидании с Вами на Кавказе, о составлении черкесского “Словаря” и создании нескольких элементов “Грамматики” того народа. С тех пор я занялся этим делом и старался извлечь возможную пользу из долголетнего пребывания моего в горах. “Словарь” и “Грамматика” поступили в Академию Вашу — как сообщают о том из Канцелярии Кавказского наместника — для рассмотрения и одобрения. Труд мой, вероятно, будет передан Вам для определения степени его достоинства. Позвольте мне надеяться, что Вы рассмотрите эти рукописи не как строгий Аристарх, а как снисходительный судья. Труд мой есть, как я полагаю, первый в этом роде и, несмотря на его недостатки, он может быть полезен для тех, кои пожелают изучить язык черкесский, или тем, кои со временем займутся этим делом. Я же составлением его имел в виду быть полезным службе и составить себе какую-нибудь выгоду за тяжкое и долгое пребывание мое в горах черкесских между враждебными племенами, пребывание, сопряженное с многими лишениями и опасностями.

Ожидая благосклонного отзыва Вашего, прося покорнейше принять заранее изъявление искреннего чувства благодарности за участие, которым угодно будет почтить меня, <...> имею честь быть <...> Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугой Леонтий Люлье».

Ученый, который, как мы видели, много времени уделил изучению кабардинского языка и устной народной поэзии адыгов, внимательно ознакомился с рукописью Люлье и в своем «Донесении», про-

читанном в Академии уже 16 января 1846 г., охарактеризовал не только достоинства, но и недостатки его труда и высказал ряд пожеланий по его доработке. Вместе с «Донесением» Шёгрена Л.Я. Люлье в январе 1846 г. был отправлен и экземпляр его «Осетинской грамматики» — для руководства в работе.

Каково же было удивление не только А.М. Шёгрена, но и всего Отделения историко-филологических наук Академии, когда в том же 1846 г. «Словарь русско-черкесский или адигский...» вышел в свет, да еще на его титуле было обозначено: «одобренный Императорскою С. Петербургскою Академиею наук»!

7 ноября 1846 г. Л.Я. Люлье отправил А.М. Шёгрена письмо, в котором попытался объяснить, почему словарь был издан без учета его замечаний: «Заботы по службе и продолжительная болезнь, от которой я еще не оправился, препятствовали мне отвечать, прежде сего, на лестное письмо, которым Вы почтили меня в начале сего года, и вместе с тем благодарить за истинно доброе внимание ко мне и советы по составлению “Адигского словаря”. “Осетинскую грамматику” Вашу я рассмотрел со вниманием, и тогда-то убедился, что труд мой требовал во многом совершенного исправления. Чтя в полной мере все замечания Ваши и желая принять их в руководство, я хотел было приняться за переделку “Словаря”, но начальство мое пожелало, чтобы он был напечатан без отлагательства. Трудно было соединить волю старших и собственное мое желание. Я сделал, что мог. Придерживаясь строго советам Вашим, я исправил, по возможности, самые важные недостатки, и “Словарь” был напечатан. По требованию Вашему представляю при сем один экземпляр оного. Впрочем, я постараюсь воспользоваться первым удобным временем, чтобы пересоздать “Словарь”»²⁰⁵.

Но Академия не приняла этого объяснения Люлье. 15 и 16 октября 1847 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» «Донесение» А.М. Шёгрена было напечатано²⁰⁶ со вступительной заметкой непрямого секретаря Академии академика П.Н. Фуса: «Автор этого впоследствии напечатанного сочинения объявляет, что оно одобрено Академиею. Но из нижеследующего “Донесения” видно, что это одобрение было только условное и что автор, не выполнив условия “Донесения”, не имел права и хвалиться одобрением Академии. Класс²⁰⁷ не имел бы тогда надобности обнародывать следующую критику, которая, относясь к сочинению рукописному, вовсе не назначалась для публикации. Фус»²⁰⁸.

Заключение о рукописи Люлье — единственная опубликованная работа А.М. Шёгрена об адыгских языках. Это убедительное свиде-

тельство того, что ученый не только основательно изучил (несомненно, прежде всего с помощью Ш.Б. Ногмова и по его материалам) кабардинский язык, но и имеет достаточно четкое представление и о других адыгских языках и народах, их взаимосвязях.

Ни в одном из архивов А.М. Шёгрена не сохранилась рукопись его рецензии на словарь Люлье. Поэтому в наст. изд. она воспроизводится по тексту, опубликованному в газете «Санкт-Петербургские ведомости», без какой-либо правки и становится доступной для исследователей адыгских языков.

Работы Л.Я. Люлье — одного из первых исследователей языка, этнографии, обычного права адыгов, зафиксировавшие состояние их языка и традиционной культуры в первой половине XIX столетия, к сожалению, до сих пор не получили исчерпывающей оценки специалистов. Здесь целесообразно подчеркнуть роль А.М. Шёгрена, поддержавшего в свое время намерение Л.Я. Люлье зафиксировать и исследовать состояние адыгейского языка в первой половине XIX столетия.

Признанный исследователь языков Кавказа, А.М. Шёгрэн выступал авторитетным экспертом при обсуждении и важнейших проблем распространения грамотности на Кавказе. Так, когда встал вопрос о введении преподавания черкесского языка в ставропольской и екатеринодарской гимназиях, министр народного просвещения граф С.С. Уваров, уже знавший мнение академика М.И. Броссе по этому вопросу, запросил и мнение А.М. Шёгрена, о чем его уведомил непрямой секретарь Императорской академии наук академик П.Н. Фус в бумаге № 1422 от 17 августа 1848 г.:

«Господину Ординарному академику статскому советнику
А.М. Шёгрёну.

Управляющий Департаментом Народного Просвещения отношением от 30 июля сего года за № 1132 просил меня по приказанию господина Министра Народного Просвещения доставить ему мнение академика Броссе относительно предполагаемого введения обучения в гимназиях Ставропольской и вновь учрежденной Екатеринодарской языку черкесскому. Его Сиятельство, имея в виду, что язык этот не подчинен никаким правилам и едва ли имеет письмена, желал знать, может ли и каким образом быть преподаваем черкесский язык?

Мнение г. Броссе было мною в подлиннике доставлено господину Управляющему департаментом.

Ныне он же, господин Управляющий, отношением от 12-го сего августа за № 7613-м, сообщил мне, что Его Сиятельством призна-

но нужным иметь для руководства училищного начальства и Ваше подробное мнение о том, каким образом полагаете Вы удобнейшим вести преподавание сего языка в выше упомянутых гимназиях.

Вследствие сего покорнейше прошу Вас доставить мне свое по сему предмету мнение для сообщения г. Управляющему Департаментом.

Непременный секретарь Фус»²⁰⁹.

Ни в одном из архивов А.М. Шёгрена не сохранилось ни копии его ответа на это обращение, ни даже его черновиков. Но, видимо, ответ был положительный, и благодаря этому во второй половине XIX в. ученики ставропольской гимназии изучали черкесский язык. Преподавал его Омар Берсеев — «человек, усвоивший себе европейское образование. Азбука его была литографирована, и по ней г. Берсеев учил черкесскому языку»²¹⁰.

В фонде А.М. Шёгрена в СПб.Ф АРАН сохранилась «Заметка учителя черкесского языка Ставропольской гимназии Берсеева о транскрипции черкесского языка» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 267). Как и список с рукописи Румянцевского музея «Сказание о князьях черкасских», она — несомненное свидетельство непреходящего интереса А.М. Шёгрена к адыгским народам.

В середине 50-х годов XIX столетия интерес к истории, языкам, традиционной культуре народов Кавказа не только всячески поддерживался представителями центральной власти на Кавказе; они сами нередко становились серьезными их исследователями. Это тема другого специального исследования. Здесь же достаточно назвать два имени: главнокомандующего русскими войсками на Кавказе князя М.С. Воронцова и уже упоминавшегося генерал-майора П.К. Услара, действительного члена Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, автора «Грамматик» целого ряда языков народов Кавказа.

Князь М.С. Воронцов (1782–1856) — генерал-фельдмаршал, герой войн с Турцией и Францией, с 1823 г. — генерал-губернатор в Новороссии и полномочный наместник Бессарабской области (где он встретился с А.С. Пушкиным, посвятившим ему ряд колких и, увы, не вполне справедливых эпиграмм). С 1844 по 1854 г. М.С. Воронцов — наместник и главнокомандующий русскими войсками на Кавказе, где он не только блестяще руководил военными действиями, но и успешно занимался гражданским и хозяйственным обустройством края. Как человек высокообразованный, князь поддерживал здесь развитие наук, в частности способствовал реализации научных планов Кавказского отдела Императорского Русского географического общества исследовать этнографию народов Кавказа и даже обратил-

ся в Академию наук с просьбой оказать содействие в организации такого исследования.

В Национальной библиотеке Финляндии (Coll. 209.23) сохранилась копия «Выписки» из протокола заседаний Историко-филологического отделения Императорской академии наук от 13 января 1854 г. № 216, написанная по-французски: «Действительному члену Академии наук, господину Шёгрену.

Прочитана депеша от 11 декабря (1853 г.) за № 572, в которой главнокомандующий Кавказским округом князь Воронцов сообщает ученому секретарю (Академии) о том, что филиал Географического Общества, находящийся в Тифлисе, намеревается приступить к созданию труда, в котором будут глубоко исследованы весьма сложные этнографические отношения различных народностей, населяющих кавказские провинции, и связи между многочисленными языками и диалектами, на которых они говорят. Для достижения этой цели, как полагает Его Сиятельство, необходимо, чтобы наши самые авторитетные лингвисты и этнографы, такие как академики Броссе, Бётлингк, Дорн и Шёгрен, дали подробнейшие инструкции.

В связи с этим он просит ученого секретаря (Академии), в свою очередь, обратиться с просьбой к названным выше ученым помочь советами и знаниями Кавказскому Отделу Географического Общества. Отделение назначило названных выше четырех академиков в специальную комиссию, включив также г-на Шифнера, и обратилось к ним с просьбой ответить самым достойным образом на столь лестное доверие, оказанное командующим Кавказским округом князем Воронцовым.

Копия заверена и соответствует подлиннику».

Названные в этом документе ученые (для нас здесь важно подчеркнуть участие А.М. Шёгрена) «...составили краткую программу для этнографических исследований и изложили мнение свое, каким образом Отдел может приняться за исследование кавказских языков и наречий. Академики полагали единственно верным путем к этому — исследование и раскрытие грамматического состава и внутреннего строения языков, не отвергая, впрочем, что можно сделать некоторые выводы для этнографии (именно, — составить себе понятие о характере языка и некоторым образом определить средство отдельных племен между собою) и из сравнительных сборников слов, записанных не-специалистами-филологами»²¹¹.

Для реализации программы, предложенной академиками, у Кавказского отдела Русского Географического общества не было ни ученых-филологов, ни средств, ни времени. Поэтому было решено пой-

ти другим путем — составить сборники русских слов и разослать их в разные районы Кавказа с просьбой рядом с русскими привести слова на разных языках народов Кавказа, а также сведения о районе, где проживают носители данного языка, об их этнографии и образцы фольклорных текстов.

В течение пяти лет была проведена огромная работа по сбору лингвистического, этнографического, фольклорного материала разных народов Кавказа. Однако его анализ убедил руководство КОИРГО в необходимости составления азбук для кавказских языков. И.А. Бартоломей, В.Г. Трирогов и Д.И. Пурцеладзе с помощью природных абхазцев и сванов составили азбуки буквами абхазского и сванетского языков, а П.К. Услар осуществил «свой обширный план ученого исследования кавказских языков и введения грамотности у горцев»²¹².

А.М. Шёгрёну не суждено было ни участвовать в реализации этого грандиозного научного проекта, ни даже просто узнать, чем завершилась его реализация.

Полное лишений детство и юность, напряженная в течение всей жизни работа — большей частью во время экспедиций, проходивших, как мы видели, нередко в экстремальных условиях, — подорвали здоровье ученого. Последние годы он страдал «грудными болезнями» (вероятно, болезнью легких), и 6 января 1855 г. Шёгрёна не стало. Это была поистине невосполнимая утрата для науки и России, и Финляндии. Подтверждение тому — многочисленные некрологи в российских²¹³ и финских²¹⁴ изданиях.

Беззаветное трудолюбие, целеустремленность в научных изысканиях, готовность преодолеть любые трудности для достижения высоких целей получили всеобщее признание и в России, где А.М. Шёгрён был членом таких авторитетных ученых объединений, как Казанское общество любителей словесности (с 1828) и Московское общество истории и древностей российских (с 1833), и в ряде европейских стран. В родной ему Финляндии он был членом Финляндского экономического общества в Або (с 1831), Гельсингфорсского общества финской словесности (с 1834), Гельсингфоргского общества наук (с 1839), Выборгского общества финской словесности (с 1846). А.М. Шёгрён также состоял членом Датского общества северных антиквариев (с 1833), Эстляндского общества наук в Дерпте (с 1839), Германского общества восточной словесности (с 1846), Рижского общества истории и древностей прибалтийских провинций (с 1846), Стокгольмского общества древностей (с 1847).

Конечно, избрание А.М. Шёгрена во все эти общества было признанием его весомого вклада в исследование важнейших проблем современного ему финно-угроведения.

Информацию о ходе кавказской экспедиции А.М. Шёгрена, заключенную в его письмах, адресованных президенту Императорской академии наук графу С.С. Уварову, академикам Ф.И. Кругу и Х.Д. Френу, существенно дополнили письма с Кавказа от его кавказских помощников в изучении осетинского, кабардинского, ногайского, грузинского и других языков и впервые выполненный перевод с шведского на русский язык кавказского дневника ученого, день за днем фиксировавшего его труды, сложности, находки и радость узнавания ученых новых народов, их языков, традиций, обычаев.

Письма М.М. Шёгрена с Кавказа позволили узнать характер этого человека — терпеливого, педантичного, деликатного воспитателя, как бы теперь сказали, «национальных кадров» (первых кавказских исследователей родных языков, у которых он сам не уставал и не переставал учиться), и заботливого хранителя их первых ученых сочинений, о которых без А.М. Шёгрена мы, может быть, и не узнали. Во второй половине XIX столетия процесс изучения языков, фольклора, этнографии народов Кавказа представителями русской академической науки в союзе с первыми образованными горцами примет серьезные масштабы, а после революции 1917 г. станет делом государственной важности. Начало же этой традиции на Кавказе положил А.М. Шёгрэн, и со временем она получала все большее развитие.

Всё сделанное А.М. Шёгреном для изучения языков, этнографии, фольклора народов Кавказа позволяет назвать его основоположником российского академического кавказоведения.

* * *

Проведенный анализ всей совокупности кавказоведческих материалов А.М. Шёгрена — не только опубликованных, но прежде всего рукописных, хранящихся в трех архивах Петербурга и в двух Хельсинки, — позволил впервые охарактеризовать вклад этого ученого в становление российского академического кавказоведения. Оказалось, что кроме фундаментальных исследований осетинского языка, получивших заслуженное признание не только в России, но и во всей Европе, А.М. Шёгрэн занимался не просто изучением кабардинского языка, но и собрал уникальный материал по нему, зафиксировавший состояние этого языка на период полуторавековой давности, собрал ценнейшие сведения по грузинскому, тюркским, вайнахским языкам,

абазинскому, абхазскому и др. Ученый не успел их обработать, но его лингвистические материалы с годами только обретают дополнительную ценность, как и материалы по этнографии и религии народов Кавказа.

¹ Нельзя не заметить, что в конце XIX в., когда получил всеобщее признание вклад А.М. Шёгрена в изучение осетинского языка, даже такой выдающийся ученый, как российский естествоиспытатель, географ, антрополог, археолог, этнограф, почетный член Академии наук Д.Н. Анучин (1843–1923), высоко ценил его заслуги прежде всего в развитии российского финно-угроведения: «XIX век внес в изучение русской этнографии новые вопросы и новые методы <...> Труд Клапрота об языках Азии был первой попыткой научного анализа языков массы русских инородцев. За ним следовали труды Шёгрена и Кастрена, положившие начало сравнительному изучению финских языков и финской этнографии» (Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии // ЭО. 1889. № 1. С. 4).

² Johan Andreas Sjögren's gesammelte Schriften. Bd. I: Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St. Petersburg, 1861. Bd. II, Th. 1: Livische Grammatik nebst Sprachproben; St. Pb., 1861; Bd. II, Theil 2: Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch. St. Petersburg, 1861.

³ Аналитический обзор финно-угроведческого наследия А.М. Шёгрена содержится в фундаментальном исследовании известного английского ученого М. Бранча: Branch M. A.J. Sjögren Studies of the North // Suomalais-Ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki, 1973 (Mémoires de la Société Finno-ougrienne; [Т.] 152), а также и в целом ряде других его работ. Ср.: Киселева Т.В. Андреас Иоганн Шёгрэн — основатель финно-угроведения в России: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2007.

⁴ Академик А.М. Шёгрэн // ЖМНП. СПб., 1855. Ч. LXXXVI. С. 1–8.

⁵ Aalto P. Oriental Studies in Finland 1828–1918. Helsinki, 1971. P. 28–32.

⁶ Шёгрэн А. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844; Ирон Аьзаргахур, das ist Ossetische Sprachlehre, nebst kurzem Ossetisch-Deutschen und Deutsch-Ossetischen Wörterbuche / Andr. Joh. Sjögren. St.-Petersburg, 1844; Sjögren A.J. Ossetische Studien mit besonderer Rücksicht auf die indo-europäischen Sprachen. 1 Lfg. Die Selbstlauter // MAIS. T. VII. S. 571–653.

⁷ Осетинские тексты / Собр. Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым; изд. академик А.А. Шифнер // Приложение к XIV тому «Записок Имп. Академии наук». СПб., 1868. № 4. В этом труде А.А. Шифнер неоднократно ссылается на рукописные материалы А.М. Шёгрена, в то время хранившиеся в первом отделении Библиотеки Академии наук, см. с. 1–3, 14, 16, 21, 25 и др.

⁸ Завадский М.Р. [Об издании трудов П.К. Услара] // Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887. С. VII.

⁹ Там же.

¹⁰ Турчанинов Г.Ф. Рукописные материалы акад. Шёгрена по черкесским языкам: (К истории изучения кабардинского языка) // Язык и мышление. М.; Л., 1940. [Т.] X. С. 157–162.

¹¹ Там же. С. 157.

¹² Там же. С. 157–158.

¹³ Абаев В.И. Введение // Абаев В.И. Грамматика осетинского языка. Орджоникидзе, 1963. [Т.] I. С. 27; Он же. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–5. М., 1958–1990; Он же. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.

¹⁴ Исаев М.И. Становление и развитие осетинского литературного языка: (Взаимоотношения и взаимодействие с дигорским диалектом и говорами). М., 1972. Он же. История изучения осетинского языка в России и СССР: Советская эпоха // Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962. С. 89–99; Он же. Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964; Он же. Дигорский диалект осетинского языка: Фонетика. Морфология. М., 1966; Он же. Осетинский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 1: Индоевропейские языки. С. 237–256; Он же. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974; Он же. Осетинский язык // Основы иранского языкознания: Новоиранские языки. М., 1987. С. 537–643.

¹⁵ Чибилов Г.И. Осетия в русской науке (XVIII в. — первая половина XIX в.). Орджоникидзе, 1981.

¹⁶ Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях // Маяк: Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской. СПб., 1843. Т. 7, кн. 13. С. 35–52; Т. 7, кн. 14. С. 81–94.

¹⁷ Шёгрэн А.М. Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 27–30.

¹⁸ Так, А.А. Шифнер писал: «Считаем не лишним перепечатать здесь для сравнения подобную же речь (при обряде посвящения коня покойнику. — А.А.), изданную Шёгреном в его второй статье о религиозных обрядах осетин, ингуш, их соплеменников при разных случаях (см. "Маяк" за 1843 г. Т. VII, материалы с. 84 и сл.)» (Осетинские тексты / Собр. Дан. Чонкадзе и Вас. Цораявым; издал академик А.А. Шифнер // Приложение к XIV тому «Записок Имп. Академии наук». СПб., 1868. № 4. С. 25).

¹⁹ В.Ф. Миллер приводит в своей «Библиографии» во второй части «Осетинских этюдов» эту статью как две разные публикации: «5. Религиозные обряды осетин и ингуш. // Маяк. 1843. №№ 1 и 23; 6. Шёгрэн. Религиозные обряды осетин и ингуш и их соплеменников, при разных случаях. // Кавказ. 1846. №№ 27–30» (Осетинские этюды. Ч. II / Исслед. В.Ф. Миллера // Учен. зап. Имп. Моск. ун-та. Отд. ист.-филол. Вып. 2. М., 1882. С. V).

²⁰ Периодическая печать Кавказа об Осетин и осетинах: Науч.-поп. сб. [Вып.]. I / Сост., предисл., примеч., коммент., указ. Л.А. Чибилов. Цхинвали, 1981.

²¹ Там же. С. 4.

²² «Свидетельствую сердечное мое уважение...» Письма Платона Иоселиани академику Андрею Михайловичу Шёгрёну / Публ., подгот. текста, коммент. А. Поцхишвили // Литературная Грузия. 1983. № 11. С. 182–198.

²³ Ежегодные Российско-финляндские гуманитарные чтения «Шёгрё — академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук: К 200-летию со дня рождения»: Тезисы докл. Санкт-Петербург, 5–7 октября 1993 г. СПб., 1993 (далее ЕЧ).

²⁴ *Йоалайд М. А.И.* Шёгрё — открыватель велсов — и его наследники (изучение велсской культуры в XIX веке) // ЕЧ. С. 19–20; *Петерсон А.* Об исследовании материальной культуры велсов на основе заимствованных слов // ЕЧ. С. 38–39.

²⁵ *Фишман О.М.* Карельские старообрядцы Тихвинского края // ЕЧ. С. 32–33; *Дубровская Е.Ю.* Периодическая печать начала XX в. и проблемы национальной истории карел // ЕЧ. С. 43–44; *Саарнисто М., Сакса А., Таавитсайнен И.-П.* Древняя Ладога и человек на ее берегах // ЕЧ. С. 27–29.

²⁶ *Шлыгина Н.В.* Некоторые проблемы изучения финноязычного населения Петербургской губернии // ЕЧ. С. 34–35.

²⁷ *Цимерманис С.* Развитие этнографических исследований, начатых А.И. Шегреном, в Латвии // ЕЧ. С. 20–22.

²⁸ *Куропятник М.С.* К изучению социальных структур кольских саамов // ЕЧ. С. 40–41.

²⁹ *Соловьев В.В. А.И.* Шегрен и этнографическое изучение коми // ЕЧ. С. 15–16; *Мухомов А.К. А.* Шегрен — первооткрыватель коми-зырянского фольклора // ЕЧ. С. 17–18; *Туркин А.И. А.И.* Шёгрё — исследователь пермских языков // ЕЧ. С. 18–19; *Натольских В.В.* Коми-зырянская ихтионимия А.И. Шегрена и проблемы уральской предистории // ЕЧ. С. 30–32; *Шабает Ю.Л.* Материнский этнос и диаспора коми // ЕЧ. С. 39–40.

³⁰ *Такала И.Р.* Финно-угорские народы в трудах Х.Г. Портана — предшественника А. Шегрена // ЕЧ. С. 8–9.

³¹ *Патрушев В.С.* Основные этапы развития финноязычных народов (V тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) // ЕЧ. С. 29–30; *Конькова О.И.* К этнической истории коренного населения Северо-Запада России: Система хозяйственно-культурных взаимоотношений на рубеже I–II тыс. н.э. // ЕЧ. С. 35–36.

³² *Куропятник А.И.* Эстонско-финские межэтнические контакты (по данным статистики 1920-х гг.) // ЕЧ. С. 41–42.

³³ *Anttila L.* The research of A.J. Sjögren during his school and university years // ЕЧ. С. 7; *Пашков А.М. А.И.* Шегрен и русские ученые // ЕЧ. С. 10–11; *Невская Н.И. А.И.* Шегрен и астрономические экспедиции XVIII в. // ЕЧ. С. 11–12; *Терюков А.И. А.И.* Шегрен как директор Этнографического музея // ЕЧ. С. 13–14; *Хахамиев П.* Фольклорная собирательская деятельность А.И. Шегрена // ЕЧ. С. 26; *Вацуро В.Э., Чистов К.В. А.* Шегрен и Ф. Глинка // ЕЧ. С. 26–27.

³⁴ *Терюков А.И.* Материалы А.И. Шегрена в Архиве Академии наук // ЕЧ. С. 12–13; *Савельева Е.А.* Книжное собрание А.И. Шегрена в Библиотеке Академии наук // ЕЧ. С. 14–15.

³⁵ Калоев Б.А. А.И. Шегрен — этнограф-кавказовед // ЕЧ. С. 22–23; Уарзиати В.С. А.И. Шегрен — исследователь культуры осетин // ЕЧ. С. 23–24; Камболов А.И. А.И. Шегрен — основоположник осетинского языкознания // ЕЧ. С. 24–26.

³⁶ Тезисы докладов на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А.М. Шегрена. Владикавказ, 1994 (далее Тезисы 1994).

³⁷ Каражаева Е.Д., Каражаев Ю.Д. Место учения А.М. Шегрена о порядке слов в общей парадигме истории лингвистики // Тезисы 1994. С. 17–20; Каражаев Ю.Д. А.М. Шегрен и рождение осетинской синтаксической науки // Тезисы 1994. С. 20–23; Гуриев Т.А. Лексикографическая деятельность А.М. Шегрена // Тезисы 1994. С. 23–25; Цопанова Р.Г. Роль А. Шегрена в стилистической дифференциации лексики осетинского языка начала XIX в. // Тезисы 1994. С. 27–29; Токазов Х.А. А. Шегрен — первоисследователь категории осетинского глагола // Тезисы 1994. С. 92–94.

Единственный доклад о занятиях А.М. Шёгрена кабардинским языком, основанный на трудах Г.Ф. Турчанинова, посвященных исследованию рукописного наследия Ш.Б. Ногмова, сделал кабардинский историк В.Н. Сокуров. См.: Сокуров В.Н. А.М. Шегрен и Ш.Б. Ногмов: (О черкесских рукописях А.М. Шегрена) // Тезисы 1994. С. 94–96.

³⁸ Уарзиати В.С. Этнокультурная значимость осетиноведческих трудов А.И. Шёгрена // Тезисы 1994. С. 3–5.

³⁹ В 2007 г. в первом томе «Избранных трудов» В.С. Уарзиати по машинописному оригиналу из личного архива ученого была опубликована его статья «Осетиноведческие штудии академика А.И. Шёгрена» (Уарзиати В. Избранные труды. Кн. 1: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2007. С. 426–473). В переводе на осетинский язык она была издана при жизни ученого в журнале «Мах дуг». 1995. № 7–8. С. 79–117, затем в сокращенном варианте — в альманахе «Осетия XX век» (Вып. II. Владикавказ, 1997. С. 6–29); ее полный вариант вошел в книгу: Шёгрэн А.М. Осетинские исследования / Сост. и пер. Т.Т. Камболов. Владикавказ, 1998. С. 119–158.

⁴⁰ Камболов Т.Т. О библиографии А.М. Шёгрена // Тезисы 1994. С. 89–91.

⁴¹ Цибиров Г.И. Осетия в русской науке (XVIII в. — первая половина XIX в.). Орджоникидзе, 1981. С. 68.

⁴² СПб.Ф АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 18.

⁴³ Шёгрэн А.М. Описание дигорского народа / Предисл., подг. текста и примеч. Т. Камболова // Дарьял. 1991. № 1. Январь–март. С. 208–215.

⁴⁴ Шёгрэн А.М. Путешествие в Дигорию: Письмо, адресованное г-ну Кругу / Предисл. и пер. с франц. Т. Камболова // Дарьял. 1994. № 2 (14). Апрель–июнь. С. 163–176.

⁴⁵ Шёгрэн А.М. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998.

Не совсем понятно, почему Т.Т. Камболов в своем анализе вопроса об авторстве статьи «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях...» не приводит (и даже не учитывает) мнение В. Уарзиати, чьи работы так высоко ценит, высказавшего предположение, «...что в основу <...> очерка о религиозных верованиях были положены материалы, с одной стороны, грузинских миссионеров, а с другой — само-

го Шёгрена, записанные им в Тагаурии и переведенные к публикации на русский язык <...> Безупречно честный Шёгрэн не мог издать от своего имени то, что принадлежало ему лишь отчасти <...> Его сопричастность к тексту обозначена в традициях финских ученых». См.: *Урзмати В.* Осетиноведческие штудии академика А.И. Шёгрена. С. 462.

⁴⁶ *Шёгрэн А.М.* Путевые записки / Пер. Т. Хетагуровой // Дарьял. 2002. № 2. С. 213–233.

⁴⁷ Research and Identity: Non-Russian Peoples in the Russian Empire 1800–1855. The second A.J. Sjögren Memorial Conference 14–17 June 2006. Kouvolaa, Finland». Полный текст докладов, прозвучавших на конференции, опубликован в Интернете: www.kuopien-laakso.fi; www.kesayliopisto.fi на английском (доклады, указанные в примеч. 48–53, см. там же).

⁴⁸ *Hartanovich M.* The Imperial Academy of Sciences in the reign of Nicolas I.

⁴⁹ *Waldron P.* The legacu of Count Sergei Uvarov; *Miller A.* «Official Nationality»: A reassessment of Count Sergei Uvarov's triad in the context of early Nationalism Politics; *Udalov S.* Education and development of the non-Russian peoples of Russia as perceived by Count Sergei Uvarov, 1825–1855; *Zhukovskaya T.* Count Sergei Uvarov and the Society of St. Cyril and St. Methodius: the Crisis of «Official nationalism».

⁵⁰ *Vihavainen T.* The Importance of Russia in the Shaping of a Finnisch National Identity, 1800–1831; *Engman M.* Russia as a Land of Opportunity for Finns.

⁵¹ *Kiseleva T. A.J. Sjögren as the Pioneer of Finno-Ugric Studies in the Academy of Sciences in St.-Petersburg; Teryukov A.* Some observations on the Finno-Ugric Peoples in the Eighteenth and Nineteenth century Russian Historiography; *Zagrebin A.* The Road as a Life and Work: Udmurts in the Travel Notes of A.J. Sjögren and M.A. Castrén; *Sergejev O.* A.J. Sjögren as a Researcher and Collector of Mari Materials; *Laanekask H.* Support for Estonian Identity Building: A.J. Sjögren's Correspondence with Estonian Scholars and Writers, 1831–1853.

⁵² *Lint Th. van.* The Study of Armenian and Armenia in the Russian Empire: the Prelude to Turkmenchai and its Aftermath, 1800–1855; *Hewitt G.* The Russian Imperial Academy and Western Transcaucasia (Late-eighteenth Century to the 1850-s); *Dettmering Chr.* The Russian Impact on the Formation of National Identity among the Chechens and Ingush; *Khodarkovsky M.* The Indigenous Elite and the Construction of Ethnic Identities in the North Caucasus.

⁵³ *Bzarov R.* The Contribution of A.J. Sjögren to the Shaping of an Ossete Identity. 1836–1855. Русский текст доклада опубл.: *Бзаров Р.С.* Андерс Йохан Шегрен в истории осетинской культуры // Историко-филологический архив. [Вып.] 5. Владикавказ, 2006. С. 30–43.

⁵⁴ Необходимость привлечения рукописных материалов, хранящихся в архивах, общепризнанна. Так, первый выпуск «Трудов Архива Академии наук СССР» открывала статья «Архив Академии наук в прошлом и настоящем», в которой подчеркивалось: «Давно стало для всех очевидной необходимостью узнать, прежде чем приступить к какому-либо исследованию, что было сделано по интересующему вопросу раньше, и

всякий исследователь прежде всего изучает библиографию вопроса, но как-то еще не вошло в обычай изучать документографию затронутого вопроса. А между тем в архивах хранится много материалов, часто никому неизвестных, которые могли бы пригодиться исследователю.

В особенности богат такими материалами Архив Академии наук, который является архивом нашей науки...» (Архив Академии наук в прошлом и настоящем // Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов / Под общ. ред. Г.А. Князева // Тр. Архива АН СССР Вып. 1. Л., 1933. С. 25.

⁵⁵ Общую характеристику фонда А.М. Шёгрена см.: Архив Академии наук СССР. С. 154. Ср.: *Терюков А.И.* Материалы А.И. Шёгрена в Архиве Академии наук. С. 12–13.

⁵⁶ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева; под общ. ред. В.Л. Комарова; ред. Л.С. Берга, Б.Д. Грекова, Г.А. Князева и Б.Л. Модзалевского // Тр. Архива АН СССР. Вып. 4. М.; Л., 1940. С. 187–188. Ср.: *Каландадзе Ц.П.* Экспедиции Российской Академии наук в Грузию // Отечественная история. [Вып.] 4. М., 1992. С. 144.

⁵⁷ *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. I // КЭС. М., 1955. [Т.] I. С. 265–374; *Он же.* Материалы... Ч. II // КЭС. М., 1958. [Т.] II. С. 139–274; *Он же.* Материалы... Ч. III // КЭС. М., [Т.] III. С. 158–287.

⁵⁸ *Тизенгаузен В., Веселовский Н. П.И.* Лерх (некролог) // ЖМНП. 1884. Ноябрь. Ч. ССXXXVI. Отд. «Совр. летопись». С. 56. Ср.: Лерх, Петр Иванович // Биограф. словарь профессоров и преподавателей Имп. С.-Пб. ун-та за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1896. Т. 1: А–Л. С. 391–399.

Возможно, под влиянием кропотливого изучения рукописных материалов А.М. Шёгрена П.И. Лерх внимательно ознакомился с посмертным изданием его финно-угроведческих трудов и напечатал на него рецензию, в которой особенно подробно охарактеризовал статьи, посвященные проблемам археологического изучения зырян. См.: Лерх П. [Рец.] Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd I. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861 // Изв. Имп. Арх. об-ва. СПб., 1861. Т. III. Вып. 6. С. 499.

⁵⁹ *Вольтер Э.А.* Предварительный отчет о разборке бумаг и рукописей академика Шёгрена (корр. экз.). СПб., 1890 (СПб.Ф. АРАН. Ф. 178. Оп. 1–2. Ед. хр. 78. С. 1).

⁶⁰ «...Отчасти по вине К.Г. (Залемана. — А.А.), отчасти помимо его воли, в рукописях, корректурах и отпечатанных листах на долгие годы был погребен богатый материал по изучению иранских наречий, уже находившийся в распоряжении Академии. Сюда относятся <...> и бумаги более раннего исследователя осетинского языка, академика Шёгрена» (*Бартольд В.В.* Карл Германович Залеман. 1849–1916 // Академик В.В. Бартольд. Соч. Т. IX: Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 613).

⁶¹ *Вольтер Э.А.* Предварительный отчет о разборке бумаг и рукописей академика Шёгрена... С. 1.

⁶² Записки Императорской Академии наук. СПб., 1891. Т. 64. Кн. 1. С. 117.

⁶³ *Saleman C.* Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen // *Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg.* 1891. T. X. S. 272–286.

⁶⁴ Записки Императорской Академии наук. СПб., 1892. Т. 68. С. 56–57.

⁶⁵ ЦГИА. Ф. 735. Оп. 2. Ед. хр. 482; ср.: ЦГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 478.

⁶⁶ Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик в 1931 году. Л., 1932. С. 173.

⁶⁷ *Leinonen M. A. J.* Sjögrenin tieteellistä arkistoaineistoa Kansalliskirjastossa // *Kansalliskirjasto. Tutkimuksen lähdeaineistot Sisallys 2/2007.* Helsinki, 2007. С. 32–37.

⁶⁸ Их принадлежность А.М. Шёгрену документально подтверждена в инвентарной книге в графе «происхождение ркп.» — во всех случаях указано: «происх. ркп. А.М. Шёгрен».

⁶⁹ Об этом справедливо говорилось в первом выпуске «Трудов Архива АН СССР»: «...при отсутствии какого-либо контроля (архивариус был лицом подначальным, исполнял лишь приказания и не имел никакого влияния), архивные материалы извлекались из Архива без всякого плана и системы, уносились на дом некоторыми академиками и во многих случаях вовсе не возвращались ими обратно <...> академик XIX в., в силу своего положения, мог почти бесконтрольно, по своему усмотрению, распоряжаться в той области, которая ему была предоставлена по его званию». См.: Архив Академии наук в прошлом и настоящем // Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов // Тр. Архива АН СССР. Вып. 1. Л., 1933. С. 13.

⁷⁰ *Шёгрен А.* О книгах и рукописях Ф.П. Аделунга // Санкт-Петербургские ведомости. 1844. № 231, 232.

⁷¹ Литературный архив Финского лит. об-ва. А. J. Sjögren. *Ephemeris. Päiväkirja v.v. 1806–1855.* Sid. I–XVIII. C-Varatio 10a.

⁷² Литературный архив Финского лит. общества. 2176. Sjögren, A. J. *Kirjeitä. J. Jemontille.* 16 kpl. v.v. 1835–1848. Borenius II, 224; 2175. Sjögren, A. J. *Omakätinen elämäkerta.* 1794–1845. Borenius II, 223. IV: O, 143 siv; 14302. Sjögren, Andreas Johann. *Sjelfbiografi 1794–1845 (kopio).* 204 fol. siniset pahirkannet. Borenius II, 223–44. B. 1516.

⁷³ Копия этого указа Николая I хранится в личном фонде А.М. Шёгрена в ОР НБФ, Coll. 209.23.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ *Бородкин М.* История Финляндии: Время Императора Александра I. СПб., 1909. С. 529–532.

⁷⁶ *Branch M. A. J.* Sjögren Studies of the North. Helsinki, 1973. P. 23–25 (*Mémoires de la Société Finno-ougrienne*: [T.] 152).

⁷⁷ *Таскала И.Р.* Финно-угорские народы в трудах Х.Г. Портана — предшественника А. Шёгрена // ЕЧ. С. 8.

⁷⁸ Примечательно, что в XIX в. этой теории придерживались и некоторые исследователи кавказских языков, весьма далекие от проблем финно-угроведения. Так, знаме-

нитый кавказовед П.К. Услар, изучивший ряд языков Северного и Западного Кавказа, писал другому кавказоведу, А.П. Берже, 20 апреля 1870 г.: «Приступая лет восемь назад к расследованию горских кавказских языков, я надеялся в числе их отыскать разрозненные члены семейств арийского, семитского, финского и т.п. Ничего подобного не отыскалось». См.: Услар П.К. Письмо к А.П. Берже 20 апреля 1870 г. // Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1888. [Т.] II: Чеченский язык. С. 47.

⁷⁹ *Leduc L. Essai biographique et critique // Ouvaroff (S). Esquisses politiques et littéraires. P., 1848. P. 3–73; Плетнев П.А. Памяти графа Сергея Семеновича Уварова, Президента Императорской Академии наук. СПб., 1855; Давыдов И.И. О занятиях Второго отделения Академии в 1855 году // Изв. Имп. Академии наук. Отд. рус. яз. и словесности. СПб., 1856. Т. 5. Вып. 1. С. 14–22; Погодин М. Биографическое известие // Русский архив. М., 1871. № 7, 8. Стб. 2103–2107; Цинтия Х. Виттекер. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. В этом основательном исследовании приведена обширная литература, посвященная С.С. Уварову.*

⁸⁰ Зарубежные исследователи предпочитают рассуждать в своих работах на эти темы, см.: Цинтия Х. Виттекер. С. 146 и след.; ср. уже упоминавшиеся доклады, прозвучавшие в 2006 г. на конференции в г. Коувала: *Waldron P. The legacu of Count Sergei Uvarov; Miller A. «Official Nationality»: A reassesment of Count Sergei Uvarov's triad in the context of early Nationalism Politics* и др. (www.kymenlaakso.fi; www.kesayliopisto.fi).

⁸¹ Здесь и далее сведения о членах Академии наук приводятся по изд.: Российская академия наук: Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностраные члены. М., 2009.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 339, 103, 34.

⁸⁴ Некоторые из них работали в России совсем недолго: арабист, санскритолог, тюрколог Г.Л. Флейшер (1801–1888), например, был в Российской академии наук адъюнктом по восточным языкам и древностям с 29 мая по 29 декабря 1835 г., а в декабре 1849 г. стал иностранным ее членом по восточному разряду Историко-филологического отделения; арабист и санскритолог Ф.Ф. Шармуа (1793–1868), получивший должность члена-корреспондента Академии с 16 декабря 1829 г., затем адъюнкта по персидской словесности с 16 мая 1832 г., проработал в ней до 1 сентября 1835 г. После возвращения в Париж был избран иностранным членом-корреспондентом Академии наук; санскритолог Я.О. Ярцов (1792–1861) с июня 1818 г. по июль 1819 г. занимал должность адъюнкта по восточным языкам (Российская академия наук. Персональный состав. С. 309, 332, 354).

⁸⁵ *Савельев П. Предположения об учреждении Восточной академии в Санкт-Петербурге 1733 и 1810 г. // ЖМНП. СПб., 1855. Ч. LXXXIX. Отд. III. С. 27.*

⁸⁶ В нем Г.Я. Керр «...касался вопроса подготовки научных работников и практических деятелей на Востоке, говорил о создании необходимых учебных пособий, намечая широкий план исследовательских работ, с большой настойчивостью подчеркивая важное значение “документов”, содержащихся в “историях” арабских, персидских, ту-

рецких и татарских для государства Российского. И эти все часто очень здравые мысли никакого следа не оставили: даже самый проект был потерян и открыт только академиком Френом в 1821 г.» (Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. Избр. соч. Т. V. М.; Л. С. 37.

⁸⁷ Uvarov S.S. Projet d'une Académie Asiatique. St.-Pbg., 1810; ср.: Projet d'une Académie Asiatique // Ouvaroff [S.]. Etudes de philologie et de critique. St. Pétersbourg, 1843.

⁸⁸ [Уваров С.С.] Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. 1811. Ч. 55. № 1. С. 27–52; № 2. С. 96–120 (пер. с франц. В.А. Жуковского).

⁸⁹ Uvarow S. Ideen zu einer asiatischen Akademie. Berlin, 1811.

⁹⁰ Проект Уварова был критически оценен французским писателем и мыслителем Жозефом де Местром (1753–1821): *Maistre J. de. Lettre critique sur le Projet d'une Académie Asiatique* (8 décembre/26 novembre 1810) // Ouvaroff [S.]. Etudes de philologie et de critique. P. 49–65. Уже в XX в. отзыв де Местра был опубликован в русском переводе. См.: Письма Жозефа де Местра к С.С. Уварову (8 декабря 1810 — 1 июля 1814) / Публ. М. Степанов (А.Н. Шебунин) и Ф. Вермаль // Лит. наследство. М., 1937. Т. 29–30. С. 677–712.

⁹¹ Азиатская академия. Заметки профессора Хаханова о проекте Керра и проект гр. Уварова с критическими замечаниями де Местра // Кавказский вестник. Тифлис, 1902. Кн. XXXII. № 8 и 9. Август–сентябрь. С. 74.

⁹² *Whittaker C.H. The Impact of the Oriental Renaissance in Russia: The Case of Sergei Uvarov* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1978. Т. 26. P. 503–524.

⁹³ А.М. Шёгрэн сохранил дружбу с И.Н. Лобойко на всю жизнь. В его архиве в ОР НБФ (Coll. 209.19) сохранились письма Лобойко к Шёгрэну за 1821–1849 гг. Приведем в сокращении текст одного из ранних писем (от 24.XI.1821 г.) Шёгрэну, позволяющего составить достаточно точное представление о характере и круге знакомств виленского профессора:

«Почтенный мой Шёгрэн!

В ожидании зимнего пути и денег на дорогу я разгоняю скуку обозрением библиотек и посещениями ученых. Дмитрий Иванович Языков спрашивал об Вас и Вам кланяется. Я посещал Григория Ивановича Спасского, издателя «Сибирского вестника» <...> Я был у него с Осипом Сенковским. Это молодой поляк-ориенталист, путешествовавший по Египту и Сирии; служит при Константинопольском посланнике бароне Строганове. Он знаком с Гиппингом, разумеет еврейский, арабский и персидский языки, говорит по-арабски и по-турецки; порядочный геленист и знает известнейшие европейские языки. Я доставлю Ваше сочинение о финском языке Востокову и Спасскому, которые весьма желали оным воспользоваться при ученых своих занятиях, и Вы можете к ним явиться, как к своим знакомым <...>

Напишите, чем Вы занимаетесь. Я надеюсь чрез неделю уехать. Впрочем, Вы можете прислать письмо к Гиппингу, если вздумаете ко мне писать. Закрываю Вас в дружеские объятия и прошу не забывать того, который за честь поставлен быть вашим другом. Иван Лобойко».

⁹⁴ Куник А.А. Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // ЖМНП. СПб., 1850. Ч. LXV. Отд. V. С. 2.

⁹⁵ Подробнее об этом см.: *Kunik A. Ph.Krug // Forschungen in der älteren Geschichte Russlands: In 2 Bde. St.-Petersburg, 1848; Куник А.А. Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // ЖМНП. СПб., 1850. Ч. LXV. Отд. V. С. 1–34; Старчевский А. О заслугах Румянцева, оказанных отечественной истории // ЖМНП. СПб., 1846. Ч. XLIX. Отд. V. С. 1–51; Майков П. Румянцов граф Н.П. // Рус. биогр. словарь. XXV. Пг., 1918. С. 493–527.*

⁹⁶ Куник А.А. Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории. С. 6; ср.: Еще несколько слов об ученых заслугах графа Румянцева // ЖМНП. СПб., 1846. Ч. XLIX. Отд. V. С. 51–56.

⁹⁷ Branch M. A. J. Sjögren Studies of the North. P. 27–29.

⁹⁸ Терюков А.И. Граф Н.П. Румянцев и финляндские ученые // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы IV Междунар. науч. конф. СПб., 2003. С. 28–38.

⁹⁹ В первой половине XIX в. финские ученые активно работали в Академии наук. Кроме названных выше Р.И. Ребиндера, К.-Г. Маннергейма, А.И. Гиппинга, должности члена-корреспондента занимали естествоиспытатель, ботаник Х.Х. Стевен (1781–1863); зоолог А.Д. фон Нордманн (1803–1866); химик, геолог, минералог Н.Г. Норденшельд (1792–1866); математик Н.Г. Шульген (1794–1860); естествоиспытатель, зоолог, минералог Э.И. Эхвальд (1795–1876); зоолог-энтомолог А.Д. Пюммель (1778–1836); химик П.А. фон Бонсдорф (1791–1839); физик, астроном И.Я. Нервандер (1805–1848).

Действительными членами Академии наук из финнов были финно-угровед и кавказовед А.М. Шёгрэн и финно-угровед Ф.И. Видеманн (1805–1887).

¹⁰⁰ Терюков А.И. А.И. Шёгрэн и граф Н.П. Румянцев // Румянцевские чтения. Ч. II. М., 1996. С. 256–262; Он же. А.И. Шёгрэн и М.А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 3–15; Он же. Санкт-Петербургская Императорская Академия наук и становление современного финно-угроведения // Петербургская Академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. С. 227–233.

¹⁰¹ Веселовский К.С. Историческое обозрение трудов Академии наук в пользу России в прошлом и текущем столетиях: Речь, произнесенная в торжественном собрании Академии 29 декабря 1864 г. СПб., 1865. С. 26. Ср.: Очерк биографии академика Круга. Из сочинения Куника // ЖМНП. СПб., 1849. Ч. LXIV. Отд. V. С. 9–78; Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории. Из сочинения Куника // ЖМНП. СПб., 1850. Ч. LXV. Отд. V. С. 1–34.

¹⁰² Очерк биографии академика Круга // ЖМНП. СПб., 1849. Ч. LXIV. Отд. V. С. 56.

¹⁰³ *Krug Ph. Forschungen in den ältern Geschichte Russlands. Spb., 1848. Bd. 1–2.*

¹⁰⁴ Очерк биографии академика Круга. С. 62–65.

¹⁰⁵ Историческое обозрение трудов Академии наук в пользу России... С. 26.

¹⁰⁶ Потомственный финский религиозный деятель и историк Ингерманландии А.И. Гиппинг, как и Шёгрэн, получил образование в гимназии в г. Борго и в Академии

Або. С 1807 по 1823 г. он жил в Петербурге, где служил музыкантом Императорских театров (1808–1811), учителем Закона Божия для учеников-финнов в Петербургской гимназии (1812–1820), библиотечником у графа Румянцева. Вернувшись в 1823 г. в Финляндию и обратившись к религиозной деятельности, Гилпинг занялся исследованием истории российско-финляндских отношений, истории Финляндии, Швеции и конкретных мест, в частности города Ниеншанца и его крепости (за это сочинение он был удостоен половиной Демидовской премии), а в декабре 1844 г. избран членом-корреспондентом Императорской академии наук по разряду исторических и политических наук. См.: *Tableau général des matieres contenues dans les publications de l' Académie Imperiale des Sciences St.-Petersbourg, 1872; Чулков Н.* Гилпинг, Андрей-Иоганн // *Рус. биограф. словарь.* Герберский—Гогенлоэ. М., 1916. С. 224–225.

¹⁰⁷ *Sjögren A.J.* [Рец. на] *Ibn-Forzlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit* // *St.-Peterburgische Zeitschrift.* 1824. Bd. 13.

¹⁰⁸ *Journal de St.-Petersbourg.* 1825. N 20, 24, 30; 1828. N 21; *St.-Petersburgischer Zeitung.* 1828. N 13, 20, 29, 34; 1829. N 123–125.

¹⁰⁹ *Abo Tidningar.* 1825. N 27, 33, 44; 1827. N 28, 29; 1828. N 26, 27, 100; *Finlands Allmänna Tidning.* 1828. N 32.

¹¹⁰ *Antekningar om församlingarne i Kemi-Lappmark af And. Joh. Sjögren.* Helsingfors, 1828; *Sjögren A.J.* Bemerkungen über die zum Grossfürstenthum Finnland gehörigen Lappmarken // *Russische Miscellen zur genauern Kenntniss Russlands...* / Hrsg. von G. Engelhardt. St. Petersburg, 1830. Bd. 3. S. 1–67; *Sjögren A.* Ueber den grammatischen Bau der Sürjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische. T. I. P. 149–170; Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte der tschudischen Völker in Russland par M. Sjögren (Ibid. P. 263–347); Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolotschen Tschuden russisch? Ein kritischer Versuch zur Aufklärung der Geschichte des russischen Nordens, par M. Sjögren (Ibid. S. 491–526); Was bedeutet das in den russischen Chroniken unter dem Jahr 1024 vorkommende Wort Луда? par M. Sjögren (Ibid. T. II. St.-Ptb., 1834. P. 563–592); Ueber die finnische Bevölkerung des St.-Peterburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermannland par M. Sjögren (Ibid. T. II. St.-Ptb., 1834. P. 123–242); О грамматических свойствах зырянского языка в отношении к финскому // *Чтения Имп. Академии наук за 1829 и 1830 годы.* СПб., 1831. Кн. 1. С. 79–84. О древнейших обиталищах ями // *Чтения...* С. 14–23.

Все эти работы составили первый том финно-угорских трудов А.М. Шёгрена: *J.A. Sjögren's Gesammelte Schriften. Bd I: Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden.* St.-Petersburg, 1861.

¹¹¹ «Конференция или ученое собрание академиков, впоследствии Общее собрание и собрание Отделений с самого основания Академии наук является ее высшим научным органом» (Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов / Под общ. ред. Г.А. Князева // *Тр. Архива АН СССР.* Вып. 1. Л., 1933. С. 31).

¹¹² *Шёгрэн А.И.* Исторический, статистический и филологический опыт о зырянах // *Чтения Имп. Академии наук.* Кн. 1. С. 76–78.

¹¹³ Цит. по: Очерк биографии академика Круга. Из сочинения Куника. С. 67; ср.: Обзорение трудов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук с 1827 по 1833 год // ЖМНП. СПб., 1834. Ч. I. С. 240–247.

¹¹⁴ Отчет Императорской Санкт-Петербургской Академии наук за 1835 год... 29 декабря 1835 // ЖМНП. СПб., 1836. Ч. X. № 4. Апрель. С. 85.

¹¹⁵ *Такала И.Р.* Финно-угорские народы в трудах Х.Г. Портана — предшественника А. Шегрена // ЕЧ. С. 8.

¹¹⁶ О цели путешествия академика Шёгрена на Кавказ // ЖМНП. Октябрь. СПб., 1835. Ч. VIII. № 10. С. 323–325.

¹¹⁷ *Шёгрен А.* Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844. Ч. I. С. IX.

¹¹⁸ Выписка из журнала Комитета правления Императорской Академии наук 9 августа 1835 г. (ОР НБФ. Coll. 209. 23).

¹¹⁹ *Цинтия Х.* Виттекер. С. 209.

¹²⁰ Высочайшие повеления // ЖМНП. СПб., 1835. № VII. Июль. С. XLIV.

¹²¹ Протокол Конференции Императорской Академии наук 14 августа 1835 г. № 343 (ОР НБФ. Coll. 209.23).

¹²² Там же.

¹²³ Отчет Императорской Санкт-Петербургской Академии наук за 1835 г., читанный в публичном заседании оной 29 декабря 1835 г. // ЖМНП. СПб., 1836. Ч. X. № 4. Отд. III. С. 58.

¹²⁴ О цели путешествия академика Шёгрена на Кавказ // ЖМНП. СПб., 1835. Ч. VIII. № 10. С. 323–326. Академик А.А. Куник, составитель «Перечня сочинений академика Шёгрена, напечатанных с 1821 по 1854 год», полагает, что эта статья была написана академиком Ф.И. Кругом // Учен. зал. Имп. Академии наук по первому и третьему Отделениям. СПб., 1855. Т. III. Вып. 4. С. 576.

¹²⁵ *Akademische Reise in den Kaukasus* // *St. Petersburgische Zeitung*. 1835. N 214.

¹²⁶ *Finlands Almäna Tidning*. 16.VII 1836. N 162.

¹²⁷ См., напр.: *Fuss P.N.* Compte rendu de l'Académie impériale des sciences pour l'année 1835 // *Recueil des Actes de la séance publ. de l'Académie impériale des sciences de Saint-Petersbourg, tenue le 29 décembre 1835*. St.-Petersbourg, 1836. P. 45–47.

¹²⁸ Extrait d'une lettre adressée à M. Fraehn par M. Sjögren de Piatigorsk le 27 Avril (1836) // *Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg*. 1836. T. I. N 14, 15. P. 111–112, 118–119; Extrait d'une lettre de M. Sjögren à M. Frähn (Simpheropol, le 26 nov. 1836) // *Bulletin scientifique...* T. I. N 23. P. 182–183; Extrait d'une lettre de M. Sjögren à Frähn (Wladikawkas, le 19 avril 1837) // *Bulletin scientifique...* T. II. N 17, 18. P. 271–272, 282–288; Extrait d'une lettre de M. Sjögren à M. le Président de l'Académie (Tiflis le 3 juin 1837) // *Bulletin scientifique...* T. II. N 23. P. 365–368; Lettre de M. Sjögren à M. Krug (Mosdok le 20 octobre 1837) // *Bulletin scientifique...* T. III. N 14–17. P. 221–224, 231–247, 247–256, 268–272.

В 1848 г. эти письма Шёгрена, как уже говорилось, были опубликованы в Париже в переводе на французский.

К сожалению, в XIX в. была издана только часть писем А.М. Шёгрена с Кавказа. В его архиве в СПб.Ф АРАН хранится еще десять писем ученого — из Тифлиса (от 14 октября 1835 г. — Ф. 94. Оп. 1. № 59; от 22 января 1836 г. — Ф. 94. Оп. 1. № 60; от 10 июня 1837 г. — Ф. 94. Оп. 1. № 66); из Владикавказа (от 25 марта 1836 г. — Ф. 94. Оп. 1. № 61; от 20 апреля 1837 г. — Ф. 94. Оп. 1. № 66); из Пятигорска (от 24 июня 1836 г. — Ф. 94. Оп. 1. № 62–63; от 8/20 февраля 1837 г. № 64; от 18 сентября 1837 г. — Ф. 94. Оп. 1. № 68); из Моздока (от 8 ноября 1837 г. — Ф. 94. Оп. 1. № 67). Они еще ждут публикации и анализа.

¹²⁹ См., напр.: *Bulletin scientifique...* Т. I. N 2. P. 16; N 4. P. 31; N 5. P. 31–32; N 10. P. 79–80; Т. II. N 6. Col. 91–94; N 20. Col. 315–319; N 16, 17. Col. 254–270; N 23. Col. 361–366; Т. III. N 23. Col. 361–368.

¹³⁰ *Manuscrit géorgien offert en don au Musée asiatique. Rapport de M. Sjögren // Bulletin scientifique...* Т. III. 1838. N 21. P. 335. Перепечатано: *Dorn B. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg, 1846. S. 550.*

¹³¹ *Sjögren A. Manuscrits relatifs au Caucase offerts au Musée Asiatique par M. Steven // Bulletin scientifique...* 1838. Т. III. N 24. P. 381. Перепечатано: *Das Asiatische Museum...* S. 526–528.

¹³² *Catalogue des livres, faisant partie de la bibliothèque de feu M.A.J. Sjögren, de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. Helsingfors, 1866.*

Судьба библиотеки А.М. Шёгрена после кончины ученого охарактеризована: *Савельева Е.А. Книжное собрание А.М. Шёгрена в библиотеке Академии наук // ЕЧ. С. 14–15.*

¹³³ *Броссе М.И. [Речь при погребении А.М. Шёгрена] // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 16 (21 января).*

¹³⁴ *Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1955. [Т.] I. С. 298.*

¹³⁵ Экзарх (екзарх) «(с греч. — руководитель, начинатель) — 1) название начальственного лица в древнегреческом жреческом сословии; 2) название церковно-иерархической степени в церкви восточной, времен вселенских соборов <...> В России титул экзарха был усвоен, по упразднении в ней патриаршества, местоблюстителю патриаршего престола <...> со времени присоединения Грузии к России (с 1800 г.) титул экзарха носили (с 1811 г.) первоиерархи Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский» (ЭСБЕ. Т. 5. С. 588–589).

¹³⁶ В новейших изданиях персонального состава Российской академии наук избранные в нее представители православного духовенства идентифицированы и по своему мирскому, и по церковному имени, напр.: «Болховитинов Евфимий Алексеевич (митрополит Евгений)». См.: *Российская академия наук: Список членов Академии. 1724–2009. М., 2009. С. 38. Экзарх Грузии Евгений, избранный членом-корреспондентом*

том Императорской академии наук в 1838 г., в этой книге не значится, но есть Баженов Александр (востоковед и писатель, 1787–1862), избранный чл.-корр. в 1838 г. «по истории и словесности азиатских народов Отделения исторических, филологических и политических наук» (Там же). Иначе говоря, даты жизни и род занятий Александра Баженова и экзарха Грузии Евгения совпадают, что дает мне основания считать, что речь идет об одном человеке.

¹³⁷ ЭСБЕ. СПб., 1899. Т. 27. С. 273.

¹³⁸ Армянский национальный деятель Мхитар Севастийский (1676–1749) создал под покровительством папы римского, «литературно-ученую конгрегацию», целью которой стало сохранение памятников древней армянской письменности. Последователи Мхитара Севастийского (мхитаристы) обосновались сначала в Италии, близ Венеции, затем в Вене, где вели в монастырях активную исследовательскую и издательскую деятельность. С образованием светских культурных центров армян в разных странах Европы мхитаристы утратили прежнее значение, но их историческая роль в изучении древнеармянского языка, издании литературы на армянском языке общепризнанна.

¹³⁹ Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1955. [Т.] I.С. 366–367.

¹⁴⁰ Страбоновы известия о Кавказе и Южной России // Библиотека для чтения. 1838. № 30. Гл. IV.

¹⁴¹ Bericht über Geschichtlichen Beitrag zur alten Geographie des Südlichen Russlands und des Kaukasus, nach griechischen und römischen Quellen / Bearb. von Dr. Edm. Eichwald (СПб.Ф АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 114).

¹⁴² Уарзиати В.С. Осетиноведческие штудии академика А.И. Шёгрена // Уарзиати В. Избр. тр. Кн. I: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2007. С. 426–473.

¹⁴³ В своем кавказском дневнике А.М. Шёгрена называет П. Жукаева Шукаевым, и в цитатах из его дневника далее сохраняется его написание имени переводчика.

¹⁴⁴ Шёгрена А. Осетинская грамматика... С. XXXVII–XXXVIII. Ср.: Там же. С. IX–X.

¹⁴⁵ Санакоев М.П. Петр Жукаев // Тез. докл. на междунар. науч. конф. по осетиноведению, посвящ. 200-летию <...> А.М. Шёгрена. Владикавказ, 1994. С. 46–49.

¹⁴⁶ Достаточно подробное описание немецких, болгарских и греческих колоний в кавказском дневнике Шёгрена скорее исключение, чем правило. Возможно, оно было составлено на основе материалов, сохранившихся в его архиве в СПб.Ф АРАН (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 19): «Tyska Kolonierna vid Molotschna 1835. Verzeichnis der angesiedelten Kolonisten im Südlichen Russland» (Там же. С. 7–14) и «Uebersicht des Zustandes der deutschen Kolonien im Feodosischen Kreise in der Krim 1836» (Там же. С. 15–19об.).

¹⁴⁷ В архиве А.М. Шёгрена в СПб.Ф АРАН хранятся три статьи (написанные не его рукой), свидетельствующие об интересе ученого к представителям секты духоборов: «Духоборцы на Молочне» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 19. С. 46–50); «Некоторые черты об

Обществе духоборцов» (Ед. хр. 18. С. 376–389); «Записка о разговоре с двумя духоборцами» (Там же. С. 390–411).

¹⁴⁸ *Глиноецкий Н.* Служба Генерального штаба при кавказских войсках с 1832 по 1853 г. // Военный сб. № 9. СПб., 1888. Т. CLXXXIII. С. 59.

¹⁴⁹ *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. II // КЭС. М., 1958. [Т.] II. С. 180–181; ср.: *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина по Царскосельскому лицезу. СПб., 1912; Алфавит декабристов // Восстание декабристов. Л., 1925. Т. VIII.

¹⁵⁰ *Косвен М.О.* Материалы... Ч. II.

¹⁵¹ Александр Ермолов. Алексей Петрович Ермолов. 1777–1861: Биогр. очерк. СПб., 1912. С. 131–132; ср.: ЭСБЕ. СПб., 1903. Т. XXXVII. С. 471–472.

¹⁵² *Косвен М.О.* Материалы... Ч. II. С. 189.

¹⁵³ Там же. С. 147.

¹⁵⁴ Там же. С. 146, 189.

¹⁵⁵ Там же. С. 146.

¹⁵⁶ Подробнее об И. Шаховском: *Косвен М.О.* Материалы... Ч. I // КЭС. М., 1955. [Т.] I. С. 325.

¹⁵⁷ *Косвен М.О.* Материалы... Ч. II. С. 157.

¹⁵⁸ См. о нем: *Пуревич П.* Стевен Христиан Христианович // Рус. биогр. словарь. Смеловский—Суворин. СПб., 1909. С. 365–370; *Косвен М.О.* Материалы... Ч. I. С. 291–292.

¹⁵⁹ Швед по национальности, Х.Х. Стевен родился в г. Фридрихсгамме, Выборгской губернии, исконной части Финляндии, отошедшей к России в царствование Петра I. Как и Шёгрэн, Стевен окончил Академию Або, а затем продолжил образование в России и Германии.

¹⁶⁰ Через сто лет после смерти А.М. Шёгрена М.О. Косвен еще раз подтвердил его мнение о недобросовестности Клапрота в использовании чужих работ и о компилятивном характере его собственных сочинений, посвященных различным регионам Кавказа, где Клапрот никогда не был. Таков, напр., его труд «Geographisch–historische Beschreibung des östlichen Kaukasus» (Weimar, 1814), см.: *Косвен М.О.* Материалы... Ч. I. С. 291.

¹⁶¹ *Reindeggs J.* Allgemeine Historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus / Hrsg. von F.E. Schröder. Th. I: Gotha und St. Petersburg, 1796; Th. II: Nebst eine biographische Skizze von J.D. Gerstenberg. Hildesheim; St.-Petersburg, 1797.

¹⁶² Подробный перечень рукописных материалов о Кавказе, переданных Х.Х. Стевеном Академии наук, А.М. Шёгрэн привел в статье: Manuscripts relatifs au Caucase offerts au Musée Asiatique par M. Steven // Bulletin scientifique... 1838. Т. III. N 24. P. 384; *Dom B.* Das Asiatische Museum der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg, 1846. Beil. N 112. S. 526–528.

¹⁶³ *Камбалов Т.Т.* Комментарии // Шёгрэн А.М. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998. С. 162.

¹⁶⁴ *Уарзиати В.* Осетиноведческие штудии академика А.И. Шёгрена // Уарзиати В. Избр. труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2007. С. 433.

¹⁶⁵ *Камболов Т.Т.* Комментарии // Избр. труды.

¹⁶⁶ *Уарзиати В.* Указ. соч.

¹⁶⁷ Осетинская грамматика. С. IX.

¹⁶⁸ *Косвен М.О.* Материалы... // КЭС. [Т.] II. С. 207.

¹⁶⁹ Будет справедливо заметить, что не во всех случаях экзарх Евгений своевременно отправлял поступающие к нему работы на рецензию в Академию. Свидетельство тому — письма П. Иоселиана А.М. Шёгрена от 1 июня 1837 г., 21 апреля и 10 ноября 1838 г., в которых он писал: «...весьма обеспокоен поступком Экзарха с моею <Грузинскою> Грамматикою с русским переводом, которая спит у него в кабинете сном непробудным» (10 ноября 1838).

¹⁷⁰ Сведения о Карле Ивановиче Тауше немногочисленны и отрывочны. Н. Глиноецкий утверждает, что К.И. Тауш и Л.Я. Люлье «...прожили до 1829 года, в течение 15-ти лет, среди закубанских горцев, а после служили переводчиками у Вельяминова и Раевского». См.: *Глиноецкий Н.* Служба Генерального штаба... Ст. 1 // Военный сб. СПб., 1888. Т. CLXXXII. № 7. С. 53.

М.О. Косвен, приводя сведения Глиноецкого, уточняет, что Тауш жил среди адыгов «с 1811 г. в течение восьми лет», и дополняет: «...в 1831 г., имея уже чин коллежского секретаря, он <Тауш> состоял чиновником Иностранной коллегии», он приводит название подготовленного тем документа «Докладная записка титулярного советника Тауша от 23 ноября 1834 г. о турецких агентах, в горах проживающих», опубликованного в «Материалах по истории покорения Западного Кавказа и Черноморского побережья. Время Паскевича-Эриванского и Розена» (Кавказский сб. 1912. [Вып.] 32. Ч. II. С. 179–181. См.: *Косвен М.О.* Материалы... // КЭС. [Т.] I. С. 309).

¹⁷¹ *Хан-Гирей.* Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Рус. вестник. 1842. № 1.

¹⁷² *Хан-Гирей.* Князь Канбулат // Рус. вестник. 1844. № 10–11; *Он же.* Наезд Кунчука // Кавказ. 1846. № 37–38; *Он же.* Мифология черкесских народов // Кавказ. 1846. № 35; перепеч.: Сборник газеты «Кавказ». 1846. Второе полугодие. Тифлис, 1847; *Он же.* Беслый Абат // Кавказ. 1847. № 42–47; *Он же.* Князь Пшской Аходягоко // Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. XVII.

¹⁷³ *Гарданов В.К., Мамбетов Г.Х.* Введение // Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 27–29. Ср.: *Гарданов В.К., Мамбетов Г.Х.* Хан-Гирей и его «Записки о Черкесии» // КЭС. 1980. [Т.] VII. С. 3–31.

¹⁷⁴ *Дьяков В.А.* «Записки о Черкесии», сочиненные Хан-Гиреем // История СССР. 1958. № 5. С. 125–178.

¹⁷⁵ *Косвен М.О.* Материалы... // КЭС. [Т.] I. С. 305.

¹⁷⁶ *Sjögren A.* Manuscrit géorgien offert en don au Musée asiatique // Bulletin scientifique... 1838. Т. III. P. 335. В письме А.М. Шёгрена от 12 мая 1838 г. П. Иоселиани благодарил академика за эту публикацию: «Я имел удовольствие прочитать Ваш отзыв

обо мне и книге, мною пожертвованной Академии наук. Не знаю, как мне Вас благодарить. Сердце мое совершенно чувствует добро, которое Вы мне делаете, и путь, который пролагается судьбе моей жизни».

¹⁷⁷ Устрялов Н.Г. был избран адъюнктом по русской истории и древностям Императорской академии наук 13 января 1837 г.

П. Иоселиани опасался, что новый член Академии будет чрезмерно строг в оценке его труда «Краткая история грузинской церкви», получившего весьма положительные отзывы в российских научных изданиях. См.: Источники «Словаря русских писателей» / Собр. С.А. Венгеров. СПб., 1910. Т. 2. С. 538.

¹⁷⁸ Выше говорилось, что я идентифицирую экзарха Грузии Евгения и Баженова Александра (1787–1862), востоковеда и писателя, избранного членом-корреспондентом Императорской академии наук в 1838 г. В «Ученых записках Императорской Академии наук...» в 1855 г. была опубликована статья «Современная история Академии», в которой приведены списки членов Общего собрания Отделения АН, Собрания классов Академии, списки действительных, почетных и членов-корреспондентов всех Отделений». По III Отделению АН по разряду восточных литератур наряду с востоковедами О.И. Сенковским, Мирзой Казембеком, И.М. Ковалевским, Н.В. Ханьковым, В.В. Григорьевым и 9 иностранными учеными назван «Высокопреосвященный» Евгений, в Астрахани, с 1838 г.».

Уже упоминалось, что из Тифлиса высокопреосвященный Евгений был переведен служить в Астрахань. См.: Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему Отделениям. Вып. I. СПб., 1855. Т. III. С. 592.

В этом же выпуске «Ученых записок» опубликована информация о том, что названный выше «Высокопреосвященный Евгений, архиепископ астраханский, препроводил в Академию собрание монет, безвозмездно представляя оное в ее распоряжение. Из этого собрания А. Стефани выбрал для Нумизматического музея 10 монет золотых, 7 серебряных, 8 медных — византийских и 15 серебряных — греческих и римских; а Б.А. Дорн 8 медных и 6 серебряных — для Азиатского музея. Определено: изъявить Его Высокопреосвященству почтительнейшую благодарность за приношение» (Там же. С. 596).

¹⁷⁹ Сообщение М.И. Броссе об этой рукописи было опубликовано незамедлительно. См.: *Encore un manuscrit géorgien offert a l'Académie par M. Josélian. Rapport de M. Brosset (lu le 16 mars 1838) // Bulletin scientifique... 1838. Т. IV. № 3. P. 63.*

¹⁸⁰ См.: *Глиноецкий Н.* Служба Генерального Штаба при Кавказских войсках с 1839 по 1853 г. Ст. I // Военный сб. I. СПб., 1888. Т. CLXXXII. Кн. 7. С. 59.

М.О. Косвен дал характеристику рукописи «Краткого военно-статистического описания Чечни, сост. Генерального штаба капитаном Норденшаммом в 1834 г.», хранящейся в ЦГВИА в след. работе: *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. [Т.] I. С. 304.

¹⁸¹ Востоковед-иранист и семитолог академик Б.А. Дорн (1805–1881) значительное внимание уделял и изучению Кавказа: истории Дербента, Карабаха, Грузии (см., напр.: *Dorn B.* Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus mor-

genländischen Quellen, III. // MAIS. VI ser. T. 4–6; Дорн Б. Каспий: О походах древних русских в Табаристан // Зап. Академии наук... 1875. Т. XXVI, кн. 1, и др.), и потому, вероятно, рукопись Х.П. Ксеиофонтова была передана на рецензию ему.

¹⁸² А.М. Шёгрэн связывает этот обычай с мусульманством, хотя на самом деле, как справедливо считает Б.А. Калоев, «обычай левирата сохранялся у осетин частично еще и во второй половине XIX в., он бытовал и у соседних кавказских народов. Сохранение левирата у осетин было связано главным образом с уплатой большого выкупа за невесту, а также со стремлением иметь дополнительную рабочую силу в семье». См.: Калоев Б.А. Введение // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1957. С. 9.

¹⁸³ Видемани (Фердинанд Иванович) // ЭСБЕ. СПб., 1892. Т. VI. С. 232–233.

¹⁸⁴ Как подчеркивал А.М. Шёгрэн в «Предисловии» к этому труду (Осетинская грамматика. С. XIV).

¹⁸⁵ О ходе работы над «Осетинской грамматикой» регулярно сообщалось в Отчетах Императорской академии наук. См., напр.: Извлечение из отчета по первому и третьему отделениям Имп. Академии наук, читанного 30 декабря 1842 г. <...> неперменным секретарем П.Н. Фусом // ЖМНП. СПб., 1843. Ч. XXXVII. Отд. III. С. 59.

¹⁸⁶ Шёгрэн А. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским. Ч. I–II. СПб., 1844; *Sjögren A.J.* Jpon Ävzaraxur, das ist ossetische Sprachlehre, nebst kurzem ossetisch-deutschen und deutsch-ossetischen Wörterbuche. St.-Petersburg, 1844. Исследователи осетинского языка могут проследить, как тщательно работал А.М. Шёгрэн над этим трудом, по сохранившимся в его архиве в Петербурге рукописным вариантам: «Ossetische Studien» (СПб.Ф АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 36. С. 1–80); «Ossetisch-Russischen Wörterbuches». 2 Hefte (Черновик) (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 159); «Осетинско-русский словарь» (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 163–164).

¹⁸⁷ П.И. [Рец.] «Осетинская грамматика» акад. Шегрена // Закавказский вестник. 1845. № 11. Цит. по: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. [Вып.] II. Цхинвал, 1982. С. 41.

¹⁸⁸ Присуждение Вольнеевской премии академику Шёгрэну // ЖМНП. СПб., 1846. Ч. L. Отд. VII. С. 12.

¹⁸⁹ *Sjögren A.J.* Ossetische Studien mit besonderer Rücksicht auf die indoeuropäischen Sprachen. 1 Lfg. Die Selbstlauter // MAIS. VI ser. T. 7. S. 571–633.

¹⁹⁰ Историческое обозрение трудов Академии наук в пользу России в прошлом и текущем столетиях: Речь, читанная в торж. собр. Академии 29 декабря 1864 г. акад. К.С. Веселовским. СПб., 1865. С. 26.

¹⁹¹ Отчет Императорской Академии наук по первому и третьему Отделениям за 1851 год // Учен. зап. Имп. Академии наук по первому и третьему Отделениям. СПб., 1853. Т. I. Вып. 1. С. 26.

¹⁹² П. Жукаев и Шю Двалишвили просили А.М. Шёгрэна прислать им «Грузино-русско-французский словарь, сост. Давидом Чубиновым и удостоенный полной Демидовской премии» (СПб., 1837), который должен был стать для них образцом при со-

ставлении «Словаря осетинского». Словарь Чубинова был высоко оценен в рецензии академика М.И. Броссе: («Rapport sur le dictionnaire manuscrit Géorgien-russe-latin de M.D. Tchoubinoff, par M. Brosset lu le 15 Septembre 1837 // Bulletin scientifique... St. Pétersbourg; Leipzig, 1838. Стб. 41–48); Ср.: *Князь П.* [Рец. на] Грузинско-русско-французский словарь / Сост. Д. Чубиновым // ЖМНП. СПб., 1840. Ч. XXVIII. С. 6–14.

¹⁹³ *Миллер В.* Библиография // Миллер В. Осетинские этюды. Ч. II. М., 1882. С. III (Учен. зап. Имп. Мос. ун-та. Отд. ист.-филол.; Вып. 2).

¹⁹⁴ *П.И.* [Рец.] Осетинская грамматика акад. Шёгрена // Закавказский вестник. 1845. № 11.

¹⁹⁵ Жизненный путь и научное наследие автора первой кабардинской грамматики и первой истории кабардинского народа Ш.Б. Ногмова (1801–1844) стали предметом постоянного и пристального внимания исследователей уже в XIX в., когда в различных кавказских периодических изданиях и отдельными книгами на русском и немецком языках была опубликована его «История атыхейского народа»; в XX в. Г.Ф. Турчанинов опубликовал два тома его «Филологических трудов (*Ногма Ш.Б.* Филологические труды / Исслед. и подг. Г.Ф. Турчанинов. Нальчик, 1956–1958. Т. 1–2); издан целый ряд биографий первого кабардинского просветителя.

¹⁹⁶ Граф А.Х. Бенкендорф побуждал грамотных горцев, служивших в Петербурге (не только Ногмова, но и упоминавшегося выше Хан-Гирея и др.) к написанию трудов об истории, языке, традиционной культуре народов, к которым они принадлежат, поскольку правительство хотело иметь достоверные сведения о крае, который еще предстояло «заморить». См., напр.: *Гарданов В.К., Мамбетов Г.Х.* Введение // Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 20.

¹⁹⁷ ОР НБФ. Coll. 209.23.

¹⁹⁸ Известный российский кавказовед Адольф Петрович Берже (1828–1886) в 1861 г. издал ее на русском языке со своим предисловием, биографией Ногмова, примечаниями и приложениями (*История атыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора Бек-Мурзин Ногмовым.* Тифлис, 1861) и в 1866 г. в переводе на немецкий: *Die Sagen und Lieder des Tscherkessenvolks gesammelt und übersetzt von A. Bergè.* Leipzig, 1866.

¹⁹⁹ Classe d'histoire et de philologie. Extrait du procès verbal du 12 Septembre 1845. Art. 145. N 1925, ce 13 Septembre 1845 (ОР НБФ. Coll. 209.23).

²⁰⁰ *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке // КЭС. [Т.] II. С. 219.

²⁰¹ [Л.Я. Люлье. Некролог] // Зап. КОИРГО. Тифлис, 1861. Кн. VI. С. 4.

²⁰² *Люлье Л.* О торговле с горскими племенами на Кавказе, на северо-восточном берегу Черного моря // Закавказский вестник. Тифлис, 1842. № 13–16; Словарь русско-черкесский или адигский с краткою грамматикою сего последнего языка, одобренный Императорскою С.-Петербургскою Академиею наук / Сост. Л. Люлье. Одесса, 1846; *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми

черкесами (адиге), абхазцами (азега) и другими, смежными с ними // Зап. КОИРГО. Тифлис, 1857. Кн. 4. С. 173–193; *Он же*. О натухажцах, шапсугахи и абадзехах // Зап. КОИРГО. С. 227–237; *Он же*. Ворования, религиозные обряды и предрассудки у черкес // Записки КОИРГО. Тифлис, 1862. Кн. 5. С. 121–139; *Люлье Л.Я.* Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухайцев // Зап. КОИРГО. Тифлис, 1867. Кн. 7. С. 1–18.

²⁰³ [Л.Я. Люлье. Некролог] С. 5.

²⁰⁴ *Люлье Л.Я.* [Введение] // Словарь русско-черкесский или адигский... С. III–IV.

²⁰⁵ ОР НБФ. Coll. 209.19.

²⁰⁶ Донесение о рукописном сочинении под заглавием «Словарь русско-черкесский или адигский с краткою грамматикою / Сост. Люлье <...> Читано г. академиком Шёгреном в заседании 16 января 1846 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 15 октября 1847 г. № 235; 16 октября 1847 г. № 236; *Sjögren <A.> Rapport sur un ouvrage manuscrit intitulé: Словарь русско-черкесский или адигский с краткою «Грамматикою» / Сост. Люлье. ВАИС. 1848. Т. IV. N 12, 13. Col. 165–176.*

²⁰⁷ «Классом» именовалось Отделение Академии наук, в данном случае Историко-филологическое отделение.

²⁰⁸ Донесение о рукописном сочинении...

²⁰⁹ ОР НБФ. Coll. 209.23.

²¹⁰ *Услар П.К.* О распространении грамотности между горцами // Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. I: Абхазский язык. Тифлис, 1887. С. 20.

²¹¹ Отчет о состоянии и действиях КОИРГО с 1859 по 1864 год // Зап. КОИРГО. Тифлис, 1864. Кн. VI. С. 8.

²¹² Там же.

²¹³ Академик А.М. Шёгрэн // ЖМНП. СПб., 1855. Ч. LXXXIV. С. 1–8; Discours du secrétaire perpétuel (Lu à la séance solennelle du 29 décembre 1855) // Compte rendu de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. 1854–1855. St.-Petersbourg, 1856. P. 22–31, 57–64. Discours prononcé aux obsèques de M. l'académicien Sjögren par M. Brosset le 11 janvier 1855 // ВАИС. 1855. Т. XII. N 14. Col. 209, 212; Санкт-Петербургские ведомости. 1855. 21 января. № 16; Mélanges Russes. b. g. T. II. С. 504–507.

²¹⁴ *Snellman J.V. Anders Johan Sjögren // Litteraturblad för allmän medborgerlig bildning. 1855. N 6. Juni. S. 161–165; Lönnrot E. Minnes-tal öfver akademikern, Dr: Anders Johan Sjögren, rället vid Finska Vetenskaps-Societetens årshögtid den 29 April 1855 // Acta Societatis Scientiarum Fennicæ. Helsingforsicæ, 1856. T. 4. Fasc. 2. С. 1–40; Schiefner A. Einige Worte über das Leben und Wirken Sjögren's // Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv-, Ehst- und Kurland's Geschichte. Geographie, Statistik und Literatur. Dorpat, 1855. N. 8. S. 114–117, 132–136.*

А.И. Алиева

**Экспедиция А.М. Шёгрена
на Кавказ и в Крым**

ДНЕВНИК А. И. ШЁГРЕНА
С СЕНТЯБРЯ 1835 ДО ЯНВАРЯ 1838 г.

Сентябрь 1835 г.

21 сентября 1835 г. в 6 часов 20 минут вечера я выехал из Санкт-Петербурга вместе с капитаном Норденстаммом в довольно сильный дождь. На следующий день в 12 часов мы были в Новгороде <Великом>*. Обещавшая дождь погода начала постепенно улучшаться, и от Бронниц стало суше. Это место располагается над рекой Мста. На другом конце города находится возвышенность с церковью. Наверное, это и есть Хольмгорд? От Бронниц мы ехали лесом с рекой Ниска, затем пашня вплоть до Сайтова, где мы пообедали на почтовой станции. Такие постоянные дворы есть на каждой второй станции. Далее поля становятся немного волнообразными с далеко простирающимися пашнями, среди которых расположен город Крестцы. Он выглядел почти как деревня, лишь на другом конце находилось несколько каменных домов. Отсюда виден то приятный, то мелкий лес вплоть до Новой Рахины. В 11-м часу мы достигли Зимогорья, где заночевали на постоялом дворе. Все еще прекрасная погода. Старая баба еще вчера приставала ко мне со своими баранками, но валдайские баранки меня не заинтересовали. За ночлег пришлось заплатить в два раза дороже, чем за комнату губернатора в Новгороде. Поля — волнистые, с камнями по краям и с небольшим лесом. Далее село Едрово на озере с таким же названием. У села Шутилова снова начинается равнина, там мы пообедали за 2 руб. щами, жареным мясом с картошкой и огурцами. Город Вышний Волочѣк — первый в Тверской губернии, который мы миновали, — расположен на небольшой возвышенности у запруженной реки Тверца, в середине довольно заболоченной. Далее мы проехали заросли кустов, обширные поля и много городов, в которых встречались опрятные дома. У Видропусту переехали через Тверцу во второй раз. Вскоре после этого сделали привал, начало смеркаться, и мы добрались до Торжка, где и переночевали.

* Географические названия и имена людей нередко здесь приводятся в версии А. Шёгрена, поэтому неизбежны некоторые несоответствия их действительным (напр., *Петр Жукаев* назван *Шукаевым*). Есть в дневнике и случаи разного написания одного и того же названия (напр., *Ардон* и *Архон*).

25 сентября. Город расположен на московской стороне рядом с небольшим полем, простирающимся вплоть до села Медного; здесь есть церковь. У реки парковый лес. Около Медного снова пересекли Тверцу. Лес тянется вплоть до Твери, которая довольно красива. Дорога идет между пашен и небольших холмов до Солнечногорья.

26 сентября. Сельское хозяйство — главный промысел; урожай — сам-шесть, сам-десять. Вдоль дороги много сел и небольших усадеб с пашнями и мелколесьем до последней станции <Тверской губернии> Черная Грязь, вполне заслуживающей свое название от грязи, которая царит там. Обедали мы на полпути. Далее — снова пашни; только около столицы начались леса, простиравшиеся до царского замка Петровское. В три часа мы прибыли в город, затем я, как и обещал, встретился с пастором Седерхольмом.

27 сентября. Из всех, кого я хотел встретить или кому хотел нанести визит в Москве, я увиделся только со Строевым и Каченовским. Последний тотчас же высказал гипотезу, что аполитичность древнерусской истории проявлялась в слишком большой умеренности; свое мнение он выразил довольно скромно, однако не был равнодушен к тому, что кто-то соглашается с его гипотезой. Город большой и красивый, так что не удивительно, что русские так ценят свою старую матушку Москву. Большое количество церквей, как я слышал, около 300, и еще больше улиц и переулков, в которых сначала было весьма трудно ориентироваться. Для обозначения улиц народ использует название церквей.

28 сентября. Седерхольм сопровождал меня в Патриаршую, или, как она там называется, Синодальную библиотеку, состоящую примерно из 1000 рукописей, из которых 400 греческие. Патриаршие облачения отличаются не только своей ценностью, но и тяжестью, поэтому современные прелаты не могут ими пользоваться. Посещение Оружейной палаты в высшей степени интересно, хотя у меня было слишком мало времени для полного ее осмотра. Коллега Хамель сопровождал меня и показал мне <колокольню> Ивана Великого, откуда открывается вид на всю Москву. Потом мы осмотрели колокол, что стоит на земле около Ивана Великого. Хамель пригласил меня на обед в немецкий трактир. Кроме красного вина подали целую бутылку шампанского. Затем Хамель повел меня по городу в замок, купленный графиней Орловой, где мы с балкона любовались садом и прекрасным и незабываемым видом на Москву-реку. Затем мы бы-

ли у проф. Ройзо — он просил передать привет его зятю и миссионеру Ванделю в Грузии.

30 сентября. Лишь в 1 час 30 мин. ночи мы выехали из Москвы через Серпуховскую заставу. Ехали всю ночь и только днем достигли Лопасни. Местность была ровная и слегка волнистая: поля и местами лиственные леса.

Октябрь 1835 г.

1 октября. В селениях дома с соломенными крышами. Серпухов — красивый город со многими каменными домами, мужским и женским монастырями. Ниже города переправились через Оку, некоторое время дорога идет по ее берегу. Далеко простирается волнистая равнина и затопленная водой пашня. То там, то здесь видно много лиственного леса, у проезжей дороги — аллея ив. Обед в Видманском заводе, который, как и все деревни этой местности, стоит в речной долине. Это уже Тульская губерния. Дорога идет по ровной глинистой местности.

2 октября. Я нашел чиновника Алексея Иванова. В Туле осмотрел Арсенал — здание, построенное во времена императрицы Елизаветы. Оно вмещает 50000 ружей, а всего на фабрике изготовляют до 70000 ружей в год. Железо присылается из Сибири; его везут до Алексеевской пристани по Оке, откуда по грунтовой дороге 50 верст до самой фабрики. Старое сооружение времен Алексея Михайловича, перестроенное и увеличенное при сменивших его правителях.

Среди новейших улучшений — соразмерность деталей винтовки, так что ее отдельные части подходят к другим ружьям. Этому правилу следуют и на небольших фабриках в Уфе и Систербеке, благодаря чему неисправное ружье любой фабрики можно привести в порядок.

Река, на которой стоит Тула с фабрикой, называется Упа, в то время как сам город называется Тула. В Туле 30000 жителей, из них 2000 работают на фабрике. «Мастеровые» подразделяются на 5 цехов — согласно производимым ими частям оружия. За такую совершенную работу, выполняемую на совесть, рабочий получает 12 рублей за штуку. В остальном они должны искать подработку. Немногие производят знаменитые изделия из железа и всякого вида изделия из стали, которые продаются в местных и московских магазинах.

Вокруг Тулы — ровные пашни. Около деревень и поместий — рощицы или небольшие аллеи. Дома бедные, крытые соломой, грязные.

В темноте проехали Богородицк — маленький город с 2 500 жителей, в котором около 10 каменных домов и 3 церкви. Торговля и ремесло — прекрасный способ прокормиться.

3 октября. В 3 часа приехали в Никитское. Этот церковный город расположен по обеим сторонам реки с высокими берегами. Кроме немногих ивовых аллей встречаются редко стоящие дубовые леса. Дорога постепенно становится более гладкой и ровной. В Больших Плотах уже появляются глинобитные дома. Оттуда дорога идет вниз к уездному городу Ефремову, с более или менее густыми ивовыми аллеями. Ефремов — неприметный город у реки Красивая Меча с 3 церквями. Затем идет подъем к церковному селу Польня, расположенному в ложбине с крутыми берегами у станции Бородки. Была уже полночь, когда мы въехали в Елец. Город с 20000 жителей и 20 церквями расположен на скалистом берегу реки Сопсна и ведет большую торговлю мукой. Здесь производится лучшая, тончайшего помола пшеничная мука.

4 октября. Местность за городом ровная, с немногими высокими холмами; на некотором расстоянии видны леса и несколько деревень. Следующая станция Извалы — городок в 40 дворов. Дома в три окна частью каменные, построенные симметрично, на равном расстоянии друг от друга, с липовой аллеей. Всё напоминает немецкую колонию. Вдоль дороги, где продолжается аллея, видны большие леса. Милинец — прелестное село, красивое поместье с каменной церковью у речки с таким же названием. По аллее, идущей через поля, спускаешься к Дону, который переезжаешь у Задонска. Город невелик и ничем не примечателен, но прекрасно расположен на холме над Доном. Слева виден Тихоновский монастырь; глубокая долина отделяет его от города. За Задонском кустарники и небольшие лиственные леса, местность становится ровнее. Дорога идет частично вдоль Дона (в который впадает ручей Ниemetц); сменяются различные виды: то лиственный лес, то пашня. В селе Хлебном много белых домов. Местность немного волнистая, с идущими книзу полями. От Вермушельска простирается ровная местность вплоть до губернского города Воронежа, куда мы приехали вечером.

5 октября. На торговой площади видели несколько четырехколесных телег, груженных дровами из ветлы — основным топливом этой местности. Некоторые из них, по малороссийскому обычаю, были запряжены волами. Кое-где говорили по-малороссийски. Среди прода-

ваемых товаров выделялись горы яблок, груш, арбузов, гроздьями висели турецкий перец и виноград по 20 копеек за вес, а арбузы за 29 или 20 копеек за штуку. Город состоит в основном из каменных домов, но площадь и улицы немощеные и пыльные.

До обеда я посетил церковь, где лежат мощи <св.> Митрофана <Воронежского>. Около Ельца мы постоянно встречали паломников к ним. В самой церкви было много людей и носилок, на них приносили калек или сидели перед гробницами. Вероятно, публика полагала, что всему свое время, потому что некоторые не предавались молитве, а негромко разговаривали, рассказывали всякие истории и без стеснения смеялись. Река, протекающая у города, ближайшая к дороге на Новочеркасск, называется Воронеж, длинные лужи тянутся на пару верст. Дальше идет хорошо обустроенная дорога с ивовыми аллеями. Однако ее все же не хватило, чтобы сделать поверхность ровной до следующей станции. Такая безлесая дорога идет вплоть до Богачевки, и лишь перед селением начинается аллея. Только к концу следующего перегона на пути к Можайску видны холмы.

6 октября. После полуночи мы миновали Средний Корец; отсюда, можно сказать, начинается <край> собственно малороссов, или хохлов, как там их обычно называют. Но по крайней мере на станции говорили по-другому, чем на настоящем русском. Станция называется по имени ручья, чей протяженный исток минует реку в таких местах обычной дороги с густой аллеей. Местность немного песчаная, и в глубокой долине видно высокую меловую гору. У ее основания лежит большое село Шестекова с рекой Билюг. У Дорсева видно огромное количество ветряных мельниц, белые дома. Затем идут почти ровные пашни вплоть до Павловска. Павловск — маленький город с 4 церквями. Среди новых предметов мое внимание привлек индус, направлявшийся в Санкт-Петербург и постоянно живущий в Астрахани. Он показался мне забавным своим темным цветом кожи, высоким ростом, чалмой и красными туфлями, которые он с удовольствием рассматривал как необычные для местных условий. От Павловска идет ровная безлесая стель, совершенно свободная от пашни. В Кадинке за кронами деревьев видна опрятная каменная почтовая станция. Станция Нижний Мамон получила свое название от одноименной реки, которую нужно было переехать, а за ней еще одну реку — Тавельню.

7 октября. В Хосеве дождь, продолжавшийся целый день; было почти темно, когда мы миновали реку Бызок с ее притоками. Дождь про-

должался до Матюжинского лога — последней станции Воронежской губернии, где мы нашли удобное пристанище — гостиницу с большим числом комнат со стульями, кожаными диванами и несколькими зеркалами. Из-за дождя и раскисшей дороги мы должны были взять 6 лошадей. Сначала мы не очень быстро продвигались вперед по сухой дороге, и чернозем нам встретился лишь у первой казачьей станицы — Казанской. Это большая станица с красивой каменной церковью, прекрасными домами (некоторые из них двухэтажные); половина домов кирпичные. Остальные тоже выглядят весьма опрятно. Сами казаки более рослые, чем жители в тех местах Малороссии, которые мы проехали. Они держатся с большим достоинством и имеют хорошую осанку — следствие их военной службы и самостоятельности, которой они пользуются.

На станции мы переправились через Дон на барже. Затем мы взбирались вверх по берегу, а дальше — волнистая, покрытая сорняками степь. На одинокой станции Сухолозская нам не удалось пообедать; только на следующем перегоне нам встретился постоянный двор, а внизу небольшой ручей. Тихая речка с деревьями на ее берегах.

У Суховской видели несколько хуторов. Лишь там, на станции, слышал я малороссийскую речь, где «і» заменяет «е», например «іиздил» вместо «ездил», и «һ» вместо «г», например «һогу» вместо «горы» и «ход» вместо «год», и т. д. На станциях почти нет комнат для проезжающих, а занятые ямщиками — жалкие и неудобные. Они освещаются нефтью, в них нет стульев — а лавки, поставленные вдоль отштукатуренных стен, одна из них целиком занята широкими нарами вместо кровати. Некоторые спали на нарах за печкой.

8 октября. Рассошинская дорога состоит в основном из чернозема; это почти ровная плоскость, так же бедная пашней, как и предыдущая. Рассошинская лежит в долине у подножия высокой зеленой горы, от волнистой плоскости к большой слободе Дячкино. Там начинается долина, слева ограниченная рекой Глубокой, впадающей в Донец. Долго едешь вдоль этой долины мимо группы казачьих хуторов к станции Астахово, по соседству с которой около хуторов были посадки деревьев, а от Астахова снова слева более низкое плато. По направлению к Донцу оно становится ровным, а чернозем сменяется песком. Через Донец мы переправились на барже и затем поднялись к большой станице Каменской, со многими красивыми домами и представительной каменной церковью. Как и раньше, на станции было много гусей, уток и индюков. От Каменской сначала едешь по холмистой местности; поднимаясь вверх, встречаешь по пути несколько

небольших курганов, а затем лишь равнина до станции Харьковская, затем еще небольшое имение с маленьким ручьем и немного лиственного леса. Везде чернозем, а под ним песок. Дорога сухая, но неровная и от вышеназванного города идет вверх; последняя же часть пути ровнее. Кунджутшовская получила свое название от маленького ручья, который течет рядом со станцией; затем возле высокой горы дорога снова идет вверх, и чем выше, тем ровнее. У дороги несколько хуторов: от Константиновской — равнина до следующей станции. Через три версты город с липовой аллеей. На этих трех верстах всего одно-единственное строение возле самого города. Мы въехали на постоянный двор с довольно симпатичной, но нетопленной комнатой, затем я отправился на поиски войскового старшины Кучерова, которому меня рекомендовал в Москве Строев. Говорили, что он назначен атаманом и уже больше месяца находился в поездке. Город растянут в длину, но не особенно большой; это настоящая грязная дыра, несмотря на то что расположен на высоте, имеет мощеную главную улицу и широкие каменные тротуары. В нем 6 церквей. Платов уже начал седьмую, но с его смертью она осталась незаконченной. Теперь сама лестница к ней совершенно заросла травой. Степная дорога покрыта хорошей травой, и единственное что осталось — это разбросанные курганы. На первой станции, Смишская, мы столкнулись с полковником Тихоновским, который ехал в Тифлис с молодой женой и маленьким ребенком. Далее по Ставропольской дороге есть большая казачья станица Аксай на Дону, через который мы переправились по наведенному мосту, длиной в полверсты. В темноте мы миновали небольшую станицу Тихоновскую.

10 октября. До следующей станции Кагальник ровная степь вплоть до реки. Не встретив по дороге ни единого хутора, мы миновали маленькое имение с маленьким садом около небольшого озера Митшулька. Недалеко был постоянный двор, и другой — подальше, к станции Мечетинская. Здесь есть только ямщицкая землянка, или земляная нора, в которую спускаются вниз по ступеням в маленькую комнату с глиняным полом и кривобокой печкой, а также лавками, как в обычных комнатах. Там мало света, ведь свет попадает из пары маленьких окошек в крыше землянки. Все это покрыто слоем соломы и навоза и сверху едва ли можно заметить, что здесь какое-то жилье. Такие землянки очень теплые и к тому же имеют то преимущество, что в них совершенно нет сквозняков.

<...> Снова ровная степь, где, кроме травянистой равнины, есть только курган и отдельный хутор. Ближе к Нижней Егорлитской станции

— большая станица с каменной церковью. На обоих последних перегонах проходили большие транспорты с мукой, которые тянули во-лы, везде запряженные в везы. Дальше по дороге снова одинокий хутор с маленькой грязной речкой Гремуха. Отсюда дорога идет вверх, после чего снова равнина вплоть до реки Средний Говнюк, или Во-нючка, около которой находится карантин, где показывают подорож-ную. На другой стороне, на холме — станция с красивой каменной церковью. В том селе мы узнали, что на Кавказе немирно.

Местность, кажется, постепенно повышается. Было уже темно, ко-гда мы прибыли в село Песчаноконаковское, где мы могли переноче-вать, так как не всегда было безопасно путешествовать ночью. Село красивое, примерно 1300 душ. Оно было основано в 1810 году 150 семьями, которые при поддержке царского правительства пере-ехали сюда из Курской губернии; позднее село выросло до 300 дво-ров. Многих из них уже не было в селе, ибо жители во время голода 1831 г. ушли к казакам, а 14000 крестьян переселились в Россию. Те-перь почти все они вернулись назад. Земледелие здесь должно быть выгодно, так же как и в Курской губернии, и прокармливает хозяи-на, хотя даже весьма часто случаются недороды. Крестьяне возделы-вают рожь, пшеницу, овес, ячмень, пшено; в степи — горох, огурцы, арбузы, дыни, картофель. Желательно лишь, чтобы росла и капуста. Животноводство, ввиду хороших пастбищ, значительное. Крестья-нин имеет до 50, иногда до 100 волов и коров, а также большое коли-чество (до 200) овец, лошадей — меньше, коз здесь мало. Калмыки, кочующие в степи, сильно бесчинствуют, угоняя скот. Случается иногда, что они грабят и даже убивают людей. Много домашней пти-цы: кур, индюков, гусей и уток. Для тех, кто имеет возможность охо-титься, нет недостатка в дикой птице: за пойманных перепелов в Ставрополе платят 16 руб. за пуд. Серые журавли и большие утки наносят ущерб хлебам. Для охоты на них используют необученных соколов. В реках есть почти все виды рыб. Но то, чего совершенно не хватает, так это леса. Поэтому приходится всю древесину привозить издалека: с Кубани или с Дона. Для отопления используют солому, торф и навоз. Мы поднялись в 4.30 утра и под покровом темноты сначала миновали ныне упраздненную почтовую станцию в селе Рассыпном, или Низком, с рекой Рассыпка в низине между высоки-ми берегами, и еще в темноте доехали до станции Литницкая. Здесь ввиду грязных дорог мы получили, как и в Черкасске, всего 6 лоша-дей, но они были столь плохи, что мы должны были остановиться че-рез 15 верст в селе Кабалы. За все время путешествия видели около дороги лишь одну калмыцкую кибитку и на некотором расстоянии

другую. Они (всего до 3000), как говорят, принадлежат богатому калмыцкому князю. Он кочует здесь летом, а зимой живет в собственном доме по соседству со следующей станцией. Он владеет до 1500 лошадей и 500 охотничьими собаками, лошади для него — важнейшее продовольствие, а собаки — занятие. С каждой кибитки он получает налог 20 руб. в год. Калмыки вообще склонны к водке и карточной игре и часто проигрывают все свое имущество. Потерянное возмещается посредством краж, благодаря которым они за короткое время составляют основу нового стада. У станции Медвяный Колодезь дорога отмечена земляными возвышениями. Недалеко есть настоящий курган. Из-за плохих лошадей мы могли проехать за целый день лишь до большого села Преградного. Это село было основано в 1807 г. переселенцами из Пензенской губернии, но во время сильного голода жители бежали в Россию, откуда большая их часть так и не возвратилась.

12 октября. Мы выехали на рассвете. Так же, как и до сих пор, местность ровная и плоская, с земляными возвышениями по сторонам. Следующая станция находится в селе Безопасная, окруженном рекой Егорлык и рощей из ив и тополей. Эти деревья растут и у большинства домов, поэтому в общем весьма грязное село (чернозем, смешанный с глиной) производит приятное впечатление. Дома с заборами из песчаника, земли и глины с соломой. Впереди степь, сильно заросшая травой и репейником — их собирают для отопления. Много тесно стоящих (небольших) курганов, на некотором расстоянии — калмыцкие кибитки. Возможно, именно калмыкам обязаны своим происхождением маленькие каменные столбы с вырезанными человеческими фигурами, из которых мы видели одну у дороги около села и две в следующем селе Донская: одна подле другой, вторая была без рук. Фигуры явно монгольские. На полпути к Донской виден курган и маленькое село, хутора с запрудой. В конце села открывается вид влево на цепь холмов, один другого больше, а дальше — грязное село со станцией. С правой стороны видна речка; дорога идет по одной из двух ровных долин, заключенных между грядами холмов. Ближе к станции гряды начинают сближаться и подниматься вверх до Московской, где они соединяются.

С трудом достигли мы станции, поднимаясь под палящим солнцем на длинный холм. К счастью, мы получили в М<осковской> 6 хороших лошадей, так что в 7 часов вечера мы выехали в столицу Кавказской провинции, Ставрополь. Дорога туда от Московской ровная, с высокой травой, репейниками и небольшими курганами в качестве вех.

Только к концу она начинает подниматься. Ставрополь еще молодой и потому небольшой город, хотя и достаточно приятный. Он расположен на равнине у подножия высокой горы, откуда далеко и широко открывается вид на 3 стороны — лесопарк спускается по склону горы до города. Н. отвел меня к казачьему лейтенанту (сотник Васил. Дмитр. Сухоруков), которого в Москве мне рекомендовал Стр<оев> как интересное и полезное знакомство. Его стоянка как раз находится у минеральных источников в окрестностях Георгиевска, теперь случайно г-н Сух<оруков> пригласил нас позавтракать перед отъездом.

14 октября. Там я встретил Качанова, адъютанта губернатора В-ва, бывшего книготорговца Мейера из С<анкт>-Петербурга и здешнего доктора.

Слева направо — нескончаемая равнина, поросшая травой. Село Марьевка со старой деревянной церковью и почтовой станцией. Жители села, одни из самых первых превращенных в казаков, из-за своей одежды выглядят весьма воинственно. В селе как раз был церковный праздник: девушки в красивых праздничных нарядах парами ходили с песнями по селу.

От Марьевки поднимаешься на плато в виде террас, проезжаешь две горы, ближайшая из которых достаточно высокая. По другую сторону этого плато <находятся> казачий пост и почтовая станция Брасовая. Съезжая вниз, видишь по обеим сторонам дороги земляные курганы. Впереди, через 10 верст, стоит казачий пост. Здесь уже начинается ровная местность. Слева холмы. Дальше впереди горная гряда, а оставшиеся версты едешь все время вниз до Сергиевска, одной из новых казачьих станиц, жители которой успешно занимаются сельским хозяйством и скотоводством. У станицы мы проехали реку Колаус.

15 октября. Путь шел вверх, и местность была все более неровная из-за холмов, в особенности слева. Чем дальше вверх, тем больше тумана и дымки. Станция Калиновка в окрестностях большой и богатой станицы. По причине сырого климата дорога туда довольно грязная. Весной и осенью здесь постоянно сыро. От Кал<иновки> едешь сначала вверх по холму, затем следует ровная степь с травой и репейником, отмеченная, как вехами, земляными курганами. Последняя часть пути идет резко вниз. За последними холмами видны острые вершины каменных скал. Чернозем сменяется песком, и далее — маленький город Александров, расположенный в более сухой долине между холмами, с 2 маленькими ручьями и с приятным парком из лиственных, в основном ивы, но также тополя, осины и березы. У домов посажены тополя.

В городе есть красивая каменная церковь. Небо было совсем чистое, воздух теплый. От Алекс<андрова> бóльшая часть пути вверх, после чего в основном ровная степь; на расстоянии находятся редкие холмы. Наконец уже близко с левой стороны виден хребет. Солнце стояло еще высоко, когда мы приехали в станицу Сабля.

16 октября. Мы выехали в 5 часов. Вначале вверх идет ровная и необозримая равнина, по ту сторону которой мы все яснее могли различать вершину горы, давшей название Пятигорску, после того как солнце смогло разогнать туман. На некотором расстоянии влево от нее выделяется вершина Лысой горы и еще дальше — светлый облачный конус Эльбруса, покрытого снегом. На полдороге мы проехали казачий пост, а дальше встретили ватагу ногайцев, которые возвращались с ярмарки в Георгиевске со своими 2 кибитками на колесах. Станица Александров лежит в долине, близ горной гряды, в ней красивая каменная церковь. У многих домов посажены ивы и тополя. На обратном пути мы проехали реку Куму с серой и грязной водой, текущую вдоль горного хребта. Река все больше приближается к этой большой дороге и наконец пересекает ее, после чего вода становится более прозрачной. Поднимаясь к этому возвышенному плато, приезжаешь в Георгиевск, состоящий из пригорода и самой крепости, окруженной рвом и снабженной арсеналом. В пригороде как раз была ярмарка. <Сколоченные> из досок открытые лавки с различной мелочью, стеклом и галантерейными товарами, не говоря уже о небольшом рынке, где продают пшеничный хлеб, фрукты и т.п. Много часовых. Всё пестро, интересный шум разных народов и их наречий. В отдалении — ногайцы со своими кибитками, татары, русские, казаки, много видов военной формы, горцы вооруженные и невооруженные, пешие, но большинство верхом, и все эти <верховые> вооружены саблями, кинжалами и пистолетами; кроме того, у многих еще и винтовки за спиной. Возле крепости течет Подкумок, <здесь же его> переходят; <река> эта довольно бурная, но мелкая, и потому ее переходят и вброд, хотя есть мост. На первом почтовом перегоне с правой стороны течет небольшая река Солка. За ней почти совсем опустевшее село Марьевка с церковью, высокий песчаный бугор и казачий пост. Далее — равнина, местами заросшая орешником, местами — высокой травой и репейником. Село Павловка теперь большей частью также переселенное, так что от него остались только почтовая станция и казачий пост. Возле станции река Кума с высокими и крутыми берегами. Дорога довольно хорошая. Мимо нас проезжало много всадников, но, к счастью, это были казаки. В <станции> Солдатской атаман показал нам довольно опрятное жилье для по-

стоя. Хозяева вообще весьма готовы услужить, потому что они подчиняются военной дисциплине или же по причине несчастья. Примерно 10 лет назад, когда многие мужчины отсутствовали и вдобавок в дождь и мрак, на эту станицу напала ватага горцев, которые ограбили ее и подожгли, а всех жителей — 116 человек — увели в плен, откуда многие вернулись только недавно. Но возвратились еще не все.

17 октября. Мы выехали на рассвете. Ровное поле, сильно заросшее терновником, затем немного понижается слева направо. Ближе <к нам> — мелколесье, вдалеке позади нас — аул мирных кабардинцев. Множество курганов, на одном из них — казачий пост. Впереди другой <пост> на ровном поле с возвышением (4 столба и ступеньки) к дозорной вышке и нечто вроде тура*, вероятно, для сигналов. Возле станицы Прохладной такой же казачий наблюдательный пункт. Сама станица с маленькой каменной церковью окружена высоким плетеным забором и небольшим рвом. На следующем почтовом перегоне в основном ровная и более голая степь. Опять множество курганов, и частые казачьи пикеты на значительном расстоянии друг от друга. Направо — река Мала до самой станицы Екатериноградской. По пути к ней проезжаешь разрушенную крепость или, возможно, ее остатки. Ек<атериноградская> — большая станица с несколькими улицами; здесь есть почтовая контора. Когда мы приехали, было сказано, что как раз уходит караван с «тяжелой почтой», и проезжающим с «легкой почтой» не хватает жилья. Потому было крайне важно попытаться отправиться в путь, чтобы сегодня же и как можно быстрее доехать до Пришиба. Для этого Н. обещали конвой из 9 казаков. После долгих поисков нашли наконец двух артиллеристов, которые предложили довести нас до Владикавказа на 4 лошадях за 40 рублей (настоящая цена за почтовый перегон 33 руб. 60 коп.). Вне города за пару верст у Малкаса есть карантин. Там наш эскорт из 5 казаков увеличился еще на 4-х осетин, из которых многие служат у казаков и действительно отличаются <по службе>. Мы двигались без боязни и приехали в Пришиб в 5 часов. Дорога туда — ровная степь, покрытая кустарником и системой вех; там и сям одинокие деревья, преимущественно дубы. На полдороге встречаешь Терек, бурный и широкий, служащий границей между Большой и Малой Кабардой. Противоположный правый берег — лесистый: дубы, платаны (чинар) и липы. Следуя за Терек до Пришиба, встречаешь первый пост и первый ночлег для всех, кто направляется до Владикавказа с

* Знак типа бакена на море.

сопровождением. За две версты до Пр<ишиба> наши казаки выпросили разрешение повернуть назад. Пр<ишиб> — маленькая крепость, окруженная земляным валом и рвом. Гарнизон состоит из 1 роты солдат и 30 казаков. За пределами крепости находится слобода — пригород из 14 домов, населённых чиновниками и солдатами. Многие из них женаты и содержат коров, которых пасут вне <слободы>. И у тех и у других есть маленькие огороды.

Караван, который прибыл до нас вместе с «тяжелой почтой», занял слободу, так что мы получили жалкую лачугу с земляным полом. Через полчаса после побудки для отъезжающих был дан сигнал барабанным боем; затем снова бьют в барабан, и вот караван собирается возле крепости. В 7 часов барабан бьет в третий раз. Явилась охрана: 15–30 солдат, 10 казаков и несколько артиллеристов с 3-фунтовой пушкой. Вскоре обоз пришел в движение; сначала — первая часть конвоя с 20 арестантами, затем артиллеристы с горящими фитилями, за ними почта, и уже после всех почтенные люди из путешествующих, по большей части чиновники. Офицеры с женами и детьми, много купцов, одни в кибитках, другие верхом, представительные государственные транспорты. Последние — купеческие грузы; их везли моздокские осетины на двухколесных повозках (арбах), каждая из которых была запряжена парой быков. Весь обоз растянулся более чем на милю. Конвой был большой, и многие в караване были вооружены, в особенности почти все осетины-возчики, поэтому они часто путешествуют без конвоя. Примером <этого> мог служить большой транспорт, который следовал за нами. Перед Пришибом командующий офицер, сопровождающий <обоз>, начал придирается к едущим и потребовал, чтобы обоз остался, под предлогом того, что у них был приказ не брать с собой более ста фур. Весь караван задерживали, пока один из армянских купцов, также следовавших в караване, и хозяева обоза собрали 10 руб., и с затруднениями было покончено. Вероятно, для того чтобы предотвратить новые расходы, обоз на следующее утро выступил пораньше и затем проделал весь путь отдельно от нас. От Пришиба — ровная и весьма открытая степь. Слева виден сначала лишь участок перегона, покрытый лесом, затем на другой половине пути проезжаешь ручьи Черный и Лезгинка. Чем дальше едешь, тем больше выступает перед нами на горизонте горная цепь. Наконец проезжаешь еще маленькую речку и затем <реку> Урух, по которому названа крепость. Она такая же красивая, как Пришиб; в ней гарнизон из роты солдат и 40 казаков. Слобода здесь несколько больше, и мы нашли более опрятную квартиру, но не получили бы ни самовара, ни сливок, ни молока, если бы не взяли их взаймы у духанчика (восточное название лавочника).

19 октября. Мы выехали поздно. Местность ровная; отдельные деревья и кусты почти голые. Проехали казачий пост, учрежденный по причине того, что ущелье Змейка прорезала река Терек. В этой долине есть маленький укрепленный пост «Минарет», названный так по старой и высокой башне из крепкого кирпича, скрепленного строительным раствором. Далее следовало более возвышенное окончание долины Терека — оно состояло преимущественно из высоких и безлесых песчаных холмов. Через 6 верст мы достигли поста Дурдар, названного так по маленькой, бурной, но мелкой реке, которая впадает в Терек у правой горной гряды. Ее берега здесь поросли редким лесом. Так как погода была теплая, мы прогулялись пешком примерно 5 верст по степи, заросшей высокой травой, вплоть до широкой и быстрой Белой речки, стекающей с горы, имеющей, как и речка Дурдур, галечное дно, отчего вода в ней чистая как хрусталь. На оставшемся отрезке пути в 6 верст по обе стороны дороги виднелось много скирд проса, принадлежащих аулу, расположенному в стороне. Жители гор обычно сеют просо, также ячмень, овес, а поближе к своим аулам — кукурузу; как и просо, выгодны овощи: огурцы, арбузы, дыни, редька, лук, который в горах вырастает очень большой. Значительно развито животноводство — много овец, их содержат иногда от одной до 1000. Коровы мелкие, небольшого роста, невзрачные; кони превосходные, имеются также козы, куры, индюки. Проезжаешь еще маленький ручей, прежде чем достигаешь Ардона, где мы с полковником Тих *<нрзб.>* разместились на казенной квартире в просторном, опрятном, но нетопленном помещении.

20 октября. Огромное, весьма плодородное поле плохо орошается небольшими ручьями. Пашня засеяна горным просом, которое осетины продолжают складывать в копны и возле так наз. «кутанов» (хуторов) молотить. Делается это таким образом: пару быков или лошадь гоняют по рассыпанным по земле растениям. Через 9 или 10 верст от Ардона проехали 2 осетинских села, раскинувшихся у дороги; они напоминают своим местоположением русские села, окруженные плетнем; дома покрыты соломой. Из одного села приносят на продажу «бабье пиво» (брагу). Между селами проезжаешь маленькую бурную реку. Пообедали у маленькой крепости Архон (может быть, Архдон). Близ Владикавказа — осетинский аул. С одной стороны границу крепости образует Терек, здесь он более широкий и бурный, с другой стороны высится горный хребет.

21 октября. Около полудня мы отправились в путь. При выезде столкнулись с живущим здесь осетинским переводчиком, с которым Н. был знаком и с успехом отрекомендовал меня. В качестве конвоя у нас было 6 солдат и 5 казаков. Дорога идет по долине Терека, которая сначала достаточно широка, но затем все более сужается. Справа маленький осетинский аул и руины замка. По обе стороны начинаются высокие скалы, поросшие орешником и маленькими деревцами. Здесь Терек разделяется на множество маленьких ручейков, из которых многие, кажется, являются отводами к водяным мельницам. Они многочисленны, но весьма малы, так что их все можно счесть детскими игрушками. Далее впереди долина становится все теснее и скалы растут вверх. На голых камнях высоко вверху нет деревьев и кустов. Сами вершины голые, но дают лучшее и сочнее сено. После нескольких высоких холмов вдоль крутого берега Терека, возле маленького осетинского аула, проезжаешь небольшой военный пост Бахта. Впереди долина крайне тесная, узкая дорога поднимается вверх по крутому скалистому подъему, и эти отвесные <скалы> то ограничивают дорогу, то нависают над ней, образуя живописный свод. Около другого маленького поста, Кайтуши, долина несколько расширяется. В этой же местности на незначительном расстоянии от большой дороги есть ущелье, заросшее мелколесьем; говорят, из него иногда нападают горцы, и потому это место называется Бороцкая балка. Долина тянется к Ларсу, маленькому военному посту возле осетинского села, рядом — своеобразный замок с высокой башней, построенный на высокой скале, нависшей над «основной дорогой». Дворы защищены высокой каменной стеной. Я попросил одного осетина показать свой двор, что он и сделал. Жилое помещение имеет полуоткрытую прихожую, с другой стороны — конюшня и хлев вместе с кухней; оба помещения очень темные, с единственным отверстием в крыше. В самой глубине маленького жилого помещения очаг; на той же стороне, что и вход, есть продолговатое отверстие, похожее на окно, но без стекла. Настоящая печь находилась <вне дома>, около поля. У противоположной стены узкая кровать.

22 октября. Отправившись дальше в путь, мы вскоре обнаружили, что окружены скалистыми стенами, лишенными всякой растительности. Только в узкой долине, где течет быстрый Терек, есть кусты и несколько сосен. Итак, приезжаешь в разлом, пробитый весной бурным Тереком; дорога идет то по одному, то по другому берегу, к военному посту Дариэл, находящемуся как будто в котле, окруженном со всех сторон высокими голыми скалистыми стенами, достигающими

ми облаков, поэтому солнце может появиться в крепости только к середине дня. И на дороге нет никаких изменений, только иногда <встречаются> каменные горки, будто брошенные от одной скалы к другой. В этой живописной местности у последней в своем роду грузинской царицы Тамары был замок, и теперь еще показывают несколько отдельных зубцов <стены> и руины на висящей над Терек-ом скале. Говорят, что в этом месте она бросилась со скалы в Терек, получив известие, что ее возлюбленный убит в сражении. Дариэл лежит напротив Ларса на высоком берегу Терека, по которому едешь вперед вдоль каменных стен и скалистых холмов, лишенных каких-либо деревьев и кустов. На самых высоких вершинах лежит снег, и недалеко от Дар<изла> мы видели справа от себя выше других вершин, покрытых снегом, целую ослепительно белую пирамиду — гору Казбек, расположенную примерно в 18 верстах отсюда. В этой местности в 1832 г. сошла страшная лавина, и впереди вся долина Терека и около половины объездной дороги на возвышенности были засыпаны. Переправу наладили у высочайшей вершины, и стоила она 150 р. О ежегодных осыпях свидетельствовали и огромные, шириной в сажень «языки», врезавшиеся в горную дорогу, с осыпавшейся землей и камнями. Перед Казбеком возле осетинского села находится военный пост с полуротой команды. На высоких холмах нам встретился транспорт и верховые (на вьюках); вещи были упакованы в ящики и мешковину и висели по бокам лошадей. Мы проехали и так называемую Степенную банку <...> с крутыми скалами по сторонам, по которому иногда летом под совершенно безоблачным небом весьма быстро несется поток воды, и невозможно объяснить этот феномен. От Казбекской станции кажется совсем близко до вершины горы Казбек, покрытой неизменным снегом. Так ее называют русские, ибо вся местность с древнейших времен принадлежала княжеской семье Казим-беков, из каковых здравствует ныне один потомок, лейтенант на русской службе; он сам приехал к нам с визитом. Грузины называют эту гору Кази-Беги <крзб.> (или Казбекская), или еще Ялбузи (так называют гору осетины); напротив — Тшеревстий Тсуо <?> (Христова гора), ибо, по преданию, там родился Христос, и ту вершину называют Вифлеемом. Там есть и древняя (впрочем, недоступная) церковь, возраст которой не известен. Кажется, что до горы можно дойти, но по прямой все-таки было 9 верст. Ближе, на вершине другой горы, теперь также покрытой снегом, была другая церковь, которой около 500 лет, и гора посвящена Св. Троице, хотя обычно она называется «Степиани Тцминда» (по-грузински «святая»). Близ самой станции также есть каменная

церковь, построенная в 1809 г. отцом нынешнего князя, генерал-майором Казим-Бекком. Выше, вверх к станции, все вершины вокруг покрыты снегом. Станция расположена на правом берегу Терека, но вид на нее открывается с противоположной стороны. От Казбека вперед есть дорога, вначале более ровная, менее каменистая, и долина Терека расширяется. Есть там и вершины, покрытые снегом. У подножия горной цепи много маленьких осетинских селений, некоторые с башнями. С левой стороны по различным долинам и ущельям впадает в Терек с гор множество маленьких ручьев. По первому из них от Казбека (Гудомакарское ущелье) проектируют проложить новую дорогу, которая только около Пассенау должна соединяться с той, что существует ныне; ее преимущество в том, что она должна быть на 10 верст короче, и, таким образом, можно было бы лучше видеть сами Кавказские горы. Незадолго до Коби мы оставили Терек справа и последовали по другой дороге слева — по ней сверху течет ручей Байдари. В Коби примерно такой же большой гарнизон, как и на Казбекской станции. И 3 каменных дома, построенных как гостиницы для проезжающих; внешне они весьма красивы, но мало для этого приспособлены. Комната с тремя двойными окнами очень высокая, и это в местности, которая по причине своего высокого местоположения, крайне холодная и испытывает большую нужду в топливе.

23 октября. Вчера мы ехали без эскорта, но отсюда получили 12 солдат и 2 казаков. Близ Коби в ущельях местами лежал прошлогодний снег. Чем выше поднимаешься, тем становится холоднее; и пока мы не достигли самой высокой точки <дороги>, под ногами у нас был снег. Этот перегон, должно быть, опасен из-за сходящих вниз снежных лавин. Горе путешественнику, когда такая <лавины> несетя вниз! Из-за столь опасного характера дороги, холода и вьюги правительство платит годовую пенсию одному осетину, который поселился примерно в 5 верстах от Коби и предоставляет проезжающим хотя бы крышу над головой. Здесь во многих местах находятся железные и сернистые родники и ручьи. Высочайшая гора Кавказа Крестовая, названная так по каменному кресту, который воздвиг генерал Тотлебен в 1796 г., когда он первый раз преодолевал ее с русскими войсками, чтобы по просьбе последнего правителя Грузии прийти ему на помощь против персидского Ага Мухаммед Хана. По другую сторону этой горы въезжаешь в Торповую долину, где зимой постоянные метели. Справа видна была продолговатая, на первый взгляд снежная вершина, но скоро, видя подвижность предполагаемого снега и стре-

мящейся вверх скалы, я убедился, что это был всего лишь туман, который лежал над глубокой долиной, по которой течет Арагва. Чем сильнее пригревало солнце, тем больше туман рассеивался и превращался в облака; в то же время становилась видна и вся долина с множеством маленьких сел, разбросанных по склонам, и стремительно текущий ручей среди кустов и зеленых лужаек, покрытых травой. Картина красивая, но человек смотрит на нее не без некоторого страха, словно затаившись: дорога крайне узкая и крутая, пропасть слишком глубокая, так что содрогающийся путник видит на дне ее крохотные дома и людей. Эту <гору> русские называют Гут-горой. В остальном природа меняется тем сильнее, чем дальше спускаешься вниз. Еще на расстоянии хорошо видны покрытые снегом вершины, но только очень высоко к северу. Дальше внизу снова кусты и в долине маленькие дубы. Прохладный ветер, который так недавно охлаждал нас, исчез; солнце грело все сильнее, и на нас пахло прозрачным теплым воздухом. Несмотря на неопределенность <указаний> географов, я больше не сомневался, что теперь я уже в Азии. Спускаешься вниз и тотчас удаляешься от восточной границы Крестовой горы, вдоль ее уже более широкой и менее крутой оконечности против станции Кайшау, вокруг которой видны маленькие селения с башнями, окруженные засеянными полями. Станция — одновременно и военный пост с несколькими отдельно стоящими избушками, но никакой гостиницы для проезжающих. Мы должны были проехать еще 4 версты вниз с горы, крутизна которой увеличивалась вместе с глубиной пропасти, прежде чем спустились в долину Арагвы и переправились через эту реку. Там живет управляющий горскими народами князь Авалов. Оттуда все вниз, но более полого. Пересекли много горных ручьев. В конце горной гряды разбросаны грузинские селения. Чем дальше вниз, тем больше мест, богатых кустарником. В сумерки мы приехали в Пассанау.

24 октября. Вниз, вдоль долины Арагвы <идет> первый перегон, где есть отдельные незначительные горки. Все больше деревьев: грецкий орех и ива. Долина расширяется против течения, и потому станция Арнаур расположена в более открытом месте. Здесь прежде был город с монастырем и епископской кафедрой. Одна из церквей, должно быть, очень старинная. На базаре несколько десятков духанов, которые выглядят совсем по-восточному. Жители делают реверансы и кланяются почти посреди улицы, которой между тем далеко до совершенства. Здесь я случайно увидел грузинскую молотилку: она состояла из четырехугольной доски в 3 пальца толщиной с круглыми

дырками, в которые помещаются острые камни, так, чтобы их края выступали над поверхностью доски. Грузинские дома и относящиеся к ним <здания> очень низкие; их строят из плетней. Покидаешь долину Арагвы близ станции и сворачиваешь в другую долину направо. Дорога идет вверх довольно высоко к голым вершинам; только в конце едешь вниз к Душету — первому настоящему городу в этой стороне. Он небольшой, но имеет красивую площадь, значительный базар, маленькие симпатичные белые каменные дома, близко расположенные к небольшому озеру, окруженному виноградниками; по обе стороны от города — заснеженные вершины и поля, засеянные хлебами. Здесь я встретил бывшего лейтенанта Георгиева, знакомого Н., который часто ездил в горы, чтобы собрать топографические и статистические сведения. Он только что приехал из такой поездки, которая продолжалась почти три месяца, и рассказал нам много о горских народах, особенно об осетинах.

25 октября. После того как мы поднялись вверх по одной из возделанных возвышенностей, которые окружают город, дорога пошла под уклон к <реке> Арагве; она здесь шире, более бурная и течет через долину, поросшую лиственным лесом. По всей дороге нет ни одного хвойного дерева. Долина все более расширяется; то тут, то там около реки маленькие возделанные поля. Близ станции Хартискар есть только один дом, служащий постоялым двором, и пара духанов. Оттуда продолжается путь по правому берегу Арагвы. Почва усеяна мелкими камешками. Через 5 или 6 верст проезжаешь руины крепости на высокой скале у дороги и немного дальше вперед — Мцхет, первую столицу грузин, в месте слияния Арагвы и Куры. От этого некогда обширного города ныне остались лишь руины и 2 церкви с монастырем; там еще живут несколько монахинь. Позади второй церкви, близ места слияния рек — маленькое село, напротив горы — красивые и хорошо сохранившиеся руины монастыря. Грузинский архиерей еще имеет в Мцхете свою кафедру. Через 1–2 версты вдоль Куры через нее переправляются по узкому каменному мосту, строительство которого традиция приписывает Александру Великому. На противоположном берегу мост образует маленький тупой угол против скалистого островка, на котором видны остатки сторожевой башни. Правый берег Куры напротив Мцхеты представляет собой высокую голую стену; через расселины в этой глыбе протянулась узкая дорога; на дне этой бездонной пропасти течет внушающая ужас Кура. Дорога поворачивает в сторону от высокой горной гряды и оставляет место для обширного открытого поля, занятого пашней; оно назы-

вается Гомское поле. Напротив него, в 7 верстах от Тифлиса, на левом берегу Куры, где долина снова сужается кверху, на более высоком берегу, который становится то шире, то уже, расположена немецкая колония Александердорф. За 2–3 версты до города проезжаешь реку Виера по древнему узкому каменному мосту. Небо угрожало дождем, когда мы после 5-недельного пути въехали в нынешнюю столицу Грузии, Тифлис.

26 октября. Визит к начальнику здешнего Генерального штаба Вольховскому, к которому у меня было рекомендательное письмо и посылка от Энгельг<ардта> из Петербурга. От него я услышал, что барону Розену уже поступило из Петербурга уведомление о моем приезде. В надежде получить здесь другие документы, касающиеся моего путешествия, я поспешил на почту. Там мне представился случай рекомендоваться несколькими откровенными строчками от Кеппена помощнику инспектора, но на почте для меня ничего не было — ни частного, ни официального. Денисов велел сопровождать меня к начальнику канцелярии и дал мне адрес секретаря. Тот подтвердил, что документы для меня, без сомнения, пришли, но предположил, что они были возвращены в Пет<ербург>, так как меня здесь не было. Возможно, они находятся и у барона, к которому он мне посоветовал обратиться. После долгого ожидания обо мне доложили барону, справедливому, простому, честному и доброжелательному пожилому военному. Он также подтвердил, что мои документы пришли, но повторил несколько раз, что письменный приказ Министра внутренних дел мне уже не нужен. Именно ему принадлежит здесь исключительная власть, и я, таким образом, должен обращаться к нему со всеми своими пожеланиями. Со своей стороны, он намеревается во всем помогать мне, равно как и отрекомендовать меня доктору Прибыл<ову>. Он приказал, чтобы документы были пересланы мне из канцелярии. Чиновник пошел туда, но вернулся с ответом, что сейчас регистратора нет на месте. Потому я должен обратиться туда на следующий день. Вечером с Н. у его друга князя Шаховского несколько других офицеров и партия в карты. Я имел счастье познакомиться с одним <офицером>, у него жил черкес Шора Бек-Мурзин. Он находился много лет в Пет<ербурге> и там учился под руководством Шармуа, по чьей рекомендации он написал черкесскую грамматику с диалогом.

27 октября. В канцелярии барона я долго ожидал регистратора, и в результате оказалось, что мои документы действительно по ошибке

были отправлены в Петербург, откуда их затребуют обратно. У военного губернатора Брайко и гражданского губернатора грузинского князя Блевандова; оба весьма любезно разыскали армянина Ахвердова (ушедшего в отставку фенрика*), к которому у меня было письмо от его сына, изучающего медицину в Москве. Он сопровождал меня к врачу Соломону Артемьевичу Тергукаеву, к которому я также имел письмо от молодого Ахвердова и которому также Н. отрекомендовал меня ранее. Он по рождению армянин, во многих отношениях высокообразованный человек, патриотично, но не слепо очарованный своим народом и литературой.

28 октября. Прогулка по городу, где весьма живо чувствуется Восток. Ремесленники работают на людях. Здесь открытая портняжная мастерская, там ткут. Интересна пестрота и большое разнообразие во внешнем виде богатых и зажиточных жилищ; бедняки живут под землей, так что по трем парам ступенек поднимаешься на крышу и переходишь через дом. Нельзя даже догадаться, что в действительности переходишь через дом и идешь по дому, если бы на одной стороне не заметил маленьких окон между крышей и фундаментом, равно как и верхушки дымовых труб; на другой стене вход вниз, и в хорошую погоду там в маленьком углублении в земле, появляющемся благодаря другому дому, женщины работают, дети играют.

29 октября. До полудня у генерала Вольховского. После полудня с Н. у коллежского советника Розина.

30 октября. Встретился с экзархом Грузии.

31 октября. Долгое время у экзарха, который проявил себя весьма либеральным и учтивым и одолжил мне редкую книгу, напечатанную в 1798 г. в Москве с осетинским переводом, чтобы я мог ее переписать.

Ноябрь 1835 г.

1 ноября. У барона Розена. Я приглашен к обеду полковником бароном Ховеном. Хозяин оказал мне особенную любезность, предложив прогулку по его саду, затем он провел меня через множество других садов, поднимающихся террасами вверх к католической часовне

* Младший офицерский чин.

близ вершины горы, откуда открывается прекрасный вид почти на весь Тифлис и окрестности. В саду группы грузин, сидящих кружком и пьющих вино; двое пели грузинские песни под аккомпанемент бубнов.

2 ноября. Я начал принимать ванны. Прогулка в колонию к пастору Дитриху. Он предложил мне жилье, и я прогулялся туда с миссионером Зарембой.

3 ноября. Хозяин-француз пообещал мне всё, кроме стирки, за 15 руб. серебром. Тем не менее мне нужно смириться с этим временным жилищем. Во-первых, так как комната побелена, во-вторых, так как это очень далеко от города, что особенно заметно зимой; грязь в колонии не оставила мне выбора.

4 ноября. С Н. у государственного аптекаря Тальквиста.

5 ноября. Закончил переписывать осетинский Катехизис. Готтхард пошел в Пески с ответом о квартире и заплатил 16 р. карманных денег.

6 ноября. Благодаря щедрости барона Ховена из Генерального штаба я получил в подарок экземпляр изданной там же карты Кавказа и Грузии. Я обратился к барону Розену с просьбой позволить мне узнать, какие письменные заметки и сообщения об осетинах я могу здесь найти. Вечером я присутствовал в здешней гимназии на церемонии, посвященной окончанию ее академического курса за 1834–35 гг. Поскольку я пришел слишком поздно, то не слышал грузинской речи, которой открылось торжество; затем началась другая речь — по-русски, в которой говорилось об интеллектуальном <труде> и философских размышлениях, их предпочтительности перед практическим опытом. Последовала еще и другая речь по-русски — короткий отчет об образовании и состоянии гимназии в прошлом. После этого в присутствии почетных гостей раздавались награды — книги и инструменты, а под конец гимназисты демонстрировали свои успехи. Среди прочих был также маленький лезгин, сын сааретского князя, который учился в гимназии всего год, но сделал необыкновенные успехи, если судить по тому, сколько было зачитано имен, отмеченных торжественно, ведь значительное число учеников — не русские. Между речами слушали музыку и угощали гостей чаем, лимонадом и фруктами.

7 ноября. В первой немецкой колонии посетил Ленца. Обещанная мне комната еще свободна. У Хаасенмюллера. Потом у Тергукасова.

8 ноября. Наконец встретился с вице-губернатором, совершенно циничным, одиноким человеком, но не без знаний. До обеда у Вольховского. Вечер у экзарха.

9 ноября. Вечер у Розина, он передал мне связку старых документов за 1747–1761 гг., касающихся этой местности, на просмотр и выписки из которых я потратил следующий день.

10 ноября <в рукописи стоит дата, но текста под ней нет>.

12 ноября. Провел вечер у Розина, чтобы послушать его набросок к истории этой местности.

14 ноября. Закончил выписки из бумаг, данных Розиновым.

16 ноября. До обеда у Матасси, к вечеру я переехал <на снятую квартиру>.

17 ноября. Вечер у экзарха. Он подарил мне по экземпляру всего того, что перевел Ялгузидзе, и вместе с грузинским нашел <для меня> и осегинские переводы.

18 ноября. У Норд<енстамма> и с ним у Тих<нрзб.>

19 ноября. С Н. у Гордеева.

21 ноября. Во второй половине дня заявил о себе семинарист, по рождении уд, присланный сюда экзархом. С ним я начал составлять удский словарь.

22 ноября. Продолжил удские записи.

23 ноября. В Генеральном штабе я одолжил «Путешествие» Гюльденштедта. У Гордеева.

25 ноября. Обед у Розина; для меня пришло немного средств из Казенной экспедиции.

26 ноября. К Прибыл<ову?>.

27 ноября. Вечер у аптекаря Шенберга с Тальквистом.

29 ноября. У медицинского инспектора Дёп<п>нера. Присутствовал на богослужении в немецкой церкви; безыскусная, сердечная проповедь Зарембы.

Декабрь 1835 г.

1 декабря. Смотреть квартиру.

2 декабря. На обед к барону Розену. Большое собрание, среди прочих армянский патриарх. Мне случилось сидеть возле группы турецких беков. Они ели немного кушаний; вместо еды перед ними стояли финики на особом блюде. Во время еды играла полковая музыка.

4 декабря. Вечер у Тальквиста.

6 декабря. У Розинова, после — визит к барону Розену. Вечер у экзарха.

8 декабря. Вечером учителя армянского и грузинского языков из здешней гимназии. У меня Арсанов и Карганов.

9 декабря. К статс<кому советнику> Прибыл<ову>. У Тергукасова.

10 декабря. Осетинский семинарист сидел у меня весь вечер.

11 декабря. Получил из Генерального штаба в пользование кучу бумаг о горских народах. У пастора Дитриха. После того у ректора семинарии, чтобы попросить разрешение семинаристу посещать меня.

12 декабря. Весь день работал с осетинским семинаристом.

13 декабря. Барон Розен сам пришел ко мне с визитом, спросил о моих занятиях и о том, были ли у меня до осетинского семинариста какие-либо учителя, которые понимали бы по-русски. Когда я ответил отрицательно, он указал мне на своего переводчика. На обед к армянам, братьям Арсановым.

14 декабря. Сегодня пришел переводчик барона вместе с семинаристом.

15 декабря. Работал с обоими осетинскими учителями.

16 декабря. Усталый, отправился к пастору Дитриху, который подарил мне Новый Завет и Притчи Соломоновы на персидском языке, помимо пары сочинений на здешнем татарском диалекте.

17 декабря. Когда я сегодня продолжил разбор бумаг из Генерального штаба, то нашел в разделе 14. № 10 «Описание о живущих за Кубанью народах, начиная от Шат-горы, или Эльбруса имянуемой <так у автора!>, до Анапы, о числе оных, кто где жительство имеет, о их войне с прочими народами, с принадлежащими к тому замечаниями» (покойного полк<овника> Верховского), настоящий истинный источник к гл. 9 Клапрота (Voyage au mont Caucase. Т. 1. Р. 187eg) от 206 стр. до конца. Большею частью всё списано слово в слово. Рукопись не имеет дат, но из упомянутых событий сразу видно, что они за 1807 — тот самый год, когда путешествовал Клапрот.

18 декабря. Бал у командира корпуса. Большое собрание в 300–400 человек. Я имел случай увидеть группу грузинок и их танец.

20 декабря. Обед у Вольховского. Вечер у Роз<инова> с Ахв<ердовым>.

22 декабря. Вечер у Карганова.

23 декабря. Визит к ректору семинарии.

24 декабря. К Прибыл<ову>.

26 декабря. Работал с осетинским семинаристом. Снег покрывает поле в третий раз.

27 декабря. Густой снег. Новость, казалось, изумила здешних жителей. На улицах повсюду санки, крик и визг молодежи. Вечер у Денисова и Тергукасова.

Январь 1836 г.

2 января. Я пошел к Арс<анову>, где увидел членов Армянского синода, 2 архиепископов, других присутствующих и был им представлен. После еды архиепископ начал в присутствии хозяина беседовать со мной через переводчика об армянской литературе и нации.

6 января. Работал с семинаристом.

10 января. У Тальквиста. У Шейнберга. У статского советника Прибыл<ова>. Весь вечер дома с семинаристом.

20 января. В колонию к пастору д-ру Лахау.

23 января. Вечер у Розена.

29 января. Визит полковника с семинаристом.

31 января. Вечер у Норденстамма.

Февраль 1836 г.

3 февраля. В канцелярию барона, чтобы расспросить, куда прошлой осенью отправили мои бумаги. Я узнал, что их вернули из министерства в Тифлис, они здесь пролежали уже месяц или больше и, вероятно, лежали бы в канцелярии еще дольше, если бы случайно я сам не пришел туда. До полудня у барона Ховена.

6 февраля. Были здесь Тальквист и Гунбл<нрзб.>.

7 февраля.

Поехал в немецкую колонию. Некоторое время у Дёппнера.

8 февраля. У Дёппнера.

9 февраля. Вечером у князя Шах<овского?>.

11 февраля. До обеда у Ховена с Норд<енстаммом>. После этого Арс<анов> был приглашен на армянскую свадьбу одного из учителей семинарии. Гости были созваны к 7 часам; он сказал, что было 50 человек.

13 февраля. После того как мы пришли и прождали некоторое время, показался сильно расстроенный жених. Духовенство отказало ему в венчании по той причине, что невесте было только 14 лет вместо 16, как предписывают каноны. Положение было досадное, особенно ведь дело зашло так далеко. Некоторые из более знатных гостей вызвались вести переговоры. На это ушло более 10 часов, и все-таки решили, что венчание должно состояться. Перед тем жених послал к невесте под музыку сладости («халву»), состоящие из головы сахара и конфет, и шаль на подарочном <подносе>, после чего она, со своей стороны, прислала назад голову сахара и хлеб. После ее прибытия в дом 2 священника читали и пели некоторое время перед столом, за которым жених стоял со стаканом вина; он выпил его, <только> когда церемония окончилась и пожелали молодым счастья. Бракосочетание продолжалось недолго, прошествовали в церковь и обратно под музыку. Оттуда толпа женщин, собравшихся у родителей невесты, последовала за ней к дому жениха; здесь их встретили с большим бокалом вина, из которого позволили пить сначала невесте, потом гостям, пока оно не кончилось. Потом женщины танцевали грузинские <танцы>, после чего они с невестой перешли в другое помещение. Было уже за полночь, и теперь я увидел <на празднике> все, что можно было увидеть.

18 февраля. Тальквист оповестил меня о том, что д-р Гросн. послал за нами лошадей к <селению> Мухравани, почти со всех сторон окруженному высокими горами. Местность имеет военный пост и помещение для 2 рот артиллерии и 1 роты Грузинского линейного батальона.

20 февраля. Я уехал с доктором назад в город.

22 февраля. У Норденстамма.

23 февраля. Я получил наконец ящики со своими книгами и одеждой из Пет<ербурга>. Поле совсем покрыто снегом. Вечер у Карг<анова>.

25 февраля. У д-ра Прибыл<ова>.

29 февраля. Я зря прождал Карганова.

Март 1836 г.

2 марта. Карг<анов> с Арсан<овым> здесь.

3 марта. У Розена и у Шмидта.

7 марта. У Шульца.

8 марта. Я начал <просматривать> финансовые записи в Казенной экспедиции, обращая внимание на осетинские имена. Возражения против выплаты мне денег. До обеда у Розена, вечером у экзарха. Он весьма доброжелателен. У вдовы Ялгузидзе, пережившей мужа, он добыл себе еще другой экземпляр, вероятно первоначальный вариант осетинского перевода, и намерен отдать его мне, если он такой же. Также он обещал мне открытое рекомендательное письмо для своей епархии.

10 марта. Все время после полудня у Кар<ганова>.

11 марта. У барона с просьбой, чтобы он приказал местным властям помогать мне и защищать меня. Он попросил поговорить об этом с Норденстаммом.

12 марта. В тени 12° по Реомюру.

14 марта. На сей раз закончил выписки из финансовой записи касательно осетин, <живущих> близ Военно-Грузинской дороги. Вечер у Розена.

16 марта. До обеда у Ховена. С младшим Арс<ановым> <пошел> попрощаться с армянским епископом. После того был у грузинских католических отцов. Остаток вечера провёл у Розена.

17 марта. Я нанес большинство прощальных визитов. Все время полудни у Розена. Получил от экзарха письмо к протоиерею во Владикавказе и епископу в Мингрелии и Ингушетии, на случай, если поеду туда. Кроме того, он дал мне на память несколько своих проповедей вместе с поэтическими произведениями в 2-х частях. Во второй половине дня я перебрался со всеми своими вещами к Норденстамму. Я предполагал ехать, но из-за дождливой погоды отложил отъезд.

20 марта. До обеда у барона Ховена. Дождь продолжается. Тем не менее я решил отправиться в путь. Вечером дождь усилился, так что я приехал в 7 часов в Душет основательно промокшим.

23 марта. Утром земля была совершенно покрыта снегом, хотя еще вчера на горе кое-где виднелось лишь несколько белых пятен. Из-за непролазной грязи на холмистой дороге решено было ехать верхом. Бьюки с моими вещами погрузили на лошадь, а на двух других ехали я сам и охранник. Мы отправились в путь в 7 часов в снегопад и прибыли в Анамур только к обеду, когда небо стало проясняться. Я продолжал ехать на телеге до Пассанаура. Было уже слишком поздно, чтобы сегодня успеть в Кмехет, и поэтому я решил провести ночь здесь.

24 марта. В течение дальнейшего путешествия я получил возможность убедиться, насколько правильно поступил, что вчера не отправился в путь. В долине становилось все больше снега, и в одном месте из-за схода лавины проезд был такой трудный, что две другие лошади ослабели бы. День был теплый, и потому я стал сомневаться, не поздно ли предпринять тяжелый переход в Коби, посчитав, что до следующего раннего утра я пробуду в Квешете. Живущий там князь Авалов, казалось, охотнее избавился бы от меня, настолько любезны были его советы. В Каухауре советовали противоположно тому, что говорил Авалов: я должен ехать далее, поскольку постоянный двор здесь совершенно пришел в упадок, и мне указали как на квартиру на грузинскую «сахти» (саклю), совершенно темную и холодную по сравнению с волами и повозкой. К счастью, день был теплый, так что я смог провести на свежем воздухе те пять часов, которые должен был прождать здесь. В 5 часов вечера я отправился в путь на санях. Путь вверх к Гутгоре был крайне тяжел, ибо сама дорога была совершенно пустая, несмотря на глубокий снег по сторонам; далее санный путь был лучше, и уже в 9 часов я был в Коби. На уже упоминавшейся возвышенной <части> дороги был, по правде сказать, ощутимый холод, и потому было еще более неприятно попасть в нетопленное помещение. Я приказал затопить, но потеплело только до 5°. В 7 часов я поехал дальше на повозке. В Казбек<е> не нашлось никаких лошадей, и чтобы не ждать неизвестно сколько, я нанял у грузин лошадей до Владикавказ. В Ларсе в качестве конвоя мне дали двух солдат, но так как мы ушли далеко вперед, один из них возвратился. В Хаемкине получил я только одного солдата, но и он отстал и улизнул, как только мы дошли до скалистого поворота дороги, где не смогли уследить за ним.

В Валте я сам подъехал к военному посту и потребовал двух солдат; благодаря уже обретенному опыту, я действовал более умно и получил солдат, чтобы продолжать путь. Они сопровождали повозку вплоть до Владикавказа, куда я прибыл в 7 часов.

26 марта. Визит к коменданту, которому я вручил открытое письмо барона Розена.

27 марта. Неожиданное посещение самого коменданта, желавшего узнать, насколько я доволен квартирой. Навестил протоиерея при Осетинском комитете, Такнуса Двалиташвили, чтобы передать ему рекомендательное письмо экзарха. Он принял меня с большой учтивостью.

28 марта. Я договорился о приходе ко мне <человека>, который будет исполнять при мне обязанности переводчика с осетинского; с ним пришел отец протоиерей; в его лице я постепенно обнаружил пусть даже и не ученого и высокообразованного, но, во всяком случае, думающего человека.

Апрель 1836 г.

3 апреля. Послеобеденное время у протоиерея.

13 апреля. Снова началась работа над осетинской грамматикой вместе с протоиереем и Шукаевым. Между тем все это время я был занят главным образом собственными исследованиями и размышлениями о формах грузинской грамматики и об их связи с другими языками.

15 апреля. Вечером протоиерей, Шукаев, осетинский пристав и еще другой осетин у меня пьют чай.

17 апреля. Вечером визит к капитану Александру Антоновичу Голумбовскому.

21 апреля. Вечером у коменданта я осуществил свое давнее намерение — поездку верхом к первым осетинским селам на горе Бабеткой <...> Моими спутниками были переводчик Шукаев и в качестве настоящего «чичероне» пристав Эль-Мурсис Дударов вместе с другим осетином. Протоиерей также пожелал принять участие <в поездке>.

Мы завернули к нему и нашли его вместе с еще одним мужчиной. Пристав отвез нас к своим родственникам, из которых один, Йерсма ад-Хаджис, <живет> в ближайшем селе. Мне разрешили осмотреть также жилое помещение вне гостевой комнаты. Однако я должен был немного подождать, пока женщины смогут уйти. Ни в жилом, ни в гостевом помещении нет земляных полов, для сидения поставлены одна или две низкие лавки. В подобных жилых помещениях у более зажиточных людей все же имеются изящные закругленные диваны из Кабарды. По задней стене широкая лавка, на которой стоят сундуки и военная форма. Эта же лавка, кроме дивана, служит кроватью; печь у передней стены; широкая скамья; в сущности, очаг находится внизу, на земле, а над ним — похожая на крышку плита, чтобы не давать дыму распространяться по комнате. Вместо окна — одно или два продолговатых отверстия, по большей части со стороны очага, в основном без стекол.

Баб. койс состоит из 40 дворов. Возле них только несколько маленьких огородов, в которых посажены редька, огурцы, лук; деревья — черешни. Свои собственные пашни с хуторами жители имеют за 25 верст от Кермбилюя. Они с удовольствием переселились бы туда, если бы это было им разрешено, но из-за того, что им необходим транспорт, они принуждены оставаться жить здесь. После того как я обосновался в нижнем селе, Хаджис спросил, не <может> ли он угостить нас пивом. Оно было хорошее, но крепкое. Бочка (gurap leursi) на дворе в нижней деревне. В верхнем селе отвели меня к фенрику Едигею Дударову. Он жил в верхнем этаже каменного дома с хорошим очагом, хотя такой же формы на полу внизу и совсем открытый; по крайней мере, в двух окнах вставлены стекла. Впрочем, дом также довольно опрятный; зато комната для гостей — в стороне, на дворе, маленькая и темная, из плетня и глины, — так же как и в других местах. По соседству я осмотрел старый развалившийся дом, в котором до русских времен жили предки Дударовых. Это значительное по величине четырехугольное помещение, обнесенное высокой каменной стеной.

Наконец обед у деревенского старосты был готов. Он состоял из «тшлык» (шашлык?) с хлебом, вареной баранины и (кислого) молока вместо соуса; по крайней мере в этом блюде хватает мяса. Блюда подносились на маленьком круглом столике, который был похож на поднос для подарков, если бы у него не было коротких ножек. Во время еды пару раз желающих угощали водкой. До и после еды по кругу предлагали воду с мылом, чтобы вымыть руки, и полотенце. Хозяева во всех домах, которые я посетил, были мусульманами, как и сам

пристав. К вечеру я возвратился в город. Этот случай произвел на всех впечатление.

26 апреля. В моем присутствии у коменданта большая группа выборных от ингушей из ближайшего Назрана с просьбой от крещеных, чтобы они, как мусульмане, могли праздновать приближающийся праздник Байрам.

В 1831 г. во время большого голода множество ингушей, принявших христианство, получили полезные подарки деньгами — 1 руб. серебром на человека — и добавили себе какое-никакое пропитание; позволили себя окрестить лишь представители самых бедных слоев населения и далеко не каждый член одной семьи. Более зажиточные и именитые остались мусульманами. В результате такого смещения при известной неприязни мусульман к христианству <получился> большой беспорядок. Возникло большое несогласие, почему теперь ингуши, которые не получили никаких основательных, более того, никаких настоящих понятий о христианстве, просят, чтобы <им разрешили вернуться> к их прежней вере. Комендант попытался стать посредником, и с этой целью сам пару раз ездил в Назран; но тогда это не увенчалось успехом. Казалось, что беспорядки нарастают, поэтому находящийся там гарнизон был усилен, что позволило арестовать и посадить в тюрьму многих людей, которых признавали главными зачинщиками мятежа. Один из них, старейшина из наиболее значительных и почтенных семейств, прежде сам оказал русскому правительству много услуг и потому был даже награжден медалью; в здешней тюрьме он маленьким ножом сам вспорол себе живот и выпустил внутренности. Чтобы предотвратить все возможные попытки мщения и злодеяния против русских со стороны семьи покойного, посылали в Назран за старшим сыном «старейшины», схватили его и выслали сюда.

28 апреля. С протоиереем и переводчиком я закончил свои занятия осетинским языком и теперь по крайней мере имею общее представление о нем и о его грамматике.

Май 1836 г.

1 мая. В 8 часов утра я наконец отправился в путь. Так называемый окасиан (сопровождение) был довольно большой, но не представительный, так как состоял большей частью из повозок. Только с разре-

шения для уезжающих в Россию офицеров и капитанских вдов купцы и люди третьего сословия <наняли> пару кибиток. Самыми важными считались и пять ингушей из местной знати, из числа несчастных товарищей вышеупомянутого усопшего, которых должны были отвезти в Екатеринослав. Сопровождать их был откомандирован тот же самый осетинский фенрик Дударов, которого я посетил в Беданте. Мы прибыли в Ардон в 4 часа.

2 мая. Уже в 6 часов утра я выехал. В 5 часов мы были в *<далее пропуск в рукописи>*.

3 мая. Из-за дождливого утра выехали только в 8 часов. Сделали привал на полдороге. Ингушам выдали суточные деньги только по вчерашний день. Голодные, они должны были смотреть, когда все остальные ели. В степи купить было нечего. Тотчас по прибытии в Пришиб я купил им четыре больших белых пшеничных хлеба; какая радость озарила их лица! Они изъяснили мне свою благодарность через фенрика Дударова и пожелали мне Вышнего благословения. У меня было письмо от Голинуба из Владикавказа к начальнику почты штабс-капитану Алекс. Пав. Чересимову, который пригласил меня к себе и угостил густым пивом. В течение дня мы прибыли в Екатериноградский карантин. Осмотр прошел быстро, особенно потому, что только заглянули и под упряжь, и в мой чемодан.

4 мая. В 9 часов я выехал из Екатеринограда без конвоя, который, как говорили, не был нужен. В 4 часа я был уже в Георгиевске. Отыскал аптекаря Крафтсмана в военном госпитале в 4 верстах от города.

5 мая. Выехал в 3 часа. Первая половина пути к Пятигорску умеренно покатая по направлению к Подкамску, за которым возвышается Лысая гора. Напротив нее близ дороги, идущей по этой горе, названная почтовой станция. Оставшийся путь — ряд гор, стоящих частью одиноко, частью вместе. Слева за Подкамском значительная Горячеводская станция, и вскоре после того — Пятигорск, куда я приехал вовремя. Визит к Ленцу.

6 мая. Ленц отвез меня к д-ру Конради. Осмотрев меня, он думал, что все надежды рухнули, посоветовал мне пить из Сабенийского ключа, запретил мне всяческое чтение и письмо, в случае крайней необходимости — лишь четверть часа.

Июнь 1836 г.

8 июня. Визит к приехавшему вчера генералу Вельяминову, очень любезному, хотя сухому и неразговорчивому человеку.

12 июня. Первый раз музыка на свежем воздухе.

Июль 1836 г.

7 июля. У князя Ребутова, чтобы передать ему книги для Каргасова.

10 июля. Я ездил с Сунбладом в Карас и посетил пастора Лавэ, у которого П. Галова подарил мне напечатанный в Астрахани татарский перевод Н. Тиста и Голитершеса. В колонии 30 домов с молитвенным домом, а не собственно церковью. Прежде население было более многочисленным, но в 1820 г. часть переселилась в Маджан. В 1815 г. типография переехала в Астрахань из-за ненадежности местности, которая была таковой до 1825 г.

12 июля. На концерте Герке.

15 июля. Я уехал в Георгиевск.

16 июля. Прибытие в Саблю.

17 июля. Ужасная грязь и ил тем больше увеличивались, чем дальше я ехал, так что я не проехал дальше Марьевки.

18 июля. Я отправился в путь до 5 часов, но по причине густой грязи прибыл в Ставрополь только в 3 часа. Там я немедленно посетил губернатора барона Таубе, который принял меры, чтобы снабдить меня новой подорожной. После того как я показал открытый лист барона Розена, в Генеральном штабе мне все же дали 8 человек конвоя до Фанагории, чтобы я мог ехать уже во второй половине дня, если бы меня не задержали многие формальности в казначействе с выплатой мне денег, которые я мог получить лишь утром. К полудню у меня в кармане были мои 1200 руб.

19 июля. Я выехал в половине пятого. Возле города мой путь пролегал сначала через маленький ручей Тесехла в глубоком ущелье и по-

том через богатый травой перегон; после него на второй половине пути мелколесье вниз к речке Русской, за которой на холме станица Рождественская у речки Чикибрэк. Вне <станции> большое количество кибиток, как говорят, принадлежавших малороссийским семьям из Тамбовской губернии, которые должны поселиться колонией на Кубани. Путь ровный и плоский с несколькими хуторами до Егорлыка. Позади <осталась> станица Ново-Троицкая — она состоит примерно из 660 дворов. Станице этой должно быть более ста лет. Населена она выходцами из различных губерний, большей частью из Курской. Народ в этой местности, кажется, наивный, но готовый услужить.

20 июля. Дорога ровная и плоская, к концу несколько волнообразная. Это снижение <продолжается> и со следующим перегонем от станицы Александровской, после чего равнина снова идет несколько вниз и завершается у речки Тпельбоози. Затем идет возвышенность, на которой находится станица Текичберг на Кубани; она огорожена частоколом; в ней есть красивая каменная церковь. Оттуда прекрасный твердый ровный путь вдоль высокой береговой гряды, возле крепости Кавказская, огороженной таким же образом. Через 6 верст возвышенность прерывается широкой долиной, — она идет параллельно Кубани. Через пару верст возвышенность возобновляется — <теперь> в виде отдельных холмов, из которых самые высокие служат пикетами. В станице Тифлисской меня встретило известие, что по ту сторону Кубани взяли значительную добычу — много скота и до 500 повозок.

21 июля. До станицы Садовской такая же хорошая дорога идет по высокому берегу. Двигутся отряды пехоты и казаков на марше для усиления действующей армии. Перед станицей Усть-Лабинской красивая роща. Крепость, обнесенная земляным валом, стоит отдельно, выдвинутая немного дальше вперед. На половине перегона проехали Воронежскую станицу; рядом с нею последний пост казаков из области <Кубанского войска>. Станция Кибад-Редутская — первая черноморская почтовая станция возле самой Кубани, берега которой здесь поросли лесом. Перед Корсунской станцией проехали село Ваньюринское, где много деревьев и огородов. Дома из глины с соломенными кровлями. Еще бóльшая нечистоплотность, чем прежде. От Корсунской обширная степь и высокая трава; в 8 верстах от города значительная станица Пашинга, за нею полупересохшая речка Кавахун сливается с Кубанью. В 7 часов мы в столице Черноморья Екатеринодаре.

22 июля. Чтобы ехать дальше, я должен был сам пойти в канцелярию атамана. Приехали 2 черкеса, из которых один поклонился мне с улыбкой на лице, выражающем смесь дерзости с лестью. Позже я узнал, что он был перебежчиком, который уведомил русских о силах и позиции своих соотечественников; когда я высказал удивление, что среди них тоже оказываются изменники, то мне ответили, что такого прежде у них не случалось. Я был там вместе с пожилым мужчиной, который выступал в качестве переводчика и, как говорят, был армянин. В Екатеринодаре около 2200 домов. Первый перегон — ровная степь до Копруйска, который с первого взгляда можно принять за крепость с 4 пушками и 1 пикетом. Однако это лишь почтовая станция в 11 верстах от Кубани. Такая же степь до станицы Мечетовка. Ровная плоская степь с высокой травой. Справа от дороги станица Левоневская. Каракубанская — отдельный почтовый двор в 25 верстах от Кубани. Малороссийская <речь> здесь обычна. В стороне от дороги на Копыль в 8 верстах от Каракубанской находится Палтанская станция. Копыль лежит возле широкой реки Проток. На дворе пылало много костров со смоляным запахом, чтобы отпугивать комаров.

23 июля. На Калансинской почтовой станции находятся 200 казаков штаба полка. Проехали ручей Каляный, затем начинается песчаная местность. Ручей Курка рядом со станцией. За ним поднимаешься вверх на значительную возвышенность, на которой расположилась станция с самым опрятным домом, какой я когда-либо видел, с маленьким казачьим постом. Отсюда видна Кубань, до которой 3 версты. До станции Курачинской был у меня конвой из двух казаков, сменявшийся 2 раза. Кроме этих двух, стоящих на посту на этом перегоне, равно как и на предыдущем, частые пикеты; теперь кажется, что это все же не было глупо. В это время Кубань также препятствует тому, чтобы черкесы переходили <сюда>, но зимой и осенью местность опасна. От Караченска у меня был 1 человек. Отсюда только 8 верст до Редутской батареи у конца длинного залива на Азовском море — в этих местах их называют лиманами. Вдоль лимана дорога следует мимо ряда хуторов, куда зимой прокрадываются черкесы, что делает этот перегон в высшей степени ненадежным. С левой стороны — продолжение высокой береговой гряды Кубани, пока она не выравняется. Зато с правой стороны возвышается гора, вверх по ней и потом за ней едешь к большой Терайджутской станице. Возле последнего дома проезжаешь речку, которую по-малороссийски называют Октамиёвская или Текуджутское Хисло. Большая часть

дороги плоская, поросшая травой и тростником, перегоны образуют огромные лужи, через них лошади идут вброд, рискуя набрать воды в телегу. Наконец, поднимаешься вверх на значительную высоту; справа — Азовское море, слева — Темрюкский лиман, впереди мыс, и на нем — почтовая станция Пересыпь. Отсюда следуешь вдоль моря до входа в Пересыпское гирло, потом удаляешься <от моря>, берег начинает подниматься, образуя маленький мыс, с его верха видишь весь Таманский залив и через несколько верст — отдельный почтовый двор — Сенная; Таманский залив окружают богатые пашни. Приезд в сумерках в Тамань.

24 июля. Нет лодки, на которой можно переправиться в Керчь. Одни отправили, чтобы отвезти атамана Завадовского, прибывшего прежде меня из Екатеринограда, а другие ожидали графа Воронцова. Вокруг церкви лежат два куса мраморных колонн с различными высеченными фигурами. После богослужения я отыскал священника, который оставил для меня известие, что то, что я видел, сохранилось только в его Покровской церкви и больше нигде. Все остальное взяли в Керченский музей. Видел пару опрятных домов и 40–50 скверных глиняных избушек, рассеянных там и сям. Наконец к вечеру казаки сообщили, что пришла лодка. Я поспешил на берег и обнаружил баркас, на котором прибыла группа морских офицеров; они предполагали вскоре возвратиться на корвет «Ифигения» перед рейдом в Керчь. Я спросил капитана Путятина, нельзя ли мне присоединиться к ним, и в 7 часов мы вышли под парусами. Слабый ветер дул от борта, так что мы медленно продвигались вперед вдоль Таманского мыса. Позже пришлось браться за весла. Красивый вечер с чудесным лунным светом.

25 июля. Я уехал с корвета на катере, отправлявшемся в Керчь, чтобы закупить предметы первой необходимости для предстоящего сегодня отплытия с графом Воронцовым в Анапу. Я поспешил нанести визит графу — пожилому, любезному без пустых церемоний, снисходительному, кроткому и учтивому в речи и во всем характере. Он расспросил, куда я предполагаю ехать, о моих занятиях восточными языками и пригласил меня посетить его, если я попаду на южный берег <Крыма>. Затем было главное — разыскать директора Музея древностей. Весьма любезный <человек>, он сожалел, что получил приказ уехать с графом, но все же распорядился, чтобы его помощник удовлетворил мое любопытство. Я напрасно ждал дальнейших известий касательно музея и ушел. Наконец позже я ще-

пился в маленького энергичного школьника, который сам искал помощника <директора> Фановского. Он сожалел, что не может сам помочь мне, так как также должен ехать с графом, но все же позаботился, чтобы музей был открыт в 5 часов. Тем временем я предпринял поездку в татарской кибитке к так наз. Золотому кургану, за четыре версты от города, возле большой дороги на Феодосию, — последнему в ряду из 4 курганов, протянувшихся с запада на восток, а если считать так наз. Митридатову гору за 1 курган — пятый. Золотой курган превосходит остальные величиной. Прежде, несколько лет назад, на другой стороне горы в нем открыли вход с лестницами, такой широкий, что в него можно было свободно въехать на коне. Теперь, однако, он уже настолько ветхий, что только отсюда видишь его начало. На много сажень впереди хорошо сохранился главный вход в курган со ступеньками из песчаника, по которым попадаешь в высокий зал, примерно 4 сажени в диаметре и такой же высоты; в нем нашли всякие золотые вещи — отсюда и <название> Золотой курган. На поверхности ближайшего кургана большие камни образуют правильные линии, одна подле другой; такие же следы и на Золотом кургане; некоторые раскопанные уже обследовали, чтобы приумножить интересное собрание древностей, для которых создали музей. Почти ни один курган не находят пустым, но из-за их величины и, как следствие этого, издержек в сочетании с незначительностью добычи работы ведутся малопродуктивно и медленно.

После возвращения в город у меня было достаточно времени, чтобы побывать на Митридатовой горе, у подножия которой город построен в форме треугольника с почти тупыми углами на краю Керченского залива. С горы открывается превосходный вид на весь город и на его окрестности со стороны суши, справа Таманский залив и позади азиатский берег, Босфор и Азовское море. Я поднялся туда мимо наполовину построенного нового музея по восточному крутому склону <горы> у моря. Пока я бродил, погруженный в мысли о древних временах и о том вожде, который, как полагают, был погребен здесь, но который не смог столь же успешно овладеть этим местом, то захотел увидеть то, что вместе с воображением могло существовать здесь как остаток тени Митридата. В это самое время серая длинная змея свернулась кольцами в высокой траве.

С северной стороны над городом возвышается большая гора со многими вырубками, напоминающими лестницы, и с южной стороны словно сиденье — Митридатов Трон. Далее с левого края вершины другая скала в середине как бы вырублена в форме террасы с лестни-

цей, идущей вниз. Это и было причиной того, что в самом низу вырыли такую глубокую яму в земле, не докопавшись ни до чего.

С горы я отправился в музей. Это маленькое здание из 3 комнат, одна подле другой. Весь фасад вместе с лестницей наполнен статуями и барельефами из мрамора или большей частью из песчаника с подписями или без них. Так как для них нет места в маленьком тесном музее, они постоянно валяются там, подвергаясь воздействию воздуха и воды. Большая часть внутреннего пространства <музея> заполнена подобными предметами — больше фрагментов, чем целых экземпляров. Вазы, домашняя утварь, кольца и маленькое собрание, может, единственное, что, собственно, приведено в порядок. Все относится к античности, кроме знаменитого тьмутараканского камня. Должно сожалеть, что новый музей, который продолжают строить, не будет более вместительным. Думается, что, проектируя <музей>, намеревались сохранить собрание, не приумножая его новыми приобретениями. Всё, всё здесь делается с мелким, сиюминутным расчетом.

Город красив, сплошь каменные дома с черепичными крышами, около гавани — красивая круглая терраса. Жителей около 8000, большей частью это греки и русские, и у тех и у других своя церковь. Кроме того, татары, немного евреев и армян, большинство из них — странствующие ремесленники и торговцы.

Я уехал в 9 часов. Дорога сначала идет вверх между двух возвышенностей, с правой — гряда курганов, другая слева идет вдоль берега, потом становится ровнее, а к концу — снова отдельные холмы. Ночевка на первой станции Мулатинская.

26 июля. Сначала дорога сухая и ровная, лишь отдельные протяженные возвышенности. Проезжаешь татарский аул Табетшик, затем Аргис, откуда почтовая станция недавно была переведена за 4 версты на возвышенность. Сверху видна вся плоская равнина с небольшими татарскими аулами Кенегес, Кудолар и Абибель. Дома в них все каменные с черепичными крышами, окруженные каменными стенами. По дороге татары везли сено на длинных 4-колесных телегах, которые тянули волы. Татары одеты в белые полотняные штаны и такие же куртки либо из ткани в красную полоску, как у русских крестьян, в круглых шапках с оторочкой из овчины. От отдельно стоящей почтовой станции (в Крыму они были довольно опрятны) Порпати едешь вниз и проезжаешь маленькую татарскую деревню Армали; затем слева открывается море во всей его протяженности, и еще 10 верст вдоль берега к Феодосии, или крепости Кафа, около берега, у левого конца города. Город обширнее, чем Керчь, довольно красивый, с

бульваром вдоль берега; в нем меньше населения. Дорога твердая и плохая. Едешь параллельно горной гряде и на первом перегоне видишь много отдельно стоящих татарских домов. Возле реки Карагос я впервые увидел в Крыму лес.

Горная гряда все больше покрывалась лесом. Виды деревьев — орех (лещина), бук, карагач, ива и ясень. Поле, засеянное пшеницей, большей частью уже сжатое. Перед почтовой станцией проезжаешь реку Чурукса; на ее противоположном берегу, справа от дороги — греческая слободка, по направлению к почтовой станции Кренетшли. После гряды начинается более высокий отрезок пути, поросший лесом. Дальнейшая дорога снова идет параллельно названной выше горной гряде, Ахтюрумукс; лишь по сенокосным угодьям <течет> река Куру-Яндо; много холмов и река Мокрый Яндол в глубокой ложине. Ночевка в Бурундуле.

27 июля. Затем приезжаешь вниз, к заливу Карасу, проезжаешь вверх на идущую к востоку возвышенность из меловой породы, которая продолжается и дальше. Затем вниз к прежде значительному татарскому городу Карасу-базар, что лежит в глубокой ложине возле того же Карасу у подножия меловой горы. В здешних городах преобладает татарское население. Много каменных домов, греческая и русская церковь.

Далее <едем> вдоль голой скалистой гряды справа вверх, пока она не повернет к северу. Оттуда дорога ровная, на расстоянии 6 верст — поросший лесом горный хребет; около станции проезжаешь ручей Бумлтшер с хорошей водой, незначительный Монтанай и наконец Суйе (от Су) с большой татарской деревней, и последняя почтовая станция перед Симферополем. Дорога волнообразная; ее пререзают ручьи Бештерек и Чуенча. Возле дороги маленькое татарское село Абдал. Речка Салгир ограничивает Симферополь с севера.

Во второй половине дня я выехал за пределы города к своему соотечественнику, статскому советнику Стевену, к которому у меня было письмо от доктора Конради. Затем — у его соседа, доктора Мюльхаузена, достойного, спокойного и благочестивого старика.

28 июля. У губернатора, который разрешил выдать мне открытый лист в этой губернии. Я отправился затем к муфтию, спросил о нем в Татарском мусульманском правлении. Толстый, сытый прелат, без запинки говорит по-русски. К статскому советнику Стевену на обед. Вечер у доктора Мюльхаузена.

29 июля. У Мусульманского правления, где я не встретил муфтия. С инспектором здравоохранения Ланге у доктора Мюльхаузена.

30 июля. К Стевену.

31 июля. К Стевену, затем на обед к доктору Мюльхаузену.

Август 1836 г.

1 августа. Дорога к Козлову идет через Салгир мимо татарского села Криат, пока снова не проезжаешь Салгир. Оттуда поднимается плоская степь к татарскому селу Леси <Леви>, слева под ним возвышается маленькая песчаная гряда красного песка. От станции Тубарт <едем> сначала вверх, мимо недавно заселенного <выходцами> из России и снова заселенного прежде покинутого села Чеботари. Оно принадлежит русскому помещику, недавно <получившему> отведенные <земли>. Оттуда вниз, в степи, видно блестящее Сакское соленое озеро. В так называемом Дворце <какой-то> генерал занял последнюю <свободную> комнату. После того как надзиратель узнал из открытого приказа губернатора о Высочайшем повелении о моей поездке, он предложил мне поселиться вместе с майором Ноймайером из Бессарабии. Тот сразу же согласился, и так я сделался его соседом по дому и получил в распоряжение еще и его денщика.

4 августа. Прогулка в татарское село вместе с другими <постояльцами>, приехавшими на курорт.

Во второй половине дня с крымским помещиком из Алушты Иваном Захарьевичем Аверкиевым я ездил в город Козлов, или Евпаторию. Путь туда — голая степь; вдоль Сакского соленого озера (слева) и после Вонючего озера, что находится на некотором расстоянии справа, много низких ветряных мельниц с вращающимися крыльями — свидетельство соседства города. Сразу после них со стороны более узкой улицы <виден> ряд простых открытых лавок («базар»), <выглядящий> совершенно по-азиатски. Вообще, весь город имеет азиатскую окраску, кроме того что он очень чистый. Улицы тесные и извилистые. Обычно на них видишь высокие каменные стены, за которыми построены дома, и если даже рискуют строить их <близко> к улице, то окна снабжены частыми железными решетками, которые уродуют в остальном симпатичные постройки. Самые лучшие здания — большая татарская мечеть с высоким, величественным куполом и синаго-

га караимов. Красиво расположен берег с большой открытой гаванью, почти полукруглой. Жители — их около 1500 — татары, караимы, греки, армяне, русские. Город торгует кожей, войлоком, маслом и зерном. До последнего трудного года до 200 кораблей, <идуших> в основном в Константинополь, проходили здесь таможенные формальности. В городе только одна греческая и одна армянская церкви, но много мечетей.

7 августа. Приглашен на обед соседями — уланским офицером Борсенко и артиллерийским офицером Ярцовым.

8 августа. Удивился прибытию доктора-француза из Пятигорска. С ним отправился в село посетить обер-лейтенанта Льва Никитича Завалевского, недавно переехавшего сюда с женой.

10 августа. В селе у офицера Завалевского. На обеде вместе с французом.

18 августа. На завтрак и обед у генерал-майора Бриссарена из Непинга, самого любезного из приехавших на курорт.

23 августа. Я уехал в полседьмого. В Симферополе поселился в немецкой гостинице у Мюллера. Вечер у статского советника Мюльхаузена.

24 августа. Обед у статского советника Мюльхаузена.

25 августа. В Мусульманском правлении, где я встретил муфтия и наконец получил испрошенный и обещанный документ. Позже совершил прогулку к развалинам предполагаемого Неаполиса, состоящим из небольших груд камней.

26 августа. Посетил вдову знаменитого академика Палласа, даму 62 лет, но все еще здоровую и добрую. Вечер у статского советника Мюльхаузена.

27 августа. Обед у г-жи Паллас; два раза напрасно искал здешнего предводителя дворянства.

28 августа. Утром я отправился еще к Усметьеву и также нашел его дома. Он принял меня весьма учтиво и попросил считать его дом в числе

знакомых. Позже я был введен в заблуждение <неким> татаринном, который должен был доставить мне почтовых лошадей; я уехал в 10 часов. Дорога к южному берегу идет по долине Салгира, после красивого особняка, завершающего окрестности города; в начале на ней нет никакой растительности, пока не достигнешь Кильбуруна, поместья с красивым парком, пашнями, лугами и огородами. На первом перегоне проезжаешь еще три другие деревни, все с более или менее зелеными полями и огородами или плантациями табака. Салгир проезжаешь много раз, прямо перед собой <видишь> цепь высоких холмов. За первой станцией Султан-Махмуде Салгир сливается с Хангаром. Часки — последнее село перед лесом, который сопровождает путешественника по горной цепи, делящей полуостров на две столь несхожие части. Посреди этого леса у маленькой речки в Таушан-базаре есть небольшой и очень опрятный постоялый двор.

Здесь оставляешь длинное и узкое ущелье, по которому до сих пор следовал, и поднимаешься зигзагом круто вверх на 8 верст. Тут на самой высокой точке дороги видишь обелиск со следующей надписью: «Повелением императора Александра I-ого дорога сия от Симферополя до Алушты чрез хребет Эйлы, начата в 1824 г., устроена в царствование императора Николая I-ого в 1829 году, при Новороссийском и Бессарабском генерал-губернаторе Нарышкине, полковником Шипиловым». На противоположной стороне читается: «Дорогу сию работали 2 батальона Козловского и Нашембургского пехотных полков»; на остальных двух: «От Алушты 18 верст» и «От Симферополя 32 версты». Когда читаешь эти надписи, стоя на лесистой возвышенности, видишь море, синее вдали.

Лежащая внизу долина окружена с двух сторон высокими горами. Около моря находится Алушта; там большой караван-сарай, который даёт ночлег путешественникам на обоих своих этажах. Уже заранее видишь в долине по обеим сторонам дороги много домов, стоящих далеко друг от друга и окруженных виноградниками. Сама Алушта лежит немного западнее на холме посреди того места, где долина заканчивается у моря. Новая широкая дорога идет мимо этого холма и через маленькую речку Карбекайя, за которой поднимаешься зигзагом на другую сторону высокой береговой гряды и вдоль нее следуешь по разнообразным бухтам, чтобы миновать вереницу глубоких ущелий, из которых одно как будто проломлено сквозь все побережье. Чатыр-даг по всей его величине видишь справа, а слева у моря поднимается отдельная, довольно безлесая Кассел-гора. К концу <перегона> я нагнал статского со<ветника> Мюль<хаузена> с семьей, тоже едущих в Магарач. Они свернули налево, к Карабогхи. По-

месте Кеппена, в котором теперь живет зять Мюльхаузена; я продолжил путь к почтовой станции Буйюк-Самбат.

29 августа. На протяжении всего этого перегона видишь перед собой море, величественный Аю-даг; он со своими более плоскими вершинами опускается к морю и кажется, что до него совсем близко, хотя нужно миновать еще сотню бухт и широкие ущелья с маленькими речками (Дермен-Урек), от высокой, голой и скалистой Дерменкой, что с правой стороны ограничивает дорогу и берег красивыми каменными мостами (часть их еще строится), прежде чем до него доедешь. Внизу на берегу с восточной стороны лежит богатое татарское село Партенит, с виноградниками, посевами льна и плантациями табака; дальше впереди, на возвышенности, Курклет, затем на другой стороне к большой горной гряде Кизилташ. У моря видишь романтический Артек — владения князя Потемкина. На Аюдаге можно увидеть значительные развалины крепости, и над самой пропастью со стороны моря — <развалины> древнего монастыря. Все отвесные границы берега — неровные и холмистые, покрыты лесом, в основном дубравой, у ручьев — *betula alnus** и фруктовые деревья, ветки которых склоняются под тяжестью яблок и слив. Примерно через 3 версты от Артека около полукруглой бухты видишь Гурзуф с остатками крепостных укреплений, оставшихся еще со времен генуэзцев, а еще через 3 версты приезжаешь в Айданиил, где с галереи симпатичной гостиницы открывается превосходный и обширный вид. В то время как я ожидал на берегу лошадей из села, я разговорился с хозяином дома, французом, нанятым графом Воронцовым, которому принадлежит Артек. Француз объездил почти всю Европу, много чего испробовал, был торговцем, был богат, но ввязался в большую спекуляцию, которая привела к банкротству, и кончил тем, что стал служить поваром.

После долгого ожидания привели лошадей, но потребовали оплату до Ялты, хотя я должен был доехать только до Магарача, до которого, по свидетельству Монтандона, было всего четыре или пять верст. В противном случае меня не хотели везти, и я сам пошел вниз, сославшись на управителя графа, некого Жаксона. Я обратился к нему, ибо, как говорил, скорее всего, он и держал почтовых лошадей. Сначала он сказал, что не хочет вмешиваться в это дело, но в конце концов разрешил везти меня и притом сообщил почтмейстеру в Ялте, что я заплатил только за 5 верст и что он должен позаботиться взыскать с меня день-

* ольха черная (*лат.*)

ги за проезд. Затем за мной последовал писарь и отговорился, что интендант приказал ему потребовать плату за весь перегон. От главной дороги был весьма трудный проезд через Магарач вниз к <г-же Грязовой>, около самого морского берега. Мы приехали вместе на квартиру и вдвоем получили обслуживание за 75 руб. ассигн<ациями> в месяц, из-за чего я сделал заключение, что я буду, наверное, доволен своей хозяйкой так же, как я доволен всем внешним моим окружением.

30 августа. Вечер у Мюльхаузена.

31 августа. Начал принимать морские ванны и утром, и вечером. Затем посещение г-на директора Ботанического сада в Никите, в ближайшем соседстве; сад выделяется многообразием деревьев и растений, но прежде всего благодаря разведению до 600 различных сортов винограда. На содержание сада определено 10 тыс. руб. ежегодно, 3 тыс. руб. дополнительно. К Ботаническому саду относится и виноградник в Магараче с 5 тыс. руб. годовых. Однако предполагают, что виноградник сможет сам окупать свое содержание через пару лет. Хозяйка в доме образованная и знает языки.

Сентябрь 1836 г.

3 сентября. Визит статс<кого> сов<етника> Мюльхаузена.

6 сентября. Занимался с турком татарской грамматикой.

8 сентября. В 9 часов я отправился пешком в Ялту вдоль дороги поверх Магарача и мимо Массандры, принадлежащей гр. Воронцову; отсюда я направился вниз к открытой долине, в которой около полукруглой морской бухты лежит Ялта. Это лишь двухлетний кандидат в города; население большей частью греки и несколько русских. 20 домов, многие еще строятся. Есть почта, аптека и таможня, нет школы, а также никаких городских властей, кроме заседателя, который надзирает над всем берегом. Большая дороговизна, царящая там, могла бы еще долго задерживать развитие этого места в настоящий город. Я посетил немецкого управляющего именем, Роллера. В самой лучшей — «Одесской гостинице», устроенной графом и содержащейся итальянцем, ожидали графа, который приехал верхом с многочисленной свитой и после короткой остановки поехал дальше в Массандру. Я пошел назад в Магарач более коротким путем по самому берегу моря.

10 сентября. Вечер у Хортвиста.

11 сентября. Прогулка в Массандру; туда я пришел, когда уже богослужение закончилось. Маленькая красивая церковь прекрасно расположена вверху в горной долине, совершенно затененной огромными дубами; прямо внизу в камне — фонтан с чистой водой.

12 сентября. Я поехал по берегу в Ялту, чтобы получить письмо и посылки, и вернулся по большой дороге.

14 сентября. К Хортвисту.

29 сентября. Сегодня я завершил <работу> с грамматикой Менинского.

Октябрь 1836 г.

2 октября. У Мюльхаузена.

5 октября. Прогулка в село Никита, чтобы встретиться с татарским муллой Хуссимом, который бегло говорит по-русски. К сожалению, его не было дома. В стороне от дороги на Магарач я также посетил Палиокастрона. Я лазил вверх и вниз по <камням> и скалам, но не нашел никаких следов строений, а вместо упомянутой пещеры обнаружил большое, широкое и длинное ущелье, окруженное высокими скалами. Возможно, именно оно дало повод для названия Магарач (от «магара» — пещера).

7 октября. Снова в Никиту, также напрасно.

8 октября. Я опять принялся попеременно за турецкие и татарские занятия.

12 октября. Сегодня я начал с Нового Завета на турецком. Татарская хрестоматия Михат., равно как Халфина.

14 октября. После <завершения работы> с собранными русскими сочинениями я возобновил татарские и турецкие занятия <на материале> Нового Завета. Читал Писание по-грузински с немецким и греко-латинским <параллельным текстом>.

16 октября. Визит доктора Разевского. Утром к Мюль<хаузену>. Вернулся в освещенный луной дом, где я с досадой увидел, что мой единственный термометр разбился.

17 октября. Из-за разбитого термометра я отправился на прогулку в Ялту. Получил от карантинного врача Бирнбаума термометр взаимы.

22 октября. Домой к Писанию, которое в собственно этимологическом смысле кажется мне довольно слабым.

25 октября. Пришел кандидат в учителя татарского языка, и я занялся с ним утром, но нашел, что он не подходит мне прежде всего из-за плохого знания русского языка.

26 октября. Наконец я предпринял давно задуманную экскурсию в Алупку вместе с Грэси. Сначала мы пошли пешком в Ялту и оттуда дальше поехали на почтовых лошадях. Этот путь образует венец для Ореанды: одна из самых красивых и романтических частей местности с обширным видом вдоль всего побережья. Ялта, которая в этой местности с почти перпендикулярным деревом *Arbutus** примыкает к большой дороге или также спускается к морю частями, скалистыми или в форме террасы. Далее вперед выступает длинный мыс Оти-Тодор, с маяком на вершине. Далее идет татарское село Гаспора, и перед ним — красивый дом князя Голицына, на некотором расстоянии в стороне еще бóльший дом княгини Голицыной. Сама она живет в меньшем доме, немного дальше в Коризе, в котором также есть русская церковь. Почтовая станция близко отсюда. Оттуда 5 верст до Алупки. В стороне вниз к морю — Мисхор, он принадлежит князю Нарышкину. Каменный столп с его гербом и гербом графа Воронцова отмечает границу Алупки. Там было так много народа и так тесно, что мы с трудом нашли какое-то жилье. Граф должен был прибыть в Мисхор к обеду, и таким образом посещение было отложено.

27 октября. После визита к графу долгая прогулка по саду; я посетил здание огромного замка, который он велел возвести и который, как утверждают, уже стоит примерно 1 млн. Только плата рабочим без всех материалов должна достигать 114 тысяч ежегодно. Впрочем, окрестности в деталях описаны у Монтандона. На обеде, на который я также был приглашен, поучительно общество некоего Корсенкова;

* земляничное дерево (*лат.*), кизильник

он был два года в Константинополе и Анатолии, где учил греческий язык.

28 октября. Время подошло к 10 часам, прежде чем мы нашли лошадей от Мисхора. Тем временем я нанес прощальный визит графу. От Ялты я нашел греческого парня сопроводить меня к мулле в село (Дерекой), лежащее в 2 верстах отсюда. Там, сказали мне никитские татары, должна быть рукописная хроника. Мне показали рукопись, но она была религиозного содержания, а не хроника. Я должен вернуть термометр доктору Бирнбауму.

У Мюльхаузена. Во второй половине дня в село Никита попросить татарина, который был у меня, записать народные песни. Он обещал прийти завтра.

Ноябрь 1836 г.

2 ноября. Татарин здесь.

3 ноября. У д-ра Рас<евского>.

4 ноября. Я закончил беглое чтение второй части Боппа.

6 ноября. Обед у Мюльхаузена.

8 ноября. Утром я наконец отправился в путь на Ай-Даниил. Погода была такая хорошая, что я почти пожалел, что должен уезжать. Лишь в 12 часов ночи я прибыл в Таусекар-Базар.

9 ноября. В полседьмого к статскому советнику Стевену.

11 ноября. В первой половине дня я возвратился в город, где посетил генерала Бриземанна.

12 ноября. В первой половине дня я снова в городе, где искал так называемого Султхана, но не встретил его; посетил г-жу Паллас и статского советника Ланга.

13 ноября. Сегодня я собирался к вице-губернатору, но никуда не пошел. Я встретил его у Стевена, равно как и вечером доктора Арендта.

14 ноября. Поехал в город вместе с неким бароном Уксулем, обед у г-жи Паллас.

16 ноября. Я начал наконец свою поездку в Бахчисарай. Дорога через большой базар вне города, мимо кладбища. Безлесая степь с несколькими холмами. 14 верст до долины маленькой речки Алма, через которую <перекинут> красивый каменный мост. Долину в несколько верст шириной, орошаемую несколькими притоками Алмы, украшает богатая растительность и нескольких сельских домов, принадлежащих разным помещикам. Через 20 верст я свернул направо к одному из них, г-ну Каулю, женатому на шведке и охваченному любовью ко всему шведскому. Так как и я наполовину швед, то был принят с большой любовью. Земледелие здесь выгодно, в удачные годы собирают в 20 раз <больше посеянного> зерна, но из-за обычной засухи такое случается редко; поэтому животноводство — основная отрасль промысла.

17 ноября. Из-за дождя я не выехал до половины одиннадцатого. Мой хозяин дал мне не только своих лошадей, но и своего младшего сына в качестве сопровождающего и переводчика. Путь в город по возвышенному степному плато. Город лежит в узкой долине, прорезанной <рекой> Черек-Су. Тесные, грязные улицы, по обе стороны открытые прилавки — не только для товаров, но и для мастеровых — кузнецов (все цыгане), сапожников — так же как в Тифлисе; дома построены на азиатский манер с высокими и узкими трубами. Мой провожатый отвел меня к знакомому татарину. Гостевая комната с ковром по всему полу и низким диваном вокруг по стенам. Окна низкие, и такое скудное освещение тягостно для глаз. Мы отправились сначала к монастырю и после к Чуфут-Кале. Первый находится на расстоянии 1,5 верст по дороге к Бахчисараю, по ту стороны верхней части города Салатшик в самой известняковой отвесной стене справа. Поднимаешься сначала вверх по 50 ступеням, словно вырубленным в скале, на террасу — она представляет собой маленький передний двор, огороженный каменными стенами. Оттуда столько же ступенек, разделенных на пять порций, чтобы подняться, прежде чем попадаешь в последнюю, большую, самую высокую точку — в маленькую церковь с галереей, откуда открывается поразительный вид на долину. Салатшик и одна из высших школ-медресе — внизу в самой долине; прямо напротив — другая скалистая стена с множеством больших и маленьких пещер. Такие же пещеры в горе под монастырем — они служат конюшней. В одну ширину с террасой вне внутреннего двора монастыря вырубил также глубокие и большие ниши, служащие гостиницей для

приезжающих, но они еще не были завершены. Кроме церкви, монастырь имеет еще несколько маленьких келий, в которых живет настоятель церкви с супругой. Чуфут-Кале, или еврейский город, на целую версту дальше, на самой вершине этой горы. Путь туда, вверх, весьма трудный по причине крутизны и скалистой почвы; он, как и сам город, выдолблен в горной породе, но его можно проехать и верхом. Говорят, что в городе 200–300 домов с 500 душами мужского пола, всего 1200. Улицы узкие и кривые. Я посетил синагогу — маленький дом, где учится 20 детей. После этого один из раввинов отвел нас к церкви и там показал нам Тору в двух пергаментных свитках — они хранятся в двух продолговатых посеребренных футлярах, выложенных черным бархатом. Я хотел увидеть и внутреннее убранство дома, и он пригласил нас к себе. И у него весь пол также застелен одеялом, и одеяла вокруг. Посреди пола — круглая дыра для очага, чего я не видел у татар, в чьих домах нет никакого очага. Различие и в том, что его жена присутствовала <при нашем разговоре>, в то время как у татар женщин не увидишь. Хозяин предложил мне трубку, и когда я отказался, велел жене принести орехи, яблоки, белый хлеб и яблочный сок.

После возвращения в Бахчисарай я посетил знаменитый ханский дворец с фонтаном, известным благодаря поэме Пушкина, связанные с дворцом сады, здание, которое, как говорят, занимал гарем, и павильон, откуда можно обозреть красивый город вокруг, вместе с гробницами. По возвращении наш хозяин угостил нас бараниной с татарским виноградом и с хорошими кренделями. Вместо стола маленькая низкая этажерка с круглой доской, пальцы должны служить вилками; и, кажется, ножи здесь не принадлежат к столовым приборам.

В связи с рукописными хрониками, упомянули бывшего <городского> голову, которого мы затем посетили. Было уже темно, поэтому он сказал, что ничего не может достать, но понадеялись на следующий день.

18 ноября. У <бывшего городского> головы в кофейне. Он предъявил мне *tewarich** касательно одного из крымских ханов; это, как он сказал, единственный манускрипт, который он мог добыть; я купил его. Я охотился и за другими манускриптами. Наконец их принесли, и очень много, но небрежные. Поскольку я не мог исследовать их так быстро, мне предложили взять их на неделю в Симферополь. Голова обещал также прислать мне туда то, что он сможет получить. Я купил еще 2 рукописных собрания татарских песен. И я уехал в Симферополь. Вечер у Мюльхаузена.

* Слово написано по-арабски, в переводе оно означает «история».

19 ноября. Визит так называемого Султана и директора здешней гимназии, который по моей просьбе прислал мне учителя татарского языка, чтобы более тщательно изучить привезенные вчера старые книги; среди них пока не нашлось ничего ценного, что стоило бы купить.

20 ноября. Неожиданно мой земляк профессор Нордман вернулся после поездки в Транскавказскую <область>. Визит к вице-губернатору, который пригласил меня на обед, от чего я все-таки должен был с благодарностью отказаться, ибо уже вчера был приглашен директором гимназии Заставским. Во второй половине дня у генерала Бриземанна.

22 ноября. Я получил наконец кипу статистических сведений о губернии. Султан передал мне для просмотра пару рукописных фрагментов.

23 ноября. Начал выписки из статистических сведений.

27 ноября. Отправился пешком в город. У вице-губернатора и генерала Бриземанна.

28 ноября. Профессор Нордман снова отправился в путь со своим спутником Деллингером.

29 ноября. Я отправился с визитом к Султану и вице-губернатору.

Декабрь 1836 г.

2 декабря. Наконец я закончил выписки из статистических сведений.

3 декабря. У губернатора, чтобы получить подорожную. Он пригласил меня на обед. У Заставского я получил персидский Новый Завет в обмен на французское издание путешествия Клапрота.

8 декабря. Я отослал по почте в адрес Академии ящик с книгами и бумагами. Среди них больше тех, которые Стевен с необычайной щедростью подарил часть мне, часть Академии. Во второй половине дня <я отправился> в город; там я посетил генерала Бриземанна — он обещал мне рекомендательное письмо к бывшему полицмейстеру Делаферре в Карасу-базаре. Вице-губернатор прислал мне обещан-

ную таблицу численности населения губернии; но она оказалась короче и менее полной, чем я ожидал, поскольку в нее была включена только мужская часть населения, и то в самом общем виде.

9 декабря. Вечер у Мюльхаузена.

11 декабря. В город, чтобы нанести последние прощальные визиты.

14 декабря. Наконец пришло время покинуть дом Стевена, для меня всегда незабываемый. Пока запрягали лошадей, я побывал еще у одного благодетеля, генерала Бриземанна, от которого я получил письмо к теперь уже отставному полицмейстеру Делаферре. В половине двенадцатого я оставил Симферополь. Вторая половина дня в Суе; <затем> продолжил путешествие в Карасу-базар.

15 декабря. Отправился искать штатс-лекаря Бётлингга, к которому у меня было письмо от Стевена. Я не застал его дома. То же самое случилось и с Делаферре.

16 декабря. Я оставил письмо для бывшего полицмейстера. В здешнем армянском католическом монастыре у отца Мины — одного их «мхитаристов» из Венеции — я занимался турецко-русско-французско-армянским лексиконом. Татарского муллы, который, как говорят, лучше всех знает и русский язык и чей адрес мне дали еще в Симферополе, сейчас нет в городе. У него также должны быть рукописные хроники, *tewarich*, или хотя бы он должен знать о них. По утверждению отца Мины, такие рукописи должны находиться преимущественно у татарских мурз в Крыму. Здесь в городе, говорят, общая численность населения была после переписи 12000 (обоих полов), а с приезжими — до 15000; это большей частью татары, греки, евреи; мало русских, также цыган и армян, как католиков, так и григориан. И те и другие имеют собственную церковь, вдобавок 1 греческая и 1 русская церковь, кроме 22 татарских мечетей. Служат лишь в 20 мечетях. Самая лучшая и большая из них — на восточной стороне, Хандехама, построенная 130 лет назад и названная в честь какого-то хана. Армяне, равно как и другие, не превосходят их как в незнании, недостатке разума, так и в отношении к просвещению. Однако отец Мина устроил здесь для католических армян 2 школы, которые поддерживаются его общиной, и в них дети учатся читать, писать и считать. То же самое произошло и с григорианскими школами. Татары также имеют 2 медресе и 5 мектеб. Фабрик нет, но есть свечные

мастерские, где льют свечи, и дубильни. Кожа и сафьян, однако, на втором месте после бахчисарайских. Изготавливают особенно хорошие седла для татар.

Обычное <дело> здесь — запирасть женщин, которые не показываются вне дома и незнакомым. Большинство татар имеют лишь одну жену; более зажиточные, однако, две, редко три. Самая младшая имеет самую тяжелую долю, ибо она должна прислуживать старшим. У армян только одна жена. Ее положение там гораздо более тяжелое, скорее всего от такого же большого деспотизма со стороны мужа. Однако жены несут свой жребий терпеливо и без жалоб. Обычай татар отчасти перешли к другим: и у армян также принято, чтобы жених после помолвки до свадьбы не видел невесту. Цыгане, живущие в городе, четко разделены на касты: корзинщики, поводыри медведей и кузнецы — так что они редко женятся на ком-то, кроме своих.

17 декабря. Мой хозяин принес мне копии ханского помилования (письма с помилованием) и привилегий для караимов в Кале; их копированием я и был сегодня занят. Приложенный татарский перевод на более новый диалект помог мне скопировать татарский мулла. Оригиналов, к сожалению, здесь нет, они в Корсове. Они должны быть на старом крымском, который они называют «чаголтай»; теперь некоторые понимают его хуже. Караимы, должно быть, сначала пришли сюда в Крым с греками из Анатолии во времена Хангупса и Карла. Впоследствии они распространились отсюда дальше; согласно предложению польского короля ханам, они переселились в Польшу, где получили большие привилегии и еще встречаются в разных городах, например в Луцке. Из Польши евреи переселились и сюда. Число караимов во всех странах теперь не превосходит 4000. Их имя от <и^рзб.>. Так я и узнал. Они хорошо знакомы со старым, чистым Моисеевым законом, отклоняя все поздние выкладки, как, например, Талмуд и Мишна.

19 декабря. Чтобы познакомиться с татарским языком, сегодня я снова продолжил свои занятия по сравнению текстов Евангелия от Матфея, прерванные из-за переезда из Магарача. Мулла вернулся, но сказал, что он не знает никаких хроник, которые, он думает, в наши дни совершенно утрачены. Поскольку он не выполнил мое задание и был слаб в русском, то мне не было от него никакой иной пользы, чем та, что я поручил ему переписывать оставшиеся ханские документы.

20 декабря. Прогулка на свежем воздухе. Благодаря большому числу узких кривых улиц и переулков город сильно похож на лабиринт. Что же касается попадающейся грязи, то пешеходу здесь лучше, чем в Симферополе и Бахчисарае, так как по сторонам есть каменные тротуары, хотя весьма неровные. Очень много лавок, огороженные сады, множество кофеен, где по вечерам в пост Рамазан оживленнейшее движение. Одни курят трубки, пьют черный кофе за 5 коп., играют в нарды, другие беседуют, рассказывают, читают вслух сказки из «1001 ночи». Из этих «хане» выделяются две благодаря их прочности и величине, особенно одна, которая до 6 саженей в высоту и со стеной толщиной в полсажени; ее называют Таш-хана. В военные и беспокойные времена она служит убежищем и местом защиты. Еще недавно рассказывали, что 23 армянина спасались в ней от восставших татар, пока не подоспела поддержка русских. Она служит теперь гостиницей для приезжающих путешественников, в особенности торговцев, которые здесь и выставляют свои товары. Татар, как и обычно во всей местности, больше всего уважают благодаря их характеру и отличают перед армянами и в особенности греками, которых считают наихудшими и обычно ненавидят и презирают, так что, если в виде исключения среди них и встречаются редкие хорошие люди, обычно, признавая его достоинства, все же добавляют: «Но он грек». У армян, в особенности у католических, в супружестве царит нерушимая нравственность. Если же говорить о нравственности, то греки в высшей степени распутны. Самые богатые — армяне. Из населения Крыма караимы вместе с татарами — нации, наиболее достойные уважения, — они не всегда участвуют в сделках; но есть и другие — евреи, которые и живут по-разному, — татарские и немецкие. Первые считаются большими обманщиками; последние живут спокойно и упорядоченно. Только очень богатый караим, наиболее зажиточный и уважаемый по всему Крыму, по имени Болович, в последнее время купил себе большой красивый дом. Это тот самый, кого я должен благодарить за названные выше ханские документы, оригиналы которых он обещал мне и впредь. Вечером с семьей моего хозяина визит в военный лагерь на другом берегу реки Карасу, через которую <переброшен> деревянный мост — правда, только для верховых и пешеходов. Это единственная городская река Тенас (не как у Монтандона — Тунас), втекает в городскую черту только ниже города.

21 декабря. Мулла у меня. Во второй половине дня посетил я Ташхану. Это большое четырехугольное здание, содержащее огромное

число лавок, расположенных в два этажа, одна над другой. В середине — большой вместительный внутренний двор с кофейней. Большое пространство, каменный проход, по которому <попадают> к печке на заднем плане, где варят густой черный кофе, маленькую чашку которого продают за 10 к<опеек> с сахаром и за 5 к. без сахара. По обе стороны прохода три аккуратно сделанные деревянные решетки отделяют квадратные помещения, в которые поднимаешься по маленькой лесенке. В каждом находится маленький круглый стол для игроков и подле него круглая этажерка, на ней горящие угли для обогрева и для курящих. Пожилые татары сидели и играли в преферанс; проигрывавший должен был поставить своим соигрокам по чашке кофе. Другие смотрели или курили; другая, обычная в кофейне игра называется «пангелос».

Вся Таш-хана арендуется за 2500 руб. ежегодно; арендатор сдает в поднаем лавки разным торговцам, которые там держат и продают свои товары. Я намеревался было осмотреть у одного армянина — он называет себя антикваром — собрание минералов, драгоценных камней и монет. Но он сказал, что для него более удобное время утром, и обещал принести все собрание монет ко мне.

22 декабря. Мулла принес последнюю копию и подарил мне очень изящную рукопись турецкого букваря.

24 декабря. Прогулка верхом за пределы города с моим хозяином и его братом и позже с ними в красивое имение Зарачоль, отстоящее от города на две версты, где я очень приятно провел рождественский вечер. Записывал татарские и армянские слова.

27 декабря. Знакомство с пастором Кёлером из Цюрихталя по дороге к Феодосии, куда он пригласил меня и кроме того обещал добыть мне экипаж с лошадьми, оттуда — к Арабатской <стрелке>. Я решил принять это предложение, тем более что у меня не было никакого особенного <занятия> в Феодосии, через которую идет сия почтовая дорога; но для меня сделали большой крюк. Вечером поездка верхом к караиму Боловичу за город на другой берег реки; здесь он живет на горе в большом доме в 24 комнаты, напоминающем замок. Это был дворец, возведенный для императрицы Екатерины, но в другом месте; позже он был перенесен сюда, на красиво расположенное место.

28 декабря. Прощальный визит к мулле Абдул-Зелифу-эфенди.

30 декабря. В 2 часа дня я наконец отъехал. Дорога та же, что и летом, до реки Мокрая Яндоль за Бурундуцкой, где я свернул налево <и направился> вниз вдоль этой же реки; в сумерках прибыл к пастору Кёлеру в немецкую колонию Цюрихталь. Она лежит в 35 верстах от Карасу-базара возле вышеназванной реки, на возвышенности, на татарском Джейлау; это приблизительно 35 верст от Феодосии и по крайней мере 10 верст от Круиспки (не 5, как у Монгандона). Церковь не реформирована, без евангелического лютеранства. Первые сорок семей, осевших здесь в колонии, были, как говорит название Цюрихталь, из Швейцарии, и весьма реформированные. Позже население умножилось за счет переехавших сюда вюртембергцев из Молочной, и их численность теперь составляет 74 дома.

Местность называется Швейцердорф, в противоположность Хайльбронну, частью населенному немцами, — он зовется Швабедорф. Два фонтана в верхней и нижней деревнях. Главный промысел — земледелие. В особенности <морозоустойчивая> озимая пшеница <дает> в среднем урожай в 8 раз, в хорошие годы в 15–20 раз больше <посева>. Кроме этого сеют яровую пшеницу, ячмень, овес и пшено. Животноводство обычное, без улучшения. Имеются огороды, развивается виноградарство. И пчеловодство. Лучший мед во всем Крыму в татарском селе Османчик, недалеко отсюда в горах. Поля ничем не удобряют. Дочернее селение Хайльбронн по-татарски называется Утемичели и лежит у Куру-Яндоли, в 4,5 верстах отсюда у источника, который летом остается свежим и прохладным, а зимой вода в нем теплая. В селе есть церковь, но так как оно является филиалом здешнего, священника нет. Лишь 11 домов и около 100 жителей. Почва глинистая и «хрящеватая», но достаточно и чернозема.

Излишки земледелия, животноводства и овощеводства продаются в Феодосию. В 1823–24 гг. земля была опустошена саранчой. В Цюрихтале и Хайльбронне пригодной к употреблению земли всего 2957, а неиспользованной 314–3271 десятина. Прежде у каждой семьи в наделе было 25 десятин, позже прибавилось 401, так что на каждую семью приходится 30 <дес.> черноземного пастбища, сенокоса и леса 685 десятин. Свое вино продают по 2,5–5 руб. за ведро. Четыре семьи виноградарей в Отусе имеют 20 виноградников и фруктовые сады на 32 десятинах. Херценберг <находится> в 3 верстах от Феодосии со стороны городской пашни, основан феодосийским городским головой Тельпю в 1816 году имел 20 десятин; 5 хозяйств, 25 душ мужского пола. Болгарская колония Нисехлар в 25 верстах от Феодосии занимается предпочтительно земледелием (из описания Фадеева от

1 июня 1825 г.). Крымские колонии основаны в 1804 г. в соответствии с всемилостивейше утвержденными представлениями Министерства внутренних дел от 20 и 23 февраля 1804 г.; в них сказано, что 1) в каждой колонии должно иметь бесплатно до 60 дес. на каждое хозяйство. За исключением горной части Крыма, там должны устанавливаться свои правила наделения землей; 2) в окрестностях Феодосии и во всей гористой части Таврии должно селить виноградарей и искусных садоводов. Для чего следует рассматривать государственные земли, если таковые имеются, или приобретать земли в достаточном количестве. На каждую семью 20 дес. В случае если нашлись земледельцы, желающие жить в Крыму, их предпочтительно селить колонией около Моложки в соседстве с меннонитами. В результате этого поселились колониями: 1) немцы: а) в округе Симферополя — 4 колонии; б) в округе Феодосии — две и, кроме того, здесь же 10 семейств виноградарей в долине Судака, 4 в Отусской и 5 около города Феодосии со стороны городской пашни; 2) 2 колонии болгар в окрестностях Феодосии; 3) 1 греческая колония в окрестностях Симферополя. В общем, 9 разных колоний, 2 в горных долинах и одна со стороны городской пашни. Земли для них выделены из государственных, только для колонии Розенталь в симферопольской округе и для виноградарей в Судакской и Отусской долинах; для всех других они были выкуплены государством у частных владельцев на основании Всемилостивейшего рескрипта от 24 ноября 1804 г. таврического гражданского губернатора. Каждый выделенный или купленный надел заселялся иностранными колонистами-эмигрантами. Вот почему крымские колонии расположились так: 1) греческая Балточокрак — в 20 верстах от столицы губернии; 2) немецкая Кроненталь — в двух верстах от первой; 3) немецкая Нойзац — в окрестностях Симферополя; Фриденталь и Розенталь — в 45 верстах от Кроненталья; 4) в окрестностях Феодосии немецкие колонии Цюрихталь и Хайльбронн — в 50 верстах от Нойзац; 5) болгарская Кишляр — в 12 верстах от Цюрихталя; 6) болгарская Старый Крым — в 10 верстах от Кизляра; 7) Колония виноградарей в долине Судака — в 30 верстах от Старого Крыма; 8) колония виноградарей в Отусской долине — в 20 верстах от Судака, оттуда до Симферополя 120 верст. Всех колоний округа 325 версты. В 1825 г. они имели:

ЭКСПЕДИЦИЯ А.М. ШЁГРЕНА НА КАВКАЗ И В КРЫМ

		ХОЗЯЙСТВ	М.П.	Ж.П.	ОБОИХ ПОЛОВ	ЛОШАДЕЙ	РОГАТОГО СКОТА	ОВЕЦ	ВОДНЫХ ПТИЦ	ПЛУГОВ
немцы	Нойзац	38	140	108	243	91	364	—	1	32
	Фриденталь	28	110	84	194	87	395	—	—	28
	Розенталь	59	164	125	289	65	428	—	1	41
	Кроненталь	55	138	111	249	40	215	975	—	40
гре<чес-кая>	Балточокрак	13	42	35	77	4	28	400	—	2
немцы	Цюрихталь	74	176	165	341	112	721	1350	1	40
	Хайльбронн	41	110	101	24	63	367	101	—	30
	Херценберг	5	25	23	48	—	21	—	—	—
Сады и ви-поградники	Судак	10	31	37	68	9	111	—	—	2
	Отус	4	9	7	14	2	24	—	—	1
болгары	Кизляр	99	361	311	672	188	360	7135	1	44
	Ст.Крым	46	143	140	283	21	392	2041	1	16
Итого		490	1449	1244	2694	702	3849	12911	5	296

	борон	повозок	ткацк. станков	фрукт. деревьев в садах	виноград-ных лоз	ульев
Нойзац	34	38	2	1183	96	62
Фриденталь	29	31	—	1409	—	20
Розенталь	11	53	1	447	22	—
Кроненталь	50	12	—	1041	29490	—
Балточокрак	2	2	—	74	—	12
Цюрихталь	45	84	—	1209	—	17
Хайльбронн	29	41	1	1861	—	20
Херценберг	—	3	—	414	—	—
Судак	—	13	—	619	51619	—
Отус	—	14	—	470	19389	—
Кизляр	140	133	94	1440	3200	10
Ст.Крым	43	58	55	—	—	9
Итого	381	472	154	10159	97948	144

Нойзац, Фриденталь и Розенталь между Симферополем и Карасу-базаром — в 20 верстах от каждого из них. Фриденталь — в 1-й и Ро-зенталь — в 4 верстах от Нойзаца. Первые около Чокуртской <поч-товой станции>, последняя у Брунатской. Продают картофель и

масло в Симферополь, Карасу-базар и Севастополь. Очень пострадали в отношении урожая и садоводства от саранчи. Всего 3128 хозяев. Кроненталь находится между Симферополем, Бахчисараем, Севастополем и Козловом. От первых двух — 20, от последних — 35 верст, основана в 1810 г. Бороздиным. Землю купил за 5 р. десятина. 55 хозяев. Почва обычно глинистая, каменистая, «хрящеватая» и бедная, почти совсем нет чернозема и луговой земли, самая плохая пашня во всем Крыму, и потому вначале — самая бедная немецкая колония, где жители должны были влачить нищенское существование. Однако местность хороша для разведения винограда и овец, и теперь уже довольно многие поправили свои дела. Балточокрак — в 20 в<ерстах> от Симферополя и в 10 от Бахчисарая, основана в 1805 г. Земля куплена за 1050 р. — это в основном скалы, камень, «хрящи» и 352 дес. леса. Эти греки прибыли из Анатолии в 1805 г. 22 семьями и поселились колонией на тех же правах, что и иностранные колонисты, но 9 семей в 1818 г. вернулись в Турцию по собственному желанию и с согласия Министра, после выплаты государственных налогов. Из оставшихся 13 семей в колонии только 7 торгуют табаком. Цюрихталь и Хайльбронн — в 4 верстах друг от друга, в 30 верстах от Феодосии и Карасу-базара. Почва глинистая и «хрящеватая», но довольно чернозема, лугов и сельских угодий. 2957 десятин используемой и 314 неиспользуемой земли, соответственно 3271 была куплена в 1805 г. у мурз Ширинских за 1000 дукатов. 115 хозяйств, на каждое — 25 $\frac{18}{23}$ дес. В первые годы жители весьма страдали от болезней, многие умирали. Занимаются животноводством и огородничеством, <избытки> продают в Феодосии. В 1824 и 1829 гг. саранча уничтожила пашни и луга, огороды и кормовые угодья. В 1825 г. они потеряли треть своего скота. Виноградари составили колонию благодаря трудам статского советника Палласа. 10 семей в долине Судака, у подножия Генуэзской крепости, получили землю вразброс для наделов, где можно разбить сады и виноградники, 33 десятины, и отдельный участок чернозема, сенокосных угодий и леса 685 десятин. Почва песчаная, рыхлая, с прослойкой мягкого белого камня. Их исключительный промысел — виноградарство, от которого они уже получают необходимое, хотя он еще полностью не развился. Продают свое вино на месте за 2р. 50 коп. — 5 р. за ведро. Четыре семьи виноградарей поселились колонией в Отусской долине, в 20 верстах от Судака, где они очень мирно живут с татарами. Они получили из государственных земель 32 десятины, на них заложили 20 виноградников и фруктовых садов, просят выделить немного полей и скота на год, когда виноград и фрукты не удаются. Коло-

ния Херценберг, в 3 верстах от Феодосии, основана в 1804 г. для закладки молочной фермы и снабжения города овощами; 5 семей поселились колонией, на 9 десятинах каждая. В 1816 г. они получили по 20 дес., но в 1820 г. их сократили — до 3 дес. на хозяйство. Из-за посягательств горожан им стало невозможно вести хозяйство, почему они подали жалобу. В первой колонии Нойзац используемой земли 3105, неиспользуемой 170, всего 3278 дес. Из используемой <земли> 60 дес. для евангелического пастората в Нойзаце и 60 дес. для католического в Розентале, следовательно, в колониях служащей для использования земли 2935, среди которых 803 дес. леса. Кроненталь: используемой земли 2660, неиспользуемой 752, вместе 3412 дес. Балточокрак: используемой 755, неиспользуемой 75, всего: 890 дес. Среди используемой 33 дес. церковной земли, так что у колонии 923 дес. Кизляр: используемой земли 1535, неиспользуемой 397; всего 1932 дес. Церкви принадлежит 33 и леса 307 дес. Кизляр между Карасу-базаром и Феодосией. 35 верст от первого и 25 верст от последней у Яндоли. Земля куплена у мурз Шяринских в 1805 г. за 10000 руб. 1535 дес. 99 хозяев.

Почва — чернозем, смешанный с глиной. Болгары сплошь земледельцы. Старый Крым у реки с таким же названием основан болгарами, которые приехали сюда в 1810 г. из одесской колонии Большой Баялык по распоряжению Сената и всего получили 1000 дес. у армянского монастыря. Всего 46 семей, по 21 и $\frac{14}{3}$ дес. на каждую; но начались ссоры с армянами. Крымским колонистам дается от государства всего 197309 руб. соответ.; на 470 хозяйств по 420 руб. на каждое; так что немного меньше, чем другим колонистам в новой России, для которых это составляет более 600 руб. на каждое хозяйство. Общее число колоний вообще: немецких колоний в Петербургск. губ. 10, в Лифляндии 1, Чернигов — 7, Воронеж — 1, Саратов — 102, Екатеринослав — 21, Таврия — 34, Херсон — 40, Бессарабия — 18, Кавказ — 1, Грузия — 8. Меннонитских в Екатеринославе — 18, Чернигове — 2, Таврии — 39.

Греков в Таврии — 1. Болгар в Херсоне — 6, Таврии — 2, Бессарабии — 60.

Сербов в Херсоне — 1.

Евреев в Херсоне — 9.

Государственные сады: в Екатеринославе — 2, Таврии — 1, Никитский — 1, Ореанда — 1, Одесса — 1, Таганрог — 1, Грузия — 27, Полтава — 1.

Школ садоводства в Бессарабии — 5. Государственных школ виноградарства в Таврии — 1, на Кавказе — 1. Шелковых плантаций на

Кавказе 2, в Грузии 14, в Ереване 4, в других местах 11, в Саратове 1, в Слободовке 2, Киеве 1, Херсоне 3, Таврии 1. Шелков <...> в Грузии 40–42. NB. Эти сведения теперь устарели, а может, и неправильны сами по себе.

Определена зарплата для священника в Цюрихтале: годовая 600 р., на поездки к колонистам в год 48 руб. 60 дес. земли обрабатываются колонистами. Пасторат 6 сажень в длину, 4 в ширину. Дрова от колонистов по потребности. Никакие съестные припасы или сено не назначаются. За исполнение обязанностей <священника>: крещение ребенка 25 коп., конфирмация 1 руб. с человека, венчание 2 руб. с пары, похороны — 50 коп. В 1830 г. в Цюрихтале насчитывалось 67 дворов с 57 хозяевами; 1 отдельно живущая семья. После последней переписи 90 лиц муж. пола, 84 женск. Но в 1830 г. население увеличилось: 147 муж. пола + 137 женск. Работников от 16 до 60 лет — 144. Каменная церковь 8 сажень в длину и 4 в ширину, построена в 1820 г. Хайльбронн — 38 дворов, 38 хозяев, 5 отдельно живущих семей 87 муж. пола + 72 женск., после переписи: 191 муж. пола + 109 женск. Работников 111. Церковь каменная 8 сажень в длину и 4 в ширину, построена в 1823 г. Судак с 12 дворами, 12 хозяев, после переписи 27 муж. + 28 женск. 1830 г.: 38 муж. + 38 женск., работников 30. Молитвенный дом каменный 6 × 4 саж., учрежден в 1825 г. для них старым безработным генуэзским капелланом. Херценберг, Бехай и Резенлайберг имеют теперь (1836–1837) хозяйства, которые должны быть отмечены в различных таблицах, касающихся самого современного положения этого собрания, где основали 10 хозяйств. Животноводство там и в Судаке <представлено> сотней.

Розентальские колонисты все католики. <Их колония> до сих пор — центр для католического священника, который посещает обращенных в католическую веру в других колониях. После Розенталя большинство — в Кронентале, там половина католики. В других лишь несколько католиков, их совсем нет в Хайльбронне, и только в смысле нравственности это собрание отличается от Нойзаца, расположенного около Симферополя; жители там весьма испорченные и часто совершают грубые проступки. Здесь почти нет внебрачных детей. Пьянство не особенно распространено. Улучшению нравственности способствует, без сомнения, достаточно изолированное положение этого сообщества в сельской местности.

31 декабря. Эти заметки — результат моих занятий в Цюрихтале — частью по более старым записям, частью по устным сведениям моего хозяина.

Отдельные замечания о татарах. Татары в Крыму разделяются на горных, степных и просто татар. Первые, горные, говорят на языке, который ближе всего к турецкому. По их собственным преданиям, они смешались с греками, как и те, что смешаны с турками. Обычно их лица очень красивые. Очень изящные ступни ног. В городах, особенно в Бахчисарае, по-татарски говорят довольно чисто, там лучше <сохранились> особенности турецкого языка. Гораздо сильнее отличается язык сельских, или степных, татар — своеобразный переход к весьма отличному от этого диалекту, ногайскому, вне самого полуострова от Перекопа и от Днепра к востоку в Екатеринославской губ. Среди степных татар также насчитывают много ветвей. Живущих за Перекопом крымцы называют чунгарами или чунганами; это наименование, возможно, связано с именем Чоонгар, чтобы намекнуть на смешение их с монголами. Согласно утверждению учителя ногайского языка, это, собственно, Чонгар, что подтверждает эту связь еще больше. В остальном он считает, что это наименование употребляется не к перекопским татарам, но к жителям степи между Керчью и Феодосией (Кафа). Татары около Айле, живущие за Козловом по направлению к Перекопу, называются «торгаили», от татарского «меньший, узкий». Название «чунгары» употребляется у ногайцев в окрестностях Мелитополя. От этих татар не отличаются те, кто живет за Перекопом, так называемые маазлемен-ногайцы. Между Перекопом и Молочной должны быть и туркмены, и киргизы. Днепр по крайней мере ногайцы называют «Оса» — это и есть татарское название Очакова.

Достойно замечания, что у малороссийского простонародья Екатеринослав называется Половица. Клапрот также подтверждает гипотезу, что ногайцы — это половцы. Согласно тому же учителю нагайского языка, сельские татары Крыма должны называть Перекоп «Ор», принимая во внимание его более высокое положение. У ногайцев этим же названием обозначается степь к северу от Кавказа, и это, собственно, и должно было предполагаться как Ёр. Также у крымских татар бытует мнение, что они пришли сюда из Бухары, и среди ногайцев в округе Мелитополя еще находятся бухарцы. Из Бухары все племя должно было сначала перейти в страну, которую они называют «Эр» (возможно, есть связь с именем элоты), оттуда оно вошло в другую землю, которую они называли Энгиль-Онгуль (возможно, степь в Южной России, между Днепром и Доном, где и сегодня есть еще река Ингул), и оттуда переселились в Крым, который, как сказали в Бахчисарае, прежде назывался Яфил-Ада, или зеленый остров; имя Крым он, вероятно, получил в память о военачальнике. К этимологии имени «татары»

применяют глагол «tartare», «я ташу», случайный выбор из-за незнания настоящей этимологии. Согласно их собственному принятому мнению, нынешний язык уже весьма отличается от старинного, который они называют «чаголтай», некоторые и «чаломтай», без сомнения, искаженное «чагатай». На этом языке, возможно, были записаны и народные песни ногайцев, и подвиги древности, ибо учитель утверждал, что их трудно понять. Если судить по старинным письменным источникам, например, о древних ханах Крыма, то полагают, что старинный язык был приблизительно такой же, как современный татарский в Казани и Сибири, и отличия, таким образом, легко объясняются воздействием турецкого языка в более поздние столетия.

Медлительность и лень — обычная характерная черта всего племени, также и на полуострове; там татары, однако, более отличаются от ногайцев благодаря большей цивилизованности и вместе с тем установленным законом земледелием. При нужде и потребности живущие там татары — довольно усердные и аккуратные работники, но только на короткое время, пока они на мгновение не получают облегчения; после этого они снова будут спокойно наслаждаться жизнью, пока это возможно. Все татары — большие курильщики табака. По предписанию Мухаммеда они не пьют вина, только свежий виноградный сок. Зато они не пренебрегают водкой, хотя их нельзя назвать пьяницами.

Январь 1837 г.

1 января. Посетил богослужение в маленькой церкви колонии. Так как она первоначально была реформирована, в ней еще нет никакого алтаря, а на его месте перед кафедрой проповедника, поставленной в глубине, есть круглый каменный столб с доской наверху. Наряды обычные немецкие, синие или серые длинные кафтаны, иногда короткие куртки. Женщины в простых платьях и кофтах из хлопчатобумажной ткани, с платками на головах.

2 января. Заключил контракт с Иоганном Аберне, чтобы доехать до Молочной за 13 руб. сер<ебра> на 3 лошадей. Через 4,5 версты мы проехали дочернюю колонию Хайльбронн, которая в стороне справа, и через 20 верст прибыли в большое татарское село Кулиш-Мечеть. Затем за ним вниз пошла обычная плоская степь. Только одно татарское село Тулумчак в стороне налево близ Арабата, туда мы приехали около полуночи. Село состоит примерно из 10 дворов, арендаторы которых первоначально происходили из Полтавской и других губер-

ний Южной России и сначала были приписаны как горожане в Феодосии, откуда они переехали сюда и занимаются земледелием и животноводством.

3 января. Мы выехали перед рассветом; я не смог осмотреть здешнюю древнюю турецкую крепость, предоставленную разрушению. Направились к почтовой станции Власовская — кордону только для тех, кто едет по берегу; отсюда казарма и другой кордон до Чактырской станции. В следующей гостинице хорошая вода, отсюда татарское название места Чограк («ключ»). В самом колодце на всей косе — Арабатская стрелка — самая лучшая вода.

4 января. Отсюда насчитывают 30–31 версту до Тонки <Тонкóв>; вся длина косы, как говорят, составляет 107 верст, да и крестьянство насчитывает только 110 человек. На последнем перегоне не встретилось ни хутора, ни казарм или другого места для жилья. Возле селения Тонки на барже переезжают через устье Сиваша, или Гнилого моря, в Азовское. Тонки состоят, приблизительно из 100 дворов и 1 церкви, две-три лавки с мелочным товаром имеют то преимущество, что расположены на возвышенности. Я нанес визит надзирателю за соляными работами в этом крае полковнику Заливтову. Соль здесь собирается со всей округи в 15 верст, находящейся на самой косе станции Геничи в 17 верстах благодаря гарантиям безопасности для татар, которым в этот год платят по 6 коп. за пуд, так чтобы они могли доставить 6-й пуд бесплатно. Государство снабжает их материалами — это доски и лопаты. В старинные времена в год добывали соли до 1–1,5 млн пудов и более; но в последнее время количество ее уменьшилось, тем более что жители в тяжелые годы большей частью лишились своих лошадей. В последний год добыча составила лишь 800000 и 900000 пудов. И должно заметить, что соль постепенно потеряла высокое качество и чистоту. Возможно, это произошло оттого, что соленое озеро лежит в глубокой ложбине и через нее сильные порывы ветра заносят сюда песок и грязь.

Около 4 часов дня я выехал, проехал село Искул и заночевал в Герхи, по-татарски Ялау-Сагач, маленьком селении, всего из 3 домов, среди которых и почтовая станция.

5 января. После хутора проехали мы трактир возле балки; его название по-татарски Озис Отлук. Около дороги высокий курган, который также носит имя Азиза — он, должно быть, был значительным человеком. Другая, гораздо большая расселина, дальше впереди и

около Якимо<в>ки, носит имя Орта Отлук, <у них?> общая долина. Якимовка — основанное только пару лет назад село, половина жителей которого — духоборцы, снова обращенные в православие, а половина — переехавшие сюда мордвины. Также вокруг Перекопа во владениях Старой Пристани есть село мордвинов. От Якимовки путь более холмистый до Ново-Александровского, или Кизляра, большого села в 350 дворов и потому предназначенного стать новым <уездным> городом.

6 января. Мы проехали через духоборское село Терпение и через реку Молочная (перевод с татарского «Sud») в первую меннонитскую колонию Алтенау и оттуда к нашему месту назначения, Орлов, куда у меня было рекомендательное письмо от Стевена к уважаемому меннониту Юл. Корнигу. Он пополнил мои собрания, сделанные еще в Симферополе, копией нового описания ногайцев и сочинением о живущих в этой местности молоканах.

7 января. Корниг проводил меня к ногайцам, пришедшим в хорошее цивилизованное положение благодаря его собственному неутомимому попечению о своих соседях-ногайцах. Теперь колония Акерум состоит из 36 домов, 22 из которых были построены в прошлом и остальные 14 в этом году по образцу меннонитских домов симметрично по обеим сторонам улиц. Дома <стоят> друг против друга на равном расстоянии и равным образом за ними <располагаются> все пристройки, так что уже с первого взгляда понимаешь, что едешь по немецкому, а никак не ногайскому селу. Проехав все село, мой провожатый привез меня к старшему учителю Тимеру Мантутову из рода Мантут, красивому молодому человеку, который должен способствовать новой реформе среди своих соотечественников, прежде всего чтобы она продолжалась под отеческим руководством Корнига и далее.

Его дом из обожженного кирпича — один из лучших, замечательнейших и красивейших в селе. По обе стороны прихожей — небольшая избушка с комнатой внутри и белой печью; по обычаю меннонитов она топится извне, из кухни в середине всего дома. Много окон украшают помещение, в котором уже есть стол и стулья. Кругом деревянный диван с нависающими матерчатыми коврами, но такой же высоты, как и стулья, а не как у татар, ближе к полу. У хозяина находился и его <помощник?> Кокан Акерман, пожилой человек, прежде бывший конюхом у последнего ногайского хана около Аккермана в Бессарабии. Старший учитель вчера был приглашен Корнигом в Орлов

и отправился туда; и ему было дано задание выехать по соседству и разыскать рукопись (tewarich), которую Корниг сам недавно видел. Владелец ее умер после <встречи с Корнигом>, и его сын утверждает, что теперь <осталась> только половина толстого, объемистого манускрипта. Однако он сказал, что на данный момент не может его найти. Корниг пообещал еще разузнать <об этом>. Затем и Тимер также обещал послать <за рукописями> в другое место, и если удастся, что-то привезти самому. По моей просьбе обещали позаботиться, чтобы собирались и записывались национальные песни и пословицы. В связи с рукописью (tewarich) я задал ногайцам вопросы об их традициях, <древних> судьбах, расселении и положении, о чем, вероятно, не могло не сохраниться достаточно сведений, но они ответили, что все это подробно записано в их tewarich. У их кадия Элиаса-эфенди, живущего в окрестностях Ногайска, также должен быть экземпляр. Между тем я мог заметить, в особенности из более позднего ответа мужчины и его разговора, что их интересуют даже далекие страны и народы. Из чего снова можно заключить, что ногайцы в старые времена, должно быть, с легкостью достигали разных стран. Поэтому он рассказал о Лехе (Польша) и Топке (Литва); об отношениях предков обоих народов с ними у них бытуют всяческие непонятные и, конечно, запутанные предания. Они имеют представление также и о шведах — как о народе, так и о королевстве. Народ, который они называют лол<?>, кажется, означает венгров. Южных татар они называют таткэ. Корниг убежден по своему многолетнему опыту, что ногайцы исключительно умны, хитры и коварны, каковые способности, конечно, до сих пор применялись только дурно. Но уже сейчас заметна разница между тем, каковы были ногайцы со времени <появления> здесь первой колонии меннонитов 20–30 лет назад, <и нынешним их состоянием>. Кражи и грабежи, бывшие некогда каждодневным явлением, теперь стали крайне редки, и их цивилизованность быстро развивается во всех отношениях. Их налоги государству составляют ежегодно только до 3–4 руб. с человека. Меннониты вносят 15 коп. за каждого. Вдобавок возделанная земля и так называемые повинности за землю. После двухчасовой остановки в Аккермане мы продолжили путешествие к хутору Корнига в Юшавле. Там все устроено на голландский манер, и есть скотный двор, где много настоящих голландских коров, которых он за большие деньги привез из Москвы. Вместе с транспортировкой одна корова стоила почти 450 руб. (у каждой коровы свое стойло, над которым черная табличка с ее именем), овчарня с 9000 испанскими овцами, среди которых 1500 настоящих мериносов; он сам их выбрал

и купил в Саксонии (каждая овцематка стоила с перевозкой ок. 100 руб., а баран более 160 руб.). Два больших фруктовых сада на 5 десятин.

8 января. После того как я попрощался с моим дружелюбным и в высшей степени достойным уважения хозяином Корнигом, я поехал дальше через меннонитские колонии Лихтенфельд, Нойкирх и Прангенау к меннонитскому хутору Штайнбаху, к владельцу которого, Шмидту, Корниг дал мне рекомендательное письмо. Внешность, как и место постройки, всех меннонитских сел одинакова: каменные дома, кирпичные или деревянные, симметрично поставленные друг против друга, по обе стороны дороги и на равном расстоянии. Промежутки между домами заняты плантациями деревьев, которые в сравнении с лишенной деревьев степью имеют весьма приятный и красивый вид. Дома внутри одинаковы у всех, как у богатых, так и у бедных. Прямо напротив прихожей находится, словно ее продолжение, большая и вместительная кухня, и возле — отверстия голландских кафельных печей, чтобы их можно было растопить из кухни. Солома и навоз — единственное топливо. По обе стороны прихожей пристройка с парой комнат. Возле входа — голландская кафельная печь и по другую сторону от того же входа рядом двери в две меньшие комнаты. В глубине комнаты кровать с занавесом, стол, кресла и стулья, простые, но изящные, хорошо отполированные, собственной работы, и такой же шкаф (частично в стене) или комоды со стеклянными дверцами. В более зажиточных домах или пара зеркал, или изящно установленные стенные часы.

9 января. Я поехал дальше к городу Ногайску, как он называется теперь, после назначения его уездным городом; <ранее> он называли Обиточная — по маленькой речке, около которой он расположен. По дороге проезжаешь два ногайских села: Курсаг и Большой Чеклин, разделенные на несколько частей. Через оба села нас преследовала большая стая собак, и на поле возле селений забавлялась толпа молодых людей, которые наперегонки скакали верхом. Это их обычное времяпрепровождение по праздникам. Некоторые (сын богатого человека) одеты в кафтаны из пурпурно-красной ткани, другие в <одежду> из овечьих шкур. Дома и дворы обнесены высокими земляными валами. Чеклин лежит всего в 8 верстах от города, и в степи между ними большие пашни, на которых ногайцы выращивают пшеницу, ячмень и основной для них злак — просо; вместе с кониной это их самая лучшая и любимая еда.

10 января. Вечером у городничего, немца Бориса Петровича Мисенкампа.

11 января. Городничий прислал мне школьного учителя — татарина, с которым я начал проверять записанные в Карасу-базаре слова сельских татар и их варианты (сам учитель родился в Симферополе) и ногайского диалекта, насколько он смог привыкнуть к нему.

13 января. Поездка с полицмейстером в расположенную в 3 верстах от города, по другую сторону Обиточной, слободу с таким же названием; там мы сначала отстояли службу и позже были на завтраке у графа Орлова-Денисова; управляющий — отставной капитан Николай Дмитриевич Дмитриев.

16 января. Я закончил сегодня работу с татарским учителем Абдерресимом Богданинским. Вечером он был у меня со своим товарищем по дому фельдшером Эль-Мурзой, по рождению ногайцем.

17 января. Сегодня я начал работать с этим ногайцем. К сожалению, он не изучал грамматику, так что, возможно, дело пойдет несколько медленнее и труднее.

24 января. Закончил свою работу над ногайским приложением с Эль-Мурзой.

25 января. Вместе с Абдерресимом съездил к ногайскому кадию. Дорога, ведущая в Крым, — большая дорога, с ее стороны городская земля простирается на 6 верст. С той же стороны есть хутор, принадлежащий брату Корнига — единственное жилое место до ногайского аула Аписильгод, где находится и почтовая станция. Перед этим аулом проезжаешь ручей, который мой возчик назвал Головаткой. Через большое расстояние впереди возле ручья есть поворот направо к 2 ногайским аулам Ойматхут. В более дальнем ауле — меньше, чем в одной версте от Акчинской волости — около другой почтовой станции живет кадий Элиас-эфенди. Он показал нам только несколько разрозненных фрагментов различных «теварихов» и сказал, что у него самого нет ничего более обширного; однако он не желал уступать их, но обещал со временем послать их позже, когда сможет сделать для себя копию. Об оплате не должно быть вопросов, но на будущее: будет ли он передавать их на собственное рассмотрение Академии. Он намеревался разыскивать полные хроники еще и в Крыму, куда

он вскоре должен поехать по делам службы, и со временем известит об этом.

26 января. Прощание у полицмейстера, так как сегодня он уехал в Екатеринослав. Я предложил ему отправиться в путь вместе, но он еще не был готов <к отъезду>.

27 января. Река Обиточная ночью так разлилась, что не было никакой возможности через нее переправиться. Жаль, однако, что я не уехал вчера; теперь должен отложить отъезд на неопределенное время.

30 января. В полдесятого я наконец отправился в путь. Дорога до Бердянска — открытая степь; здесь и там только так называемые балки. В 3 верстах от города проехали уже упомянутую выше реку, и позже, к концу, ногайский аул Кутур-оглу возле маленькой речки Кучу-Бердянка, что значит Маленькая Бердянка. Приехав в Бердянск, я пошел разыскивать итальянского купца Антонио Зино. Он дал мне адреса квартиры и знакомых в Мариуполе и в особенности в Таганроге, где прежде жил сам. Вечером пошел я к надзирателю. Он не так давно открыл в пригороде новую греческую гавань. По его сведениям, в городе примерно 500 домов и 3000 жителей, в том числе русских, но из различных сект до 300 раскольников, которые снова обособляются; 5 евреев и только один немец-садовник в государственном фруктовом саду. В саду только 12 десятин. Засажен он преимущественно деревьями: акации, тополя, яблони и сливы, и через пару лет там будет более чем 2000 виноградных лоз. Сам город имеет до 8000 десятин земли, из которой, однако, используется лишь половина, расположенная на противоположной степной стороне. Этот город лежит на песчаном берегу в предгорьях. И земля там хотя и неплодородна, но отличается здоровым, сухим местоположением и прекрасной чистой водой. До сих пор главный промысел города — земледелие и богатая рыбная ловля. Благодаря отличному расположению гавани есть перспективы будущей выгодной торговли. Сейчас здесь только единственная и плохая мелочная лавка, которую содержит армянин из Ногайска. Поехал дальше.

31 января. Дорога по высокому берегу Берды до того места, где на половине пути она опускается у двух высоких курганов и ногайского аула Работий, после чего постепенно снова оставляешь Берду, пока не проезжаешь ее же между вюртембергской колонией Нойе Хофф-

нунг и русским селом Новоспасовка — первым селением Екатеринославской губернии, которую река Берда отделяет от Таврической. В Нойе Хоффнунг живут 50 хозяев, и это больше, чем в трех остальных колониях Нойхоффуннготаль, Розенфельд и Нойе Штутгарт. Все вместе они составляют пиетистское сообщество, члены которого здесь ожидают начала 1000-летнего царства в 1896 году! Они знают самые лучшие приемы земледелия и животноводства, хотя в последнее, как я слышал, многими не уважаемое время некоторые ради скорого пришествия Нашего Господа уже заранее отказались от имущества, которое давало им средства к жизни. Большой частью возделываются рожь и пшеница, а также ячмень и овес. Впрочем, кажется, народ простой, честный, спокойный и добросердечный. Внешность их между тем небрежная и неопрятная, нет той опрятности и просто-го изящества, как у меннонитов. От Новоспасовки почти все время ровная степь до станции Камышеватка, стоящей отдельно.

Февраль 1837 г.

1 февраля. По дороге к городу Мариуполю несколько большее разнообразие речек и холмов. На одном таком холме, в 10 верстах от станции, крупная слобода Мангуш. Мариуполь несколько больше по размерам, <чем слобода>, но, принимая во внимание способ постройки, Мангуш — это небольшой город с 5 церквями. Жители большей частью греки, немного русских и иностранцев. Все греки, живущие здесь в округе и в Мариуполе, говорят по-татарски, и Бога они также называют обычно Аллахом. Город расположен возле поворота Кальчика. Недалеко отсюда Кальминг впадает в море. Через 3 версты проезжаешь реку, после чего следует скучная, однообразная местность с единственным невысоким холмом. На станции Безымянская, стоящей уединенно, меня удивили уменьшенные прогоны. Мне объяснили, что это потому, что я нахожусь в области донских казаков. Оттуда на санях — до маленького господского села Шурупова у небольшого ручья Яланчик; с этого места снег снова начал таять, так что в Воробьевой снова потребовалась телега. Так приехал я в Горькую, отдельно стоящую станцию. Дорога туда — плоская степь лишь с господскими селами Сидоринка и Котломина, они около ручья Яланчик.

2 февраля. Вначале пустая, плоская и ровная степь, позже <разнообразенная> хижинами и пашнями. Около города проезжаешь по льду Миус около маленькой деревни; и до обеда я оказался в Таганроге,

городе, отличном от всех, что я видел в последнее время, — с широкими улицами и красивыми двухэтажными домами. Во второй половине дня я разыскал аптекаря Эльсинга, старого, образованного, достойного уважения человека, который уже к вечеру подарил мне несколько калмыцких манускриптов, а также печатную книгу, как и печатный арабский катехизис.

3 февраля. Эльсинг пришел ко мне и подарил мне еще новый термометр и пару экземпляров видов таганрогской возвышенности. После этого он представил меня английскому консулу Вильяму Джеймсу.

4 февраля. В первой половине дня посещение вместе с Эльсингом прежнего директора гимназии. Обед у градоначальника барона Франка. Вечер у Эльсинга.

5 февраля. Утром я посетил дом, где император Александр во время своего последнего пребывания жил со своей супругой и умер. Половина, которую они занимали, теперь превращена в часовню, но остальная часть дома — большой зал и 7 комнат — все еще находятся в том же состоянии, как и тогда, когда здесь жил покойный император (кроме того, что часть мебели была увезена в Петербург). Обед у Эльсинга. Во второй половине дня поездка в крепость. Там есть две греко-русские церкви; третья главная русская церковь (собор) находится в самом городе, как и 2 греческие церкви, так что здесь, кроме упомянутой часовни, всего шесть церквей. В городе перед собором — бронзовый памятник: на пьедестале из финского гранита покойный император стоит с непокрытой головой; у него под ногами французский орел и в руках свиток.

6 февраля. Прощальный визит к Джеймсу в крепость. У губернатора, который внушил мне надежду скоро получить испрошенные мной статистические сведения. Обед у Эльсинга. Он подарил мне из своего маленького нового собрания все восточное, что у него было, и признался, что помимо того выбрал кое-что еще.

7 февраля. Прощальный визит к губернатору. Он обещал мне сведения об этом городе к утру; и после моего отъезда он пошлет мне другие во Владикавказ. С Эльсингом в театре. Театр здесь постоянный, русский, и играет два раза в неделю. В целом заслуживает похвалы; также весьма хороша музыка. В остальном русские по сравнению с основной массой греков составляют в городе меньшинство. Кроме

того, итальянцы, меньше немцев, французов и евреев. В последний год число приезжающих — около 300. Таможенный доход от ввозимых товаров составил 2,5 млн руб. Самые лучшие экспортные товары — зерновые, морские снасти и сибирское железо; ввозятся вина, оливковое масло, фрукты и другие колониальные товары.

8 февраля. Эльсинг пришел ко мне еще до отъезда, который наконец случился к полудню. От губернатора я получил заметки об этом городе. После того как съезжаешь с высокого «языка земли», на котором расположен город, снова везде ровная, плоская местность. Первая станция в малороссийском селе Самбек, возле реки с таким же названием. Оттуда пашни до Мокрого Чулека. Уже на полдороге — село Чулек у ручья Чувата.

Чулек течет в глубокой долине, и другие ручьи текут под гору <в своих долинах>. От Чулека ехал я на санях; маленькое село Синевская у Мокрого Чулека; еще одну маленькую речку назвали Красной Яр. Мокрый Чалтырь — большое село, населенное армянами. Переправа через Темерлык. В армянский город Нахичевань я приехал поздно.

9 февраля. С учителем местной школы Тиграняном, или, на русский манер, Тиграновым, у армянского священника, который, как полагаю, имеет манускрипты. Но у него были только богословские, среди них старый на пергаменте «Занятия Кирилла», который, как он утверждает, много отклоняется от печатного; однако очень трудный и для расшифровки, и для понимания. Вообще он утверждал, что армяне, живущие и здесь, и в Астрахани (а в Тифлисе дело <обстоит> наоборот), не имеют никаких исторических памятников. Эчмиадзин, Акнат и Таисафар. Только в монастыре у Елизаветполя можно найти исторические манускрипты. Позже в армянской школе, состоящей из 3 классов; ок. 110 учеников, которые обучаются армянскому и русскому языку, письму, счету и географии. Тигранов показал мне один манускрипт армянской грамматики на французском, который он начал переписывать, чтобы участвовать в конкурсе на Демидовскую премию. Он сам получил образование в Саратовском институте <?> в Москве и там в 1834 г. напечатал армянский перевод Расиновой «Аталии»*. О Нахичевани я в основном прибавляю к замечаниям Хасселя на стр. 610, что здесь есть 5 церквей, одна из которых вне города. Население — все армяне, богатые или просто зажиточные, так что не найдешь ни одного нищего. Весь большой ба-

* Пьеса Ж. Расина «Афалия» (1691).

зар окружен огромным количеством лавок. Винокуренный завод, изгот<овляющий> водку, пущен в ход; шелководство небольшое, но не незначительное. От 20 тыс. шелковиц едва находятся следы; странно, что город должен быть (согласно Хасселю) подвержен наводнениям, в то время как он лежит на возвышенности, так что оттуда открывается обширный вид вдаль за Дон. В монастыре архимандрит; епископ живет в пригороде; подчиняется Кишиневу. Сначала здесь был один епископ, в свое время патриарх города. Типография теперь пущена в ход. К вечеру поехал я к Ростову. Я проехал ниже старой обширной крепости. Описание Хасселя в общем довольно правильное, кроме того, что число жителей и домов больше. Среди них нет греков, но много евреев. Нет никакой корабельной верфи. Город — склад для всевозможного сибирского железа, равно и для материалов отсюда же для флота. Бомбы, гранаты, пули. Расположенный рядом Азов — теперь бедная деревня с 40–50 домами жителей, сплошных негодяев.

10 февраля. Дорога к Змиевской — впереди расплывающаяся плоскость, степь или пашня. Маленький ручей и несколько курганов — единственные предметы, приносящие перемены. В Змиевской я снова оказался на большой Московской дороге, по которой осенью 1835 г. я ехал в Грузию. От Батайской, кажется, больше никакого снега. Погода теплая и мягкая, как в весенний день. Я переночевал на постоялом дворе около Мечетинской станции, название которой свидетельствует о древних мусульманских жителях (Мечеть), хотя мой хозяин не мог рассказать никаких преданий.

11 февраля. Я доехал до Ликника.

12 февраля. Я проехал только три станции до Безопасной на повозке.

13 февраля. Я должен был все еще трястись на повозке к станции Московская, перед которой снег наконец воцарился на высоком гористом месте, куда поднимаешься. Приезд в Ставрополь.

14 февраля. Визит к генералу Вельяминову. На мою просьбу о новых статистических сведениях об области он сказал, что в собранном виде нет ничего такого. О численности населения, согласно последней переписи, он обещал сообщить мне через несколько дней. Весьма учтивый, мы беседовали об изучении языков и нынешнем направлении, однако он с преувеличенным скептицизмом высказывал предполо-

жения как, например, о санскрите, так и о статистических вопросах здесь: животноводство и разведение овец, виноградарство, шелководство. Также касательно Клапрота он утверждал, что тот не совершил ни одной поездки из Тифлиса и что он не заслуживает ни малейшего доверия. Позже я разыскал здешнего врача Гавриила Петров<ича> Медведева, к которому у меня было письмо от директора Таганрогской гимназии Манне. Когда я выходил от него, то встретил д-ра Майера. Однако знаменитого врача Василия Григорьевича Шлютера я искал напрасно. Позже у полковника Маркеллия Матвеев<ича> Ольшевского — к нему у меня было рекомендательное письмо от Норденстам<м>а. Он принял меня весьма учтиво и просил остаться к чаю. Там я познакомился с титулярным советником Карлом Ивановичем Таушем из Иностранной коллегии, весьма <учтивым> вюртенбержцем. В качестве комиссара он прожил шесть лет среди натухайцев и выучил черкесский язык, на котором бегло изъяснялся, когда призывали двух черкесов из этого же рода. Один из них, говорят, оказывал правительству важные услуги и потому, чтобы избежать преследования соплеменников, был вынужден переехать ближе и теперь живет среди абадзехов. Его чествовали в связи с особой наградой.

15 февраля. Снова у генерала Вельяминова. Он сказал, что направил ко мне директора губернской канцелярии расспросить, собственно, какие статистические сведения я желал бы <получить>. Во второй половине дня к Таушу, чтобы с ним проверить правильность «Заметок о черкесах», которые я везу из Тифлиса. От него к полковнику Горскому — с ним прошлой зимой я познакомился в Тифлисе и там слышал его рассказ о здешнем рукописном древнем описании Кавказа на латыни. Его нельзя было получить сейчас же, поскольку я предполагал уехать утром. <Тауш собирался> скоро приехать в Тифлис, и я попросил его <договориться> с владельцем, чтобы он дал ему это описание <и позволил привезти в Тифлис>, что он и пообещал. Я получил у него другую рукопись о черкесах — Хан-Гирея, урожденного черкеса. Рукопись должна быть отправлена в Тифлис — возможно, там я воспользуюсь ею.

16 февраля. Я оставил Ставрополь, <проехав> на саях до Сергиевского, откуда я должен был следовать на повозке до Залиновки <?>. В Ставрополе две каменные церкви; население вместе с военными (их более половины) предположительно составляет до 10000, все русские, православного вероисповедания, 23 молочан, все-таки обра-

щенных <в православие>, но проживающих здесь недавно. Здесь также находится несколько крещеных евреев, среди торгующих — два грека. Никакой гимназии, только 1 уездная окружная школа. Никаких фабрик; но 6 кожевенных производств, две мыловарни и одна пивоварня.

17 февраля. Я продолжил путешествие на хороших саях. Обед в Сабле. От Александрии переезд в Пятигорск. Дорога идет сначала вверх на возвышенность, которая окружает станицу с юга, и вдоль возвышенного плато и перед Лысой горой соединяется с собственно дорогой от Георгиевска.

18 февраля. У Ленца, у Конради.

19 февраля. У лейтенанта Вас. Дм. Сухомкова. Позже у Конради.

21 февраля. Аптекарь Линдبلاد сопровождал меня в Карас; я поехал туда, чтобы побыть там пару недель и тем временем узнать что-нибудь черкесское у крещеных черкесов, живущих среди колонистов. Я заключил договор с крещеным черкесом, который, как сказали, самый знающий из всех. Его звали Хунтер; он и вправду хитрый, себе на уме, лукавый человек, каким я узнал <его> уже во время переговоров о жилье и питании, за которые я должен платить 4 рубля в сутки! Однако помещение было в таком состоянии, что я не мог тотчас остаться и должен был вернуться в город.

22 февраля. По совету Патерсона я написал письмо черкесскому узденю Шоре Бек-Мурзину, с которым я познакомился в Тифлисе, — он живет в 35 верстах отсюда — и <пригласил> его приехать в Карас, чтобы обучить меня черкесскому языку. Письмо я отвез к Сухомкову и попросил его доставить письмо. Он сказал, что в этот день ожидает другого черкеса из того же аула, с которым и передаст письмо. Вечер у Ленца.

23 февраля. Снова у Сухомкова. <Человек>, которого он ждет, еще не приехал. Посетил прежнего коменданта, назначенного отсюда в Потти. Туда он и пригласил меня следующим летом. Переехал в колонию.

24 февраля. Сегодня я начал заниматься черкесским под руководством <моего> хозяина. По произношению это сложнейший язык <из

тех>, с которым<и> я до сих пор познакомился, особенно богатый свистящими и шипящими звуками. Они к тому же часто соединяются с зубными звуками, из которых многие и происходят.

25 февраля. Из некоторых разысканий я понял, что в отношении грамматики я не должен ожидать ничего большего от моего хозяина, который не имеет о ней никакого понятия. Таким образом, мои занятия должны скоро закончиться, если Шора не приедет. В день перед моим отъездом сам хозяин просил черкеса из того же аула в Пятигорске передать ему привет и сообщить, что профессор, который познакомился с ним в Тифлисе, приехал сюда жить и желает его видеть.

27 февраля. Ответ от Шоры, который получил мое письмо и обещал сегодня приехать. Вечером у пастора Ланге, который подарил мне турецкую картину, напечатанную в Париже в 1827 г. Сегодня Галлоуэй, уже <упоминавшийся> раньше, принес мне экземпляр Нового Завета, отпечатанного в Астрахани для татар, живущих там, и особенно к западу от Волги, как и пару других маленьких трактатов. Визит <ко мне> Патерсона и, к моей великой радости, Шоры.

28 февраля.

Решение о переезде Шоры сюда, так как хозяин обещал за ту же цену снабжать его едой вместе со мной.

Март 1837 г.

1 марта. Все больше разногласий между хозяином и Шорой; первый уверен, что он хорошо знает <родной> язык и без грамматики, что Шора, конечно, считает неправильным. Помимо того, кажется, у последнего несколько мнительный характер.

2 марта. Ногма совсем переехал жить ко мне.

10 марта. С Шорой у Галлоуэя, чтобы посмотреть множество восточных рукописей, из которых только 2 собственно исторические.

12 марта. Сегодня я успел закончить выписки из рукописи Ногмы. Его человек прибыл с лошадьми, после чего Ногма со своими вещами перебрался к Патерсону. Это, как и его сдержанность, свидетельствовало о его недовольстве; и в самом деле, хозяин сказал мне, что

он должен покаяться перед Ногмой, что он без всякой пользы для меня погубил две недели моего времени и что он сомневается, что я буду благодарен ему за это.

13 марта. Позавчера Ногма высказал большое желание купить у Галлоуэя арабско-турецкий словарь, за который тот просил 60 руб. Но Ногма хотел бы дать лишь 40 р. Мне показалось, что вся торговля начата с целью таким образом тонко призвать меня сделать ему подарок. В связи с тем что я вчера услышал от хозяина, я решился на это. Ногма был весьма доволен. После его отъезда я занялся с Хунтером. Вечером был у Патерсона, позже у Галлоуэя и пастора Ланге с прощальным визитом; первый подарил мне еще и персидский перевод Давидовой псалтыри.

14 марта. Утром я снова поехал в город. У доктора Нордманна в Ермоловских банях.

19 марта. Долгая прогулка с д-ром Нордманном. Вечером в окрестностях города была роскошная иллюминация из подожженной прошлогодней травы; так всегда делают в степи, чтобы трава летом росла еще лучше.

21 марта. Прощальные визиты к новому коменданту и к губернатору.

22 марта. Я выехал вместе с моим хозяином, аптекарем Сундбладом, и мы приехали в Георгиевск.

23 марта. Только во второй половине дня я узнал, что «тяжелая почта», с которой я намеревался ехать от Екатеринограда, уже этим утром проехала через город и что я, таким образом, должен ожидать следующего <ее> прихода.

24 марта. Сундблад возвратился.

27 марта. Я выехал и прибыл в Прохладную. В пути видел во многих местах зажженные в степи огни — выжигали старую высохшую траву.

28 марта. Я приехал в Екатериноград, где имел счастье немедленно найти так наз. оказию. «Базарной» должен был приказать тотчас дать мне лошадей. За пределами города моим попутчиком <оказался>

князь Эристов, фенрик Нижегородского драгунского полка в Польше. Нам пришлось более 4 часов ждать оказии — большого государственного транспорта с провиантом и амуницией. К счастью, погода была хорошая, и мы могли радоваться тому, что не проехали дальше Пришиба. Там я вечером еще раз посетил коменданта Черепанова.

29 марта. Приезд в Урух.

30 марта. От Уруха наше общество увеличилось большой группой рекрутов и других путешественников. Обед в Минарете с князем Эристовым. Незадолго до сумерек мы смогли <достигнуть> Ардона.

31 марта. Обычный отдых в Архоне, во второй половине дня вперед к Владикавказу.

Апрель 1837 г.

1 апреля. У коменданта, который пообещал мне <в переводчики> Шукаева и моего прежнего солдата. Грузинский протоиерей пришел ко мне с тем же осетином, который уже помогал мне в Тифлисе. Он был прислан сюда из семинарии на должность учителя; в прошлом сентябре здесь была учреждена новая осетинская школа с двумя классами; в них было около 40 детей, часть осетины, часть русские, которые учатся читать и писать на обоих языках. С ним пришел ко мне инспектор, урожденный грузин. К сожалению, я узнал, что ничего не было сделано с теми моими переводами бесед, которые я планировал прошлой весной. Протоиерей объяснил это нехваткой времени как у него самого, так и у Шук<аева> — вместе с ленью и предложением другого алфавита, по собственному указанию протоиерея, в сравнении с моим неудобным алфавитом, который доставили сюда из Тифлиса вместе с началами к «Наброскам осетинской грамматики» для использования в школах; это относится только к глаголам. Идя навстречу моему пожеланию, школьные учителя предложили мне помещение в школе, которое было во всяком случае приемлемо для практики и в грузинском, и в осетинском языке; я мог жить так, чтобы постоянно получать <от них> помощь.

2 апреля. У казака-полковника Кононова. Я посетил и старого знакомого, врача Докучаева. Визит переводчика Шукаева и осетинского пристава.

5 апреля. Еще вчера я сказал коменданту, что пол в комнате, куда я хотел въехать, такой грязный, что его нужно скоблить. Он пообещал поговорить со своим адъютантом и попросить его найти пару плотников обстругать пол, но сегодня еще ничего не было сделано.

6 апреля. Я напрасно искал Шукаева. Ничего не слышно и об обстругивании полов в моей новой комнате; в связи с этим я подумал, что это могли бы сделать мой солдат со школьным сторожем. Протоиерей пообещал инструменты <для этого>. Я отправился к нему и встретил там ингушского пристава Хаитова; он рассказал, что на некотором расстоянии от Назрана посреди ровной степи можно найти каменное строение со склепом и восточной (может быть, арабской) надписью, которая, как он слышал, означает, что 470 лет назад там был похоронен какой-то султан со своей супругой. Он рассказал об ингушах, что они получили свое название от нынешнего места их жительства — селения Ингуш, куда они переселились с гор примерно 30 лет назад. Сами они называют себя «халгай», осетины называют их «калга», ингуши и чеченцы называют осетин «хири». Ингушский и чеченский языки не сильно различаются, так что ингуш и чеченец хорошо понимают друг друга. Ингушский диалект довольно грубый и жесткий, чеченский же звучит как персидский. По моему предположению осетины, может быть, были персидской колонией. <Хаитов> подумал <и решил>, что с этим можно согласиться, и добавил, что осетины, как и персы, обыкновенно оставляли прядь волос, свисающую на висок; они оставляли также и прядь волос сзади на голове, выбривая все остальное. Еще в юности он видел, как осетины точно так же, как персы (и грузины), пользовались разрезами в рукавах. В Куртатинской долине находились остатки каменной стены длиной в 1,5 версты, которые по традиции приписываются какому-то шаху. Имя «хан» входит во многие часто употребляющиеся осетинские женские имена.

7 апреля. Мой солдат сегодня занялся скоблением пола. Несмотря на то что я искал Шукаева много раз, я не нашел его сегодня, чтобы начать с ним работу с осетинским языком, как с самым подходящим сотрудником.

8 апреля. Я переехал на новую квартиру.

9 апреля. Наконец я начал работать с Шукаевым.

18 апреля. Вместе с протопопом и Шукаевым до и после обеда.

20 апреля. Несмотря на обещание, протопоп сегодня не пришел. Шукаева снова отослали. Быков пришел, но извинился, что у него нет времени, ибо он находится у коменданта. Досада заставила меня пойти к коменданту, который спросил меня об успехах в моих занятиях. Возможно, ответ был дан с тихо сдерживаемой враждебностью, и он отвечал с раздражением, что он ничем помочь не может: Шукаев занят чиновничьими делами и будет использоваться для переговоров. Прикомандировать его ко мне он не мог; все-таки у меня были протопоп и школьный учитель. После этого мы стали договариваться, и он предложил, чтобы я привлекал Шукаева и Быкова по очереди. Я рассказал, как было сегодня с Быковым, на что он обещал приказать ему иногда приходить ко мне. На мое замечание, что мы уже подружились с Шукаевым и даже, как кажется, у него есть желание работать со мной, он пообещал сегодня, что после его приезда он скажет Шукаеву, чтобы он был у меня всегда при всех обстоятельствах и обещал позаботиться, чтобы прикомандировать его ко мне навсегда. После обеда Быков сказал мне, что получил приказ коменданта находиться у меня. Позже пришел и протопоп.

21 апреля. Быков <пришел> рано и позже был сменен Шукаевым, который теперь сказал, что ему приказано всегда находиться при мне. Комендант сказал, что он забыл о его отношении ко мне так же, как о помощи мне, и потому услав его.

23 апреля. Вечер у протоиерея.

25 апреля. Я начал работать с осетинскими глаголами.

30 апреля. После того как я посетил богослужение, <был> у коменданта.

Май 1837 г.

1 мая. Здесь Шукаев, чтобы извиниться, что он не мог прийти в прошедшие пятницу и субботу, так как опять был отослан. Быков обещал прийти вместо него, но он этого не сделал. Также сегодня Шукаев должен отъехать отсюда на 35 верст и не знает, сможет ли он завтра вернуться. Плохие перспективы того, что я быстро закончу работу.

2 мая. Шукаев уехал только сегодня, вчера комендант не отпустил его. Потому я послал за Быковым, который и был у меня.

3 мая. Сегодня Быков также помогал мне, пока во второй половине дня его не вызвал комендант.

4 мая. Утром у меня был Быков, позже протопоп. Во второй половине дня никто не пришел, и Шукаева снова отослали, о чем я услышал вечером у протоиерея.

5 мая. Прогулка в осетинское село Ноа-ган (Новое село), лежащее на другой стороне Терека, или, как его называют грузины, Сахугаури (от Станки Салуга), <состоящее> примерно из 90 дворов. На поле у кладбища собралось множество осетинок. Они оплакивали умерших и теперь сидели в кружок и угощались аракой и едой. Поблизости не было никого из мужчин, кроме маленьких мальчиков.

6 мая. Наконец Шукаев снова вернулся.

7 мая. Шукаев пришел только во второй половине дня и сообщил, что сегодня многолюдные осетинские похороны. Умерла жена одного старшины-мусульманина. Как только тело вынесли, я отправился на кладбище. Вдали за вырытой могилой стояло много мужчин полукругом, некоторые опирались на палки. На этой стороне могилы на зеленой траве лежало тело, завернутое в ковер. Оно было закутано в белое полотно, и сверху было накинута широкое покрывало красного шелка, вышитое золотом. Погребальная одежда должна состоять из четырех рубашек. Покрывало и одежду покойной получит мулла. Христиане заворачивают умерших в их одежды. Отступив 100 шагов, стояла огромная толпа женщин группами, одна за другой. Вскоре толпа пришла в движение и медленно пошла вперед, постоянно в такт выкрикивая: «Дагай!» и одновременно ударяя себя обеими руками сначала по бедрам, а потом по голове. Это продолжалось до тех пор, пока каждая из них не вышла вперед и не дотронулась до тела. После та же сама церемония некоторое время продолжалась близкими, которые выражали большую скорбь более сильными ударами, так что у большинства из них лица сделались совершенно красными. Прежде и мужчины били себя по лицу, но не руками, а кнутами. Ныне здесь в городах этого не делают, но в горах и более отдаленных областях <этот обычай> еще сохраняется.

После этой церемонии вперед вышла старая женщина (говорили, что это мать усопшей). Она подошла к телу, повязала платком голову, села на небольшом расстоянии от него (за ней ближайшие родственники этой же семьи — прочие стояли группами в стороне) и начала род скорбной песни. В ней она восхваляла дела покойницы и <говорила>, какую глубокую скорбь испытывала <сама мать> и другие, оставшись без нее. Во время каждой паузы те, кто сидел ближе, начинали хором оплакивать ее. После кабардинский мулла (со стороны мужа), выделявшийся своей белой чалмой с синей бахромой посередине, вместе с 10 мусульманами-осетинами выступил вперед, к месту, где лежало тело. Все сняли обувь и подошли ближе, первым мулла, <приблизившийся> к самому телу, около которого он отслужил короткий молебен. Затем тело подняли, отнесли к могиле и опустили его туда. После над телом соорудили крышу из досок, которые установили над телом так, что нижние концы упирались в дно могилы, а верхние — в ее верхнюю часть. Их ставили так близко друг к другу, что они образовали настоящую плотную крышу. Затем у головы покойной установили четырехгранный толстый столб — он был такой длинный, что поднимался над землей на целый локоть и после того, как могилу засыпали. Могила была полностью засыпана землей, которую плотно утрамбовали. Мулла во второй раз подошел к засыпанной могильной яме и образовавшемуся над ней холму, присел на корточки над могилой и прочитал еще несколько молитв, после чего встал. Другие мужчины взяли уже прежде вырезанный длинный кусок земли с зеленой травой, который они положили на могильный холм и, осторожно разровняв, покрыли его, так что он даже в своей высоте спрятался среди прочей зелени. Потом все пошли назад, в дом усопшей, — мужчины и женщины по отдельности, чтобы уточиться там до вечера. Иногда еще используют на могиле сухой порох и поджигают его; но здесь этого не случилось.

8 мая. Шукаев и в первой, и во второй половине дня. У протопопа.

10 мая. Во второй половине дня я закончил осетинскую морфологию.

11 мая. Пока Шук<аев> был в отъезде, я с протопопом переписывал подготовленное им собрание осетинских слов вместе с кистинскими.

12 мая. Шукаев приехал только во второй половине дня.

13 мая. Протопоп был здесь, но его отозвали. С одним лишь школьным учителем я работать не мог.

14 мая. Я послал за Шукаевым, который пришел.

15 мая. Шукаев в первой половине дня не пришел. После обеда он появился немного раньше.

16 мая. В первой половине дня я наконец закончил свою осетинскую грамматику вместе с Шук<аевым> и протопопом. Затем к коменданту, чтобы посоветоваться о поездке. Он сначала пытался отговорить меня от поездки в горы через Дигорию — по той причине, что там есть враждебно настроенное <население>. Но так как я тем временем остался при своем решении, он сказал, что он не сможет отпустить со мной Шукаева сопровождающим, но что он обещает дать мне сопровождение до приставов в Ардоне и Дигории для безопасности и помощи в пути. Вечером он передал мне официальное письмо к приставу в Ардоне.

17 мая. Я заказал лошадей пораньше, чтобы сегодня добраться по крайней мере до Ардона. Утром пришел упомянутый пристав и сказал, что он со своим помощником сам доставит меня до первого дигорского села Кубатта, где живет старшина, который должен позаботиться о моей поездке далее в Большую Дигорию — Стур-Дигору. У него я должен был найти переводчика, осетина по рождению, который умеет говорить по-русски. Когда я был с прощальным визитом у коменданта, я нашел там и названного выше пристава Тускаева, и его помощника Кази-Мухаммеда, который должен был меня сопровождать. Так как они считали, что прямо отсюда можно ехать в Дигорию, не заезжая в Ардон, комендант предложил, чтобы мы отправились на следующее утро, и он добыл для меня верховых лошадей и конвой. Протопоп прочитал мне «Отче наш» по-ингушски. Кази-Мухаммед вечером у меня. Он предложил ехать через Ардон, так как там было меньше грязи, и усомнился, что я вообще смогу ехать в Дигорию без остановки, особенно потому, что одного из дигорских старшин, который жил дальше <других>, не было дома, так как он отъехал в Ставрополь, вместо него никого нет. Уже в самом начале путешествия такие сомнения у человека, ставшего моим сопровождающим, должны были навести на размышления, и даже протопоп — меньше, чем Шукаев, — считал, что дело идет не так, как должно. Это дало мне повод снова идти к коменданту. Он не знал, как вселить в меня уверенность,

и снова советовал не ехать. Я снова высказал желание, чтобы меня сопровождал Шукаев, он бы охотно поехал. Но ничего не удалось. Он позвал Шукаева, который, со своей стороны, уверил, что насчет поездки нет никаких сомнений и что сомнения помощника происходят от его молодости и неопытности.

18 мая. Сразу после 8 часов прибыли два казака верхом как конвой. Дорога шла прямо по степи вдоль Кавказской горной цепи, верхняя область которой, покрытая снегом, представляла величественное зрелище. Равнина довольно грязная до <самой> Гизели. Но перед ней проезжаешь Архон. Вокруг Гизели и множества ее рукавов много осетинских сел: у самой дороги Алхастау, слева Мансурату (по семье Мансур); направо Османгау, населенный этой же семьей. Далее (вглубь) село Конугатугау, снова по имени семьи, <живущей здесь>. По дороге мы встретили много небольших групп осетин — почти все они были вооружены. Селения эти небольшие, по 10–30 дворов, и в них живут переселенцы с гор Тагубар, а раньше здесь жили кабардинцы. Эти селения находятся в 12 верстах от Владикавказа. Во всей округе много камней, которые река с ее рукавами принесла и постоянно приносит с гор. И сами берега реки усыпаны камнями. Впереди ровная и более сухая зеленая равнина. Вблизи от нее меньшая речка Майрароадуг (адуг — это ручей, который может пересохнуть), то есть речка Марии. В стороне от дороги в степи — старый кабардинский склеп. Я подъехал к нему; это четырехугольное каменное строение в две сажени длиной с заостренной также четырехгранной крышей. С одной стороны маленькое окно, или бойница. С передней стороны видна ровная каменная плита с надписью; но плита едва ли сохранилась до половины и попорчена по краям. На оставшейся части я мог еще расшифровать слово «ирса бек» (Мирза бек) и ниже год 1120. Впереди показались дубы. Фиагдон (фиаг — лопатка), как все горные речки, очень быстрая и каменистая. У речки небольшое селение Фиаджидан, или Салиггаткан — в нем живут переселившиеся куртатинцы. Далее все больше лесá, местами ольховые, вблизи речек. Между такими лесными парками цветы и луга, покрытые травой. Густая лесная поросль также у Хаталдона (от Хатал — очень сухая, высокая (колышущаяся) трава, которая там растет). Хиттегибс на карте Клапрота, как кажется, черкесское <название> или, может быть, это имя имеет связь с Тшетэг <или>, наконец, Суадаг. Мы въехали в следующий аул Суадаг, который очень велик, возле подножия горы, там до 100 дворов с церковью. Моего переводчика не было, и потому мне было трудно сделать так, чтобы меня поняли. Только хозяин мог ска-

зять несколько слов по-русски, коверкая их. Мои несколько осетинских слов, однако, способствовали тому, что ко мне стали относиться с большим доверием. Позже, во время пути, переводчик рассказал мне историю о совершенно круглом и густом участке леса, который находится перед селением и носит название Тшетэджигад, по имени некоего Тшетага, которого до этого места преследовали из Кабарды; он бежал оттуда. Внезапно лес вырос таким, какой он сейчас, и спрятал беглеца. Он добрался до Нарских долин, где еще можно найти многочисленную и уважаемую семью Тшеттаг, ведущую свой род из Кабарды. Один раз в году в этом месте празднуют память об этом событии, принося жертву и веселясь в этом «лесном парке». Дорога вела нас мимо него, и вскоре достигли мы Ардона, самой широкой из всех рек, которые мы сегодня проехали. Вокруг реки очень густой лес. Течение было быстрое, но река не глубокая — лошадям по колено. Нам нужно было пересечь много рукавов Ардона. Самый западный из них называется Таргайдон (это, несомненно, Эжалтебах Клапрота — название, которое совсем неизвестно). Высоко на горе видны селения Бирсенгауд и Салугердон. После длинного дуга мы приехали в лес с речкой Куруц и тут же оказались в Дигории. Отсюда, как и раньше, зеленеющие дуга с высокой травой или леса близко от воды вокруг Тексаудона. Наконец мы доехали до быстрой и бурной реки Урадон, на правом берегу которой у подножия горы первое дигорское селение Карагац (с недавно построенной христианской церковью), здесь мы перешли на левый берег реки и оказались у пункта нашего назначения Кубатегау, очень большого «селения» по левому берегу. Тут насчитывается примерно 200 дворов, а вместе с селением Карагац — 240. Меня провели к старшине Кассию Кубати, там мы поселились в гостевой комнате, находящейся в стороне от двора; как и в селении Сурдаг, это была маленькая комната с земляным полом, открытым очагом и маленькой четырехугольной бойницей вместо окна; остаток света проникает через всегда открытую дверь. У одной стены стоит прикрепленная к стене скамья, у задней стены широкий низкий передвижной диван с периной; вместе с тем в глубине, под оконцем, широкая низкая кровать или, скорее, диван. Тотчас же принесли пару подушек и пригласили меня сесть. К ночи принесли еще длинную перину, подушку и толстое теплое одеяло.

19 мая. Из табуна недавно угнали несколько лошадей, и вчера мужчины принялись преследовать воров, которые, как предполагали, были из Кабарды. С ними уехал и переводчик старшины, говорящий по-

русски. Они еще не вернулись, и потому Кази-Мухаммед решил задержаться здесь, пока тот не прибудет. Казаков также оставили здесь, из страха, что с ними что-либо приключится и переводчик будет отвечать. С помощью переводчика я начал в присутствии хозяина и других жителей проверять описание Клапрота в «Дополнении», в ее второй части. Подтвердили, что семья Бадигата (Бадиката) происходит из Мадзхара, и добавили, что их предок еще раньше вышел из Константинополя или Крыма к немцам; в той земле, где они находились некоторое время, еще и теперь живут члены их рода, равно как и в Мадзхаре. Оттуда два брата приехали сюда, и один из них, Абдулхан, осел здесь, а другой — Тчинктухо-хан, напротив, поселился западнее и стал родоначальником балкарцев; здешние семьи считают, что находятся с балкарцами в близком родстве. Дигорцев они обычно называют басаиата или асси; оно употребительно также у восточных осетин. По уверению здешних жителей, это название относится только к балкесам, но исключает их соседей, таких как халемцы, бесинги, тшегеры и карачаевцы <...> Дигорцы сами себя называют Дигора; восточные осетины, напротив, называют их Тигур (Тигурлэг). Значение имени, впрочем, и того и другого неизвестно, как и повод к нему. Они должны называться «Туганафьрт». «Дурэвэрд» означает совершенно правильно <ирэб.>, но сама сказка о великане им совершенно неизвестна. Не является ли она <плодом> ума самого Клапрота? Сирх. с. VII правильно. <С.> VIII: Домбой, Дзободер, Дзобудер, Чукултэр. У них еще нет приплода, хотя уже начало мая; однако сказали, что его надо скоро ожидать. Вместо ноя<бря> и апр<еля>, таким образом, правильнее ожидать этого в декабре и мае. <Ирэб.> — вместо кабардинского «урух» дигорцы говорят «эреф». Ребункак Индэг, с. IX, донефарсцы по крайней мере и сейчас мирно живут с балкарцами. Саделиске. Ханаса. Туганафурт. С. X: В Стон жертвы больше не приносят. Чурекдон больше не знают. Оллэгкомдон, Сангутидон, Хохсаридон, Думе. [С.] XI: О Сантасхолеси-ге ничего не известно. Харвешедон. Чергеосата*. Пока я был занят тем, что записывал все это, мы были удивлены приездом благочинного Бердзенева, знакомого мне еще по Владикавказу. Он также собирался в поездку в Стур-Дигору и хотел бы сопровождать меня туда и вместе с тем оттуда найти мне надежных спутников в Радсику. Обед был принесен на маленьком круглом подносе с приподнятыми краями, его поставили на низкую скамью. В середине подноса тарелка с вкусным блюдом, называемым здесь «тсыхт-фок» (у тагауров —

* Здесь Шёгрен опровергает некоторые утверждения Клапрота.

тсихтхиквибо<?>), состоящим из яйца в масле, сваренного с сыром; кругом маленькие кусочки свежееиспеченной пшеничной лепешки. Второе и последнее блюдо — шашлык, но из старого, жирного и прогорклого мяса.

Прямо после обеда Кази-Мухаммед уехал вместе с казаками; после было решено, что старик Касай Куб <Кассий Кубати> поедет в Кабарду; там у него были дела, и оттуда он пришлет сюда переводчика, который будет служить мне здесь и затем последует за мной в Стур-Дигору. Вскоре после этого старик уехал, и я остался теперь хотя и не один, но одинок, ибо никто из присутствующих не говорил ни на каком языке, кроме осетинского, исключая одного парня из Имеретии, который говорил по-грузински и с которым я мог общаться, насколько возможно. Позже приехал линейный казак из Моздока; там поселилось много осетин также и из Дигории. Он предложил свои услуги в отношении языка. На свои вопросы я получил при помощи множества примеров <ответ>, что дигорский диалект и в грамматических формах значительно отличается от тагаурского, в то время как куртатинский и алагирский языки находятся с ним в согласии.

20 мая. Благочинный просил сказать мне, что сегодня он предполагает продолжить свое путешествие в Стур-Дигору, и пригласил меня ехать с ним. Переводчик еще не вернулся, и неизвестно, когда его можно ожидать; ибо Надрусов убил своего узденя из высших чинов, а брат этого убитого и его товарищ отомстили и убили князя и его лошадь. При сложившихся так обстоятельствах я решил воспользоваться предложением благочинного. Прежде чем я приготовился к отъезду, приехал другой, старшина Бек-Мурза Кубатиев — он жил дальше по дороге к Стур-Дигору, — который теперь возвращался домой из Ставрополя. Касай встретил его и поручил ему сопровождать меня дальше, на что тот согласился. У него я должен был найти переводчика из линейных казаков. Мы выехали все вместе: я, благочинный и его дьячок-грузин, который немного говорил по-русски. Мои вещи увязали во вьюк на лошади, которую вел под уздцы старший мальчик. У старшины было не особенно располагающее к себе лицо, а также бумага, которую он показал мне, подтвердила мои предчувствия. Это было удостоверение о том, что в 1831 г. он передал письмо барону Розену, в котором пообещал верность русскому правлению и оставил своего сына в качестве заложника в крепости Нальчик при условии, что русское правительство защитит его от преследований мстителей за то, что он сделал прежде, на что и было получено согласие. Благочинный добавил о нем, что он прежде был большой разбой-

ник и все еще находится во вражде с другой ветвью Бадилятов Ахи Соломи, которые живут в верхней Дигории.

Казалось, что у него не было желания ехать с нами столь медленно, и потому он сказал, что поедет вперед и предупредит своих людей около Уруха, чтобы из его стада для нас зарезали овцу и приготовили нам жилье, в случае если мы не сможем ехать дальше. На другой день он пригласил нас к себе на обед. Там он попрощался с нами, пожав нам руки. Мы продолжили свое путешествие вверх по левому берегу Урсдона. Через некоторое время мы увидели на другой стороне на возвышении открытую зеленую поляну с высокой каменной башней и немного выше — развалины церкви. Здесь прежде жила часть рода Кубати, и, таким образом, это было 3-е южное село, о котором говорил Блупр. Мы повернули в лес — постепенно он становился все гуще и труднопроходимее из-за грязи и болотистого места. Через несколько верст в Урсдон впадает маленькая речка. Чтобы перейти ее, мы должны были спуститься вниз и вести лошадей вниз и вверх по крутой и мокрой глинистой дороге то по одну, то по другую сторону ручья. Здесь была огромная дубрава до самого верха. К обеду мы приехали на открытую зеленую поляну к северу от глубоких и широких густых лесных зарослей, в тянущейся с востока на запад долине, за которой горная гряда, к югу поросшая лесом, закрывала обзор. Наш спутник-осетин назвал это место Даргхадос (длинная зеленая поляна?). Даргх означает «длинный». Мы ехали по этой зеленой, повышающейся, поросшей травой поляне дальше вверх, и в то же время <оттуда> открывался вид на северную сторону к Кабардинской равнине, там мы могли отчетливо различить Кабардинскую горную цепь и ущелье возле <селения> Минарет. В половине пятого приехали мы к стаду Бек-Мурзы; там были козы и овцы, а также немного крупного рогатого скота. Нам сказали, что не хватит дня, чтобы достичь первого села, поэтому мы проехали немного назад к северной стороне расширяющейся гряды, покрытой травой, к хутору, состоящему из пары навесов, сделанных из хвороста и сухих ветвей и покрытых досками. Там нас встретили вооруженные пастухи Бек-Мурзы, мусульмане, как и он сам. Они принесли нам много связок дикого растения с длинными стеблями и длинными подвижными нитеобразными корнями; вкусом оно напоминало редиску. По-грузински его называют «орас», по-осетински «хараг». На ужин был барашек с кислым овечьим молоком, которое находилось в бурдюке и так плескалось там, что взбилось. У них был только ячменный хлеб. Ячмень — главный хлебный злак, который выращивают дигорцы; кроме этого, немного пшеницы и овса. Урожай ячменя превышает по-

сеянное в 10–20 раз. На равнине ячмень так хорошо не растет. Не знаю, составляет ли названный Клапротом луг Сирх какую-то часть этой покрытой травой горной гряды, которую я сегодня проехал. Возможно, он находится в каком-то другом месте, по крайней мере я не заметил никакой красной земли; напротив, там под дерном была, без сомнения, белая или серая глина. Между тем в <селении> <рода> Кубатева знают о существовании луга и кремневых камней. Сведения о коротком расстоянии между <селениями> <рода> Кубатева и Урух, как пишет Клапрот, кажутся странными, так как мы сегодня проехали по крайней мере 75 верст, если не больше.

21 мая. Мы выехали рано. Спустя некоторое время мы начали спускаться вниз по крутой зеленой дороге в глубокую, топкую и грязную долину по ее южной стороне. Позже дорога пошла зигзагом вверх и вниз через многие меньшие ущелья, чтобы вдоль главного хребта попасть к Уруху, или Эрефу, которого мы достигли примерно через 5 верст; прежде, однако, мы поднялись по высокой и крутой известковой горе, откуда мы еще раз могли обозреть равнину и бег Уруха. На противоположном берегу Уруха против этой горы еще гора, выше, и от обеих к югу находятся гладкие и ровные скалы, протянувшиеся на большое расстояние. Глубоко внизу между ними в серо-белой пене извивается бурливый Урух. Это также названный Клапротом проход Хадсерта, и вправду необыкновенно трудный. Около маленького четырехгранного каменного столпа, заостренного вверху, мы снова начали спускаться вниз в узкую долину между скалами, иногда словно бы имеющими лестницы, по которым мы должны были идти пешком и вести за собой лошадей. Так дорога шла несколько верст вверх и вниз по краю более или менее крутой, временами страшно глубокой и отвесной пропасти; иногда дорога, едва различимая среди завалов и камней, была столь узкой, что я боялся, что выючная лошадь не пройдет; часть дороги в одном месте имела много обвалов (быр) со стороны кручи. Однако мы проделали этот путь благополучно и вышли на более широкое, хотя и каменистое плато, состоящее из отдельных скал, где увидели такие же каменные столбы; благочинный предложил здесь помолиться. Слева выше, между скальными стенами, виднелась каменистая постройка; благочинный сказал, что он слышал, что в старину там была церковь и там жили монахи. Здесь должна быть пещера, называемая Атши-нтши-лагетти, и Дигор Исет. О них он ничего не знал. Однако в Куб<ате>ве знали об их существовании. В этой местности на левом берегу Уруха выше к западу на заднем плане видны горы с вершинами, покрытыми снегом; но Лес-

горе (Рибункак и Индэг) лежат не так высоко к северу, как их описывает Кларрот. Ибо мы прежде переправились через Садилиске (Ханаса лежит выше на горе в сторону) и примерно в 1–2 верстах впереди мы увидели Лесгоре на другом берегу напротив нас. Кумбулта не была видна с дороги; она должна лежать выше между горами, но севернее, чем Донифарс, который довольно хорошо виден между <селениями> Садит, Ханаса, Лесгор и Нара. По всей округе дома из камня. В Садил, на поле, огороженном камнями, и на небольших участках земли во многих местах подобные <ранее виденным> каменные столпы, как и описанные выше, которые отмечают места захоронений. В этот день был праздник св. Николая, и благочинный сказал, что этот святой во всей Осетии почитается только жителями Донифарса и других селений, лежащих на южном берегу реки по соседству; эти селения составляют один приход, церковь которого, построенная еще во времена Тамары, находится в Донифарсе. В <селении> Нара (Нэрэ) нам сообщили, что из-за ошибки в вычислении времени праздник святого отметили уже неделю назад. Приход состоит только из двух селений — Кумбулта и Лесгоре. Фарсикан больше не существует. Кадакура также здесь не найдешь, а только в Алагирской долине. Местные жители не зависят от Бадилатов, кроме того, здесь есть два собственных дворянских рода Занигата и Кабегата. Они живут очень мирно и, по уверению благочинного, весьма скромны и даже в религиозном отношении самые примерные люди во всей округе. В Нара большинство мусульмане, и только несколько дворов — христиане. Я снова нашел русского переводчика, который изъявил готовность сопровождать меня в Стур-Дигору. После какого-то времени показался сам старшина. Случайно я услышал, что он собирался послать своего старшего, 14-летнего сына в Петербург, чтобы служить в черкесском полуэскадроне. Это был тот самый Омар, который провел один год в Нальчике как «аманат», потому он охотно говорил по-русски. Я думал оказать его отцу особую услугу; пообещал дать ему добрый совет и просил его посетить меня, с каковой целью я оставил ему свой адрес. Меня, конечно, поблагодарили, похвалили, предложили мне теперь остаться подольше и отныне считать этот дом дружественным; но когда я сообщил, что я должен спешить в Дигор, и попросил, чтобы меня сопровождал переводчик, к своему удивлению и досаде, я получил ответ, что по причине неотложных дел он не может ехать со мной и, кроме того, через пару дней он должен сопровождать молодого господина в Нальчик. В случае, если бы я пожелал, сам князь сопровождал бы меня в Стур-Дигору. Я поблагодарил его за это предложение как излишнее и поехал дальше без кого-

то, кто мог бы сообщить более подробные сведения об этой местности. Примерно через одну версту мы приехали к <реке>, которую Клапрот называет Гарнифка или Дугурдон, которую жители Стур-Дигора называют Кумалдон из-за ее мутной воды. Мы перешли ее по деревянному мосту. Около этого моста прежде была россыпь маленьких селений, среди них Месхис со стародавней церковью со времени Тамары, где с особенной торжественностью ежегодно праздновали второй день Пасхи. По просьбе благочинного решено было поновить церковь и обеспечивать ее собственным штатом. Народ, особенно выше в горах у Оллэкома, не особенно знаменит. Около упомянутого моста и вправду я видел низкий каменный памятник, поставленный в память о последнем судье дигорцев; благочинный сказал, что дигорцы все еще имеют обыкновение собираться поблизости на зеленой равнине между Кумалдоном и Урухом, как только им необходимо посоветоваться относительно дела, касающегося всего народа. Оттуда мы поехали по другому деревянному мосту через Урух, вдоль левого берега которого мы продолжали путешествие. Мы миновали маленький ручей, который в Стур-Дигоре называли Мет-Хонгхидон (Спантахаленч Клапрота не знают). Белагидон впадает в Урух ниже селения Ахсау, где есть маленький деревянный мост. Перед селением у дороги стоит разрушенная церковь времени Тамары; она такая маленькая, что скорее похожа на погреб. Селение состоит только из 12 «дымов»*. Около Маске также селение из 9 «дымов» отделяется ущельем к юго-востоку, откуда вытекает Дзинагидон. Мы оставили его и поднялись вверх по левому ущелью вдоль Уруха, который также называется Хаврисдон, по имени высокой горы за Стур-Дигорой, откуда начинается Урух. Позже мы проехали Суредон и достигли маленького селения Одела. Над Оделой лежит селение Ахсергин. Через 1 или полверсты выше мы достигли Стур-Дигора, где много высоких башен; но там, как говорят, насчитывается только 60 «дымов». В Ноаггар их должно быть не больше 20. Мы разместились в доме, который приход выделил диакону, в маленькой каменной комнате; вокруг лежат селения — от Маске до Кассе вместе примерно 100 <верст>.

22 мая. Визит старшины этой местности; это скромный и учтивый, но слепой старик из рода Чергессата. Он рассказал, что его предки прежде жили у Черного моря. Оттуда переселились 3 брата, из которых двое осели здесь, а один в Кабарде: род их прежде назывался

* т. е. дворов

Таврас и только позже принял нынешнее имя. Так как мне сказали, что старшина очень любит нюхательный табак, я его угостил им. Многие прочие присутствующие также хотели бы угоститься. После того как старшина ушел домой, он прислал коробку с пожеланием, чтобы я положил туда табак. Всю вторую половину дня меня беспрестанно посещали люди обоюго пола и всех возрастов, чтобы поглазеть на меня, сделать свои замечания и попросить табака. Так как некоторые мужчины также говорили и по-грузински, я попытался с их помощью сделать дигорский словарь, но быстро обнаружил, что не стоит особенно надеяться на какую-то пользу, ибо я ничего не понимал, да и они сами, как я заметил, не были особенно сильны в грузинском языке. Зато я не более их способен прилично объясниться с ними.

23 мая. Я высказал пожелание, чтобы диакон, мой хозяин, остался со мной сегодня, ибо он единственный хоть сколько-нибудь говорит по-русски, чтобы по крайней мере рассказать что-то относящееся к диалекту. Но он вместе с благочинным отправился к их церкви, которую начали строить, а я во второй половине дня занялся собиранием насекомых для Стевена и в связи с этим совершил большую прогулку в гору по правой стороне, откуда можно увидеть и другие, более высокие заснеженные вершины во всех направлениях, и в особенности к югу; там они были еще выше и в то же время более покрыты снегом. С той же самой горы по ее правой стороне, по глубокому ущелью, через это селение течет маленькая речка Заравидон; она впадает в постоянно бушующий Хаврисдон, стекающий с северо-западных высоких гор, покрытых снегом. Я пошел по течению ручья до его слияния с этой рекой через многочисленные, огороженные камнем маленькие земельные наделы, где он течет и вне селения, лежащего ниже. Там, где я встречал людей, мужчины и мальчики подходили ко мне и помогали поднимать камни и искать. Напоследок ко мне подошел вооруженный мужчина, который обратился ко мне по-осетински и по-грузински и показал открытую записку от коменданта Нальчика к командиру округа в Хотери; он сказал, что в эти дни собирается отправиться туда. После этого он также помог мне искать насекомых, последовал за мной домой и через протоиерея повторил свое предложение. Сам он из Ноаггау и собирался выехать уже утром. Я просил сказать ему, что я также намеревался отправиться утром. С <...> ним я уже вчера передал приветствие Бек-Мурзе и снова попросил, чтобы сюда <прислали> переводчика; но он еще не появился.

24 мая. Я должен был отложить поездку, чтобы поискать термометр, выпавший вчера из заплечного мешка. За его находку я обещал 2 обеза. Наконец, после долгих поисков его нашел пожилой мужчина. После я посетил старую разрушенную церковь времен Тамары. Только хоры сохранились хорошо, и еще на стене виднелись следы Образа Спасителя в натуральную величину. Остальные стены церкви были разрушены, но она была в 3 или 4 раза больше, чем в селении Ахсау. Церковь в Нальчике еще больше, сказал благочинный; другая старинная церковь с образами святых находится еще в Оллэком. Ближе от старой церкви есть остатки другой каменной церкви, построенной 10 лет назад, но из-за нехватки извести в ней она уже совершенно развалилась. Все место вокруг этих церковных развалин покрыто четырехугольными каменными могильными плитами. Новая церковь должна быть из дерева, штат уже установлен с <жалованьем> 200 руб. серебром для священника, на них он мог бы жить, если бы местность не оказалась слишком бедной. Собственные посевы недостаточны для их годовых нужд, и необходимо получать больше с равнины от животноводства, бурок и прочего ремесла. Вместо этого <нет> ничего, что можно было бы купить за деньги, из которых они знают только русские серебряные рубли. Бумажные или более мелкие серебряные деньги, так же как и грузинские обезы, почти никто не знает. За барашка платят 1–2 руб. серебром. Земля здесь необыкновенно дорогая: за 1 аршин, говорят, требуют 5 руб. серебром, и всего жалованья священника, таким образом, едва хватит на участок земли, который можно вспахать за день. Маленький зеленый кусок земли примерно в 20 сажень в окружности никак не хотели отвести для церкви и дома; священник угрожал, что в таком случае он переселится отсюда, так что не оставалось ничего другого, как очистить чрезвычайно каменистое место старой церкви настолько, чтобы священник мог получить дом с маленьким участком для сада. Главный промысел жителей — животноводство. Много овец и маленьких ослов, как в Грузии. Маленькие огороды, в которых выращивают практически только редьку и лук; последний едят с хлебом и сыром. Картофеля имеют они немного, капусты, гороха, бобов нет. Табак возделывают, но он не особенно хорошо растет.

Во второй половине дня — снова на поиски насекомых. После с помощью моих хозяев-священнослужителей я записывал дигорские слова. Однако я должен был остановиться, ибо вокруг собралось много людей и они начали болтать и спорить друг с другом. Среди них несколько и дворян в хорошей одежде. Это кафтаны из более легкой материи с разрезными рукавами на грузинский манер. Они во-

оружены. Видно, что они знают себе цену, они учтивы и держатся с достоинством, но вместе с этим они еще более назойливы, чем другие. Остальные крестьяне ходят в кафтанах из грубой ткани или в овчинах. Такая же одежда и у женщин, только гораздо более длинная. Бедняки и дети не имеют нижних рубашек. Девочки носят на голове маленькие круглые шапочки. Волосы причесаны так, что на лбу и на висках сделано что-то вроде локонов. У младших сзади свисает длинная коса. На ужин варили крапиву, которую посыпали перцем.

25 мая. Я выехал с тремя осетинами, которые несли мои вещи. Мы поднялись сначала на более широкое северное береговое плато мимо маленького селения Кусу, лежащего у подножия горы. Примерно на таком же расстоянии несколько дальше проходишь Хавсадидон, который по ущелью впадает в Хервесдон, через каковой мы переправились по маленькому деревянному мосту на левый берег этой реки, очень крутой здесь, но потом <становящийся> шире, хотя и не намного. Там мы оставили Хервесдон и высокий холм, от которого река получила свое название, и начали карабкаться вверх по другому крутому ущелью налево, вдоль горной реки, которая называется Хобидон. Мы шли по этой реке через заросли, скалы и обломки каменной соли, а также через маленькое снежное поле. Крутой склон изрядно зарос лесом, и здесь я в первый раз увидел сосны. <Нрзб.> После мы еще некоторое время продолжали подъем, начался сильный дождь, от которого мы нашли укрытие в просторной пещере. Ее высокие каменные стены были совершенно черны от дыма, после того как здесь <прежде> жгли костры. Прямо перед нами была большая гора, покрытая снегом. Чтобы лучше защититься от дождя, я надел обычную осетинскую «тсогга» из грубой серой ткани, с газырями спереди из коричневой ткани и застегивающуюся с помощью маленьких деревянных крючков. Такая одежда стбит в этой местности 2 сер<ебряных> рубля. После очень трудного восхождения мы достигли более открытого, но сплошь каменистого склона и вскоре после этого — другой пещеры в совершенно безлесном месте под навесом многих высоких скал. Пещера была такая низкая, что в глубине ее я мог только лежать. Перед ужином один из осетин прочитал молитву Ваш Кевчи, которого он просил об удаче в нашем путешествии. Дождь прекратился, но густой туман лишил меня всякой возможности что-либо разглядеть.

26 мая. Перед нашим отъездом мои спутники сняли шапки, посмотрели вверх и снова призвали Ваш Кевчи. В связи с этим я могу

упомануть, что их религиозные представления, по выражению благочинного, довольно ограничены. Посты соблюдают больше по собственному желанию, чем по порядку и строгости, а часть <осетин> совсем не постится. Он полагал, что в более поздние времена сюда проникло мусульманство, в котором признаются все лучшие <люди> и их дворянство; оно испортило христианство, которое было более прочным и правильным, и смешалось с ним, с юга распространившись в Дигории. Многие имеют только одну жену, но незадолго до моего отъезда я был свидетелем того, что пожилой мужчина желал жениться, вдобавок к собственной жене, на молодой вдове своего брата, оправдываясь, что народный обычай всегда был таков. Они протестовали, не позволяя благочинному причастить тяжело больного человека, из страха, что от этого он может умереть.

К сожалению, это случается часто. У дигорцев во время похорон господствует церемония самоистязаний, как у других осетин, и мужчины также бьют себя по голове кнутом. Равно и в гражданском отношении тоже много беспорядков. Поскольку старшина края живет далеко от города, Нальчик оказывает лишь слабое — или вообще никакого — воздействия.

После пары часов прогулки вверх по снегу и камню возле голых скал мы достигли более открытого каменистого склона, который они называли Хобе (Коби, между Владикавказом и Тифлисом), откуда вытекает Холейдон. На склоне я должен был тверже ступать по длинному и крутому снежному полю; <мои спутники> сняли с меня галоши и надели на меня легкие ботинки из Стур-Дигора из козьей кожи мехом наружу. Их называли «ерге»; набили их изнутри сухой травой и зашнуровали ремнями. Снег становился все гуще, и направо от нас начинался длинный язык глетчера, который выше был покрыт снегом. При этом все больше усиливающимся и увеличивающимся снегопаде мои спутники прикрепили к своим «ерге» еще и другие подоловатые приспособления — «атхалапта». Вокруг моей талии обвязали веревку, другой конец которой держал один из мужчин. Кто-нибудь должен был все время идти впереди и утаптывать <снег> своими «атхалапта». Много раз восклицали: «Ваш Кевчи!» Наконец мы достигли высшей точки снежной горы с высокой каменной вершиной. Самая близкая круча с южной стороны протянулась столь же далеко, как и с северной. Тем временем спуск был еще более затруднителен, потому что я постоянно скользил и падал в глубокий снег. Туман начал рассеиваться. Дальше перед нами снова были кручи, по которым мы скользили вниз. Так мы достигли глубокого ущелья, по

правой стороне которого мы предполагали продолжить прогулку, но ужасный треск возбудил подозрения о снежных лавинах и принудил нас сменить направление, чтобы двигаться вперед вдоль восточного края той же долины. Чем больше прояснялось небо, тем мягче становился снег, и появилась опасность, что мои глаза ослепнут. Позже мы все еще скользили вниз и оказались у ручья Кертциски. В это время и снега становилось все меньше, тут показались трава и деревья, а на какие-нибудь 200 саженей ниже — прекрасные цветы, благоухание которых доносилось до меня на большом расстоянии. Справа от реки родник, воду которого весьма хвалили. Она была сильно минерализованная и кислая. Вниз вдоль по тому же берегу мы миновали другой ручей, Багати, берущий начало в недрах горы; сливаясь с ним, Кертциски образует довольно широкое, чрезвычайно каменистое ущелье. Через пару верст — еще больший ручей Домбро, через который меня перенесли. Здесь видишь снег только на горных вершинах и в другой, более глубокой долине. Между старыми огромными елями погибают деревья и растения. Груз. «Бодлу радсу». Долина постепенно сужается. Затем маленький ручей, который мои спутники назвали Буттаксин; они не знали, называется ли он так же по-грузински. В этой местности берег снова расширяется, и справа видишь каменную церковь в роще, красиво расположенную вверху под горой. Говорят, что она времен Тамары. Внизу далеко вперед простирается красивая зеленая долина; как сказали мои спутники, там прежде было селение Геби. Теперь здесь пашня и луга, и по этой же <равнине> течет вниз Цхвешо. Впереди, с противоположной левой стороны, она сливается с главной рекой, которая с этого места называется Чвесури, маленький горный поток Рябьята. Далее впереди туда с южной стороны впадает значительная река Харгули, и переходишь по мосту на левую сторону реки, которая теперь расширяется до тех пор, пока правая сторона не становится очень крутой. Оба берега сильно заросли зеленеющим лиственным лесом и красивыми цветами. Далее вглубь на втором плане на другой стороне Риони высокая, покрытая снегом горная цепь. Прежде чем дойдешь до нее, левый берег снова сужается, а правый, напротив, у Риони открывается, и на заднем плане показывается селение Геби. Чтобы добраться туда, мы должны были перейти вброд через 3 рукава Чвесури, впадающей здесь в Риони. Селение со своими белыми каменными домами и башнями смотрится весьма хорошо, говорят, насчитывает до 120 жителей. Дома без башен довольно высоки, так что поднимаешься к ним по ступенькам. Жители, должно быть, довольно зажиточны, держат много овец и изготавливают разные шерстяные ткани, которые они продают в Они.

Только там, в Тшиора и Геби, варится пиво, в прочих бетша, зато употребляется вино. С моим приездом вокруг меня собрались все парни и мужчины села; я послал мой «открытый лист» здешнему правителю — «моураду», который и сам тут же пришел и указал мне рядом расположенный дом. Снова всей толпой они последовали за мною туда. Дом был весьма вместительный и очень высокий, без всякой другой домашней утвари, кроме низких брусьев или лавок по стенам. Посреди пола был разведен огонь, который поддерживали весь вечер. Для моурада принесли что-то типа низкого порожка, на который он сел; но разговор был незначительный, ибо я недалеко ушел с моим грузинским, а он еще меньше с русским. Один мужчина должен был исполнять роль некоего переводчика; но его познаний хватило лишь на несколько слов. Дом был полон мужчин селения, и я напрасно ожидал, что останусь один. Наконец я должен был *in omnium** раздеться и лечь.

27 мая. С моурадом <отправился> осмотреть красивую, большую и высокую каменную церковь, которая, как говорят, была времен Тамары. На мой вопрос о старинных документах мне принесли напечатанный по-русски и по-грузински документ: выражение благодарности главнокомандующего Ермолова от конца 1820 г., в котором он объявляет жителям селения свое особое удовлетворение оттого, что они ранее вели себя мирно и не участвовали в восстании соседних селений против русского правительства. Остальную часть утра я занимался со своими дигорскими спутниками, чтобы завершить мой словарь. Во второй половине дня я предпринял дальнейшее путешествие. Моурад Отия Джапаридзе передал с моими спутниками записку к моураду в Они. Сам он часть пути до Чвесури сопровождал меня верхом, и мои осетины, которым я дал чаевые, также сопровождали меня и, сверх того, помогали мне и расстались со мной весьма сердечно, а именно: они поцеловали мои руки. К двум моим имеретинцам присоединился, вероятно по приказанию моурада, тот же человек, который служил русским переводчиком. Как он сказал, он выучился немного по-русски потому, что в течение года сидел под стражей в Кутаисе за убийство, которое он совершил. Мой путь пролегал вдоль красивейшего берега Риони, направо простирается снежная гора Шода, откуда речка Шодури спускается вниз к Риони. Крутой левый берег ниже ущелья переходит в открытое зеленое плато. В конце его я проехал селения Тшиора и ниже него Логори, через Риони, около

* при всех (*лат.*)

впадающего в нее маленького горного потока. Деревянный мост настолько плох, что упала вьючная лошадь. К счастью, там могли нам помочь; имеретинцы быстро сняли вьюк и подняли лошадь. Ниже, напротив возвышающейся на левом склоне Глольской снежной горы, русло Риони начало сужаться и река превратилась в еще более стремительный, сильно шумящий поток. Берега поросли лесом, также березой. По-груз. «арги», «дсетсина». Оттуда Риони поднимается к югу; около Глолы должен быть колодец, воду которого весьма хвалят и иногда посылают далеко в империю. Посреди Глольской долины снова едешь по узкому и плохому деревянному мосту через Риони и через впадающий там в него Бого и позже по таким же дурным мостам вперед и назад к обоим берегам Риони. Они очень высокие, со снеговыми вершинами; впрочем, по большей части они покрыты крепкими лесами, среди которых огромные ели. С правой стороны впадает Логорули и большой Скодорули.

Седьмой мост после впадения Глолы, говорили, был разбит, и мы принуждены были нести вещи и иногда ради безопасности держать лошадей за хвосты. За такое тяжелое наше путешествие я был вознагражден роскошным благоуханием леса и цветов. С левой стороны горная цепь разделяется на ущелье, через которое вниз течет Мариамисосквили. Между седьмым и восьмым мостом есть с правой стороны дорога, по которой, невзирая на многие проходы, ездят, однако, больше всего; небольшой луг с маленькой ветхой крепостью, которую, как говорят, построили русские, чтобы в более древние времена предотвратить набеги осетин. Долина здесь становится более открытой; через девятый мост снова выходишь на правый берег и минуешь бурный горный поток Беглори. Дальше, между пашней и крохотными участками леса — селение Мцера с кислыми и железистыми источниками. Оно раскинулось в разных местах, в нем около 60 домов. Здесь нет никакого селения Чола, указанного на карте Клапрота, но <оно существует> к югу от Они в сторону Готери. Меня отвезли к так называемой челосани, которая открылась передо мной как чисто выметенное гумно, куда для меня принесли маленькое кресло.

28 мая. Я поехал дальше. Рионская долина, довольно открытая вокруг Мцеры, снова сжимается и принимает с левой стороны Гомуру, а с правой — маленькую речку, которая течет от селения Дзеглеви по горной цепи справа. Около дороги вниз, тоже по обе стороны от Риони, селение Накиети. Дальше впереди на правом берегу <селение> Сатаа с Сатурой, впадающей <в Риони>. Там Риони поворачивает к

югу, и поднимаешься вверх и вниз перед горой мимо селения Гари и через <речку> Харуба. По ее берегу позже следуешь к более открытой долине напротив селения Шевибани (справа от Риони) до ее впадения в Риони выше Они. Через него меня провезли к живущему по другую сторону моураду, у которого внушительный каменный дом с колоннами — подражание европейским вкусам. После некоторого ожидания он наконец показался во дворе, но уже его внешний облик обещал немного. Я спросил, знает ли он русский язык. — Нет. Мои спутники отрекомендовали меня и хотели передать ему записку от их моурада, но он остановил их и велел отвезти меня обратно в город вместе с запиской к еврею — он один здесь немного знает русский. И меня отвезли в один из названных им домов. Благо, он успел сказать мне, что я мог остаться у него на некоторое время, чтобы подкрепиться хлебом и вином. Но я сказал, что мне это не нужно, и вернулся в город. Это встревожило еврея, ибо он не знал, что он должен делать, и потому, что записку моурада ему не передали. Позже она, однако, была прочитана вслух другим, так что он повез меня назад с противоположного конца города, где он жил, хотя я просил его принять меня к себе за плату. Раздосадованный этим, я начал бранить его. Моурад сам сошел вниз, и меня захотели поместить в духане, который, однако, не хотели для этого открыть. Наконец его открыли: это была маленькая пустая каморка с голыми стенами. Я начал браниться снова и умолял еврея лучше предоставить мне какой-нибудь угол у себя. Он наконец согласился, и я отправился обратно к нему. Я расположился в его полуоткрытой прихожей около крохотного сада. В доме нет никакого стола для письма, и я должен был пользоваться доской, которая помещалась на маленьких табуретках и камнях; <стол> был такой низкий, что я с трудом мог вытерпеть до обеда, который состоял из яиц, <хлеба>, курятины и пары стаканов вина. После — прогулка по городу. Здесь множество маленьких дощатых лавок, в которых нет ничего, кроме мелочного товара. С трудом я смог получить <пару> носков, и то с долгими переговорами о деньгах, ибо в качестве мелких монет используются здесь большей частью турецкие <монеты>. Самая лучшая торговля, говорят, состоит в <продаже> различных тканей для горцев, чьи области граничат <с этой местностью>: сванов, балкарцев и осетин. Население местности состоит, кроме имеретин, из армян и евреев, у которых только одна синагога, кроме грузинской <церкви>. В Они должна находиться пещера с таким содержанием серного газа, что свеча гаснет, а у помещенных туда собак начинаются судороги.

29 мая. Рано утром поднялся большой шум и крик. Сказали, что недавно умерла супруга некоего дворянина. Хотя мой ненадежный хозяин обещал мне пораньше лошадей и двух евреев в проводники, они пришли не раньше 8 часов, и потом я должен был <...> ждать у кузницы, пока подкуют вьючную лошадь. В одной версте от Они селение Мейдани, которое должно было прежде обязательно равняться самому городу или, по меньшей мере, относиться к нему, ибо его название означает «торг». Наверху на горе налево башня и выше вверху — руины крепости с другой башней, дальше впереди поблизости горная речка Джедкойс, которая здесь впадает в Риони, и тут же проезжаешь по деревянному мосту. Дальше впереди видишь на правом берегу крутой обрыв, маленькое селение Хутури и напротив налево, на ее более широком склоне, Командери. Река течет здесь от впадения Джедкойс к юго-западу, и лесистая долина снова сужается. Там мы встретились с другим евреем из Они и имеретинцем из Глолы, который сказал, что знает осетинский, и тут же, на дороге в Кутаис, согласился стать моим попутчиком. Он дал мне свою красивую и быструю верховую лошадь, а сам сел на мою. Так мы поехали быстрее вперед, а мои евреи с вьючной лошадью остались позади. Мы проехали Велтетри, маленькое поместье, которое, сказал он, принадлежит гебскому моураду, и около него ручей Хеори. В местности Шерамети долина расширяется снова; здесь мы по деревянному мосту перешли через Риони на правый берег, который там создает широкое плато из глинистой земли. Там к нам присоединились другой имеретинец из Глолы и старый князь, который, как сказал переводчик, звался Джапаридзе и был родственником гебского моурада.

Он выказал мне большое внимание и услужливость. До селения Гори мы проехали маленькую речку Сортарули. Через версту мы сделали привал на зеленом лугу, чтобы дать коням попасть. Здесь нас догнали мои еврей и три имеретинских дворянина, которые также предполагали «отправиться» в Хотери. Они все носили короткие, но широкие штаны из более грубой ткани, серые или синие; кафтаны из пестрой хлопчатой или шелковой ткани, один даже парчовый, и поверх них еще один или два более плотных одеяния; только князь был в короткой куртке с красным воротником и широкими красными обшлагами на рукавах, закинутых за спину. У остальных кафтаны с разрезанными свисающими рукавами; на головах у всех длинные шапки из серого фетра, прикрывающие голову сзади лишь до половины, а впереди свободно свисающие над глазами. На затылке волосы обрезаются <под горшок>. Только у одного было ружье в футляре; но у всех были шашки. Простые имеретины носят обычно только кинжал или

совершенно не вооружены. Головной убор <их> такого же рода или полотняная шапка с меховой оторочкой, кафтаны из черной или серой грубой ткани. Простой женский костюм точно такой же серый, черный или синий кафтан, большой платок на голове и вокруг лица, так что видна только его середина; кроме того, на голове еще широкая синяя или черная шерстяная повязка. Мы продолжили теперь путь уже с большой свитой. В очень узкой долине Риони снова сужается; вдоль ее правого берега между небольшими скалами извивается довольно хорошая дорога для верховых лошадей; через пару верст слева открывается долина, и справа от нас на высокой скале старая крепость Миндатцике, очень похожая на Выборгский замок, но гораздо меньше. Недалеко от этого места <...> Риони соединяется с широкой горной рекой Луэхани, и по другую сторону от нее мы проехали мимо красивой церкви из белого известняка, типичного для этой местности. Риони делает здесь поворот к югу и так течет мимо села Тсефи, расположенного в этой открытой долине с башней у реки, которая поворачивает направо, и маленькой речкой, которая там с ней сливается. Ниже селения Риони сужается между двумя высокими сланцевыми горами; там по деревянному мосту <мы перебрались> на левый берег; несколько дальше впереди река снова принимает юго-западное направление, и теперь видишь все больше пашни, огороженные, как и везде в Бадше, плетнем. На левом, более широком береговом плато раскинулось селение Климсехи; на более крутом правом берегу — Ацхути. В паре верст отсюда селение Амбролаури с башней (отсюда не больше половины дня пути до Мингрельского округа Одисхи). Там мы оставили Риони, которая в том же направлении продолжает свой бег в довольно открытой долине, и поехали вверх по левой стороне реки Крихула, впадающей в Риони около Амбролаури; русло этой реки создается открытой долиной, которую мы и оставили слева и поехали вверх по другой, более узкой долине, между известковыми и песчаными возвышенностями вдоль Хотеура. Проехав большую часть пути, минуешь селение Ахалсопели и снова поднимаешься вверх мимо небольшой крепости на возвышенности. За ней лежит Хотери — в нем немного домов, рассыпанных в открытой долине между пашнями, со всех сторон окруженными горами. Окружной командир Мозголевский принял меня с большой учтивостью и велел поселить меня в комнате в его собственном доме.

30 мая. Различные сообщения. Округ Ретши граничит на востоке с Дигорской, Двалетской и Кударской Осетией, на западе — с Мин-

грелией и частью с Имеретией, на севере со Сванетией и на юге с Шарапарийским округом. Все перевозки происходят на вьючных лошадях. Число жителей, согласно докладу от 12 апреля сего года, до 16827 лиц мужского и 13738 лиц женского пола. Во всем округе используют примерно 50 тыс. десятин возделываемой земли, под садами 10 тыс. десятин. Луга 15 тыс., лес и горы 160 тыс. десятин. Больше всего сеют кукурузы, за нею пшеница, меньше ячменя и проса. Средний урожай зерен пшеницы 12, ячменя 8, проса 15 (на 1 посеянное зерно). Для ежегодного прокорма жителей берется 80 тыс. четвертей. Водку не гонят. Посевных семян 15 тыс. четвертей. Не продают никакого хлеба, кроме ничтожного количества для себя в своей местности. Вся торговля округа концентрируется в Они, там торгуют по пятницам в любое время года. Средняя цена последние пять лет: 1 четв. кукурузы 10–38 коп., пшеницы 4–75, ячменя 3–10, проса 3–50 коп. серебром.

Добавление по устной информации: только здесь в Хотери духовное училище с одним имеретинским и одним русским учителями, из которых последний здесь женился и сделался совершенно имеретинец. В Кударском округе металлургическое производство: там изготовляют различную утварь, как-то: топоры, ножи, котлы. Государственные доходы от всего округа — 20 тыс. руб. сер. и 60 <тыс. ?> четвертей зерном. После восстания 1820 г. число государственных крестьян увеличилось после того, как конфисковали <владения> 7 мятежных дворян. В округе две главные семьи: на севере Эристовы, на юге Цулкидзе. Старый Эристов, которому последний царь приказал выколоть глаза, умер примерно пять лет назад. За восстание 1820 г. Цулкидзе лишились своих крестьян в пользу государства. Церкви также имеют крестьян. Монастырь Никорцминда отсюда всего в семи верстах, но монахи живут не в монастыре, а по соседству у дворян. Церковь там, должно быть, красива, значительна и в хорошем вкусе. Многочисленное дворянство так же бедно, как и крестьяне; живут почти так же плохо и неопрятно. Расходы идут на одежду, под которой иногда даже у князей нет целой рубахи. В обычае большое равнодушие и лень. Когда русские военные стояли здесь некоторое время, они разбили огороды с капустой и картофелем, которые отлично росли, но жители не последовали их примеру; их овощи ограничиваются только луком и киндзой. Из-за известковой почвы удобряют пашню и по очереди засеивают кукурузой, пшеницей или ячменем. Кукурузный хлеб очень питательный и почти единственная пища для жителя, особенно если у него есть к нему вино, которое изготавливается и употребляется в изобилии. Последние три года, од-

нако, урожай его был незначителен из-за засухи, и поэтому вино дороже, в то время как прежде покупали целую бочку за абаз. Начальник округа <получает> жалованье только 400 руб. сер. Он здесь соединяет в своем лице исправника, полицмейстера, казначея и все остальное. В одном или многих селениях ему подчиняются моурады, которые собирают государственные налоги и решают менее важные полицейские вопросы и споры. Во многих случаях для отправления правосудия пользуются сводом законов Вахтанга. Скотоводство не развито: лошади и рогатый скот, у бедняков — козы и свиньи. Овец больше в северных селениях. Жители весьма сильно любят и пьют вино, однако пьянство не распространено. Равным образом неизвестны кражи. Анекдот о серебряном кубке времен царя Соломона около родника для проезжающих: еще 10 лет после его смерти <он находился на месте>.

31 мая. Я отпустил сопровождавших меня осетинского переводчика из Глолы и другого жителя из того же селения, которые должны были сопровождать меня в Кутаис. Прежде чем мы оставили Хотери, один из возчиков угостил <меня> дома у себя завтраком из кукурузного хлеба, по-осет<ински> «нартхоар», и свежими перьями лука вместе с другим овощем, который они по-грузински называют «талхука» <тархун>, и вином. После того как мы поднялись несколько выше, мы прибыли в селение Тлухи с маленьким озерком в 0,5 версты в окружности — единственным, которое я видел во всей области, населенным лягушками, чье кваканье откликалось эхом на всю окрестность. В стороне направо, кажется, Никорцинда. Через эту местность к Кутаису идет более прямая дорога, протяженностью всего 40 верст, но, говорят, она очень плохая и тяжелая. Поэтому мои спутники, к которым присоединился еще один имеретин, единодушно предложили обычную дорогу, посчитав, что в любом случае уже слишком поздно и до города не доехать. Мы проехали еще более открытую возвышенность и снова тот же ручей Чаора, после чего начали подниматься вверх по длинной горной гряде, поросшей диким лесом и огромными елями. Южная сторона круче, поэтому спуск был еще более затруднен. Маленький казачий пост Хрейти у небольшой речки. Там слева селение Мелисхети. После горы мы проехали другую речку в ущелье, там в стороне, кажется, Пацихе.

Дальше вверх селение Схилати с деревянной церковью. Хотя была только половина седьмого, предложено было остаться переночевать, ибо в следующем селении нет травы для лошадей. Мы расположились лагерем около церкви под какими-то липами и развели костер. Мой

глольский сопровождающий нашел распорядителя и приказал ему позаботиться об ужине. Ужин был поздно, состоял из пшеничных лепешек, яичницы, сыра, вареной курицы и вина. Снова ели вместе с селянами вокруг костра. Ели прямо на траве или на кусках досок вместо стола, которые разложили перед сидящими. <Звучали> здравицы, тосты за счастье всех присутствующих. Как обычно, никаких вилок и немного ножей. По обычаю, трапеза началась и закончилась омовением рук, для чего каждому льют на руки воду из каменной кружки.

Июнь 1837 г.

1 июня. Перед отъездом принесли еще яйца вкрутую, остатки курицы и гоми, похожий на очень густую кашу или очень мягкий свежий хлеб. Из Шилата мы спустились вниз в глубокую долину с ручьем Будша, вдоль которого мы следовали до селения Катцихе; там помещения, конечно, каменные, но никакой башни, по крайней мере теперь, нет. Оставив Будшу слева, направились направо по крутой возвышенности, по другой стороне которой мы проехали Тавасар; там, говорят, живет княжеская семья Бакрадзе. Местность вокруг, как и впереди, более открытая; равно с возвышенности далеко на юго-западе видишь Ахалцихскую гору. Вниз по крутому обрыву мы спустились к селению Мудсирети, дальше проехали речку Дусса, откуда дорога снова пошла вверх по возвышенности. Там местность все больше открывается вперед и влево. Проехали селение Сканда с разрушенной маленькой крепостью, в которой, как говорят, некогда жили первые имеретинские цари. Ниже Сканды — обширная равнина с множеством селений. Селение Гехери, где находится караул из нескольких казаков, чтобы отправлять почту, и несколько маленьких лавок, в которых армяне торгуют мелочным товаром. После того как лошади попаслись, мы поехали дальше, мимо маленькой ветхой крепости Гудери и вниз в ложбину к реке Дсеври. Справа местность снова поднимается и становится лесистой. Наш дальнейший путь теперь проходил по довольно густым лиственным лесам со многими, хотя в целом меньшими речками и довольно хорошим, твердым, иногда песчаным грунтом. Только в начале этого же леса большое селение Свимонети, дома которого, как обычно, расположены на большом расстоянии друг от друга; затем проехали речку Чиссури. По густо заросшей лесом крутой возвышенности мы спустились вниз около более значительной реки Тегалцухела на Тифлисском тракте и через короткое <время> добрались до столицы Имеретии, где я пошел по-

казаться коменданту. Хотя я не застал его дома, но все же получил у адъютанта гарнизона совсем близко довольно хорошее помещение и солдата в услужение.

2 июня. У коменданта, который пригласил меня на обед; во второй половине дня прогулка по городу, где я нашел аптекаря Раковского и вместе с ним посетил протоиерея Николая Кутателадзе, человека, который мне очень понравился и от которого я как сейчас, так и в особенности впредь могу ждать многих разъяснений.

3 июня. С аптекарем и протоиереем я отправился утром в другую часть города к епископу. Он обещал мне всяческую помощь, даже если бы у меня не было рекомендательного письма от экзарха; вместе с тем он полагал, что я не найду здесь ничего важного, даже в Гелатском монастыре. Позже <я нанес> визит архимандриту Гелатского монастыря — очень хорошему человеку, такому же, как и Мцхетский протоиерей, который <находился> здесь случайно вместе с архитектором из Тифлиса. Позже вместе с ними мы посетили руины старинной монастырской церкви, которая в свое время должна была быть большим и прекрасным зданием, но совершенно разрушена. Много колонн и капителей еще сохранилось вместе с прекрасно изваянными фигурами, но без симметрии, что, по словам архитектора, обычно для всех остатков лучших древних церквей и монастырей. На восточной стороне высокой стены находится полукруглая надпись старого грузинского письма, плохо сохранившаяся и расположенная слишком высоко, чтобы можно было расшифровать то, что от нее осталось. Кутателадзе сказал, что разобрали только несколько слов, содержащих часть титула какого-то царя. И высоко над этими руинами, поросшими деревьями и находящимися в полном небрежении, на небольшом расстоянии у обрыва над Риони находятся остатки древней крепости с огромными стенами. Из нее в царствование последнего царя турки обстреливали монастырскую церковь, в которой укрепилась группа имеретин. От стен крепости <открывается> прекрасный вид на город и его окрестности. Город имеет форму неровного полукруга, ограниченного <рекой> Риони. Город небольшой, однако насчитывает около 3 тысяч жителей. В нем много симпатичных домов, между которыми много маленьких садов, большой государственный сад и большое открытое зеленое пространство с амфитеатром в середине. Базар у левого края города около каменного моста через Риони со множеством дощатых лавок, темных и грязных. У моста целый ряд кузниц. Ниже Риони — большая пло-

ская равнина, ограниченная с двух сторон Ахалцихскими горами; они кажутся совсем близкими, хотя до их подножия 50 верст. Вокруг, в особенности к северу, горы разной высоты; вдали видишь снежные вершины, а поблизости — поросшие лесом высоты с природными виноградниками. Вокруг древнего Успенского монастыря теперь только несколько домов, где живет архиепископ, и каменный дом для духовной школы или семинарии. Там, где на значительном расстоянии к западу от монастыря стояла старая Кататиси, между деревьями видишь теперь лишь несколько небольших домов и маленькие пашни. По возвращении домой я обнаружил у себя лейтенанта Конради из Пятигорска. Он сын врача. Я увидел также своих глольских спутников, <пришедших> попрощаться со мной, дал им 10 рублей, чем они, казалось, были очень довольны. Аптекарь знаком с капитаном Захарским, едущим в Абхазию для участия в <военной> экспедиции. Позже у Кутат<еладзе>, равно как и с аптекарем, у католического патера. Его приход состоит из 36 домов; но он ничего не знал о каких-нибудь сохранившихся исторических документах или манускриптах. Для католического армянского прихода теперь строится каменная церковь. У григорианских <армян> есть деревянная церковь. У имеретинцев кроме собора на горе еще две церкви, а у русских — одна. Также есть две синагоги для евреев, которых здесь значительное количество. Они вместе с армянами, в особенности католическими, составляют наиболее зажиточную часть населения, и в их руках вся торговля, самый важный промысел города, который теперь ухудшается. Очень бедная школа, зато сами имеретинцы существуют и кормятся большей частью от земледелия, в основном это кукуруза и гоми. Язык их несколько отличается от собственно карталинского: в Радче гораздо меньше, и в особенности в северных селениях Глолы (Тшора и Геби), говорят на языке, который ближе всего к старогрузинскому. На имеретинском диалекте кроме поэтических произведений нет иных книг или писаний. Тоже самое относится и к мингрельскому диалекту, хотя он уже так испорчен, что простые люди вовсе ничего не понимают из церковной службы, которую там проводят, так же как и здесь, на обычном грузинском языке.

4 июня. Визит к полковнику Черникову, исполняющему обязанности правителя Имеретии; он был очень любезен. Посетил я и лейтенанта Конради. Обед в городе у коменданта в многочисленном обществе разных чиновников. Во второй половине дня пришел ко мне Кутателадзе и предложил срочно выехать в монастырь Гелати, ибо он

слышал, что там находится сам архимандрит. По почину коменданта я получил на казачьем посту верховую лошадь вместе со спутником — казаком. Туда можно добраться только верхом: вначале вверх по лесистым высотам, которые окружают правый берег Риони, затем по такой же круче вниз в долину, где течет Тегалцитела. Так ее назвали из-за красноватой воды, которую она получает из множества мест, имеющих красноземную почву, которые окружают ее берега. Она почти такая же широкая, как Риони, но очень мелкая. Оттуда снова поднимаешься серпантином вверх по лесистым высотам к поросшей лесом известковой горе, под которой у крутого обрыва расположен монастырь. Из-за его положения <на возвышенности> отсюда открывается обширный прекрасный вид. Помещение для гостей просторное, со стульями (некоторые и с покрывалами) и многими диванами, но вместо окон — только отверстия <в стенах>.

5 июня. Визит к архимандриту. <Здесь> самая лучшая церковь в этом месте, возможно, лучшая во всей Грузии — особенно принимая во внимание ее величественное и красивое здание, — с богатым иконостасом, изготовленным на пожертвования. Но большинство старых <икон> <пожертвовали> частью грузинские, частью имеретинские цари и другие высокие лица духовного сана. Другие, меньшие церкви носят имена Николая и Георгия. Последняя была построена основателем монастыря Давидом Агма Шухебели в качестве образца, после чего позже были построены все соборы. В обеих маленьких церквях также много мощей. На многих иконах пространные надписи; никому из монахов даже не случилось взглянуть на них, еще менее — списать их. Иные вещи попали сюда из монастыря в Кицихвинта, последний католикос которого Эвдемон изображен среди других на стене в соборе.

Его имя называется в надписи к одному из подаренных им «образов» в Георгиевской церкви. Таким образом, Сванетия, Тзибельда (возможно, и Черкесия) также (как говорят, примерно 300 лет назад) принадлежали его епархии. В ризнице хранится золото и облачения, <украшенные> драгоценными камнями; но я не захотел их видеть и вместо них пожелал осмотреть библиотеку. Мне ее показали, но <в ней хранились только> некоторые устаревшие евангелия, употребляемые во время богослужения, также с дорогими переплетами и футлярами, и небольшое количество фолиантов, сваленных в углу; большинство из них — манускрипты на пергаменте, не содержащие ничего, кроме библейских книг. В чулан для старья была выброшена большая куча пергаментных листов или тетрадей, так как все это содержалось плохо;

там их не случилось или не случается кому-либо упорядочить или хотя бы более тщательно просмотреть. Также при Георгиевской церкви есть «чулан», где лежат кипы рукописей; Кутателадзе по моей просьбе осмотрел большинство из них и сказал, что они также лишь религиозного содержания; здесь, конечно, должны были быть и другие книги, но их разобрали разные люди. Так, Георгий Церетели — большой любитель таких вещей, но лишь для того, чтобы завладеть ими и хвастаться ими, не показывая их. Он также нашел возможность получить по крайней мере 2 ценных манускрипта. Но наибольший урон нанес не так давно сын Дадзиани, наследный принц Давид Мингрельский; как утверждают, именно этого он и добивался. Из книг в соборе он выбрал для себя 11, из Георгиевской церкви — 4, кроме того, множество несшитых тетрадей и листов. Потребовалось 6 человек, чтобы отвезти все это из монастыря в Кутаис. На мои вопросы, что это за книги, мне ответили только, что это были «Догматик», «Этика», проповеди и труды Ефрема Сирина. <В церкви> не было никакого списка книг! Кутателадзе, однако, сам видел среди них своего рода хронографию, где была записана как грузинская, так и имеретинская история. Многие знали, что среди украденных <книг> была также «Грамматика» Антония. Когда я высказал удивление, каким образом такое могло произойти и произошло, то сослались на почтение к личности и известность наследного принца. Позже мне сказали по секрету, что у старого кутаисского архиепископа был так называемый племянник — молодой человек примерно 20 лет, крестным отцом которого был наследный принц, который получает от старика большие суммы денег, как думают, за счет состояния прочих, чтобы добиться для него чина! Однако, чтобы скорее поступить <в армию?>, мальчик, который учится в гимназии в Тифлисе, этой весной, когда войска выступили в Абхазию, оставил гимназию и уехал в Мингрелию, чтобы под покровительством своего крестного принять участие в походе. После такого комментария теперь я понял обращенные ко мне слова архимандрита, что в Гелати я ничего не найду!

Я закончил свою экскурсию осмотром железных ворот с арабскими надписями внутри того самого портика, в котором похоронен основатель монастыря царь Давид, как все еще указывает надпись, теперь многими уже забытая. У входа в собор <осмотрел также> разные другие могилы высоких духовных лиц с обширными надписями, а также источник с прекрасной чистой водой под колокольной. Трапезная с мраморными скамьями по стенам для 700 монахов, которая уже 7 лет назад совершенно обветшала. Теперь это все большое помещение стоит почти без крыши и совершенно разрушено!

Внутри монастыря — картина мерзости запустения, а крыша самого собора также настолько плоха, что при сильном дожде она протекает. Для ремонта не находится средств, когда 1000 и 10000 ушло и уходит в карманы наследного мингрельского принца, чтобы добыть для слепо любимого <им> мальчишки чин и отличия! Здесь находятся только 7 или 8 монахов, большинство из них занимает более высокое положение, чем сам архимандрит. Немного выше в гору, к востоку, есть другой маленький монастырь с тремя или четырьмя монахинями. На прощание архимандрит преподнес мне на память книгу, напечатанную в Венеции в 1776 г.; в ней содержатся письма святого Климента Анкирского турецкими и греческими буквами; это единственная достопримечательность из всей библиотеки, которую я мог бы себе пожелать. По намеку Кутателадзе я пожертвовал 5 руб. «на свечи». Напоследок нас угостили «завтраком-обедом»: вареная курица, баранина и пшеничный хлеб, гоми и вино; стол накрыт по-европейски, однако нож и вилка вместе с серебряной ложкой только для меня. Затем от архимандрита принесли тарелку отличного крыжовника вместе с приказанием хорошо угостить нас едой, а в особенности питьем. Гоми считается весьма полезным, но мне не советовали <есть> кукурузный хлеб и пить белое вино. Мы вернулись в город тем же путем, каким приехали. В Тегалцитела и Риони только около города мало рыбы: «болоцитела» (красноперка); «теквара» (усач) и «тцтра фехила» (камбала<?>). NB. К истории Гелатского монастыря: какой-то военный высокого чина (это снова должен <быть> генерал Симонович, который примерно в 1812 г. некоторое время был здесь «правителем» и затем главнокомандующим Грузии) нашел там длинный свиток, попросил его себе и получил, чтобы списать, но не вернул. По крайней мере эта более древняя история должна была быть списана с этого же свитка.

6 июня. У подполковника Черникова за новой подорожной и приказом о казацких конях до Гурами. Он думал, что первая не нужна и пообещал мне <дать ее> позже. Он пригласил меня к обеду. У аптекаря Ивана Карловича Баковского. Прощальное посещение архиепископа с протоиереем Кутателадзе. Архиепископ пообещал прислать мне к путешествию ветчины, пару осетров и бутылку вина. Наконец, визит к протоиерею и знакомство там с татарским учителем семинарии Иваном Ассатьяновым. Его предки происходят из этих краев, но он выучился в Константинополе на казначея при армии. В последнем походе под командованием Паскевича он был взят в плен русскими; генерал уговорил его принять христианскую веру, тот обещал, но

вскоре после крещения заболел, попал в госпиталь, позже был забыт Паскевичем и оставлен на произвол судьбы. Сначала здесь ему помогали частные лица, а ныне благодаря встрече с протоиереем он стал учителем с жалованьем 100 руб. серебром. Он здесь в совершенстве выучился грузинскому языку, но в русском очень слаб. Он также свободно владеет персидским и арабским языками. В здешней семинарии около 100 учеников; их обучают только грузинскому, татарскому и русскому языкам, но не греческому или латыни. Помимо того, в городе окружная школа с большим числом учеников; большинство знатных по рождению детей там обучают и армянскому языку.

7 июня. У коменданта, который пригласил меня к обеду. У лейтенанта Конради и позже у аптекаря с прощальным визитом.

8 июня. Обед у лейтенанта Конради. Вечером у почтенного коменданта Игнатия Яковлевича Носкова.

9 июня. Казаки прибыли с лошадьми так поздно, что я выехал только в 8 часов. Первая станция — на нескольких маленьких пригорках, а вокруг довольно ровная местность. Повсюду много лиственного леса. За Тегачитела проезжаешь наполовину Чиссура, после чего дорога следует за Квиритой, которая течет в широком и ровном ложе. Так как ждали почту из Кутаиса, я в то же время должен был ждать почти до вечера на Челабурской почте. После того как проехали Челабур в месте его слияния с Квиритой, следуешь вдоль последнего до <мест, расположенных> после названной почты; туда я приехал в 10 часов вечера.

10 июня. Недалеко от почты проезжаешь на пароме реку Квирита. Здесь она около 20 сажень шириной, весьма бурная, но не глубокая. Ловят в ней усачей и головлей. На правом берегу очень высокая гора. И с противоположной, левой <стороны местность> поднимается все выше. Примерно в 4 верстах от почты в сторону от дороги на горе Шарепан <расположено> главное место округа. Весь перегон вообще крайне холмистый и часто каменистый. Много лиственного леса, однако на крутых склонах видишь возделанные пашни, но только несколько разросшихся селений. Проезжаешь Оримелу — она, извиваясь, течет через ущелья к Квирите. Напоследок спускаешься по крутому длинному холму вниз к заросшей лесом долине, через которую течет Цихеремела. Тут же находится Белогорская почта, где я снова должен был ждать по причине нехватки лошадей; оттуда далее

вверх по Церемеле; ее долина — тесное, заросшее лесом ущелье. Там, где долина немного расширяется, в 2 верстах от почты видишь на противоположном берегу на высокой горе развалины небольшой крепости. С южной стороны с горы спускается много маленьких речек, среди которых Марели. Потом часть пути следуешь по правому берегу Церемелы, все продолжающейся в тесном и лесистом ущелье. Недалеко от следующей Молицкой почты снова слева на очень высокой горе видишь башню. Церемела остается через пару верст слева, и следуешь <вдоль> Угормелы, которая пополняется множеством маленьких речек и ручейков, падающих между холмами с лесистых скал. Дорога идет все вверх, но из-за каменистой почвы ущелий, полных леса, ехать по грязи очень сложно. За маленькой Цифике у дороги не видишь никаких селений. Наконец, от высокой гряды (Ицмисемта) начинаешь спускаться вниз по довольно крутому холму примерно в 2 версты длиной. Проезжаешь затем Гурамелу и селение Итрия. <При спуске> вниз по ровной долине названной реки неожиданно меня застали сумерки. В стороне, налево от горы, множество волков подняли страшный вой, и казаки заметили, что в Имеретии нет волков, в то время как в Грузии, напротив, их множество; в особенности зимой там они бродят большими стаями. Когда мы проезжали верхом через Гурами, слышалась военная кавалерийская музыка. Почта находилась дальше — в 2,5 верстах по ту сторону Гурамской долины, и наконец закончилась эта трудная поездка, из-за которой мои ступни уже совершенно онемели.

11 июня. Несколько освежившись сном, я без особого облегчения продолжил путешествие в телеге: езда в ней сделалась довольно затруднительной из-за глинистой, сухой и неровной почвы. Весь перегон представляет собой открытую равнину с небольшими лесами и с различными селениями по сторонам. Я, однако, не мог узнать их названия, так как русское начальство столь же мало заботится об этом, как и казаки, размещенные на почтовых станциях. Слева за долиной, служащей границей более низкой гряды гор, параллельно с этими горами с правой стороны возвышаются снежные вершины Кавказа. Близ следующей станции проезжаешь Старую Прону и перед Гарганеб другую Прону с селением Арадетли, откуда снова идет плоская равнина с каналами, проведенными от Малой Ляхвы. На середине пути небольшая возвышенность, с которой поднимаешься к селению Руисси на левом берегу Куры; с садами, лежащими между домами, оно протянулось на 3 версты. Оттуда следуешь к береговому склону Куры, проезжаешь селение и потом переходишь вброд многие рукава

Ляхвы, быстро текущей в широком и каменистом русле к городу Гори. Там меня отвели к полицмейстеру, грузинскому князю. К сожалению, я не нашел его дома и был отослан его женщинами в канцелярию. Там я не нашел никого. Я показал свой открытый лист окружному начальнику; тогда писарь выслал человека, который отвел меня в бедный домик по соседству <нрзб.>, где никого не было. В старой казачьей казарме я получил немногим лучшую, темную и грязную каморку с разбитыми стеклами. Я прогулялся по городу и затем пошел вверх к крепости. Оттуда открывается превосходный вид на город и его окрестности. Город недурно расположен, с трех сторон окружая крепость, как и другие грузинские города, в основном имеющие плоские крыши и, таким образом, принимающие форму террас. Однако есть и многие дома в более европейском вкусе. Когда в половине шестого я снова пришел к полицмейстеру, я нашел его спящим в кабинете, а женщины сказали, что у него болит голова. Теперь я начал искать князя Эристова, у которого, по словам его брата из Тифлиса, есть «Грамматика Антония». Я натолкнулся на него прямо на улице. Его «Грамматика», как он сказал, была не здесь, а в селении около Гурами. Однако он полагал, что эта самая грамматика есть и у других здесь в городе, и сам указал мне на священника Иессия Яковлевича Гарсеванова, человека просвещенного и любителя древностей. К сожалению, я не нашел его дома.

12 июня. Рано утром я наконец встретил священника. Он сказал, что у него действительно есть эта грамматика, но полгода назад в Имеретии подполковник Георгий Церетели получил ее от него вместе с 5 другими рукописными книгами, среди них были и грузинский словарь, «Хроника» и «Астрономия», по почину Вахтанга переведенная с персидского языка. Когда он признал также, что Церетели намеревался только собирать рукописи и хранить их под замком, то я постарался уговорить его найти им более полезное применение и подарить или продать названные манускрипты Академии, что он и обещал, если ему снова удастся их получить. Впрочем, касательно «Хроники» он сказал, что различные экземпляры ее находятся у разных князей, но что они различаются между собой настолько, что неизвестно, какую надо считать подлинной. На мой вопрос о возрасте города он ответил, что, хотя и недостает исторических известий, люди приписывают его основание Тамаре, до времени которой там прежде было озеро, осушенное по ее приказу. В крепости была прежде церковь Св. Георгия — теперь она используется для хранения артиллерийских припасов. У грузин в городе 4 церкви, у армян и католиков еще

4. Армяне происходят от беженцев, которым только во времена Тамары разрешено было поселиться в Грузии, когда они туда бежали, после того как Танг Чинур, сам армянин, стал шахом Персии. В более поздние времена католики переселились <сюда> и размножились. Теперь в городе насчитывается примерно 800 домов. Дорога к Тифлису идет сначала к северу вдоль маленькой речки Пшани — у подножия крепости она соединяется с Лиахвой. Лиахва же вскоре после того сливается с другой маленькой речкой, Редула. Там долина делает поворот, и дорога идет к востоку у горы Квераки. Слева селение Бербуки, маленький ручей Тартола и далее впереди, к горе Гвенети, лежащей к северу, как более значительное Хелтебани, так и снова маленькие селения: Ахалсорели, Шавахреди и Нацрети. Однообразная равнина прерывается только несколькими пашнями; после часть дороги от реки Тшала — местность, заросшая кустами, затем спускаешься в долину, по которой <течет> Лехура с селением Самтависи и выше другим селением; напротив последнего поднимаешься вверх на левый берег и приезжаешь в другую, все более открывающуюся ложбину с селением слева. Проезжаешь к Ксани по большому и более густому мелколесью, после чего снова <идет> открытая равнина с парой маленьких ручейков, и в стороне слева, среди садов, селение Авхрани вместе с Мухреалтой и другое, Карели, возле самой почтовой станции. От Мухрани едешь дальше к востоку по открытой равнине с полями, засеянными хлебом, и лугами. Глинистая и песчаная почва в конце становится крепче, <смешиваясь> с маленькими камешками на высоком берегу Хартискала. Оттуда дорога <идет> к Тифлису, я уже дважды ее проезжал; туда я прибыл на квартиру Норденстамма по его приглашению.

13 июня. Прогулка по городу. Во время прогулки я напрасно искал Тергукасова, встретил Карганова. Ему еще не переписали грузинский лексикон, но он думает, что работа скоро завершится. Из грузинской поэмы переписана только половина. Потом я отправился к экзарху, который принял меня очень приветливо, показал мне свой новый дом за городом, повез меня вокруг садов и угостил тутовыми ягодами. Экзарх показал мне и связку рукописей на пергаменте, содержащую фрагменты из писаний отцов церкви. Должно быть, они из Гелатского монастыря и переданы ему бароном Розеном.

14 июня. У Клементьева. Позже у Тальквиста и вечер у Дёппнера.

15 июня. Занялся написанием писем, в том числе и министру Уварову о продлении <поездки> на 4 или по крайней мере три месяца. Во второй половине дня у Арсанова. Выезд в колонию для посещения пастора Дитриха, которого я не нашел дома, так как он уехал в Пятигорск на курс лечебных ванн. Позже у Тергукасова, там также Семин. Пришел проф. Спасский — он по поручению экзарха также занят осетинской грамматикой.

16 июня. У Ховена, который принял меня очень дружелюбно. Большой военный губернатор лежа принял меня очень любезно, но сказал, что в отношении денежного вспомоществования не знает другого <способа>, чем позвать казначея и поговорить с ним, не может ли он прямо по моей квитанции передать назначенную сумму. Он сказал, что сам он не имеет права выплатить мне деньги или приказать сделать это. Поездка к <статскому советнику> Прибылову. Обед у генерала Ховена. Вечер у экзарха, которому я подарил экземпляр диссертации Ленца о духоборах. За это он подарил мне грузинскую библию, которую уже давно задумал <подарить> мне. Особенно открыто и с доверием беседовал со мной о судьбах этого края и его народов и о своих мерах к повышению их религиозной и иной культуры.

17 июня. Из Генерального штаба я получил для просмотра стопку описаний горских народов, поступивших <только> теперь. В середине дня у еврея Соломона столкнулся с графом Энгестремом, сыном прежнего шведского министра иностранных дел и полковником русской службы. Вечер у Карганова.

19 июня. Тергукасов отвез меня к итальянцу Март<ес>ненко, который много ездил и по Европе, по Персии и провел много операций на глазах. Обед у генерала Ховена. Позже в здешней семинарии с татарским учителем, урожденным греком из Смирны. У эфенди Шик-эль-Ислама из Казани. Позже у Спасского, инспектора семинарии. Наконец я получил ответ от военного губернатора, что мне не хотят выдать деньги. Обед у аптекаря Шмидта. У Арсанова и Клементьева. Вечер у Карганова.

21 июня. Обед у Тальквиста. Во второй половине дня с татарским учителем у Иоселиани, который написал новую грузинскую грамматику. Его отец, старый заслуженный священник, считается одним из наиболее сведущих людей в грузинской литературе. Там я наконец увидел «Грамматику Антония», а также рукопись грузинской хрони-

ки в 500 страниц in folio. Это, должно быть, «Хроника» Вахтанга, но в извлечении его сына Вахушти. <Иоселиани> считал, что невозможно получить экземпляр также большей, первоначальной, <хроники>, и в любом случае пообещал мне список имеющейся сейчас, принадлежащей князю Тарханову.

22 июня. Клементьев у меня, с ним у Ховена.

23 июня. Я посетил Дёппнера. Визит татарского учителя и позже Иоселиани. Перед обедом у Тергукасова; вторая половина дня: визит Спасского и Ховена, с которыми я вечером нанес визит к ориенталисту Аббасу Кули, известному своей персидской грамматикой, действительно образованному человеку, живущему около Кубы.

24 июня. С Тергукасовым снова визит к Мартесненко. Вечером к экзарху.

26 июня. Я поехал с Крафтманом в колонию, чтобы встретиться с Зарембой, и притом познакомился с Вацдером. Оба должны были, однако, сегодня уехать. Вернувшись, мы забежали на минутку к Вадтману. Позже до вечера у Иоселиани, который показал мне грузинско-армянскую библиотеку своего отца с множеством грузинских рукописей, конечно, большей частью богословского характера, но также и переводы многих трудов Аристотеля и Прокла, комментарии Диодоха на Аристотеля, из которых он пообещал экземпляр Академии. <Книгами> собственно исторического содержания <являются> только несколько житий святых.

27 июня. В первой половине дня визит Аббаса Кули и капитана Бларамберга. Вечером у полковника Тахановского.

28 июня. Я закончил выписки из бумаг из Штаба и вернул их. Искал генерала Ховена; позже у Арсанова. Во второй половине дня <был> в штабе, откуда взял некоторые описания. Позже <провел> какое-то время у Денисова. Визит Клементьева и позже Иоселиани, который подарил мне рукописную «Грамматику Антония». Искал Карганова. Позже поездка к экзарху, к смотрителю карантина Паули и директору таможни Мосенкампу.

30 июня. Прощальный визит к военному губернатору. Позже сердечное прощание у экзарха. У Карганова. Сегодня скончалась его своя-

ченица, и это послужило ему оправданием для задержки <работы> с грузинским лексиконом, который к моему отъезду все еще не был готов.

Июль 1837 г.

1 июля. Прощальные визиты У Ховена. Генерал Ховен подарил мне на память 6 листов новонапечатанной карты Кавказа, включающих Осетию. Во второй половине дня у экзарха. Он подарил мне экземпляр грузинского <Нового> Завета гражданским шрифтом.

2 июля. Я выехал в 4 часа. Поскольку я познакомился в Кутаисе с протоиереем Иосифом Борисовым, <служащим> в Абчиятти, я завернул туда, но к своей досаде узнал, что он в Тифлисе. Также был в отъезде игумен Иоселиан, родственник упоминавшегося <протоиерея>. И я не мог посмотреть библиотеку, где также можно было найти рукописи. Я вынужден был продолжить путешествие до Хортишара, откуда в половине шестого утра я поехал дальше.

3 июля. Обед в Анакуре на собственный счет. Когда я достиг Квехети, начался дождь. Это дало мне повод приехать на квартиру около дома князя Авалова. Обслуживающий меня солдат тоже думал, что я поступил бы наилучшим образом, если бы остался на ночь на самой станции; но там, к сожалению, не было никакой гостиницы для проезжающих. Князь, однако, возразил, что в Кайнашауре также была пусть и не такая квартира, как здесь, однако маленькая, сносная комната в казачьей казарме. Поэтому я был вынужден продолжить свое путешествие под дождем. Комната, о которой говорили, оказалась очень плохой, с разбитыми стеклами. Я ехал во влажной одежде. К счастью, погода прояснилась. Перед прибытием в Коби под маленькой скалой у берега Байдакаса мне показали источник с чистой кислой водой, которая была очень холодная и сильно пенилась. Извозчик сказал, что зимой она теплая. Обед в Казбеке. Перед селением в так называемой Степенной Салке, или Каре, лошади упали в черную грязь, так что не смогли подняться, но их нужно было вытаскивать с помощью мужчин из селения. Затем я приехал во Владикавказ.

6 июля. Визит к коменданту, который теперь показался особенно учтивым. Визит к Докучаеву.

7 июля. В обед я выехал из Владикавказа. Я надеялся, что еще до Ардона везде поставлены казачьи пикеты, так что туда можно ехать без конвоя.

8 июля. Обычным порядком в колонне доехали до Уруха.

9 июля. От Уруха до Пришиба. Екатериноград, далее к станице Прохладная, откуда я продолжил путешествие к Георгиевску и Пятигорску; туда я прибыл в 5 часов и заехал к аптекарю Сундбладу. У Нор<д>манна вечером.

11 июля. У Нор<д>манна и Конради.

12 июля. Визит к коменданту и Сухомкову. Вторая половина дня у пастора Дитриха.

13 июля. Я разыскал здешнего садовника государственных садов. После того как вчера я напрасно прождал доктора Чуркина, я попал к нему сегодня.

15 июля. Визит к барону Таубе. Прогулка к Сухомкову.

20 июля. Визит к барону Розену, приехавшему сюда вчера.

21 июля. Так как я в том же месте случайно встретился с генералом Вольховским, позже я посетил и его. Во второй половине дня у Нор<д>манна.

24 июля. В 9 часов я выехал с доктором Нор<д>манном. Дорога идет мимо старинной крепости Константиногорск, по возделанной равнине вдоль левого берега Подкумка, в который впадает несколько незначительных ручьев, например Золотушка. Станица Эссентукская лежит почти на полпути у большого ручья. Оттуда местность становится более глинистой с выдающимися скалами, и проезжаешь другой ручей. Позже переезжаешь вброд Подкумок на его правый берег, поворачиваешь вверх через возвышенное плато к юго-западу и позже <направляешься> мимо Кисловодской станицы к югу. В час дня мы были в Кисловодске, который лежит в холмистой долине, со всех сторон окруженной горами. Местность не столь обширна, как Пятигорск, но здесь, однако, есть свои красоты. Доктор Нор<д>манн привез меня на свою квартиру у

солдата; там он нанял 4 комнаты, в которых, однако, живет только изредка. Вскоре после обеда доктор Нор<д>манн снова уехал, оставив меня хозяйничать во всей квартире.

25 июля. Я принял свою первую ванну, подогретую до 20°.

30 июля. Также я начал пить нарзан — с 2 стаканов. Визит к коменданту. Письмо от Фуса с известием, что мое путешествие продлено до января <1838 г.>.

3 августа. У пастора Дитриха.

Сентябрь 1837 г.

9 сентября. Я закончил сравнительное изучение грамматик Баска и Мартона. Вечером у Хаземейстера.

13 сентября. У Шергилова, инспектора шелководства в Кизляре.

15 сентября. В 8 часов я поехал с доктором Нор<д>манном в Кисловодск. Дорога на запад вверх к Айсенбергу, у обрыва которого расположен Кисловодск; в нем около 20 маленьких и 2 больших гос<ударственных> дома, чтобы за плату размещать часть гостей. Ванны, числом 8, большей частью расположены на крутом склоне горы, поросшем лесом, и соединяются посредством длинной красивой аллеи, где почти целый день тень. Местность между Айсенбергом и Бештау, так же как и между некоторыми другими горами на западе, повсюду поросла более мелким лесом. После короткого пребывания там мы вернулись <в Пятигорск>.

17 сентября. Поездка в колонию Карас.

21 сентября. Я предпринял давно задуманное путешествие, чтобы посетить лейтенанта Ногму. После того как проедешь Подкумок со слободами и небольшой ручей Гитсу, с другой стороны от Ховечеродской станицы местность несколько поднимается, после чего <начинается> сплошная ровная и плоская степь с лугами и полями проса, принадлежащими черкесам. В конце дороги есть кордон у ручья, впадающего в Подкумок, который русские называют Золка — искажение черкесского названия «Дзелуко», состоящего из «дзел» — ольха и «кво» — уще-

лье. В 2 часа прибыл я в Кармов-аул (черк. Квармахабла), где нашел родной дом Шоры. Селение примерно из 40 дворов лежит у реки Малка и населено черкесами и абазинами (3 семьи Квармос, Абесиан и Адехе<?>). Тут же, около селения, военный пост и карантин для окуривания местных товаров, которые провозятся из Кабарды. Дома из плетня покрыты соломой, и дворы огорожены плетнем. Я получил квартиру в изолированной гостевой комнате, устроенной так же, как у осетин в горах — с низким деревянным диваном, с подвижной низкой и длинной скамьей и низким полуоткрытым глиняным очагом. Приготовили обед из твердого сыра, сваренного с маслом (сливочным), с куском густой просяной каши, повсюду <употребляемой> вместо хлеба. Койесхасеха — сыр, сваренный из койского сыра.

22 сентября. Сегодня я начал работать, но мне было неудобно и затруднительно потому, что мой стол представлял собой маленькую шкатулку на коленях или на диване.

24 сентября. Работа прервана из-за всяческого рода задержек и гостей, а также постоянного притока соседей, которые требуют рассказать, кто я такой, комментируют мой приезд и занятия. Шора сам, кажется, начал ошибаться, отвлекаться и дал понять, что я приехал не к стати, когда приближается время уборки урожая; к тому же вскоре ожидается приезд императора. К этому событию Шора должен подготовиться и привести в порядок свое оружие, в котором недостает колчана. Может быть, он все-таки может получить его в черкесском Бабуков-ауле, в 5 верстах от Георгиевска, ныне также переданном казакам; он должен ехать туда сам. Сегодня к обеду я закончил проверку 26 главы Клапрота и замечания к ней. Во второй половине дня у помощника <начальника> карантина капитана Батога.

26 сентября. Я решил уезжать. Другой уздень, Хан-Мурза <нрзб.> — он десять лет жил в России и потому говорит по-русски — должен сопровождать меня до Пятигорска. Шора подарил мне на память черкесскую деревянную ложку из пальмового дерева из Транскубанской местности. Мой проводник выбрал более короткий путь к западу через незначительные возвышенности. Там, где по дороге проезжаешь Дзелуко, есть надгробный камень с арабской надписью, поставленный над <могилой> черкесского князя Джам-Булата, который жил здесь около 80 лет назад. Далее с правой стороны у маленькой речки Джетуго (то есть «грязная») есть другая высокая каменная колонна, замечательная благодаря знакам, которые не являются азиатскими. Я хотел осмотреть

их, но не <убедил> своего спутника отвезти меня туда, ибо он в таком случае не смог бы сегодня добраться до дома, а в темноте сами черкесы считают дорогу опасной. Около Джетуго на южной стороне <реки> Малка много просяных полей, которые, как говорят, принадлежат черкесам также из самой Кабарды; там земля вообще менее пригодна для земледелия, чем здесь. <Народ> всюду занят сбором урожая, и во многих местах были видны на полях скопления палаток, поставленных в кружок. Черкесы живут в них, пока не закончатся уборка урожая и молотьба, когда они увозят домой зерно на арбах. Джетуго — очень небольшая <река>, но трудная для переправы по причине топкой почвы. Она течет с горы на юго-запад по соленому болотцу примерно в две версты длиной, которое, должно быть, очень глубокое. За ним на юго-восток есть другое такое же болотце. Мы проехали возле первого болотца, от которого 6 верст до Пятигорска. От его берега уже в глубокой низине начинались поля жителей Георгиевской станицы; они были на порядочном расстоянии с правой стороны. В 3 часа я вернулся <в Пятигорск>.

28 сентября. Я закончил изучение Дьярмати.

30 сентября. Начал изучать персидский.

Октябрь 1837 г.

1 октября. Вечером маленькая прогулка, и потом у Бартольди.

9 октября. Сегодня я, наконец, готов к отъезду, но продолжающийся дождь заставил задержаться. Тем временем я изучал турецкий язык.

18 октября. Я начал свое путешествие. После обильного инея, выпавшего вчера вечером и ночью, подул тяжелый и холодный ветер. Я проехал через станицу Горячеводскую сначала той же дорогой, что <ведет> к Кармову <аулу> и заканчивается в Тотломелтшедской станице, или, как она обычно называется, Марьевка, которая, как и Кармов аул, лежит возле Малки, но дальше на восток. За станицей мы поехали вверх по склону горы, на которой, возможно, стоял памятник, упомянутый Клапротом <...>, и продолжили путешествие вдоль левого берега Малки к станице Павловской, а позже к солдатской Малке, где мы выехали на большую дорогу. Мы продолжали путешествие от станицы Приличной мимо Екатеринограда, откуда дорога следует по степи, простирающейся с юга к Тереку. Только между станицей Павлодольской и Моздо-

ком местами видишь немного кустов. Когда мы приехали в Моздок, меня отвели к коменданту, но я не застал его дома; все-таки меня поселили у одного черкеса. Это была большая и светлая комната с широким диваном, покрытым одеялом; у стен вместо стульев такой же высоты сундуки друг против друга. На стене висела пара зеркал, и в углу стоял шкаф со стеклянными дверцами, с тарелками, чайниками и чашками. Это, как и обилие постельных принадлежностей, заполняющих другую стену в большой прихожей от пола до потолка, свидетельствовало о благосостоянии <хозяина>, но комната была холодная и когда по моему настоянию развели огонь, очаг задымил.

20 октября. Так как мне объяснили в доме, что не хотят брать на себя заботу о моем питании, по этой причине мне посоветовали искать квартиру у русских, ибо там мне будет и теплее; я пошел к коменданту. Меня отвели к вдове-мещанке, которая желала сдать комнату и притом заботиться о моем столе, стирке и обслуживании за 28 руб. в месяц.

22 октября. Я закончил семантическую часть всей грамматики Менинск<ого?>. <Пошел> посоветоваться с комендантом, чем он может помочь в моих занятиях. Он послал за осетинским дворянином по имени Богхул*; тот обещал найти некоего урожденного дигорца, который хорошо говорит и по-русски.

23 октября. Богхул привел трех осетин — двоих мужчин и мальчика. Мальчик только полгода назад переехал сюда из Дигории, почему я просил его прийти утром. Со временем Богхул обещал привезти с собой из Екатеринограда кого-нибудь из дигорских казаков, которые также говорят и пишут по-русски.

24 октября. Мальчик обманул меня и не явился.

25 октября. Так как мальчишки не было и сегодня, я пошел в предместье в Успенскую церковь, к которой, как говорят, принадлежит большинство осетин, и ее священник-грузин должен немного знать по-осетински; но он сказал, что не может здесь порекомендовать ни одного осетина, сведущего в дигорском языке, но указал на станицу Черноярскую, которая почти вся населена дигорцами, служащими казаками.

*Правильно: Бохгулов.

30 октября. Богхулов привел ко мне дигорского казака из станицы Чернойрской, что в 20 верстах отсюда, который приехал за покупками, и сказал, что у него нет времени мешкать. Оба предложили мне поехать в станицу или в Екатериноград, где также <есть> казаки из урожденных дигорцев. Однако Богхулов пообещал поспрашивать еще здесь.

31 октября. Богхулов не пришел, но вместо него явился Тантисов, которого послал ко мне комендант. Это, как я ныне узнал, был тот самый человек, что приютил Клапрота, получившего от Тантисова много монет и рукописей, которому Тантисов всячески помогал в его путешествиях в этой местности. Так как я теперь наконец нашел в нем для себя умного человека, я попросил его посоветовать мне, как найти дельного помощника в отношении дигорского и черкесского языков. Он обещал поискать.

Ноябрь 1837 г.

1 ноября. Во второй половине дня я пошел к Тантисову. Он сказал, что послал весточку Никите Тускаеву, урожденному дигорцу, живущему в станице Новоосетинской. Он порекомендовал Тускаева прежде всех для помощи по дигорскому языку. Тантисов рассказал о многих своих путешествиях в Кабарду, Карачай и за Кубань. Он слышал о <церквях> и сам видел хорошо сохранившиеся церкви, склепы (могильные своды) и кресты с надписями, из которых одну, <найденную> на кресте, он скопировал; он ее показал мне. В Карачае он слышал о горе, где находится обширный склеп со множеством различных сосудов и утвари из серебра. В этом месте карачаевцы, когда они еще были язычниками, прежде устраивали свои жертвенные трапезы в память об усопших; в это время они и постились много дней в августе. На мои вопросы об аланах он сказал, что знает, что среди карачаевцев есть семья Аланетов, о которых он пообещал разыскать более точные сведения.

3 ноября. Так как от Тантисова ничего не было слышно, я начал <заниматься> осетинским Новым Заветом в соотношении с грузинским.

Vitium repetium*.

* Повторенная ошибка (лат.).

5 ноября. У Тантисова. Он сам был в отъезде, но его человек говорит правду: он послал мне три известия.

7 ноября. Я задумал выехать в осетинские станицы, но так как я не достал лошадей, то переменял решение. Таким образом, я был вынужден остаться здесь с черкесами. Я пошел к коменданту, который после совещания с городничим послал за судьей черкесского суда. Он сказал, что у того есть сын, которого предложил отпустить ко мне. Я приказал ему прийти утром. От коменданта я получил материалы по статистике города за истекший год и сделал из них выписки.

8 ноября. Судья пришел, но только на короткое время. Он сомневался, должен ли его сын ехать со мной; сын его <сейчас находится> на хуторе и <вернется> только через три дня. Работа казалась ему тяжелой. Конечно, я заметил, что он, хоть и судья, в сущности необразован. Таким образом, виды на его будущее плохие! Я должен снова вернуться к моему осетинскому Евангелию.

12 ноября. Я попробовал составить по-грузински письмо к Броссе. С этим я пошел к протоиерею, который, казалось, поразился моим знаниям и послал за своим соседом Циклаури, по рождению грузином и предводителем здешнего дворянства.

13 ноября. Судья пришел вместе с сыном, который пробыл у меня почти весь день. Он так же слаб в русском, как и его отец, и столь же необразован для моих занятий, хотя некоторое время ходил здесь в школу. Но, однако же, это лучше, чем ничего, если он только продолжит постоянно заниматься.

14 ноября. Мой учитель больше не появился. Вторую половину дня у Циклаури. Позже пришел Тантисов с рекомендованным дигорцем из станицы. Решили, что он приедет в следующий понедельник и оставит ответ, будет ли он помогать мне здесь или примет меня в собственном доме. Позже он снова пришел ко мне один, чтобы узнать, сколько я буду платить ему. Я обещал ему рубль серебром в день.

15 ноября. Судья здесь, чтобы сообщить, что его сын заболел и, как только тот поправится, он его пришлет.

17 ноября. Мой учитель пришел снова. Отец высказался, что он не согласен на обещанные мною два рубля, и сам пришел согласовать

цену. Наконец он дошел в своих требованиях до 3 рублей с условием, что 2 часа, проведенные им у меня, считаются за один день.

21 ноября. Тускаев прибыл, и было решено, что я должен выехать послезавтра. Целый день занимался, чтобы «как-нибудь» завершить с черкесским языком.

22 ноября. К обеду я наконец распрощался со своим черкесом. В половине третьего дня я наконец оставил моздокскую «грешную» дыру. Мне обещали двух казаков для конвоя, но, по обыкновению, послали одного, который сопровождал меня в Павлодольск. Там я оставил Екатериноградскую почтовую дорогу справа, свернул на юго-запад вдоль Терека и до сумерек прибыл к Никите Ивановичу Тускаеву (отставному уряднику) в станицу Ново-Осетинскую. Внешне квартира гораздо лучше, чем в Моздоке, — новая, просторная комната с голландской печкой.

24 ноября. Я начал заниматься дигорским. У моего теперешнего учителя, кажется, очень хороший природный разум, и, видимо, он довольно хорошо владеет русским языком. На обед курица, в супе много лука, который, кажется, главная приправа для азиатов.

25 ноября. Хозяин высватал для своего племянника девушку, потому сегодня к вечеру он созвал большую толпу мужчин и приказал зарезать овцу. При этом они усердно угощались водкой, допоздна сильно шумели.

26 ноября. После того как хозяин утром выплатил калым, гости собрались снова, зарезали другую овцу и снова пили и шумели. (Потому сегодня не было никакой работы с дигорским языком.) Кроме водки, гости угощались чечиром* и пивом. Выплаченный калым обычно состоит из 4 быков (по крайней мере 160 руб.), 1 лошади (40 руб.), 1 коровы (28 руб.), 40 рублей (вместо котла, <как принято> в горах) и овцы (4 руб.), всего 272 рубля. Прежде был обычай, в особенности у бедняков, красть невесту, когда было невозможно тотчас выплатить калым. Незадолго <?> до свадьбы подобное собрание гостей было в доме тестя. В последнем случае невеста должна была приготовить одежду, чтобы одарить родственников жениха. Ее <родственники> получают подобные подарки еще в самом начале.

* вероятно, кефиром

27 ноября. Я ездил с моим хозяином в другую осетинскую станицу — Чернояр, по-дигорски Сереште, расположенную дальше, но также около Терека, чтобы посетить станичного начальника Моисея Ивановича Корцева. У него двухэтажный дом, несмотря на то что он есаул или капитан, и у него снаружи построена «кунацкая» (по-дигорски «голосегдонэ», т.е. гостевая комната), небольшая «комната» с открытым очагом, голой землей вместо пола и широкой лавкой у всей задней стены. Однако в ней есть два опрятных стеклянных окна. Сам хозяин лежал в постели, и я должен был некоторое время ждать, пока он не придет в кунацкую. Он тотчас со всею услужливостью согласился на мою просьбу уволить на время от службы племянника моего хозяина, чтобы покрыть издержки, пока я был занят с самим хозяином. До сумерек мы снова вернулись к себе в селение, которое на дигорском языке называется Мёсгау. Население в Сереште по большей части старше и составлено из «представителей» разных местностей Дигории; население Мёсгау, напротив, в некоторых домах почти целиком состоит из выехавших из Карешау, селения в 6 верстах от Кубатигау. Прежде они состояли в постоянной вражде с кабардинцами, которые им досаждали всякими способами. Когда однажды рано утром кабардинский князь с 12 человеками приехал туда и хотел увести из одного дома ребенка, то все селение собралось и уничтожило эту группу, так что со смертельно раненым князем ушел только один. Поскольку жители опасались мести кабардинцев, то они были вынуждены скрываться в лесах и жили так семь лет, после чего испросили у русского правительства позволения переселиться на русскую территорию. Отправили отряд под командой некоего дель Поццо, который под военным прикрытием привел их сюда и здесь указал им место для поселения на северном, столь же лесистом берегу Терека. Отсюда название Ново-Осетинская станица. Ее основание — 1810 г.; в 1825 г. они вместе с черноярскими осетинами превратились в местных казаков совершенно таким же способом, как и все русское население на линии, вместе с которым и эти дигорцы платят такие же государственные налоги. Это изменение для них, конечно, в высшей степени неудобно, тем более что их земляки в Моздоке с давних времен живут совершенно свободно. Конечно, они еще весьма отстают от своих соседей-русских и в цивилизованности, и в благосостоянии, хотя они сами виноваты в этом из-за своей прирожденной лени и беззаботности. Они сеют лишь просо и пшеницу. В хорошие годы просо дает 30–40-кратный урожай, пшеница 8–10-кратный. Ячмень используется лишь немного для варки пива, которое делают и из пшеницы. Лошадей кормят просом. Никаких овощей, кроме «початков» «кукурузы» и табака. Они не производят ни льна, ни конопли, а холсты покупают у рус-

ских. Возделывают немного арбузов. Лошадей немного. А крупного рогатого скота у более богатых, напротив, 20–40 голов. Овец до 100, даже до 1000. Коз немного. Они пасутся в степи к северу. Дома немного гусей, уток и кур, свиней нет, хотя свинину едят, правда, не все. Женщины мало работают вне дома, больше заняты домашней работой.

Декабрь 1837 г.

2 декабря. Хозяин уехал в другую станицу, чтобы встретиться с Хоружевым. Так как он встретил его по дороге, то вернулся, и после Хоружев побыл здесь некоторое время. Я, вероятно, не знал, как оказать ему любезность надлежащим образом, ибо он после того наотрез отказал хозяину в том, чтобы послать своего племянника с другими селянами за сеном на кабардинские равнины, хотя прежде он разрешил мне отпускать его, пока я остаюсь <здесь>.

5 декабря. Я попросил позвать ко мне станичного священника, чтобы узнать у него о численности жителей. Он пришел, но, как мне показалось, более из любопытства. В остальном он жулик, так что я ничего не узнал.

8 декабря. Во второй половине дня в селении умер столетний старик. В таком случае принято, чтобы все хозяева собрались в каменном доме и пребывали там до похорон, которые обыкновенно происходят уже на следующий день, так что вчера послали за Тускаевым, и я закончил раньше все, ради чего я сюда приехал. Мой отъезд в 10 часов. Я доехал, однако, только до Солдатской Малки.

9 декабря. Только в 11 часов я приехал в Пятигорск.

24 декабря. Отъезд. День был холодный (утром 15-го), но прекрасный и ясный. Я взял лошадей до Александрии. Санный путь неважный, но ехать было можно. В Александрии я нашел теплую комнату. Сразу после меня приехал казначей Нейман из Кисловодска и также остановился на ночь; он пригласил меня на чай.

25 декабря. Неожиданно по плохой санной дороге я приехал все же в хорошее время в Александров, а оттуда еще в Марьевку, где получил неплохой ночлег на самой станции.

26 декабря. В Ставрополе я искал Тансена, но на старой квартире его не было, и я должен был пойти к ресторатору, который меня приглашал; у него я, как обычно, получил холодную комнату. Я пошел к губернатору — от него получил ответ, что статистические данные еще не готовы и не будут скоро готовы, потому что человек, которому это было поручено, опасно заболел. Я должен был довольствоваться новым обещанием, что они их перешлют в Петербург. Тем временем губернатор признался, что Академия нашла деньги (наличные), для получения которых мне нужна виза майора Недоброва. Посещение Тансена и затем лейтенанта Зальшtedта.

27 декабря. Доехал до Медвежьего Колодца.

28 декабря. Обед в Пешанокопской в сумерках; я хотел продолжить поездку от Среднего <?> Егорлыка, но мы должны были вернуться на станцию и провести ночь там.

29 декабря. Обед в Метшетинске. Между тем разразилась ужасная непогода и стало очень холодно. Возчик сбился с пути сразу же после того, как выехали. Один донской казак присоединился к нам и предложил провести ночь на его хуторе под названием Хамутец. Толпе крестьян тоже требовалось помещение на ночь, так что я должен был довольствоваться маленьким уголком и, дорого заплатив за ночевку, должен был, кроме того, купить овес и сено у возчиков. Непогода бушевала уже не столь сильно, так что я скоро приехал в Кагальник.

30 декабря. От следующей станции Батайская меня не хотели везти дальше, пока не возразил сам смотритель и предложил мне провести ночь там (было время обедать). Я обращался к нему с мольбами и угрозами, и он дал мне в провозатые мальчика, который с ругательствами поехал. Конечно, холод был ужасный, но непогода почти улеглась. Через несколько верст мальчик начал плакать и вопить, что он совсем замерз и не может найти дороги на станцию, и, может быть, повернул бы обратно, если бы другой проезжающий не продолжал там свой путь. Итак, я должен был следовать за ним.

31 декабря. Я поехал в Змиевскую, оттуда путь мой лежал в Ростов. Я ехал по неровной местности и мимо речки Темерлик и уже в сумерках прибыл на станцию Цхалтур, где мне посоветовали провести ночь, ибо дальше дорога очень плоха и если ехать в темноте, то можно заблудиться и замерзнуть. Для ночлега мне порекомендовали дом почтмей-

стера-еврея, но было так холодно, что я должен был укрыться мехом. А так как я сильно кашлял, то хозяйка из сострадания пригласила меня в свою комнату, в которой было тепло от большой печки.

Январь 1838 г.

1 января. Расплачиваясь, я поразился хозяйскому бескорыстию. Я уехал на рассвете. В Бабинске я должен был подождать, но мне удалось договориться и я поехал дальше. Дорога в Пришибельск была неровная и, кроме курганов, я ничего не видел. До Колодезной местность более ровная, но плоская и пустынная. До Есауловки дорога более холмистая с горной грядой и значительными холмами слева, проехали также пару селений.

2 января. Неровная дорога до Ивановки — первого большого селения с церковью. От Ростова такая же дорога до Марьевки с ручьем Беленькая. По дороге туда — селение Петровка и рядом Конопляная. Речка по дороге к Чернухиной; проезжаешь значительный город в глубокой долине с ручьем Городец. Также видно немного леса, который, видимо, принадлежит городу. От Луганского местность понижается к городу Бахмут.

3 января. Я уехал сразу после полуночи, но мне не везло — и один полоз саней наклонился в сторону. Поэтому только через 4 часа я достиг Павловки, или Капанки. Дорога туда прямая и ровная, так же как и до следующей станции в заштатном городе Славянске. Он расположен у залива реки Донец и имеет репутацию, что здесь летом теплые соленые купания. По неровной дороге я приехал в Голу, долину с солидным почтовым домом. Прождав 3 часа, я получил лошадей и поехал дальше. Дорога шла вверх, по сторонам немного леса. <...> лежит город Обоянь и как продолжение его — Казацкая Слобода, откуда местность снова несколько неровная. Вдоль всей дороги — аллея. Холод был такой злой, что в Медвенку я прибыл полузамерзший; оттуда меня взялись довести два следующих перегона до Курска. Далее, за исключением станции Селихова, лишь несколько постоянных дворов. Дорога до Курска ровная, по сторонам видны леса.

8 января. Покинул Курск в 5 часов. Дорога до следующей станции Исаков Двор ровная; до Сорокового колодца — волнистая, немного леса. Оттуда я ехал в основном по проселку, через рытвины, ручей Становая

и кустарник до станции Ольховетка. Затем сначала кустарник, затем пошли более обширные парки, почти прямо до Очки. Прежде всего — большие лесные участки, а между ними имения. Олева отличается своей величиной. Местность сначала ровная, поднимается к станции Борисоглебск или Моквитцы в Орловской губернии. До следующей станции Холотова такие же селения и немного леса, но в основном равнина.

9 января. Дорога до Орла ровная и плоская, далее к Отраде местность более неровная, с холмами, вблизи Орла снова селения и леса. Река Оптуха впадает в Оку. По сторонам от дороги имение Павлова. До Мценска дорога немного холмистая, много лесов и деревень. Мценск — город симпатичный, окруженный возвышенностью и рекой Юша. Вначале по дороге до Большого Скуратова много высоких и крутых холмов с глубокими ложбинами, но под конец маленький город с церковью Богословск у самой границы губернии. Дальнейшая дорога была более ровная и со многими городами. В Малом Скуратове я уговорил дать мне лошадей до Тулы.

Сначала дорога идет по крутому берегу реки к городу Сухая Лопня. В городе Сердобске я получил в гостинице по-настоящему теплую комнату для ночлега.

10 января. Дорога до Тулы неровная, с лесными участками. Я прибыл в Тулу через станции Солова и Ясная Поляна. Я договорился, что от Тулы могу поехать вместе с одним купцом и разделить с ним затраты. В Вашане мы должны были 2 часа ждать перемены лошадей.

11 января. В городе Ляпец это продлилось еще дольше. К счастью, нам дали хороших лошадей, так что мы очень быстро достигли Лопасни. Последняя смена была в городе Подольске. В 7 часов вечера я уже находился в Москве и поехал к пастору Седерхольму.

12 января. Вечером я был у профессора Погодина, который порадовал меня многими напечатанными в Москве книгами.

14 января. Погодин отвел меня к доктору Иноземскову, известному главному врачу, получившему образование в Берлине.

15 января. Я отправился из Москвы, проехал Черную Грязь.

16 января. Проследовал через Городню и город Медная с церковью в Вышний Волочёк.

17 января. Из Ядро́ва в город Крестцы.

18 января. Из Бронниц проехал вдоль Волхова и через несколько военных колоний. В Подберезье. Оттуда я ехал вместе с артиллерийским лейтенантом Унковским до Чудова. В Померанье мы остановились на ночь.

19 января. Чем дальше, тем меньше снега! В 7 часов вечера я наконец снова был в Петербурге.

Sjögren Dagbok 1835 Okt. — 1838. d.9 Jan. (Resan till Kaukasus) // Ephemeris: Päiväkirja vv. 1806–1855, I–XVIII. XVI. EPHEMERIDER 1835–1841. SS. 1–201 / Suomalaisen kirjallisuuden seuran Kirjallisuusarkisto, signum 10517.

ПИСЬМА А.М. ШЁГРЕНА С КАВКАЗА

Отрывок из письма А.М. Шёгрена Х.Д. Френу¹.
Пятигорск, 27 апреля 1836 г.
(прочитано 27 мая 1836 г.)

Мое первое устремление заключалось в том, чтобы узнать больше о Западном Кавказе и Грузии как в географическо-статистическом, так и в этнографическом плане. По любезному позволению главнокомандующего барона Розена, командующий Генеральным штабом генерал Вольховский и оберквартирмейстер барон фон дер Ховен предоставили мне в свободное пользование богатые собрания Генерального штаба. Им обоим я остаюсь вечным должником за гостеприимство, которое они мне оказали. С глубокой благодарностью вспоминаю я и о досточтимом экзархе грузинском Евгении, с которым мы провели не один вечер в познавательных беседах. Ему я обязан многими редкими и доселе неизвестными научному миру сведениями об осетинской литературе. Их содержат в себе книги, напечатанные здесь в Тифлисе и в Москве грузинским церковным шрифтом — утренние и вечерние молебны, катехизис с краткой моралью, литургия, молебен на крещение, помолвку, венчание и погребение, а также букварь. Все эти книги на грузинском и осетинском. Кроме того, рукописный перевод четырех Евангелий на осетинский. Если причислить к этому упомянутый Клапротом (*Voyage au mont Caucase*. II. 461) более древний, но тем не менее широко известный славянско-осетинский катехизис, то мы получаем полное собрание всей осетинской литературы. Все пять упомянутых произведений, переведенных и изданных лишь после 1819 года, принадлежат осетинскому дворянину, умершему несколько лет назад, секретарю губернатора Ивану Григорьевичу Ялгузидзе. Они имеют немалую ценность как первые полные и прилежно собранные сведения о диалекте осетинского языка, по крайней мере о его южном варианте, у границ с Грузией. Особенно помог мне в изучении армянского во время моего первого пребывания в Тифлисе и ученый оберпастор немецкой колонии Дитрих (автор перевода Нового Завета на простонародный армянский и словаря более древнего книжного армянского языка). Я уже начал изучать этот язык, при том, что многие образованные армяне предоставили мне часть литературы, которой богат их язык. Среди этих образованных людей были и братья Арса-

новы, сами являющиеся авторами многих, пока еще рукописных учебников армянского языка и оказавшие мне при изучении языка всевозможное содействие. Но увы, непривычные для глаза маленькие, угловатые буквы армянского алфавита так дурно стали влиять на мое и без того слабое зрение, что мне пришлось оставить изучение этого языка.

Грузинская церковная письменность была не лучше, зато алфавит светского языка оказался проще для моего восприятия; поэтому главным предметом моих лингвистических штудий во время пребывания в Тифлисе и стал грузинский. К тому же мне несказанно повезло с усердным преподавателем, учителем гимназии Захаром Степановичем Коргановым — поистине удача при тех доселе скудных возможностях к изучению этого специфичного и древнего языка. До сей поры мне никак не удавалось получить достаточные познания в грамматике: единственным средством к ее изучению могла бы стать грамматика Броссе, изданная в Париже, которую я, впрочем, пока что так и не получил, а кроме того, ранее выпущенная тем же автором «*Chronique Georgienne*», равноценная вышеупомянутой грамматике. Не смог я, несмотря на все усилия, найти в Тифлисе и известный еще автору «Митридата» (I, 432) старый учебник грузинского языка грузинского католикаса Антония. Единственное, что мне удалось приобрести в Тифлисе, — это короткий отрывок в 114 страниц *in quarto*, сделанный в 1829 году в Санкт-Петербурге царевичем Иоанном.

Вообще странно, что памятники грузинской литературы, в существовании и обширности коей не приходится сомневаться, зачастую утеряны, да так, что их невозможно разыскать даже в столице Грузии. Конечно, многое может находиться в частных руках, у неизвестных владельцев, или же в немногочисленных монастырях, уцелевших после политических бурь — по крайней мере различные дополнения к церковной истории, жития святых и т.п. Из последних сам нынешний экзарх Грузии Евгений, упомянутый выше, владеет собранием из трех или четырех больших томов. Из других литературных древностей мне довелось увидеть только список большого стихотворного произведения о Таризле и Нестан-Дареджан. Очень распространен лишь Свод законов Вахтанга, который все еще служит опорой при разборе тяжб и поэтому должен находиться в каждом здании суда в Грузии.

Это все, что я могу пока сказать, памятуя о статье о грузинской литературе в изданном Вашим превосходительством в 1834 году «Хронологическом списке... и т.д.». Что касается приведенных там дезидератов армянских историков, то, вероятно, уже известно, что

почти все они находятся в знаменитом древнем армянском Эчмиадзинском монастыре, и, как мне сказали, по требованию министра финансов или внутренних дел по ним должен быть сделан запрос. Помимо Эчмиадзина, многие из этих рукописей, должно быть, находятся в Армянской синодальной библиотеке в Астрахани.

Теперь Вы, Ваше сиятельство, верно, спросите о старинных восточных монетах. К сожалению, на этот раз я не могу послать Вам ни одной, хотя ни в коем случае не забыл Ваши поручения относительно них. Опись же «Хроник», вместе со своей походной библиотекой, я против всех ожиданий получил с купеческим обозом из Петербурга только в феврале месяце — впрочем, раньше они бы мне и не понадобились.

Несмотря на то что внимательное изучение и сравнение старинных монет, в особенности восточных, грозит погубить мои глаза, Тифлис тоже ни в коем случае нельзя назвать местом, богатым этими монетами, а то немногое, что удастся найти, нельзя получить за их подлинную стоимость.

Один местный чиновник, у которого я увидел начатую, но по тем же причинам незаконченную коллекцию монет, в конечном счете должен был платить за каждую по дукату. К тому же дилетанта в нумизматике подстерегает опасность быть обманутым за свои же немалые деньги, как и случилось с тем литератором. С тех пор как в новых провинциях Закавказья появился спрос на старинные монеты, в армянской провинции, по слухам, целая деревня занялась их подделкой (разрядка автора. — Т.К.), и живущие там умельцы, вдохновленные успехом и закаленные упражнением, достигли немалого мастерства в своем деле. Единственные области в Закавказье, где еще можно найти действительно древние, а иногда и восточные монеты, — это самые восточные, мусульманские провинции.

А теперь, чтобы сколь возможно пойти навстречу пожеланиям Вашего сиятельства относительно древних монет, я могу порекомендовать живущего там господина пастора Хоэнакера. Он историк естествознания, точнее ботаники, и, насколько мне известно, уже имеет связь с нашей Академией через Триниуса и Брандта; но, кроме того, он также собирает старинные монеты и, как он сам сказал мне во время нашей беседы зимой в Тифлисе, многие уже послал Цвику в Сарепту. Он изъявляет полную готовность послужить Академии и в отношении нумизматики, если ему дадут соответствующие поручения и инструкции. Я с удовольствием передал бы ему и мои полномочия; но в то время мои книги еще не прибыли, а Хоэнакер задолго до это-

го уехал в Елизаветполь, где он теперь пребывает и намерен оставаться там по крайней мере этот год. Поэтому, если Вам будет угодно, Вы можете обратиться непосредственно к нему, тем более что едва ли обстоятельства позволят мне самому поехать в восточные провинции. Безусловно, было бы любопытно посетить хотя бы Елизаветполь и примыкающую к нему Щекинскую провинцию, чтобы познакомиться, по меньшей мере в языковом аспекте, с народностью удов, прежде распространенной в окрестностях Елизаветполя, а сейчас оставшейся лишь в пределах одного села — Варташен. В том же поселении, в церкви, должны находиться неизвестные старинные надписи, о которых упоминает Клапрот в своем «Beschreibung der Russische Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere», с. 177; там же он приводит некоторые слова из сохранившегося еще удинского диалекта и выдает их за лезгинский диалект — утверждение, позже перекочевавшее и в «Erdbeschreibung des Russ. Reichs in Asia», с. 762 и 770, сделанное Хасселем (с. 762–770), причем название села в нем искажено как Варачин. Это предположение, однако, не основывается ни на чем, кроме территориальной близости лезгин к удицам.

По случайности именно в Тифлисе мне пришлось столкнуться с удинским наречием — таким же, как в селе Варташен, — и я не нашел в нем такого сходства с лезгинским, как заявлено у Клапрота, да и его собственные скудные примеры из удинского свидетельствуют скорее против, чем в пользу его гипотез. По правде говоря, я должен признать, что мои серьезные и обоснованные сомнения в надежности сведений этого сочинителя (чей прекрасный талант я тем не менее не ставлю под сомнение) во время моего путешествия только усилились, и чем дальше, тем больше становится ясно, что Клапрот — в высшей степени ненадежный проводник, словам которого можно доверять лишь с великой осторожностью. Уже во время изучения грузинского языка я нашел у него ошибки, которые меня, если судить по нынешнему состоянию грузинской литературы, немало удивили и которые могут быть объяснены лишь величайшей поспешностью и небрежностью. Приведу один, но весьма характерный пример: грузинские слова *bneli* «темный» и *natheli* «светлый» в его путевых заметках (второе французское издание, стр. 522 и 532) переведены наоборот, соответственно как «светлый» и «темный». В «Asia polyglotta» <Клапрота> повторяется та же ошибка (с. 113 и 115), и только в «Vocabulaire Géorgien-Français» 1827 года (в остальном довольно жалком издании) эти слова переведены правильно: *bneli* — *ténèbres*, *obscur* — темный и *natheli* — *clarté, lumière* — светлый. Конечно, при таком отношении к материалу может возникнуть еще масса неприят-

ностей, с языками, доселе не изучавшимися, когда исследователь был вынужден больше полагаться на обычного толмача. Таким образом, в собранных Клапротом примерах осетинского также огромное количество всевозможных ошибок, правильных же совсем немного. Помимо искажений и усечений, а также ошибок в передаче осетинских слов, среди примеров можно найти и такие, о которых лишь Силам Небесным известно, откуда автор их взял — возможно, они принадлежат каким-то мелким диалектам, хотя все мои помощники оспаривают их подлинность. Часто мне приходилось сталкиваться с просто смехотворной путаницей, возникшей из обоюдного непонимания, поскольку Клапрот не удосуживался проверить, правильно ли его поняли его собственные переводчики. С подобными — и в таких случаях вполне естественными — недоразумениями я и сам столкнулся в связи с осетинским языком, поэтому в Тифлисе и прекратил им заниматься, обратившись — согласно обстоятельствам и месту — к другим штудиям. А во Владикавказе, где в старой части города живет множество осетинских семей, мне повезло, ибо через местного коменданта Широкова, рекомендованного мне бароном Розеном, я получил хорошего переводчика, Шукаева. Мой переводчик был не только сам осетин по рождению, но и происходил из тагаурской общины, чей язык считается образцовым. Кроме того, он окончил курсы в Тифлисской семинарии и грамматически был хорошо знаком как с грузинским, так и с русским языком. По рекомендации экзарха Грузии к нему присоединился и глава местной осетинской миссии, протоиерей Шио Двалишвили, грузин по рождению. С их помощью и с учетом моих замечаний, сделанных в Тифлисе, собрание Клапрота было ревизовано, обсуждено слово за словом, грамматические формы со всевозможной аккуратностью уточнены; в процессе этих исследований мне очень помогло то, что я уже имел хотя бы общее представление о строе грузинского языка. Теперь же у меня есть твердая основа и для изучения осетинского, чем я и намерен заниматься впредь, если, с Божьей помощью, неприятности со здоровьем не помешают мне вернуться во Владикавказ. Мои помощники, в свою очередь, обещают мне всяческое содействие при изучении осетинского, для которого я, следуя их пожеланиям, набросал новый алфавит, на основе русского.

Но на сегодня довольно, ибо мое письмо получилось намного длиннее, чем я предполагал. В заключение — небольшой литературный анекдот из Владикавказа и о Владикавказе. Возможно, Вашему сиятельству небезынтересно будет узнать, что в местном русском просторечии слово «варяг» в значении «разбойник» употребляется

как ругательство, о чем я однажды узнал, случайно услышав во время прогулки, как ссорятся друг с другом уличные мальчишки.

Примечание <редактора>. В связи с тем что сказано в этом письме об осетинской литературе (см. предыдущий номер <журнала>), мы отсылаем также к интересному сочинению господина Броссе «Rapport sur les livres en lanque de l'Osséthi présentés au nom de S.A. le prince Théimouraz le 9 Oct. 1835», в Journal Asiatique, IIIe Serie, Tome I, P. 202 sq.

Отрывок из письма А.М. Шёгрена Х.Д. Френу².
Симферополь, 26 ноября 1836 г.
(прочитано 15 января 1837 г.)

Что касается моих литературных занятий, то этим летом, помимо отдыха на водах, я прилежно изучал восточные языки, в особенности турецкий и татарский; а поскольку мне следует беречь глаза от искусственного света, то долгие осенние вечера служили мне для переваривания и обдумывания того, что я изучил за день. Поэтому мои штудии, несмотря на все печальные препятствия, получили крепкие основания, и в своих размышлениях я достиг любопытных результатов, которые, по моему благополучному возвращении, если даст Бог, окажутся полезными для сравнительного языкознания и этнографии. Мое пребывание здесь, в Симферополе, я использовал для более подробного знакомства с этой областью и для подготовки к возвращению на Кавказ. Прекрасную для этого возможность предоставило мне любезное гостеприимство моего ученого земляка, статского советника фон Стевена, который с поистине научной либеральностью передал мне в свободное пользование для изучения интересующих меня предметов свои богатые собрания материалов по Кавказу, с одним лишь условием, что в случае, если я по причине непредвиденных обстоятельств не смогу ими воспользоваться, я должен буду самое важное передать Академии наук, чтобы в будущем это послужило на пользу другим.

После возвращения сюда с южного побережья я совершил небольшую поездку в Бахчисарай — частью для того, чтобы увидеть некогда знаменитую резиденцию крымского хана с ее достопримечательностями, но главным образом чтобы искать в этом предполагаемом центре татарской науки старинные исторические рукописи и при благополучном стечении обстоятельств приобрести их. Однако же купить

мне удалось лишь один манускрипт подобного рода, а именно «Сахиб-герай-хан адил хазрате-леринун тарихи» (как известно, Сахиб-герай был пятым по счету крымским ханом, правившим с 1533 до 1559 год), состоящий приблизительно из 17 листов. Все другое, что я там увидел, относилось к религии или было беллетристического содержания без какой-либо исторической значимости и к тому же повреждено или разорвано. Мне пообещали прислать позднее тарих* о Чингисхане, возможно, подобный изданному Халфиным в Казани в 1822 году, если отсутствовавший в тот момент владелец его уступит; вероятно, он не захотел этого сделать, поскольку послано ничего не было. И здесь я напрасно искал исторические рукописи, хотя, по слухам, в Крыму должны находиться подробнейшие местные тарихи; однако татары, владеющие ими, крайне сдержанны в общении, и на рукописи зачастую даже не удастся взглянуть. Тем не менее я намерен продолжать свои поиски в течение моего следующего путешествия на Кавказ, которое начнется в ближайшие дни.

На сей раз я решил ехать не так, как прибыл сюда, через Тамань и вдоль реки Кубань — этот путь особенно опасен в нынешнее время года из-за находящихся поблизости черкесов. Я предпочту путь по берегу Азовского моря, через Мариуполь, Таганрог и Черкасск; эта дорога также предоставит мне возможность — в связи с моими прежними татарскими штудиями — познакомиться с ногайцами и их своеобразным диалектом. Чтобы облегчить несколько свой багаж, который непросто перевозить в это сыякотное и неприятное время года, посылаю вместе с письмом ящик, содержащий в себе книги и бумаги, частью имевшиеся у меня до этого, частью собранные здесь, на месте. Прошу вас сохранить эти документы до моего возвращения, за исключением рукописного дневника Рейнеггса, повествующего о его пребывании в Турции. Этот дневник, Ваше сиятельство, найдете в ящике поверх других материалов — сие есть подарок Академии от многоуважаемого хозяина, господина статского советника фон Стевена. Он же предоставил в мое распоряжение три любопытнейшие папки, содержащие в себе материалы о пребывании Клапрота в Тифлисе и Грузии; я счел своим долгом переправить их через Ваше сиятельство Академии, дабы их использовали по усмотрению. Они проливают новый свет на доселе неизвестную деятельность, несмотря на шарлатанство, прекрасного ученого и позволяют предположить, что он, вероятно, не совершал сам все путешествия в Тифлис, но обрисовал их по устным или письменным свидетельствам других людей и

*история, предание

приписал себе. Таким образом, его записи могут являться не более чем мастерской подделкой.

Прошлой же зимой я случайно обнаружил в Тифлисе среди старых бумаг Генерального штаба оригинал клапротовского описания Кубани и живущих по ее берегам народностей, с которого Клапрот буквально перевел свои заметки (*Voyage au mont Caucase. T. I, Chapitre IX*; в старом немецком издании — 22 глава, с. 187 и след., по большей части и особенно со с. 206 и до конца); при этом он не взял на себя труд хотя бы словом упомянуть о первоисточнике. «*A beau mentir, qui vient de loin!*»* — вот наиболее подходящий девиз для описаний мнимых поездок Клапрота по Кавказу и Грузии.

Отрывок из письма А.М. Шёгрена Х.Д. Френу³.

Владикавказ, 19 апреля 1837 г.

(прочитано 26 мая 1837 г.)

В Карасу-базаре, где я занимался главным образом своими турецко-татарскими штудиями и где я, воспользовавшись возможностью, собрал сведения об армянском языке, на котором там говорят, у меня была также возможность завести несколько интересных знакомств; в частности, я познакомился с местным католическим армянским священником, отцом Минасом, одним из мхитаристов, автором «Русской грамматики» для армян; в настоящее время он работает над турецко-русско-французско-армянским словарем. Я также приобрел несколько татарских документов, касающихся главным образом различных привилегий, которые некогда крымские ханы предоставляли караимским иудеям из Чуфут-кале, находящегося неподалеку от Бахчисарая; однако это только список на современном татарском диалекте. Тем не менее есть надежда в ближайшее время найти оригинал, хотя бы его копию, что было бы весьма интересно, поскольку есть основания полагать, что эти документы, возможно, <будут> написаны на древнетатарском, который сегодня в Крыму обычно называют «чаголтай»; слово это, по всей видимости, не что иное, как измененное «джагатай», что нисколько не противоречит традиционному названию древнего места проживания татар и ногайцев. Этот «чаголтай», несомненно, и есть тот тайный язык, на котором, как полагал Рейнегтс, говорили ногайцы и который он называл «чагалтай»; и, возможно, в этом он был прав с одной лишь оговоркой: в те времена кто-то из них,

* Тому легко лгать, кто приехал издалека! (франц.)

быть может, еще помнил кое-что из этого древнего языка. Как известно, никакого тайного языка не существует у ногайцев.

К ним я отправился на остров Крым и доехал вплоть до земель Арабатче и степи, которая идет вдоль реки Молочна. Эта степь заселена среди прочих различными сектантами, отколовшимися от русско-греческой церкви, такими как духоборы и молокане, а также немецкими и меннонитскими колониями, о которых, как и о ногайцах, я собрал весьма оригинальные сведения. Их предоставил мне человек весьма уважаемый во всех отношениях, меннонит Иоганн Корниес. Этот Корниес вместе со своими товарищами по вере эмигрировал из восточной Пруссии и поселился в степях реки Молочна — при далеко не самых благоприятных обстоятельствах. Это было приблизительно в начале царствования <императора> Александра. На свою новую родину Корниес привез только самые элементарные знания, которые можно получить в школе; тем не менее благодаря своему острому уму и неутомимому трудолюбию этот Корниес сумел приобрести значительное состояние, которое сегодня он использует самым достойным образом в силу своего влияния на умы и нравы, чтобы принести культуру и улучшить жизнь во всем крае. Он трудится и, главное, с усердием, для того чтобы принести цивилизацию своим соседям — ногайцам, по сей день пребывающим в полуварварском состоянии; и <он> уже настолько в этом преуспел, что за последние годы тридцать шесть ногайских семей по своей воле отселились от своего народа и образовали неподалеку от места, где живет этот господин и под его отеческим покровительством, главное поселение — в прямом смысле этого слова. Жизнь этой колонии полностью строится на основе меннонитских принципов; можно сказать, что, принимая во внимание местные обычаи и другие обстоятельства, не учитывать которые невозможно, она организована столь хорошо, что в самом деле достойна стать образцом для других. Уже сегодня благодаря деятельности, к которой Корниес сумел приобщить этих людей, это поселение ногайцев идет по правильному пути, ведущему к процветанию.

В маленьком городке, который ногайцы называют Ногайск (русские обычно называют его Обиточна — по названию здешней реки), мне наконец предоставился случай, которого я так долго ждал: я смог заняться непосредственно особенностями ногайского диалекта. Два человека, которых я встретил там, сделали все возможное, чтобы помочь мне в этом. Одного зовут Эльмурза Салебиев; он ногаец по национальности, учился в симферопольской гимназии; другой — Абдеррефи Богданинский, крымский татарин, назначенный главой та-

тарской школы, недавно открытой в Ногайске для юных ногайцев; он любезно и без устали помогал мне в моем изучении татарского и ногайского языков.

Из Ногайска я отправился в Бердянск, затем в Мариуполь, населенный татарскими греками, которые исповедуют греческую веру; оттуда — в Таганрог, прелестный город, известный своим целебным для здоровья климатом и в еще большей мере смертью императора Александра, светлая ему память. Далее я прибыл в армянский город Нахичевань, откуда вернулся в Пятигорск через Ростов и Ставрополь.

Как я Вам уже сообщал, я намеревался пробыть еще какое-то время в окрестностях Пятигорска, в бывшей шотландской колонии Карас, которая ныне стала немецкой колонией, чтобы составить там первое, хотя бы самое поверхностное впечатление о черкесском языке. Для этого именно там, а не где-либо еще, мог я рассчитывать действительно найти подходящую возможность, поскольку там живут черкесы, перешедшие в баптистскую веру благодаря деятельности бывших здесь некогда шотландских миссионеров. Я поселился там у одного из них, который, по общему мнению, должен был лучше других знать свой родной язык; кроме того, в течение долгого времени он служил наборщиком в типографии бывшего английского библейского общества в Астрахани. В Карасе я узнал, что один кабардинский дворянин, лейтенант Шора Бек-Мурзин Ногма, который ранее прослужил несколько лет в черкесском полуэскадроне в Санкт-Петербурге и который некогда уже занимался под руководством нашего бывшего собрата Шармуа черкесской грамматикой диалекта Кабарды. Итак, я узнал, что этот образованный черкес в последнее время занят работой над грамматикой такого рода на русском языке и что живет он всего лишь в тридцати пяти верстах от Пятигорска. Поскольку в Тифлисе я уже мог лично познакомиться с ним и поскольку я имел возможность увидеть в нем человека, стремящегося к знаниям и интересующегося научной работой, я написал ему и пригласил его приехать ко мне в Карас и привезти с собой свои материалы.

Он приехал сразу, как только получил мое письмо, и гостил у меня в доме две недели, в течение которых я сделал выписки из его «Грамматики», а также воспользовался его устными объяснениями и его комментариями всего того, что казалось мне непонятным и сомнительным. Он отправил свою грамматику барону Розену, командирующему Кавказским корпусом в Тифлисе, который, следует полагать, ее опубликует; и публикация сего труда будет в любом случае полезна, несмотря на то что произведение это, будучи первой попыткой та-

кого рода, по всей вероятности, может иметь пробелы и изъяны. На научные изыскания и на работу над этой грамматикой Ногма потратил несколько лет; и чем больше я ее изучал, тем больше я убеждался в том, что автор ее достоин всяческого уважения. Поражает уже сам факт, что ему пришла в голову идея создать подобный труд, что же говорить о том, что ему хватило мужества и упорства довести начатое дело до конца, тем более что русским языком он владеет весьма посредственно и это единственный европейский язык, который он знает. В нескольких восточных языках: в турецком, татарском и арабском, он, напротив, весьма сведущ; на основе арабского он составил свой новый черкесский алфавит, состоящий из сорока букв, где к уже имевшимся обозначениям гласных — «элиф», *ج* (для *и*, *о* и *ω*) и *س* как *ј* — он добавил только две новые буквы для звуков *и* и *е*.

Уже по одним этим замечаниям можно сделать вывод о том, что в черкесском языке должно быть намного больше звуков, вследствие чего произношение в этом языке должно быть весьма сложным. Кроме того, в этом отношении из всех известных мне языков лишь один приближается к черкесскому, однако рядом с этим языком даже грузинский кажется <детской> забавой. Простые звуки здесь отличаются большим разнообразием, так что можно насчитать тридцать шесть или тридцать семь весьма различных модификаций; тем не менее звуки эти, как правило, представляются более естественными, и главная трудность заключается в скоплении совершенно различных согласных, весьма отличающихся друг от друга. Впрочем, к этому легко привыкаешь, как только научишься различать должным образом простые звуки. Однако в черкесском языке эти простые звуки чрезвычайно своеобразны. В языках обычных и в значительной мере в грузинском звуки, как правило, выдыхаемы и поэтому более или менее открыты, тогда как в черкесском языке нужно сначала вдохнуть и лишь затем вытолкнуть звук, который, таким образом, получает двойную силу и вырывается. Таковы губные — лабиальные звуки. Помимо звуков *ф* и *п* с открытой артикуляцией, у черкесов есть и другие звуки, относящиеся к классу этих только что упомянутых мною резких звуков, как если бы, например, вместо простого *ф* мы хотели произнести одновременно *вф* или произнести *пп* вместо *п*. Тем не менее автора «Грамматики» отговорили вводить новую букву для обозначения последнего звука из боязни слишком раздуть этот алфавит.

Таким образом, уже внешняя сторона языка служит демонстрацией его бойцовского духа, страстей, желаний во что бы то ни стало, любой ценой победить трудности, которые, как кажется, он создает сам

себе словно для того, чтобы поддерживать прекрасную форму в постоянных упражнениях и не дать ей разнежиться и одряхлеть. Черкесы любят прежде всего палатальные звуки и шипящие, которые они постоянно повторяют и часто стягивают в один, отчего этот язык, уже сам по себе такой необычный для европейского уха, приобретает исключительно варварский вид, когда его звуки пытаются передать посредством наших европейских алфавитов, в особенности используя сложные сочетания немецкого алфавита. Приведу здесь лишь несколько примеров: «поток воды» будет записано *gytschetschebsippogo psi* (*q* для *ʒ*), *dtsuchuwf* — «порядочный человек», «дворянин», *dtsuch* — «человек» и *vfo* — «хороший»; *arslanr* (из турецкого) *anachh thlesschsch blanecheme* или *blanehegosscheame* — «лев, самый сильный из зверей».

И тем не менее европейца сразу сочтут за чужака по тому, как он произнесет большинство слов, которые я только что привел. У черкесов есть звук *t* с придыханием (обозначенный выше как *th*), который чрезвычайно труден и который, по крайней мере для меня, остается недоступным. Это своего рода свистящий, который частично схож с английским *th* и частично с *v* в новогреческом, не будучи при том ни тем, ни другим. Я по пятнадцать минут пытался произнести правильно простое слово *tchithl* или *tchivl* («книга, письмо, надпись или бумага», это слово имеет все эти значения), но как я ни ломал язык, тем не менее мне всего раз или два случайно с трудом удалось выговорить верно, причем как только мне нужно было повторить это слово, у меня уже не получалось.

Язык уже представлял бы достаточно большой интерес с точки зрения своего грамматического строя, если бы не пугающие трудности произношения, весьма осложняющие подход к нему. Черкесский язык, как представляется, не так беден, как можно было бы себе представить, хотя в нем недостаточно выражений для обозначения значительного числа абстрактных понятий. В том, что касается глаголов и частиц, он представляет собой огромное богатство; однако в том, что касается именного склонения, он довольно беден, и в особенности его падежи заслуживают отдельного и усердного изучения. Что касается системы падежей, черкесский язык, как представляется, скорее схож с арабским; склонение, как мне показалось, может быть представлено по образцу русского языка, как то уже прозорливо заметил автор «Грамматики». Остается только пожелать, чтобы он сохранил силы и не утратил свой благородный порыв изучать культуру родного языка, равно как и все те, кто, в свою очередь, его окружают и мог бы поддерживать.

Разумеется, работы еще много, кроме того, многие вещи, как представляется, до сих пор не систематизированы. Тем не менее язык этот издавна находится в употреблении и сегодня используется каждый день как в ежедневном обиходе, так и в поэзии. Возможно, у этого народа нет ни одного вождя, известного в истории, о котором не было бы сложено хотя бы одной песни. В древние времена поэты должны были присутствовать на поле боя, где их песнопения вдохновляли воинов. Этот обычай, как кажется, напоминает традиции древних скандинавов, что, впрочем, является далеко не единственным замеченным мною сходством между этими народами, пусть не в языке. Этого рода песнопения по сей день широко распространены <среди черкесов>. Ногма сам является страстным поэтом; так, все время, что он провел в моем доме, он в основном занимался поэзией как собственного сочинения, так и переводами, которые он делал с русского. Их песни очень оригинальны и характерны. Как и песни татарских народов они большей частью меланхоличны и однообразны, с той лишь разницей, однако, что у черкесов голос неожиданно с силой поднимается на последнем стихе или на припеве. К сожалению, у меня было недостаточно времени для того, чтобы получить полное представление ни об интимном характере черкесской поэзии, ни о ее тематике, ни о ее формах, так как я полностью посвятил себя изучению грамматики, так как, во-первых, я хотел завершить ее изучение, а во-вторых и главным образом, чтобы отправить своего гостя назад, к его соплеменникам, поскольку он все чаще и настойчивее получал приветы от своей маленькой дочки. Таков их обычай. Чужой не имеет права передавать приветы от женщины, если он не хочет оскорбить своего земляка и доставить себе неприятности. Причина этого — в обособленном жизненном укладе чужого рода по восточным законам, по которым чужой мужчина не имеет права видеть женщину в доме. «Какая тирания и варварство!» — воскликнут наши европейские дамы. Другое дело черкешенки, которые родились и выросли, соблюдая эти законы. Черкешенка сама почувствует себя оскорбленной, вздумай ее муж предложить ей прогулку на людях. Подобный образ мыслей не допускает и считает позорным передать кому-то привет от жены. Точно так же будет сочтено за оскорбление справиться о жене другого; разве может это касаться кого-то, кроме мужа! Кроме того, кажется, что мужчины вообще считают постыдным вести друг с другом разговоры о женщинах.

Однако пора от черкесов перейти к собственной персоне. В дополнение к моим сообщениям о черкесской литературе я хочу добавить, что некий француз Люлье, как я слышал в Ставрополе, занят теперь

в черноморском Екатеринодаре составлением черкесского словаря на основе транскубанского диалекта, весьма отличного от кабардинского, с тем чтобы затем издать его вместе с немцем по имени Тауш, который, в свою очередь, также провел несколько лет на реке Кубань среди тамошних черкесов и даже научился разговаривать на их языке. Моя черкесская грамматика обходилась мне весьма недешево. Я заметил лишь к концу долгих и усиленных трудов, целью которых было изучение сей грамматики, что мои больные глаза опять весьма пострадали и что зрение мое стало очень слабым. Чтобы как-то бороться с этими неприятными симптомами и предупредить, насколько то возможно, кровоизлияние, которое могли вызвать постоянные научные занятия и умственное напряжение, я жил здесь как настоящий монах в том, что касается физических удовольствий, однако я переехал в дом, где прошлой осенью открыли маленькую школу. В этой школе преподает учитель осетинского языка, осетин по национальности, с которым я познакомился еще во время моего пребывания в Тифлисе, где он учился в семинарии. Однако поскольку с местным диалектом он знаком мало, то для того, чтобы усовершенствовать мои познания, я часто прибегал также к помощи моих старых знакомых — протоиерея Шио Двалишвили и в особенности переводчика Шукаева, и ныне я почти закончил свою первую работу, подготовив, насколько это было в моих силах, как можно более завершенную и как можно более полную «Осетинскую грамматику». Я радуюсь этому как ребенок, как самой работе, так и тем новым перспективам, которые, я надеюсь, эта работа открывает для сравнительного языкознания. Уже сейчас многие вещи в древних классических языках представляются мне более ясно или же совсем в другом свете, нежели они представлялись мне ранее, или же в том виде, в каком я вообще не мог их себе представить.

Чтобы завершить свою работу, я намереваюсь теперь, как только мне предоставится возможность, совершить поездку в горы, чтобы еще больше приблизиться к осетинам и таким образом доехать до дигорцев, которые, судя по тому, что о них говорят, сильно отличаются своим диалектом от всех других осетин. Из Дигорского уезда я отправлюсь в Рачу, а оттуда — в Имеретию, для чего я должен буду пересечь снежные горы большой горной цепи по той же дороге, по которой ехал Клапрот, если верить его словам; основной целью сего моего путешествия будет лично убедиться в том, действительно ли древние рукописи до сих пор хранятся в монастыре Гелати, как то следует из сообщения Гамбы. Из Кутаиси я вернусь в Тифлис. План этот не лишен риска прежде всего потому, что рискую своим зрени-

ем, тем более что мне придется прервать лечение, начатое в Пятигорске, а также потому, что мое возвращение в Петербург придется отложить; однако цели, которых я намерен достичь в ходе моего путешествия, таковы, что заставляют меня забыть обо всех остальных соображениях.

Отрывок из письма А.М. Шёгрена президенту Академии наук⁴.

Тифлис, 3 июня 1837 г.

(прочитано 23 июня 1837 г.)

По счастливому стечению обстоятельств мне удалось подробнее познакомиться с черкесским языком и его грамматическим строем. Весну я провел во Владикавказе за изучением осетинского, из-за его связей с основными европейскими языками и родственными азиатскими из всех кавказских языков, без сомнения, самого важного. Довелось мне наконец получить и материалы для изучения его особенностей, в частности изучив тагаурский диалект, самый богатый и развитый. Для южного осетинского я уже ранее получил много пособий, частью печатных, частью рукописных, от экзарха Грузии. Оставался лишь западный диалект Дигории, наиболее отличный от других и наименее известный. О нем не было никаких сведений, кроме нескольких ненадежных слов в описании путешествий Клапрота. Посему мне казалось необходимым самому предпринять путешествие в Дигорию, чтобы одновременно, кроме познаний в языке, собственными глазами увидеть повседневную жизнь осетин в самых отдаленных местах и заодно проверить на месте сомнительные данные Клапрота. Кроме того, из Дигории через заснеженные горы вел самый прямой путь в Имеретию и Рачу, где я желал главным образом посмотреть старинный монастырь Гелати и его библиотеку, по слухам богатую древними рукописями.

Состояние моих глаз уже тогда требовало, чтобы я скорее вернулся в Пятигорск, а не пускался в очередное путешествие, и использовал второе и последнее лето здесь для серьезного и длительного курса лечения, который со мной хотели провести. Но я не мог оставить свои путешествия и упустить возможность завершить свои грузинские и осетинские штудии. Главное препятствие заключалось в том, что мне повсюду отказывались давать переводчика и сопровождающих дальше, чем до ближайшего дигорского села, поскольку Дигория находится под юрисдикцией крепости Нальчик в Кабарде, а не под Владикавказской. Комендант вообще пытался отговорить меня от

моего предприятия, но я решил положиться на судьбу и все-таки поехать. Вскоре меня ждала награда: уже в первом селе знакомый мне грузинский священник, по прозванию благочинный, крестивший всю Дигорию, примкнул ко мне, чтобы также объехать Дигорию. В его обществе я и проехал всю эту местность до последнего села у подножия главного, покрытого снегом хребта <Кавказа>, через который мне потом пришлось с превеликим трудом пробираться пешком, в сопровождении троих осетин, которые на спине несли мою поклажу. Так я наконец благополучно достиг Рачи, северного района Имеретии, и могу сказать о себе, что я «пришел и увидел», но, увы, не особенно «победил», так как главной цели своего путешествия — ознакомиться с диалектом — я так и не достиг. Из двоих местных русских переводчиков, которым меня поручили во Владикавказе, один отсутствовал, а другого старшина, у которого он жил, всячески мне отсоветовал. Мои спутники духовного звания, священник и дьячок, говорили по-русски лишь в случае крайней необходимости, а по-дигорски еще меньше, так как сами были не из тех мест и недолго там служили. Посему мне приходилось обходиться собственными познаниями в тагаурском и грузинском — довольно скудными, надо сказать, и не достаточными для того, чтобы изучить диалекты во всех их грамматических особенностях, и все, что я смог узнать, послужило лишь тому, чтобы еще больше ощутить нехватку хорошего переводчика, подобно тому что был у меня во Владикавказе.

Дигорский диалект настолько сильно отличается от тагаурского, что оба племени с трудом понимают друг друга. Дигорский, в большей степени, чем тагаурский, проявляет свои особенности не только в отдельных словах, но и в грамматических формах, и еще более близок к другим языкам индоевропейской группы.

Имеретия, а именно Гелатский монастырь, также обманула мои ожидания. Там, по сведениям, еще недавно должны были находиться немногочисленные рукописи, в том числе и исторического содержания, пусть и не в таком количестве, как ходили слухи, но, судя по всему, я опоздал, потому что нашел только небольшое количество духовной литературы. Однако я не оставляю надежды рано или поздно послужить Академии и науке в отношении древних памятников грузинской письменности, поскольку приобрел множество связей. С этой целью где только можно я внимал всяческим советам.

После недолгого пребывания в Кутаиси я в последний день мая отправился обратно в Тифлис, совершенно изможденный и полубольной после трех недель тяжелого пути пешком или на лошадях, и мои бедные глаза оказались утомлены настолько, что даже самые

простые задачи, такие как написание этого письма, становятся для меня затруднительными.

Теперь я не думаю о новых трудностях и хочу как можно скорее вернуться в Пятигорск, чтобы восстановить зрение или по крайней мере облегчить мое состояние и попытаться сохранить другой глаз.

Из-за более высоких побуждений я уже пожертвовал значительной частью обычного курса лечения. Ваша светлость не может не увидеть в этом доказательство моего рвения к достижению научных целей моей миссии.

То обстоятельство, что даже эта последняя жертва, против моих ожиданий, была вознаграждена таким ничтожным успехом, никому, кроме меня, не покажется столь прискорбным. Особое мое сожаление вызывает то, что даже в моих осетинских штудиях остался большой пробел, и тем самым отсутствует важное звено для сравнительных исследований. Этому, однако, можно было бы помочь. От Вашего сиятельства зависит, буду ли я в состоянии это сделать и вернуться ли из этого путешествия удовлетворенным.

Как я сам узнал лишь в Дигории, множество осетинских жителей Моздока родом дигорцы, и именно там можно изучить их язык даже лучше и с большим удобством, чем на их исторической родине. Поскольку там давно находится осетинская миссия, которая даже отпечатала «Катехизис», то, вполне возможно, обнаружатся и более старинные памятники письменности, содержащие сведения об истории осетин и других, соседних с ними горских народов, поскольку я сам во время моего первого пребывания здесь натолкнулся на целую кучу старых грамот. Кроме того, у меня была бы возможность усовершенствовать свои знания в черкесском и написать более основательную грамматику этого языка — книгу, которая, помимо научного интереса, могла бы оказаться весьма полезной и в политическом отношении.

Посему прошу Вашу светлость, буде это возможно, с 9 сентября, когда истекает срок моего двухлетнего пребывания здесь, продлить его на четыре или по меньшей мере на три месяца. Если мое зрение восстановится или хотя бы вернется в прежнее состояние, я не премину делом всячески доказать свою благодарность за Вашу любезность.

Примечание издателя: в ответ на доклад, представленный Его Императорскому Величеству, А.М. Шёгрэн получил разрешение на продление его пребывания в крае, дабы вернуться в Моздок. Мы ожидаем его возвращения в следующем январе.

Письмо А.М. Шёгрена Ф.И. Круту⁵.
 Моздок, 20 октября 1837 г.
 (прочитано 15 декабря 1837 г.)

В своем письме к господину министру я уже коротко сообщил о важнейших поездках этого года в горы, а оттуда — через Имеретию в Тифлис. Посему более подробное описание могло бы также представлять интерес, и поскольку я нахожусь здесь в состоянии вынужденного безделья, то беру на себя смелость заставить на этот раз Ваше сиятельство немного подождать и одновременно выполнить мое обязательство перед Академией в виде подробного отчета.

Как следовало из моих писем, посланных Вам ранее, меня всячески пытались отговорить от поездки в Дигорию. Тем привлекательнее казалось для меня это путешествие, хотя даже один из осетинских офицеров, которого мне дали в переводчики и проводники только до первого селения, узнав, что я один, сказал, что берет на себя обязательства лишь до того селения, и то лишь в лучшем случае, если мы встретим старшину, который приходится ему родственником. Но я все же решился на путешествие, уверенный, что старинная поговорка «*audaces fortuna juvat*»* с Божьей помощью оправдается и на мне. На это решение особенно повлияло сообщение, что у этого старшины я найду русского переводчика, урожденного дигорца. Кроме того, в крайнем случае я всегда мог вернуться во Владикавказ, если обстоятельства для продолжения путешествия окажутся неблагоприятными. И поэтому утром 6 мая я отправился в путь; в проводники я взял прапорщика Кази-Мухаммеда и двух казаков для обеспечения безопасности.

Мы скакали все время в западном направлении у подножия Кавказских гор, по южному краю Кабардинской равнины, через многочисленные реки, стекающие с Кавказа, мимо селений с мирными осетинами, спустившимися в последние годы с гор, с тех пор как прежние их обитатели, кабардинские черкесы, покинули эти места. По дороге нам однажды встретилась группа осетин, которые почти все — как велит обычай горцев — имели при себе огнестрельное оружие, пистолеты, мечи и кинжалы. Все они выказали ко мне любопытство. Я пренебрег обычными в таких случаях — даже среди русских и других иностранцев — мерами безопасности и не надел национальной одежды, отчего своим европейским платьем, вооруженный одной лишь саблей и спрятанным кинжалом, сразу бросился им в глаза.

* Удача помогает храбрецам (*лат.*).

В одном селении, где мы обедали, я попытался заговорить по-осетински, и это произвело такой эффект, что даже хозяйка перестала смущаться, подседа ко мне и начала со мной беседовать. К вечеру мы благополучно достигли цели нашей поездки, Кубатигау (от «гау» — селение). Это селение расположено у подножия предгорий, у истока Урсдона («белой воды»), и насчитывает вместе с соседним селением Карагац до 240 дворов. Старшина Кассай Кубати, почтенный старик, на самом деле оказался дома; нас хорошо приняли и, как обычно, разместили в комнате для гостей в пристройке. Это была маленькая, отделанная деревом комнатка без настила на полу, зато с чем-то вроде невысокого открытого камина, в котором сразу разожгли огонь — он должен был освещать комнату до тех пор, пока мы не ляжем спать. Около камина в стене было маленькое четырехугольное отверстие, заменявшее окно; остальной свет проникает днем через всегда открытую дверь. Рядом с ней к стене была прикреплена скамья для сидения, у задней стены стоял передвижной диван, деревянный, низкий, с подушками. Под оконным отверстием находилась широкая и в то же время низкая кровать, на которую тут же положили пару подушек и пригласили меня сесть. К ночи, после нехитрого ужина, мне принесли постельные принадлежности и помогли в тепле устроиться спать.

Таким образом, в физическом отношении мне было не на что жаловаться. Что касается моих интеллектуальных потребностей, то я сразу же по приезде осведомился, есть ли здесь русский переводчик; в ответ, однако, получил «пеј» (слово составлено из *ne* — «нет» и *is* — «есть», в стяженном варианте *j*. «Ну вот! Что я говорил? И что же вы теперь предпримете?» — воскликнул Кази-Мухаммед. «Задерживать вас здесь, пока не вернется переводчик», — отвечал я. Последний в то время как раз отправился в крепость Нальчик в Кабарде (к которой в административном плане относится и Дигория), но должен был вскоре вернуться. Но на следующее утро его все еще не было, и прапорщик должен был согласиться и дальше оставаться здесь вместе с казаками.

Вскоре после этого из Нальчика приехал священник по фамилии Бердзев, грузин, который в случае необходимости мог говорить по-русски. С ним я уже познакомился во Владикавказе и тем более обрадовался нашей встрече, потому что он намеревался отправиться в Дигорию, для христианского населения которой он был духовным пастырем <благочинным>. Он хотел из-за меня отложить свой отъезд на следующий день, поскольку я пообещал поехать с ним, если до этого времени не вернется переводчик. Чтобы поторопить того, хозяин, у которого я остановился, вызвался сам съездить в Нальчик. Та-

ким образом, я смог попрощаться со своими провожатыми из Владикавказа, и они сразу же отправились назад.

В их отсутствие я еще более убедился, что без переводчика мне в отношении языка не справиться. Наступил следующий день; переводчик не появился. Вместо него прибыл другой старшина — Бек-Мурза Кубати, с приветом от Кассая, который порекомендовал меня ему, и поэтому он предложил мне поехать с ним в его дом в Средней Дигории, где бы он и позаботился о моем дальнейшем продвижении. У него же я должен был найти другого русского переводчика, которого он обещал предоставить в мое распоряжение. Чтобы зарекомендовать себя, он показал мне русский документ, в котором я прочел, что этот человек в 1831 году обратился к главнокомандующему Кавказа и Грузии с письмом и изъявил готовность присягнуть на верность Российской империи от своего лица и от лица своих подчиненных, а также отдать своего сына в качестве заложника в крепость Нальчик, если русское правительство обязуется защищать его от всех преследований и мести за совершенное прежде насилие. Это предложение было принято с тем условием, что впредь он должен жить в мире со своими соседями. По комментарию к этому тексту, а также взглянув в лицо моего нового знакомого, я мог легко заключить, что он наверняка промышлял разбоем, а в конечном счете стал объектом кровной мести, обычая, совершенно естественного для горских народов Кавказа, и попал в настолько затруднительное положение, что решил обеспечить свою безопасность, подчинившись России. Позже я узнал, что дела обстояли именно так, как я и догадывался, и что у этого человека до сих пор есть смертельный враг в лице одного из наиболее могущественных местных предводителей.

Ранее я уже заказал пару лошадей, чтобы в любом случае поехать со священником, и они уже ждали меня оседланные. Мы сразу смогли пуститься в путь; но когда Бек-Мурза увидел рядом со мной священника со своим дьячком и рядом с ним двоих крещеных осетин из его же общины на Кабардинской равнине, он явно почувствовал себя в этом обществе не слишком уютно. У него, как у набожного мусульманина, в доме был свой мулла, и там же он недавно возвел отдельную мечеть. Священник сообщил об этом местным властям, и те потребовали с Бек-Мурзы письменное объяснение. Итак, Бек-Мурза проехал с нами какое-то время, а после сказал мне, что хочет поскорее вернуться домой после долгого отсутствия; поскольку в этот день мы не успевали добраться до его родного селения в горах, он поскачет вперед и поищет для нас ночлег; на будущий же день обещал нам хороший обед у себя дома. Сказав это, он погнал коня вперед.

Некоторое время мы ехали вдоль течения реки Урсдон в южном направлении, потом оставили его слева и повернули на запад и вскоре попали в дикий и густой лес, где росли дубы и другие лиственные деревья. Мы ехали все время в гору, пока к полудню не выехали на открытый зеленый луг, образовавший длинный склон рядом с другим, южным <склоном>, более высоким и поросшим лесом. В то время как наши лошади паслись, мы перекусили всухомятку сыром, хлебом и редькой из сумок моих спутников. После этого мы продолжили наш путь на север, вверх по склону, откуда открывался вид на Кабардинскую равнину до параллельных друг другу горных отрогов.

К пяти часам мы увидели стада Бек-Мурзы — они по большей части состояли из овец и коз; рогатого скота было мало. Вскоре нам встретились и вооруженные пастухи, которые и пригласили нас в крытую досками лачугу. Поскольку пастухи также были магометанами, нам пришлось ждать ужина до захода солнца. Трапеза наша состояла из вареной ягнятины и кислого овечьего молока, хранившегося в бурдюке, в котором оно при сильном встряхивании быстро превращалось в масло. Хлеб был из ячменя, основного злака, который выращивают в Дигории — на здешней почве он всходит особенно хорошо. Кроме того, местные жители выращивают также пшеницу и овес.

На следующее утро, 9 мая, мы отправились в путь сразу после восхода солнца, спустились в глубокое, заросшее густым лесом и влажное ущелье, а потом ехали зигзагом, то вверх, то вниз, через множество маленьких долин и расселин, вдоль главного хребта в западном направлении, к реке Урух, или Эреф, как ее называют в Дигории. Самой реки мы достигли через 4 часа, там, где она срывается пенящимся потоком вниз со скал, чтобы потом уже спокойно продолжить свое течение по Кабардинской равнине и соединиться наконец с Тереком. С этой точки, где Урух вытекает на равнину, и начинается собственно Дигория, среди ущелий и долин, образованных множественными горными реками, такими же, как названная.

В Дигорию мы попали через узкий горный перевал, единственным возможным путем с севера. С высоты этого перевала мы снова спустились на юг, в долину между горными массивами, местами напоминающими ступени, по которым мы шли пешком и вели лошадей под уздцы. Так прошли мы несколько верст, то поднимаясь, то опускаясь по восточному склону, с многочисленными поворотами на краю порой ужасно глубоких ущелий, и усеянная редкими камнями тропа местами становилась такой узкой, что я боялся, что лошадь с моей поклажей не сможет пройти и сорвется вниз. Однако благодаря нашей осторожности мы благополучно миновали перевал и снова се-

ли в седла. Вышли наконец на открытое, хотя и чрезвычайно каменистое и местами усыпанное осколками породы место, где по обоим берегам реки нашему взору открылись рассыпанные то там, то тут дигорские деревни, а между ними — маленькие пашни, огороженные каменными заборами. Все дома возведены также из камня, без соблюдения какой-либо симметрии, так что селения кажутся издали беспорядочным нагромождением камней.

К полудню мы достигли селения Нара, состоявшего всего из 4 дворов — здесь и живет Бек-Мурза. Многие окрестные селения тоже принадлежат ему. Нас привели в маленькую комнатку для гостей, освещавшуюся только через открытую дверь. Через некоторое время так называемый князь сам явился, чтобы поприветствовать меня, и тут же приказал поставить самовар — единственный во всей Дигории, привезенный им из Ставрополя. Чай нам подал сам хозяин, а после пришло время обеда. Поскольку он был приготовлен заранее, то будет любопытно упомянуть, из чего он состоял.

На первое было подано очень вкусное блюдо из яиц с маслом и сыром; после — вареное мясо овцы, которую хозяин велел нарезать специально к моему приезду. Как и у черкесов, еда подается на маленьких низких круглых столах, стоящих на трех ножках и больше походящих на сервировочные блюда. Посредине стоит миска или горшок с основным блюдом, вокруг лежат нарезанные куски только что испеченного хлеба. Мясо также подается уже нарезанным и положенным в миску с растопленным жиром, в который его окунают, прежде чем съесть. Вилками не пользуются, едят руками, которые поэтому моют до и после застолья. Самым лучшим из поданного мне в доме Бек-Мурзы я, однако, нахожу домашнее пиво, которое хозяин сам щедро подливал гостям — оно было настолько вкусным, что сделало бы честь любому европейскому княжескому двору. Делают осетины и водку, но она очень слабая и значительно уступает пиву.

Несмотря на то достоинство и важность, с которым держался хозяин, он не пожелал сам принять участие в обеде, но стоял вместе со слугами и соседями у двери: по его словам, национальный обычай требовал, чтобы таким образом выказывалось уважение. Только после моих настоятельных просьб он наконец согласился сесть с нами за стол. Между делом я также познакомился с его четырнадцатилетним сыном, который более года находился в крепости Нальчик в качестве заложника и за это время очень хорошо выучился говорить по-русски. Услышав, что отец собирается вскоре отправить его в Санкт-Петербург на службу в черкесском полуэскадроне, я попросил его навестить меня там, оставил ему свой адрес и пообещал помочь ему

советом и делом. Это пришлось по душе отцу мальчика: он рассыпался в благодарностях и комплиментах, предложил мне вечный дружеский союз и просил меня в будущем посещать его дом, да и сейчас задержаться у него подольше. Поскольку я уже заказал и оплатил лошадей от Кубатигау до Стур-Дигоры, то от его приглашения с благодарностью отказался; однако же попросил его в качестве дружеской услуги разрешить своему русскому переводчику сопровождать меня до Стур-Дигоры и там остаться со мной на несколько дней, чтобы я мог поближе познакомиться с дигорским диалектом. К моему великому удивлению, он ответил, что из-за срочных дел сейчас не может обойтись без переводчика, но готов сам сопровождать меня, если я пожелаю. Я объяснил ему, что в этом вовсе нет необходимости, и повторил свою просьбу. Чтобы сколь возможно вежливо избавиться от меня, он сказал мне, чтобы я дал ему знать из Стур-Дигоры, действительно ли мне все еще нужен его переводчик, и тогда он постарается послать его ко мне.

С нескрываемым разочарованием я покинул его дом и с моей прежней компанией тем же вечером достиг нашей общей цели — Стур-Дигоры, или Большой Дигоры, расположенной всего в 16 верстах от Нары. Это селение носит такое название, поскольку насчитывает до ста дворов. Некогда оно было еще больше, но тяжелые условия жизни заставили многих его жителей покинуть его. Здесь почти нет земли под пашню, а та, что есть, очень дорога: один аршин стоит пять рублей серебром — единственная монета, которая здесь известна всем и которой все оплачивается. Собственных посевов нынешним жителям не хватает на весь год, и они изыскивают дополнительные способы покрыть недостаток, выделывая шкуры, обрабатывая шерсть, делая сукно и т. п. Овцеводство — самый благородный способ добычи пропитания для туземных жителей, к которому их принуждает нехватка пахотных земель и прохладный климат.

Стур-Дигора — последнее осетинское село на юго-западе, расположенное в открытой долине неподалеку от истока реки Урух, со всех сторон огражденное снежными вершинами. Как и почти все горные села на Кавказе, оно снабжено множеством высоких каменных башен, которые в случае нападения врагов служат убежищем для обороны. Там я остался до 13 числа, частью для того чтобы отдохнуть от утомительного путешествия, а частью чтобы насколько возможно ближе ознакомиться с местным наречием. Поскольку Имеретия здесь неподалеку, то многие из мужчин говорят и по-грузински, и поэтому мне удалось собрать хотя бы небольшой лексикон. Многого, однако, сделать не удалось, так как люди, окружавшие меня, слабо владели рус-

ским, а я не намного лучше грузинским; поэтому до подробных грамматических исследований дело не дошло. Несмотря на неоднократные запросы, которые я посылал с осетинами, возвращавшимися в Кубатигау, Бек-Мурза так и не прислал своего переводчика.

Касательно Дигории вообще и пути через нее в Стур-Дигору я хочу заметить, что описание Клапрота в начале второго тома его путешествий вполне правильное, и мне кажется, что он действительно сам проделал этот путь, по крайней мере до Стур-Дигоры, как это подтверждают услышанные мной устные свидетельства. Однако же и это описание не лишено ошибок; к тому же многого, что он, возможно, видел, сейчас уже нет.

Кроме граничащей с этими краями северной провинции Имеретии, Рачи, из Стур-Дигоры есть, как правильно замечает Клапрот, два различных пути через главный хребет Кавказа: один более легкий, но и более длинный, другой прямой, но более трудный. Поскольку мне все равно пришлось идти пешком, то я выбрал второй путь. Должен признаться, что не совсем понимаю, как Клапрот мог проделать этот путь верхом, когда, по заверению местных жителей, такое невозможно даже летом. С помощью Бердзенева я нанял за семь рублей серебром троих дигорцев, чтобы они сопровождали меня и несли мой багаж; среди них был и хозяин, у которого я жил: он вполне бегло говорил по-грузински.

С ними, как уже было сказано, 13 мая после полудня я и пустился в путь — он сначала вел меня на запад, вверх по долине, в которой лежит Стур-Дигора и где протекает бурный поток Карвези-дона*.

После нескольких верст пути река осталась с правой стороны от нас, и мы начали взбираться вверх по высокому ущелью, вдоль другого горного потока, Коби-дона. Ему мы следовали вдоль скал, каменных завалов и небольших заснеженных полян, через местность, густо поросшую лесом. Когда мы поднялись выше, пошел мелкий дождь, и мы укрылись от него в просторной пещере, где я надел поверх своей одежды еще и просторный осетинский плащ, взятый для меня как раз на такой случай. Продолжив наше утомительное путешествие, мы достигли открытого, но весьма каменистого склона, а ближе к вечеру в совершенно безлесной местности еще одной пещеры под длинной скалой, такой низкой, что в глубине ее можно было только лежать. Там мы поужинали взятым с собой хлебом и сыром и провели ночь под шум усилившегося снаружи дождя.

* Дон по-осетински означает собственно «вода», но используется и для обозначения различных рек и ручьев <Примеч. автора>.

Наутро 14 числа он прекратился, но горы накрыл плотный туман. После двухчасового перехода вверх через снег и камни, мимо голых скал, мы добрались до истока Коби-дона. Мои спутники наполнили бурдюк водой для дальнейшего путешествия, и мы позавтракали. Чтобы мне легче было идти по лежащим впереди долгим и крутым снежным склонам, на меня надели более легкую обувь, специально сшитую для меня в Стур-Дигоре из козьей шкуры, мехом наружу. Она была плотно набита сухой травой и крепилась к ногам ремешками.

Действительно, снег становился все плотнее, и рядом с нами стал виден длинный ряд глетчеров, которые выше также были покрыты снегом. Мои спутники надели, в дополнение к своей обуви, такие же, как у меня, деревянные, почти круглые приспособления, края которых со всех сторон выступали далеко за очертания ступни, внизу же они были крест-накрест перевязаны широкими ремнями из шерсти. Это подобие лыж служило для того, чтобы сделать шаг тверже и не дать ногам утопать в снегу. Меня обвязали веревкой, а один из впереди идущих держал ее конец, чтобы я не упал с тех жутких откосов, которые все чаще попадались нам на пути, так что мы продвигались согнувшись и часто отдыхая. Один из нас должен был идти впереди, чтобы прокладывать путь остальным. Так к 11 часам мы наконец достигли высочайшей вершины Кавказа, оказавшись у высокой оголенной скалы. Меня немало раздосадовало в тот момент, что туман никак не рассеивался, потому что из-за него я оказался лишен одного из самых величественных зрелищ на свете. Но вскоре я сам убедился в неразумности моих пожеланий и благодарил провидение, что они не сбылись. Спуск по южной стороне, который вначале казался отдыхом, становился чем дальше, тем труднее, по мере того как солнце, несмотря на пасмурное небо, растапливало снег. Не имея снегоступов, как у моих спутников, я постоянно проваливался в подтаявший снег и оттого утомлялся еще больше. Тем временем спуск все же пошел быстрее, особенно на крутых склонах, где мы просто садились на наши мешки и съезжали вниз по горе. Так мы попали в глубокую и широкую, но не такую грязную впадину, по правой стороне которой и продолжали наш путь.

В это время вышло солнце, и его сияние вскоре начало слепить мне глаза, хоть я и пытался прикрыть все лицо двойным зеленым покрывалом. Мы уже прошли половину ущелья, когда послышался страшный треск наверху справа, предвещавший приближение лавины, а поскольку в середине ущелья было опасно из-за протекавшего там потока, мы поспешно повернули назад, чтобы найти другой проход вдоль восточного, более пологого края. Чем больше светлело не-

бо, тем мягче становился снег и пробираться вперед становилось для меня все сложнее. Глаза слепило все сильнее, так что под конец я уже почти ничего не видел. Меня охватили страх и отчаяние. Я рассказал по-грузински моему хозяину из Стур-Дигоры, что со мной происходит, и он снял плащ-палатку со спины, велел мне сесть на нее и долгое время волок меня на ней вниз, так что я смог закрыть глаза и дать им хотя бы немного отдыха. По счастью, солнце вскоре скрылось в облаках, а мы добрались до крутых склонов, по которым съезжали уже упомянутым способом. После приблизительно трех часов я услышал в стороне шум ручья, называвшегося Херцисским. Одновременно и снега становилось все меньше — вместо него внизу показались кусты и деревья. Поскольку земля была теперь покрыта лишь тонким слоем снега, мы вприпрыжку спустились по ущелью к ручью, и через некоторое время я неожиданно попал из зимы в весну, во всем ее великолепии, с зеленеющей травой и прекрасными цветами, которые наполняли воздух своим ароматом. Я снова прибодрился. Вскоре мои спутники остановились у источника, воду которого они очень хвалили. Она была сильно минерализованной. Там мы и подкрепились хлебом и сыром, а потом продолжили наше путешествие вдоль ручья, который по ходу своего течения сливается еще с двумя потоками. Один из них, Домбро, стал нашей целью. Меня снесли вниз, к нему. Снег теперь был виден лишь на самых высоких вершинах или в том или ином ущелье, заросшем густым лесом. Деревья и другая поросль становились все чаще, попадались и могучие сосны. Ручей, который, слившись с другим таким же, превратился в небольшую речку, занимал все больше места в долине, так что нам часто приходилось взбираться вверх, чтобы обогнуть высокие камни по его берегам. Я совсем устал, но прибодрился после баранины, поджаренной моими спутниками и съеденной нами без соли с хлебом и водой.

Далее мы миновали еще один ручей, за которым долина становилась шире. Под горой стояла каменная церковь в окружении леса. Говорят, что она была построена в XI веке, во времена царицы Тамары, которой обычно приписывают все подобные памятники, коих много в этих горах. В Дигории я сам видел две такие более или менее сохранившиеся древние церкви. Еще ниже простиралось широкое пространство, открытое, все состоящее из зеленых полей и пашен. Это не могло меня не обрадовать, так как предвещало скорое окончание моего утомительного путешествия. Однако же нам предстояла еще немалая часть пути, во время которого мы проходили мимо мелких ручьев, втекающих в одну и ту же долину и расширяющих ее своими водами. Этот общий поток, начиная от церкви, зовется Чвежури. Оба

его берега покрыты лиственным лесом и многочисленными цветами, от которых вечером исходит томный аромат.

К 8 часам я наконец добрался до Геби, самого северного села в Раче, расположенного там, где Чвежури впадает в Риони. Село насчитывает до 120 домов, здесь есть церковь и много башен из белого известняка, так что издали кажется очаровательным городком. В то время как мои рекомендательные письма относили к старейшине деревни, все мужское население собралось вокруг меня. Моурав — местный правитель — появился и сам, предоставив мне квартиру в ближайшем доме. Это была большая и высокая комната, в которую поднимались по балке с вырезанными на ней ступенями. Вокруг были низкие балки или скамьи для сидения, и в стенах маленькие отверстия вместо окон. Посреди находился очаг, где сразу развели огонь, который и освещал комнату весь вечер.

Для моурава принесли низкое кресло. Поскольку он не понимал по-русски и, таким образом, не знал содержание моих документов, он послал за мужиком, который должен был исполнять роль переводчика. Однако его познания ограничивались лишь парой слов, которым он научился, отбывая гауптвахту в Кутаисе во время своего полугодового ареста. Поэтому пришлось вести беседу по-грузински. После того как мне удалось кое-как объяснить ему, кто я и зачем путешествую, он распорядился насчет ужина, от которого я, однако, отказался, поскольку более всего нуждался в отдыхе.

Тем временем пришлось приводить в порядок волосы на затылке; в комнате было столько народу, что любое движение было затруднено.

Моурав заставил палками выгнать селян; но они тотчас же вернулись, так что процедуру пришлось повторить с еще большим усердием, прежде чем толпа отказалась от дальнейших попыток удовлетворить свое любопытство. Моурав остался с несколькими соседями, и я вынужден был раздеться в *omnium praesentia*^{*}, пока присутствующие трапезничали.

На следующее утро я осмотрел большую и красивую деревенскую церковь, построенную, по-видимому, также во времена Тамары. После этого я использовал оставшееся до обеда время для расширения моего словарного запаса в дигорском языке, для чего воспользовался услугами моих проводников. За обедом, в котором принимали участие самые почетные соседи, моурав угощал все общество помимо имеретинского вина, еще и хорошим пивом, которое варят в Раче и некоторых окрестных селениях.

^{*} в общем присутствии (*лат.*)

Сразу после обеда я продолжил путешествие, для которого услужливый моурав Отиа Джапаридзе нашел мне лошадей и несколько проводников, которые должны были доставить меня в ближайший город Они; для тамошнего моурава Отиа составил рекомендательное письмо. Он сам проводил меня из деревни и помог переправиться через Чвешури, которая вблизи села несколькими рукавами впадает в Риони и не имеет мостов. Там мы сердечно распрощались, притом он попросил меня в будущем останавливаться у него, если судьба снова приведет меня в Геби. Там же я распрощался и со своими осетинами, собравшимися в обратный путь. Я дал им изрядно чаевых, которые они честно заслужили, а моему стур-дигорскому хозяину сделал особый подарок. Прощаясь, он взял мою руку, поцеловал ее со слезами на глазах и при этом срывающимся голосом пожелал счастливого пути.

Мой дальнейший путь пролегал вдоль Риони, одной из главных рек Имеретии. Она берет начало в нескольких днях пути выше Геби, вблизи Эльбруса, и, как известно, впадает в Черное море близ Поти. Обычно ее принимают за Фазис древних греков — гипотеза, лишь слабо подтверждаемая в отношении ближнего течения и устья, поскольку ранее с нею соединяется другая важная река Имеретии, а именно Квирили, которую следует с бóльшим основанием считать Фазисом.

Довольно широкая долина Риони под Геби несколькими верстами ниже сужается, там где река меняет свое восточное—юго-восточное направление и между высокими заснеженными горами поворачивает на юг и юго-запад, образуя сплошной шумный водопад длиной в несколько верст.

Из-за недостатка места путешественник вынужден беспрестанно переходить с одного берега на другой, используя девять деревянных мостов, состояние которых ужасно. Они узкие, не имеют перил и едва держатся, вследствие чего необходимо соблюдать крайнюю осторожность. Один из них почти совсем развалился, из-за чего нам пришлось карабкаться по ужасным ущельям и откосам. Мою поклажу несли отдельно, а лошадей в целях безопасности держали за хвост. У подножия гор долина поросла лесом, особенно соснами. Из-за трудной дороги в день я проделал всего 15 верст до Уцери — маленького, разбросанного <по местности> селения, известного минеральными источниками. Я провел там ночь на полуоткрытом гумне у деревенского человани (так называют тех деревенских старейшин, в обязанности которых среди прочего входит забота о проезжающих путниках). Слово происходит от грузинского «чхели» или «чели» (рука) (по-фински *käsi*, род. *kälen*, так же как челозани, ремесленник,

художник). От Уцери меня ожидал более удобный, но не менее живописный путь в Они, до которого я добрался к 9 часам. Это маленькое местечко, почти деревня, но очень живописно расположенное на берегу Риони, вблизи впадения в него Джеджори. По указанию Джапаридзе меня провели через город к моураву, у которого за городской чертой имеется собственный красивый, почти в европейском вкусе дом. Спустя некоторое время появился и он сам, однако не сразу взяв адресованное ему письмо и приказал отвести меня назад в город к человани — еврею, который должен был проводить меня на определенную моуравом квартиру. Еврей, живший на противоположном конце города, откуда я собственно и пришел, по дороге в город справедливо выказал недовольство моуравом. Так как он тоже немного говорил по-русски, я попросил его оставить меня на какое-то время у себя, что он под всяческими предлогами делать отказался. Указанный моуравом дом оказался на запоре. Опять возник шум, на который сбежались все соседи. В конце концов терпение мое лопнуло, и я пожаловался в присутствии подоспевшего моурава в крепких русских выражениях на невежливое со мной обхождение. Наконец хозяин дома открыл дверь, и меня провели в маленькую каморку с голыми стенами, освещавшуюся лишь благодаря открытой двери. Раздосадованный, я коротко дал понять, что после всего этого мне лучше всего поселиться у еврея, которому я ко всему прочему еще раз пообещал соответствующее вознаграждение. Это возымело действие, и я вернулся к нему в сопровождении всей толпы и моурава. Еврей и в самом деле жил очень тесно, потому я поселился в маленькой полуоткрытой пристройке рядом с небольшим садом.

Во всем доме не нашлось стола, чтобы писать. Мне пришлось воспользоваться доской, которую положили на маленькие табуретки и камни, однако сооружение оказалось столь низко, что я с трудом выдержал пытку лишь до обеда. Он состоял из нескольких яиц, куска копченой курятины и вина. После обеда я ввиду хорошей погоды решил прогуляться в город. В нем множество торговых лавок, сколоченных из досок; купить там, впрочем, кроме мелких безделиц, нечего. С трудом я отыскал и купил фунт сахара, и тут опять не обошлось без осложнений; на мой серебряный полтинник едва нашлась сдача, частью русскими медными монетами, частью турецкими парами. Несмотря на все это, Они — самый лучший торговый город в Раче. Кроме всякой мелочи, там имеются в изобилии вещицы из соседних осетинских, балкарских и сванетских гор. Прямо в моем присутствии, несмотря на то что был воскресный день, во всех домах или, по азиатскому обычаю, прямо на улице что-то шили. Среди жителей горо-

да помимо имеретинцев — армяне и евреи. У последних есть синагога, другая церковь принадлежит армянам совместно с имеретинцами, поскольку армяне давно отошли от собственной веры и приняли местную. О другой странной особенности этого места я услышал позже. Здесь есть пещера, из которой исходит такое ядовитое испарение, что от этого меркнет свет и собаки заходятся в конвульсиях.

Мой хозяин обещал мне достать у своих соплеменников наутро лошадей; однако они пришли только в восемь, и прошел еще час за сборами. Неподалеку от города нам встретились два имеретинца из Глолы, северной деревни Рачи, восточнее Геби, известной своим кислым источником, из-за своей отдаленности труднодоступным, хотя вода его ни в чем не уступает знаменитому нарзану под Пятигорском. Один из упомянутых имеретинцев тут же вызвался переводить мне с осетинского, и, объяснив, что держат путь в Кутаис, они напросились к нам в попутчики. Толмач, как оказалось, прослышал о моем путешествии в Геби. Я заметил, что этим новым проявлением доброты и заботы я обязан достопочтенному моураву Джапаридзе. И на самом деле, о лучших попутчиках не стоило и мечтать. Когда толмач заметил, что лошадь моя никуда не годится, он предложил мне своего красавца скакуна, на котором я и добрался до Кутаиса. Чтобы успеть до обеда, мы, по его совету, прибавили шагу, оставив позади евреев с моим багажом. Вскоре мы встретили старого князя Джапаридзе, который приходился родственником гебскому моураву. Его слуга был послан в соседнюю деревню позаботиться об обеде. Однако это дело провалилось, поскольку он не застал человани дома. Мы расположились на зеленом лугу, подкрепившись хлебом с сыром из дорожных сумок попутчиков.

По дороге к нам присоединились три знатных господина из местных, державших, как и князь, путь в соседний город. Все они одеты были в шаровары, короткие, но широкие штаны из грубого синего либо серого полотна, и легкие камзолы, расшитые пестрыми нитками или серебром, один был даже из Брока. Поверх на них были надеты один-два более плотных полотняных камзола. На самом же князе был лишь короткий жакет с красным воротником и широкими красными обшлагами на рукавах, закинутых за спину. Одежда других также была скроена по грузинскому образцу, перенятому, в свою очередь, от персов, — с длинными, закинутыми на спину рукавами. На голове у них были лишь треугольные войлочные повязки, один угол которых образует опущенный на глаза козырек, а другой лишь прикрывает голову сзади, откуда свисают волосы, заплетенные на затылке в толстую косу, обрезанную наискось. Этот способ покрывать го-

лову носит национальный характер, вне зависимости от социальной принадлежности, и придает аборигенам особенный колорит, что, вероятно, и побудило турок назвать Имеретию и ее обитателей *Atschiq basch*, т. е. «открытая» или «обнаженная» «голова». Лишь немногие носят конические шапки, обшитые мехом. Среди моих именитых спутников лишь один имел при себе огнестрельное оружие, которое хранилось в меховом футляре. У всех, однако, были сабли. Простые имеретинцы обычно носят лишь кинжал или ходят вовсе без оружия. Их кафтаны по большей части сшиты из грубого черного либо серого сукна. У женщин обыденную одежду обычно также составляют подобный серый, либо черный, либо синий сарафан, что-то вроде покрывала на голове и лице, так что видна оказывается лишь его верхняя часть и глаза. Поверх покрывала они носят на голове еще широкую синюю либо черную повязку. Летом простолюдины, как мужчины, так и женщины, ходят по большей части босиком.

Мои новые попутчики, в особенности же старый князь, оказали мне во время нашего совместного путешествия всяческое внимание.

Мы ехали вдоль петлявшей Риони, тесное русло которой пролегает то между сланцевых, то, что бывает чаще, известняковых гор, то вдруг расширяется и глазам предстают разбросанные деревни и ухоженные пашни.

Вообще природа Имеретии прекрасна, полна богатств и романтики, в особенности в Раче, расположенной еще выше и оттого еще более гористой. Человек там прост и не испорчен цивилизацией. Зато, как, впрочем, во всей Грузии, он в высшей степени не осведомлен и инертен. Можно сказать, он занят лишь проблемами выживания, без всякого интереса к своему прошлому, и не озабочен будущим, пребывая в *status quo* своего печального существования, которое оживляется лишь необходимостью защиты от набегов разбойников, о чем свидетельствуют многочисленные, большей частью сохранившиеся крепости или развалины прежних укреплений, как, например, под Они и Хотеви так называемая, до сих пор сохранившая свое величие Миндаших на высокой скале. Было уже пополудни, когда мы наконец встретили в живописном селении Кимши человани, и ему было приказано позаботиться об обеде, который нам пришлось ждать несколько часов. Он же оказался не чем иным, как закуской из сыра и свежеиспеченных маленьких круглых лепешек из пшеницы или кукурузы, сдобренной парой кувшинов вина. Так я впервые попробовал кукурузный хлеб, который мне пришлось по вкусу, хотя он не так полезен для здоровья и от него бросает в жар, так же как и от белого местного вина.

Как уже ясно из моих замечаний, пища простолюдина в Имеретии чрезвычайно незатейлива, обязательным является лишь вино, которое подают в избытке, хотя только во время трапезы. Этим объясняется малое количество драк и краж, которые здесь практически неизвестны. Вино часто пьют из больших рогов.

Таков был обычай и у скандинавов, с которыми у имеретин в Грузии немало общего, например питание во время путешествий.

Для высоких чинов, своих и чужих, в особенности своих, челования должен собрать в своем селении еду и питье. С миру по нитке. Об оплате не может быть и речи. Зато люди, принесшие еду, имеют право участвовать в застолье. Таков национальный обычай со времен прежних местных царей — те поступали таким же образом во время частых поездок по своим владениям в сопровождении многочисленной свиты, как это можно и сегодня наблюдать в находящейся под русским покровительством самостоятельной Мингрелии, граничащей на востоке с Имеретией. В этой связи мне приходят на ум путешествия скандинавских королей в прошлые времена, описанные, в частности, Снорри Стурлесоном в саге о святом Олафе.

Однако пора вернуться к моему путешествию. В нескольких верстах от Кимши мы наконец у деревни Омбролаури оставили позади реку Риони, которая отсюда течет дальше по широкой равнине в юго-западном направлении, к границе с Мингрелией. Мы же отправились на юг, по берегу впадающей там в Риони небольшой речушки Крихула, которая вскоре осталась слева, а мы пошли дальше вдоль узкого ручья Хотеура, втиснутого между известняковыми и песчаными склонами. На берегу этого ручья расположен и краевой центр, город Хотеви, больше похожий на деревню. Он насчитывает всего несколько домов, разбросанных по открытой долине, и окружен со всех сторон горами.

Командующий округом, Мосголевский, принял меня чрезвычайно благосклонно и в своем собственном доме. Это был первый русский, которого я встретил со времени отъезда из Владикавказа, на расстоянии от него в 200 верст. Я пробыл у него весь следующий день, отчасти чтобы отдохнуть, отчасти чтобы добыть у его окружения интересующую меня информацию, о чем я и хочу рассказать.

Площадь округа составляет примерно 235000 десятин, из них под пашней лишь 50000. Сеют главным образом кукурузу или пшеницу, реже ячмень и просо. Средний урожай кукурузы — $1/30$, пшеницы — $1/12$, проса — $1/15$ и ячменя — $1/8$. Посев составляет примерно 15000 четвертин, при населении в 16827 душ мужского и 13758 женского пола, все русские подданные и церковные прихожане. Из-за большого содержания извести почва удобряется. Рисовые лепеш-

ки — главный продукт питания местных жителей, в особенности если к ним есть еще и виноград, который возделывается здесь в больших количествах. Торговля сосредоточена в Они, средние цены за последние годы были таковы: четверть кукурузы — 5 р. 10 коп., проса — 5 р. 5 коп. серебром.

В Кударшском районе, к северо-востоку от Они, есть железоплавильный завод, где изготавливают разные предметы домашнего быта: топоры, горшки, ножи и т. д. Животноводство ограничивается разведением лошадей и рогатого скота, овец, коз и свиней — всё для собственных нужд. В северных кавказских селениях больше держат овец. Когда из-за восстания 1820 г. в стране некоторое время находились русские военные части, начали возделывать капусту и картофель, которые здесь прекрасно произрастали. Однако эти культуры не привились среди местного населения, которое выращивает лишь чеснок, лук и кинзу (сорт *Astragalus*). В целом живут здесь беззаботно и в больших трудностях.

Многочисленная знать, среди которой выделяются два крупных рода, а именно Эристов на севере и Цулукидзе на юге, так же бедна, как и крестьяне, и влачит почти такое же жалкое существование. Большое значение придается верхней одежде, под которой по большей части даже у князей ничего нет.

Только в Хотеве есть школа, в которой один русский учитель и один грузин.

Командующий округом в одном лице объединяет полицейского, судью, казначея и все прочее. Ему подчиняются моурави, управляющие одним или несколькими селениями. В их обязанности входит сбор налогов, а также разбор разных мелких правонарушений и судебных тяжб. Как и во всей Грузии, правосудие строится на кодексе законов знаменитого грузинского царя Вахтанга.

От Хотевы в Кутаис ведут две дороги. Более короткая, в день пути, составляет 40 верст. Поскольку она очень плоха и труднопроходима, мои спутники выбрали более объезженную, составляющую 75 верст; однако и она оказалась весьма тяжелой, поскольку проходила по высокому и длинному горному хребту, поросшему густым хвойным лесом. Особенно ужасная сторона была чрезвычайно крута и изобиловала сырыми ущельями. Вообще вся дорога шла сплошным лесом, лишь изредка то тут, то там проглядывали маленькие селения. В одном из них, а именно в Чилати, мы расположились на ночлег, поскольку, как было сказано, дальше нам было бы трудно найти корм для лошадей. Мы расположились рядом с маленькой деревянной церковью под липами, у разведенного огня.

Толмач все куда-то бегал и наконец раздобыл для нас через человани ужин, который состоял из пшеничных лепешек, сыра, вареной курятины, омлета и вина. По обычаю, вместо тарелок его подали на листьях либо дощечках, и к трапезе присоединились принесшие еду люди. Толмач и его товарищ произносили тост за гостом.

На следующее утро принесли еще вина, несколько вареных яиц, а для меня нечто дотоле неизвестное — гоми, т.е. *Panicum Italicum*, приготовленный как густая каша, которую едят, отрезая куски ножом или отрывая пальцами. Это — основная пища урожденных имеретин и мингрелов, и она считается чрезвычайно полезной. То, что я заплатил человани за постой, всем бросилось в глаза, и даже толмач воскликнул: «Знает Бог, это — хороший человек!»*

Рано утром, в 5.30, 20 мая мы отправились дальше, спускаясь все время вниз по долинам и крутым откосам, откуда вдали, за Имеретией, на юго-западе, видны Ахалцихские горы.

Чем дальше, тем более открытой становилась местность, обнажая вид на множество селений внизу слева на Имеретинской равнине. Особенно красивый вид открывается с руин старинной крепости, где, по-видимому, некоторое время находилась резиденция имеретин-

* В качестве филологического отступления я хотел бы заметить относительно вышеупомянутой фразы следующее: *Ghmerthi* — это в грузинском обычное обозначение Бога; однако в языке есть и другое слово — *Ghuthi*, по-шведски *Gud*, которое, как и немецкое *Gott*, находится с *Ghuthi* в тех же родственных отношениях, что и персидское *Chuda*, или, как оно произносится, *Kuda*. Аффикс *map* — это окончание нарратива *itzis* 3 л. ед. ч. наст. времени от субстантивированного глагола, в 1 лице *witzi*. Родственный с *weiss*, швед. *vet*, *kaj* означает — хороший, послушный — и в имеретинском языке часто употребляется вместо грузинского *kargi* = хорош, осет. *chors*. *Katzi* обозначает «человек», «парень», но связано с персидским *kes*, *kesi*, *homo*, *aliquis*, *quidam*, что подтверждает также грузинское обозначение женщины *deda-katzi*, т. е. человек-мать, человек, чье назначение быть матерью.

Среди особенностей грузинского языка следует выделить и то, что мать в нем называется *deda*, тогда как то же самое слово или другие родственные ему в других языках, напротив, означают «отец»; так, в хинди *dada*, унганск. *dad*, санскр. *tada* или *tatta*, *taata* и *taatto* в олонецком и карельском; в тюркском и татарском — *ata*, венгер. — *atya*, лапландском — *attja*, рус. — отец, черкес. *adde* и т.д. Напротив, по-грузински отец называется *mapa*, что, однако, вследствие известного чередования можно считать идентичным другому тюркскому слову, обозначающему отца, *baba*, благодаря чему, однако, *Mapa* совпало с *Papa*. Что касается аффикса *a* в последнем слове *katzi*, то это часто встречающееся стяжение из *aris* и *ari* = швед. *är* (*ist*), где совершенно аналогично в разговорном языке *är* сократилось до *ä* <Примеч. автора>.

ских царей, а само место называется Сканда. Не связано ли название со Скандией и Скандинавией? Во всяком случае оно никак не объясняется, впрочем, как и другие названия населенных мест Грузии и Имеретии, особенностями местного наречия, и, по всей видимости, служит доказательством присутствия здесь некогда других народов.

За Чари — селением, охраняемым казаками, в котором имеется несколько армянских лавок, где нам пришлось довольствоваться в отсутствие человани в качестве обеда хлебом и сыром из собственных запасов, — местность опять становится более пересеченной. Нам снова пришлось пробираться через множество вершин, поросших лесом, пока мы добрались до столицы Имеретии, Кутаиса, куда мы прибыли в 7 часов вечера, и как раз вовремя, поскольку сразу же пошел дождь, сменив продолжительную засуху. При этом температура поднималась в тени до 22,5° по Реомюру.

Город Кутаис довольно мил; он образует неправильную дугу, опоясываемую Риони. В нем много красивых домов, окруженных множеством садов, среди которых выделяется большой дом царя и большая торговая площадь в виде амфитеатра в центре. Город насчитывает около 3000 жителей, среди которых помимо урожденных имеретинцев также много армян и евреев. Вниз на юг по течению Риони простирается большая равнина — вплоть до Ахалцихских гор, которые благодаря обычному в этих местах оптическому обману кажутся очень близкими, хотя на самом деле до их подножия 50 верст пути. С востока и севера город окружают горы — большие и поменьше, особенно на севере, где вдаль можно увидеть заснеженные горные цепи. В непосредственной близости от города — множество поросших лесом холмов, а на самом деле это естественные сады, в которых произрастают виноград и фруктовые деревья. Прежний древний Кутаис лежал западнее нынешнего, на правом гористом берегу Риони. Туда можно попасть по каменному мосту, откуда открывается чудесный вид на город и все окрестности. На месте прежнего большого Кутаиса теперь виднеются лишь отдельные имеретинские постройки, разбросанные меж деревьями и пашнями. У подножия же гор, ближе к городу, напротив него, находятся развалины прежней монастырской церкви, которая в свое время представляла собой большое великолепное строение, но теперь полностью разрушена. Но все же осталось много колонн и капителей, украшенных великолепными скульптурными деталями. Кроме маленькой церкви неподалеку находится несколько зданий, среди них духовная семинария с сотней семинаристов, которые наряду с обязательными предметами изучают грузинский, татарский и русский; древних языков здесь не преподают.

В другом здании — новый имеретинский епископ, к которому у меня было рекомендательное письмо от достойного и высокообразованного экзарха Евгения из Тифлиса. К востоку, на некотором расстоянии от руин монастыря, находятся развалины прежней крепости с широкими крепостными стенами — на крутом склоне берега Риони.

Мои спутники из Глолы вызвались проводить меня до Тифлиса. Поскольку отсюда я мог воспользоваться объезженным почтовым трактом, то я отправил их домой в Кутаис, одарив хорошими чаевыми за поистине хорошую службу, оказанную мне во время нашего совместного путешествия. Никто из них не знал по-русски, так что я за это время подучил грузинский и уже мог немного на нем объясняться.

В Кутаисе я задержался до 28 мая. Русские вельможи, особенно комendant, майор Носков, оказали мне большое гостеприимство. За это время я в сопровождении протоиерея Николая Кутателадзе, для этих мест человека необычайно образованного, совершил экскурсию в старый монастырь Гелати, расположенный в семи верстах отсюда. Я надеялся найти там старые рукописи. Еще в Кутаисе я лелеял большие надежды в этом отношении — там в самом деле должно было сохраниться много интересных рукописей. Хотя главные — в общей сложности 15 штук — не так давно оттуда вывез один знатный местный собиратель. На мой вопрос, что это были за книги, он смог назвать «одну по этике, одну по догматике и одну книгу Эфраима Сирова». В этой коллекции должны были также находиться экземпляры «Граматики» католикоса Антония и «Хроники» истории Грузии и Имеретии. Библиотечного каталога никогда не существовало. Кроме того, я обнаружил там кроме нескольких «Евангелий», использовавшихся для церковной службы, несколько фолиантов рукописей, написанных большей частью на пергаменте. В них, однако, не было никаких исторических сведений, за исключением нескольких житий святых. Остальные были трактатами отцов церкви Хрисостомуса, Дамассинуса или переложениями и трактовками библейских сюжетов.

В одной из комнат лежало большое количество отдельных листов пергаментов или тетрадей, по-видимому, того же содержания, просмотреть которые никому не пришло в голову. В коллекции орнаментов — много золотых вещей и драгоценных камней. Они, как и другие реликвии и иконы, были подарены прежними грузинскими и имеретинскими царями и другими важными персонами. Многие из них снабжены выгравированными надписями, которые могли бы представлять исторический интерес. Так, например, последнего абхазского католикоса Эвдемона, портрет которого упомянут среди прочего и в перечне Клапрота (II, 39), взятом у Гюльденштедта, находится на ву-

тренней стене церкви, называют в одной из надписей на иконе «Tschrdiloethisa da Apchasethisa Katholikosi» — католиком северным (тенивая сторона) и абхазским. Это доказывает, что в то время (около 300 лет назад) по крайней мере нынешние области Сванетия и Тзибелда (возможно, и Черкесия) относились к его епархии, т. е. имели по крайней мере часть христианского населения. Это доказывают и многочисленные старинные церкви или их развалины на Кавказе.

Вызывает большое сожаление тот факт, что никому не пришло в голову сделать копии с многочисленных грузинских надписей в монастыре*.

Работа эта, конечно, заняла бы много времени и у опытного специалиста, поскольку и монахи были бы ему плохими помощниками в поисках таковых надписей. К сожалению, ни время, ни состояние глаз, пострадавших за время путешествия по горам, не позволяют мне заняться этой работой. Впрочем, упомянутый выше Кутателадзе пообещал мне заняться этим в будущем и прислать через меня эти копии Академии.

Благодаря своему местоположению монастырь представляет чрезвычайно живописную картину. В нем три церкви, причем собор, наверное, самый первый в Грузии, судя по его грандиозности и красоте. На внутренних стенах, как уже было замечено, висят портреты царей и других важных персон. Главный среди них — Давид, по прозванию Агмаш Чебели, или реставратор, который правил Грузией и соседними странами в 1089–1130 гг. и был основателем Гелатского монастыря. Он там и похоронен, судя по полустертой надписи на надгробии. У входа в главную церковь также много надгробий с пространными надписями, принадлежащих разным высоким духовным лицам.

Под колокольной бьет фонтан с чудесной водой, а неподалеку видна прежняя трапезная, которая еще лет семь назад была, по-видимому, в сохранности, с мраморными скамьями по стенам, рассчитанными на 700 монахов. Теперь у нее нет даже крыши и внутри все засыпано щебнем.

В целом внутри монастырь являет картину запустения. Нынешнее убожество — как физическое, так и интеллектуальное — контрастирует с памятниками старины и наполняет душу тоской. В монастыре теперь живут 7 или 8 монахов. Большинство из них, как и сам архимандрит, — выходцы из высших сословий.

* Лишь три из них известны. Исключение составляет также арабская надпись на тамошнем железном крыле ворот, копию которых делали Эйхвальд, Дюбуа и Бартевен <Примеч. автора>.

Выше на восток, на покрытой лесом известняковой горе, у подножия которой расположен монастырь, должен быть еще один, такой же бедный, в котором живут 3 или 4 монахини.

Из Кутаиса я намеревался совершить экскурсию в старинный монастырь Мартвили в Мингрелии, находящийся в 70 верстах к северо-западу, по ту стороны речки Тценис-тцгали (т. е. «лошадиная вода»), впадающей в Риони. Говорят, что он еще великолепнее и божественнее. Туда у меня также было рекомендательное письмо от моего ученого покровителя экзарха Евгения. Однако, поскольку лето уже заканчивалось и меня заверили, что там я не найду ничего привлекательного, я отказался от этого плана, и 22 мая отправился в противоположном направлении, в Грузию и в Тифлис.

В Имеретию почту доставляют казаки, и поскольку у меня не было экипажа, мне опять пришлось ехать верхом. Вечером следующего дня я добрался до города Сурами, оказавшись опять в Грузии. Дорога туда составляет 98,5 верст и довольно романтична, хотя поросшая лесом гористая местность делает ее труднодоступной. От Сурами местность в основном равнинная вдоль Куры, где много селений, полей и садов. Поскольку местность здесь затененная, то и жара становилась все более удручающей.

Езда на обычных четырехколесных русских почтовых, против ожидания, также не принесла мне облегчения, поскольку после езды верхом в неудобных седлах спина моя занемела.

Через 45 верст мы прибыли в город Гори, в Шина-Картли, или во внутренней Карталинии. В городе около 800 домов, он расположен в устье Диди, или Большой Лиахви, при впадении в Куру. Его называют еще Мтквари, он расположен у подножия высокой горы, рядом — хорошо сохранившаяся старая крепость; он имеет живописное местоположение и вид, в отличие от других грузинских городов, в которых плоские крыши домов образуют террасы. Многие дома построены в европейском стиле. Несмотря на воскресенье, мне не встретилось ни одного важного лица, и пришлось остановиться в темной и грязной маленькой комнате в старой казачьей казарме на почтовом дворе на окраине города. Мне рекомендовали местного грузинского священнослужителя, якобы просвещенного знатока и собирателя рукописей. Но и его я несколько раз принимался искать, правда, безуспешно. Наконец на следующее утро я застал его дома. Он сказал мне, что у него есть 6 рукописей, среди которых долго разыскиваемая мною «Грузинская грамматика» католикоса Антония, «Грузинский словарь», «Астрономия», по указанию царя Вахтанга переведенная с персидского, и экземпляр под названием «Tzchowreba Sakartwelosa»,

известная «История» Грузии. Однако уже довольно давно он отдал их все имеретинскому князю и также собирателю подобных вещей, который до сих пор их ему не вернул.

В то же утро я продолжил свой путь в Тифлис, до которого от Гори 87 верст, и прибыл туда в тот же день вечером, совсем измученный и больной от путешествия и изнуряющей жары.

Прошло несколько дней, прежде чем я снова пришел в себя. Частью благодаря старым знакомствам, частью — новым, я попытался использовать наилучшим образом время пребывания в Тифлисе и получил возможность осмотреть у одного старого священника интересную библиотеку грузинских рукописей и убедился еще больше, что грузинская рукописная литература вовсе не так уж и бедна. История, кажется, сводится в ней по большей части к житиям святых, за исключением упомянутой «Tzchowreba Sakartwelosa», существующей в нескольких списках, в которых, однако, много несовпадений. Поэтому трудно представить правильную картину истории страны по имеющимся источникам. Намного богаче поэзия, прежде всего религиозная.

У грузин есть много переводов из произведений разных отцов церкви. Есть среди них и переводы древних греческих философов. По всей видимости, особенно большим уважением пользовался Аристотель. Имеются переводы его многочисленных произведений, в том числе с собственным комментарием.

Поскольку расцвет грузинской литературы приходится на то время, когда во всей Европе господствовала схоластическая философия во главе с Аристотелем, то именно она и получила в Грузии наибольшее распространение; это способствовало переводам трудов Аристотеля. Это подтверждает еще и тот факт, что грузинские философы добавляли к своим именам определенные эпитеты, сходные с теми, что использовали схоластики — философы в средневековой Европе. Так, до сих пор по сохранившимся рукописям известно имя грузинского ученого по прозвищу *Invincibilis*.

Как было на этот раз в Грузии, я не мог и думать о покупке рукописей либо монет (которые я видел в Тифлисе). Все же мне удалось приобрести для нашей Академии дубликат старинной и очень редкой рукописи, которую я теперь и имею честь переслать. О ее содержании сообщит наш новый член <Академии> господин Броссе. Рукопись эта — подарок некоего Иоселиана — кандидата теологических наук и учителя философии и физики в Тифлисской духовной семинарии, молодого человека, подающего большие надежды в науке. Я очень сожалею, что не познакомился с ним раньше. От него я получил на память уже упомянутую «Граматику» Антония.

То, что в Грузии могут отыскаться даже старинные классические рукописи в оригинале, вполне вероятно, поскольку я сам видел у ученого экзарха Евгения маленькую тетрадку из пергамента, составленную из отрывков различных отцов церкви на греческом языке. Они были найдены в Гелатском монастыре и посланы в Тифлис, наверное потому, что на месте их не могли расшифровать. Было бы замечательно, если бы такой знаток грузинского языка, как наш господин Броссе, мог проехать по всей Грузии, с тем чтобы подробно ознакомиться с рукописями, имеющимися в тамошних монастырях.

Поскольку я был занят поисками различного рода письменных источников, пребывание мое в Тифлисе затянулось до 20 июня. На обратном пути я решил заехать в Мцхети (бывшую столицу Грузии), находящуюся всего в 18 верстах от него. Там, по моим сведениям, кроме других раритетов, должна находиться маленькая библиотека древних рукописей — ее мне обещал показать тамошний протоиерей, с которым я случайно познакомился в Кутаисе. Поэтому я уже рано утром велел заложить почтовых. Однако они привезли меня <в Мцхети> лишь пополудни, когда уже начало смеркаться. К сожалению, протоиерей и настоятель монастыря оказались в отъезде, и мне пришлось уехать не солоно хлебавши.

По Военно-Грузинской дороге я благополучно перебрался через горы и вернулся в Пятигорск, минуя Владикавказ, Екатериноград и Георгиевск. Сделав необходимые приготовления, оттуда я отправился в Кисловодск, находящийся в 40 верстах, и до конца августа продолжил лечение на водах за изучением лапландского и венгерского языков.

К сожалению, и нарзан не смог улучшить мое зрение, хотя больной глаз стал видеть лучше и вообще я почувствовал себя крепче.

Поскольку мне пришлось ждать в Пятигорске денег, положенных мне из Тифлиса, я совершил небольшую экскурсию к кабардинской границе, чтобы навестить моего друга-черкеса, лейтенанта Ногму. В его доме я провел несколько дней.

В Моздок я прибыл лишь 8 октября и много преуспел. Однако цели путешествия не достиг. Сначала все прошло в ожидании императора, которого ждали проездом в соседний Екатериноград. Разумеется, все желали на него посмотреть. Однако и потом я долго и напрасно искал помощника со знанием дигорского языка. Один указывал на другого, но в конце концов я так и остался обманут в своих ожиданиях. Вообще, очень трудно предпринять что-то с азиатами при их неосведомленности, лени и недоверчивом складе ума. Более чем когда-либо я начал уже терять терпение. Когда я наконец убедился, что в горо-

де не найду подходящего носителя дигорского языка, поскольку хотя здесь и много осетин, но мало настоящих дигорцев — они в основном живут в осетинских селах между Моздоком и Екатериноградом, — я попытал счастье у местных черкесов. Однако и тут искать пришлось довольно долго, прежде чем я нашел более-менее подходящего, согласившегося мне помочь. Однако относительно дигорского <языка> я еще не совсем потерял надежду, если меня опять не подведут.

Поскольку время бежит быстро, то я намерен в ближайшие дни покинуть Моздок и отправиться в упомянутые осетинские села. Один местный дигорец обещал оказать мне содействие, и я жду, чем кончится дело. Оттуда, закончив дела, я намерен пуститься в обратный путь домой через Ставрополь, чтобы прибыть в Санкт-Петербург по крайней мере в первые дни января*.

¹ Extrait d'une lettre adressée a M. Fraehn par M. Sjoegren de Piatigorsk le 27 avril (lu le 27 may 1836) // BAIS. 1836. T. I. N 14. P. 111–112; N 15. P. 118–119.

² Extrait d'une lettre de M. Sjögren a M. Fraehn. Simpheropol, den 26. November 1836 (lu le 15 janvier 1837) // BAIS. T. I. N 23. Col. 182–183.

³ Extrait d'une lettre de M. Sjögren a M. Fraehn. Wladukaukas, den 19. april 1837 (lu le 26 mai 1837) // BAIS. T. II. Col. 271–272; N 18. Col. 282–287.

⁴ Extrait d'une lettre de M. Sjögren a M. le Président de l'Académie. Tiflis, den 3 Juni 1837 (lu le 23 juin 1837) // BAIS. T. II. N 23. Col. 365–368.

⁵ Lettre de M. Sjoegren a M. Krug. Mosdok d. 20 oktober 1837 (lu le 15 décembre 1837) // BAIS. 1838. T. III. N 14. Col. 219–224; N 15. Col. 231–240; N 16. Col. 247–256; N 17. Col. 268–272.

В отличие от предыдущих писем, письмо академику Ф.И. Кругу было напечатано целиком, а подготовил его к печати, как явствует из последнего примечания к тексту, сам адресат — академик Ф.И. Круг.

* Автор этого письма действительно 7 января благополучно прибыл в Санкт-Петербург, добившись своей цели получить подробную информацию об особенностях дигорского диалекта Ф<илип> К<руг>.

Письма экзарха Грузии Евгения

Ваше Высокоблагородие, милостивый государь!

С особенным удовольствием имел я честь получить приятное письмо Ваше от 17 генваря сего 1839 года. Долгом поставляю взаимно приветствовать Вас со вступлением в новый год, с изъявлением Вам моей искренней благодарности за поздравление также меня с новым годом. Да продлит щедродаровитый Господь здравие Ваше и, умножая, да умножит силы Ваши к продолжению знаменитых и полезных трудов Ваших на ученом поприще. Я готов содействовать Академии чем только могу.

А между тем в настоящее время, согласно уведомлению Вашему о Кутаисском протоиерее Кутателадзеве, который вступил уже в переписку с г. Броссетом и изъявил готовность доставлять съемки с грамот и других письменных документов, находящихся в Кутаисских церквах и других местах, я сделаю распоряжение и предпишу ему, Кутателадзеву, чтобы он в случае каких-либо затруднений при отыскании древних памятников Грузии всегда уведомлял меня, а я с своей стороны буду просить Имеретинского архиепископа Софрония об открытии замечательных редкостей в церквах и монастырях, существующих в Имеретии, и о удобном доступе Кутателадзева в те места. Постараюсь также доставить возможные способы и г. Иоселиану для отыскания во Мцхете и других церквах и монастырях по Грузии древних документов и редкостей. О чем прошу уведомить от меня и г. Броссета.

Весьма жалею, что больной Ваш глаз стал гораздо хуже. Постарайтесь более беречь другой Ваш глаз, и для этого я советовал бы Вам менее заниматься чтением книг, особенно вечером при свечах.

Весьма любопытная для меня новость по части Ваших ученых занятий есть та, что Вы начали составлять «Осетинскую грамматику», которую до половины обработали и которая, надеюсь, в этом году будет готова. От всей души желаю полного успеха и скорейшего окончания сего Вашего произведения, и по окончании составляемой Вами «Грамматики» покорнейше прошу Вас прислать ко мне один экземпляр. При Тифлисской семинарии также составлена «Осетинская грамматика», которая была от меня препровождена в Комиссию духовных училищ на рассмотрение. Но поелику Комиссия духовных училищ не нашла таких лиц, которые бы могли рассмотреть сию

«Граматику», то она, быв препровождена ко мне обратно для моего распоряжения касательно рассмотрения оной, поручена теперь на рассмотрение известному Вам смотрителю Владикавказского духовного училища Мжедлову, с прикомандированием в помощь ему переводчика Жукаева и Осетинской духовной комиссии протоиерея Ши Двали швили. Но за всем тем сия «Грамматика» не может иметь такой правильности и верности в учебном достоинстве, как составляемая Вами, а потому при представлении оной от меня куда следует я не премину просить Комиссию духовных училищ препроводить оную «Граматику» к Вам на рассмотрение.

С совершенным моим к Вам почтением имею честь быть навсегда, Вашего высокоблагородия, милостивого государя моего, покорнейший слуга, Евгений, Архиепископ, Экзарх Грузии.

23 февраля 1839.

Тифлис

* * *

Тифлис

18 мая 1843 года

<...>

Ваше Высокоблагородие, милостивый государь!

Бывший смотритель Владикавказского осетинского духовного училища Григорий Мжедлов имел от меня поручение составить «Осетинскую грамматику» и сделать перевод «Краткой священной Истории» с «Кратким Катехизисом» на осетино-тагаурское наречие. По окончании им означенной «Грамматики» и перевода ему, Мжедлову, поручено было вновь пересмотреть и исправить как составленную им «Осетинскую грамматику», так и перевод «Краткой св<ященной> истории».

Но он, Мжедлов, хотя и пересмотрел «Граматику» и перевод и хотел приступить к окончательной отделке и переписке оных, но известившись, что Вы отпечатали свою «Осетинскую грамматику» и обещали ему прислать экземпляр таковой «Грамматики», то он и отложил переписку своих книг до получения от Вас составленной Вами «Грамматики», каковой он еще не получил.

Посему я обязываюсь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие, нельзя ли одолжить меня присылкою хотя одного экземпляра напечатанной Вами «Осетинской грамматики» на немецком языке, каковая по миновании надобности будет возвращена к Вам немедленно. Если же можно приобрести покупкою Вашу «Осетинскую грамматику», то прошу Вас доставить ко мне до десяти экземпляров

оной «Грамматики», за которые поспешу я доставить к Вам и деньги сполна, и объявленный Вами процент.

С истинным почтением и совершенною преданностию честь имею быть Вашего Высокоблагородия, милостивый государь, покорнейший слуга Евгений архиепископ, Экзарх Грузии.

* * *

Тифлис

28 июля 1843 года

<...>

Ваше Высокоблагородие, милостивый государь!

Почтенное письмо Ваше от 15-го июня текущего 1843 года я имел честь получить 21 июля сего ж года, и вместе с тем получил книгу составленной Вами «Осетинской грамматики» на русском языке, которая и передана мною бывшему смотрителю Владикавказского училища Мжедлову с тем, чтобы он, прочитав оную со вниманием, сделал свои замечания и таковые сообщил Вам для соображения.

Уведомляя о сем Ваше Высокоблагородие, с истинным моим почтением и совершенною преданностию честь имею быть

Вашего высокоблагородия, милостивого государя, покорнейший слуга Евгений Архиепископ, Экзарх Грузии.

* * *

Ваше высокоблагородие! Милостивый государь!

В дополнение отношения моего от 28 июля истекающего 1843 года за № 679 имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что состоящий учителем осетинского языка при Тифлисской духовной семинарии Григорий Мжедлов по получении от меня составленной Вами «Осетинской грамматики» успел прочитать оную и в изложенных в ней правилах не нашел ничего, против чего он с своей стороны мог бы сделать замечание.

Принося искреннейшую мою благодарность за доставление мне экземпляра составленной Вами «Осетинской грамматики», призывая на Вас свыше благословение Божие, с истинным почтением честь имею быть Вашего высокоблагородия, милостивого государя, покорнейший слуга Евгений Архиепископ, Экзарх Грузии.

17 ноября 1843.

* * *

Ваше Высочество, милостивый государь мой Андрей Михайлович!

Почтенное писание Ваше от 26 генваря текущего года и при оном Вашу «Осетинскую грамматику» имел я удовольствие получить. Приношу Вам чувствительнейшую мою благодарность за таковой подарок, который я в полной мере ценю и который навсегда будет для меня залогом и памятником Вашего доброго ко мне расположения и любви. Извините, что поздно отвечаю и благодарю. Я недавно приехал из Тифлиса в Астрахань.

Я полагал, что русский алфавит гораздо ближе к осетинскому, нежели грузинский. Но Вы основательно доказали совсем противное. Это будет для меня вперед наукою.

Я уверен, что грузинское православное духовное начальство с большим удовольствием и в значительном количестве приобретет Вашу «Осетинскую грамматику» для Тифлисской семинарии и подведомственных ей училищ, для которых она крайне необходима и нужна, о чем я, в бытность мою еще в Тифлисе, уже и говорил с кем следует.

С истинным моим почтением и совершенною преданностью имею честь и долг быть навсегда Вашим покорнейшим слугою.

Евгений, Архиепископ Астраханский.

14 марта 1845 года.

Астрахань.

Письмо Экзарха Грузии Исидора

Милостивый государь Андрей Михайлович!

Владикавказский священник Цамциев, восемь лет находившийся на службе между ингушами-назрановцами, составил «Краткий словарь ингуше-назрано-чеченского языка». От сочинителя, обучавшего только в семинарии и не знакомого с правилами филологических исследований, конечно, нельзя ожидать зрелого произведения. Но как ингуше-назрано-чеченский язык еще не исследован, то и не совершенный опыт — думаю — в руках просвещенного филолога может иметь какую-либо цену.

Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, уведомить меня, заслуживает ли труд Цамциева внимание, — и если он в каком-либо отношении может быть полезным, то не оставьте преподать сочинителю наставление, что нужно сделать к усовершенствованию словаря его.

С истинным уважением и совершенною преданностью честь имею
быть

Вашего высокородия покорнейшим слугою

Исидор, Экзарх Грузии

«24» Генваря 1847 года.

Письмо А. Богданинского

Милостивый государь Андрей Михайлович!

Я имел счастье получить письмо Ваше 15 апреля и читал оное с величайшим удовольствием; извините меня, милостивый государь, что я не исполнил своего долгу и данного Вам обета; причиною оных была долговременная болезнь моя, которою страдал я 9 мес <яцев>, и другие разные обстоятельства встречающиеся препятствовали приняться мне к начатию ногайско-татарского «Словаря», к тому еще удерживало и то, что, не получая от Вас никакого известия, не мог предпринять сего труда, сомневаясь, чтобы занятия мои впоследствии не остались тщетными; ныне смею откровенно сказать Вам, что я могу составить таковой «Словарь», но не прежде, пока не получу от Вас для руководства и порядка татарского же Словаря. Если Вы останетесь еще на некоторое время в Академии и не оставите присылкою одного мне, полагаю на Вас полную надежду, что труды мои не останутся бесполезными, то я приложу старание всевозможными мерами составить ногайско-татарский словарь к общей пользе.

А до того с глубочайшим высокопочтанием честь имею пребыть

Вашего Высокоблагородия

Милостивого Государя

Покорным слугою

Абрёфи Богданинский.

P. S. Я за большое счастье почел бы себе, есть ли бы возможно было мне переменить место и службу перемещением в Академию, хоть с небольшим жалованием, но могущим содержать себя прилично; я убедительно прошу Вашего Высокоблагородия похлопотать об этом и в последующем не оставить меня, также уведомить в возможной скорости.

Мая 1 дня

1838 г.

г. Ногайск

Письмо П. Жукаева

Милостивый государь, достопочтеннейший Андрей Михайлович.

Получил я Ваше письмо 15-го минувшего мая, а также при нем два экземпляря «Осетинской грамматики», за что самое чувствительно и сердечно изъявляю Вам мою благодарность, что Вы не забываете кавказского горца. Извините меня, что я Вам долгое время никогда не писал — 1-е потому, что не знал адрес, куда именно писать, 2-е — что мы ежегодно бываем беспрестанно в походах противу известного возмутителя Шамиля, а потому неудивительно, что Вы считали меня уже умершим. Но я и поныне исправляю должность пристава горских народов во Владикавказскому округе, вместо капитана Эль-Мурзы Дударова, который в прошлом 1844-м году отправился в Мекку для поклонения гробу Магомета, и во время следования его дорогою еще туда он на Черном море помер. Что же касается до меня, то после Вас лишился я родителей, жены с пятилетним сыном и двух братьев, хотя я теперь также женат на второй жене, от которой имею сына двухлетнего и от первой — дочь восьмилетнюю. Служу в чине по армии подпоручика, имею довольно приличное содержание. Что же Вам сказать начет нашего местного начальника г-на генерал-майора Петра Петровича Нестерова? То такого доброго генерала у нас еще никогда не было. Желал бы я когда-нибудь видеть Петербург, но не знаю, удастся ли мне Бог этого удовольствия исполнить или нет.

Итак, желая Вам сердечно всякого благополучия, остаюсь навсегда Вас почитающий и уважающий покорнейший слуга.

Петр Андреев сын Жукаев.

18 июня 1845 года.

Владикавказ.

<На отдельном листе — записка>:

Андрей Михайлович, брат мой находится уже другой год в Санкт-Петербурге в Павловском кадетском корпусе, его зовут по-нашему Тембулат Жукаев; может быть, случится Вам быть когда-нибудь в оном корпусе, то не оставьте передать от меня ему поклон.

Ваш Петр Жукаев.

Письма П. Иоселиани

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Теперь, без сомнения, Вы в Пятигорске, и потому спешу по обещанию сообщить Вам краткое понятие о книге, которую я просил пожертвовать от меня Академии наук. Книга сия на грузинском переводе носит такое название: «Прокла Диадокха Платонического философа Богословския системы». Она тем более может быть важною для ученых, что есть перевод десятого века и, след<овательно>, может служить к объяснению многих мест, искаженных временем и переписчиками в оригинале. Перевод сей, сделанный грузинским философом Иоанном Петрицием, жившим около 970 года, — разделен на 211 глав, и каждая объясняется им ли Иоанном. Главы сии заключают в себе следующие статьи:

- 1–7. Об едином и множественном.
- 8. О производящем и производимом, т. е. о причине и причиненном, или сказуемом и подлежащем.
- 9–14. О начальном добре и причине всякого добра.
- 15–18. О плотности и проч.
- 19–40. О цепи и порядке творения, начиная с индивидуальных до высочайшего рода и даже до Бога и проч.
- 41–49. О самостоятельности или Абсолютности.
- 50–55. О временном и вечном.
- 56–65. О подлежащих и сказуемых.
- 66–74. О целом и частях.
- 75–76. О причинах разности.
- 77–79. О силах и действии.
- 80–83. О простом и сложном.
- 84–85. О вечно существующем.
- 86. О различных понятиях непостижимого (бесконечности).
- 87–88. О Божествующем и различных о том понятиях.
- 89–96. О неопределенном и бесконечном.
- 97–103. Еще о подлежащем и сказуемом.
- 104–107. О бесконечном и бессмертном.
- 108–110. Об образе отношений подлежащего с сказуемым.
- 111–112. О существах мыслящих и порядке их.
- 113–122. О числах Божественных.
- 123–128. О первом виновнике — Боге.
- 129–135. Об Ангелах и душе человека и небе.
- 136–140. Еще о подлежащем и сказуемом.
- 141–144. О предопределении Божиим.

145–166. О подлежащем и сказуемом.

167–183. О познающем и познаваемом.

184–206. О Душе.

207–211. О Душе человеческой.

Вот все, что только мог я на этот раз написать к Вам, дальнейшее, подробнейшее обозрение сей книги будет помещено мною в «Истории грузинской литературы», которой план и расположение уже кончены мною. Лексикон маленькой доставится к Вам в Петербург. «Грамматика» моя с русским переводом, я думаю, скоро пошлетя в цензуру, она по сие время у Экзарха; сего дни же сообщил N об Вас грузинским царевичам в Петербурге, которые по приезде Вашем туда не преминут познакомиться с Вами и которые могут руководствовать Вас при изучении грузинского языка. После Вас к пополнению своей отечественной библиотеки приобрел несколько драгоценных древнейших книг, редких и здесь.

Извините меня, что не сам, собственною рукою пишу к Вам письмо. Устал от многих писем, которых я готовлю в Петербург. Впрочем, желая Вам благополучия и счастливого путешествия, с истинным почтением и совершенною преданностию остаюсь покорнейший слуга Платон Иоселиан.

1-го июня 1837 года.

Г. Тифлис.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович*!

Наконец после долговременного ожидания, из письма г. Броссе ко мне я узнал, что Вы в Петербурге. Весьма обрадовался, осведомившись, что книга моя представлена Академии наук, но еще более тому, что письмом этим ко мне рассеялись все сомнения на счет Вашего здоровья. Здесь пошли потому слухи и толки разные, много меня беспокоившие. Очень рад, что г. Броссе предупредил письмом, отправив к нему для пожертвования от меня Академии же книгу** — Соч. Католикоса Антония I, драгоценную во многом отношении для истории и литературы грузинской.

Оканчивая теперь «Географическое и историческое описание древней Грузии» на русском языке, к июню м<еся>цу представляю Академии наук. Надеюсь, что оно не будет бесполезно для многих.

* В оригинале описка: вместо «Андрей Михайлович» — «Павел Андреевич».

** В оригинале письма название книги по-грузински.

«Грамматика» моя грузинская с русским переводом уже год лежит у Экзарха без всякого движения. Я Вам об этом и прежде говорил в Тифлисе. Что делать? Долг подчиненного — молчать и покоряться воле начальника.

За сим, желая Вам здоровья, благополучия и успеха в деле святого служения наукам, остаюсь покорнейшим слугою

Платон Иоселиан.

Г. Тифлис

14 апреля 1838-го года.

* * *

Апреля 21-го 1838.

Г. Тифлис

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Наконец после долгого ожидания получил Ваше письмо или лучше — пакет, посланный Вами 23 февраля и доставленный мне 17 апреля, следственно, после того уже, как я отправил к Вам письмо, вложенное в письмо г. Броссета. Переписка с человеком, который трудится для общей пользы, не должна терпеть больших отсрочек. А потому спешу известить Вас обо всем с первою же почтою.

Сундук Ваш, как мне говорил Тергукасов, уже отправлен к Вам вместе с товарами купеческими еще в феврале м<еся>це; и по соображению времени Тергукасов думает, что Вы его уже и получили. А в случае противном Вы можете спросить по сему делу Агафона Акипова, которому поручено было сдать Вам помянутый сундук. Отыщите этого армянина посредством грузин в Петербурге. Его все знают в Петербурге.

Корганову вручил я Ваше письмо; но и на то <он> не дал полного ответа, и потому совершенно тщетно ожидание по сему делу. Стихотворения видел у него в доме. Я полагал что-нибудь другое: а оно есть наша поэма «Барсова кожа», которую можете достать и в Петербурге, и даже заказать, чтоб списали.

«Лексикон» переписан до буквы «П» самым варварским почерком и, след<овательно>, для Ваших больных и слабых глаз совершенно бесполезным. Впрочем, я обещал ему из моих учеников доставить писцов для приведения к концу, и вышлю к Вам в половине мая м<еся>ца. У меня лучше имеется в сем роде составленный мною «Лексикон»; я бы прислал к Вам, но он не переписан. Даже думаю печатать его на свой счет, если будет типография по груз<инскому> шрифту при вашей Академии. Он весьма будет полезен для детей,

обучающихся в средних учебных заведениях. Есть у меня «Лексикон» и с груз<инского> на русский, тоже начерне. — Оканчивая географич<еское> и историч<еское> описание древней Иверии, примусь опять за «Историю грузинской литературы», которой мысль подана мне Вами. План этой книги у меня уже и начертан — и даже кое-что и написано.

Наш татарский учитель Христофор Ксенофонов, как я знаю, много заботился исполнить все, им Вам обещанное. Песни все списал, а подлинник возвратил Шопену чрез полковника Нордестанта*. Он уже 4 раза писал к Вам и, вероятно, Вы не получили ни одного его письма, в коих он ожидал от Вас совета насчет высылки песен. Ныне я сам посылаю их к Вам с этою же почтою. Может быть, оне дойдут до Вас по тяжелой почте. У него готовы и пословицы татарские, набранные им до трех тысяч. Он думает привести их в азбучный порядок и тогда прислать их к Вам. Недоумевает, что делать с пословицами безнравственными. Конечно, их предать забвению! Обо всем ожидает Ваших наставлений и совета.

С большим любопытством прочитал я две тетради, Вами присланные, хотя разбор Броссета одного из наших романов я имел удовольствие прочитать в «Библиотеке для чтения». Снабжайте, буде можно, подобными отрывками из Академич<еского> «Bulletin scientifique».

Весьма я обеспокоен поступком Экзарха Грузии с моею «Груз<инскою> грамматикою» с русским переводом, которая спит у него в кабинете сном непробудным. Что у него в виду — совершенно не понимаю. Я бы очень желал, чтоб Академия обратила на нее свой взор. Предисловие к ней, которое я и имел случай здесь Вам прочитать, думаю приложить к тем же песням татарским для показа г. Броссету.

За сим остаюсь с почтением и благодарностию за все Ваши лестные обо мне отзывы, покорнейшим слугою Семинарии профессор, кандидат богословия Платон Иоселиан.

А гророс. Очень давно послал я в Цензурный комитет две рукописи груз<инских> стихотворений, сочиненных во время царицы Тамары, и просил дозволения напечатать их. Но что сделалось, не знаю? Нельзя ли принять на себя труд справиться, на чем остановка.

Извините меня, что я так споро и небрежно написал это письмо.

<Притиска сбоку на первой странице письма>: Кланяйтесь от меня г. Броссету и скажите, что просимые им надписи и проч. собираю и надеюсь скоро прислать.

* Норденстамма

<Приписка сбоку на последнем листе>: Извините меня, что я так споро и небрежно написал это письмо.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Я, кажется, Вас обманул, не прислав при письме песней татарских. Но что делать — два раза возвращали с почты на основании какого-то правила — не принимать рукописи. Поэтому я перепоручил хлопоты, нашел людей, как бы послать рукописи, и успел в том. «Лексикон», который был Вам обещан Коргановым, хотя при моем содействии и окончен, но он для Ваших слабых глаз весьма не полезен, притом же полон ошибок. Для этого жертвую Вам свой «Лексикон», крупнее переписанный и не с большими ошибками, которых, уверяю Вас, не имел времени теперь поправить.

Я имел удовольствие прочитать Ваш отзыв обо мне и книге, мною пожертвованной Академии наук. Не знаю, как мне Вас благодарить. Сердце мое совершенно чувствует добро, которое Вы мне делаете, и путь, который пролагается судьбе моей жизни.

Получили ли сундук Ваш с книгами? Тергукасов скоро сам придет в Петербург.

Познакомились ли с царевичами Грузинскими? Изю всех царевич Михаил — архив грузинских древностей, и хорошо знает русский язык. Он же знает и язык французский.

За сим остаюсь с почтением к Вам и преданностию, много Вами одолженный Платон Иоселиан.

Мая 12-го дня

1838-го года.

Г. Тифлис

Истори<ческое> и географич<еское> описание Древней Грузии кончено. Нужно только переписать получше. Скоро у нас по Семинарии экзамен. Боюсь, чтоб он не помешал мне!

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Наконец решился послать прямо на имя Академии свое сочинение. Одобрите ли Вы мой поступок, не знаю; как сама Академия примет, и этого не знаю, что будет, и того не знаю. — Я во всем надеюсь на Вас, ибо Вы первые дали мне мысль писать что-нибудь. «История литер<атуры> Груз<ии>» начнется с сент<ября> м<еся>ца. А те-

перь еду путешествовать по Грузии. В «СПб ведомостях» читали письмо Ваше к академику Френу. Экзарх показывал мне его, и был очень доволен. Ваши письма, Ваши сочинения и более всего Ваше здоровье всегда будут интересовать и радовать Ваших знакомых.

Я надеюсь, что Вы сообщите мне о судьбе моей книги.

Остаюсь с почтением и благодарностию во всем много Вам обязанный! Платон Иоселиан.

1838 года

Июня 23-го дня

Г. Тифлис

С надв<орным> совет<ником> Коцебу хотя бы поздно, но познакомился очень коротко. Он доставил первый пакет с письмом Вашим, врученный ему академиком Кругом.

<Продолжение письма на отдельной странице>:

Сей час получил я от Вас письмо. Напрасно Вы присылаете 50,7 за тат<арские> песни. Ксенофонов так Вам их жертвует, и об этом я уже и писал к Вам. — Пакетов я еще ожидаю. А как мне не удастся поехать в Voyage по Грузии до 5 июля, то может быть и увидите меня здесь. Не то я поручу здесь другому получить их. — Удивительно, что Ваше письмо от 9-го июня получено 23, т. е. в 13 дней.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович,

Предприятие мое совершить маленькое ученое путешествие по Грузии нашло величайшее препятствие. Открывшаяся в Ахалцихе чума заставила меня остаться в Тифлисе, ибо сидеть в карантине 40 дней — дело нешуточное. Зато я ездил в Душет, где я искал случаев пробиваться в ущелья гор и искать древние книги. В этом я действительно и успел довольно. Прошу Вас спросить г. Броссета, и он Вам прочитает мое письмо.

Зяблова, с которым Вы препроводили ко мне и др<угим> пакеты, еще нет. Вероятно, он ожидает наступления сентябрьской прохлады, а то приехать ему в эти жары, где у меня в комнате 26 градусов, очень опасно.

Вы теперь, т. е. при получении этого письма, вероятно, переехали из Стрельны в Петербург и, без сомнения, читали мое сочинение, которое я послал прямо на имя Академии. Я думал сначала написать что-нибудь и непременно секретарю г. Фусу, но потом раздумал. Прошу Вас постараться, чтоб оно не возвратилось ко мне тощим.

Мне всегда желательно знать о Вашем здоровье, и потому покорно прошу извещать меня о том, как необходимом для меня. Право, я не менее Вас беспокоюсь, и чрезвычайно пугает подобное положение ч<елове>ка, сделавшего ученому свету много пользы.

За сим имею удовольствие остаться Вашим, всегда покорнейшим слугою, Платон Иоселиан.

Авг<уста> 4 дня

1838 года

Г. Тифлис

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Поручение Академии н<аук> разбирать и списывать древние акты для Истории Груз<ии>, хранящиеся в Синодальной здесь конторе и др<угих местах> — принято мною с большим удовольствием. И в продолжение малого времени плоды своих по сему предмету трудов буду иметь случай представить Конференции Вашей Академии к концу этого месяца. Важность их очень значительна для истории и едва ли можно писать «Историю Грузии» без их единственного содействия.

Нынешнее лето я почти сгнил в жарах Тифлиса, строя себе дом на прекрасном месте, в котором желал бы я Вас видеть. Дом этот трехэтажный может обеспечить меня несколько в содержании. И по-сему-то не мог совершить по Грузии путешествия для отыскания старинных книг, которыми я очень богат. К тому же отыскал здесь древнюю «Историю Грузии» на армянском языке, которая списывается для меня, и которую сообщу и Академии наук. Портреты древних царей Груз<ии>, находившиеся в Мцхетском соборе, скопированы; но живописец Рощи заболел лихорадкою и не мог приготовить как следует для Академии. По выздоровлении его представляю их Академии.

Г. Броссэ писал, что если не в этом году (1838), то в следующем (т. е. 1839) буду я выбран в члены-корреспонденты Академии. Могли надеяться этого?

Бог и Совесть — свидетели, что я всевозможно тружусь для Академии и для своего края. Таковая честь больше побудит меня к занятиям и пожертвованиям Академии, куда и я буду принадлежать. Исполнение такового желания полезно для меня на поприще служения по ученой части, которому я всего себя давно посвятил. На 1840 год издаю на груз<инском> языке календарь.

За тем останусь много Вам обязанный Платон Иоселиан.
5 окт<ября> 1838
Тифлис.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Письмо Ваше от 17-го окт<ября> я получил 3 ноября. День, в который Вы писали ко мне, замечателен для меня по важному и радостному событию: в этот день Бог даровал мне сына Аполлоса. Дай Бог, чтоб и дело о книге моей, шагнувшей к сочлену Вашему Устрялову, отозвалось и повторилось в сводах Вашей Академии вожделенным для меня эхом. Я знаю и уверен, что она не выдержит строгой критики, ибо судите сами: она писана в Грузии — земле, бедной учеными пособиями. Считаю опасным и то, что ее должен рассматривать человек еще новый в Академии и, разумеется, с точки зрения — блеснуть на новом и первом поприще. И борьба такого человека начинается с слабым существом, с книгою, которой дал бытие также несильный, бессильный в пределах Азии. Впрочем, что делать? Я держался и хотел держаться во всем берегов, а очутился в середине моря.

Стихотворения — собственность Шопена — я взял у г. Корганова и уже отправил к Вам по тяжелой почте для передачи по принадлежности, ибо Шопен теперь в Петербурге.

«Христоматия татарская», о которой спрашивает г. Френ, еще не издана, и как ее должен печатать сочинитель, то за этим и остановка. Впрочем, как только отпечатается, я доставлю 2 и даже 4 экземпляра.

Вместе с некоторыми нужными для г. Броссе надписями прислал я Вам и по экземпляру изданных мною здесь поэм Шавтели и Чахруладзе; равно и для г. Ак<адемика> Френа. Скоро буду печатать и «Грам<матику> груз<инскую>». — Пришлите Ваше путешествие по Грузии — то, которое Вы присылали Экзарху нашему. Там есть что-то обо мне, и потому нехудо иметь его.

У Вас — снег и морозы, а у нас — солнце, лето. Тепло, и кое-где виноград на деревьях.

С искренним почтением остаюсь, мил<остивый> государь, Андрей Михайлович, Вашим покорн<ейшим> слугою. Платон Иоселиан.

Тифлис

1838 — нояб<ря> 10.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Давно, давно не получал от Вас письма и даже ответа на мое последнее к Вам письмо, от ноября или окт<ября> писанное. Экзарх наш показывал и диплом свой на члена-корреспондента, и письмо Ваше к нему. Академия очень кстати сделала такое распоряжение, полезное и для меня. Потому что с этого времени стал смелее действовать на поприще своих изысканий для Академии, для Наук. С этого же времени проснулась и «Грамматика» моя с русским переводом, отдохавшая в кабинете Его года ровно два. — По данной Вами мне мысли еще в бытность Вашу в Тифлисе — собирал доселе монеты старинные и собранные в числе 39, в том числе и несколько серебряных, я уже 6 числа этого м<еся>ца отправил по тяжелой почте прямо на Ваше имя. По представлении их в Академию и разборе, и обо всех последствиях прошу покорнейше меня уведомить. Там найдете монеты царицы Русудан — медную и серебр<яную>, царей Грузии Теймураза, Ираклия и Георгия XIII.

Следующею почтою отправляю г. Броссе и собранные мною из уст народа загадки для понятия о характере народа, о его жизни — политической и семейной; кажется, должны быть очень важны. По крайней мере, по ним можно судить о нравственном достоинстве народа в лета и годы политич<еского> его бытия, его образе мышления и степени образования его. Я бы перевел их на русский язык, если бы последнее поручение Вашей Академии — собрать документы для «Истории» из хартии Синодальной здесь конторы — не мешало мне в этом. Это я считаю более полезным для истории моего отечества.

Получили ли «Вепхисткаосани»*, принадлежавший Г. Шопену и отправленный мною к Вам через г. Броссе?

Если надворный сов<етник> Коцебу не выехал еще из Петербурга, потрудитесь передать от меня поклон и почтение. Вероятно, имели случай чрез ак<адемика> Кеппена видеться с ним.

За тем, желая Вам от души здоровья, полезного для наук, остаюсь с истинным почтением и полнейшею к Вам преданностию покорнейший слуга Платон Иоселиан.

Марта 9 дня

1839 года

Г. Тифлис — теплый и зеленый <?>

* В тексте письма название этой великой грузинской поэмы написано по-грузински.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

После письма моего к Вам от 6-го числа этого месяца, отправленного вместе с письмом к г. Броссе, я нашелся вынужденным, не пропуская времени и случая, отправить к Вам и это письмо. Цель и того, и другого, как Вы и увидите, есть разбудить внимание ко мне Академии, важное для меня в том отношении, что я всего себя и навсегда посвятил наукам и изысканиям древностей своего Отечества. Г. Коцебу, приятель мой и академиком Круга и Кеппена — у которого крестил он и сына в последнее пребывание его в Петербурге — писал ходатайственное письмо о принятии участия по делу чл.-корр. моего в Вашей Академии. Уведомляя Вас об этом, снова убедительнейше прошу сделать все возможное с Вашей стороны, хотя я и без того в Вас в том уверен. — Остаюсь с полною к Вам преданностию много Вам обязанный Платон Иоселиан.

Окт<ября> 19-го

1839 года.

Тифлис.

* * *

<...>

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Письмо Ваше недавно я имел удовольствие получить. Благодарю Вас за память, за Ваше ко мне доброе расположение, за любовь, за все.

Позвольте же просить Вас еще об одном главном для меня деле, о котором Вы, конечно, не раз от меня знаете. Я очень жалею, что не мог к концу этого года представить Академии снимки с портретов древних царей грузинских в Мцхете. Но эй, эй, я не виноват в такой медленности; имею в том много свидетелей и во главе их — кн<язя> Баратаева и г. Коцебу. Живописец обещал, наконец, к наступающей почте кончить свои работы набело.

Что же касается до древних гуджар, т. е. старинных актов, то многие из них уже переписаны и ожидаюсь портретов, чтобы их вместе выслать.

Г. Броссе нащет моей к Вам и к нему просьбы писал некоторое уверение. А потому покорнейше прошу побудить его для совместного с Вами и с Кеппеном действия. К последнему писал об этом и г. Коцебу. След<овательно>, для троих дело это должно быть очень возможным.

На наступающий 1840-й год издал на груз<инском> языке «Календарь», труд, конечно, не важный, но необходимый для народа, который никогда еще его не имел. С прошедшею почтой я отправил их вместе с одною монетою царя Груз<ии> Теймураза I-го, не известною Академии, в числе 30 экз<емпляров>. Прошу один из них принять от меня в дар — малый, ничтожный, но с усердием приносимый.

За тем, в надежде на Вас, на Ваше ко мне всегда неизменное расположение, остаюсь покорнейшим слугою, кандидат Платон Иоселиан.

Дек<абря> 4-го

1839 года

Г. Тифлис

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Вы меня совершенно забыли. Сколько раз писал к г. Броссэ засвидетельствовать от меня Вам почтение, и очень странно, что Броссэ мне ни разу об Вас не писал. Прислал я Вам свою печатную «Груз<инскую> грамматику», чрез г. Броссэ, и тут нет ответа. Теперь печатаю опять «Календарь» на 1841 год. Скоро примусь за напечатание и «Христоматии грузинской». С нового года намерен издавать и журнал на груз<инском> языке, если обстоятельства не помешают «Какие?» — Вы спросите. Без сомнения, финансовые, система которых, как Вы уже знаете, через меру расстроена между нашим дворянством. Не наберу доселе 60 читателей в Тифлисе, где считают 47000 жителей.

Теперь для Академии Вашей готовлю новые подарки:

1. Портреты или лучше образа около 20 лиц, прославившихся в нашей церкви. Какие они, прочитаете в письме к г. Броссе.

2. Древнюю «Географию», найденную в библиотеке здешнего армянского епархиального архиерея, на арм<янском> языке.

3. «Историю Грузии» на арм<янском> языке, которая оканчивается XI веком.

Эти две последние книги будут высланы следующею тяжелою почтою на имя г. Броссе.

Г. Броссе прочитает в моем письме к нему новое открытие для «Истории». В Кахетии мужики отыскали бога древних поклонников Солица или Огня. Это — грифон древних египтян.

Не нужна ли будет для Академии коллекция древних книг грузинских? Она состоит из 200 экз. оригинальных и переводных, большею частию древних. Многие из них писаны на пергаменте. Я писал

об этом и г. Броссе. Прошу поговорить с академиками и мне сообщить.

Между тем не забудьте и обо мне, и об членстве моем в Вашем ученом сословии. Не совершится ли желание мое, и обещание со стороны Вашей, г. Броссе и ак<адемика> Кёппена — в нынешнем году?

За тем остаюсь весь Ваш покорнейший слуга Платон Иоселиан.

10 окт<ября>

1840 г.

Тифлис

* * *

<...>

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Виноват пред Вами за долгое молчание. Что же причиною? Домашние огорчения, занятия по службе, путешествие по Имеретии и проч. и проч. Вы так добры, что это все примете за убеждения, удерживающие Вас от справедливого Вашего на меня гнева; и потому надеюсь снова увидеть Ваше письмо, по-прежнему же лестное для меня и по-прежнему исполненное добрых Ваших чувств и расположения ко мне. — Занятия мои все идут по-старому. Из письма моего к г. Броссе узнаете, что и я не дремлю и при малых средствах работаем и совершаем если не гигантское, то соразмерное силам частного человека, обремененного многими занятиями по службе. А потому обнадеженный Вами... не теряю надежды на Ваше давно обещанное мне содействие в деле, Вам уже известном... Броссе снова обещается, а я к Вам обращаюсь.

Что Ваша «Грамматика»? Семинария наша нуждается в ней. Мжедлов оставил нашу по училищу службу и поступил в гражданскую. Составленная им «Грамматика» и Вами разобранный оставлена в углу, и мы дождаемся увидеть у себя Вашу. Поспешите.

За тем остаюсь всегда Вам преданный покорнейший Ваш слуга Платон Иоселиан.

21 нояб<ря> 1841 г.

Г. Тифлис — теплый.

* * *

Милостивый государь Андрей Михайлович!

Письмо и чрез неделю два экземпляра «Осет<инской> грамм<атики>» я получил. Благодарю за память. Один экз<емпляр> «Грамм<атики>» передал Мжедлову и сообщил все то, о чем Вы ко

мне писали. Двали-Швили нет уже в живых, Жукаев цветет и здоровьем, и по службе. По желанию Вашему пришлите Ваши экз<емпляры> «Грамм<атики>», я их продам семинарии по цене, которую назначит Академия. Об этом я уже говорил ректору семинарии. Эти экз<емпляры> очень нужны для семинарии.

В настоящее время я занимаю две должности: 1) редактора «Закавказского вестника», за издание которого получаю 1140 р. сер<ебром>. Должность эта временная и частная.

2. Чиновника за прокурорский стол и ближайшего товарища его. В этой должности Высочайше утверждён я 25 дек<абря> с жалованьем 1000 р.<ублей> сер<ебром>.

По разряду место это в VI классе.

Таково здесь мое житье-бытьё!

Бывший Экзарх Грузии Евгений уехал в Астрахань 9 этого месяца, а новый — Исидор — приехал вчерашний день. Преосвящ<енный> Евгений ожидает от Вас в Астрахань и письма, и «Грамматики».

Супруге Вашей и детям свидетельствую сердечное мое уважение и память.

Извините в краткости письма. Очень занят делами, и потому спешил к почте.

Ваш покорнейший слуга

П. Иоселиан.

12 февр<аля> 1845.

Тифлис.

* * *

<...>

Милостивый государь Андрей Михайлович!

16 экз. Вашей «Грамматики» продал я вдруг, то в семинарию, то лично Экзарху Исидору, то Князю Дадриану — продал по 3 р. сер<ебром> и то насилу. Надобно сказать правду, что это дорого. На положенную так высоко цену все сердились, и потому едва ли будут выписывать из Академии. Вы писали мне, что каждый экз<емпляр> будет в переплете и, вероятно, в 2-х отделах, и что это не много стало Вам чего-то. Ничего не бывало. Она в том же виде пришла ко мне, в каком Вы мне прислали прежде один экз. А потому вырученную сумму — 48 р. сер<ебром> спешу представить Вам, другу муз и бессмертному для Кавказа лицу. Желая Вам здоровья, счастья и благополучия. Шёгрёну не нужны чины и ордена. Ему — здоровье, зрение и деньги для семейства, для любезных детей.

Поклонитесь от меня Вашей супруге и засвидетельствуйте почтение. Вы теперь на даче, но и у нас не жарко. Читали ли 11 номер «Закавказского Вестника»? Там есть нечто о Вашей «Грамматике».

Не захотите ли продать часть или всю Вашу библиотеку? Я мог бы предложить графу Воронцову. В книгах Кавказ имеет большую нужду.

С преемв. Евгением я в частой переписке.

Служба моя по Синодальной конторе и по редакции, благодаря Господу, идет хорошо, и жалованьем всего 2140 р. серебром весьма я доволен. Не доволен Академиею наук!

В получении 48 р. серебром прошу покорнейше меня уведомить.

За тем остаюсь Вашим покорнейшим слугою колл. ежский ас. Платон Иоселиан.

13 июля 1845.

Тифлис

* * *

Милостивый государь Андрей Михайлович!

Давно нет от меня к Вам письма, не потому, чтоб я позабыл об Вас, а потому, что не имел ни времени, ни случая написать к Вам. Присылаю Вам две изданные мною здесь брошюрки по приказанию наместника, который читал их отрывки в «Закавказском вестнике». В настоящем году мало занимался по изданию сочинений, которое, признаюсь, надоело и к которому почти соскучился.

Год этот весь был посвящен постройке дома, который уже выстроил и в котором уже живу. Он пока в одном этаже, из шести комнат и с подвалами, приносящими мне доходу 140 р. рублей серебром. Если останусь еще редактором и на следующий год, то займусь деятельнее, сколько позволит мне и другая по Синодальной конторе служба, также требующая трудов и еще более, как коренная, прямая и настоящая. Служба же по редакции и частная и временная.

Другой экземпляр брошюрок потрудитесь передать г. Броссе, которому я не пишу письма, потому что и он мне не пишет.

Супруге Вашей и детям свидетельствуйте мое глубокое уважение.

Пишите ко мне о Вашем здоровье и обрадуйте Вашего покорнейшего слугу П. Иоселиана.

22 окт. ября 1846 г.

Тифлис.

* * *

Милостивый государь Андрей Михайлович!

Присланные Вами брошюрки получил от Броссё. Благодарю за память и любовь Вашу ко мне. За то и я спешу принести Вам экземпляр новой моей книжки. — Другой экземпляр покорнейше прошу передать в Вашу Академию. Там имеются все мои до ныне книжнические труды. — Броссё поехал в Кахетию и на днях должен быть здесь, в Тифлисе, для новых трудов.

Недавно получил я чин колл<ежского> советника.

Свидетельствую мое почтение доброй Вашей супруге и детям Вашим.

Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

Остаюсь Вашим покорным слугою, Платон Иоселиан.

16 сент<ября> 1847.

Тифлис

* * *

<...>

Милостивый государь Андрей Михайлович!

По Вашему предложению и побуждению известный Вам Христофор Ксенофонтов составил сборник татарских пословиц. Книгу эту Ксенофонтов отправил лет 6 тому назад к фельдмаршалу в Варшаву. Князь Паскевич как-то препроводил ее к Вам в Академию, и потому г. Ксенофонтов просит Вас чрез меня уведомить, что делается с его сочинением. Броссе доставил мне Ваши брошюрки. Он теперь в Ахалцихе.

Свидетельствую мое почтение почтеннейшей Вашей супруге и детям Вашим.

Остаюсь Вашим покорнейшим слугою, Колл<ежский> советник> Платон Иоселиан.

28 ноября 1847 г.

Тифлис.

Письма X. Ксенофонтова

Милостивый государь Андрей Михайлович!

Теперь я к Вам пишу четвертое и последнее письмо мое, в котором заключается повторение прочих писем моих. Оно есть следующее:

поручение Ваше мне уже совершилось еще в августе месяце, за что я запросил у Вас десять руб<лей> ассигнациями.

Другое поручение Ваше ко мне — собрать татарские пословицы, коих у меня теперь до 300; постараюсь собрать до последнего. Впрочем, дело в том, что в них есть несколько пословиц, свойственных к склонности этого народа.

При приведении их в порядок я могу избегать излишних археологических объяснений и ограничить себя только одним сочинением прямым татарским языком.

Между тем прошу не оставить меня добрым Вашим отношением, как и Вашей постоянной помощью. Еще прошу Вас уведомить меня прямым ответом Вашим.

Ваш покорный слуга Х. Ксенофонт
Февр<аля> 20 1838 г.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Изволите ли Вы помнить некогда учителя греческого и татарского языков Тифлисской духовной семинарии, Христофора Ксенофонтова, которому, в бытность Вашу в Тифлисе, поручили Вы собирать турецко-татарские пословицы. Это я, покорный слуга Ваш, с готовностью принявший Ваше поручение. С тех пор начал я собирать уже известные Вам и Академии наук цветки, или как называл один из ученых-филологов, драгоценные жемчужины, пословицы и изречения мусульманские. Руководимый частью словесными, частью письменными полезными Вашими наставлениями, привел их в известный порядок и систему. В одном из Ваших писем ко мне 5 июня 1838 года Вы между прочим изволили советовать мне: «по моему мнению, приложить, если не объяснения, то по крайней мере русский перевод, — ко всем, разложить пословицы в алфавитном порядке не худо, ибо удобнее будет их там сыскать и найти». Но я, вполне чувствуя высокую цель Вашу и желая хоть несколько оправдать доверие Ваше, предпринял всевозможные старания не только перевести, но и объяснить их, как видно из моей рукописи. Словом, Вы поручением своим предоставили мне самое поучительное и самое приятное занятие, что я уже слишком 12 лет день и ночь, имея памятную книжку и карандаш в кармане, собрал до 6000 пословиц и по сие время еще собираю, по одному лишь Вашему поручению, имея в виду ту надежду, что многолетний труд мой не будет отринут ученым классом.

Нелишне, впрочем, будет с моей стороны напоминать о том, что я для собирания предлагаемых пословиц и для ученой публики не щадил, — да и не щажу — тяжких трудов и чувствительных для меня издержек, без чего в Азии невозможно было и думать о подобном предприятии. Впрочем, я частью поощрен Вами и другим достойнейшим ценителем труда моего г. академиком Б. Дорном, которые, отзываясь о моем бедном сборнике богатым, полезным и проч., доказали готовность Вашу для усовершенствования оногo. И вот я, пользуясь мудрыми замечаниями и полезными наставлениями его, с особенным рвением исполнил все то, что предложено было мне Академиею, как видно из моего сборника, и далее отделил поговорки и изречения от пословиц. Если я буду столь счастлив, что Академия, по ходатайству Вашему, найдет труд мой, измененный уже по ее указанию и приведенный в систему, достойным для издания в свет, то я почту себя вполне поощренным за долговременное мое занятие и постараюсь новыми дополнениями обогащать цветник, Вашими настояниями первоначально насаженный и от Вас же ожидающий плодотворного орошения.

Примите удостоверение в глубочайших моих чувствах, с какими имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Ксенофонов

Генваря 20 дня 1850 года

Письма А. Люлье

Милостивый государь, Андрей Михайлович.

Смею думать, что Вы еще изволите меня помнить, смею также думать, что Вы не позабыли советы, которые Вам было угодно мне дать при свидании с Вами на Кавказе, о составлении «Черкесского словаря» и создании нескольких элементов «Грамматики» того народа. С тех пор я занялся этим делом и старался извлечь возможную пользу из долголетнего пребывания моего в горах. «Словарь» и «Грамматика» поступили в Академию Вашу — как сообщают о том из Канцелярии Кавказского наместника, — для рассмотрения и одобрения. Труд мой, вероятно, будет передан Вам для определения степени его достоинства. Позвольте мне надеяться, что Вы рассмотрите эти рукописи не как строгий Аристарх, а как снисходительный судья. Труд мой есть, как я полагаю, первый в этом роде и, несмотря на его недостатки, он может быть полезен для тех, кои пожелают изучить язык черкесский, или тем, кои со временем займутся этим делом. Я же со-

ставлением его имел в виду быть полезным службе и составить себе какую-нибудь выгоду за тяжкое и долгое пребывание мое в горах черкесских между враждебными племенами, пребывание, сопряженное с многими лишениями и опасностями.

Ожидая благосклонного отзыва Вашего, прося покорнейше принять заранее изъяснение искреннего чувства благодарности за участие, которым угодно будет почтить меня, в этом случае — имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностью Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугой Леонтий Люлье.

5 января 1846 г. Керчь.

Адрес мой: Чиновник для особых поручений при наместнике Черноморской береговой линии.

<В письмо вклеен листок размером с визитную карточку>:

Адрес мой: в Керчи Таврической губ.

Леонтий Яковл<евич> Люлье, надв<орный> Советник.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович.

Заботы по службе и продолжительная болезнь, от которой я еще не оправился, препятствовали мне отвечать, прежде сего, на лестное письмо, которым Вы почтили меня в начале сего года, и вместе с тем благодарить за истинно доброе внимание ко мне и советы по составлению «Адигского словаря». «Осетинскую грамматику» Вашу я рассмотрел со вниманием, и тогда-то убедился, что труд мой требовал во многом совершенного исправления. Чтя в полной мере все замечания Ваши, и желая принять их в руководство, я хотел было приняться за переделку «Словаря», но начальство мое пожелало, чтобы он был напечатан без отлагательства. Трудно было соединить волю старших и собственное мое желание. Я сделал, что мог. Придерживаясь строго советам Вашим, я исправил, по возможности, самые важные недостатки, и «Словарь» был напечатан. По требованию Вашему представляю при сем один экземпляр оного. Впрочем, я постараюсь воспользоваться первым удобным временем, чтобы пересоздать «Словарь». Мне приятно будет доказать Вам, как лестно для меня внимание Ваше, и как ценю я наставления Ваши. При этом воспользуюсь дозволением Вашим, и в случае затруднений буду просить о пособии.

Что касается до абадзехов, то могу положительно удостоверить, что они принадлежат к племени адигскому и что кроме языка адигского, другого не имеют. В этом я убедился, потому что долго находился между ними и потому, что имел продолжительные отношения с их старейшинами.

Не лишайте меня благорасположения Вашего и не отклоните поддержку, где от Вас будет зависеть.

С истинным почтением и совершенною преданностию честь имею быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою, Леонтий Люлье.

7 ноября 1846 г. Г. Керчь.

Письмо А. Маевского

Милостивый государь Андрей Михайлович!

Судьба забросила меня на Кавказ, в короткое время я прошел все пространство от Каспийского моря до Военно-Грузинской дороги, и наконец, мне пощастливилось зиму этого года провести во Владикавказе. Тут случай свел меня с людьми, которые имели честь быть Вам известными при посещении Вашем этого округа. Протоиерей Шю Двалишвили, переводчик Шукаев и многие другие дали мне полное понятие о трудах Ваших на поприще осетинского языка. Безпрестанно вспоминая с удовольствием о времени, проведенном в приятной беседе с Вами, они сожалели, что не могут удовлетворить желания Вашего доставкою осетинских «Нартов», и тем самым внушили мне смелую мысль вызваться на эту услугу <...> уведомите между прочим, угодно ли Вам будет иметь осетинские «нарты», коих собиранием я теперь занимаюсь. Тогда, поощренный таким вниманием, я употреблю все старания, чтобы оправдать Ваш лестный выбор, и готов исполнить все поручения, которые Вам угодно будет на меня возложить.

Ваш, милостивый государь, покорный слуга Александр Маевский
1842

25 марта
Владикавказ

Письма Г. Мжедлова

Милостивый государь Михаил Андреевич*!

Давно собирались писать к Вам, но теперь только осмелились изъяснить Вам наше усердное почтение. Правда, виноваты мы пред Вами, но что делать, мы все слышим, будто Вы в С<анкт>-П<етер-

* Описка автора письма.

бурге> не живете. Покорнейше просим не забыть нас и уведомить об Вашем здоровье, равно и о том, можем ли прислать к Вам переводы «Разговора» и других Св<ященных> книг; если примете и вводите их в учености. Мы давно бы принялись за составление «Словаря осетинского», но у нас нет хорошего «Словаря», и все ожидаем «Лексикона» Г. Чубинова. Если вышел из печати Чубинова «Словарь», покорно просим прислать нам по экземпляру и уведомить о цене их, что по получении отправим к Вам.

Пожелав Вам всякого счастья и благополучия, честь имеем остаться покорными Вам слугами.

Протоиерей Шио Двали Швили

Учитель Григорий Мжедлов

19 августа 1839.

* * *

Милостивый государь Андрей Михайлович!

12-го числа сего месяца я имел счастье получить от Вас письмо, и всею душою возрадовался, узнав из одного об Вашем здоровье, равно со мною возрадовались О. протоиерей, Жукаев, Григорьев и Афадо. Мы все, слава Богу, здоровы и все вместе засвидетельствуем Вам наше нижайшее почтение, и желаем Вам здоровья и всякого благополучия. Училище наше, слава Богу, ныне состоит из трех классов, и я — смотрителем одного. Жукаев опять без чина и ожидает скоро получить. Я с отцом протопопом узнали из Вашего письма, что «Словарь» Чубинова будет скоро отпечатан, и желаем иметь по одному экземпляру, как изволили писать. Если прибудет г. Чубинов, доставьте нам случай получить по экземпляру, и мы удовлетворим его ценою.

Занимаемся по-осетински. О. протоиерей перевел три Послания апостола Павла: к римлянам и два к карфагенянам, а я — краткую «Св. историю» с «Кратким Катехизисом» и «Пространный катехизис» и доставил уже Экзарху. Теперь же, после получения Вашего письма, занимаюсь перепискою набело перевода «Осетинского разговора», переведенного с Чубинова «Разговора», и надеюсь в марте доставить Вам по почте вместе с переводом трех «Посланий» апостола Иоанна Богослова, переведенного мною. Слава Богу, я, хотя не совершенно, но довольно выучился по осетинско-тагаурскому говорить и переводить. Новостей у нас никаких нет, кроме Шамиля — лезгинского вождя, укрывшегося в одной скале Кавказа.

Покорнейше просим, милостивый государь Андрей Михайлович, не оставить нас и иметь с нами переписку, чему мы рады будем, и за-

ниматься по Вашему Уставу. Может быть, Бог примет наш труд, и мы так услужим Отечеству и вере.

В Тифлисе все благополучно. Владыко здоров, О. Ректор также, Платон Игнатич занимается грузинскою литературою, и скоро, как я слышал, составит Грузинскую церковную историю. Я уже с прошлого сентября пятый год в службе и просил Экзарха наградить меня чином. Он весьма любит меня, и я доволен его архипастырской милостию.

Поспешу послать к Вам поскорее «Разговор» и сказанный перевод, и введите их в круг учебных книг.

За всем тем, милостивый государь Михаил Андреевич*! Пожелав Вам всякого благополучия и здравия, остаюсь Вам покорным слугою и послушником. — Смотритель Владикавказского училища Григорий Мжедлов.

16 февраля 1840 года

К<репость> Владикавказ

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

При сем присылая к Вам осетинский перевод трех «Посланий» Апостола Иоанна Богослова и грузинский «Разговор весны с осенью», переложенный в стихах грузинским царем Теймуразом, уведомляю Вас, что я по нездоровью и по училищным делам не мог в обещанный срок прислать к Вам «Осетинского разговора», а стараюсь окончить скоро и в вакацияльное время. Непременно буду присылать к Вам и надеюсь, что труды мои будут Вами введены в число тех лиц, которые трудятся для пользы отечества изданием их в печати.

Письмо Ваше очень обнадежило меня, и занимаюсь с переводом «Разговора» и переводом «Псалтиря», и перевел уже половину и надеюсь окончить через три месяца.

Я весьма жалею, что я не смог обещание мое исполнить Вам в скорости начет «Осетинского разговора».

Буду непременно заниматься переводами и держаться тех правил, которые передали мне Ваши священные уста в бытности во Владикавказе. Отец протоиерей Шию, Петр Жукаев и Григорий Григорьев, слава Богу, поживают благополучно и кланялись Вам.

Пожелав Вам здоровья и всякого благополучия, честь имею быть покорным слугою и послушником Вашим.

Смотритель Владикавказского училища Григорий Мжедлов.

2-го мая 1840 года.

Владикавказ.

* Ошибка автора письма или переписчика.

* * *

Ваше Высокоблагородие, Михаил Андреевич*!

4-го числа сего месяца, к сожалению моему, я получил от Высокопреосвященнейшего Экзарха Грузии составленную мною «Осетинскую грамматику» и другие переводы в подлинниках с Вашими замечаниями на шет их неправильностей, и само собою разумеется, по Вашему мне предположению, он предписал мне исправить оные и опять представить ему. Из замечаний Ваших я увидел и верю, что слова Ваши, которыми Вы благоволите называть их не верными, особенно по правописанию, истинно верны, да и без того таковым переводам и сочинениям при самом начале на неграмотном языке нельзя быть. Сколь я не употреблял усилия проникнуть и вернее выразить все звуки приличными буквами, столько я нашел неудобства и затруднения и ограничился только теми буквами, которые уже Вам известны, и я думаю зато и Вы не изволите так строго судить меня, зная силы мои и, имея много примеров даже образованных языков, которых азбуки еще, как я от Вас же знаю, не совсем совершенны. Что же касается до выражения смысла вернее и приличными словами, то я теперь в состоянии довольно удачно работать, так как я чрезвычайно занимался и имею желание сделать что-нибудь своим трудом, полезное церкви Осетинской.

Михаил Андреевич**! Я имел разговор с Экзархом и прокурором Синодальной конторы об удачности и правильности для выражения составленных Вами букв, и давно жду Вашей «Грамматики»; но, узнав еще в 1839 году из Вашего письма о ее замедлении и не осмелясь выпросить у Вас рукописной азбуки, я стал писать мой перевод Вам известными буквами. Ныне же я надеюсь, что если «Грамматика» Ваша еще не отпечатана, по добродушию Вашему не откажете прислать мне одни буквы Ваши с присовокуплением на них употребляемых знаков и тех осетинских слов, из которых я вернее могу увидеть употребление каждой буквы в письме и тем доставьте мне единственное средство к продолжению моих занятий. Труды мои, хотя я не могу хвастаться, довольно значительны, что я уже перевел «Псалтырь» и представил уже «Евангелие» и «Деяния Св. Апостолов» уже вчерне у меня выведены, и как я сам надеюсь, и другие в том уверяют меня, <что> сии последние переводы должны быть лучше и основательнее первых, хотя писаны теми же буквами. Я намерен оставить «Граматику» и заниматься исправлением переводов, пиша их собственно Вашими буквами, и надеюсь, что труды мои, вверенные Ваше-

* Описка.

** Описка.

му усмотрению, без всякой пользы не останутся как для меня самого, так и для осетинской церкви.

За всем сим, пожелав Вам всякого благополучия, здоровья и счастья остаюсь

Вашего Высокоблагородия
 милостивейшего государя
 всенижайшим слугою и послушником
 смотритель Владик<авказского> училища Григорий Мжедлов.
 5 августа 1841.
 К<репость> Владикавказ.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Г. Иоселиан известил меня о благополучии Вашем и вместе о занятии по осетинскому языку и тем доставил мне немалое удовольствие. Вы, милостивый государь, очень много одолжили мне, что прислали экземпляр Вашей «Осетинской грамматики», она теперь мне служит единственным руководством при подавании уроков моим ученикам в Тифлисской семинарии. Я не намерен прекратить занятия по этому языку, а, напротив, усугубить, надеясь, что труды не останутся без пользы. Перевод «Псалтиря» уже отправлен к Вам и потому всеубедительнейше прошу Вас, милостивый государь, не пожалейте 10 коп. сереб<ром> и уведомите меня, достоин ли я через этот перевод доброго имени, и вместе прошу Вас к тому Вашего содействия, не обращая на некоторые оставшиеся в нем опять ошибки, которые в свое время будут исправлены. Я хотя и без сей просьбы в крепкой надежде, что добродушие Ваше не оставит меня и чрез принятие того перевода сделает счастливым, но все-таки я осмеливаюсь просить Вас о том, как своего благодетеля.

Вашего Высокородия
 милостивого государя
 покорнейший слуга
 учитель Тифлисской семинарии
 Григорий Мжедлов
 24 сентября 1844.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Письмо Ваше от 16 октября 1844 я имел счастье получить, из которого усмотрел приятное для меня известие о том, что Вы, по милости Божией, благополучно живете и перевод мой «Псалтиря», кроме замеченных Вами еще ошибок по правописанию и некоторых слов, неудачно переложённых, Вами уже одобрен. Вслед за этим письмом весьма скоро получил и упомянутый перевод, перепискою которого набело уже занимаюсь и надеюсь, что все оставшиеся в нем ошибки теперь будут мною удачно исправлены по Вашему указанию. Занятие мое по осетинскому языку я продолжаю еще, и буду продолжать до гроба, как я в этом труде нахожу большое для сердца моего удовольствие. В продолжение двух лет я успел переложить пять «Историй И. Христа», т. е. «Четвероевангелие» и «Деяния св. Апостолов», составил первую часть «Грамматики» и занялся было составлением второй части, но, получивши перевод «Псалтиря», я их до времени отложил и уже два месяца занимаюсь исправлением и перепискою набело сего последнего. К счастью моему, известный Вам Тасо Жукаев приезжал в Тифлис и, живя около трех недель у меня в генваре месяце, очень много помог мне в исправлении этих ошибок, какие Вами замечены, и надеюсь в первых числах марта перевод сей отослать Вам по начальству. Он, г. Жукаев, ныне в чине подпоручика и приставом на месте Ельмурзы, так же Вам известного, а О. протоиерей Двали Швили уже другой год скончался, Григорьев же поступил в военную службу и выехал в Варшаву.

Андрей Михайлович! На днях читал мне г. Иоселиан письмо Ваше не давно им полученное, из которого я увидел, что я скоро получу от Вас экземпляр Вашей «Грамматики», за что я много обязан благодарить Вас. Не гневайтесь на меня, благодетель мой Андрей Михайлович, и оставьте меня при тех выговорах, какие дал мне г. Иоселиан за долгое молчание на Ваше письмо; но к этому я имел причину — командировку во Владикавказ для ревизии тамошнего училища, откуда я приехал только в последних числах декаб<ря> 1844 г., и тогда только получил Ваше письмо.

Я бы желал и прошу Вас покорнейше, перевод мой «Истории краткой» оставьте у себя на короткое время, пока возвращенный для исправления перевод получит добрый конец, к чему я уверен, что Ваше добродушие много употребит содействие и тем сделает меня во век обязанным благодарить и просить у Всевышнего о благоденствии Вашем.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашему Высочородию покорным слугою и послушником. Губернский секретарь Григорий Мжедлов.

2 февраля 1845 г.

* * *

Ваше высокоблагородие, милостивый государь, Андрей Михайлович!

Спешу Вас уведомить, что я кончил перевод «Псалтиря» и представил уже Экзарху, а теперь занимаюсь составлением второй части «Осетинской грамматики». Перевод же «Евангелия» и «Деяний Апостолов» еще не <нрзб.>, и желал бы очень по этому предмету от Вас иметь совет, могу ли я переписать набело и представить начальству или предварительно прислать Вам для рассмотрения, равно и сведения о том, в каком положении «Краткая история» с «Кратким катехизисом». Пять училищ нуждаются в этих переводах, более же всего семинария, в которой ученики оканчивают курс наук и по неимению средств не знают осетинского языка. Г.Иоселиан из Вашей «Грамматики» составляет разбор и будет отпечатан скоро, для извещения кавказцев о явлении на свет этой книги. Присланную Вами мне «Грамматику» отнял новый Экзарх и доселе не возвращает мне, и потому покорнейше прошу прислать мне 6 экземпляров с уведомлением о цене каждой книги, которую, по получении книг, не медля вышлю. 7-го числа сего месяца Экзарх предложил мне возвратиться во Владикавказское училище смотрителем, но я, не обдумавшись, не мог дать решительного отзыва, и на этих днях будет решено, поеду или останусь. Новостей у нас никаких нет, кроме того, что лезгины с восточной стороны тревожат Кахетию, и новый Главнокомандующий собирает сильное ополчение и хочет положить конец их своевольству, наипаче же Шимилию, который хитрыми своими действиями успел взбунтовать горцев.

Пожелав Вам счастливо и благополучно встретить наступающий Св. праздник Воскресения Христова, остаюсь Вашего Высочородия милостивого государя, покорнейшим слугою и послушником, Губернский секретарь

Григорий Мжедлов,

учитель осетинского языка при Тиф<лисской> семинарии.

8 апреля 1845 г.

Г. Тифлис.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Спешу уведомить Вас, что мой осетинский перевод «Псалтиря» недавно Экзарх Грузии препроводил к г. Обер-прокурору Святейшего Синода по его требованию и, без сомнения, тот перевод скоро дойдет опять до Вас для рассмотрения. Замеченные в нем Вами грамматические ошибки все исправлены; слова Иегова, Иаг и кедры употреблены так, как Вы изволили советовать; прочие замеченные ошибки в слогах и стихах по возможности и с помощью г. Петра Жукаева, который целый месяц жил в г. Тифлисе у меня, почти все исправлены, и ошибок, которые в настоящем состоянии осетинского языка можно было исправить, по отзыву г. Жукаева, нет. Теперь как одобрение этого перевода, так и чрез то исполнение моего искреннего желания — чтобы труд мой не был оставлен без пользы для осетинских христиан, зависит от Вас. И потому я осмеливаюсь, милостивый государь Андрей Михайлович, просить Вас, чтоб просьба моя о том переводе была удостоена благосклонным вниманием Вашим. Вместе с сим я нужным считаю дополнить Вам, что занятие мое по составлению перевода «Евангелия» вчерне уже кончено, а «Осетинской грамматики» продолжается и будет продолжаться еще на три месяца. По получении Вами перевода «Псалтиря», я полагаю, возвратится мне перевод «Краткой истории» с «К<ратким> Катехизисом», и потому покорнейше прошу Вас, если эта просьба моя не будет противна Вам, сообщить мне и о том переводе свои замечания, как я должен поступить при исправлении оногo. Третьяго дня Платон Игнатьевич получил от Вас письмо, из которого я увидел, что я Вами не забыт, за что я и спешу с сим вместе засвидетельствовать Вам мое всенижайшее почтение.

Вашего Высокородия милостивого государя всенижайший слуга и послушник учитель Григорий Мжедлов.

16 ноября 1845 года

Г. Тифлис.

* * *

Ваше высокородие, Андрей Михайлович!

21-го прошлого мая я имел счастье получить письмо Ваше, из которого я, к удовольствию моему, узнал об одобрении перевода моего; <нрзб.> затем чрез месяц получил и самый перевод для исправления замеченных ошибок, которых, как Вы в письме изволили уведомить меня, было пять, и следующих: 1. в оглавлении V псалма.

Удвбæстæй зæнзæд'ин вадунвул; 2. Пс. LXXV—II. Амæ лæд'ij фудох здахvj. Дæ стврадмæ æмæ сардæjen je бондај қудвкæнвн барагкæнвј Дау зъхей; 3. Пс. LXXVII: 9. Ад арæст Ефрешвј фврззæ раздахтвствј фæстæмæ хаствј бенвј; 4. Псал. ХСIII: 4. Удон сæ явхей хæнвнц фаун и наконец, 5. в 25 стихе СIII псалма: ленкгандизæ. Эти ошибки исправлены так: 1. фугæнге вадунвјј гаресзви. Слово фугæнге по-русски значит духовой инструмент, в который дуют; 2. Амæ лæд `ij фудох фавај Да стврадмæ, зæд Дv фæстie арбататвс маствяинадеј. Слово: фавај здесь имеет значение слова «обращается» и очень понятно для осетинов, а слово фæстie значит и «наконец», и «напоследок»; 3. Ефремвј фвр зæ адгарсбæ, ардвней аиксд'изæ раздахтвствј фæстæмæ хаствј бонвј; идгарсзæ значит «водруженные», ардун — «лук», ахсдизæ — «стреляющие»; 4. удон загвнц фаун явнадзæ. Слово загвнц значит «говорят», а не «изрыгают». Это последнее слово хотя есть и по-осетински, ракауинц, но здесь непонятно, и потому я написал: загвнц — «говорят», а фаун яинадзæ — «хулы». Начало — фаун хула, или хуление. Это слово различается от глагола фаун «совершаю», окончательным ударением, которое первое имеет на á, а второе — на ú. Слово хуление — фаун или фаун яинад можете видеть в переводе «Евангелия» Ялгудзиева* в ст. 31, XII главы, наконец, 5. в 25 ст. СIII псалма бврδ'изе есть пресмыкающие. Вышеозначенные ошибки, по приказанию Экзарха, исправлены в самом переводе; но выписаны также на особом листе с показанием против каждого и исправления их, и как перевод, так и тот лист, представлены им недавно Святейшему Синоду.

Спешу уведомить Вас и нащет Джавского наречия. О выговоре слов: хвчав, вврнвн, вæрах, вад или вæд, ваң, вæнз я со многими тамошними осетинами и даже с односельцем г. Ялгудзиева имел рассуждение и рассказывает, что говорят не хвчав, а хвчав, не вврнвн, а вврнвн, не вæрах, а ворах, не вад или вæд, а вод или од, не вæн, а воң, не вæнз, а вонз и видонз. Вот вернейшая справка. Соображая выговор джавцев с писанием г. Ялгузидзева, я нахожу, что при написании первого слова он имел в виду умягчить грубое стечение трех согласных букв хвч и потому между ними поставил г, как это употребил и Католикос Антоний 1-й в подобных стечениях букв на грузинском языке. Как у всех осетинов, так часто и у джавцев у часто слышно как в, а буквы: а и æ — как о или ѿ. Смотря на писание его, впрочем, он очень ошибался и делал это по недосмотру, а вернее всего есть то, что он не имел понятия о иностранных буквах, которые могут быть упо-

* Ялгузидзе

треблены в осетинском письме более с удобностию и выразительностию, нежели грузинские, как напр. æ, v и ω.

Повторяя мою всенижайшую просьбу о ходатайстве Вашем нащет перевода моего, я с истинным к Вам почтением и совершенною преданностию, остаюсь

Покорнейшим Вам слугою и послушником, учитель осетинского языка Григорий Мжедлов.

Сентября 16-го дня

1846-го года.

Тифлис

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Поздравляя Вас с наступающим новым годом, спешу, хотя поздно, благодарить Вас за Ваше внимание и снисхождение к моему труду — переводу «Псалтиря», отпечатание которого немало обрадовало меня и дало случай быть полезным церкви и Отечеству. Занятие мое переводом «Псалтиря» не ограничилось, я занимался, занимаюсь и буду еще заниматься, сколько позволят мне мои силы. Доселе я успел составить перевод «Четвероевангелия» и «Осетинский букварь», заключающий в себе азбуку, повседневные некоторые молитвы, Символ Веры, 50 и 102 псалмы и краткий «Катехизис». Букварь этот и перевод «Четвероевангелия» Высокопреосвященным Экзархом недавно представлены Святейшему Синоду и, вероятно, будут Вам переданы на цензуру; и потому осмеливаюсь просить Вашего великодушного снисхождения к трудам моим, тем более, что осетинский язык, как Вам известно, доселе не имеет средств для составления переводов. Теперь же, с Божиею помощью, занимаюсь составлением Осетино-русско-грузинского словаря и надеюсь окончить, по крайней мере, к генварю месяцу 1852 года, и для полноты его и совершенства непременно в два месяца — июнь и июль будущего 1851-го года — поеду во Владикавказ. При сем считаю нужным известить Вас, что служба моя опять при Тифлисской семинарии и при Синодальной конторе.

За тем, пожелав Вам и Вашему семейству здоровья и всякого благополучия, остаюсь навсегда Вам покорнейшим слугою титулярный советник

Григорий Мжедлов.

28 Декабря 1850 года

Тифлис

<Притиска рукой П. Иоселиани>:

С своей стороны пользуюсь приятным для меня случаем свидетельствовать Вам и доброму Вашему семейству мое усердное почтение. — Поздравляю Вас с новым годом и желаю много лет, полезных для науки. — О себе скажу, что я по милости Бога здоров и попрежнему весел и доволен собою.

Примите уверение в моем искреннем почтении, с которым остаюсь Вашим покорнейшим слугою, Кол<лежский> сов<етник> П. Иоселиани.

29 дек<абря> 1850 г.

Тифлис.

* * *

Милостивый государь, Андрей Михайлович!

Письмо Ваше от 31 генваря я получил 25 февраля, и на другой же день отправил к Вам чрез редакцию «Закавказского вестника» безвозмездно и с большим удовольствием 3 экземпляра осетинского «Псалтиря» и надеюсь, что их до получения сего письма получите. Из письма Вашего я усмотрел, что «Азбука» моя, заключающая в себя «Букварь», несколько молитв и краткий «Катехизис», Вами не одобрена, к чему я совершенно не могу и не должен питать ни малейшего неудовольствия, так как строгая критика есть наука и поведет меня к большему усовершенствованию своих трудов. Если означенная книжка не совсем верна, то ошибки оной должны быть малозначительны и извинительны, равно и ее правописание, — что все можно исправить и опять представить, если только она отзывом Вашим совсем не уничтожена. Впрочем, я о той книжке не столько буду жалеть, сколько о переводе «Евангелия», который стоит мне больших трудов и даже издержек, и потому при рассмотрении оного покорнейше прошу Вашего снисхождения. Разумеется, нельзя не вкратце и в оный перевод ошибкам, но все ошибки могут быть исправлены и усовершенствован труд, лишь бы только отзыв об оном был снисходителен и соответствен моему желанию и ожиданию начальства. Впрочем, я все беспрекословно предоставляю Вашему благоусмотрению, оставаясь всегда Вами довольным и Вас уважающим и почитающим.

Вашего Высокородия милостивого государя покорнейший слуга
Григорий Мжедлов.

3 марта 1851 г.

* * *

Ваше Высочество, милостивый государь, Андрей Михайлович!

Письмо Ваше о переводе «Четвероевангелия» на осетинский язык я получил еще в прошлом году и затем самый перевод для исправления по замечаниям Вашим. Прочитав внимательно замечания, просмотрев перевод, я убедился, что в правописании действительно допущены были ошибки, которые при пересмотре тщательно исправлены. Слова и выражения, требующие также исправления, исправлены, исключая немногих слов, которые оставлены по-прежнему собственно потому, что в существовании сих слов и в значении тех предметов, для выражения которых они употреблены, не нашлось ни малейшего сомнения. Например, слова арзуд и арзаун — крещение и крестить, хуцавгъ фаун — богохуление, авдїсанѣонви — отречься, отказаться и многие подобные так понятны почти для всех осетинов, как Вул и дон; впрочем, это утверждаю не от себя, а уверился в том от самих осетинов. О всех тех словах, о которых Вы изволили в переводе, поста<но>вкою знаков, навести сомнения — правильные или неразрешенные — при пересмотре перевода и исправлении одного, я вел перечень, который, для видимости, представил вместе с переводом к Экзарху, и который, вероятно, дойдет до Вас. Затем я уже на совершенство перевода совершенно надеюсь, и в этом уверяют образованные осетины, к которым для усовершенствования одного я часто обращался и требовал их помощи и совета. Я совершенно уверен, что отзыв Ваш об этом переводе будет хорош, и я за мои усиленные труды не останусь без награды, хотя счастье мое с наградами всегда бывает плохое, что видно из того, что уже 15 лет работаю, но ни от кого нет никакого поощрения. В прошлом году Экзарх просил г. Обер-прокурора Святейшего Синода о награждении меня орденом св. Анны 3 ст., но доселе нет даже ответа, и некогда мне просить узнать, на чем дело остановилось. Не могу также знать, что сделалось с составленной мною «Осетинской азбукой», которую Экзарх представил Синоду в конце 1850 года. Несмотря на все неудачи, я все-таки продолжаю свои занятия по осетинскому языку и занимаюсь исправлением перевода «Краткой истории» с «Кратким Катехизисом» по замечаниям Вашим. Осетинский «Псалтирь» уже в употреблении, и отзыв об нем от всех осетинов и других, знающих осетинский язык, весьма хорош.

Пожелав Вам от души всякого счастья и благополучия, с истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть

Вашего Высочества милостивого государя покорнейшим слугою

Григорий Мжедлов
21 июня 1852 г.
Тифлис.

Письма Ш.Б. Ногмы

Милостивый государь,

Приятнейшее для меня Ваше письмо я имел счастье получить с величайшим восхищением 14 февраля, за которое приносим совершенное обрадование. Вы извините, я не могу сегодня отправиться к Вам потому, что поздно получил письмо Ваше. При том не мог от болезни вдруг верхом ездить. Однако ж завтрашнего числа непременно буду стараться приехать к вам. Итак, вы будете дожидать <меня> завтра.

С истинным почтением и совершенною преданностию имеющий быть

Вашим
Милостивый государь,
покорнейшим слугою
Шора Бекмурзин Ногма
14 февраля 1837 г.

* * *

Г. Пятигорск 6 июня 1838 г.
Милостивый государь!

Приятнейшее для меня Ваше письмо я имел счастье получить с величайшим восхищением 7 мая, за которое весьма благодарю и за Ваше доброе расположение ко мне. Чувствительно, что вы стараетесь для общей пользы. Я в приятную обязанность поставляю себе во-первых засвидетельствовать Вам мое искреннее почтение с пожеланием совершенного здоровья, всех возможных благ и душевного спокойствия. Поспешаю вас уведомить в ответ, что я не получил от барона Розена свою «Адигскую грамматику», ничего даже <нрзб.> и неизвестно, где она находится. После разлучения с Вами я видел<ся> два раза с бароном Розеном, но <он> не знает об ней. Однажды я писал раза два в Тифлис <тому>, которому поручил послать <ее> по почте — по причине, <что> тогда я был болен, но он, вероятно, ее потерял <нрзб.>

Я уже начал заниматься по советованиям вашим, постараюсь снова перебелить черновик и рассмотреть хорошенько, и, окончивши, пошлю к Вам на Ваше благосмотрение. Я весьма доволен, что вы име-

ли случай говорить с Вашим министром Уваровым о «Грамматике Адигейской»; я уверен, что вы искреннего благодеяния, и значит, здесь для меня. Я с удовольствием соглашусь с его предложением и с вашим советом, буду стараться исполнить все, кончить до августа или до сентября месяца.

Непрерывно как окончу, так и пишу к Вам прямо тогда, как Вам благоугодно в Академии, я ни в чем не сомневаюсь. Извините меня, что и прежде я напрасно сомневался, не зная о благих Ваших намерениях, за то я недоверчивый черкес есть, и что прошло, то прошло, я теперь Ваш слуга. По советованиям Вашим я уже постараюсь прибавлять к «Грамматике» словосочинение или синтаксис практического употребления, также и словарь, отдельным образом с разговором; я полагаю, что кажется не так трудно будет, впрочем, не знаю, я не делал до того, и «Грамматика» самой лучшей будет, потому что всю снова рассматривал, только в русском языке не так сильна.

С тем прошу Вас не оставить меня, уведомить о вашем здоровье, если имеете досуг, чем премного одолжите.

С истинным почтением и совершенною преданностью, имеющего быть вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою Шора Бекмурзин Ногма.

* * *

Милостивый государь!
 Андрей Михайлович!

Начиная новый год, прежде всего я спешил пожелать Вам благополучия и представить новое уверение в моем почтении. Это почитаю первую и священнейшею обязанностью, и если исполнение оной примете благосклонно, <буду считать>, что мера моего счастья исполнена.

Столько уже времени я имею честь пользоваться Вашими благодеяниями, а за оные не мог заплатить ничем. По крайней мере осмеливаюсь уверить Вас, что я всякую минуту готов быть Вашим.

При сем <при>совокупляю, что я перед сим писал <Вам> письмо два раза, но не знаю, получили или нет? «Грамматику» и «Синтаксис» или «Словосочинение» кончил, и «Разговор» еще <только> начинается, могу ли?

Послать к Вам для благо<рас>смотрения и добавления после, то есть «Разговор» и отдельно «Словарь» после прислать к Вам, или вместе, однакож я опоздал, время пропущено, причины тому были; мне поручена должность секретаря; впрочем, добавление скоро успеет.

С истинным с глубочайшим почтением и преданностью ваш, Милостивый государь,

Н

КЕ ПАУТЕ Б. Е КО С Б А Й
 Т Е Б О У К А Б О Р П Е Р И
 Т О Р А Д А И О Р Т О Р П
 О У Т О Р П О У М Е Р О Р
 О У Т О Б О К К А Р Е М
 П А Р Т А Б К Р И Т Е Р Е Т
 О Р Е К А Т А Т А У Т О Р
 И Т У К Л О Б О К Р Т Е К О Р
 Р Е К А О У Т К Е К Е П Е А
 Р Е Ц А Р А П О У К Е Р И
 Б О С О З А З О Р Т О Б К И
 О К О У Т К Е Т О Р О Р Е
 П Е П А Б О Р О И Б К О У
 Б О Р К И Д О Р К А О Р
 О А Д А И П Р О С И У Т О Б
 И К А Т А Б О Р К А Г Е Р И
 Б Е К И Т О У К Е К Е И Ю
 О У О

Листы старинной кабардинской книги, присланные Ш.Б. Ногмой
 А.М. Шегрену 5 июля 1840 г.

КЕОРЪ БНМОУ ГЪ ГЪ.
 ОЕТОРОРОРОК. ЗЪ КЪТ
 СЪКТОУКАТА ГЪ ГЪ.
 ЗЪ ГЪТОУОУТРОУК.
 ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ
 КРИТКОВОКЕ ГАРТЪ
 ИТРОУ ОУТОУ. КАРЕ
 БТОУ ОУБЕФЪ ПРЪКЪ
 БЪ ГЪ ОУК ОУ ГЪ БЪ ГЪ
 БЪ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ
 ПРЪ БЪ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ
 БЪ ОУ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ
 ГЪ ОУ БЪ КЪ КЪ ГЪ ГЪ
 ГЪ ПАР ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ
 ГЪ КЪ ОУ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ
 ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ ГЪ
 ОУТОУ. КРИТКОВОКЕ
 ГЪ

Листы старинной кабардинской книги, присланные Ш.Б. Ногмой А.М. Шёгрену 5 июля 1840 г.

Покорнейший слуга
Бек-Мурзин Ногма.
2 января 1839 года.
Кр<епость> Нальчик.

* * *

Милостивый государь Андрей Михайлович!

Письмо Ваше от 25 апреля я имел удовольствие получить через Патерсона, благодарю Вас за доброе ко мне расположение и относительно трудов моих уведомляю, что «Грамматика» мною окончена, исправлена и дополнена и теперь до самых глаголов вовсе не та, что была прежде; вскоре она будет отправлена к Вам. Что же касается до недоверия моего к Вам, то оно всегда было чуждо меня — доказательством сему может служить моя «Грамматика», которую Вы скоро получите. Ибо если бы я не доверял Вам, то мог бы найти много средств отправить «Грамматику» через вышнее начальство в Академию, — но я надеюсь на Ваше слово.

Признаюсь Вам, что мне весьма бы было обидно, если бы Вы издали прежде меня взятую Вами копию с моей «Грамматики», которая неправильна; ныне же я усовершенствовал <ее> введением европейских букв и исправил во всех неполностях, — однако я уверен, что Вы этого никогда бы не сделали и писали ко мне не с таким намерением.

В Нальчике писем от Вас я не получал, и все время это был занят — мне вот уже два года как поручена должность секретаря в Временном суде, и кроме того составлено мною «Историческое описание атихейского народа» от древних времен, которого оглавление, желая удовлетворить Ваше любопытство, при сем прилагаю. Труд этот уже мною окончен и в скором времени поеду в Тифлис.

Прилагаю еще старинную рукопись, которой я едва мог достать два листка, и то с великим трудом; прошу покорнейше Вас разобрать, на каком языке и какие слова в сей рукописи, и с русским объяснением прислать ко мне. Это из книги наших древних священников.

Затем, пожелав Вам всего доброго и всегда с истинным почтением и преданностью имею честь быть

Ваш,
Милостивый государь,
Покорный слуга
Ногма Шора Бек-Мурзин.
5 июля 1840 года.
Пятигорск.

Оглавление

Глава

1. Об источниках, служащих к собранию исторических сведений об атыхейских племенах.
2. Начертание из книги Шогенова.
3. Предание о происхождении атыхейских или черкесских народов.
4. Предание о сношениях черкесских народов с греками со времен Юстиниана.
5. Предание и песни о Бейкане Аварском и об угнетениях его черкесских народов за неповиновение.
6. Объяснение.
7. Предание о князе Лавристане.
8. Пословицы и сказки.
9. Исследование, от чего получили название разные горские племена.
10. Предание и песни о нашествии китайского хана в Кабарду.
11. О происхождении нынешних кабардинских, бесленейских и камергойских князей.
12. Предание о подвигах Инала.
13. Предание и песни об атыхейском князе Безруко и войне его с Тамтаракай.
14. О старшинах и владельцах атыхейских и разделении камергуйских князей.
15. Быт древних атыхов или черкесов, о физическом и нравственном их характере.
16. Предание и песни о князе Ельжеруко Химишове и великане Ридаде, сражение их с разными народами на берегах Азовского моря.
17. Предание о жестокой битве и страшной борьбе на ущелии Кечичнатуа нашего народа с калмыками.
18. Предание о князе Шолохе Тотлостанове.
19. Предание и песни о побеге кабардинского князя Киншао Калихетановича в Дагестан и о склонении им дагестанцев к войне с нашим народом.
20. Предание о князе Ельжеруко Конокове.
21. Предание о кабардинском князе Темрюке Маремиковиче Тотлостанове, о победах его над врагами и союзе его с русскими и о способствовании нашего народа царю Иоанну Васильевичу в войне.
22. Предание и песни о беспокойствах, претерпенных кабардинцами от больших орд, о смерти князя Казы Пшиабисоновича и жестокой битве на Калькужине.

23. Предание о князе Карошае Шолоховиче Тотлестанове и о нашествии хана Джанбека на Кабарду.

24. Предание и песни о набеге Закубанского князя Антиноко в Крым, взятии у хана войска и истреблении безвинно своего отечества.

25. Предание и песни о несогласии между кабардинскими князьями и истреблении князей Жанцоровых.

26. Предание о нашествии Крымского хана в Кабарду, о притеснениях кабардинского народа и наложении подати.

27. Предание о князе Кургоко Хатокшукине, истреблении крымских войск и уничтожении податей.

28. Предание о вторичном вторжении крымских и турецких войск в Кабарду и совершенном отражении оных кабардинцами.

29. Предание о князе Алегиго Шогенове и смертоубийствах, произведенных им через панцырь адешем.

30. Предание о князе Мудармафе Тотлестанове.

31. Предание о распрях между кабардинскими князьями Бекмурзою и Кайтукоко.

32. Предание о князьях Ассимбеке и Мисосте.

33. Предание о верности князя Девлет Гирея к России.

34. Предание о князе Берслане Цапца и поход его в Дагестан.

35. Предание о князе Айдемиркане.

36. Предание и песня о сражении с русскими на Куре <нрзб.> и поступлении кабардинцев в подданство России.

37. О милостях, дарованных Императрицею Екатериною II кабардинскому народу.

38. О введении князем Адиль Гиреем Хачожукиным магометанской веры, и учреждении им шариатского разбирательства с присокуплением древних обрядов.

39. О правах, дарованных кабардинцам императором Александром II.

* * *

Милостивый государь Андрей Михайлович!

Окончив, исправив и дополнив совершенно свою «Черкесскую грамматику» прибавлением «Синтаксиса» и «Словаря», мне весьма приятно препроводить ее к Вам. Теперь Вы сможете видеть, справедливо ли Ваше мнение о моем недоверии, о котором в письмах Ваших часто упоминается, — я доказал Вам свое доверие и, надеюсь искренно, что Вы будете мне способствовать столько, сколько будет воз-

можно. Я Вас покорнейше прошу представить труд мой господину Министру Уварову, и независимо <к> Демидовской премии, просить его о исходатайствовании мне в поощрение прочим с Монаршей наградой. Узнав в нашем эскадроне от штаб-ротмистра Туганова о предписании 1830 года господина графа Бенкендорфа, нашего благодетеля, коим предложено было о составлении «Черкесской грамматики», что и побудило меня ревностно заниматься составлением «Грамматики». И когда справитесь, то постарайтесь чрез господина Министра Уварова довести до сведения его сиятельства графа Бенкендорфа о моем сочинении. Доброе Ваше расположение заставляет меня надеяться, что просьба моя не будет Вами оставлена, и Вы, как и прежде уверяли меня, будете во всем стараться по возможности. Посылаю при сем к Вам один лист бумаги за моей подписью. Может быть, Вам нужно будет для представления в Академию — то, что нужно, на нем напишете. Что же касается до напечатания «Грамматики», то я очень прошу у Вас совета. Я в сем деле не сведущ, и уверен, что Вы мне напишете, как лучше. В «Грамматике» я употребил знаки для легчайшего произношения, и хотя будут ошибки, но Вы сами знаете, что в нашем языке произношение весьма трудное. Ожидаю от Вас ответа и навсегда с истинным почтением и преданностью имею честь быть.

Ваш,

Милостивый государь,

Покорнейший слуга

Ногма Шора Бекмурзин

19 июля 1840 г.

Пятигорск.

* * *

Милостивый государь! Андрей Михайлович!

От 5-го июня прошлого 1840 года, при страховом письме я отправил к Вам два листа, взятых мною из оказавшейся в Кабарде нашей книги, которые просил Вашего рассмотрения; в какие времена рукопись эта существовала, а как равно и на каком она писана наречьи, и по рассмотрении листы те с переводом возвратить ко мне; с тем вместе отправил к вам и оглавление сочиненной мною рукописи древних кабардинских песен и преданий. И после того 19 числа того же месяца я отправил при особом письме к Вам «Грамматику», сочиненную мною на кабардинском языке — с русскими объяснениями, но по сие время не имею от Вас уведомления, получено ли то и другое Вами или нет, это меня крайне беспокоит. Сомнения Ваши в моих будто бы

к Вам недовериях, я уже доказал, что я всегда Вам доверяю; желал бы однакож видеть и Ваши ко мне, ничем иным, как уведомлением, какие приняты о «Грамматике» моей Вами меры, и что можно чрез оную ожидать. Столь долгое молчание Ваше заставляет меня думать о нездоровье Вашем, или куда-либо отсутствию. Прошу Вас покорнейше, поспешите уведомить меня обо всем подробно. Вместе с теми письмами я отправил также <письма> к некоторым моим приятелям, на которые давно уже имею оттоле ответы. Нетерпели<во> ожидая Вашего уведомления и имея честь засвидетельствовать Вам мое нижайшее почтение, и поздравить с наступившим Новым годом, который желаю Вам препроводить весело и благополучно. С каковым пребуду всегда, Милостивый государь, Ваш покорнейший слуга.

Ногма Шора Бекмурзин

Пишите <по> адрес<у>: Его благородию милостивому государю поручику Ногме Шоре Бек-мурзину. Находящемся за секретаря в Кабардинском Временном суде. Чрез г. Ставрополь в крепость Нальчикскую в Большой Кабарде.

Генваря 22 дня

1841 года

Крепость Нальчикская

* * *

Милостивый государь,

Андрей Михайлович!

Занятия по должности, занимаемой мною в Кабардинском суде, не позволили мне отвечать некоторое время <на> Ваше письмо от 24 ф<евраля> из Петербурга. Теперь, не имея свободного времени, спешу уведомить Вас сим ответом. Листы, находящиеся ныне у Вас из книги Исмаила Шогенова, хранятся издавна в его фамилии, которая происходит от греков, и название<м> которой <Шоген> доказывает, что его предки были сами священники. Последний старец из этого рода, умевший читать эту книгу, скончался <в> 1839 году. Фамилия эта имеет суеверную привязанность <к> сей книге и хранит ее, как семейную драгоценность.

Благодарю Вас за снисходительное внимание, с которым Вы беретесь разобрать мою «Грамматику». И в этом случае совершенно полагаюсь на Ваше благоусмотрение, на милостивое расположение, которое Вы изъявляете в Ваших письмах, и не ищу никакой награды. Единственное мое желание состоит в том, чтобы содействовать к образованности моих <нрзб.> и обратить внимание высшего начальст-

ва на труды человека мало ученого, но горящего ревностью к просвещению и сближению с Российской державой своего народа.

Если по Вашей рекомендации я могу привлечь на себя внимание Правительства, то это послужит к убеждению моих единомыслителей, что не одна личная храбрость и искусное владение оружием могут заслужить благосклонность Правительства. Без сомнения, распространение сего мнения будет поощрять молодых людей к учению, разысканиям и возбуждать в них соревнование к просвещению себя знанием и науками, чуждыми доселе нашему народу.

С особенным почитанием к Вам имею честь быть Вашим покорнейшим слугою. Ногма Шора Бекмурзин.

5 июля 1841 года.

Г. Пятигорск.

* * *

Милостивый государь!

Андрей Михайлович!

Получив Ваше письмо, от 10 минувшего августа писанное, с возвращением моей рукописи и с приложением собственной Вашей записки, на которое уведомить честь имею: найденные Вами в моем сочинении ошибки весьма основательны. Следовательно, я и не смею быть в претензии за сделанные Вами мне замечания, но, напротив того, приношу Вам искреннюю мою благодарность за пожертвование двухмесячного времени на исправление ошибок и недостатков <э>того сочинения. Это я принимаю знаком истинного Вашего ко мне благорасположения; будьте уверены, что я потщусь к оправданию оною.

Теперь позвольте сказать Вам откровенно: не имея никакого совершенно воспитания, да и к тому же еще не владея хорошо русским языком, как бы я не руководствовался рекомендованною Вами переделкою, но мог ли обойтись без ошибок.

Дикая необразованная наша сторона, в которой я жительствую, отнюдь не могла бы препятствовать к усовершенствованию умственного развития. Если бы я имел некоторое образование, к тому же не был бы занят другими народными делами, от коих по обязанности моей отказаться не смею, что и не дозволило мне отъехать для рассмотрения наперед такового моего сочинения на обращение внимания на главнейшие его несовершенства сведующего человека. Кроме того, побуждаем будучи высшим начальством о скорейшем представлении в корпусный штаб моего сочинения, содержавшего в себе преда-

ния и песни кабардинского народа, вынужден был отправиться в Тифлис, поручив мою рукопись писарю как для окончания, так и отправления к Вам, отчего произошли такие несообразности с настоящими правилами; ныне же я усугублю все мои способности к исправлению всех ошибок и исключу не понравившиеся Вам буквы, и в генваре месяце будущего 1842 года представлю к Вам. По получении которой Вы примете на себя труд пересмотреть оную, и если и затем найдете какие-либо ошибки, то исправив таковые, представьте в Академию для напечатания от имени моего и выпущения в свет, ибо я — если потружусь при немалых моих занятиях, то это не для корысти, но единственно для пользы моих соотечественников; следовательно, с Демидовскою наградою, которая по существующему положению следует мне, я предоставляю Вам ведаться там по усмотрению Вашему, как я уже писал к Вам и прежде.

С глубочайшим моим высокопочитанием и совершенною преданностию, имею честь быть навсегда, милостивый государь, Вашим покорным слугою

Ногма Шора Бекмурзин

Сентябрь 26 дня

1841 года

Крестовый Нальчик

В Кабарде.

Письма С. Тергукасова

Вы извините меня, почтеннейший Андрей Михайлович, что так долго не отвечал на Ваше письмо; оно было получено мною не так скоро, и по времени судя, не застало мое письмо вас в Ставрополе. Душевно сожалею, что воды не помогли Вам, но надеюсь, что Вы в Крыму получите облегчение и к нам возвратитесь уже в совершенном здравии.

Мы часто здесь вспоминаем об Вас, и каждый из нас душевно желает видеть Вас возвратившимся здоровым.

Кургелов извиняется тем, что переписчик не успел тогда списать книгу грузинскую, и потому она осталась у него, понеже по совету Ивана Ивановича Пордежстана и моему он не высылает, а по возвращении Вашем сюда, Вы получите.

Иван Иванович Пордежстан опять уехал в Дагестан. Полковник Ховен *и др.* свидетельствует вам почтение, Иван Иванович Шопен-Курганов сердечно Вас помнят и кланяются Вам.

Здесь большие стоят жары, так что в тени 32 градуса по Реом<юра> термометру. Семейство Ховена живет на даче, где довольно прохладно. Мы иногда ездим туда, но по моим занятиям не могу долго оставаться там.

Желал и я выехать отсюда в Москву — но мои домашние дела никак не пустили, и, кажется, здесь останусь до следующего году. Ежели Богу угодно будет, тогда приеду.

Пожелав Вам всех благ в мире и доброго здоровья, остаюсь навсегда вас почитающим Соломон Петр Гукаев.

Июля 20 дня 1836.

Тифлис.

* * *

Я уверен, Вы очень удивляетесь моему молчанию, почтеннейший Андрей Михайлович, но причиною моего молчания было недоразумение, где Вы находитесь? Я писал к Вам в Ставрополь, через полковника Всеволожского, которому препоручил передать Вам мое письмо и уведомить меня, где Вы находитесь. После долгого молчания он возвращает мне письмо Ваше, при объяснении, что не мог осведомиться о Вашем местопребывании. — Вместе с тем здесь пронеслись слухи, будто Вы в дороге умерли! Сия весть нас всех огорчила, и, признаюсь, я очень горевал, но, слава Богу, через несколько недель письмо Ваше к Ивану Ивановичу нас успокоило, наконец мы узнаем, что Вы благополучно доехали до С.-Петербурга. Этому мы все обрадовались. Ваш сундук с книгами давно отправил с гражданином Шадиновым в Москву, имею от него уже известие, что извозчики благополучно довели уже до Москвы; не зная еще Вашего пребывания в Петербурге, я ожидал до точности узнать, где Вы находитесь, наконец теперь узнав об этом, пишу к нему, дабы он выслал в С.Петербург, к моему приятелю Акипову, который живет на Невском проспекте, над Милутинскими лавками, в доме Глазунова, № 42. Сего Акипова зовут Агафон Давидович, он — мой хороший приятель, его рекомендую Вам; через него получите сей сундук, и изволите ему заплатить деньги за провоз. Я не знаю всего, что заплачено, ибо гражданин Шадинов взялся доставить и разыщет; он, я уверен, все сделает аккуратно; вместе с сим пишу к нему в Москву, дабы он вначале в Петербург к Акипову доставил сей сундук, и сему последнему пишу, дабы передал Вам.

Желаю от души, чтобы Вы после многих и долговременных трудов успокоились в кругу Вашего семейства и воспользовались добрым здоровьем.

Я, слава Богу, здоров и часто вижу с Норденстаммом, который был очень болен на берегу Черного моря, теперь, слава Богу, здоров.

Генерал Ковент со своим семейством свидетельствуют Вам свое почтение, также и Иван Иванович Шопен-Курганов по сие время еще не кончил книгу Вашу.

Примите уверение глубочайшего почтения и душевной преданности, с коими за честь поставляю назваться Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

Соломон Тергукасов.

Февраля 14 дня 1838 года.

Тифлис.

Письма публикуются по рукописям, хранящимся в ОР НБФ (Coll. 209.19, 209.20).

**Труды А.М. Шёгрена,
посвященные
осетинскому языку**

ОСЕТИНСКИЕ ШТУДИИ С ОСОБОЙ ОГЛЯДКОЙ НА ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Первый выпуск

Гласные

(Прочитано 4 июня 1847 г.)

§ 1

Как я заявил, наряду с обоснованием моей методики, в предисловии к моей «Осетинской грамматике», цель моего труда всецело состояла в том, чтобы как можно полнее и достовернее представить грамматические особенности осетинского языка на основании их досконального и добросовестного изучения в полевых условиях на Кавказе. После того как я в силу своих возможностей выполнил первое и главное условие, я намерен рассмотреть осетинский язык с другой точки зрения, а именно в рамках сравнительного языкознания, сопоставляя его, таким образом, с другими, прежде всего индоевропейскими языками, чтобы выяснить его соотношение с ними.

Однако для того, чтобы получить для наших дальнейших исследований об указанном соотношении прочную основу, нам необходимо, разумеется, начать с простейших языковых элементов — звуков и более пристально рассмотреть их систему в обоих диалектах в связи с их отношением друг к другу и в сравнении с другими языками. Оба упомянутых диалекта осетинского языка, как мне их удалось вычленить посредством собственных наблюдений на месте, суть тагаурский¹ и дигорский. На первом говорят тагаурские осетины, проживающие во Владикавказе и его окрестностях, как в западных и юго-западных горах, так и на простирающемся на север Кабардинском плоскогорье; на другом диалекте — дигорском — в называемой Дигорией западной части Осетии, а также в населенной переселенцами-дигорами осетинской деревне между Екатериноградом и Моздоком.

В этой деревне мне, кстати, и удалось более подробно изучить особенности дигорского диалекта, после того как я уже успел ознакомиться во Владикавказе с тагаурским и поездил по Дигории, убедив-

¹ В настоящее время он именуется иронским. (Здесь и ниже примечания К.Г. Красунина; примечания автора также сохранены, они сопровождаются специальной пометой.)

шись при этом, впрочем, что тамошний диалект не отличается от обнаруженного мною позже диалекта покинувших эти места дигоров.

§ 2

Созданный мной для обозначения свойственных обоим названным диалектам звуков и звуковых вариантов и по приведенным в предисловии к моей грамматике осетинского языка (с. XI) причинам приспособленный к славянско-русскому, алфавит состоит из следующих 46 букв с приведенной рядом формой произношения:

Осетинский	Произношение	Осетинский	Произношение
А а	а	М м	m
Б б	b	Н н	n
В в	w	Нң	ng
Ъ ъ	h	Н`н	nj
Г г	g	О о	o
Ъђ	gh	Об	ob
Г`г	gj	П п	p
Д д	d	Ц ц	ph
Д`д	dj	Р р	r
Æ æ	открытое ä	С с	твердое s
Е е	e	Ш ш	sch ²
É é	франц. é	Т т	t
З з	звонкое s	Тъ	th
Ж ж	то же, с аспирацией	Т`т	tj
Д д	ds	Ω ω	греч. ω
Дж дж	то же, с аспирацией	У у	u
І і	i	Уу	ü
Ј ј	j	Ф ф	f
К к	k	Х х	ch
Кк	kh	Ц ц	ts
К`к	kj	Ч ч	tsch
Q q	араб., перс., тюрк. ژ	Ц п	tts
Л л	l	Ч ч	ttsch

Из них в тагаурском диалекте отсутствуют следующие буквы: з', é,

² Автор имеет в виду [i].

ж, дж, к, н, õ, ш, ч и ч́, равно как в дигорском: д̀, т́ и в, следовательно тагаурский алфавит состоит только из 36, а дигорский из 43 букв. Если кто-то захочет обозначить все звуки осетинского языка с помощью обычных европейских букв, то я бы со своей стороны по ряду причин предложил следующие: *a, b, v, h, g, ġ, ġ', d, 'd, æ, e, é, z, ž, z', í, j, k, k', k', q, l, m, n, ñ, ñ', o, õ, p, p', r, s, s', t, 't, 't, ó, u, y, f, x, c, 'c, c', č*. В соответствии с этим я буду в дальнейшем обозначать буквы санскритского алфавита сходным образом, а именно:

Гласные и дифтонги *a, â, i, î, u, û, r, ř, ê, ô*.

Анусвара и висарга³ *m̃, h*.

Согласные: гуттуральные *k, k', g, ġ, ġ'*.

палатальные *č, č', ž, ž', ñ*.

язычные *t, t', d, d', n*.

дентальные *t, t', d, d', n*.

лабиальные *p, p', b, b', m*.

полугласные *j, r, l, v*.

шипящие *ś ś', s, h'*.

§ 3

Перейдем теперь к рассмотрению осетинских букв по отдельно-сти и положим при этом в основу принятую в санскрите классификацию. Прежде всего необходимо исследовать все гласные, количество которых в осетинском языке составляет 10, а именно: *a, æ, e, é, i, o, õ, ω, y* и *v*, но если по санскритскому образцу учитывать и *долгие* гласные — 16, а учитывать их можно, поскольку они представляют собой особые и особым образом обозначенные звуковые варианты. Эти 16 звуков, согласно принятым обозначениям, следующие: *a, â, æ, â', e, é, i, î, o, ô, õ, ω, y, ŷ, v* и *ŷ*. Гласные *e, ô* и *ω*, по моим наблюдениям, всегда кратки, напротив, *é* всегда долог, подобно французскому *é fermé*. Согласно этому, следуя также ученым-филологам в области древнескандинавского языка, я в своей грамматике осетинского языка подобным образом с помощью знака ` обозначил и все другие долгие

³ Анусвара и висарга — звуки, которыми в древнеиндийском могут завершаться слова. Первая в настоящее время изображается как *m̃* и представляет собой особый губной; висарга (*h̃*) — заднеязычный фрикативный, возникающий на месте *-s#*, *-r#*.

⁴ Фонологическая система санскрита в настоящее время обозначается совершенно иначе: *a, â, i, î, u, û, r, ř, l, l', e, o, ai, au; k, kh, g, gh, ñ; c, ch, j, jh, ñ; t, th, d, dh, ñ; t, th, d, dh, n; p, ph, b, bh, m; y, r, l, v, ś, s, h*. Анусвара и висарга не считаются отдельными звуками. В дальнейшем древнеиндийские примеры транслитерируются именно по данному образцу.

гласные, за исключением долгого *i*, который я, руководствуясь осетинской этимологией, записал в виде дифтонга с помощью двух букв *ij*.

§ 4

Это несравненно большее количество осетинских гласных по сравнению со звуками в санскритском алфавите позволяет сделать заключение о многократном видоизменении первоначального вокализма осетинского языка. При всем том исходное состояние все же в некоторых случаях сохранилось лучше, чем во многих других родственных санскриту языках. Это касается уже первого гласного *a*, который во многих общих с санскритом и зендом словах остался неизменным, тогда как в других языках перешел в другие гласные. Сравни, например, тагаурское *авд* и дигорское *афт* с санскр. *sapta* (основа *saptan*, то же в зенде⁵), перс. *heft*, греч. ἑπτά, лат. *septem*, лит. *septyni*, слав. *седьмь*, готск. и древневерхненем. *sibun*, новеверхненем. *sieben*; осетинск. *act* — санскр. *aṣṭā* (основа *aṣṭān-*), зенд. так же, лит. *aštuoni*, латышск. *astoni*, курд. *hašt*, готск. *ahtau* (соответствует другому санскритскому именительному падежу *aṣṭau*), древневерхненем. *ahto*, новеверхненем. *acht*, исландск. *átta*, англосакс. *eahta*, перс. *hešt*, англ. *eight*, слав. *осьмь*, греч. *ὄκτω*, лат. *octo*, датск. *otte*, шведск. *átta*; корень *ħarm* (таг. *qarm*), еще сохранившийся в дигорском деривате *ħarmħanun* (таг. *qarmħanun*) «греть» (собств. «делать теплым»), усеченный *ħar-* (таг. *qarm*) «теплый» с санскр. *gharmá* «тепло», зенд. *garəma*, перс. *garmā* или *germā*, армянск. *zerm*, слав. жарь (ср. *горьти*, древневерхненем. *iuarm*, исл. *varmr*, дат. и швед. *varm*, новеверхненем. *warm*, греч. *θερμός*; осет. *андар* с санскр. *antara*, готск. *anþar*, древневерхненем. *andar*, лит. *añtras*, исл. *annar*, лат. *alter*, греч. ἕτερος⁶, англосакс. *oðer*, дигорский *баттун* с санскр. *bandh*, (наст. вр. *badhnāmi*, неопр. форма *baddhum*), зенд так же, армянск. *pand* (раньше *bant*) или *pant* (ранее *band*), перс. *bendīden*, готск. и англосакс. *bindan*, исландск. в шведск. *binda*, но в прошед. вр. *band*, что в исландском (подобно осетинскому презенсу и инфинитиву) в силу ассимиляции произносилось: *batt*. Очень часто, однако, первоначальное *a* переходило в осетинском языке в открытый звук, полностью соответствующий финскому *ä*, *a*, который получил особенное распространение у тагауров

⁵ В авестийском языке; в действительности — *hapta*, что, впрочем, строго соответствует древнеиндийской и осетинской формам.

⁶ Иной корень, чем остальные приведенные параллели: **sue-tero-*; тогда как осетинское, древнеиндийское и т.д. местоимения < **an-tero*, лат. *alter* < *al-tero*.

и продолжает распространяться дальше. Так, они произносят *бæттин* вместо приведенного выше дигорского *баттун*, так же как *дæттин* вместо дигорского *татун* «я даю»; санскр. *dadâmi*, зенд. *dadâmi*; *мæлн* вместо дигорского *мълун* «я умираю», санскр. *marâmi* (ведийская форма от *mṛ*, т.е. собственно, как и в зенде, *mar*), лат. *morior*, слав. мърж, лит. *mirsztù*; и *хараг* вместо дигорск. *хараг* «осёл», санскр. *khara*. Иногда *a* меняется на *æ*, когда, например, наряду с приведенным выше *андар* те же лица произносятся и как *андæр* и как *æндæр*. Другой гласный, на который также часто меняется *a*, — краткое *e*, промежуточной формой которого при переходе от *a* служит *æ*. Эту особенность, как и звук *æ*, разделяют как тагаурцы, так и дигорцы: к примеру, тагаурск. *ахсæв*, *æхсæв* и *ехсæв*, диг. *ахсава*, *ахсаве*, и *ахсæва* «ночь» — санскр. *kṣarâ* и ... *kṣaras*, зенд. *kṣaps*⁷; тем не менее *e* встречается значительно чаще у дигорцев, нежели у тагаурцев, и тем самым стоит в оппозиции к тагаурскому *æ*, напр.: диг. *дес*, таг. *дæс* «десять», санскр. *dâśa* (как и в зенде); диг. *дæндæг*, таг. *дæндæг* «зуб», санскр. *danta*; диг. *нæ*, таг. *нæ* «нет», санскр. *na*; диг. *зæрдæ*, таг. *зæрдæ* или *зæрдæ* «сердце», санскр. *hrd*, общее с тагаурским *андар* (см. выше), в дигорском звучит также *андæр*, и диг. *изен* «печень» находится в таком же соотношении к тагаурскому *ичер*, санскр. *yâkṣ*, лат. *iesur*. Особенно часто это *e*, очевидно, встречается на конце дигорских слов, где первоначальное *a* в тагаурском уже бесследно исчезло, как, напр., в *вæде* «буря, непогода, снегопад», а в тагаурском *вæд* означает также «ветер», санскр. *vâta*; диг. *афсе*, таг. *јефс* «кобыла», санскр. *âśva* «лошадь», зенд. *aspa*, лит. *âšva* «кобыла» и диг. *сене* «голень», таг. *сæн* «голень», санскр. *jañghâ* (ср. нем. *Schenkel*). В этом предпочтении *e* в

⁷ Дабы не оказаться непоследовательным, поскольку у нас *s* всегда используется для обозначения *ś* (по-русски *ц*, по-немецки *z*; ср. выше § 4), мы обозначаем записываемый Боплом как *s* неопределенный зендский звук с помощью *k̄*, поскольку он, по его мнению, впрочем им самим справедливо подвергаемому сомнению (см. *Vergleichende Grammatik*. S. 32, ff.), должен быть мягким ослабленным *k̄*, другими словами похожим на дентальную букву, которую он вместе с Бурнофом передает через *ʃ* (см. Там же. С. 38.), в то время как покойный Раск усматривал в нем аспирированный звук *t̄* (*t̄*), равным образом он объяснял иначе, чем Бурноф, и другие буквы. Их противоречивые взгляды пытается примирить Бопп, и мы пока придерживаемся его способа описания, хотя по причинам, о которых не можем здесь говорить, — из-за недостатка зендских типов — ни в коей мере не убеждены полностью в правильности его системы во всех ее подробностях. Лишь в том, что касается графической стороны, мы, как было уже указано, должны были, дабы быть последовательными, ввести некоторые изменения <Примеч. автора>.

конце слов дигорский, таким образом, приближается к зенду, греческому и латинскому и новым германским наречиям. Возможно, оно в некоторых случаях было присуще ему изначально, поскольку в санскрите первый краткий гласный *a*, по утверждениям грамматистов, на конце слов якобы произносился как *e*.

§ 5

И там, где изначально тагаурский *a* перешел в ослабленную форму *i*, в дигорском языке на его месте появляется *e*, как, напр., *jes*, слав. *jestь*, греч. *ἔστι*, лит. *esti*, перс. *est*, лат. *est* на месте таг. *ic*, гот. и нем. *ist* из санскр. *asti*, зенд. *asti* и в *берæĥ* «волк», зенд. *vəṛəka* или *vəhrka* вместо таг. *biræĥ*, рус. диалектизм *бирюк*⁸ (наряду с общим *волк*), лит. *vilkas*, латыш. *wilks* из санскр. *vṛka*, слав. *влькъ*, исланд. *vargr*, швед. *varg*⁹. Напротив, там, где и в дигорском вместо *a* появляется *i*, в тагаурском это *i* редуцировалось в *v*. Так в *nix* «ноготь», таг. *nix* из санскр. *nakha*, перс. *nāxun*, лит. *naḡgas*, латыш. *nags*, древневерхненем. *nagal*, нидерландск. и шведск. *nagel*, рус. *ноготь*, греч. *οὐνξ* и диг. *фицун*, таг. *фицун* «я варю» из санскр. *pācāti*, греч. *πέσσω*. Во втором лице единственного числа настоящего времени это также всегда имеет место, как и в латинском языке в третьем спряжении. Так вышеприведенный глагол в упомянутой форме диг. *фицис*, таг. *фицис*, лат. *coquis* против санскр. *pācasi*, и санскр. *bharasi*, зенд. *barahi*, лат. *fers* (рго *feris*), готск. *bairis*, древневерхненем. *biris* противостоят осетинские диг. *bāpic* и таг. *bāpvc* «ты приносишь»¹⁰. В *inne* «другой»,

⁸ Русск. *бирюк* не имеет отношения к данному корню; оно заимствовано из тюрк. *bir* «один».

⁹ Скандинавское имя волка – это древний эвфемизм; корень родствен русск. *враг*, *ворог*.

¹⁰ Этот глагол был мне самому раньше известен лишь в значении «весить», до тех пор, пока я не обнаружил в одном из переданных мне на рецензию рукописных переводов на тагаурский Псалтыря Мжедлова, а именно LXIX (в русской рубрикации LXVIII), 8, где значилось *цæмæждæрттæр дау фухеј барн æ'з агаđинад*, ср. русский перевод, который послужил господину Мжедлову оригиналом: «ибо за тебя *несу* я посправление». Из изолированной позиции слова ясно, что оно редко употребляется – как правило, в переносном значении: *переносить*, *выносить*, *терпеть*, к тому же для *нести* имеется другое употребительное слово: *хæссин*, диг. *хæссин*. Первоначальное значение *bārin*, диг. *bārin*, очевидно, было «нести», из него произошли как «переносить», так и «весить», поскольку изначально значения *тяжести* и *веса* выражались с помощью понятия *нести*, и сейчас в случае необходимости они могут так выражаться. Тот факт, что

слав. *инь*, рус. *иной*, *инь* из санскр. и зендск. *anja*¹¹ в обоих осетинских диалектах встречаем *i* вместо *a*; напротив, из санскр. *mádhyā* (им.п. *mádhyas*), зенд. *maidya*, гот. *midis* (*midjis* из *midjas*). В тагаурском языке *midæg* имеет производное значение *internus*, но в дигорском *medeg*, чему в тагаурском согласно звуковым соответствиям в аналогичных случаях следовало бы ожидать *mijdæg* (= *midæg*), подобно тому как в греческом *μέσος* и латинском *medius* стоит долгое *e* (ср. также славянское *медь* и производное от него *междж* *inter*, как в персидском *mijân*). Впрочем, нельзя исключать, что дигорское слово *medeg* вначале воспроизводило именно зендскую форму *maidya*, как тагаурское *midæg* — более простое санскритское *mádhyā*. Звук *i* в обоих осетинских диалектах происходил из редуцированного изначального *a*, в то время как *e* соответствовало бы вставному зендскому *i*, а в дигорском вообще *e* в большинстве случаев соответствует тагаурскому *i* (ср. выше в этом параграфе два первых примера). В противоположность рассмотренным до сих пор явлениям осетинское *a*, напротив, иногда соответствует *i* или *î* в санскрите, в тех случаях когда и другие родственные языки совпадают с осетинским, так что почти неизбежен вывод скорее об исконном характере этого звука и редукции, присущей уже санскриту. Так диг. *сар*, таг. *сар* «голова», перс. *sâr* и *ser*, греч. *κάρ*, *κάρα*, *κάρη*, санскр. *śiras*; *даръ* в обоих диалектах «долгий» (ср. зенд. *darəya* «долго»), греч. *δολῆός*, слав. *дльгъ*, рус. *долгий*, санскр. *dirgha* (в перс. *dirâz* *i* добавился вследствие расширения слова для смягчения коррепции группы согласных); таг. *цар*, *царре* «скорлупа, оболочка», слав. *кора*, лат. *cortex*, санскр. *śira*. Напротив, осетинская частица *ау*, присоединяемая как энклитика к слову для обозначения «подобия» или «одинаковости» (см. мою «Осетинскую грамматику». § 45. С. 68), собственно может быть отнесена сюда лишь по той причине, что она представляет собой любопытный аналог санскритскому *iva*, с которым она полностью совпадает в функции энклитики (см. Böhtlingk. Sanskrit-Chrestomathie. S. 366. Ср. Bopp. Glossar. Sanskr. Ed. II. P. 40) и в значении («как, подобно»), но при этом образована от основы указательного местоимения *a*, подобно осетинскому *aj* или диг. *â* «этот, эта, это». Именно из этого местоимения, возможно, воз-

господин Мжедлов пишет *барон*, не опровергает моей догадки; ибо он вообще не обозначает графически долготу, как в слове *аг-задинад*, поскольку оно в последнем слове произносится растянуто и соответственно этому должно было бы писаться *аг-задина́д* или *аг-задина́д* <Примеч. автора>.

¹¹ Славянское прилагательное относится к другому корню — *ei-no-, ср. ст.-лат. *oinos* = *unus* «один».

ника упомянутая осетинская частица *au*: к местоимению был добавлен суффикс *va*, присущий санскритскому *iva* и, вероятно, рассматриваемый лишь как производное от него с помощью приставки *a*: *éva* (из *aiva*) «так, только, также» и т. д. Соединившись с энклитикой *vat*, он стал выглядеть как *ava*; затем с течением времени, как и аналогичным образом возникший из имеющейся в санскрите и родственной осетинским *aj* и *â* основы местоимения *a* (ср. Ворт а.а.о. Р. 20; Vergleichende Grammatik. S. 548, 550, 552), санскритский предлог *ava* (напр., в *авгардун* «отсекать», на месте сложного санскритского корня *avakart*, ср. далее наш § 15) мог сократиться до *av* и из него с помощью вокализации *v* возник сегодняшний *au* (ср. далее § 19, греческий *av* в гомеровском *αὐερέω*, древнепрусский *au* в многочисленных, частично приводимых Поттом (в его *Etymologischen Forschungen*. Th. II. S. 163) сочетаниях, а также латинский *au* в *aufero* и *aufugio*, в том случае если это не простое смягчение *ab*, как и в осетинском *авдъсун* «я указываю» вместо санскр. *apadîsâmi*). Во всяком случае, осетинские *aj* и *â*, подобно дат.п. *амæн* и диг. *аман*, аблативу *амеј*, дигорскому внутреннему локативу *амј* и внешним локативам *амæ* и диг. *ама*¹², в соединении с суффиксом *va* дали бы именно *ava* и более полную форму *ajva* (сохранившую *j* в именительном падеже), если рассматривать вещи с осетинской точки зрения, и полностью совпали бы с санскр. *eva*. Впрочем, в зенде также встречается форма *ava*, — как полноценное указательное местоимение, которое может быть (с учетом видоизменения начального гласного) полностью сопоставлено со славянским *овъ* (*ова*, *ово*) «этот», но по большей части «тот» в противоположность *съ*. Если попытаться вывести осетинское *au* из зендского *ava*, то его следовало бы расценивать как форму не именительного падежа, а творительного в сокращенной форме вместо *avâ* (см. Ворт. Vergleich. Gramm. S. 188), подобно тому как последний недавно в своем Словаре на с. 59 пытается объяснить даже санскр. *eva*, написав: «*eva* e stripe pronom. e + va sicut *ava*, *iva* ex a, i; videtur esse Instrumentalis analogiam sequens linguaue Zendicae, ita ut correptum sit ex *evâ*, a stirpe demonstrative *eva*, quae in lingua Zend. plenam conservavit declinationem, sub forma *aêva*, quod *unus* significat, sicut Praepos. *ava* in Zend. est Demonstrativum cum integra declinatione. In Sancrito

¹² Этим объясняется происхождение и первоначальное значение («к этому», т. е. к уже упомянутому еще что-то другое, непосредственно следующее за ним) осетинского соединительного союза, который в дигорском совсем не претерпел изменений и сохранил форму *ама*, в то время как в тагаурском языке уже первое *a* редуцировалось в *а* и таким образом слово стало союзом *амæ* <Примеч. автора>.

autem Th. *eva* praeter correptam Instrumentalis formam solum Accusativum retinuit, quod *sic, haec modo significat*¹³. Хорошо, но где тогда аналогия с *iva*, основанная на установленной также еще в словаре (Glossar) (с. 40 при *iva*) связи суффиксов *va* с *vat*, отмеченной и в сравнительной грамматике (Vergleich. Gramm. § 552, ср. S. 554). Форма *éva*, по крайней мере с точки зрения санскрита, кажется еще более близкой с этим *iva*, чем с *ava*, чьи характерные особенности резко отличают его от предлога, если отвлечься от его формы. Разумеется, здесь вообще мы имеем дело с клубком проблем, распутать который не так легко. Осетинский формант *au* отныне, по всей видимости, также следует считать по крайней мере одной из нитей в нем.

§ 6

Изначальное *a* в осетинском языке, как и в других родственных языках, (ср. некоторые примеры выше в § 4 и 5), отражается в форме *o* и *y* (т. е. *u*) намного чаще, чем в форме *i*; в тагаурском вместо последнего появляется *i*, редуцированное в *v*. Примеры для *o* следующие: *фос* «домашнее животное, скот» — санскр. *páśu*, зенд. так же, лат. *pecus*, гот. *faihu*, швед. *fä*, древневерхненем. *vihu*, новеверхненем. *Vieh*; *заронд* (в тагаурском, однако, как это часто бывает, *a* трансформируется в *æ*: *заэронд* «старый», санскр. *jarat* «старик» (собственно *jarant* «стареющий»), греч. *γέρων* (основа *γέρωντ-*) *он* (и в дигорском с *ион* с приставкой *i*) «член» — санскр. *aṅga*; и дигорское *ноу* (в сложных словах *ноудес* «девяносто» и *ноудесеjmâg* «девяностый»¹⁴) из санскр. *navan* (им.п. *navā*), так же и в зенде; лат. *novem* — с вокализацией полугласного *v* в *u*. В тагаурском *ноог* «новый», собственно, лишь последнее *o* отличается от последнего *a* в санскр. *navā* (им.п. *navas*), в то время как *av* (= *au*), по всей видимости, трансформировалось в *o*. Дигорцы, напротив, в этом случае пошли по другому пути: также подвергнув вокализации *v*, они преобразовали предшествующий ему *a* в

¹³ «*eva* происходит из местоименного корня *e*, подобно тому как *ava*, *iva* из *a*, *i*; представляется, что это творительный падеж, который, подобно зендской форме, представляет собой сокращенную форму *evā* от указательного *eva*, которое в зендском языке сохранило полное склонение в форме *aéva* со значением "один", подобно тому как предлог *ava* является в зендском указательным местоимением с полной парадигмой склонения. В санскрите же основа *eva-*, помимо сокращенной формы творительного падежа, сохранила только аккузатив *evāt* со значением "так, таким образом".

¹⁴ В тагаурском языке говорят *нудес* и *нудасем*, стягивая слог *ноу* в *ну*, так же как в персидском *ни* означает «девять» <Примеч. автора>.

излюбленный ими звук *e* и, сохранив при этом последний *a*, образовали *neuaġ*. Более древнее *naġaġ*, вероятно, сохранилось в наречии *naġaġeġ* «снова, опять», поскольку оно само по себе есть не что иное, как аблатив ед. ч. прилагательного, очевидно возникшего ранее. Тагаурцы, напротив, обозначают то же адвербиальное понятие формой *noġeġeġe*, аблатив мн. ч. от *nooġ*, которое трансформировалось в *noġ*, а *æ* перешло в *e*. Санскритская праформа лучше всего сохранилась в латышской группе (лит. *paĩjas*, латыш. *pauns*.); у искаженных осетинских образований есть ближайšie родственники: тагаурское *nooġ* — лат. *novus* наряду с другими романскими образованиями (как, в частности, португальское *novo*, румынское *noú*, итальянск. *nuovo*, франц. *neuf*, испанск. *nuevo*) и славянск. *novъ*; дигорское *neuaġ*, напротив, близко греч. *νέος*, к которому более или менее приближаются и германские формы (гот. *nivis* (*niujis*. — К.К.) древневерхненем. *nivi*, *niuvi*, новеверхненем. *neu*, нидерландск. *nieuwe*, англосакс. *niv*, *neov*, *niva*, *niv*, англ. *new*). В гальском и ирландском *nuad*, с одной стороны, и в уэльском *newydd* — с другой, наличествуют оба способа образования, в то время как исландское *nyr* и датско-шведское *ny* стоят совершенно изолированно. Еще нам необходимо привести здесь слово, которое в обоих осетинских диалектах выступает в двух различных формах, со звуком *o*, но, кроме того, также с *i* и *v*. Санскритско-зендское *pañca* (им. пад. *pañca*) «пять» — это то же числительное в осетинском с совершенно изолированно стоящим *o* в *fond*, так же как и в соответствующих порядковых числительных: *фондем*, диг. *fondejmâġ* «пятый», наряду со многими сложными числительными, состоящими из 5, и другими композитами (см. «Осетинско-немецкий словарь» в приложении к моей «Осетинской грамматике». С. 459), тогда как 15 и его порядковое числительное звучат по-дигорски (300) так: *fiñdtes*, *fiñdtesejmâġ* и *fiñdteshinsejmâġ* или в транскрипции: *fiñttes*, *fiñttesejmâġ* и *fiñtteshinsejmâġ*, две же первые цифры в тагаурском: *fundtæc* и *fundtæcem* или *fontæc* и *fontæcem*. Их ближайšie родственные формы — афган. *pinza*, армянск. *hink*, лат. *quinque*, итальянск. *cinque*, испанск. и португ. *cinco*, румынск. *чинчи* (*cincea*. — К.К.), гот. *fimf*, древневерхненем. *finf*, новонем. *fünf*, аглосакс. *fiſ*, нидерландск. *vuf*, исландск. *fimm*. Все другие родственные языки обнаруживают с небольшими модификациями гласный *e*, за исключением полабских, для которых у Палласа (*Linguarum totius orbis Vocabularia*¹⁵. Pars. II. P. 472) приводится *pantaru*; нигде не встречается аналогичный осетинскому чистый *o*, только в сюздальском и кашубском, двух славян-

¹⁵ «Словари языков всего земного шара», выходили в 1768–1784 гг.

ских диалектах, есть отчасти подобные формы: *pjonda* (пъонда) и *pjon-cj* (пъонць). Последнее является модификацией польского *peć*.

§ 7

Гласные *y* (*и*) и (тагаурский) *v* вместо изначального *a* преимущественно встречаются рядом с зубными и плавными согласными, напр., диг. *myt*, таг. *муд*, «мёд (сладкий и опьяняющий продукт)», санскр. *mádhu* «мёд; пьянящий напиток», зенд. также *mađu* «вино»; диг. *буд*, таг. *буд* «связь, связка», санскр. *bándhu*; диг. *арђундес*, таг. *арђундæс* «тринадцать» и диг. *арђундесеймаг*, таг. *арђундесеймаг* «тринадцатый» как явный композит: диг. *арђа* или *арђе*, таг. *арђе* «три»; диг. *ама*, таг. *æмæ* «и» с переходом *t* в *n* и диг. *дес*, таг. *дæс* «десять» вместе с прилагательным диг. *десеймаг*, таг. *дæсем*; диг. *урómун*, таг. *урómун* «я останавливаю, задерживаю» или «сдерживаю(сь)», т. е. с каузативным значением по отношению к перс. *arâmet* «остаюсь», *tapeo* и диг. *думун*, таг. *думун* «я курю» или «дую», санскр. *dhamâmi* «вею», *flo*. Насколько широко были распространены данные гласные вообще в осетинском языке, лучше всего судить по форме настоящего времени изъявительного наклонения осетинских глаголов. Поскольку в этом глагольном времени задействованы все основные гласные и их варианты, мы остановимся на этом более подробно. Изначальное *a* сохранилось лишь в 1 лице мн. ч., и то лишь в дигорском диалекте, а именно в тех глаголах, которые соответствуют 3 тагаурскому спряжению, напр. *барân* «мы взвешиваем», но изначально (см. выше примеч. к § 5) «мы несем», санскр. *bharâmas*, греч. *φέρομεç* и *ictân* «мы стоим», санскр. *tiṣṭhâmas*, греч. *ἵσταμεç*.

Если не учитывать усечение последнего санскритского слога и переход *t* в *n*, то первый гласный в дигорском остался на одной ступени с санскритом; в тагаурском же вследствие преимущественного влияния долготы первого корневого *a* и под влиянием ударения, которое в осетинском, как правило, находится на первом слоге (см. Осетинская грамматика. § 17. С. 35 и след.), и в других словах окончание сократилось. Напротив, в окончании того же лица в других временах (в будущем определенном, имперфекте изъявительного наклонения, а также в презенсе и имперфекте сослагательного наклонения) *a* перешло в *æ*¹⁶, сохранив при этом чистоту звучания конечного гласного *t*. Так, тагаурец скажет *бâраæм*, в отличие от приведенно-

¹⁶ Именно из-за редукции и ослабления, наряду с аналогичными или во многих случаях еще большими искажениями, тагаурский диалект особенно отличается от ди-

го дигорского *барън* и *дæттæм* «мы даем» вместо диг. *tatân*¹⁷, а *бърæм* и *дæттæм* с учетом редукции и ослабления гласного примерно соответствуют *барън* и *tatân*, как и аналогичное последним зендск. *dadâ-mahi* — предполагаемому в санскрите *dadâmasi*, аналогично ведийским формам *bharâmasi* и *tiṣṭhâmasi* (см. Вopp. Vergl. Gramm. S. 634, f., 639) в противоположность действительно существующим формам *dadmasi* и *dadmas* с полным поглощением *â*. В первом осетинском спряжении, где чаще всего в препозиции встречается долгий гласный, даже в дигорском *â* редуцируется и ослабляется в *e*, наприм.: диг. *нимâжен*, таг. *нимâжем* «мы считаем», диг. *ицъâжен*, таг. *ицъâжем* «мы покоимся, отдыхаем», диг. *сâжен*, таг. *сâжем* «мы действуем». Как указывалось выше, это единственное лицо в настоящем времени, где *a* сохранилось либо в чистом виде, либо редуцировалось в *æ* и *e*; в первом лице ед. ч. и 3 лице мн. ч. оно, напротив, в позиции перед плавным *n*, изменившимся из *m*, перешло в *u* и в таг. *u*. Сравни диг. *бърун*, таг. *бърун* и диг. *бърунце*, таг. *бърунц* с санскр. *bharâmi*, зендск. *barâmi* и *bharanti*, зенд. *baranti*; диг. *ictyn* и *ictynце* с санскр. *tiṣṭhâmi*, зенд. *histâmi*, греч. *ἴστυμι* и *tiṣṭhanti*, зенд. *histanti*, греч. *ἴσταντι*, как в диг. *tatyn*, таг. *dættyn* и диг. *tatynце*, таг. *dættynц* с санскр. *dadâmi*, зенд. *dadâmi*, греч. *δίδομι*, слав. *дамъ* и санскр. *dadati* (вместо *dadanti*), зенд. *dadanti*, греч. *δίδοντι*, слав. *даджь*. В полном соответствии с приведенными примерами находятся и дигорские формы 1-го спряжения *нимâжун* «я считаю» и *нимâжуце* «они считают, вычисляют». На этом

горского. Сравни, напр., тагаурские причастия *бърæг* «несущий» *ferens* и *баръдзинаг* «собирающийся принести» *laturus* с диг. *баръге* и *баръдзæйге* и таг. *зимаг* «знама» с диг. *зумак* <Примеч. автора>.

¹⁷ В тагаурском диалекте нет простого глагола, соответствующего дигорскому *ictyn*; вместо него выступает совсем необычный *лаун*. Правда, в тагаурском также существует композит *ctvni* «я поднимаю(сь)», *surgo*, который, собственно, следовало бы писать *cctvni* или без обозначения сильного ударения односложного слова — как *cctvn*, поскольку здесь необходимо предположить наличие выражающего движение вверх префикса *c-* (ср. Осетин. грам. С. 112 и след.), чтобы объяснить значение, соответствующее немецкому *aufstehen*. Это тагаурское *cctvn* или *cctvni* служит одновременно и подтверждением того факта, что архаичное дигорское *ictyn*, несмотря на кажущуюся связь с греческим *ἴστυμι*, ни в коем случае не может рассматриваться в качестве редуцированной формы, как и диг. *tatyn* и таг. *dættyn* с удвоением второго редуцированного слога. Присутствующее здесь *i* у дигорцев, которые менее терпимо, чем тагаурцы, относятся к скоплению начальных согласных, является не чем иным, как естественной в подобных случаях протезой, как в персидском *istem*, соответствующем *ictyn* <Примеч. автора>.

основании тагаурские *намâin* и *намâinц* следует считать не чем иным, как простыми стяжениями вследствие потери *y* перед *n*, благодаря чему полугласный *j* сам по себе должен был вокализоваться, чтобы различать, помимо прочего, индикатив *намâin* от конъюнктива *нумаjn* (диг. *нiмаjне*). Во втором спряжении в тагаурском диалекте личные окончания, как во втором классе санскрита, присоединяются непосредственно к корню, и только в 1 лице мн. ч., в отличие от обоих других спряжений, поскольку *и* здесь является корневым гласным, перед личным окончанием *т* (*цауом*) или в дигорском *п* (*цауон*) появляется его ближайший родственник *о*, однако из-за предшествующего дифтонга без долготы, и сохраняется в неизменном виде также и в двух других лицах (*цауоџе*, *цауонце*), так что и это спряжение в своей основе по сути представляет лишь незначительную модификацию элемента *и* из третьего <спряжения>. Если мы сравним с описанными явлениями другие родственные языки, то в курдском мы сплошь и рядом встретим 1 лицо ед. ч., оканчивающееся на *-im* (см. Pott's. Kurdische Studien in der Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. III. S. 27), т. е. полностью совпадающее с 3 тагаурским спряжением, с той лишь разницей, что *т* (редуцированное в *n* в осетинском) в курдском сохранился в неизменном виде. В латинском языке в некоторых случаях рядом с плавными *т* и *п* также стоит *и*, так же и санскр. *asmi* «я есмь», *sum* вместо *esum*; для санскр. *smas* «мы есмы», *sumus*, где *и* также трансформировалось из *а*, так же как в *ferunt* и образовался из *а* в *baranti* и *sunt* из санскр. *santi*, напротив, в дигорском языке сохранилось *анце* (ср. греч. дор. *ἐντι* и перс. *end*) по аналогии с предшествующими *ân* и *ajџе*. В греческом языке к *и* приближаются дорийские формы всех спряжений на — 1 и 3 лица мн. ч., напр. *φέρομεс* и *φέροντι* (также *φέρουvти*), за исключением тех, что оканчиваются на *и*, которые уже в 1 лице ед. ч. имеют *ω*, как *δίδωμι*, к которому, однако, в литовском языке также близки *stovimi* и *dîmi*, а также осетинск. диг. *истун* и *татун*. Аналогично русские *суть* и *дадутъ* связаны с древнеславянскими *сжть* и *даджть* (ср. польск. *są* и *dają*). В общем и целом, ближе всего к осетинскому языку оказывается древневерхненемецкий. Хотя в 3 лице мн. ч. чаще всего выступает *а* или *е*, напр.: *perant*, *perent* или *berent*, *kepant* или *kebant*, *gepant*, *gebant*, *gepent*, *gebent*, *habant*, *habent* или *hapent* вместо гот. *bairand*, *giband*, *haband*, так же как в 1 л. *beremes*, *kabames* и *habemes* наряду с *geben* и *haben* вместо гот. *bairam*, *gibam* и *habam*; все же в более поздних памятниках представлены также *perunt* и *habunt* или *habant*, и даже в 1 лице *habon*. Ср. и в ед. ч. *biru*, *kibu* или *gibu*, *gipo*, *gibo*, *habu*, *habo* вместо гот. *baira*, *giba*, *haba* из-за утраты *n* из более ранних форм с *т*.

Особенно часто *u* встречается в образованных из односложных форм единственного числа форм лиц множественного числа претерита, как *barun, barut, barun*, из *bar* и *gabun, gabut, gabun* из *gab*, как также уже в готском языке *berum, beruf, berun* из *bar* и *gebun, gebuf, gebun* из *gaf*. Этот звук встречается в используемых как формы настоящего времени *vitum, vituf, vitum* из *vait* «я знаю» и *kunnum, kunnuf, kunnun* из *kann*, так же как в обоих первых лицах глагола существования *sijum* «мы есьмы» и *sijuf* «вы есте». Древневерхненемецкий, хоть и, как обычно, с многочисленными отклонениями, следует этому: *uiizumes* или *uiizun, uiizut, uiizun*, но также и *uiizen, uiizit* и *uiizent, uiizen, uiizunt* из *uweiz*, так же как *chunnen, chunnot* и *chunnit, chunnen* или *kunnen* и *kunnun, kunnon* из *chan*. *U* постоянно встречается в *birumes (pirumes)* или в сокращенном виде *birum (pirum)*, или же с искаженным *m birun (pirun)* «мы есьмы» и *birut* «вы есте». Исландский язык, с сильно редуцированными личными окончаниями, в остальном же с совпадающей, в основном с другими германскими языками, структурой глаголов, также имеет во множ. числе претерита *u* в качестве постоянного элемента, напр.: *bárum, bárut, báru, gáfum, gáfut, gáfu*, также и в некоторых формах наст. вр., напр.: *eigum, eigut* или *eigit, eigu* или *eiga* от *á* из *eiga* «обладать»; *vitum, vitid* или *vituf, vita* или *vitu* от *veit* из *vita* «знать»; *kunnum, kunnit, kunna* от *kann* из *kunna* «мочь». Это *u* вместо *i* и *a* наиболее часто употребляется у старшего поколения и соответствует в 3 лице *u* в приведенных выше древневерхненемецких *biru, gibu* и *habu* в 1 лице ед. ч., поскольку в обоих языках за этим звуком раньше следовал плавный *n*. Следует отметить еще одну особенность древнеисландского языка: и в 1 лице мн. ч. перед *m* всюду стоит *u*, напр.: *berum* «мы несем», *gefum* «мы даем», *höfum* «мы имеем» от *bera, gefa* и *hafa*. Что касается 2 лица, то в § 5 мы уже указали, что изначальный *a* перед личным окончанием единственного числа *s* в дигорском диалекте, подобно готскому, древневерхненемецкому и нередко латинскому, редуцировался до *i*, который затем в тагаурском языке появляется в затемненной форме *u*. Во множественном числе, напротив, перед дентальным *d* выступает отмеченное выше попутно для готского, древнеисландского и древневерхненемецкого разделение на *u* и *i* в зависимости от диалекта: только дигорский язык сохраняет *i*, тагаурский же напротив, достаточно явно демонстрирует чистый *u*, напр.: *báruŋ* «вы несете», *foŋuŋ* «вы варите» и *daŋtuŋ* «вы даете» в сравнении с санскр. *bharatha, pacatha* и *dattha* (стяжение вместо *dadatha*). Вероятно, здесь был выбран именно *u* и по причине придыхания в дентальном *t*, чтобы заменить более тяжелый *a*. Дигорец так же по аналогии с единственным чис-

лом удлиняет *i* для различения. Ибо для обозначения долготы в дигорских формах, соответствующих приведенным выше тагаурским примерам, служит дигорский дифтонг *ie*: *баріеѣ*, *фіцеѣ* и *татіеѣ* (ср. *miedier* в § 5). Заслуживает внимания, что и во многих санскритских глаголах, а именно в глаголах IX класса, перед большинством тяжелых окончаний *â* редуцируется в *i*. Так, в том же лице осетинско-дигорскому *зôниѣ* (таг. *зôнул*) соответствует, подобно русскому *знаете*¹⁸, в санскр. *jânitha* из корня *jñâ*, а готский язык демонстрирует дифтонг соответствующего слога соответствующего слова: *kunneif* наряду с ранее приведенным *kunniuf*. Остается еще 3 лицо ед. ч., где мы снова, как в 1 л. того же числа и в 3 л. мн.ч., встречаем гласные *y* (в дигорском) и *v* (в тагаурском), напр.: диг. *бâруј*, *татуј*, *фіцуј*, таг. *бârvj*, *дæттj*, *фцицј* «он (она, оно) несет, дает, варит». Сравним теперь с ними соответствующие санскр. *bharati*, *dadâti*, *pacati*, зенд. *baraiti*, *dadâiti*; перс. *bered*, *dehed*, *pâzed*; греч. *φέρει*, *δίδωσι*, *πέσσει* лат. *fert* (вместо *ferit*), *dat*, *coquit*; гот. *bairif*; древневерхненем. *birit* или *biret* и *cohot* или *cochet* и легко заметим, что в осетинском выпал *t* или *d*, как в греческом. Вместо *φέρει* и *πέσσει* следует предположить наличие, хотя не очевидно доказуемое, *φέρети* и *πέσσει* по аналогии с *εστί* и с обычными формами повелительного наклонения *τίθει* и *δίδοι* образовавшимися путем стяжения из *τίθети* и *δίδοθι*, чтобы в силу различного ударения не смешивать с более редкими формами наст. вр. *τίθει* и *δίδοι*, первая из которых образована не из *τίθυμι* и собственно из *τίθησι*, дор. *τίθυσι*, а из производной формы *τίθέω*, в то время как для *δίδοι* такой производной формы *δίδόω* не выявлено, и, таким образом, *δίδοι* рассматривается просто-напросто как производная форма от *δίδοθι*, соответственно дор. *δίδοθι*. С *δίδοι* или, если учитывать ударение, скорее с *δίδοι* корреспондируют и осетинские диг. *татуј* и таг. *дæттj*, как и вообще все осетинские глаголы в том же лице, а гласные *y* и *v* следует приписать влиянию выпавшего зубного (ср. в начале этого параграфа диг. *буд*, таг. *bvd*, от диг. *battyn*, таг. *bæton* «связывать»), если подобное влияние не попытаться приписать и современному осетинскому *j*, который в санскрите, впрочем, относится к одному классу с плавными, а также причисляемыми к полугласным *r* и *l*. Для последнего предположения в качестве аналогии можно было бы привести древневерхненем. сущ. ед.ч. ж.р. и сущ. вин. п. мн. ч. ср. р., напр.: *anderiu* «иное», *alia*, *einju* «единое», *una* и *blindiu* «слепое» *soesa*, т.е. *anderju*, *einju* и *blindju*, поскольку в них готский *a* (*anþara*, *aina*,

¹⁸ Далее в тексте приводятся два перевода: *ihr wisest* и *ihr kennet*. Первое относится к неодушевленным предметам, второе — к одушевленным.

blinda) из-за *j* перешел в *и*, так же как в местоименных формах женского рода *diu* (*dju*) *die* и *siu* (*sju*, санскр. *syá*) рядом с *j* появляется *и*.

§ 8

После того как мы рассмотрели различные изменения, которые претерпело исконное *a* в осетинском языке, нам кажется необходимым упомянуть еще здесь, перед тем как перейти к другим гласным, об эвфонической функции, которую выполняет в осетинском языке краткий *a*, появляясь в начале слов как чистая протеза, чтобы избежать определенных нежелательных конфликтов согласных или смягчить последние. Так мы уже видели в § 4, как он частично в полной форме (*ахсава*, *ахсаве*, *ахсава*, *ахсæв*), частично редуцированный в *æ* и *e* (*ахсæв*, *ехсæв*) смягчает санскритско-зендское *ks* или *ks*, находясь перед ним, а также способствует превращению *k* в *x* (*ch*). Аналогичные примеры: диг. *ахсаз*, таг. *ахсæз* «шесть» (с поглощением *и*, в отличие от зендск. *ksvas*), и диг. *ахиip*, таг. *ахcip* «молоко» по сравнению с санскр. *kṣīra*. В персидском языке в соответствующем слове первый согласный выпал без всякого следа, образовав форму *šir*, в то время как параллель для предыдущего примера — *šeš* — имела праформу в санскр. *ṣaṣ*. Так же как и в предыдущих примерах, *kś* представляется производным из *sk* в тагаурском *ахсĕt*, в отличие от диг. *скодт* «дудка, трубка». Особые трудности вызывает соединение *r* с другими согласными. Они нежелательны перед ним в начале слов, иначе *r* претерпевает перестановку и впереди ставится эвфоническое *a* либо в чистом виде, либо в редуцированной форме *æ* и *e*. Так образуются диг. *арѣа*, таг. *æрѣæ* «три» из санскр. *trāya*, зенд. *θri*, также гот. *þreis*; из санскр. *bhrātar*, зендск. *brātar*, перс. (со вставленным эвфоническим *y*) *byrâder*, лат. *frater* — дигорское *арвæде* или *ервæде* «брат»¹⁹, и из санскр. *bhrû*, зенд. *brû* — диг. *арфук*, таг. *арфуг* «бровь». Греческое *ὄφρυς* соответствует своей протезой *o*, так же как в *ὄνομα*, *ὄδους* и *ὄνυξ*, осетинским формам, в то время как последовательность согласных в персидском *еbrû* стоит еще ближе к азиатским праформам. Внутри слов осетин довольствуется простой перестановкой, как, напр., в диг. *фурѣ* таг. *фурѣ* «сын» в сравнении с санскр. *putra*, зендск. *pu'tra*. Подобные перестановки *r* нередко встречаются, впрочем, уже в санскрите и зенде, напр. в первом — *draṣṭum* «видеть» наряду с *darṣṭum* от корня *darś*, а в последнем — *âtra* вместо *âtara* «огонь», с чем можно, в особенности

¹⁹ В тагаурском диалекте *арвæд* означает только родственника; «брат» обозначается другим специальным словом — *æфсимæр* <Примеч. автора>.

по аналогии с вышеприведенными *арѣ* и *фурѣ*, сравнить осетинское *арѣ* с тем же значением. С обычной перестановкой *р*, возможно, связано явление, когда часто встречающаяся в осетинских глаголах приставка *ар* иногда выступает, наоборот, в форме *ра*, не меняя их значение (ср. Осетинская грамматика. С. 112 *d* и с. 358 под *Ар*). Вместо дигорского *арѣау* «стадо» (о рогатом скоте или лошадях) тагауры говорят *раѣау*. Наконец, мы хотели бы еще заметить, что *st* является самым часто встречаемым сочетанием согласных в начале осетинских слов, и прежде всего у тагауров, которые заходят так далеко, что даже отказываются от корневого *a* в начале слова, как, напр., в сложных числительных *стæс* вместо *астдæс* «восемнадцать» и *стæсем* вместо *астдæсем* «восемнадцатый» в противоположность диг. *астес* (вместо *астдес*) и *астејмæг*, также в *стæг* «кость» в противоположность диг. *æстæг* или *æстæк* вместо *астæг* или *астæк*, что сравнимо с соответствующим санскр. *asthi*, греч. *δοτέον*, лат. *os*. Из этих примеров, связанных с описанным в § 7 (примеч. <17>) дигорским глаголом *істун*, одновременно вытекает, что дигорцы вообще менее восприимчивы к таким сочетаниям согласных в начале слов и используют их реже, нежели тагауры.

§ 9

Подобно тому как мы в § 4 наблюдали сохранение краткого санскритского и зендского *a* еще во многих осетинских словах в неизменном виде, даже в отличие от других родственных языков, долготу санскритскому гласному *â* часто также и в осетинском языке соответствует аналогичный долгий *a*. Сравни, помимо уже приведенных в § 4 и 8 диг. *vâde*, таг. *vâd* и диг. *арvâde*, таг. *арvâd*, диг. *mâde*, таг. *mâd* «мать» с санскр. *mâtar*, в им.пад. *mâtâ*, перс. *mâder*, греч. *μάτηρ*, лат. *mater*, слав. мати, лит. *mahte*²⁰, гальск. *mathair*; таг. *ctâle*, диг. *ctâly* «звезда» и санскр. *târâ* (ранее предположительно *stârâ*), зенд. *târê*, перс. *sitâre*, греч. *ἀστήρ*, лат. *aster* и *stella*; таг. *câĥe*, диг. *câĥe* «коза» с санскр. *châga* и диг. *ĵâфун*, таг. *ĵâфун*, «я достигаю» с <санскр.> *âpnômi*, греч. *ἄπνω*, лат. *apio*, *adipiscor*. Сюда же относится дигорское окончание 1 л. мн. ч. в глаголах *-ân* как ослабление санскритского *-âmas*, напр.: *фицân* «мы варим», санскр. *pacâmas*, греч. *πέσσομες*; *барân* «мы взвешиваем» (см. выше § 5, примеч. <10>), санскр. *bharâmas*, греч. *φέρρομες*, лат. *ferimus*, гот. *baivam*. В тагаурском языке долгий *a* выступает здесь в сокращенной и редуцированной до *æ* форме, при этом,

²⁰ Правильно: *môtê* «жена», реже «мать, теща», *môtina* «мать».

однако, сохраняется изначальный *m*, а приведенные примеры на тагаурском звучат: *фѳоцæм* и *бѳарæм*. Такой редукции подвержены многие звуки, что не сразу заметишь, причем в обоих осетинских диалектах, напр.: дигорское *нао* «корабль», санскр. *nâu*, греч. *ναῦς*, лат. *navis*; *стаун* в обоих диалектах «я хвалю» или «награждаю», санскр. *stâumi*, зенд. *štaômi* и диг. *ман*, таг. *мæн*, санскр. *mât*; но также диг. *ман*, таг. *мæн*, род. п. «меня» *mei*, санскр. *tama*. В некоторых случаях долгий *â* перешел в долгий *ô*, подобно тому, как краткий *a* в краткий *o* (см. § 6), напр. в *нôм*, диг. с трансформацией *m* — *nôn* «имя», санскр. *nâman*, в имен. пад. *nâma*, как и в зенд. *nâma* и также еще и в перс. *nâm*, греч., в свою очередь, *ὄνομα*, лат. *nomen*; далее в диг. *зôнуи*, таг. *зôнви* «я знаю» (слав. *знаѳ*), санскр. *jânâmi*, греч., в свою очередь, *γῶσι, γινώσκω*, лат. *(g)nosco, cognosco* и в *бôн* «день», санскр. *bhânu* «солнце, свет», *sol, lumen* от *bhâ* «светить» *splendere* (ср. греч. *φαίνεσθαι* и *φῶς*). Вместо *бôн*, однако, обычно говорят *бон* с кратким *ô*. О полном переходе долгого *a* в краткое *u* в глагольных окончаниях подробно говорилось уже в § 7, а выше у нас был пример окончания в дигорском слове *стѳалу*, демонстрирующий подобный переход и в других словах.

§ 10

Об *æ* как простой, довольно распространенной редукции изначального *a* и промежуточном звене в его переходе в *e* уже говорилось в § 4, а его использование было продемонстрировано на достаточном числе примеров. В дополнение приведем здесь еще несколько, в которых *æ* лишь по виду или действительно находится в оппозиции также и санскритскому *u*. Сюда относится тагаурская частица *ѳæ* «но» (см. Осетин. грам. § 313), соответствующая по употреблению и значению греческой частице *δέ*, равно как и латинским *autem* и *vero*. Этимологически, однако, ее можно было бы сравнить с санскритской частицей *tu* того же значения, которую Бопп во втором издании своего словаря (с. 154) предположительно выводит из основы указательного местоимения *ta* с редукцией *a* в *u*, так же как в вопросительном местоимении *ku* из *ka*. Если толкование верно, то следовало бы предположить, что в обоих языках, как в осетинском, так и в санскрите, *a* служил изначальным гласным, который в первом, как обычно, перешел в *æ*, а во втором — в *u*. Иначе, напротив, обстоит дело с тагаурским *разун* «я расту» *creasco*. Он также возник в результате трансформации из *разун*, как показывает дигорское *иразун*, отличающееся от него лишь дополнительным *i*. В этих формах *æ* и *a* действительно соответствуют звуку *u* в санскритском глаголе с тем же значением *rôhâmi* от

корня *ruh*²¹; таким образом, корневое *u* перешло в *a*, а затем в тагаурском языке — в *æ*, если отказаться от мысли, что более раннее *разун* образовалось как раз из приведенного *rôhâmi* таким образом, что лишь первый элемент *a* сохраняется в дифтонге *au* слога *rô* (= *rau*), напротив, другой, корневой гласный *u*, приносится в жертву. Персидское *rujem* (инфинитив *rusten*) сохранило корневой гласный, в славянском, подобно осетинскому, появилось *a* в *расѣж*, вместо которого в <Сербской> Краине до сих пор говорят *расем*, в форме, которая, насколько возможно, приближается к более раннему осетинскому *разун*.

Житель Богемии приближается к персу и произносит *rostu* из инфинитива *râsti*, равно как поляк с *rosnę* из расширенного *rosnęć* наряду с *rość*, из более простой и изначальной формы которого образовалась форма наст. вр. *rostę* по аналогии с древнеслав. *расѣж*, вышедшей из употребления; русский колеблется между *o* и *a*: говорит и пишет *росту* и *расту*. Для большей убедительности нашего сопоставления осетинского *рæзун* с санскр. *rôhâmi* приведем еще другой пример, в котором также долгий *a* и *æ* соответствуют долгому санскритскому *u*. Это осетинский глагол диг. *аръсун*, таг. *арæсун*, образованный при помощи приставки *a* и, собственно, соответствующий немецкому языку: *ausschmücken* «украшать» или *auszieren* «отделывать». Если мы удалим приставку, то останется диг. *ръсун*, таг. *рæсун*, подобно санскр. *rûsâmi* «я украшаю» *ornô*. Из него образован персидский *ârâjem* (инфинитив *ârâsten* и *âresten* или *ârâjiden*) с тем же гласным, что осетинский *арасун* и аналогичным способом, в случаях когда он подобно этому и его трансформу *аръсун* употребляется в функции простого глагола в значении «украшаю» *ornô*. Сам простой глагол звучал бы в этом случае *рâjem*, а в инфинитиве *râsten* и, вероятно, когда-то существовал на самом деле. По крайней мере, существительные *râi*. и *râsitâ* строго этимологически предполагают такой глагол, а именно в значении «украшать» *ornô*. Из этого, однако, следует, что собственное, даже если и не первое и не изначальное значение упомянутых существительных должно было быть: *ornatio*, *ornatus*, *ornamentum*, из которого легко выводится присущее им обоим переносное значение: «хвала», *laudatio*, *laus*. Ведь на самом деле *хвалить* лицо или предмет обозначает не что иное, как «украшать их словами». Но если это так, то мы получаем новое и с точки зрения фонетики более чем достоверное соответствие санскритского корня

²¹ Санскритский *h* переходит, как мы позже увидим, в осетинском языке в *a* <Примеч. автора>.

rūs в древнеисландском *hrósa* «хвалить», *laudare* существительному *hrós* «хвала», *laudatio*. Отсюда же все еще находящиеся в употреблении датский глагол *rose* и сущ. *Roes* с тем же значением, с ослабленным придыханием, но с сохранившимся глубоким долгим *o*. Соответствующие шведские *rosa* и *ros* (с тем же ударением) считаются в сравнении с более употребительными *berömma* и *beröm* несколько устаревшими; однако глагол мы часто слышим в старинной поговорке: *når man har elaka grannar, så måste man rosa sig sjelf*, что означает: «у кого злые соседи, тот должен хвалить себя сам». Так же широко распространена поговорка: *han kommer ej att rosa marknaden* «он не приходит, чтобы хвалить рынок, он не будет хвалить рынок» (о том, кто случайно попадает в такую затруднительную ситуацию, что способен видеть лишь плохое).

§ 11

С кратким *e* как с ослабленным в обоих осетинских диалектах первичным *a* мы уже познакомились в § 4 и увидели, что оно в силу своего более частого употребления в дигорском языке соответствует тагаурскому *æ*. С другой стороны, однако, оно часто заменяет краткое тагаурское *i*, напр.: таг. *миӕ*, диг. *меӕ* «снег», таг. *ix*, диг. *меӕ* «лед» (с протетическим *j*), таг. *фидар* диг. *федар* «крепкий, сильный, твердый». Противоположные случаи, такие как таг. *теp*, диг. *кӕре* «камышек<?>» *Kalk*, чрезвычайно редки. Это ослабление *i* в *e* ставит дигорский язык в такое же отношение к тагаурскому, как древневерхненемецкий и новые немецкие наречия к готскому и как шведский к исландскому; однако тагаурский диалект не может в этом отношении похвастаться преобладанием в нем *i*, поскольку оно не всегда первично, а часто служит редуцированной формой празвука *a*, как мы убедились в этом на многочисленных примерах в § 5. Добавим к ним еще таг. *лиӕ*, диг. *леӕ* «гладкий», поскольку он связан с санскр. *laghu* «лёгкий» *levis* и еще очевиднее с перс. *laēz* «камень в смазке<?>» *lapsus in lubrico* (вероятно, также «смазка» *lubricus*) и с *lağziden lubricum*. В тагаурском сложном производном *лаӕзгæнæн*, диг. *леӕзганан* «шпатель для полировки<?>» (собст. и дословно: *zum Glattmachen*) *Hobel* еще сохранился даже и *a*. В конце слова *наӕфе*, как в перс. *nâfe* «пупок», дигорское *e* соответствует санскр. *i* в *nâbhi*, как мы уже видели в § 4. То же самое могло, вероятно, случиться с конечным дигорским *e* в словообразовательном слого -*âде* в абстрактных существительных, таких как *арфâде*, таг. *арфâд* «глубина» от *арф* «глубокий», *ступâде*, таг. *ступâд* «величина» от *ступ*, таг. *ступ* «большой», *барзонâде*, таг.

bærzonâd «высота» с утерянным конечным согласным в словах *барзонд* и таг. *bærzond* «высокий» и *Пацахâде*, таг. *Пацахâд* «монархия, держава, царство/королевство» от *пацах* «монарх, правитель, царь, король». Это *-âде* можно сопоставить с часто встречающимся критским суффиксом *-ti-* в санскрите, напр.: *akti* «сила, возможность», *robur, facultas* от *ak* «мочь, быть в силе» *posse, valere* (ср. гот. *maths* и древневерхненем. *mathi* от *magan*), а также с похожим суффиксом *-atha-*, напр.: *klamatha* «усталость» *Müdigkeit, Erschöpfung* от *klam* «уставать» *defatigari* и *śamatha* «покой» *Ruhe* от *śam* «усмиряться, уступать» *sedari, cessare*, или же с таддхита-суффиксом *tâ*, поскольку он, подобно осетинско-дигорскому *-âде*, чаще всего используется для образования абстрактных производных от прилагательных, напр.: *bahutâ* «множество» от *bahu* «многочисленный» *multus* и *pr̥thutâ* «широта» от *pr̥thu* «широкий». Разумеется, в последнем случае, так же как и в первом, следует предположить, что в осетинском *-âде* между согласным основы и *t*, трансформировавшимся в *d*, был вставлен удлиненный гласный *a*, якобы чтобы избежать редукции окончания. Ведь и в других языках подобные суффиксы встречаются большей частью обязательно в сочетании с различными гласными, хотя и представляется чрезвычайно сложным определить в каждом отдельном случае, имеем ли мы дело действительно с соединительным гласным, а не гласным основы. Так же различны особенности и функции гласных, а вместе с этим и определение производных суффиксов в производных словах. Так *-ota* в славянских абстрактных существительных: *широта, высота, долгота, красота, тягота* и др. — предположительно может соответствовать санскр. *-tâ* также потому, что конечный гласный приведенных слов до сих пор сохранил в русском языке долготу. Напротив, этого нет в древневерхненем. *breitida* (*preitida*) наряду с *breiti* (*preiti*), гот. *diupīpa*, древневерхненем. *tiufi, starchida* наряду с *starchi* и *hohida* наряду с *hohi*. Некоторые из этих слов имеют, кроме того, вариант на *-idi*. В нижнегессенском диалекте до сих пор следует произносить *Breitede, Tiefde, Hōchde* (см. Rinne. Deutsche Grammatik. S. 253). В исландском языке *breidd, dýpt, stæred, hoed*, несмотря на редукцию, оканчиваются на древнегерманские *-īpa* и *-ida*; кроме того, есть еще одна более полная форма *-átta* (т. е. *-átta*), которая с точки зрения длины гласного демонстрирует такое большое сходство с осетинско-дигорской на *-âде*, что поневоле приходит мысль о ближайшем родстве обеих. Совпадение наблюдается также и в том, что с помощью них могут быть образованы абстрактные существительные не только из прилагательных, но и из других частей речи. Так, от исланд. прил. *vídr* — *vidátta* «даль» наряду с аналогичным

вышеупомянутому *breidd vidd*, от сущ. *vinr* «друг» — *vináttá* «дружба», от глагола *beria* (прош.вр. *bardi*) — *baráttá* «борьба, сложность». В отглагольных абстрактных существительных, однако, в осетинском языке используется также встречающаяся и в других случаях, особенно в названиях одушевленных предметов (ср. Осетинская грамматика. § 53. С. 73 и след.), расширенная форма таг. *-джинâд*, диг. *-джинâде*, напр. таг. *амонджинâд*, диг. *амонджинâде* «совет» от таг. *амонн*, диг. *амонун* «свидетельствовать, указывать, заниматься» и таг. *сâинджинâд*, диг. *сâунджинâде* *Betrug* «обман» от таг. *сâин*, диг. *сâун* *betriegen*. Со временем число таких отглагольных абстрактных существительных значительно уменьшилось, и сейчас их можно услышать в очень ограниченном понятийном ареале разговорного языка и очень редко. Впрочем, тагаурцы, как видно из приведенных примеров, обычно постоянно отбрасывают в подобных случаях (ср. выше § 4) конечный гласный в дигорском суффиксе *-âде*, вследствие чего все слова, имеющие его, укорачиваются на один слог. Это такие усеченные слова, как гот. *ufar*, древневерхненем. *ubar* или *upar*, новеверхненем. *über*, греч. *ὑπέρ*, лат. *super* и гот. *bairand*, древневерхненем. *perant*, *perent* или *berend*, греч. дор. *φέρωντι*, лат. *ferunt* в сравнении с санскр. *upari*, зенд. *upairi* и *bharanti*, зенд. *barēnti* и как дат. *Aand* со швед. *ande* из исланд. *andi* «дух», дат. *død* и швед. *död* из исланд. *daudi* «смерть», швед. *köld* и дат. *Kuld* с более полным вариантом *Kulde* из исланд. *kuldi* «холод».

§ 12

$$i = e, ie$$

Если тагаурскому *i*, согласно предыдущему параграфу, в дигорском диалекте соответствует *e*, то и таг. *ii* = *i* должен в дигорском: 1) *ee* = *é* или превращается в *é*, как мы его пишем: он несколько сужается, напоминая французский *é*, 2) но также, если полагать, что первый тагаурский *i* сохранился и лишь последний претерпел предполагаемую редукцию, разумеется, *ie*. И в самом деле, как правило, в дигорском диалекте тагаурский долгий *i* имеет двоякое соответствие: либо как свойственный исключительно последнему диалекту закрытый *e* (*é*), либо как дифтонг *ie*. Так, напр., таг. *нiз*, диг. *нéз* «болезнь»; таг. *мiзун*, диг. *мéзун* «мочиться»; таг. *хiзун*, диг. *хéзун* «проходить» или «переходить»; таг. *iсун*, диг. *jéсун* (с протетическим *j*; поскольку *iсун* уже само по себе = *jéсун*) «брат»; таг. *мiх*, диг. *миéх* «шест, жердь»; таг. *миђ*, диг. *миéђа* «туман»; таг. *мисун*, диг. *миéшин* «кислое молоко» и таг. *лидзун*, диг. *лиéджун* «бежать». В каком же соотношении находится осетинско-тагаурский *i* (= *ii*) наряду с соответствующими

дигорскими *é* и *ie* к санскриту и другим родственным ему языкам? В целом возможны, собственно говоря, лишь два случая: 1) либо *i* изначально, следовательно и в упомянутых языках представлен именно таким *i*; 2) либо *i* намного чаще, согласно § 5, есть редуцированное исконое *a*. Эта редукция, в свою очередь, также может быть двух видов, а именно: 1) *i* как целое может происходить из чистого долгого или краткого *a*, который оппозирует ему тогда и в других языках, или 2) лишь первый *i* возник из *a*, в то время как другой *i* все же остался неизменным. В последнем случае *ii* (*i*), *ie* и *ee* (*é*), собственно, следовало бы рассматривать в качестве *ai*. Однако этот дифтонг в санскрите, как и во французском языке, преобразовался в особый простой звук, который и обозначается особой буквой *e*. Таким образом, именно в санскрите этот звук, обычно передаваемый как *ê*²², вероятно, соответствует осетинскому таг. *ii* или, как я писал в своей грамматике, *ij*, т.е. *i* и диг. *ie* или *é*. Последующие сравнения проясняют абсолютную правильность всех этих теоретических предпосылок. Как первоначально и в древневерхненемецком языке, в осетинском, за малым исключением, инфинитив глагола всегда совпадает с 1 лицом ед.ч. индикатива, и таг. *mizon*, диг. *mézun* означает как «мочиться», так и «я мочусь»; в санскрите это означает, однако, *mêhâmi* (ср. § 7 и из-за перехода *h* в *z* § 10), лит. *mėžiū* (*mėžiū*), греч. — *βιχέω* обычно — *βιχέω*, лат. *tingo*, *mejo*, англосакс. *mige*, исланд. *míg* или *mieg* и *meig*. Отсюда еще во многих местностях в Швеции диалектное *miga* «мочиться», так же как в Дании *mie* или *mige*, а в Голштинии и Нижней Саксонии *miegen*, *migen*. Из одного и того же корня *mih*, собственно «изливать» *effundere*, происходит также *mêgha* «облако» *nubes*, осет., но таг. *mîž* диг. *mieža* «туман», как греч. *βιχλη*, лит. *migla* и слав. *мгла*. Вместо таг. *mison*, диг. *miewin* «кислое молоко»²³ в перс. *mast* «кислое молоко», *oxygala* и *mâstûne* «створоженное молоко», *lac serosum exsiccatum*, арм. *mazun* и груз. *maçoni* «кислое молоко», появляется еще долгий *a*, или же следует осетинские обозначения этого сравнить с санскр. *pîjûṣam* «молоко коровы в первые семь дней после отёла» *The milk of a cow during the first seven days after calving* (Wilson, ср. *pîjûṣa* «пища богов, нектар» *the food of the gods, ambrosia, nectar*. тем же у ин-

²² Имеется в виду транслитерация.

²³ В исландском языке *Molken* означает «творог», откуда еще сейчас в Норвегии *Mysse sauerliche* или *saure Kåsemolken* и *Mysseost* (т.е. с долгим *y*) «сорт сыра», *der aus Molken gemacht wird*. В Далеккарлии в Швеции *Kåsemolken* также называются *mys*, в Западной Манландии *Mysje frischer Kåse*, перед тем как процедить сыворотку, а в Финляндии *messe die Molken* <Примеч. автора>.

дусских богов является молоко; от корня *pî* «пить») и предположить в осетинских словах наличие стяжения наряду со смешением губных *p* и *m*? В этой связи сразу вспомним параллель дигорского *zônietæ* с санскр. *jânîtha* выше, в § 7, как надежный пример замены санскр. *î* на *ie* в дигорском диалекте, которому и здесь, как обычно, соответствовал бы тагаурский *î*, если бы в глагольном лице не появилось *и* в качестве замены обычного, но более трудного в произношении санскритского *a*. Что касается приведенных в начале таг. *nîz*, диг. *nêz* «болезнь», то эти слова очевидно идентичны греч. *vôos*, ионич.-поэт. *voûos*, который Бопп и Потт возводят к санскритскому корню *naś* «умирать», *perire*, вед. также «убивать, повреждать» *pecare, nocere* (каузатив. *nâśajâmi* «разрушаю, уничтожаю» *deleo, extinguo, nâśa* «убитый» *interitus*, ср. лат. *nex, pernicies, pecare, nocere*, греч. *νεχύς*)²⁴. Следовательно, здесь осетинскому таг. *î* и диг. *é* в санскрите соответствовал бы *â*, как во всяком случае упомянутые гласные соответствуют даже краткому *a* в таг. *îcun*, диг. *jêcun* «я беру» по сравнению с санскр. *asâmi* и в многочисленных осетинских местоименных производных²⁵ в значениях «сам» и «собственный» как главная составная часть таг. *xî* и диг. *xé* (ср. греч. *ἐ*, лат. *se* и слав. *сам*), но также в последнем значении в краткой форме таг. *xî* и диг. *xé* против санскр. *sva* «свой» *suus* (откуда также *svajam* «сам» *ipse*), с утерянным *v*, и где *s* в осетинском перешел в *x*, как будет видно из многочисленных примеров далее. Подобно тому как здесь осетинские таг. *î* и диг. *é* соответствуют санскритскому *a*, так и таг. *î* и диг. *ie* — корневому санскритскому *i*: употребляемое только с приставкой таг. *avdîcun*, диг. *avdîecun* «указываю» в сравнении с санскритским приставочным *apa-disâmi* «я указываю, обозначаю» *monstro, indico* от корня *dis*, также зенд. *<disaiti>* *monstrare, ostendere*, греч. *δείκνυμι (δείκω)*, лат. *dico, dicâre* «объявлять» (откуда приведенное *indico indicâre* «обозначать», а также другой глагол — *dico, dicere* «говорить», отсюда *indicere* «высказывать»), гот. *teiha-* в *gateihan* «сообщать» *nuntiare*, древневерхненем. *zeigon* или *zeigo* «показываю» *monstro* и *zihu* «сообщаю» *nuntio*, англо-

²⁴ Последний предполагает также родство с *njâsa* «уничтожение» (от сложного *njas* «опускать вниз, откладывать», *deponere*), так, что *vôos*, собственно должно бы примерно означать: приковывание к больничной койке (ср. Pott. *Etymologische Forschungen*. Th. I. S. 267) <Примеч. автора>.

²⁵ См. мою «Осетинскую грамматику», с. 82 и след. При объяснении многих подобных местоименных производных в примечании к с. 88 следует исправить незамеченную в исправлениях на с. XLV опечатку и читать строку 4: местоимению *xij* или *xî*, диг. *xé* вместо: местоимению *xij* или *xé*, диг. *xé* <Примеч. автора>.

сакс. *toese* «учу» *doceo* и *tihē* «утверждаю» *indico, statuo*, исландс. *tie* «говорю, объявляю» *ostendo, dico, exhibeo*, нововеерхненем. *zeige* и *zeihe*. Отсюда также таг. *ðis*, диг. *ðec* «чудо», как и гот. *taikns*, древневеерхненем. *zeichan*, древнесакс. *tēhan*, исланд. *tákn, teikn*. Иногда, напротив, встречаются просто *i* (таг.) и *e* (диг.) в оппозиции к санскр. *ê*, напр.: таг. *xid*, диг. *xet* «мост», санскр. *sētu* (от *si* «связывать» *ligare*), перс. *xædek*, груз. *xidi*; но также таг. *xid*, диг. *xet* «пот», санскр. *svêda* (от *svid* «потеть» *sudare*; ср. выше таг. *xi*, диг. *xe* по сравнению со *sva*), перс. (по произношению Менинского) *xæj*, греч. *ἰδρώς*, лат. *sudor*, латыш. *tweedri*, древневеерхненем. *sueiz*, исланд. *sveiti*, дат. *sved*, швед. *svett*. Сюда относятся также диг. *финџа* или *финџе*, таг. с затемненным *i* *финџ*, «пена» *Schaum* — санскр. *phēna*, слав. *пѣна*. Вообще в подобных случаях, где осетинскому *i* в его изначальном облике или в искаженной форме *e* соответствует санскр. *ê*, долгота не должна смущать, поскольку и в санскрите в большинстве случаев первично *i*, из которого затем с помощью гунирования, т.е. постановки впереди *a*, образовалось *ê* и которому в разных родственных языках соответствуют различные дифтонги или долгие гласные (иногда без гуны *i* и *e*, но в большинстве случаев с ней): *ai, ei, oi, ê* или, как в осетинском, *e, ie, î*. Так, напр., санскр. *vêda*, гот. *vait*, древневеерхненем. *uueiz* и *uueiz*, греч. *οἶδα*, исланд. *veit*, швед. *vet*, (т.е. *vét*), дат. *veed (véd)* и вышеприведенное *mêhâmi* с соответствующими формами в других языках. Сравни также английский *ee* и немецкий *ie* как соответствие *î*.

§ 13

Кроме случаев, где *i*, с его превращениями в *e* (диг.) и *v* (таг.), возник вследствие редукции из изначального *a* (см. выше § 5), этому звуку соответствует тот же гласный и в санскрите. Отсюда совпадение дигорского артикля *i* (ср. Осетин. грам. § 30) с санскритской местоименной основой *i*, греч. *ί* (если за правильную орфографию принимается эта, а не *ι*), лат. и гот. *is*, древневеерхненем. *ir*, так же как санскр. *ni*, зенд. *ni*, перс. *ni* совершенно идентичны неотделяемому дигорскому предлогу *ni*, таг. *nv* «низ-», напр.: *ni-dhâ* = перс. *ni-hâden* и диг. *ni-avârun* и таг. *nv-æværun* «откладывать» *deponere*, происходящие из диг. *ni-avârun*, таг. *nv-æværun*. Сравни далее дигорское *incej* (род. п. *incædij*) «двадцать»²⁶ с санскр. *vimśati*; таг. *axcip*, диг. *axcip* (о добавлении *a* см. выше, § 8.), «молоко» с санскр. *kṣīra*, перс. *šīr*, таг.

²⁶ В тагаурском диалекте слово усечено и впереди, став таким образом односложным *sæd* <Примеч. автора>.

vidaġ или *vidæġ*, диг. *vidâġe* «корень» с санскр. *vija* «семя» *Saame* и общее для обоих диалектов *fiu* «жир», греч. *πίαρ* с санскр. *pīu* «быть плотным, тучным», *pinguem, crassum esse*. Диг. *фиде*, таг. *фүд* «отец» также полностью соответствует санскр. *pitar* (в имен. пад. *pitâ*), которое именно в осетинском имеет дополнительную форму из-за уже ранее имевшей место редукции изначального *a*, как это демонстрируют другие индоевропейские языки, а именно: зенд. *paita*, греч. *πατήρ*, лат. *pater*, гот. *fadar*, древневерхненем. *fatar, fater*, исланд. *fadir* и т.д. В пользу *a* свидетельствует также англосакс. *fæder*, и даже перс. *peder* говорит скорее за *a*, чем за *i*. В тагаурском *зимæġ* «зима», напротив, изначальный *i* (от санскр. *hima* «снег, буря», слав. *зима*, лат. *hiems*), как часто бывает в этом диалекте, претерпел изменения, перейдя в *u*. Некоторые говорят также *зимæġ*, что побудило меня в моей грамматике воспроизвести именно эту форму для тагаурского диалекта; однако *зимæġ* встречается чаще и лучше соответствует в качестве диалектной формы общедигорскому *сумæġ*. И. Ялгузидзе также постоянно использует для южноосетинского, приближающегося к тагаурскому языку, в своем переводе евангелия <...>, т. е. *зимæġ*. Некоторые тагаурцы, однако, не произносят больше ни *u*, ни *i*, а отбрасывают гласный и превращают слово в односложное *змæġ*. Остается еще упомянуть, что иногда в осетинском *i* соответствует санскритскому *i*, хотя и редко по сравнению с *a*. Так, напр., *куñġa* «место, изобилующее молодыми растениями, тенистое место, дом, увитый зеленью», *locus repentibus plantis abundans, umbraculum, casa frondea*, таг. *сіндз* «чаща» и санскр. *kusa* «грудь» *tamma*, в южной Осетии *чичи*, таг. *цици*, диг. *дæждæġе*, нем. *Zitze*, итал. *zizza*, богем. и польск. *сус*, сербск. *czeczek*, далм. *czicza*, венг. *tsets* «грудь». Таг. *бипе*, диг. *биеуре* связано с особенно часто встречающимся в начале сложных слов санскр. *bhūri* или с *puri*, оба «многочисленный» *multus*, арм. *piv*, раньше, *biv* «множество» *myriade, beaucoup, plusieurs*, греч. *μύριος* и *πολύς, πολύ* (лат. *multus?*), гот. и древневерхненем. *filu*, англосакс. *fela*, исландск. *fiöl*, нововверхненем. *viel*, слав. *боле* и *белии*, фин. *paġo*. Ср. также зенд. *pərəno*, санскр. *pūrṇa*, перс. *pur* «полный» *plenus*, но также «многочисленный» *multus*, греч. *πλέος*, лат. *plenus*, лит. *pilnas*, слав. *пльнь*, гот. *fulls*, древневерхненем. *fol*, англосакс. *full*, исландск. *fullr*, швед. *full*, дат. *fuld*, в то время как зенд. *pərəno* и в отношении первых слов предположительно является формой, близкой тагаурскому *бипе*, тогда как дигорское *биеуре* ближе к древнеармянскому *biv*. По аналогии с выше приведенными примерами хорошо сохранившаяся в дигорском диалекте и обозначающая движение вверх (ср. Осетин. грам. § 88 и след. С. 112) неотделяемая приставка *ic* представляется идентичной санскр. *ut* или *ud* «верх» *sur-*

sum, тем более что она уже и в зенд. звучит *uš*, напр. *ušihista* «вставай!» *ušihistata* «вставайте!» *ušēhistaiti* «он встает» (см. Ворг. Vergleich. Gramm. S. 757). В том же значении в сложных словах нередко встречаются лит. *už* или *us*, как обычно латыш. *us*, слав. *възь-* или *въс-* (рус. *въ-*, *въс-* и *воз-* или *вос-*), ирланд. *os* или *ois*, бретонск. *ut*, *ud*, *uz* (ср. Pictet., De l'affinité des langues Celtiques avec le Sanscrit. P. 87 f.). В других европейских языках, напротив, подобные префиксы, как, например, готский как *us*, так и *ūt*, древневерхненем. *ûz*, древнесакс., древнефранкск., англосакс., исланд. и швед. *ut*, нидерланд. *uit*, англ. *out*, дат. *ud*, имеют значение также родственного новонемецкого *aus* «от», совпадая с греч. *ἐξ* и *ἐκ*, лат. *ex*, лит. *išz* и *is*, латыш. *is*, слав. *изъ* и *съ*, но также с перс. *ez*. Это распространенное совпадение сравнимо с формальным родством предлогов, имеющих противоположные, но все же близкие значения: греч. *ὑπέρ* и *ὑπό*, лат. *sub* и *super*, гот. *uf* и *ufar*, древневерхненем. *oba*, *ubar*, *upar*, *obar*. Оно может указывать на возникшее позднее смещение и слияние двух значений: «на» и «из, от». Затем в одном языке закрепилось одно как более употребительное, в другом — иное, а потом родственное значение стало выражаться расширенной или модифицированной формой или другим чужеродным словом. На самом деле и два упомянутых значения, собственно говоря, тесно связаны друг с другом, как *unter* «под» и *über* «через», с которыми они, кроме того, находятся во вполне определенных отношениях: поскольку *über* соответствует *auf* «на», так же как *unter* — *aus* «из». С другой стороны, предполагается, что «на» развивается из более широкого «из», которое как бы служит основой первого понятия, и к нему приходится возвращаться при более подробном определении и толковании «на». Итак, не секрет, что «на» и «из» в языковом употреблении очень часто заменяют друг друга, так же «на» и «под». В значении «подпрыгивать» римлянин, напр., говорил *exsilire* и *subsilire*, так же как в значении «подниматься» — *erigere*, *surrigere*, *sublevare* (ср. *surgere* от *sub* в значении «вставать, восставать»). В литовском языке приставочный от *kurru* «я строю» глагол звучит *užkurru* «я надстраиваю», *užsodinu* «я сажусь на лошадь» или «стул» и т.д.; напротив, от *dirbu* «я работаю», *uždirbu* «я вырабатываю» или «раз-, отработываю» с дополнительным значением завершения, так же как в *užesmi*, собств. «я завершаю что-либо благодаря моему пребыванию в одном и том же состоянии», от *esmi* «я есмь». *Iszkasti* от *kasti* «копать» означает как «вы-», так и «вкопать», от *pusti* «дуть» — *iszpusti* «выдувать» и «вспучить», от *dabinti* «украшать» — *iszdabinti* «вычищать» и «наряжать». Говоря о всходе посева, литовец употребляет наряду с простым глаголом *dygti* также

сложный *iszdygti* (латышск. *usdihgt*), поскольку посев выходит из земли. И русский также скажет о всходах *выходить*. Далее среди прочего: *сберегать, поднять, подстергать, напечатать, наплакаться, насмеяться, воздать, воссиять, взгляивать, взять*; немец, напротив: *aufbewahren* или *aufbehalten, aufheben, auflauern, ab-* или *ausdrucken, sich ausweinen, auslachen, ab-* или *ausgehen, hervorleuchten*, иногда *ausschlagen* ногами (о лошадях), *nehmen*, т. е., собственно, *wegnehmen, herausnehmen* со своего места; ибо *aufnehmen* означает *поднять*. Подобные модификации значения демонстрируют даже осетинские приставки *ic* и *c*. Таг. *сцаун*, диг. *icцаун*, или иногда из-за ассимиляции *icцаун*, означает, согласно основному значению предлога «выходить», так же как тагаурское *сстн*, в южной Осетии *сустн* «подниматься»; напротив, таг. *скахтн*, диг. *икахун* или *ishахун* «вы- и разрывать», собст. «вы-» и «раскапывать»; таг. *сдаэттн*, диг. также с потерей *i*, *статун* «уносить, вносить, относить». Иногда таким образом обозначается лишь изменение глагольной формы, напр.: таг. *спадтн*, диг. *спадун* «садиться» от таг. *бадтн*, диг. *бадун* «сидеть». Довольно часто понятие длительности и завершения содержит в себе, как, напр., в таг. *сханн*, диг. *сханун* «договориться» (от таг. *ханн*, диг. *ханун* «делать»), т. е. «полностью сделать готовым, довести до конца» (рус. *сдѣлаться*), от *ун sein* или, более того, «наличествовать, существовать» (ср. Осетин. грам. С. 127) таг. *суун* или *соун*, диг. *исуун*, из-за следующего за ним гласного с эпентезой *у* или его преломлением *о*, значение «становиться (в силу постоянного присутствия)». Поэтому данное *c* нередко отрывается от глагола и присоединяется как приставка к прилагательным и существительным, чтобы выразить достигнутое состояние, обозначенное ими (см. там же, с. 177 и 184. Ср. также в русском языке *сбыться* или *сделаться*). К этому иногда прибавляется сходное значение состояния избыточности, вызванной длительностью и усилением действия, как, напр., в форме наст. вр. таг. *сqvredæн*, диг. *ишгигедæн* «я испытываю скуку, мне надоело» от таг. *qvг*, диг. *gire*, «страдание, гнев, недовольство, досада». Швед в этом значении употребит в разговорном языке: *jag är utledsen*; а русский же: *скучаю*, со сложным словом, которое в любом случае полностью совпадает с осет. таг. *сqvгханн* или *сqvкханн*, диг. *сгигеханун*, от которого, однако, не сохранилось другого простого, кроме *кучиться* с производным значением «настойчиво просить», собств., «надоедать подобным прошением». По аналогии со *скука*, которое само по себе уже композит (*с-кучать, до-кучать* и *надо-кучать*), следует предположить существование простого существительного *кука*, идентичного выше приведенным таг. *qvг*, диг. *gige*, которые, с другой стороны, свя-

заны также с санскр. *śoka* «скорбь» *moeror* (от *śuc* «горевать» *dolere*, *moerere*), перс. *sōk* или *suk* и *syk* то же, арм. *suk* «горе» *luctus* (ср. тюрк. *qæǵu* «печаль, страдание души» *moestita*, *afflictio animi* и араб. *ǧæjz* «негодование, гнев» *indignation*, *ira*), а также с греч. *κωμῆειν* «кричать, рыдать» *heulen*, *schreien*, *wehklagen*, лит. *kaukti* (ср. *szauki* «кричать») и латыш. *kaukt* «выть» *heulen*. После всего приведенного я не думаю, что нужно специально останавливаться на сравнении осетинских приставок *ic* и *c* со славяно-русскими *из* или *ис* и отмахнуться от *c*, как я сделал это в своей «Грамматике» (с. 112); более того, я полагаю, что все эти частицы в силу своего возраста находятся друг с другом в родстве, а зенд. *uš*, осет. *ic* или *c* и слав.-рус. *вз* или *воз*, ирланд. *os* или *ois*, бретон. *ut*, *ud*, *uz* служат этимологическим связующим звеном между понятиями «на» и «из», наряду с формальной *t* и *d* на *s* без полной потери последних. Примечателен также параллелизм осетинских *ic* и *c* со славяно-русскими *из* или *ис* и *c*, с одной стороны, и с возникшими из латинского *ex* итальянскими *es* и *s* в различных композитах — с другой.

§ 14

Краткое *i*, помимо только что проанализированных сложных слов, встречается в начале многих дигорских слов — в таких различных позициях, что дать объяснение всем этим случаям трудно и рискованно. Это *i* встречается в существительных и наречиях, а по большей части в глаголах как перед гласными, так и перед согласными, в последнем случае — как перед простыми, так и сложными и удвоенными. Сравни, напр., дигорские слова: *ioŋ* «член», *ixac* «вина», *ičavan* «открытый путь для прогулки», *ičdij* «свинец», *idzæg* или *idzæg* «полный», *icôn* «завтра», *igomŋanun* «открывать(ся)», *iguрун* «рождаться», *idzæŋanun* «наполнять(ся)», *inajeŋanun* «молотить», *irâjун* «радоваться», *iræзун* «расти», *izâjун* «оставаться» и *izærxун* «веселиться» или «радоваться» с соответствующими тагаурскими: *oŋ*, *xac*, *čaunœn*, *zduj*, *dzæg* или *dzæg*, *sôm*, *gomŋœnœn*, *gurœn*, *naŋœnœn*, *râin*, *ræзœn*, *zâin* и *zærxœn*.

Трудность исследования возрастает еще и потому, что известна этимология не всех слов и поэтому нет достаточной уверенности в том, следует ли рассматривать начальный *i* во всех как отделяемый формант, а не как корневое образование. Однако по аналогии с примерами, где происхождение слов можно проследить, все же кажется оправданным отказ от последнего предположения в пользу первого. Так, уже с осетинской точки зрения ясно, что дигорские глаголы *ičavan*, таг. *čaunœn* образованы по-разному: первый — непосредственно

от основы, второй же — от инфинитива или имени действия просто го глагола *цаун gehen* (ср. Осетин. грам. С. 76. § 59).

Также, очевидно, таг. *сѳм* и диг. *icѳн* образованы из дигорского названия утра *сауме* посредством стяжения *au* в *ѳ* и, кроме того, в дигорском *m* трансформировался в *n*. *Хас* можно было бы считать измененным из-за стяжения араб. *qærz* «долг» *aes alienum, debitum* (ср. *qæzaer* «платить долг» *solvere debitum*)²⁷, или это этимологически совпадает с *xâss* «собственный, частный» *proprius, privatus*, и отсюда в сложных словах: «добро» *bona* (ср. санскр. *sva*, имен. муж. р. *svas*, «свой, собственный», *suus, proprius* и в ср. р. *svam* «добро, свойство» *bona, peculium*) в переносном значении? Таг. *оң*, диг. *ioң* идентичны санскр. *aṅga* с тем же значением; и таг. *pâin*, диг. *ipâjun* связано с санскритским корнем *rat* «наслаждаться, радоваться» *delectari, gaudere*, что очевидно при почти полном совпадении причастий таг. *pâd*, диг. *ipâd* и санскр. *rata* «веселый, радостный» *delectatus, laetus, gaudens*²⁸. Кстати, соответствующее простому тагаурскому *pâin* дигорское *pâjun* (ср. выше § 7) в значении наст. вр. индикатива можно сравнить с санскр. каузативом *ratamjâti* «успраждаю» *delecto*, хотя также «успраждаю себя, наслаждаюсь», а именно так, что корневой *m* был опущен и таким образом возникли *ra-ajâti, rajâti*, осет. *pâjun*. Родство таг. *рæзгн*, диг. *ипазун* было доказано уже в § 10. Таг. *zâin*, диг. *izâjun* может быть связано с санскритским корнем *hâ* «оставлять» *relinquere*, в пассивн. залоге «оставаться» *relinqui*, так же как таг. *гурн*, диг. *игурн* с тур. *göryntek* «быть явным» *videri, apparere*. Персидск. *nâj*, согласно Менинскому, означает, помимо прочего, «песок» *arundo*, однако из-за близкого сходства может или могло использоваться как «солома» *Halme*, поскольку уменьшительное *nâjze* переводится Менинским также как «остатки обмолоченного хлеба» *culmus caulis frumenti*. Отсюда, вероятно, происходит осетинское *наѳæнн* и означает собствен. «молотить, выбивать солому, полову». Вместо того чтобы высказывать гипотезы по поводу происхождения остальных слов, приведенных в качестве примеров, я назову еще одно общее для обоих диале-

²⁷ По крайней мере *ʒ* встречается и во многих других арабских и тюркских словах, которые более или менее очевидно перешли в осетинский с чужбины, превратившись в *x*, напр.: в *axcâ* «деньги», *nixæce* «успех», *xalamулабанун* «смешивать», *xæsteg* «близкий» или «родственник» и *Хондæдер* из *Турецкого султана*; эти слова можно найти в мосм «Осетинском словаре», с. 366, 420, 462 и след. и 466 <Примеч. автора>.

²⁸ Именно с этим *rata* должен был бы сравнить таким образом и Райф в своем словаре (Dictionnaire Russe-Français. Т. II. Р. 758) славянско-русское *радъ*, а не с существительным *ratî* «желание» *désir* <Примеч. автора>.

тков слово *izær* (диг. также *izæpe*) «вечер», в котором, таким образом, и тагаурцы использовали приставочный *i*, в то время как они все же в творительном падеже того же слова, имеющего значение обстоятельства, в противоположность дигорскому *izæpej* произносят *zæpej* «вечером», опуская *i*, напр., в обороте *zæpej rajssomej* = диг. (в другом падеже) *izæpeder saumeder*, т.е. «вечером и утром» и «вечером, как и утром» вместо: «утром и вечером», как мы привыкли выражаться.

Эта разница в формах побуждает нас тем более сравнить общее для обоих диалектов существительное с лат. *sero* «поздно» и *serum diei* «вечер», итал. *sera*, валах. *сърь* и *сарь*²⁹, франц. *soir*, откуда также *soirée*, груз. *seri* то же и «ужин», в то время как производное от него *seroba* наряду с *soirée* означает также вечернюю молитву, *Vesper*. Но как же тогда истолковать *i*, часто встречающийся, особенно в дигорском диалекте? В некоторых случаях, а именно в словах, как, напр., *ижди*, он, так же как в дигорском глаголе *истун* (см. выше § 7, примеч. <17>), не что иное, как совершенно естественная эфоническая протеза, с целью смягчить двойной согласный в начале слова для удобства произношения. Ведь употребляется же с аналогичной целью в обоих осетинских диалектах даже *a*, особенно в таких словах, где и последующий корневой слог имеет тот же гласный. Это мы раньше отметили в § 8 и одновременно указали, что именно в дигорском диалекте нежелательны такие скопления согласных в начале слов. Именно этой нежелательности дигорский диалект, конечно, обязан сохранением рассмотренной в предыдущем § 13 приставки *ic-* в первоначальном виде, во всяком случае в таких словах, как *исцаун*, *ишфигедан*, *ишкахун*.

Другая бросающаяся в глаза особенность дигорского диалекта, отчасти свойственная и тагаурскому, состоит в постановке впереди краткого *i* в словах, начинающихся с гласного, хотя *i* почти везде перешел в родственный полугласный *j*, как мы увидим далее. Но если таким образом *i* в начале слов однажды попал в дигорский диалект, то он мог постепенно перейти от гласных на согласные, поскольку с другой стороны ему соответствовала совершенно аналогичная протеза при удвоенных согласных, упомянутая ранее. Вероятно, такому распространению *i*- и его превращению в диалектную особенность способствовали грузины, непосредственно граничившие с Дигорией с юга, поэтому долгое время контактировавшие с ее населением. По крайней мере этот удивительно распространенный звук *i* встречается в начальной позиции и в грузинском языке весьма часто. Из 175 <исконных> и еще части слов, заимствованных из других языков, кото-

²⁹ В современном написании румын. *soare*.

рые приводятся в Грузинском словаре Чубинова (Dictionnaire Géorgien-Russe-Français composé par Tchoubinof) под сравнительно редкой буквой *i*, имеется около 30, в которых *i* является очевидной протезой. И все же грузинский — это язык, который вообще мало заботится об эвфонии и даже в начале слов допускает скопление нескольких согласных, поэтому нет оснований предполагать, что *i*- ставится перед словом для эвфонии, по крайней мере в таких словах, как *ixxari* «ливень» от *sxta* «лить», или *ikcewisi* «рвущийся туда и сюда» от *kceva* «вращать(ся)», или *izwisi* «то, что движется» от *zwa* «движение». Некоторые слова употребляются как с *i*, так и без него, как *iaqlia* и *aqlia* «выстрел», *iaraxcini* и *araxcini* «шапочка, ночной колпак»; *ialmagi* и *almagi* «панцирь»; *ialkani* и *alkani* «парус, флаг»; *iapoxti* и *apoxti* «окорок» из армянского *apuxt*. И это служит самым ярким примером склонности языка к протезе как таковой, если именно в таких заимствованных словах, как последнее из приведенных, несмотря на начальный гласный все же добавляется *i*-, причем некоторые из них вообще не употребляются без него, как, напр., *iavari*, от армянск. *avar* «захват, добыча» и в *ielati* от греч. *ἐλάτη* «сосна». Вопрос о том, получает ли слово с помощью приставочного *i*- дополнительный оттенок значения, подобно тому как гласному *i* в грузинском языке свойственно значение указательности на дальние предметы, я оставляю пока без объяснения.

В осетинском языке также можно было бы предполагать и, вероятно, с большим основанием у существительных и производных от них наречий в любом случае значение определенности, обусловленное протезой, поскольку именно в дигорском диалекте приставка *i* заменяет артикль (ср. Осетин. грам. С. 50 и след.), почему я и в словаре (см. там же, с. 397) предположил, что *i* в наречии *icón* может выполнять функцию артикля³⁰; однако при ближайшем рассмотрении нельзя не заметить, что в некоторых словах, как, напр., «член», «свинец», «вечер», обозначающих уже совершенно общие и абстрактные понятия, вопреки всем обычным правилам должен бы использоваться определенный артикль. Ведь значение этого так называемого артикля должно было бы иметь еще более обобщенный характер. Ему должен был бы приписываться то определенный, то неопределенный, вообще же очень расплывчатый и переменчивый смысл, подобно весьма нечеткому по значению артиклю цыганского языка, состо-

³⁰ И в *icavan* *i* может рассматриваться как артикль, а слово — как что-то предназначенное для *хольбы*, т.е. определенное место для *хольбы*, хотя здесь, как в наречии *сóm*, тагаурец то же самое обозначает с помощью *цаунан* без артикля <Примеч. автора>.

ящему из одних гласных, и среди них также *i* (см. Pott Th. Die Zigeuner in Europa und Asien. Th. I. S. 279 ff).

Кроме того, в целом от этого не было бы много пользы, поскольку в осетинском языке протетический *i* в существительных, прилагательных и наречиях вообще встречается реже, в то время как в грузинском он как раз ограничивается лишь указанными частями речи. Помимо нескольких производных от таких существительных и прилагательных, в которых уже присутствует *i*, среди всех вышеупомянутых 175 слов с этой буквой в начальной позиции встречается лишь несколько безличных глаголов: *inátlebs* «светает» от *náteli* «свет, блеск, заря; светлый, ясный» и *ikneba* или *ikmneba* «может быть, вероятно» от *kmneba* «быть, делать, становиться». Лишь в одном случае речь идет о показателе лица — о местоимении «он, она, оно» *is*.

Это служит, таким образом, только подтверждением того, что было сказано о значении демонстративности гласного *i* в грузинском языке. На этом основано предположение, что с таким префиксом существительные одновременно могут приобретать значение близости, нечто соответствующее артиклю в его обобщенности и первом приближении. Напротив, в осетинском языке глагол — это такая часть речи, в которой протетический *i* встречается довольно часто, в отличие от грузинского. И это если не отменяет наше предположение, основанное на явной аналогии с географически близким грузинским, то своим широким распространением существенно ограничивает и принуждает нас пристальнее взглянуть в особенности протезы *i* — также и в глаголах, чтобы таким образом получить еще более общую и в то же время удовлетворительную основу для объяснения различных явлений. Здесь мы сталкиваемся с новым важным обстоятельством, а именно: во многих сложных тагаурских глаголах с приставками, отсутствующее в простых глаголах *i* (в отличие от дигорского диалекта) снова появляется в форме родственного полугласного *j* — по аналогии с другими глаголами, начинающимися с *i*- и в тагаурском. Этого, вероятно, не случилось бы, если бы *i*, как до сих пор в дигорском, когда-то имело место, а потом, как, напротив, *i* в приставке *is* в предыдущем параграфе, выпало, за счет чего глагол сократился. Так, по аналогии с *rajdâin*, диг. *rajdâjûn* означает «начинать» от имеющего то же самое значение *idâin*, диг. *idâjûn*, *rajgomʒanon* «открывать, обнаруживать, объявлять» } *rajgurun* то же, что и простое *gurun*; *bajrâin* «радоваться», *bajdâin* «оставаться», так же как в дигорском *rajgomʒanun*, *rajgurun*, *bajrâjûn* и *bajdâjûn*. Это обстоятельство, связанное с появлением вставного *i* преимущественно в глаголах, по всей видимости, указывает на то, что в этом *i* и не только в глаголах, а воз-

можно, и в некоторых других частях речи, где он встречается в осетинском языке, следует искать какой-то деформированный неотделяемый префикс. Но, если мы видим в нем производное от санскр. *sat* или сокращенного *sa*, сопоставимое с греч. *σῦν*, лат. *con* и *co*, лит. *sa*, слав. *сѧ*, древневерхненем. *ga, ka, ge, gi, ki*, англосакс. *ge*, древнесакс. *gi*, древнефриз. *ge, gi, ie*, нижеверхненем. *ge*, то подчеркнем: в осетинском языке из санскр. *sa* либо непосредственно, либо путем смягчения предшествующего образовался *ga, ge, ja, je*³¹, а из него благодаря падению *a* или *e* и вокализации *j* возникло простое *i*. Мы видели в § 4, что санскр. *jakrt*, лат. *jecur* преобразовался в осетинское таг. *irap* и диг. *irer*.

По крайней мере мне неизвестна среди соответствующих языков подобная частица, которая лучше бы или хотя бы так же хорошо согласовалась с осетинским *i*, как упомянутая германская. Ведь и она, как осет. *i*, используется в существительных, прилагательных и наречиях, преимущественно же в глаголах, особенно непереходных, где служит для уточнения и усиления значения с разными нюансами, иногда даже не меняя его, так что сложное слово и простое на поверхностный взгляд совпадают. Так, в древневерхненем., в словах, равнозначных приведенным выше осетинским примерам, по Граффу, имеются *lid* и *gilith*, к которым, собственно, восходят сегодняшние *Glied*, швед. и дат. *led*; *Schuld* <происходит из> простого *sculd*, но лежащий в его основе глагол <представлен в форме> как *sculan*, так и *gasculan* «долженствовать» *debere*, так же как у образованного от него *sculdôn* «долженствовать, быть обязанным» имеется форма *gasculdôn* «удостаиваться» *exigere, promereri*, а из древневерхненем. *scolo* <происходит> средневерхненем. *geschol* «должник»; далее в древневерхненем. кроме *gigân, kegân, и gigangan* (гот. *gagaggan*) наряду с *gân* и *gangan* <есть> также субстантивированное *cigenga* (для *kigenga*) «прогулка» *deambulaera*; *fulljan* и *gafulljan fûllen*, как в готском; *offanôn* «открывать» и *gaoffanôn* «открыть»; *frawjan, frewjan* «радовать», но также непереход. «быть радостным», и *gafrawjan, gafrewjan, gifreuwen* «радовать»: до сих пор в Баварии <говорят> *frêuen* и *gefrêuen* (см. Schmeller's Wörterbuch. Th. I. S. 599); *wahsan* «расти» *concrecere* и *gawahsan*, «возрастать, взрослеть» *concrecere, adolescere*, наряду с новыми композитами *anagawahsan* «возрастать, взрослеть» *indolescere* и *zisamana giwahsan* «расти вместе» *concrecere*. Так же и таг. *pajyupun*, диг. *pajyupun* и другие выше приведенные похожие глаголы. Наконец,

³¹ Как *g*, так и *j* в осетинском находятся в оппозиции санскр. *s*, как будет показано далее <Примеч. автора>.

следует вспомнить еще и верхненемецкое *Gelust* (древневерхненем. *kelusta, gilusti*), от простого *Lust*, и известный глагол *gelüsten*, производный от него. Вообще приставка *ge* в верхненемецком, кажется, до сих пор имеет большее распространение, чем в новеверхненемецком письменном языке. В словаре Шмида (*Schmid's Schwäbischem Wörterbuch. S. 223*) я нахожу в этой связи следующее замечание: «Этот передний слог ставится не только перед многими существительными, напр.: *g'Späss, g'Schmuck, g'Spott, g'Saft* и т.д., но иногда и перед глаголами: *er g'hört übel, er g'sieht nicht wohl, es g'schmeckt ihm, ich g'spürs wohl, g'schwaig mirs* "дуть" и т.д. (*g'Nack*, "шея, затылок", *g'Moänät* "месяц", *g'Lenz, Lenz*, швейцарск.)» (ср.: Schmeller. *Die Mundarten Bayerns. 1618. Th. II. S. 485 — G'entz*; и вообще о сегодняшнем употреблении приставки *ge* в том же произведении: S. 403 f., 419 f.). Дигорский диалект относится к тагаурскому, как правило, так же, как древневерхненемецкий к современному письменному языку. Однако, как мы увидели в нескольких глаголах, и у тагаурцев сегодняшняя простая форма не всегда была единственно используемой. Напротив, с течением времени они в силу разрушительных тенденций в диалекте вернулись к простой форме, в то время как дигорцы сохранили сложное слово. Вероятно, и оно в тагаурском диалекте имело ограниченную сферу употребления, о чем сейчас, когда при сравнении обоих диалектов мы привязаны исключительно к их сегодняшнему состоянию, больше нельзя судить. Поэтому в большинстве случаев остается неясным, был ли для тагаурцев привычным композит, как это до сих пор имеет место у дигорцев и часто, при отсутствии простой формы, подобной *ga, ge* и т. д., в германских языках. По крайней мере следов, свидетельствующих об этом, не сохранилось, а их диалект, напротив, демонстрирует простой или сложный корень вместо более употребительного в том же значении дигорского композита.

Для объяснения приведем, наконец, еще несколько примеров, которые еще более примечательны тем, что одновременно могут служить подтверждением нашей гипотезы о происхождении осетинской приставки *i*. Это дигорские наречия: *jealixatt* «всегда» (собст. «всякий раз») от *ali* и *xatt*, *jealieraon* «повсюду» (собст. «повсеместно») от того же *ali* и *raon*, производное от него новое наречие *jealieraonej* «здесь повсеместно, повсюду» и в том же значении *jealierdegej* (собст. «от каждой половины»: *ardæg* — «здесь»). Тагаурцы просто говорят: *алхатт, алорân, алвранеј, и алврдгеј*, также со стяжением в середине (*алв* в первом слове в *ал, раон, к рân, и алвардæггеј* в *алврдгеј*) и, что для нас здесь самое главное, везде без первого слога *je*, который тут как раз встречается в форме, более ранней и полной, по нашему пред-

положению, чем стягиваемая до простого *i*. Не так важно, сохранилась ли она изначально, подкрепленная необычной позицией перед корневым *a*, в неизменном первоначальном виде, или, как это часто бывает в подобных случаях при утере осознания первоначальных форм, образовалась из более поздней, ставшей уже обычной деформированной формы *i-* и затем вернулась в первоначальную форму. Как бы там ни было, очевидно одно, что приставочный слог *je* во всех приведенных наречных формах служит именно для усиления значения, придавая уже самим по себе сложным словам первоначально свойственный им смысл общности и целостности. Аналогичные формы — древневерхненемецкие *gihuuedarahalba* и с новой эмфазой (от *ia* «всегда» *semper*) — *iagiuedarhalb* «с обеих сторон» *utrinque* (от *halba* и *halb* «сторона, область») (ср. *iouuederhalp*, *iouuedarahalpun*, *iouuederhalpin* «то же» *utrobique*, см. Graff. Th. IV. S. 883, 886), так же как, вероятно, встречающееся в старых словарях *hiemer* вместо обычного простого *iemer*, *eomer*, *iomer semper* (см. Ibid. Th. IV. S. 10–13).

Своего рода отклонение от приведенных последних осетинских образований с приставочным слогом *je* образует дигорский глагол *ǰǰун*, однако с той разницей, что при этом не наблюдается заметного изменения значения, ибо оно остается тем же, что и у соответствующего тагаурского *ǰун*, а именно «находить», но также «рожать» (ср. гот. *bairan* и *gabairan*, древневерхненем. *beran* и *gaberan*, *kebern*, означающие одно и то же: «производить, рожать, рожать» *generare*, *gignere*, *parere*). Подобных примеров, как уже отмечалось выше, вообще много в словах, имеющих приставку *i*, и именно поэтому бывает сложно, если не невозможно, решить во всех отдельно взятых случаях, где *i-* — настоящая приставка, а где — простая протеза, не имеющая собственного значения. В общем же первых случаев, как кажется, намного больше. Однако, с другой стороны, и примеров с протезой может быть больше, чем этого требует необходимость, а именно: *i* служит в дигорском диалекте самым естественным и привычным соединительным гласным и в качестве такового часто появляется внутри слова, чтобы устранить и смягчить скопление нескольких согласных. Так, напр., при образовании множественного числа таких существительных, которые оканчиваются на несколько стоящих рядом согласных или даже на два согласных, перед согласным *d*, в начале окончаний множественного числа (см. Осетин. грам. § 28, ср. § 14). Только после *z*, особенно когда впереди стоят плавные согласные, место *i* занимает *y* (*u*). Тагаурцы, как этого следовало ожидать по аналогии с системой гласных в обоих диалектах, используют в этих случаях нечеткий и слабый *v* (см. также выше), который почти по той же

причине вставляется в целях эвфонии между двумя разными словами, как, напр., *æz ustæn ich ward* вместо *æz stæn* (см. там же, § 109, с. 175).

§ 15

Поскольку о долгом *i* как тагаурском соответствии дигорскому *é* и дифтонгу *ie*, так же как санскритскому дифтонгу в гуне (*ê*), иногда однако и гласному (*a*), в § 12 уже шла речь, то мы перейдем теперь к краткому гласному *o*. Он образовался либо из краткого *a*, либо из краткого *u*, причем намного чаще из первого, чем из последнего. О переходе в осетинском языке санскритского *a* в *o* в § 6 уже было приведено достаточно примеров, к которым мы здесь хотим еще добавить несколько слов: композит таг. *nvонд*, диг. *niвонд* «жертва» от санскритского корня *vand* «приветствовать, обожать, славить» *salutare, venerari, celebrare*; диг. *вос* «теленок» (на тагаурском это звучит по-другому, а именно *pód*) вместо санскр. *vatsa* и дигорского *xope* (диг. даже просто *xo!* «сестра» как усеченное и деформированное из санскр. *svasar*, где таким образом целый слог *va* был редуцирован до простого гласного *o* (ср. лат. *soror*, арм. *kojr* и афган. *xúr*, как далее в § 19). В перс. *xaver* *v* еще сохранился, но только визуально, поскольку произносится: *xâher*.

Кое-где *a* еще сохранился в тагаурском, где он в дигорском, напротив, встречается в редуцированном виде как *o*, как таг. *харун*, диг. *хорун* *ich esse* в сравнении с санскр. *hvarâmi* и перс. *xorem*³². Однако не только в отдельных словах, но также и в грамматических флексивных формах в обоих диалектах вместо *a* выступает краткий *o*. Так, например, в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. прош.вр. изъяв. накл., напр.: диг. *авгарстон*, таг. *аргæвстон*³³, благодаря метатезе вместо *авгæрстон* «я от-

³² Со всем этим связано рус. *харчъ* вместе со всеми производными, как *харчевый* *Virtualien betreffend, харчевня* и т.д., однако не с араб. *харз* «запас, затраты, расход» *proventus, expensa, sumtus*, сравниваемым в этой связи Райфом (*Dictionnaire*. Т. II, P. 1017) <Примеч. автора>.

³³ В моей «Грамматике» эти глаголы напечатаны с аспирированным *g*: *авгардун* и *аргæвдун* (ср. в «Словаре». С. 348, 480, в *Abschneiden* и 523 в *Schneiden*), так же как связанное с ним сущ. *хард Messer* (ср. там же, С. 404 и 512), правописание, к которому меня склонил чужой авторитет против моего <?>. С тех пор я, однако, проведя новое исследование предмета, убедился, что *кард*, *авгардун* и *аргæвдун*, если и не единственно употребительные, то во всяком случае правильные формы. Даже в рукописном переводе Евангелия Ялгузидзе встречается простое *хардун*, в сложных же словах, напротив, всегда *г* <Примеч. автора>.

рубая» и диг. *авгарстонце*, таг. *аргæвстој* «они отрубают» в сравнении с санскр. *avâkr̥ntam* «я отбрасывал, отрубал» *abscindebam* и *avâkr̥ntan* «они отрубали» *abscindebant*. Точно так же *авдѣстон* «я показывал» и таг. *авдѣстој*, диг. *авгѣстонце* «они показывали», которые я, поскольку в санскрите отсутствует композит с *ava*, сопоставляю с *apâdīsam* и *apâdīsan* в том же значении и в том же времени. Совершенно аналогичный переход наблюдается в греческом языке в общем для обоих лиц окончании *-ov*, *ἀπέχειρον* и *ἀπεδείκνυον* если вместо простого *ἀποδείκω* расширенная форма употребляется и не в презенсе. Те же личные окончания, что и в прошедшем времени, встречаются и в осетинском будущем определенном, т. е. 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. имеют звук *o* (диг. *авгардон*, таг. *аргæвдон* «я отрублю» и диг. *авгардонце*, таг. *аргæвдој* «они отрубят», диг. *авдѣсон*, таг. *авдѣсон* «я покажу» и диг. *авдѣсонце*, таг. *авдѣсој* «они покажут»), в то время как в остальных личных окончаниях преобладает *a*. Да! В относящемся в тагаурской грамматике ко 2 спряжению осетинском вспомогательном глаголе *фаун* «существовать» санскритскому гласному основы *a* соответствует во всех формах множественного числа *o*, где он не был выражен. Сравни диг. *фауон*, *фауоъ*, *фауонце*, таг. *фаом*, *фауъ*, *фаонц* «мы, вы, они существуют» с санскр. *bhavāmas*, *bhavatha*, *bhavanti*, зендск. *bavāmahī*, *bava'ta*, *bavānti*, перс. *buvīm*, *buvīd*, *buvend*, греч. *φύομες*, *φύετε*, *φύοντι* от ед. ч. *фаун*, санскр. *bhavāmi*, зенд. *bavāmi*, перс. *buvem*, греч. *φύω* (см. выше § 7). В других глаголах того же спряжения *o* встречается лишь в дигорском диалекте в 3 л. мн. ч., напр.: *ставонце*, таг. *стауиц* «они хвалят» или «награждают», санскр. *stuvanti*. В 1 л. общий для обоих диалектов звук *o* (таг. *стаон*, диг. *стáвон* «мы награждаем») скорее следует рассматривать как эвфоническое, поддерживаемое корневым *u* включение, в противоположность санскр. *stumas*, ведь дигорский диалект нередко вставляет и в форму 2 л. после *u* *o*, напр.: *цауоъе*, таг. *цауъ* «вы идете». В силу подобных обстоятельств в дигорском языке *a* в количественном числительном *јуондес* «одинадцать», от *јсу ама дес* «один и десять», превратилось в *o*, в отличие от соответствующего таг. *јуондæс* от *јсу амаæ дес*, так же как и в тагаурском диалекте наряду с *уејѣанон* «продавать» и *уејѣанæг* «продавец» или «продащица» (собств. «продающий» — причастие упомянутого глагола) произносится иногда как *уојѣанон* и *уојѣанæг*.

И во всей осетинской языковой области встречаются случаи перехода *a* в *o*, напр. причастие прошедш. вр. от глагола диг. *ѣанун*, таг. *ѣанон* «делать, действовать» в обоих диалектах звучит как *ѣонд* «сделанный». И наоборот, иногда все же там, где следовало бы ожидать *o*, встречается *a*, как, например, во многих окончаниях множественного

числа (см. Осетин. грам. С. 47), что, впрочем, в большинстве случаев, если не во всех, разумеется, есть не что иное, как просто возвращение к первоначальному гласному *a*.

Так, очевидно, уже в первом из приведенных там примеров *sixor* «обеденное время», форма множественного числа которого *sixarɣæ* не является регулярной, но при всем том все же более правильна, чем форма единственного числа, поскольку основа, как мы видели выше, и в тагаурском диалекте произносится как *xarɣn*, от которого составное существительное образует дериват, аналогичный русскому *объѣд* от *ѣдать* <...>. Так же преобразуются формы множественного числа как более регулярные: диг. *зарандɣæ* и таг., ассимилированное и стянутое *заранднɣæ*, если сравнить деформированные формы единственного числа диг. *заронд*, таг. *заронд* «старый» с соответствующим санскр. *jarant*.

То обстоятельство, что таг. *мој*, диг. *мојне* «муж, жена», по крайней мере в тагаурском диалекте еще произносится во множественном числе, наряду с *мојɣæ*, также и *мојтɣæ*, доказывает тот факт, что *мој* и *мојне* должны были когда-то иметь звучание *мај* и *мајне*. Этим, в свою очередь, очевидно подтверждается их родство с санскр. *manusya* и зенд. *mašja* «человек» *homo*, так же как с лат. *mas*, гот. *man* и *manna*, древневерхненем. *mannisco* и *man*, англосакс. *man* и *mann*, исл. *mennskr* и *mannr*, нововерхненем. *Mensch* и *Mann*, швед. *menniska* и *männ* и связь со слав. *мѣжь*.

Что же касается упомянутого в начале этого параграфа другого генезиса *o*, а именно из *u*, то эти случаи, как там уже было отмечено, довольно редки, являя лишь небольшое число примеров, где санскр. *u* в тагаурском диалекте соответствует *o*, как, в частности, в слове *контта* «винный или водочный стакан», распространенном лишь в тагаурском диалекте, которое я возвожу к санскр. *kumbha* «урна, сосуд для воды» *urna*, *vas aquarium*, *modi frumentarii genus*, и сопоставляю с перс. *xumb* «большая связка» *seria magna*, *xumbe* «большой или долбленный сосуд, куда помещают еду» *vas magnum aut fictile, in quo frumentum recondunt*, «или иное из долбленной древесины» *aut aliud ex ligno excavato*, *kûp* «долбленный сосуд» *vas figlinum aquae servandae idoneum* (ср. также арабск. *kûb scyphus*, т.е. *cantharus* «без рукоятки и горлышка» *ansa et tubulo carens*), греч. *κύβη* и *κύβος* «полюй сосуд, чаша», и отсюда уменьшит. *κύβιον*, по преимуществу «маленькая чаша для питья» (ср. *κύπελλον* «кубок, бокал», без ручки), lat. *cupa* и *cupra*, древневерхненем. *kuba*, *chufa*, *chopha*, *chuph*, *choph*, *coph*, нововерхненем. *Kufe* и *Kübel* (ср. *Humpen*), исл. *kúpa*, *cupa* и *koppr* «округлый сосуд без ручек» *vasculum rotundum sine ansis* (еще до сих пор в

швед. *kopp*, дат. *Kop*), лит. *kúpka* «сосуд» и *Kubillas*, латыш. *Kubuls* *Kübel*.

Напротив, диалектному тагаурскому *и*, изначальному или возникшему из *а*, в дигорском диалекте соответствует *о*, где он, как это частично показывают уже приведенные примеры, широко распространен и соотносится с тагаурским *и*, так же как *е* с *і*. В качестве доказательства преломления *и* в *о* приведем таг. *нау*, диг. *нао* «корабль», санскр. *nâu navis*, перс. *nâve linter*, груз. *navi* «корабль», греч. $\nu\alpha\upsilon\varsigma$, лат. *navis*; таг. *пухс*, диг. *рохс* «свет», санскр. *ruci* «блеск» *splendor* (от *ruc* «светить» *splendere*, зенд. *raoč*), перс. *ruxšid*, курд. *rušsol* то же, далее с *l* вместо *r* — арм. *lojs* «свет» *lumen*, греч. $\lambda\epsilon\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ «белый, светлый» и $\lambda\upsilon\chi\nu\acute{o}\varsigma$ «светильник», лат. *lux*, гот. *liuhpa*, древневерхненем. *liohht*, нововверхненем. *Licht*, исл. *liós*, швед. *ljus*; таг. *хур*, диг. *хор* «солнце», зенд. *húr*, перс. *xor*, греч. $\eta\lambda\iota\omicron\varsigma$, лат. *sol* и т.д. от санскр. *súrja* или от *svar* «небо» *coelum*, поскольку формально соответствующее этому зендское слово *hvarē* также означает «солнце»; таг. *гус*, диг. *ђос* «ухо», зенд. *ǵaōša*, перс. *goš*, курд. *goh*; отсюда таг. *гуссэн*, диг. *ђоссын* «я слышу», перс. *gyšem* (ср. санскр. *ghoṣâmi* «звучу, трещу» *sono*, *strepo* и *ghôṣa* «звук, треск» *sonus*, *strepitus*); таг. *ђуqqa*, диг. *ђоqâ* осетинское и черкесское «платок» из тюрк. *čoqâ*, перс. *čuxâ* «платок» *pappus*; таг. *ђувун*, диг. *ђовун* «я молюсь» (ср. слав. *говѣжъ* *revereor*) от перс. *xivânet*, стяжение *xânet* «говорю, воспеваю» *lego*, *recito*, если не счесть это производными от санскр. *sêvâmi* (вместо *saivâmi*) «преклоняюсь, чту» *colo*, *veneror*, или от корня *hu*, производные которого — *juhômi* (вместо *juhâmi* и с удвоением) «приношу жертву, жертвой чту богов» *sacrifico*, *sacrificando (deos) colo*. В обоих случаях пришлось бы предположить, что осетины произносили собственно только гунальный гласный *а*; кроме того, в последнем случае пришлось бы предположить не встречающуюся более простую форму без удвоения *hômî* (т.е. *hâmi*), а также эвфоническую вставку *u* между двумя следующими друг за другом гласными, подобно тому как в тагаурском произносят *хавун* вместо *хаун* в противоположность диг. *хаун* «падать».

§ 16

Как следует из предыдущего параграфа, в осетинском краткое *о* соотносится с изначальным кратким *а*, также и долгое *о* (*ó*) — с изначальным долгим *а* (*â*) или другими словами: долгое *о* соответствует долговому *а* в других индоевропейских языках. В качестве примера могут служить: таг. *зónун*, диг. *зónун* «я знаю», санскр. *jânâmi*, перс. *dânet*, греч. $\gamma\iota\nu\acute{o}\sigma\kappa\omicron$ ($\gamma\iota\nu\acute{o}\mu\iota$), лат. *cognosco*, *nosco*, слав. *знаж*, гот. *kann*,

древневерхненем. *chan*, новонем. *kann* и *kenne*, англ. *I know*, лит. *žinau*; таг. *амѡнн*, диг. *амѡнун* «я знаю», «показываю», «преподаю», санскр. *âtâpâtî* «я помню» *тетого*, *еписцио* от корня *тпâ*, греч. (*μνᾶω*), *μυο-ήσω* (ср. лат. *топео*), древневерхненем. *тапот* и *тапон* «убеждать» *топео*; таг. *нѡм*, диг. *нѡн* «имя», санскр. *nâtan* (именит. *nâta*), зенд. также *nâta*, перс. *nât*, гот. и древневерхненем. *пато*, англ. *pata* (ср. арм. *апип*, греч. *βουια*, лат. *потен*) и *ѡарон* «конец», перс. *kerân* «берег, край» *ора*, *targo*, слав. *край*. Оба последних слова, вероятно, имели в осетинском когда-то *â* вместо *ô*, так как первое у тагауров и теперь звучит во множественном числе *нâмѡæ* и *нæмѡæ*; второе в обоих диалектах предполагает *a*, ср. диг. *ѡаранѡæ* и таг. *ѡараѡтѡæ* (из-за ассимиляции), так же как диг. *баланѡæ*, таг. *балæѡтѡæ* от диг. *балân*, таг. *балѡн* «голубь» и диг. *халанѡæ*, таг. *халатѡæ* от *халон* «грач», санскр. *kârava*, греч. *κάρωνη*, лат. *cornix* (ср. аналогичные примеры возникновения краткого *o* в предыдущем параграфе). Вероятно, в основе этих примеров лежат санскритские первичные именные суффиксы *-an* и *-ana*, известные и в персидском как *taddhita*. Их гласный, как и в персидском *-ân*, стал долгим, с течением времени в осетинском <*â*> изменилось в *ô*. Возможно, что именной суффикс *dân*, обозначающий в персидском *место* и объем, возник из зендского существительного *danhu* «место», *locus* (ср. Ворт's Vergleich. Gramm. S. 219), а не как производное (согласно предположению Вуллерса — *Institutiones linguae Persicae*. P. 168, — ставшему общепринятым) от санскритского корня *dhâ* «ставить» *ponere*, по аналогии с другим общим с персидским, санскритом и зендским, также обозначающим место (*locus*) суффиксом *stân*, зенд. *tâna*, санскр. *sthâna*, от *sthâ* «стоять» *stare*. Как бы то ни было, но как в *ѡарѡн* <суффикс> *-ѡн* = перс. *-ân*, так и локативный персидский суффикс *dân* совершенно идентичен с осет. таг. *дѡн*, диг. *дѡне*, ср., напр. таг. *судзидѡн*, диг. *соджидѡне*, перс. *süzendân* (ср. Осетин. грам. С. 75. § 57). Но иногда измененное *â* бывает кратким, как, напр., в свойственном тагаурскому диалекту особом местоимении 3 лица именительного падежа множественного числа *удон* «все вместе» или «всего» (см. там же, с. 81, 82. Прилож. IV), чье окончание *он* (в косвенном падеже *ѡн*) находит объяснение в персидском *ân*, однако не в вышеназванном суффиксе *-ân*, а в так же звучащих в персидском языке характерных окончаниях множественного числа для одушевленных предметов, имеющих также и в афганском аналог *Юне*, между которым находится персидский *ân*, а следовательно, и осетинско-тагаурский. Впрочем, я нахожу, что это только в единственном слове, в качестве странного исключения из обычной речи, где только в дигорском *ѡѡæ* сохранилась форма *ѡæ*, и где еще встречающееся *он*

стоит в середине, предполагая не употребляющееся также и в единственном числе и, быть может, никогда и не употреблявшееся *уд* наряду с обычным *уј* «он, она, оно». Аналогом к этому *удон* в отношении долготы является общее для двух осетинских диалектов слово *бон* «день» в сравнении с санскр. *bhānu* или *bhāta* «свет, солнце» *lumen, sol* (перс. *bām* «рассвет заря» *diliculum, aurora*), от корня *bhā* «сиять» *splendere* (ср. *bhās* то же, греч. *φάω* «сиять» (особенно о небесных явлениях) и *φάος, φῶς* «свет» (особенно «дневной свет, день»). В заключение можно отметить, что осетин охотно удлинняет звуки и вообще употребляет много дифтонгов. Таким образом, у него звук *ô* должен был возникнуть так же часто, как санскритское *ô*; такой же звук развился и во французском, — посредством слияния двух гласных, *a* и *u*, в один. Однако и в осетинском, хотя и реже, наблюдаются сходные явления, среди которых нам, например, хотелось бы отметить здесь: 1) упоминавшееся ранее в § 14 наречие в таг. *sôm* диг. *icôn* «утро» от свойственного только дигорскому существительного *сауме*, откуда происходит также и другое, сложное слово для того же понятия — *рајисом*, а из этого вновь посредством слияния — свойственное лишь тагаурцам слово *рајсом* или *рајссом*; 2) в дигорском местоимение второго лица в родительном и винительном падежах единственного числа звучит как *дô* «твоего» и «тебя». Это не что иное, как санскритско-зендское *tava*, из которого в осетинском путем озвончения глухого смычного согласного, отпадения конечного гласного и вокализации непосредственно предшествующего *v* в начале получилось *дау*, но если вместо этого тагаурцы теперь предпочитают говорить *дау* или же просто сокращенно *да*, то у дигорцев посредством простого слияния, как уже говорилось, получилось *дô* = *дау* и *да* = *да*. Также и в локативе они говорят *дôма*³⁴ или *дома* вместо или наряду с *даума* или *доума* (с *o* вместо *a*), в то время как в тагаурском: *даума* и *дам* «к» или «при», «в тебя» или «в тебе». Сюда же относятся и многие, не всегда отмеченные в моей «Осетинской грамматике», с. 129, варианты в тагаурском спряжении вспомогательного глагола *фаун*, в буд. опред. *фон, фoaј, фoa* или *фоâ, фом* вместо *фауон* или *фаон, фауај, фауа, фауом*; в императиве *фоонт* вместо *фауонт* и в герундии *фовгге* наряду с *фаовгге*, так как и в герундии от *цаун* (см. там же, с. 155) *цôгге*, наряду с *цауôгге*, в отличие от таг. *цауод*. Я также считал (с. 156) *цû*, диг. *цо, цуод*, диг. *цуоде* и т.д. в императиве простым стяжением из *цауе, цауод*, поскольку они должны быть противопостав-

³⁴ В «Осетинской грамматике», с. 80 и след., осталась неотмеченной долгота *o* в этих формах <Примеч. автора>.

лены презенсу и происходящим от него временам. Однако первые, действительно существующие в языке формы также могут пониматься как изначальные, поскольку сам корневой звук *и* с *а* преобразуется в дифтонг *аи* (*Gina*, полная ступень). Эта ступень в дигорском диалекте проникла также во множественное число императива, приводя, таким образом, к нерегулярности. Лишь во 2 лице употребляется еще простое *цуюхе* наряду с *цауюхе*³⁵.

§ 17

Относительно *õ* осталось сказать немного. Вначале этот звук при быстром произношении тусклых кратких гласных и особенно слабого *υ* в тагаурском диалекте, казалось, часто улавливался моим слухом (см. Осетинская грамматика, с. 18), однако при дальнейшем более внимательном наблюдении оказалось, что, собственно говоря, в их говоре он вообще не может быть найден. В дигорском он тоже весьма редок; я слышал его чисто и отчетливо только в одном-единственном слове, а именно в постпозитивной частице *бõл* (ср. там же, с. 15), которая в зависимости от контекста имеет различные значения: «на (горизонтالي и вертикали), вдоль, над, через, от, для» и т. д. (по преимуществу о поверхности предмета). Она этимологически отличается от тагаурской энклитики *-л* в том же значении, но может быть сопоставлена с другой в высшей степени редко встречающейся тагаурской частицей *бил* (см. там же, с. 221 и след.). Правда, эта частица в известном мне до сих пор речевом обороте, там, где она встречается, имеет весьма ограниченный смысл: «на (горизонтали и вертикали), вдоль» и отличается от дигорской *бõл*, тагаурской *-л* в значении «через». Однако это противопоставление лишь кажущееся и снимается как из-за почти полного формального тождества частицы *бил* с *бõл*, так и потому, что частица *-л* часто употребляется и в других примерах в значении «на, вдоль»; из этого следует, что *-л* и *бил* в тагаурском говоре по сути синонимы, но первая почти совсем вытеснила последнюю. Откуда же происходят обе эти частицы, *бил* и *бõл*, обе весьма редкие: *бил* из-за ее ограниченного употребления, а *бõл* также из-за ограниченного употребления входящего в нее гласного *õ*? Вероятно, они развились из персидского существительного *bâlâ* «высота, подъем» *altitudo*, *fastigium*, затем превратились в наречие «вверх, сверху» *supra*, *sursum*, *superne*, причем первое *â* сокращается и ослабляется в *υ* и *õ*,

³⁵ Опечатка на с. 155 осталась неисправленной на с. XLVI. Правильно: *фуюхе* <Примеч. автора>.

последнее же в конце слова выпадает. Заменяющая *бл* энклитика -л подтверждается самостоятельным существительным *ол*, диг. *уол* «высшее»! Другие значения этих частиц также могут быть образованы из понятий «на (горизонтальной плоскости)» и «над». Ибо они заключают в себе понятие «на (вертикальной плоскости)», а употребляемые в значении распространения и движения могут означать состояние покоя — «вдоль, над» в смысле «через» (*trans*), поэтому *бӕл* употребляется в значении «через (по поверхности)». Что же касается дальнейших производных значений «от (из-за)» и «для (называние цен)», то можно привести допустимые аналогии, с одной стороны, с греческим *ὑπερ*, лат. *supra* и немецким *über* «над», а с другой — с русскими предлогами *по* и *на*. Например, говорят: *холст продается по рублю аршин* (немецкие *zu* или *für*) и *я купил сукна на сто рублей* (немецкое *für*).

§ 18

Гласный *ω* произносится только кратко и быстро, но отчетливо, как средний между *o* и *u*, и при преломлении этого гласного образует некий переходный звук. Чаще всего он проявляется в тагаурском говоре, особенно в начале перед следующим за ним *a*, и образует затем на месте *u* полугласный *v*. Например, тагаурцы говорят вместо и наряду с *vâd* «ветер» (см. выше, § 4) также *wâd* и вместо *vâdzun* «заставлять, оставлять» также *ωâdzun*, как и всегда в подобных случаях (ср. Осетин. грам., с. 444), аналогично произношению *w* у англичан. Только в сочетаниях с предшествующим гласным звуком сохраняется простое *v*. Например, говорят не *nvωâdzun*, но *nvâdzun*, диг. *nivâdzun* «спускать, опускаться». Так же как находящееся внутри слова *ω* часто выступает вместе с *a*, например в слове *nwar* «вена, артерия» из арабск. *nââr* «сосуд, выпускающий кровь толчками» *sanguinem subsultim emittens vena* (вена или артерия). Так как осетины нередко вставляют *v* между двумя гласными звуками для смягчения зияния (*hiatus*) и поэтому тагаурцы, например, говорят вместо *хаун*, диг. *хаун*, *хавун* «падать», и в подобном же случае *бовар* наряду с *боар* «тело», то упомянутое слово, взятое из арабского, могло звучать в начале с сокращением последнего слога *навар*, причем в дигорском *артерия* еще и теперь называется *навр*, что является не чем иным, как сокращением от *навар*. У тагаурцев *a* перешло в *ω* и вновь выпало, как будто бы *av* сначала превратилось в дифтонг, а затем вопреки их собственным правилам (см. выше § 16) вместо *o* образовалось *ω*. Таким же образом из *û* (см. ниже примеры

из скандинавских языков) могло развиваться ω в общих для обоих осетинских диалектов словах *бѵаѣ* «место, площадь». Это слово можно по аналогии с *bārṇi = b̄harāmi* и *bōn = b̄hanu* (см. выше § 7 и 16) вывести из санскритского корня *b̄hū*³⁶ «становиться, возникать, существовать, быть» *fieri, oriri, existere, esse, vivere, versari* (ср. лит. *būti*, латв. *būt*, и слав. *быти esse* и в производном значении «обитать» *habitare* — готск. *bauan*, древневерхненем. и англ. *buan*, древнефриз. *viwā*, исл. *búa*, датск. *boe*, шведск. *bo*). Два последних примера — с тем же звуком, что и осет. ω . И их производные, с полной степенью вокализма (Guṇa) или без, обозначают сходные или родственные понятия, такие как *bhavana* «дом, постройка» *domus, palatium, bhuvāna* «мир» *mundus, bhū* существительное «земля» *terra* и *bhūmi* «земля, место» *terra, locus*. Схожими в своей основе и изначально происходящими из одних и тех же основных понятий, таких как «существование, пребывание», являются в европейских языках в большинстве случаев более специфичные дериваты: лит. *būtė* «пребывание, место, родина»; *buttas* «дом»; древневерхненем. *boda*, новонем. *Bude*; исландск. *búd*, датск. и шведск. *bod* (т.е. *bōd*) «дом, хижина» *taberna, tugurium*; древневерхненем. *bu* «обитание» *habitatio*; исландск. *bú* «деревня» *rus*; датск. и шведск. *bo* (т.е. *bō*) «обитание» *habitatio*; древневерхненем. и англ. *būr*, исландск. *búr* «склад» *penuarium*, датск. и шведск. *bur* (т.е. *búr*), обычно такие же, как и в немецком «клетка для птиц»; исландск. *ból*, также датск. и швед. «имение, усадьба» *praedium, villa*; исландск. *býr* «город» *urbs*, датск. *Bye*, то же и «городок» *oppidum* или шведск. *by* «селение» *pagus*. Итак, с этим, вероятно, можно сопоставить также осетинское *бѵаѣ*, в общем смысле слова «место, площадь, жилище», и тагаурский си-

³⁶ Вообще *f* также соответствует санскритскому *bh*, как таг. *арфѵр*, диг. *арфук* = *b̄hrū* и *нѵѵе* = *nābhi* (см. выше § 8 и 11), почему мы сопоставили в § 15 глагол от корня *b̄havāmi* с осет. *фѵн*. А как же получается, могут нам возразить, что при дериватах этого корня предполагается другое изменение согласных? И как при таком противоречии снимается то или иное противоречие? Не обязательно. Противоречие в подобных случаях бывает часто лишь кажущимся и не доказывает ничего иного, кроме того, что слова возникли в различные языковые периоды или при утере осознания их изначальной идентичности. Однако нередко в одном и том же языке возникают, казалось бы, различные ответвления в одном и том же времени и пространстве от более далекой основы. Сравни, например, *rubus, rufus* и *rutilus* с *ἐρυθρός, mortifer* и *noctifer* с *saluber, manubrium, candelabrum* и с корнем *сам bhū fui, futurus, fore (fuere) и forem (fuerem)* с *вам* и *во* в окончаниях претерита и футурума (*amabat* и *amabo*). Ср. Bopp's Vergl. Gramm. S. 914 ff <Примеч. автора>.

ноним *бвнаѣ*³⁷ как промежуточное производное слово другого вида, поскольку именно его можно <получить> из *бвн*, диг. *бвнi* «под» (см. Осетинская грамматика. С. 220), которое во вторичном значении полностью совпадает с персидским существительным *bun* и *ben* «корень, исток» *radix, extremum* 1. «основание вещи» *basis rei, fundus* (отсюда *byne* «место, дно, основание» *locus, fundus, fundamentum* и *bynjad* «основание» *fundamentum, basis*; ср. осет. *бвнаѣ* «место» *locus*, ср. Осетинская грамматика. С. 75. § 57; таг. *бвн*, диг. *бун* для обозначения различных видов лесных массивов; в персидском деревья и цветы обозначаются таким же способом посредством присоединения соответствующего *bun* к именам плодов и цветов) и является одновременно причиной возникновения от санскритского корня *bhu* в смысле «становиться, рождаться» *fieri oriri*.] Может быть, с ними связано даже вышеназванное тагаурское *бвдѣр* или *бввар* тело (ср. арм. *por* «живот, тело» *ventre, corps*) или они близки санскр. *bhar* «нести» *ferre* и предположительно являются родственными перс. *bâr* «плод, груз» *foetus, onus* (ср. санскр. *bhara* «ноша» *onus*)? Тем более ясной является идентичность перс. *nûsiden* (презенс от *nûsem*) «пить» *bibere* с таг. *нвâзвн*, диг. *нуâзун нитъ*, где тагаурскому *w* в дигорском противостоит *y*. И наоборот, *бог* по-тагаурски *Хуцау*, а по-дигорски *Хоцау*, по-персидски *Xodâ* или *Xudâ* и *Xodâj*. Хотя осетинские названия бога наряду с южноосетинским *Хвочав* с формальной точки зрения более родственны *хузв*, собственно «великий правитель» *princeps magnus*, «выдающийся муж» *vir eximius*, «отец семейства» *pater familias* и согласно написанию собст. *хвâзæ*, но в сегодняшнем произношении *хвâæ* или *хвâæ* «хозяин» *dominus*, «владыка» *herus*, «выдающийся и с большим влиянием муж» *eximius ac magnae auctoritatis vir*, «учитель», как с *Xodâ* или *Xudâ* и персидское *Xudâj*; однако следует отметить, что не только употребление и произношение буквы *v* в персидском и вообще весьма колеблются (ср. Vullers 1. с. р. 21 sqq), но также и значения переходят друг в друга. Ибо, с одной стороны, *Xodâ* употребляется также и в смысле «хозяин» *dominus*, в то время как, с другой стороны, *бог* называется также *хузв*, однако вследствие упомянутых колебаний также *хузв* или *хузв*.

³⁷ В значении «местность, пространство, место, пристанище» это слово существует также в южноосетинском диалекте, и Ялгузидзе постоянно пишет *так*. Без сомнения, также и в тагаурском это написание, собственно говора, более правильно, чем высказанное мной в «Осетинской грамматике» (см. также с. 371) с *e* (*бенаѣз*), на которое меня соблазнило произношение, которое у тагауров настолько быстрое, что кажется, будто слышишь только *бнаѣ* <Примеч. автора>.

Итак, формально все различие слов состоит, собственно говоря, только в разных окончаниях, а сам корень тот же самый. Как показывает персидский, это возвратное местоимение *xod* или *xud* «сам» *ipse*, с ним и понятие самости или самостоятельности носителя всех основных модификаций в значениях, поэтому также и Менинский в «Лексиконе» (Lexicon. Ed. 11. T. 11. P. 550 sq), удовлетворительно объяснил *Xodâ* и *Xodâj* как «сам приходящий, который приходит и существует из себя и для себя» *ipse veniens, qui ex se et per se venit exstitique*. Также можно было бы предположить, что упомянутое выше возвратное местоимение *xod* или *xud* в осетинском и, в частности, в тагаурском диалекте обнаруживается с другим гласным: *xadæg*, диг. *xodeg* или *xoadeg*, но не находится ничего, что соответствовало бы вошедшему в употребление глаголу *âmeden* «приходить» *venire* вместо *ajiden*, с флексиями *âj* и *â*. Но близкое по смыслу *цаун* «идти» *ire* в осетинском во всяком случае предполагает, что осетины приспособили *Xudâj* или, скорее, *xudiv*, *xuziv*, *xuziv* к своему языку и, таким образом, образовали *Хуцав*, *Хуцау* и *Хъцау*, что, вероятно, можно истолковать аналогично персидскому как «идущее само», «само двигающееся» или «действующее».

Однако мы не придаем особого значения этим истолкованиям. Достаточно того, что осетинские слова *Хуцау* и *Хъцау* должны рассматриваться во всяком случае как совпадающие и идентичные с персидским *Xudâj* и *Xudâ*. Эта идентичность подкрепляется еще и тем, что вышеупомянутым осетинским названиям высших существ соответствуют иные слова, отличающиеся лишь разными гласными, но совпадающие по значению с персидским *xuziv* и *xudiv*, а именно: таг. *хъцау*, диг. *хъцау* «господин, повелитель, хозяин, повелитель» (ср. также таг. *хъцаен*, диг. *хъцаен* — дательный падеж от таг. *хадæг*, диг. *xodeg* «сам» и отсюда таг. *хъцан* диг. *хъцан* — прилагательное и наречие «особенный, особенно, различный»).

Здесь мы должны отметить как весьма примечательное то обстоятельство, что в соседнем грузинском языке также встречаются два слова в несколько видоизмененной форме для обозначения *божества*, которые (если учесть, что персидская буква — *ç k* или — *ˆ* (*x*) зачастую не только соответствует аспирированному *k* (*kh*) в санскрите, но обозначается многими авторами как знак одного и того же персидского звука, подобного нашему *x*, а именно *kh* (*k'*)), также идентичны с перс. *Xudâ* и *xudiv*, *xudiv* или *xuziv* и, кроме того, их окончание *i* (как ослабление *â*) и *iv* особенно близко к персидскому *â* и *iv*. Это *g'oti* и *g'otiv*³⁸, хотя они не употребляются в качестве отдельных слов — для

³⁸ Собственно говоря, оба эти слова, даже употребляемые в отдельности, вероятно,

этого есть *ġmerti*, однако часто они встречаются в производных и сложных словах, например *ġotiani* «богобоязненный, набожный»; *ġvtis-metquhleba* «учение о боге, теология»; *ġvtis-mecniereba* «познание бога»; *ġvtis-mšobeli* «божья мать»; *ġvtiv-gancxadeba* «явление бога»; *ġvtiv-sulieri* «воодушевленный богом» и т.д. Не может ли этот грузинский *ġvti* служить для того, чтобы доказать до сих пор остающееся под сомнением родство перс. *Xodâ* и *Xudâ*, и, следовательно, также осет. *Хуцау* и *Хѳцау* с гот. *gub*, древневерхненем. *Got*, новонем. *Gott*, англ. и нидерландск. *God*, исландск., датск. и шведск. *Gud*?

Однако мы снова должны вернуться к осетинским формам, чтобы разъяснить, где только возможно, по крайней мере связь с перс. *Xodâ* и обосновать их общее происхождение. Как уже было замечено, персидские *xuziv* и *xudiv* отличаются от родственных осетинских слов — таг. *хѳцау*, диг. *хѳцау* — только другими гласными внутри слов, из *Хуцау* и *Хѳцау*, так же как от приведенных здесь соответствующих персидских слов. Однако отмеченное здесь различие нисколько не умаляет, но, напротив, укрепляет эту связь, оно проистекает из других персидских форм возвратных местоимений, именно *xoš* и другого, произносимого как *xšs* или *xš*, но, согласно написанию, вероятно, *xviš*³⁹. Эти местоимения означают «сам» *ipse*, но также «свой» *suus*, и

звучат как *qut* и *qutiv*, но позднее, как и довольно часто, в духе нового грузинского языка и здесь в особенности, при расширении слов в дериватах, чтобы добиться большей краткости и удобства в произношении, и консонантирует, что теперь обозначается знаком ^ над гласным (*u*), для того чтобы выразить, что такое *u* произносится как *v*. Если это *v* еще и теперь, говоря в стиле персидских грамматиков, в большинстве случаев обычно является *Vav Dhammam redolens* и звучит как *слово, речь*, например, скорее как *sitqua*, чем как *sitqva*. Такое консонантирование действительно приобретает все большее распространение, и многие уже начинают писать *sitqua* вместо *sitqva* <Примеч. автора>.

³⁹ Ср. ранее упомянутое североосетинское *Хѳчав* или *хѳав*, как это слово всегда пишет Ялгузидзе. Что же касается различий этого слова с тагаурским *Хуцау*, то ранее, во время моего пребывания на Кавказе, один осетин, родом из той же области (*Зав*), что и Ялгузидзе, объяснил мне, что данное различие касается, собственно говоря, лишь последнего слога, в то время как первый, напротив, произносится северными осетинами, как и тагаурами, как *Ху*. Правильность этого высказывания мне все же представляется сомнительной, так как я никак не могу поверить, что такой знающий человек, как Ялгузидзе, достигающий большой точности и полноты в обозначении звуков и пополнивший грузинский алфавит новыми, изобретенными им буквами (ср. мою «Осетинскую грамматику». С. 11 и след., 19), чтобы приспособить их к осетинскому согласно своему родному говору, напрасно постоянно употреблял две буквы, где он мог бы обойтись одной-единственной. И если бы в южноосетинском он везде произносил слово

в побочном значении функционируют как прилагательные с присущим им окончанием *-s*. Если его отбросить, остаются родственные корни *xo*, *xu* и *xvi*, которым соответствуют именно осетинские таг. *xī*

Хучав, то диалектологическое различие в действительности состояло бы в том, что во втором слоге употреблялось бы вместо *ц* – *ч* и в конце вместо гласного *у* и полугласного *в*, как сообщил ранее упомянутый осетин, в отличие от написания своего земляка Ялгузидзе. Но, может быть, он пришел к тому же мнению, что и я, потому что некоторое время провел среди тагаурцев и привык к их произношению, которое не всегда было отчетливым и зачастую таким быстрым, что иногда слушалось *Хуцау* – сокращенная форма, что дает основание предполагать в южноосетинском диалекте *Хечав*. Для того чтобы обосновать мои сомнения и предположения, я в прошлом году письменно обратился к упомянутому выше в примеч. <10> к § 5 господину Мжедлову в Тифлисе с просьбой осведомиться о действительном произношении названия бога у южных осетин и, если возможно, особенно у жителей 'Зав и сообщить мне. На это я получил ответ, что имя бога у тамошних осетин звучит как *Хечав*, совсем так, как я и предполагал ранее, принимая во внимание обстоятельства. Что же касается написания *Хечав* у Ялгузидзе, то господин Мжедлов заметил, что Ялгузидзе дополнил знак ... (*в*) знаком (*v*), для того, чтобы смягчить жесткое и неприятное столкновение с согласными *x*, *v* и *ч*, так же как это сделал в подобных случаях и католикос Антоний в грузинском (ср. Осетинская грамматика. С. 18). Это мнение господина Мжедлова звучит в высшей степени убедительно, однако его недостаточно, если исходить из того, чтобы исследовать вопрос глубже и в более общем плане. Если не исходить из обычного, быстрого и бессознательного произношения, в основании которого лежит южноосетинское *Хечав*, соответствующее тагаурскому *Хуцау*, и спросить себя, что же, собственно говоря, лежит в основе *Хечав*, как в тагаурском диалекте *Хуцау*, сокращенном в *Хцау*, то будет необходимо вернуться к предполагаемому Ялгузидзе *Хавчав*. И то, что это, по-видимому, и является истинной и изначальной формой, целиком справедливо, если привлечь для сравнения также стоящий посередине между южноосетинским и тагаурским дигорский диалект. А именно в нем слово бог, как мы уже видели, произносится как *Хицау*, но во многих других аналогичных случаях дигорцы, которые в их устной речи вообще не имеют *v*, а вместо этого имеют изначальное *i*, именно там, где у Ялгузидзе *вv* противоположно тагаурскому *у*, согласно моим собственным наблюдениям совершенно отчетливое *vi*, например, у Ялгузидзе, <...> *вини*, диг. *vinun*, таг. *вини* видеть; у Ялгузидзе, <...> *авични*, диг. *avindzin*, таг. *авиндзи* повесить и причастие этого глагола у Ялгузидзе, <...> *авгд*, диг. *avext*, таг. *ав* *гд* поведенный.

Во всех этих случаях у Ялгузидзе *вv* должно быть признано и относительно подвергаемого сомнению слова *Хавчав* истинной особенностью южноосетинского диалекта. Собственно говоря, возможно, что также и в южноосетинском *вv* уже в смысле *у* растворяется, как, например, в соседнем грузинском выступает подобный колеблющийся гласный, который то в слоге *vi*, то посредством свойственной ему выразитель-

и диг. *xé*, тогда как *xo* — таг. *xu* и диг. *xo*. Мы выяснили ранее в § 12, что только таг. *xî* и диг. *xé* суть, собственно, основные составные части многих местоименных форм со значением «сам» и «собственный» (*suus* как производное); они этимологически соответствуют санскритскому *sva suus*, зенд. *hva*, в сложных словах также *ka* (согласно Раску, *xa*). Итак, им также должны соответствовать перс. *xo*, *xu*, *xu*, осет. *xu*, *xo*, *xæ* (в таг. *xædæx*) и *xo* как в большинстве своем ослабленные и приглушенные стяжения. Только в производном слове *xwaaz* персидский сохранил, по меньшей мере, для слова «глаз» полную праформу, также как и осетинский для слова «глаз» в дигорском *xoadæg* вместо *xodeg*, в случае если последнее лишь позднее развилось из первого. Подобным *xwaaz*, хотя и с ослабленной гласной, кроме того является *xwîs*; напротив произношения *xwîs* или *xîs*, чье полное совпадение с санскр. (номинатив) *svas*, греч. *σφός*, лат. *suus*, древневерхненем. *suas*, англ. *sves*, готск. и фризск. *sves* «собственный» и слав. *свой* (с частичной вокализацией *s* в конце), нам становится тем более ясным. Этой, надеюсь, не неприемлемой констатацией соответствия осетинского названия высших существ и других родственных слов с эквивалентными персидскими и сравнением их с санскритом я должен в настоящее время удовлетвориться и отказываюсь при этом от попытки подробного анализа остальных составных частей тех первых главных слов. Мнение Боппа, опиравшегося на Бурнофа (см. *Vergl. Gramm.* S. 35), о том, что перс. *Xodâ* есть не что иное, как редукция зенд. *kadâ-ta* или *xadâta*, санскр. *svadata* и, следовательно, означает «сам собой данный» или «сотворенный», по существу то же, как и более ранняя этимология Менинского, от которой отличается лишь тем, что слово с предполагаемым корневым элементом делится по-другому (*Xu-dâ*), что позволяет иначе понимать эту данность, но также необходимо для объяснения выпадения целого из-за предполагаемой редукции. Менинский, исходя исключительно из персидских данных и разделив *Xud-â* и *Xud-âj*, смог тем самым найти простое объяснение обеих форм. Но какой бы из двух методов мы не применяли к осетинским словам, мы все равно придем к однозначному выводу: для подтвер-

ной изначальной буквы, *vie* или *fie*, иногда обозначается через гласную *i*. Таким образом, пишут и говорят по-разному, например, как <...>, так и *gulni* «бледность, желтуха»; или *xvîmîra* или *xvîmîra* или *ximîra* «деревянный ящик, через который зерно попадает в мельницу» *qvimeli* и *qimeli* «печь». Напротив, в начале слова изначальная буква, произносимая как *vi* только в некоторых иностранных, в большинстве случаев в греческих словах, употребляется со словами, начинающимися на *ð* (см. 'Cubinof's Wörterbuch. S. 499) <Примеч. автора>.

ждения рассмотренной гипотезы об аккомодации в глаголе *цаун* следует привлечь прилагательное, образованное от возвратного местоимения — таг. *хицан*, диг. *хецан* «обособленный», «различный» (ср. Осетинская грамматика. С. 464), а также приписать тагаурскому *Хуцау*, дигорскому *Хицау* значение совершенно абсолютного, существующего в самом себе и для себя. Во всяком случае идея *самостоятельности* лежит в основе этих осетинских слов. Прежде чем закончить этот параграф, мы хотели бы заметить, что звук *ω* в тагаурском диалекте представлен обычно как *y*, а иногда как *v*, как, например, в слове *архωј* наряду с *архј* «медь», и противостоит в дигорском *архјј*, согласно обычным соответствиям диалектов. Впрочем, гласный *ω*, в общем, наблюдается у дигорцев реже, чем у тагауров.

§ 19

Гласный *y* (*u*) в обоих диалектах может быть как долгим, так и кратким, но в дигорском встречается реже, поскольку тагаурскому *y* обычно противостоит диалектное *o* как преломление, что мы уже видели в § 15, причем преломленному *y* в санскрите также соответствует *u*. Но еще чаще осетинское *u*, частью в обоих диалектах, происходит из санскритского *a*, как мы уже ранее подробно изложили в § 7, подтвердив это многочисленными примерами. Столь же частым и естественным является *u*, или диалектное *o*, происходящее из близко родственного полугласного *v*, и наоборот, *u* при приращении слова переходит во флексиях и дериватах в *v*, например: из таг. *хицау*, диг. *хецау* «господин, хозяин» — генитив таг. *хицавј* диг. *хецавиј* «господина, хозяйина», одновременно и прилагательное «принадлежащий господину или хозяину»; из таг. *qau*, диг. *hau* «деревня»; прилагательные таг. *gavon* и диг. *hавон* «свойственный деревне, сельский»; таг. *давон*, диг. *давон* «твой» от родительного падежа таг. *дау* диг. *дау* и дигорское прилагательное *hавъге* «недостаточный, неполный, несовершенный», причастие от безличного глагола *hauj* «следует, нужно» или «необходимо», «отсутствует, не хватает». Как пример вокализации здесь можно привести таг. *dua*, диг. *dya* «два», санскр. *dva*, зенд. так же, слав. *два*, готск. *twai*, греч. *δίω*, лат. *duo*; общее для двух диалектов — *dyap* «двери», санскр. *dvâr*, слав. *дверь*, русск. *дверь*, греч. *θύρα*, готск. *daur*, древневерхненем. *turi*, англ. *dur* и т.д. Также сокращенное и ослабленное из санскр.-зенд. *tava* «тебя» *tui* таг. *дау* вместо *дау*, откуда в дигорском по примеру санскритского <произошло> стяжение в *дб* (ср. в § 6 диг. *ноу* в *ноудес* в противоположность санскр.-зенд. *navan* и *неуаг* в противоположность санскр. *nava*). Таким же образом

таг. *uejkaenŋ*, диг. *ojeqanun* «продавать» образовано по типу тюрк. *bej itmek* (из араб. *beje* «купля, продажа» *emtio, venditio*); здесь начальное *v* превращается в *v* и, в свою очередь, в *и* (ср. Осетинская грамматика. С. 423, где речь идет об *ojeqanun*), но в сложных словах *avejkaenŋ* и *fovejkaenŋ*, согласно вышеотмеченным соответствиям, изначальное *v* восстанавливается. Обоим осетинским диалектам также соответствует прилагательное *cau* *черный*, груз. *šavi* и арм. *seav*, перс. *sihâh*, пехл. *šaba*, санскр. *šjâta*, в противоположность чему <санскр.> *savja* и перс. *šar* или *šab siniste* кажутся абстрактной модификацией; во всяком случае перс. *kaliv* или *galiv* «глупый» *stultus, stolidus* иначе соотносится с осетинск. таг. *galiv*, диг. *galiev* «левый». Можно сравнить с лат. *laevus*, которое объединяет в себе оба значения, но в смысле этимологии с осетинским <соотносится> гэльск. *clí* и *cearr*, ирл. *chli*, мордовск. *kerc*, лит. *hairė*, эст. *kurra*, лаплл. *korro*, олонекц. *hura*, причем именно последнее слово в финском означает «разрушенное, погибшее состояние вещи» *status rei confusus 1. deperditus; hurja* «безумствующий, погибший» *furens, perfatus* и *hullu* «ненасытный, глупый» *insanus, stultus* значат, как и эст. *kurri* одновременно: «злой, безобразный, плохой, порочный». С персидскими абстрактными словами можно далее сравнить исл. *galinn*, шведск. *galen* (также: *falsus*), датск. *gal*; с конкретным «левый» — тюрк. *sol*, тат. *Sol*, черем. *šola*, чуваш. *solaga*; коми-перм. *šuljga*, коми-зырян. *šujga*. От одного и того же корня может происходить также слав. *zъlъ*, русск. *zоль*, если только оно употребляется в производном значении, так же как и соответствующее финско-эстонское слово *raha* «дурной, злой», в то время как остякское *ria* сохранило исходное физическое значение: *левый*, от которого также в эстонских диалектах еще употребляется сравнительная степень от *raha*: *rahemb*. Далее, сюда относится также числительное таг. *ju*, диг. *jeu* *один*, в южноосетинском у Ялгузидзе звучит как *iv*; затем тагаурское *ju* передает вокализацию *v* и одновременно гласный *i* превращается в *j*, в то время как в дигорском, в соответствии с правилами этого диалекта, гласный *i* заменяется на *e*, а затем, как это почти всегда происходит также и в славянском, йотируется, и из слова *iv* образуется *jeu*. Однако при деривации вместо конечного гласного *и* появляется изначальное *v*, как, например, в *jeveu nōn* (таг. *juj nōm*) «имя собственное» *nomen proprium*, собственно говоря, «этого (или некоего) имени». Также в афганском числительное «один» в мужском роде, согласно Эвальду (см. Zeitschrift für die Kunde des morgenlandes. Bd. 11. Heft 2. S. 300), звучит совсем как в тагаурском: *ju*; согласно же Дорну (см. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, Sixième Série, Sciences politiques, histo-

rie, philologie. T. V. P. 108), напротив, как *jæu*, но возможно также *jeu*, что полностью совпадает именно с дигорским. Посередине стоит зенд. *aēva* с добавочным *a* в начале слова (ср. Vopp's Vergl. Gramm. S. 27. § 28), переходное к санскр. *ēka* (от *aika*) с *k* вместо *v*, тогда как в персидском то же числительное звучит *jek*, курдск. *jah* (ср. лит. *nikas* «никакой» *nullus*, «ни один» и ирл. *each* «апу, кто-то, один»). Диг. *jeu*, таг. *ju* соотносится с перс. *jek* и санскр. *ēka*, и таким же образом диг. *чеу* таг. *циу* «воробей» с перс. *čeku* и *čyguik* (ср. латыш. *čiggusis*), общее для обоих диалектов *урдон* или сокращенное *ордон* «тачка, повозка» или вообще любое средство передвижения — с перс. *gerdūne* «телега, повозка» *currus*, *plausrtum*. Тем более что в языке соседних с тагаурами ингушей «повозка» именуется *urdo*, а в цыганском звучит то с *n*, то без него: *wurdān' wordin*, *wardo*, *verda* со многими модификациями (см. Pott's Zigeuner. Th. 11. S. 80). Без сомнения, приведенное здесь персидское слово *gerdūne* является модификацией и дериватом *gerdūn* «то, что постоянно движется, небесный круг, колесо, повозка» *quiduid continuo se movet aut movetur, orbis coeli, rota, plausstllum*, которое обычно производят от *gerdiden* «оборачиваться, поворачиваться, проходить» *inverti, converti, circumire, ambulari*. Вуллерс (Institt. linque pers. P. 175) принимает это и находит здесь окончание *-ūn* (вариант *vān*), сравнивает его с санскритским суффиксом прилагательных *-vat-*, в сильном падеже *vant*, чем, собственно говоря, оправдывает сопоставление (р. 30) подразумеваемого глагола *geriden* с санскр. *vart* «поворачиваться» *verti, versari*! Разумеется, персидское *g* соответствует *v* как в санскрите, так и в других языках (например, в приводимом у Вуллерса *gyrk* «волк» *lupus*, санскр. *vṛka*, зенд. *vāhrka* или *vārka* и т.д., см. выше § 5 и *garmā* или *germā* «грею» *calo*, санскр. *gharma*, зенд. *garəma*, в германских и скандинавских языках *warm*, см. § 4). Сравни уже упоминавшийся глагол *gerdiden* в значении «возвращаться, делаться» *reddi, fieri*, с немецким *warden* «становиться». Но если в приведенном случае имеется другое обстоятельство, то нельзя ли разложить слово *gerdūne* на *ger-dūne* вместо *gerd-ūne* и основной элемент *ger* свести к более простому *gerden*, что также означает «поворачиваться, ходить вокруг, бродить» *verti, inverti* и *circumire, vagari*? В таком случае *dūne* было бы вариантом суффикса *dūn*, близким по форме к осетинскому аналогу — диг. *дōне*, таг. *дōн* (ср. Осетинская грамматика. С. 75. § 57 и выше § 16) с модифицированным значением «инструмент, приспособление» (именно слова «сосуд» и «посуда», «аппаратура», «инструмент» означают греч. *σκεῦος* и лат. *vas*), в этом смысле совершенно идентичные часто употребляемому в разговорном шведском *don* (произносится как *dōn*), например: *fiskedon*

«рыболовные снасти», *svarfoedon* или *svarfdon* «токарный инструмент»; *resedon* или «дорожные принадлежности» (ср. Ihre's Glossar. Sviogoth. T. 1. P. 334 sg. sub Don), т.е. «вообще все, что необходимо в поездке», включая и само средство передвижения, которое аналогично вышеупомянутым примерам, звучит как *âkdon* или *kördon*, что и весьма точно соответствует немецкому *Fuhrwerk* «повозка, экипаж», осет. *уордон*. Оба значения — как орудийное, так и местное — объединяются в осетинском композите или, правильнее, в бикомпозите таг. *уордондôн* или *ордондôн*, диг. *уордондôне* или *ордондôне* «каретный сарай, место хранения повозок», какого бы вида они ни были, а все различие обоих понятий состоит лишь в разном ударении гласного *o*, который при повторении слога и возникающего вследствие этого удлинения слова может стать кратким. Если, согласно всему приведенному выше, это же относится к первой части персидского слова *gerdûne*, т.е. *ger*, а также глагола *geriden*, то их можно весьма убедительно вывести из санскр. *car ire, incedere, ambulare, permearre*, поскольку этот глагол действительно употребляется в санскрите в значении «ехать». Это следует также из приведенного Боппом примера из Махабхараты во втором издании его словаря (р. 120): *yânaiś cañcûryantê* «они движутся на повозках» *vehiculus invehuntur*, по-французски дословно: *ils vont en voiture*⁴⁰; также из деривата *cañkura* «повозка» *curtus*. Из того же *car* объясняются перс. *geriden* и *gerdûne*, лат. *gyrus* «круг, колесо», *currere* «бежать», *currus, carrus, carrum* «телега, повозка» наряду с целой группой названий повозок в романских языках (итал. *carro*, франц. *charette* и т. д.), также древневерхненем. *Karra, karre, garre*, новонем. *Karre*, нидерл. *Kar*, англ. *car, cart* и *to carry*, исландск. *Kerra*, датск. *Karre*, шведск. *kârta*, наряду с глаголами *keira, kjøre, köra*, латв. *kerras*, лит. *kelauti, proficitî*, вероятно также греч. *πορεύειν*, готск., древневерхненем. и англ. *faran*, исландск. и шведск. *fara*, датск. и англ. *fare*, новонем. *fahren*, нидерландск. *faren*. Как было уже сказано, осетинское *у* предполагает здесь при *jeu, ju* и *чей, çiu* звук *v*, происходящий из *k*, который находят также и в арм. *varêl* «мочь, заставлять идти, оставаться, вести» *pousser, faire aller, mener, conduire, chasser* (ср. *varil se conduire, se porter, aller, agir*), если оно, как представляется, относится к тому же корню; это вероятно, так как оно употребляется в сходном значении (напр.: *varêl znav naviguer*,

⁴⁰ Осетин также не употребляет глагол для обозначения понятия «ехать», но выражается следующим образом: таг. *уордонга цауца*, диг. *ордонг бъл цауце* буквально: «они идут на тележке» или каком-нибудь ином средстве передвижения. Также и в таг. *бахил цауца* диг. *бахг бъл цауце* «они идут на лошади», т.е. «они скачут» <Примеч. автора>.

собственно «оставаться, двигаться в повозке» *mener, conduire un vaisseau* и особенно *varêl zʒanaparh* «передвигаться, идти» *cheminer, marcher, aller*, так сказать «совершать путь» *faire la route*). Петерманн (Gramm. Linguae Armen. P. 18) сопоставляет его с другим родственным по смыслу санскритским корнем *vah* «двигать(ся)» *veho* и *vehor*, к которому по форме можно было бы свести армянское *varêl*, если бы не наводила на размышления третья корневая буква. Можно предположить, что слову *vah* в значении «продвигаться» *procedere, se movere* или с *vij* «двигаться, дрожать» *se movere, trepidare* соответствует персидский композит (с префиксом = санскр. *â*) *âviziden* и *âvizten* «висеть» *pendere* и «примыкать» *appendere, suspendere*, осет. *avindʒun*, таг. *ayndʒun*, также гот. *vigan* «двигаться» *moveri*, древневерхненем. *uuegan movere* (ср. новонем. *be-wegen, двигать*) и «взвешивать» *ponderare*, англосакс. *vegan* «нести, двигать и взвешивать» *ferre, vehere et ponderare, truiinare, vega* «двигаться» *trutinare*, исландск. *vega trutinare*, шведск. *väga*, англ. *weigh*, новонем. *wägen* и *wiegen*, русск. *вѣсѣть* и польск. *ważyc* (ср. слав. *vaga* и отсюда метафорический дериват *важѣнь*); итальянск. *pesare*, франц. *peser*, испанск. и португ. *pesar*, англ. *poise* представляют собой лишь другой, но не отдельный класс <корней> с *p* вместо *v* и, как в славянских языках, имеют шипящие вместо гуттуральных (ср. также араб. *vezn* «взвешивать» *ponderare* и как существительное «вес» *pondus*).

Со всеми вышеприведенными словами, обозначающими «взвешивать» и «весить», явное родство обнаруживает также и свойственное обоим осетинским диалектам прилагательное *уоззай* (или просто *озай*) «тяжелый», которое я принципиально считаю причастием с основным значением «весьящий» (ср. франц. *pesant* и итальянск. *pesante*). Конечная согласная осетинского причастного суффикса *g* смягчается в *v*, которая вокализуется, так же как и первая, изначально корневая буква в начале слова. Гласный *o*, следующий непосредственно после возникшего таким образом *y*, является или перерождением, или, скорее всего, сокращением и, вероятно, искажением *озай* — изначальной формы, которая могла бы расширяться в *уоззай* и где могло стоять *o* вместо *y* вследствие еще не рассмотренного нередкого явления в осетинском и особенно в тагаурском диалекте. Гласный, непосредственно следующий за изначальным *и*, полностью выпадает и, будучи представлен в слоге, начинающемся с *v*, изменяется в простой *и*, так же как это происходит и в других языках, напр. в санскрите *jūnā* (= *juunā*) и *śunā* в инструментале вместо *juvanā* и *śvanā* (из *juvan* «молодой», *śvan* «собака»); *ukta* «сказано» вместо *vakta*; в зенд. *ʾtrišum* (аккузатив) от *ʾtrivsa* «треть», *āturunē* (датель)

вместо *atarunē* «священник» и *ašāum* «праведный» от *ašavan*; готск. *pius sluga* вместо *piwas* (генит. *piwis*) и *sunjus* «сыновья» вместо *sunwoas*; датск. *Uge* в отличие от исландск. *vika*, шведск. *veckra*, англ. *vica*, *vecca*, *vica*, древневерхненем. *uuecha*, новонем. *Woche* «неделя»; исландск. и шведск. *ull*; датск. *Uld* в отличие от готск. *vulla*, англ. *vulle*, древневерхненем. *wolla*, новонем. *Wolle*, лат. *villus*, фин. *villa*, эст. *wil*, все ассимилированные формы в противоположность лит. *vilna* и слав. *вълна*, русск. *волна*, которые служат подтверждением тому, что соответствующее санскр. *ūrṇā* по существу можно вывести из сходного *varṇā* и от корня *var* «прикрывать» *tegere*.

В осетинском мы уже видели в примечании 4 к предыдущему § 18 в качестве примера тагаурское *ayndžun*, диг. *avindžun*, южноосет. *авинчун* и родственного ему перс. *âviziden* и *âvixten*⁴¹, так же как и другой, сходный с таг. *ywn* вместо южноосетинского *вонн* и диг. *vinun* «я вижу» *video* из перс. *binem*, в котором *b* перешел в *v* и последующий звук сократился, однако в южноосетинском одновременно изменялся в *v*. В таг. *yjdar* или *yjdæg* «корень» звук *i* перешел в полугласный *j*; наряду с этим употребляется также изначальная форма *vidar* (диг. *vidäre*). Собственно говоря, это слово может быть формой причастия настоящего времени и быть родственным санскр. *vija* «семья, исток» *semen*, *origo*, перс. *bix* «корень» *radix*, курд. то же (ср. араб. *vidäs* «первые всходы растений» *prima plantarum germina*, *vedes* «первый плод земли» *primum terrae germen* и *bedi* «первоначало» *primum, principium*). С тем же переходом *i* в *j* появляется таг. *yjdar*, в отличие от диг. *viedyk* «ложка» — слово, о происхождении которого в настоящее время я ничего не могу сказать. Напротив, я полагаю, что буду прав, сопоставляя тагаурское *ywn* «верить»⁴² с санскр. *vr̥ṇōmi* или *vr̥ṇāmi* «выбираю, предпочитаю, укрываю» *eligo, praefero, abscondo* (итак, *ywn* <означает> или «из разных мнений выбираю истинное и его предпочитаю» *ex variis opinionibus certam aliquam eligo eamque praefero*, или «укрываю, поддерживаю истинное мнение» *certam opi-*

⁴¹ По аналогии именно с этой формой звучит так же и в осетинском причастие прошедшего времени: таг. *ayhd*, южноосет. *авъhd*, диг. *авехт* «подвешенный» *suspensus* (с превращением затем, вследствие эвфонии, последнего согласного в *x*, ср. Осетинская грамматика. С. 39 и след.), отсюда имперфект индикатива таг. *аухтон*, диг. *авіхтон* «я подвешивал» *suspendebam*, имперфект конъюнктива таг. *аухтайн*, диг. *авіхтайне* *suapenderem*, перф. инд. таг. *ayhd fædæn* диг. *авехт fædæn* «я подвесил» *suspendi* и т. д. <Примеч. автора>.

⁴² В презенсе оно обычно употребляется безлично и вместо *ywn* сейчас говорится *ywni mæn* «мне верится» <Примеч. автора>.

nionem abscondo, foveo), а из того же корня далее образовались перс. *âver* «точность» *certitudo* (как дериват санскр. *âvṛṇé* «выбираю, пони-маю, обнимаю» *eligo, comprehendo, amplector*, соответствующего неиз-вестному или утерянному композиту), арм. *garzél* «верить» *credere* и *harazad* «истинный» *verus*, сюда же и само латинское слово *verus*, древневерхнем. *uuar*, новонем. *war*, нидерл. *waar*, лит. *vierà* «вера» и *vieriju* «я верю», сравни слав. *въра* и *въруж*, хотя это слово еще звучит в южноосетинском именно как *вурин*⁴³. Также в таг. *орax* или *орax* стоит *o* вместо *u*, в дигорском же — напротив, также в последнем сло-ге под влиянием *r* и из-за аттракции появляется *u* вместо *a* или *æ*: *урух* «просторный», явно идентичный с перс. *ferâx* «широкий» *amphus, latus*. Переходная форма представлена в южноосетинском *варax*⁴⁴; в этом диалекте вообще очень часто присутствует у Ялгу-зидзе *v* с каким-нибудь следующим за ним гласным там, где в тагаур-ском и дигорском простое *u*, *o*, *ω* или же дифтонг *uo*, напр.: *vad* или *ваd* «тогда» — таг. *од*, диг. *юдт*; *ваң* «член» — таг. *оң*, диг. *юң*; *валдај* «слишком» — диг. *ад-юлдај*; *ваңђ*⁴⁵ «они бы были» — таг. *оңђ*, диг.

⁴³ Как переводит, например, Ялгузидзе Мк 9, 23 и след. (написание согласно нашей транскрипции):

*Исо завад уман, вад да зра у вуринан; . аббедур бафвараинаг у вур-
наган, ама ваддиган фадар зода уч, овдалонг фад амгеји завад чади
сугај: вуръ ма: ама баган м: нагуринан.*

В тагаурском все это будет звучать так:

*Исо зава уман, вад да зра џ урунган, амбедур бафварь-
наг џ урунаган. ама нуррака фадародта уч оваллонг фад амге и
вадта чадсџ сугај: урај маи, ард баган ма нагуринан.*

т. е. дословно: «Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возмож-но верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верю, Господи! помоги моему неверию» <Примеч. автора>.

⁴⁴ Ср. также санскр. *ути* «большой» *maghus* (греч. *εὐρύς* широкий), чья сравнительная степень *variyas* и превосходная *varishtha* доказывают, что собственно пассив изначально имел форму *vari*, из чего посредством сокращения получилось *ути* <Примеч. автора>.

⁴⁵ Именно приведенные здесь формы, а также относящееся сюда южноосетинское *Хачав* (в предыдущем § 18 примеч. <39>) служат тому, чтобы подтвердить и поддер-жать правильность написания, на котором настаивает Ялгузидзе. В этих формах *v* менее всего может быть случайной графемой, но непременно должно рассматриваться как действительное диалектное своеобразие, независимо от того, является ли оно изначальным или, наоборот, по меньшей мере частично возникшим позднее явлени-ем, как, например, это случилось с *ваң* в отличие от таг. *оң*, если оба сравнить с санскр. *айга*. В добавление к тому я хотел бы заметить, что также и г. Мжедлов со своей сто-роны, подтвердил мой запрос о наличии *v* в южноосетинском диалекте: если этот звук одновременно так же часто сопровождается другими гласными, то, напр., *вурин*, *ворax*, *вод*, *ваң* и *ваңд* он приводит как пример правильного произношения. Если

онѣ; *вил* «на» — таг. *ул*, *ил*; *вѣ* «он, она, оно» — таг. *уѣ*; диг. *оѣ*; *вѣдѣ* «был, была, было», таг. *уѣдѣ*; *вѣдѣствѣ* «они были», таг. *уѣдѣствѣ*; *вѣдѣджкоѣ* «они были бы», таг. *уѣдѣджкоѣ*; *кѣвѣд* как *когда* таг. и диг. *хѣд*; *хѣвѣд* «помолвленный»; таг. и диг. *хѣвѣд* и *хѣвѣдѣгѣ* «напрасно», таг. *хѣвѣдѣгѣ*, диг. *хѣвѣдѣгѣ*.

§ 20

Самым неустойчивым из всех гласных вообще является краткий *υ* (ср. Осетинская грамматика. С. 17 и след.), который существует только в тагаурском диалекте и проявляется там, как правило, как ослабление дигорских *і* и *и*, независимо от того, являются ли они изначальноными или возникли из каких-либо других гласных. От этого двойного соотношения произошли многие примеры, приведенные в § 5 и 7, а также и некоторые другие, к которым мы хотим добавить следующие, чтобы подтвердить вышеназванное общее определение дополнительными данными. К этому мы добавим: таг. *мѣзд*, диг. *мѣзд* «плата», перс. *myzd*, греч. *μισθός*, гот. *mizdo*, слав. *мѣзда* то же и «награда» *merces*, но также и *мѣсть*, русск. *мѣсть vindicta*; таг. *мѣст*, диг. (с неорганическим *і* вместо *и*) *місте* «мышь», санскр. *mūṣa* и *mūṣika* (от *mūṣ* «красть» *furari*), перс. и курдск. *mūṣ*, арм. *mukn* (в обиходном языке просто *muk*), греч. *μῦς*, лат. *mus*, древневерхненем. и англ. *mūs*, новонем. *Maus*, англ. *mouse*, нидерл. *muis*, датск. и шведск. *mus (mūs)*, слав. *мышь*; таг. *тѣрѣѣ*, диг. *чѣрѣѣ* «свет» (NB. искусственный от сальной или восковой свечи), перс. *čerâg*, курдск. *čiraj*, араб. *sirâz*, турецко-татарск. *čerâq* «фонарь, светильник» *lucerna, lampas, lychmus*, арм. *žrak*, венг. *gyertya*; таг. *цѣт*, диг. *чѣтѣ* честь, слав. *чѣсть*, *чѣсть* и *честь* (ср. араб. *zedd* «быть счастливым и богатым» *felicem et fortunatum esse*, «быть великим по достоинству или богатствам» *magnum esse dignitate seu divitiis* и существительное: «удача, счастье, величие славы или достоинства» *fortuna, felicitas, magnitudo gloriae et dignitatis*⁴⁶); таг. *фѣт*,

Ялгузидзе и не ошибся — по крайней мере относительно гласных звуков, то из-за слишком большого разнообразия выдвигаемых им предположений их трудно принять, ибо в южноосетинском произношении также могут встречаться различные нюансы и отклонения, или же они появились недавно, уже после Ялгузидзе. На последнее может указывать приведенное замечание Мжедлова: наряду с *вод* и *вонѣ* может слышаться также *од* и *уонѣ*, откуда они, вероятно, и произошли. На самом деле, *υ*, согласно высказанному предположению (в моем приведенном выше примеч. <39> к § 18), в тагаурском превращается в *и* (и *о*) <Примеч. автора>.

⁴⁶ Также и в зенд. находят *šya* в форме, которая, как и следовало ожидать, точно

диг. *fiçe* «стол» — родственное с латинским средневековым словом *banca*, итал. *banco*, франц. *banс* и *banque*, древневерхненем. *banca*, новонем. и нидерл. *Bank*, англосакс. *benc*, *bænсе*, англ. *bank* и *bench*, исландск. *becker*, датск. *Bæänk*, швед. *bänk* в своем раннем значении, относящемся к отдельным ремеслам и занятиям, как, например, в немецком: «токарный станок, столярный верстак, колода мясника»; таг. *фвд*, диг. *фуд* и *фудт* (различать с таг. *фвд*, диг. *фиде* «отец», см. выше § 13) «плохой, злой» и производное от этого существительное «вина, причина» *causa* (ср. композит таг. *фудебон*, диг. *фудебон* собств. «злой день», т. е. «несчастье, невзгода»), соответствует санскр. *pid* «давить, теревить, огорчать» *premere*, *vexare*, *contristare* и *pidā* «мучение» *tormentum*, *cruciatus*, афг. *bati* «плохой», пехлеви *beš*, перс. *bed* «злой» *malus* и «зло» *malum*, араб. *bejd* «погибать, погибший, скверный» *interire*, *interitus*, *pravus* и *bejz* «несправедливость» *injuria*, арм. *vad* «плохой, скверный» *malus*, *pravus*, на Кавказе Акуш. *vase*, Куг. *pis*, древневерхненем. *bōsi*, новонем. *böse*, нидер. *boos*, англ. *bad*, лит. *bėdā*, латышск. *behda*, слав. *бѣда*, но также *бѣсъ* «черт», собств. «злой», эст. и фин. *paaha*, лапландск. так же и *baha* (ср. также еще лат. *pejor*, *pessimus*, лит. *piktas* и латышск. *pikts* злой, также и греческие отвлеченные *πáoχειν* (*παθεῖν*) и лат. *pati*); таг. *тух*, диг. *тухе сила*, санскр. *téjas* «сила, крепость» *vis*, *robur* (от *tij* «укреплять, переносить, терпеть» *acuere*, *perferre*, *tolerare*), перс. *tuš* (ср. араб. *tāqæt* и англ. *dugud*, древневерхненем. *tugad*, *tugged*, *tucht*, новонем. *Tugend*, исландск. и

соответствует *чѣте* в дигорском. См. место из *Vendidad-Sade* в книге Бошна Vergl. Gramm. S. 127. Но будет ли данный там перевод — *poena* — правильным или это просто предположение согласно Anquetil's «punition» (наказание)? Если все же допустить, что слово происходит из санскритского корня *cit*, от его значений: «обнаруживать, размышлять» *animadvertere*, *cogitare* (ср. *ci* «собирать, разыскивать» *colligere*, *quaerere* и *ciñt* «размышлять», «обдумывать» *cogitare*, *considerare*), то понятие чести лежит не так уж далеко и с этим может быть связано слав. *чѣтж* «читаю» *lego*, собств. «обнаруживая собираю» *animadvertens colligo* (ср. приведенное лат. *lego* и соответствующее немецкое *lese*), но также «подробно учитываю» *translate numero*; как дальнейшая абстракция означает «почитаю» *honoro*, отсюда вышеупомянутое существительное *чѣсть*, так же как и немецкое *Achtung* (уважение) и *achten* (уважать). Или же к обсуждаемому слову в Zendском следует отнести то, о чем пишет Авл Геллий (Noct. Att. L.XII. C. IX) относительно *vocabula ancipitia* «двусмысленные слова», в частности лат. *honor*: «*honorem quoque mediam vocem fuisse, et ita appellatum, ut etiam malus honor diceretur, et significaret injuriam, id profecto rarissimum est*» («Честь есть среднее слово, называется так потому, что говорят: *дурная честь*, и это означает *несправедливость*, что встречается очень редко»)? <Примеч. автора>.

шведск. *dygd*, датск. *Dyd*, когда эти сходные по смыслу европейские слова употребляются в абстрактном смысле «доблесть» *virtus*, последнее также происходит от *vir* «муж», а греч. ἀρετή «доблесть» — от ἄριστος⁴⁷; таг. *тәрүн* или *тәрүн*, диг. *тарун* «юноша», санскр. *tarūna*, зенд. *turuna* или *tauruna* (ср. древневерхненем. *thiorna, diorna, dierna, dirna* «девушка, служанка» *virgo, puella, famula*, новонем. *Dirne*, в нижнесаксонском еще и теперь «девушка» *virgo* и «служанка» *famula*, исландск. *þerna* «служанка» *famula*, шведск. *tärna* и датск. *Terne*, так же); таг. *студ*, диг. *студ* «похвала, слава», санскр. *stuti* «хвала» *laudatio, laus*, перс. *sitāič* и таг. *стур*, диг. *стур*, санскр. *sthūla* «большой, плотный» *magnus, crassus*, перс. *ister* «плотный» *crassus* (ср. *sityrg* или *sytyrk magnus* «большой»), курдск. *stura*, англ., исл., шведск. и датск. *stor (stör)* «большой», лапландск. *stuor*, фин. *suuri*, татар. *zür*. Краткие гласные соотносятся друг с другом, так же как и относительно редкие долгие, или, другими словами, тагаурский *ǔ* соответствует в дигорском как *i*, так и *ı̄*. Сравни, например, таг. *рѣзун* «дрожать» и *рѣр* пыль с диг. *рѣзун*⁴⁸ и *рѣге*. Если *рѣзун*, как представляется, происходит из санскр. *rīṣ* «дрожать» *tremere*, то *i* в соответствующем дигорском *рѣзун* также бросается в глаза, как выше в *місте*. Между тем, однако, *i* встречается во многих словах других языков, которые, как я предполагаю, имеют корни, общие с осетинскими глаголами, когда те выступают в иных, вторичных значениях. Такими родственными словами с различными внутренними и внешними модификациями и расширениями могут считаться перс. *herās* «ужас» *terror* и *herāsīden* «ужасать» *terrefacere, timere*; араб. *rææs* или *rææš* «дрожать» *tremere, trepidare*; греч. *ρῥεῖν* и *φρίσσειν, φρίττειν*; алб. «ужас» *timor*, лат. *rigere* и *friere*; франц. *roidir, frisson, frissonner* и *froid, froidir*; бретонск. *reūdi, roidir* и *révi* «мерзнуть» *être froid*; гот. *faurhtjan* «бояться» *timere*; древневерхненем. *ridon* «дрожать», *tremere, rido* «дрожь» *tremor* и *rito* «лихорадка» *febris, ridan* «лихорадить» *febricitare* (ср. араб. *rudā* «болезнь» *morbus, rizz* то же и осе-

⁴⁷ Первичное значение в германских и скандинавских языках относится к абстрактным и психическим свойствам, проявляется в глаголах древневерхненем. *tugan* «здороваться, быть крепким» *valere, pollere* (ср. древнесакс. *dogian* «терпеть, выдерживать» *pati, sustinere*), новонем. *taugen*, англ. *dugan*, нидерландск. *daugen*, исландск. и шведск. *duga*, датск. *due*, так же как и в дериватах древневерхненем. *dohta, dohti* «доблесть, щедрость» *virtus, bonitas*, новонем. *tüchtig*, нидерландск. *duchtig*, англ. *doughtly*, шведск. *dugtig*, датск. *dygtig* <Примеч. автора>.

⁴⁸ В словаре к моей книге «Осетинская грамматика», с. 430, при печати была допущена ошибка на с. XLVIII: *Рѣзун Т* вместо *Рѣзун D*, оставшаяся неисправленной <Примеч. автора>.

тинские глаголы таг. *picson*, диг. *pieccun* «болеть, быть больным»), *redjan* «трясти» (ср. венг. *rázni* «качать»), *gruison* «страшить» *horrere*, *friusan* «мерзнуть» *frigere* и *furhten* «бояться» *timere*; новонем. *grausen*, *frieren* и *fürchten*; англосакс. *hridjan* «лихорадить» *febricitare* (ср. *rideroþ* «лихорадка» *febris*), *frysan* «мерзнуть» *frigere* и *forhtjan* «страшиться» *timere*; англ. *freeze* «мерзнуть» и *fear* «бояться»; нидерландск. *vreezen* «страшиться» и «бояться», *vriezen* «мерзнуть»; исландск. *rida* «дрожать» *tremere*, *hrsda* «страшить» *terrere*, *hrædaz* «страшиться» *timere*, *frera* и *fríosa* «мерзнуть» *frigere*, *hrista* «сотрясать» *quassarè*, датск. *ryste* то же, *fryse* «мерзнуть» *frigere* и *frygte* «бояться» *timere*; шведск. *rysa* (произносится *rýsa*) «страшить» *horrere*, *rysta* и *rista* «сотрясать» *quassare*, *frysa* «мерзнуть» *frigere*, *frukta* «бояться» *timere*, слав. *gрозити*, русск. *грозить* *minari*, собств. «пугать» *terrere* (отсюда *грозный* *terribilis*); чешское *hrůza* «угроза, страх» *horror*, *terror*. Что касается таг. *pъz*, диг. *pъze*, то слово «пыль» звучит в санскрите *rajas*, в перс. *rīg*. Соответственно в европейских языках это слово имеет и другое, однако родственное значение, а именно «дым», в древневерхненем. обозначено словом *rauh*, *ruchi*; древнесакс. *roc*; англосакс. *rēc*, *roec*; англ. *reek*; нидерландск. *rook*; исландск. *reykr*, *raukr*; шведск. *rök*; датск. *Røg*; лит. *rukis*. Однако оно означает также и «пыль», особенно на улицах при сильном ветре, исландск. *ryk*, отсюда глаголы в шведск. *ryka* и датск. *ryge* (с долгим *y*) «дымиться» (исландск. *riúka*) в отличие от *rōka* и *røge rauchen* и *räuchern* (исландск. *reykia*).

В заключение напомним, что краткое *v* тагаурами часто вводится в качестве соединительного звука для устранения фонетических неудобств; дигорцы же, напротив, в таких случаях употребляют краткое *i* (см. выше § 14), так как этот гласный используется для той же цели и в некоторых других языках, например: зенд. *ušimahi* в отличие от санскр. *ušmas*, ведическое *ušmasi* «мы требуем» и *dadimahi* наряду с *dadēmahī* в отличие от санскр. *dadmas* *dadmasi* «мы даем», также и в латинском *ferimus* в отличие от *fertis*, *fers*, *fert* и *vocibus* в отличие от санскр. *vāghhjas*, зенд. *vājebjō*.

Sjögren A.J. Ossetische Studien mit besonderer Rücksicht auf die indo-europäischen Sprachen. Erste Lieferung. Die Selbstlauter. Gelesen den 4 Juni 1847 // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. 6 Série. T. VII. St.-Petersbourg, 1848. S. 571–652.

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ
А.М. ШЁГРЕНА

<Отзыв, представленный в Академию наук
8 октября 1841 г., о переводе «Псалтыря»
на осетино-тагаурское наречие, сделанном
смотрителем Владикавказского духовного училища
Г. Мжедловым>¹

По поручению Конференции я с надлежащим вниманием рассмотрел составленный смотрителем Владикавказского духовного училища, г. Мжедловым, перевод Псалтыря на осетинско-тагаурский язык и вследствие этого честь имею донести следующее.

Г. Мжедлов уже прежде представил своему начальству не только «Осетинскую грамматику», но и два обширные перевода «Катехизиса» и «Священной истории»², которые я в прошедшую зиму также рассмотрел и по встречавшимся в них немалочисленным несовершенствам и ошибкам советовал автору их переработать. Нового пересмотра и многих поправок требует и подлежащий перевод «Псалтыря» уже и потому, что он в грамматическом отношении и правописании сочинителя никакой перемены не представляет, почему и все сделанные мною прежде против оных замечания равномерно могут вообще относиться и к сему новейшему труду автора.

Тем не менее я не нахожу нужным распространиться подробнее об упомянутых предметах и замечая только то, что г. Мжедлов и здесь нередко смешивает грамматические формы и употребляет оные в превратном виде. Так., напр., уже I,3, если допустить «дон карон» (буквально: **конец воды**) для **потоков воды**, то надлежало по крайней мере оставить это слово не в именительном падеже, как здесь (он **конец воды**, как посаженное дерево! — II,9 на конце глагол употреблен в 1-м лице вместо 3-го! III,5 переведен «гласом моим **взываю к тебе**, и Он **внемлет**» (!) и пр., а V,6 «но и по великой милости Его **вхожу в дом мой**»! Тут же в стихе 5 существительное вместо прилагательного (**злый**), а во II на конце глагол в **настоящем** времени вместо **прошед-**

Handwritten text in a cursive script, likely Russian or a related language, covering the entire page. The text is dense and appears to be a review or report, as indicated by the caption. There are some faint markings and a small number '5' in the top right corner of the page.

Первая страница рукописи А.М. Шегрена <Отзыв, представленный в Академию наук 8 октября 1841 г., о переводе «Псалтыря» на осетино-тагаурское наречие, сделанном смотрителем Владикавказского духовного училища Г. Мжедловым>

шего, а в 13-м «ты, как щит» вместо «как щитом», в отношении не к Богу самому, а к благоволению Его. VII,10 «сердце» и «утробу» в единственном числе; IX,15 «вратах» вместо «во вратах»! Тут же в ст. 18 вместо «забывающие» здесь: «некоторые забыли». В ст. 36 автор и на конце употребляет глаголы во 2-м лице, из чего следовало бы по смыслу, будто бы Бог ищет, но не находит нечестия! Ст. XXXVII,7 «и он помог ему» вместо «помог мне».

XXXIV,13 «молитва моя обращалась к груди моей». — LIX,10, на конце: «в городах» вместо «в городе». Хотя автор сам в следующем ст. II говорит только о городе, перевод правильный: «по стенам его». LIX,7 «любящие тебя» вместо «возлюбленные твои». — LXV,16. Неправильно употребляется местоимение 3-го лица **сенат** в связи с предшествующими к тому принадлежащими глаголами во 2-м, надобно было писать «всенат». — LXVII,33 и CXXXIV «цари» вместо «царства». LXVIII,32 при сравнении надлежало бы писать: «ахстөндър» вместо «асозгон». LXXIV,4 вместо «утверждаю столпы ея» здесь читаем «утверждаю ноги мои»! — LXXVII,5, здесь: «Свидетельства он дал **Иакову**» вместо «Св. поставил он в **Иакове**». LXXVIII,6 «на царство, которое не призывает»! LXXXII,9 — по переводу автора «И Ассур пришел к нам, и стали помогать сынам Лотовым»! — В следующих стихах, 10 и 12, равно как LXXXVIII,11, через ошибочное употребление частицы **аб** (ау, как), которая в осетинском языке может иметь место только тогда, когда сравнение стоит в именительном падеже, смысл в означенных трех стихах совсем изменяется, а именно в первом (10-м) так: «сделай им то же, что **Маднам**, что **Сисару**» и пр. — XXXXV,5 автор вместо прилагательного «благ» употребляет существительное хорззвнад, равно как и «**многославие**» переводится *увре хорч зонад*. Подобное смешение встречается и в XCIX,5, CII,8, CV,1 и еще во многих других местах. — LXXXVII,5 «и сравниюсь» вместо «я сравнился». Тут же в ст. 33 «их непокорных» вместо «их непокорство». XC,3 «избавить меня» вместо «избавить тебя»! — XCIV,10 «негодую» вместо «негодовать»! — Напротив того, XCVII,2 «изливался» вместо «изливается». CI,1 — «унывать» вместо «унывает». — C,1 «в доме твоём» вместо «в доме моем». — CIII,1 читаем «благословил» вм. «благослови!» — CX3 «велико и красиво» вместо «слава и красота» — CXIII,19 «уповают» вместо «уповайте!» — CXVII,24 «к рогу» вместо «к рогам». — CXX,4 по переводу автора: «не заставит он ногу мою колебаться», а CXXV,2 «мы говорили с народами» и «над нами»! CXXXVI,8 «сафоняг» значит не «губительницу», а тот, которого следует погубить!» — CXXXVIII,10 «урдать» значит «туда», а не «там»! — В следующем ст.

II читаем: «но и ночь, как день, вокруг тебя»! — CXLVII,1 — «Бога твоего» вместо «Бога нашего»! — CXLIX,10 «в устах моих» вместо «в устах их»!

Впрочем, эти и другие подобные ошибки произошли не столько от незнания языка, сколько от небрежения и от той торопливости и поверхностности, с коими Г.М.<жедлов> работает, о чем нельзя не сожалеть, тем более что подлежащий перевод при всех его несовершенствах свидетельствует о значительных успехах автора в практическом изучении осетинского языка. С сердечным удовольствием признаем, что в этом переводе вообще весьма много переведено довольно удачно и даже превосходно, если принять в рассуждение все естественные затруднения; но при всем том необходимо сказать, что встречается много недостатков, ошибок и даже смешных промахов. Имея главную целью общий смысл, переводчик менее заботился о самом **образе мыслей** и, следовательно, столь же мало — о точном и верном переводе каждого слова в отдельности. Многие слова, особливо такие, которые представляли ему затруднения — истинные или мнимые, он произвольно заменял другими, по его мнению — близкими или по крайней мере объяснительными. При том он, поставив окончить одну работу, чтобы скорее перейти к другой, не имеет досуга довольно обдумать, что он читает, и потому иное понимает и переводит в превратном смысле. Да случается даже то, что его беглый взор иногда многое и пропускает, так что местами не только слова, но и целые фразы и даже целые стихи остаются без всякого перевода. Чтобы доказать все сказанное, из всяческих погрешностей приведу следующую выписку: 1, 3 и XXXVI,1 употребляется «хуздæрей — хуздар — кани» (улучшает или улучшается) вместо «успеть»; II,2 переведено: «собираются вместе о Господе и о Помазаннике его или «для Господа» и пр. вместо: «против Господа» и пр.; 111,7 «не боюсь тех народов, которые **вокруг** меня». Как слабо и ничтожно против подлинника: «не боюсь тех народов, которые **отвсюду** ополчились **против** меня!» — Хор, конечно, есть **собрание** в своем роде, но как не всякое собрание хор, то и употребляемое в оглавлении Псалма IV и многих других: «Амбхвц» (по-настоящему: «Господину собрания») просто не годится. Надобно же более подумать и об оглавлении V-го Псалма. — VI,2 слово «наказывай» переведено «быхохар», что в XXXVII,2 употреблено вместо «обличай»; но как здесь упомянутое осетинское слово получает другое значение, так в том же стихе встречаем другое осетинское слово для перевода русского «наказывай», а именно «амон». В самом же деле ни то не соответствует оному, как и другое значение («обличай») первому слову не принадлежит. В оглавлении

VII псалма последние слова у автора суть: «относительно Хуса, сына Емана»... В ст. 5 употребляется **хастас**, что значит **ближний** и **родственник**, а в другом — в ст. 13, равно как и в LIX,6, встречается «**фат**» в значении «**лука**»; но «**фат**» значит «**стрела**», лук называется «**прдуп**», как и сам автор употребляет сии слова правильно в X,2. — К следующему ст. 14 замечаю, что слово «**гарста**» по-настоящему значит «**питье**» — в конце стиха 14 говорится о могиле! — По примеру славянского текста слово Иегова в VIII,2 и во всех других стихах автором переводится «**господь**», равно как и «**даг**» в LXVII,5, 17 и 21 в стихе I той же главы VIII можно бы во втором отделении выразиться короче и проще. — IX,4 «**Барзонд**» значит только «**высокий**», что мало против слова «**Всевышний**». В стихах 5 и 8 «**арган**» употребляется вместо «**престола**», а в X,4 также для «**чертога**». Обыкновенно это слово значит «**храм**» или «**церковь**». Стих 25 начинается у автора: «**Нечестивый в своей злобе рассердил Бога!**» — В стихе 41 слово «**вапцаи**» слишком слабо против «**прилегает**». В ст. 30 «**нечестие**» переводится словом «**асаэдзвкад**» — «**сильнее**», как и в CVI,42, а в CIX,29 то же слово употребляется для «**бесславия**» и «**стыда**», в CXXII,3 и в след. опять два «**презрения**»! В ст. 37 читаем «**звхеи**» вместо «**заки**»! — XII,3, LXXII и LXXXIII «**страждет**» (доин у) вместо «**томится**», а в XII,6, равно как и в XXVI,7 — «**небесный**» вместо «**Всевышнего**». В XIII,1 переводятся слова «**развратны они**» через «**сафт емв удон**», но это значит «**потеряны они**» или «**пропали они**»! XIV,4 требует совершенной переделки — XV,9 — «**ноет сердце**» вместо «**веселится**»! Псалмы XV и XVI называются в «**Оглавлении**» только «**Псалмами**» вместо «**Писания**» и «**Молитвы**». — XVI,9 «**да бастол**» значит «**на месте твоём**» вместо «**на стезях твоих**»! В следующем ст. 6 совсем опущены слова «**ибо Ты услышишь меня, Боже!**». «**Будто зеница ока**» называется «**цасто фанвкунд**», как переведено в ст. 8? Сколько мне известно, сии слова значат «**мгновение**». «**Баиафон**» (в ст. 13) значит не «**предупредить**», а «**достичь**». В следующем ст. 14 опять слова «**вот удел есть здание жизни**» совсем пропущены! XVII,6 читаем о «**смертельных болезнях**» вместо «**стей смерти**», а XXVIII,2 вместо «**в священном благолепии**» — «**в св. его дворе**». В ст. 5, как LXXIX,II, XCI,13 и CIII,16, вместо «**кедров**» говорится просто о «**деревьях**». Все кедры, конечно, деревья, но не все деревья кедры. Надобно было оставить кедры кедрами и разве прибавить в особенном примечании, что это особенный род деревьев. Для предметов, коих нет, необходимо перенимать из других языков чужие названия — это лучше, нежели прибегать к таким средствам, как здесь употреблено. Но то ли дело и с **ивами**, которых автор в

СXXXVI,2 также переводит просто «деревьями», как будто осетины и ив не знают или не имеют для них особенного названия! Эти и другие подобные автор, живя сам между осетинами, кажется, легко мог бы узнать и равным образом, что «тулз» значит «дуб», а не «ель», как он полагал, когда переводил СIII,17. В следующем ст. 18 славянский текст говорит о еленях, русский перевод — о сернах, наш же автор — о воронах!! В том же стихе зайцы заимствованы из славянского текста вместо кроликов русского перевода. По поводу славянского же текста в LXXVII,49 переведено: «послал на них мух» вместо русского перевода «наслал на них насекомых». Тут же вместо «жаб» у автора «лягушки». В XXXIV,14 начальные слова стиха «я обращаюсь как друг, как брат» пропущены в переводе! — «Зонен» («зонви») значит «знаю», но не «сознаю», как следовало бы в XXXVII,19; «дех-монканон» — не «сокрушаюсь», а «раскаиваюсь». — XXXVIII,5 слишком вольно: «Скажи мне, Господи! Когда меня не будет» или «Каков конец будет моим дням?» — Почему в ст. 7 «человек вертится» вместо простого «человек ходит»? Ст. 14 переведен буквально: «отдыхай и не взирай на меня гневно, пока я иду и пока не будет меня!» — XXXIX,3 — «извлек меня из глубокой бедности» и пр.! В конце ст. 5-го «много их числом» вместо «превышают числом», и 11-го «шхзвнад ирта коуть» — «мощь» вместо «верность»! — В XLIII,3 опять совсем пропущена другая половина стиха «искоренил племена, а их распространил»! В ст. 8: «посрамил их» вместо «посрамил ненавидящих нас», а в конце 11-го вместо «разграбляют нас» здесь «взяли наше платье» и в 2-ом «повержено в могилу» вместо «повержено на землю»! В XLIV,9 пропущено имя собственное «Минейской», напротив того, автор в ст. 13 другое имя собственное даже переводит по-своему («дочь мира»)!

Из приложения «святое жилище Всевышнего» в ст. XLV,8 сделан особенный, отдельный период: «и святое Его жилище высоко»! В XLVIII,8 как «притча», так и «загадка» переданы одним и тем же словом «амбусонд», которое на другом месте (CI,9) употребляется еще и в смысле «примера». — XLVIII,17 начинается: «Человек! Не бойся, когда кто богатеет!» и пр. Разве это лучше, нежели в подлиннике: «Не бойся, когда богатеет человек» и пр. — XLIX,2 «На горе красоты» вместо «верх красоты»! — В ст. 4 «говорит» вместо «призывает». В ст. 19 «вспоминает» слишком слабо против «призови». В LI,2 опущен первый глагол «сотвори», и все отнесено к второму «обнови». В ст. 14 на конце: «и святой дух обнови меня!» — Слово «аджеун» значит «сладок, вкусный» и потому, кажется, не может быть употреблено в смысле «благ», как в LI,11, или «милосерд», как в

LXVIII, «Анā банцаіга» значит «без отдыха», «беспрестанно», а не «бестрепетно», как полагает автор при LIII,9. — В LIV,16 слова «да снидут правые в преисподнюю» совсем не переведены! В ст. 20 вместо «в них нет перемены» по смыслу: «они справедливо не делают». В следующем стихе 21 вместо «налагающим руки свои на» просто: «схватывают их». Так же LV,6: «Всякий день они слова мои не любят, и помышления их на зло мне!» «Магур йвнад» в ст. 9 значит не «скитания», а «бедность». Можно в следующем ст. 21 вместо «налагают руки свои на...» просто сказать «схватывают инех». Так же LV,6: «Всякий день они слова мои не любят и помышления их на зло мне!» — «Магурйвнад» в ст. 9-м значит не «скитания», а «бедность». По надписи главы LVI Давид убежал «на гору!» — LVIII,8 вместо «думают, кто сии...» здесь: «думают, что никто их не видит!» В ст. II «мамма арцау» не «предходит мне», а «приходит ко мне!» В ст. 13 «за гордость свою» и «за ругание» вместо «за клятву», а в след. 14 «рука Господа помогает Иакову». — LIX,2 «с сирийцами и с месопотамцами» и потом «на долине Солиша» вм. «на долине соляной». — Разве нет другого слова для «трещины» (ст. 4), нежели «цафт» (раны), которые Давид будто просит исцелить? О скипетре осетины, конечно, едва ли имеют понятие, а потому и извинительно, что автор в ст. 9, равно как и CVII, писал «Эуда мой царь», но зачем в ст. 10 «до его дома простру мое хождение» вместо «мой сапог»? Как будто осетины не имеют сапог! Или разве слово «сапог», по мнению автора, неблагородно? В ст. 13 «жизнь человека ничто есть» вместо «защита человеческая суетна»!

LXII,9 речение «Даума удо» слишком слабо против «К Тебе прилепилась душа моя!» В главе LXIII стих 7 сжат у автора в словах: «Да! дело обдуманно» — вот и весь стих обдуман и переведен!! В следующем ст. 8 «Бог погубит» вместо «поразит», а вместо «уязвлены» даже «убиенны». Как и в ст. 9 «убивают друг друга». Еще менее прилично то же слово употребляется в CXVIII,78, где автор заставляет Давида писать: «Безвинно убили меня!» — LXIV,12; «ахаст» значит не «переселенный», а «пленный». В ст. 4 «беззаконные слова насильство делают!» — Тут же: «Ты приготовил горы» вместо «поставил горы». К ст. 8 замечаем, что «иманд» не есть шум, ниже «звуд» — волна. В ст. 10 «нападаем» вместо «орощаемо». Стих 12 переведен: «Ты благословляешь тобою оснащенный год», а затем почему-то «пол твой» вместо «следы твои»? — LXX,3 и 5, как и во многих других местах «двиаг» «дивен» вместо «страшен». В ст. CV,22 то же слово употребляется в том же смысле опять! — LXV,6 — «поставить сушу в море» вместо «превратить море в сушу!» В LXVII,17 слова «кāmān —

царвнѣн» значат совсем другое, нежели «на которой Бог благоволил обитать». В след. ст. 18 «Святой Синай на горе» вместо «Синай во святилище»! Можно ли писать, как в ст. 22 и LXXIII,13, «Бог убьет головы (или "голову") врагов своих» вместо «сокрушает»? К сему же прибавлены в LXVII,26 слова «анѣ цид»? Слово «Минаварт» в ст. 32 кажется неудачно выбрано. В ст. 34 «Который во всякое время (или "всегда") сидит в небесах» — как слабо против «вездесущему на небесах небес вековых»!! Разве нет другого слова для «отверстия», нежели «сар» («голова») в LXVIII,16? В ст. 22 «к питью поят» вместо «во жажде поят» и в 30: «да помогает мне помощь» вместо «да оградит меня помощь»! LXX,16 «войду ко храму Господа Бога» вместо «войду в сито Господа Иеговы»! — В LXXI,9 славянский текст пишет: «Ефиопляне», русский перевод — «дикие», а наш автор — «индейцы»! В стихах 10 и 15 удержаны «Царие Аравстие» славянского текста вместо точнейшего выражения русского перевода «Цари Шавы». В ст. 16 вместо живописного «цветы будут» здесь «много будут», равно как и в след. 19 «и слышно будет его имя» вместо «расти будет». Кроме того, слова «пред солнцем» отнесены к начальному предложению стиха. Весь последний стих 20 («Кончились — Исеева») в переводе автора пропущен! «Анѣ монд» в LXXII,12 значит «несчастный», а не «нечестивый»! LXXV,9 читаем «больше гор высоких» вместо «величественных гор хищнических». А в ст. 7 «от разгневания» вместо «от прощения»! В 11-м автор, кажется, хотел следовать лучше славянскому тексту и выразился так темно, что я его не понимаю. Весьма неудачно же переведен и LXXVI,3, а в следующем ст. 4 автор, видно, принял слово «ноет» за ошибку, ибо перевел «поет дух мой»!! В начале ст. 5 он также не вразумел подлинника и сверх того перевел «я испугался» вместо «я поражен». — В LXXVII,16 не постигаю, к чему может служить слово «донао» перед «казаки пахалта дон»? Так ведь выходит: «Как вода из утеса изливал воду». Это что значит? В ст. 23 недостает слова, соответствующего слову «облакам» в подлиннике, равно как и в ст. 33 пропущены слова «в суете». В следующем ст. 34 вместо «Прибегали к нему» переведено «искали его», хотя то же слово встречается в том же стихе! — В ст. 49 недостает усилительного эпитета «палящий» к гневу, а в 69 — «небесные селения» вместо «горные селения», как и в СIII,3! — В LXXVII,71 пропущено слово «народ», а следовательно, «пасти своего Иакова»! LXXIX,15 слова «обратился», «приникни» и пр. до конца сокращены в: «обратися к нам и при на виноградник сей!» — LXXX,2 читаем «Пойте помогающему нам Богу», «Торжествуйте — нас». Столь же вольно переведен и следующий стих, а в 7-м — «его спину» вместо

«ранена его»; в ст. LXXXI,2 слова «авхарви-йврдмй канв» значат «поносить», а не «оказывать лицепрятие»; LXXXII,6 пропущены слова «в союзе последний»; 19 стих переведен: «и да знают, что Твое имя есть Бог, и что ты один высок из всей земли», — LXXXIII,4 «весе- ляется о Боге» вместо «рвутся к Богу живому», и LXXXIV,9 толь- ко: «которые молятся» вместо «обращающихся сердцем к Нему!» — В LXXXV,2 «заставь мою душу радоваться страхом имени Твое- го» вместо «прилети сердце мое к страху имени Твоего!» — Стврд в ст. 13 значит «величие» и «слава», а не «милость». — В LXXXVI,9: «между знающими меня будут знать меня» вместо «между знаю- щими меня счислять будут!» — LXXXVII,8: «всем наказанием тво- им ходишь ко мне» вместо «всеми воинами Твоими поражаешь ме- ня». — В ст. 16 «умираю» вместо «издыхаю» и «задерживаю» или «останавливаю» вместо «несу», а в 19-м «искренний» переводится слово <м> «воняг», хотя это же слово употребляется в его настоя- щем смысле: «знакомый!» — Равным образом автор в LXXXVIII пе- реводит «основана» словом «фодяр», хоть и сам тут же правильно употребляет составленный с одного глагол в смысле «утвердил!» — В ст. 24 «убью» вместо «поражу», а в 33-м — «железом» вместо «жез- лом», а в 98 — «можно не сотворив» вместо «на какую суету сотво- рив!» Тут же Адам, не знаю почему, называется «Атан», равно как и в CXLV,3, и уже прежде в переводе «Священной истории». Разве осетины так произносят имя Адам? — LXXXIX,10 вместо «самый цвет их» читаем «уми фуддлардяр», что значит «паче того», чем и прекрасное выразительное сравнение совершенно теряется. «Арвцайима» в XC,4 вовсе не соответствует слову «укроешься», а в ст. 10 автор понял слово «удар» о молнии. — В ст. 12 только «бе- рут» вместо «понесут». — XCIII, 4 переведен: «они со смехом кри- чат, говорят зло, хвалят себя беззаконные!» — В ст. 8 слова «Когда вы будете умны?» совсем пропущены! — В ст. 14 «в страну мерт- вых» вместо «в страну молчания». — Нет ли другого слова для «об- винения», как «звип-канв» («искривить») в ст. 21. — XCIV,2 «аргомгангее» не соответствует словам «со славословием». — Не ду- маю, чтобы кто-то из осетин сказал бы, как в XCV,1 «пойте, взя земля!» — В следующем ст. 2 слова «благовестуйте со дня на день!» надобно перевести как-нибудь иначе. — Стиха 4 вовсе нет! — К XCVI,2 замечаем, что «фодярвнад» значит не «основание», а «ут- верждение!» — В XCIX,3 только «мы овцы его», а в CI,3 — «воззри» вместо «поспеш»; и в ст. 18 «на молитвы племен» вместо «на мо- литвы беспомощных!» — «фандв» в CII,3 значит не «жалеет», а «хочется!»

По стихам 27 и 26 главы СIII «панкканви» значило бы «пресмыкаться» и «плавать»! Почему тут же «велиафан»? CIV,1 — «возвысьте» вместо «провозглашайте»; в ст. 2 «кажите его чудеса» вместо «повествуйте о всех чудесах» в 9-м и «суды Его» вместо «и суды уст его», в 6 «роды Иакова» вместо «сосны Иакова», в 13-м — «сокрушил их пределы» вместо «сокрушил древа в пределах их» и в 41-м «безводные» вместо «знойные»! Слово «изобразить» в CV,2 надобно передать как-нибудь иначе. Забавная ошибка в стихах 7, 9 и 22, которая повторяется еще и в CXXXV, 13 и 15. Во всех этих местах автор принял Черное море за Черное море? Итак, евреи, вышедшие из Египта, прошли через Черное море, и в этом-то погиб фараон со всем своим войском!!! — В CV,14 надобно как-нибудь лучше изъяснить выражения «увлекись панкомью» и «искушать». Стих 22 переведен: «оставили славу своего Бога, а стали поклоняться волу, едющему траву», а тут ведь речь идет не о славе Бога, но о собственной славе евреев. — В ст. 40 «оставил» вместо «возгнушался». — «Звидуств» в CVI,X не есть «блуждали» и «анн дон» — «безводный» вместо «необитаемый». В CVIII,4 надобно иначе перевести слова «пусть выдет виновным», а в ст. 20 слово «воздаитие» и в CX,2 слова «вожеленны для всех любящих оных». — CXI,1 «екмоннумадфандв» далеко от слов «крепко приютившийся». — В CXIII,1 «из народа многопленного» вместо «иноплеменного», а в ст. 13 совсем пропущены слова «есть у них глаза, но они не видят»! В стихах 17–19, как и CXVIII, 114, «охранитель» вместо «щит», и в CXIII,25 «ад» вместо «страна молчания». — В CXV,2 «удивляясь» вместо «во сметении» и в ст. 4 «чашу жизни» вместо «чашу спасения»! — В CXVII,9 «на много людей» вместо «на вельмож», в ст. 15 «веселия» вместо «спасения» и в 24 «жертву праведности» вместо «жертву праздника». — Вместо «заклучал» в CXVIII,II — «поставил», в ст. 23 — «о твоей правде» вместо «о Твоих уставах» и в 30 «ищу твоих путей» вместо «законов твоих»; в 51 «ложно» вместо «до крайности», в 60-м — «откровения» — вместо «заповеди», в 76 «да будет благодсть твоя мне» вместо «моим утешением», в 78 — «в устах моих» вместо «в устах твоих», в 81 — «уменьшается» вместо «истаивает», в 89 — «положено» вместо «утверждено», в 95 «я помышляю о Твоем откровении» вместо «я углубляюсь в откровения Твои». В ст. 96 слово «обширна» переведено «ахавт», а начало стиха III можно также разуметь совсем иначе. Слово «анн дин» в ст. 113 означает того, который вовсе никакого закона не имеет, беззаконника, а в 133 слова «не дай овладеть мною никакому беззаконию» переведены буквально: «мне беззаконие не будет что», как и стих 148: «очи мои проснутся рано,

чтобы думать словам твоим» — как слабо по сравнению с подлинником! — Слово «авсад» в СХІХ,4 значит «полк», «отряд», а не «война»! — «сафанданай вѣ» в СХХІ,6 не есть «просите», а в СХХІІ,3 автор не считал нужным повторить «помилуй нас!» — В ст. 4 читаем «богатые» вместо «надменные», а в СХХХІ,4 «сыны юношей» вместо «сыны юные»! Неужели «фандон» значит «колчан», как переведено в ст. 5? Весьма сомневаюсь также о СХХХІІІ,3, как и о слове «барунѣвнад» в СХХІХ,4. Конец стиха I гл. СХХХ,1 переведен так: «не вхожу к богатым и к тем, которые мне дивны!» — В СХХХІ,3 написано «жилище» вместо «шатер». Слова «Не взойду на постелю ложа моего» в том же стихе переданы: «я не буду спать на моем спальном платье!» — В ст. 14 вместо «здесь веселюсь» читаем «и веселюсь». В ст. II «Сіонѣ» вместо «Сіонѣ». В СХХХХІІ,2 совсем опущены слова: «И за истину Твою!» — «Стурь» (в ст. 5) не «высокий», «сѣгодѣгъ — канѣвпѣ» (в I) — не «открывать», ниже, в СХХХХІІІ,1 «ѣвзарѣс» — «проникает», или в ст. 2 «зонѣс» — не «предусматриваем»! В ст. 16 пропущено слово «зародыш» и вместо того переведено «меня видели очи Твои». — В ст. 24 надобно постараться выразить «путь вечности» как-нибудь иначе; ибо «мѣккѣфъ фандѣгъ» значит не что иное, как «путь племени»! Стих 8 начинается: «Господь бог, мой крепкий спаситель». — Неужели нет другого слова для «заразы», как «харамъ внад» в ст.? — В СХІ,1 совсем пропущены слова «поспешите ко мне», а СХІІ, 5 еще более странно перемещен! — В ст. II читаем «из темной воды» вместо «из темноты»! — В СХІІІ,2 не достает слов «и непрестанно», а в ст. 6 переведено «дивной Твоей елие» вместо «о величии твоём»! В ст. 13 «Царство твое всегда царство есть» вместо «Царство Твое царство всех веков»! Тут же «сила» вм. «владычество» и «положил» вместо «поддерживает»! В СХІІІІ,6 сказано только «все, что в море» вместо «все, что в них» в отношении к предшествующим «небо», «земля» и «море»! — В СХІІІІІ,1 «надлежит петь» вместо «сладостно петь», в СХІІІІІІ,2 «хвалите Его все светлые звезды» вместо «все звезды света» и в след<ующем> стихе «воды, которые под небом» вместо «вода, которая над небесами»! Так же в СХІІІІІІ,4 вместо «украшает смиренных» здесь: «украшает ихъ (народа) смирением»! Заметим еще, что в последнем особо писанном псалме в стихе 9-м пропущены слова: «от овец Отца моего».

Итак, мы дошли до конца нашего реестра, выключив из него многие места, которые нам показались или менее верными, или такими, о которых хотя и сомневаемся, однако же здесь, в С.-Петербурге, не можем иметь случая навести надлежащую справку. Впрочем, как надеемся, и все сообщенные нами замечания уже достаточны, чтобы

доказать, как этот перевод составлен и как далеко он еще отстоит от того совершенства, которого можно требовать. Мы очень <хорошо> знаем, что это *первый* опыт перевода «Псалтыря», и то на язык необразованный и мало отработанный, и потому уже сам собою представляющий многочисленные и великие затруднения. Но при всем том мы не можем не признаться, что мы именно от г. Мжедлова с его способностями и в его для таких предприятий счастливым положении ожидали более и лучшего, нежели здесь нашли. Его благонамерение достойно всякого уважения, и его усердие и деятельность выше всякой хвалы; но, к сожалению, его деятельность не имеет настоящего направления. Гонясь за количеством, он слишком мало радуется о качестве, и забывает, что истинная слава следует не первому, а последнему. «Non quam multa, sed quam multum»¹! Это изречение он должен взять себе за правило и тем более, что благороднее и возвышеннее самый выбранный им предмет его деятельности, уже собственным своим высоким достоинством вызывающий на строгости тех, которые будут должны судить о такой деятельности. Ибо если золотые слова великой императрицы Екатерины II: «или делать и делать целое и совершенное, или так оставить и не начинать» вообще могут и должны быть применены и к ученым занятиям, то — по нашему мнению — па-че всего к переводам книг священного писания. Все человеческие дела, конечно, даже при всех стараниях, остаются все-таки несовершенными, а потому более и надобно прилагать всевозможное старание, чтобы вышло всевозможное совершенство.

Желаем, чтобы г. Мжедлов благосклонно принял и уважил наши замечания и советы и чтобы он соразмерно с *оними* обрадовал нас новыми, но совершеннейшими плодами благородной своей деятельности!

С.Петербург, 8 октября 1841 г.

¹ Публикуется по рукописи, хранящейся в СПб.Ф АРАН в личном фонде А.М. Шёгрена (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 70).

² В архиве А.М. Шёгрена в СПб.Ф АРАН сохранились только отдельные листы черновиков этого отзыва (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 73).

* Не много, но многое! (лат.)

**<Отзыв о вторичном разборе перевода «Псалтыря»
на осетино-тагаурское наречие Г. Мжедлова.**

Представлен А.М. Шёгренем в Историко-филологическое
отделение АН 6 сентября 1844 г.>

По поручению Академии рассмотрел снова представленный господином Мжедловым перевод Псалтыри на осетино-тагаурское наречие, и вследствие того имею честь донести следующее.

В формальном отношении этот перевод ныне является в другом, истинно исправленном и совершеннейшем виде, с постоянною и основательною систем<ой> правописания. Из этой системы, однако ж, одно обстоятельство составляет странное и неудобоприемлемое отступление, а именно то, что госп. Мжедлову ныне вздумалось везде означать один из свойственных осетинскому языку гласных звуков двумя буквами *ae* вместо употребляемой им самим прежде одной буквы *ä*, которую я в своей «Грамматике» заменил для лучшего удобства знаком *æ*. В латинском языке, конечно, имеется в подобных, по видимому, случаях *ae* (напр., *faesjov* и *faesrene*); но это не может служить примером подражания при писании осетинского языка. Для него, как и для всех живых языков вообще, самое естественное и неперемненное правило есть то, что каждый особенный звук должен быть выражаем своим особенным знаком, т. е. одною особенною буквою. Поэтому и следует писать, напр., не *цаснае*, *анае* и *аемае*, как пишет автор, но *цаæнаæ*, *анæ* и *æемаæ*, и равным образом во всех подобных случаях. При таковом писании приведенные слова уже представлены в том именно **двусложном** <виде>, в каком они в языке существуют, между тем как, по писанию автора, второе слово кажется трехсложным, первое же и последнее даже четырехсложными.

Кроме означенной самой важнейшей ошибки заметим, что госп. Мжедлов неправильно пишет окончания 3-го лица настоящего времени изъявительного наклонения глаголов, кончающихся на **-ун**, двумя же буквами *ij*, напр. *лауij* и *цауij*. Это вводит читателя в заблуждение, ибо заставляет думать, что тут в последнем слоге есть долгота; но в самом деле ее нет, а существует в подобных случаях дифтонг **уj**, почему и упомянутое окончание всегда должно быть писано **уj**, без вставки гласной буквы *i*. Менее ошибочным может показаться употребление букв **ij** для означения родительного падежа единственного числа тех мест существительных, которые оканчиваются на **у**, как **Хуцау** — Бог и **Хуцау** — Господь или господин. По моим наблюдениям, однакож, гласная **у** здесь, при приращении слова, как и в других

языках при подобных случаях, превращается в букву **в**, и потому я пишу в родительном падеже упомянутых слов, аналогически с общим тагаурским склонением, **Хуцавѳј** и **Хўцавѳј**, удерживая окончания **ў** в тех только именах, которые уже в именительном падеже имеют конечательною буквою главную **і**. Иногда автор еще смешивает **іј** также с простою гласною **ѳ**. Эти и другие мелочные погрешности поправлены мною карандашом в самой рукописи.

Что касается до вещественного ее содержания, то оно ныне вообще несравненно совершеннее, нежели прежде. По сделанным мною замечаниям слова и речения, оставшиеся без перевода, теперь прибавлены, и все главнейшие ошибки весьма удовлетворительно исправлены. Между тем и некоторые фразы или особливо частные, менее удачные и точные слова оставлены по-прежнему без перемены — или от недосмотра, или, может быть и потому, что переводчик не находил всех моих прежних замечаний в равной степени заслуживающими внимания. Так, например, и ныне еще встречающиеся в самой надписи многих псалмов слова «Начальнику хора» переведены только просто «Амбофдѳј Хўцауасы». Это значит буквально «Господину собрания» и, следовательно, не выражает существенного понятия. Если назвать **хор** **собранием**, как и очень можно, то непременно надобно прибавить, из чего этакое собрание состоит, чтобы перифрастически выразить смысл, заключающийся в слове **хор**.

Мимоходом здесь заметим, что госп. Мжедлов не любит заимствовать чужие слова в свои переводы, всячески стараясь о чистоте языка, на который он переводит. Это есть у него неоцененное достоинство, и я с удовольствием признаюсь, что его сочинение в том отношении превосходит все другие подобные переводы, которые я доверен был рассматривать в последнее время. Весьма легко переводить из одного языка на другой какие бы сочинения не было, если позволительно без дальнейших размышлений заимствовать чужие слова при всех случаях, когда сам не знаешь, есть ли точно соответствующее слово в том языке, на который переводишь, или когда такового слова не упомянешь. Но много ли пользы можно ожидать от таких испещренных переводов, тому народу не вполне понятных, для которого они составлены, и сверх того могущих подать повод к вредным постановлениям со стороны начальников, если последние не в состоянии судить о них иначе, как по подобным неудачным переводам.

Означенных следствий нельзя опасаться от переводов госп. Мжедлова, но, напротив, скорее можно с другой стороны его удерживать, чтобы он своею ревностию ко своим правилам не увлекался слишком далеко через пределы умеренного пуризма. Так, я уже пре-

жде ему советовал в тех местах, где говорится о Ливанских кедрах (XXVIII, ст. LXXIX, II.XCI, 13 и СIII, 16), и вместо, как он сперва поставил, было просто **деревья**, оставить **кедры кедами** и разве прибавить в примечании, что это особенный род деревьев, там растущих. Плушаясь принятия чужих слов, он не следовал моему совету, но употреблял везде слово **наэца**, т. е. сосны. Предоставлю ближнему его Начальству одобрить это или нет, и равным образом и перевод наименований Бога Јеговаг и Јаг (VIII, 2. LXVII, ст. 1921, LXXX, II и в разных других местах) словом **Господь**, как переданы эти наименования уже и в словенском переводе, между тем как он, напротив, удержан в русском.

Не стану здесь исчислять все прочие места в переводе госп. Мжелова, которые мне все еще кажутся или сомнительными, или в каком-либо отношении неудовлетворительными и требующими исправления. Все эти места замечены мною карандашом в самой рукописи, чтобы снова обратить на них внимание переводчика и тем дать ему повод к дальнейшему еще усовершенствованию его сочинения, и ныне уже вообще исправленного и достохвального. Судя по тому успеху, с которым он уже исправил большую часть прежних ошибок, нельзя сомневаться в свойственной ему способности к удалению ограниченного числа остальных погрешностей, если он, как мы надеемся, решится еще подвергнуть все замеченные мною места новому внимательному и тщательному рассмотрению.

Публикуется по рукописи, хранящейся в СПб.Ф АРАН в личном фонде А.М. Шёгрена (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 78).

**<Отзыв о разборе в третий раз перевода
«Псалтыря» на осетино-тагаурское наречие Г. Мжедлова.
Представлен А.М. Шёгреном в Историко-филологическое
отделение АН 24 апреля 1846 г.>**

В Конференцию 3го Отделения
Императорской Академии наук

Вследствие поручения Академии я еще в 3-ий раз рассмотрел составленный г-м Мжедловым перевод Псалтыри на осетино-тагаурское наречие и при том имел удовольствие везде встречать доказательства о вьшшем усовершенствовании этого перевода. По изъявленному мною при прежнем отзыве желанию г. Мжедлов подвергнул свою рукопись новому рассмотрению и так удачно исправил оставшиеся в ней погрешности, что теперь лишь одна только поправка мне кажется неудовлетворительною. Она относится к самому началу 4го стиха псалма ХСIII, где слова «они изрыгают хулы» переведены «удон сæ Ячхеј цæнвнц фаун». По крайней мере мне не известно, чтобы последнее слово употреблялось в виде имени существительного, здесь примененного. Сверх того, три места остались еще по-прежнему без перемены, а именно: 1) середина оглавления V псалма («на духовых музыкальных орудиях»); 2) 9^й стих псалма LXXVII и 3) в СIII,25 употребление слова «ленѣгандіѣ» о пресмыкающихся. В следующем стихе 26 этот глагол на своем месте. Наконец, стих 11^й псалма LXXV стал бы яснее, если переводчику благоугодно будет и в второй половине стиха сообразоваться именно с русским переводом, как он то сделал уже в первой половине.

И вот все мои замечания против перевода в нынешнем его виде. Кроме означенных мелочей все прочее весьма удовлетворительно, равно как и исправленное везде правописание, которое в прошедший раз еще представляло многие недостатки. Излишне было бы здесь снова распространиться о всех похвальных качествах сочинения и о заслугах г. Мжедлова, в высокой степени еще умноженных новою переделкою. Поздравляем его с совершением труда столь полезного и желаем, чтобы оный был принят с признанием великого его усердия и благородной деятельности.

Публикуется по рукописи, хранящейся в СПб.Ф АРАН в личном фонде А.М. Шёгрена (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 83).

**Труды А.М. Шёгрена,
посвященные
адыгским языкам**

Донесение
о рукописном сочинении под заглавием
«Словарь русско-черкесский или адигский с краткою
грамматикою»

Составленный коллежским асессором Люлье. 360 стр. in folio.
(Читано г. академиком Шёгреном в заседании 16 января 1846)

Автор этого впоследствии напечатанного сочинения¹ объявляет, что оно одобрено Академиею. Но из нижеследующего «Донесения» видно, что это одобрение было только условное и что автор, не выполнив условия «Донесения», не имел права и хвалиться одобрением Академии. Класс не имел бы тогда надобности обнародывать следующую критику, которая, относясь к сочинению рукописному, вовсе не назначалась для публикации.

Фус.

* * *

Еще во время пребывания моего на Кавказе и моего случайного знакомства с господином Люлье, он уже имел мысль составления «Черкесского словаря». Я подкрепил его в этом намерении и одобрил на исполнение его, как он теперь и сам объявляет, в «Предисловии» к его ныне оконченному сочинению. Я с напряженным вниманием и некоторым участием прочитал его и радуюсь, что могу теперь засвидетельствовать, что, как первая попытка в своем роде, оно заслуживает признательности и уважения. Сам издатель с похвальною скромностью говорит о труде своем в упомянутом «Предисловии», нисколько не отрицая его некоторых недостатков и извиняясь только как новостью трудного предмета, так и тем обстоятельством, что он в своих занятиях не имел ни наставника, ни руководителя, но был предоставлен единственно своим собственным средствам. Такое признание со стороны автора внушает уважение к нему и обязывает нас к тем бóльшей благодарности за то, что он действительно уже сделал. К тому же и многочисленные недостатки и несовершенства, которыми и действительно в настоящем его виде страждет его сочинение, относятся большею частью к форме, чем к самому предмету; а пото-

¹ Под заглавием «Словарь Русско-Черкесский или Адигский с краткою грамматикою сего последнего языка, одобренный Императорскою С.Петербургскою Академиею». Составлен Леонтием Люлье. Одесса, 1846.

му самому они тем легче могут быть устранены, если только почтенный издатель согласится взять на себя труд просмотреть еще раз свое творение перед его обнародованием и хотя по крайней мере частью его переделать. На этот конец вменяю себе в обязанность предложить благосклонному вниманию издателя следующие замечания обо всем творении, располагая их по порядку содержания.

Сказав в начале «Предисловия» несколько слов о самом себе, он делает общий обзор различных племен горцев, обитающих в Западной части Кавказа, обращая особое внимание на черкесов или адыгов, как они сами себя называют. Он полагает и насчитывает их всего на все<го> 11 племен, начиная с кабардинцев, бесленеевцев и оканчивая убыхами, о которых сказано в примечании, что они имеют свой отдельный язык, на котором преимущественно говорит простой народ и который, все более и более выходя из употребления, вероятно, скоро совсем уничтожится. Дворянство с издавна говорит по-черкесски. Кроме того, многие даже и из простолюдинов говорят и на соседнем абхазском наречии. Если все это действительно так, то убыхи вовсе не адыгского происхождения, или же следовало бы упомянуть о них только в отдельном примечании^{II}. Впрочем, мне странным кажется, что не сделано никакого примечания об упомянутых в № 8 *абадзехах*. По сведениям, мною собранным и подтверждаемым одним природным кабардинцем, сведущим и достойным вероятия, и это многочисленное племя также говорит совершенно отдельным языком и, кроме того, отличается еще во многих других отношениях от собственно называемых черкесов. Следовательно, оно вовсе не принадлежит к ним^{III}, точно как и рядом с ним упоминаемые автором

^{II} На это замечание автор действительно обратил столько внимания, что в напечатанном сочинении (стр. IV «Предисловия») он выключил убыхов из перечня собственно черкесских племен.

^{III} Против этого вот что пишет ко мне господин Люлье в одном частном письме: «Что касается до абадзехов, то могу положительно удостоверить, что они принадлежат к племени адигскому и что, кроме языка адигского, другого не имеют. В этом я убедился потому, что долго находился между ними, и потому, что имел продолжительные сношения с их старшими».

Так как я не могу похвалиться таким преимуществом, то и не смею долее отстаивать замеченного мною в моем «Донесении» противоречия о черкесском происхождении абадзехов. Я полагаю по этому, что при объяснениях о месте жительства и о подразделении черкесских народов, на которые я ссылаясь, было, может статься, взаимное недоразумение. Это тем легче могло случиться, что в «Карте Кавказского края с пограничными землями», изданной в 1834 году при Главном Штабе Отдельного Кав-

племена, абхазские и татарские, хотя кроме своего природного языка они тоже говорят и по-черкесски.

Следующие за тем дальнейшие изложение и классификация черкесских наречий запутаны и неудовлетворительны. Там говорится о трех главных наречиях: 1) кабардинском; 2) бесленеевском; 3) общем черкесском или адигском языке^{IV}. Под этим последним странным на-

казского Корпуса, область, занимаемая племенами, исчисляемыми автором под названием «Абхазского происхождения» (стр. V), обозначена под общим именем Абадза, которое и есть подлинный корень слов Абедзех или Абадзех. Под этим же последним именем, употребляя его, как в черкесском языке, можно одинаково разуметь и абадзехов, и жителей Абазы или так называемых абазинцев. К объяснению недоразумения может послужить и следующее примечание, взятое из бумаг моего прежнего поручителя, упомянутого кабардинского уроженца, на которое напал я теперь при точнейшем пересмотре моей коллекции о кавказских племенах. «Абазинцев, называющих себя Оссами или Опсами, некоторые причисляют к адигам, но они составляют совсем отдельное племя, с особым языком, который, впрочем, теперь почти забыт и заменен ими адигским, на котором они говорят с небольшими в нем изменениями».

Впрочем, прежнее мое, теперь уничтоженное замечание о происхождении абадзехов есть единственное, против которого бы протестовал господин Люлье. Относительно же всех других вот что даже говорит он в конце своего напечатанного «Предисловия» (стр. X). «Замечания, сделанные на труд мой, я принял с величайшей благодарностью и старался исправить указанные ошибки при печатании "Словаря". Между тем сочинение мое было одобрено ученым его ценителем (Справедливо: однако лишь с тем условием, чтоб автор до издания в свет своего сочинения еще раз просмотрел и по крайней мере хотя частью его переделал. Вот почему я и нарочито объявил себя обязанным предложить мои замечания на благоусмотрение автора. См. выше вступление моего "Донесения" для сравнения с окончанием оногo) и отзыв об нем г. академика послужил к истинному поощрению моих трудов.

Замечания же его о форме расположения грамматики и русского алфавита, принятого мной для оной, я при всем убеждении в правильности их, теперь, к сожалению, по обстоятельствам, вовсе от меня не зависящим, принять в руководство не могу. Впрочем, при первой возможности, я займусь переделкою "Словаря", и тогда не премину исполнять наставления и истинно основательные замечания глубоко уважаемого мною г. академика Шёгрена». Все это очень хорошо и очень благородно, но по крайней мере до того времени он бы мог и должен был не выставлять на заглавии своего ныне изданного сочинения прибавления: «Одобренный С. Петербургскою Императорскою Академией наук» — прибавления теперь известного, и которое унижает как меня, так и Академию во мнении читателей, не знающих настоящего положения дел.

^{IV} В печати выпущено прибавление «или адигский», но этим и другими незначительными переменаами не совершенно еще устранена порицаемая неясность.

званием автор понимает, вероятно, язык всех прочих девяти^V мнимых, им исчисляемых черкесских племен, противопоставляя его языкам кабардинскому и бесленеевскому. Но в таком случае он бы должен был выразиться приличнее и логически истиннее, ибо под названием «общий черкесский язык» нельзя не понимать и языка кабардинцев и бесленеевцев, тем более что оба последние тоже именуют себя адигами. К тому же автор и сам противоречит себе относительно так называемого им «общего черкесского языка». Так, например, сделав общий перечень всех отдельных племен, он на странице IV^{VI} говорит сперва «в сей части Кавказа черкесский или адигский язык» (NB: целое вообще и в противоположности с другими, как, например, с абхазским и татарским наречиями) «есть общеупотребительный язык, но в каждом племени он имеет свои оттенки, более или менее разительные, наподобие того как в России многие губернии отличаются своим наречием»^{VII}; на странице VI^{VIII}, напротив, упомянув прежде о кабардинском и бесленеевском языках как о главных наречиях, сказано: «наречия других вышеупомянутых племен черкесских (адиге) не имеют^{IX} между собою разительных оттенков», однако непосредственно за этим снова: «но не менее того *удобо отличительны* для всякого туземца, несколько знакомого с краем и соседними племенами».

Следовательно, это предложение разрушает предшествующее отрицание и подтверждает прежнее утверждение. Автор должен постараться уничтожить это противоречие и пояснее изложить предмет, чтобы не подать читателям повода к подозрению, что он все еще не

^V Теперь только восемь с тех пор, как автор исключил из общего перечня убыхов, как мы это видели в примечании I-ом.

^{VI} Теперь в печати страница V.

^{VII} Теперь «некоторые соседственные губернии отличаются между собою в разговоре».

^{VIII} Теперь в печати страница VII.

^{IX} Теперь здесь еще прибавлено: «как выше сказано», но через это прибавление упомянутое противоречие становится только еще разительнее, потому что прежде (на стр. VI) утверждалось прямо противоположное. И это же самое противоположное опять подтверждается самим автором на странице VII в одном примечании (которое поставлено им, впрочем, на ненадлежащем месте в периоде, к которому оно вовсе не принадлежит), где приведено несколько примеров «таких оттенков», встречаемых именно у бжедухов. Пусть же теперь читатель сравнит в испечатанном сочинении это противоречие с тем, что сказано там же на страницах V и VIII об отношении кабардинского наречия к другим.

довольно хорошо знает соотношение черкесских наречий между собою, чтоб уметь надлежащим образом различать их одно от другого. (Здесь в «Донесении» следует одно замечание, теперь потому выпущенное, что автор надлежащим образом принял его в рассуждение. Таким же образом будем мы поступать и впоследствии в подобных случаях.)

Краткая грамматика на 31 странице^X помещена весьма прилично перед «Словарем»; но она бы гораздо лучше достигла своей цели, если бы автор более и проникательнее вникнул в свойства языка, вместо того чтобы смотреть на него исключительно с точки зрения русской грамматики и распространяться в всеобщих определениях, которые при начале имеют еще недостаток дурного и не логического расположения. Так, например, если автору непременно захотелось в кратком очерке упомянуть о сто раз уже повторенных определениях *языка, слова, слога, грамматики*, то настоящее их место было бы во всяком случае при самом начале «Граматики», а не после уже совершенно оконченной статьи о буквах и об ударениях.

Что касается до букв, то уже из самого названия видно, что вопреки общим жалобам на отсутствие добрых наставников, в них, однако, не было недостатка относительно азбуки, и в этом автор убеждаем был знатоками (хотя и не только одного русского языка) воспользоваться, естественно, русской азбукой как «удовлетворительной по полноте и разнообразию звуков своих»^{XI}.

«Таким образом, — сказано далее, — достигается двоякая возможность — ознакомить черкесов с русским языком, а русским облегчить изучение черкесского!» Тот, кто разумно занимался многими языками и многими азбуками, конечно, увидит всю ошибочность и односторонность таких понятий и, конечно, сумеет оценить и односторонность таких понятий и, конечно, и относительные достоинства русской азбуки, не оставаясь, однако же, равнодушным к ее многосторонним недостаткам».

Я не намерен выставлять в особенности ни тех, ни других, потому что я уже до конца высказал мое мнение об них в предисловии к моей «Осетинской грамматике»^{XII}. Собственно же мою «Осетинскую

^X В печати — 26.

^{XI} В печати теперь (стр. IX) ни слова не сказано о чужом влиянии при выборе русской азбуки, но только «по возможности удовлетворительном».

^{XII} Один экземпляр ее вместе с моим «Донесением» был отправлен к автору для лучшего удостоверения в справедливости всего мною сказанного. Скорее, думал я, избавиться этим способом от необходимости особенно упоминать в моем «Донесении»

грамматикою», как мне кажется, показал я, как может полезно быть сообразно с целью применена русская азбука к другим языкам, и при том чтобы из нее могли извлечь большую пользу не одни только туземцы в России, но и все другие народы: и чтобы по ней можно было изучить язык легче.

Издатель же, как это уже и следует ожидать по вышеприведенному, применил русскую азбуку всю совершенно^{XIII}, как оказалось, не обдумав, что он через это самое не достигнет своей цели и вместо того, чтобы облегчить, только в высшей степени затруднит изучение языка как для самих черкесов, так и всех других народов, исключая только одних русских. Как всем известно, русские, несмотря на восхваляемую автором «полноту» их азбуки, не имеют, между прочим, вовсе буквы *h*. Что делает автор? Он при четвертой букве своей русско-черкесской азбуки говорит, что *g* в начале слова должно быть произносимо как французская *h* (*aspirée*); что, напротив, в середине и в конце слова оно произносится как немецкое *g*; а что, наконец, двойное *gg* в начале и в конце слов — как немецкое *g* и как французское *h* вместе, как один звук^{XIV}. Следовательно, это звук простой, который поэтому следовало бы уже изобразить и одной буквой. Но этого не довольно, автор хочет еще: чтоб опять и русское *x* выговаривалось так же, и единственно лишь так, как французское *h aspirée*. Не говоря уже о том, что неприлично один и тот же звук выражать совершенно бесполезным и естественным образом многими различными способами; из этого еще необходимо следует и то, что в черкесском языке, к ко-

всех ошибок автора. Тщательным изучением сей грамматики издатель, с одной стороны, добился сам лучшего усмотрения всех этих недостатков своего собственного труда: с другой же, он находит и руководство для приискания лучших и достойнейших с целью способов для отвращения этих самых недостатков. Цель этого благонамеренного в подобных случаях совершенно необыкновенного прибавления была очень хорошо понята и дополнена автором, который в прежде упомянутом своем письме ко мне говорит: «Осетинскую грамматику Вашу я рассмотрел со вниманием, и тогда-то убедился, что труд мой требовал во многом совершенного исправления».

^{XIII} В его азбуке при начале грамматики не достают буквы *щ*, *п*, *о* и *й*, несмотря на то, что из них по крайней мере последняя буква довольно часто встречается в самом «Словаре».

^{XIV} Еще и теперь в напечатанном сочинении указание на выговор буквы *g* выражено точно так же, как сказано здесь, в «Донесении», с тою только разницею, что сокращено заключение о двойном *g* таким образом: «двойной *Гg* произносится как немецкое *g* и французское *h* (*aspirée*), *gh*, коих звуки должны сливаться в один». Следовательно, в основании-то все осталось по-прежнему!

торому особенно относится это творение, 1) *g* никогда не встречается в начале; 2) *h*, напротив, никогда не встречается в середине и конце слов; 3) и, наконец, острое *x* не встречается вовсе. Но действительно ли все это справедливо? Сомневаюсь, хотя по собственным наблюдениям над черкесскими языками, я знаю из них, собственно, лишь один кабардинский.

К тому же и сам автор сознается в одном примечании, что *x* удерживает свой русский звук, по крайней мере в предполагаемой им новой составной букве *тх̄*. Этих немногих примеров достаточно, чтобы показать, как легко коснулся он в своей новой «Грамматике» важнейшей части начального изучения. То, что он единственно счел нужным присовокупить к русской азбуке, состоит из 4 новых так называемых двугласных букв, пишущихся *ӯа*, *ӯо*, *і̄е*, *ю̄е*, и трех так называемых согласных двугласных: *тл̄*, *пл̄* и *тх̄*. Но нужны ли действительно и они все в таком виде? Опять сомневаюсь. Всего страннее кажется мне последняя из так называемых двугласных букв, и при том самая неудобная для письма *ю̄е*, потому что по другому определению автора об отдельных составных ее частях она бы должна была выговариваться как *йю* и, следовательно, состоит из двух полных слогов. Или может быть *yo* разумеется здесь как двугласный звук или же *yo*^{XV}. В подобных сочетаниях гласных дело вообще состоит в вопросе, всегда ли или только в известных случаях они образуют двугласные. В первом случае читатель, еще при начальном учении, из нескольких слов уже узнает это один раз навсегда, и тогда нет уже никакой надобности в других затруднительных прибавлениях. Во всякой орфографии главное правило: чем проще, тем лучше; только, само собою разумеется, оно не должно быть наблюдаемо в ущерб полноты, не должны остаться без означения особые свойственные изменения. Вот почему даже и для тех звуков, которые кажутся собственно составленными из двух других, должно стараться изобрести по возможности простые звуки или буквы.

Приняв для своей азбуки русскую без изменения, автор, как это было уже выше упомянуто, смотрел и на грамматические формы преимущественно с русской же точки зрения. Поэтому у него столько же падежей и те же самые, как и в русском, а многие особенности остались без внимания или по крайней мере необъяснимыми; как, напр.,

^{XV} Теперь сказано в напечатанном сочинении (стр. 3), что *ю̄е* должно выговариваться как *ei* в слове *eix*, с тою небольшою разницей, что звук должен быть несколько *глуше* и при выговоре *отрывистее*. Но в таком случае это все же род *простого звука*, к чему же, следовательно, две буквы?

различие, существующее в двойком окончании множественного числа на *-ыль* и на *-херь*. Между тем читателю дается общее и поверхностное, хотя в некоторых частностях и неправильное, понятие обо всех частях речи. Все они расположены совершенно по порядку русской грамматики; поэтому между ими находятся и *предлоги*, хотя собственно это название и должно бы простираться лишь на частицы, стоящие пред составными глаголами, и хотя язык вместо собственных предлогов (*Præpositiones*) представляет лишь одни после-положения (*Postpositiones*).

Самая богатая по объему и по содержанию часть из всего сочинения есть «Словарь», состоящий из 319^{XVI} страниц. Здесь автор, как хороший практический знаток языка, на настоящем своем месте; и за исключением неудавшейся орфографии, сопряженной с русскою азбуккой, здесь мало что можно порицать, в особенности такому профану, как я, в отношении языка, о котором здесь идет речь.

Одно, что только поразило меня, это несогласия и противоречия, которые я здесь заметил, сравнивая «Словарь» с «Грамматикой». Так, в последней *негодный* — *дѣѣ*^{XVII}, *высокий* — *ійне*, несколько — *зауле*; напротив того, в «Словаре» против тех же русских слов написано: 1) *псамѣпе* и *псанѣпе*^{XVIII}; 17) *атоге*, *тляге*, *шхуѡ*, *кѣгха*^{XIX}; и 3) *тѣлоке*^{XX}; о других меньших различиях я умалчиваю, как, например, что в «Грамматике» слова: *дерево*, *чей?*, *никто*, *вижу*, *делал*, *сделался*, обозначены через: *чигтѣ*, *хѣдый*^{XXI}, *зѣйкъ*, *се*^{XXII}, *слаугуѡ*, *с'сзага* и *се*^{XXIII} *хугте*. В «Словаре» же, напротив, они: *чиге*^{XXIV}, *хетий?*^{XXV}, *зѣке*^{XXVI}, *се слоугуѡ*^{XXVII}, *с'сзага*^{XXVIII} и *се хуге*^{XXIX}.

XVI Теперь в печати стр. 244.

XVII В печати: *гѣѣ*.

XVIII Теперь к этим словам прибавлено: *дѣѣ*

XIX Точно так же и к четырем этим — *ійне*.

XX К этому слову, выраженному теперь через *тѣюке*, прибавлено еще: *зауле*.

В «Грамматике» же между тем сохранен прежний способ выражения: *зауле*.

XXI Теперь: *хѣтій*.

XXII Теперь: *сѣ*.

XXIII Теперь: *сѣ*.

XXIV Теперь: *чигте*.

XXV Теперь: *хѣтій*.

XXVI Теперь: *зѣйке*.

XXVII Теперь: *сѣ слаугуѡ*.

XXVIII Теперь согласно с «Грамматикою»: *с'сзага*.

XXIX Теперь: *сѣ*. Многим могут показаться безделицами эти и подобные различия,

В этих совершенно различных словах были ли сделаны только недосмотры и ошибки при переводе в том или в другом месте, или же эти несообразности происходят от различных наречий? Из слов, случайно приведенных в «Грамматике», слова *мальчик* и *этот* в «Словаре» совсем забыты^{xxx}. Многие из этих и подобных им ошибок, конечно, могли произойти от промахов переписчика первоначальной рукописи; по тому самому тем тщательнее должен просмотреть автор сам копию. За сим общее, внутреннее расположение «Словаря» очень хорошо и умно; оно состоит из трех столбцов, из которых в первом помещено русское слово, во втором — соответствующее ему черкесское, или же и несколько их, а в третьем, наконец, находится французский перевод. В первом столбце при каждом русском слове отмечено сокращенно и его грамматическое свойство, к глаголам же в то же время прибавлено и неопределенное наклонение и спряжение, к которому принадлежит соответствующее черкесское слово, находящееся во втором столбце. Тут опять при глаголах отмечены еще всегда: первое лицо настоящего времени изъявительного наклонения, прошедшего и будущего времен, также и наклонения повелительное и неопределенное, если только глагол имеет все эти времена и наклонения; в противном же случае объяснено, каких именно форм не достает ему. Быть может, для сбережения места и достаточно было бы сохранить все эти подробности только при неправильных глаголах, потому что в правильных окончания уже разумеются сами собою, коль скоро сказано, к которому спряжению принадлежит слово.

число которых можно бы, впрочем, еще значительно увеличить; но что же сказать о том, что, например, *шюзе* значит в «Грамматике» (стр. 4) *женщина*, в «Словаре» же, напротив, *женщина* переводится словом *шюзерь* (с. 65), а *шюзе* — словом «жена». На странице 4 (ср. стр. 235) сказано, что *циффё* значит *человек*, *циффыхь* и *циффыхер* — люди; открыв же «Словарь» на странице 103, видишь там против слова *люди* рядом стоящие *циффё* (!) и *циффыхь*. В «Грамматике» (с. 8) *сюёсюи* или сокращенно просто *сюи* значит *ваше*, и *вудюи*, сокращенно *юи* — *твой* (ср. в «Словаре», страница 212, — *твой*, в «Словаре» же, напротив, на странице 17, *ваше* переводится словами *вудюи*, *юи* и *юиё!* На странице 26 сказано, что *адёже* соответствует предлогам *к* и *ко*, а на странице 139, напротив, *адёже* (которое у автора, без сомнения, то же, что и слово *адёжеу*) имеет совершенно противоположное значение *от!* Какого же доверия может требовать автор, если его можно обвинить в столь многих и таких противоречиях!

^{xxx} Оба упомянутых слова теперь прибавлены, но за этим в «Словаре» еще не достает многих слов, даже из числа тех, которые находятся в краткой «Грамматике», а именно: *чекмень*, *какой*, *каковой*, *сильный*, *сильно*, *красота* и *соединяю*.

Безусловно, должно быть одобрено то, что все составленные слова тоже всегда обозначены и что в то же время указаны и простые их корни. К словам, употребление которых сравнительно с русским отличается каким-нибудь особенным свойством, обыкновенно прибавлено несколько пояснительных примеров, что равномерно заслуживает только одобрения, также как и то обстоятельство, что иностранное происхождение многих заимствованных слов всегда бывает особо обозначено, хотя и употребляемая в подобных случаях формула т. сл., то есть *татарское слово*, и не должна быть буквально строго принимаема, потому что многие из таких слов особенно и первоначально происходят из турецкого, арабского и персидского языков.

Что же вообще относится до русского языка в этом сочинении, то кажется, что он не всегда совершенно правилен. Поэтому автор хорошо бы поступил, поручив сведущему русскому просмотреть свою рукопись и исправить ее в отношении русского языка. Изложение, вероятно, только бы выиграло через это в ясности и вразумительности, тогда как теперь и особенно в «Предисловии» оно часто до того вяло и тяжело, что иногда наверное не знаешь, что именно разумел автор.

Доказательством может служить следующий период: «Бесленевцы происходят родом из кабардинцев, но, отделившись от них и будучи по топографическому их положению в сношениях частых и близких с черкесами, изменили наречие свое и составляют, если можно сказать, средину между кабардинским и общим черкесским наречиями, который единодушно всеми племенами адыге признан лучшим и приятнейшим для слуха языком».

К чему же относится здесь, по мнению автора, относительное местоимение «который», а вместе с тем и конечное заключение всего периода — к бесленевскому наречию или же к «общему черкесскому наречию»^{XXXI}? Судя по тексту, можно было бы подумать, что оно относится к непосредственно ему предшествующему, следовательно, так называемому общему черкесскому наречию, хотя, впрочем, мужское окончание местоимения столь же мало согласуется как с тем, так и с другим. Из другого же, столь же темного и запутанного периода, находящегося на следующей странице, выходит, кажется, что автор разумел здесь не так называемое «общее черкесское», но, напротив, бесленевское наречие. По поводу того, что кабардинское наречие есть, по мнению некоторых, собственно черкесский коренной язык,

^{XXXI} Теперь в печати местоимение «который» уничтожено и вместо его стоит «язык этот» с предыдущим знаком. Почему же «язык их», через это целое стало бы гораздо яснее.

на той странице сказано: «В таком случае можно сказать, что кабардинское наречие состоит к черкесскому в таком отношении, как славянский язык к русскому», основывая свое мнение на том (как выше означено), что в общем черкесском наречии звуки менее сложны и по этому самому для слуха приятнее, что признается и самими горцами в отношении к бесленейскому наречию, которое есть некоторым образом упрощенный кабардинский язык^{XXXII}.

Я потому выразился с такою откровенностью о погрешностях этого сочинения, что я хорошо расположен к его автору и охотно желал бы и сам чем-нибудь способствовать к усовершенствованию его труда, уже и теперь весьма достойного. Желаю теперь, чтобы советы мои и замечания пришли не слишком поздно и обратили бы на себя благосклонное внимание автора. После этого творение его можно будет, безусловно, представить публике, как весьма полезное и важное даже в более пространным кругу, и оно будет принято со всеобщей достойною признательностью^{XXXIII}.

Эта единственная работа А.М. Шёгрена, посвященная адыгским языкам, была опубликована на русском языке и воспроизводится здесь по изданию: Санкт-Петербургские ведомости. 1847. 15 октября. № 235; 16 октября. № 236, и в переводе на немецкий: *Sjogren <A.> Rapport sur un ouvrage manuscrit intitulé: Словарь Русско-черкесский или адыгский с краткою Грамматикою*. Сост. Коллежским ассессором Люлье // BAIS. 1848. T. 4. N 11. Col. 165–176.

^{XXXII} Вся теперь сделанная перемена состоит в том, что сказано: «Кабардинское наречие состоит в отношении к черкесскому, как русский язык к славянскому...» — Предоставляю читателям судить, выиграл ли этот предмет по форме и по содержанию.

^{XXXIII} Если теперь это и не может случиться — хотя, к сожалению, и по весьма естественной причине, то из приложенного здесь моего донесения о рукописном сочинении и из замечаний, которые *po fens volens* я приобщил к нему, да узнает публика, что виновна в этом по крайней мере не Академия, как мог бы заключить этот читатель, прочитав на заглавии изданного сочинения это прибавление, ныне похищенное. Кроме тех ошибок и недостатков, на которые в особенности и примерно указывал я, как прежде, так и теперь, автору нужно будет исправить еще многое в обещаемом им втором издании, тщательно переработанном. Да загладит же он тогда хотя отчасти свой нынешний тяжкий проступок!

Примечания

<Рецензия на рукопись Шоры Бек-Мурзина (Ногмова)
«Начальные правила атыхейской грамматики»>

Предисл<овие>. Стр. 11. Атыхейский народ, вероятно, происходит от *антского*, хотя буква «н» опущена. Автор думает, кажется, об *антах*, но сии были славяне.

Стр. 1 и 2. Сперва говорится, что атыхейский язык имеет 34 буквы, которые и исчисляются; но на следующей стр<анице> еще 15 других, следовательно, всего 49. Чем больше количество новых букв, тем более я бы старался ограничить число заимствованных русских, из коих многие излишни, и уже сами собою не настоящие буквы, а склады. Так, именно: *ѣ*, *ю* и *я*, хотя, конечно, последняя в некоторых случаях имеет и другой собственный звук. Но тем она и менее удобна для других новых азбук, а надобно принимать одни такие буквы, которые всегда и во всех случаях имеют *один* только и *тот же* постоянный звук. Сколько в языке особенных определенных звуков, столько и должно быть в языке букв, а не больше и не меньше. *Ъ* никакого звука не выражает, и потому совершенно излишняя буква. Излишняя же *и*, если принимать *і*, которая короче и тем удобнее, а *ѣ*, по моему, лучше заменяется буквою *ј*, тем более что сия также входит в склады, выражаемые буквами *ѣ*, *ю* и *я*, которые, следовательно, где нужно, пишутся *је*, *ју*, *ја*. В русском языке *ј* встречается соединенною только с тремя гласными — *е*, *у* и *а*; но в других языках могут встречаться и другие подобные соединения с другими гласными, и, следовательно, если заимствовать из русской азбуки эти три буквы *ѣ*, *ю* и *я*, то надобно бы для других подобных двугласных выдумать еще и другие новые буквы, чем бы азбука только напрасно умножилась, несмотря на то обстоятельство, что и упомянутые три знака сами собою уже не настоящие буквы, а знаки известных складов или слогов, кои потому и правильнее пишутся теми двумя буквами, коих соединенному звуку соответствуют. По всему сказанному я бы принял из

Примечания

Вопрос о том, как правильно писать в адыгском языке, является предметом настоящего примечания. В адыгском языке, как и в других языках, существуют различные диалекты, которые отличаются друг от друга по своему произношению и грамматическим формам. В настоящее время в адыгском языке наблюдается процесс сближения диалектов, что приводит к образованию единого литературного языка. В настоящем примечании рассматриваются основные правила написания адыгского языка, которые должны быть приняты для обеспечения единообразия и удобства чтения. В частности, особое внимание уделяется написанию гласных и согласных звуков, а также ударению. В адыгском языке существуют гласные звуки, которые в русском языке не имеют аналогов, поэтому при написании необходимо использовать специальные буквы и сочетания букв. Кроме того, в адыгском языке существуют различные грамматические формы, которые также должны быть правильно написаны. В настоящем примечании приводятся примеры написания различных форм, а также объясняется, почему так или иначе следует писать. В заключение следует отметить, что правильное написание адыгского языка является важным условием его развития и распространения. Поэтому каждому, кто занимается изучением адыгского языка, необходимо ознакомиться с настоящими правилами написания.

1865

Первая страница рукописи А.М. Шегрена «Примечания»
 <Рецензия на рукопись Шоры Бек-Мурзина (Ногмова)
 «Начальные правила атыгтейской грамматики»>

русских букв для черкесов только следующие: *а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч* и *ш*. Буквы *й* и *ь* я бы заменял буквою *ј*. Э может быть опущена, потому что в русском языке не разнится от *е*; разве принять первую для другого звука, который живее, нежели *е*. Но лучше завести *ѣ* или *æ*. Автор употребляет вместо того заимствованную немецкую *h*, но сия буква не может быть понимаема *гласною*, как здесь. Она в европейских языках *согласная*, хотя, конечно, *слабая*. И в черкесском можно писать *hotgoħ* или *hotjgoħ* и *guh* или *guuh*, но вместо *хамзы ання* и *уння хамзе, анне* и *уннае*. В иных случаях нужна будет, может быть, вместо *h* новая гласная *õ*, например *фõ*. Звук русской буквы *ы*, кажется, нет в черкесском языке, а вместо того немецкая *й*, или *v*, что я принял и в осетинском. Что же касается до исчисленных в «Примечании» на стр. 2 новых согласных, то они, конечно, необходимы, только — мне кажется — удобнее было бы иметь другие буквы, цельные, без особенных отдельных знаков наверху, которые в таком количестве, может быть, затрудняют изучение и, сверх того, при печатании легче могут смешиваться между собою. Советую подумать об этом предмете и для соображения и лучшего объяснения моих доселе вкратце изложенных об азбуке мыслей здесь сообщу выдуманную мною для осетинского языка новую азбуку, тем более что многие новые из тех звуков, для которых русский алфавит недостаточен, общие у осетинов и черкесов, хотя, конечно, черкесы еще богаче такими звуками, почему и труднее выдумать именно для них новую полную и совершенную азбуку. Упомянутая моя осетинская азбука состоит из следующих букв: *а, б, в, з, г, з, и, і, д, д; æ, е, ё, з, ж, дħ, і, ј, к, қ, к̇, қ̇, л, м, н, њ, њ̇, о, õ, ð, ñ, р, с, ш, т, њ̇, т̇, õ, у, v, ф, х, ц, ч, џ и џ̇*. Из них *њ* — то же, что здесь *h*, но *согласная*, входящая в состав некоторых с *придуванием* произносимых звуков, которые потому и одинаковым образом в письме составляются, а именно *з* (или *ц*), *ђ*, *њ* и *ђ̇*. Моя *з* — одна и та же буква, что здесь в черкесском *з̇, џ*, также сходна с *к* или с *к̇*? Напротив того, *њ* и *ђ̇* — особенные, осетинам свойственные звуки, от коих черкесские *њ̇* и *т̇* раз^ествуют, ибо произносятся не с *придуванием*, как сперва упомянутые, а с особенным *напряжением* или усилением, и *ф̇, з̇, к̇, д̇, њ̇* и *т̇* есть сходные между собою буквы мягкие, произносимые как *г, к, д, н* и *т* со слышною после оных вместе полугласною *ј* (русск. *ь* или *й*), как и в персидском и турецком по крайней мере *ñf* и *s*. И в черкесском такая же, кажется, *к̇* — *æ* есть широкая *е*, которая, кажется, слышна нередко и в черкесских словах, как, напр., в *уннае*, что здесь неправильно пишется *уннњ*, ибо тут — по моим наблюдениям — нет никакого *придувания*, как можно ожидать непридувательный *h*, а *гласный* звук. Как *æ* — *широкая*, так и, с дру-

гой стороны, *è* — узкая *e*, существующая и во французском, и в некоторых других европейских языках. В черкесском она, конечно, не существует. Напротив того, мои осетинские *я* и *яэ* — те же, что здесь *ǰ* и *ǰэ*. О буквах *ǰ*, *ǰ* и *ǰ* уже говорено было, а *q* — гортанная буква, принятая уже многими европейскими учеными для выражения восточной *ǰ*, следовательно, та же, что здесь пишется *ǰ*. Со знаком *q* я выражаю тоже носовой звук, который слышится и у турков.

Гласная *ö*, кажется, и в черкесском нередка, например в словах *фö* — хором и *нöф* — слепой, которые Автором пишутся *фñ* и *неф*. О буквах *ñ* и *ñ* сказано выше. Звука *ш* нет ни в русском, ни в черкесском, а *у*, кажется, есть вместо русской *ы*, как замечено уже прежде. Напоследок сложные осетинские буквы *ц* и *ч* — те же, что здесь *ц̃* и *ч̃*. Итак, остаются еще согласные черкесские — <их> более, нежели у осетинов; писываемые здесь: *л̃*, *и̃*, *м̃*, *ф̃*, *ш̃*, *х̃* и *ш̃*, против коих опять осетины имеют некоторые согласные и гласную *ш*, коих у черкесов нет. Все эти особенные звуки, разумеется, должны быть выражаемы особыми новыми литерами; но какие не были бы выбраны, в употреблении оных должно быть соблюдено более постоянности и единообразия, нежели здесь у Автора, который нередко писывает одно и то же слово в разных местах различными буквами, чем читатель ведется в заблуждение, недоумение и подозрение о твердости системы у самого сочинителя. Желательно также, чтобы свойство тех особенных звуков, для коих выдуманы новые литеры, было бы описано несколько подробнее, чтобы дать читателям, сколько возможно, основательное об них понятие. Впрочем, это, конечно, не легко и в некоторых случаях даже вовсе невозможно. Так, например, невозможное дело описать настоящее национальное произношение буквы *ш̃*.

Стр. 3, § 9. Выражение «мухамеданские языки» включает в себе что-то странное, и едва ли здесь на своем месте.

Стр. 5. «Имя разных видов существительное» все-таки есть «имя существительное» и, следовательно, никаким образом не может почитаться *особенною* новою частью речи. Напротив того, *наречие* и *деепричастие* неприлично соединены в одну часть речи. Которому же из них именно соответствует черкесское название? Вообще я бы не разделил ни причастий, ни деепричастий от глаголов, из коих оба происходят и, следовательно, к тому же принадлежат, хотя, конечно, и Греч таким же образом, как и здесь, их разделяет. После того Автор, рабски следуя Гречу же, именует «предлог»; но это совсем не идет к черкесской грамматике. «Предлог» по-русски, конечно, правильно так и называется потому, что ставится перед именем существительным, но в черкесском языке ведь этикие частицы употребляются сов-

сем противным образом, т. е. ставляются *позади*. Следовательно, и нельзя в черкесском говорить о предлогах, а надобно сказать «залог» или «послеположение».

Стр. 6 и след. Глава 1 изложена неясно и ошибочно. *â* не есть член, а местоимение указательное, тем только будто сродное с определенным членом, что служит также к точнейшему определению предметов. Членов именно только два, неопределенный *zif* или (сокращенно) *z* и определенный *p*; ибо, если не ошибаюсь, окончания *pi* и *rii* употребляются только в *цельных предложениях*, коих подлежащее состоит из имени существительного с определенным членом. А все, что относится к предложениям, принадлежит по-настоящему не сюда, а к синтаксису. В одних примерах *â* по крайней мере не столько мешает. Что напоследок сказано об употреблении буквы *ш* в сравнении с турецкими окончаниями *ç* и *ç^{er}*, *здесь* также не на удобном месте и, сверх того, так перепутано, что едва ли кто-нибудь может и угадать, что Автор именно хочет сказать. По крайней мере я принужден был читать и перечитать всю эту главу до десяти раз с самым напряженным вниманием, покуда мне удалось в соображении с собственными прежними материалами предложить что-либо другое на благоусмотрение. Впрочем, я должен признаться, что и ныне еще в недоумении об употреблении черкесского члена во всем его объеме.

Стр. 11. В § 22 Автор говорит о *трех родах*, но на стр. 14 в § 24, что есть *только один* род, причем он ссылается на сходство с языками персидским и турецким, как и в § 23. Что же думать о таком явном противоречии? Дело состоит в том, что черкесский язык в *грамматическом* смысле *никаких родов не имеет*, почему и лучше и довольно заметить про то, что язык черк<есский>, как и перс<идский>, и тур<ецкий>, родов грамматически не различает. Еще удивительнее этого противоречия, что в том же § 23.1 между прочими примерами слов, означающих предметы мужского пола и потому рода мужского, исчисляются также «*княгиня*» и «*девица*»! Вообще чем далее я читал, тем более я становился уверен, что тот, коему автор препоручил переписать свою рукопись набело, не в состоянии это сделать или нарочно все перепутал, переставив сюда эти два слова из второго отделения. Сим предположением объясняются и другие странные бессмысленности и перепутанности, частные и общие, встречающиеся столь часто в сем сочинении. Так, и § 25 по логическому порядку должен был следовать непосредственно после § 23, ибо в обоих речь идет о родах, тогда когда в помещенном между ними § 24 говорится о числах, коих к тому же § 24 принадлежащие черкесские названия следуют уже в § 24!

§ 26, содержащий лишь только повторение уже сказанного прежде в главе 1, совершенно излишен. В § 28 винительному падежу единственного числа приписано то окончание, которое по-настоящему принадлежит множественному числу!

Стр. 21, § 46. Что такое «качество в предмете, не приводящее в движение», я не понимаю. Последние три слова, напротив, вовсе не нужны.

Все, что сказано на стр. 22 и след. в § 50, было бы совершенно справедливо и прекрасно в «Грамматике русского языка» для черкесов, но к черкесскому языку это незаслуженно, как и видно уже из того, что автор сам говорит на конце § 51 в противоречии с началом того же параграфа. Поэтому я бы уничтожил § 50 и заменил бы оный с так называемым *примечанием*, в котором только второй пример («*ч'ий'н*» и пр. «*холодный*») не совсем приличен; ибо касательно оного вовсе не известно, какое именно существительное подразумевается. Разве сказать вместо «*холодный*» в среднем роде или наречии «*холодно*» — уничтожение всего § 50, само собою уничтожается и то, что сказано в § 51 и 52 о следствиях общего правила. Потому и необходимо иначе изложить эти <параграфы>, но *каким* именно образом переменить конец § 51, я теперь здесь и предположить не смею, куда нахожусь в новом недоумении о склонении черкесских прилагательных, в которое привело меня «Отделение» автора о том <на> стр. 34–36, о чем скажу более ниже на своем месте. Что же касается до § 52, то и этот содержит в себе одну из тех многих натяжек, естественно происходящих от неестественной попытки во всем подвести один язык под правила другого, которые автор сам предвещает уже в «Предисловии» на конце страницы 11.

Черкесские прилагательные, конечно, могут иметь два окончания, из которых другое (с членом) покажется приращенным против первого (без члена); но при всем том эта разница совсем другая, нежели та, которая в русском языке между окончаниями полным и усеченным. Явление одно и по наружному виду будто сходно; но основание и существо дела в обоих языках совсем различны. В черкесском оба окончания равно *полны*, каждое в своем роде, судя по смыслу, в *каком* говорится о предметах, а русский язык *никаких* членов не имеет, и употребление того или другого окончания зависит лишь только от синтаксической связи между существительным и прилагательным. Сие подтверждается и тем, что подлежащее в русском языке — всегда имя существительное. Однако весьма удивительно, как автор мог заблудиться до того, чтобы искать и найти сходство между усеченным окончанием русских прилагательных и обыкновенным, но вместе и

единственным, черкесским с одной стороны, и с другой — между полным русским и черкесским окончанием *и́*, о котором отчасти в том же <параграфе> на следующей стр. 24 справедливо изъясняется, что это означает *глагол в настоящем времени!* Этим самым обстоятельством ведь все это утвержденное сходство уничтожается!

В § 54 упоминается в начале о двух родах степеней, а именуется только один, который впоследствии смешивается с другим, не обозначенным.

Стр. 26, § 56 есть, хотя отчасти и в других словах, лишь только повторение того, что было уже сказано в непосредственно предыдущем на конце стр. 25 — с новыми примерами, которые можно было (если угодно) просто прибавить к первым.

§ 58. а) выразится яснее, если короче, как проверено мною в рукописи.

Стр. 27. Следующее объяснение б) также в первобытном виде не совсем ясно и правильно.

Стр. 28. Слова «возраст или предложение чего-нибудь» ничего достаточно не объясняют. Вместо того предлагаю «временные определения». В примечании на той же странице неправильно говорится о *неопределенных членах*, что и потому уже ошибочно, есть только *один неопределенный член*. Здесь должно сказать: «числительные». И все прочее потребует боле ясности.

И следующее отделение в) о прилагательных, означающих материю, должно быть изложено как-нибудь иначе в рассуждении того, что окончание *и́* само собою *глагол* и, следовательно, по-настоящему к прилагательному не принадлежит, хотя и приставляется к концу оною в письме.

Стр. 29. Следует сделать из отделения о сложных <прилагательных> особенный новый <параграф>, равным образом и на стр. 31 из сверхсчетного отделения 5 об именах прилагательных личных или частных с предложенным поправлением в самом изложении, причем может быть, не излишне было бы заметить, что и здесь, как вообще, окончание *и́* означает глагол.

Стр. 33. Начало параграфа 56 содержит одно повторение того, что сказано уже два раза прежде на страницах 25 и 26!

Стр. 34–36, § 67–69. О склонении имен прилагательных нельзя рекомендовать дальнейшему рассматриванию и удовлетворительнейшему обработанию самого Автора. Если черкесы в самом деле наподобие русских склоняют вместе и существительное, и прилагательное, как в *последнем* примере страницы 35, то, конечно, нечего сказать против первых параграфов 67 и 68; но в § 51 (стр. 27) — как

замечено было выше, сочинитель ведь сам утверждает, что «Черкесское мышление не означает ни рода, ни числа, ибо прилагательное не переменяется, а если и переменяется, то существительное опять в таком случае остается непеременимым. Так по крайней мере утверждал мне и прежде и сам сочинитель, и другие черкесы в то время, когда я находился на Кавказе и между прочим занимался также исследованиями о грамматических свойствах черкесского языка.

В § 69 черкесским прилагательным приписываются *три* склонения, но в чем они именно состоят и как различаются одно от другого, едва ли кто-нибудь поймет из самого описания. В нем сперва говорится о склоняемых вместе существительном и прилагательном. Стало быть, по мнению автора, 1-ое склонение, о котором читатель не может полагать, что прилагательное в оном употребляется *перед существительным*, как и в русском языке, ибо сочинитель продолжает: «но если прилагательное после существительного, то удерживает то же самое окончание для всех родов, и в существительных принимает иногда слог *гоһ*». Между тем здесь нигде не видно примера тому, чтобы *прилагательное* предшествовало (хотя, впрочем, сколько мне известно, и это иногда в самом деле случается). Да и Сочинитель сам непосредственно после того замечает: «Имя *прилагательное* всегда *поставляют* после *существительного* (?!), и тогда *склоняется* обыкновенным образом. Здесь всякий спрашивает: «каким именно?» Если следующим, то спрашивается: «чем же именно этот образ различается?» Ведь самые окончания, кажется, всегда одни и те же, и дело только в том, куда их приставить, к прилагательному ли, или к существительному, или же к тому и к другому вместе? Кроме того, в том только случае, которое, по-видимому, второе склонение? Автор упоминает об *одном* окончании для всех родов, отчего опять нельзя не заключить, что в других случаях этого нет, хотя этого уже вовсе и в ни каком случае вообще не может быть, и потому именно, что черкесы, как было нами замечено выше, никакого грамматического различия родов не знают. После такого бестолкового описания мнимых *трех* склонений ожидаешь лучшего объяснения и разрешения недоумений от примеров; но тут с крайним удивлением увидишь только *два* склонения исчисленных (!), хотя, конечно, под так называемым *вторым* склонением — *два* примера, кои столько различествуют между собою, что, конечно, и не могут принадлежать к одному склонению. Между тем все-таки нельзя по всем этим примерам дойти до того, в чем именно состоит теория самого Сочинителя о склонениях черкесских прилагательных, и недоумение увеличивается еще более тем, что и порядок, в котором расположены примеры, нисколько не соответст-

вует предшествующему описанию. Сверх того, именительные падежи обоих к 2-му склонению <нрзб.> примеров явно ошибочны, содержащие целое предложение, а именно: 1) «*āddghoh iŋkiŋiŋ*» и мн. ч. «*āddghoh iŋkmoŋeŋ*»; по-настоящему это: «это строгий отец *есть*» и «это строгие отцы суть», а 2) «*anŋhr̄b̄ b̄iŋj̄ŋiŋ*», во мн. ч. «*annaŋaer̄b̄ b̄iŋj̄ŋ-xeiŋ*» — оставлены без перевода. По-настоящему: «это (известный) красный стол *есть*» и «это (известные) красные столы суть». Равным образом тот же глагол «*ей̄*» и на стр. 36 совсем неуместно и напрасно приставлен к четырем словам, а сверх того еще и члены перемешаны между собою в явном противоречии с Главой 1 (стр. 6 и след.), по которой «*зи*» — член *не определенный*, как здесь выявлено, а именно «*неопределенный*», и, следовательно, «*зи ŋxuxufonŋ*», по-настоящему: «это (*один*) добрый человек *есть*», т. е. один из многих добрых людей вообще; напротив того: «*anŋhr̄b̄ b̄iŋj̄ŋiŋ*» — «это известный и, следовательно, определенный красный стол *есть*», как объяснено выше. Последний пример: «*anŋhr̄b̄ b̄iŋj̄ŋir̄*» и здесь странным образом оставлен Автором без перевода и объяснения, есть ли в том разница с предыдущим и какая именно?

Стр. 37. Неужели числительные 14 и 17 у черкесов выражаются одним и тем же словом? Престранным кажется и то, что некоторые (21, 22, 50 и 70) общи и количественным, и порядковым (в тексте: «*порядочным*» <числительным>, тогда когда все другие — как и следует — в сих видах разнествуют между собою!

Стр. 41, § 77. Следует изложить как-нибудь иначе, ибо здесь примеры доказывают, что описательное правило ни полно, ни достаточно. И в следующем § 78 правило касательно окончаний существительных запутано до крайности. Еще хуже и без мыслей составлено или — что вероятнее — <искажено> безобразным переписчиком на стр. 42, § 79, начинающиеся сими словами: «*порядочные напротив того* всегда следуют за *существительным*, указывающим совершенную противоположность порядочным с предыдущими» (в § 78) количественными, но тут ведь было сказано именно, что количественные, кроме «*зи*», следуют немедленно (непосредственно) за существительным. Следовательно, как количественные, так и порядочные употребляются одинаково за *существительным*, и тогда никакой противоположности не может быть, а слова «*напротив того*» здесь излишни и ложны. Если же в самом деле есть противоположность, какая бы ни была, то опять правило о тех или других, т. е. или о количественных (в § 78), или же о порядочных (в § 79) непременно должно быть ложно. Разве что одни порядочные употребляются двойко, т. е. то за существительными, то *перед* оными, как можно в самом де-

ле полагать по следующим далее в сем 79 § примерам. В таком случае надобно бы было писать: «Порядочные, напротив того, могут быть употребляемы и за существительным, и *перед* оным». После слов «закон» и пр. до слова «*первый*» переписчик что-то опустил, ибо для объяснения предыдущего правила надобно непременно и какое-нибудь имя существительное, чтобы показать на деле, какое место порядочное занимает возле существительного. Впоследствии слова «*зикоһ*» и «*зикоһр*» опять пишутся «*закоһ*» и «*закоһри*». И тут одно либо другое ложно, но какая форма ложна и какая правильна? Бестолково еще и следующее: «Атыхи всегда принимают за первый “*anhh*”, “*ahnhr*” или “*nhrit*”, чем “*zir*”». Это что такое значит? То ли что черкесы боятся употреблять слова «*anhh*» и пр. в смысле «первый», нежели «*zir*»? — § 80 можно выразить короче и яснее, нежели здесь, не говоря даже об излишних совсем, кажется, и ложных словах: «*показывающий дробь*», ибо для показания дроби прибавляется еще собственное слово «*nijoһr*», а приставленный к числительному слог *-ря*, если не ошибаюсь, не есть что иное, как определенный член.

Стр. 45 представляет странное *примечание*, что в 1 лице единств. числа пишется «*со*», а читается «*зо*», равно как и 2 и мн. число пишется «*фо*», а читается «*во*». Да кто же велит писать иначе, чем читается? Этим лишь только напрасно затрудняется изучение языка.

Если в самом деле личные местоимения в черкесском языке выражаются столь многими различными словами, сколько выставлено в § 86, то следовало их исчислить не здесь, а уже на предыдущей странице, в § 84.

Стр. 46. В примечании 1 *первые* притяжательные местоимения не ясно различены от вторых. Не в том ли состоит разница, что *первые употребляются вместе* с существительными, хотя и остаются неизменными, а вторые употребляются *без* существительных? Впрочем, можно понимать те и другие родительным падежом личных местоимений.

Примеч. 2, как изложено здесь, дает повод к ложному понятию, ибо по такому наставлению читатель может подумать, что должно сказать «*sheierьmii*», «*dhderьmii*» и пр., когда надобно пользоваться местоимениями притяжательными сего рода. Кроме того, замечаем еще к примечанию, что исчисленные формы с окончанием *иъ* по настоящему сюда не принадлежат, потому что содержат в себе целые предложения, а именно: «*cierьиъ*» и «*skierьиъ*», — «это мой, моя, мое *есть*», «*dediefьиъ*» и «*dierть*» — «это наш, наша, наше *есть*» и так и прочие подобные.

Стр. 47. Неприлично привести в пример и дательные падежи, как «тому» и «этому»; «тут» уже совсем не местоимение, а наречие, хотя тоже указательное.

Стр. 52, § 100. Любопытно было бы еще подробнее узнать различие между глаголами *отрицательно невозможными* и такими, которые означают «никак не мочь». Но во всяком случае примеры опровергают основательность правила, будто бы последними глаголами образовались отрицательные и отрицательно-невозможные, ибо *отрицательные* явно проще двух прочих родов, которые, следовательно, напротив, оба образуются из оных отрицательных.

Стр. 54. На конце § 109 именуется также *совершенный* вид; но в предыдущем исчислении под таким названием никакого вида нет!

Стр. 59. «Недостаточными называются те глаголы, кои вместо двух времен имеют только одно. Но обыкновенно ведь все глаголы имеют не два, а три времени!»

Стр. 56. Сочинитель толкует *вторично* о залогах, о коих говорено уже было на стр. 91, где и выставлено их число гораздо обширнее, нежели здесь. Несмотря на такую разность в их разделении, сомневаемся, могут ли читатели получить основательнейшее понятие именно о страдательных, коих здесь приведенные примеры — по крайней мере по русскому переводу — даже не служат к самому предмету, и столь же правильно могли бы быть помещены под предыдущим отделением I в продолжение выставленных тут примеров глаголов *действительных*.

В следующем *примечании* об образовании страдательного залога в конце, на верху страницы 57, чего-то не достает, чем и содержание примечания остается темным и неудовлетворительным.

Стр. 57. Не лучше ли объяснить средние глаголы так: «средний залог есть такой, который означает какое-либо состояние»? — Касательно наклонений, автор здесь, неизвестно по какой именно причине, отступает от общего обыкновения русских грамматик, как и *Греча*, кому он, впрочем, и то нередко против духа своего природного языка, рабски поспешает, называя четвертое наклонение «*неопределенным*» вместо «*неокончательным*». — В примечании к главе о сослагательном наклонении опять чего-то недостает, и потому же вовсе не понимаю, о чем именно тут говорится.

Стр. 58. Являются лица в самом бесчисленном множестве против прежде на страницах 44, 45 и 49 исчисленных! А первое примечание есть отчасти лишь только пустое *повторение* того странного и излишнего примечания на стран<ице> 45, о коем говорено уже было выше. — Так же повторяется здесь раздвоение времени (см. стр. 53), а,

напротив того, автор позабыл говорить, как следовало по § 107, о числах. — Вообще это одно из главнейших несовершенств сей «Грамматики», что говорится об одних и тех же предметах на многих разных местах, а при всем том не всегда с надлежащею подробностью и точностью, иногда даже и с противуречием, так что у читателя зарождается невольное недоверие об основательности и твердости грамматической теории самого автора.

Стр. 59. Названия: «*проходящее*», «*прошедшее*» и «*мимошедшее*», в кои разделяется прошедшее время, вообще весьма неудачны, ибо не означают достаточно качества выражаемых ими времен и различия их между собою. Да и правила об их образовании не соответствуют приведенным для объяснения примерам. Так, о первом прошедшем времени говорится, что оно получает окончание *-айь*, но ни в одном примере нет этого окончания вполне! Следовательно, или самое описание ложно, или же ложны примеры. — Показанное окончание «*-акъийь*» для так называемого прошедшего времени также является в одном только примере; в прочих двух нет буквы *a* в окончании.

Подразделяя будущее время на два, сочинитель должен был сказать, какое же именно понятие будущего тем и другим выражается и в чем состоит их различие между собою. О том, однакоже, нет ни одного слова, а описывается только их образование, причем автор в отношении будущего I пользуется странным выражением «*глагола действия*», если разуметь под этим *действительный глагол*, как я по крайней мере полагаю, то спрашивается, из чего же образуется будущее I при глаголах другого рода? Или разве одни только действительные глаголы могут иметь сие будущее время? — Будущее II образуется, по словам Автора, от «*неопределенного*» (неокончательного?) наклонения будущего времени; но в следующих примерах нигде не видать такого времени в *том* наклонении!

Стр. 60, § 110. Слова «*Есть прочие косвенные...*» и т. д. до конца совершенно не понятны. Потом автор возвращается к наклонениям, чтобы изложить их образование. Это следовало бы делать уже на стр. 54, говоря вообще о наклонениях и их раздвоении в черкесском языке. — В 3-м лице единств. числа повелительного <наклонения> есть какая-нибудь ошибка, как и по-русски «*помогают*» вместо «*помогает*». — Может ли кто-либо угадать, почему Автор принимает *дво-якие причастия*, каждое с 3 временами, а именно здесь а) *неспрягаемые или неспрягаемые* (1), а потом на стр. 61 б) просто «*причастия*»? О причине сей странности и об их различии Автор сам не говорит ни слова. Да что за причастия вообще под а) *помогать* и *помогут* или *будут помогать*, а под б) *буду помогать*? Ну, правда, уж грамматика!

Так ли сочинитель надеется познакомить своих земляков с русским языком (см. примеч. на стр. 11)! Русские же на сей же стр. 61 увидят *еще раз* исчисление личных местоимений, вероятно, самое полное, ибо являются многие *новые* против тех, кои исчислены уже прежде на *четырёх* разных местах!! (см. выше), а, наконец еще, что «иногда для многих лиц *обыкновенно* употребляют местоимение в *множественных числах с буквою "хе"*, пред окончанием "р"»! Следует пример прочего спряжения со многими изумляющими новостями. Так, уже после настоящего времени на стр. 62 Автор <упоминает> так называемое *время неопределенное* (1), о котором читатель прежде несколько не предупрежден в общем изложении времен, почему и неизвестно, к которому разряду времен должно это неопределенное время отнести, к настоящему ли, прошедшему или будущему? Да и здесь никакого понятия не сообщается о значении, о котором читатель остается тем больше в недоумении, что оный переводится по-русски: «я помогу». Но всякому, знающему русский язык, известно, что это говорится, напротив, именно в *определенном* смысле. Чтобы увеличить смешение, *это самое время* является еще и на следующей странице 63 под другим названием, т. е. как *будущее первое*!

В общей статье о временах автор на стр. 59 утвердил, что *прошедшее* время *тройное*: преходящее, прошедшее и мимошедшее, а здесь (стр. 62 и след.), напротив того, *четыре* времени, и то по большей части под другими именами, т. е. *прошедшее несовершенное*, *прошедшее совершенное* и *давнепрошедшее*! Впрочем, последние имена вообще лучше прежних, хотя Автор и не научает, в чем они разнятся между собою. Пример первого, или прошедшего несовершенного, даже и оставлен без всякого русского перевода, а следующие два оба переведены одинаково: *я помогал*. Сей недостаток, конечно, извинителен по недостатку самого русского языка в означении разных модификаций понятия о времени прошедшем, но все-таки он был обязан подробнее описать свои черкесские времена, чтобы дать своим читателям понятие об их разности, и для сравнения он мог прибегать к турецкому языку, столь изобильному подобными глагольными формами. Еще не можем не заметить, что и описание образования упомянутых черкесских времен прошедших, как и прочих, здесь не на своем месте. Оно должно было быть выставлено уже прежде на стр. 58–59 и точнее, нежели мы находим здесь. Так, прошедшему несовершенному приписывается окончание *-ахеть*, а в следующих примерах встречается *-ахеть*, *прошедшему совершенному* — *аить*, а в примерах множественного числа вместо того — *оить*, прошедшему — *окейшь*, и в примерах также *оикстейшь* и однажды — *окекеть*.

Почему Автор называет будущее именно *определенным*? Разве будущее неопределенное или менее определено?

После сих времен вдруг является здесь новое совсем для читателя наклонение: *условное*, о котором прежде (стр. 57), где шла речь о наклонениях в черкесском языке, не было ни слова! — Хотя и слишком поздно, однакож можно было ожидать, чтобы Автор сказал что-нибудь, чтобы дать читателям какое-нибудь об этом наклонении понятие. Сочинитель это и делает, но опять не здесь — в самом начале, но на стр. 64, после того как он выставил уже два времени для этого наклонения! И чем же он начинает это наклонение? Верно не угадаете, пока не увидите здесь. С временем *будущим*, т. е. с *конца*, вместо того чтобы начинать, как другие люди обыкновенно начинают, с головы, т. е. с настоящего времени! После будущего у него — прошедшее, неопределенное (какого разряда?), потом уже настоящее и, наконец, опять прошедшее и давно прошедшее вместе. Чудесный порядок!

Всего времен условного наклонения — *пять*, а в упомянутом уже неуместном общем изъяснении об этом наклонении под неопределенным временем Автор на той же именно странице утверждает, что условное наклонение имеет *четыре* времени. Следовательно, он на конце страницы уже забыл, что написал на середине! Вот ну уж грамматика!

Стр. 65 начинается новою новостью, временем *будущим неизменным*, хотя и негде видеть, к которому наклонению именно сие время должно причислить, по мнению Автора. — Потом он приступает к наклонению *сослагательному*, о котором, по словам его, можно думать, что это наклонение встречается не при всех глаголах, а при одних таких, кои означают волю, нежелание или сомнение! Видно, он хотел объяснить о значении сослагательного наклонения, но слова попали не в лад, а это именно от того, что он не привык правильно мыслить, а беспрестанно прыгает с одного предмета на другой, не исследуя предстоящих предметов подробно до самого конца. Так он и здесь, лишь только приступивши к сослагательному наклонению, вдруг бросается на *возжелательное* наклонение, о котором также прежде не сказал ни слова. О всех существующих наклонениях надобно было думать уже прежде, в свое время и на своем месте (стр. 54) и изложить подробно и ясно их значение и образование, равно как и значение и образование всех находящихся времен тоже на своем месте, так что примеры составили бы одно подтверждение данных уже общих правил и образцы их применения к частным случаям. — Правило об образовании деепричастия прошедшего на самом конце страницы непонятно; чего-то, кажется, не достает.

Стр. 66. «Помогавший» — есть ошибка переписчика вместо «помогавши». Первая форма — не деепричастие, а причастие. Такая ошибка, кажется, и впоследствии — слово «не помогавший». — Впрочем, турецкие деепричастия должны бы быть написаны вместе и по-турецки. — В статье 3 о будущем времени сказано, что это производится иногда от «неопред. действия», так что кажется, хотел писать «неопределенного действия». Но это что значило бы? — В примечании к неопределенному наклонению последние слова: «слог *-рий* вставляется *пред последнею* буквою *а, у* корня», неправильно выражены. — Но гораздо страннее еще окажется <на> самой последней строке сей страницы: «Все сии *примечания*, исключая “*мохурь*” или “*мохух*”, спрягаются» (!). Я вовсе даже не могу постигать, что Автор этим хотел сказать. И стр. 67 содержит много странностей и недоумений. Так, 1е время изъявительного наклонения «*сиййагъ*» — «я самый» и пр. называется настоящим *неправильным*, а следующее: «*си шиййи сийи сохурь*» — «я сам делаюсь» настоящим *правильным*! Под сим временем есть примечание, в котором сказано, что здесь прибавляется указательное местоимение *мо* к существительному началу всем лицам единств. и множеств. чисел (1), но уже в 1м лице ед. числа (также *со*, а во 2м — тоже *а*, во множ. же в 1м также *до*, и во 2м тоже «*фо*»). — Следующее время называется «*неопределенное или настоящее будущее время*!» — Прошедших времен здесь только три под названиями: *прошедшее совершенное*, *давно прошедшее* и *мимошедшее*, из которых последнее без русского перевода! — Одно будущее, также без перевода, здесь именуется *предыдущим* — вероятно, то же, что в предшествующем примере *будущее 1*. — Следуют времена условные в том же превратном порядке, как и прежде, только что прошедшее оставлено без перевода, и прибавлено еще *другое будущее*. Зато *сослагательное* наклонение здесь имеет только два времени или по-настоящему лишь только одно, ибо так называемое *настоящее* есть, если сравниваем стр. 69, не *сослагательное*, а явно *возжелательное*. — Что там названо было *будущим неизменным*, здесь называется *будущим неопределенным*! Сперва выставленные деепричастия переведены по-русски ошибочно «*бывший*» и «*сделавшийся*» вместо «*бывши*» и «*сделавши*»; а в следующих те, кои переведены «*не быв*», «*не бывший*» (опять ошибочно вместо: «*не бывши*») отрицательны и, следовательно, еще не сюда принадлежат.

Стр. 67. Сочинитель напоследок начинает новый пример спряжения, как обыкновенно водится, *изъявительным* наклонением, но представляет здесь *три времени настоящих*, кои все переводит одинаковым образом: «*я верчу!*» Между тем он по крайней мере о треть-

ем сообщает примечание, в котором изъясняет настоящее значение этого времени, и желательно было бы, чтобы он таким же образом пояснил и значение второго, для различения одного от первого. Сие замечание относится и к следующим *прошедшим* временам, коих он также здесь принимает *три*, переводя все: «я *вертел*»! В конце упомянутого примечания к третьему настоящему времени, конечно, замечается, что сказанное тоже разумеется и в прошедшем, из чего следует, что и из выставленных *прошедших* времен *одно* имеет смысл *продолжения*, но какое именно, второе или третье? Это надобно было именно указать, и вместе показать, какое именно различие между двумя прочими.

Стр. 69. Принимаются также два времени *давнопрошедших*, коему прежде не было примеров. Чем же они различаются между собою в значении? Тот же вопрос можно делать и о следующих двух будущих, оба переведены: «я *буду вертеть*». — И о том мы опять узнаем новость, а именно, что есть сверх того еще будущие времена, означающие продолжительное бытие или действие. Это все само собою весьма хорошо, только следовало говорить об этом прежде, на своем месте, при общем обозрении всех времен, черкесами употребляемых. После изъяснительного наклонения следует на стр. 70 повелительное с неопределенным (неокончательным) причастием. Одни *деепричастия* и здесь еще отделены и выставлены на самом конце спряжения (стр. 72). Не лучше ли представить все это на одном месте, а именно на конце, как и справедливо водится обыкновенно? Но какой порядок ни принимается, он должен быть *всегда* со строгою постоянною соблюдаем при *всех* спряжениях равным образом, а не так, как здесь, где Автор начинает спряжения первых двух примеров с наклонения неокончательного и повелительного, а потом уже третье — иначе, с изъяснительного. — Впрочем, первых два слова повелительного («*изволь мне вертеть*») сюда не принадлежат и, следовательно, *здесь изменены*. — Наст<оющее> время неокончат<ельного> наклонения здесь выставлено не в своей настоящей черкесской форме (ср. стр. 60, § 110). Равным образом по крайней мере в русском «*вертя*» не есть причастие, а *деепричастие*. — Времена условного наклонения изложены в лучшем порядке, нежели в прежних примерах, хотя и здесь их всего *шесть*, и, отчасти, с другими наименованиями, нежели на стр. 67.

Стр. 71. Несмысленное название «будущее *неопределенное*» (!!) удержано, равно как и в настоящем времени сослагат. наклонения та же ошибка, которую мы заметили уже и при предыдущем примере существительного глагола на стр. 67! — Но и так остаются еще для со-

слагат. наклонения не менее *пяти* времен (!), коих превеликое количество против двух и трех при прежних примерах и возбуждает невольно подозрение об их правильности. И, вероятно, два из четырех (1) так называемых прошедших на стр. 72 *здесь* излишни, перемещены сюда из другого особенного *вида*, равно как и некоторые из многих деепричастий прошедшего времени напрасно перемещены сюда из *вида отрицательного!*

Стр. 79. Если § 105 на стр. 94 и след<ующих> правилен, то *ѣкѣра́хоненгорь* не может быть настоящая черкесская форма для неокончат<ельного> наклонения утвердительного вида. Еще явнее ошибка, что настоящ. время переведено: «он точно *вертел*» точно таким же образом, как и следующее *прошедшее*!! Впрочем, не хорошо, что Автор здесь ограничен выставить одно лишь только третье лицо единственного числа, отчего может произойти мнение ложное, что утвердительный вид и не имеет больше! Вообще следует объяснить все существующие в языке *разные* виды примерами *полного* спряжения, чтобы познакомить читателей с языком во всем его объеме грамматического устройства. — О следующем примере спряжения *страдательных* (стр. 74–78) вообще замечаем, что Автор везде напрасно выражается и в единственном числе, напр. «меня вертят» или «вертит», а в следующих временах часто даже в *одном* только единственном числе (напр., «меня уже *вертел*», «меня давно *вертел*» и пр.), хотя такие речения уже уклоняются от страдательного понятия, предполагая какое-либо, хотя бы подразумеваемое *действующее* лицо. — Правда, что это можно предполагать и при другом роде выражения, но все-таки есть значительная разница между «меня *вертят*» и «меня *вертит*». При первом речении вовсе и не спрашивается о том, *кто* именно действует, а главное — то, что действуют «на *меня*», т. е. что *я* — предмет действия, и тем *страдаю*. Напротив того, когда говорится «меня *вертит*», известно уже, *кто* именно это делает, и внимание обращено на того, кто действует, а не на того, на которого действуется. Итак, правильнее и довольно писать везде только во множеств. числе «меня *вертят, вертели, будут вертеть*» и пр., которыми оборотами русского <языка> по недостатку особенных отдельных грамматических форм, каковые имеются, напр., и в турецком языке, именно заменяются глаголы страдательные. — Впрочем, Автор и в своем страдательном изложении недостаточно различает времен между собою, а переводит *оба прошедшие*, как и *оба давнопрошедшие*, одним и тем же образом, прибавив к второму только «уже», которое наречие само собою *одно* ничего больше не объясняет. *Оба будущие* также переведены: «меня *будут вертеть*!» — В неокончат<ельном> наклоне-

нии после выставленных черкесских форм написано еще «и пр.» (да какие же еще «другие»?!), и эти переведены «будучи верчен» и «быв верчен» (!!) тогда, когда I на стр. 77 было переведено совсем правильно: «быть верчену». Эти <формы> и здесь помещены, как и повелительное, после изъявительного: но нигде не видать ни деепричастий, при причастий. Разве таких вовсе нет в черкесских страдательных? Напротив того, с изумлением увидишь число времен *сослагательного* наклонения еще умноженным; ибо их здесь всего *семь*, а именно *два* настоящих и *пять* прошедших!! Всякий угадает, что это не могло случить<ся> иначе, как от смешения *страдательного* с другими залогами или видами; каковое предположение и подтверждается самим русским переводом этих многочисленных времен, сколь ни мало точности, впрочем, и здесь, как и в других местах, соблюдено. Во всяком случае, *условное* наклонение вообще гораздо правильнее.

Стр. 77. Замечательно по крайней мере то, что выставляются *причастиями* слова, переведенные по-русски: «идучи дождь» и «шедши дождь»!!

Стр. 78. Из спряжения возвратного глагола выставляются только настоящее время и одно прошедшее с примечанием, что есть еще и другие прошедшие, из коих приводится один пример, который также переведен: «я мылся». О прочих указывается, например, спряжение в действительном залоге. Автор лучше бы выставил полный пример к возвратному спряжению, но точнее, нежели в действительном залоге, коего недостатки показаны выше.

Стр. 79. Спряжение отрицательных глаголов опять начинается повелительным наклонением и причастиями, и все это изложено, как обыкновенно, очень неясно и замешанно. Так, уже в самом начале: «хуh» — «будь», 2 лица — «умухо» — «не будь», и пр. Как будто все, что сказано до слов: «2 лица», относилось бы к 1-му. По содержанию («будь» и «не будь») конечно, видно, что и в начале речь идет по-настоящему уже о втором лице (ибо повелит. наклонение не может иметь первого лица (по крайней мере в единственном числе), но при всем том смешно писать так бессмысленно.

Второе отделение начинается следующим образом: «В смысле двойственно-действительном говорят: «афьмуаіакъ» — «да не будем мы с вами вперед», «Будь то так! Тут нет еще никакого смысла двойственно-действительного. Другое дело с следующими «ушуіахуh» — «не заставляй быть» и пр. Но к чему же Автор вмещает формы залога двойственно-действительного в статью об *отрицательных* глаголах?! Это ведь совсем различные глаголы, которые, следовательно, должны быть изложены особо, а не смешаны один с другим, как здесь

на всей странице! Есть, кроме того, еще и другие весьма сомнительные места. Так, напр., не удобопонятно сие определение: «В первом лице множеств. числа употребляются оба местоимения *dh* или *đ* — *мы*; *fh* или *ф* — *вы*; *dfh* или *эф* — *они*»!! Несмотря на целое, весь состав переводимых слов, нельзя не спрашивать, означают ли *dfh* или *df* в самом деле «они»? В следующих примерах ведь *dfmилежъ* переводится: «нас не заставляй их делать!» Вместо «не заставляй их делать» на конце <Автор>, вероятно, хотел сказать «да не заставят их делать», равно как и вместо «не будет бросать» — «да не бросает»! Потом «*юмигъ азъ*» переводится «не заставляй его бросать» и «*рейми азъ*» — точно также! Кроме того, еще: «рейми — азъ» — «не заставляй его бросать» и «*думи азъ*» — точно также! Неужели все это правильно? — Что значит «настоящее будущее время»?

Стр. 80. По окончании причастий следует утвердительное со своими причастиями, между которыми одно — *настоящее будущего времени* (не сущий; и не делающий, невозможный — не существующий и тоже: не делающий, невозможный) предшествуют под простым именем *причастий* и под надписью: прошедшего времени «никак не бывшие» и «никак не бывшие, или точно не бывшие»!! Время *настоящее повелительного* наклонения Автор переводит «я не буду» (!), тогда когда непосредственно после того в другом примере пишет правильно: «я не делаю».

Следующее на *стр. 81* *настоящее будущее* (I) время — «я не могу быть» и «я не могу делать» — по-настоящему опять не принадлежит сюда, а к глаголам *отрицательно-возможным*, о которых говорится после на *стр. 83*! Какое же точное понятие может получить читатель, когда спряжения таким образом составляются, перемешав в одно разные залоги или виды!! Ошибки суть в условно-прошедшем времени: «если не *бывший*» и «если не *сделавший*» вместо «если не *был, сделал*», равно как на *стр. 82* в деепричастиях: «не *бывший*» вместо «не *бывши*».

Стр. 83. Примечание должно было прочитать несколько раз, чтобы понять его содержание вполне. Вообще это весьма часто случается в сей «Грамматике» оттого, что совсем неправильно употребляются знаки препинания, чему может быть, переписчик — главная причина, от незнания и крайнего небрежения. В следующих словах <:> «частица *kh* по большей части прибавляется к концу настоящего времени, а частица *rh* — всегда к концу настоящего и будущего» <-> подозреваю какую-нибудь ошибку. По крайней мере самый первый пример представляет не настоящее и не будущее время, а прошедшее («любил ли ты меня?»). Претемно изложено и последнее отделение

сей страницы, начиная со слов «Адихейский» (в других местах: «Атыхейский») язык, где следовало бы сделать новый абзац, потому что все следующее никакой связи с предыдущим более не имеет, а относится к новому отдельному предмету — к глаголам отрицательно-возможным. При всем старании вовсе не могу постигнуть, что Автор хочет сказать словами: «вставляется еще слог *фъ* для сильнейшего выражения *фххъ* пред действием, означающий неопределенное наклонение»?!

Стр. 84. В § 112 примеры отчасти не соответствуют правилам. Ежели не ошибаюсь, надобно бы написать не «*зрайень*», «*зрипалагунь*», а «*зрагаченъ*», «*зригалагунь*». В начале § 116 пропущены перед словом «глаголы» слова «двойственно-действительные».

Стр. 85. В примечании «заставить умереть» и «заставить спать» — явная ошибка, ибо первое есть по смыслу одно и то же, что «умертвить», как и второе то же, что «усыпить», и, следовательно, нет того нового действия, о котором Автор думает. Надобно написать: «заставить умертвить» и «заставить усыпить». — В § 116 конца нет в правиле: «Большая часть глаголов, требующих на русском языке предлогов чрез, по и пр.»?! А в § 117 не понимаю, к чему служат вставленные в скобках слова «(покупать — продавать)»... Впрочем, оба эти §§ 116 и 117, здесь совсем не на своем месте, а принадлежат к синтаксису!

Стр. 86, § 119. Подтверждается самим Автором наше замечание выше о недостающих в примере спряжения *страдательного* причастий! Здесь он именно говорит, что и страдательные, как естественно, имеют такие!

Стр. 88. «*Полдень*» есть имя существительное, а не наречие, как «*в полдень*». «*Чаще*», «*опять*», «*некогда*» и «*никогда*» суть наречия *времени*.

Стр. 89. Напрасно сделан новый § <124>, содержащий в себе не что иное, как продолжение той же материи, как предыдущий § 123. — Впрочем, и здесь мало точности в расположении разных наречий. Так, напр., «*почему*», «*потому*», «*вместе*» и след. ни *подтверждают*, ни *отрицают*.

Стр. 90. Какое различие между «*могоһ*» и «*аройъ*» или агайъ? — 8-я есть статья излишняя, которую следовало присоединить к 1 в начале § 123. — Излишнею кажется и 9я с названием неудачным («*значит поущение*»). — Наречие «*ненарочно*» никакого сомнения не выражает. — «*Мо*» и «*однакож*» — вовсе не наречия, а *союзы*! — Уже прежде замечено, что название «предлог» не идет прилично к черкесскому языку, как явствует из собственного Автора самому се-

бе *противоречаще* <го> описани<я> в § 125: «*предлог* есть частица слова, поставляемая *после* имен! Как можно назвать *предлогом* <то>, что *поставляется после* имен!

Одни лишь только сливаемые с глаголами частицы, упомянутые в § 128, суть настоящие предлоги; все прочие — *залог* или *послеположения*. Далее Автор об них говорит в § 126, что они означают каку-либо близость или приближение, либо отдаленность или отдаление, и потом в следующем § исчисляет множество мнимых предлогов, кои будто все означают близость или приближение! А где же означающие отдельности или отдаление? Впрочем, в их расположении надлежало бы, как здесь, так и в § 129, соблюсти лучший порядок, присоединить такие, которые по значению сходны между собою, не упуская из виду объяснение об их разности и избегая повторения, чтобы читатели могли получить полное, но при всем том вместе и подробное и точное понятие — *ниже и выше* — уже по-настоящему *наречия*.

Стр. 95 и след. Союзы также расположены без надлежащего порядка и с напрасными повторениями. — Попались и частицы, которые *не союзы*, как: «*иногда*», «*опять*», «*вместо*», «*правда*» и «*не*».

В «*Синтаксисе*» Автор целиком рабски последует *Гречу* и пописывал его правила о русском языке, не обдумывая, приличны они черкесскому или нет. Так, напр., уже на *стр. 98*, когда говорит, что связка *отсекается* и только подразумевается. Но сие опровергается его собственными примерами, в коих окончание *шь* — не что иное, как та самая связка («*есть*»), про которую он ложно утверждает, будто она нередко отсекается. — В предыдущем замечании он столь же неправильно принимает одно и то же окончание *шь* за член определенный.

Стр. 100. § 9 буквально списан с § 119 у *Греча*, не мысля о том, что последние слова «*и предшествующих им предлогов*» опять совсем не сходны с черкесским языком.

В § 11 Автор почувствовал, что нельзя было говорить, как *Греч*, об усеченном окончании, и вставил другие слова, выражаясь: «*Прилагательное в сем случае употребляется вспомогательный глагол*» — правило совершенно бестолковое! — Следующее на сей странице последнее правило опять списано буквально с *Греча*, несмотря на то что *творительный* падеж у самого Автора совсем не оканчивается на *-го*, как следовало бы, если могло бы самое правило относиться и к черкесскому языку! — По надписи I. «*Именительный падеж*» читатель ожидает дальнейших правил об упомянутом падеже, но *стр. 101* начинается с продолжающегося до *стр. 105* § 12, который обещает «*всеобщие правила*», содержащие «*всё, что нужно для сочине-*

ния речи на атыхейском языке» (1). Тут-то скоплены в кучу всяческие правила о разных частях речи и о разных падежах, в отношении к согласованию и размещению слов, но без всякого порядка. Почему же Автор не разделил согласование слов от управления и <не> изложил то и другое отдельно, как *Греч*? Это облегчило бы обозрение синтаксиса вообще. Да, к сожалению, и правила Автора, в частности, не точны, темны и отчасти противоречащие между собою. Так, уже на упомянутой первой стр. 101 а) именительный падеж управляется глаголом в числе и лице и поставляется пред глаголом; б) вопросительная речь в атых<ейском> языке начинается всегда *помогающим* глаголом по свойству смысла, а именительный <падеж> — после оногo. Иногда речь начинается *самим глаголом*. Потом г) (а где же в?) вопросительные местоимения и наречия поставляются всегда в начале, расстраивая вышеозначенный порядок, касающийся именительного падежа и глагола. К выше сказанному главному правилу а) замечается: «А когда случается два или более именительных падежей, тогда глагол употребляется в множ. числе», и потом: «Так уже имена и местоимения, принадлежащие к оным» со следующим примером: «величество и благость бывають редкими спутниками!» Какие же имена и местоимения здесь принадлежат к оным (двум именительным падежам)? Редкими спутниками, что ли?

Или правило должно быть изложено яснее, или надобно выбрать другой пример или более — для достаточного изъяснения правила. — Что такое «*помогающий глагол*, о котором говорится в правиле б)? Сперва я думал, что Автор, может быть, хотел сказать «*вспомогательный*»; но все-таки остаюсь в недоумении, имея перед собою примеры: «*учитсЯ ли он?*», «*достал ли он?!*» И к тому еще прибавлено замечание: «иногда речь начинается *самим глаголом*» со следующими примерами: «*видишь ли ты?*», «*видит ли он?*» — Можно бы, кажется, писать просто: «вопросительные предложения начинаются глаголом» — и все было бы коротко и ясно.

Следующее правило г) оставлено без примера. Далее автор уже не означает правила, как до сих пор, буквами алфавита, и излагает, впрочем более часто, свойства языка русского, а не черкесского, как, напр., в примечании следующего содержания: «когда одно имя существь<ительное> поставляется пред другим, то оно превращается в прилагательное, напр.: «*морская рыба*» и пр. То ли и в черкесском языке? Сверх того, черкесские примеры не вполне соответствуют русским, содержа в себе целые предложения: «(это есть) морская рыба» и пр. В «замечании» к сему на стр. 109 <:> «разуметь сие о суще-

ствительных таких, кои по своему знаменованию суть разных, и одно служит названием другому» <—> чего-то не достает.

Черкесские прилагательные (отнюдь не по утверждению автора) потому поставляются пред существительными, что должны согласовываться с последними, ибо согласование могло бы все-таки существовать, если бы только черк<есские> прилагательные различали роды и числа в соединении с существительными, как и в латинском языке прилагат<ельное> всегда согласуется с существительным, несмотря на то, впереди ли стоит прилагательное, или позади, что есть особенное обстоятельство, от согласования совсем независимое. — Автор прибавляет еще: «С некоторыми из местоимений прилагательные должны согласоваться и в числе»; но я думаю, что это бывает не только с некоторыми, но со *всеми* такими местоимениями, а словцо «и» здесь совсем неуместно и, следовательно, излишнее, потому что, кроме числа, вовсе нет чего, в чем они могли бы согласоваться. — Правило «Местоимение возносительное (Автор хотел или должен сказать «*относительное*») должно согласовываться с именем предыдущим в *роде*, числе, лице и *падеже*» не точно изложено, ибо 1) о *роде* нет и надобности говорить, когда в черкесском языке родов вовсе нет, а 2) согласование в *падеже* может существовать в *некоторых* только особенных случаях, зависящих от качества предложений. По большей части, однакож, согласования в *падеже*, как видно и у самого Автора из следующего правила, вообще основательного, исключая самое начало, которое не соответствует делу и приведенным после примерам. Итак, следует или точнее выразить как сие, так и предыдущее правило, или же соединить оба в одно, например таким образом: «местоимение относительное должно согласоваться с именем предыдущим в числе и лице, а равным образом и в падеже, если следующий глагол или предлог не требует другого.

Стр. 103. Написано во втором правиле: «глагол *настоящего времени*» вместо: гл<агол> *неокончательного наклонения*, а следующее: «Два глагола стоят вместе, тогда зависимый полагается в неопределенном наклонении» (разве: когда два гл<агола> стоят вм<есте>, т<огда> з<ависимый> п<олагается> в неокончательном наклонении) содержит вздорное прибавление: «но следующие, а также и помогающие (!) глаголы управляют неопределенным наклонением с предлогом», коего настоящего смысла я даже не постигаю, хотя и приведено множество примеров, в коих, однакож, ни одного предлога! — Бестолково и следующее примечание: «Если в русском речении не будет глагола, тогда употреблять в атыхейском языке прибавляется к именам окончание *n* и *иъ*»?!

Стр. 104. В примере к правилу о причастии слово «любя» — не причастие, а *деепричастие*, почему переменено или самое правило, или пример. — В следующем правиле употребляется опять чудное название «*помогающего глагола*», тогда, когда оно было бы ясно без этого слова. — Потом читаем: «В отрицательном смысле употребляется только одна частица и одна буква отрицательная». Странно! Неужели что во всем черкесском языке одна только отрицательная частица, чтобы не говорить о буквах? И к чему же служит такое правило? Ведь само собою разумеется, что отрицательные частицы имеют и смысл отрицательный! В первом примере последнего правила опущен глагол, да и неосновательно самое правило, что последующие за союзом имя и глагол должны быть в том же числе и лице, в каком и предыдущее. Ибо говорится против сего правила, например: «видел *его* и *многих других* прогуливающихся» или: «видел *их* и *тебя* здесь».

Стр. 107. В примере «агъчъ гтѣхри» и пр. не видать окончания *дательного*.

Стр. 108. г) сказано, что винительный падеж полагается после глаголов, управляющих творительным падежом с предлогом или с окончанием *kh* и *го*. Странно и непонятно, тем более что это правило оставлено безо всех примеров! — В § 19 Автор вдруг переходит к правилам о *творительном падеже*, не обращая на то внимания читателя особенною надписью (6. *Творительный падеж*), как при всех предыдущих падежах. Этим отступлением от принятого обыкновения он, впрочем, не избежит того удивления, в которое сей последний <параграф> приводит всех читателей, когда увидят здесь множество правил об употреблении *творительного падежа*, выписанных как-то по большей части всё в сем синтаксисе — из «Грамматики» *Греча*, хотя ни один пример <не> *представляет* того падежа по принятому автором на стран<ице> 13 для *творительного падежа* окончания *шь*, а в множ. ч. *хемь*, если не принять слово: *гатьхемь* в последней статье 7 (на последней стр. 109) за ошибку вместо *гатьхемь*, что в таком случае составило бы единственное исключение от множества других примеров, в коих русскому творительному падежу явятся соответствующими окончания *kh*, *го*, *шh*. Итак, или принять выше упомянутые окончания творительного падежа *мь* и *кемь* <как> ложные, или же ложны все здесь выставленные правила! Как бы то ни было, и сей последний § 19 содержит в себе самое сильное и поразительное доказательство о том невнимании и безмыслии, с которым составлена сия грамматика. — Даже и последние отделения свидетельствуют о крайнем нерадении!

О достоинствах «Словаря» может судить основательно только тот, который сам совершенно хорошо знает черкесский язык. О себе не могу сказать этого и потому ограничиваюсь заметить, что иногда пропущены слова, которых нельзя не ожидать здесь (как, напр., стр. 112 «вторник?»), что черкесские слова не везде написаны столь ясно, чтобы не было сомнения о буквах (так, особливо нельзя везде узнать, *ш* или *м*, или *ги* и пр.), что иногда в правописании является непостоянность, так что одно и то же слово пишется на одном месте так, а на другом — иначе (напр., стр. 117 то *х^н*, то *х^н*), и что слова не везде стоят на своем месте в согласии с надписями частных отделений. Встречаются и повторения, и не только такие, что повторяются на разных местах одни и те же слова на обоих языках, но и другие, более странные, возбуждающие сомнение о верности или по крайней мере точности перевода, как, напр., на стр. 154 ячмень называется сперва *ха*, а потом — *эато*. Потому было бы лучше, повторения исчезли бы сами собою и употребление «Словаря» стало бы удобнее и полезнее, если бы Автор хотел переменить порядок оного в *алфавитный*. Из прилагательных многие имеют, если не ошибаюсь, излишнее окончание *ийъ*, не принадлежащее к самому слову, а выражающее, что, кто имеет означаемое самим именем прилагательным качество, *есть* такой-то.

Публикуется по рукописи, хранящейся в СПб.Ф АРАН в личном фонде А.М. Шёгрена (Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 268).

Донесение экстраординарного академика
Императорской Академии наук
статского советника Шёгрена о рукописях,
найденных по смерти кабардинского узденя
штабс-капитана Шора-Бек-Мурзина

Покойный штабс-капитан Шора-Бек-Мурзин, при жизни мне лично известный, был человек по своей преданности правительству и по чистой своей любви к просвещению достойный высшего уважения, тем более что он не только умел вполне ценить высокое преимущество просвещения пред грубым невежеством своих единоземцев, но и собственными неусыпными трудами старался таковое невежество от них устранять и в том именно отношении собою подал своим соотечественникам пример до ныне первый и единственный. Наилучшим подтверждением сказанного служит, кроме оставшихся его многочисленных бумаг, собственное его предисловие к «Грамматике атихейского языка», живо отражающее пламенное стремление души его к просвещению и к споспешествованию распространения его между грубыми своими соотечественниками многолетними неутомимыми трудами. По крайней мере я не без сердечного умиления мог прочитать это, сверх того и примерною скромностию отличающееся «Предисловие», сожалея о жестокости судьбы, преждевременно прекратившей его жизнь именно тогда, когда он лишь только успел прибыть сюда в Петербург с тем намерением, чтобы здесь под ожидаемым и по мере его образованности необходимым для него руководством опытных в подобных делах людей довершить и издать свою «Грамматику» и другие сочинения.

Вследствие неожиданной кончины автора упомянутая его «Грамматика», к сожалению, осталась в нынешнем виде, не достигши еще того совершенства, которое она могла бы получить, если бы судьба дозволила автору ее здесь в Петербурге обработать. Как природный черкес-кабардинец, он с самых малых лет практически знал свой язык отлично, но лишь поздно начал думать о грамматической его теории, когда, уже в взрослых летах, служа здесь, в Петербурге, в Горском полуэскадроне, стал учиться русскому языку грамматически и напоследок с величайшим трудом достиг до того, что мог кое-как, хотя еще весьма несовершенно, письменно изложить свои мысли. Развивающиеся постепенно таким образом при удивительном его усердии общие грамматические понятия он стал применять к природному своему языку, и от того родилась мало помалу «Кабардинская его грамматика», пред сим уже многократно им поправленная, допол-

ненная и переписанная. Русские поправляли слог его; но такие, коим не было дела и охоты до самого внутреннего достоинства содержания. Оно осталось по-прежнему односторонним, недостаточным и сбивчивым. Посему это сочинение полезно только тому, кто умеет им критически пользоваться как материалом к исследованию грамматического устройства чудного и трудного кабардинского языка, существенно еще гораздо более различествующего от русского, нежели можно предполагать по одностороннему изложению покойного автора. Весьма естественно, что самая большая часть читателей книги, напечатанной в таком виде, мало или вовсе не будет в состоянии пользоваться ею вышеозначенным критическим образом, особливо когда нет никаких других способов к справкам о достоинстве содержания, а потому я и сомневаюсь в пользе отпечатания этой «Грамматики».

Другое дело с пространнейшею еще историческою рукописью под заглавием: «Предания черкесского народа». Есть, конечно, и в этой ощутительные недостатки и странные неосновательные соображения, естественные по степени образования покойного автора; но тут каждый предусмотрительный читатель сам легко увидит, в какой мере он может полагаться на сочинителя, и, не опасаясь быть введенным в заблуждение, снисходительно извинит встречающиеся недостатки, щедро вознаграждаемые множеством любопытных и совершенно новых сведений. И вот на каком основании эта рукопись с пользою может быть напечатана в каком-либо хорошем периодическом журнале или, может быть, лучше даже отдельною книгою и, разумеется, под именем автора, коего многостороннему трудолюбию она делает честь.

Обращаюсь теперь к остальным так называемым черневым бумагам, состоящим из 16 разных тетрадей различного объема. Из них

1. составляют записки на турецком языке, заключающие в себе исторические предания, не заслуживающие особенного внимания.

2. есть краткий «Кабардинский букварь», назначаемый покойным автором, кажется, для его соотечественников, чтобы учить их грамоте по выдуманному им для кабардинского языка новому алфавиту на основании арабско-турецко-персидского.

3. по большей части разные кабардинские записки, тем же алфавитом написанные.

4. Маленькая черневая записка, относящаяся к «Грамматике» и именно к синтаксической ее части.

5. есть первое продолжение «Словаря», начатого в «Грамматике» и, следовательно, непосредственное продолжение самой «Грамматики». На последнем листе есть еще кабардинская песня с русским переводом.

6. Черневые части исторической рукописи («Предания черкесского народа»).

7. Второе продолжение «Словаря» и вместе с тем самой «Грамматике» (см. выше 5).

8. Список с моих «Примечаний» на прежнюю «Грамматику» автора (см. 12), но без конца, и вместо того с 2 черновыми листами, относящимися к «Грамматике».

9. Черневая <записка> маленькой части «Грамматике».

10. Русский перевод с арабского вместе с подлинником, объясняющий некоторые мусульманские религиозные понятия.

11. Черновая отдельная записка о разных прежних и нынешних кабардинских обрядах и постановлениях, весьма любопытная и заслуживающая быть напечатанной вместе с вышеупомянутой главной исторической рукописью («Предания Черкесского народа») вроде «Приложения» или «Дополнения».

12. Самая пространнейшая черневая «Грамматика» с «Словарем», как она была обработана автором и частным образом им препровождена ко мне в 1840 году на рассмотрение, почему я для руководства почтенного сочинителя по силе ограниченных моих познаний о кабардинском языке, почерпнутых из самой его «Грамматике» посредством критического ее разбора, написал уже выше под № 8 упомянутые «Примечания», отправленные мною к нему при возвращении рукописи.

13. Также огромная черневая, содержащая 3^e продолжение «Словаря» и вместе с тем новой «Грамматике» (см. выше 7) с прибавлением «Разговоров», который покойный автор, по-видимому, хотел приложить к новой своей «Грамматике», но даже в черне не докончил.

14. Пространная черневая значительной части «Грамматике» в новейшем ее виде.

15. Собрание разных черневых бумаг, содержащих черневые переводы народных песней, помещенных в исторической рукописи.

16 и последняя тетрадь заключает в себе черновые бумаги, относящиеся к упомянутой исторической рукописи.

Итак, по моему мнению, из всех этих бумаг достойны напечатания только: 1. Главная историческая рукопись на 88 листах под заглавием «Предания черкесского народа» и вместе с нею в роде особого приложения 2, из черновых бумаг тетрадь одиннадцатая на 23 листах. Вместе с ними относящиеся к «Преданиям черкесского народа» черневые тетради шестая и шестнадцатая, по приписанным основательным замечаниям от тех лиц, которые до меня еще, как видно, рассмотрели эти бумаги, равно как для справок относительно правописания

сания многих собственных имен, должны бы быть переданы тому, на кого возложится издание исторической рукописи и дополнительной 11-ой тетради. Что же касается до другой рукописи под заглавием «Грамматика атихейского языка» со всеми прочими черневыми тетрадями, относящимися по большей части к той же «Грамматике», то я долгом считаю представить на благоусмотрение Правительства, не угодно ли будет пожертвовать все эти бумаги Академии наук, как самому приличному месту для их хранения. Может быть, со временем явится какой-либо другой черкес-кабардинец, столь же ревностный любитель просвещения, как покойный Шора-Бек-Мурзин, и готовый следовать его примеру, чтобы под действием и руководством Академии продолжать и довершить начатый им, но через преждевременную его кончину прерванный ученый подвиг. Без сомнения, мудрое Правительство споспешествует исполнению таковой надежды поощрительным признанием тех единственных и великих заслуг, которые во всяком случае оказал Государству и Отечеству покойный Шора-Бек-Мурзин, умерший вдали от своего семейства.

Оригинал «Донесения» хранится в ЦГИА (Ф. 1268. Оп. 1. Ед. хр. 478). Копия его имеется в «Деле канцелярии Министра народного просвещения "О рассмотрении в Академии наук бумаг штабс-капитана Шора Бек-Мурзина"» (Там же. Ф. 735. Оп. 2. Ед. хр. 482). В наст. изд. публикуется по копии.

Приложения

Первая грамматика кабардинского языка

Наряду с собственными трудами А.М. Шёгрена — опубликованными и рукописными — в издание включены два варианта первой кабардинской «Грамматики» Шоры Бек-Мурзина Ногмы (Ногмова).

Сотрудничество академика А.М. Шёгрена с одним из первых кабардинских ученых подробно охарактеризовано во вступительной статье. Здесь целесообразно хотя бы кратко сказать о судьбе публикуемых рукописей Ногмова. Это «Начальные правила атыхейской грамматики» (1840) и «Начальные правила кабардинской грамматики» (1843). По варианту 1840 г. академик учил кабардинский язык, написал на него подробную рецензию (она публикуется в наст. изд.). С учетом замечаний Шёгрена Ногмов подготовил второй вариант своего труда (1843), который планировал доработать и опубликовать в 1844 г. в Петербурге. Внезапная смерть оборвала его планы.

В XX в. кабардино-черкесские материалы, сохранившиеся в Петербургском архиве, стали предметом многолетних исследований известного кавказоведа Г.Ф. Турчанинова. В течение двух десятилетий ученый изучал в архиве А.М. Шёгрена в СПб.Ф АРАН кабардино-черкесские материалы Ногмова, скопированные академиком, а также рукописи, связанные с его экспедицией на Кавказ и в Крым. Г.Ф. Турчанинов провел огромную исследовательскую работу в военно-исторических и гражданских архивах Кавказа, Москвы и Ленинграда. На основе собранных материалов ему удалось документально воссоздать жизненный и творческий путь Ш.Б. Ногмова, охарактеризовать роль А.М. Шёгрена в формировании первого кабардинского ученого-просветителя¹, проследить судьбу рукописного наследия Ногмова. Он установил, что рукописи «Начальных правил атыхейской грамматики» и «Начальных правил кабардинской грамматики» никогда не входили в архив Шёгрена, хотя первая рукопись была у него, когда он рецензировал ее в 1841 г., а вторая — когда он писал заключение о посмертных бумагах Ногмова в 1844 г.

Важно заметить, что ни в одной описи материалов архива Шёгрена — ни Лерха, ни Вольтера — рукопись «Грамматики» не упоминается, как не упоминается она и в той части архива Шёгрена, что передана в Азиатский музей в 1890 г.

В процессе исследования истории этой рукописи Г.Ф. Турчанинов установил, что после смерти Ногмова его материалы, отрецензированные Шёгреном, по распоряжению военного министра графа А.И. Чернышева были отправлены на Кавказ (сначала в Темирхан-Шуру, затем в Тифлис), где в

50-е годы были вручены уже упоминавшемуся известному исследователю языков народов Кавказа П.К. Услару. В 1858 г. эти рукописи были отправлены академику М.И. Броссе и оказались среди его материалов в Азиатском музее². Отсюда они попали к известному кавказоведу проф. А.Н. Генко, который в конце декабря 1940 г. предоставил их для работы Г.Ф. Турчанинову. Последний сделал их фотокопии и на их основе подготовил второй том «Филологических трудов» Ш.Б. Ногмы (в первый том вошли записи адыгского фольклора, сделанные Ш.Б. Ногмовым, и его кабардино-русский словарь)³.

Итак, второй том «Филологических трудов» Ш.Б. Ногмова целиком посвящен его «Грамматике».

Издание текста предваряет подробное вступительное исследование Г.Ф. Турчанинова «О кабардинской грамматике Ш.Б. Ногма», в котором воссоздана история двух рукописей этого труда, дано их детальное описание (в том числе их графики), рассказано о создании Ногмовым кабардинской нисьменности, очерчены фонетические и грамматические особенности кабардинской речи второй четверти XIX в. по данным Ногмова.

В разделе «К пользованию грамматикой» подробно охарактеризованы принципы публикации рукописей «Грамматики» Ногмова:

«Начальные правила Кабардинской грамматики» в данной публикации представлены текстами в двух редакциях. Полностью дан текст грамматики 1843 г. и в вариантах к нему текст 1840 г., поскольку первый представляет переработку второго. Оба текста в специальной части набраны ногмовским алфавитом на русской графической основе. От набора грамматики 1843 г. в специальной части вновь изобретенным Ш. Ногма особым, оригинальным алфавитом на арабско-персидской основе пришлось отказаться. Этот алфавит, помимо того что он требовал отливки многих специальных знаков, при слабом знакомстве современного кабардинского читателя с арабско-персидской графикой не способствовал бы широкому пониманию публикуемых трудов. В части арабско-персидской мы ограничились лишь публикацией в «Приложениях» таблицы этого алфавита в той его форме и последовательности, в какой он был дан у Ш. Ногма в § 4 его грамматики 1843 г. При публикации кабардинские слова и формы обеих грамматик для лучшего их понимания даются одновременно как в ногмовской записи, так и в современной орфографии рядом, курсивом в круглых скобках. Редакционные поправки текста везде оговариваются в сносках. Восстановленный текст или буквы даются в квадратных скобках, причем по очевидности своей чаще всего без оговорок. Знак <или > обозначает движение от исходной формы; знак || — параллельно употребляющиеся формы. Ссылки на варианты везде обозначены буквой В с цифрой в скобках, напр.: (В 1); ссылки на комментарии — буквой К с цифрой также в скобках, напр.: (К 7). Комментарии носят специальный характер, не претендуют на полноту и рассчитаны на подготовленного читателя»⁴.

В данном издании обе рукописи, заключительная часть которых утрачена, публикуются в репринтном воспроизведении по оригиналам, хранящимся в Институте восточных рукописей РАН (Архив востоковедов. Ф. 74 (Генко А.Н.). Оп. 1. Ед. хр. 100 и 74).

¹ Турчанинов Г. О жизни и деятельности Шоры Ногмова (1801–1844) // Шора Ногмов (1844–1944): Сб. документаций и статей к столетию со дня смерти. Нальчик, 1944. С. 20–44; то же см.: *Ногма Ш.Б. Филологические труды* / Подг. Г.Ф. Турчанинов. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 7–22; *Ногма Ш.Б. О кабардинской грамматике Ш.Б. Ногма* // *Ногма Ш.Б. Филол. труды*. Нальчик, 1958. Т. 2. С. 7–52.

² Турчанинов Г. О кабардинской грамматике Ш.Б. Ногма // *Ногма Ш.Б. Филол. труды*. Т. 2. С. 14.

³ *Ногма Ш.Б. Филологические труды*. Т. 1, 2.

⁴ *Ногма Ш.Б. Филологические труды*. Т. 2. С. 52.

А.И. Алиева

Ш.-Б.Ногма
<Начальные правила
атыхейской грамматики>

Предисловіе

Въ тогѣ времяни какъ я узналъ, что каждаго народа, сколько имѣетъ образованній, имѣетъ науку въ своемъ языкѣ, и въ самую подлинную Грамматику, я отъ тѣхъ ревностно занимаюсь своимъ Английскимъ Языкомъ, какъ преваясь современенъ оставилъ его Грамматику, каждаго понимающій хорошо это тѣло легко можетъ себя представить, съ какими затрудненіями и трудностями обій обрѣтается, неимѣя никакого, обращаю сей части, кроме изъ котораго правильна Арабскаго языка, котораго въ немъ имѣетъ сигнала въ воспоминаваніи. По приѣздѣ въ Петербургъ на службу, во шнѣ отъ бывшаго мною пробудилась давнишнее мое желаніе — написать грамматику и въ все часы свободныя отъ службы, началъ писать нѣсколько Русскаго языка и его грамматики. Главная часть рѣчи представляема была отъ начала затрудненій, но отъ размышленій цѣль, и ясно видѣлось, какой свѣтъ проливается на сей языкъ: это я употребилъ по привычкѣ, въ тѣхъ я началъ обій правила, подѣ котораго я подвѣсилъ свой языкъ. Тогда я узналъ, какъ важна и важна Грамматика, что бы не сказать, что она и есть источникъ и достоинства русскаго языка, и говорю, что она, что она способствуетъ къ правильности

(*) Великия имена Кавказа, Белити, Келираи, Клати, Види, Славони, Савраи и Свети и т. д.

Архив
Императорскій
№ 16 1868

но каждая часть имеет, что это не един-
ственный, который, чтобы усовершенствовать
вспомогательные, требует долгих времени. Нако-
нечай, быть может сказать; почему я
сначала не издаю сокращенной грамматики
но мне кажется, все будет полезно, что я
хотел сделать, и потому я решился
издать обширную Грамматику, хотя и
отверну, что не все вышедшие из обработки,
как следует.

Успех мой будет достигнут, если мои
соотечественники, научатся изучать Аме-
риканский язык и Русский по моей Грамма-
тике, и если Русские, станут способными
изучить языки, обратят внимание на
наши языки, обильные, древние,
Европейцами неизвестные, представляющие
обширную область для Силлогий и Историй.

Быть может бывший профессор в Ун-
верситете Восточных языков Шарль
издаст первую часть этой Грамматики
в Париже на Французском языке,
потому что он видел успехи своих
учеников первой части, составленной
впрочем во все не совсем обработан,
как издаваемый мною теперь.

Архив
Восточных языков
№ 46 1867
○ _____
№ _____
25 _____

Начальные правила Аттырейской Грамматики

Введение.

- § 1. Аттырейская грамматика учитъ правописание и писать по Аттырейски.
- § 2. Мы говоримъ посредствомъ словъ составляющихъ слово, а слити ихъ буквъ.
- § 3. Буквою называется изображение начального звука существа или составленнаго слова.
- § 4. Буквы въ Аттырейскомъ языкѣ 29 численны:
- + А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Ъ, Ы, Ь, Ъ, Ю, Я, Ъ.

Сей алфавитъ составленъ ии ^вбуквахъ, но послѣдняя буква есть Коисукка ^т, которая послѣ согласной шипитъ въ Аттырейскомъ языкѣ почитается за пошураскуръ, а въ началѣ словъ шипитъ и согласной, но когда послѣ согласной или согласной шипитъ, тогда не можетъ слитица бѣсидъ, а дрисаетъ только складъ долинитъ на тришпуръ.

АТТЫРЕЙСКАЯ
ГРАММАТИКА
1867

О
С
Т

рауи или иураи, ноуиго или оуи, еи сердце; ууи арба или ноуи, нуи широко
акки огонь, ууи дои и т.д.

Примечание: кроме сего потребовались и по недостатку: Писемъ буквъ, для исправления Амалейскаго алфавита, надъ которыми будемъ употреблены три така для ии и еи ии и еи ии и еи, которые суть амалейскіе (°), (°) (°) Сии надъ которыми таки сии поставлены будутъ должныя прописныя амалейскія буквы:

в.	какъ	<u>хх</u>	
и	—	<u>и</u>	
з	—	<u>з</u>	
к	—	<u>к</u>	
н	—	<u>н</u>	
о	—	<u>о</u>	
д	—	<u>д</u>	или <u>и</u>
е	—	<u>е</u>	или <u>и</u>
ж	—	<u>ж</u>	или <u>и</u>
з	—	<u>з</u>	или <u>и</u>
и	—	<u>и</u>	
к	—	<u>к</u>	или <u>и</u>
л	—	<u>л</u>	
м	—	<u>м</u>	или <u>и</u>
н	—	<u>н</u>	
о	—	<u>о</u>	

Кроме сего еще арабскіи таки и (°) которые показаны въ предидущую или послѣдующую.

которых дарят ^{на} ~~одно~~, ~~и~~ ~~не~~ ~~успеет~~ ~~ни~~ ~~одно~~ ~~одно~~
отом горит, ~~и~~ ~~не~~ ~~успеет~~ ~~ни~~ ~~одно~~ ~~одно~~ ~~отом~~ ~~одно~~
и ~~не~~ ~~успеет~~ ~~ни~~ ~~одно~~ ~~одно~~ ~~отом~~ ~~одно~~
~~и~~ ~~не~~ ~~успеет~~ ~~ни~~ ~~одно~~ ~~одно~~ ~~отом~~ ~~одно~~
~~и~~ ~~не~~ ~~успеет~~ ~~ни~~ ~~одно~~ ~~одно~~ ~~отом~~ ~~одно~~
~~и~~ ~~не~~ ~~успеет~~ ~~ни~~ ~~одно~~ ~~одно~~ ~~отом~~ ~~одно~~

§ 19.

Предметы имеют свои свойства:

1. Однородные, которые имеют одно и то же
свои свойства, например: дерево
дерево, дерево. дерево имеет свойства
однородные, например: дерево растет, дерево
дерево имеет, дерево растет.

а) с разными свойствами:

дерево имеет дерево дерево; дерево дерево дерево дерево
одна дерево, одна дерево. дерево

б) с разными свойствами:

дерево имеет дерево дерево дерево дерево.

2. Неравномерные, которые имеют разные
свои свойства, например: дерево дерево, дерево дерево
дерево дерево, дерево дерево.

3. Сложные, которые имеют разные
свои свойства, например: дерево дерево, дерево дерево
дерево дерево, дерево дерево.

§ 20.

Некоторые свойства бывают:

1. Сложные, которые имеют разные
свои свойства, например: дерево дерево, дерево дерево
дерево дерево.

дерево дерево дерево дерево
дерево дерево дерево дерево
дерево дерево дерево дерево.

Адрес
Издательство
№ 14 1907
© _____
№ _____
Ж _____

чи ~~дѣл~~ о наступ; инициалъ словъ ^{мѣста} ~~слова~~ ~~бон~~
 совариенноу и ^{мѣста} ~~слова~~.

§ 30. По отъезу маблннхъ оконченій, существительнхъ
 или оконченныхъ существительнхъ словарей.

Примѣры.

Существ. русск.

- ~~А. ^{мѣста} ~~слова~~~~
 П. изъясненіе ~~словца~~
 Д. изъясненія ~~словому~~
 Б. изъясненію ~~словца~~.
 М. изъясненіи ~~словослову~~
 и. ~~изъясненію~~
 Существомъ русск.

Словесн. русск.

- Изъясненіе ~~словца~~
Изъясненіемъ ~~словца~~
Изъясненію ~~словца~~
Изъясненіи ~~словца~~
Изъясненіи ~~словца~~
Изъясненіи ~~словца~~.

А. П. Д.
 Б. М.
 В. С.
 Г. К.
 Д. Л.
 Е. Н.
 Ж. Р.
 З. С.

- А. Манихъ ~~книга~~
 П. манихѣ ~~книгу~~
 Д. манихѣ ~~книгу~~
 Б. манихѣ ~~книгу~~
 М. манихѣ ~~книгу~~

- А. манихѣ ~~книгу~~
 П. манихѣ ~~книгу~~
 Д. манихѣ ~~книгу~~
 Б. манихѣ ~~книгу~~
 М. манихѣ ~~книгу~~

Существомъ русск.

- А. каблѣ ~~перо~~
 П. каблѣ
 Д. каблѣ
 Б. каблѣ
 М. каблѣ

Словесн. русск.

- Каблѣ
Каблѣ
Каблѣ
Каблѣ
Каблѣ

Словесно-опредмеленныхъ

Существомъ русск.

- А. изъясненіи ~~словца~~
 П. изъясненіи
 Д. изъясненіи
 Б. изъясненіи
 М. изъясненіи

Словесн. русск.

- А. изъясненіи
 П. изъясненіи
 Д. изъясненіи
 Б. изъясненіи
 М. изъясненіи

отъ агузотъ, сумелънауръ, оеиноу аугр. отъ агузотъ
вумелънауръ или гурмагарамелънауръ, аносидъ и
иелотъ отъ агаранотъ.

§ 32.

Два сочетанія имени (зрп), покарману;
имено, иродуиѣ предѣлѣности, гурмагарамелъ
окованіи милукодъ, или гаиуотъ или суба
или сусодъ (имено икарманотъ), напримъ: хуръ
пора / по Перидекудиинъ / хуръ милукодъ Дарма
пора / по Перидекудиинъ / Дарма Дарма / по Пер-
идекудиинъ / Дарма милукодъ пора / по Перидеку
диинъ / отъ или хуръ пора, отъ милукодъ или
хурмукодъ пора / по Перидеку
диинъ / Два сочетанія сообразно радръ суба в.
самое сагану; Беломъ суба отомъ отомъ
отомъ; аидукъ суба генгану отомъ; инла
суба каменномъ имено.

§ 33.

Имена сосудотъ, называемыхъ (взрп), состоятъ
конца иѣ имени агузѣ отомъ владимиръ
согласованіи отомъ отомъ отомъ или уѣтъ, напр.
фрунцѣ / медовая содъ / сахаръ, фрунцѣ сахаръ
инла, отъ отомъ, инла отомъ / отъ отомъ
отомъ отомъ / отъ отомъ, отомъ отомъ отомъ
отомъ отомъ; отомъ отомъ, отомъ отомъ отомъ
отомъ и т. г.

§ 34.

Имена владимиръ, называемыхъ (взрп),
образуются приобщеніемъ къ концу имени
вещи или обидимыхъ, окончаніи отъ или
сидъ, напримъ: отомъ отомъ, отомъ
отомъ; отомъ отомъ; отомъ отомъ, отомъ отомъ
отомъ отомъ; отомъ отомъ, отомъ отомъ отомъ.

или индигни или индигни, Ангианит
или Ангианит; урусса Тоса, урусси или
урусси или урусси Тоссианит; фара
француз, фара или фара или
фара Француз; курин Брун, курин
или курин, курин Брун и т. д.

§ 38. Кувия индигни (كوبيا) обра-
зуется на Ангианит индигни индигни
или индигни индигни, и; если индигни индигни
индигни на а, и, то и индигни
индигни и, например: индигни, индигни, индигни
индигни или индигни; индигни индигни, индигни
индигни или индигни; индигни индигни, индигни
индигни или индигни; индигни индигни, индигни
индигни или индигни и т. д.

§ 39. Кувия индигни или индигни,
индигни (كوبيا), индигни индигни
индигни индигни или индигни индигни
индигни индигни или индигни индигни
индигни или индигни, например: индигни индигни
индигни индигни; индигни индигни, индигни
индигни; индигни индигни, индигни индигни
индигни; индигни индигни, индигни индигни
индигни; индигни индигни, индигни индигни
индигни; индигни индигни, индигни индигни
индигни; индигни индигни, индигни индигни
индигни и т. д.

§ 40.

Глиена двойственной (μαρσι) составительном от
повелительнаго склонения глагола от
отрицательнаго окончания со шипящим послѣдним
наприм: пишете, считываете или спра-
шиваете; забого сравнана, забого или забого
сравнана; забого глагола, забого или забого гла-
гола; забого глагола, забого или забого гла-
гола или забого и т.д.

§ 41.

Глиена двойственной (δωρισι) происшедшая
отъ глагола, составительномъ и повелительнаго
склонения, прибавляетъ къ концу слова
буква р, иногда въ началу повелительнаго
склонения прибавляется буква з или ж,
напримъ: исходите и исходите, забого и забого,
забого и забого; забого и забого глагола,
забого и забого глагола; забого глагола, забого глагола,
забого глагола; забого глагола, забого глагола,
забого глагола и т.д.

§ 42.

Глиена двойственной или двойственной (δωρισι) про-
исшедшая отъ глагола, составительномъ и
повелительнаго склонения; прибавляетъ къ
концу слова частицу и или и, буква
р или ор или ур, наприимъ: забого глагола,
забого или забого глагола, забого или забого
забого или забого глагола; забого глагола,
забого глагола; забого глагола, забого глагола,
забого глагола или забого глагола; забого глагола,
забого глагола или забого глагола; забого глагола
забого или забого глагола и т.д.

§ 43. Языки арабский, называемый (العربية) употребляется в повелительном наклонении прибавлением к началу слова частицы зер, наприм: зот отрубий, зеруот или зеруатре арабские стрелы; зет или зетсах или зеруатре татарские стрелы; зот зоты, зеруот или зеруатре зотисовы арабские ит. д.

§ 44. Языки сарматский и скотский, называемый на арабском (السارماتى), употребляется в повелительном наклонении прибавлением к началу слов частицы ит или итх (как в сарматском употребляется окончание ит: итит, ититре, ититре ит. д.), или к началу слова поставлением ит или итх, или ит или итх, наприм: зот сарматский, зотит или зотитре или зотитре скотского сравнения; зот скотский, зотит или зотитре скотского скотский; ит или итх или ит или итх, наприм: зот сарматский, зотит или зотитре или зотитре скотского скотский; ит или итх или ит или итх, наприм: зот сарматский, зотит или зотитре или зотитре скотского скотский ит. д.

§ 45. Языки армянский, называемый (Հայերէն), употребляется в повелительном наклонении прибавлением к началу слова частицы ит или итх или ит, наприм: зот армянский, зотит или зотитре армянский или армянский сравнения; зот или зот ит или итх, зотит, зотитре армянский армянский ит. д.

X
X
X
13

Глава четвертая

Об имени Пумагачеи.

44 17 18

§. 46.

Имя пумагачеиное сего свойства ижд-
равнение карсина в предиктм ^{наименование}
в предиктм; например дмитрий или дмитрий
исаидович; григорий или григорий старий
дом; павел или павел павелович поим-
нае книга; карсина тынае пер.

§. 47.

Имена пумагачеиные вграмають обо-
име предиктма, которая оны имеют сам-
собое название от других предиктмов, и на-
зываются по сему сущая неотносительными
или карсинами и отсюда сущая, например:
карсина ^{или} черной карсина, григорий ^{или} новый
дом; или означают какое либо обстоятельство
предиктма, к которому относится, например
случайное; в сему случае называюся относитель-
ственными, например: павелович или григорьевич,
хвостов или павлов или павлов ^{или} павлов
павел или павлов или павлов ^{или} павлов
павел или павлов или павлов ^{или} павлов
транец; дурасерия или дурасерия всераиный,
павел или павел павлов, павел или павел
павел, павел или павел, павел ^{или} павел
предиктм, павел или павел павлов. — Иногда
разреду принадлежат также имена существитель-
ных, коиже будут говорить о принадлежности к
славу). Но сиия пумагачеиные имена, что обсто-
ятельственных пумагачеиных составляют
почти всегда при принадлежности к кому имени обсто-

7

также
 къ существованию самому окончание рн. окончание
 ассон, аже прилагательному окончание ий, и
 назависимъ глагола, въ настоящемъ времени, на
 приим: визуиръ фривий глаголовъ дворъ (сорт). зап
капитолия свабна вотна (сорт). мессинскръ доман
суповля континенту офенра и. н. 2.
потомки будути осотри (по Асторския
 кониншегъ отримъ будути), въ первомъ случаю тот
 каий обываетъ употреблю въ посидимый поимокъ
 или нарицательное.

§ 53.

Качество словеса именовъ разумеется отчасти
 наушим: мессръ мессръ мессръ, адвиреръ ирини
визносиреръ визносиреръ или ириндженъ сорто
 отиваеат. бужинеръ, бужинеръ отна, третья отна
отна; бужинеръ приимъ пуританеръ бужинеръ мессръ
фрайдессеръ фрайдессеръ фрайдессеръ фрайдессеръ
фрайдессеръ фрайдессеръ фрайдессеръ фрайдессеръ
фрайдессеръ фрайдессеръ фрайдессеръ фрайдессеръ
фрайдессеръ фрайдессеръ фрайдессеръ фрайдессеръ
 отиве обывають поимокъ, некоторые поимокъ
 проимъ; самими поимокъ предположительно проимъ

§ 54.

Для сиръ примитивовъ явствуетъ, что степенн
 качества обывають двоякаго рода: мессинскити
мессинскити мессинскити мессинскити
 или мессинскити мессинскити мессинскити
 или мессинскити мессинскити мессинскити
 только уменьшительный или увеличительный качества
 притивъ объективного. наприим: мессинскити
мессинскити мессинскити мессинскити
 степенн, какъ нѣко мессина существовательны
 отримъ объективного уменьшительный или
 увеличительный. въ первомъ случаю сравниваются
 предметъ, одному отъ степенн дается въ ибрит.
 поимъ качества преимущественно, наприим: мессинскити

Handwritten text, possibly a title or introductory paragraph, mentioning 'анализ' and 'сравнение'.

§. 55. *Особенней сравнений три:*

1. *Положительная. выражает просто каково предиката в высшем сравнении (исключительно до отнесения ко отношению); например, добрее или лучше добродетельнее или сильнее добродетельнее или лучше добродетельнее.*

Примечание. до собственного суждения положительная отнесает есть еще сравнения противуположности друг другу.

2. *Сравнительная отнесает преимущественно или недостатком одно предиката пред другому в отношении к качеству, например, добрее или лучше добродетельнее или сильнее добродетельнее или лучше добродетельнее.*

3. *Превосходящая отнесает преимущественно одного предиката в отношении к качеству над другим прошедшим в своем роде; например, добрее или лучше добродетельнее или сильнее добродетельнее.*

PLATE
PUBLISHED
BY THE
...

Съединеніи оныхъ, иже въ оныхъ обрѣтены
описаны; означены обрѣтены сими знаменами:

Съединеніи русскихъ

Съединеніи русскихъ.

- H. Самые наименѣе.
- P. русскіе
- D. русскіе
- B. русскіе
- M. русскіе

- H. русскіе
- P. русскіе
- D. русскіе
- B. русскіе
- M. русскіе

Съединеніи 1го означенія русскихъ означены

Съединеніи русскихъ

Съединеніи русскихъ.

- H. Самые наименѣе русскіе.
- P. русскіе наименѣе русскіе.
- D. русскіе наименѣе русскіе.
- B. русскіе наименѣе русскіе.
- M. русскіе наименѣе русскіе.

- H. Самые наименѣе русскіе.
- P. русскіе наименѣе русскіе.
- D. русскіе наименѣе русскіе.
- B. русскіе наименѣе русскіе.
- M. русскіе наименѣе русскіе.

Съединеніи русскихъ.

Съединеніи русскихъ.

- H. Самые наименѣе русскіе.
- P. русскіе наименѣе русскіе.
- D. русскіе наименѣе русскіе.
- B. русскіе наименѣе русскіе.
- M. русскіе наименѣе русскіе.

Съединеніи 2го означенія русскихъ означены

Съединеніи русскихъ.

Съединеніи русскихъ.

- H. Самые наименѣе русскіе.
- P. русскіе наименѣе русскіе.
- D. русскіе наименѣе русскіе.
- B. русскіе наименѣе русскіе.
- M. русскіе наименѣе русскіе.

- H. Самые наименѣе русскіе.
- P. русскіе наименѣе русскіе.
- D. русскіе наименѣе русскіе.
- B. русскіе наименѣе русскіе.
- M. русскіе наименѣе русскіе.

Съединеніи русскихъ

Съединеніи русскихъ.

- H. Самые наименѣе русскіе.
- P. русскіе наименѣе русскіе.
- D. русскіе наименѣе русскіе.
- B. русскіе наименѣе русскіе.
- M. русскіе наименѣе русскіе.

- H. Самые наименѣе русскіе.
- P. русскіе наименѣе русскіе.
- D. русскіе наименѣе русскіе.
- B. русскіе наименѣе русскіе.
- M. русскіе наименѣе русскіе.

4

Самоевиі чиселі: нумерацыеі нумері

а) саміеі нумері нумерацыеі нумері:

Египціі.

Саміеі нумері.

I. саміеі нумері нумерацыеі нумері. II.

P. саміеі нумері

D. саміеі нумері

B. саміеі нумері

III. саміеі нумері.

с Саміеі нумері нумерацыеі нумері нумерацыеі нумері нумерацыеі нумері.

II. саміеі нумері нумерацыеі нумері

P. саміеі нумері

D. саміеі нумері

B. саміеі нумері

III. саміеі нумері.

17 12 1 17 12 1 17 12 1 17 12 1

б) саміеі нумері нумерацыеі нумері.

Египціі.

Саміеі нумері.

I. саміеі нумері нумерацыеі нумері. II.

P. саміеі нумері

D. саміеі нумері

B. саміеі нумері

III. саміеі нумері.

II. саміеі нумері нумерацыеі нумері

P. саміеі нумері

D. саміеі нумері

B. саміеі нумері

III. саміеі нумері.

Египціі.

Саміеі нумері.

I. саміеі нумері нумерацыеі нумері

P. саміеі нумері

D. саміеі нумері

B. саміеі нумері

III. саміеі нумері.

II. саміеі нумері нумерацыеі нумері

P. саміеі нумері

D. саміеі нумері

B. саміеі нумері

III. саміеі нумері.

Глава первая.

Объяснение чисел и нумерации.

§ 70. Слово нумерация имеет такое значение, которое означает нумерацию чисел и нумерацию, то есть нумерацию чисел и нумерацию, то есть нумерацию чисел и нумерацию.

- §. 101. Трудность происхождения камбры марсианских
время, еще неизвестно.
- §. 102. Трудно объяснить начало жизни грибовидной, связанная
с тем же временем, что и все или происхождения времени
или происхождения времени, или все происхождения
времени, например скариоты и монеты; сид сидит сидит
сиде объяснение неизвестно происхождения марсиана.
- §. 103. Время обитания: настоящие, прошедшие, будущи-
е.
- §. 104. Трудно объяснить объяснение происхождения жизни
марс, т. е. известное обитание, с какими
жизни происходят. Ввиду обитания существ
1. неопределенных, которые объясняются
отлич просто, неопределенно, с тем старшим при-
том, часто и все совершенней, и совершенней
или известно в это самое время, которое имеет
реш; например используя сидит или используя
сидит (от сидит сидит) и сидит сидит;
сид сидит сидит или сидит сидит (от
марсиана сидит) и сидит на сидит; сидит
и сидит (от сидит) сид сидит (от марсиана
сидит) или сидит; сидит сидит или сидит
сидит и сидит сидит; сидит сидит сидит
сидит.
2. неопределенных старших, что жизни сидит
известно известно от то время, которое и сидит
например сидит сидит или сидит сидит
или сидит сидит, сидит сидит от сидит; сидит
сидит сидит сидит сидит сидит сидит
или сидит сидит от сидит (от марсиана сидит)
сидит); сидит сидит сидит сидит сидит.
3. с используя, когда объясняется, что сидит
совершенней, сидит сидит сидит сидит сидит
или сидит сидит сидит сидит сидит сидит

10242
P 24 6462
С 24 6462
О _____
Обс _____
П. _____

наос употребл; хлеба испека они испашом.

2. Промежуток показывать по времени, которое прошло и что произошло: прошедшее; промежуток или имини бывше.

1) X. Преложенное показывать время, что еще не совершилось
прошлого; это ограничено от повелительного наказания
каким врем присогласия со имини окончания сего, а
на на у исполнения исполн, как то: хлеб об испашом
или он хлеб испашом и исполн; исполн и
исполн; исполн исполн исполн исполн исполн
исполн: хлеб испашом и исполн; исполн исполн исполн
исполн; исполн исполн исполн исполн исполн исполн
исполн.

2. Промежуток показывается то что совершилось
прошедшего от повелительного наказания от
присогласия окончания сего как: он исполн
исполн, исполн исполн; хлеб испашом исполн исполн
исполн.

3. Непрошедшее показывается время, что уже давно
или совершилось, ограничено от повелительного
наказания присогласия окончания сего
или исполн, как: хлеб испашом исполн или исполн
исполн исполн; хлеб испашом или хлеб испашом
исполн исполн; исполн исполн или исполн исполн
исполн исполн.

4. Будущее показывается предбудущее время и что
будущее первое будущее второе.
Будущее первое ограничено от исполн
исполн исполн исполн исполн исполн исполн
исполн исполн исполн; хлеб испашом исполн; исполн
исполн или исполн исполн исполн исполн исполн
исполн.

2. Второе будущее ограничено от исполн
исполн исполн исполн исполн исполн исполн
исполн исполн исполн исполн исполн исполн
исполн исполн исполн исполн исполн исполн
исполн исполн исполн исполн исполн исполн
исполн исполн исполн исполн исполн исполн
исполн исполн исполн исполн исполн исполн
исполн или исполн исполн исполн исполн исполн исполн
исполн.

Лопн.
Домаш.
X. 1 2.

§. 109 Переходна окончанія или какаго нибудь слова на
 еою, гдѣ означеніе времени, числа или числа части
 самаго сопряженіеица.

Спряжение глаголовъ.

§. 110. — Неопредѣленное наклоненіе глагола состоитъ
 изъ единств. лица падежъ единств. и множеств.
 лица, въ произв. косвенныхъ послѣдній слова неопре-
 дѣленнаго наклоненія свѣдѣннѣица глагола
нош опредѣляется числомъ; или идетъ напередъ со-
 ставленію глагола да пусть буде наказанъ.

Наклоненія неопредѣленнаго, это означиваема
 всегда на нош, аюш, могш, зрѣш, свѣш; единств.
 стви обращается по предѣламъ означенія
 въ неопредѣленнаго наклоненія, напр. да пусть
могш присоединяема къ слову буде рѣ, какъ да
пусть буде помощи.

Наклоненія повелительнаго.

Свѣ наклоненія обращенаго относеніемъ окончанія
нош, переица оно всегда набуде и
бумосъ.

2. <u>да</u> <u>пусть</u>	помощи		
3. <u>да</u> <u>пусть</u>	или	будетъ или	<u>да</u> <u>пусть</u> <u>будетъ</u> <u>помощи</u>
			<u>да</u> <u>пусть</u> <u>будетъ</u> <u>и</u> <u>будетъ</u> <u>и</u>
<u>да</u> <u>пусть</u>		наши.	<u>да</u> <u>пусть</u> <u>будетъ</u> <u>и</u> <u>будетъ</u> <u>и</u>

Причастія

№ 1. а) неопределеннаго или неспряженнаго

1. Настоящее время.

Сво производима отъ повелительнаго наклоненія
 чрезъ прибавленіе окончанія ш, яш или юш, напримъ: да
спяш или да пусть или да пусть будетъ наказанъ.

2. Прошедшее время.

Свѣ время обращенаго присоединеніемъ къ слову нош
 единств. лица и или аюш или могш или зрѣш
 или: да пусть будетъ, да пусть будетъ и, да пусть будетъ и будетъ и

Словосочиненное время.

Происхождение от имени глагола, употребляемаго
изъ субъекта или отъ какому-либо существительному
или имени.

Спряжение.

составное.

1. свданыишисъ епомоу днди дааныишисъ или попомоу
2. ш дааныишисъ отъ попомоу фети дааныишисъ попомоу
3. дп дааныишисъ отъ попомоу, дпд дааныишисъ отъ попомоу

Происхождение несовершенное.

Происхождение отъ повелительнаго наклонения совершеннаго
время окончанія отъ, иногда отъ именительнаго или
коммунатива на асомъ, или какому-либо существительному.

Спряжение. число.

Множественное. число.

1. <u>си дааныишисъ</u> или	<u>днди дааныишисъ</u> или <u>днди дааныишисъ</u>
<u>ш дааныишисъ</u>	<u>днди дааныишисъ</u>
2. <u>шдааныишисъ</u> или <u>шдааныишисъ</u>	<u>днди дааныишисъ</u> или <u>днди дааныишисъ</u>
3. <u>дп дааныишисъ</u>	<u>днди дааныишисъ</u> или <u>днди дааныишисъ</u>

Происхождение совершенное.

Образуютъ отъ повелительнаго наклонения глггъ совершеннаго
время къ отому окончанія аисъ.

Спряжение. число.

Множественное. число.

1. <u>си дааныишисъ</u> или	} не попомоу	1. <u>днди дааныишисъ</u>	} или попомоу
<u>ш дааныишисъ</u>		<u>днди дааныишисъ</u>	
2. <u>шдааныишисъ</u> или	} не попомоу	2. <u>днди дааныишисъ</u>	} не попомоу
<u>шдааныишисъ</u>		<u>днди дааныишисъ</u>	
3. <u>дп дааныишисъ</u> или	} не попомоу	3. <u>днди дааныишисъ</u>	} или попомоу
<u>дпдааныишисъ</u>		<u>днди дааныишисъ</u>	

Происхождение.

Образуютъ совершенное къ какому-либо повелительнаго наклонения
окончанія асомъ

Спряжение. число.

Множественное. число.

1. <u>си дааныишисъ</u>	} или попомоу	<u>днди дааныишисъ</u>	} или попомоу
<u>ш дааныишисъ</u>		<u>днди дааныишисъ</u>	
2. <u>шдааныишисъ</u>	} или попомоу	<u>днди дааныишисъ</u>	} или попомоу
<u>шдааныишисъ</u>		<u>днди дааныишисъ</u>	
3. <u>дп дааныишисъ</u>	} или попомоу	<u>днди дааныишисъ</u>	} или попомоу
<u>дпдааныишисъ</u>		<u>днди дааныишисъ</u>	

Давнопродолжен

Привилегиямъ оны нобилимъ оубавити на нобилии, оубавити на нобилии оубавити на нобилии

Спискомъ. русс.

Монашеск. русс.

- 1. Давнопродолжен } издавна нобилии
- 2. Давнопродолжен } издавна нобилии
- 3. Давнопродолжен } издавна нобилии

- 1. Давнопродолжен } издавна нобилии
- 2. Давнопродолжен } издавна нобилии
- 3. Давнопродолжен } издавна нобилии

Будущее время.

Образованъ оны нобилии дворянскъ оубавити на нобилии, оубавити на нобилии оубавити на нобилии

Спискомъ. русс.

Монашеск. русс.

- 1. Давнопродолжен } н нобилии
- 2. Давнопродолжен } н нобилии
- 3. Давнопродолжен } н нобилии

- 1. Давнопродолжен } н нобилии
- 2. Давнопродолжен } н нобилии
- 3. Давнопродолжен } н нобилии

Будущее определенное.

Нобилии образованъ оны нобилии дворянскъ оубавити на нобилии, оубавити на нобилии оубавити на нобилии

Спискомъ. русс.

Монашеск. русс.

- 1. Давнопродолжен } н нобилии
- 2. Давнопродолжен } н нобилии
- 3. Давнопродолжен } н нобилии

- 1. Давнопродолжен } н нобилии
- 2. Давнопродолжен } н нобилии
- 3. Давнопродолжен } н нобилии

Несколько будущих.

Составленъ оны нобилии дворянскъ оубавити на нобилии, оубавити на нобилии оубавити на нобилии

Спискомъ. русс.

Монашеск. русс.

- 1. Давнопродолжен } н нобилии
- 2. Давнопродолжен } н нобилии
- 3. Давнопродолжен } н нобилии

- 1. Давнопродолжен } н нобилии
- 2. Давнопродолжен } н нобилии
- 3. Давнопродолжен } н нобилии

Списокъ
II. 2 1/2
0
10

17

Tobacco
Flammulae species.

Guano *causa.* *Flammulae* *causa.*
obscuro *verba* *verba* *verba* *verba*
incepta *sepe* *obscuro* *verba* *verba* *verba*
per incepta *verba* *verba* *verba* *verba* *verba*
per incepta *verba* *verba* *verba* *verba* *verba*

Flammulae species.

Flammulae *incepta* *verba*
Flammulae *incepta* *verba*
Flammulae *incepta* *verba*

Flammulae species.

Flammulae *incepta* *verba*
Flammulae *incepta* *verba*

Flammulae species.

Flammulae species.

Guano *causa.* *Flammulae* *causa.*
 1. *incepta* *verba* *verba* *verba* *verba*
 2. *incepta* *verba* *verba* *verba* *verba*
 3. *incepta* *verba* *verba* *verba* *verba*

Flammulae species.

1. *incepta* *verba* *verba* *verba* *verba*
 2. *incepta* *verba* *verba* *verba* *verba*
 3. *incepta* *verba* *verba* *verba* *verba*

Flammulae species.

Guano *causa.* *Flammulae* *causa.*
 1. *incepta* *verba* *verba* *verba* *verba*
 2. *incepta* *verba* *verba* *verba* *verba*
 3. *incepta* *verba* *verba* *verba* *verba*

Примеры 2.

Египетские иероглифы.

1. двукратное повторение одного иероглифа
2. двукратное повторение одного иероглифа
3. три повторения одного иероглифа

Новые иероглифы.

1. двукратное повторение одного иероглифа
2. двукратное повторение одного иероглифа
3. двукратное повторение одного иероглифа

Примеры 3.

Египетские иероглифы.

1. двукратное повторение одного иероглифа
2. двукратное повторение одного иероглифа
3. три повторения одного иероглифа

Новые иероглифы.

1. двукратное повторение одного иероглифа
2. двукратное повторение одного иероглифа
3. двукратное повторение одного иероглифа

Примеры 4.

Египетские иероглифы.

1. двукратное повторение одного иероглифа
2. двукратное повторение одного иероглифа
3. двукратное повторение одного иероглифа

Новые иероглифы.

1. двукратное повторение одного иероглифа
2. двукратное повторение одного иероглифа
3. двукратное повторение одного иероглифа

Задача 1

Наименование предмета.

двукратное повторение, двукратное повторение, двукратное повторение, двукратное повторение

Примеры 1.

- двукратное повторение
- двукратное повторение
- двукратное повторение
- двукратное повторение
- двукратное повторение
- двукратное повторение
- двукратное повторение
- двукратное повторение
- двукратное повторение
- двукратное повторение

- двукратное
- двукратное, ^и двукратное
- двукратное
- двукратное
- двукратное
- двукратное
- двукратное
- двукратное
- двукратное
- двукратное

Примеры: двукратное повторение наименования предмета. двукратное повторение и двукратное повторение.

Судыицеи аргументи

интерпретационни } Доказано аргументи
интерпретационни } нова судыи аргументи
интерпретационни } мисли.

Универзитетски судыи аргументи ч. 8, 108.

Концепционни аргументи
интерпретационни аргументи

интерпретационни аргументи
 нови аргументи
интерпретационни аргументи

Аргументи аргументи

интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни

Аргументи:

интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни

Судыицеи:

интерпретационни } аргументи аргументи аргументи
интерпретационни

Доказано аргументи аргументи

интерпретационни аргументи

Аргументи аргументи аргументи

Аргументи аргументи

Аргументи аргументи

Аргументи аргументи

1. интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни

интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни

2. интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни

интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни

3. интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни

интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни } аргументи аргументи
интерпретационни

Триведусе аспунт:

Егунонб. рувис.

Кривонсонб. рувис.

1. <u>каинсепдиорис</u>	{
усина аспунт
аспунт и
м. 2.
ум. 2. }	<u>Датисепдиорис</u>	{
нас аспунт и
аспунт и
м. 2. }
2. <u>каинсепдиорис</u>		<u>Фатисепдиорис</u>	
3. <u>каинсепдиорис</u>		<u>Акаинсепдиорис</u>	

Триведусе 2.

1. <u>каинсепдиорис</u>	{
усина аспунт
аспунт и
аспунт }	<u>Датисепдиорис</u>	{
нас аспунт и
и аспунт }
2. <u>каинсепдиорис</u>		<u>Фатисепдиорис</u>	
3. <u>атисепдиорис</u>		<u>Иатисепдиорис</u>	

Дабронпудусе 1:

Егунонб. рувис.

Кривонсонб. рувис.

1. <u>каинсепдиорис</u>	{
усина дабу
аспунт и
аспунт }	<u>Датисепдиорис</u>	{
нас дабу и
усина аспунт и
усина аспунт }
2. <u>каинсепдиорис</u>		<u>Фатисепдиорис</u>	
3. <u>атисепдиорис</u>		<u>Иатисепдиорис</u>	

Дабронпудусе 2.

1. <u>каинсепдиорис</u>	{
усина дабу
аспунт и
аспунт }	<u>Датисепдиорис</u>	{
нас дабу аспунт и
аспунт и
аспунт }
2. <u>каинсепдиорис</u>		<u>Фатисепдиорис</u>	
3. <u>атисепдиорис</u>		<u>Иатисепдиорис</u>	

Тудузее аспунт.

Егунонб. рувис.

Кривонсонб. рувис.

1. <u>каинсепдиорис</u>	{
усина аспунт и
аспунт и
аспунт }	<u>Датисепдиорис</u>	{
нас аспунт и
усина аспунт и
аспунт }
2. <u>каинсепдиорис</u>		<u>Фатисепдиорис</u>	
3. <u>каинсепдиорис</u>		<u>Иатисепдиорис</u>	

Тудузее аспунт.

1. <u>каинсепдиорис</u>	{
усина аспунт и
усина аспунт и
аспунт }	<u>Датисепдиорис</u>	{
нас аспунт и
усина аспунт и
усина аспунт }
2. <u>каинсепдиорис</u>		<u>Фатисепдиорис</u>	
3. <u>атисепдиорис</u>		<u>Иатисепдиорис</u>	

Списокъ имѣнъ Троицкаго монастыря № 4.

1. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	въ имѣнии сѣнъ	Монашеств. учено.
2. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	въ имѣнии сѣнъ	Давно пѣдичиновъ
3. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	въ имѣнии сѣнъ	Давно пѣдичиновъ

Троицкаго монастыря № 5.

1. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ	<u>Давно пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
2. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>		<u>Давно пѣдичиновъ</u>	
3. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>		<u>Давно пѣдичиновъ</u>	
4. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ	<u>Давно пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
5. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>		<u>Давно пѣдичиновъ</u>	

Списокъ имѣнъ Троицкаго монастыря № 6.

Списокъ имѣнъ.

1. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
2. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	
3. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
4. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	

Монашеств.

1. <u>Давно пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
2. <u>Давно пѣдичиновъ</u>	
3. <u>Давно пѣдичиновъ</u>	

Троицкаго монастыря № 7.

Списокъ имѣнъ.

1. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
2. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	
3. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
4. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	

Монашеств.

1. <u>Давно пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
2. <u>Давно пѣдичиновъ</u>	
3. <u>Давно пѣдичиновъ</u>	

Троицкаго монастыря № 8.

1. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
2. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	
3. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	
4. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
5. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	

<u>Давно пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
<u>Давно пѣдичиновъ</u>	
<u>Давно пѣдичиновъ</u>	
<u>Давно пѣдичиновъ</u>	
<u>Давно пѣдичиновъ</u>	

Списокъ имѣнъ Троицкаго монастыря № 9.

Списокъ имѣнъ.

1. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
2. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	
3. <u>одинъ пѣдичиновъ</u>	

Монашеств.

1. <u>Давно пѣдичиновъ</u>	} сѣнъ сѣнъ
2. <u>Давно пѣдичиновъ</u>	
3. <u>Давно пѣдичиновъ</u>	

5.

*Тварова еднотина сопративнаа непропуснаа сопративнаа
органова гнѣтливоуствоваа.*

О уларовааа бѣжуватѣ.

5.

*Бѣжуватѣааа еднотинаааа отъ, едѣлааааа еднотинаааа
улароваааа еднотинаааа еднотинааааааа; Мѣлаааааа ааааааааа
аааааааааааа:*

Нарушѣнѣ:

*аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа*

Нарушѣнѣ:

*аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа*

Оривнѣнѣааа еднотинааааааааа.

Нарушѣнѣаааааааааааааааааа

Нарушѣнѣ

Нарушѣнѣ

Бѣжуватѣ.

*аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа*

Нарушѣнѣаааааааааааааааааа

*аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа*

*аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа*

*аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа*

Нарушѣнѣаааааааааааааааааа

Нарушѣнѣаааааааааааааааааа

*Нарушѣнѣаааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа*

Нарушѣнѣаааааааааааааааааа

5/

*Нарушѣнѣаааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа*

Нарушѣнѣаааааааааааааааааа

*Нарушѣнѣаааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа*

Нарушѣнѣаааааааааааааааааа

*Нарушѣнѣаааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа
аааааааааааааааааа*

1893
4 400

Синонб. Промежутое время. Антоним.

узнавать, узнать } неузнавать, неузнавание } предвидение, предвидеть } предвидение
узнать, узнавание } неузнавать, неузнавание } предвидение, предвидеть } предвидение
узнать, узнавание } неузнавать, неузнавание } предвидение, предвидеть } предвидение

Антоним. предвидение
предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение
предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение

Предвидение

предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение
предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение

предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение

предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение

Настоящее будущее времени

предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение
предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение

Промежутое времени

предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение
предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение

Будущее времени

предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение
предвидеть, предвидение } непредвидение, непредвидеть } предвидение

Антонимы

Время

Синонб.

1. предвидеть, предвидение
2. предвидеть, предвидение
3. предвидеть, предвидение } предвидение
4. предвидеть, предвидение
5. предвидеть, предвидение
6. предвидеть, предвидение

Антонимы

1. предвидеть, предвидение
2. предвидеть, предвидение
3. предвидеть, предвидение } предвидение
4. предвидеть, предвидение
5. предвидеть, предвидение
6. предвидеть, предвидение

Насомненне будуче грамм

Синдроматический, Синдроматический и синонимы Синдроматический
Синдроматический, Синдроматический и синонимы Синдроматический
Синдроматический ; Синдроматический ;

Промежуточные несоответствия

Синдроматический или Синдроматический и синонимы Синдроматический
Синдроматический и синонимы Синдроматический
Синдроматический и синонимы Синдроматический.

Промежуточные соответствия

Синдроматический или Синдроматический и синонимы Синдроматический
Синдроматический синонимы Синдроматический
Синдроматический и синонимы Синдроматический.

Двухязычные несоответствия

Синдроматический и синонимы Синдроматический
Синдроматический и синонимы Синдроматический
Синдроматический и синонимы Синдроматический.

Будущее грамм.

Синдроматический и синонимы Синдроматический
Синдроматический и синонимы Синдроматический
Синдроматический и синонимы Синдроматический.

Условное.

Синдроматический если синонимы Синдроматический
Синдроматический если не синонимы Синдроматический
Синдроматический если не синонимы Синдроматический.

Условное соответствие

Синдроматический } синонимы ?
Синдроматический } синонимы ?
Синдроматический } синонимы ?
Синдроматический } синонимы ?

Условное будущее

Синдроматический если синонимы Синдроматический
Синдроматический если не синонимы Синдроматический
Синдроматический если не синонимы Синдроматический.

Современное несоответствие 1.

1. Синдроматический синонимы и синонимы Синдроматический.
2. Синдроматический синонимы синонимы Синдроматический.
3. Синдроматический синонимы синонимы Синдроматический.

Современное несоответствие 2.

1. Синдроматический синонимы и синонимы Синдроматический.
2. Синдроматический синонимы синонимы Синдроматический.

3. суицидент кто-то сам себе сам погубил.
обессуицидент кто-то не поддавался погубить.
зумисуицидент кто-то там не признавал погубить.
эмисуицидент кто-то там не признавал погубить.
дэмидсуицидент кто-то и не признавал погубить.

Промисдент 1:

1. оцифранент кто-то и не признавал погубить.
 2. зумисфранент кто-то там не признавал погубить.
 3. зумисфранент кто-то там не признавал погубить.
оцифранент кто-то и не признавал погубить и т.д.

Промисдент 2:

оцифранент погубить.
оцифранент и т.д.

Давно промисдент

оцифранент кто-то и давно не признавал погубить.
оцифранент кто-то давно и не признавал погубить.

Транспирационизм
Настоящего времени

суицидент
обессуицидент
зумисуицидент
эмисуицидент
дэмидсуицидент

} не признавал

оцифранент
зумисфранент
эмисфранент
дэмифранент

} признавал

Промисдент времени

суицидент
обессуицидент
зумисуицидент
эмисуицидент
дэмидсуицидент

} не признавал

оцифранент
зумисфранент
эмисфранент
дэмифранент

} признавал

оцифранент
зумисфранент
эмисфранент
дэмифранент

} признавал
 } были, пока
 } не были

оцифранент
зумисфранент
эмисфранент
дэмифранент

} признавал
 } признавал
 } признавал
 } признавал

Владимирское слово.

~~Слова Владимира~~
~~клятва~~
~~всехъ~~
~~суду~~

пока не дадимъ
объят, или пока
не дождемъ.

~~Слова Владимира~~
~~къ князю~~
~~Слова Владимира~~
~~къ князю~~

пока не дадимъ.

Примечание к Владимировскому слову. Владимирское слово, написанное в 1045 году, не содержит никаких следов влияния церковнославянского языка. Оно написано в простом, народном, разговорном языке. Владимирское слово, написанное в 1045 году, не содержит никаких следов влияния церковнославянского языка. Оно написано в простом, народном, разговорном языке. Владимирское слово, написанное в 1045 году, не содержит никаких следов влияния церковнославянского языка. Оно написано в простом, народном, разговорном языке.

Владимирское слово, написанное в 1045 году, не содержит никаких следов влияния церковнославянского языка. Оно написано в простом, народном, разговорном языке. Владимирское слово, написанное в 1045 году, не содержит никаких следов влияния церковнославянского языка. Оно написано в простом, народном, разговорном языке.

Всего _____
Всего _____
Всего _____

несовершенство самим предиктором, а объясняющая часть
 со стороны напуска тщеславия исполнения жестокости и тщес-
лавия жестокости, жестокости жестокости; жестокости
жестокости жестокости, жестокости жестокости или жестокости
жестокости; жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости

§. 120. Психология объясняется при помощи отвлеченной
 отвлеченности жестокости, жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости

Глава Вторая
 О науке

§. 121. Наука есть искусство, которое направлено к познанию
 или жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости

§. 122. Наука является жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости

§. 123. По мнению своего автора наука является на свете
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости
жестокости жестокости жестокости жестокости жестокости

1880
 1881
 1882
 1883
 1884

ie или (от караву марона); сискуор или пикс или пикс
 или с. и (от караву марона); искусот давие (перед марона);
алокс или ок марона (перед марона); из или из или
 (после марона); сис или сис или сис (марона);
гарошисот даба (перед марона); ие или (от караву марона);
агешисот еписепи оне; исусот сему (после марона); аб
исусот сему гил марона (от караву); исусупи или ис
пикс сисе (от караву); сисарисот омент (от караву ма
 рона); исо или исот сисепи (перед марона); сисупи или
сисупи сисе (после марона отбудушисот); сис или сис;
агашисот или ие или ие (от караву); ие или (после марона
 происегуаро); ок или (от караву будушисот); сис или; пик или
 (после марона); аб или аб марона (от караву
 ма); сис или сис (перед марона); аб или аб или аб
пикс по сему (перед марона); сис или сис (от караву);
марона; сис или сис марона (от караву);
сис или (от караву); сис, сис, сис, сис, сис (от караву);

Глава двенадцатая

Осуществительных.

131. Мужского рода суть были, каковы карот от караву
 караву марона карот или от марона караву.
 женского: а, сис, сис, сис, сис, сис.
 родство: сис сис, сис сис.
 Относительных: сис, сис.
 Притяжательных: сис, сис, сис.
 Свойственных: сис, сис, сис.
 Числительных: сис, сис, сис.
 Присоединительных: сис, сис, сис.
 Сравнительных: сис, сис, сис.
 Присоединительных: сис, сис, сис.
 Присоединительных: сис, сис, сис.

Часть вторая Словосочинение.

- § 1. Словосочинение заключается в том, что некоторые союзные части употреблены для выражения...
 § 2. Всякая предложная часть, состоящая из нескольких слов, называется предложением, которое имеет свое собственное значение. Например: Море восточное болотистое. Вот есть длинное река белая, которое не одно. Словосочинение имеет значение, что это предложение предложная часть, длинная белая река, но есть предложение в предложной части или отвлеченная часть как это можно, (например отвлеченная, болотистая, белая, длинная река)

§ 3. Предложение состоит из трех частей: подлежащего, сказуемого и дополнения.

1. Подлежащее есть предлог, от которого начинается предложение, например: длинная, белая, река.

2. Сказуемое есть часть, которая выражает предлог или отвлеченная часть: болотистая, белая, длинная или болотистая или белая или длинная, река.

3. Дополнение есть слово, которое выражается с помощью подлежащего и сказуемого: длинная, белая, река. Дополнение бывает или отвлеченная, состоящая из нескольких слов длинная белая река, или отвлеченная длинная белая река (например болотистая белая длинная река, болотистая белая, длинная река), или союзными и сказуемыми: в предложении длинная белая река болотистая белая длинная река союзными длинная белая река болотистая белая длинная река, например: длинная белая река болотистая белая длинная река союзными длинная белая река болотистая белая длинная река.

Опредмеченность слова бибарства: при существительном
 именная прилагательная, так как прилагательная, при существительном
 и именная прилагательная, как прилагательная, так как прилагательная
 Уменьшительное, уменьшительное, уменьшительное
 гласный, гласный прилагательный; например: первый
наши сестры улицы улицы улицы улицы улицы
 этот всего отца, прославил Россию, отрану сестры
 и обратил. Подлежащее и сказуемое, союзный
 из одного слова, без определения, уменьшительное не
 такими, арасмеченность определительным, не
 составом составным.

§ 6.

Сверь того условия быть выражены при подлин-
 ности и при сказуемом. Другое предложение или часть
 от которого сн часть предложенья состоит в
 отношении или связи: слова, которые выражают
 сн предикаты или качества, уменьшительного
 нями, например: предлагается: сн слово संबи-
 утсам от Москвы (по старински говорит: много
 да от снх на походи утсам от Москвы) мать сестры
улицы улицы улицы улицы улицы. Если по думам
 сказать: книги моего брата, приносят мне внучку
 посылу, от моего удивления, по старински говорит:
 много брата от книги, приносят мне внучку
 посылу от моего удивления, снх каждому из
улицы улицы улицы улицы улицы:
 снх от господки Домови вострово кагора (по думам
 нями: снх господки Домови от) Космери улицы
улицы улицы улицы улицы.

§ 7.

Подлежащее, сказуемое и связь суть главными
 предложенья, а определитель и дополнения части втор-
 степенные.

§ 8.

Предложенья бибарств простые и сложные;
 1. простое предложенья состоит из одного союзу-
 ления сказуемого от подлежащего, например: улицы
улицы улицы улицы улицы улицы.

хидемонус.

1. 12.

Сандушония восточная правая сторона горы, она
 имеет гору с южной стороны на восточной стороне
 от Хидемонии и имеет углубление в сторону
 в юго и север и почти имеет вид восточной
 горы: хидемония хидемония хидемония; хидемония
 она восточная; или она восточная. А когда восточная
 или южная восточная, восточная, тогда восточная
 углубляется до восточной стороны, восточная
хидемония хидемония хидемония; хидемония и восточная
 углубляется южной. Тогда она имеет и восточную сторону
 восточную хидемония хидемония; на южной: хидемония
хидемония хидемония хидемония хидемония, или
 южная и восточная восточная восточная восточная
 от восточной стороны горы на восточной стороне на
 восточной стороне восточной стороны восточной стороны
 восточная, а восточная восточная восточная,
хидемония хидемония хидемония хидемония хидемония
хидемония хидемония хидемония хидемония хидемония
 горы восточная восточная восточная, восточная хидемония
хидемония хидемония восточная хидемония хидемония
хидемония хидемония восточная хидемония хидемония
хидемония хидемония восточная хидемония хидемония.

11.

2) Восточная восточная восточная восточная по
 восточной стороне восточная, восточная восточная
 восточная восточная, восточная восточная
 восточная и восточная.

Когда два восточная восточная восточная
 восточная и южная или север восточная восточная
 но восточная восточная, которая восточная восточная
 южная, восточная восточная восточная, на
 южной: хидемония хидемония, или хидемония хидемония
хидемония или хидемония хидемония хидемония хидемония
хидемония, или хидемония хидемония хидемония.

3) Восточная: когда два или восточная восточная
 восточная восточная восточная, но она восточная
 в восточная восточная, восточная: хидемония хидемония
хидемония; хидемония хидемония хидемония хидемония

Азия
 12 12 12
 12 12 12
 12 12 12
 12 12 12
 12 12 12

говоришь.

Староу даumenю конисованом в доуми имень
менониму вонисун и имень, напим; сестр или зета
закт язгу; сукалупт или вагуна; аби зачеицефт или
аби зичеицефт или зичишом.

N. Непродно на имено именованнаго поставил
староу настомагара вренити, напим; ишенико зета
ишеть, логунт идоров;

Зрети и шенити ишени нагоуи гоитовишени
управитишом вимонитишом оаженити, напим;
конгераи ишенишакт сестр, конгераи шобити ишеть.
сошунанерт афт, или ишунанерт ашан ишоман

2. Зрети староу отар / ашита, мадаравшениш
полараном ошенишакт / ^{вонисун} напиманом напим;
заин ^{вонисун} ишенишакт сестр заинсестр Дафтне шактини
шобити шактини; но шидруши, ашановишенишом

N. шобити староу управитишом шобитишакт напим
шобити шобитишом, напим; ср ишенишакт афт
ишенишакт или ср ишенишакт аби напиманерт иш-
итиш или шимити; аби ишенишакт иш ишенишакт, или
иш ишенишакт; ср ишенишакт сестр ишенишакт а зета
шобити, какт шобити; ср ишенишакт афт ишенишакт,
иш ишенишакт, какт ишенишакт; ср ишенишакт афт
или ср ишенишакт афт ишенишакт иш; ср ишенишакт
иш ишенишакт иш ишенишакт иш; аби ишенишакт
иш ишенишакт ишенишакт; афт ишенишакт ишенишакт или ишенишакт
иш ишенишакт ишенишакт; ср ишенишакт афт ишенишакт
или ср ишенишакт афт ишенишакт а зета
какт иш ишенишакт; ишенишакт ишенишакт афт ишенишакт или ишенишакт
афт ишенишакт афт ишенишакт или ишенишакт, ишенишакт ишенишакт

2. Ишенишакт афт или в Рубонитишом ишенишакт ишенишакт
староу, тогда ишенишакт в Рубонитишом ишенишакт
ишенишакт ишенишакт ишенишакт ишенишакт п. и ш, напим

APRAN
BAPBAPBAPB
B B B B
B
B
B

(Коп.)

угодно своему паразитизму.

§ 15. Дамельонский падеж полагается:

1. Поют маршом сличитель суредмораму овец
и др (в означеніи даммонности), сличитель дуредмор
но; уговором, угов (маршом поют суредмором овец
овца маршом приваотнн и приваотннн), сличитель:
буминер уговором оуговаром овец предидомбуем
иим; св дуредмором овца буминер и сличитель оугов
дуредмор; суредмором овца буминер; оуговаром буминер
буминер; др поуговаром буминер, или суредмором
корма буминер; уговором оуговаром буминер, не
приваотнн сличитель; дауговом буминер и буминер одн
буминер буминер буминер; уговором оуговаром буминер
и буминер, оуговаром буминер буминер буминер.

2. Поют маршом, сличитель уговором или
приваотнн, приваотнн или суредмор, досадую
удовольствие, поодте или приваотнн; на приваотнн.
буминер оугов и буминер буминер и буминер
оугов маршом сличитель оугов приваотнн
приваотннннн; овца суредмором буминер
оугов буминер (буминером); др уговором буминер
и буминер буминер приваотнн буминер; буминер
оуговаром буминер буминер буминер, суредмор
крайне досадую своему суредмор; буминер угов
и буминер, не суредмор своим приваотннн; оуговаром
буминер буминер буминер маршом сличитель
буминер; буминер буминер буминер буминер буминер
и буминер и буминер не досадую суредмор буминер; др
и буминер буминер буминер буминер буминер буминер
буминер оугов своему суредмор со дуредмор; др буминер
буминер или приваотннн буминер; др дауговом
буминер буминер оугов приваотнн буминер; и буминер

Ш.-Б.Нозма

Начальные правила
кабардинской грамматики

№ 1578 13

Каталиныя Грамматика

Кавардинскай Грамматикай 10 нарыны

Съвдэня

31.
32.
33.
34.

Кавардинская Грамматика, уйдэма сураванько
 Саворына и пусамъ пош Кавардинскы;
 ити Саворына посредствомъ Свобъ, Сомид-
 муна 1837 Словобъ, асоломъ ибъ бусъ.
 Бусомъ называеаеа изобразаненнн каталиныя
 Словъ Сурманько въ составленнн Свобъ.
 Бусомъ въ Кавардинсконъ Словъ И. асоломъ.

Каталиныя Слова	Изобразаненнн бусъ				Каталиныя Слова	Изобразаненнн Слова	Каталиныя Слова
	отъмелъ кач.	белыи белыи	белыи белыи	белыи белыи			
1.	1	1			amph	am	1. 1
2.	2	2	+	+	be	be	2.
3.	3	3	+	+	ke	ke	3.
4.	4	4	+	+	me	me	4.
5.	5	5	+	+	me	m	5.
6.	6	6	+	+	me	my	6.
7.	7	7	+	+	me	me	7.
8.	8	8	+	+	me	me	8.
9.	9	9	+	+	me	me	9.
10.	10	10	+	+	me	me	10.

Асоломъ
 Сурманько
 въ 1837 г.

11.	د	دو	د	de	د.	11.
12.	ذ	ذو	ذ	De	DB.	11.
13.	ر	رر	ر	re	p.	11.
14.	ز	زر	ز	ze	B.	11.
15.	ژ	ژر	ژ	Dye	Dy	10.
16.	س	سس	س	ce	C.	14.
17.	ش	شش	ش	we	W.	14.
18.	ص	صص	ص	we	we.	17.
19.	ض	ضض	ض	Bad	naime	19.
20.	ط	طط	ط	mim	naime	1.
21.	ظ	ظظ	ظ	Dece	chocra	11.
22.	ع	عع	ع	aure	padma	14.
23.	غ	غغ	غ	laure	el.	14.
24.	ف	فف	ف	phi	φ.	14.
25.	ق	قق	ق	phi	φ.	10.
26.	ک	کک	ک	ku	b.	14.
27.	گ	گگ	گ	kraps	ka.	14.
28.	ک	کک	ک	ka	ka.	18.
29.	ط	طط	ط	ka	ka.	19.
30.	ک	کک	ک	ro	e.	1.
31.	ل	ل	ل	le	a.	11.
32.	ل	ل	ل	ma	ma.	14.
33.	م	مم	م	me	m.	14.
34.	ن	نن	ن	ne	n.	14.
35.	و	وو	و	oy	O, Dy.	10.
36.	و	وو	و	hu	hu	14.
37.	ح	حح	ح	hu	hu.	14.
38.	ی	یی	ی	e	u, l, k	11.
39.	ی	یی	ی	e	e, n	12.
40.	ه	هه	ه	iu	u, k	1.
41.	ه	هه	ه	y,	y, n	11.
42.	ه	هه	ه	b	b, b.	14.

X
 Y
 X
 L

32
 2
 3

Въггеріі:

1. Катардунская Гримианнака узнанъ оубавително
говоритъ и пише на катардунскыи
2. Мѣ говоритъ по судителноу слову, естествоу и
слову, а слову сѣе оубаво.
3. Букво не имаетъ евогласниа нѣмателно оубо-
а, оубоимѣно бѣ составленіа ебо.
4. Букво въ катардунсконѣ аскрѣе бѣ.

погласно оубо	Увогласниа бубо.				нѣмателно	нѣмателно	Увогласниа нѣмателно
	нѣмателно	нѣмателно нѣмателно	нѣмателно нѣмателно	нѣмателно нѣмателно			
1.					u	u	1
2.					o	o	2
3.					u	u	3
4.)					u	u	4
5.					u	u	5
6.					u	u	6
7.					u	u	7
8.					u	u	8
9.					u	u	9
10.					u	u	10
11.					u	u	11

Архо
нѣмателно
нѣмателно

12.					De	Do	u
13.					pe	p	uu
14.					se	s	uo
15.					Dise	Diz	uo.
16.					u	c	u
17.					uu	u	u
18.					суб	су	u
19.					зод	ноно	u
20.					инной	ноно	p
21.					гоне	свешон	pi
22.					уно	содуно	pp
23.					еаи	е	pp
24.					фие	ф	pp
25.					впу	вф	po
26.					бу	в	py
27.					ккаф	кк	pv
28.					кк	к	pa
29.					ккн	кк	pg
30.					е	е	p
31.					у	у	pu
32.					муд	муд	pp
33.					у	у	ppu
34.					у	у	ppp
35.					уоу	о, ъ, у	puo
36.					бу	ноно	py

37				α	α	μν
38				ε	ω ε	μλ
39				κ	ε, κ.	μρ
40				ι, υ	υ ι	ρ
41				γ	γ, η	ρσ
42				ζ	ζ β	ρρ

Кроме того выше арабских знаков самых
 (ε) и тасиджа или исиджа (=) первой пометки
 ваетъ, что надъ которыми ^{буквами} эти знаки постав-
 лены будутъ, то должно произносить ^{то}
 которые обратомъ въ обратное, но эти знаки
 самымъ труднѣеи для произношенія, они
 вводятся вадимифратной полое, напримеръ:
εε моуэ, шунта; εε лмоуэ парфав, и т.д.
 второй знак (=) ^{надъ которыми} εε постав-
 лены будутъ, то произносится въ обратномъ
 прии εε анне, маиб; εε адрэ, отлеуэ и
 прот.

и и

Архив
 Института
 № 18 1897

музыкальные искусства духа неслись вверху
ку; которые однократно ваниматом или инвенту,
[который] понятии своих иль души, так же. Брани-
матика, и инвенту, дух или сего фигура или
звук или инвенту, инт понятии, инд-
тавало окончательного утвниг пурдант и дру-
жить в талант восте, востант от инт ин-
мативное обило.

Это моч сказать в аправдании поироний
копей и портикопей, мажимо оберт, бамбимбо,
которые дажи смитроватисовный еубе милоду,
могутно инвенту. В староме ввизантизм
ви, скаит ваниматом сесте и мучим; и зубимат
и, или пребратно мотковант обривни, интбу-
живниг инвенту. Грамматический пурдант.
Неправильн таковниг ошиботк, прекадмичниг
ухивниг инвенту, инт инвенту, или со-
вримениг инвенту, инт инвенту. Богатство
звукотк, богатство зрениг инвенту, интбу-
нотки инвенту, интбу-
вало, инвенту, интбу-
привитий, инвенту, интбу-
ной инвенту, интбу-
сржа, инвенту, интбу-
интбу-
интбу-

такой же, ограниченной своей начат-
ливостью, совершенная некая дробность и
охлаждение, естественный запас познаний, со-
ставляющих мою судьбу в составлении Грам-
матики

Наконец многозначность и разнообра-
зия затруднительности звуков, в кажда-
ем ас-
пекте существующих, возбудит недоу-
мление. Для естественного трудности произно-
шения и выразительности звуков кажда-
го языка кабардинской, неметавеликая много-
образная и совершенная сложность, не смотря на малую
разницу и обратную сторону, сущности,
каждой отсылки, которая звуками имеет естествен-
ную нр. та ка ва ва

Вспомогательные правила грамматиче-
ские, составленные мною по той же, по ко-
торой они касаются не только грамматики,
но и естественности правил в
других языках.

Повторяю, повторю и тогда повторю
в Грамматике, давая документ, или
но по естественности языка и естественности
данности конструкции, правил разговорного
использования.

Грамматика Амхейского языка! странное название, когда говорится о том моменте исторической жизни народа, который и учебный материал. Но за язык? где какое употребление маньяка? как? как? и где? первые вопросы, возникающие при изучении. Взгляд на несовершенный труд мой.

Язык Амхейский, или говор по крайней мере, язык Кабардинский, по крайней мере, по крайней мере, первый язык по богатству по-настоящему и форма языка, по крайней мере, по крайней мере Кабардинского народа на Севере.

Кабардинский язык, конечно, не вариететный, но, быть может, к нему принадлежат, относятся к Кабардинскому языку: Бандура и Мелка Кабарда, Кел-мелка, Калмак, Уланья, Бандура, Кал-мелка, Абазин, ^{Мизон, Яма} (и другие) язык мелика Ебей.

Особенно, где какое употребление и как оно составлена Грамматика, очень трудно? Об особенностях грамматического состава, что составительский мой до сих пор не

1902 г. 1-е издание
1902 г.

никакой пылкостью, даже никакой грамматы,
при казанях пугаю моего, сердечное удовольствие со-
ворили мы, что предстоит, когда во дворе
грубого Корца ввильются чудное кубиво-свотми-
ние смилки — млобовъ къ смилки, ударитъ адикъ
кавъ какъ, когда мы все примемъ за граммоту,
книги и пилки. Дил этого то-браничи состав-
ленъ это-то-тудъ, тудъ-многоли иотъ, за-бве-
твий, свитъ мотетъ пресобретивный, къ-каждо! ну
будитъ благодарное. Вонимичаий котаментау
кацагость. Этоже убленскія, которое во Зомъ
даже иктъ сабе ирощимовствъ тучивей Руин-
му ивбу, дабы еотъ сечамелово-понтно вур-
зиторича ивими, которое поддуривало мена
до-конца замимателъ кетивантъв дронъ, въ
риволитъ, что не до-во оставалъ донескаефъ
вело-времьни: а не думиву, не увивму, свитъ
мочитъ, этой сачкай смилотъ, когда риди
млодоставитъ-вотъ, что отъ-тучива отъ
млодидъ просвотисеисель, когда обротивидъ
она къ-дору, и познанию; в'тота какъ
много думамар почувствуетъ млодотикъ
мичуцией!

А-видать, какъ млодотиселъ кривитъ къ
данимъ безвездный фигуръ; а-млодотиса, къ

Боже, неопытный человек! Я счастлив, как никогда,
и счастлив, как никогда, быть в состоянии служить. Мою
приветливую и искреннюю любовь, которую я чувствую к тебе,
добавляю к моему сердечному желанию, но ты не забывай
мне быть искренним и искренним, который был бы
на все искренность и искренность искренности; и
уверенный в мою искренность и искренность искренности
только что искренности в искренности искренности.

Моя искренняя любовь.

1843 год.

Купи на Невском.

- 3. Милл прилагательное.
- 4. Местоимения
- 5. Числитель
- 6. Прислуги и деепричастие
- 7. Союз.
- 8. Частица
- 9. Предлог и предложитель

Сии части речи будутъ рассмотрены въ трехъ частяхъ Грамматики. 1) Въ Словопроизведении ^{подготовке} ^{готовности} свойство частей речи, происхождение и перемены оныхъ
 2) Въ Словосочинении означены правила союзности частей речи между собою для произведенія понятий, ^и какъ
 3) Применение словъ покажетъ намъ, какъ должно правильно прочесть слова и какъ должно правильно говорить и писать по кабардински.

Часть первая

1. Слово произведение.

§ 15. Словопроизведение есть часть Грамматики и означена намъ свойство частей речи, происхождение и перемены оныхъ.

Копия
 1882 г.
 № 6 188

производные существительные от глагола, напр. дѣлѣніе дѣлѣніе
любви дѣлѣніе дѣлѣніе и

3. Уменьшительные, которыхъ въ русскомъ языкѣ, предъ-
именнаго существительнаго не имѣютъ: дѣлѣніе
аварійнаго дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе и

4. Существительные, обозначающія однокъ отомытый предметъ,
изъ цыганскаго, напр. дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе и
 дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе и

5. Нарциссизмы, обозначающія предметъ однокъ
гого рода: дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе и

6. Собирашительные, обозначающія въ русскомъ языкѣ
слова и существительные однокъ отомытыхъ предметовъ, совокупленныя
въ одно понятие: дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе и

7. Существительные, обозначающія существа или предметы,
напр. дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе и

8. Уменьшительные и Увеличительные, представляющія
предметъ въ уменьшенномъ или въ увеличенномъ противъ обыкновеннаго
размѣрѣ, напр. дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе и
 дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе и
 дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе дѣлѣніе и

9. Общие существительные существительные отъ

табличная слово дх дхи сущая или окончание дх постав-
 ленные в концы имен. дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи
дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи
 принадлежат именам клявского рода прибавлены
 слово дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи
дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи

§ 20. Имена имеют два числа: единственное и
 множественное падежи и склонения подобно тугу-
 кимь и тиреидским.

О Склонениях.

§ 21. Склонения в кабардинском языке для существительных
 и для имен родов одна, по которой слова и прино-
 мают следующую оканчивание

падеж	единств. ч. м.	множеств. ч. м.
И.	д. дхи дхи дхи дхи дхи дхи	И дхи дхи дхи дхи дхи дхи
Р.	д. дхи дхи дхи дхи дхи дхи	Р дхи дхи дхи дхи дхи дхи
Д.	д. дхи дхи дхи дхи дхи дхи	Д. дхи дхи дхи дхи дхи дхи
В.	д. дхи дхи дхи дхи дхи дхи	В дхи дхи дхи дхи дхи дхи
М.	д. дхи дхи дхи дхи дхи дхи	М. дхи дхи дхи дхи дхи дхи

§ 22. Существительный падеж сходен с именительным, и дхи
 по прибавлению в начале дхи дхи дхи дхи дхи дхи , напр.

дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи
 множественное слова дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи дхи

§ 23. По общей таблице склонения, в кабардинском языке

И.	дхи дхи дхи дхи дхи дхи	И дхи дхи дхи дхи дхи дхи
Р.	дхи дхи дхи дхи дхи дхи	Р дхи дхи дхи дхи дхи дхи
Д.	дхи дхи дхи дхи дхи дхи	Д. дхи дхи дхи дхи дхи дхи
В.	дхи дхи дхи дхи дхи дхи	В. дхи дхи дхи дхи дхи дхи
М.	дхи дхи дхи дхи дхи дхи	М. дхи дхи дхи дхи дхи дхи

U.	خاتىڭ	<u>Musomus</u>	U.	خاتىڭ	<u>Musomus</u>
P.	خاتىڭ	<u>Musomus</u>	P.	خاتىڭ	<u>Musomus</u>
D.	خاتىڭ	<u>Musomus</u>	D.	خاتىڭ	<u>Musomus</u>
B.	خاتىڭ	<u>Musomus</u>	B.	خاتىڭ	<u>Musomus</u>
M.	خاتىڭ	<u>Musomus</u>	M.	خاتىڭ	<u>Musomus</u>

U.	كاسىڭ	<u>Kasim</u>	U.	كاسىڭ	<u>Kasim</u>
P.	كاسىڭ	<u>Kasim</u>	P.	كاسىڭ	<u>Kasim</u>
D.	كاسىڭ	<u>Kasim</u>	D.	كاسىڭ	<u>Kasim</u>
B.	كاسىڭ	<u>Kasim</u>	B.	كاسىڭ	<u>Kasim</u>
M.	كاسىڭ	<u>Kasim</u>	M.	كاسىڭ	<u>Kasim</u>

Елва. тиреги.

Объ елвы прилагательного.

§ 27 Елва прилагательное сым елвонко иеозракоине ко-
 теомба во предмет, на пр: диз дин дин Томасуфласович ие.

ладое ерево диз дин дин завоное стурви. до сым

§ 28 Елва прилагательное в ерванкоте елвонко ерванк
 ота, которое елвонкоте сым елвон, елвонко от ерванк

предметов и елвонкоте во сым суркан елвонко ерванк
 елвон или елвонкоте елвон, на пр: диз дин дин Касим

Касим ерванк елвон, или елвонкоте елвон елвон
 елвонкоте предмет, елвонкоте елвон елвон.

Елвон, елвонкоте и елвонкоте елвонкоте елвонкоте,
 на пр: диз дин Касим елвон. диз дин елвон елвон, диз дин

Касим елвон елвон, диз дин елвон елвон елвон елвон
 елвонкоте елвон елвон елвон елвон елвон елвон

Елвон, елвон елвон елвон елвон елвон елвон елвон елвон
 елвон елвон елвон елвон елвон елвон елвон елвон елвон

Елвон елвон елвон елвон елвон елвон елвон елвон елвон

взаимных при $\xi \eta$ или $\xi \zeta$ или $\xi \zeta$ или, которыми ар-
 камина принадлежат одному предмету по другому
 § 29. Умно по произведению обыват: умножен
или каменей, коими откачан произведение пред-
мета; или от идеальности или каменей:
двух каменей или двух или от каменей. двух или или или
или или или или или или или или или или
 § 30. Подобно или обыват, коими откачан про-
изведение предмета, но от идеальности или каменей
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или

§ 30. Двух каменей или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
 § 31. Умно или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или

§ 32. Как или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или
или или или или или или или или или или

Съгласно с известными принципами не означают по-
востанка каковы, а употребляют их в зависимости от
приведенных или же употреблены подобно как и на суще-
ствительных употребительных означивающихся на дх^2
духу, напр: $\text{дх}^2 \text{дх}^2 \text{дх}^2 \text{дх}^2$ каковы $\text{дх}^2 \text{дх}^2 \text{дх}^2 \text{дх}^2$
по.а. духу духу дх^2

§ 35. Второго разряда употребительных показывающих
недостаток каковы в употребит и составляют
приведенных в конце употребительных $\text{дх}^2 \text{дх}^2 \text{дх}^2$
или $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$: $\text{дх}^2 \text{дх}^2 \text{дх}^2 \text{дх}^2$
 $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$ дх^2

§ 36. Употребительных употребительных и каковы, в
расчете каковы, и каковы каковы в про-
мате и употребительных употребительных
второго разряда. Съгласно с известными
приведенных в употребительных каковы

$\text{дх}^2 \text{дх}^2$ $\text{дх}^2 \text{дх}^2$ $\text{дх}^2 \text{дх}^2$ $\text{дх}^2 \text{дх}^2$ $\text{дх}^2 \text{дх}^2$ $\text{дх}^2 \text{дх}^2$
 $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$
 $\text{дх}^2 \text{дх}^2$

§ 37. Съгласно с известными употребительных по, по
известной употребительных употребительных, употребительных
каковы употребительных употребительных $\text{дх}^2 \text{дх}^2$ $\text{дх}^2 \text{дх}^2$
 $\text{дх}^2 \text{дх}^2$: $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$, $\text{дх}^2 \text{дх}^2$
супроте дх^2

§ 38. Употребительных употребительных употребительных, дх^2

К. 2/1104 доверенная, а также записки по фактам и документам.

Корреспонденция

Доверенная

1. Бу	21	1 ² <u>Бу</u>	21/2
2. ммы	22	<u>амм</u>	21/2
3. чбу	23	<u>амм</u>	21/2
4. мми	24	<u>амм</u>	21/2
5. мми	25	<u>амм</u>	21/2
6. шбу	26	<u>амм</u>	21/2
7. шбу	27	<u>амм</u>	21/2
8. бу	28	<u>амм</u>	21/2
9. бу	29	<u>амм</u>	21/2
10. бу	30	<u>амм</u>	21/2
11. бу	31	<u>амм</u>	21/2
12. бу	32	<u>амм</u>	21/2
13. бу	33	<u>амм</u>	21/2
14. бу	34	<u>амм</u>	21/2
15. бу	35	<u>амм</u>	21/2
16. бу	36	<u>амм</u>	21/2
17. бу	37	<u>амм</u>	21/2
18. бу	38	<u>амм</u>	21/2
19. бу	39	<u>амм</u>	21/2
20. бу	40	<u>амм</u>	21/2
21. бу	41	<u>амм</u>	21/2
22. бу	42	<u>амм</u>	21/2
23. бу	43	<u>амм</u>	21/2
24. бу	44	<u>амм</u>	21/2
25. бу	45	<u>амм</u>	21/2
26. бу	46	<u>амм</u>	21/2
27. бу	47	<u>амм</u>	21/2
28. бу	48	<u>амм</u>	21/2
29. бу	49	<u>амм</u>	21/2
30. бу	50	<u>амм</u>	21/2
31. бу	51	<u>амм</u>	21/2
32. бу	52	<u>амм</u>	21/2
33. бу	53	<u>амм</u>	21/2
34. бу	54	<u>амм</u>	21/2
35. бу	55	<u>амм</u>	21/2
36. бу	56	<u>амм</u>	21/2
37. бу	57	<u>амм</u>	21/2
38. бу	58	<u>амм</u>	21/2
39. бу	59	<u>амм</u>	21/2
40. бу	60	<u>амм</u>	21/2
41. бу	61	<u>амм</u>	21/2
42. бу	62	<u>амм</u>	21/2
43. бу	63	<u>амм</u>	21/2
44. бу	64	<u>амм</u>	21/2
45. бу	65	<u>амм</u>	21/2
46. бу	66	<u>амм</u>	21/2
47. бу	67	<u>амм</u>	21/2
48. бу	68	<u>амм</u>	21/2
49. бу	69	<u>амм</u>	21/2
50. бу	70	<u>амм</u>	21/2
51. бу	71	<u>амм</u>	21/2
52. бу	72	<u>амм</u>	21/2
53. бу	73	<u>амм</u>	21/2
54. бу	74	<u>амм</u>	21/2
55. бу	75	<u>амм</u>	21/2
56. бу	76	<u>амм</u>	21/2
57. бу	77	<u>амм</u>	21/2
58. бу	78	<u>амм</u>	21/2
59. бу	79	<u>амм</u>	21/2
60. бу	80	<u>амм</u>	21/2
61. бу	81	<u>амм</u>	21/2
62. бу	82	<u>амм</u>	21/2
63. бу	83	<u>амм</u>	21/2
64. бу	84	<u>амм</u>	21/2
65. бу	85	<u>амм</u>	21/2
66. бу	86	<u>амм</u>	21/2
67. бу	87	<u>амм</u>	21/2
68. бу	88	<u>амм</u>	21/2
69. бу	89	<u>амм</u>	21/2
70. бу	90	<u>амм</u>	21/2
71. бу	91	<u>амм</u>	21/2
72. бу	92	<u>амм</u>	21/2
73. бу	93	<u>амм</u>	21/2
74. бу	94	<u>амм</u>	21/2
75. бу	95	<u>амм</u>	21/2
76. бу	96	<u>амм</u>	21/2
77. бу	97	<u>амм</u>	21/2
78. бу	98	<u>амм</u>	21/2
79. бу	99	<u>амм</u>	21/2
80. бу	100	<u>амм</u>	21/2
81. бу	101	<u>амм</u>	21/2
82. бу	102	<u>амм</u>	21/2
83. бу	103	<u>амм</u>	21/2
84. бу	104	<u>амм</u>	21/2
85. бу	105	<u>амм</u>	21/2
86. бу	106	<u>амм</u>	21/2
87. бу	107	<u>амм</u>	21/2
88. бу	108	<u>амм</u>	21/2
89. бу	109	<u>амм</u>	21/2
90. бу	110	<u>амм</u>	21/2
91. бу	111	<u>амм</u>	21/2
92. бу	112	<u>амм</u>	21/2
93. бу	113	<u>амм</u>	21/2
94. бу	114	<u>амм</u>	21/2
95. бу	115	<u>амм</u>	21/2
96. бу	116	<u>амм</u>	21/2
97. бу	117	<u>амм</u>	21/2
98. бу	118	<u>амм</u>	21/2
99. бу	119	<u>амм</u>	21/2
100. бу	120	<u>амм</u>	21/2

amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. amīānāpā amīānāpā.
amīānāpā amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā.
amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā.

Этот текст состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет свое значение. В начале упоминается слово amīānāpā, которое встречается несколько раз. Далее следуют слова amīānāpā amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. и amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. В конце текста упоминается слово amīānāpā дважды.

Этот текст состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет свое значение. В начале упоминается слово amīānāpā, которое встречается несколько раз. Далее следуют слова amīānāpā amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. и amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. В конце текста упоминается слово amīānāpā дважды.

Этот текст состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет свое значение. В начале упоминается слово amīānāpā, которое встречается несколько раз. Далее следуют слова amīānāpā amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. и amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. В конце текста упоминается слово amīānāpā дважды.

Этот текст состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет свое значение. В начале упоминается слово amīānāpā, которое встречается несколько раз. Далее следуют слова amīānāpā amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. и amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. В конце текста упоминается слово amīānāpā дважды.

Этот текст состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет свое значение. В начале упоминается слово amīānāpā, которое встречается несколько раз. Далее следуют слова amīānāpā amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. и amīānāpā, amīānāpā, amīānāpā. В конце текста упоминается слово amīānāpā дважды.

1000

каком соотношении двух предположений, следовательно,
взаимности всего, сив инстинктивных сущности чуждым

дѣлѣ какое это, дѣлѣ суть это, і а. д. 1922
ѣлѣ ан, коморѣ, дѣлѣ каким или каким дѣлѣ
какой, дѣлѣ дѣлѣ суть какого или какого какой,
дѣлѣ суть какого или какого дѣлѣ,
какого, дѣлѣ каким или каким дѣлѣ
какой, дѣлѣ каким или каким дѣлѣ
какого, каким или каким дѣлѣ какого

дѣлѣ каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого

Каждый каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого

каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого
каким или каким дѣлѣ какого

8. Maye. E. Kueno uncom Kueno Ex 23

oxe die die skewt, nanou. diept beantwete, utera
conot bluue die depe, diept bluue, uue
die bluue, — diept bluue, uue.
H. P. H. P.

9. die bluue stas bluue, diept bluue, diept
bluue, uue, uue.

В. Все оставшееся и не употребившееся — присага, т.е. не
 и в сади не юттея со сущимъ вимъ вимъ, и не
 принажи мѣнѣ въ обшнѣ мѣнѣ вимъ вимъ

В. Какъ не употребившее сущимъ вимъ вимъ
 мѣнѣ вимъ вимъ вимъ вимъ.

Вимъ единственнаго числа.

И.	имъ со.	имъ со	имъ со ² , имъ со.	(И.И.)
Р.	имъ со	имъ со	имъ со.	имъ со
Д.	имъ со	имъ со	имъ со	имъ со
В.	имъ со	имъ со	имъ со	имъ со
М.	имъ со	имъ со	имъ со	имъ со

Множественнаго числа.

И.	имъ	имъ	имъ	имъ	(И.И.)
Р.	имъ	имъ	имъ	имъ	имъ
Д.	имъ	имъ	имъ	имъ	имъ
В.	имъ	имъ	имъ	имъ	имъ
М.	имъ	имъ	имъ	имъ	имъ

Вимъ единственнаго числа.

И.	имъ	имъ	имъ	(И.И.)
Р.	имъ	имъ	имъ	имъ
Д.	имъ	имъ	имъ	имъ
В.	имъ	имъ	имъ	имъ
М.	имъ	имъ	имъ	имъ

Множественнаго числа.

И.	имъ	имъ	имъ	имъ	(И.И.)
Р.	имъ	имъ	имъ	имъ	имъ
Д.	имъ	имъ	имъ	имъ	имъ
В.	имъ	имъ	имъ	имъ	имъ
М.	имъ	имъ	имъ	имъ	имъ

Вимъ единственнаго числа.

И.	имъ	имъ	имъ	имъ	(И.И.)
Р.	имъ	имъ	имъ	имъ	имъ

27 19

D.	adv.			
S.	adv	adv.		
M.	advabunwa,	adv	advant.	
и Кривошеиной руко.				
A.	advp.	advp.	advant	advant for
P.	advp.	adv	advant	
D.	advant		advant	
B.	advp.	adv	advant	
M.	advant		advant	advant for.

Вары подоб и увент.

A.	advp. erup.	advp. erup.	(com)
P.	advp. erub, advp.	erubent	
D.	advp. erub.	advp. erubent	
B.	U. P. erub.	U. P. erubent	
M.	advp. erub.	advp. erubent, erubent	erubent

Обавы увент.

A.	advp. erub, advp. erub.	advp. erub (com)
P.	advp. erub, advp. erub.	advp. erub
D.	advp. erub, advp. erub.	advp. erub
B.	advp. erub, advp. erub.	advp. erub
M.	advp. erub, advp. erub.	advp. erub, advp. erub

Увент. Кривошеиной руко. подоб. Криво.

A.	advp. erub, advp. erub.	advp. erub (com)
P.	advp. erub, advp. erub.	advp. erub
D.	advp. erub, advp. erub.	advp. erub
B.	advp. erub, advp. erub.	advp. erub
M.	advp. erub, advp. erub.	advp. erub, advp. erub

1/4. Кривошеиной руко. подоб. Кривошеиной руко. подоб. Кривошеиной руко. подоб.

итомоминский штатом марский приидимамент-
 каро иктоминский: дрхххххх сх дрхххххх
 мод к нира дрхххххх сх дрхххххх сх
дрхххххх, каша данс, ф

Д.ч. Мномоминский указа тебевед. Алмои
 И. дрхххххх до нв, сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
 Р. сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
 Д. сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
 В. сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
 М. сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх

Слодно сему прииштру схиокаметя указа тебевед
сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх

И. дрхххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
 Д. дрхххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
 Д. дрхххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
 В. сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
 М. дрхххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх

Глава шестая. О Глаголю.

Д.ч. сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх
сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх сххххххх

Априм
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892

совершилось, токо, и соотна все к тем, что прибавил
книжа къ концу, новым мелким, на двух стор.
ко приштаб. царя свои дети дв.

ар. ка к ор, она три дети дв., ф
6) Несовершенный, выражающий, что дети дв.
совершается, совершилось или совершится к кон.
картеба, то как кончился или кончится.

дети дв. или дети дв. или дети дв.
любав. ф

При этих поисках видов известно что
в двух случаях, определять и не опред.
случай известно при взгляде: настоящий
прошедший и будущий.

184. В Кавказских языках имеются три вида
субъективных, отражающих не прямых
только о лице и присвоении или повеле-
тельная кажущаяся в присвоении то о
какую букву или или или или или или
или или или или или или или
или, непрямые виды, ф.

185. Славянские языки имеют на личности и в
личности, правильные и неправильные и не
полноточные, с личными присвоениями.

дети дв. или дети дв. или дети дв.

1
2 Промедленіе, катархизис: преходяща, ~~примедленіе~~
~~и двупромедленіе~~ и двупромедленіе; показуютъ то
Физикъ которіе произо.

а) Преходяща показуетъ что стѣнныя еяже катархизиса
произо дѣятели; оказываются, и вутриваніе д

б) Промедленіе показывается стѣнныя совершенно еяже
яко дѣятели свойственныя и гитав. ф

в) Промедленіе означаема стѣнныя илюминированіе
и совершившихся дѣятели свойственныя
и хванит. ф

г) Давнопромедленіе показывается стѣнныя давносовер-
шившихся дѣятели свойственныя, и давно показ

д) Будущее показывается стѣнныя въ будущущемъ
времени дѣятели свойственныя
яко хванит.

87) Периметръ оконнаго или начального слова
слова ея означеніи Физикомъ, катархизиса и катархизиса
кажется ея отъключеніемъ.

88) Глаголы въ Кабардинскомъ языкѣ катархизиса
также обильны въ кабардинскомъ, но какъ они мало
употребительны, то еяже неглаголююща и гитав.
супротивъ глаголовъ, иже привидею еяже еяже
показываютъ и гитав. кою необходимо въ еяже
кабардинскомъ разговорѣ.

Приветствіе
(Къ стрелецкимъ.)

I. Настоящего времени.

длѣхъ, || даапукуръ, длѣхъ, || даапукуръ длѣхъ, ||
даапукуръ, поможавиѣ.

Образуетца отъ повелительнаго наклоненія чрезъ
присоединеніе къ концу слова дѣхъ куръ длѣхъ || даа:
а иногда въ повелительнаго глагола чрезъ прибавленіе
къ началу глагола буквы і ѡ ѡ ѡ

II. Прошедшаго времени.

дѣхъ, || даапукуръ длѣхъ, || даапукуръ
сартъ поможавиѣ.

Образуетца отъ повелительнаго наклоненія, путемъ
единицы къ концу слова окончанія дѣхъ сартъ.

длѣхъ у сартъ дѣхъ у сартъ.

III. Будущаго времени.

длѣхъ, || даапукуръ длѣхъ, || даапукуръ
сартъ поможавиѣ. (а)

Приветствіе

Стрелецкимъ.

I. Настоящего времени.

длѣхъ, || даапукуръ длѣхъ, || даапукуръ, по-
можавиѣ.

Образуетца отъ повелительнаго наклоненія чрезъ
присоединеніе къ концу слова буквы дѣхъ уръ

(а) Образуетца прибавленіемъ къ началу отъ глагола
дѣхъ къ неспряженнаму наклоненію окончанія

дѣхъ уръ. —

принадлежит. прибавили ко прилагателю несовершенная часть
такой же будущим-времем, окончание тъ или
отом, и выкажут личные местоимения.

Единствен. числ.

1. 2. 3. дѣлѣхъ, ѡдѣлѣхъ дѣлаю дѣлаютъ я онъ помогу
... дѣлѣхъ, ѡдѣлѣхъ дѣлѣ дѣлаю дѣлаютъ. дѣлѣ, дѣлѣ 9.
Множеств. числа

1. 2. 3. дѣлѣхъ, ѡдѣлѣхъ дѣлѣ дѣлаю дѣлаютъ, дѣлѣ дѣлѣ 9
... дѣлѣхъ, ѡдѣлѣхъ дѣлѣ дѣлаю дѣлаютъ, дѣлѣ дѣлѣ 9
XVII. Сослагательное

прошедшее - несовершенное.

Образуются прибавили ко прилагателю окончание
дѣ тъ и выкажут личные местоимения

Единствен. числа.

1. 2. 3. дѣлѣхъ, ѡдѣлѣхъ дѣ дѣлаю дѣлаютъ, дѣлѣ, дѣлѣ 9 это я
помогаетъ
Множеств. числа.

1. 2. 3. дѣлѣхъ, ѡдѣлѣхъ дѣ дѣлаю дѣлаютъ, дѣлѣ, дѣлѣ 9
XVIII. Сослагательное - прошедшее

Образуются, прибавили ко прошедшему времени
окончание дѣлѣ дѣлѣ, выкажут личные местоимения.

Единствен. числа.

1. 2. 3. дѣлѣхъ, ѡдѣлѣхъ дѣ дѣлаю дѣлаютъ, дѣлѣ, дѣлѣ 9 я не
помогаетъ
Множеств. числа.

1. 2. 3. дѣлѣхъ, ѡдѣлѣхъ дѣ дѣлаю дѣлаютъ, дѣлѣ, дѣлѣ 9
XIX. Сослагательное - дѣлѣ -
прошедшее -

Адрес
Исторический
№ 16 1889
О. —
Ж. —

Образуются, прибавили ко дѣлѣ дѣлѣ дѣлѣ дѣлѣ дѣлѣ
времени окончание дѣ тъ, выкажут личные местоимения.

Единств. чис.

1.2.3. 1, 2, 3. $\text{d}^{\text{a}} \text{lxix} \text{ll} \text{d} \text{a} \text{v}$ св. дѣяныи } у. ар. ф. что я,
... $\text{d}^{\text{a}} \text{lxix} \text{ll} \text{d} \text{a} \text{v}$ св. дѣяныи } дѣяныи
... поименован...

Множеств. чис.

1.2.3. $\text{d}^{\text{a}} \text{lxix} \text{ll} \text{d} \text{a} \text{v}$ св. дѣяныи } дѣяныи
... $\text{d}^{\text{a}} \text{lxix} \text{ll} \text{d} \text{a} \text{v}$ св. дѣяныи } дѣяныи

XX Сологатамьнов-Будуща.

Образуетя прибавленіемъ къ неопредѣленному числу
монетъ окончаніи дѣяныи и къ началу интентивной

Единств. чис.

1.2.3. $\text{d}^{\text{a}} \text{lxix} \text{ll} \text{d} \text{a} \text{v}$ св. дѣяныи } у. ар. ф. что я
... дѣяныи } дѣяныи

Множеств. чис.

1.2.3. $\text{d}^{\text{a}} \text{lxix} \text{ll} \text{d} \text{a} \text{v}$ св. дѣяныи } дѣяныи
... дѣяныи } дѣяныи

XI Сологатамьнов-возмемативное.

Образуетя; прибавленіемъ къ неопредѣленному числу
монетъ времени окончаніи дѣяныи и къ
началу интентивной и интентивной.

Единств. чис.

1.2.3. $\text{d}^{\text{a}} \text{lxix} \text{ll} \text{d} \text{a} \text{v}$ св. дѣяныи } дѣяныи
... дѣяныи } дѣяныи

Множеств. чис.

1.2.3. $\text{d}^{\text{a}} \text{lxix} \text{ll} \text{d} \text{a} \text{v}$ св. дѣяныи } дѣяныи
... дѣяныи } дѣяныи

XII Сологатамьнов-прошедшее.

Образуетя отъ прошедшаго совершеннаго, прибавленіемъ
монетъ окончаніи дѣяныи и къ началу интентивной
монетъ интентивной.

Содерж. кн.

1.23. Св. доанукоконовскага ч. арс 4
Множество кн. } это в о по-
мощь.

1.23 Св. доанукоконовскага ч. арс 4
XXIII Сослуживство гавно. прошедшее
Составляется из гавно-прошедшего прибавить
кв оному окончаніи Св. доанукоконовскага ч. арс 4 и интеримов.

1.20. Св. доанукоконовскага ч. арс 4
Множество кн. } гавно о в
помощь.

1.23. Св. доанукоконовскага ч. арс 4
XXIV Сослуживство-будущее
Составляется присоединением к интеримовскому
как оному окончаніи Св. доанукоконовскага ч. арс 4 и интеримов.

Содерж. кн.

1.20. Св. доанукоконовскага ч. арс 4
Множество кн. } это в о по-
мощь.

1.23. Св. доанукоконовскага ч. арс 4
XXV Двупричастіе

а) Кистожуца вришени

Образуется, прибавить к интеримовскому как
оному окончаніи Св. доанукоконовскага ч. арс 4 и интеримов.

Св. доанукоконовскага ч. арс 4
Св. доанукоконовскага ч. арс 4
Св. доанукоконовскага ч. арс 4 } помощь.

б) Присоединено вришени

Св. доанукоконовскага ч. арс 4
Св. доанукоконовскага ч. арс 4
Св. доанукоконовскага ч. арс 4
Св. доанукоконовскага ч. арс 4 } помощь
Св. доанукоконовскага ч. арс 4 } помощь

Архив
Ин-та
Историко-филологич.
наук
С.-П.

X

дѣлаю: 12.1) дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) нужда: помощь
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) помощь.

дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) помощь.
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) помощь.
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) помощь.

о Будущаго времени

производится, отъ имени дѣлаю или буду
именемъ дѣлаю, буду, буду, буду, буду
буду, буду, буду, буду.

дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) нога памощь.
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) доклад, помощь.
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) будетъ памощь.
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) помощь.
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1)
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1)

Видя въ Кибурдинскомъ мѣстѣ можно подтвердить,
что дѣлаю точно производится или производится, то
указываютъ слово дѣлаю при которомъ буду
вѣдъ всего вѣдѣтъ буду буду буду
не произведена наклоненій, напр. буду: наклонен

дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) дѣлаю: 12.1)
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) дѣлаю: 12.1)
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) дѣлаю: 12.1)
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) дѣлаю: 12.1)
дѣлаю: 12.1) даю: 12.1) даю: 12.1) дѣлаю: 12.1)

Нормальная сульфидная ибеноидокарбоната
 Нормальная карбоната

$\left. \begin{array}{l} \text{длхл} \underline{\text{хлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{длхл, сульфидовант} \\ \text{карбонит, ибеноид} \end{array}$
 $\left. \begin{array}{l} \text{хл} \underline{\text{хл}} \\ \text{хл} \underline{\text{хлхл}} \end{array} \right\} \text{отделенной}$

Нормальная. Нормальная:

$\left. \begin{array}{l} \text{длхл} \underline{\text{хлхл}} \text{ дуб 4} \\ \text{хл} \underline{\text{хлхл}} \text{ илм} \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{длхл} \underline{\text{хлхл}} \\ \text{хл} \underline{\text{длхл}} \text{ хлхл} \end{array}$
 $\left. \begin{array}{l} \text{длхл} \underline{\text{хлхл}} \text{ пилхл} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхл}} \text{ сульфид} \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{хлхл} \underline{\text{хлхл}} \text{ сульфид} \\ \text{хлхл} \underline{\text{хлхл}} \text{ сульфид} \end{array}$

Нормальная

Нормальная сульфидная

$\left. \begin{array}{l} \text{длхл} \underline{\text{хлхл}} \text{ длхл} \underline{\text{хлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \text{ длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{сульфид, ибеноид} \\ \text{длхл} \end{array}$

Нормальная сульфидная сульфидная

$\left. \begin{array}{l} \text{длхл} \underline{\text{хлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{сульфид} \\ \text{карбонит} \\ \text{карбонит} \end{array}$

Нормальная сульфидная

$\left. \begin{array}{l} \text{длхл} \underline{\text{хлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \\ \text{длхл} \underline{\text{хлхлхл}} \end{array}$

Начертание Усобиумитов.

Вршиа Костомарова.

С.	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u> , <u>срѣдѣн</u>	} д. сѣнѣ д. сѣдѣн. ф
1.	дѣт дѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u>	
2.	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u> [дѣтѣн <u>срѣдѣн</u>	
	дѣт дѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u>	дѣтѣн <u>срѣдѣн</u>
3.	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u>	Сѣдѣн. сѣнѣ.
	дѣт дѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u> - дѣтѣн <u>срѣдѣн</u>	} <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u>
4.	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u> - дѣтѣн <u>срѣдѣн</u>	
1.	дѣт дѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u> - дѣтѣн <u>срѣдѣн</u>	} <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u>
2.	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u> - дѣтѣн <u>срѣдѣн</u>	
	дѣт дѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u> - дѣтѣн <u>срѣдѣн</u>	} <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u>
3.	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u> - дѣтѣн <u>срѣдѣн</u>	
	дѣт дѣрѣн <u>срѣдѣн</u> <u>срѣдѣн</u> - дѣтѣн <u>срѣдѣн</u>	ф.

Начертание Усобиумитов - дѣтѣн

С. 1.	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	} <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u>
- 2	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	
- 3	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	
4. 1	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	} <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u>
2	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	
3	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	

Начертание Усобиумитов

1	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	} <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u> } <u>срѣдѣн</u>
2	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	
3	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	
1	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	
2	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	
3	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	
1	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	
2	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	
3	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	длѣдѣрѣн <u>срѣдѣн</u>	

Sporemeduse lobopurpureae

Lym. curv.

- 1. *dilat. du* *Cl. ovalis* } *h. curv., h. dilatata.*
- 2. *dilat. du* *Cl. ovata* } *h. curv., h. dilatata.*
- 3. *dilat. du* *Cl. ovata* } *h. curv., h. dilatata.*

Stenocera. curv.

- 1. *dilat. du* *Cl. ovalis* } *h. curv., h. dilatata.*
- 2. *dilat. du* *Cl. ovata* } *h. curv., h. dilatata.*
- 3. *dilat. du* *Cl. ovata* } *h. curv., h. dilatata.*

Dabno-organismus

Lym. curv.

- 1. *dilat. du* *Cl. ovalis* } *h. Dabno-organismus h. dilatata.*
- 2. *dilat. du* *Cl. ovata* } *h. Dabno-organismus h. dilatata.*
- 3. *dilat. du* *Cl. ovata* } *h. Dabno-organismus h. dilatata.*

Sten.

- 1. *dilat. du* *Cl. ovalis* } *h. Dabno-organismus h. dilatata.*
- 2. *dilat. du* *Cl. ovata* } *h. Dabno-organismus h. dilatata.*
- 3. *dilat. du* *Cl. ovata* } *h. Dabno-organismus h. dilatata.*

Dysommata

(*Analisis mome*).

Cydonia

- 1. *dilat. du* *Cl. ovalis* } *h. curv., h. dilatata.*

Множественное. Речи.

1.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	} <u>книжки</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,
книжки <u>св</u> <u>святых</u>
или <u>книжки</u> <u>св</u> <u>святых</u>
употр.
	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	
2.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	
3.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	

Употребление множественного.

Речи.

1.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	} <u>книжки</u> <u>св</u> <u>святых</u> <u>св</u> <u>святых</u>
книжки <u>св</u> <u>святых</u> <u>св</u> <u>святых</u>
или <u>книжки</u> <u>св</u> <u>святых</u> <u>св</u> <u>святых</u>
употр.
	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	
2.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	
3.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	

Множественное. Речи.

1.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	} <u>книжки</u> <u>св</u> <u>святых</u> <u>св</u> <u>святых</u>
книжки <u>св</u> <u>святых</u> <u>св</u> <u>святых</u>
или <u>книжки</u> <u>св</u> <u>святых</u> <u>св</u> <u>святых</u>
употр.
	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	
2.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	
3.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	

книжки св святых
книжки св святых
книжки св святых
книжки св святых } книжки св святых.

Употребление множественного.

Речи.

1.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	} <u>книжки</u> <u>св</u> <u>святых</u> <u>св</u> <u>святых</u>
книжки <u>св</u> <u>святых</u> <u>св</u> <u>святых</u>
или <u>книжки</u> <u>св</u> <u>святых</u> <u>св</u> <u>святых</u>
употр.
	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	
2.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	
3.	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	книжки <u>де</u> <u>св</u> <u>святых</u> ,	

Множеств. числ.

1.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	(Ран. или забв.
букв. или забв.
букв. архивы
и архивы)
2.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	
3.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	

архивы и архивы
 архивы и архивы
 архивы и архивы
 архивы и архивы

Quaterne Mous.

Числ. существ.

лг. числ.

1.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	(Ран. и др.
букв. и др.
букв. архивы,
архивы)
2.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	
3.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	

Мн. числ.

1.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	(Ран. или забв.
букв. или забв.
букв. архивы,
архивы)
2.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	
3.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	

Соединение существ. и числ.

лг. числ.

1.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	(Ран. или забв.
букв. или забв.
букв. архивы,
архивы)
2.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	
3.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	

Мн. числ.

1.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>
2.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>
3.	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>	архивы <u>и архивы</u> , архивы <u>и архивы</u>

Соединение существ. и числ. существ.

Muoneens. tuena

1. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu
2. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu
3. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu

Coconacombros aydyruce.

Ly. tuena.

1. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu
2. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu
3. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu

Muoneens. tuena.

1. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo
2. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo
3. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo

Coconacombros - boconacombros.

1. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu
2. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu
3. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu

Muoneens. tuena

1. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo
2. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo
3. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo

Coconacombros nroceduce.

1. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu
2. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu
3. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu

Muoneens. tuena.

1. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo
2. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo
3. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo

Coconacombros Dabro - nroceduce.

Ly. tuena.

1. atlixi d d qe ayenno, atlixi d d qe chuiacomo, como Dabro. mu

- 2. ... y ayraobuqpa, ... y ayraobuqpa modo m. du. et no obit, n. p. o.
- 3. ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa mod. obit, n. p. o.

Muonacomb. Quena.

- 1. ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa
- 2. ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa
- 3. ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa

... ayraobuqpa } Quena mome.
... ayraobuqpa

Cocunacomb. Quena.

- 1. ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa } modo m. du. et no obit, n. p. o.
- 2. ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa
- 3. ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa

Muonacomb. Quena.

- 1. ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa n. p. o.

Quena mome.

Quena mome.

- ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa } Quena mome.
- ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa
- ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa
- ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa

Quena mome.

- ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa } Quena mome.
- ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa
- ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa
- ... ayraobuqpa, ... ayraobuqpa

APRIL
 18 22 1888
 10
 11

Азъ ваши ^{субъахъ} ^{ахъ}, которая считается совершенством
народа какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ: и въ
къ итнъ и омаго ^{субъахъ} ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
Въ Родъ Родъ Родъ Родъ Родъ
и ^{и.и.о.} и.и.о. ^{и.и.о.} и.и.о. ^{и.и.о.} и.и.о.
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии

Спряжение отрицательныхъ глаголовъ.

Повелительное наклонение.

- Сл. 2/ и.и.о. - и.и.о. и.и.о. и.и.о. и.и.о. и.и.о. и.и.о.
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии
и иахъ а и оуахъ и сфъи хероуа — ии

Новейшая каменная отруба...
золото образуют...
каменную...
сидименную...
пундубликента

Ев. 2.

дринванука
даринванука } да не поможет

3.

даринванука
арь даринванука } да не поможет

Мн. 8.

до даринванука да не поможет

2:

дра даринванука } да не поможет

3.

даринванука
арь даринванука } да не поможет

Сам. 2.

дринванука } не поможет

3.

дринванука
арь дринванука } да не поможет

Мн. 1.

дрь дринванука да не поможет

2.

дрь дринванука
дрь дринванука } да не поможет

3.

дринванука
арь дринванука } да не поможет

1.

дринванука не поможет

8.

дринванука да

3.

арь дринванука не поможет

1.

дрь дринванука, дрь дринванука да не поможет

Мн. 2.

дрь дринванука

3.

дринванука не поможет

1
 2
 3

гувънъуе не вистъ вистъ
 гувънъуе — г абривънъуе
 абривънъуе
 абривънъуе
 гв абривънъуе
 гувънъуе
 абривънъуе

Кривънъуе

г кривънъуе

1. Невънъуе

невънъуе, невънъуе, невънъуе не гувънъуе
 невънъуе, не невънъуе.

гувънъуе } не невънъуе
 гувънъуе }

гувънъуе } не невънъуе
 гувънъуе }

гувънъуе } не невънъуе
 гувънъуе }

гувънъуе } не невънъуе
 гувънъуе }

гувънъуе } не невънъуе
 гувънъуе }

2. Невънъуе

невънъуе, невънъуе, невънъуе
 невънъуе не невънъуе

гувънъуе } не невънъуе
 гувънъуе }

гувънъуе } не невънъуе
 гувънъуе }

սօցիթ } սոցիոլոգիա X
սօցիթ }
մարտիթ

սոցիալիզմ } հումանիզմ
սոցիալիզմ }
սոցիալիզմ } սոցիալիզմ
Գ. Բյուզանդացի Գրեկացի

սոցիթ } սոցիալիզմ
սոցիթ } սոցիալիզմ

սոցիալիզմ, ու սոցիալիզմ

- Սոցիալիզմ
- Սոցիալիզմ
- Սոցիալիզմ
- Սոցիալիզմ
- Սոցիալիզմ
- Սոցիալիզմ
- Սոցիալիզմ
- Սոցիալիզմ
- Սոցիալիզմ

սոցիալիզմ
սոցիալիզմ
սոցիալիզմ
սոցիալիզմ
սոցիալիզմ
սոցիալիզմ
սոցիալիզմ
սոցիալիզմ
սոցիալիզմ

Սոցիալիզմ

Սոցիալիզմ

Գ. Գրեկացի Գրեկացի

սոցիթ } սոցիալիզմ
սոցիթ }
սոցիթ }

սոցիթ

Սոցիալիզմ } սոցիալիզմ
Սոցիալիզմ }
Սոցիալիզմ }

սոցիթ } սոցիալիզմ
սոցիթ } սոցիալիզմ
սոցիթ } սոցիալիզմ

2. Настоящего будущего
время.

буду

будешь)

будем

будете

будут

будут

будут

3. Предыдущего будущего
время.

буду

будешь)

будем

будете

и будешь §...

4. Будущего
время.

буду

будешь

будем

и будешь §...

Наклонный инфинитив.

Время настоящего.

буду

будешь

будем

будете

будут

будут

будут

и будешь

будешь

§.

Множественное число.

буду

будете

будут

будут

11

Противоположные совершенные
об характерности и не характерности и не характерности
об субъективности
об глаголности и не глаголности и не глаголности
об характерности
об субъективности
 Противоположные

об

об инфлексии и не инфлексии
об флексии и не флексии

об

об субъективности
об флексии и не флексии
об субъективности и не субъективности

Мн.

у характерности
у субъективности
 { об инфлексии
об субъективности

арб характерности
арб инфлексии
арб субъективности
арб субъективности

Противоположные Будущее время.

об, об флексии
об, об субъективности } и не буду

у флексии
у субъективности
арб флексии
арб субъективности
арб флексии
арб субъективности

Будущее время.

об флексии, и не буду
об субъективности, и не буду

срхунокаши.

Т

у свиванехашис

арв сунвокаши.

арв свивеюкаши. ф.

Условное настоящее

св свивуши

св свивуташ

св свивавашис

св свиваюшис
и пров.

Условное прошедшее

св свивашис

св свиваюшис

св свивавашис

св свиваюшис и пров.

Условное будущее

св свивуши

св свивуташис

св свивавашис

св свиваюшис
и пров.

Сослагательное

Настоящее будущее

св свивуши

св свивуташис

св свивавашис

св свиваюшис
и пров.

Сослагательное - прошедшее

св свивашис

св свиваюшис

св свивавашис

св свиваюшис
и пров.

если и не
буду; и пров.

если и свиву,
и пров.

если и не
буду;

чтобы и не
было.

и чтобы и свиву
не было.

X

Средневропейские
и среднеазиатские
и индийские
и среднеазиатские
и индийские

Ромоды в Даво-
не баша,
и нпал.

Сосна азиатская восточная

Настоящие бразильские

и индийские
и среднеазиатские

Ромоды в нпал,
и нпал.

и индийские

и среднеазиатские

и гавайские

и даунские

Прочие

и индийские

и среднеазиатские

и индийские

и среднеазиатские

Даво

ромоды в
нпал.

и индийские

и среднеазиатские

и индийские

и среднеазиатские

ромоды в
губно не
баша.

Будучие

и индийские

и среднеазиатские

и индийские

Даво

1. Настоящие бразильские

и индийские
и среднеазиатские
и индийские
и среднеазиатские
и индийские

не будучие
не гравит.

Алсура
Алсура
Алсура
Алсура

не будет. не
знает.

Прощаю вас

Алсура

Алсура
Алсура
Алсура
Алсура
Алсура
Алсура
Алсура
Алсура
Алсура
Алсура

не будет
не
государств.

Алсура

Алсура

Алсура

не будет. не
знает. не
знает.

Будущее

Алсура

Алсура

Алсура

Алсура

Алсура

Алсура

Алсура

Алсура

нока,
государств,
не,
будущее. ф
нока.
не будет.

и т. д.

Приведены примеры существительных и глаголов.
Человек, который не
знает, не знает, — но будущее. Девочка не знает
человека, который, (х) знает, и (х) знает. Девочка

от помыслов сепаратизма и от насилия
~~Наша задача, как известно, не в том, чтобы~~
~~лучше себя вести и относиться к людям, а в том, чтобы~~
~~лучше себя вести; а именно: не учиться вступать; а именно:~~
^{внутренне}
~~успокоиться~~ ~~таком образом;~~
~~успокоиться~~ ~~внутри~~ ~~найдены, сообразно~~
 с ~~идеями~~ ~~необходимости~~ ~~шаром.~~

1. Сотрудничестве:

- ~~Вариант сотрудничества~~
~~Вариант сотрудничества~~ ~~Сотрудничестве~~
 Вариант сотрудничества, от него вытекающие
 Вариант сотрудничества с ~~содержательным~~
 Вариант сотрудничества } ~~Сотрудничестве~~
 Вариант сотрудничества } ~~Сотрудничестве~~
 Вариант сотрудничества } ~~Сотрудничестве~~
 Вариант сотрудничества } ~~Сотрудничестве~~
 Вариант сотрудничества } ~~Сотрудничестве~~

2. Бездействие:

- ~~Вариант бездействия~~
~~Вариант бездействия~~ ~~Бездействие~~
 Вариант бездействия ~~проявляется~~
 Вариант бездействия ~~высшая, по сути~~
 Вариант бездействия ~~имеет~~
 Вариант бездействия ~~содержательным~~
 Вариант бездействия ~~содержательным~~
 Вариант бездействия } ~~найдены~~
 Вариант бездействия } ~~найдены~~

3. Возмущение и ненависть:

- ~~Вариант возмущения и ненависти~~
~~Вариант возмущения и ненависти~~ ~~Возмущение и ненависть~~

тлацуйко - видъ.

Вакриатлацуйко.

Варилатлацуйко.

Варилатлацуйко.

Вакриатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Вакрилатлацуйко.

Зригитмауфрингокаитъ,

Зригитмауфрингоко?

Каригатмауфрингокаитъ.

Каригатмауфринго,

Каригатмауфрингокаитъ,

Каригатмауфринго.

Каригатмауфрингокаитъ.

Каригатмауфринго.

Каригатмауфрингокаитъ,

Каригатмауфринго.

Задатмауфрингокаитъ

Задатмауфринго.

Задатмауфрингокаитъ

Задатмауфринго.

Задатмауфрингокаитъ

Задатмауфринго.

Задатмауфрингокаитъ

Задатмауфринго. Ф Ф.

Съ Теларики гъитъвипитиве и двайтвѣтѣ,
гъитъвипитиве соимъвогъа отъ випитиве
къитъ падсоитъ, почти во вѣсехъ тѣхъку-
лаихъ, въ которѣхъ тотъже падсоитъ угод-
рѣиветъ въ русикаитъ ервехъ, но отъ многокъ,
кои въ русикаитъ тѣхъвогъа тѣхъвогъа ка, ка
во, до, ола и т. п. итъ, кои въравнаитъ дв-
итъ ступитъ разплатитъ въ чему падсоитъ
въ Кабардиникаитъ ервехъ соимъвогъа отъ дв-
итъ вѣтѣ падсоитъ; каитъ: Сомъвогъа на!

рукопись
 пишется от головы, ^{арх мусульм}
Кавказцы, итак и т. н. — ~~...~~
~~...~~ и т. н. — Таланк мусульмизма иудейств
 атеизм, но, в союзности их и многозначности их
 данных: пишут текст ивонь

материалов русской литературы. — Творят
 фундаментальной надежды, во-первых, о: бунт патри-
 ков, драматический и т. н. Во-вторых, на
 кабардинском языке переводится предвост
 на ~~...~~ — (с) т. е. бунт и наихот, драма
 от рукописи ^{Вот и была была}
~~...~~ ^{архивная} и
архивная ф.

Елагинский ^{обучение, подготовка,}
 (включая и там) ^{каменное и} ^{и т. н.}
 (включая и там) когда начали учиться и про-
 гают по чему, за сканью, по сканью мусульман
 многозначности надежда:
 и составлять ^{или представлять собой} составлять ^{или представлять}
 за рукописи, ^{составлять как}
составлять, а пишут по порядку концы.

О союзе.

Употребительнейший союз в кабардин-
 ском языке есть союзный.

прево пре пре и и; (к концу и-
 инва) пре: пре пре пре, да / (к началу
 инва), пре пре пре пре (к началу
 (соответствует с сопоставительным предложением, ставящим
 ся на конце); пре пре пре пре, если, если
 если, пре, / (предлог условного предложения, конец и
 предложения); пре пре / (к концу бу-
 дущего); пре пре, пре
пре пре, пре; пре пре
пре пре пре пре
 / (к началу пре пре пре пре);
пре пре пре пре, пре пре
 / (к началу пре пре); пре пре
пре пре / (к началу пре);
пре пре пре, пре пре
пре, пре, пре / (к началу);
пре пре пре пре пре пре
пре пре пре пре пре пре
пре пре пре пре пре пре пре
пре пре пре пре пре пре пре пре
пре пре пре пре пре пре пре пре пре пре

АЛС
 ЗАКАЗЫВАЮЩИЙ
 от 21.12.87

/и при шарошани; речева, молитвенна рече
 ше; напуштете; архатречева оказана
споречева молитвенна /носен молитвенна; свима,
 свима /^{наде и наде} ка какаву шарош. або свима или
або пакети или або свима или, или
мого, што / ка какаву; дуго, најгоре
вишето / при шарош идат, дуго
дуго / ка какаву; або ка. и
трам, або или або,
и, или / ка какаву; и, или / носен шарош;
ка или / ка какаву будушарош; а или / ка какаву
настојарош; або свима или
або свима или потому, што / ка какаву; по
или рабича рече / при шарошани;
настојарош или настојарош, но или / ка
какаву; сво свима, сво, ав
сво свима или / ка какаву; або свима
или настојарош или настојарош
сво или / ка какаву; или настојарош
или / ка какаву; како или / ка какаву; -

О Нараци

Нарацина вврнастем како или
або свима или дуго како или или
или или или
или; или или

Карнит обектима, каримбондиди иудомаржа
 амбанди; керкас выравамент каримбо гукимамуца. Да
 Другома каримбо, ина гтёмбин и по бектуми кимму-мраула
 Дамби на Катар, дикомид исбита ома мукамамамбиде кимму
 табиминит на кону ома ешотс Да ина Кора:
арт мансорб дторму ина
арт манторму вотра ома амбонт-вимо.

гункер вотра аваубадум, дама ким-
 му вентросивий, кимбуит выравамент кимтораме ад-
 еномимитомбо муи каримбт ина гтёмбин, вана мима ду-
 каймо Кимбу кимуадум ома ким

Кера мим дамбо.

По знамисе свому карнит рашахромидна
 емогумит рашах:

1. Карнит каримба, выравамент евоитомбо гтёмбин
 ина другома каримба; на кону Кимбу кима?

Кимбу мантамурб, гунке кимбу,
и мантурб, кимбу кимбуит.

Син карнит мукамамамбиде ома кимбу мукамамомбо
 кимба каримбондиде, мукамамомбо аханамид Да.

2. Карнит кимбу ома кимбуитмуи на кону кон-
 га:

	<u>ганомисе</u>	<u>Кимбу</u>
	<u>аномисе</u>	<u>Кимбу</u>
Кимбу;	<u>мим</u> , <u>амбонт</u> ;	<u>мим</u> , <u>амбонт</u> ;
Кимбу;	<u>кима</u> , <u>кима</u> ;	<u>кима</u> , <u>кима</u> ;
	<u>кима</u> , <u>кима</u> ;	<u>кима</u> , <u>кима</u> ;
	<u>Кимбу</u> , <u>Кимбу</u> ;	<u>Кимбу</u> , <u>Кимбу</u> ;
<u>Кимбу</u> ;	<u>Кимбу</u> , <u>Кимбу</u> ;	<u>Кимбу</u> , <u>Кимбу</u> ;

Ж

там же еще,
вспугнувшись,
интерьер

Меня и не подозревая
вспугнувшись,

спугнувшись
вспугнувшись

на
губы,

с губой минутами,
вот так как же, и давай,
летит тысячи

Кружится,
каком-то,

вспугнувшись,

спугнувшись,

каком,
улитка,

Закалив ртуть,

наше
интерьер
интерьер

улитка, улитка,

вспугнувшись,
зубов, родные,

улитка

губы,

зубов, родные,

спугнувшись

Кружится улитка по губу,

вспугнувшись

Одно рано по губу,

вспугнувшись

вспугнувшись вспугнувшись

вспугнувшись

вспугнувшись вспугнувшись

вспугнувшись

вспугнувшись вспугнувшись

вспугнувшись вспугнувшись

вспугнувшись вспугнувшись

вспугнувшись

вспугнувшись вспугнувшись

вспугнувшись на губы и губы,

вспугнувшись

на губы,

вспугнувшись вспугнувшись

вспугнувшись сегодня,

вспугнувшись

вспугнувшись на будущий год,

вспугнувшись

вспугнувшись вспугнувшись

вспугнувшись

вспугнувшись вспугнувшись

В Коммунистический, анакарающий кино:

вспугнувшись

вспугнувшись вспугнувшись

вспугнувшись

вспугнувшись вспугнувшись

вспугнувшись какие,

вспугнувшись

никак отнимать,

вспугнувшись вспугнувшись

Вспомогательные это разг.

милн

ра милн разг.

супинарханы

супинарханы и жиды

небесов

дого

написано супин

дого

дого

каждого

каждого

каждого очень много

каждого

каждого не много

каждого

Каждого

каждого

каждого много

каждого

каждого каждого каждого каждого

каждого

каждого каждого

каждого

каждого каждого

каждого каждого

каждого

каждого каждого

каждого

каждого

каждого каждого

каждого

каждого каждого

каждого каждого

Каждого употребляется или употребляется, как:

каждого

каждого

каждого

каждого

каждого, каждого

каждого, каждого

каждого, каждого

каждого

каждого

каждого, каждого

Каждого это употребляется или употребляется; как: каждого, каждого — да;

каждого, каждого, каждого, каждого

каждого каждого

каждого каждого

каждого каждого

каждого каждого

каждого каждого

каждого каждого каждого

каждого каждого

каждого каждого

каждого

каждого каждого

каждого каждого

каждого каждого

каждого

Литература
1919 г.

познание познанию
этно
качествен
архивное,
картинное,
воля, обидно, ярко;
активные маши;
обидно неправильно,
использование, направление;

два зада букв,
записки по буквам,
книжки по буквам,
активные карты,
каждо, каждо,
буквы,
необходимо,
использование

В. Обнаживший нежность:

камень камень,
во каждом слово,
обнаживший открыл!
слово, ты,
обидно маши;

глаголы, глаголы,
глаголы, глаголы,
использование, использование,
два, два, два,
обидно слово;

использование открыл,
обнажит использование,
использование использование открыл;

обидно использование,
использование использование,
использование использование использование;

использование использование,
использование использование,
использование использование,
использование;

использование использование,
использование использование,
использование использование,
использование использование;

использование использование,
использование использование,
использование использование,
использование использование;

использование использование,
использование использование,
использование использование,
использование использование;

использование

использование

стороны; по той стороне; математический
 математический от этой стороны;
 математический по ее стороне;
 математический, от сей стороны; мат.
 ради круга; математический, на
 вей стороне; вектора вект.
 математический со всех сторон; мат.
 кук математический без; мат.
 кук математический отсюда; век-
 кук математический отсюда; век-
 отню нискуда; математический математический отсюда;
математический математический отсюда;
 так; учет вост; математический
 нас на вост; математический со вост.
 Г. Когда означается подобие или сходство:
 подобие; подобие, как; наиб.
 от подобия; подобие отсюда;
 подобие; подобие отсюда, рав-
 нить же образом; подобие отсюда
 подобие таким же образом;
 подобие; подобие так; подобие
 от подобия; подобие отсюда;
 подобие подобие подобие так;
 Д. Означают качество или свойство:
 подобие. подобие. подобие
 подобие подобие; подобие подобие;
 подобие подобие подобие
 подобие подобие. —

9. Označeniya slovnogo klad: mnogo
klad no imenam,
 no kazniam. — načniam

10. Označeniya slovnogo klad: klad
klad, klad klad klad
klad, klad ; klad;
klad klad

ne kazniam. —

11. Označeniya slovnogo klad: klad
klad klad klad
klad klad no;
klad klad klad
klad; klad klad
klad klad
klad, klad, klad.

Тема

О Предлогах.

Предлог есть частица, которая
 составляет с существительным или с глаголом
 предложение, в котором и существительное
 и глагол имеют значение.

Предлоги отличаются от союзов тем,
 которые употребляются при соединении

надєшавити и амаравити. б. бєнєвєрєтєжє са-
 кєтє вєтє бєуєкєвєт, вєтє вєтєтєкєвєт мєл
 вєтєтєвєт.

кредєтєвєт амаравитє бєуєкєвєт нєвє
 кєтєвєтєвєт єуєвє.

кєвє } нє
 кєвє } нє
 кєвє }

кєвє } нє
 бєвєжє } нє
 бєвєжє } нє
 кєвє }

кєвє, нє
 мєвє } нє
 мєвє } нє

бєвєжє кє, у.
 кєвє нє,
 мєвєжє }

кєвє } нє.
 бєвєжє } нє.
 вєтєвєт } зє
 нєвєтєвєт } зє
 нєвєтєвєт } зє

кєвєжє } бє.
 нєвєжєжє } бє.
 вєтєвєт } бє.
 вєтєвєт } бє.

кєвєт } нєвє.
 нєвєтєвєт } нєвє.
 нєвєтєвєт } нєвє.
 нєвєтєвєт } нєвє.
 нєвєтєвєт } нєвє.
 нєвєтєвєт } нєвє.
 нєвєтєвєт } нєвє.
 нєвєтєвєт } нєвє.

кєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.

нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.

нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.
 нєвєтєвєт } зє.

57

Умножитъ до облакъ
и возвыситъ до облакъ

глаголюща ес-судити.

и умножитъ.

и возвыситъ, сестъ иже.

и умножитъ,

и возвыситъ.

и умножитъ иже.

и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ иже.

и умножитъ иже сестъ, и умножитъ иже сестъ иже сестъ иже сестъ иже сестъ,

и умножитъ иже:

и умножитъ иже сестъ,

и умножитъ,

и умножитъ

и умножитъ иже.

и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ,

и умножитъ

и умножитъ.

и умножитъ иже:

и умножитъ иже сестъ;

и умножитъ иже сестъ,

и умножитъ иже сестъ;

и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ,

и умножитъ

и умножитъ.

и умножитъ,

и умножитъ,

и умножитъ

и умножитъ

и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ иже сестъ, и умножитъ иже сестъ иже сестъ иже сестъ иже сестъ.

и умножитъ иже сестъ;

и умножитъ иже сестъ,

и умножитъ.

и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ, и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ иже сестъ, и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ,

и умножитъ

и умножитъ.

и умножитъ иже сестъ.

и умножитъ иже сестъ, и умножитъ иже сестъ.

обстоятельствами, пожелавшим

Анастасия

Анастасия до.

Кавардилья Анастасия до.

Каварды;

свела, но

указав

судит свела свела свела, по указав
указав и не было принять.

4. Самостоятельно от выполнения подсказки

тра,

указав,

те, на

указав свела указав

Дано свела на указав,

указав указав — указав

указав

свела за

указав указав указав

указав, указав указав указав,

указав указав

указав указав указав

куда указав указав?

указав указав,

указав указав указав, указав

в указав,

указав указав,

указав указав указав

не указав.

5. Самостоятельно указав и указав
указав указав:

указав

X

на на;

арб ебурибул?

кодонет дултур, онх мидент на сунуар конг агал.

Отрмбас

Отрмбас на;

он миденте

ропу аба Отрмбас. а мидент. а кастро на на
му пикаит

на на.

арб ^{на на} ебурибул

за мидент ебурибул ^{на на} ебурибул, онх миденте гиро
мидент на одоит мидент.

едонт. га.

мидент ебурибул ебурибул.

отой га ебурибул.

мидент,

едонт на ; а мидент мидент

мидент на мидент.

едонт,

едонт мидент.

он ебурибул ебурибул.

едонт а мидент мидент мидент.

едонт мидент,

мидент мидент

мидент ебурибул мидент

мидент мидент, ебурибул мидент мидент.

едонт на;

едонт ебурибул мидент, мидент

мидент мидент.

едонт. на;

едонт мидент

он мидент.

ед,

едонт на;

едонт мидент мидент) он мидент мидент.

на.

ант антен предь,-
инхерант ант, предь обранив,
наусомбуит поить.

мий на: инхерант на сманит,
анхит мий мивеит,-

ка, хей, ху на, во: спросанит в воду
Почив хид раствит,
мивит, мивант мив редь,

ант мивит | предь спросанит,-
ант миванит | ху о редь.

адивеит анхит анхит редь мив
анхит ху анхит редь |

говоришь.

три на, спросанит в воду редь |
редь три анхит

анхит на, у. ант

говоришь ка редь, поить на мив,

анхит. анхит ант,-

от мив приходит.- ант анхит ка ка ка |
ант анхит, ка ка ка

Глава

О Междомстии.

Междомстия суть звуки выразившиеся какими-либо словами или звуками.

АРИ
1881
81

Мандрагора
Спарангел: ад сад, сав
Аммас, аммас.
Фадумб. акс, акс аксвиат
аксвиат! офта, офта!
Омрбев. ою ою!
Синтас хиха, хиха!
Куркурт кхиха.
Боревт. вудит аю! аю!
Гендотария юю баубау
мюф мюф
Зангусенис мму. мю! евувевт
евувевт.
Мануандруи каидт, каидт
Маргент
Рубав аф аф аю
адудуг.
Сарнауби до'аю Еови
Уксари кнед мидт мо!

А.И. Шёгрен
Мой путь в науке

Андреас Йохан Шёгрэн родился 8 мая 1794 года в Великом княжестве Финляндском, входившем тогда в состав Швеции, в финской деревне Ситиккала, которая расположена в весьма романтическом уголке прихода Ийтти области Кюмикартано. По новому административному делению Финляндии Ийтти относится к губернии Уусимаа (Нюланд)¹.

Отец, Микаэль² Шёгрэн, сын крестьянина из этой деревни, был единственным на весь приход сапожником, но из-за скудости доходов вынужден был немного заниматься и земледелием. Он пользовался всеобщим уважением за свою порядочность и добросовестность, поскольку придерживался принципов суровой религиозности и пиетизма³. Мать, Катарина Хуген(?)⁴, была дочерью кузнеца и по отцовской линии происходила, по преданию, из одного богатого и уважаемого шведского семейства. У них родилось несколько детей, но в живых остался только сын Андреас Йохан, который, таким образом, один составлял матери компанию во время отцовских отлучек из дома по сапожному делу или на сельскохозяйственные работы.

Мать была столь же грамотна, как и отец, и она начала учить сына грамоте на шестом году жизни. Он продвинулся в учебе так быстро, что, к радости родителей, приобрел известность в родной местности и привлек внимание пасторов. Чтобы ровесники брали с него пример, пасторы стали приглашать мальчика помощником на ежегодные читки — проверку навыков чтения и знаний в катехизисе у местных детей⁵. Поскольку его воспитывали по строгим принципам и он привык к одиночеству и домашней жизни в родительском доме, его единственным развлечением стало чтение. К семи годам он уже прочитал от корки до корки все книги небольшой отцовской домашней библиотеки, состоявшей из дюжины книг религиозной тематики, к которым в качестве драгоценного подарка от приходского пастора прибавилась Библия. Все эти книги были напечатаны на финском языке, единственном, которым владели его родители и все простонародье в приходе. Лишь благородные говорили, кроме того, по-шведски, и ревностно любознательный мальчик горячо возжелал изучить шведский язык. Он почувствовал, что его подлинное призвание находится за пределами того круга, к которому ему суждено было принадлежать по рождению.

Говорили, что у одного живущего в том же приходе солдата была книга на шведском языке. Он приобрел ее по случайности и не мог

воспользоваться ею, так что с готовностью подарил мальчику, когда тот пришел к нему в дом и попросил разрешения взглянуть на диковинку. Поскольку мальчик заметил, что книга должна быть религиозного содержания, он начал сравнивать ее с книгами отца, которые, по сведениям с титульного листа или из предисловия, были переводами со шведского. Он рассчитывал найти совпадения и таким образом освоить шведский язык. К сожалению, таких совпадений не нашлось, и мальчику пришлось и впредь ограничиваться родным языком и финской Библией. Вместе с прилежным чтением, он по собственной инициативе начал практиковаться в письме. Поскольку у него не было письменных принадлежностей, он выпиливал ножиком буквы, похожие на печатные, из книги, на мягкой стороне лучин — в его родном доме ведь по принятому у финского просто-народья обычаю в темное время года жгли лучины для освещения помещений.

Когда в мальчике проявилась такая сильная тяга к знаниям, соседи и знакомые семьи стали говорить, что отцу следует отдать ребенка в город в настоящую школу. Отец признавал справедливость совета, но сомневался в возможности ему последовать из-за недостатка средств. Счастливая случайность разрешила конфликт между волей и возможностями. Ближайшим городом, где функционировала тривиальная школа⁶, был город Ловийса, и она находилась весьма неблизко, в шести шведских милях⁷. Там проживала одна родственница, у которой был собственный дом. Вдова шкипера, она добывала средства к существованию мелкой торговлей, для нужд которой посещала зимой родной приход Ийтти. Во время такой поездки в конце 1802 года она приехала в деревню Ситиккала и заехала к своему родственнику, сапожнику Шёгрёну. Когда тот рассказал о природной одаренности своего сына и его исключительной жажде знаний, вдова посоветовала ему отвезти сына в Ловийсу, где он мог бы бесплатно квартировать у нее в доме и вместе с ее сыном посещать тривиальную школу, за поступление в которую нужно заплатить всего один риксдалер⁸. Поскольку мальчик был единственным сыном, не представлялось совсем уж невозможным позаботиться о его пропитании, одежде и необходимых для школы учебниках. Мальчик услышал об этом предложении и с того самого мгновения не давал отцу ни минуты покоя, пока тот не пообещал осуществить этот план.

<1803–1805. Путешествие в Ловийсу, в школу. Изучение шведского языка, каникулы в Йитти. Пастор Г. Остберг>

Несколько односельчан собирались в конце января 1803 года отвезти товар в город. Шёгрэн решил присоединиться к ним, чтобы доставить сына в школу, и с этой целью арендовал лошадь. В последнюю ночь перед поездкой мальчик едва мог уснуть, так он был обрадован.

На полпути в город они миновали деревню, которая относилась к шведскоязычному церковному приходу. Сапожник знал, что один местный житель учит детей читать и писать по-шведски. Он спросил, не следует ли ему отправить сына к этому человеку, коль скоро тот жил ближе, и хотя бы разузнать у него его условия и только после этого принимать решение. Всё же он прямо спросил у сына, так что слышали попутчики, в какое из двух мест мальчик предпочел бы направиться. «Что касается меня, охотнее доеду до самого города, — ответил тот. — Сколько я смогу выучить у простого сельского учителя по сравнению с тем, что трое нанятых Короной ученых могли бы мне преподавать в городской школе?» Он упрашивал отца столь горячо, что тронул даже попутчиков, которые уговорили сапожника продолжить в их обществе путь до города.

Ректор школы⁹, с виду суровый господин, принял их благосклонно, услышав рассказ отца об обуревающей мальчика жажде знаний. Ободренный этим, мальчик бойко объявил, что умеет читать и по-шведски. Ему дали попробовать, но его забавный финский акцент от всего сердца рассмешил серьезного мужчину. Ректор записал его в школьные книги и велел направиться к учителю. К нему предстояло ежедневно ходить на дом частным образом исключительно для изучения правильного шведского произношения. Начали с азбуки, и успехи мальчика были столь хороши, что спустя короткое время его перевели в настоящую школу, где вместе с урожденным шведом посадили учить шведский катехизис наизусть, хотя сначала он ничего в тексте не понимал. Поскольку и в доме, где он жил, он слышал только шведскую речь, он выучил язык так быстро, что, по возвращении в родную местность в июне вначале с трудом мог изъясниться на родном языке, т. е. по-фински.

Теперь он продолжал учебу в городе, но каникулы проводил в сельской местности на малой родине — дома у родителей и у капеллана прихода, т. е. второго пастора¹⁰, С. Остберга. Этот холостяк иногда приглашал мальчика к себе и одалживал ему книги. В городе мальчик тоже много читал по своему выбору, хотя, по правде сказать,

почти или совсем без разбора, поскольку был предоставлен самому себе, не считая, конечно же, пребывания в школьных стенах. Переплетчик, живший по соседству на другой стороне улицы, давал ему почитать книги, которые держал для переплета или для продажи.

<1806–1807. Конкретор Экмарк. Арвид Строльман. Изучение немецкого и французского языков>

После летних каникул 1806 года Шёгрэн переселился к одной вдове таможенного служащего, которая заботилась о нем по-матерински добросовестно. Этот переезд оказался для него полезен и в другом отношении — теперь он ближе соприкоснулся с одним из учителей, конкретором Экмарком, который жил на противоположной стороне улицы. Помимо должностных обязанностей школьного учителя, он содержал на полном пансионе детей из благородных семей города и окрестностей. На следующий год к нему прибыл молодой Строльман¹¹, сын одного из лютеранских пасторов Ингерманландии. Между ровесниками постепенно зародилась горячая дружба, значение которой для будущего Шёгрэна оказалось весьма велико. Шёгрэн теперь ежедневно посещал дом конкретора, где юные друзья в свободные минуты играли или читали вместе. Поскольку в пансионате активно увлекались новыми языками, немецким и французским, Шёгрэн начал уделять им внимание более прежнего. На свой страх и риск он принялся изучать их грамматику, и его друг тогда помог ему практически овладеть немецким языком.

<1808. Ожидание войны. Русские прибывают в город. Знакомство с началами русского языка. Игры в войну, повреждение глаза. Летом в Йитти. Пробст Стрельберг>

Тесная дружба отроков скоро, однако, прервалась на долгое время. Едва Шёгрэн успел в январе 1808 года вернуться в Ловийсу с каникул, как обычно провожаемый отцом, как повсюду начались разговоры о войне против России¹².

Отец Строльмана послал за сыном, чтобы тот вовремя оказался в пределах российских рубежей. Проживавшие в сельской местности родители забирали своих сыновей домой, но Шёгрэну пришлось остаться в городе, потому что его родители были бедны и жили далеко. Вот почему ему довелось собственными глазами увидеть, как, застав

обороняющихся врасплох, русские войска оккупировали город 21 февраля 1808 года.

Школьников в городе оставалось к тому времени всего с десяток. Регулярное преподавание пришлось прекратить, поскольку школьное здание забрали под госпиталь. Ревностные педагоги, однако, продолжали преподавать немногим ученикам у себя на дому, сколько могли по времени и условиям. Шёгрэн сосредоточился на самостоятельных занятиях и начал изучать русский язык по грамматике Хагена, опубликованной по-немецки, экземпляр которой получил у конректора (тому он достался от русского офицера).

Время пробудило интерес к военным забавам и в юношестве. Подростки из школы и из частного пансиона конректора играли в войну, представляя действующие армии обеих держав: Швеции и России. Самоназначенным генералиссимусом последней стал Шёгрэн, который тогда был первым учеником в школе. Две крыши усадьбы городского кассира, одна низкого свинарника, другая жилого дома, представляли две финские крепости, Свартхольм и Виаборг. Первую «захватили» без особых затруднений, но вторая представлялась непобедимой¹³, потому что на нее можно было взобраться только по высокой приставной лестнице. Наконец Шёгрэн со всем своим войском предпринял общий штурм, невзирая на снежки, сыпавшиеся на их головы. Была договоренность, что с обеих сторон можно орудовать только голыми руками как при наступлении, так и при обороне.

Однако когда «русские» с командующим в авангарде решительно атаковали и уже находились почти на крыше, обороняющиеся схватились за припрятанные прутья и колья и начали ими наносить удары Шёгрэну по голове. Раздраженный, он поднял голову, чтобы упрекнуть их в нечестной игре, и в тот же миг один из противников ударил его в правый глаз остро заточенным колом. Брызнула кровь и залила правую половину лица. Атака, конечно, тотчас же прекратилась, как и вся «война», закончившись ко всеобщему ужасу. Раненого «генерала» отнесли в дом, где дочери кассира бережно промыли рану и перевязали ее. Выяснилось, что ему пробили насквозь нижнее веко, но благодаря поистине чудесной случайности острие кола не повредило более благородные внутренности глаза. Спустя пару недель глаз и вправду выздоровел без врачебного вмешательства.

Летом Шёгрэн вернулся на родину с намерением остаться там до нового года, пропустив недолгий осенний семестр. Кантор¹⁴ прихода предложил юноше переехать к нему и подготовить его сына к школе, чтобы отроки вместе отправились в город зимой. За постоянное на-

блюдение за мальчиком Шёгрэн получил бы в городе полное пропитание.

В центральном селе у Шёгрена появилась возможность ближе познакомиться с приходским настоятелем, пробстом¹⁵ И.В. Стрельбергом, благочестивым и просвещенным холостяком, который до того работал капелланом финского прихода в Стокгольме и тогда опубликовал на шведском языке несколько небольших стихотворений религиозного содержания. Из шведской столицы он привез значительную библиотеку, в которую входили лучшие теологические труды того времени и творения выдающихся поэтов как старины, так и современности на разных языках. Он любил одиночество и по большей части сидел дома в окружении книг или прогуливался по своим уголкам. Проповедовал он лишь по большим праздникам, а многие служебные поездки оставлял на долю помощников и второго пастора, вышеупомянутого Остберга.

Своим тихим, серьезным и надежным обликом юный Шёгрэн добился его расположения и доверия. Это оказалось для юноши подарком судьбы, ведь его прежний покровитель, пастор Остберг, следующей зимой скончался по пути в Ловийсу. Он простудился, когда вместе с другими влиятельными горожанами отправился приветствовать императора Александра I, проезжавшего через Ловийсу в Порвоо¹⁶ на Сейм¹⁷. Стесняясь полноты, Остберг оделся чересчур легко, хотя стоял жестокий мороз.

<1809. Последний зимний семестр в Ловийсе. Вступительный экзамен в гимназию в г.Порвоо. Ректор Магнус Алопаэус. Отставание по успеваемости. Успехи. Увлечение прочими дисциплинами в ущерб математике>

Эта зима была последней, которую Шёгрэн провел в тривиальной школе города Ловийса.

В августе он отправился вместе с одним школьным товарищем в город Порвоо, находившийся от Ловийсы в четырех с половиной шведских милях, поступать в гимназию¹⁸. К концу семестра в июне они пешком дошли до места назначения, где предстояло сдавать вступительный экзамен.

Принимал экзамен известный учитель математики (по-латыни именуемый *matheseos lector*) Магнус Алопаэус, недавно вступивший в должность ректора гимназии. Он объявил, что весьма удовлетворен подготовкой обоих, но особенно знаниями Шёгрена во всех областях,

за исключением математики. Этот предмет экзаменуемым отрокам преподавал в тривиальной школе ее ректор, придерживавшийся наиболее удобного как для него самого, так и для учащихся метода механической зубрежки. Новый экзаменатор велел юношам за время летних каникул самостоятельно освоить три первые книги Эвклидовых начал. С этой целью Шёгрэн остался в Ловийсе, но городская жизнь предлагала — особенно в летний сезон — столько ежедневных развлечений, что юноша слишком плохо сумел сосредоточиться на усвоении необходимого объема знаний. Поэтому и с повторным экзаменом он справился не лучше, чем с первым, и даже уступил своему товарищу.

Экзаменатор попытался теперь поруководить им и вынудить его тем самым напрячь свои мыслительные способности. Когда это удалось, он произнес: «Теперь вижу, что беда не в непонимании, а в отсутствии воли. Поскольку я в любом случае намереваюсь начать в этом семестре в младшем классе новый курс с самого начала введения в Эвклидову геометрию, могу взять вас на испытательный срок. Однако вам следует проявить прилежание. Если вы не будете прилежны, вас выгонят из гимназии».

Двое новичков получили в классе самые последние, предназначенные для отстающих места, отчего новые товарищи смотрели на них с ледящей холодностью, почти с презрением. На протяжении семестра эта холодность, однако, сменилась уважением, а по отношению к Шёгрэну даже восхищением, поскольку они заметили, что знания новичков были столь же хороши, что и у первых учеников в классе. Еще до конца семестра ректор пересадил Шёгрэна на лучшее место в классе, разлучив с бывшим однокашником, с которым он в текущем семестре делил комнату. Следующий семестр он прожил в одиночестве, так как его прежний товарищ на время оставил гимназию, приняв выгодное приглашение поработать домашним учителем. Шёгрэн жил, таким образом, по собственному усмотрению. Ему почти не приходилось готовить те предметы, которым уделялось в гимназии первостепенное внимание. Он счел свое положение твердым и больше не боялся исключения, об опасности которого был предупрежден на вступительном экзамене, так что начал увлекаться посторонними вещами, включая медицинскую литературу. Зачастую ему случалось пренебрегать основными учебными предметами, прежде всего математикой, где его знания были самыми слабыми по сравнению с остальными дисциплинами. Способствовало этому отсутствие у Шёгрэна собственного учебника Эвклида, ведь он лишился экземпляра однокашника и соседа по комнате, которым пользовался до сих пор,

и оказался вынужден заниматься по книгам, одалживаемым то у одного, то у другого товарища.

Когда суровый, но прекрасный педагог М. Алопаэус заметил пренебрежение к своему предмету, он начал чаще вызывать для доказательства у доски заданных на дом теорем именно Шёгрена и упрекал его, замечая, что отрок не подготовился надлежащим образом. Однажды, как раз когда Шёгрэн совсем не подготовил уроки, он по случайности — или потому, что мудрый и внимательный учитель заметил какую-то несообразность, — был вызван к доске доказывать теорему первым и, разумеется, ничего не знал. Тогда из большого количества учеников класса выбран был доказывать теорему самый младший гимназист. Шёгрэну велели повторить за ним доказательство, но он не справился даже с этим, настолько был пристыжен и растерян. По окончании урока ректор, до того как удалиться, остановился возле провинившегося и сообщил, что ему стало известно, что другие учителя намерены предложить его для перевода в старший класс, но этого не произойдет, если мальчик не освоит его предмет.

На следующий день настал черед Шёгрена «дежурить с колокольчиком»: в обязанности дежурного входило зайти к учителям объявить, что их урок начинается. Когда он зашел к ректору, чьим кабинетом служила рабочая комната его отца, тогдашнего боргоского епископа, тот закрыл дверь в переднюю и спросил Шёгрена, почему он в последнее время так плохо знал уроки. Шёгрэн попытался оправдаться, сказав, что растерялся в присутствии товарищей, после того как его уже несколько раз публично пристыдили, и добавил, что готов хоть сейчас сходу доказать ту самую теорему, хотя и не может поручиться, что справится с этим публично в классе. Алопаэус, конечно же, заметил, что самооправдание было лишь наполовину верным, и отвечал: «Ваша беда в том, что вы воображаете, будто знаете. Мне следовало бы немедленно призвать вас к ответу за ваши слова, если бы на это было время. Подготовьте еще раз вчерашнюю теорему и приходите сюда сегодня вечером к шести часам, чтобы я опросил вас». Так и произошло, и удовлетворенный педагог заявил: «Выполняйте ваши обязанности так, чтобы вы и в классе знали всё так же хорошо, как сейчас. В противном случае, вам придется каждый раз, если вы не будете знать урок, приходиться ко мне для частного опроса». Такого больше не произошло ни разу, а Шёгрена перевели в конце семестра в старший класс. Единственного из новичков, его усадили на самое почетное место впереди.

<1810–1811. Лето в Ийтти, работа домашним учителем. Ипохондрия. Знакомство с Абр. Поппиусом. Репетиторство в Порвоо. Педагоги: братья Магнус и П.Й. Алопазусы. Пробуждение интереса к истории. Чтение по ночам; близорукость>

Лето Шёгрена провел в центральном селе родного прихода, где обучал сына кантора и еще нескольких детей. Его терзала в то время жестокая ипохондрия¹⁹, которая отчасти вызывалась некоторыми плачевными обстоятельствами, но отчасти была следствием данного отцом в свое время, хотя и с самыми благими намерениями, сурового и одностороннего воспитания в духе пиеизма.

Ипохондрия угрожала укорениться в нем всё глубже, но прошла уже по возвращении в Порвоо благодаря долгим и часто повторяющимся пешим прогулкам, которые он в течение осени ежедневно предпринимал за пределы города в обществе другого гимназиста. Этим товарищем, с которым он сблизился теперь, был его ровесник Поппиус. Материальное положение Шёгрена стало налаживаться, что облегчило ему душу, склонную предаваться тягостным настроениям. Знакомый с ним по школе в Ловийсе юноша постарше, окончивший гимназию и намеревавшийся поступить в университет (это был Оттель, ныне епископ в Порвоо), уговорил Шёгрена взять на обучение своего младшего брата и еще одного мальчику, а вдобавок последить за другим своим младшим братом, только что поступившим в гимназию. За это репетитору предоставлялось жилье и содержание в городе на оба семестра. Правда, каникулы ему предстояло проводить с учениками в сельской местности на расстоянии 5–6 шведских миль от Порвоо.

Это предложение было как редкостно выгодным, так и лестным для Шёгрена, и он сразу согласился. Вскоре после начала учебного года он переехал с прежней одинокой, расположенной далеко от гимназии квартиры на новую. Благодаря переезду он стал благотворным для себя образом теснее общаться с несколькими товарищами, из которых упомянутый ранее Поппиус сдружился с ним ближе всего. Репетиторство обеспечивало Шёгрена пребывание в гимназии в течение обоих семестров без перерывов на работу домашним учителем в чьей-либо усадьбе. Его материальное положение постепенно улучшилось. Учителя благожелательно направляли к нему на учебу все больше мальчиков, так что он располагал деньгами для покупки одежды и книг. Репетиторство пришлось ему столь кстати еще и потому, что многие преподаваемые в гимназии предметы требовали от него лишь немного времени и усилий. Исключением оставалась лишь ма-

тематика, в которой он теперь, однако, успевал столь хорошо, что в первый же семестр обучения в старшем классе лектор математики после нескольких экзаменов публично похвалил его. Из всех тогдашних учителей Шёгрена этот педагог оказал на него самое решающее влияние. Горьким, но действенным лекарством он наставил его на путь систематического мышления.

Столь же весомое, хотя и иного рода воздействие оказал на Шёгрена старший брат ректора, лектор истории и этики Петер-Йохан Алопаэус, которого столь же повсеместно, как и его младшего брата, почитали за его ученость. Вдобавок, юноши обожали Петера-Йохана за его доброжелательность и захватывающую манеру изложения в той же мере, как побаивались его сурового и серьезного брата. Вне всякого сомнения, братья были как в практическом, так и в теоретическом отношении самыми одареннейшими педагогами. В ревностном исполнении педагогического долга они состязались со своим отцом, епископом Алопаэусом. Когда Магнус Алопаэус, которому в конце 1810 года присвоили почетное звание профессора, ослабев из-за продолжительной болезни, с трудом ходил, его привозили в гимназию и под руку вводили в лекционный зал читать лекцию и выводили по ее окончании. Оба брата вслед за отцом увлеклись историей, в особенности прошлым своего отечества. Отец, Магнус Алопаэус-старший, как известно, опубликовал в Турку с 1804 по 1816 год «Историю Боргоской гимназии» в четырех тетрадях формата октаво²⁰. В 1817 году его сын Магнус допечатал к ним пятую тетрадь собственных добавлений. В завершение учебы в университете он представил необходимую для получения магистерского звания «Диссертацию об общих направлениях истории города Порвоо, губернии Уусимаа» («*Dissertatio historiam Borgoe urbis Nylandiae leviter adumbrande*») в двух частях. Магистерскую диссертацию он защитил перед комиссией под председательством знаменитого профессора Портана. Позднее, будучи кафедральным епископом Порвоо, Магнус Алопаэус опубликовал историю епископата. Его старший брат, преподававший исторические дисциплины, сосредоточился на истории науки. Для получения магистерского звания он опубликовал на латыни в двух частях и защитил перед комиссией, в которой также председательствовал Портан, диссертацию «Наблюдения над редкими книгами» («*Animadversiones de libris raris*»). Позднее он служил амануэнцем²¹ библиотеки университета; а став доцентом истории литературы, опубликовал в четырех частях труд «Опыт истории литературы Финляндии» («*Specimen historiae litterariae Fennicae*»). Уделяя внимание культурологическим и биографическим аспектам,

П.-Й. Алопаэус читал и в университете, и в гимназии исключительно интересные лекции. Это не могло не повлиять на Шёгрена. Влияние оказалось тем более глубоким, что мальчик уже в школе приобрел обширные общие знания по истории и географии. Его разум стал все более склоняться к историческим наукам, и учитель вознаграждал замеченное им увлечение, проявляя особую благожелательность к ученику; из-за этого товарищи даже сочли его любимцем Петера-Йохана Алопаэуса. К сожалению, ни сам Шёгрэн, ни вся гимназия не смогли наслаждаться одаренностью этого педагога дольше лета 1811 года: он оставил преподавание, будучи назначен на должность кафедрального пробста²², став преемником своего отца.

Строгая педантичность, переданная Магнусом Алопаэусом своим ученикам на уроках математики, физики и начал логики, помогла Шёгрэну накапливать знания в области истории и иных наук при самостоятельных занятиях, которым он предавался спокойно, но с воодушевлением. Книги для чтения он отбирал более строго, чем был способен ранее. Чем больше набирал он частных учеников, тем чаще ему приходилось уделять ночи собственным штудиям, вследствие чего уже в гимназические годы он стал страдать близорукостью. Тот недолгий досуг, который оставался у него от гимназических занятий и репетиторства, он тратил на поддерживающие физическую форму пешие прогулки на природе в одиночестве или в обществе кого-либо из единомышленников, чаще всего Поппиуса. В общественных собраниях и публичных забавах он участвовал редко. Если ему случалось вдруг присутствовать на таковом, кто-нибудь обязательно замечал: «Ого! Вот и философ пришел» или «вот и Мениппей», как его прозвали в шутку в честь персонажа, фигурировавшего в книге «Dialogi Mortuorum» Лукана, которую читали на уроках древних языков помимо Нового Завета.

<1812. Экмарк. Библиотека гимназии Порвоо. «Адрастия» Гердера. Опыты стихосложения. Немецкий легион. Выпускное свидетельство для поступления в университет. Проповедь в церкви Ийтти. Пастор Реландер. Материальная поддержка родного прихода. Переезд в Турку. Вступительный экзамен в университет. Конкурс на стипендию. Работа гувернером у майора Сегерстрале>

Шёгрэн принялся расширять свои знания и в области языков, углубляя владение немецким и французским, которые и здесь не

входили в программу обучения, и начал по собственной инициативе изучать английский язык. Другим предметом его частных увлечений были труды по истории и путевые заметки путешественников. Позднее его интересы в чтении стали склоняться к энциклопедизму и журналистике. Особенно много он стал читать после того, как его бывший школьный учитель Экмарк осенью 1812 г. стал в гимназии адъюнктом²³. Вступив в должность, Экмарк позволил Шёгрёну одному находиться в подлежащей его надзору гимназической библиотеке, содержащей свыше двух тысяч томов, и даже уносить книги домой. Это был, по мнению Шёгрёна, самый значительный и трогательный знак расположения, который когда-либо выпал на его долю. Юноша стал с жадностью пользоваться предоставленной ему свободой: бодрствуя до полуночи, он читал и делал выписки из того, что его особенно заинтересовало. Если книга была на каком-либо другом языке, кроме шведского, он переводил сделанные из нее выписки.

В числе прочих он прочел и сделал выписки из «Адрастеи» Гердера — труда, чтение которого оказало на него исключительное влияние, обогатило его множеством новых идей, облагородило его вкус и пробудило искреннее восхищение немецкой литературой как таковой. Она тем временем приобретала в Финляндии все большую известность, так как Брузелиус приступил в Швеции к изданию серии «Классическая библиотека Германии». Из ее первого раздела уже поступило несколько частей, которые Шёгрён прочитал с редкой заинтересованностью. Под влиянием прочитанного он попробовал свои силы в стихосложении, что, однако, ограничилось преимущественно опытами в переводах.

Тем временем случилось знаменательное политическое событие, которое, в свою очередь, подкрепило и поддержало его особый интерес к немецкой литературе. В Порвоо осенью направили воинское подразделение, называвшееся Немецким легионом. Оно было сформировано из немецких военнопленных и дезертиров, которые бежали из огромной французской армии во время нашествия Наполеона на Россию. Этому подразделению предстояло в Порвоо исполнять обязанности резервистов. В той части города, где проживал Шёгрён, располагался государственный провиантский склад; его охраняли часовые из числа немецких легионеров, что давало ему шанс попрактиковаться в немецком языке. Во время пеших прогулок он раз за разом заглядывал на пост часовых, вступал с ними в беседы и просил поведать подробности того, как они попали в плен или дезертировали и поступили на службу Германии. К несчастью, легион принес с

собой заразную болезнь, и с приближением зимы эпидемия стала распространяться все быстрее.

Встал вопрос о том, чтобы передать под госпиталь помещение гимназии, расположенной по соседству с залом заседаний консистории²⁴ и архива. Энергичные протесты епископа Алопаэуса и его личные переговоры с немецким комендантом Хорном смогли отсрочить угрожающую опасность, но лишь на короткое время. Епископ и его сыновья начали добровольный сбор пожертвований в пользу больных. Эпидемия продолжала распространяться, и многие дома в городе были заняты под госпитальные палаты, так что преемник Хорна на комендантском посту добыл у графа Армфельга, занимавшегося финскими вопросами в Петербурге, приказ, предписывавший епископу предоставить в его распоряжение гимназическое здание за вычетом библиотеки, что и было сделано в последние дни года. Но уже в первой половине февраля 1813 года здание было освобождено — так распорядился сам граф Армфельг, проезжая через Порвоо. Немецкий легион покинул город весной. Классные комнаты гимназии из-за сильной опасности заражения не были пригодны для использования еще долго, так что учителям в течение всего семестра пришлось вести преподавание в своих домах или квартирах.

Этот семестр был последним, который Шёгрэн провел в гимназии Порвоо. В середине июня он получил от Магнуса Алопаэуса, который возвратился на пост ректора гимназии, блестящее выпускное свидетельство для поступления в университет. После краткой поездки домой к родителям Шёгрэн вернулся в Порвоо, где провел все лето, поскольку продолжал работать репетитором малолетнего мальчика из одной высокопоставленной и образованной дворянской семьи. Перед отъездом он получил за это, вдобавок к заранее оговоренному бесплатному содержанию и жилью, еще и денежное вознаграждение, благодаря чему ближе к осени он смог позволить себе длительное путешествие в Турку. Кафедральный пробст П.-Й. Алопаэус в знак личного дружеского расположения дал ему рекомендательное письмо, адресованное одному профессору, его старинному приятелю.

Поскольку родители Шёгрена больше всего желали, чтобы их сын стал пастором, он хотел порекомендовать их и отслужить проповедь в церкви родного прихода до отъезда на учебу в университет. Чтобы проповедь стала для родителей сюрпризом, юноша направился из Порвоо напрямик в центральную церковь прихода Ййтти, намереваясь испросить разрешения у настоятеля прихода, пробста Стрельберга, и надлежащим образом подготовиться к ответственному заданию. Получив разрешение, он поехал к живущему примерно в шведской ми-

ле от церкви капеллану Реландеру, преемнику его прежнего благодетеля, Остберга. В ближайшее воскресенье был черед Реландера читать проповедь, но он согласился на предложение Шёгрена. Юноша писал свою проповедь столь тихо и незаметно, заучивая ее во время одиноких прогулок, что даже принимавшие его обитатели канторской избы, где он квартировал по старому знакомству, не догадывались о его планах, и пробст ни словом не обмолвился о них дома.

Проповедь Шёгрена стала сюрпризом для всего прихода. По счастью, его мать оказалась в числе присутствующих. Она пришла в то воскресенье в церковь, проделав из деревни Ситиккала путь длиной почти в шведскую милю. После богослужения и торжественного обеда в пасторате ему передали приглашение из другого дома центрального села. Несколько господ, приехавших в церковь из разных уголков прихода, выразили желание попрощаться с ним до его отъезда в Турку. По прибытии на прием к нему вышел пастор Реландер и объявил, что ему поручено передать общую благодарность собравшихся за красивую и возвышающую дух проповедь Шёгрена. Он вручил юноше небольшое денежное вознаграждение: 100 медных монет plootu²⁵, или 33 риксдалера 16 киллингов в шведских государственных векселях, в знак дружбы от нескольких анонимных жертвователей. Пожертвование стало для Шёгрена поистине трогательным сюрпризом. Позднее он узнал, что основным дарителем был ленсман²⁶ прихода Фабритиус, пожилой холостяк, который знал сегодняшнего выпускника гимназии еще ребенком, когда Шёгрэн с 1808 года стал бывать в центральном селе прихода. Ленсман привлек к сбору средств еще одного пожилого господина, женатого, но бездетного. Также пастор Стрельберг вручил Шёгрэну в дар деньги, несколько меньшую сумму, так что юноша с благодарностью обнаружил, что в его дорожную кассу набралось после посещения малой родины порядка 80 риксдалеров вместо двадцати.

Вскоре после этого он отправился в путь длиною в 30 шведских миль до города Турку²⁷. Отец провожал его на собственной лошади, которую для этого специально купил. В последние годы родителям, к счастью, не приходилось заботиться о пропитании и содержании Шёгрена в гимназии, хотя из-за его занятости они весьма редко могли радоваться визитам милого их сердцу отпрыска. Груз состоял, помимо небольшой библиотеки Шёгрена, из всего того, чем ему предстояло пользоваться в быту во время пребывания в Турку, и запаса провианта до конца года. Поэтому путники продвигались медленно и не без затруднений, тем более что дожди и первые снегопады сделали дорогу труднопроходимой. Чтобы побережь лошадь и не замерз-

нуть, юноша с отцом большую часть пути шли пешком и прибыли на место совершенно измученными, в разбитых сапогах.

Деканом философского факультета был профессор Фаттенборг, которому Шёгрэн сдал надлежащий вступительный экзамен. По его результатам он получил весьма почетное, по обыкновению адресованное тогдашнему ректору²⁸ университета, знаменитому профессору физики Хэлльстрёму, свидетельство, начало которого гласило полатыни:

Juvenem Andream Johannem Sjögren,
a me diligentius examinatum, eo
lubentius Tuo singulari patrecinio
commendo, quo pauciores sunt ii qui
eisdem ac ille, cum ingenii tum erudi-
tionis laudibus civitatem Acadmicam
ambire soleant.

Юношу Андреаса Йоханнеса Шёгре-
на, которого я проэкзаменовал тща-
тельнее обычного, рекомендую тем
охотнее Вашему отеческому внима-
нию, что среди стремящихся в число
граждан Академии найдутся лишь не-
многие, кто по одаренности и по зна-
ниям могли бы сравняться с ним.

На этом основании Шёгрена был записан в матрикул университе-
та 19 октября, причем он получил в свою студенческую книжку по-
четную запись: «egregieae spei» («подающий большие надежды»). За
блестящим началом не последовало, однако, долговременного успе-
ха. Профессор, которому кафедральный пробст Алопаэус адресовал
рекомендательное письмо, посоветовал Шёгрэну добиваться одной
из трех открытых в тот момент небольших стипендий. К несчастью, с
Шёгреном состязался на конкурсе некий студент, который, ненамно-
го опережая его в знаниях, одержал уверенную победу за счет дерзко-
го бесстыдства. Он выступал с ответами на все вопросы экзаменато-
ра, не считаясь с тем, чей черед был отвечать. Этот прием, удавшийся
за счет робости Шёгрена, обескуражил последнего до такой
степени, что он весьма слабо справился с опросом и публичным экза-
меном, получив лишь 3 голоса из возможных 8, как и еще один соис-
катель, тоже пострадавший от наглости товарища (впрочем, и вы-
скачка получил не больше 5 голосов). Поскольку свободных стипен-
дий было столько же, сколько и претендентов на них, Шёгрэн всё же
получил небольшое вспомоществование. Результат публичного тес-
тирования крайне опечалил его и усугубил его ипохондрию, тем бо-
лее что к концу семестра его касса оскудела настолько, что на остав-
шуюся сумму он мог позволить себе лишь поездку домой на Рожде-
ство. На будущее не было никаких надежд. Тем бóльшим сюрпризом

для него стало то, что в один прекрасный день его пригласил к себе куратор землячества²⁹, адъютант (позднее профессор) медицины Урсин. Он предложил Шёгрёну так называемое академическое место — работу гувернера в усадьбе у своего родственника, отставного майора³⁰. Тот жил в местечке Вихти, в 14 шведских милях от Турку и в 6 шведских милях от Хельсинки. За подготовку троих мальчиков и двух девочек ему обещали приличное денежное вознаграждение и особенно важную для него возможность вместе с мальчиками вернуться в Турку и пользоваться там бесплатным жильем и содержанием. Предложение было, разумеется, принято Шёгреном без колебаний. К обязанностям следовало приступить уже в январе, так что Шёгрэн сразу после рождественских праздников отправился из Йитти в Вихти к майору. Как Шёгрэн, к своему глубокому удивлению, узнал позже, Урсин, будучи выходцем из прихода Йитти, знал его лично до приезда в Турку только понаслышке. Всё же отзывы о юноше были столь лестными, что куратор еще осенью, пока Шёгрэн только добирался до Турку, порекомендовал его своему родственнику в гувернеры.

<1814. Проповедь в церкви Йитти. Учеба. Друзья: Поппиус, Иммануэль Ильмони. Лето в Вихти. А. Блумквист>

До отъезда в Вихти Шёгрэн второй раз прочитал проповедь в церкви Йитти на Крещение 1814 года, когда стоял чудовищный сорокаградусный мороз. В тот же самый день его любимый гимназический педагог, кафедральный пробст Алопаэус, простудился во время проповеди в часовне, заболел воспалением легких и скончался в августе того же года, 23-го числа.

Хотя материальное положение Шёгрена в университете было теперь вполне обеспеченным, мучительный опыт неудачи на конкурсе стипендиатов продолжал терзать его по-прежнему. Впрочем, он посещал публичные и частные лекции нескольких знаменитых профессоров и с воодушевлением занимался несколькими дисциплинами: общей историей и историей литературы, физикой и литературой Древнего Рима. Большей частью он все же без осознанного плана и направления читал по собственному усмотрению то, что его особенно привлекало. Исключение составили античные литературы и языки. Древнегреческий он начал скрупулезно осваивать вновь, обнаружив, сколь поверхностны были знания, усвоенные в гимназии.

Он избегал публичных собраний и общался только с немногими товарищами, прежде всего с однокашниками по гимназии, особенно с названным ранее Поппиусом, а также с неким Ильмони, который теперь стал профессором медицины в Хельсинки (с ним Шёгрэн познакомился уже в университете). В обществе одного из приятелей или вовсе в одиночестве он совершал энергичную пешую прогулку как по городу, так и в его окрестностях. В более далекие экскурсии он отправлялся, будучи за городом во время летних каникул, с середины июня до середины октября. Пребывание в сельской местности в здоровом окружении природных красот оказывало целительное воздействие на его тело и дух, а времяпрепровождение не могло не приучить Шёгрэна к светскому общению. В приходе проживало много представителей благородного сословия, а еще там было расквартировано немало русских военных моряков и несколько образованных офицеров. Один лекарь кроме родного русского языка прилично владел латынью, и с ним Шёгрэн общался весьма охотно. Так что у гувернера не было недостатка в развлечениях, в каковые родители учеников с удовольствием вовлекали его, так как, по их мнению, он слишком много читал сам и на занятиях с их детьми. Его приглашали даже в увеселительные поездки за пределы прихода.

В первое же лето майор взял его с собой в Хельсинки, где юноше представилась возможность повидаться с Блумквистом, ныне профессором в Хельсинки, с которым он встретился еще в гимназические годы. В свой последний год в Порвоо Шёгрэн близко общался с ним, а во время летних каникул 1813 года состоял в интенсивной переписке. Встреча в Хельсинки возобновила дружбу, которая продолжилась в Турку, где Блумквист по прибытии присоединился к узкому кругу приятелей Шёгрэна.

<1815. Pro exercitio. Хенрик Лонгстрём. Профессор Валлениус. Зимние каникулы в Йитти. Проповедь>

Как уже упоминалось, университетским штудиям Шёгрэна до сих пор недоставало ясного направления или плана, и для их разработки требовался какой-нибудь внешний импульс. Это и произошло 13 октября 1815 года, когда состоялась торжественная публичная промоция³¹ магистров философии. Наблюдение за этой церемонией пробудило в Шёгрэне надежду любой ценой заслужить свой лавровый венок.

В этом направлении он еще не предпринял никаких публичных шагов и даже не написал на философском факультете сочинения про *exercitio*³². Ему не доставало смелости самому сделать этот шаг, но его принудили к этому обстоятельства.

Входивший в другое землячество и мало знакомый Шёгрёну магистр Лонгстрём решил пригласить его респондентом на защиту диссертации по теме «О родстве греческого и тевтонских языков» («De cognatione linguarum Graecae et Teutonicae»). Публичная защита диссертации требовалась для сдачи квалификационного норматива на учительскую должность в подчинении государственного министерства просвещения. Шёгрён заявил, что страшится не справиться даже с письменным экзаменом про *exercitio*, и выразил сомнение в возможности дать согласие. Магистр как будто принял его сомнения во внимание и пообещал обратиться к кому-нибудь еще. На всякий случай он попросил разрешения вернуться к разговору, для чего призвал Шёгрёна еще раз подумать. Вскоре Лонгстрём сообщил, что поиски им респондента оказались безуспешны, зато, напротив, он повсюду слышал рекомендации относительно Шёгрёна, поскольку тот блестяще оппонировал многим в гимназии Порвоо на публичных диспутах. Посему он заверил Шёгрёна в том, что тот справится, и даже вызвался побиться об заклад на приличную сумму.

Наконец Шёгрён согласился попытаться и записался на письменный экзамен, в котором по случайности участвовал один знакомый ему студент. Из предложенных заданий он выбрал знакомую тему: «Долог путь преподавания, краток и эффективен освещенный примерами путь» («Longum est iter per praeserta, breve et efficax per exempla»). В результате его сочинение получило отличную оценку, тогда как его знакомый экзамена не выдержал. Спустя пару дней Шёгрён явился на прием к профессору древнеримской литературы и красноречия Валлениусу, чтобы выслушать отзыв о своем сочинении. Профессор принял его исключительно учтиво, привел в свой кабинет и усадил рядом с собой на диван. Шёгрёну было сообщено, что все члены факультета весьма удовлетворены его сочинением и считают его отличным как в отношении стиля изложения, так и языка. Профессор привлек его внимание к единственной серьезной грамматической ошибке, а именно к написанию «a Номега», вместо чего следовало написать «ab Номега». В другом месте он указал на более предпочтительное стилистическое решение, посоветовав не употреблять со словом «quod» финитный глагол, как написал Шёгрён, а выразить свою мысль, используя конструкцию «accusativus cum infinitivo», что представлялось Валлениусу более изящным.

После того как сочинение удалось столь блестяще, Шёгрэн без всяких затруднений справился с обязанностями респондента на последовавшей вскоре церемонии защиты диссертации. Он гордился, что обрел прежний почет.

Юноша поставил перед собой цель впредь серьезно планировать свою учебу, чтобы на следующей промоции по праву получить звание магистра. Он решил в следующем семестре оставить частную практику, которая все больше тяготила его. Его ученики не успевали желаемым образом, несмотря на все его педагогические усилия, так что результат не вполне оправдывал то время, которым он жертвовал. На его решение повлияло и получение публичной университетской стипендии — 285 рублей в год. Следует добавить, что в начале осеннего семестра ему неожиданно довелось повидаться с другом детства, ингерманландцем Стрельманом, о котором он ничего не слышал после расставания в Ловийсе перед началом войны 1808 года.

Отказавшись от репетиторства, Шёгрэн провел Рождество и короткие зимние каникулы на родине в Йитти, где опять выступил с проповедью. Для следующей поездки пробст Стрельберг подарил ему 30 рублей. Шёгрэн последний раз свиделся со своим благодетелем: тот скончался той же зимой в возрасте чуть более 70 лет. Отец вновь отвез молодого человека в Турку, снабдив его провизией на весь наступающий весенний семестр.

<1816. Аренда жилья совместно с Поппиусом. Усердная учеба. Арвид Стрельман. Летнее путешествие через Йитти, Лаппенранту, Выборг и Петербург в ингерманландскую Губаницу. Прощальная элегия на немецком языке. Учеба и работа в Турку. Рождество, проведенное у Ильмони в Нумми>

На этот семестр Шёгрэн арендовал вдвоем с Поппиусом комнату и собирался использовать нынешнее более свободное положение для серьезной и усердной учебы. По недоразумению у него возник конфликт с бывшим работодателем, из-за чего он счел необходимым написать ему письмо, а не получив ответа, вынужден был сам отправиться к тому в усадьбу. Там состоялись горячие объяснения, которые завершились неким внешним достижением согласия, что не принесло умиротворения в чересчур взволнованный ум Шёгрена. Чем больше он пытался задушить и разогнать беспокойство суровой зурбержкой, тем больше им начинала овладевать былая склонность к

ипохондри, пока провидение не послало ему в форме новой случайности столь же неожиданное, сколь и действенное избавление.

Шёгрэн собирался провести все лето в Турку. Но однажды, в конце июня 1816 года, поутру, когда он сидел в своей комнатухе, в рубашке без фрака, за усердным изучением Гомера, к нему в комнату зашел Стрельман и сказал: «Чего ты тут сидишь и еще в такую жару терзаешь себя зубрежкой? Неделя, которую мне пришлось здесь провести после окончания семестра, показалась вечностью! Наконец-то я получил из дома денег на дорогу, но у меня, увы, нет попутчика, ведь все уже разъехались. Зная, что ты здесь, я пришел предложить тебе поехать со мной, маршрут пролегает через Ийтти. Предлагаю тебе бесплатный проезд, чтобы самому не странствовать в одиночестве, если ты намерен отказаться сопровождать меня. Заметь, это не жертва с моей стороны, наоборот, ты окажешь мне дружескую услугу и сам извлечешь пользу». После недолгих раздумий Шёгрэн сказал: «Хорошо! Раз дело обстоит так, поеду с тобой!»

Воодушевленный тем, что сумел уговорить друга так быстро, Стрельман продолжал: «А знаешь что! Ты можешь ведь и в Губаницу³³ со мной поехать, в Ингерманландию. Там, помимо двух маленьких городков, можно увидеть Петербург. Губаница отстоит от столицы на семь шведских миль к югу. Моим родителям будет приятно, если ты приедешь со мной. Я им часто рассказывал о нашем каждодневном общении в Ловийсе. Надеюсь, что ты тоже останешься доволен пребыванием у нас. Осенью вернемся сюда вместе, и тогда ты с новыми силами сможешь наверстать то, что боишься недоучить в летние каникулы».

Поразмыслив, Шёгрэн понял, что при его теперешнем настроении это предложение поистине подарок свыше. Поэтому он быстро принял решение, и спустя пару дней юноши отправились в путешествие.

С самого детства Шёгрэн испытывал особый интерес к путешествиям и горел страстным желанием видеть и узнавать новые места и людей. Великая Россия, населенная многочисленными народностями, всегда мерцала в его воображении как царство причудливых чудес. Легко представить себе, насколько взволнован он был теперь, когда ему предстояло впервые пересечь старую границу России близ своей малой родины, заглянув по пути на пару дней к родителям. В городах Лаппеенранте и Выборге у Стрельмана жили родственники и знакомые, которые радушно приняли путешественников. В Выборге они встретили еще двоих приезжих из Турку: дворянина и магистра, которые состояли в том же университетском землячестве. Эти двое также направлялись в Петербург, где все договорились по-

видаться. Встреченные молодые люди имели в российской столице родственников и друзей, так что в их обществе Шёгрэн за проведенные в Петербурге пару недель смог без лишних расходов осмотреть самые заметные достопримечательности. Стрельман отправился прямо за город к своим родителям, откуда те послали лошадей за Шёгренем.

В пасторате его приняли с непритворной сердечностью, благодаря чему Шёгрэн почувствовал себя как дома. Царившая в доме подлинная патриархальность и редкостное дружелюбие, проявленное по отношению к нему гостеприимными хозяевами, оказались неопределимо благотворны для его душевного состояния. Эти почтенные люди делали все возможное, чтобы его пребывание здесь стало приятным и интересным. Для развлечения и удовлетворения любопытства гостя время от времени организовывались различные поездки. Шёгрэн увидел большую часть Ингерманландии и особенно ее финское лютеранское священство и жителей, чьи обычаи и говор сильно отличались от привычных для него. Вот почему он уже тогда принялся собирать данные по Ингерманландии для диалектологического словаря. Не остался без внимания и русский язык: во время пеших прогулок по Губанице Шёгрену ежедневно доводилось его слышать, ведь пасторат располагался в середине большого русского села. Усерднее всего он предавался, однако, практическому освоению немецкого языка, который в пасторате служил преимущественно для семейного общения. Возвышенное поэтическое настроение, охватившее его душу, заставило молодого человека попытаться по-немецки облечь свои чувства в стихотворную форму. На вечере перед возвращением в Финляндию юноша произнес в полной тишине сочиненную им прощальную песню, которую мы решаемся опубликовать здесь несмотря на ее недочеты, в надежде, что она усилит впечатление от того, что кратко было сообщено обо всей этой неожиданной, но в высоком смысле слова увлекательной поездке в Россию.

Von einem dunkeln Triebe angezogen
 Als Knabe schon ich gern gen Osten sah,
 wie davon asu die Sonne ihren Bogen
 am Himmel zog und stand doch wieder da.
 Dort hinter Finnenlands Gewässer Wogen
 Sie scheint hervor und strahlte hell und nah.
 Die Phantasie auf ihren goldnen Flügeln
 Getragen spielte hinter jenen Hügeln.

Es war dem Jünglinge gegönnt zu schen
 Des Knaben schon so viel geliebtes Land;
 Es ging der Zug jetzt über jene Höhen,
 die anzuschauen ich immer Lust empfand;
 Ich sollte jetzt zu Völkerschaften gehen,
 mit dene ich im Geiste war Verwandt,
 voll Spannung zog ich durch die freunde Heide,
 es zitterte daz Herz von lauter Freude
 Ich sah die stoltxe Peterstadt sich heben
 Hoch prangend in dem holden Morgenglanz.
 Vereint in ihrem Schosse sah ich weben
 Des Südens Gluth und Kraft de Nordenlands;
 Unendlich scheint in ihr des Menschen Streben
 Und nie erreichbar der Vollendung Kranz.
 Was auch die künft'gen Zeiten mögen schen,
 da wird die Kron' der Nordlands Städte stehen.
 Ich hab' Eur' Land gesehen o ihr Lieben!
 Die Ihr aus Finn'schem Blut etsprossen seyd.
 Euch hat in Knechtschaft und in Schmach getrieben
 Das harte eiserne Geboth der Zeit.
 Was ist wohl übrig noch bei Euch geblieben
 Aus einer glücklichern Vergangenheit? –
 Nur traurige Eninn'ung von der Jahren,
 als noch ein freies Volk die Ihr'gen waren.
 Für Fremde müsst ihr jetzt die Felder ernten,
 die Eure Väter ihre einst genannt.
 Die Lebensfreuden alle sich entfernten,
 sie flohen stets im düstren Sklavenland;
 Ein Mittel doch zum süssen Trost sie lernten
 Vom Sieger selbst – das Harmonienband.
 Wenn auch der Gram in Eurem Busen waltet,
 in dem Gesang der tiefe Schmerz verhallet
 Die Abschiedsstunde nact. – Ihr Edlen, Guten!
 Bei denen ich so manche Freuden trank.
 Für alle unvergesslichen Minuten
 Nehmt meines tief gerührten Herzens Dank!
 Wenn von einander trenne uns die Fluthen
 Des wilden Meers vielleicht auf Leben lang,
 gedenkt des Jünglings, der im stillen Busen
 stets huld'gen wird der Schönheit und der Musen!

Эта несовершенная элегия заставила увлажниться не одну пару глаз. «Вы поразили нас всех и заставили прослезиться домашних! — промолвил почтенный пастор по-немецки. — Я сам по-настоящему потрясен. Чтобы скорбное настроение не распространилось дальше и не омрачило и без того печальный миг расставания, вы должны обещать приехать к нам на Рождество с моими сыновьями!» (Поясним читателю, что младший сын Йохан только что поступил в университет, тогда как старший заканчивал учебу в начинающемся семестре.) «Если это не представится возможным, жду вас в обществе моего младшего сына ближайшим летом». Шёгрэн пообещал так и поступить.

Вернувшись с братьями Стрельманами в Турку окрепшим как физически, так и душевно, что проявлялось как в его здоровом и бодром внешнем облике, так и более радостном, чем прежде, настроении, Шёгрэн с не меньшим рвением приступил к учебе. Кроме Гомера, которого он медленно и скрупулезно изучал по обширному изданию *Хеглера*³⁴ и имевшимся в его распоряжении комментирующим трудам³⁵, он начал осваивать философию по системе Канта, которой руководствовались в университете. Вдобавок он принялся, обретя большую смелость, чем раньше, выступать на публичных репетициях защит диссертаций, как на обычных собраниях землячества, так и на официальных семинарах академии. В посещении публичных лекций он ограничился теперь курсами Пиппинга по истории науки и Валле-ниуса по Тациту. Такое самоограничение было необходимо потому, что для получения средств к существованию ему пришлось взять четырех учеников, которые приходили к нему на дом, причем репетиторство отнимало у него по восемь часов в день. Все же ему время от времени приходилось одалживать займы в кассе землячества или у товарищей. Из-за безденежья Шёгрэн отказался от долгого путешествия в Ингерманландию, несмотря на горячие уговоры Арвида Стрельмана. Правда, он согласился на приглашение Ильмони съездить за компанию с ним в приход Нумми, расположенный в десяти шведских милях от Турку. Там они провели Рождество и начало 1817 года в приятных развлечениях и завязали немало интересных знакомств.

<1817. Денежные передраги. Скучное питание. Случайные праздники чревоугодия. Столкновение студентов и русских военных. Студенческое творческое объединение. Лето в Губанице. Поездка в Токсову. Пастор Скутте. Рождество в Нумми. Проповедь>

В Турку Шёгрэн вернулся в обществе Ильмони 15 января, но его карманы настолько опустели, что ему пришлось начать новый учебный год с денежного займа. Все же он сохранял бодрость духа, ограничив свои потребности самым необходимым, так что на протяжении многих месяцев питался несколькими бутербродами в день, вяленным мясом и стаканом молока. Лишь иногда он вознаграждал себя за умеренность полноценными обедами в гостинице в обществе ближайших друзей.

Во время одной такой трапезы, пришедшейся на пасхальную субботу, он оказался в обществе почти двух десятков студентов из разных землячеств. Кто-то угостил всю компанию спиртными напитками. После пирушки студенты отправились прогуляться по городу. Шёгрэн решил последовать за товарищами, чтобы предотвратить возможные беспорядки. В городе как раз было введено новое полицейское уложение, ограничивавшее власть академии над учащейся молодежью. Новый персонал полиции придирчиво и надменно искал случая привести в действие те усиленные ограничения, на которые пришлось согласиться университетским кругам. В тот вечер и произошло то, чего опасались. Покинув удаленную часть города, где они шествовали с песнями, никого, впрочем, не задев, студенты в полной тишине приближались к мосту и главной площади (на ней проживал генерал-губернатор), откуда они намеревались разойтись по своим квартирам. В одном узком переулке их неожиданно окружили штыки русских солдат, во главе которых было замечено несколько полицейских. Раздались призывы прорваться силой, но Шёгрэну и его друзьям это показалось безумством, которое могло привести к жертвам среди товарищей, тем более что здесь присутствовали и совсем юные студенты, почти дети. Разумнее было добровольно подчиниться и проследовать туда, куда требовали; раз никакого правонарушения не было совершено, не приходилось ожидать и наказания. К счастью, большинство согласилось с этим предложением. Студентов отвели в главное караульное помещение, где каждому велели записать свое имя, после чего разрешили уйти.

Спустя несколько дней все академическое студенчество пригласили выслушать предостережение, зачитанное тогдашним вице-

канцлером³⁶ Тенгстрёмом. В своей речи он пытался убедить слушателей в необходимости и пригодности нового уложения о порядке, но позволил высказаться недовольным студентам, которым было что сказать.

После нескольких консультаций, проведенных между авторитетными представителями землячеств, от имени всего студенчества выступил один представитель Выборгского землячества, по происхождению и обеспеченности независимый от университета. Он зачитал заранее написанное выступление, в котором посетовал на разрушение отеческого доверия, царившего между педагогами и студенчеством, произошедшее без должного повода с сыновней стороны. Он испросил возобновления отеческого расположения, указывая на причины, которые студенчество намеревалось представить в виде отдельного письменного обращения, буде к их просьбе отнесутся благосклонно, на что они возлагали надежды. Согласие было получено, и в тот же самый год в Уппсале было напечатано на шведском языке адресованное вице-канцлеру, ректору и консистории Императорской академии Або 38-страничное воззвание, составившее первую часть «Документов касательно общих учебных институтов» («Handlingar rörande allmänna Undervisningsverken»). Консистория не могла самостоятельно изменить положение дел, и ситуация была представлена на высокое рассмотрение канцлера в марте 1819 года. Из Петербурга поступило всемилостивейшее соизволение консистории не принимать без прямого высочайшего на то распоряжения никаких немедленных мер. Таковые не соответствовали бы неоднократно заявленному Его Величеством милостивому намерению оберегать и защищать свободы и права всех сословий, учреждений и корпораций Финляндии, равно как и права, вытекающие из частных привилегий и отдельных уложений. Дарованные университету при его учреждении действующие привилегии надлежало соблюдать наравне с позднейшими указами и распоряжениями верховной власти — как при разборе любых дел принадлежащих к университету лиц, включая полицейские вопросы, так и при контроле за академической дисциплиной. При этом, что было вполне справедливо, учащуюся молодежь предостерегали не злоупотреблять истари дарованными свободами, которые ныне были подтверждены высочайшим распоряжением, чтобы не повлечь утраты этих вольностей.

Между тем уже с осени 1816 года Шёгрэн принял деятельное участие в осуществлении замысла своего многостороннего и инициативного друга Блумквиста, организовавшего студенческое литературное объединение. Возвышенные и благородные устремления, увы, не

снижали достаточной поддержки. Небольшая группа, состоявшая из дюжины представителей двух землячеств, Выборгского и Нюландского (Уусимаа), которая была на пробу сформирована уже в 1816 году, постепенно сократилась наполовину. Участники кружка регулярно собирались друг у друга дома для обсуждения научных вопросов, сочинений по эстетике и поэтических опытов, как оригинальных, так и переводных, и их критического разбора. Шёгрэн исполнял обязанности секретаря: хранил рукописи между заседаниями и следил за сохранением анонимности авторов. Немногочисленные произведения не представляют особого интереса, но они были все же полезным и увлекательным времяпрепровождением для дружеского круга.

Что касается персонально Шёгрена, в весенний семестр 1817 года он во второй раз сдал конкурсный экзамен на стипендию и получил семь голосов, что обеспечивало более-менее солидную финансовую поддержку и давало ему шанс улучшить свое прескверное материальное положение.

Лето Шёгрэн вновь провел с молодыми Строльманами в Губанице, съездив за 3 шведских мили в расположенную к северу от Петербурга Токсову³⁷, чтобы повидать гимназического и университетского приятеля Финнёра, который стал помощником тамошнего пастора Скутте. В Губанице Шёгрэн один раз выступил с проповедью. Незадолго до отправления в обратный путь Й. Строльман заболел, так что гостю пришлось уезжать в одиночестве. Радужный хозяин, старый Строльман, на собственных лошадях проводил его до самого Выборга.

В осенний семестр Шёгрэн сдал необходимый для получения звания в философских науках экзамен по теологии и продолжал свои индивидуальные штудии. Для получения средств к существованию ему приходилось давать частные уроки. Рождественские праздники Шёгрэн вновь провел с Ильмони у его родителей в Нумми, где один раз прочитал проповедь в церкви.

<1818. Долги из-за пошива мундира, покупки книги и «телесных радостей». Лето в Йитти. Вдохновляющий пример Раска: мечта о научном изучении финского и родственных ему языков>

В январе 1818 года он совершил поездку в родные места, заехал в Нумми за Ильмони и отправился в Турку. По возвращении в столицу его карманы опустели еще больше, чем прежде: долгов у него набралось целых 200 риксдалеров, и это несмотря на то что он получил

неожиданную премию в 16 риксдалеров от гимназии Порвоо. Кричащую недостачу в балансе вызвал пошив мундира. В университете ввели в обиход новую форменную одежду, причем воротник фрака должен был быть украшен золотым шитьем. Прочее транжирство вызывалось склонностью покупать больше книг, чем следовало, а еще пробудившейся в ходе путешествий и общения с внешним миром слабостью к телесным радостям. Хотя в одиночестве он мог жить в суровом самоограничении, но вне дома и особенно в компании друзей оказывался падок на угощения, иной раз излишне. Многие приятели не упускали случая поддерживать и разжигать эту склонность, и отнюдь не только из бескорыстного стремления увидеть обычно сурового Шёгрена радостным и благодушным. Печальных последствий эти развлечения не имели: не будучи любителем уличной рисовки и шалостей, Шёгрэн, наоборот, всячески пытался отговорить и уговорить других. Хуже были опосредованные последствия для его кошелька и особенно для его здоровья. Несварение желудка и головные боли замедляли темп его серьезных и усердных штудий, и постоянные угрызания совести заставляли его балансировать между суровым постом дома и недолгими праздниками чревоугодия.

В надежде за долгие летние каникулы продвинуться в учебе он потратил лишь около 5 недель на увеселительные поездки, побывав на малой родине и в окрестных приходах. Там он познакомился с многими новыми людьми, в том числе со старым оригиналом, пастором Лённестрёмом, который только что стал в должности приходского настоятеля Ийтти преемником бывшего благодетеля Шёгрена, пробста Стрельберга. При первом знакомстве в своей усадьбе пастор принял молодого человека со словами: «Ora et labora!» («Молись и трудись!») Когда пасторская семья лучше познакомилась с Шёгреном, старший сын, который фактически заведовал всеми делами отца, предложил студенту по окончании учебы поступить в помощники к старому пастору. Должность обеспечила бы его материально для будущего получения магистерского звания. Хотя это предложение показалось Шёгрэну весьма выгодным, он предпочел его отклонить, не чувствуя, несмотря на ревностное желание своих родителей, призвания к простому пасторскому служению, вынашивая в душе иные мечты и помыслы.

Знаменитый датский языковед Раск весной 1818 года проезжал по пути из Стокгольма в Петербург и далее на Восток через Турку. Он вызвал в финских университетских кругах большой интерес знанием многочисленных языков и желанием выучить также финский. К сожалению, Шёгрэн услышал об этом лишь позднее, так что не успел

лично познакомиться с Раском во время недолгого, продлившегося всего 17 дней, визита знаменитого лингвиста в Турку. Всё же этот случай пробудил в нем стремление пойти по стопам Раска в области своего родного финского языка: предаться изучению его особенностей, происхождения, генетического родства и взаимодействий с другими языками. Коль скоро основные ветви генеалогического древа финнов раскинулись по Российской империи, Шёгрэн решил, что главной предпосылкой сравнительной феннистики будет ознакомление с русским и церковнославянским языками. В свою очередь, для претворения в жизнь этого условия долговременное пребывание в Петербурге представлялось не только желательным, но и необходимым.

Однако он был уверен, что ему надлежит в любом случае завершить учебу получением ученой степени по философским наукам³⁸. Вот почему он уже в конце июля отправился обратно в Турку, куда и прибыл 1 августа. В течение осеннего семестра он написал работу pro gradu³⁹ на тему «Ничто не трудно для смертного» («Nil mortalibus arduum est»). Факультет был столь доволен его успехами в учебе, что из шести экзаменовавшихся одновременно с ним он был оценен как первый ученик — «primus».

<1819. Выпускные экзамены. Письмо Раску, проекты переезда в Россию. Спор об ученом звании. Промоция. В Ийтти. Светская жизнь. На барже в Петербург. Пастор А.Й. Гиппинг. Барон Розенкамф. Поиски учительского места в Выборге. Репетиторство в Турку. Доцентура по древнегреческому языку. Продолжение спора об ученых званиях. Столкновение студентов с военными. Визит барона Ребиндера в Турку. Научные труды>

В конце учебного семестра Шёгрэн и Блумквист объявили о намерении сдавать экзамен кандидата в магистры философии в весенний семестр. Поскольку выпускников в 1819 году собралось много, факультет назначал дату итогового экзамена по результатам публичной жеребьевки. Шёгрэну и Блумквисту выпало 16 марта. Друзья приступили к постепенной сдаче оставшихся экзаменов всем 11 профессорам факультета, планируя завершить ее до 11 февраля. Но Блумквист так тяжело заболел лихорадкой, что сессию пришлось прервать. Несколько человек вынуждены были просить о переносе публичного экзамена на более отдаленный срок, и разрешение на это было получено.

Из-за бедности даже в период выпускных экзаменов Шёгрэн не смог прервать репетиторство, выделяя на собственные занятия зачастую лишь ночное время, так что с конца 1818 года и до завершения сессии он спал не больше 4–5 часов в сутки. Неудивительно, что уставал он настолько, что во время частных уроков продолжал бодрствовать только за счет того, что прохаживался по комнате, да и то иногда задремывал и был готов упасть навзничь.

При таком состоянии здоровья ему пришлось воспользоваться переносом экзамена по болезни товарища для собственной передышки и совершить вместе с уже сдавшим экзамены Ильмони поездку к его родителям, чтобы развеяться. В Нумми Шёгрэн провел пасхальные праздники и вернулся только спустя 3 недели, чтобы приступить к оставшимся испытаниям. Сдача экзаменов проходила у них с Блумквистом на квартире: выздоравливающий был еще совсем слаб, и экзаменаторы благожелательно согласились сами прийти к нему. Длительное напряжение привело к тому, что Шёгрэн, в свою очередь, начал страдать болями в сердце, которые стали беспокоить его настолько серьезно, что он вынужден был обратиться к врачу.

Однако с публичным экзаменом в университете, состоявшимся 21 мая, он справился успешно. У четырех профессоров Шёгрэн получил оценки «*laudatur*» (по древнегреческой, древнеримской и восточным литературам и по истории науки), у одного «*approbatur*» (по химии) и «*approbatur cum laude*» по остальным гуманитарным дисциплинам у шести других профессоров, т. е. в целом — 25 баллов из тогдашнего максимального числа 35⁴⁰. Он надеялся получить «*laudatur*» и по общей истории, но и без этого у него не было оснований считать себя жертвой несправедливости. Напротив, он был крайне рад, что продвинулся «*per varios casus per tot discrimina rerum*» («после многих этапов и многочисленных затруднений») столь далеко, что занял 3-е место среди 49 выпускников, второе же место занял его напарник Блумквист, получивший 27 голосов. Спустя месяц после публичного экзамена Шёгрэн представил итоговую часть градуального труда, защитив перед оппонировавшим ему профессором Фаттенборгом вторую часть своей диссертации «Пророчество Обадии в шведском переводе и в сопровождении пояснений» («*Obadiae vaticinium Suethice versum notisque explicatum*»).

Во время экзаменов Шёгрэн услышал, что Раск по-прежнему находится в Петербурге и занят подготовкой к экспедиции. Он решил, не будучи знаком со знаменитым ученым лично, написать ему письмо, представить план исследования и попросить у него совета в отношении своих намерений. В быстро пришедшем ответном письме

Раск во всех отношениях одобрил план Шёгрена, присовокупив множество вдохновляющих пожеланий его осуществить. Вдобавок он пообещал, употребив все свое влияние, представить кандидата и план императорскому канцлеру графу Румянцеву и выдающимся ученым мужам Петербурга. Идею переезда в Петербург Раск одобрил в принципе, но посоветовал отказаться от попытки найти частное место, которое излишне отвлекло бы начинающего исследователя от сосредоточенных штудий. Однако он не мог посоветовать никакого выхода, кроме поступления на государственную стипендию в Петербургский императорский университет, открытый недавно. Все финские друзья и покровители Шёгрена сочли предложенный шаг совершенно неподобающим и ненужным, поскольку юноша уже почти завершил с блеском курс наук в значительно более старинном университете в Турку. Действительно, Шёгрена предстояла торжественная церемония промоции в докторскую ученую степень, которую, по обычаю, принято было называть в тогдашней Финляндии степенью магистра философии.

Планы Шёгрена относительно России встретили еще одно препятствие, как раз и связанное с тем самым ученым званием. Будущему руководителю промоции — им был профессор красноречия и римской литературы Валлениус — взбрело в голову для разнообразия употребить в дипломах изобретенный им титул «магистр философии и доктор свободных искусств» («*Philosophiae Magister et artium liberalium Doctor*»). На предыдущих промоциях использовалось звание «доктор философии и магистр свободных искусств» («*Philosophiae Doctor et artium liberalium Magister*»). Об утвержденном нововведении стало известно лишь за несколько дней до торжественной церемонии.

Шёгрэн знал, что в России и многих других странах (а ныне уже и в Финляндии) различали степени магистра и доктора философии, считая ученую степень доктора более высокой, более почетной и дающей больше привилегий и прав. Поэтому он привлек внимание товарищей к тому ущербу, который может быть причинен их будущему такой переменной в их выпускных свидетельствах, если кто-либо из них пожелает попытаться счастья в научных кругах России. К декану факультета была направлена делегация, после чего состоялось собрание факультета, которое обязало руководителя промоции — единственная возможная мера за недостатком времени — возместить ущерб пострадавшим от нововведения, записав в официальном акте звание «доктор философии и магистр свободных наук». Сами дипломы уже нельзя было перепечатать до церемонии, так что у промолируемых

оставалось право обжаловать это впоследствии. Церемония состоялась в назначенный день, 28 июня. Руководитель ее постарался отомстить за допущенную, как он считал, в его адрес несправедливость тем, что именовал 49 юных кандидатов «*Philosophiae Doctores et artium liberalium Magistri*», а единственного присутствующего на церемонии магистра-юбиляра, напротив величал придуманным им титулом «*Philosophiae Magister et artium liberalium Doctor*». Он не преминул в подобающих, на его взгляд, местах публично повторить в свое оправдание тот аргумент, что оба титула изначально и по существу означают одно и то же.

Так Шёгрэн наконец получил лавровый венок и достиг первого рубежа своих научных устремлений, но одновременно он заметил, что его долги из-за расходов на промоцию выросли до 300 риксдалеров.

За то, что ему вообще удалось собрать в долг из разных мест столь крупную сумму, следовало благодарить нового куратора Выборгского землячества. Это был адъюнкт по древнегреческой литературе Нюкопп, который из соображений братской дружбы всячески помогал Шёгрэну и, несмотря на многочисленные трудности, предоставлял ему значительные денежные займы. Новоиспеченный выпускник не знал, как и когда он сможет вернуть эти долги, и неопределенность причиняла ему беспокойство, хотя в момент обретения лаврового венка радость, что он покончил с обязательной учебой, отеснила тревогу на второй план.

Сейчас он сильнее, чем когда-либо, нуждался в полноценном отдыхе, которого искал и обрел в поездке в родные места. В Ийтти он предавался радостям светского общения, посещая господские дома по всему приходу и за его пределами, сочинял стихи и пел романсы на праздниках. Он завязал немало интересных знакомств, в частности с ректором тривиальной школы Вальбергом, уроженцем города Хамины⁴¹, расположенного в шести шведских милях от Ийтти. Шёгрэн случайно услышал от Вальберга, что крестьяне прихода Вехкалахти, расположенного в двух шведских милях оттуда, в течение всего летнего сезона перевозят на собственных баржах бревна для продажи в Петербург и что на таком суденышке можно за символическую цену доплыть до этого города. Он решил воспользоваться предоставившейся возможностью, тем более что один знакомый из Ийтти предложил ему небольшую сумму в долг. В Петербурге Шёгрэн собирался развлечься, повидать многочисленных друзей и знакомых, проживающих в России, и вернуться в Финляндию по суше. Кроме того, он надеялся на обратном пути подробнее разузнать о возможно-

сти устроиться на должность учителя в гимназии в Выборге, где, как он слышал, были открыты вакансии. Поэтому в конце июля он отправился к Вальбергу в Хамину и оттуда в Петербург.

По прибытии в российскую столицу Шёгрэн услышал обнадеживающие новости от служившего там помощником пастора приятеля Финнера. Еще один соотечественник, с которым он познакомился во время своего приезда в Петербург в 1817 году, — пастор Гиппинг, учитель лютеранского Закона Божьего в одной петербургской гимназии и библиотекарь у государственного канцлера графа Румянцева — рассказывал о замысле, могущем поспособствовать осуществлению планов Шёгрена.

Магистр поспешил встретиться с Гиппингом и услышал от него, что глава законодательной комиссии, барон Розенкампф, хочет, чтобы Гиппинг познакомил его с исландским языком и литературой (их сам пастор освоил под руководством Раска во время его годичного пребывания в Петербурге вплоть до июня минувшего года). Главной задачей Розенкампфа было уяснить меру скандинавского воздействия на государственную и правовую систему России за время правления первой варяжской династии. Составлять специальную справку по этому вопросу Гиппинг не имел ни времени, ни желания. Вот почему он воспользовался случаем и порекомендовал Розенкампфу Шёгрена — молодого магистра, который ради возможности выучить русский и церковнославянский ищет какую-нибудь должность в Петербурге. Предложенное задание, собственно, не противоречило собственным исследовательским планам Шёгрена. Барон попросил Гиппинга написать Шёгрёну, но тот не стал этого делать, зная о его отъезде из Турку на лето и намерении прибыть в Петербург. Теперь Гиппинг представил его барону; тот продемонстрировал крайнее удовольствие от знакомства, подал Шёгрёну множество надежд на выгодную и интересную работу и попросил для этой цели его список трудов. Таковой был написан и вручен, барон проглядел его и обещал сделать все от него зависящее. Когда Шёгрэн обратился к нему спустя пару дней, оказалось, что барон еще не нашел времени вникнуть в суть дела. Соискатель сообщил, что хотел бы навестить в Губанице семью друзей, гостеприимно принимавших его в прошлый приезд.

— Поезжайте с Богом, — был ответ. — Это очень хорошо, так у меня будет больше времени употребить всё свое влияние, чтобы вы получили эту работу. Сколько вы рассчитываете пробыть в деревне?

— Самое большое пару недель.

— Прекрасно! Нанесите мне визит по возвращении, будем надеяться, все устроится к тому времени!

Когда Шёгрэн спустя оговоренный срок возвратился, с его делом ничего не устроилось. Он вынужден был сообщить, что, раз дело еще не решено окончательно, нет причин задерживаться в Петербурге, поскольку опасался потерять стипендию, не явившись в Турку на перекличку стипендиатов в начале осеннего семестра. Кроме того, у него в Турку была некая частная учительская практика, от которой он не решался отказываться, пока не получит надежную должность. Барон отвечал, что будущая работа в Петербурге никоим образом не препятствует его отъезду в Турку. Коль скоро он, влиятельный сановник, уже познакомился с Шёгреном лично, то сможет предложить его на эту вакансию и в его отсутствие. Шёгрену надлежало отправить из Турку отдельное прошение, приложив диплом и иные надлежащие бумаги. Он мог продолжать свои штудии, сориентировав их в предложенном направлении, и временами писать барону письма, чтобы тот самолично или через Гиппинга сообщил об окончательном решении вопроса. Из этого ответа и Шёгрэн, и Гиппинг поняли, что велеречивым посулам барона доверять больше не приходится. Теперь и Гиппинг счел, что Шёгрену лучше поискать лекторскую должность в одной из гимназий Выборга. Там он оставался бы поблизости от Петербурга и мог бы проследить за начатым делом. По прибытии в Выборг Шёгрэн узнал о двух вакансиях на учительскую должность в гимназии: древнегреческой литературы и общей истории. Один из его товарищей по промоции, уже приступивший к учительской службе, и двое пожилых немецких профессоров, давно служивших в Выборге, всячески уговаривали его начать карьеру в качестве их коллеги. Он оставил этот вопрос нерешенным, чтобы обдумать все возможности в Турку, куда решил пока вернуться, так как через одного профессора условился позаниматься с неким юным дворянином, недавно поступившим в университет. Кроме денежного содержания, репетитору причиталось жилье с прислугой. До того он арендовал комнату у судейского чиновника, родственника профессора Урсина, и был репетитором у двух детей-сирот, взятых в дом на воспитание. Съехав с этой квартиры, он продолжал обучать одного из детей и общаться с домочадцами. Эта семья и семья самого Урсина всегда были очень добры к Шёгрену.

Сразу по возвращении в Турку в начале осеннего семестра место прежних учеников Шёгрена заняли новые. Несколько студентов как из его землячества, так и из других, пригласили его прочитать им лекции по логике. Ему показалось, что, против ожидания, появилась надежда остаться на службе в университете. Уже 16 октября Шёгрена назначили на место сверхштатного amanуэнца университетской

библиотеки, хотя за эти обязанности, по тогдашней практике, не полагалось денежного вознаграждения. С учетом всего этого он отказался от намерения претендовать на должность лектора в Выборге и решил последовать совету многих учителей: добиваться звания доцента (именуемого по-латыни *magister docens*), которое бы обеспечило ему доход и поспособствовало бы успеху в будущем. К этому решению он и склонялся. Такое советовал, в числе других, профессор древнегреческой литературы Я. Бонсдорфф, которому Шёгрена рекомендовал еще покойный кафедральный пробст Алопаэус. Профессор Бонсдорфф посоветовал Шёгрена добиваться доцентуры в области филологической науки, ведь студентом он увлеченно изучал древнегреческий язык и прочитал к выпускному экзамену значительно больше того, чем требовалось для получения высшей оценки, *laudatur*. Бонсдорфф зашел столь далеко в своей доброте и благожелательности, что на заседании консистории публично и с занесением реплики в протокол поддержал выпускника в вопросе о продолжении выплаты ему повышенной стипендии, которую Шёгрэн получал до промоции. По тогдашним правилам, стипендия могла быть продлена тем выпускникам, которые оставались на службе в университете. Бонсдорфф заявил о намерении Шёгрена добиваться места доцента древнегреческой литературы. Поспешное разъяснение спасло Шёгрена от утраты стипендии, но связало его морально, так что по крайней мере на текущий год он оставил намерение расстаться с университетом. Вскоре ему пришлось выполнить взятые на себя обязательства: пастор Гиппинг в письме предложил ему работу в Токсове у своего шурина пастора Скутте. Гувернеру двух мальчиков предлагалось жалованье 800 рублей в год, не считая бесплатного содержания и жилья. Шёгрэн ответил, что именно сейчас он не сможет принять это предложение, сколь выгодным и лестным оно ни было. Он был бы рад приступить к работе в начале следующего года, если работодатели смогут и захотят ждать так долго и заплатят часть суммы вперед, чтобы он смог расплатиться со своими немалыми долгами. Как и следовало ожидать, этот план не удался; и вскоре он узнал, что пастор Скутте по-другому решил вопрос обучения сыновей. Барон Розенкампф также не возвращался к обсуждавшемуся плану.

Казалось, будто судьба не способствовала возвращению Шёгрена в Россию, а наоборот, всячески подтверждала советы и суждения его ближайшего окружения относительно того, что ему следовало довольствоваться своим ненадежным материальным положением и закрепиться в университете. Кроме того, у него брезжила надежда исправить ту досадную неточность с ученым званием в дипломе, кото-

рая была допущена на промоции. Во время последней поездки в Петербург он полностью удостоверился в том, что опасения в этом отношении оказались отнюдь не беспочвенны. Он привез в Турку доказательства, на основании которых намеревался поднять среди оставшихся в университете товарищей вопрос об обращении в консисторию с прошением о перепечатке дипломов, даже за счет собственных средств новоиспеченных магистров. Тем самым был бы найден выход из положения и удалось бы доказать, что проблема состояла исключительно в сути дела, а не в личностях. С этой верной точки зрения ситуацию рассматривали и многие профессора, которые публично заявляли, что, согласно пожеланиям выпускников, подобает исправить эту незначительную, но по возможным последствиям несчастливую случайность. Некоторые, однако, по тем или иным причинам придерживались иного мнения или осторожно воздерживались от комментариев, чтобы не оскорбить своего ровного и себялюбивого профессора. Было известно, что он сделает всё от него зависящее, чтобы воспрепятствовать новому прошению, и никогда его публично не одобрит. Уже тогда, когда жалоба была высказана в устной форме, он расценил ее как персональное оскорбление. Новые попытки вернуться к этой жалобе он воспринял бы как рьяные попытки унижить лично его, тем более что он вообще не снискал особой симпатии среди студентов. Разброд, возникший в умах будущих арбитров в споре вокруг формулировки ученых званий в дипломах, способствовал расхождению позиций относительно коллективного обращения среди самих выпускников. Большинство из них в любом случае намеревалось зарабатывать себе на жизнь на родине, не опасаясь негативных последствий решения сумасбродного профессора. Поэтому они не испытывали желания во имя товарищеского долга входить в новые траты, которыми бы обернулась для них перепечатка дипломов. Для единодушного согласия по этому вопросу был необходим некий внешний импульс, и он вскоре был получен вследствие случайного стечения обстоятельств.

Среди расквартированных в Турку русских воинских подразделений царля атмосфера произвола и высокомерия, что приводило к постоянным конфликтам между военными, горожанами и учащимися. Длинными и темными вечерами осенью 1819 года беспорядки стали регулярными. В этом винили студентов, тем ретивее, что вновь подвергнутая реорганизации полиция была раздражена ограничением своей власти в отношении студентов. Полицейские затаили злобу и не упускали случая выставить студентов в глазах общественности в наихудшем свете. Так произошло бы и тогда, но по счастливой слу-

чайности именно Шёгрэн в нужное время исполнил роль посредника. Это спасло группу студентов, попавших в беду, и обеспечило прекращение беспорядков наиболее желательным образом. Темным ноябрьским вечером, в девять часов, возвращаясь с одинокой прогулки по городу, он проходил по главной площади, направляясь к своему жилью неподалеку. Вдруг он увидел, что группа солдат тащит в караульное помещение какого-то юношу с непокрытой головой, более многочисленный отряд движется им навстречу, а сам комендат города устремился вслед за отрядом. Шёгрэн выяснил, что военные выдвинулись на подмогу русским солдатам, которые ввязались в драку со студентами; пока им удалось задержать только одного, которого и отконвоировали в караулку. Шёгрэн некоторое время следовал за ними, чтобы посмотреть, куда они направляются. Увидев, что войска маршируют в сторону так называемой Русской горки — возвышения в северной части города, где многие студенты имели обыкновение квартировать, — он больше не сомневался в правдивости услышанного. Он поспешил домой к ректору, чтобы сообщить ему о происшествии. Ректора не оказалось дома — он был в гостях у другого профессора; услышав сообщение Шёгрэна, он немедленно отправился с ним в участок. Задержанный якобы студент вышел им навстречу, умоляя ректора вмешаться в ситуацию ради его освобождения. Когда его расспросили о том, кто он такой, выяснилось, что это был немущий музыкант, который, по его словам, не совершил ничего противозаконного. Находясь у себя дома на Русской горке и услышав шум, он вышел полюбопытствовать, что происходит. Русские солдаты набросились на него и притащили его сюда. О драке он не мог рассказать ничего. Но в карауле утверждали, что студенты избили двух русских солдат чуть ли не до смерти. Ректор попросил одного из военных проводить его на место происшествия. Шёгрэн последовал за ним. На Русской горке один из домов оказался, без преувеличения, окружен и осажден солдатами. Командовал ими сам комендант, по национальности немец. Ректор представился ему и расспросил о случившемся. Они зашли в расположенный по соседству дом навестить пострадавших солдат, один из них и правда был в таком плохом состоянии, что лежал, но второй оставался на ногах. Говорили, что двое избивших их злоумышленников должны находиться в окруженном доме, где собралась большая компания студентов; так как их видели вбегающими в ворота, когда приблизились караульные. Ректор в сопровождении Шёгрэна прошел в этот дом, откуда раздалась радостная песня. К крайнему изумлению, они застали там за чашей пунша почти два десятка студентов, которые все принадлежали к их собст-

венному — Выборгскому — землячеству (ректор сам был его инспектором). К тому же большинство юношей были из тех, кого считали тихими и серьезными. Ректор не мог не выразить своего глубочайшего изумления тем, что в столь безобразном насилии подозревается именно эта компания. Студенты в свое оправдание жаловались, что оказались в осаде вообще без всяких на то причин. Некоторые из них выходили во двор, но пределов его никто не покидал. Когда они собирались разойтись по домам, то к изумлению своему обнаружили, что дом окружен вооруженными солдатами, которые заставили их вернуться обратно. Они утверждали, что вообще ничего не знали о драке, потому что просидели за чашей пунша весь вечер. Записав имена всех присутствующих, ректор возвратился к оставшемуся снаружи коменданту и заявил о своих сомнениях в причастности кого-либо из находящихся в доме студентов к преступлению, в котором они подозреваются. Он заверил, что те принадлежат к его собственному землячеству и он знает их персонально как дисциплинированных и спокойных юношей, из которых ни один не имеет репутации драчуна и не замечен в неподобающем поведении. Сомнения тем более усилились, когда Шёгрэн заметил на снегу свежие следы, которые вели от ворот окруженного дома к низкой ограде соседнего и через забор на другой двор. По просьбе ректора, давшего обещание провести в надлежащей мере строгое расследование и наказать возможных виновных, осада дома была снята и все разошлись по своим квартирам. После этого началось доскональное следствие, которым руководил талантливый правовед, профессор юриспруденции Афзелиус. Было допрошено множество людей, в том числе и не присутствовавших на вечеринке в окруженном доме. Предъявленные студентам обвинения не подтвердились. Не успело внутриуниверситетское расследование завершиться, как из Петербурга неожиданно прибыл статс-секретарь по делам Финляндии барон Ребиндер, желавший на месте уточнить обстоятельства дела, о котором в столице толковали с массой преувеличений. По всем землячествам из числа старших студентов выбрали уполномоченных, которые в установленное время явились к сановнику на беседу. Он обратился к ним с речью, в которой изложил причину далекой поездки, предпринятой им в столь неблагоприятное время года по Высочайшему распоряжению. Самодержец был разгневан происшествием, вопреки проявленной им к финскому студенчеству редкой благосклонности, о которой свидетельствовали возвращенные его недавним распоряжением привилегии. Ребиндер выразил глубокое сожаление относительно немилости государя. Однако он был обрадован, что студенты оказались

даже менее виновны, чем он мог надеяться. Поэтому он выразил надежду разубедить государя и заверил, что дело не повлечет неприятных последствий. Все же он призвал студентов, в свою очередь, принять во внимание сложившуюся обстановку, ценить ранее обретенную свободу и благоразумно избегать всего, в чем мог быть усмотрен даже намек на неблагонадежность. Благоразумного понимания сановник ожидал от старших возрастом и более зрелых студентов, которых поэтому и собрал у себя, чтобы они донесли его отеческое наставление до младших товарищей и всемерно содействовали его претворению в жизнь. Ребиндер призвал их дать такое обещание словесно и скрепить его рукопожатием, на чем и завершил аудиенцию. Шёгрэн, участвовавший в делегации, решил воспользоваться присутствием барона и записался на личный прием к нему на следующий день. Он изложил обстоятельства промоции и спросил совета, что предпринять тем, кто добивается позволения перепечатать дипломы за свой счет. Барон признал его претензии вполне правомерными, но выразил сомнение, что своенравного промотера удастся заставить их принять. Шёгрэн готовился во время аудиенции обсудить еще и план учебы в России, но это ему не удалось, поскольку прибыли новые посетители и время у сановника было крайне ограничено.

Несколько лет назад Шёгрэн уже встречался с профессором Афзелиусом, когда обратился к нему за советом по поводу своей судебной тяжбы, начатой для возвращения небольшого имения, в старину пожалованного одному из его предков шведской Короной. Теперь Афзелиус посоветовал Шёгрэну еще раз посетить барона, но не в Турку, а в его собственной Вилксбергской усадьбе⁴², расположенной в трех шведских милях от Турку, где сановник должен был остановиться на обратном пути в Петербург. Туда Шёгрэн и направился, заранее составив докладную записку *pro memoria*. Он представлял на размышление барону Ребиндеру вопрос, можно ли рассчитывать на официальную поддержку изложенного плана исследований. Барон прочитал бумагу и ответил, что он не уполномочен выделять стипендий и вообще не может помочь просителю ничем, кроме как побеседовать о его деле с государственным канцлером Румянцевым, если тот сообразовит им заинтересоваться. После этого крайне малоутешительного ответа Шёгрэну пришлось вернуться в Турку. Теперь ему удалось убедить оставшихся в городе выпускников подписать коллективное прошение о том, чтобы каждый из них мог при необходимости за свой счет перепечатать свой диплом. Это прошение вскоре было вручено академической консистории, которая позднее утвердила его.

Таким образом, первый семестр после промоции подошел к концу, а Шёгрэн не мог прийти ни к какому решению относительно своего ближайшего будущего. В осенний семестр он, с учетом своего нового плана, изучал преимущественно историю отечества, Скандинавии и России, а также исландский и русский языки. Для вышедшего в том же году номера недавно основанного журнала «Мнемозина»⁴³ он перевел из периодического издания «Athene» две небольших статьи: «Старинные анекдоты» («Antikvariska anekdoter») и «Один парижский диспут» («Om en disputation i Paris»).

Поскольку его подопечный и работодатель убыли на Рождество домой, он воспользовался случаем и совместно с одним студентом совершил поездку к себе на малую родину. Оттуда он вернулся в конце января 1820 года через Порвоо, где рассчитывал найти попутчика до Турку. В Порвоо он навестил с визитом недавно назначенного епископа, Закриса Сигнеуса, с которым был лично знаком уже ранее, и которому в ответ на расспросы прямо поведал о своих обширных планах.

<1820–1821. Попытка стать доцентом теологии. Облегчение денежных затруднений. Письмо от Гиппинга: приглашение в Петербург на место гувернера у Сигнеуса. Путешествие в Петербург. Работа гувернером. Изучение русского языка. Лето в Ййтти; проповедь. В семье епископа. Денежные затруднения. Письменные труды. «Ueber die finnische Sprache und ihre Literatur» (1821). Знакомство с графом Румянцевым. План экспедиции и государственный советник Аделунг. Недоразумение с епископом. Работа гувернером в Токсове>

По возвращении в Турку Шёгрэна ожидало новое неожиданное предложение, облегчавшее осуществление его плана, но пришедшее с опозданием. Как оказалось, еще в конце прошлого года ему пришло письмо из Петербурга от пастора Гиппинга. По поручению знаменитого академика Френа, с которым Шёгрэн завязал знакомство во время последней поездки в Петербург, Гиппинг предлагал Шёгрэну должность в библиотеке Академии наук. Несмотря на весьма низкое жалованье, всего лишь 800 рублей, Шёгрэн сообщил о желании занять это место, но поздно. На эту должность уже был принят другой человек, поскольку ответа Шёгрэна пришлось ждать слишком долго. Узнав это, он решил оставить свои намерения и последовать полученным в университете советам стремиться к доцентуре. Он начал

серьезно обдумывать возможности, но не применительно к древнегреческому языку и вообще к философскому факультету, а, напротив, к теологическому. В этой области можно было рассчитывать на материальное благосостояние, делая карьеру в университетских кругах, а на худой конец эта специальность гарантировала достойную пасторскую должность. С деньгами у Шёгрена стало полегче. Его нынешняя основная должность приносила, однако, столь низкий доход, что на будущее он не мог им довольствоваться, и строил другие планы. Впрочем, сейчас он за отдельную плату стал готовить к поступлению в университет одного юного дворянина, проживавшего вместе с его прежним подопечным. В частных уроках недостатка не было: ученики по-прежнему посещали его в условленное время или он обучал их на дому. За счет доходов от репетиторства он смог подобающим образом одеваться. При условии жесткой экономии мог надеяться накопить денег, чтобы выплатить хотя бы часть своих долгов. Неоценимую дружескую поддержку ему оказал адъюнкт Ньюкопп. Несмотря на то что был обременен собственными долгами, он решился выступить у Шёгрена поручителем по большому займу, который был сформирован для выплаты терзавших выпускника многочисленных мелких долгов.

В материальных заботах Шёгрэн смог вздохнуть чуть свободнее. Он был все более склонен оставить бесплодные мечты попасть в Россию, когда в начале апреля из Петербурга пришло новое письмо от Гиппинга. В нем предлагалось место гувернера у соотечественника — епископа Сигнеуса. Дело в том, что его Императорское Величество пригласил Сигнеуса в Петербург на должность лютеранского епископа, и Сигнеус только что туда переехал. На дорожные расходы к письму прилагалось 50 рублей. Многие знакомые, впрочем, посчитали это предложение сомнительным, коль скоро в письме не были оговорены размеры жалованья. Некоторые, в свою очередь, передавали слухи о переменчивом нраве епископа, с которым людям, близко с ним соприкоснувшимся, бывало трудно ладить.

Шёгрэн, однако, не дал себя запугать этими разговорами настолько, чтобы отказаться от решения попытать счастья, и отправился в путь 16 апреля, как раз перед самым началом распутицы. Ему и вправду пришлось перенести немало испытаний, прежде чем он в начале мая прибыл в Петербург, проделав часть пути на санях, а часть на колесном транспорте. В семье епископа гувернера приняли с исключительной сердечностью и держались с ним так, как будто он издавна принадлежал к числу домочадцев. Епископ проявил по отношению к нему благосклонность и выглядел крайне доволь-

ным тем, что Шёгрэн столь доверился ему. Относительно будущих обязанностей у Шёгрэна вызвало некоторые сомнения то, что, по методе епископа, детям надлежало позволять следовать собственной воле, а ни к каким наказаниям прибегать было нельзя. Шёгрэн согласился с этим требованием — ведь, по его собственным убеждениям, к телесным наказаниям допустимо было прибегать только в случае крайней нужды. Впрочем, ему представлялось необходимым приучить детей к долгу и порядку. Ему предстояло обучать двух мальчиков и одну малолетнюю девочку. У старшего мальчика была на редкость светлая головка и большое честолюбие, причем он уже успел приобрести значительный запас начальных знаний, так что работа с ним приносила педагогу одну радость. Полной противоположностью Фредрику был его младший брат, ленивый, равнодушный и производивший впечатление ограниченного. Он преуспел в учебе настолько мало, что в свои 11 лет затруднялся безошибочно читать про себя. Девочка была много младше и только начинала учиться. Долгое время о жалованье ничего не говорилось; наконец епископ разъяснил, что его материальные обстоятельства не позволяют платить более 600 рублей в год. Шёгрэн оторопел, но не показал своего потрясения. Его утешала надежда на дальнейшее дружеское обращение, тем более что пасторша казалась воплощением добра как по складу характера, так и по религиозным принципам. По счастью, епископ послушался совета гувернера и отправил младшего сына из дома в небольшой финский городок в тривиальную школу. Это был единственный способ пробудить в мальчишке честолюбие и жажду знаний, ведь попав в окружение незнакомых товарищей, он должен был проникнуться духом состязательности, царившим в публичных учебных заведениях.

Тем самым учительские обязанности Шёгрэна во многих отношениях стали легче, и у него осталось достаточно досуга для собственных научных разысканий, которые на первое время были сосредоточены на русском языке и литературе. Благодаря Гиппингу он получил доступ в библиотеку Румянцева, которая изобиловала историческими сочинениями. Все же перемена климата и образа жизни начала вредно сказываться на его здоровье.

Бодрость вернулась к нему, однако, после поездки, которую он предпринял летом на свою малую родину в Йитти, ради экономии опять добравшись туда на барже для перевозки дров. Он надеялся также застать в Финляндии знакомых — одно образованное семейство из Турку. К нему принадлежала некая юная и очаровательная барышня, которой Шёгрэн во время недавнего пребывания в Турку

преподавал немецкий язык и которая уже тогда пробудила в молодом учителе более нежные чувства.

Приезду Шёгрена в Ийтти предстояло стать венцом его тщеславных помыслов, подарить нечаянную радость его родителям и в значительной мере содействовать возвышению его в тамошнем обществе. Для всего этого ему нужно было добраться до Ийтти до наступления утра того воскресенья, которое он в любом случае намеревался там провести. Тогда он смог бы прочитать в родной церкви ту проповедь, которую написал и озвучил три года назад в Губанице. Противный ветер задерживал отплытие из Петербурга, и план уже начинал выглядеть неосуществимым, когда, против ожидания, погода наконец переменялась настолько, что уже к полудню субботы Шёгрэн сошел на берег в Вехкалаhti, откуда как раз успевал добраться до Ийтти к началу воскресной проповеди. За время поездки на коляске из Вехкалаhti он припомнил и заново заучил наизусть свою проповедь. Сперва, неожиданно зашедши в церкви в ризницу, он ни словом не обмолвился о своих намерениях. Лишь увидев, что пастор, собиравшийся читать проповедь, готовится выйти к прихожанам, он подошел к нему и спросил как бы в шутку, не уступит ли тот свою очередь. Пастор в шутку согласился, но глаза его расширились от изумления, когда он увидел, что Шёгрэн облачается в <белую> рясу и воротник и направляется на проповедническую кафедру. Выступление было ему дозволено, и проповедь удалась блестяще. Только потом он раскрыл свой секрет, рассказав, что заранее подготовился к литургии.

Вскоре после этого упомянутое выше семейство посетило приход. Шёгрэн провел в их обществе время столь замечательно, что разлука оказалась ему далеко не безразлична. По возвращении в Петербург его тяготили мучительная тоска и опустошенность. Окружающие также заметили, что у него не все в порядке, и епископ спросил гувернера однажды вечером, когда они доверительно беседовали наедине, не заключил ли он помолвку. Когда Шёгрэн без раздумий дал отрицательный ответ, епископ сказал, что его можно назвать счастливецом: такое любовное увлечение могло бы оказаться худшим несчастьем для бедного честолюбивого юноши. Ведь невеста постоянно сетовала бы ему на продолжающуюся разлуку и искушала бы его твердость.

Сам епископ и особенно его супруга и старшие дочери, уже совершеннолетние, по-прежнему обращались с Шёгреном с нежной благоклонностью, которую весьма ценил, ибо осенью здоровье стало его подводить и он постоянно страдал запорами и головными болями. Причиной тому были как тамошний климат, так и заботы о денежных затруднениях: в Турку у него остался невыплачен крупный долг, поч-

ти тысяча рублей. Его надлежало уплатить в течение будущего февраля, чтобы поручитель Ньюкопп, обремененный собственными долгами, который устроил Шёгрёну кредит, самоотверженно преодолев значительные преграды, не пострадал, чего Шёгрэн не желал допустить ни в коем случае. Но откуда он мог раздобыть деньги в чужом краю, где у него был еще весьма узкий круг знакомств?

В один из дней, когда губернёр совсем разболелся и не мог заниматься с детьми, епископ, к которому он уже давно чаял обратиться за помощью, сам пришел в его комнату, посочувствовал и спросил, беспокоит ли его что-то. Он добавил: «У вас, вероятно, остались в Турку долги. Это меня несколько не удивляет, наоборот, считаю это естественным в вашем возрасте. Естественно и то, что денежные затруднения влияют на телесное здоровье, это происходит у разных людей по-разному. У меня из-за денежных затруднений развивается диарея». Услышав эти ободряющие слова, Шёгрэн признался, что его терзают именно долги. Узнав о размере суммы, епископ заметил, что для юноши это весьма солидный долг, но в его положении он мог быть и значительнее. Шёгрёну не следует об этом беспокоиться, поскольку епископ ему своевременно поможет. У самого епископа, впрочем, не было денег, доходов в семье едва хватало на житье «из рук в рот», но зато у пожилой свекрови, также проживавшей в усадьбе, был небольшой капитал, который можно было использовать в случае крайней надобности. От этого благожелательного обещания у Шёгрёна свалился с души камень. Однако долго укоренявшиеся в нем зачатки болезни разрешились желтухой, от которой ему пришлось лечиться почти две недели.

Его выздоровление совпало с концом года, а о денежных делах с ним больше не заговаривали. Наконец Шёгрэн набрался смелости и спросил, сможет ли он воспользоваться добросердечным обещанием епископа. Однако получил ответ, что епископ не смог раздобыть денег для уплаты его долга. На Рождество Шёгрэн отправился к своему давнему другу Арвиду Строльману, который тогда служил пастором в соседнем с Губаницей приходе. Шёгрэн поделился с ним своей бедой. По окончании праздников друзья поехали в Губаницу, где Строльман изложил дело отцу. Тот пообещал сразу после Нового года получить для Шёгрёна банковский кредит на сумму 1000 рублей. Деньги он собирался занять в банке, куда одна обеспеченная крестьянская вдова положила их на хранение под законные 5%. Если бы Шёгрэн смог своевременно выплачивать эти проценты, с выплатой всего капитала не возникло бы особенной спешки, если, конечно, обстоятельства у вдовы резко не изменились бы. Строльманы предпо-

ложили, что епископ мог бы выступить поручителем по кредиту своего губернатора. Таков был итог совета в Губанице. Когда Шёгрэн по возвращении в столицу рассказал епископу, что у него появилась надежда получить столь необходимый ему заем, но для формальности требуется подпись епископа в качестве поручителя, тот отвечал: «Хм, да кто утвердит мое поручительство?» В условленное время почтенный пожилой Стрельман прибыл с оговоренной суммой. Он вручил деньги Шёгрэну без поручительства, узнав что никто не согласился дать его. Так Шёгрэн смог не нарушить обязательства своевременно возратить в Турку долг Ньюкоппу. Приятно удивленный, адъютант рассказывал о счастливом разрешении трудностей в Выборгском землячестве, всячески восхваляя при этом честность и образцовую добросовестность Шёгрэна.

Освободившись от терзавшей его заботы, Шёгрэн продолжал с надлежащим рвением исполнять обязанности губернатора и с полной самоотдачей и энтузиазмом занимался самостоятельными изысканиями. Для тренировки он взялся переводить на немецкий язык труд русского ученого мужа Еугениуса «Исторический словарь о греко-русских писателях духовного звания»⁴⁴, но ему так и не удалось довести этот опыт до конца. Кроме того, он начал писать небольшое оригинальное произведение. При посредничестве Гиппинга он познакомился с его и Раска общим другом, молодым русским литератором Лобойко. Шёгрэну было предложено написать введение в финскую грамматику и обзор литературы, которые Лобойко готов был перевести на русский язык и напечатать в каком-нибудь научном периодическом издании, чтобы тем самым привлечь внимание российской публики к изучению финнов. Когда рукопись Шёгрэна была готова, Гиппинг показал ее графу Румянцеву, который по тщательном прочтении вызвался оплатить расходы на публикацию, каковую почел весьма нужной. В 1821 году 70-страничный труд Шёгрэна вышел на немецком языке под заглавием «О финском языке и литературе» («Ueber die finnische Sprache und ihre Literatur»). Естественно, книга была правомерно посвящена благородному меценату, который оставил у себя весьма малое число экземпляров, подарив весь остальной тираж автору. Всем этим его поддержка не ограничилась.

Поскольку Шёгрэн затронул в своем обзоре родство финского языка с рядом языков, на которых говорили в самой российской метрополии, граф стал побуждать его продолжить изыскания в этой области и более тщательно установить языковое родство. Румянцеву случилось даже заметить, что Шёгрэну стоит совершить исследовательское путешествие ради личного изучения этих родственные фин-

нам народностей и их языков. Шёгрэн отвечал, что экспедиция уже давно была его пламенной мечтой, но на ее осуществление у него не было средств. Когда граф спросил о том, сколько денег ему может потребоваться, Шёгрэн попросил дозволения подробнее изложить в письменном виде научные цели поездки и смету предполагаемых расходов и представить записку на размышление графу. Получив согласие, Шёгрэн составил подробный письменный план пятилетней экспедиции. По срокам он отвел год или два на предварительные исследования, а на путешествия четыре года, и счел возможным попросить о материальной поддержке в размере четырех тысяч рублей.

В некогда отправленном Шёгрэну письме Раск упомянул государственного советника Аделунга как одного из людей, которые оказывали на графа Румянцева большое влияние, и пообещал рекомендовать Аделунгу начинающего исследователя в самых теплых словах. Теперь, как никогда, Шёгрэн почувствовал необходимость обратиться к Аделунгу, разузнать его мнение о плане экспедиции и со ссылкой на рекомендацию Раска попросить его о милостивой поддержке, каковую этот благовоспитанный и учтивый в обращении царедворец ему любезно и пообещал. Если бы Шёгрэн уже в то время знал все обстоятельства столь хорошо, как узнал позднее, он бы не удовлетворился обращением за протекцией к одному лишь Аделунгу.

Когда граф Румянцеv прочел пояснительную записку, он заявил, что план сам по себе блестящ, но столь обширен, что он сам, будучи в преклонных летах, уже не осмеливается надеяться лицезреть результаты, почему не решается поддержать настолько значительное начинание. Аделунг утешал Шёгрэна обещанием попытаться склонить мнение графа в пользу экспедиции.

Между тем одновременно с усилиями Шёгрэна по поиску материальной поддержки для экспедиции и публикацией исследования по феннистике, пошатнулось его положение в епископском доме. Доверительные взаимоотношения гувернера с нанимателем нарушились во время пережитых затруднений с долгами из-за неприятного и несправедливого поступка епископа, неожиданно пренебрегшего собственным добросердечно данным обещанием помощи. Сам Шёгрэн, который еще плохо знал людей и свет, не умел — да по прямоте характера и не пытался — вновь снискать расположение епископа, которое он утратил, даже не понимая, почему это произошло. Поэтому он по-прежнему ревностно исполнял свои обязанности, пустив остальное на самотек. Окружающая его атмосфера между тем становилась все более обманчивой, что предположительно проистекало из усиливавшихся затруднений, испытываемых его нанимателем в

должности первого лютеранского епископа Петербурга. По службе Сигнеус столкнулся с необходимостью искоренить многие давние несообразности и внедрить порядки и дисциплину, к которым не привык и сам. Задуманные им реформы церкви и прихода, впрочем, не исключали самых позитивных нововведений, которые он благожелательно изложил Шёгрёну. Однако молодой ученый не уделил им надлежащего внимания, поскольку не собирался посвящать себя теологии, по крайней мере в России. К тому же по зрелом размышлении над положением самого епископа он не мог не прийти к выводу, что затеянные тем нововведения останутся неправдоподобной игрой воображения. Это недопонимание способствовало скорее ухудшению, чем исправлению неурядицы, возникшей между Шёгрёном и его нанимателем.

Вдобавок случилось еще одно странное недоразумение, причиной которого оказалась одна юная образованная барышня, взятая епископом в домашние учительницы музыки для младшей дочери. В обязанности барышни входило также практиковать всех детей в языках: французском, немецком и русском. Гувернантка, получившая воспитание в Петербурге, оказалась дружелюбной, жизнерадостной и разговорчивой. У нее были утонченные светские манеры, и Шёгрёну надеялся, что это будет полезно для его воспитания и разговорной практики на иностранных языках. Часто он просил барышню спеть под аккомпанемент фортепиано русские песни, которые очень любил и которых выучил множество еще во время первого посещения России. Завязалось общение, не огорчавшее и гувернантку, скорее охотно его поддерживавшую. Это удивляло обитателей епископата, тем более что обыкновенно серьезный и грустный Шёгрёну выглядел теперь радостным и общительным (причиной этому были на самом деле совсем другие обстоятельства). Шёгрёну недоставало жизненного опыта предугадать, что его невинное поведение будет понято столь превратно, что дочери епископа примутся вышучивать его, а поведение их отца сделается еще более таинственным и уклончивым.

Наконец епископ сообщил ему о решении поместить старшего сына — Шёгрёну теперь занимался с ним одним — во французский пансион, добавив, что может устроить туда же увольняемого гувернера на лекторское место, на которое как раз открылась вакансия. Шёгрёну признался, что не годится на эту должность и не сможет с чистой совестью занять ее, поскольку ему недостает практического владения французским языком. Это возражение лишь восстановило епископа против него. Шёгрёну занялся поисками другого места на государственной службе или частной практики, но понапрасну.

В отчаянии он согласился испробовать предложение епископа и отправился к французскому директору как кандидат на названное место. Француз, который уже вынудил епископа заплатить вперед половину из оговоренной годичной платы за обучение сына (2000 рублей), извинился, что не сможет выполнить пожелание епископа. Место оказалось уже занято, да и он в любом случае не мог бы нанять Шёгрена, коль скоро все обучение в стенах его пансиона велось исключительно на французском языке. Епископ и сам теперь заметил, что его план избавиться от Шёгрена приличествующим благородному человеку образом потерпел фиаско. Ему пришлось доброжелательно объявить, что Шёгрена можно не спешить с переездом из его дома, пока не найдет себе постоянного места. Тщетно, однако, молодой человек искал таковое. Ему стало казаться, что не остается никакого выхода, как только возвратиться в Турку, чтобы заняться, сколь бы ему это ни претило, тем же самым репетиторством, с которым он до того покончил.

Ситуация выглядела безвыходной, когда приехал Гиппинг с новым предложением. Вместо того чтобы под конец семестра возвращаться в Турку, Шёгрена мог бы для пробы, хотя бы на лето, наняться гувернером к его шурина, пастору Скутте, место у которого как раз освободилось, потому что гувернер-иностранец уволился по болезни. Годовая плата за обучение двух мальчиков составляла 800 рублей — столько платили предыдущему гувернеру. Если место не удовлетворило бы Шёгрена, он мог бы оставить его уже в августе, тем более что пастор намеревался осенью отправить сыновей на учебу в гимназию в Выборге. За лето гувернер заработал бы денег на дорогу в Турку, куда мог бы вернуться в более удачное время, чем весной. Шёгрена тотчас же принял это выгодное во всех отношениях предложение и принялся готовиться к переезду, чтобы как можно скорее выехать из города. Расставание состоялось даже раньше, чем ожидали обе стороны, и для епископа оно оказалось едва ли не более тягостным, чем для увольняемого гувернера. Будучи до болезненности любящим отцом, Сигнеус уже начал раскаиваться в том, что отправил сына в престижный пансион, где его дразнили проказливые товарищи, сыновья богатых и высокопоставленных родителей. Добрая и по обыкновению безмятежная супруга епископа попросила Шёгрена считать их дом по-прежнему своим родным. До завершения публикации трудов ему пришлось воспользоваться радушным приглашением хозяйки и провести в епископском доме еще пару дней, впрочем, на квартире у его секретаря. Завершить все дела ему не удалось, так что предстояло вернуться к назначенному сроку, о чем он и предупредил госпожу

епископу, которая снова пригласила его остановиться в их доме. Когда он по договоренности прибыл в канун Троицына дня и отправился к секретарю, тот попросил прощения, что не сможет предоставить ему ночлег, потому что любые ночевки друзей оказались запрещены. Супруга Сигнеуса, вероятно, упоминала о планах Шёгрена перед Троицыным днем посетить город, так что было очевидно, что этот запрет адресован был ему персонально, хотя сформулирован как безадресный. Ошеломленный и обиженный, Шёгрэн поехал прямо к Гиппингу, который летом жил недалеко за городом, попросился на ночлег на то время, которое ему придется проводить в Петербурге, и рассказал, что вынудило его побеспокоить Гиппинга этой просьбой.

В ту же минуту Гиппинг с улыбкой поделился, что знает разгадку этой странной и неожиданной загадки. Еще во время службы Шёгрена губернатором в доме епископа во время одного визита Гиппинга, когда речь зашла о Шёгрене, прямо посетовал на то, что этот много знающий и почтенный юноша попал в тяжелое положение и к тому же, на свое несчастье, влюбился по уши. С этим Гиппинг связал другой случай, имевший место уже после переезда Шёгрена за город. Посещая епископа, пастор как раз искал случая переговорить с гувернанткой, которой ему надо было передать одну вещь, когда две другие молодые дамы подошли, снedaемые любопытством, чтобы подслушать их разговор, но назло им Гиппинг ничего не сказал ей. Неприятнее всего было то, что Шёгрену нужно было против воли пойти к епископу, чтобы вернуть одолженную у него книгу, а также в надежде передать просьбу одного знакомого ему молодого пастора. Тому из-за болезни пришлось вернуться в Финляндию, но теперь, полностью оправившись, он хотел опять получить пасторскую должность в Петербурге или Ингерманландии и поэтому попросил Шёгрена довести до епископа его прошение. Епископ принял Шёгрена крайне холодно и спросил после возвращения книги, о чем именно Шёгрэн собирался поговорить с ним в прошлый визит в город. Тот ответил, что он и правду собирался обратиться с просьбой, но коль скоро тогда из этого ничего не вышло, лучше оставить все как есть.

— Ну же, говорите, что это была за просьба?

— Если господин епископ непременно желает знать, осмелюсь сказать, что хотел поинтересоваться, не мог бы и не желал бы господин епископ устроить мне какое-нибудь место в Коллегии иностранных дел? (Один из новых петербургских приятелей Шёгрена, который сам служил в этой коллегии, пробудил в нем эту мысль.)

Как Шёгрэн и опасался, епископ соединил эту просьбу с собственными домыслами и ответил с крайним раздражением:

— Я ведь уже делал вам самые разные предложения для вашего блага, но они вам не подошли! Мне с вами также не повезло, как со многими юношами, которых я надеялся привлечь на мою сторону.

Шёгрэн последний раз попросил у него извинения, что вынужден задержать епископа по еще одному делу, посредничество в котором на него было возложено, и начал зачитывать полученное им письмо. Он не успел даже дочитать до конца, когда епископ с горячностью прервал его со словами:

— Коль скоро у него столь много условий и пожеланий, ему лучше возвратиться в Финляндию. Вы же знаете, я не потерплю чтобы мне ставили условия: *кто не отречется от отца и матери, чтобы последовать за Мной, тот Меня не достоин.*

— Слову Божьему я и следовал, — отвечал Шёгрэн. — Но теперь дело обстоит так, что господин епископ гневается на все, что мне надлежит сказать ему, будь то дела мои или других лиц. Сама моя персона, уверен, противна господина епископу. Не смею больше беспокоить, — продолжил он и встал. — И больше не намереваюсь вас беспокоить. Ваш покорный слуга!

После этого он поклонился и ушел.

* * *

Токсова отличается от других окружающих Петербург сельских приходов прежде всего возвышенным, здоровым и красивым расположением. Пребывание там оказалось для Шёгрэна весьма приятным, особенно потому, что там не было недостатка в светских развлечениях — ведь в доме бывало много молодых городских барышень. Наученный горьким опытом, Шёгрэн не слишком искал их общества и особенно остерегался разделить с какой-либо из барышень ее одиночество, из-за чего по большей части тратил минуты досуга на учебу или на одинокие пешие прогулки. Благодаря променаду и усердному плаванию его здоровье весьма окрепло. Из его двух учеников в старшем не было заметно особенной природной одаренности, но он был, впрочем, послушен и прилежен, тогда как младший причинял настоящие неприятности как своим нежеланием учиться, так и удивительной ограниченностью. Гувернеру, впрочем, с самого начала была торжественно доверена вся полнота власти и силы для наказания вверенных его попечению детей, но он заранее знал, что их нежная мать не сможет остаться равнодушной, если будут применены телес-

ные наказания. Благодаря спокойному и серьезному, но ободряющему стилю обращения с учениками Шёгрёну крайне редко приходилось применять меры дисциплинарного воздействия. Хозяева дома были очень им довольны, так что когда оговоренный срок подошел к концу, ему предложили остаться на этом месте, а жалование подняли до круглой суммы — тысячи рублей в год. Он согласился остаться по крайней мере еще на год, поняв, что так сможет выплатить значительную часть своего долга, тем более что теперь у него не возникало особых расходов. Лишь изредка он позволял себе покупку новой книги во время посещения столицы. Туда он ездил весьма редко, и то с целью одолжить на время книги, нужные ему для собственных научных изысканий, в библиотеке графа Румянцева, пользуясь посредничеством пастора Гиппинга, у которого он и останавливался по приезде.

В доме епископа он больше не показывался, соблюдая данное обещание, до того как его не склонил к визиту Гиппинг. Однажды осенью он передал Шёгрёну привет от епископши, которая недавно справлялась о бывшем гувернере. Когда Гиппинг последний раз побывал у них с визитом, хозяйка дома спросила его, получает ли он какие-нибудь новости из Токсова и как там поживает Шёгрён. Гиппинг отвечал, что знает, что Шёгрён поживает вполне хорошо и как раз гостил у него во время недавнего визита в Петербург. «Ой! Неужели он приезжал в Петербург?» — переспросила госпожа Сигнеус с удивлением, на что Гиппинг ответил, что после отъезда в Токсову Шёгрён приезжал в Петербург неоднократно. «А нас он ни разу не посетил! Неужели мы могли чем-то его обидеть?» — воскликнула епископша, и добавила: — Когда он в следующий раз придет в город, передайте ему привет и просьбу посетить наш дом!» Гиппинг не подал виду, что знает, почему Шёгрён не бывает у них, и пообещал исполнить пожелание дамы.

Так выяснилось, что отметил и Гиппинг, что супруга епископа не знала, почему Шёгрён перестал их посещать, то есть епископ отказал ему от дома без ее ведома. «Ты можешь сейчас на пробу сходить к ним с визитом, и сам увидишь, как поведет себя дед в этот раз. Надеюсь, что он уже давно осознал свою ошибку и раскаивается в ней!» — добавил Гиппинг. Шёгрён пошел к ним в тот же вечер и был принят весьма учтиво. Особенно доброжелательно и любезно отнесся к нему сам епископ. Он уговорил Шёгрёна остаться на весь вечер и выпил с ним пару стаканов пунша, как бы в знак молчаливого примирения.

<1822. Научные изыскания. Евангелие «Herja Miän šyndy-Ruohtinan sojatoi evangeli Matveista» на карельском языке (1822). Книготорговец Мейер. Переводы. Poleмика с Йоханом Стрoльманом. Рождество в местечке Кивеннапа>

Основным предметом рьяных изысканий Шёгрена стала история России, особенно в сопоставлении с историей Скандинавии и финнов. Он проштудировал как труды Карамзина, так и многих других новейших исследователей, и сами первоисточники: летописи Нестора и иные древнерусские хроники, а также все комментарии, какие только смог раздобыть. Одновременно он начал изучать языки живущих в России чудских народностей, пользуясь существующими скудными и недостаточными вспомогательными материалами. Опираясь на собственные филологические изыскания, он отрецензировал перевод Евангелия от Матфея на язык тверских карел, изданный Российским библейским обществом и в 1820 году увидевший свет в Петербурге. Весной того же года он отправил написанную по-немецки рецензию в Российское библейское общество, воспользовавшись посредничеством работавших в нем английских ученых Гендерсона и Патерсона, с которыми познакомился лично во время последних посещений Петербурга. Шведскоязычную версию этой же рецензии он отправил в Турку, где в том же году ее напечатали в «Мнемозине».

В области истории Шёгрэн начал подготовку труда, который должен был опровергнуть гипотезу Эверса и обогатить аргументами обычное суждение относительно скандинавского происхождения русской власти. Но он не продвинулся в этой работе дальше общего введения, когда к нему осенью обратился книготорговец при Академии наук Мейер, у которого Шёгрэн ранее приобретал и еще чаще разузнавал про книжные новинки. Теперь Мейер предложил для перевода с русского языка на немецкий двухчастные записки Муравьева «Путешествие в Туркестан и Хиву». Первый дословный перевод Мейер намеревался сверить или в одиночку, или совместно с Шёгреном и напечатать в собственном издательстве; к книге планировалось приложить комментарии, которые обещал написать академик Френ. Шёгрэн согласился на это предложение и ввязался в дело, прибыль или ущерб от которого предстояло разделить пополам. Книготорговец сумел убедить его, что это начинание должно принести безусловный доход и что Шёгрэн может довериться его благородству, даже если результат окажется обратным, чего произойти никак не может. Мейер обещал предоставить ему любые необходимые издания, касающиеся этих земель, которые исследователь потом смог бы оставить

у себя. Он уже подарил Шёгрёну пару книг, по его словам полученных специально для этого из Германии, и объявил, что Шёгрёну может выбирать со склада (на самом деле скудного и содержащего преимущественно медицинские сочинения) по каталогу потребные для собственных научных изысканий книги. Специально для успеха своего коммерческого предприятия Мейер не без умысла приглашал филолога для устных переговоров в город. Вскоре после этого Шёгрёну, которого по его открытости и доверчивости было легко провести, принялся за подготовку перевода, который и закончил следующей зимой, хотя особенной спешки в этом не было.

Той же весной он перевел по наущению Френа другие небольшие путевые заметки⁴⁵, но услышал по случайности от Аделунга, что тот также приступил к переводу той же самой книги для веймарского периодического издания «Allgemeine geographische Ephemeriden» и уже отправил начало перевода в Германию. Чтобы труд Шёгрёна не пропал напрасно, Аделунг вызвался отправить хотя бы часть его рукописи в Германию, если Шёгрёну доверит ее ему для этой цели. Он так и поступил, но спустя долгое время Аделунг вернул ему рукопись, не сообщив, посылал он ее или нет.

Вскоре после того, как Шёгрёну завершил свои бесплодные и неблагодарные переводческие занятия, он неожиданно оказался замешан в научную ссору.

Его противником стал некий пробст, служивший в расположенном недалеко от границы с Петербургской губернией финском приходе Валкъярви⁴⁶, доктор теологии и кавалер ордена Йохан Стрельман. В 1816 году Й. Стрельман напечатал в Петербурге финскую грамматику «Finnische Sprachlehre für Finnen und Nicht-Finnen». Ее поверхностность стала полностью очевидна после обширной критической статьи тогдашнего адъюнкта истории в университете Турку-Або фон Беккера, которая увидела свет в «Мнемозине» в первом годичном выпуске 1819 г. Опубликованный автором грамматики в том же журнале столь же обширный ответ не смог изменить сложившееся общее мнение. Было ясно, что Шёгрёну не мог в вышедшем годом ранее труде «Ueber die Finnische Sprache und ihre Literatur» избежать упоминания грамматики Йохана Стрельмана, о которой он тогда был вынужден хотя бы в скобках, мимоходом выразиться так: «...die auch wenig den erregten Erwartungen entsprochen» («...которая также лишь в малой мере отвечала возложенным на нее ожиданиям»).

Самолюбивый и своенравный старик не смог переварить дерзости, какую позволил себе юнец, даже не имевший официальной должности, да еще в напечатанной в столице на средства графа Ру-

мянцева и посвященной тому книге! Весной 1822 года, спустя год после выхода работы Шёгрена, Стрельман опубликовал в Петербурге 23-страничную брошюрку «Ueber Erwartungen in Betreff der Finnischen Sprache»⁴⁷. В ней он пытался беспрестанно защищаться от тезисов поименованного оппонента и его сторонников, а на Шёгрена обрушился с яростными нападками, граничившими с личными оскорблениями. Пробст утверждал, что молодой филолог не только поступил недопустимо в отношении высокой власти Санкт-Петербургского цензурного комитета, но и повинен в оскорблении Его Величества («*crimen laesae Majestatis*»), коль скоро автор за опубликованную им грамматику был удостоен звания доктора теологии и ордена <Святого> Владимира четвертой степени. После появления брошюры Шёгрэн написал открытую и нелицеприятную, но не более чем сдержанно-ироничную ответную статью. Ее опубликовали в «*St. Petersburgische Zeitschrift*» Ольдекопа (часть VII, с. 125–135, 164–176, 220–226, 266–271), а позднее, в переводе на шведский язык, также в «Мнемозине». В результате этой полемики и избранной для нее манеры изложения Шёгрэн — вопреки желанию завязавшего ее оппонента — скорее выиграл, чем проиграл, потому что его имя стало в Петербурге более известно, что пошло ему скорее на пользу.

В Токсове Шёгрэн намеревался оставаться до конца года и только позднее поехать в Турку, если до тех пор не возникнет ничего обнадеживающего. Положение его улучшилось в связи с тем, что он взял еще одного ученика, некоего молодого Крускопфа, который до того посещал немецкую школу в Петербурге и на следующий год намеревался поступать в университет в Турку. Это был прилежный и порядочный юноша, и после его появления в доме (на что в семье и надеялись) младший сын был вынужден взяться за голову и стать послушнее и усерднее. Впоследствии к вящей пользе Шёгрена число учеников неожиданно увеличилось еще на одного.

В начале осени из города неожиданно прибыл посыльный, который передал Шёгрэну исключительно лестное письмо от епископа Сигнеуса. Тот призывал своего бывшего гувернера вернуться в город и подготовить его сына к поступлению в университет Турку и сопроводить его туда в начале следующего года. Епископ слышал, что Шёгрэн и сам собирался в то время туда возвращаться. Шёгрэн показал письмо своему нынешнему нанимателю пробсту Скутте и отметил, что сам ни в коем случае не хотел бы нарушить свое обещание остаться в Токсове до конца года. Тогда пробст предложил компромиссное решение: пригласить сына епископа на пару месяцев в свою усадьбу, если епископ даст на это согласие. Пробст мог бы тем самым оказать

услугу своему начальнику, а небольшие расходы на содержание мальчика с лихвой окупались бы тем, что талантливый Фредрик оказал бы положительное и стимулирующее влияние на его сыновей. Гуввернер самолично поехал в Петербург, чтобы разъяснить этот план, который был единственным способом примирить противоречивые родительские интересы. Епископ согласился на эту идею и вскорости отправил своего сына в Токсову. Тем самым Шёгрэн во второй раз стал преподавателем старшего сына Сигнеуса, чего никак не ожидал. Репетитора пригласили провести Рождество в доме епископа, но он вынужден был отклонить приглашение, чтобы побывать в промежутке между Рождеством и Новым годом у отца Крускопфа, который был судьей в приходе Кивеннапа на границе с Финляндией. По соседству с Кивеннапа находился приход Валкъярви, где приходским настоятелем и пребывал пробст Йохан Стрельман, как мы помним из рассказанного.

В момент прибытия Шёгрена у судьи был назначен большой рождественский раут, и судья прошептал ему на ухо, что в числе приглашенных гостей ожидается также его противник по научной полемике. Пробст, по словам судьи, сменил в отношении Шёгрена гнев на милость благодаря польстившему ему печатному ответу. Их представили друг другу, и пробст при отъезде даже не мог не пригласить Шёгрена побывать у него в гостях, поскольку тот по пути проезжал как раз через пасторат. Шёгрэн обещал так и поступить и решил на следующий вечер — услышав от Крупскопфа, что пробст простил его — предложить со своей стороны однозначное примирение. В пасторате тоже присутствовало обширное общество. После чая подали пунш. Шёгрэн при всех подошел с бокалом в руке к хозяину дома, выразил глубокое сожаление из-за ссоры, которая между ними случилась. Он всячески подчеркнул, что пробст неправильно понял его позицию как затрагивающую лично его и чем-либо уничижающую его заслуги. Не беря во внимание отдельные недостатки труда, достижения пробста в нем как ученого были велики, неоспоримы и заслуживали огромной признательности. Более того, он первым показал коллегам по пастырскому служению и соотечественникам редчайший пример увлечения родным языком и служения делу его продвижения, как Шёгрэн уже любезно признавал в своем письменном ответе и торжественно повторил теперь устно. Коль скоро после публичного прояснения позиций он принял любезное приглашение пробста посетить его дом, то, будучи младше, он считает своим долгом предложить поднять бокалы в знак полного примирения. Пробст чокнулся с ним и пробормотал нечто по поводу обыкновенного желания каждого на-

стоять на своей точке зрения, что Шёгрэн про себя пожелал истолковать как согласие на примирение. После визита в пасторат молодой филолог, успокоенный, радостно направился в Токсову.

<1823. Снова в епископском доме в Петербурге. Поездки в Турку и в Йитти. Затруднения с местом библиотекаря у графа Румянцева. Затруднения с квартирой. Провал коммерческого предприятия Мейера. Знакомство барона Ребиндера с планом экспедиции. Работа библиотекарем. Путешествие в Олонец. Выделение Государем финансирования длительной экспедиции>

Из Токсовы Шёгрэн на новый 1823-й год вновь переехал к епископу в город, хотя прежние хозяева расставались с губернатором совсем неохотно. По мере приближения запланированного отъезда в Турку у сына епископа развилось глазное заболевание, которое сильно беспокоило его отца, так что он не отпустил сына в университет. Вместо него в качестве попутчика объявился некий пасынок ингерманландского пастора, которому также предстояло стать студентом. С ним Шёгрэн заехал в Кивеннапа, чтобы забрать оттуда юного Крускопфа, которого уже ранее договорился проводить вместе с епископским сыном в Турку.

В его собственных планах произошла, однако, та перемена, что он вознамерился возвратиться из Турку в Петербург, где у него появилась надежда по протекции Гиппинга сменить его в должности библиотекаря графа Румянцева. Гиппинг только что получил в Финляндии должность пастора, вступить в которую, по тогдашнему обыкновению, ему предстояло в мае следующего года. Шёгрэн полагал, что ему не следует спешить с возвращением в Петербург, поскольку в епископском доме он всех лишь обременяет. Поэтому он погостил в Турку у друзей и знакомых, побывал у своих родителей и прибыл в Петербург лишь в марте. От епископа он узнал, что Гиппинг счел необходимым поспешно уехать вместе со всем своим скарбом из-за угрожавшей начаться ранее обычного распутицы. Он передал, что по его рекомендации граф Румянцева согласился принять Шёгрэна на частную службу в качестве преемника Гиппинга. Что же касается второго, публичной должности Гиппинга в гимназии, правительство Финляндии уже приняло решение о ее полном упразднении за нецелесообразностью после отставки Гиппинга.

Шёгрэн поспешил посетить с визитом графа Румянцева, чтобы засвидетельствовать свое почтение по возвращении из поездки, но че-

лядь под разнообразными предлогами препятствовала этой аудиенции. Когда он наконец напомнил, что назначен на должность библиотекаря по рекомендации Гиппинга, ему заявили, что на это место уже принят другой соискатель. Со всех сторон стали доноситься слухи, что именно так дело и обстоит. Такое крушение планов не выглядело неправдоподобным, поскольку на это место не было недостатка в претендентах, имевших могущественных покровителей, а ему самому, по несчастью, случилось в решающий момент отсутствовать в городе.

Чтобы избавиться от мучительной неопределенности, он обратился к академику Кругу, который уже тогда считал его «усердным и многообещающим молодым ученым». Круг не сказал, что знает о том, что должность уже занята. По его мнению, Шёгрёну подобало побеседовать с графом лично. Вот почему он написал и запечатал личной печатью записку, которую отдал Шёгрёну с советом сказать слугам, что академик направил его в качестве посыльного передать письмо графу в собственные руки. Слуга больше не посмел отказывать ему и представил графу в качестве посланца от Круга, благодаря чему Шёгрён наконец попал на долгожданную аудиенцию. Граф выразил радость при виде него и спросил, желает ли он приступить к обязанностям его библиотекаря, поскольку его рекомендовали на это место. После утвердительного ответа Шёгрёна граф пригласил его прийти в другой раз за окончательным решением. В итоге было решено, что ради испытываемого им доверия к Гиппингу граф изволит взять Шёгрёна к себе на службу на оговоренных условиях (1200 рублей жалованья в год), но освобождает от наблюдения за одним из подразделений библиотеки. Коллекции древнерусских рукописей были доверены некоему урожденному русскому, более пригодному для их изучения. Шёгрён узнал позднее, что такое компромиссное решение графа объяснялось желанием не обидеть рекомендованного ему конкурента Шёгрёна.

Итак, Шёгрён успешно преодолел одну трудность, но тотчас же оказался едва ли не в большем затруднении. Его затянувшееся пребывание в епископском доме на положении гостя становилось для него столь же мучительным, сколь, как он заметил, оно досаждало хозяевам дома. Поэтому он сразу по поступлении на службу к графу Румянцеву снял у одного финского мастерового небольшую комнату. Но она, увы, нуждалась в ремонте, и ремонт занял больше времени, чем он рассчитывал и чем ему было обещано. Наконец, когда оставалось не больше пары дней до его окончания, епископ с утра зашел к Шёгрёну в комнату и объявил, что тому следует немедленно съехать,

чтобы освободить комнату для акушерки, приглашенной на первые роды старшей дочери епископа. (Прошедшей зимой она вышла замуж за малообеспеченного капитана-соотечественника, земляка Шёгрена. Он сам как раз привел этого офицера в епископский дом во время своей службы гувернером, вскоре после того как тот прибыл в Петербург вместе с российским полком, в котором состоял на службе, впрочем, с разрешения добросердечной и жалостливой супруги епископа.) Шёгрэн попросил прощения, что против воли вынужден злоупотреблять добротой епископа, да еще слишком долго, и объяснил причину, по которой возникла неожиданная задержка. Переезд ожидался через пару дней, так что он осмелился спросить разрешения остаться еще ненадолго. «Ни на день!» — был ответ. Шёгрэн попросил пустить его на эти дни в одну из двух комнат в нижнем этаже, которые стояли пустыми и необжитыми. Ему было отказано и в этом. Тогда он попросил перенести туда его вещи (сам он мог найти себе угол для ночлега, тем более что и так старался не бывать дома целыми днями). Епископ согласился удовлетворить последнюю просьбу. Вещи перенесли в нижний этаж, а вскоре перевезли на новую квартиру.

Примерно в то же самое время был разорван и ненадежный договор между Шёгреном и книготорговцем Мейером, чего и следовало ожидать. Мейер долго откладывал сверку перевода под предлогом, что необходимо дожидаться случая поработать над рукописью вместе, из-за незнания русского языка. По возвращении Шёгрена из Турку они рьяно приступили к работе, но сверка продвигалась медленно, не в последнюю очередь из-за болтливости Мейера. Когда они наконец приступили к сверке второй части перевода на немецкий, иностранные журналы сообщили о выходе в свет перевода этого произведения на французский язык. Все коммерческое начинание, стало быть, потерпело полный крах, а Шёгрёну пришлось возратить большую часть книг, ранее полученных у Мейера.

Тем более утешило и приободрило Шёгрена то, что барон Ребиндер, у которого Шёгрэн часто бывал с обязательными визитами, наконец — вероятно, по протекции епископа Сигнеуса — проявил интерес к обширному плану его экспедиции. По собственной инициативе барон посоветовал Шёгрёну четче сформулировать ранее представленный графу Румянцеву черновик проекта экспедиции и обещал употребить всё свое влияние для того, чтобы ученый получил для своих изысканий публичную поддержку от администрации Финляндии.

Тем временем, к обоюдному удовлетворению, начала продвигаться и работа Шёгрена в новой должности у графа Румянцева. Общаться

ся по-французски Шёгрёну вначале было несколько странно и затруднительно, поскольку французским языком он владел скорее теоретически, нежели практически. Библиотекаря выручило то обстоятельство, что ему не просто было дозволено, а даже вменено в обязанность обращаться к слабослышащему нанимателю в письменном виде. Граф к тому времени полностью потерял слух, так что все ответы на его устные реплики надлежало давать письменно. Он всегда имел при себе каменную табличку и грифельный карандаш, которые протягивал каждому, с кем намеревался побеседовать.

Куда большие затруднения составило для библиотекаря то, что граф утратил не только слух, но в значительной мере еще и память. Румянцев уже не мог запомнить имена новых писателей, чьи произведения имелись в его коллекции, хотя хорошо помнил толщину томов и переплеты. По таким внешним признакам и впечатлениям об их содержании он обычно заказывал книги из библиотеки на нижний этаж для чтения. Заметив ту закономерность, что заказы графа обычно ограничивались самыми новыми книгами, присланными авторами в дар, Шёгрён максимально тщательно запечатлевал в своей памяти их внешний вид по мере того, как знакомился с обширной, содержащей почти 40 тысяч томов библиотекой, которую уже его предшественник упорядочил и каталогизировал. Шёгрён вскоре освоил собрание книг так основательно, что мог за несколько минут доставить на нижний этаж всё, что хотел получить старик, в какой бы форме тот ни высказал свое желание. Обычной наградой Шёгрёну бывали в таких случаях воздушный поцелуй и восклицание: «*Compte vous êtes aimable*»⁴⁸. Он даже замечал, что при визитах близких знакомых тот акцентировал внимание гостей на своем библиотекаре, словно бы горделиво заявляя: «Смотрите, какой он у меня сноровистый книгохранитель!»

Доверие и благорасположение графа увеличивались тем более, что Шёгрён по собственной воле ревностно предавался работе в библиотеке, по завершении сотрудничества с книготорговцем Мейером не имея другого занятия. Собственно говоря, его обязанностью было находиться в библиотеке лишь два дня в неделю до обеда, а ключ от нее граф хранил у себя. Но поскольку Шёгрён заходил туда и позднее днем, в летнее время еще и ближе к вечеру, этот заведенный распорядок показался ему затруднительным и вредным. Он осмелился доложить графу о причиняемых этим сложностях и попросил разрешения держать ключ у себя под свою ответственность и приходиться и уходить по собственному усмотрению. При этом он находился бы в распоряжении графа постоянно, а не только в определенные дни, бу-

де тому понадобится что-нибудь в библиотеке. Граф отнесся к предложению крайне благосклонно и вручил ему ключ со словами: «Je suis bien gai de votre zèle. Gardes la clef et comideres vous comme plein maître de ma bibliothèque!»⁴⁹ Основной обязанностью Шёгрена было провести общую проверку библиотеки, проверить составленные Гиппингом каталоги, внести в них упущенные книги, если таковые окажутся, и отделить дублетные экземпляры. Шёгрэн старался выполнять это с воодушевлением и усердием. Работа только начиналась, и потому он непрерывно проводил время в библиотеке.

Лишь летом, когда граф по обыкновению отправился в свое поместье в Могилёвской губернии, Шёгрэн с удовольствием откликнулся на приглашение Арвида Строльмана присоединиться к нему в путешествии в Олонецкую губернию, в город Петрозаводск, которую тот предпринял вместо одного старшего товарища по пасторскому служению. Для разнообразия на обратном пути путешественники поехали из города Олонец, следуя вдоль северного и западного побережья Ладожского озера с заездом в небольшие финские города Сортавалу⁵⁰ и Кексгольм⁵¹, откуда вернулись в Петербург.

Вскоре по возвращении Шёгрэн был приятно удивлен полученным от барона Ребиндера письмом. Тот сообщал, что имел счастье представить план путешествия Шёгрена Его Императорскому Величеству, и ученому были милостиво выделены на него средства по три тысячи рублей в год. Сумму многие сочли, впрочем, весьма скудной, да и время для осуществления обширного плана экспедиционных исследований представлялось ограниченным. Шёгрена утешали тем, что в свое время ему непременно продлят финансовую поддержку. Шёгрэн со своей стороны был целиком удовлетворен и поспешил выразить барону глубочайшую искреннюю признательность и заверил, что намерен приложить все свои силы к тому, чтобы оказаться достойным такого доверия. Барон вызвался выплатить ему заранее треть ежегодной суммы и разрешил самостоятельно определиться со временем отъезда, не откладывая его, однако, до конца следующего года.

Шёгрэн решился выплатить до конца свой значительно уменьшившийся долг и помимо библиотечных трудов начал усердно готовиться к путешествию. Он снял поближе к библиотеке более просторную и спокойную комнату у одного русского театрального портного-костюмера, откуда, однако, вскоре съехал к одной приличной вдове. Та предоставила ему бесплатно комнату, а также еду и услуги по хозяйству на том условии, что Шёгрэн будет два часа в день учить двоих ее сыновей. Во время проживания на предыдущей квартире он в третий раз репетиторствовал у епископского сына, который по вы-

здоровлении от заболевания глаз готовился к поступлению в университет Турку.

<1824. Поездки в Турку и Йитти, помощь родителям. Переписка с Раском. Рецензирование труда ак. Френа. Благородство графа Румянцева. Рекомендательные письма. Новая стычка с Й. Стрельманом. Приглашение Поппиуса в спутники в экспедицию. Первое длительное путешествие. Путевые заметки. Новгород. А. Стрельман. Петрозаводск. Доктор Фокк. Иломантси. У вепсов. Петрозаводск. Вдова Фокк>

Зимой 1824 года Шёгрэн съездил в Турку, чтобы попрощаться с друзьями и знакомыми, а на обратном пути повидать родителей. Они стали стареть, так что сын полагал своим долгом обеспечивать их материально. Для этого он заключил с капелланом родного прихода Реландером письменное соглашение, по которому тому предстояло поставлять старикам определенное количество различных продуктов питания и ежегодно получать за это оговоренную сумму.

По возвращении в Петербург Шёгрэн начал готовиться к своей поездке. Уже в прошлом году, когда дело было решено, он приступил к переписке с Раском, как раз вернувшимся в Копенгаген из продолжительной научной экспедиции. Норвежский ученый благосклонно откликался на его просьбы, оказывая всевозможную помощь, и даже послал Шёгрэну труд Леема про лопарей Норвегии и их язык⁵².

В том же 1824 году Шёгрэн написал рецензию на увидевший свет год назад труд академика Френа «Сведения Ибн Фозлана и других арабов о русских старинных временах» («Ibn Fozslans und andre Araber Berichte über die Russen älterer Zeit»), напечатанный в журнале Ольдекопа «St. Peterburgische Zeitschrift» за названный год.

На службе у графа Румянцева Шёгрэн завершил порученную ему сверку библиотечного фонда и составил подробный перечень выявленных дублетных экземпляров, числом почти три тысячи, которые он отделил от коллекций. Среди дублетов имелись страноведческие труды старейших русских академиков о России и экземпляр изданной Генштабом детализированной карты, объемом около ста страниц, «Подробная карта Российской империи», которые были в разной степени необходимы для будущей дорожной библиотеки Шёгрэна. Поэтому он не счел особенной наглостью со своей стороны просьбу о том, чтобы граф в порядке поддержки его путешествия подарил ему названные, второстепенные по ценности для библиотеки труды

(их стоимость составляла около 200 рублей). Молодой ученый посоветовался с Кругом и Аделунгом — они оба были уверены, что со стороны графа не встретится в этом отношении никаких затруднений. По мнению Круга, граф был просто-напросто обязан подарить Шёгрёну что-нибудь при его увольнении со службы, которую тот исполнял к наиболее полному удовлетворению работодателя. Круг предположил, что граф охотнее подарил бы второстепенные по ценности и бесполезные для него самого дублетные экземпляры, чем вручил бы премию наличными деньгами. Аделунг предложил даже посредничество в этом деле. Из-за причуд графа и его смехотворной мелочности результат оказался прямо противоположен ожидаемому. Граф доверительно сообщил Аделунгу для передачи Шёгрёну, что премии не отвечают его принципам, но он с удовольствием одолжит дублетные экземпляры с возвратом по возвращении ученого из экспедиции. Когда Шёгрён рассказал об этом Кругу, тот рассердился и собирался даже написать графу и напомнить ему, что его сословное достоинство требовало бы пожертвовать этой незначительной книжной коллекцией, которая очень пригодилась бы малообеспеченному ученому.

Однако Шёгрён сам отказался от этого пожелания. Причиной тому стал трогательный случай, который произошел между ним и графом накануне. А именно: когда Шёгрён пришел в библиотеку, его пригласили спуститься в нижний этаж к графу. Тот попросил его присесть рядом; он имел обыкновение предлагать это, если планировал вести более продолжительную беседу, и спросил, чем Шёгрён собирается заниматься по возвращении из поездки. Тот ответил, что экспедиция столько лет была его мечтой и занимала все его мысли в такой мере, что он — возможно, ошибочно и недальновидно — отказался от всякого планирования более далекого будущего. Вот почему он не имел никаких пожеланий, как только если судьба позволит ему успешно справиться с путешествием, иметь возможность без забот о пропитании разобрать и обработать те обширные материалы, которые он надеется собрать, и вообще посвятить жизнь исключительно научным изысканиям.

— Вы правильно поступаете, — ответил ему граф, — и именно в этой области у меня есть для вас специальное предложение. Хотя вы недолго проработали у меня, я успел узнать вас настолько хорошо и так высоко вас ценю, что у меня нет желания расставаться с вами. Ваша цель столь благородна и прекрасна, и я не хочу вставать у вас на пути, но надеюсь и прошу вас пообещать, что по возвращении из экспедиции вы вернетесь ко мне на службу. Тогда мы вместе осмотрим вашу коллекцию и я пожертвую средства на ее издание и попро-

бую позаботиться о вашем ближайшем будущем. «Je ne puis pas compter sur trop de temps pour vivre ("Больше не могу рассчитывать прожить еще долго!"), — добавил он растроганно, мягко взявшись за руку Шёгрена, — restons donc enesemble ("Будем держаться вместе!")».

Шёгрэн написал на каменной дощечке, что не находит слов для выражения своей безмерной благодарности, но что его сиятельство может прочесть ее в слезах, наполнивших его глаза. Тогда граф снова спросил, определена ли уже дата отъезда и в каких краях Шёгрэн собирается побывать в первую очередь. Шёгрэн был намерен сначала поехать в Новгород, чтобы ближе познакомиться с историческими рукописями его древних монастырей и Софийского собора, откуда проследовать на север через все северные губернии. Граф вызвался написать ему рекомендательные письма к митрополитам Петербургскому и Новгородскому и к архангельскому военному губернатору, который был высшим должностным лицом трех губерний: Олонецкой, Архангельской и Вологодской. Последнему в это самое время случилось быть в Петербурге, так что Шёгрэн имел возможность собственноручно передать ему письмо, как и митрополиту.

Когда Шёгрэн рассказал все это Кругу для обоснования того, почему не следует больше затрагивать вопрос о дублетных экземплярах, Круг произнес: «Тогда это совсем другое дело. И в самом деле, граф при всех его причудах и противоречиях в глубине души человек исключительного благородства. Что же касается дублетных экземпляров, вы можете под мою ответственность считать их вашей полноценной собственностью, мне еще представится случай обговорить это с графом!»

Экспедиция Шёгрена пробудила всеобщий интерес, и все его друзья и знакомые состязались между собой в попытках помочь ему прямо или косвенно официальными и частными рекомендациями. Он и сам не бездействовал, стараясь во всех отношениях гарантировать успех своего предприятия. Все влиятельные чиновники, к которым он обращался, относились к нему самым благосклонным образом, проявляя готовность всемерно посдействовать исследовательскому путешествию.

Общее расположение утешило его, когда он узнал неприятную новость, что его противник, пробст Стрельман, по случайному ли совпадению или (что представлялось более вероятным) намеренно, избрал момент, когда отъезд Шёгрена в экспедицию был у всех на слуху, для возобновления былой распри, которую молодой ученый считал урегулированной полтора года тому назад. Иначе как было

объяснить, что Строльману потребовалось так много времени, чтобы состряпать брошюру, переполненную новыми личными оскорблениями, основанными на анонимных подметных письмах. Пробст вынудил Ольдекопа принять в печать эту брошюру, взывая к моральному долгу издателя предоставить ему трибуну, после того как в журнале ранее было предоставлено место для ответной публикации Шёгрена. Последнему об этом поведал сам Ольдекоп, прислав для ознакомления эту брошюру. Шёгрэн тут сразу же составил черновик ответной публикации, выбрав для нее подобающий эпиграф: «*Tantaene animis coelastibus irae*» («Сколь мучительная зависть терзает души небожителей»). Ответ следовало использовать в том случае, если новый вызов на поединок будет опубликован. Ольдекоп заявил, однако, что не желает публиковать этот пасквиль и что, если его не принудят, он и не будет напечатан. Шёгрэн оставил дело целиком на его усмотрение с учетом будущих обстоятельств и попросил информировать его только в том случае, если статья Строльмана будет напечатана. К счастью, из этой затеи ничего не вышло, а черновик ответа сохранился в бумагах Шёгрена.

В свете описанной выше договоренности с Шёгреном граф Румянцев принял на время поездки библиотекарем знаменитого русского грамматиста Востокова. На прощание граф попросил путешественника писать письма, особенно если он найдет нечто, что могло бы обогатить собранные графом коллекции старинных отечественных рукописей или других антикварных предметов. Также он попросил своевременно информировать, согласится ли правительство продлить срок экспедиции Шёгрена и поддерживать его материально в дальнейшем. На случай последней возможности он добавил: «*Nous verrons ce que nous ferons!*» («Сможем увидеть, как будем поступать»). Благороднейший меценат не мог тогда предполагать, что спустя два года его не станет.

Многие из ближайших друзей и знакомых Шёгрена считали поистине рискованным отправляться в столь дальнюю экспедицию в одиночку, и это намерение стало казаться сомнительным даже ему самому. Отказав многим друзьям и знакомым, добровольно желавшим сопровождать его в поездке, молодой ученый написал гимназическому и университетскому товарищу Поппиусу, который тогда служил помощником пастора финского прихода в Стокгольме. Это был, по мнению Шёгрена, единственный друг, чьей верности он мог довериться и с кем был готов разделить все радости и горести путешествия. Поппиус, в свою очередь, объявил о своем желании сопровождать его и прибыл с этим намерением в Петербург уже весной, где однако изме-

нил свое решение, выяснив, что экспедиция не будет зачтена ему в срок службы и не принесет ему никаких доходов или заслуг, а вот проведенные там годы будут вычитаться при расчете его службы в должности.

Таким образом, Шёгрёну предстояло отправляться в путешествие в одиночку. Наконец он выехал из Петербурга 13 (25) июня 1824 года, в изобилии снабженный рекомендательными письмами. Помимо адресованного всем штатским чиновникам открытого приказа на его имя, подписанного Министерством внутренних дел и главой полицейского департамента, ему были даны рекомендательные письма военным и гражданским губернаторам и епископам всех губерний, упомянутых в плане экспедиции, а еще он получил ряд частных рекомендаций в адрес влиятельных людей высшего и купеческого сословий.

Продолжавшаяся 5 лет экспедиция охватила Новгородскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Пермскую, Казанскую и Костромскую русские губернии, отчасти финские лэны (иначе говоря, губернии) Выборга, Куопио и Оулу, а также Финскую и русскую Лапландию, то есть фактически весь Север Европейской части Российской империи.

Шёгрэн сам напечатал отправленные из этой экспедиции краткие информационные справки, обзоры и заметки в письмах или целиком, или в выдержках в следующих периодических изданиях: «*Journal de St. Pétersbourg*», 1825 (N 20, 24, 30) & 1828 (N 21); «*St Petersburgische Zeitung*», 1828 (N 13, 20, 29, 34), — а также на шведском языке отчасти переводы из названных петербургских публикаций, отчасти оригинальные статьи в «*Åbo Tidningar*», 1825 (N 27, 33, 44); 1826 (N 28, 29, 92, 93), 1828 (N 26, 27, 99, 100). Обо всей поездке целиком он опубликовал отчет в «*St. Petersburgische Zeitung*» за 1829 г. № 125–127, это выдержка из его сводного отчета, поданного графу Ребиндеру «*Bericht an Seine Erlaucht, den Herrn Staats-Sekretär Finnlands, Grafen von Rehbinders*»⁵³.

Поскольку мы в данном сочинении делаем акцент на биографических аспектах, то сможем ограничиться лишь общим описанием путешествия, добавив некоторые подробности.

Сперва Шёгрэн направился в знаменитый древний и старинный Новгород <Великий>, ныне превратившийся в заштатный и жалкий губернский городок. Там на протяжении двух месяцев он проводил исследования рукописей, о которых говорилось выше, а еще — в самом начале предстоящего долгого пути — обрел оазис для отдохновения в доме своего старого друга и товарища Арвида Стрöльмана. Тот

недавно был направлен в Новгород для окормления лютеранской паствы в военных колониях-поселениях, недавно основанных в окрестностях городка. Среди немногих интересных знакомств, завязанных здесь Шёгреном, следует отметить датчанина Эструпа, незадолго до того назначенного сюда уездным врачом.

Поскольку круг пастырских обязанностей Стрельмана охватывал не только Новгород, но и Олонецкую губернию, граничащую с Новгородской губернией с севера, он сопровождал Шёгрена, когда тот продолжил свой путь в губернский город Петрозаводск. Там они поехали к медицинскому инспектору губернии Фокку. Этот урожденный датчанин, или, точнее сказать, голштинiec, весьма образованный и любознательный, отличался весьма благодушным характером; друзья познакомились с ним в прошедшем году во время визита в тот же самый губернский город.

Когда пастор, завершив исполнение своих обязанностей в городе, готов был спустя пару дней отправиться в обратную дорогу в Новгород, хозяин дома Фокк предложил второму из гостей, Шёгреному, чтобы они вдвоем отправились проводить друга до первой почтовой станции Половина. Это русское название происходит от того, что станция была основана посередине пути между губерньским центром и уездным городом Олопец, поскольку соединявший их ямской перегон имел протяженность свыше 50 верст и в стародавние времена казался весьма долгим. Из дней недели случилось быть среде, а выезд из Петрозаводска по случайности задержался настолько, что на почтовую станцию Половина путешественники прибыли только около 11 часов ночи.

Пока пастору запрягали лошадей, доктор Фокк достал из собранной дома сумки с провизией немного закуски и бутылку шампанского. Поужинали и выпили, весело болтая. Когда по завершении трапезы они разлили по бокалам оставшееся шампанское, Шёгреному взбрело в голову глянуть на часы, чтобы узнать, сколько прошло времени. Стрелка часов почти приблизилась к полуночи. Странная торжественная серьезность вдруг овладела душой Шёгрена и заставила его выразить свои чувства на немецком языке в таких словах:

— Наверняка это что-нибудь да предвещает, если мы — трое чужеземцев — собрались именно в среду, именно в полночь и именно проделав путь до Половины, перед тем как разлучиться надолго, а может статься, навечно!

— Что за пророческий дух овладел тобой? — не без неудовольствия спросил его пастор.

— Говори что хочешь, но больше мы никогда не свидимся втроем. Но что бы ни ожидало нас, да примем мы предназначенную нам судь-

бу мужественно, да исполним верно наш долг и да сохраним нашу преданную дружбу! — почел нужным ответить Шёгрэн.

Они опустошили стаканы, произнесли прощальные слова, и пастор отправился своею дорогой. Хотя Фокк ранее была весьма оживлен, на обратном пути он не обмолвился с Шёгреном ни словом.

Министр финансов Канкрин, благосклонно посодействовавший экспедиции Шёгрена, устроил выплату так, что в некоторых губернских городах путешественник мог снимать со стипендии небольшие суммы. Вот и теперь он получил в петрозаводском Государевом денежном фонде причитавшиеся ему 500 рублей. Он заметил, что хозяин дома в это время испытывал нужду в деньгах и предложил ему (чтобы отблагодарить за оказанное гостеприимство) принять на хранение значительную часть этой суммы до тех пор, пока до наступления зимы он не вернется в Петрозаводск из экспедиции. Шёгрэн отказался оформить на эту сумму долговую расписку и добавил, что за те три месяца, которые он будет отсутствовать, должник (который был крепким, слегка склонным к полноте мужчиной в расцвете лет и вдобавок опытным врачом) вряд ли может умереть.

Устроив большую часть своего багажа к доктору Фокку, Шёгрэн отправился через леса, болота и озера напрямик в финскую Карелию, в приход Иломантси, по южной части которого странствовал до прибытия в город Сортавала, расположенный на северном берегу озера Ладога. Оттуда он повернул обратно в Олонецкую губернию и объездил ее южную оконечность, граничащую с Новгородской губернией, изучая одно из ответвлений финской народности, расселенной по обеим губерниям, которую местные русские именовали чудью⁵⁴ и которая ранее оставалась совершенно неизвестной языковедам и этнографам. По возвращении в Олонец, он, к своему изумлению, получил извещение о прибытии отправленных ему из Петрозаводска вещей.

Удивление сменилось потрясением, когда в этих вещах он узнал свой дорожный багаж и прочитал в приложенном письме, что доктор Фокк скончался. Его молодая вдова, урожденная датчанка из Копенгагена, в девичестве носившая фамилию вроде Вест, поспешила при освобождении служебного помещения покойного супруга отправить все оставленные Шёгреном вещи навстречу ему в Олонец. Хуже всего было то, что касса Шёгрена опустошилась настолько, что оставшихся у него средств едва хватало на дорогу до Петрозаводска. Другое затруднение было вызвано тем, что по прибытии на место поздним вечером в один из декабрьских дней он не нашел ни одной гостиницы или постоялого двора, где мог бы заночевать.

В ужасе он решил попроситься на ночлег к одному отставному офицеру Российского флота, урожденному немцу, с которым познакомился во время своего последнего визита в город в гостях у Фокка и чей открытый, честный облик тогда ему приглянулся. Польщенный доверием Шёгрена отставник сердечно поблагодарил за оказанную ему честь и предложил путешественнику остановиться у него не только на одну ночь, но на все время, которое тот намерен провести в городе. Места у вдовца было достаточно, так как он с сыном-подростком занимал целый дом. Затянувшееся куда дольше ожидаемого пребывание Шёгрена в доме отставника оказалось весьма приятным.

Шёгрэн сразу же услышал от него, что Фокк отправился с инспекционным объездом по губернии некоторое время спустя после того, как Шёгрэн отбыл из его дома; но вскоре по возвращении заболел брюшным тифом и скоропостижно скончался. Его молодая вдова не была обременена значительными долгами, но и не имела сбережений; к тому же у нее было двое детей и она ожидала третьего. Замечательный, добрый к страждущим губернатор Рыхлевский, с которым Шёгрэн познакомился позднее, сделал все от него зависящее, чтобы облегчить положение вдовы. Он устроил ей пенсию и место смотрительницы в одном из присутственных мест губернского города. К несчастью для вдовы, губернатора тем временем перевели в другую губернию, в Вятку, куда ему и предстояло отправиться через несколько дней. По этой причине губернатор выразил сожаление, что не может оказать помощь Шёгрэну в его тогдашнем денежном затруднении. Оставался единственный выход — написать в Петербург и вытребовать положенные ему деньги оттуда. Шёгрэн по своей чуткости не считал себя вправе напоминать вдове Фокка о причитающихся ему деньгах, тем более что у него не осталось относительно долга никакого документального подтверждения. Другие, однако, рассказали вдове об этом деле, и она сама объяснила Шёгрэну, что ей не было известно об этом, как и вообще о денежных делах покойного мужа, но она отнюдь не сомневалась в наличии долга и намеревалась выплачивать его по мере возможности.

Когда затребованные деньги пришли из Петербурга, Шёгрэну посоветовали дожидаться скорого прибытия нового губернатора, чтобы получить и от него открытый лист для продолжения путешествия. Тогда он, чтобы скоротать время, совершил небольшое путешествие по тем местностям на западе губернии, где ранее не бывал, и даже пересек финскую границу. По возвращении в середине марта путешествующий ученый получил ожидаемое рекомендательное письмо от нового губернатора, который наконец прибыл на место службы.

Во время визита Шёгрена к вдове Фокк она предложила выплатить сразу весь долг по случаю получения своей пенсии. Госпоже Фокк удалось уговорить местных кредиторов подождать с выплатой, чтобы рассчитаться с чужестранным путешественником, который острее всех нуждался в деньгах. Шёгрэн объяснил, что теперь у него больше нет особой спешки, поскольку ему перевели деньги из Петербурга и он надеется пока обойтись ими. Он выразил готовность дожидаться более удобного и подходящего для дамы момента. Но г-жа Фокк заявила, что Шёгрэн окажет ей любезность, если согласится принять деньги и освободит ее душу от тягостного бремени, которое было для нее тем более мучительным, что в своем нынешнем положении она вполне могла представить, что и сама может скоро умереть, и тогда Шёгрэн точно лишится своих денег. Чтобы хоть немного вознаградить душевное благородство дамы, которая сама была чужестранкой, Шёгрэн принял наличными только половину причитающейся ему суммы, а на оставшиеся деньги выбрал книги из библиотеки покойного доктора по их первоначальной цене в книжных лавках.

<1825. Повенец. Нурмес, Нильсия, Юанкоски. Влюбленность. Каяни. Палтамо. Соловецкий монастырь. Соданкюля>

Из уездного города Повенец — самого северного в Олонецкой губернии — Шёгрэн заранее отправил почтой большую часть своих дорожных денег в городок Кемь, расположенный много севернее, на берегу Белого моря, и относящийся к Архангельской губернии.

Сам он повернул в сторону Иломанси⁵⁵, чтобы проследовать отсюда по проезжему тракту в Нурмес⁵⁶ и из этого самого северного в финской Карелии прихода добраться до расположенного далеко на северо-востоке Финляндии городка Каяни⁵⁷. Но вызванная описанными выше обстоятельствами задержка в Петрозаводске и наступившая ранее обычного весна сделали невозможным путешествие в Каяни, отделенный многочисленными и крупными водоемами, до начала лета.

Чтобы не сидеть неделями подряд в унылом Нурмесе, он решил свернуть в находившийся в восьми шведских милях отсюда приход Каави⁵⁸, расположенный неподалеку от города Куопио: это было единственное место, куда путь еще был открыт. Путешествие из-за распутицы было медленным и затруднительным, но хотя бы опасности не представляло. Это неожиданное отклонение от маршрута пре-

вратилось для него в источник множества душевных и сердечных радостей, не говоря уже о телесных, каковые со всей полнотой обеспечило радушное угощение добросердечных соотечественников. Этот поворот оказал решающее воздействие и на будущее Шёгрена.

Во время двухнедельного пребывания в приходе Нильсиа, куда он отправился по случайности, он оказался на железодельном заводе «Стрёмсдал» в Юанкоски⁵⁹, где и познакомился с дочерью сестры фабриканта Тигерстедта Густавой-Софией Лаурелль. Она приходилась дочерью покойному уездному лекарю земли Куопио, Акселю Фредрику Лауреллю. Шёгрэн оценил эту юную, прелестную и очаровательную барышню, в которой образованность соединялась с невинностью, добротой, веселым нравом и обворожительными манерами, сочетавшимися в то же время с чувством собственного достоинства.

Барышня настолько поразила его душу, что он начал серьезнее прежнего планировать на будущее брачный союз. Однако ему достало рассудительности осознать, сколь неподобающе было бы на его месте просить ее руки, обрекая девушку на долгое и во многих отношениях более чем не внушающее уверенности ожидание. Он попытался задуть свои чувства, надеясь, что по мере странствия новые предметы и развлечения отвлекут его от недостижимой дамы сердца. В Каяни и его окрестностях в ожидаемых развлечениях действительно не было недостатка, но ни их изобилие, ни приятность не могли изгнать из души Шёгрена обожаемый образ. Из-за этого во время пребывания в пасторате Палтамо, расположенном к северу от Каяни, он решился письменно открыть девице свои чувства и упования. Это решение представлялось ему тем более правомерным, что прошел уже месяц после мучительного для него мига разлуки. В не меньшей мере, чем это, достаточное для зрелого размышления время, его укрепила в решении мысль, что их встреча была промыслом благотворного провидения, ведь целая цепь случайных, но взаимосвязанных событий привела его к обстоятельствам, которые подвигли его к означенному шагу. Все это он открыто и искренне изложил в письме и оставил на размышление барышни, сможет ли и пожелает ли она в подобных обстоятельствах и при такой неопределенности видов на будущее решить, согласна ли она разделить с ним жизненную стезю или нет. Чтобы дать барышне больше времени на размышление, Шёгрэн обозначил в качестве адреса, куда можно отправить ответ, Беломорскую Кемь, где следующей зимой он мог получить ее письмо на тамошней почте по возвращении из предстоявшей экспедиции в Лапландию.

В город Кемь Шёгрэн направился из Каяни, следуя по течению двух рек, впадающих соответственно в Ботнический залив и Белое море. Но в Кемь он заглянул, только чтобы в течение лета побывать в находящемся на беломорском острове знаменитом Соловецком монастыре, в архивах которого надеялся разыскать важные исторические сведения. Он оставил в Кеми свой небольшой багаж, взял с собой самые необходимые книги и одежду, упакованные в наплечный рюкзак и в портфель, и в августе отправился в Кемскую Лапландию, расположенную с финской стороны границы. До границы с Финляндией он двигался по российской реке Кемь и ее притокам то на наемных лодках, то пешком. Он пересекал первозданно дикие чащобы и редкие населенные местности, где царилла такая нищета, что ему иной раз приходилось довольствоваться хлебом с сосновой корой. Невзирая на огромные трудности и испытания, он прибыл в расположенный за Полярным кругом приход Соданкюля, самую крайнюю на севере местность в Лапландии, населенную финнами. Из-за сильно затянувшейся осени ему пришлось задержаться там больше двух месяцев до установления зимника, чтобы проехать 13 шведских миль по безлюдным местам до ближайшего лопарского прихода, Инари⁶⁰, куда в результате он прибыл лишь в декабре.

<1826. Утсёйоки. Польмак. Пастор Стокфлет. Из Рүйи⁶¹ в Колу. Беломорская Кемь. Архангельск. Мезень. Болезнь в Пинеге. Шёгрэн падает духом. Возвращение в Архангельск. Продление финансирования экспедиции на два года. «Antekningar om församlingarne i Kemi Lappmark». Вытегра. Петрозаводск. Венсы>

Из Инари он продолжил путь в Утсёйоки, где оставался до середины января 1826 года. Он прилежно изучал там, как и теоретически во время долгого пребывания в Соданкюля, лопарский язык. Из Утсёйоки он собирался отправиться на норвежскую сторону в поселок Вадсьо (Весисаари), чтобы познакомиться с норвежским странствующим проповедником Стокфлетом. Оттуда он намеревался через Варангский вуон, т.е. узкий крутосклонный морской залив, на норвежский лад именуемый фьордом, добраться до Кольского округа на берегу Баренцева моря. Преодолев лишь первый переход из западной оконечности Варангского залива, он услышал на ночевке, что прибытия пастора Стокфлета ожидают через пару дней. Он и прибыл, и в его обществе Шёгрэн вернулся в Польмак, первую после Утсёйоки деревню на территории Норвегии. Там они интересно и

приятно провели пару дней у милейшего норвежца Кольдерупа, который приходился братом известному и высокоученому копенгагенскому юристу Кольдерупу-Розенвинге. Шёгрэн познакомился с Кольдерупом чуть раньше, в первый приезд в Польмак. Когда он, выйдя из саней, направился в сторону одного из жилищ, Кольдеруп устремился к нему навстречу и пригласил в свою, более удобную во всех отношениях и чистую избу. В Польмаке Шёгрэн нанял одного норвежского лопаря, или, как здесь было принято выражаться, «финна», в проводники через обширные сопки, раскинувшиеся южнее Варангского залива, напрямик в первую деревню Кольской волости русской Лапландии. Путь длиной в 150 верст, или 15 шведских миль, они проделали за трое суток. По дороге они встретили только одну лопарскую кочевую семью, в чуме которой Шёгрэн провел вторую по счету ночь из трех. Тогда его проводник из-за сильного бурана и вызванного им более раннего, чем обычно, наступления темноты сбился с правильного пути, который обнаружил лишь после долгих поисков.

Прибытие Шёгрэна в русскую Лапландию строилось весьма характерным образом. Неподалеку от избранной первым пунктом назначения деревни он встретил русского лопаря, который на саамском языке спросил проводника, кого тот везет. Едва услышав в ответ: «Dal lä guoša herra» («Это — русский барин»), он поспешно выскочил из саней и подбежал к Шёгрэну, сорвал с головы шапку и воскликнул по-русски: «Добрый день, ваше благородие! Куда вы изволите ехать?» «В вашу деревню, — ответил Шёгрэн также по-русски, — туда еще далеко?» «Еще где-то пять верст, — сообщил лопарь и добавил: — Разрешите мне проводить вас. Я собирался съездить в соседнюю деревню по одному небольшому делу, но это можно оставить на следующий раз». Затем он попросил норвежского лопаря ехать впереди и повернул сам, чтобы сопровождать Шёгрэна. В приказном тоне он велел норвежскому лопарю ехать быстрее, и когда, по его мнению, они продолжали двигаться слишком медленно, сказал Шёгрэну по-русски: «Эти норвежские лопари такие невыносимые копуши, что с ними всякое терпение потеряешь!», а по-саамски бросил товарищу: «Я сам поеду впереди, смотри не отставай!»

Другой забавный случай произошел по прибытии на место, когда Шёгрэн расплачивался с норвежским лопарем за проезд из Польмака. У Шёгрэна не доставало норвежского серебра для оплаты, и он предложил возместить недостающее русским серебром. Норвежский лопарь ни в коем случае не желал принимать плату в такой форме. Шёгрэн объяснил, что у него больше нет норвежских денег и что про-

водник не потерпит никакого убытка, потому что разница платится сугубо по тому обменному курсу русского серебра, который сообщили в Польмаке. Проводник, несмотря на это, упорно добивался норвежских денег. Хозяин чума, вышеупомянутый русский лопарь, который до сих пор молча прислушивался к переговорам, гневно вскочил и закричал: «Ты, негодный! Как ты смеешь пренебрегать деньгами нашего государя!» Другой умолк и принял в уплату доселе отвергаемые им деньги. Подобные порывы патриотизма, раболепного подобоострастия и желания услужить барину проворно и рьяно Шёгрэн замечал повсюду по мере путешествия по русской Лапландии до города Колы. Но, с другой стороны, у него были случаи заметить, что все усердие во многом сводилось к ловкой показухе, которая отчасти объяснялась стремлением к собственной выгоде, отчасти страхом и запуганностью. Шёгрэн побывал на лапландской рождественской ярмарке в Инари, куда съехались многие русские лопари из окрестностей Колы. Шёгрэн пригласил одного из них к себе на квартиру, чтобы расспросить о тамошнем саамском диалекте. При подготовке к диалектологическому опросу лопарь перепугался до дрожи, так что Шёгрэну стоило большого труда успокоить его и заверить, что беседа не причинит ему никакого вреда. В первой же кольской деревне путешественнику рассказали, что, воодушевленный слухами о его ожидаемом прибытии со стороны Норвегии, один русский лопарь выехал оттуда по воде в Вадсьо, чтобы дожидаться прибытия русского барина и послужить ему проводником через Варангский залив.

В Коле Шёгрэн пробыл пару недель, и там у него была возможность подробнее ознакомиться с тамошними диалектами русских лопарей. В середине февраля 1826 года он продолжил путь по почтовому тракту в Кандалакшу, откуда повернул направо, чтобы посетить проживавших там русских карел и побывать в расположенном на севере беломорской Карелии староверческом монастыре на озере Топозеро. По возвращении в Кемь он узнал, что его багаж по счастливой случайности уцелел в пожаре, который произошел в его отсутствие и уничтожил дотла большую часть этого небольшого городка. После пожара ему было трудно найти квартиру для короткой остановки, когда он в сильнейший мороз въехал в город. Там же он имел счастье и радость получить ответ от мадемуазель Лаурелль, давшей согласие на его предложение руки и сердца. Это стало для Шёгрэна приятной неожиданностью, хотя к его ликованию примешивалось некое беспокойство, которому скоро предстояло превратиться в мучительную заботу.

Дальние странствия оказали столь благотворное влияние на здоровье Шёгрена, что он почел их наиболее действенным способом для поддержания хорошей физической формы и закаливания. Посему он не страшился нагрузок, трудностей и лишений, порой самонадеянно искал их и переносил, ощущая некое внутреннее удовлетворение и даже гордость. Он даже не беспокоился об их разрушительном действии, если, конечно, не случится настоящего несчастья. К лишениям он привык с детства, принуждаемый к тому общественным положением и материальными условиями, а в юности к тому же добровольно закаливаясь.

Задержавшись на неделю в городе Онега и побывав в его окрестностях в Крестовом монастыре, расположенном на небольшом острове в Белом море, Шёгрэн уже в марте прибыл в Архангельск. В губернском городе он заметил, что здоровье начинает его подводить. Он ощутил, что его терзают безмерное утомление и сонливость, в чем заподозрил симптомы цинги — болезни, весьма распространенной на побережье Белого моря. Возможно, он обоснованно подозревал причину перемен своего состояния в изменении бытовых условий. После скудного рациона и постоянных нагрузок во время длительных и далеких экспедиций он неожиданно очутился в богатом и радушном губернском городе, где его приглашали с одного обеда на другой и где он, кроме того, проживал и столовался у одного богатого уроженца Швеции, наполовину земляка. С последним Шёгрэн случайно познакомился еще в конце 1824 года на почте в Лодейном Поле, когда швед, следовавший в Петербург, пригласил финского ученого остановиться у него по приезде в Архангельск.

Теперь Шёгрэн уверился, что новая поездка послужит ему лучшим лекарством. Вот почему он уселся в сани и, двигаясь днями и ночами напролет, добрался через Холмогоры и Пинегу в уездный город Мезень, самый восточный в губернии.

Поскольку первый период его экспедиции, продлившийся всего два года, приближался к концу, он направил в Петербург барону Ребиндеру письменное прошение о продлении стипендии и также в письме попросил академика Круга по возможности поддержать его прошение, поскольку его благодетель граф Румянцев к тому времени скончался.

Скудный рацион, которым в Великий пост приходилось довольствоваться в небольшом и населенном без исключения русскими городке Мезени, оказал прямо-таки целительное действие на здоровье Шёгрена, так что он почел себя совсем поправившимся. Но в Пинеге, куда он отправился по возвращении в Архангельск и куда сумел доб-

раться до таяния санного пути с трудом и по долгому объездному маршруту, его в конце пасхальной недели настигла тяжелая болезнь, отчасти вызванная обжорством на пирах, повсюду устраиваемых русскими в эту пору. Местный врач Правдивин определил болезнь как острое воспаление кишечника. Через пару дней болезнь отступила, и Шёгрэн неосторожно согласился принять участие в устраиваемой влиятельными горожанами лодочной прогулке по реке Пинеге, которая закончилась пикником в долине на противоположном от города берегу, еще илистой и заболоченной после половодья. Там он промочил ноги и простудился, после чего болезнь возобновилась с такой силой, что он без сознания упал наземь, так что его пришлось отнести в лодку и поспешно грести к противоположному берегу, откуда он был доставлен на городскую квартиру.

Туда вскоре прибыл врач, который трудился весь вечер и всю ночь, спасая Шёгрэна от угрожающих жизни симптомов при помощи скудного лекарственного арсенала, имевшегося под рукой, — аптеки в Пинеге не было. Лишь на следующее утро мощная доза рвотного корня⁶² вызвала сильный приступ рвоты и поначалу облегчила мучительные боли пациента, от которых тот ежеминутно страшился умереть. Первая и серьезнейшая опасность миновала, но выздоровление проходило медленно, несмотря на то что врач по-прежнему бережно следил за его лечением, а в уходе за выздоравливающим участвовали также лучшие люди города и их семьи. Лишь спустя месяц врач разрешил Шёгрэну отправиться в обратный путь в Архангельск по рекам Пинеге и Северная Двина. В Архангельске ему предстояло восстановить свое здоровье, пользуясь более качественными и эффективными лекарствами.

Физическая слабость, вызванная тяжелой болезнью, и парализовала его дух и опрокинула его веру в будущее. В подавленном душевном состоянии после балансирования на грани смерти он счел свои виды на будущее более ненадежными, чем когда-либо прежде. Теперь он раскаялся в том, что связал судьбу другого человека со своей, чем, возможно, воспрепятствовал будущему счастью своей невесты или ее возможностям на это надеяться. Поэтому он почел своим долгом освободить ее от обязательств своевременно, предложив торжественно отменить данное ему обещание. Получив возможность свободно заключить другой союз, девица могла бы надеяться обрести такое же счастье, как и с ним, если ей было бы сделано такое предложение. Если бы такое произошло, Шёгрэн счел бы это предначинанием судьбы и постарался бы примириться с этим, сколь мучительной ни стала бы для него утрата возлюбленной, потому что он по-прежнему ис-

пытывал к девице те же самые уважение, склонность и любовь, что и раньше.

Отправив барышне письмо такого содержания, он ощутил, что с его сердца скатилось тяжелое, как камень, бремя. Чувство облегчения усугублялось тем, что по возвращении в июне в Архангельск он получил из Петербурга известие, что Его Императорское Величество всемилостивейше соизволил согласиться на то, чтобы Шёгрэн продолжал свои путешествия еще два года, и выделил на это из средств, причитающихся Финляндии, большую сумму денег, а именно шесть тысяч рублей. На это счастливое решение значительно повлияло письмо, которое академик Круг написал барону Ребиндеру, а тот зачитал при представлении дела государю. Поскольку состояние здоровья вынуждало Шёгрена задержаться в Архангельске надолго, он продолжил там начатые во время выздоровления в Пинеге штудии: упорядочил коллекции по финской Лапландии и подготовил их к изданию. В августе он завершил обширный труд (411 страниц) и отправил в Петербург почтой. Книга была опубликована позднее (в 1828 году) в Хельсинки под заглавием «Записки о приходах в Кемской Лапландии» — «Antekningar om församlingarne i Kemi Lappmark».

В конце сентября Шёгрэн наконец выехал из Архангельска и проехал через Холмогоры, Каргополь и Пудож в Вытегру, откуда он еще раз завернул в Петрозаводск, чтобы побывать по пути у чуди, обитавшей на западном берегу Онежского озера. В Петрозаводске он также пополнил свои коллекции по Олонецкой губернии. В конце года он отправился из Петрозаводска по большому Петербургскому тракту через город Олонец в Лодейное Поле.

<1827. У южных вепсов. Вологда. Великий Устюг. Письмо от барышни Лаурелль. Усть-Сысольск. Исследования по зырянам. Вотьяки. Вятка>

В начале следующего 1827 года Шёгрэн из Лодейного Поля совершил еще одну поездку по местам проживания чудского племени⁶³, расселенного на границе с Новгородской губернией; по пути он заехал в города Белозерск и Кириллов, которые относились к Новгородской губернии. В расположенном в окрестностях города Кириллова старинном монастыре, исстари славившемся богатством, он провел почти целый месяц, после чего еще месяц — в губернском городе Вологда, где собрал все доступные общие сведения о губернии.

Он продолжил путь в апреле и объездил города и уезды Вологодской губернии. Сначала он поехал в Кадников и Тотьму, потом повернул на запад в местечко Верховажье, собираясь познакомиться с тамошним красведом-самоучкой, воодушевленным собирателем старинных исторических документов, почтенным пожилым мещанином Мясниковым. Тот радостно принял Шёгрена и открыто продемонстрировал ему все свои обширные коллекции.

Шёгрен к тому же рассчитывал попасть этим путем через Вельск в старинный уездный город Архангельской губернии Шенкурск, в котором он раньше не бывал. Оттуда он добрался по большому Архангельскому тракту до реки Двины, а по ней поднялся в старинный и издавна носивший имя «Великий» город Устюг, Вологодской губернии. Многочисленные великоустюжские достопримечательности и древние рукописи удерживали Шёгрена в городе в течение всего июня.

Здесь его ожидало также письмо от мадемуазель Лаурелль, получение которого задержалось, поскольку Шёгрен прибыл на место позже, чем рассчитывал. Это был ответ на его прошлогоднее письмо о расторжении помолвки, которое показалось девице весьма странным. Она объясняла перемену решения возникшим из-за какой-то другой причины охлаждением и поэтому освобождала его от всяких обязательств. В письме говорилось, что всякая дальнейшая переписка нецелесообразна и ей следует положить конец. Обдумав ситуацию, Шёгрен признал, что такой ответ был естественен и оправдан. Три брата мадемуазель Лаурелль, которые учились в университете Турку, действительно его знали, но преимущественно понаслышке; для всех остальных образованных людей в окрестностях Куопио он был чужаком и незнакомцем, которого впервые увидели по его приезде туда и не успели узнать поближе. Дивное ли дело, что он и в глазах собственной невесты предстал ветреным авантюристом, если уже спустя год он предложил расторгнуть помолвку! К тому же с самого начала — отчасти от излишней застенчивости, отчасти из опасений, чтобы слухи о его будущем союзе не повредили его карьере в Петербурге, — он выразил пожелание, чтобы невеста сохраняла помолвку в тайне сколь возможно долго. Несмотря на все эти соображения, Шёгрена мучительную боль мысль, что его оценили по внешнему впечатлению, свидетельствующему против него. Вот почему он сразу же написал и отправил мадемуазель Лаурелль ответ. В нем он подробнее разъяснил и изложил оправдания своего решения и заверил, что его чувства отнюдь не изменились, хотя пока он не может их доказать и ему остается лишь надеяться на отдаленное будущее, если они оба будут живы и девица не выйдет замуж. Письмо и его содер-

жание составили для адресата неожиданный сюрприз. На него пришел ответ, где девица разъясняла, что ей до сих пор приходилось и предстоит впредь сталкиваться со многими трудностями. Она — бедная сирота, чья судьба зависит от внешних обстоятельств и решения других лиц, особенно родственников, способных по своему усмотрению распорядиться ее будущностью, которую она сама желала быверить только в руки Шёгрена, единственного, кому она готова довериться по свободной сердечной склонности. Так переписка возобновилась и продолжалась до тех пор, пока обстоятельства не позволили спустя много лет завершить ее желаемым образом — счастливым для обоих окончательным союзом.

Из Великого Устюга, где мы оставили Шёгрена, он отправился далее через Сольвычегодск и Яренск в зырянскую⁶⁴ столицу Усть-Сысольск, самый восточный уездный город Вологодской губернии. Кроме чиновников в нем проживали исключительно зыряне, язык которых Шёгрэн исследовал целый месяц, пока в сентябре не направился вверх по реке Сысоле через небольшой поселок Кай в Глазов, самый северо-восточный уездный город Вятской губернии, а оттуда на запад, через город Слободск — в губернский город Вятку. Замечательный губернатор Рыхлевский, с которым Шёгрэн был знаком уже по Петрозаводску, принял его там как своего друга. Он позаботился наилучшим образом не только о всяческом успехе исследований путешествующего ученого, но и об удобствах его пребывания в Вятке, где тот пробыл долго, до самого конца года, а также в городах Орлове, Котельниче, Нолинске, Уржуме и Малмыже, через которые Шёгрэн в начале 1828 года проследовал в Казань. Во втором из названных городов, в уездном Котельниче, с Шёгреном случилось несчастье: лошадь выбила его из седла, и он сломал правую ключицу. К счастью, он оправился после перелома без худших последствий.

<1828. Казань. Приглашение в члены-корреспонденты Российской академии наук. «Die Syrgjäten». Среди пермяков>

Прибыв в Казань в начале марта 1828 года, он получил известие, что Петербургская Императорская академия наук на проведенном, согласно обычаю, публичном ежегодном заседании 29 декабря (по ст.ст.) назначила его своим членом-корреспондентом.

В связи с этим он решил сформировать из собранных материалов монографию о зырянах, не покидая Казани, тем более что курировав-

ший Казанский университет Мусин-Пушкин⁶⁵ позволил ему свободно пользоваться университетской библиотекой. Шёгрэн приступил к делу с чрезвычайным воодушевлением и ревностью, но постепенно труд, рассчитанный, по изначальному замыслу, на несколько печатных листов, разросся до 307 страниц. Лишь спустя четыре месяца он подготовил к печати труд «Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch»⁶⁶, который и отослал в Петербургскую Императорскую академию наук с выражением благодарности за предоставленную ему честь стать ее членом-корреспондентом.

За время подготовки данного труда продленное время стипендии закончилось, а он не успел даже приступить к запланированному изучению татарского языка, знание которого он считал необходимым для более тщательного изучения многочисленных чудских⁶⁷ народностей, проживавших в окрестностях Казани и ближайших губерниях. Теперь он счел необходимым временно отказаться от такого плана и возвратиться в Петербург, поскольку собранные за время всего путешествия материалы уже составили огромную коллекцию, а кроме того, он ощущал, что его физические силы истощились, особенно после длительного и утомительного сидения на одном месте.

Однако он решил до возвращения в Петербург на оставшиеся от стипендии средства посетить еще восточную часть Вятской губернии и северо-западную область Пермской губернии, побывать там у ближайших родственников зырян, <коми->пермяков, чтобы замкнуть хотя бы северное звено самой общей цепи исследования. Ради этого он отправился в середине июля через Арск и Мадыш в Елабугу — крайний на юго-востоке уездный город Вятской губернии. Перед самым его отъездом из города Казанское общество отечественной литературы пригласило его влиться в его ряды.

В Елабуге Шёгрэн получил письмо от Ребиндера, только что повышенного до графского звания государственного секретаря по финским делам. Тот сообщал, что министр финансов распорядился более не выплачивать Шёгрэну содержание из губернских фондов, так как утвержденный срок экспедиции окончился. Ученому следовало по приезде обратиться прямо к Ребиндеру. Предположив, что граф, по обыкновению, уехал на лето в свое поместье в Финляндии, Шёгрэн попросил своего петербургского адвоката немедленно выслать ему деньги в губернский город Пермь. Туда путешественник отправился через Сарапул Вятской и Осу и Оханск Пермской губерний.

По пути на большом ружейном заводе на Иже на него напали воры, и он едва не утратил не только оставшуюся небольшую дорожную кассу, но и значительную часть своих путевых заметок и важней-

ших бумаг. Но благодаря решительным мерам, принятым полицейскими чиновниками и их подчиненными, похищенные ценности удалось вернуть.

<1829. Обратный путь. Галич. В Петербурге. Результаты экспедиции. Планы на будущее. В Хельсинки. Профессура истории и литературы России. В Ийтти у отца. Предложение академика Круга. Позиция Ребиндера. Академик Френ. Должность адъюнкта русской истории и археологии. Написание исследований. Затруднения с квартирой. «Ueber den grammatischen Bau der Sürjänischen Sprache»>

Петербургский адвокат Шёгрена тем временем отправился в Англию, откуда возвратился лишь поздней осенью. Из-за этого Шёгрена пришлось по прибытии в Пермь 9 сентября ожидать там денег до второй половины ноября, прежде чем отправиться в Соликамский и Чердынский уезды на севере губернии, населенные пермяками. Он намеревался ехать из Соликамска через Урал в расположенный с его восточной стороны город Верхотурье, чтобы хоть одним глазком взглянуть на тамошний, по слухам богатейший архив. Ему пришлось оставить эту мысль из-за болезни, начавшейся во время долгого вынужденного пребывания в Перми. 23 февраля 1829 года он наконец отправился из Перми в обратный путь в Петербург. Чтобы дополнить собранную коллекцию материалов, он избрал сквозной маршрут через Вятскую губернию с заездом в уездный город Яранск на западе оной. Там он ненадолго заехал в расположенный поблизости городок Царево-Санчурск и продолжил путь через Ветлугу, Унжу и Парфеньево в крупный старинный город Галич, Костромской губернии⁶⁸.

Из-за недружелюбия населения он едва не попал в Галиче в еще большие затруднения, чем только что пережил в Перми. Посчитав, что его средств недостаточно на дорогу до Петербурга, он в письме попросил графа Ребиндера выслать деньги в Галич. Вероятно, из-за небрежности персонала канцелярии просьба не была выполнена, и никакого денежного перевода Шёгрена по прибытии в Галич не получил. Ученому вновь пришлось обратиться к своему адвокату и задержаться в Галиче в ожидании его ответа. При посредничестве полицейских чинов ему был предоставлен ночлег, но никто не хотел продавать ему еды, даже те торговцы, которые не знали, что у него пока нет денег, чтобы за нее заплатить. В Галиче не было постоянного дво-

ра, которые обыкновенно бывают в большинстве российских городков, и Шёгрёну не оставалось другого выхода, как только обратиться к пожилому городскому почтмейстеру, урожденному немцу. С ним путешественник познакомился по прибытии в город, и этот гуманный человек сразу же вызвался помочь. Сочувствуя путешественнику, почтмейстер поселил его у себя до прибытия из Петербурга денег, высланных адвокатом.

Деньги поступили спустя месяц, и поэтому лишь 5 мая Шёгрёну удалось наконец продолжить путь через Буй и Грязовец до Вологды и оттуда по большому почтовому тракту через Череповец, Устюжну, Тихвин, Ладогу и крепость Орешек до Петербурга.

В столицу Шёгрёну счастливо прибыл 19 июня после почти пятилетнего отсутствия. За это время он проделал разными способами — на повозке и верхом, на коне и на оленях, но также пешком и по воде — путь длиной в целом 18 432 русских верст, то есть чуть более 1843 шведских миль.

Все же он отнюдь не осуществил столь обширное путешествие, какое планировал. Первоначально задуманный им маршрут охватывал также Западную Сибирь (Тобольскую губернию) и по течению Волги весь юго-восток европейской части России вплоть до Кавказского хребта. Остановиться в своем труде на полдороге, вопреки всем усилиям и неустанному усердию в течение пяти лет, ему пришлось из-за того, что он жаждал и по мере способностей пытался изучить все, как современность, так и прошлое: статистику, историю, географию, топографию, этнографию, археологию, языкознание, климатологию, даже естественную историю. Более всего времени у него отнимало изучение и чтение старинных документов, летописей и других исторических рукописей, их обнаружение и особенно переписывание от руки в монастырях, церквях и городских архивах, а также в частных собраниях. Он на долгое время останавливался во многих городах и был вынужден изменять запланированные сроки и отклоняться от маршрута, чтобы не пропустить ни одного места, где по его догадкам или по слухам мог обнаружиться какой-то научный урожай. При поисках ему часто приходилось сталкиваться с тем, что не обнаруживалось документа или рукописи, которые существовали еще совсем недавно. Вот почему он решил использовать все доступные ему источники для того, чтобы спасти их от уничтожения, и в этом смысле выбрал в качестве путеводной нити фразу Лукана⁶⁹: «nil actum reputans, si quid superreset agendum»⁷⁰, и не избегал при этом ни жертв, ни тягот.

Если бы только Шёгрёну тогда мог предположить, что для научного изучения всех архивов державы, особенно расположенных в ее се-

верной части, как раз за время его путешествия⁷¹ будет специально основана так называемая Археографическая комиссия! Ведь во многих случаях он мог избежать тягот, с которыми был вынужден столкнуться именно ради их спасения от забвения, потратив так много времени. Вместо этого он мог бы куда больше посвятить себя своей второй основной задаче — этнографически-лингвистическим штудиям, которые остались не до конца реализованными и ограничивались преимущественно допарями и зырянами, а также их ближайшими родственниками и соседями — пермяками и вотьяками⁷².

В любом случае Шёгрэн послужил и в этой области исследований своего рода ледоколом, первым обратив внимание ученой и образованной публики на чудские народности⁷³. Живейший интерес к ним он пробудил прежде всего у своих соотечественников, воодушевив их желанием изучать язык, обычаи и прошлое своей нации, собственным примером вдохновив будущих последователей.

По возвращении в Петербург Шёгрэн увидел, что мечты его юности осуществились. Но, хотя он уже достиг 35-летнего возраста, его будущее выглядело еще более неопределенным, чем при отъезде из столицы. Те ожидания и надежды, во власти которых он 5 лет назад отправился в длительное путешествие, были погребены вместе с графом Румянцевым. Другой граф, Ребиндер, который мог бы заменить Шёгрэну покойного покровителя (и чье мнение в любом случае надлежало выслушать для определения будущей судьбы), уже отбыл в свое поместье в окрестностях Турку. И без того встревоженный при встрече с академиком Кругом Шёгрэн услышал неутешительную новость касательно отосланной год назад из Казани рукописи исследования, которую Академия назначила академику для проверки и рецензирования. Оказалось, что Круг не сумел даже дочитать до конца этот обширный труд, поскольку самое начало крайне утомило его обращением к совершенно чуждой ему области статистики. Он возвратил Шёгрэну рукопись с просьбой самостоятельно пересмотреть ее и составить по исторической части краткую аннотацию как руководство для рецензента.

Шёгрэн так и поступил, а в июле отбыл морем в Хельсинки, чтобы посетить там Блумквиста и других старых друзей. Он намеревался также самолично ознакомиться на месте с университетом, недавно открытым в новой столице после произошедшего в 1827 году в Турку чудовищного пожара⁷⁴.

Тамошние друзья и знакомые Шёгрэна придерживались мнения, что ему надлежало претендовать на только что основанную в университете и открытую для соискания сверхштатную должность профес-

сора по русской истории и литературы⁷⁵. Никто из его соотечественников не желал и не смог бы конкурировать с ним за это место и поэтому не стал бы питать к нему зависти. Он бы получал на этой должности доход, достаточный и для содержания семьи после планируемой им женитьбы: жалование сверхштатного профессора составляло 1000 рублей серебром. Кроме того, он смог бы вступить в должность весьма скоро и без лишних задержек и формальностей, поскольку государь назначал на эту должность высочайшим повелением, для чего не требовалось защиты отдельной диссертации, как на иные профессорские должности; графу Ребиндеру⁷⁶ достаточно было лишь рекомендовать его.

Самому Шёгрёну этот замысел представлялся на редкость удачным и подходящим во всех отношениях, и он стал надеяться на его осуществление. Поэтому он поспешил отбыть из Хельсинки и вернуться в Петербург по суше, заглянув в Ийтти, чтобы повидаться с престарелыми родителями. Там он застал в живых только отца: его мать скончалась весной, несколько месяцев назад (2 апреля 1829 г. — А. Йоки), в возрасте 75 лет. Ранее скончался помощник настоятеля прихода Реландер, с которым с 1824 года был заключен договор о содержании родителей Шёгрёна.

По возвращении в сентябре в Петербург он заметил, что тамошние обстоятельства переменились наилучшим для него образом. Круг за время его отсутствия дважды перечитал его рукопись и остался ею вполне доволен. Он представил весьма благосклонный отзыв, очень лестный для Шёгрёна. Учитывая своеобразие и важность исследований, выполненных Шёгрёном за время экспедиции, Круг подчеркивал свою полную удовлетворенность достигнутыми результатами, представленными в рукописи. По его словам, они проливали новый свет на многочисленные темные и доселе непроясненные места в истории как Севера в целом, так и России, и давали основания для многих надежд на будущее. Вот почему он находил возможным рекомендовать Академии автора труда и добавлял, что не знает более компетентного специалиста в названной области, чем Шёгрён. Круг пояснил, что сам не обладает достаточной компетенцией, чтобы оценивать статистический раздел исследования, из-за чего другому академику, Герману, было поручено составить по оной отдельный отзыв. Поскольку у Круга были основания надеяться, что рецензия Германа, уж точно не окажется особо неблагосклонной, он призвал Шёгрёна поступить в Академию адъюнктом по специальности «Русская история и археология». Круг был готов рекомендовать его, так как ему стало известно, что другого соискателя, русского, уже давно предста-

вленного им и Академией, не назначат. С еще большим нетерпением, чем прежде, Шёгрэн теперь ожидал возвращения графа Ребиндера из Финляндии. Вскоре после его приезда ученый отправился к нему с визитом и вручил упомянутый ранее сводный отчет о совершенном путешествии, опубликованный в «St. Peterburgische Zeitung», который он подготовил за время пребывания в Ийтти.

Граф выказал в отношении Шёгрена еще большую любезность, чем прежде, поздравил его с успешным завершением экспедиции и сообщил, что в результате ее ученый уже приобрел некоторую известность. Затем он спросил о планах Шёгрена на будущее. Тот ответил, что, к сожалению, знает лишь то, что академик Круг готов рекомендовать его на должность адъюнкта в Академию наук. Граф промолвил, что ему тоже больше нечего предложить. Остается лишь должность сверхштатного профессора русской истории и литературы в университете Хельсинки, если бы Шёгрэн желал ее принять. В этом деле, по его словам, имелись, однако, значительные сложности и препятствия, поскольку профессору по этой специальности надлежало по закону быть урожденным русским, а если бы на эту должность был назначен Шёгрэн, пришлось бы отступить от предписания. А такого сомнительного образа действий следовало бы избегать в особенности потому, что речь идет о совершенно новой должности. Все же Шёгрэну надлежало лучше обдумать обстоятельства и сообщить графу по истечении условленного срока о своем решении, чтобы тот мог приступить к принятию необходимых мер. Шёгрэн поблагодарил графа и попросил права довериться его благоволению. В глубине души он почувствовал себя оскорбленным тем, каким образом ему было сделано предложение. Дело в том, что он был уверен, что все замечания об установленных законом и указами препятствиях и затруднениях были надуманными. Их целью было прикрыть тайное опасение графа, будь оно обоснованным или нет, что назначение на обсуждаемую должность лица, не являющегося по происхождению русским, вызовет недовольство могущественного русского генерал-губернатора Финляндии Закревского.

По этой причине Шёгрэн стал все больше склоняться к настойчиво повторяемому академиком Кругом предложению, которое приобретало все более определенный и продуманный вид. Круг слышал от коллеги Германа, что тот уже прочитал статистический раздел монографии Шёгрена. Он намеревался на следующем заседании Академии дать о ней отзыв, который ничем не воспрепятствовал бы плану Круга тогда же представить Шёгрена на должность адъюнкта по специальности «История и археология России». Для этого теперь требо-

валось только согласие самого соискателя. Жалованье, правда, на данный момент было не слишком велико, лишь тысяча рублей ассигнациями, но по новому табелю, который был уже составлен и готов к представлению государю для его всемилостивейшего утверждения, жалованье планировали поднять до 2500 рублей, кроме того адъюнкту получал от Академии как квартиру, так и дрова для отопления. Место адъюнкта оказывалось не менее доходным, чем сверхштатного профессора в Хельсинки.

Кроме того, для будущего перспективы в Петербурге были несравненно выигрышнее. По утверждении в должности адъюнкта он мог вскоре быть избран экстраординарным академиком с повышением жалованья на тысячу рублей, а в завершение карьерного роста, по выбытии самого Круга, рано или поздно стать действительным членом Академии (ординарным академиком), жалованье которого составляло пять тысяч рублей. Кроме службы в Академии наук у ученого оставалась бы возможность претендовать на дополнительные задания или принимать таковые, если бы это оказалось нужным для получения средств к существованию.

Академик Френ сумел призвать Шёгрена в ряды Академии еще более вдохновляюще. Вместо материальных причин он указал на научные: в Петербурге в изобилии доступна необходимая для исследований литература, куда более разнообразная, чем в недавно основанном Гельсингфорссском университете. Он подчеркнул, что в Хельсинки молодой ученый будет вынужден выполнять более второстепенную и тягостную роль: учить других началам науки, — тогда как в Петербурге, напротив, его ожидает чистое и высокое наслаждение предаваться научным изысканиям, так что он сможет, не отвлекаясь, свободно и самостоятельно трудиться на благо продвижения научного прогресса. Френ выразил даже опасение, что Шёгрена не настолько искренне воодушевляла стезя служения науке, как о нем думали по сей день, раз он мог помышлять предпочесть университет — Императорской академии. Хотя уже первый из изложенных Френом тезисов представлялся Шёгреноу вполне весомым, остальные особенно «задели его за живое». Поэтому он окончательно согласился с предложением Круга, что тот на следующем заседании представит его в качестве своего помощника.

По истечении условленного срока он отправился к графу Ребиндеру сообщить о своем намерении окончательно отказаться от претензий на должность профессора. Шёгрэн заявил, что, не будучи русским по происхождению и не желая тем самым дать повод отклониться от действующих установлений, он по зрелом размышлении

решил принять предложение стать адъюнктом Академии наук, тем более что для этого требуется только его согласие. Показалось, что граф хочет загладить несправедливость, пусть даже с опозданием. Он заметил, что, собственно говоря, было несущественно, русский ли Шёгрэн или нет, коль скоро он вполне компетентен для службы в должности профессора в Хельсинки. На это Шёгрэн отвечал, что он даже был уверен в том, что пригодился бы и на том месте, хотя, разумеется, в устном владении русским языком не смог бы тягаться с урожденным русским. Затем граф спросил, какое жалование назначают Шёгрэну в Академии наук. «Тысячу рублей плюс квартиру и дрова», — был ответ. «Но как же вы сможете обеспечивать себя?» — вновь спросил граф. «Я с раннего детства привык растягивать рот по мешку»⁷⁷, — отвечал Шёгрэн и добавил, что у него есть надежда на то, что по новому табелю о жалованиях в Академии ему будут платить 2500 рублей. Граф долго смотрел на него безмолвно, затем прервал молчание словами: «Ну, как вы пожелаете!» Аудиенция закончилась на том, что граф просил извещать его о дальнейшем ходе дела.

30 сентября (старого стиля, т. е. 12 октября) экстраординарный академик Герман представил Академии уклончивый отзыв на статистическую часть труда Шёгрэна. Он выразил сожаление, что не по всем губерниям представлены столь многосторонние и обширные данные, какие собраны здесь по не самой существенной части статистики одной-единственной губернии. С другой стороны, он упрекнул автора в излишней педантичности. В то время как отдельные важные аспекты оказались рассмотрены чересчур поверхностно, о совсем малозначимых было, по его мнению, сказано слишком много. Герман подверг критике стремление Шёгрэна ко всесторонней полноте и неспособность предметно развить главные моменты. Все же он признал за трудом существенные заслуги, хотя и предстояло до публикации переработать его. Со своей стороны Герман выразил пожелание, чтобы Академия наук приняла на службу усердного и трудолюбивого молодого ученого, которого впоследствии можно использовать для сбора обширных коллекций. Ссылаясь на этот отзыв и на свое предшествующее представление, Круг на том же заседании предложил Шёгрэна на должность адъюнкта по своей научной дисциплине.

Вслед за этим Академия избрала Шёгрэна в адъюнкты баллотировочным голосованием, где все проголосовали «за», за вычетом одного черного шара.

В ожидании высочайшего подтверждения решения от Его Величества государя, которое последовало 21 ноября (ст. ст., 3 декабря), Шёгрэн составил на немецком языке краткое изложение упоминав-

шегоса труда о приходах в кемской Лапландии, которое годом раньше увидело свет в Финляндии. Под названием «Bemerkungen über die zum Grossfürstentum Finland gehörigen Lappmarken» труд был напечатан в следующем году в серии Г. Энгельгардта «Russische Miscellen» и перепечатан в книге под редакцией Бергхауса «Annalen für Erd-, Völker- und Staatenkunde», 1830.

Шёгрэн закрепился теперь в Академии наук, но уже в самом начале столкнулся с неприятными затруднениями, которые показались ему весьма плохой приметой на будущее. Ему была обещана квартира из трех комнат с кухней. Во внутренней, самой просторной и лучшей комнате оказались чужие вещи, которые принадлежали вдове одного покойного академика, уже съехавшей с квартиры. Знакомые, не принадлежавшие к Академии, советовали Шёгрэну воздержаться от переезда до того, как он получит целиком в свое распоряжение обещанную и подобающую ему квартиру. Иначе он бы рисковал долго дожидаться доступа ко всем комнатам, так как его, одинокого холостого мужчину, стали бы обязательно убеждать удовольствоваться двумя свободными. Когда он стал настаивать на своих правах, ему пообещали освободить квартиру со дня на день, но обещания так и не исполняли.

Тем временем Шёгрэн жил в доме у друзей и не мог приступить ни к какой серьезной работе, поскольку все его книги и бумаги оставались упакованными в ожидании переезда, который должен был состояться со дня на день. В таких обстоятельствах он избрал для первой лекции в Академии, прочитанной в начале 1830 г., последнюю и самую краткую главу своего труда о зырянах: «Ueber den grammatischen Bau der Syrjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische»⁷⁸. Она была напечатана в серии «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg» (1832).

<1830. У отца в Йитти. Хлопоты о квартире. Профессура в Хельсинки. Президент Академии наук Уваров>

Когда год стал близиться к концу, Шёгрэн отправил прошение и получил разрешение на поездку на праздники повидать своего престарелого отца в Финляндии. Одновременно ему также пообещали, что за время его каникул освободят наконец занятую до сих пор комнату в обещанной ему квартире.

Другого рода неприятные обстоятельства ожидали его на малой родине. Одна коварная незамужняя стареющая дамочка, с сомни-

тельной репутацией, пролезла к его отцу в домоправительницы. Она сумела втереться в доверие к старику настолько, что тот уже решил вступить с ней в брак, хотя несколько месяцев тому назад, в предыдущее посещение сына, старик с полным на то основанием считал подобный шаг смехотворной глупостью для мужчины преклонных лет. С огромным трудом тогдашний приходской настоятель пастор Ерппе сумел уговорить отца Шёгрена отложить женитьбу хотя бы до приезда сына. По счастью Андреас разузнал, что названная особа пользовалась сомнительной репутацией в качестве экономки, проверил эти факты и продвинулся в этом расследовании столь далеко, что смог в присутствии отца поймать женщину на нечестности в денежных делах, из-за чего старик незамедлительно изгнал ее из дома.

Отец поначалу был весьма изумлен открывшейся правдой и всячески одобрил меры, принятые сыном. Но пока Андреас ездил к Ерппе договориться об устройстве отцовского быта, изгнанная экономка сумела оправдаться от обвинений и настроить отца против сына, так что, когда молодой человек возвратился в сопровождении пастора, на него обрушились с самыми яростными упреками. Невзирая на попытки посредничества пастора и многих соседей, отец заявил, что не намерен никого слушать и желает принять обратно на службу свою домоправительницу. Никакие мольбы не могли склонить его к отказу от этого решения. Тогда сын попытался запугать его угрозой в таком случае прекратить оказывать ему любую материальную помощь.

Эта угроза тоже не возымела действия, а наоборот, прогневала и ожесточила отца. Шёгрена ничего не оставалось, кроме как объявить, что он может со спокойной совестью взять Господа, всех присутствующих и весь приход в свидетели, что он до сих пор старался изо всех сил наилучшим образом исполнять свой сыновний долг и собирался поступать так и впредь; но теперь он не может безучастно наблюдать, как его отец рвется к своей гибели. Он заверил, что в ходе случившегося он поступал так, как считал должным. Поскольку его отец вопреки высказанным им и другими разумными людьми советам продолжает распалаться, сын вынужден оставить его на произвол судьбы и сказать ему слова прощания, последние в этой жизни, если он не услышит, что его отец обрел разум и переменяет свое решение. С этими словами он в слезах, с обливающимся кровью сердцем покинул дом отца и отправился к Ерппе в пасторат, откуда намеревался вернуться в Петербург. Пастор утешил его надеждой на то, что, вне всякого сомнения, отец позднее раскается и изменит свое отношение. Он обещал, в свою очередь, употребить все свое влияние и в любом

случае позаботиться о том, чтобы старик не пострадал ни от какой беды; для этого Шёгрэн тайно оставил ему денег и попросил его время от времени письменно уведомлять о состоянии старика.

Когда Шёгрэн в середине января 1830 г. возвратился в Петербург, он заметил, что его будущая квартира пребывает в прежнем положении. Тогда он обратился к весьма влиятельному в то время представителю Экономического комитета (Экономический комитет был отдельным подразделением Академии наук, управлявшим ее экономическими делами). Названный член комитета сослался на интриги вдовы и заверил Шёгрэна, что тот наконец получит квартиру в свое полное распоряжение, но так и не сдержал слова. Раздраженный нескончаемым балаганом, Шёгрэн всерьез задумался об увольнении, но его удержал Френ, который назвал нелепой возможность отречься от Академии наук из-за дамских подковерных интриг и обстоятельств, к которым этот научный орган не имел прямого отношения и даже вряд ли был о них осведомлен. Он посоветовал Шёгрэну обратиться напрямую к президенту Академии наук Уварову.

Шёгрэн так и поступил, отправившись к нему однажды утром к 10 часам с визитом, но слуга заявил, что граф еще изволит почивать, из-за чего Шёгрэну было велено вернуться пару часов спустя. Но когда он пришел, ему заявили, что Уваров уже отбыл в Сенат, в котором он также состоял. Френ посоветовал Шёгрэну выбрать другой день и явиться с визитом сразу после полудня. Так он и сделал и о нем даже доложили, но в ответ было сообщено, что у его сиятельства гости и поэтому он не может принять Шёгрэна, которому, стало быть, надлежит прийти в другой раз. У адъюнкта больше не оставалось никакого желания идти к Уварову, но ему пришлось обещать Френу попытаться в третий раз. В случае очередной неудачи он был свободен поступать по собственному усмотрению.

Тем временем произошел случай, благодаря которому Шёгрэн стал без преувеличения надеяться на увольнение из Академии. Однажды вечером он встретил на рауте за чаем одного русского, у которого было весьма влиятельное положение в вопросах, касающихся Финляндии. Шёгрэн ранее никогда не видел его и не был с ним знаком, но сановник сам обратился к нему и выразил желание побеседовать с ним лично. Чтобы получить случай расспросить Шёгрэна относительно открытой в Хельсинки профессорской должности, сановник устроил все так, что они ушли из гостей домой одновременно. Этот господин предложил Шёгрэну прогуляться вместе пешком, поскольку значительную часть дороги им было по пути.

Во время прогулки Шёгрэн был спрошен, имеется ли у него какая-нибудь публичная должность, на что Шёгрэн ответил, что недавно был избран адъюнктом по русской истории в Академию наук. Тогда спутник произнес следующие удивительные слова:

— Вам скорее следовало бы претендовать на открытую в Хельсинки новую должность профессора, для которой вы словно созданы. У вас была бы там подходящая спокойная должность. С одной стороны, вас бы заметило и поддержало правительство, а с другой — окружали бы соотечественники и друзья, которые вас знают и ценят. Здесь вы, напротив, будете находиться в чужой среде, то рискуете оказаться жертвой интриг и оскорблений.

— Я и сам подумывал добиваться этого места, — заметил Шёгрэн, — но на него, как мне стало известно, могут взять только урожденного русского, и поэтому я решил, что мне нельзя рассчитывать на эту должность.

— Нет ничего проще, — отвечал собеседник, — вам достаточно лишь объявить о своем намерении графу Ребиндеру, от которого целиком и полностью зависит, кого предложить в качестве кандидата. Он, вне всякого сомнения, будет счастлив обрести в вашем лице претендента, равного которому по компетенции трудно отыскать. Насколько мне известно, среди ваших соотечественников никто не был бы столь пригоден для этого, как вы, это очевидно уже из того, что должность до сих пор не занята. Того менее кто-либо из урожденных русских может даже рассматриваться в качестве претендента. Чем он может там заниматься, если он даже не владеет языком страны пребывания? Ему придется длительное время изучать языки для того, чтобы иметь возможность читать в университете лекции.

— Но, вероятно, Андрей Арсентьевич⁷⁹ охотнее хотел бы видеть на этом посту урожденного русского, — вновь возразил Шёгрэн.

— Отнюдь нет! — был ответ. — Он вполне разумен, чтобы на это не рассчитывать, и по изложенным мною причинам готов не вмешиваться в дело, которое его, собственно говоря, не касается. Обращайтесь, стало быть, к графу Ребиндеру, и если у вас опять возникнут какие-либо затруднения, чего я отнюдь не ожидаю, вам следует лишь сообщить об этом мне!

После всего этого Шёгрэн уже не чаял ничего, кроме того, что его третий и последний визит к Уварову также потерпит неудачу и у него появятся причины последовать только что данному ему, во всех отношениях весьма здравому совету и вновь обратиться к графу Ребиндеру, в чьей подлинно доброй воле он был уверен во всех отношениях. Граф вообще желал ему добра и был справедливым человеком,

который искренне стремится к лучшему. Просто у него недоставало энергии добиваться справедливости, если он знал про ожидающие его препятствия или опасался таковых; в таких случаях он оставался пассивен и предоставлял делу идти своим чередом.

Паче чаяния, по прибытии в третий раз с утренним визитом к Уварову Шёгрэн был допущен к аудиенции и получил возможность изложить свои претензии. Уваров сначала направил его в Экономический комитет потребовать освобождения квартиры, ссылаясь на его устное распоряжение, потом решил написать сопроводительную записку. Он уже взялся за ее составление, когда в залу вошел тот самый чиновник Экономического комитета, которого Шёгрэн уже посещал. Граф Уваров обратился к нему с раздраженным вопросом:

— Почему Шёгрэну до сих пор не освободили квартиру?

— Ваше сиятельство! С квартирой уже все в порядке! — ответил чиновник, и, повернувшись к Шёгрэну, заявил: — Я же вам обещал это!

— Вы действительно мне это обещали, — заметил Шёгрэн, — но...

Он предоставил чиновнику самому мысленно закончить фразу. Уваров вышел с чиновником в другое помещение, но спустя минуту возвратился и сказал ожидавшему его просителю: «Завтра вы получите вашу квартиру!» Шёгрэн поблагодарил и отправился к Френу сообщить, что выполнил его последнее распоряжение. На следующее утро Шёгрэн думал, чтобы обещание осталось невыполненным: убедившись в этом, он намеревался прямо отправиться на прием к графу Ребиндеру. Когда к 10 часам утра он явился к унтер-офицеру, занимавшемуся тем самым домом, то узнал, разумеется к крайнему своему изумлению, что квартира была освобождена еще накануне, во второй половине дня. Намерение посетить графа Ребиндера пришлось оставить, и Шёгрэн наконец приступил к переезду. Он отнюдь не ликовал из-за одержанной победы, а наоборот, ощущал, что его душа полна печали. Его одолевали грустные предчувствия, что первое преодоленное затруднение станет лишь прологом к следующим, куда более тяжелым, которые нанесут мучительные раны его покладистой и робкой, но сверхчувствительной к несправедливостям душе.

Мы сопровождали Шёгрэна до тех пор, пока он не вступил на свой нынешний путь в Академии. Теперь нам предстоит вкратце собрать воедино важнейшие события последующих стадий его жизненной драмы.

<1831. Назначение экстраординарным академиком. «Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen». В Выборге. В Ийтти. Лечение в ингерманландской Стрельне. Cholera в Петербурге и его окрестностях. Календарь Академии наук>

Первые два года его пребывания в Академии, 1830 и 1831, прошли в тишине и спокойствии усердных научных разысканий. Уже 24 марта (старого стиля, т.е. 5 апреля) 1831 года Академия избрала его вместе с другим адъюнктом, постарше, экстраординарными академиками. В начале того же года, 15 января, Шёгрэн имел честь получить приглашение в иногородние члены Финского Императорского экономического общества⁸⁰, расположенного в Турку. Тем временем он написал и представил исследование «Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte der Tschudischen Völker in Russland»⁸¹, в двух частях, которое было напечатано в первой части серии «Mémoires» Академии наук (с. 263–345).

Летом 1830 года Шёгрэн дважды съездил в Финляндию. В первую поездку он повидал друзей в Хельсинки и навестил в Ийтти престарелого отца, к которому вернулся рассудок. Во вторую поездку он посетил свою невесту⁸² и троих ее братьев в небольшой усадьбе в Лиетлахти, недалеко от города Миккели, где они проводили лето. С осени 1830 года Шёгрэну пришлось отдать дань последствиям петербургского климата и сидячей работы: за длительными и мучительными желудочными спазмами последовала желтуха, более опасная и мучительная, чем та, которой он переболел 10 лет назад. Когда следующей весной 1831 года он отправился в Выборг читать и делать выписки из множества хранившихся в магистратском архиве старинных документов на шведском языке, его настигло несколько приступов геморроя.

Тогда же Шёгрэн совершил из расположенного на полпути на его малую родину Выборга длительную поездку в Ийтти, где условия содержания его отца были устроены по-новому. Сразу после серьезной ссоры с сыном, случившейся в начале 1830 года, отец принял обратно свою экономку, но позднее уволил ее. Уже на следующее лето во время приезда Шёгрэна отец выразил готовность согласиться на предложение, которое пастор Ерппе и сын высказывали ранее. Они хотели, чтобы он отказался от старого, уже обветшавшего и холодного дома и переселился к кому-нибудь, кто за определенное вознаграждение будет о нем заботиться. Шёгрэн оставил на усмотрение отца выбор человека, которому старик мог бы довериться, и вскоре после этого отец переселился к одному обеспеченному крестьянину, кото-

рый сдал ему мансарду. Крестьянину платили за питание постояльца и его поездки в церковь 150 рублей в год, то есть ту же сумму, которую Шёгрэн ранее платил капеллану Реландеру просто за поставку родителям необходимых продуктов питания.

Старик не был доволен новым местопребыванием, которое нашел по совету одного родственника. Андреас предложил поэтому, чтобы отец согласился на прежнее предложение пробста: переехать в центральное село прихода к одной небогатой вдове капеллана, которая была согласна содержать старика у себя за ту же самую сумму, которую он платил крестьянину. Этот вариант выглядел лучшим из возможных. Вдова Гран пользовалась уважением односельчан как порядочная женщина, и Шёгрэн был знаком с ней с того времени, как он в юности обучал детей ее родного брата, тогдашнего кантора приходской церкви, и какое-то время проживал с ней под одной крышей. Шёгрэн полностью доверял доброй воле и порядочности вдовы Гран. К тому же в центральном селе за стариком мог успешнее присмотреть и пробст Ерппе.

Единственным препятствием было то, что у самой вдовы не было другого помещения, кроме единственной комнаты, в которой она жила с двумя дочерьми. Посоветовавшись с пробстом Ерппе, старик с сыном решили отобрать более-менее годные брусья при разборе старой избы сапожника, находившейся в Ситиккале, на расстоянии шведской мили от приходского центра, и перевезти их в село. Во дворе дома кантора предстояло из собранных материалов выстроить отдельную избушку. Пробст Ерппе охотно взял на себя обязанности по организации строительства за счет средств молодого академика. На переходный период Шёгрэн арендовал у одного ремесленника из того же прихода временное жилье, где старику предстояло пожить, пока будет выстроена собственная изба.

Из-за перенесенных в Выборге недомоганий Шёгрэн посчитал необходимым по прибытии в Петербург приступить к лечению минеральными водами, которое врач порекомендовал ему еще прошедшей осенью во время тогдашней продолжительной болезни. По окончании лечения он собирался поехать в Финляндию и жениться. Но едва он успел в июне отбыть в Стрельну⁸³, в 18 верстах от столицы, расположенную на южном берегу Финского залива, поселиться у одного из своих друзей юности, тамошнего лютеранского пастора в немецкой колонии, и приступить к лечению на водах, как в Петербурге неожиданно разразилась эпидемия холеры⁸⁴. Шёгрэн оказался в полнейшей изоляции. Императорское семейство пребывало во дворце Петергоф, расположенном всего в трех верстах от Стрельны в

том же направлении от столицы. Ради их безопасности всякие сношения с Петербургом, включая почту, были прекращены.

Незадолго до того Шёгрэн получил от Академии задание отредактировать на немецком языке календарь, который предстояло издать в 1832 году. Он подготовил уже большую часть материала, который надлежало своевременно представить для предпечатной подготовки. Поэтому он решил уехать из Стрельны в другое место, откуда, как он слышал, проще добраться до столицы. Против ожидания, дорога была перекрыта и там, так что ему пришлось повернуть обратно в расположенное поблизости большое русское село.

Тамошнее простонародье заметило, что он проследовал в одну сторону и тотчас же возвращается обратно, задержало его и подвергло жестокому допросу, выясняя, кто он такой и в чем состояла цель его подозрительных передвижений. Справившись с суровым экзаменом и убедительно назвав живущее поблизости лицо, к которому он направлялся (это был один лютеранский пастор), он получил разрешение продолжить путь. Однако теперь он сам не знал, куда ему направиться. С заставы в Стрельне он сумел выбраться на том условии, что больше туда не возвратится.

Ему оставалось только пробираться напрямую в Петербург, но для этого надлежало найти в деревне нового извозчика, потому что привезший его немецкий колонист наотрез отказался ехать в столицу. Шёгрэн спросил у руководившего допросом крестьянина, открыт ли путь в город. Сказали, что открыт, но предупредили, что надо приготовиться к тому, что недавно установленные караулы в каждом населенном пункте будут его останавливать, допрашивать и досматривать его багаж, хотя уже близилась ночь. Когда Шёгрэн спросил, как обстоят дела в Петербурге, ему ответили, что там скончалось ужасно много людей. Среди низших слоев населения продолжалось недовольное брожение, вызванное только что подавленным бунтом. «Как же тогда обстоит дело в вашей деревне?» — поинтересовался Шёгрэн. Ему ответили: «Слава Богу! Господь по сию пору был столь милостив, что только сегодня двое возвратившихся из города лиц внезапно заболели и умерли, один мужик и его жена».

Затея переночевать в этом селе и искать извозчика до Петербурга стала представляться еще более сомнительной, тем более что уже стемнело. Поэтому он предпочел возвратиться в Стрельну, куда его извозчик соглашался ехать, обещав в случае опасности проводить до дома знакомого пастора. Едва только они пустились в обратный путь и проехали лишь небольшое расстояние по улице, как крестьяне вдруг бросились за повозкой в погоню и потребовали остановиться.

Тут они опять обступили Шёгрена и сообщили, что им по зрелом размышлении пришла мысль тщательнее допросить его и проверить его багаж. От него потребовали дать им возможность обыскать чемоданы. В такой критический момент не приходилось пренебрегать осторожностью. Ему пришлось открыть чемоданы и показать караульщикам немногочисленные предметы своего гардероба и книги. Они спросили, есть ли у него с собой какие-нибудь бутылки. По счастью, он сумел с улыбкой ответить им отрицательно и разрешил им обыскать свои карманы, раз они не желали поверить ему на слово. Тогда дозорные разрешили ему продолжить путь, а сами развернулись назад. Лишь после полуночи Шёгрэн добрался до Стрельны. По дороге не возникло больше никаких задержек, кроме той, что при въезде в Стрельну пришлось вести переговоры с караульщиками, которые, услышав разъяснение о неудавшейся поездке Шёгрена, сжалились над ним и пропустили его в село.

Самым удивительным было то, что Шёгрэн услышал позднее, когда связь со столицей была восстановлена и он получил оттуда новое количество заказанной им минеральной воды для продолжения лечения. Приятель рассказал ему, что его слуга настолько тяжело заболел холерой, что его увезли в больницу, где он вскоре скончался. Выходило, что это произошло как раз в тот день, когда Шёгрэн безуспешно пытался добраться до столицы. Ученый понял, что ему следует быть благодарным судьбе за то, что его насильственно возвратили в Стрельну, находившуюся на карантине, так как тем самым он уберется от бушующей эпидемии. При тогдашнем состоянии здоровья он был обречен заболеть. С легкой душой и неустанно вознося благодарности провидению, он продолжил лечение водами в Стрельне и возвратился в город лишь в сентябре. Эпидемия холеры уже пошла на спад, собрав свои последние жертвы. В числе умерших оказался знаменитый врач Рейман, с которым Шёгрэн был лично знаком и у которого консультировался по вопросу лечения водами.

Лечение минеральной водой оказало самое положительное воздействие на здоровье Шёгрена, так что всю осень он чувствовал себя лучше, чем когда-либо ранее в Петербурге. Он быстро и с удовольствием отредактировал немецкоязычный календарь, несмотря на затруднения и скуку, причиняемые этим служебным заданием. Самым длинным и оригинальным разделом в календаре была временная справка, которая должна была содержать общий обзор знаменательных событий с середины 1830-го до середины 1831 года.

Из характера событий за названный период вытекали трудноразрешимые проблемы⁸⁵. Но задание причинило Шёгрэну и дополни-

тельные затруднения. Состоявший в близком родстве с супругой тогдашнего вице-президента фон Шторхом переводчик Академии Свенске, назначенный редактором русскоязычной версии календаря, по собственной воле при переводе на русский язык сократил написанную Шёгреном статью, хотя сокращения не входили в его обязанности, сводившиеся только к переводу. Таким образом появились две различные по объему и содержанию редакции, которые по обыкновению до публикации направили в Коллегию иностранных дел для цензуры. При их возвращении оттуда поступило распоряжение цензора печатать календарь по сокращенной русскоязычной версии. Нарушение сроков не позволило в точности исполнить распоряжение.

Шёгрэн почел целесообразным самолично осведомиться в Коллегии иностранных дел насчет более подробного разъяснения истинного содержания распоряжения. Оттуда он получил утешительный и приятный ответ, что обе редакции рецензировались по отдельности и что в подробном и обширном отзыве его рукопись получила весьма лестную оценку. Для экономии времени и средств высшая инстанция предпочла более краткую редакцию и поэтому распорядилась опираться на сокращенный русский перевод. Шёгрэну пришлось через Академию просить на будущее официального разрешения включать исторические справки в обе разноязычные редакции календаря, составляя их по отдельности, коль скоро уровень образованности, а поэтому и требования русской и немецкоязычной читательских аудиторий различаются. Он мог быть уверен, что столь умеренное и проистекающее из специфики дела прошение будет встречено с одобрением в Коллегии иностранных дел. В данный момент, однако, ничего нельзя было сделать, кроме того что попытаться соблюсти распоряжение, насколько это позволял остаток времени.

Наконец, вовремя сумев покончить с этим тягостным делом, Шёгрэн стал серьезно задумываться над претворением в жизнь своих матримониальных планов и заключением брачного союза. Помолвка с барышней Лаурелль уже давно могла бы закончиться разлукой, если бы не твердая верность обеих сторон. Все необходимые подготовительные меры молодой ученый предпринял в полной тайне, поведав о своем намерении жениться лишь немногим доверенным людям.

В конце года он подал прошение и получил отпуск для поездки в Выборг для окончания начатых прошлой весной архивных изысканий.

<1832. Подготовка к женитьбе и свадьба. Затруднения в Академии. Летняя поездка в Хельсинки. Университетская профессура по общей истории. «Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements». «Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolokschen Tschuden russisch?» Назначение экстраординарным академиком. Кончина Раска>

Рождественские праздники Шёгрэн провел на своей родине в Ийтти и после Нового года отправился оттуда в вышеупомянутое небольшое поместье невесты в Лиетлахти. Из-за отдаленности усадьбы и по экономическим причинам он планировал провести свадьбу максимально скромно и нешумно. Старшие братья невесты, особенно будущий приходской настоятель, доцент философии Лаурелль, не согласились на непритязательный план, поскольку большая часть их родни проживала по приходам, расположенным недалеко от Лиетлахти. Они пригласили на запланированную на воскресенье 15 января свадьбу всех ближайших и дальних родственников; собралось 40 гостей. Из Куопио, где невеста гостила у своей тетушки, написали живущему поблизости от Лиетлахти пастору небольшого прихода Хаукивуори, чтобы тот привел необжитую усадьбу в Лиетлахти в порядок для празднования свадьбы.

К несчастью, письмо не дошло до адресата, так что, когда невеста в сильнейший мороз за неделю до свадебной церемонии прибыла в усадьбу в сопровождении другого брата, металлурга, еще не было принято никаких мер для подготовки к стремительно надвигающемуся празднованию. В комнатах, где на сутки или двое предстояло разместить большое количество гостей, царил ужасающий беспорядок. В них были весьма примитивные окна, да и те — частично разбиты. Печи тоже оказались в таком состоянии, что их нельзя было затопить, не починив. Не было и речи о возможности сэкономить на расходах.

Брату с сестрой пришлось собственноручно приниматься за работу с максимальной энергией, чтобы сделать невозможное возможным. Металлург был вынужден пробовать себя в профессиях печника и стекольщика, а стекла пришлось заказать издалека и дорого. В дикой спешке была закуплена пшеница, которую отправили для помола на несколько мельниц, чтобы успеть испечь хлеб и пр. Скучную обстановку дома пришлось дополнять одолженными в ближайших усадьбах предметами мебели.

Когда брат с сестрой в результате неустанных трудов и с помощью пастора из Хаукивуори и его семейства закончили подготовку, они

столкнулись с другими тревогами, а именно с отсутствием двух других братьев и самого жениха. Последний даже не подозревал об этих титанических усилиях и потому не спешил с отъездом из Ийтти, особенно потому, что его во время пребывания там терзал мучительный геморрой. Наконец он прибыл в самое подобающее время, вечером четверга, когда его будущий шурин уже собрался рассылать приглашенным гостям письма об отмене торжества. Одновременно с Шёгреном прибыл из Хельсинки обучавшийся там в университете младший шурин с многочисленным багажом. В последний момент прибыл из Куопио и старший брат невесты, настоятель Лаурелль, который и доставил закупленные напитки.

Свадебные торжества, проведение которых уже казалось неосуществимым из-за исключительных затруднений на ранних этапах подготовки, прошли надлежащим порядком. Среди многочисленных дам и господ, прибывших в гости, было только двое тех, с кем Шёгрэн был знаком издавна: его прежний педагог по Академии, друг и благодетель Ньюкопп, ныне настоятель одного из ближайших приходов, которого будущие шурины Шёгрена пригласили наравне с собственной родней именно ради жениха; и настоятель прихода Ийтти Ерппе, которому случилось по служебной надобности находиться в этих краях. Его Шёгрэн пригласил на свою свадьбу во время пребывания на родине.

Перспектива жизни с семьей в Петербурге представлялась Шёгрэну туманной. Ученый, конечно, надеялся, что его наконец представят и назначат на должность экстраординарного академика, в каковые он вместе с одним коллегой был избран со стороны Академии еще 5 апреля минувшего года. Но, к несчастью, назначили только коллегу, тогда как сам Шёгрэн вынужден был довольствоваться должностью адъюнкта, с прежним жалованьем в 2500 рублей вместо ожидаемых 3500. Сам президент Академии обратил на это внимание и на одном из заседаний в присутствии всех академиков попросил Шёгрэна не обижаться на допущенную несправедливость, которая, по слухам, произошла из-за интриг тогдашнего министра народного просвещения князя Ливена. Граф Уваров объявил, что попытается по возможности скорее возместить Шёгрэну понесенный ущерб.

Сразу по завершении этого заседания Шёгрэна пригласили в кассу Академии получить присужденную Академией премию за труды, приложенные им к составлению календаря. При работе он оставил размер гонорара на усмотрение Академии, а до того объявил в ответ на вопрос секретаря, что будет удовлетворен, если ему заплатят столько же, сколько причиталось Свенске, то есть тысячу рублей. Ко-

нечно же, он был поражен, когда ему заплатили шестьсот, тем более что ему стало известно, что Свенске получил восемьсот. В раздражении он сразу же отправился на прием к вице-президенту Шторху требовать объяснений из-за такой несправедливой разницы в оплате труда. Он утверждал, что приложил усилий едва ли не больше, чем коллега (родственник вице-президента), который еще и нанес ему обиду своим произволом при сокращении текста. Шёгрэн даже заявил об отказе впредь браться за составление каких бы то ни было календарных обзоров. В результате протестов он позднее получил причитавшиеся 200 рублей, причем говорили, что Шторх признает ошибку и раскаивается в причиненной им несправедливости, и действительно, вице-президент не затаил злобы на Шёгрэна.

Гораздо тяжелее оказалась распря с самим президентом Академии, в которую Шёгрэн вскоре после этого оказался втянут. Сановник П. Демидов выделил Академии наук определенную денежную сумму для распределения в качестве премий за вышедшие в течение года наиболее ценные научные труды. Первой раздаче премий предстояло состояться весной 1832 года.

Руководствуясь своими личными интересами, президент Академии пожелал наградить почти половиной указанной суммы труд одного молодого русского историка, в виде так называемой поощрительной премии. Поскольку названный труд представлял собою перевод на русский язык, а оригинальный вклад состоял в приложении всего нескольких комментариев, по правилам он как таковой даже не мог быть подан автором на конкурс. Требовались рекомендация и представление от кого-либо из входящих в состав Академии признанных ученых. За неделю до того заседания, на котором предстояло распределение премий, Уваров устно осведомился у действительного члена Академии академика Круга о его мнении, и заметив, что тот не проявляет желания поддержать весь этот план, обратился к Шёгрэну, со стороны которого рассчитывал на большую покладистость, коль скоро тот оказался оттеснен при назначении экстраординарных академиков.

Шёгрэн попытался отказаться под тем предлогом, что у него не было ни оригинала, с которого был выполнен перевод, ни возможности за столь короткое время его достать, тем более что один из разделов оригинала еще не был даже напечатан. Из слов президента Академии стало понятно, что тщательный разбор перевода отнюдь и не требовался, но для приличия он пообещал достать требуемые оригинальные тексты. Шёгрэну ничего не оставалось, как только пообещать сделать все, что он успеет, чтобы составить ясное впечатление о

содержании и ценности труда. Только за два-три дня до заседания Шёгрёну и академику Кругу были доставлены все три части названного перевода, но без оригиналов. Оба рецензента успели лишь бегло ознакомиться с рецензируемым переводом, но даже при этом у них возникло множество замечаний, которые и предстояло представить на заседании, где обсуждались работы соискателей Демидовской премии.

Они не воспрепятствовали решению президента Академии Уварова представить свое письменное предложение о награждении поощрительной премией вышеназванного перевода, поскольку задачей переводимой книги было осветить важнейшие и наименее изученные периоды в истории отечества, хотя в книге могли быть и определенные ошибки и недостатки. По мнению Уварова, труд надлежало поощрить также потому, что при первом распределении Демидовской премии представлялось возможным и должным руководствоваться милосердием вместо справедливости. Он заявил, что двое других академиков уже подали такой пример, предложив для премирования аналогичной премией некий труд, относительно которого признавалось, что при строгом рецензировании он не заслужил бы награды. Вице-президент Шторх, который по нездоровью не мог присутствовать на заседании, отправил письменный отзыв об обсуждаемом труде, где утверждал, что, по его убеждению, перевод не следует рекомендовать на премию, чтобы не подавать нежелательный пример. Из-за неявки автора этот отзыв был объявлен недействительным. Еще один академик, также составивший негативный отзыв, заметил гнев и обеспокоенность президента развитием событий и заявил, что воздерживается от голосования.

Позиция Уварова в итоге одержала победу при открытом голосовании за счет большинства тех двух голосов, которые были у него самого как у председательствующего. Все голоса членов Историко-филологического отделения оказались отрицательными, кроме одного-единственного, поданного одним стареющим академиком, которому, по получении от него записки до голосования, Уваров так и сказал: «Вы старый лис, с вами всегда можно договориться».

Этот конфликт, вне всякого сомнения, послужил причиной того, что спустя некоторое время один молодой адъютант, который только поступил на службу в Академию, когда Шёгрёну уже был избран на должность экстраординарного академика, получил назначение на эту должность. О Шёгрёне больше не было разговора, хотя президент для виду пригласил его на аудиенцию незадолго до того заседания, на котором было оглашено высочайшее решение Его Императорского

Величества. Уваров сказал, что не может понять, по какой причине министр не получил одновременно подтверждения для уже давно принятого по Шёгрёну решения, но предполагает, что это вызвано несоблюдением какой-то формальности.

После всех этих несчастливых случайностей, пришедшихся на первую половину 1832 года, произошло еще то несчастье, что вскоре по прибытии Шёгрёна с молодой супругой в Петербург, его правую ногу разбил мучительный ревматизм, причинявший такую боль, что он временами совсем не мог ходить.

Чтобы излечиться от телесных недугов и развлечь свой подавленный неприятностями дух, Шёгрён в июле отправился на летние каникулы в Хельсинки. Там он узнал, что в тамошнем университете по случайности освободилось место профессора всеобщей истории. Он сразу же подал заявление на конкурс по ее замещению, не поставив в известность Петербург. Граф Ребиндер, исполнявший тогда обязанности вице-канцлера Александровского университета в Хельсинки, был проинформирован об этом конфиденциально и выразил удовлетворение стремлением Шёгрёна вернуться в свое отечество.

Ввиду этого Шёгрён приложил все силы, чтобы как можно быстрее подготовить свой ежегодный академический труд, озаглавленный «Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland»⁸⁶. Труд был напечатан в ранее упомянутом ежегодном периодическом издании Академии «Mémoires», во второй части (1834, с. 123–241). В первой части была опубликована предшествующая ему монография «Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolotschen Tschuden russisch? Ein kritischer Versuch zur Aufklärung der Geschichte des Russischen Nordens. Erste Abhandlung»⁸⁷ (стр. 491–526).

В конце года, 2 декабря (ст. ст., т. е. 14 декабря) Шёгрёна наконец назначили экстраординарным академиком. Это назначение, сопровождавшееся повышением жалованья на тысячу рублей, было для него весьма желанным, в особенности потому, что его супруга родила вскоре после этого, 11 (23 н. ст.) декабря, девочку, получившую в крещении имя Берта София. Роженица сильно простудилась и тяжело заболела. Из-за этого у малышки еще до достижения возраста полугода перебивало три разных кормилицы и, невзирая на всё, после многих злополучных перемен ее пришлось вскармливать коровьим молоком.

В это время на долю Шёгрёна пришлось несколько почестей.

13 января 1833 года его пригласили в члены Королевского общества скандинавских древностей в Копенгагене⁸⁸. 14 (26 н. ст.) апреля

Шёгрена избрали в члены московского Общества истории и древностей российских⁸⁹. Первый знак признания подал ему давний друг, знаменитый языковед Р.К. Раск, с которым Шёгрэн возобновил активную переписку по возвращении из экспедиции в 1829 году. С научными контактами с Копенгагеном оказался связан таинственный и горестный случай.

На заседании Академии наук в декабре истекающего (1832) года Шёгрэн по собственной инициативе предложил пригласить Раска ее иностранным членом-корреспондентом. При голосовании его предложение было поддержано единогласно. Однако решение об избрании иностранным членом Императорской академии наук знаменитого датского ученого уже не было обнародовано на общем годовичном собрании 29 декабря 1832 года (10.01.1833 н. ст.). Газеты только что сообщили печальное, в особенности для Шёгрэна, известие о скоропостижной безвременной кончине Раска, случившейся 14 ноября 1832 года.

<1833. Научные труды. Должность библиотекаря Академии. Глазная болезнь. Санаторно-курортное лечение в Хельсинки. Продление отпуска>

Невзирая на все вышеописанные многообразные домашние хлопоты и служебные заботы, Шёгрэн уже в течение весны 1833 года написал ежегодную академическую монографию «Was bedeutet das in den Russischen Chroniken unter dem Jahre 1024 vorkommende Wort Luda? Eine antiquarische Abhandlung»⁹⁰ (Mémoires, II, p. 563–592) и напечатал вместе с ней предшествующий труд о происхождении названия Ингрия.

Он написал по-латыни более 60 страниц исследования «De vita rebusque gestis Olafi Sancti, regis Norvegiae. Commentatio historico-critica»⁹¹. Труд о святом Олафе в процессе работы над ним начал разрастаться до размеров настоящей книги. Она еще не была окончательно готова, так что граф Ребиндер предложил академику устроить перенос официального срока представления планового исследования до осени следующего года. Едва было предоставлено это продление, как в Академии произошел конфликт, уничтоживший для ученого возможность воспользоваться полученной преференцией.

Наконец освободилась должность библиотекаря второй (большей) части библиотеки Академии, которую до сих пор занимал — с пользой для чего угодно, кроме академической науки, — господин, не

состоявший в штате Академии, пристроенный на это поприще влиятельными покровителями. Эту должность предложили занять Шёгрену. Старейшие академики, которые издавна знали и ценили его, уже долгое время надеялись, что он получит это место. Президент Академии Уваров, недавно назначенный министром просвещения вместо князя Ливена, объявил о своем желании поддержать его кандидатуру. Ежегодное жалование библиотекарю из бюджета Академии составляло всего лишь тысячу рублей ассигнациями, если эту должность займет кто-либо из академиков. Но у предшествующего библиотекаря жалование составляло 1200 рублей и вдобавок ему бесплатно предоставлялись квартира и дрова для отопления, так что общий доход можно было оценить в 2500 рублей. Кроме того, библиотека уже долгое время пребывала в полнейшем беспорядке. Последний ее хранитель, исполнявший свои обязанности сугубо формально, не только не упорядочил ее, но наоборот, усугубил разорение. В таких обстоятельствах Шёгрен почел себя вправе потребовать ежегодного жалования в две тысячи рублей: упорядочивание фондов и каталогизация библиотеки требовали поистине титанических усилий. Требовательность вызвала недовольство, тем более что Шёгрен не доверился неопределенным посулам возместить предстоящие тяготы как-то по-другому. Он опять оказался в крайне затруднительном положении. Чтобы выпутаться из затруднения, ему пришлось по совету одного из коллег приступить к исполнению обязанностей без всяких условий, тем временем продолжая втайне добиваться осуществления своих планов по переводу в Хельсинки. Если бы ему уже предоставили там место профессора, он мог бы с таким козырем на руках предъявить свои требования по-новому и, смотря по обстоятельствам, остаться или покинуть Петербург.

Открытый и прямодушный по натуре Шёгрен не способен был придерживаться этой по-своему мудрой политики, но решился прямо объявить о своих планах. Впрочем, он согласился принять должность библиотекаря без всяких условий и оставил на усмотрение своего начальства возможную награду за самоотверженность. 24 мая (5 июня н. ст.) его назначили на место заведующего библиотекой, и это назначение было утверждено 4 (16) июля. Жалование ему положили 1600 рублей ежегодно, и министр сказал, что в будущем попытается улучшить условия оплаты труда. Шёгрен с воодушевлением принялся за новые обязанности. Не считая пары недель, когда он навещал своего престарелого отца, академик непрерывно трудился в библиотеке в течение летнего отпуска, пока осеннее похолодание не вынудило его отложить до следующего лета неустанные труды в не-

отапливаемом помещении. Вскоре после этого его супруга имела несчастье заболеть тяжелой и опасной болезнью.

В конце года Шёгрен, к своей радости, получил уведомление о том, что 6 (18) декабря он стал кавалером ордена Св. Анны третьей степени. Его радость вскоре сменилась досадой, когда он узнал обо всех связанных с этой наградой косвенных обстоятельствах. До него дошли слухи, что во влиятельных кругах огорчены тем, что он не добился должности профессора у себя на родине. Оказалось, что он имел право вступить в эту должность без специального разрешения и даже получил бы материальную помощь для переезда в Финляндию. В свете открывшихся обстоятельств он даже отправился к графу Ребиндеру разузнать, можно ли еще поправить дело, но не застал сановника дома, что почел знаком того, что уже опоздал и ему надлежит удовольствоваться своей судьбой.

Шёгрен скрыл свое разочарование и постарался отомстить недругам своим благородством, удвоив усердие на своем основном поприще. Он принялся неустанно трудиться над историей святого Олафа и уже далеко продвинулся в ее написании, когда в апреле ему было дано по должности другое задание, которое он в своем тогдашнем настроении духа воспринял как крайне неприятное и мучительное. Чтобы поскорее от него отделаться и получить возможность предаться собственным исследованиям, он работал день и ночь, пока не завершил дополнительную работу.

Труд был готов, но он самым ощутимым образом убедился в справедливости старинной поговорки «*ne quid nimis*»⁹². Когда он после недолгого отдыха принялся за собственную работу, то ощутил в глазах мучительную боль. Резь возникла сразу, стоило ему только посмотреть в книгу. Он вызвал врача, который прописал лакзатив и распорядился всячески избегать напрягать глаза. Несмотря на это, состояние ученого на следующее утро не улучшилось, а скорее ухудшилось. Тогда врач спросил его, одинаково ли хорошо он видит обоими глазами. Самому пациенту не приходило в голову это как-либо проверить. К собственному ужасу и огорчению врача, он обнаружил, что правым глазом не видит ничего: если он закрывал рукой левый глаз, все вокруг делалось угольно-черным. После этого лечение стало более мучительным: на его глаз наложили повязку и стали пытаться разными способами вернуть утраченное зрение. Это не помогало, кроме того что появилась способность что-то различать только краем глаза. Был приглашен окулист, который после тщательного обследования, выслушав обстоятельства развития болезни, объявил, что речь идет о черной катаракте⁹³. Лечение становилось все более

интенсивным: Шёгрёну назначили суровую диету, его поместили в темную комнату и применяли разнообразные лекарства как внутрь, так и для закапывания в глаза. Постепенно удалось добиться того, что он мог и больным глазом различать крупные предметы, но только в виде смутных очертаний, тогда как в центре поля зрения раскачивалось крупное зеленое или черное пятно; иногда на сетчатке возникали огненные шары, которые крутились в глазу и исчезали.

К началу июня симптомы значительно ослабели и (по-прежнему недостаточное) зрение к больному глазу стало возвращаться хотя бы временами. Шёгрёну выписали для лечения определенные препараты и рекомендовали поехать в Хельсинки, где он мог бы укрепить свое здоровье благодаря морским купаниям. Он подал прошение и получил разрешение отправиться в отпуск немедленно, необходимые бумаги ему позднее прислали почтой.

В начале июня он взшел на небольшую баржу вместе с беременной супругой, которая сочла необходимым сопровождать мужа, вынужденного принимать ядовитое лекарство, требующее особой осторожности. Противный ветер и бури задержали их почти на две недели, так что особенно супруге пришлось перенести множество тягот.

В Хельсинки Шёгрёну порекомендовали обратиться к опытному офтальмологу — аркиатру⁹⁴ Тёрнгрёну, который проживал в своей усадьбе в глубине страны. В Весилахти Шёгрён отправился в сопровождении друга юности, товарища по гимназии, университету и промоции, ныне профессора юриспруденции Ильмони. Семью Шёгрён оставил на попечение старшего шурина, который приехал и забрал сестру с племянницей в загородную усадьбу.

Лишь по возвращении от Тёрнгрёна в Хельсинки Шёгрён получил письменное уведомление из Петербурга о своем отпуске. Вопреки ожиданиям и надеждам ему надлежало завершить отпуск тогда же, когда завершился бы и обычный летний отпуск. Секретарь Академии Фус написал Шёгрёну, что получить продление срока не составит труда, отправив об этом прошение и приложив свидетельство врача о том, что оно необходимо по состоянию здоровья.

Шёгрён едва успел отправить прошение почтой, когда среди ночи из-за города прибыл посыльный с вестью, что его супруга тяжело заболела и ему следует незамедлительно привезти врача. Благодаря врачу болезнь отступила. Супруга вынуждена была отказаться от намерений сопровождать его обратно в Петербург, как это планировалось ранее, и решила остаться в Хельсинки до родов.

В таких обстоятельствах Шёгрёну пришлось задержаться дольше, чем на оговоренный в прошении срок, тем более что государствен-

ный советник Фус в личном письме разрешил ему поступать так при острой необходимости и представить только подтверждающее заключение врача.

Все эти условия были приняты во внимание, но, когда Шёгрен возвратился в Петербург, из его жалованья вычли штраф не только за время непредусмотренной задержки, но и за весь срок продления отпуска. Он намеревался обратиться к самому министру народного просвещения, но не получил аудиенции, а только выглядевший насмешкой — случайной или намеренной — совет: обратиться вместо министра к начальнику его канцелярии, если у него к министру какой-то срочный разговор. Шёгрен в любом случае последовал этому совету и был направлен в департамент, который во время летнего отсутствия министра рассматривал вопрос о продлении отпуска. Просматривая документы, он обнаружил, что ему, собственно говоря, предоставлен отпуск без содержания. Согласно свидетельству, надлежащим образом заверенному врачом, из его жалованья сделали вычет за каждый день. Более всего Шёгрена неприятно поразило то, что секретарь Академии государственный советник фон Фус, который не мог не быть осведомлен о суровых условиях продления отпуска, ни словом не упомянул о них Шёгрену в письме, а наоборот, всячески побуждал его задержаться, буде в этом необходимость, и тем самым усугубил его несчастье.

Когда Шёгрен указал ему на это свое наблюдение, Фус ответил, что это ничего не значит. В доказательство своей невиновности он высказал в Академии официальное предложение в пользу Шёгрена, указывая на надлежащее обстоятельство в законах и уложениях. Министру Уварову, который по-прежнему оставался президентом Академии, случилось как раз в тот день присутствовать на заседании. Он попенял департаменту на случившуюся несправедливость и обещал устроить дело так, чтобы задержанное жалованье было выплачено или по крайней мере Шёгрену была предоставлена компенсация. Он и сдержал свое слово в том плане, что распорядился о выплате компенсации в размере 300 рублей ассигнациями. По российским правилам, любые выплаты, которые Корона расценивала как премии, облагались 10-процентным налогом, так что Шёгрен получил в итоге на руки 270 рублей, хотя потерял почти 850. Всё это выглядело скорее как новое издевательство и оскорбление в его адрес. Горечь от несправедливости не могло рассеять даже то обстоятельство, что Финское литературное общество пригласило Шёгрена в свои члены 8 октября.

Особенно осложняла дело необходимость до конца года содержать два дома: один для себя в Петербурге и другой для оставленной

во власти забот семьи в Хельсинки. Семья вернулась оттуда лишь перед русским Рождеством, пополнившись еще одним членом: 18 октября в Хельсинки благополучно появился на свет мальчик, который при крещении получил имя Йохан Теодор.

<1834–1835. Планирование экспедиции на Кавказ. Разногласия с новым вице-президентом Академии. Поездка в Финляндию летом 1835 г. Новый конфликт с вице-президентом Академии. Поездка из Петербурга в Тифлис осенью 1835 г. Изучение армянского и грузинского языков>

Во время жизни в одиночестве и после приезда супруги вплоть до весны 1835 года Шёгрэн по совету одного из коллег испробовал для лечения больного глаза гомеопатию. Он посетил в Петербурге самого известного тогда врача-гомеопата Германа, но зрение у него почти не улучшилось. Следующим летом он вознамерился отправиться в Берлин для консультации со знаменитыми офтальмологами, но отказался от этого плана, не без оснований сомневаясь, что оплаченного длительного отпуска он не получит. Собственных средств на подобное путешествие у него не было.

Вместо этого он решил последовать совету доктора Германа и подать прошение о поездке на Кавказ и на Юг России с научными целями сроком на полтора-два года. Там он мог бы испробовать разные виды санаторно-курортного лечения, пожить в теплом климате, много двигаться на свежем воздухе, а главное, не слишком напрягать глаза чтением. Этнографические и лингвистические исследования выглядели оптимальными для экспедиционной темы. Осетины и их язык прежде всего могли представить ценный предмет для изучения. При осуществлении этого плана возникли, однако, многочисленные и непредсказуемые заранее сложности.

Весной Академия обрела нового вице-президента в лице близкого друга министра просвещения, князя Дондукова-Корсакова. Тот первым делом потребовал представления полных перечней изданных Академией научных трудов, в том числе копии всех каталогов огромной научной библиотеки, директором которой был Шёгрэн. По своему обыкновению, открыто и не церемонясь, Шёгрэн написал подробный доклад о состоянии библиотеки и качестве ее прежней каталогизации. В резюмирующей части он указал, что времязатратное копирование устаревших, непригодных и уже предназначенных к уничтожению каталогов в итоге окажется нецелесообраз-

ным. Это могло только затянуть необходимую пересортировку библиотечных фондов и их качественную каталогизацию, тем более что у Шёгрена до сих пор был в распоряжении только один ассистент, а второго пожилого сотрудника не представлялось возможным привлечь к фундаментальной систематизации при наличии многочисленных текущих поручений. Взяв доклад, Шёгрэн отправился на прием к князю, чтобы в первый раз лично засвидетельствовать ему свое почтение и подробнее изложить свои соображения.

Кроме того, он вынашивал надежду проконсультроваться о своей будущей экспедиции на Кавказ, но счел, что правила щепетильности требуют не задерживать князя слишком долго. Академик знал, что один из детей вице-президента был тяжело болен, а рассмотрение положения дел с библиотекой уже отняло значительное время. Шёгрэн, стало быть, был уверен, что правильно не решился начинать разговор о планах экспедиции, которые он публично представил на следующем заседании Академии. Но тут оказалось, что он неверно повел себя по отношению к князю. Сразу по завершении заседания Дондуков-Корсаков ограничился тем, что сделал Шёгрэну выговор за то, что тот своевременно не сообщил ему о своем плане уехать в экспедицию, как бы в насмешку назвав его предателем. Но когда на следующем заседании предстояло подписать протокол, князь объявил, что по зрелом размышлении о деле он как вице-президент не мог одобрить столь долгого отсутствия Шёгрэна, раз академик остается одновременно и заведующим библиотекой. Князь заявил письменный протест, невзирая на то что многие из старших академиков, выступавшие в качестве посредников, и предостерегали его, что это может испортить всю экспедицию. После заседания вице-президент лично подошел к Шёгрэну и сообщил, что дело повернулось так неудачно именно потому, что ученый своевременно не посоветовался относительно своих намерений. У Шёгрэна наконец появилась возможность оправдаться и рассказать князю о причинах своей скрытности. Тот выслушал оправдания с улыбкой: или он уверился в искренности Шёгрэна, или посчитал его слова находчивой уловкой, позволяющей прикрыть случившееся упущение.

После всего случившегося Шёгрэн на следующем заседании Академии представил письменное сообщение. В нем он упомянул, с каким усердием лично принялся за упорядочивание предоставленной его попечению библиотеки, до тех пор пока состояние здоровья и иные обстоятельства позволяли ему это. Он считал это доказательством того, что ни в коем случае не воспринимал должность заведующего библиотекой как какую-то синекуру. Ему не пришло бы в голо-

ву безрассудно удерживать за собой эту должность и пользоваться надлежащим жалованьем, если бы он не был уверен, что библиотека не пострадает за время его отсутствия. Помощник Шёгрена мог бы, руководствуясь разработанной им инструкцией, продолжить предварительные работы по составлению новых каталогов. Кроме того, академик Френ сам вызвался позаботиться о библиотеке. Но сейчас Шёгрэн видит, что его начальник не разделяет его мнения, так что, руководствуясь своими принципами, он более не желает занимать должность, которая может бросить на него тень несостоятельности. Того менее он намерен добиваться выгоды, которая представляла бы собой просто личный бенефиций, хотя известны примеры того, что так происходило у неких лиц. С учетом вышеизложенного, он попросил о полной отставке с должности заведующего библиотекой.

Это прошение выглядело удивительным. Присутствовавшие на заседании министр просвещения и князь Дондуков-Корсаков хотя бы для виду не могли не ответить ему любезностями относительно его ревностного трудолюбия и честности и вынужденно выразили сожаление, что состояние здоровья заставляет его оставить заведование библиотекой. По окончании заседания князь поблагодарил его за прямоту и открытость. На самом заседании министр просвещения заявил, что во время экспедиции Шёгрэн сможет пользоваться денежным содержанием, равным нынешнему окладу заведующего библиотекой, то есть 1600 рублей ежегодно, в качестве особого вознаграждения. Этот знак благосклонности министра просвещения проистекал, предположительно, из того, что некоторые из старших товарищей Шёгрена призвали сановника проявить благородство. Было известно, что во всяком случае престарелый Круг посетил министра и заступился за Шёгрена.

Наконец путешествие на вышеописанных условиях было организовано, и ученый получил от Короны часть подорожных средств. В середине июня его родившийся прошедшей осенью в Хельсинки сын заболел и скоропостижно скончался. Это неожиданное несчастье привело к тому, что запланированный отъезд пришлось отложить на более позднюю осень, тем более что сезон уже заканчивался и не приходилось рассчитывать на купания в целебных источниках.

Вместо этого он воспользовался вскоре начавшимся отпуском для путешествия в Финляндию, чтобы проводить супругу и малолетнюю дочь в Куопио. Та же самая добросердечная тетушка, небогатая вдова Кеплерус, которая долгие годы помолвки будущей г-жи Шёгрэн предоставляла ей кров, опять вызвалась за небольшую плату предоставить ей, ее дочери и няне жилье и питание. Квартиру в Петербурге

Шёгрэн с разрешения государственного советника Фуса предоставил в пользование одному знакомому русскому ученому, библиотекарю второй, русскоязычной части академической библиотеки. Шёгрэн не мог предположить, что из-за этого он вновь окажется втянут в конфликт с вице-президентом. Последнего он, впрочем, дважды попытался посетить, чтобы заручиться его согласием, но не застал дома, так как в это время его не было в городе. Шёгрэн не мог ради визита к нему долее откладывать отъезд, рассчитывая вернуться в Петербург до окончания официального срока летнего отпуска, что ему было необходимо во избежание больших и худших затруднений.

Небольшое путешествие в Финляндию сопровождалось странными и жуткими приключениями. В окрестностях Петербурга из-за тряски на плохой дороге выпал закрепленный сзади крытого экипажа кованый сундук, в котором находились наличные деньги, одежда Шёгрэна и супруги и иное имущество общей стоимостью порядка трех тысяч рублей. По счастливой случайности, сундук удалось вернуть, хотя жадные русские женщины вовлекли Шёгрэна в мучительную свару и вынудили заплатить вознаграждение за возврат находки. Он и сам заметил пропажу только по прибытии на финскую границу и возвратился за ней даже без надежды на успех.

Спустя пару дней вечером, в сумерках, путешественники прибыли на постоялый двор, расположенный на краю огромного леса. К своему ужасу они заметили, что их теперь единственный, едва достигший трехлетнего возраста ребенок успел убежать с открытого двора за те несколько минут, пока родители и няня заносили внутрь немногие нужные для ночлега предметы багажа. Девочка устремилась обратно на проезжий тракт, где ее, к счастью, поймала случайно проходившая мимо старушка-крестьянка. Она и привела девочку на постоялый двор, где несчастная мать уже готова была впасть в полное отчаяние, потому что ребенка общими усилиями нигде не удавалось разыскать.

Из Куопио Шёгрэн вернулся в Петербург другим путем, через Йитти, куда завернул повидать престарелого отца. По пути он без всякой на то вины чуть не задавил насмерть крестьянскую девушку, но, к счастью, сумел остановить лошадь как раз, когда колесо чуть не переехало шею девушки. Она спаслась от гибели, отделавшись шишками на голове, а Шёгрэн в третий раз жутко перепугался.

По возвращении в Петербург он узнал, что князь сильно разгневался на то, что кто-то без его ведома переселился в квартиру Шёгрэна. Вице-президент Академии вызвал жильца на беседу, гневно потребовал объяснений и успокоился, лишь удостоверившись, что Шё-

грэн пока находится в Финляндии и не уехал на Кавказ, что предлагалось согласно первоначальному плану. Дондуков-Корсаков согласился считать Бередникова (так звали коллегу) гостем Шёгрена до возвращения академика в столицу. Одновременно вице-президент написал в Экономический комитет Академии, что в квартиру с выгодой для учреждения следует поселить кого-то еще, нуждающегося в служебном жилье, на время длительного путешествия Шёгрена на Кавказ. Услышав о возвращении князя в город, академик незамедлительно поехал к нему и разъяснил, что никоим образом не намеревался без его разрешения самовольно распоряжаться квартирой на все время своего отсутствия, хотя готов был честно и открыто признать, что смел надеяться на такое разрешение, ведь многие в подобных и даже более спорных случаях бывали правомочны распоряжаться академическим жильем по собственному усмотрению. Шёгрэн же с самого начала пытался представить дело на одобрение князю и до отъезда в Финляндию дважды безуспешно искал с ним встречи. Всего этого князь, очевидно, не знал, так что Шёгрэн опять попал к нему в немилость.

Коль скоро князь уже твердо решил поселить в эту квартиру кого-нибудь другого, Шёгрэн просил сохранить за ним одну из пяти комнат для его обширной библиотеки и мебели. На это князь отвечал, что долг вице-президента состоит в соблюдении выгоды для Академии, и он обязан распоряжаться квартирами и вправе быть недоволен, если надлежащих мер сих пор не принято, а предшествующие обстоятельства его не касаются. По его мнению, Шёгрэн от этого не пострадает, раз его супруга уже приняла разумное решение отправиться к родственникам в Финляндию, где ей лучше оставаться до возвращения мужа из экспедиции. Там она сможет прожить дешевле и с большими удобствами, чем в Петербурге. Шёгрэн заявил, что так всё и спланировали, но непредсказуемые заранее обстоятельства могут привести к тому, что его супруге может оказаться необходимым вернуться еще до его приезда с юга. «Ну, в таком случае ей надлежит обратиться ко мне, и я устрою ей квартиру, — сказал князь. — Что до ваших библиотеки и мебели, я несу за них ответственность. По возвращении к концу осени из длительной поездки, которую мне предстоит совершить самому, я выберу время осмотреть вашу квартиру. Смотри по обстоятельствам, распоряжусь или перенести все ваши вещи в одну из комнат, или перевезти на какую-нибудь подобающую квартиру. До тех пор все можно оставить как есть». Шёгрэн попросил предоставить ему одну из боковых комнат, чтобы, с одной стороны, сберечь время и силы самого князя от излишних хлопот, и с

другой — лично удостовериться в сохранности своих книг и мебели до отъезда. Чтобы доказать правомерность просьбы, он заметил, что оставшиеся четыре комнаты в любом случае составят более просторное и удобное жилище, чем то, которым он довольствовался в начале службы в Академии гораздо дольше, чем продлится его планируемое путешествие. Разгневанный князь ответил, что он не будет заниматься этим делом до своего приезда. Но все же разрешил Шёгрёну посоветоваться с Фусом: если пожелания исследователя получатся удовлетворить, ученый секретарь решит этот вопрос, хотя граф оставляет окончательный вердикт за собой.

«Я глубоко сожалею, — заметил тогда Шёгрэн, — что мне придется отправляться в путь, ощущая горечь от того, что я опять попал в немилость к вашему высочеству без всякой на то причины, из-за несчастного стечения обстоятельств!» Теплота, с которой Шёгрэн произнес эти слова, не могла не подействовать на сановника. Вице-президент успокоился и заверил его, что не испытывает к нему никакой личной неприязни, и выразил надежду, что в будущем ему представится случай доказать это Шёгрёну, буде тот успешно возвратится из путешествия, как князь лично на это надеется. На этом они расстались.

Сначала Шёгрэн подумал снять в городе комнату за свой счет и перевезти туда библиотеку и мебель, но по зрелом размышлении понял, что на это у него не хватит времени. Он со дня на день ожидал прибытия командированного в главный штаб в Тбилиси соотечественника, подполковника Норденстамма, чтобы с ним вместе отправиться в Грузию.

Шёгрёну пришлось, согласно рекомендации князя, обратиться к Фусу, который посоветовал академику адресовать Экономическому комитету письменную просьбу разместить в упомянутой боковой комнате свои вещи и запечатать дверь личной печатью. По мнению Фуса, такого решения комитета князь не стал бы отменять по возвращении. Будущий исход дела выглядел весьма сомнительным, но у Шёгрёна не было другого выхода, как только исполнить этот совет, какие бы последствия это ни имело.

Ощущая самую неподдельную радость, Шёгрэн наконец отбыл из Петербурга 9-го (21) сентября и путешествовал в приятном обществе Норденстамма более месяца через Москву, Тулу, Воронеж, Черкасск и Ставрополь до Тифлиса. Путешествие было трудным, но интересным. Сразу по прибытии у Шёгрёна обнаружили открытые, обильно кровоточащие геморроидальные узлы. Его зрение казалось окрепшим, хотя глаза при любом напряжении легко воспалялись.

Из-за этого он отказался от начатого изучения армянского языка и вместо этого сосредоточился на грузинском, чей алфавит менее напрягал его зрение.

Невзирая на все попытки, ему не удавалось сдружиться с образованными людьми из числа туземных жителей, чтобы, как он того желал, арендовать у кого-нибудь из них комнату и попрактиковаться в грузинском языке. Лишь позднее, в июне 1837 г., заехав в Тифлис на короткое время, Шёгрэн запоздало познакомился с высокообразованным грузином — кандидатом теологии Платоном Иоселиани, молодым и ревностным ученым и отличным знатоком армянской и грузинской литератур. У Иоселиани была великолепная коллекция рукописей, из которой он подарил Шёгрэну труд католикоса Антония на грузинском языке и вручил другую грузинскую рукопись для Академии.

Сначала Шёгрэн остановился у немецкого ремесленника-колониста в немецком поселении, расположенном за городской чертой. Спустя несколько недель ученому пришлось переехать в город, потому что грязь заполнила те узенькие переулки, по которым он ежедневно передвигался, а в комнате установился ужасный холод. В верхней части города он арендовал две небольшие комнаты у пожилого русского унтер-офицера-отставника, женатого на татарке. Позднее он узнал, что один русский генерал, который приехал из провинции в Тифлис и снял на время пребывания в городе ту комнату, которую Шёгрэн занимал ранее, простудился и, проболев пару дней, умер.

<1836. Тифлис. Владикавказ. Осетинский язык. Пятигорск. Санаторно-курортное лечение. В Крыму. Государственный советник Стевен. Персидский, турецкий, татарский языки>

На новой квартире Шёгрэна была большая русская печь, но в передней комнате, более просторной, пол был земляной, так что ему и здесь было тяжело бороться с морозами и он страдал разными недомоганиями. Зима на 1836 год оказалась в Тифлисе исключительно холодной. Под Новый год неожиданно разразилась ужаснейшая, небывалая буря, а температура упала до -13 градусов. Начался сильнейший снегопад, который — вместе с жестоким морозом, даже здешними солдатами названным «русским», — продолжался, при пронизывающем ледяном ветре, в течение трех недель. В первые дни стужи, как говорили, лишь в окрестностях города погибло около 40 человек, которым не удалось укрыться от непогоды в домах. Тогда же Шёгрэн

получил от супруги известие, что ее любимая тетушка заболела и осенью умерла, так что ей пришлось съехать с квартиры и снять новую у чужих людей.

Тем временем Шёгрэн собирал общие сведения по Кавказу, пользуясь материалами из архива Тифлисского главного штаба, щедро предоставленными в его распоряжение. Кроме того, он изучал языки, прежде всего грузинский. Руководство в занятиях он получал от урожденного грузина Карганова, учителя местной гимназии, которого посещал по вечерам, так как из-за болезни глаз ученому настойчиво рекомендовали избегать письменной работы при искусственном освещении.

В середине марта Шёгрэн отправился из Тифлиса в горные районы Кавказа, во Владикавказ, расположенный к северу от горного хребта. Там он в живом общении обучался осетинскому языку, пользуясь услугами таких знатоков, как грамотный урожденный осетин переводчик Жукаев и местный протоиерей Шио Двалиташвили, по происхождению грузин.

В конце апреля ученый продолжил путь в Пятигорск, чтобы своевременно приступить к курортному лечению на обильных и разнообразных минеральных источниках. Дождливая и прохладная погода, однако, не благоприятствовала лечебным купаниям, так что Шёгрэн отказался от них уже в июле. Незадолго до этого ему случилось простудиться, и он страдал невыносимыми головными болями ревматического происхождения.

Он решил съездить в Крым попытать там счастья в лечении. Сначала ему пришлось посетить Ставрополь, чтобы получить деньги на дорогу и добиться разрешения нанять солдатский конвой для опасного пути, который вел по реке Кубань через Екатеринодар в Тамань. Он получил разрешение взять с собой пять казаков, которые, однако, редко сопровождали его все одновременно. Успешно добравшись до Тамани и переехав Керченский пролив в районе Феодосии, или Кафки, он прибыл в столицу Тавриды⁹⁵, Симферополь. Задержавшись там некоторое время, он поехал на расположенный близ татарской деревни Сак знаменитый морской курорт, который находился рядом с городом Козловом, или Фанагорией, на западном берегу Крыма.

Погода и в Крыму не слишком благоприятствовала купаниям и курортному лечению. Все же Шёгрэн сумел хотя бы на этот раз избавиться от ревматизма и отправился далее, на райский южный берег Крыма. Проживавший в Симферополе соотечественник, государственный советник и ученый Стевен, отнеся весьма доброжелательно к прежде не знакомому ему Шёгрёну и оказал ему посредничество в

аренде квартиры с питанием у одной русской вдовы полкового священника. Вдова переехала в местечко Магарыч из Петербурга, купила земли, засадила виноградник и построила себе миленький домик на самом берегу Черного моря.

Там Шёгрэн весьма приятно провел два месяца, в течение которых почти три недели соблюдал диету, питаясь исключительно виноградом, ежедневно усердно плавал и совершал пешие прогулки, а также изучал персидский, турецкий и татарский языки. Месяцы на черноморском побережье, как и такой же по протяженности отрезок времени, проведенный в Симферополе в гостях у Стевена, оказались самыми приятными за всё путешествие как по комфорту, так и по духовным и телесным радостям. В доме Стевена собирались самые образованные люди края, а его тщательно подобранная библиотека стала для Шёгрена живым источником знаний о Кавказе. Стевен провел на Кавказе многие годы и, сам специализируясь на естествознании, усердно собирал материалы по истории, географии, этнографии и языкознанию, оказавшиеся крайне ценными. Из-за приближающейся старости он с редким великодушием передал свои коллекции частично Академии наук, частично персонально Шёгрэну, который с учетом своего намерения вернуться на Кавказ получил от этого дара неоценимую пользу.

<1837. Пятигорск. Кабардино-черкесские штудии. Поручик Ногма. Владикавказ. Осетинские штудии. Пятигорск. Санаторно-курортное лечение. Моздок. Дигорский диалект осетинского языка. Начало обратного пути. Харьков. Лечение глаз>

Поскольку русские войска уже вернулись на зимние квартиры из расположенных за Кубанью областей, Шёгрэн не решился возвращаться напрямую и избрал окольный путь по побережьям Черного и Азовского морей через Ногайск, Бердянск, Мариуполь и Таганрог.

По пути он задержался на пару недель в городке Карасу-базар, населенном преимущественно татарами. Замечательный городской врач Бётлинк поселил его у себя по рекомендательному письму от Стевена. Во время пребывания в городе Шёгрэн продолжил изучение татарского языка, как и при долгой задержке в Ногайске, где он встретил новый 1837-й год. После этого он проследовал через три других вышеупомянутых города и армянскую Нахичевань в Ставрополь, откуда прибыл в феврале в Пятигорск. Для защиты его здоровья, но уже слабого и пострадавшего от тряски глаза тамошний врач

укрепил ему на затылке род повязки, которую он с тех пор носил беспрерывно.

После этого Шёгрэн потратил почти месяц на изучение кабардино-черкесского языка в расположенной всего в 7 верстах от Пятигорска немецкой колонии Карас. Ее обычно называли Шотландка, поскольку ее основал шотландец Бантон, который в начале столетия учредил миссионерский пункт для воспитания детей горцев и преподавания им основ христианской веры. Шёгрэн поселился у урожденного кабардинца, воспитанного в колонии с самого детства. Тот раньше работал наборщиком бывшего Библейского общества в Астрахани, но, когда деятельность упомянутых обществ была в России закрыта, вернулся в Шотландку, занялся земледелием и женился на немке. Этот мужчина преподавал Шёгрэну свой родной кабардинский язык.

Позднее он нашел себе второго учителя, кабардинского дворянина по имени Шора Бекмурза Ногма, который ранее служил в сформированном из горцев гвардейском полуэскадроне в Петербурге и поднялся там до звания поручика. Теперь он вышел на пенсию и проживал в родном краю в 40 верстах от Шотландки. Ногма написал кабардино-черкесскую грамматику. Шёгрэн по счастливой случайности познакомился в Тбилиси с этим интереснейшим азиатом, полуобразованным, но всей душой ценящим науку и научные исследования, которым он ревностно предавался. Услышав, что Ногма живет недалеко, Шёгрэн отправил к отставному поручику гонца с приглашением прибыть с рукописью грамматики в Шотландку и поступить к нему учителем языка. Ногма так и сделал к их общей пользе.

К сожалению, знаток языка оказался совершенно неподготовлен к логическому мышлению и не умел систематически и ясно излагать свои мысли. Эти недостатки, как и ограниченность мышления, были вполне естественны, если принять во внимание его уровень образования. Кроме того, он весьма слабо владел русским языком, хотя и написал свою «Граматику» по-русски. С учетом всего этого, Шёгрэн изо всех сил пытался руководить им и призывал переработать и дополнить свой труд, чтобы впоследствии отправить его в Петербург, где Шёгрэн обещал приложить все усилия к его публикации и получению автором подобающего вознаграждения.

Ногма стал, однако, проявлять нарастающее недоверие к Шёгрэну, заметив, что академик все глубже проникает в дух его родного языка и замечает аналогии, которые сам носитель языка ранее не сумел выявить. Чтобы успокоить его ради получения максимальной пользы для науки, Шёгрэн открыто упрекнул его за подозрения и дал

ему честное слово, что сам не опубликует ничего по кабардинцам, если Ногма обещает при переработке рукописи последовать его советам.

Получив общее представление о кабардинском языке, Шёгрэн направился обратно во Владикавказ с целью изучения осетинского. Этим он усердно занимался в течение двух месяцев. Но его информантам постепенно наскучила работа с ним. Они не привыкли к столь утомительной и требующей усидчивости деятельности, которая к тому же мешала их обыденным занятиям. Сам Шёгрэн заметил, что собрал во Владикавказе и его окрестностях максимально полный материал по бытовавшему там диалекту осетинского языка⁹⁶. Чтобы узнать второй основной диалект, он отправился 6 (18) мая путешествовать по западной части ареала проживания осетин, Дигории. Путешествие оказалось тем более насыщенным приключениями, что малообразованный комендант Владикавказской крепости отказался отправить с Шёгрэном своего переводчика Жукаева, который великолепно подходил на роль спутника ученого и сам горячо желал сопровождать его в этой поездке. Комендант не решился отпустить академика совсем одного, и, понапрасну попытавшись отговорить ученого от опасной затеи, выделил ему офицера-осетина и троих казаков для сопровождения через кабардинскую равнину на юг до ближайшей дигорской деревни. Родственник офицера был там старостой, и Шёгрэна надлежало рекомендовать его попечению, чтобы обеспечить его дальнейшую безопасность. Мы не будем подробнее останавливаться на частных деталях поездки в Дигорию, поскольку подробный отчет о ней, основанный на письмах Шёгрэна академику Кругу, напечатан в III части периодического издания «Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg». В I и II частях этого научного журнала опубликованы выдержки из путевых заметок по предшествующим поездкам и другие письма, касающиеся кавказоведения.

Главная личная цель насыщенного приключениями и многотрудного путешествия на юг все же не была достигнута. По прибытии в Тифлис из Дигории через Рачу, Имеретию и Западную Карталинию по почтовому тракту Шёгрэн написал прошение о продлении срока экспедиции до конца года и послал его письмом министру просвещения, президенту Академии Уварову. В начале июля ученый вернулся по почтовому тракту через Владикавказ в Пятигорск. Тот же врач, который ранее весной наложил на его затылок повязку, собирался испытать сублимационное лечение, но отказался от этой затеи после высказанных коллегами сомнений.

Шёгрэн попытался прибегнуть к лечению водами: как к приему внутрь, так и к купаниям на знаменитом холодном минеральном источнике Нассаус, расположенном в двух шведских милях от Пятигорска. Питье минеральной воды не подошло ему, и он отказался от него. Напротив, он ощущал, что весьма окреп от ванн, которые принимал до конца прописанного ему периода.

Получив тем временем из Петербурга продление срока, он опять заехал к кабардинскому поручику Ногме и потом отправился в небольшой городок Моздок, где надеялся ближе познакомиться с дигорским диалектом осетинского языка. Эта надежда не оправдалась до тех пор, пока при помощи одного армянина, в доме отца которого ранее проживал во время экспедиции Клапрот, Шёгрэн не разыскал урожденного дигорца. Последний жил между Моздоком и Екатериноградом в расположенной в стороне от почтового тракта деревеньке, населенной исключительно перебравшимися туда из Дигории жителями. За оговоренную плату этот мужчина согласился поселить Шёгрэна у себя в доме и обучить его дигорскому диалекту. К нему ученый и переехал после того, как позанимался в Моздоке кабардинским языком с одним из проживавших в городе многочисленных черкесов.

Осетин оказался хорошим знатоком русского языка, на котором он знал даже грамоту. Кроме того, он от природы отличался понятливостью, так что Шёгрэн уже за три недели сумел осуществить свои научные задачи, хотя и ценой тяжелой и дорого обошедшейся ему жертвы. Как обязанности линейного казака, так и случайные хозяйственные работы, и проводившаяся в его доме свадьба отвлекали его почтенного хозяина от надлежащего преподавания, так что вечерами он старался наверстать упущенное днем. Поэтому Шёгрэну приходилось часто писать при свете огня до поздней ночи, тем более что он сам стремился по возможности сократить срок пребывания в этом краю.

Комната, в которой он жил, была вполне опрятна, однако негодная печь в ней сильно дымила, так что при ее топке — неизбежной в такое позднее время года — приходилось держать окна по большей части открытыми, чтобы выветрить дым. Из-за сквозняка Шёгрэн заболел катаром и головной болью. От напряжения и задымленности зрение стало сильно ослабевать в его больном глазу, хотя до того не ухудшалось.

Все эти обстоятельства побудили его поспешить с отъездом и вернуться снова в Пятигорск, где оба предыдущих раза он останавливался у одного соотечественника, тамошнего полкового аптекаря. Там он

и сейчас надеялся снять приличное жилье, чтобы знакомый врач мог за максимально короткое время подлечить его хотя бы общее недомогание перед дальней дорогой в Петербург.

Врачи не разрешили ему уезжать раньше 12 (24) декабря, и его отъезд при 14-градусном морозе сопровождался самыми дурными приметами. Мороз усилился до -23° еще до его прибытия в Ставрополь и всю дорогу оттуда до самого Петербурга держался между 20 и 30 градусами. Шёгрёну был прописан регулярный прием лекарств, а также рекомендовано соблюдение строгой диеты. Но поскольку постоянных дворов не было нигде, кроме Ставрополя, а у русских как раз соблюдался рождественский пост, путешественнику пришлось заметить диету голоданием.

<1838. Приезд в Петербург обмороженным. Финно-угроведческие и иные исследования. Планирование экспедиции по Западной Сибири. Посещение Ийтти. В Хельсинки и Турку. Пасторская должность в Выборге. Представление Кастрена для сибирской экспедиции. Чин коллежского советника. Повышение жалованья>

В пути по казачьему краю Шёгрена постигло несчастье. При переправе через Дон случился сильный буран, и путешественник отморозил уши и лицо, когда ямщик сбился с дороги в равнинной степи. Проблуждав среди бела дня два часа, они с помощью встреченного казака добрались до казачьей хижины, находившейся всего в восьми верстах от последней оставленной им почтовой станции. Там пришлось заночевать вместе с несколькими крестьянами, которые также искали убежища от непогоды. Два других раза ему приходилось ночью при угрозе непогоды возвращаться за несколько верст на ту же почтовую станцию, с которой он только что уехал. Из-за этого он решил впредь при наступлении темноты не продолжать путь, а оставаться на ночь на той станции, куда успел добраться за светом.

Шёгрёну рассказывали, что в университете Харькова служит отличный офтальмолог, итальянец Ванцетти. Поэтому ученый решил ехать не через Черкасск и Воронеж, а окольным путем через Ростов, Харьков и Курск, чтобы в Харькове проконсультироваться по поводу своего зрения.

Вначале Ванцетти высказал предположение, что на больном глазу начинается катаракта, но предложил Шёгрёну задержаться на несколько дней, чтобы более тщательно обследовать глаза. В канун Но-

вого года (по новому летосчислению) пациент вместе с другими страдающими глазными болезнями был помещен в университетскую клинику, в совершенно темную комнату, и в его глаз закапали постепенно несколько капель. Скрупулезно обследовав глаз следующим утром на рассвете, профессор вынес вердикт, что Шёгрёну придется полностью отказаться от надежды на излечение этого глаза. Ему оставалось заботиться только о сохранении второго, ведя осторожный образ жизни и всячески оберегая глаз от любого напряжения. Ни о какой операции не приходилось думать, чтобы не поставить под угрозу здоровый глаз, так что Шёгрёну впредь не следовало позволять такую операцию, до тех пор пока он способен обходиться зрячим глазом. Об основной причине недуга профессор не сказал ничего, только предположил, что дефект заключен в хрусталике.

В тот же самый день после полудня Шёгрён поспешил покинуть Харьков. Опасаясь не успеть в Петербург до окончания срока экспедиции и попасть в столь же затруднительное положение, что и три года назад в Хельсинки, при начале своего глазного заболевания, он день и ночь двигался в направлении Курска и Тулы, останавливаясь лишь перед непреодолимыми препятствиями. Передохнув пару дней у соотечественников в Москве, он в том же темпе продолжил путь в Петербург, куда и прибыл своевременно, до начала заседания Академии вечером 7 (19) января.

В своей второй обширной экспедиции Шёгрён провел два года и три месяца. Кроме лица и ушей, он под конец путешествия отморозил ноги настолько, что, несмотря на многие попытки лечения, несколько пальцев болели даже следующей зимой. Зрение в больном глазу было полностью утрачено, и на нем начало расти различное бельмо. Впрочем, в остальном он чувствовал себя окрепшим и энергичным. Большой радостью для него стало возвращение из Куопио жены и дочери здоровыми и бодрыми, невзирая на жгучий мороз, характерный для тогдашней зимы.

Министр был весьма любезен с Шёгрёном, но его материальное положение опять ухудшилось по сравнению с 1835 годом, когда началось путешествие на Кавказ. Шёгрён оставался лишь экстраординарным академиком и получал только 3500 рублей жалованья ежегодно, а такой доход становился для него недостаточным. У него не было надежды на улучшение положения от повышения по службе до ординарного академика. Круг, несмотря на старость, был весьма расторопен. За время отсутствия Шёгрёна по предложению Круга был выбран и назначен адъюнктом по той же специальности, тот самый ученый, из-за которого Шёгрён попал в немилость к министру. Буду-

чи фаворитом министра, он мог стать для Шёгрена опасным соперником в будущем, когда по выбытии Круга откроется занимаемая им вакансия действительного члена Академии.

Сколь ничтожны были шансы Шёгрена на дополнительный заработок, проявилось в характерном эпизоде. При посредничестве одного лица он попытался занять должность временного инспектора частных учебных заведений столицы. Такие доходные места президент Академии имел обыкновение распределять для материальной поддержки поочередно между академиками и профессорами университета (Уваров был еще и куратором Петербургского учебного округа). Князь ответил, что Шёгрэн не годится для этой должности, поскольку недостаточно владеет русским языком. Многие из его коллег исполняли инспекторские задания сразу по прибытии в страну, когда они никак не могли владеть русским языком также свободно, как Шёгрэн.

После этого Шёгрэн решил, что больше не будет добиваться от своего начальника никаких знаков расположения, а присмотрится, нельзя ли получить у себя на родине какое-нибудь подобающее место. За это время он почел себя обязанным по возможности разделаться с научными долгами перед Академией.

Придя к этому решению, он сначала принялся за незавершенное исследование о святом Олафе. Он изложил резюме в своем очередном докладе 16 марта. Доклад был напечатан в ежегодном бюллетене Академии, в IV части, на страницах 17–21. Тут он заметил, что за время перерыва объем научной литературы и источников по теме возрос настолько, что представлялось необходимым выверить уже завершенные разделы до того, как будет рассчитывать довести труд до конца. Шёгрэн решил подождать дополнительных материалов и отложил свой труд в сторону.

По стечению случайных обстоятельств академик обратился к изучению языков и культур нескольких родственных финскому народов. Он получил на проверку рукопись грамматики коми-пермяцкого языка, которую составил протоиерей Соликамска, Пермской губернии, Феодор Любимов. 7 июня Шёгрэн представил в Академию отзыв о пермской грамматике, который был опубликован в бюллетене в IV части (с. 234–237). Он написал подробные замечания, которыми ревнитель-самоучка Любимов мог руководствоваться в случае, если примется за переделку своей рукописи, как было рекомендовано в отзыве.

Еще прошедшей зимой генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков выступил с благородным призывом направить в на-

учную экспедицию по этому обширному малоизученному краю группу исследователей и выразил редкостно щедрю готовность всячески этому содействовать. В ответ на это предложение был сформирован комитет для планирования экспедиционного обследования Сибири, а Шёгрёну предстояло обозначить этнографические и лингвистические аспекты, требующие первоочередного изучения. Ему предложили самому осуществить те исследования, которые он считает желательными, или предложить чью-либо кандидатуру. У самого академика не было никакого желания отправляться в столь дальнюю поездку, особенно сразу после возвращения из многотрудной кавказской экспедиции с отмороженными конечностями и утраченным зрением (тем более что именно ради излечения глаза он и поехал на Юг).

Шёгрёну вызвался подыскать соотечественника, который был бы достаточно компетентен для изучения народов Сибири и желал бы выполнить это поручение. С этим намерением академик отправился в Финляндию в летний отпуск, причем эта поездка была весьма желанной для него самого. Он рассчитывал подыскать себе какое-нибудь подходящее место службы и после долгого перерыва проконтролировать положение своего престарелого отца, тем более что он слышал, будто его благодетель пробст Ерппе подал прошение о переводе из Ййтти в другой приход и оно было удовлетворено.

Состояние отца опечалило сына. Старик уже давно испытывал недовольство хозяйкой своего жилья, а та с не меньшим на то основанием сердилась на жильца. Бывшая экономка отца и несколько прочих бездельников, которые рассчитывали получить за счет его сына бесплатное жилье, отопление и бесплатное пропитание, внушили старику, что они служили бы ему и заботились о нем за те же деньги много лучше, чем вдова. Доверчивый и ослабевший с годами старик поверил всему этому и оказался вовлечен в конфликт. Натянутые взаимоотношения уже давно привели бы к тяжелейшей ссоре, если бы вдова не проявляла ангельского терпения и готовности прощать придирки старика из сострадания к нему и уважения к его сыну, продолжая заботиться о своем подопечном. По прибытии Шёгрёна вдова могла избавиться от этого бремени. Она предложила взамен своего жилья у нового кантора прихода, к которому престарелый отец Шёгрёна испытывал большее почтение, чем к ней, пожилой и самой уже слабой здоровьем женщине. Утратив память и разум, старик был подвержен влиянию проходимцев и позволил за символическую плату и угощение спиртным выманить у себя часть домашней утвари (без ведома хозяйки), не говоря уже о новой одежде, посланной не-

весткой. Сыну пришлось возместить и этот ущерб. Всё же, повысив плату, он уговорил вдову еще некоторое время поддержать старика у себя. Хозяйка имела право передать его на попечение кантора, буде постоялец не станет соблюдать оговоренные сыном условия и выполнять ее требования. На этот случай с кантором была достигнута предварительная договоренность.

На благо Академии и науки, но не забывая о собственных интересах, Шёгрэн побывал в Хельсинки и Турку. Он нанес визит государственному секретарю по делам Финляндии графу Ребиндеру, который по обыкновению проводил лето в своем поместье близ Турку. Шёгрэн решил просить у финского Императорского сената дозволения опубликовать и публично защитить в университете диссертацию по теологии, что обеспечило бы ему право занимать в Финляндии должность профессора или адъюнкта теологии. Если бы теологический факультет утвердил диссертацию, у него появилась бы квалификация, позволяющая претендовать на привилегированную пасторскую должность. Тогда же он объявил о своем желании поступить на должность приходского настоятеля Выборга и его окрестностей, на замещение которой городской магистрат имел право выставлять собственного кандидата. Однако магистрат Выборга не нашел уместным воспользоваться правом выдвижения до того, как сенат примет решение по прошению Шёгрена. Право на теологическую защиту ему предоставили после того, как сенат выслушал мнение обеих консисторий о его деле. В решении за консисториями закреплялось право, исходя из отзыва на диссертацию, определить, на какие пасторские должности может претендовать Шёгрэн.

Для планируемого путешествия в Сибирь Шёгрэн подбирал кандидатуры профессора⁹⁷ или доцента⁹⁸ восточной литературы Гельсингфорсского Александровского университета, которые в научном отношении оба были вполне подготовлены для этой задачи.

Но ни один из них не желал ехать в Сибирь, так что они посоветовали обратиться к молодому магистру Кастрену, который, однако, в тот момент находился в экспедиции по Лапландии и поэтому был недоступен для контактов. Возвратившись осенью, он написал Шёгрену и вызвался поступить на службу в Российскую академию наук, если бы ему предоставили время надлежащим образом подготовиться к поездке и немного усовершенствовать владение русским языком. Поскольку экспедиция еще только планировалась и ее осуществление зависело от многих непредвиденных обстоятельств, в тот момент не было возможности рассмотреть предложение магистра Кастрена. Поэтому Шёгрэн лишь частным порядком призвал молодого финно-

угроведа продолжить свои исследования в таком направлении, чтобы его можно было привлечь к сибирской экспедиции впоследствии, когда задуманное путешествие будет предпринято.

В конце того же года, 9 (21) декабря, Шёгрэн был награжден почетным титулом и чином коллежского советника. Чин был учтен ему в качестве дохода задним числом, начиная со 2 (14) декабря 1835 года, так что эта почесть стоила ему свыше 300 рублей из жалованья. Ущерб оказался тем более ощутимым, что его супруга родила ему 9 марта следующего года вторую дочь, названную в крещении Фанни Густавой.

Наконец старшие коллеги-академики склонили министра получить всемилостивейшее утверждение у государя решения относительно повышения Шёгрэну жалованья. Его оклад повысился на полторы тысячи рублей ассигнациями ежегодно, выплачиваемых из средств Академии. Ученого особенно обрадовало то специально оговоренное в постановлении обстоятельство, что надбавка к жалованью будет выплачиваться ему до тех пор, пока он не оставит службу в Академии наук. Это был, собственно говоря, первый и единственный неподдельный знак милости, возмещавший Шёгрэну те унижения и лишения, которые пришлось на его долю за десять академических лет. Зерно милости упало на плодородную почву и принудило ученого по крайней мере временно отказаться от планов возвращения в Финляндию.

Незадолго до присуждения надбавки функционирующее в Хельсинки Научное общество Финляндии⁹⁹ оказало российскому академику честь избрать его своим членом 8 апреля. Аналогичную почесть ранее в том же году оказало Эстонское ученое общество¹⁰⁰, избравшее Шёгрэна в свои члены 18 января.

<1839–1840. «О знании и использовании металлов у финнов и других чудских народностей». Рецензирование кабардинской и самоедской грамматик, остяцкого словаря и осетинского псалтыря. Празднование 200-летнего юбилея Хельсинкского университета и участие Шёгрэна в делегации Императорской Академии. Последнее свидание с отцом в Йитти. Новая квартира в Петербурге>

По результатам своих последних исследований Шёгрэн выступил 21 июня в Академии с изложением своего труда «De Finnis aliisque Tscudicis gentibus scientia et usu metallorum antiquitus insignibus»¹⁰¹,

которое было напечатано в VI части серии «Bulletin scientifique» (с. 163–178).

Позднее он начал систематизировать и обрабатывать материалы по осетинскому языку. Но неожиданно ему частным образом поступили для рецензирования сразу две рукописных грамматики.

Одной из них была написанная упомянутым выше кабардинским поручиком Ногмой «Грамматика кабардино-черкесского языка»¹⁰².

Вторую — «Грамматику самодийских языков»¹⁰³ — составил русский архимандрит Вениамин, с которым Шёгрэн познакомился на Мезени во время путешествия по Русскому Северу зимой 1826 года. Вениамин руководил незадолго до того начавшейся деятельностью архангельского священства по обращению самодийских язычников в православие¹⁰⁴.

По мнению Шёгрена, ни одна из этих рукописей не была достаточно зрелой для того, чтобы он мог рекомендовать ее к печати; но на благо науки и во имя дружбы академик снабдил каждый из трудов обширными подробными замечаниями, которыми авторы могли воспользоваться при переработке своих грамматик.

То же самое произошло еще с двумя лингвистическими исследованиями. Русско-остяцкий¹⁰⁵ словарь и перевод Давидовых псалмов на осетинский язык были присланы Шёгрэну для проверки по академическим каналам из Сибири и с Кавказа, первоначально в Священный синод. Эти поручения дополнили перечень дополнительных обязанностей академика на ближайшие два года. Поэтому он задержался с собственной работой над грамматикой осетинского языка.

Летом 1840 года Шёгрэн совместно с государственным советником фон Фусом были отправлены в официальную поездку в Хельсинки в качестве представителей Российской академии наук для присутствия на официальных торжествах в честь 200-летнего юбилея Императорского Александровского университета. Празднование состоялось по случаю двухсотлетия со времени основания Кристиной, королевой Швеции, Академии Або в г. Турку, ставшей предшественницей университета. Для участия в торжествах Академия предоставила обоим делегатам по 200 рублей серебром на дорожные расходы, но при утверждении решения министр уполовинил сумму. Академия выбрала Шёгрэна своим представителем потому, что он получил высшее образование именно в стенах этого университета, когда тот до переезда в новую столицу еще находился на своем первоначальном месте, в городе Турку–Або. К тому же (что скорее всего и послужило тайной причиной получения Шёгреном представительской миссии в свою альма-матер), финский ученый, по инициативе своих друзей из Хельсинкско-

го университета, предложил избрать почетными докторами философии этого университета секретаря Академии наук и нескольких коллег, не имевших этой ученой степени.

В обратный путь Шёгрэн в одиночку отправился по суше, чтобы навестить по дороге своего престарелого отца. Отец, согласно договоренности, пребывал на попечении кантора и был крайне недоволен условиями своего проживания. Повышение платы за уход до 200 рублей вновь сподвигло коварную экс-домоправительницу к интригам, в результате коих старик вновь возымел желание обрести ее если не как супругу, то хотя бы как экономку, чего требовал под предлогом того, что пожилая женщина издавна привыкла к нему, а он к ней. Напрасно сын пытался открыть ему глаза на то, что было потайной пружиной устремлений алчной старухи. Шёгрэн уговаривал отца отринуть предложенный ею план, который входил в противоречие с интересами нынешних благодетелей старика и был, в том числе и по этой причине, гибелен для него самого. Оставалось только одновременно успокаивать старика и склонять домочадцев кантора терпеть до следующего приезда Шёгрэна, который планировался самое позднее на лето 1841 года. К тому времени разногласия усугубились настолько, что кантор заявил академику, что больше не может и не желает терпеть у себя старика.

Это было вполне ожидаемо, ведь истинная разжигательница нынешних раздоров, продолжавшихся годами, по мере того как слабел старик, всё сильнее страшилась лишиться результатов своих многолетних козней: беззаботной жизни и права унаследовать после его смерти хотя бы его комнатку и скудное движимое имущество. Обстоятельства были повсеместно известны, и никто не испытывал особого желания брать в свой дом скандального старика без повышенной платы за уход. С другой стороны, старик нипочем не желал переезжать из своей хибары. Единственным выходом было уговорить кантора по-прежнему заботиться о содержании деда. Все же ему было разрешено в крайнем случае пустить к себе прежнюю экономку отца Шёгрэна, которая тогда могла бы по его смерти унаследовать его имущество и хибару, если кантор согласится терпеть ее на своей земле.

Старик по-прежнему оставался вполне бодрым, хотя помимо давным-давно ухудшившегося слуха у него стало слабеть еще и зрение. Сын не мог знать, что летом 1841 года в последний раз застал своего отца в живых. Но так произошло: старик скончался следующей весной, в начале апреля 1842 г., в возрасте 82 с половиной лет.

Тем временем в судьбе ученого в Петербурге отчасти произошли, отчасти ожидалась новые события. Благоприятной переменной летом

1840 года оказался переезд по согласованию с вице-президентом Академии, в освободившуюся после смерти одного коллеги квартиру, лучшую, чем предоставленная Шёгрёну прежде. Квартира, впрочем, не была ни просторнее, ни удобнее предыдущей, только менее сырой и от этого более здоровой, что было полезно в особенности для больного глаза ученого.

<1841. Летние каникулы в Токсове. Новое рассмотрение планов сибирской экспедиции. Кандидатура Кастрена. Выдвижение Шёгрёна академиками Френом и Грефе на новую должность ординарного академика>

На новой квартире у Шёгрёна родилась в мае следующего (1841) года третья дочь, которую в июне крестили под именем Саара Йоханна за городом, в Токсове. Туда Шёгрён с семьей уже в третий раз переезжал на лето в усадьбу к другу семьи пробсту Скутте, чтобы укрепить свое и близких здоровье за время пребывания в красивой местности на свежем деревенском воздухе, предаваясь ежедневным купаниям.

В тот же самый 1841-й год академик Бэр вновь поднял вопрос об отправке научной — преимущественно естествоиспытательской — экспедиции в Сибирь. О ней уже долго велась интенсивная переписка с князем Горчаковым и другими влиятельными людьми края.

Шёгрёна опять пригласили в комитет, вновь учрежденный для планирования конференций. Его задачей стала разработка для членов экспедиции подробных инструкций, следовать которым им надлежало также при сборе этнографических и языковедческих материалов.

Как и в своей прежней резолюции, Шёгрён опять подчеркнул, что такое совмещение нецелесообразно. Напротив, если ставить цель сделать нечто достойное на благо названных наук, как было бы желательно, надлежит доверить экспедиционное обследование края специальному коллективу, включающему одного или нескольких филологов и полностью независимому от физико-естественнонаучной партии из-за несовпадения исследовательских целей. Это предложение не понравилось фон Бэру, который страшился, что смета расходов из-за этого вырастет настолько, что правительство вообще не утвердит экспедиционный план. Из-за этого он отнес в приложение, которое правительство могло проигнорировать, поданную как некое благое пожелание просьбу о выделении на отдельное этнографо-лин-

гвистическое обследование края трех тысяч рублей серебром сверх запрошенных для основной экспедиции десяти тысяч.

Шёгрэн сам ожидал, что уж приложение к смете точно будет отвергнуто, и поэтому был крайне удивлен, как и все остальные, услышав в итоге, что при посредничестве щедрого благотворителя, министра финансов Канкрин, были выделены все запрошенные 13 тысяч рублей серебром. Историко-лингвистическое отделение призвало Шёгрэна осуществить разработанный им план экспедиционного обследования Сибири самолично или вместе с Кастреном, ранее намеревавшимся поехать в экспедицию.

Кроме того, академики Френ и Грефе вызвались выделить из финансирования возглавляемых ими музеев — соответственно «Азиатского» (нумизматического) и египетского — несколько тысяч рублей в добавление к выплачиваемым государем и правительством трем тысячам, поскольку этой суммы было явно недостаточно для двоих путешественников. Предполагалось, что руководители Академии согласятся на выделение этих дополнительных средств, как это и произошло позднее. Поскольку труд Шёгрэна по осетинам еще не был завершен, хотя его уже начали печатать, а с путешествием в Сибирь не было особой спешки, Шёгрэн обещал обдумать свое участие после завершения издания. Тем временем освободился бы Кастрен, который в данный момент за счет предоставленной ему значительной стипендии совершал экспедицию по Лапландии и Русскому Северу для изучения лопарского и самодийского языков. Главное, Кастрен, который с 1839 года стал доцентом финской литературы и скандинавских языков Александровского университета Хельсинки¹⁰⁶, успел бы настолько созреть профессионально, что смог бы не только сопровождать Шёгрэна в его путешествии, но и предпринять экспедицию самостоятельно.

Упомянутые выше двое академиков проявили уважительное доверие к Шёгрэну, публично предложив открыть для него новую должность по специальности, которую они полагали весьма полезной для блага науки и организации исследований Академии. Френ и Грефе знали, что их коллега ревностно желает изучать языки и этнографические условия ряда отечественных, прежде всего чудских¹⁰⁷ и кавказских народностей. Они знали и ценили исследовательские труды, которые он опубликовал в этих областях. Значительный вклад он внес и при рецензировании чужих трудов по финно-угроведению и кавказоведению, что поручалось ему официально как единственному в этой области специалисту, несмотря на его обширные обязанности по своей непосредственной дисциплине: «русской истории и древно-

стям». Количество сверхплановых поручений, касающихся самых различных народов, возрастало год от года и становилось для ученого все более утомительным, тем более из-за болезни глаз, из-за которой ему было рекомендовано воздерживаться от всякой работы при свете огня. Кроме того, он имел обыкновение выполнять все данные ему задания чрезвычайно ответственно. Ненавидя всякое изворотливое, бессодержательное красноречие, он обосновывал тщательными доказательствами свои суровые, но фундаментальные похвалы и претензии. Принимая во внимание все эти обстоятельства, его рекомендатели нашли основания добиваться для него такого положения, в котором он мог бы, не будучи ничем потревожен, предаваться своим любимым областям науки — лингвистике и этнографии, которые он фактически и сейчас представлял в Академии дополнительно к основной специальности. Это можно было организовать за счет повышения Шёгрена до должности ординарного академика по специальности «Этнография и языкознание», охватывающей чудские и кавказские народы России.

Инициатива выглядела — независимо от частных обстоятельств Шёгрена — весьма благотворной и полезной объективно и была более, чем когда-либо, насущно востребована современностью. Данные области знания доселе пребывали в пренебрежении, невзирая на то что они были весьма необходимы и важны именно в России, где некоторые малочисленные, говорящие на своих языках народности успели вымереть до полного исчезновения, так что для науки от них осталось только опустошенное мертвое имя. Честь Российской империи требовала, чтобы на эти отвергнутые наукой народности наконец обратили внимание и попытались спасти по крайней мере то, что еще можно было спасти.

В Императорском рескрипте, по которому Российскую академию закрыли в конце 1841 года и присоединили специальным (вторым) отделением к разделенной на три отраслевых подразделения Академии наук¹⁰⁸, прямо оговаривалось использование ресурсов бывшей Российской академии на укрепление малочисленного (третьего) «Отделения исторических, филологических и политических наук».

Даже если бы Шёгрена и перевели на другую дисциплину, историю России представляли бы в Академии два члена: Круг как ординарный и Устрялов как экстраординарный академик. Кроме того, Шёгрена можно было бы заменить новым адъюнктом по специальности «История России», если бы возникла такая необходимость. Инициаторы учреждения новой специальности были уверены, что министр народного просвещения примет во внимание все эти говоря-

щие в пользу Шёгрена обоснования. Ведь в начале столетия сам Уваров в своей знаменитой статье «Idéen zu einer Asiatischen Akademie»¹⁰⁹ признал важность изучения различных языков, на которых говорят в Российской империи, для чего и предложил учредить «Азиатскую» академию. К сожалению, при обсуждении никому не пришло в голову указать на давнюю публикацию министра народного просвещения.

<1842. Дальнейшее рассмотрение открытия специальности в Академии. Рецензирование труда Финна Магнуссена «Runato og Runerte». Работа над осетинской грамматикой>

Но персонально Шёгрэн не представлялся Уварову желательной фигурой, так что он, по своему обыкновению, отказался дать свое согласие, когда с ним частным образом обговаривали возможность открытия новой специальности. По слухам, он, в частности, заявил, что в свое время, после ухода Шёгрена, некому будет занять эту должность. С другой стороны, он считал, что Устрялов не сможет заменить для Академии Круга по его убытию. Кроме того, Шёгрэн мог, по словам министра, и в нынешнем положении изучать те дисциплины, которые желал. Невзирая на позицию Уварова, названные академики выступили в Академии со своей инициативой, причем подробно осветили внутренние и внешние обоснования, опираясь на обзор, подготовленный Шёгреном. Согласно недавно принятому уставу, вначале они выступили с официальным предложением на заседании отделения в феврале 1842 года. На заседании оно было утверждено с одним лишь замечанием по существу дела: чтобы названные области знания были представлены в Академии не одним, а несколькими учеными.

Затем предложение было оглашено на февральском общем собрании, первом из проведенных после слияния Российской академии с Академией наук. На собрании оно получило поддержку многих членов первого отделения, объединившего представителей математических, физических и естественных наук, но встретило горячее неприятие нового, второго, Отделения русского языка и словесности. Особенно резко протестовал его председательствующий, князь Ширинский-Шихматов, который в прошлом году стал товарищем министра народного просвещения. По слухам, Ширинский-Шихматов отнюдь не мог поверить в то, будто Шёгрэн действительно овладел всеми названными языками в том же совершенстве, как родным

финским и рядом родственных ему диалектов, и потому считал неподобающим и беспричинным доверить Шёгрёну целую научную дисциплину, которой филологу самому требовалось еще обучаться.

После горячей дискуссии один из членов нового подразделения предложил, чтобы рассмотрение дела было перенесено на следующее общее собрание Академии, чтобы каждый ее член мог внимательно и тщательно обдумать вопрос. Многие из членов прежней Академии за это время написали меморандумы, в которых они пытались поддержать целесообразность инициативы.

Князь Ширинский-Шихматов, напротив, выступил с устным заявлением о том, что господствующему национальному языку империи, русскому, надлежит обладать приоритетом перед всеми остальными, а во втором отделении как раз готовится его новая грамматика и новый словарь, на издание которых едва достанет средств прежней Академии. Он упомянул о той несправедливости, которой подвергаются члены нового второго отделения по сравнению с двумя остальными, не получая никакого жалованья и довольствуясь случайными гонорарами. (На этих условиях и были включены в состав Академии наук 20 членов Русской академии, по основному роду занятий занимавшие в государстве высокие и важные должности. Комитет, планировавший слияние, предлагал включить во второе отделение лишь ограниченное число членов, которым бы платили регулярное жалованье, как и другим сотрудникам Академии наук. По принятой в Академии наук практике их надлежало выбрать из известных ученых, прославившихся трудами по языкам и литературе России.)

Прибывший на заседание вице-президент Академии наук, князь Дондуков-Корсаков прекратил дальнейшее обсуждение вопроса указав на необходимость длительных размышлений с самой затруднительной, а именно финансовой точки зрения. С рассмотрением инициативы пришлось повременить до составления примерной сметы финансирования Академии после слияния и с учетом сложных взаимоотношений подразделений. Это требовалось еще и потому, что попеременно господствовали две точки зрения о количестве представителей отечественного языковедения и этнографии, а кроме того, была озвучена инициатива об открытии новой адъюнктуры по литературе и языку Китая. Вскоре с согласия президента было выдвинуто официальное предложение открыть должность по китаистике и было решено отыскать кандидата, который за счет Академии будет направлен в Париж и в Китай, чтобы надлежащим образом подготовиться к вступлению в эту должность.

Шёгрёну пока пришлось довольствоваться тем случайным знаком признания из-за границы, что его 9 сентября пригласили в члены-корреспонденты только что основанного в Таллинне Общества эстонской литературы¹¹⁰.

Хотя теперь нельзя было предоставить Шёгрёну такую должность, чтобы он смог полностью посвятить себя сугубо интересующим его исследованиям, а заместитель министра публично выразил сомнения в языковедческой квалификации Шёгрёна, ему по-прежнему давались официальные дополнительные поручения, которые касались именно названных языков.

Редко чужие труды качеством исполнения приносили ему ту меру удовлетворения и пользы, которая возместила бы время и труд, потраченные в ущерб собственным исследованиям. Неожиданное исключение составило порученное Шёгрёну министром рецензирование недавно изданной книги «Runamo og Runerne» знаменитого датского ученого Финна Магнуссена¹¹¹. Шегрен с подлинным наслаждением прочитал эту крайне поучительную, важную и талантливую книгу, относящуюся к мало известной ему рифмованной литературе. Он написал подробный обзор, в котором сначала вкратце изложил свое видение содержания книги, а потом попытался привлечь внимание к представленным в книге новым и весьма примечательным находкам, касающимся России. Их Шёгрён пытался дополнить и развить со славяно-русской перспективы, которая для скандинавского автора была полностью или почти неведома. Учитывая особую важность темы, Академия по предложению Шёгрёна решила напечатать всю рецензию, которая и увидела свет весной 1843 года. Кроме того, Шёгрён с удовлетворением узнал, что государь император соизволил наградить заслуженного иностранного автора труда орденом Святой Анны второй степени.

<1843. Лексикографические труды по осетинскому языку. Исследования Кастрена. Антал Регули как претендент на место сибиреведа>

Помимо выполнения дополнительных заданий, Шёгрён наконец завершил предпечатную подготовку грамматической части своего осетинского труда и дополнил рукопись его двуязычного словаря. Словарю предстояло увидеть свет в виде продолжения грамматики. Ученый предпринял этимологические разыскания для выяснения происхождения встречающихся в нем осетинских слов и установле-

ния родства с другими языками. Оказалось, что это приложение в ходе работы разрослось до поистине невероятных размеров, так что Шёгрэн решил изменить план и опубликовать пока простой перечень слов, компаративный разбор которого он за исключением нескольких редких замечаний рассчитывал ограничить безусловными заимствованиями из других языков (ср. в Предисловии к *Ossetische Sprachlehren*, с. XXII). Летом 1843 года он принялся писать словарь заново согласно измененному плану. Его супруга успешно родила 19 июля четвертую дочь, названную в крещении Фредрикой Юстиной. Осенью была подготовлена также новая рукопись «Осетинской грамматики» в двух редакциях: немецкой и русской, и было начато ее печатание. Тем времен Шёгрэн случайно оказался вовлечен в серьезную свару с парой коллег.

Его соотечественник и доцент Хельсинкского Александровского университета Кастрен, используя поступившую с финской стороны материальную поддержку, продолжал экспедицию по Русскому Северу и продвинулся на восток до реки Печора. Оттуда он собирался отправиться далее на Урал, чтобы продолжить затем путь по зимнику прямо на север Западной Сибири, к городку Обдорск. Поскольку его стипендия была исчерпана, он был готов поступить на службу в <Императорскую> Академию наук. Предположительно Кастрен достиг того географического пункта, откуда мог приступить к осуществлению экспедиционного задания Академии. Молодой собиратель уже полностью созрел для этого профессионально, как Шёгрэн смог увериться по получению тех писем, которые Кастрен по пути отправлял как ему, так и соотечественникам в Финляндию, так что академик решил вновь предложить его в качестве исполнителя для осуществления лингво-этнографического обследования Сибири.

Чтобы сделать свое предложение еще более эффективным, Шёгрэн предложил Кастрену отправить до отъезда из Печоры его «Граматику» северного диалекта коми-зырянского языка, чтобы представить ее как свежий плод экспедиционных исследований. Ожидая прибытия этой рукописи, Шёгрэн узнал, что против задуманной им кандидатуры Кастрена плетутся интриги в пользу другого лица. Конкурентом был некий венгерский студент по имени Регули, который после изучения юриспруденции у себя на родине отправился без какой-нибудь собственно научной цели, для развлечения в Германию, Швецию и Финляндию, где и выучился понимать и говорить по-фински. Обнаружив, что он приобрел в обществе популярность благодаря как знанию национального языка, так и приятной внешности и любезному поведению, он возымел желание продолжить свое путе-

шествие в Россию, чтобы ознакомиться с живущими там родственными финнам народностями.

С этой целью Регули прибыл в Петербург, завязал там за долгое пребывание множество знакомств и возбудил понятный интерес, но не достиг своей главной цели: получить денежное вспомоществование для путешествия во внутренние земли страны. Шёгрэн и сам гостеприимно принял его, проконсультировал и призвал подготовить какой-либо филологический труд, чтобы получить лучшие рекомендации, чем просто по внешним впечатлениям. На это Регули не согласился под предлогом того, что не может думать ни о чем подобном, пока не составит себе общего впечатления о цепочке родства, связывающей эти родственные между собой языки. После долгого, но, по признанию академика Бэра, бессистемного обучения он заявил, что написал обширный труд и отослал его в основанную в Пеште Академию Венгрии, откуда надеется получить стипендию. Вышеназванный академик, симпатизируя юноше, *bonis moribus*¹¹² помог ему, потребовав в печатной статье помощи от названной Академии и народа Венгрии, упрекая, что иначе Регули сможет и без их поддержки получить средства для воплощения благородной национальной цели.

Когда это не помогло, Бэр предпринял отчаянный и поспешный шаг. При помощи пары коллег из третьего отделения Академии и путем благотворительного сбора средств он добыл тысячу рублей, за счет которых Регули в августе отправился на Урал в Пермскую губернию. Фон Бэр устроил через вельможу Демидова так, чтобы Регули воспользовался гостеприимством тамошнего директора демидовских заводов и смог поработать среди вогулов и изучить их обычаи и язык. Вогульский язык считается самым близкородственным венгерскому из чудских языков. Принимая отчаянное и поспешное решение, Бэр рассчитывал на поступление денег позднее из Венгрии, по крайней мере теперь, когда там стало известно о путешествии Регули на Урал.

Но за всю осень никаких денег из Венгрии не поступило, за вычетом небольшого денежного пожертвования от императора Австро-Венгрии — его не хватило даже для покрытия наделанных Регули в Петербурге долгов. Долги оказались куда значительнее, чем предполагалось, так что половина собранных на экспедицию средств при отъезде Регули была конфискована в пользу работодателей. Фон Бэр попал в серьезное затруднение: ему угрожала утрата той суммы, которую он сумел собрать по преимуществу в долг, и он был связан моральным долгом выволить Регули оттуда, куда сам его и отправил. В столь бедственном положении ему, разумеется, показалась заслу-

живающей самых серьезных притязаний та сумма в три тысячи рублей, которую правительство выделило как раз на подобные путешествия, какое сейчас предпринимал его протеже. Он стал изыскивать способы добыть для использования Регули всю эту сумму или хотя бы ее часть. Бэр предложил Шёгрёну разделить стипендию между Кастреном и Регули, поскольку венгерский путешественник уже находился в пункте назначения экспедиции. Но он получил ответ, что у Кастрена дело обстояло в точности так же, но его условия были совсем иными, так что Шёгрён по своим принципам никоим образом не мог согласиться ограничить и сделать совсем скудной уже обещанную соотечественнику помощь. Шёгрён заметил, что фон Бэр сам говорил ему уже после отъезда Регули про Кастрена: «Вам ни в коем случае нельзя бросать его в беде». Фон Бэр слишком хорошо знал Шёгрёна, чтобы ожидать что тот переменит свое мнение, и поэтому принялся вербовать себе сторонников среди коллег Шёгрёна, и уже обрел явного и воодушевленного соратника из членов третьего отделения Академии, который в столь же малой (или еще меньшей) мере был компетентен в языкознании, что и естествоиспытатель фон Бэр. Как раз двоих естествоиспытателей Бэр сумел привлечь к благотворительному сбору средств. Положение могло обернуться тревожно, если бы Бэр сумел привлечь на свою сторону еще академиков, когда вопрос стали бы разрешать баллотировочным голосованием, а такой план всё яснее прорисовывался из того, что Шёгрён слышал об активности своего противника.

<1844. Инструкция для сибирской экспедиции. Выбор Кастрена исполнителем, его внезапная болезнь и отъезд на родину. Печальная судьба Ногмы. Кончина академика Круга и должностные перестановки. Избрание Шёгрёна ординарным академиком. Спор из-за жалованья>

Руководствуясь поговоркой «*melius est praevenire quam praeveniri*»¹¹³, — Шёгрён решил официально предложить Кастрена на издавна запланированную роль в любом случае, хотя его рукопись еще не прибыла, но и без нее он располагал несколькими более ранними печатными научными трудами своего ученика. За рождественские каникулы академик потихоньку составил подробно обоснованное представление Кастрена на роль исполнителя запланированной этнографо-лингвистической научной экспедиции в Сибирь. Вдобавок Шёгрён написал для экспедиционного обследования края в филоло-

гическом и этнографическом аспектах общую инструкцию, которая была опубликована в I части периодического издания «Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences», с. 325–332.

Оба письменных материала были озвучены на первом заседании третьего академического отделения за 1844 год, и это оказалось крайне своевременным, потому что специалист по естественной истории Бэр, в свою очередь, представил на том же самом заседании противоположное публичное предложение касательно Регули. Тогда же Бэр сообщил о докладе руководителя физического и естествоиспытательского состава экспедиции, господина Миддендорфа. Тот неожиданно проинформировал Академию, что выделенные экспедиции десять тысяч рублей серебром уже истрачены, хотя по плану путешествие должно продолжаться еще целый год. Тем самым Бэр столкнулся с необходимостью просить у правительства новой поддержки для естественнонаучного путешествия и еще 500 рублей из стипендии на сумму трех тысяч, некогда выделенной по его же предложению и до сих пор нетронутой. Аванс в 500 рублей он намеревался возместить, если правительство согласится удовлетворить поданное ныне прошение.

Новый поворот событий вызвал горячую полемику. Наконец было решено выдать фон Бэру пятьсот рублей в долг, а сумму три тысячи рублей серебром решили пока не тратить, так как по предложению Шёгрена путешествие Кастрена должно было продолжаться три года с выплатой ему от Академии тысячи рублей в год. Это предложение одобрили сначала Отделение, позднее вся Академия и ее президент. Уже в марте Кастрену были перечислены деньги, отправлены инструкция и подорожные документы.

Тут от него прибыла печальная весть: пребывая у подножия Урала в ожидании открытия зимника, он, по несчастью, оказался вынужден прожить несколько недель в бедной рыбацкой хижине и питаться оленьей падалью. По прибытии в самый северный город Тобольской губернии, Обдорск, он тяжело заболел. Чтобы проконсультироваться с квалифицированным врачом, он продолжил путь в Березов, где у него началось кровохарканье и другие симптомы начинающейся чахотки. Врач заставил его, по крайней мере на время, отказаться от каких-либо путешествий и возвратиться на родину, где по возможности выздоравливать.

По выздоровлении Кастрен вызвался уже спустя год снова отправиться в путешествие, если Академия пожелает и сможет перенести экспедицию на столь долгий срок. По предложению Шёгрена реши-

ли так и поступить, принимая во внимание случайность заболевания, позволявшую надеяться на возвращение здоровья. К счастью, надежда осуществилась, когда Кастрен очутился в спокойной обстановке на родине и получил надлежащее лечение. Уже летом он опубликовал в Александровском университете Хельсинки диссертацию, необходимую для получения ученой степени доктора, и публично ее защитил. Монография представляла собой одну главу из его ранее упомянутой «Грамматики зырянского языка», представленной пока в рукописном виде. Рукопись поступила в Академию вскоре после того, как Шёгрэн выступил с предложением направить ее автора в экспедицию. По предложению Шёгрена 12 (24) мая 1844 года при распределении Демидовских премий автору вручили вторую, или поощрительную премию в размере двух с половиной тысяч рублей ассигнациями и вдобавок тысячу рублей на расходы по печатанию труда.

Труд «*Elementa Grammatices Syryjänäe*»¹¹⁴ увидел свет в течение того же года в Хельсинки. Кроме того, доктор философии Кастрен в том же году написал и отправил в Академию наук исследование «*Ueber den Einfluss des Accents in der lappländischen Sprache*». Эта работа после отзыва Шёгрена от 17 января 1845 года была напечатана в академической серии «*Mémoires des Savants étrangers*», часть VI, с. 1–44.

По прошествии указанного срока доктор философии Кастрен прибыл зимой 1845 года в Петербург в сопровождении избранного им в помощники кандидата философии Бергстади. 12 (24) марта они отправились в путешествие в Сибирь, для Кастрена повторное.

Куда более горькая и подлинно заслуживающая сострадания судьба ожидала уже летом 1844 года другого человека, которого Шёгрэн также всячески поддерживал на благо науки, хотя пока — частным образом. Речь идет о ранее упомянутом кабардинском поручике Ногма, о котором в последний раз сообщалось, что Шёгрэн возвратил ему составленную им кабардинскую грамматику с обширными замечаниями, которые должны были служить путеводными вехами для автора при переработке рукописи.

Автор, однако, не чувствовал в себе достаточных сил для выполнения такой правки и принял благородное решение надолго разлучиться с супругой и детьми и отправиться в Петербург, чтобы под непосредственным контролем Шёгрена довести до конца «Граматику» и другие письменные труды, для которых он по совету академика также собрал материал. Чтобы устроить для Ногмы возможность пребывания в Петербурге, знакомые влиятельные люди ради испытываемого к этому человеку интереса и сочувствия к его начинанию

организовали все так, чтобы его обратно приняли на должность капитана резервистов в образованный из кавказских горцев полуюэскадрон Петербургской гвардии.

В конце мая 1844 г. Шёгрэн успел переехать на свое обычное летнее местопребывание в Токсове, когда его кавказский друг Ногма, приехав в Петербург, попытался навестить его.

Приехав из-за города в столицу на очередное заседание Академии и услышав о приезде Ногмы, Шёгрэн поспешил повидаться с ним. Но тот тяжело заболел, простудившись после бани. Неожиданный визит Шёгрэна, однако, доставил ему большую радость: он поведал о цели своего приезда и пребывания в столице. Друзья составили план совместной работы, к которому намеревались приступить по возвращении Шёгрэна в город в сентябре, когда пациент уже совсем оправится и адаптируется к здешнему климату. Чтобы не утомлять больного лишними беседами, Шёгрэн быстро распрощался и обещал его навестить в свой следующий приезд спустя две недели. Но когда он приехал и зашел к больному, то, к глубокому потрясению, услышал известие, опечалившее его до глубины души, что его южный друг уже умер три дня тому назад и уже был погребен.

Вскоре после переезда Шёгрэна за город в его ближайшем окружении произошло еще одно несчастье, которое повлияло на его собственный статус в стенах Академии. Во второй половине мая ординарный академик по специальности «Российская история и древности», престарелый Круг направлялся к приятелю на званый обед. Когда он поравнялся с одними открытыми воротами, оттуда в испуге вылетела запряженная в крытую коляску пара лошадей, которые опрокинули его, так что он ударился головой о камень. Раненого без сознания принесли домой, где из-за сильного внутреннего сотрясения у него началась кровавая рвота. Его уложили в постель, откуда Круг больше не поднялся, скончавшись спустя неделю, 8 июня, в возрасте 71 года.

По старинному обыкновению и общему порядку кандидатура Шёгрэна — старшего экстраординарного академика в данной области знаний — должна была быть в первую очередь поставлена на голосование Академии наук при рассмотрении вопроса о замещении должности, освободившейся после кончины академика Круга, чтобы не возвращаться к отклоненному два года назад предложению назначить Шёгрэна ординарным академиком по специальности «Этнография и языкознание».

Он оставил выбор на усмотрение руководства, хотя в душе надеялся на альтернативное решение, чтобы избавиться, по крайней мере,

от дополнительных поручений, которые всегда возникали в обширном поле изучения истории Государства Российского, и таким образом получить некоторое облегчение в своих служебных обязанностях. Кроме одной из двух возможных постоянных должностей, Шёгрэн надеялся получить также квартиру покойного, которая была нужна и лично ему с его больным зрением, как более освещенная, так и его семье, как более просторная и комфортабельная.

Поскольку всё это зависело от вице-президента Академии князя Дондукова-Корсакова, Шёгрэн почел необходимым обратиться к нему сразу после похорон Круга. Ведь в прошлый раз он попал к князю в немилость именно из-за того, что заблаговременно не проконсультировался с ним о деталях своей экспедиции на Кавказ. Сейчас князь всячески продемонстрировал свое раздражение тем, что Шёгрэн беспокоит его так скоро после выбытия по смерти его предшественника, хотя и признал, что еще до Шёгрена к нему обратились по поводу квартиры двое претендентов на нее. Шёгрэн ответил, что ему это известно. Именно это и заставило его, в свою очередь, поспешить к князю с сообщением о своих пожеланиях, особенно учитывая, что он сам был уверен в своем столь же, если не более, достаточном праве претендовать на квартиру, как и других соискателей. (Один из них, благодаря выигрышному для него выбытию по смерти, уже поднялся до ординарного академика некоторое время назад, но зато вошел в состав Академии на восемь лет позже Шёгрена, а кроме того, с самого начала, в бытность адъюнктом, располагал более просторной и удобной квартирой, чем экстраординарный академик Шёгрэн теперь. Второй был фаворитом князя, но не являлся голосующим членом Академии, так что формально вопрос о нем вообще не должен был затрагиваться.)

Разговор о праве оказался неприятен князю, так что он нетерпеливо ответил, что в настоящий момент у него не сложилось мнения по квартире, и он не может высказаться против или за, тем более, что еще не решено, кто займет место Круга, а у его последователя в этом вопросе тоже есть право голоса. Шёгрэн оторопел и удалился совершенно раздавленным. Секретарь Фус, который как раз посоветовал Шёгрэну первым делом обратиться к князю, пообещал ему свое посредничество и признал, что право и справедливость требования были всецело на его стороне. Некоторые из коллег были уверены, что удивительный ответ князя может быть объяснен только тем предположением, что вице-президент просто не был информирован или по крайней мере позабыл в момент разговора, что именно Шёгрэн остался старшим в представляемой покойным области знаний, так что

у него тем самым было самое непосредственное право как на его место, так и на его квартиру.

Со своей стороны, Шёгрэн оставил всё на произвол судьбы и приготовился униженно принять ее приговор. Во время приятного пребывания за городом он укреплял свое здоровье и занимался прямыми служебными обязанностями, в число которых вошло рецензирование дебютного труда многообещающего молодого историка. Книга называлась «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates»¹¹⁵, и ее автором был некий молодой и рьяный силезец по фамилии Куник, к которому покойный Круг испытывал такое расположение и доверие, что выражал надежду на прием этого молодого специалиста в Академию, где ему надлежало бы доверить после смерти самого Круга посмертное издание незавершенных трудов.

Хотя за городом Шёгрэну недоставало необходимых для рецензирования книг, он уже на первом после каникул заседании Академии 2 (14) августа представил свой отзыв на этот труд. В соответствии со своими принципами, он оценил его непредвзято, хотя, будучи лично знаком с автором, и поддерживал его в работе над этим исследованием. Учитывая общий высокий уровень работы, отзыв получился во всех отношениях положительным. Его опубликовали в I части серии «Bulletin de la Classe historico-philologique» (с. 98–112). Всё это неожиданно поспособствовало испытаниям, постигшим Шёгрэна. По квартире князь наконец принял решение в пользу Шёгрэна, но вопрос о замещении должности пока не рассматривался, собственно, поскольку ожидали отзыва Шёгрэна о труде Куника.

Прибыв на следующее заседание, Шёгрэн узнал, что его назначат ординарным академиком по специальности «Лингвистика и этнография чудских и кавказских народностей», а Устрялова, в свою очередь, ординарным академиком по «Русской истории и древностям», то есть он станет преемником Круга, а Куник — его адъюнктом. Основным стимулом всего этого комплекса мер было, как подтвердили детали, выяснившееся в ходе последующих переговоров, стремление министра непременно сделать своего фаворита Устрялова преемником Круга. Были основания опасаться, что без таких шагов его план продвижения Устрялова мог бы провалиться, при проведении в Академии надлежащего баллотировочного голосования, если бы всё это провернули за счет Шёгрэна.

Поэтому министру пришлось согласиться с отклоненной им два года назад затеей по открытию для Шёгрэна новой специальности,

которую, по получению согласия от министра, официально выдвинули на заседании Отделения академики Френ, Грефе и Шмидт.

В свою очередь, Фус, гарантируя поддержку действительных членов Академии, попросил Шёгрена в качестве старейшего и авторитетного историка выдвинуть на заседании в преемники Круга Устрялова, после чего последнему предстояло предложить Куника на должность адъюнкта. Фус признал, что это предложение весьма затруднит Шёгрена, но настаивал, что ученому предпочтительнее последовать этому совету. По мнению Фуса, это послужило бы Шёгрону гарантией на будущее, тогда как в противном случае нельзя было быть уверенным в результате голосования академиков русского отделения. Шёгрэн признал, что это предложение затруднительно для него, поскольку он даже не читал всех сочинений Устрялова, а в прочитанных не заметил ничего, кроме красноречия и ясного стиля изложения; суждения же его были весьма поверхностны, не всегда верны в деталях и касались давно установленных в науке истин. Шёгрэн охотнее выдвинул бы кандидатуру Куника, который пока еще не написал ничего, кроме только что отрецензированной монографии, но уже в ней он продемонстрировал склонность и способности к высокому призванию историка и неподвинутое стремление ко всестороннему установлению объективной истины. В противоположность этому, Устрялов был, подобно Карамзину, излишне подвержен националистическим тенденциям. Вообще в его трудах мало что заслуживало похвалы, кроме усердия и высокой плодovitости, в отношении качества его достоинством был преимущественно стиль изложения. «Возможно, все так, — ответил Фус, — но вы ведь можете подчеркнуть именно замеченные вами достоинства, поскольку речь идет о сугубой формальности. Если вы желаете одновременно представить на должность адъюнкта Куника, тем лучше, а Устрялов подпишет это представление вместе с кем-нибудь еще».

Тогда Шёгрэн написал для следующего заседания оба представления, тем более что о письменных достижениях Устрялова он мог сослаться на прежний отзыв Круга, согласно которому много лет назад Устрялов был принят в Академию. В должности академика он постоянно проявлял усердие и плодovitость, а благодаря немецкому переводу своего главного труда — «Общей истории России» — стал известен за границей. Ныне, как осмелился написать Шёгрэн, было весьма уместно, чтобы его согласно принятой в Академии практике, возвысили бы до ординарного академика, коль скоро нынешний старейший экстраординарный академик переходит на специально от-

крытую для него дисциплину. Эта фраза не устроила Фуса, который, возможно, счел ее оскорбительной для министра, так что она была удалена из текста выступления, а голосование получилось единогласным в отношении всех троих кандидатов.

Поскольку Шёгрэн был старейшим в специальности, его должны были избрать одного, осенью на сентябрьском общем собрании, тогда как остальных двоих по обычаю надлежало обсуждать через одно общее собрание, которое приходилось на октябрь. Однако уже на первом, сентябрьском общем собрании Академии, все три претендента были представлены для совокупного рассмотрения. Сам министр присутствовал на этом заседании, заявив, что зашел по случайности, хотя на самом деле он тайком велел своему секретарю напомнить ему день, когда состоятся тройные выборы. Голосование прошло желательным образом, единогласно проголосовали только за Шёгрена, против Устрялова был подан один голос, а против Куника — два.

Когда был поднят вопрос о жалованье Шёгрена, министр стал перешептываться о чем-то с Фусом, из чего друзья Шёгрена сделали вывод, что, возможно, строится план опять отнять у ученого выделенную ему в 1839 году дополнительную прибавку к жалованью. Шёгрэн и сам заподозрил, что это опасение оправдалось, поскольку полись хитрый Фус после выборов стал другим тоном говорить о надбавке к жалованью. Он заявил, что, по зрелом размышлении, ему представляется целесообразным не упоминать об этой надбавке в официальном представлении Академии. Однако он вызвался написать министру частное письмо, в котором ему казалось сподручнее заступиться за Шёгрена. Он и зачитал Шёгрэну некое письмо, которое, по его утверждению, намеревался отослать министру вместе с официальными бумагами. В нем от своего имени и от имени коллег ученый секретарь просил министра принять во внимание положение ученого как отца четырех малолетних детей, у которого не было никакого имущества или доходов, кроме жалованья. Нынешняя должность была единственной, которую он, страдая болезнью глаз, мог ответственно исполнять, так что было бы справедливо, чтобы он смог сохранить ту добавку к жалованью, которая была ему выделена ранее и утверждена высочайшим распоряжением государя именно на все время его службы в Академии.

Поскольку больше ничего нельзя было поделать, Шёгрэну пришлось оставить всё как есть и терпеливо ожидать решения. Он не мог поверить, что его начальство посмеет бросить тень на имя государя, нарушив его распоряжение и отняв у ученого то, что было ему безусловно даровано. Однажды очень поздно вечером после Рождества,

когда он уже готовился ко сну, ему принесли записку от Фуса, который уведомлял Шёгрена, что 18 (30) декабря он получил всемилоостивейшее утверждение на новую должность, но — как сам Фус признавал, он и подозревал, — без надбавки к жалованью. Доплату больше нельзя было выделять ему по той причине, что выплата всего жалованья отныне осуществлялась из собственных денежных средств Академии, тогда как ранее оно выплачивалось из ежегодного бюджета Короны, а кассу Академии обременяла только надбавка. Однако ученым секретарем было заявлено намерение рано или поздно рассмотреть вопрос о каком-либо материальном вознаграждении.

<1845. Роскошные подарочные экземпляры осетинской грамматики на русском языке. Дарованная государем денежная премия. Подарочные экземпляры немецкоязычной редакции труда. Выступление Шёгрена на заседании отделения. Назначение на неоплачиваемую должность директора Этнографического музея Академии. Финские гости. Переезд на новую квартиру. Чин государственного советника и несправедливость при его присвоении. Отзывы на зырянский словарь, на коллекцию материалов Ногмы и на некоторые переводы на финский язык>

Легко предположить, в каком настроении духа Шёгрэн завершил 1844 год и начал новый, 1845-й. Когда, спустя несколько дней, он побывал у министра, чтобы вручить украшенные экземпляры только что напечатанной «Осетинской грамматики» для него и для Его Величества государя, то при выражении благодарности за повышение не мог не посетовать, что попал в немилость к его сиятельству.

— Какая же это немилость, раз я сделал вас ординарным академиком? — насмешливо спросил князь.

— Разумеется, не это, — ответил Шёгрэн, — но то обстоятельство, что при этом я утратил ту добавку к жалованью, которую ваше сиятельство милостиво устроили мне в 1839 году.

— Это зависело не от меня, а от министерства финансов, которое составляет подобные расчеты. Да вы ничего и не потеряли, вы и в будущем будете получать то же самое жалованье, что и доселе.

— Это правда, что в сумме жалованья я ничего не потерял, но с другой стороны, от повышения по службе мой доход и не увеличился, как у меня были основания надеяться. Ведь прибавка к жалованью была мне некогда утверждена на том однозначном условии, что

она выплачивается до тех пор, пока буду пребывать на службе в Академии.

— Это не ставилось как задача, а в официальной бумаге! — министр овладел собой и не закончил фразу.

Шёгрэн ответил:

— Не могла ставиться никакая другая задача, потому что тогдашний указ был весьма ясен по слогу, в чем можно убедиться в касающихся моей надбавки документах, сохранившихся в архивах Академии. Не только я один, но и мои коллеги поняли это решение таким образом.

— Вы можете и ошибаться, — был единственный ответ министра.

Тогда Шёгрэн продолжил:

— Такое развитие событий стало для меня тем большим ударом, что у меня теперь нет никаких надежд на исправление моего положения в моей нынешней должности, поскольку в Уставе сказано, что члену Академии выделяют прибавку к жалованью на сумму тысячу рублей ассигнациями после 20 лет выслуги в статусе ординарного академика; для меня это время только начинается, поскольку предшествующие 15 лет я пробыл адъюнктом и экстраординарным академиком.

— Но через меня, — заметил тогда министр, — для вас ежедневно открыта дверь к милости государя, коль скоро вы подтверждаете, что достойны ее, трудами вроде этого, — и он указал на «Осетинскую грамматику», — будьте покойны!

Шёгрэн выразил надежду на милость князя и удалился.

Вскоре после этого академик получил письменное уведомление, что министр имел счастье лично вручить государю посвященную ему «Осетинскую грамматику» и Его Императорское Величество всемилостивейше соизволил распорядиться, чтобы автор получил из государственной казны премию 500 рублей серебром. Поскольку по общей практике из премий и гонораров удерживалось 10%, он получил фактически 450 рублей серебром, т. е. 1575 рублей ассигнациями, или однократно на 75 рублей больше, чем ежегодная надбавка к жалованью, утраченная им навсегда.

Одновременно с этим увидела свет немецкоязычная редакция его «Осетинской грамматики». У него появилась возможность вручить два роскошных экземпляра оной при посещении министра с выражением благодарности за премию. Сам он не собирался ничего упоминать о событиях минувшего года. После того как Шёгрэн изложил всё, что имел сказать в тот момент, министр произнес несколько дежурных любезностей относительно труда и тут же добавил с ирони-

ей, что был рад так скоро обрести случай указать, сколь сильно Шёгрэн заблуждался относительно немилости и оскорбления. Тот ответил, что хоть он и находится в долгу благодарности за подарок, но случившуюся неприятность не может считать ничем иным, кроме как оскорблением.

— Но я не хотел оскорбить вас, — горячо возразил министр.

— И я нисколько не хочу так утверждать, но не могу не думать, что дело как таковое, кем бы оно ни было инициировано, объективно представляет собой оскорбление, по крайней мере по тем принципам, во власти которых я родился и воспитан!

Министр не дал ему продолжить, прервав словами: «Auf's Wiedersehen!»¹¹⁶, — и удалился.

На первом заседании отделения после Нового года Шёгрэн не мог публично не указать на свое несчастье, поскольку ожидалось присутствие лиц, прямо или косвенно к этому причастных. Когда был зачитан официальный документ относительно его назначения, он заявил, что его новый статус оказался чреват тем, что он помечен черной меткой отверженного, коль скоро он был лишен милости, которая ранее была ему дарована и утверждена с самого верха. Присутствовавший на заседании вице-президент сохранял молчание, предоставив секретарю фон Фусу разъяснять и оправдывать дело по мере сил. За время возникшей длительной дискуссии ученому секретарю собственно нечего было сказать, кроме как привести доводы в защиту собственных шагов по предотвращению этого несчастья. После этого князь добавил, что в случившемся он никак не усматривает никакого оскорбления. «По крайней мере никакого оскорбления тут невозможно усмотреть, и еще всё может повернуться к лучшему», — заявил один из коллег Шёгрена.

Тогда Шёгрэн продолжил, что это было не единственное несчастье, постигшее его на службе в Академии, и что он имел возможность привыкнуть к многообразным несправедливостям и дискриминации, даже в таких случаях, когда законом предписывалось не учитывать никаких других обстоятельств, кроме срока службы. После этого князь повернулся к сидевшему рядом Фусу и что-то ему прошептал. Последний тогда с горячностью заявил Шёгрэну, что ему не пристало жаловаться на дискриминацию, раз ему только что предоставили квартиру в ущерб ранее назначенному ординарным академиком коллеге.

После этого секретарь продолжил зачитывать свое выступление, чем воспрепятствовал ответу Шёгрена и не получил заслуженного упрека, что он и прошлым летом говорил об этом деле совсем в дру-

гом и даже противоположном тоне. Также Фус отвертелся от заслуженного замечания, которое Шёгрэн мог бы высказать с сугубо объективных позиций: не было никакого такого правила, чтобы при распределении жилья учитывался общий срок службы, а не должность и звание, в противном случае Шёгрэн не стал бы и претендовать на освободившуюся квартиру.

Чтобы хоть чем-нибудь компенсировать Шёгрэну ущерб, Фус позднее на том же заседании предложил, чтобы его назначили заведующим Этнографическим музеем Академии, поскольку из-за отсутствия представителя этой науки в штатном расписании музеев до сих пор пребывал в ведении Консерватории. Поскольку это новое почетное поручение предполагало только новую нагрузку, безо всякого вознаграждения, князь тут же поддержал предложение. На следующем заседании при зачитывании протокола дело о руководстве Этнографическим музеем было объявлено решенным и утвержденным, невзирая на замечание Шёгрэна, что музей можно было бы оставить и в прежнем ведении, коль скоро Консерватория им успешно занималась.

Ежегодная надбавка к жалованью в полторы тысячи рублей была утрачена и не стоило пытаться ее вернуть, тем более что у Шёгрэна не осталось никакого официального документа о ней. В свое время ему или намеренно, или по небрежности такового не выдали на руки, а он сам пренебрег необходимостью его получить, предполагая, что он ему никогда не понадобится. Во всяком случае он попросил секретаря надлежащим образом утвердить выписку из протокола 1839 года, или, предпочтительнее, заверенную копию оригинального документа, но получил лишь выписку. Ему было заявлено, что вице-президент затребовал себе решение из архива и пока его не возвратил.

За всё это время развлечением для Шёгрэна послужило то, что у него дома побывало немало приезжавших в Петербург соотечественников. Длительное время провел в столице его младший шурина, горный инженер Лаурелль, который, разумеется, остановился с супругой у Шёгрэна и много помог семье с переездом на новую квартиру. Переезд осуществлялся в сильнейший февральский мороз и это обстоятельство тревожило Шёгрэна.

Вскоре после переезда его сердце было травмировано новым несчастьем. Очередная несправедливость постигла его, когда его 16 (28) февраля возвысили до государственного советника, что обошлось в 524 рубля. На этот чин его можно было и надлежало предложить уже в 1840 году, поскольку официальный срок его службы в чине коллежского советника заканчивался 2 (14) января

1839 года, но из-за небрежности и халатности секретаря и Экономического комитета дело было упущено.

После того как друзья и знакомые указали ему, что он может всячески повредить себе и своей семье демонстрируемым доселе безразличием, он в конце весны 1844 года обратился к фон Фусу, чтобы разузнать, что могло быть причиной тому, что его повышение в чине до сих пор задерживается. В начале фон Фус пытался отрицать, что Шёгрена надлежало повысить в чине еще пять лет назад, но когда он доказал свою правоту, продемонстрировав официальное объявление, секретарю пришлось согласиться, что дело было в беспорядочной халатности. Он попытался переложить ответственность на самого Шёгрена, раз тот вовремя не напомнил о деле ни комитету, ни ему лично, другими словами, не обеспечил выполнения ими их собственных должностных обязанностей.

Теперь секретарь обещал довести представление далее из комитета и утешил Шёгрена тем, что тот ничего не потеряет из-за задержки назначения, потому что годы выслуги будут засчитаны. Так оно и надлежало, но подобно тому, как при выдвижении Шёгрена в действительные академики после поступившего ему совета свыше Фус оставил все дальнейшее продвижение вопроса о надбавке к жалованью, вопреки своему обещанию, так и в данном случае, возможно, опасаясь претензий из-за упомянутого упущения, Комитет — по собственной ли инициативе или в сговоре с Фусом — исключил из представления Шёгрена на чин государственного советника фразу о том, что оно должно было состояться уже 2 (14) декабря 1836 года.

В результате оказалось, что, когда Высочайшим решением Шёгрена утвердили чин государственного советника, его годы выслуги стали учитываться с 9 (21) декабря 1842 года (т. е. четыре года спустя после назначения его коллежским советником) вместо того, чтобы подсчет начинался 2 (14) декабря 1839 года.

Хотя Шёгрэн знал, что ему не получить никакой справедливой поправки за утраченные им три года выслуги в чине, он расценил, что сможет хотя бы воспользоваться посредничеством в этом своих товарищей или других служащих в Академии лиц, если обратится к вице-президенту и пожалуется на допущенную в отношении его несправедливость. Его «утешили» замечанием, что ему наверняка будет безразлично, какой чин будет выгравирован на его могильном камне! Кроме того, ему было сказано, что никто не отрицает правомерности его жалобы. Но что можно теперь поделать? Винить в случившемся можно было только фон Фуса, который допустил такое упущение, но и сам Шёгрэн оказался настроен слишком философски и своевре-

менно напомнил ему о своем деле. Чтобы обосновать жалобу, уже заявленную на предшествующем заседании в присутствии князя, Шёгрэн предъявил также выдержку из протокола относительно утраченной им прибавки к жалованью. Князь небрежно проглядел выписку и промолвил, пожимая плечами: «Это тоже уже в прошлом!» Он извинился, что у него много дел и он больше не может обсуждать дело Шёгрена. Пару дней спустя он, однако, вызвал его к себе запиской, ссылаясь на срочное важное дело. Шёгрэн поспешил к нему крайне заинтригованный, и был принят весьма любезно.

Князь попросил у Шёгрена помощи в одном затруднении. Еще прошлой осенью по распоряжению его Императорского Величества следовало отрецензировать для Академии одну рукопись. Но в отсутствие князя, отдохавшего в своем имении, материалы по ошибке остались в доме и пребывали там в забвении вплоть до сегодняшнего дня. Вот почему он попросил, чтобы Шёгрэн оставил все свои труды и срочно принялся изучать эти рукописи, чтобы как можно скорее представить на них отзыв.

Шёгрэн обещал это выполнить. Пройдя длинный круг по столам в Академии, он в тот же день получил пачку рукописей. Ему пришлось сразу же оставить другую дополнительную работу, которая была ему поручена по должности еще в начале года, но он не мог приступить к ней ранее из-за переезда на новую квартиру. На рецензию был представлен двухтомный, на листах формата фолио, русско-зырянский словарь, изначально начатый самим Шёгреном.

То же дополнительное поручение, которое ныне пришлось отложить с риском взысканий, состояло в проверке рукописных материалов, оставшихся после трагически скончавшегося летом друга капитана Ногмы. Они, к сожалению, по большей части представляли *rudis indigestaque moles*¹¹⁷. После того как Шёгрэн неустанно трудился над ними до апреля, он не мог в отзыве для Академии рекомендовать к публикации ничего, кроме, на худой конец, наброска кабардино-черкесской истории, которая основывалась на бытовавших в среде народа сказаниях и народных песнях. Даже ее, по мнению академика, стоило публиковать лишь в том случае, если Правительство сочтет публикацию целесообразной в своих целях. Однако Шёгрэн не преминул привлечь внимание к представленному покойным автором редкому образцу благородного воодушевления и самоотверженности. Беспощадная судьба прервала его жизнь как раз тогда, когда он собирался приступить за окончательную обработку своих материалов.

В разгар работы Шёгрена над интереснейшим посмертным наследием друга он снова получил напрямую от князя также провалявшу-

юся у того в забвении рукопись. Она содержала перевод на финский язык нескольких частей Православного богослужения, которые секретарь Синода направил Шёгрёну для проверки. Принимая во внимание все тогдашние обстоятельства, он вынужден был сообщить, что не сможет в данный момент приступить к выполнению этого задания.

После начала летнего отпуска Шёгрёну прислали два других, более крупных по объему, аналогичных по содержанию перевода на финский язык. Согласно сопроводительной записке, они, как и предыдущий перевод, предназначались для домашнего чтения финнов, принадлежащих к Православной греко-кафолической церкви, но, безусловно, целью их издания было продвижение тогдашних национально-государственных интересов за счет распространения Православия среди исповедующих лютеранство финнов.

¹ Поскольку рукопись Шёгрёна обрывается 1845-м годом, а в 1855 г. ученый скончался, «новое» административное деление, вероятнее всего, датируется 1831-м годом (здесь и ниже, если нет иной пометы, примечания Э.Г. Рахимовой).

² О Микаэле, сыне Йоханнеса Шёгрёна (род. 1759), см. подробнее труд Й.Й. Миккола «Во времена сумерек и рассвета» <Mikola J.J. Nämärän ja sarastuksen ajoilta>. С. 291–292 <Примеч. А.Й. Йоки>.

³ Направление основной, а в те времена и государственной, евангелическо-лютеранской церкви в Финляндии, характеризовавшееся суровым благочестием и ревностью веры.

⁴ Имя матери <Шёгрёна> в разных источниках только Катарийна (Карин), дочь Арвида (род. 1754) <Примеч. А.Й. Йоки>.

⁵ Детей из престолярды обучали грамоте служители церкви. Читки проводились в преддверии конфирмации — одного из таинств евангелическо-лютеранской церкви.

⁶ Тривиальная школа — форма получения еще не ставшего всеобщим в начале XIX в. среднего образования в Финляндии, единая со шведской метрополией. По уложению шведской Короны о школьном образовании, принятому (1649) в царствование королевы Кристины, начальная школа называлась педагогией, где преподавались начала грамотности и шведского языка. Тривиальная школа являлась следующей ступенью, обучение в ней было четырехклассным, но пребывание в каждом классе продолжалось два года. Вплоть до реформирования в Финляндии было всего восемь тривиальных школ. В Ловийсе тривиальная школа была открыта в 1760 г. последней.

⁷ Шведская миля равна 10 км.

⁸ Риксдалер — денежная единица в Финляндии в эпоху шведского владычества.

⁹ Должность ректора школы в Финляндии соответствовала должности директора гимназии в царской России. Весь педагогический коллектив тривиальной школы во времена Шёгрена состоял из ректора, его заместителя — конректора, двух коллег и учителя начальных классов, апологиста.

¹⁰ Капеллан прихода — пастор, отправляющий обычные воскресные богослужения.

¹¹ Стрельман Арвид далее часто упоминается в этой книге <Примеч. А. И. Йоки>.

¹² Русско-шведская война 1808—1809 гг.

¹³ Шведские войска оставили крепость Виаборг (Выборг) в мае 1808 г.

¹⁴ Кантор — певчий и органист в приходской церкви; по иерархии соответствует православному причетнику (это не пасторская должность и не требует рукоположения в сан).

¹⁵ Приходской настоятель в знак почета и за выслугу лет получал звание пробста. Подчинялся настоятелю в качестве второго пастора капеллан.

¹⁶ Порвоо (Porvoo, по-шведски Борго, Borgå) — один из старейших городов Финляндии. Здесь была основана первая в стране публичная библиотека.

¹⁷ Боргоский сейм (сейм в Порвоо), состоявшийся еще до окончания военных действий, стал знаковым событием для финской государственности: он заявил о лояльности российскому императору. Александр I же сделал историческое заявление о том, что в составе Российской империи Финляндия вступает в ранг нации.

¹⁸ Гимназия во времена Шёгрена — следующая после тривиальной школы ступень обучения, подготовительная для поступления в университет. К концу XVII в. в Финляндии было две гимназии: в столице Турку—Або и в Выборге. После утраты Выборга Швецией в пользу России по окончании Северной войны по Ништадскому миру (1721), она была перемещена в Порвоо. Боргоская гимназия была единственной функционировавшей в стране в XVIII в., поскольку выпускники высшей ступени тривиальной школы в Турку—Або получали право на поступление в университет (тогда Академию Або).

¹⁹ См.: Mikkola. «Hämärän ja sarastuksen...». С. 305—312 <Примеч. А. И. Йоки>.

²⁰ Для печатных изданий, вышедших в Финляндии до 1851 г., и рукописей формат листа 8:0 (по-латыни octavo) составляет 16×25 см.

²¹ Амануэнец — название нескольких различных по обязанностям ассистентских должностей в научном учреждении дореволюционной Финляндии; в академическом учреждении гуманитарного профиля так называлась и сейчас называется должность ученого секретаря.

²² Кафедральный пробст — настоятель приходской церкви в том городе, где имелся кафедральный собор, как это и было в Порвоо.

²³ Адьюнкт — «помощник», в университете и в гимназии — ассистентская должность.

²⁴ Консистория обычно имеется в университете, в данном случае в гимназии. Это выборный орган управления университетом в Финляндии, действующий до настоящего времени. Его задачи — всемерное развитие академической и педагогической деятельности университета, контроль за бюджетом, принятие официальных резолюций, утверждение уставов и уложений, решения об административном строении университета. Возглавляет консисторию ректор, в ее состав ныне входят пять представителей профессуры, четверо доцентов, ассистентов или штатных исследователей и по четыре представителя от студенчества и технических специалистов и один приглашенный член извне. Срок деятельности консистории между выборами составляет три года.

²⁵ Шёгрэн упоминает здесь устаревшую уже ко времени написания автобиографии денежную единицу из-за ее престижности в крестьянском быту. Весьма тяжелые по весу и крупные по размеру монеты, называемые *rootti*, чеканились в Швеции вплоть до конца XVIII в.

²⁶ Ленсман — в эпоху Шёгрена полицейский чин, зачастую совмещавший функции судебного пристава и прокурора, в обязанности которого входила, однако, защита интересов крестьян.

²⁷ Турку (*Turku*) — финское название города, по-шведски именуемого *Åbo*, Або, — столица Финляндии, входившей в состав Швеции. В 1812 г. столица была перенесена в Хельсинки. Турку оставался центром культурной и духовной жизни страны вплоть до 1826 г., когда там произошел разрушительнейший пожар, уничтоживший библиотеку и документы. После пожара университет, со времен основания в XVII в. именовавшийся Академией Або, был переведен в Хельсинки.

²⁸ Ректор — глава исполнительной власти в университете (так было и во времена Шёгрена в Императорской академии Або).

²⁹ Землячество — особый институт самоорганизации финского студенчества, сохранившийся до настоящего времени и обладающий долями собственности в недвижимости (университетских общежитиях), игравший огромную роль в академической жизни XIX — начала XX столетия.

³⁰ Майор Сегерстрале, владелец усадьбы Котканиеми в местечке Вихти <Примеч. А.И. Йоки>.

³¹ Промоция (*promootio*) — торжественная и зрелищная выпускная церемония по окончании университетского курса в Финляндии, сохраняющаяся по настоящее время. Церемония промоции сложилась одновременно с учреждением Королевской академии Або. Промоутируемым, т.е. посвящаемым в звание магистра философии, независимо от гуманитарной специальности, по результатам успешной сдачи выпускных экзаменов и написания и публичной проверки и защиты в диспуте дипломного сочинения, именуемого по-латыни градуальным, во времена Шёгрена также называемого магистерской диссертацией, вручали лавровый венок, а в старину — шпагу. То, что ныне считается публичной проверкой дипломов, в те времена строилось как защита в ходе диспута. В ней участвовал оппонент, именуемый в те времена респондентом, и в качестве судьи, что по-латыни «кустос», профессор по данной специальности.

³² Письменный экзамен *pro exercitio* сдавался до защиты магистерской диссертации («градуальной», т.е. фактически, дипломной работы) и преддипломной *pro gradu*. Он представлял собой нечто вроде эссе на заданную тему, писавшегося по-латыни. Вплоть до первой трети XIX в. латынь оставалась основным языком преподавания в Академии Або, как это исторически было принято в средневековых университетах Европы; не помешала этому и Реформация с переводом богослужения на национальные языки. Право представления квалификационных работ на шведском языке было учреждено в университете Хельсинки лишь в 1852 г., на финском — в 1858-м, а по классической филологии их написание по-латыни считалось предпочтительнее и в XX в.

³³ Губаница (по-фински чаще Kuranitsa) — село в средней части Ингерманландии, в окрестностях Петергофа, где компактно проживало финское население.

³⁴ В написании «Хеглер» (Hegler) публикатор А. Йоки допустил явную опечатку: такого издания не существует. Каким же изданием Гомера пользовался Шёгрэн? В английском переводе А. Поупа «Илиада» Гомера увидела свет в конце XVIII в. (*The Iliad* / A. Pope; ed. by S. Johnson. L., 1779), но нет никаких оснований полагать, что этой книгой стали бы пользоваться в Академии Або при крайне высоком статусе латыни и куда более массовом, чем в Великобритании, владении древними языками. Классическое в финской филологии XIX в. двуязычное (древнегреческий оригинал с переводом на латынь) издание Гомера датируется 1819 г. Это двухтомник: *Homeri Ilias* 1–2. Т. 1 (240 s.), т. 2 (250 s.). Lipsiae: J.A.G. Weigel, 1819. Издание вышло в Лейпциге в типографии Вейгеля в серии «*Bibliotheca classica poetarum graecorum*»; № 15–16. Тома (экземпляр принадлежал некоему Г.А. Ухлениусу) сшиты вместе и на титуле снабжены пометой: «*in usum academicarum et scholarum*» («для академического и студенческого использования»). Позднее такое же, предназначенное как раз для университетского преподавания начал античной филологии двуязычное издание в двух томах увидело свет в 1828 г. в Лейпциге: *Homeri Ilias*. Т. 1: *Rhapsodia I–XII* (301 s.); Т. 2: *Rhapsodia XIII–XXIV* (320 s.). Lipsiae: C. Tauchnitz, 1828. Тем самым в 1816 г. никак Шёгрэн не мог эти тома использовать. К 1816 г. именно в академическом пользовании имелась двуязычная хрестоматия (1806), включавшая помимо «Илиады» Гомера еще гомеровские гимны и эпиграммы, но вряд ли ее можно было бы охарактеризовать как «обширное издание». Остается двуязычное издание (древнегреческий текст в сопровождении перевода на латынь), подготовленное Иоганном Георгиусом Хагером (Hager, Ioan. Georgius) и четвертый раз переизданное в 1815 г. в сопровождении рецензии знаменитого Вольфа. Это однотомник объемом 855 с. (два тома сшиты вместе): *Homeri Ilias graece et latine / Ad praestantissimas editiones accuratissime expressa opera Ioan. Georgii Hageri*. Chemnicii [i.e. Chemnitz]: Guil. Starckius, 1815. Editio quarta, recensio[n]i Wolfianae adcommodata. Не остается сомнений, что именно фамилия Хагера (Hager) оказалась по рукописи неточно расшифрованной как «Хеглер». Интересно, что на сохранившемся в библиотеке университета Хельсинки единственном экземпляре Хагера (1815) помета о владельце стерта. Примечательно, что на шведский и русский языки переводы будут осуществлены его современниками: А.Э. Арведсоном в Упсале в

1828 г. и Н. Гнедичем в Петербурге в 1839 г. Опыт перевода на финский язык шестой песни «Одиссеи» будет принадлежать Элиасу Лённроту (1855), а всю «Илиаду» (565 с.) переведет на финский язык уже неоромантик Отто Маннинен: эпопея выйдет в Первоо в издательстве WSOY после обретения Финляндией независимости (1919).

³⁵ Для эпохи Шёгрена классическим трудом в области гомероведения была написанная на латыни монография немецкого ученого из университета Халле, Фридриха Аугуста Вольфа: F.A. Wolf, «Prolegomena ad Homerum» (1795).

³⁶ Канцлер университета со времен основания Королевской академии Або был его главой. Первым канцлером стал основатель академии граф П. Браге. При монархии обязанностью канцлера являлось обеспечение взаимодействия университета с царствующим лицом. В эпоху шведского владычества канцлеры имели чин государственного советника и принадлежали к высшему дворянству. После перехода Финляндии в состав Российской империи в 1809 г. канцлером стал госсекретарь Михаил Сперанский, с 1812 по 1814 г. — барон Армфельт. С 1816 г. канцлером являлся цесаревич-наследник (первым из них был будущий император Николай I), так что в чиновной иерархии канцлер оказывался выше генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. Фактически, однако, канцлерские функции выполнял при российском дворе и.о. канцлера, по чину госсекретарь. С 1894 г. и до обретения Финляндией независимости канцлера больше не назначали. Наравне с и.о. канцлера имелись вице-канцлеры. Вплоть до 1817 г. должностные обязанности вице-канцлера исполнял кафедральный епископ Турку-Або, после 1821 г. должность была переименована в заместителя канцлера и отделена от церковной иерархии, а после обретения страной независимости упразднена, тем более что полномочия канцлера сузились до фактически вице-канцлерских. С 1918 г. и до конца XX в. канцлера назначал президент Республики Финляндия.

³⁷ Приход Токсово (Toksova) находится в северной части Ингерманландии, центральное село расположено в 20 км к северу от Петербурга. Это один из старейших и крупнейших лютеранских приходов Ингрии, церковь основана в 1628 г.

³⁸ По «философским», т.е. по гуманитарным наукам. По настоящее время в финском высшем образовании во всех гуманитарных науках звания магистра (защитившего диплом выпускника университета), лицензиата (соответствует сегодняшнему российскому званию кандидата наук) и доктора наук присваиваются с уточнением «...философии». Звание кандидата философии соответствует в болонской (общеевропейской) системе бакалавру, для его присвоения уже во времена Шёгрена сдавались выпускные экзамены, которые можно приравнять к госэкзаменам российских вузов. Формировавшаяся тогда терминология еще не устоялась, и номенклатура ученых степеней соответствовала сегодняшней системе не полностью, а в общих чертах.

³⁹ Выпускное сочинение pro gradu предвяряет градуальное сочинение, которое соответствует дипломной работе в российских вузах. Во времена Шёгрена труд, как и сейчас, защищался публично, но преддипломное и дипломное сочинения писались непременно по-латыни.

⁴⁰ Шкала обозначаемых на латыни оценок сохранилась с некоторыми изменениями до сих пор в вузовском преподавании в Финляндии. Наиболее стройной выглядит семибальная шкала. Высшей оценкой является отличная, *laudatur* (L) — 7 баллов; то, что можно назвать «тройкой с минусом» (минимальная положительная оценка) — *approbatur* (A), «удовлетворительно», а оценка «хорошо» — «*cum laude*», «с достоинством», в сочетании с наречиями вроде «исключительно» и «вполне». Во времена Шёгрена оценка, судя по всему, была пятибальной.

⁴¹ Хамина (*Näpina*, на шведский лад Фридрихсгамн) — город на побережье Финского залива, сегодня крупный порт, относящийся к земле Кюменлааксо. Хамина славится крепостными сооружениями (1722–1724).

⁴² Виксбергская усадьба, в старину называвшаяся по-фински Хевонпяя («лошадина голова»), расположена в приходе Паймио между городами Турку и Сало. Это старинное, известное с XV в. поместье принадлежало в 1811–1841 гг. барону Ребиндеру.

⁴³ Журнал «Мнемозина» («*Mnemosyne*») в 1819–1823 гг. издавало культурно-просветительское Общество Авроры, редколлегию возглавляли филологи Йохан Габриэль Линсен (1785–1848), до того с 1812 г. доцент и адъюнкт древнеримской литературы, в то время (1815–1816, 1822–1827) и.о. профессора риторики, позднее, с 1828 г., штатный профессор риторики и поэтики Рейнольд фон Беккер. Хотя преобладали шведскоязычные публикации, «Мнемозина» активно продвигала финский язык.

⁴⁴ «Словарь Исторический о бывших в России писателях Духовного чина Греко-российской Церкви» составил выдающийся историк православия Евгений Болховитинов (1767–1837) — священнослужитель из Воронежа, постриженный в монахи в Александро-Невской лавре (1800), позднее митрополит Киевский и Галицкий, почетный член Императорской академии наук.

⁴⁵ Труд Назарова «Поездка в Кокань» <Примеч. А.И. Йоки>. Путешественник Филипп Назаров побывал в Средней Азии в начале XIX в. Кокань — Кокандское ханство.

⁴⁶ Валкъярви (*Valkjärvi*) — приход (с 1738 г.) на южном берегу реки Вуокса на Карельском перешейке, до 1944 г. считавшемся финской Южной Карелией.

⁴⁷ «Об ожиданиях касательно финского языка» <Примеч. А.И. Йоки>.

⁴⁸ «До чего же вы милы!» (*франц.*)

⁴⁹ «Я безмерно доволен вашим рвением. Держите ключ и полной мерой пользуйтесь библиотекой для ваших нужд!» <Пер. с франц. здесь и далее А.И. Йоки>.

⁵⁰ Город Сортавала (*Sortavala*), до 1918 г. Сердоболь — во времена Шёгрена относился к Выборгской губернии — территории, переданной в Великое княжество Финляндское после ее присоединения к России в 1809 г.

⁵¹ Кексгольм (по-фински *Käkisalmi*, в настоящее время райцентр Приозерск, Ленинградской области, до 1611 г. Корела) — город на берегу Ладожского озера на месте впадения в него р. Вуокса. Во времена Шёгрена Кексгольм относился к Выборгской губернии в составе автономной Финляндии. Был передан СССР в 1944 г.

⁵² Knud Leem, «*Beskrivelse uver Finnmarkens lapper*» <Примеч. А.И. Йоки>. Уточним, что лопарскую грамматику Леем издал еще в 1748 г. на норвежском языке. В дан-

ном случае подразумевается скорее всего его обобщающий труд 1767 г.: *Leems K., Professor i det Lappiske Sprog. Beskrivelse over Finmarkens Lapper, deres Tungemaal, Levemaade og forrige Afgudsdyrkelse, oplyst ved mange Kaabberstykker: med J.E. Gunneri. Anmærkninger: og E.J. Jenssen. Kiøbenhavn: trykt udi det Kongl. Wäysenhuses Bogtrykkerie af G.G. Salikath, 1767.*

⁵³ «Сводный отчет Его Сиятельству, господину государственному секретарю по Финляндии графу фон Ребиндеру».

⁵⁴ Здесь речь идет о вепсах (по-фински *vepsäläiset*) <Примеч. А.Й. Йоки>.

⁵⁵ Иломанси — самый восточный приход финской земли Северная Карелия.

⁵⁶ Нурмес — во времена Шёгрена крупное село на берегу озера Пиелисьярви, с 1810 г. стало центром отдельного прихода, ныне город в земле Северная Карелия.

⁵⁷ Город Каяни основан в 1651 г., во времена Шёгрена — центральный в земле Кайнуу, т. е. уездный по статусу. Еще в XVII в. в замке Каяни работала школа, а лицей был открыт в конце XIX в. Земля Кайнуу граничила с землями Северная Похъянмаа, губернии Оулу, и с землей Северная Карелия, откуда и прибыл Шёгрэн. Шоссейная дорога с юга в Каяни была проложена в 1825 г.

⁵⁸ Каави — приход в земле Северное Саво, расстояние от центрального села до г. Куопио 65 км.

⁵⁹ Железодельный завод «Стрёмсдаль» в местечке Юанкоски — один из нескольких десятков старейших железодельных заводов в Финляндии (основан в 1746 г.), на котором железо изготовлялось из болотной руды. Местечко Юанкоски расположено на востоке исторической области Саво.

⁶⁰ Приходы Инари, Утсьйоки и ранее упомянутый Соданкюля относятся к финской губернии Лапландия (*Lapin lääni*). Кроме Финляндии, часть Лапландии расположена в Норвегии и Швеции. Этноним «лопари» устарел в русском языке, как и финское обозначение «*lappalaiset*»; коренные жители ныне именуются, согласно их самоназванию, саамами, а язык называется саамским.

⁶¹ В Лапландии ближе всего к норвежско-финской границе со стороны Норвегии прилегает земля Финмарк, по-фински традиционно именуемая «*Ruija*».

⁶² Рвотный корень (ипекакуаны, лат. *Ipecacuanha* (*Psychotria ipecacuanha*)) — лекарственное растение семейства мареновых (*Rubiaceae*), произрастающее в Латинской Америке. Широко применялось в XIX–XX вв., сегодня используется лишь в гомеопатии.

⁶³ Южных вепсов <Примеч. А.Й. Йоки>.

⁶⁴ Зырянами во времена Шёгрена называли в России коми-зырян, финно-угорской народ пермской группы.

⁶⁵ Казанский университет был основан в 1804 г.

⁶⁶ «Зыряне. Историко-статистически-лингвистический опыт» <Пер. на фин. А.Й. Йоки>.

⁶⁷ Родственных финскому, согласно пояснению А.Й. Йоки, т. е. относящихся к финно-угорской языковой семье.

⁶⁸ Галич Владимирский упоминается в летописях с XIII в., был центром расселения вымершей финно-угорской народности — летописной мери.

⁶⁹ Марк Анней Лукан (39–65 н. э.) — древнеримский поэт-лирик.

⁷⁰ «Считая своим делом предпринять всё, что, возможно, еще не было предпринято» <Пер. с лат. А.И. Йоки>.

⁷¹ Петербургская археографическая комиссия была создана не во время путешествия Шёгрена, а почти на десятилетие позднее, в 1834 г., по инициативе академика П.М. Строева.

⁷² Вотяками до революции называли удмуртов. Удмуртский язык принадлежит к общей с коми языком пермской группе финно-угорских языков.

⁷³ Шёгрэн последовательно называет финно-угорские народы и языки «чудскими» (*tšuidilaiset*), руководствуясь принятой в современной ему российской науке терминологией. Аулис Йоки в подстраничном примечании снабжает термин уточнением «родственные финнам», что показательно для той научной школы, к которой он принадлежал.

⁷⁴ Пожар, бушевавший в бывшей столице Финляндии, г. Турку—Або, в начале сентября 1827 г., причинил Академии Або чудовищный ущерб, уничтожив неопределимые библиотечные и архивные фонды почти полностью. Планам по восстановлению зданий в Турку не суждено было осуществиться. Согласно императорскому указу Николая I от 21 октября (н.ст.) 1827 г., университет был переведен в новую столицу Великого княжества Финляндского, Гельсингфорс (Хельсинки). С 1828 г. учебное заведение стало именоваться Императорским Александровским университетом в Финляндии.

⁷⁵ В тексте содержится неточность. Сверхштатная (экстраординарная) должность профессора была открыта по инициативе генерал-губернатора Финляндии А.А. Закревского (и с предположительными русификаторскими чаяниями) по специальности «Русский язык и литература». Заполнение этой должности осуществлялось по описанной Шёгренем упрощенной процедуре — без представления от консистории и без защиты специальной диссертации, обычных для соискателей в Гельсингфорском университете, как и ранее в Академии Або. Эта должность была упразднена в 1863 г. Первым занял ее С.В. Соловьев, не имевший научных заслуг. Наравне со сверхштатной в 1841 г. была открыта ординарная должность профессора по специальности «Русская история, статистика и литература». См.: *Kolari V. Suomen slavistiikan vaiheita*. H.: Helsingin yliopiston slaavilaisten kielten laitoksen raportteja, 2, 1985.

⁷⁶ Формально требовалось представление от имени канцлера университета, т.е. цесаревича-наследника.

⁷⁷ Фразеологизм «*Panemaan suun säkkiä myöten*» переведен дословно, его эквивалент: «По одежке протягивай ножки».

⁷⁸ «О структуре зырянского языка по сравнению с финским» <Пер. на фин. А.И. Йоки>.

⁷⁹ Генерал-губернатор Финляндии Закревский <Примеч. А.И. Йоки>.

⁸⁰ Финское экономическое общество было основано в 1797 г. по инициативе гуркуского епископа Якоба Гадоллина и занималось продвижением экономических идей и ценностей созидательного трудолюбия. Общество внесло существенный вклад в развитие здравоохранения в стране, с 1803 г. осуществляя массовые вакцинации и организовав обучение канторов минимальным фельдшерским навыкам. Первоначально именовалось Королевским, после вхождения в состав Российской империи и до 1918 г. — Императорским.

⁸¹ «О самых старинных местах проживания Еми. Добавления к истории чудских народов России» *<Пер. на фин. А.Й. Йоки>*.

⁸² С барышней Густавой Софией Лаурелль (ум. 1880) Шёгрэн заключит брак в 1832 г. Покойный к тому времени тесть Шёгрена Аксель Фредрик Лаурелль (ум. 1823) был врачом городского лазарета Куопио, имел чин ассессора, был доктором медицины и магистром философии. Куопио и Миккели — города в земле Саво.

⁸³ Стрельна (по-фински Nuolijoki) находилась на реке с тем же финским названием, в приходе Хиетамяки (по-русски Шундорово, отдельный приход с 1797 г.), выделившемся из прихода Дудергоф (Tuutari) в средней части Ингерманландии. Ныне Стрельна вместе с Петергофом является частью Петродворцового района г. Санкт-Петербурга.

⁸⁴ Холерная эпидемия 1831 г. унесла жизни более 4,5 тысяч человек. 22 июня на Сенной площади в Петербурге произошел холерный бунт, подавленный войсками. В Старой Руссе волнения переросли в народное восстание.

⁸⁵ Вероятно, Шёгрэн не желал упоминать тягостных вопросов польского восстания и холерных бунтов.

⁸⁶ «О финском населении Санкт-Петербургской губернии и происхождении названия Ингрия» *<Пер. на фин. А.Й. Йоки>*.

⁸⁷ «Когда обрусели Заволочье и заволочская чужь?» *<Пер. на фин. А.Й. Йоки>*.

⁸⁸ Королевское общество скандинавских древностей было основано в столице Дании в 1825 г. Раском.

⁸⁹ В России в XIX в. действовало несколько археологических и исторических обществ. Общество истории и древностей российских при Московском университете было основано в 1804 г. при содействии попечителя университета М.Н. Муравьева, его действие приостанавливалось с 1810 по 1815 г. Согласно Уставу 1817 г., основной целью было «вернейшее и исправнейшее издание оригинальных древних о России летописей, с приобщением к ним нужнейших замечаний, дабы то и другое могло служить основанием в сочинении подлинной Российской истории». Расцвет деятельность пришелся на 1823 г., благодаря результативнейшим южнорусским (Киевским) и владимирским раскопкам. В описываемое время и до 1836 г. председателем являлся А.Ф. Малиновский.

⁹⁰ «Что означает фигурирующее в русских летописях за 1024 год слово Люда?» *<Пер. на фин. А.Й. Йоки>*.

⁹¹ О жизни и деяниях святого Олафа, конунга Норвегии» <Пер. на фин. А. И. Йоки>.

⁹² «Лишнее от лукавого» (лат.) <Пер. на фин. А. И. Йоки>.

⁹³ Дословно в финском тексте фигурирует «черная катаракта» («musta kaihi»). Такое название ошибочно. Катаракта обозначается по-фински с использованием цветного прилагательного «серый», однако описанная картина болезни совсем не подходит под заболевание катарактой, при которой зрачок закрывается мутной пленкой, а резкой боли и светобоязни пациент не испытывает. Скорее всего, Шёгрен заболел глаукомой, устаревшее название которой «зеленая катаракта».

⁹⁴ Аркиатр (?) (лейб-медик, по-фински arkkiatri) — высший почетный титул врача в Финляндии, за всю историю его было удостоено 12 человек. В настоящее время этот титул присуждает президент страны. Тёрнгрэн стал вторым из аркиатров.

⁹⁵ Крыма <Примеч. А. И. Йоки>.

⁹⁶ Тагаурский диалект <Примеч. А. И. Йоки>.

⁹⁷ Профессором восточных языков и литератур тогда был Габриэль Гейтлин (1804–1871) <Примеч. А. И. Йоки>.

⁹⁸ Известно, что Шёгрен узнавал о возможности отправить в экспедицию в Сибирь одаренного ученика Гейтлина, в 1839 г. назначенного доцентом восточных литератур Г. А. Валлина <Примеч. А. И. Йоки>.

⁹⁹ Финское научное общество учреждено указом Императора Николая I весной 1838 г. За прошением стояло 15 влиятельных финских ученых во главе с прославившимся изучением плотности воды физиком Гюставом Габриэлем Хэллерстрёмом, ставшим первым председателем. Финское научное общество по уставу считалось академией, объединяющей представителей разных наук.

¹⁰⁰ Ученое общество Эстонии основано в январе 1838 г. в Тарту, где еще в 1802 г. было возобновлено функционирование Дерптского университета.

¹⁰¹ «О знании и использовании металлов у финнов и других чудских народностей» <Пер. на фин. А. И. Йоки>.

¹⁰² Кабардинский и близкородственный ему черкесский языки, которые в послевоенные годы объединяли в «кабардино-черкесский» язык, относятся к абхазско-адыгской группе автохтонных кавказских языков.

¹⁰³ К числу самодийских языков относятся ненецкий, селькупский, нганансанский, энецкий. Самым западным является ареал проживания ненцев: лесных и тундровых — вплоть до реки Мезень в Архангельской области.

¹⁰⁴ Попытки крещения самодийских народностей и лопарей предпринимались еще в конце XVIII в., при императрице Анне Иоановне, в 1784 г. самодийских детей пытались обучать в Архангельской семинарии, где они почти все умерли. В 1824 г. архангельским епископом Неофитом был отправлен в самоедские тундры ижемский священник Федор Истомина, его попытки обращения самоедов были более успешны. Проект архангельского епископа по обращению самоедов в христианство был высочайше утвержден 5 августа 1824 г. Одновременно с вполне гуманной христианизацией, особенно активной в Архангельской губернии, усилились «ясачные» поборы с самодий-

цев, так что в 1820–1840-е годы произошли восстания ненцев (в Тобольской губернии под предводительством Ваули Пьетомиина).

¹⁰⁵ Остяцким языком до революции называли хантыйский, хотя с XI по XIV в. в летописях, особенно новгородских, фигурировало понятие «угры» («Югра»), общее для хантов и манси (позднее названных «вогулами»). Ханты — самоназвание. По родословному древу финно-угорских языков ханты и манси состоят в наиболее близком родстве с венграми.

¹⁰⁶ Следует уточнить, что Кастрен был доцентом по специальности «финский и древнескандинавские языки» *<Примеч. А.И. Йоки>*.

¹⁰⁷ Родственных финскому *<Примеч. А.И. Йоки>*.

¹⁰⁸ Российская академия была присоединена к Академии наук в виде «Отделения русского языка и словесности» в октябре 1841 г. и с этого времени в Академии наук фактически существовали три отделения: физико-математических наук, русского языка и словесности и историко-политических наук и философии.

¹⁰⁹ «Мысли относительно Азиатской академии» *<Пер. на фин. А.И. Йоки>*.

¹¹⁰ Вероятно, подразумевается Общество эстонских литераторов, закрытое позднее, в 1893 г. Нынешнее Общество эстонской литературы действует с 1907 г.

¹¹¹ Собственно говоря, исландец, настоящее имя Финнуур Магнуссен *<Примеч. А.И. Йоки>*.

¹¹² Благожелательно (лат.) *<Пер. А.И. Йоки>*.

¹¹³ «Лучше обгон, чем отставание» (лат.) *<Пер. на фин. А.И. Йоки>*.

¹¹⁴ «Основные черты грамматики зырянского языка» *<Пер. на фин. А.И. Йоки>*.

¹¹⁵ «Как финны и славяне пригласили к себе шведских “родси”. Предварительный труд по истории государства в России» *<Пер. на фин. А.И. Йоки>*.

¹¹⁶ «До свидания» *<Пер. на фин. А.И. Йоки>*.

¹¹⁷ Необработанная и неупорядоченная сырая масса *<Пер. на фин. А.И. Йоки>*.

«Мой путь в науке» — подробная автобиография А.М. Шёгрена, написанная, как полагают исследователи научного наследия ученого, до 1849 г. (которым и заканчивается его повествование). Рукопись в 143 страницы формата кватро на шведском языке, хранится в Литературном архиве Финского литературного общества. Ее судьба, как, впрочем, и судьба других рукописных материалов А.М. Шёгрена, — еще одно свидетельство необычайно бережного отношения финнов к своему культурному и научному наследию.

Рукопись в 1907 г. была передана дочерью А.М. Шёгрена Фредерикой Юстиной (в замужестве Фуруельм) в Финское литературное общество. В том же году секретарь этого общества доктор А. Ниemi (1869–1931) планировал издать ее в «Ученых записках» Общества «Suomalaisen Kirjallisuus-

den seuran Toimituksia» на языке оригинала, т. е. по-шведски. Однако издательская комиссия Общества 31 октября 1907 г. приняла решение опубликовать труд Шёгрена в переводе на финский язык. Это решение тогда не было выполнено.

Финский фольклорист, лингвист и литературовед А. Альквист (1826–1889), видимо планируя издать рукопись автобиографии Шёгрена на языке оригинала, заказал ее копию переписчику, тщательно сверил и выправил перебеленную рукопись в 240 страниц размером фолио, но и она осталась неопубликованной и хранится в Литературном архиве Финского литературного общества.

В 1955 г., к 100-летию со дня рождения А.М. Шёгрена, А.Й. Йоки выполнил перевод его автобиографии с этой рукописи на финский язык и, предпослав ему емкое предисловие, опубликовал его.

С издания: *Sjogren A. Tutkijan tiemi. Helsinki, 1955* — известные финно-угроведы, к.ф.н. доцент И.Ю. Марцина и к.ф.н. Э.Г. Рахимова, выполнили перевод на русский язык. Комментарии к переводу подготовлены Э.Г. Рахимовой.

Список сокращений

АН	— Академия наук
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ЕЧ	— Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
КОИРГО	— Кавказский отдел Императорского Русского географического общества
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
ОР НБФ	— Отдел рукописей Национальной библиотеки Финляндии (Kansaliskirjasto-Käsikirjoituskokoelmat)
СПб. ИАН	— Санкт-Петербургская императорская академия наук
СПб.Ф АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив (г. Москва)
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
ЭО	— журнал «Этнографическое обозрение»
ЭСБЕ	— Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона
BAIS	— Bulletin scientifique publié par l'Académie impériale des Sciences de Saint-Petersbourg
MAIS	— Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg. IV Série. Sciences politiques, histoire philologie

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В.И. (1900–2001), выдающийся иранист-кавказовед — 14, 143
- Аббас Кули, ориенталист, автор «Персидской грамматики» — 278
- Абдул-Зелиф-эфенди, мулла в г. Карасу-Базар — 218
- Абдул-хан, представитель осетинского рода Бадигата — 105, 249
- Аберне Иоганн, спутник А.М.Шёгрена в его путешествии по Крыму — 226
- Абесиан — 281
- Абуль-гази Багадур (1603–1663), хан Хивы, историк, поэт, автор «Родословной туркмен» и «Родословного древа тюрков» — 38
- Авалов, грузинский князь, Управляющий горскими народами Кавказа — 192, 279
- Аверкиев И.З., помещик в г. Алуште — 204
- Авл Геллий — 444
- Ага Мухаммед-хан, персидский хан — 180
- Агмаш Чебели см. Давид Агмаш Чебели
- Аделунг Ф.П. (Фридрих фон, 1768–1843), историк, археолог, лингвист, библиограф, член-корреспондент СПб. ИАН с 1809 г., почетный член с 1838 г. — 23, 28, 37, 148, 783, 789, 796, 805
- Адехе — 281
- Айдемиркан, князь, персонаж адыгского фольклора — 378
- Акерман К., табунщик последнего ногайского хана — 228
- Акипов А.Д., помогал А.М.Шёгрена доставить его багаж с Кавказа в Петербург — 343, 383
- Акташи Магомет Авати, переписчик мусульманских книг — 48

- Аланеты, семья карачаевцев — 285
- Александр Николаевич, наследник престола см. Александр I
- Александр I (1777–1825), российский император (с 1801) — 53, 109, 206, 234, 302, 378, 750, 893
- Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь — 166
- Алопаэус М.-старший, автор «Истории боргосской гимназии», отец П.-Й. и М.Алопаэусов — 754
- Алопаэус М., пастор, преподаватель, затем ректор гимназии в г. Борго (ныне Порвоо) — 753, 754, 755, 757
- Алопаэус П.-Й., лектор истории и этики, затем кафедральный епископ г. Порвоо — 753–755, 757, 760, 778
- Альквист А. (1826–1889), финский фольклорист, лингвист и литературовед — 903
- Андреас Йохан см. Шёгрэн А.М.
- Андрей Арсеньевич см. Закревский А.А.
- Анна Иоанновна (1693–1740), российская императрица с 1730 г. — 901
- Антиноко, закубанский князь, персонаж адыгского фольклора — 377
- Антоний I, католикос грузинской церкви, автор «Грамматики грузинского языка» — 24, 50, 84, 89, 90, 271, 295, 329, 331, 342, 856
- Анучин Д.Н. (1843–1923), естествоиспытатель, географ, антрополог, археолог, этнограф, академик СПб. ИАН с 1896 г., почетный член с 1898 г. — 142
- Аполлос, сын П.И.Иоселиани (см.) — 87, 348
- Арведсон А.Э. — 211, 895
- Арендт, врач в Симферополе — 211
- Аристарх, знаменитый александрийский грамматик — 135, 357
- Аристотель (384–322 гг. до н.э.), древнегреческий философ и ученый — 83, 90, 278, 332
- Армфельт Г.М. (1792–1850), выдающийся шведский государственный деятель — 757, 896
- Арсановы, братья, авторы учебников армянского языка — 49, 103, 187, 189, 191, 277, 278, 295
- Ассатьянов И., учитель татарского языка в Тифлисской духовной семинарии — 272

- Ассимбек, кабардинский князь — 378
- Афадо — 360
- Афзелиус, профессор юриспруденции — 781, 782
- Ахвердов, фенрик — 184, 188
- Ахи Соломи, ветвь осетинского рода Бадилятов — 251
- Аш И.К. (1806–1832), барон, поручик Генерального штаба на Кавказе — 73
- Багратиони Иоанне, представитель древнейшего и знаменитейшего рода в Грузии, к которому принадлежали многие грузинские и армянские цари — 25
- Бадигата (Бариката, Бадиката), осетинский род — 105
- Бадилата, осетинский род — 253
- Баженов А. (1787–1862), востоковед и писатель, член-корреспондент СПб. ИАН с 1838 г. (очевидно, он же экзарх Грузии, затем архиеп. Астраханский Евгений) — 26, 48, 77, 78, 91, 95, 154, 155, 157, 158, 218, 294, 295, 329, 331, 333, 335–338, 353, 354, 378, 458
- Байер Готлиб (Теофил Зигфрид, 1694–1738), филолог, историк-востоковед, академик СПб. ИАН с 1725 г. — 35
- Баковский И.К., аптекарь в Гурями — 272
- Банзаров — 80
- Бантон, шотландец, основатель немецкой колонии Карас под Пятигорском — 859
- Бантыш-Каменский Д.Н. (1788–1850), российский государственный деятель, историк, археограф — 37
- Баратаев М.П. (1784–1856), грузинский историк, основоположник грузинской нумизматики. Князь из рода Бараташвили, переселившегося из Грузии в Россию в XVIII в. — 85, 350
- Баргенов П.И. (1829–1912), русский археограф, библиограф — 89, 330
- Бартоломей И.А. (1813–1870), нумизмат, археолог, писатель, член-корреспондент СПб. ИАН с 1856 г. — 140
- Бартольд В.В. (1869–1930), востоковед, член-корреспондент СПб. ИАН с 1910 г., академик с 1913 г. — 21, 147
- Бартольди — 283
- Баск — 281

- Батог, капитан, помощник начальника карантина в Пятигорске — 282
- Безруко, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 377
- Бейкан Аварский, персонаж адыгского фольклора — 377
- Бек Мурза, осетинский старшина — 100, 255
- Беккер Р., фон, адъюнкт истории в Академии Або — 796, 897
- Бек-Мурза Шора см. Ногмов Ш.Б.
- Бекмурза, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 378
- Бекмурза Кубатиев — 250
- Бек-Мурзин Шора см. Ногмов Ш.Б.
- Белазори (Белазури, Балазури, аль-Белазури, Ахмед ибн Яхья, ибн Джабир, ок. 820 — ок. 892), арабский историк, писавший в т.ч. и о Кавказе — 38
- Белл Дж. (ум. 1842), английский купец, путешествовавший по Кавказу в 1837 г.; опубликовал описание своего путешествия — 134
- Бенкендорф А.Х. (1783–1844), глава корпуса жандармов, начальник III Отделения собственной Его Величества Канцелярии. Почетный член СПб. ИАН с 1827 г. — 127, 160, 379
- Берг Л.С. — 147
- Бергстади Й.Р. (1820–1850), магистр, участник экспедиции знаменитого финского лингвиста М.Кастрена в Сибирь в 1847–1848 гг. — 880
- Бердзенов (Бердзенишвили) Г., осетинский священник — 48, 110, 249, 312, 317
- Бередников Я.И. (1793–1854), историк, археограф, академик СПб. ИАН с 1841 г. — 33, 854
- Береснева М.Л. — 9
- Берже А.П. (1828–1886), востоковед; с 1852 г. служил в Канцелярии Наместника на Кавказе; в 1860 г. обследовал Дагестан, в 1862 г. Мингрелию; один из основателей Кавказской Археографической комиссии и с 1864 г. и до самой своей кончины ее бессменный председатель — 149, 160
- Берсеев О.Х., учитель черкесского языка в Ставропольской гимназии в 1849–1860 гг. — 138

- Берслан Цапца, персонаж адыгского фольклора — 378
- Бётлинка, штатс-лекарь в г. Карасу-Базар — 139, 215, 858
- Бётлингк О.Н., фон (1815–1904), индолог, академик СПб. ИАН с 1842 г., почетный член с 1894 г. — 13, 35
- Бзаров Р.С. (род. 1932), историк-кавказовед — 19, 146
- Бирнбаум, карантинный врач в Ялте — 210, 211
- Бичурин Н.Я. (1777–1853), востоковед-китаевед, член-корреспондент СПб. ИАН с 1828 г. — 35
- Бларамберг И.Ф. (1803–1878), с 1830 г. штабс-капитан в Генеральном штабе на Кавказе — 278
- Блевандов, грузинский князь, гражданский губернатор Тифлиса — 184
- Блумквист А. (1796–1848), профессор истории науки, директор библиотеки Университета г. Хельсинки — 760, 761, 769, 772, 773, 825
- Блупр — 251
- Богатырев П.З., прапорщик, военный топограф на Кавказе — 73
- Богданинский А., директор татарской школы в г. Ногайске, помощник А.М.Шёгрена в изучении татарского языка — 58, 59, 119, 231, 302, 339
- Бодянский И.(О.) М. (1808–1877), филолог-славист, член-корреспондент СПб. ИАН с 1854 г. — 34
- Болович, караим — 218
- Болховитинов Е.А. (митрополит Евгений), (1767–1837), историк, лексикограф, почетный член СПб. ИАН с 1826 г. — 33, 154, 897
- Бонсдорф П.А., фон (1791–1839), член-корреспондент СПб. ИАН с 1834 г. — 151
- Бонсдорф Я., профессор — 778
- Бопп Франц (1791–1867), немецкий языковед-индолог — 211, 390, 403, 439, 444
- Борисов И., протоиерей в Кутиси — 279
- Бородкин М. — 148
- Борсенко, уланский офицер в Симферополе — 205
- Бохгул — 54, 55, 284, 285
- Браге П. (1802–1880), генерал-губернатор Финляндии в 1637–1640, 1648–1854 гг. — 896

- Брайко, военный и гражданский губернатор Тифлиса в 1838–1840 гг. — 184
- Брандт Ф.Ф. (И.Ф.) (1802–1879), зоолог, палеонтолог, академик СПб. ИАН с 1830 г. — 296
- Бранч М. — 38, 142
- Бриземанн, генерал — 211, 213–215
- Бриссарен, генерал-майор из Неттинга, в Симферополе — 205
- Броневский С.Б. (1786–1858), государственный деятель, генерал-губернатор Восточной Сибири. Автор исследования «Новейшие географические и исторические исследования о Кавказе». Ч. I–II. М., 1823 — 47
- Броссе М.И. (1802–1880), востоковед, армяновед, грузиновед, академик СПб. ИАН с 1836 г. — 3–5, 15, 23, 45, 50, 78, 83–88, 90, 91, 109, 137, 139, 154, 158, 160, 286, 295, 299, 332, 333, 335, 342–344, 348–352, 355, 507
- Броссет см. Броссе М.И.
- Брузелиус, издатель шведской серии «Классическая библиотека Германии» — 756
- Булгаков М.П. (епископ Макарий) (1816–1882), историк церкви, академик СПб. ИАН с 1854 г. — 34
- Бурноф — 390, 435
- Бутков П.Г. (1775–1857), историк, академик СПб. ИАН с 1841 г. — 33, 74
- Быков, помощник А.М.Шёгрена в изучении осетинского языка — 52, 53, 243, 244
- Бэр К.М. (К.Э., фон, 1792–1876), естествоиспытатель, иностранный член СПб. ИАН с 1826 г., академик с 1828 г., почетный член с 1830 г. — 44, 870, 877–879
- Вадтман — 278
- Валлениус Й.Ф. (1777–1836), медик и филолог, профессор красноречия и поэтики — 761, 762, 767, 774
- Валлин Юрьё (Георг) (1811–1852), выдающийся финский востоковед — 901
- Вальберг, ректор тривиальной школы — 775, 776
- Вандель, миссионер в Грузии — 166
- Ванцетти Тито (1809–1888), знаменитый офтальмолог,

- практиковал в Одессе и в Крыму, в 1837 г. получил степень доктора медицины в Харьковском университете, где заведовал кафедрой глазных болезней — 862
- Васильев В.П. (1818–1900), член-корреспондент СПб. ИАН по истории и древностям восточных народов с 1866 г., академик с 1886 г. — 13
- Вахтанг VI Законодатель (1675–1737), грузинский государственный деятель, поэт и историк — 83, 90, 266, 275, 278, 295, 326, 331
- Вахушти, сын Вахтанга — Вахушти Багратиони (1695 или 1696–1757), грузинский историк, этнолог и географ — 83, 278
- Вацдер — 278
- Вацуро В.Э. — 144
- Вейгель — 895
- Вельяминов А.А. (1785–1838), генерал-лейтенант, в 1831–1838 гг. командующий войсками Кавказской линии и начальник Кавказской области — 197, 236, 237
- Венгеров С.А. — 158
- Вениамин, архимандрит Сийский (в миру В.Н.Смирнов, 1780–1848), сотрудник Духовной миссии для обращения в христианскую веру ненцев, переводчик священных книг на ненецкий — 868
- Вережкин М.М., генерал-майор — 72
- Вермаль Ф. — 150
- Верховский, полковник — 74, 188
- Веселовский К.С. (1819–1901), статистик, экономист, академик СПб. ИАН с 1852 г., неприменный секретарь АН в 1857–1890 гг. — 34, 147, 151
- Видеман Ф.И. (1805–1887), финно-угровед, филолог, этнограф, член-корреспондент СПб. ИАН с 1854 г., академик с 1857 г. — 117, 151, 159
- Вильямс Джеймс, английский консул в г. Мариуполе — 234
- Виттекер Ц.Х. — 149, 153
- Вольней Константин де (1757–1820), французский писатель и ориенталист — 118
- Вольгер Э.А. (1856–1941), приват-доцент, библиотекарь СПб. ИАН — 22, 147
- Вольф Ф.А. — 895, 896

- Вольховский В.В. (1798–1841), генерал-майор, в 1831 г. оберквартирмейстер, в 1832–1837 гг. начальник Штаба Отдельного Кавказского корпуса — 70, 71, 112, 183, 184, 186, 188, 280, 294
- Воронцов М.С. (1782–1856), генерал-фельдмаршал; с 1825 г. генерал-губернатор Новороссийска и Полномочный наместник Бессарабской области; в 1844–1853 гг. Главнокомандующий войскам и на Кавказе и Кавказский наместник — 116, 138, 139, 200, 207, 208, 210, 354
- Востоков А.Х. (1781–1864), филолог-славист, член-корреспондент СПб. ИАН с 1826 г., академик с 1841 г. — 23, 34, 150, 807
- Вуллерс — 426, 438
- Вяземский П.А. (1792–1878), поэт, критик, академик СПб. ИАН с 1841 г. — 34
- Гадолин Я., епископ в г. Або (Турку) в Финляндии — 900
- Галлоуэй — 81, 82, 239, 240
- Галова — 197
- Галуа П. — 80
- Гамба (1763–1833), французский консул в Тифлисе — 88, 307
- Гарданов В.К. (1908–1989), кавказовед, историк, этнограф — 157, 160
- Гарсеванов И.Я., священник в Тифлисе — 83, 275
- Гастфрейнд Н. — 156
- Гацак В.М. — 9
- Гейер Э.Г. (1783–1847), шведский историограф, публицист и поэт — 42, 43
- Гейтлин Г. (1804–1871), профессор восточных языков и литературы в Академии Або — 901
- Гендерсон, английский ученый — 795
- Генко А.Н. (1896–1941), кавказовед широкого профиля — исследователь языков, истории, этнографии, истории культуры, биографий значительных исторических лиц разных народов Северного Кавказа и Дагестана — 4, 10, 507, 508
- Георги И.И. (1729–1802), химик, медик, этнограф, путешественник, академик СПб. ИАН с 1776 г. — 46

- Георгиев, лейтенант корпуса военных топографов — 182
- Георгий XII Багратиони (1746–1800), последний царь Картли — Кахетинского царства (Восточная Грузия) — 85, 349
- Гердер И.Г. (1744–1803), немецкий философ, писатель-просветитель — 755, 756
- Герман, офтальмолог-гомеопат в Петербурге — 850
- Герман К.Ф. (1767–1838), экономист, статистик, историк, академик СПб. ИАН с 1805 г. — 41, 826, 827, 829
- Гильденштедт И.(А.) см. Гюльденштедт И.(А.)
- Гиппинг А.И. (1788–1862), историк, член-корреспондент ИАН с 1844 г. — 33, 37–40, 150–152, 772, 776–778, 783–785, 788, 791, 792, 794, 799, 800, 803
- Глиноецкий Н. — 156, 157, 158
- Гмелин С.Г. (1734–1774), естествоиспытатель, этнограф, путешественник, академик СПб. ИАН с 1767 г. — 46
- Гнедич Н.И. (1784–1833), поэт, переводчик, член-корреспондент СПб. ИАН с 1826 г. — 34, 896
- Гнучева В.Ф. — 20, 147
- Голинуб — 196
- Голитершес — 80, 197
- Голицын Н.С. (1809–1892), князь, генерал от инфантерии, российский военный историк — 210
- Голицына, княгиня, жена князя Н.С. Голицына (см.) — 210
- Голумбовский А.А., капитан — 193
- Гомер — 764, 767, 895
- Гордеев — 186
- Горский (1793–1862), полковник, обер-квартирмейстер на Кавказской линии, в 1834–1838 гг. участник топографических съемок в Закавказье, давших ценный материал для будущей картографии Кавказа — 82, 237
- Горчаков П.Д. (1785–1868), князь, генерал, участник войны 1812 г., покорения Кавказа и Крымской войны, в 1836–1851 гг. генерал-губернатор Западной Сибири — 864, 870
- Готтхард — 185
- Графф — 419

- Греков Б.Д. (1882–1953), историк, член-корреспондент АН СССР с 1934 г., академик с 1935 г. — 147
- Грефе Ф.Б. (1780–1851), филолог-классик, член-корреспондент СПб. ИАН с 1818 г., академик с 1820 г. — 870, 871, 884
- Греч Н.И. (1787–1867), писатель, журналист, филолог-славист, член-корреспондент СПб. ИАН с 1827 г. — 34
- Григорович В.И. (1815–1876), филолог-славист, член-корреспондент СПб. ИАН с 1851 г. — 34
- Григорьев В.В. (1816–1881), историк, востоковед-монголовед, член-корреспондент СПб. ИАН с 1853 г. — 35, 158, 360, 361, 364
- Григорьева Л.Г. — 6, 9, 923
- Греси, сопровождал А.М.Шёгрен в его поездке в Алупку — 210
- Лукаев С.П. см. Тергукасов С.А.
- Лукасов С.П. см. Тергукасов С.А.
- Гуревич П. — 156
- Гуриев Т.А. — 145
- Гюльденштедт И.(А.) (1745–1781), естествоиспытатель, медик, путешественник, академик СПб. ИАН с 1769 г. — 42, 46, 89, 186, 329
- Гюммель А.Д. (1778–1836), зоолог-энтомолог, член-корреспондент СПб. ИАН с 1828 г. — 151
- Давид Агма Шухебели см. Давид Агмаш Чебели
- Давид Агмаш Чебели — вероятно, Давид IV Строитель (ок. 1073–1125), грузинский царь из династии Багратионов (1089–1125) — 94, 95, 270, 271, 330
- Давид, грузинский царь, см. Давид Агмаш Чебели
- Давид Мингрельский, сын князя Дадлиани — 271
- Давыдов И.И. (1794–1863), педагог, литератор, академик СПб. ИАН с 1841 г. — 34, 149
- Дадешкелиани, княжеский род в Грузии — 78
- Дадлиани, грузинский князь — 271, 353
- Даль В.И. (Казак Луганский, 1801–1872), этнограф, писатель, лексиколог, медик, член-корреспондент

- СПб. ИАН с 1838 г., почетный член с 1863 г. — 34
- Дамассинус — 329
- Двалиташвили Такнис, протоиерей при Осетинском комитете в Тифлисе — 193
- Двалиташвили Шио — глава Осетинской миссии в Тифлисе, протоиерей — 51–54, 110, 121, 122, 159, 298, 306, 336, 353, 359–361, 364, 857
- Девлет-Гирей, князь, персонаж адыгского фольклора — 378
- Делагарди П. — 887
- Делаферре, отставной полицмейстер в г. Карасу-Базар — 214, 215
- Деллингер, помощник А.Д.Нордманна (см.) — 214
- Дельпоццо И.П. (1793–1821), с 1805 г. генерал-майор, пристав в Кабарде, с 1810 г. комендант крепости Владикавказской, с 1815 г. командующий войсками Кавказской линии и начальник 19-й пехотной дивизии — 288
- Демидов П.Н. (1798–1840), государственный деятель, почетный член СПб. ИАН с 1831 г., учредитель «Демидовских наград» — 842, 877
- Денисов — 112, 183, 188, 278
- Дёппнер, медицинский инспектор в Тифлисе — 187, 189, 276, 278
- Джам-Булат, черкесский князь — 282
- Джанбек, хан, персонаж адыгского фольклора — 378
- Джапаридзе Отия, грузинский князь — 102, 103, 260, 263, 321–323
- Диадок Прокл — 84, 278, 341
- Дитрих, оберпастор немецкой колонии в Крыму — 49, 80, 83, 185, 187, 188, 277, 280, 281, 294
- Докучаев, врач во Владикавказе — 279
- Дондуков см. Дондуков-Корсаков М.А.
- Дондуков-Корсаков М.А. (1794–1869), государственный деятель, почетный член, СПб. ИАН с 1837 г., вице-президент в 1835–1852 гг. — 130, 850–852, 854, 874, 882
- Дорн Б.А. (Иоганн Альбрехт Бернгард, 1805–1881), востоковед-иранист, семитолог, член-корреспондент СПб. ИАН с 1835 г., академик с 1839 г. — 23, 35, 107, 139, 158, 159, 357

- Дубровская Е.Ю. — 144
- Дударов Эль-Мурза (Эль-Мурсис), капитан, пристав горских народов во Владикавказском округе — 193, 194, 196, 340
- Дьяков В.А. — 82, 157
- Дьярмати Ш. (1754–1830), венгерский лингвист — 31, 283
- Дюбуа — Дюбуа де Монпере (1798–1850), известный путешественник, натуралист и археолог, изучал Южную Россию, Крым, Кавказ и Закавказье — 89, 330
- Евгений, архиепископ Астраханский, см. Баженов А.
- Евгений, митрополит, см. Болховитинов Е.А.
- Евгений, экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский см. Баженов А.
- Екатерина II Алексеевна (1729–1796), российская императрица — 218
- Ельцин Б.Н. — 129
- Ермолов Александр, внук А.П.Ермолова (см.), биограф деда — 156
- Ермолов А.П. (1777–1861), русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии. В начале XIX в. возглавлял военную и гражданскую власть на Кавказе — 71, 156, 260
- Ерппе Г.Ф. (1777–1853), с 1801 пастор в г. Порвоо, с 1820 по 1836 г. приходский настоятель в Ийтти (Финляндия) — 820, 825, 831, 835, 836, 841, 865
- Еугениус см. Болховитинов Е.А.
- Ефрем Сирин (нач. IV — нач. V), один из великих учителей церкви, оратор и поэт, автор толкований на Св. Писание — 89, 271, 329
- Жаксон, управляющий в имении М.С.Воронцова (см.) — 116, 207
- Жанцоровы, кабарджинские князья, персонажи адыгского фольклора — 378
- Жукаев Петр (Тассо), переводчик с осетинского и главный наставник А.М.Шёгрена в изучении осетинского языка — 26, 51–54, 104, 110, 121, 122, 155, 159, 193, 241–247, 298, 306, 336, 340, 353, 359–361, 364, 366, 857, 860

- Жукаев Тембулат, брат
П.(Т.)Жукаева (см.) — 340
- Жуковский В.А. (1783–1852),
поэт, почетный член СПб.
ИАН с 1827 г., академик
с 1841 г. — 34, 150
- Жуковский, доцент — 13
- Завадовский, казачий атаман —
200
- Завадский М.Р. (1848–?),
с 1901 г. попечитель Кавказ-
ского учебного округа, автор
первого абхазского и мин-
грельского букварей, деятель
народного образования на
Кавказе — 142
- Завалевский Л.Н., обер-лейте-
нант в Симферополе — 205
- Загурский Л.П. (1827–1891),
кавказовед — лингвист,
этнограф, антрополог, редак-
тор изданий КОИРГО — 12
- Закревский А.А. (1783–1859),
государственный деятель,
в 1823–1828 г. генерал-гу-
бернатор Финляндии — 827,
833, 899
- Залеман К.Г. (Карл Густав Гер-
ман, 1849–1916), востоковед,
филолог-иранист, академик
СПб. ИАН с 1886 г. — 13, 21,
22, 25, 147
- Заливтов, полковник; служил
на Сиваше в Крыму — 227
- Зальштедт, лейтенант — 290
- Занигата, осетинский
дворянский род — 253
- Заремба, миссионер в Тиф-
лисе — 185
- Заставский, директор гимназии
в Симферополе — 83, 214
- Захарский, капитан в Кутаиси —
269
- Зино Антонио, итальянский
купец в г. Бердянске — 232
- Иаг — 366
- Иалгузидзев И. см. Ялгузидзе
И.Г.
- Ибн-Фозлан (Федлан; Ахмед-и-
Аббас и-Рашид), арабский
путешественник и писа-
тель — 38, 804
- Иван Грозный — 884–886
- Иван Иванович см. Шопен-Кур-
ганов И.И.
- Иванов Алексей, чиновник
в Туле — 73, 166
- Иегова, искаженная форма име-
ни Бога в иудаизме — Яхве,
Йахве — 366

- Ильминский Н.И. (1822–1891), востоковед-арабист, тюрколог, член-корреспондент Спб. ИАН с 1870 г. — 13
- Ильмони И., друг А.М.Шёгрена — 760, 761, 763, 767, 768, 770, 773, 848
- Инал, персонаж адыгского фольклора — 377
- Иннокентий, архиепископ (в миру Борисов Иван Алексеевич, 1800–1857), историк церкви, академик Спб. ИАН с 1841 г. — 34
- Иноземсков, известный офтальмолог в Москве — 292
- Иоанн, грузинский царевич — 295
- Иоанн см. Петриций Иоанн
- Иоанн Богослов, один из 12 апостолов, евангелист — 121, 361
- Иоанн Васильевич, Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), первый русский царь — 377
- Иоселиан, игумен, родственник П.И. Иоселиани (см.) — 279
- Иоселиан П.И. см. Иоселиани П.И.
- Иоселиани П.И. (1810–1875), преподаватель Тифлисской духовной семинарии, затем чиновник особых поручений при Кавказском наместнике, с 1844 по 1855 г. редактор «Закавказского вестника». Автор ряда исследований, посвященных Грузинскому языку, литературе, истории Грузинской церкви — 15, 24, 26, 35, 46, 78, 83, 86–88, 107, 108, 117, 125, 144, 157, 158, 160, 277, 278, 332, 335, 341–355, 361, 363–366, 369, 856
- Иракий, царь Грузии — Иракий II (1720–1798), грузинский царь, государственный деятель и полководец — 85, 349
- Ире И. (1707–1780), шведский германист — 13
- Исаев М.И. (род. 1928), ведущий современный иранист-кавказовед, специалист по интерлингвистике и этнолингвистике — 8, 9, 14, 143
- Исидор, экзарх Грузии (в миру Никольский Я.С., 1799–1892), в 1844–1854 гг. экзарх Грузии. Основал на Кавказе местное братство для борьбы с мусульманством, развившееся в Общество восстановления христианства на Кавказе — 79, 338, 339, 353
- Истомин, Ф., ижемский священник — 901

- Йерсма ад-Хаджис, свояк пристава Э.-М. Дударова (см.) — 98, 194
- Йоалайд Марьё — 144
- Йоки А.Й. — 892–894, 897–903
- Кабегата, осетинский дворянский род — 253
- Казем-Бек А.К. (Мирза Мухаммед Али, 1802–1870), востоковед, член-корреспондент СПб. ИАН с 1835 г. — 35, 158
- Кази-Мухаммед, прапорщик, помощник пристава Н.Тускаева во Владикавказе — 246, 249, 250, 311, 312
- Казим-бек, князь, генерал-майор — 180
- Казы Пшиабисович, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 377
- Кайтукоко, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 378
- Какоулин, прапорщик корпуса топографов в Тифлисе — 74
- Каландадзе Ц.П. — 147
- Калоев Б.А. (1916–2006), этнолог-кавказовед — 16, 145, 159
- Камболов Т.Т. — 16, 17, 18, 145, 156, 157
- Канкрин Е.Ф. (1774–1845), граф, российский государственный деятель; в 1823–1844 гг. министр финансов — 810, 871
- Кант И. (1724–1804), немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии — 767
- Каражаев Ю.Д. — 145
- Каражаева Е.Д. — 145
- Карамзин Н.М. (1766–1826), писатель, историк, историограф, почетный член СПб. ИАН с 1818 г. — 34, 37, 795, 884
- Карганов З.С., учитель в Тифлисской гимназии — 49, 84, 187, 188, 190, 191, 276–278, 295, 343, 345, 348, 857
- Каргасов — 197
- Карл — 67
- Кастрен М.А. (1813–1852), выдающийся финский ученый, один из основоположников филологического и этнографического финно-угроведения — 142, 151, 862, 866, 870, 871, 875, 876, 878–880, 902
- Катарина, в девичестве Хуген, мать А.М.Шёгрена — 745, 892

- Катарина (Карин), дочь Арвида, см. Катарина
- Кауль, помещик в Крыму — 212
- Качанов, адъютант губернатора в Ставрополе — 173
- Каченовский М.Т. (1775–1842), историк, литературный критик, издатель, член-корреспондент СПб. ИАН с 1832 г., академик с 1841 г. — 33, 165
- Кашперская А.П. — 6, 9
- Квармос — 281
- Кеплерус, тетка А.М.Шёгрена — 852
- Кеппен П.И. (1793–1864), статистик, член-корреспондент СПб. ИАН с 1826 г., академик с 1837 г. — 34, 88, 112, 183, 207, 349, 350, 352
- Керр Г.Я. (1692–1740), востоковед — 35, 149
- Кёлер, пастор немецкой колонии Цюрихталь в Крыму, близ Феодосии — 218, 219
- Кёлер Е.Е. (Генрих Карл Эрнст, 1765–1838), историк, археолог, член-корреспондент СПб. ИАН с 1803 г., академик с 1817 г. — 33
- Киншао Калихетанович, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 377
- Киселева Т.В. — 142
- Клапрот Г.Ю. (Юлиус, 1783–1835), востоковед — китаевед, адъютант по восточным языкам СПб. ИАН с 1804 г., академик в 1807–1817 гг. В 1807–1808 гг. провел экспедицию по Северному Кавказу и Грузии — 35, 42, 43, 47, 55, 56, 68, 74, 89, 142, 156, 214, 236, 248, 249, 252–254, 282, 283, 285, 294, 297, 298, 301, 306, 308, 317, 329, 861
- Климент Анкирский, святой — 272
- Клементьев — 276–278
- Князев Г.А. — 147, 152
- Ковалевский И.М. — 158
- Ковалевский О. — 80
- Ковент, генерал — 384
- Коленати Ф.А. (1813–1864), чешский ученый, в 1842–1843 гг. создатель коллекции кавказской одежды для Этнографического музея, директором которого был А.М. Шёгрен — 134
- Кольдеруп-Розенвинге, юрист в Копенгагене — 815
- Комаров В.Л. (1869–1945), ботаник, географ, член-корреспондент СПб. ИАН

- с 1914 г., академик АН СССР
с 1920 г. — 147
- Коноков Ельжеруко, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 377
- Кононов — казак-полковник во Владикавказе — 241
- Конради, врач в Пятигорске — 196, 238, 269, 273, 280
- Конькова О.И. — 144
- Коркунов М.А. (1806–1858) — историк, археолог, академик СПб. ИАН с 1847 г. — 33
- Корниг Иоганн, меннонит, способствовавший благоустройству быта ногайцев, среди которых жили меннониты — 69, 70, 81, 208, 229, 230, 302
- Корниес Иоганн, меннонит, см. Корниг И.
- Корсенков, знаток греческого языка — 210
- Корцев М.И., станичный начальник в ст. Черноярской — 288
- Косвен М.О. (1885–1967), исследователь истории первобытного общества, истории и этнографии народов Кавказа — 21, 72–74, 147, 154–158, 160
- Кочетов И.С. (1787–1854), языковед, почетный член СПб. ИАН с 1841 г., академик с 1846 г. — 34
- Коцебу М.А. (М.Е., 1789–1861), кадровый военный, служил в Грузии с 1818 г., с 1837 г. начальник Штаба Кавказского корпуса в Тифлисе — 85, 88, 346, 349
- Красухин К.Г. — 386, 924
- Крафтсман, аптекарь в военном госпитале в Георгиевске — 196, 278
- Крачковский И.Ю. (1883–1951), востоковед-арабист, академик Академии наук СССР с 1921 г. — 149
- Кристина (Кристина Августа, 1626–1689), королева Швеции в 1632–1654 гг. — 868, 892
- Круг Ф.И. (Иоганн Филипп, 1764–1844), историк, нумизмат, академик СПб. ИАН с 1805 г. — 6, 17, 18, 23, 26, 37–41, 45, 55, 86, 88, 91, 95, 97–101, 114, 125, 141, 145, 151, 153, 311, 346, 350, 800, 805, 806, 817, 819, 823, 825–829, 842, 843, 852, 863, 864, 872, 873, 878, 881–884
- Крускопф, судья в приходе Кивеннапа — 798

- Крылов И.А. (1769–1844), писатель, баснописец, академик СПб. ИАН с 1841 г. — 34
- Ксенофонт Х., учитель греческого и татарского языков в Тифлисской духовной семинарии — 26, 107–109, 119, 346, 355–357
- Куб Касай см. Кубати Кассай — 250
- Кубати (Кубатева), осетинский род — 251, 252
- Кубати Бекмурза, старшина в Осетии — 313–315, 317
- Кубати Кассай, старшина в осетинском селении Карагац — 248, 312, 313
- Кудрявцева Т.В. — 6, 9, 386, 924
- Куник А.А. (Э.Э., 1814–1899), историк, филолог, этнограф, нумизмат, академик СПб. ИАН с 1850 г. — 21, 23, 27, 28, 33, 38, 39, 151, 153, 883–885
- Кургелов — 382
- Куропятник А.И. — 144
- Куропятник М.С. — 144
- Кутателадзе Н. (1797–?), протоиерей в Кутаиси, сопровождал А.М.Шёгрена в его путешествии в Гелатский монастырь и собирал для него материалы о Грузии — 78, 88, 94, 268, 269, 271, 272, 329, 330, 335
- Куторга М.С. (1809–1886), историк-эллинист, член-корреспондент СПб. ИАН с 1848 г. — 33
- Лавристан, князь, персонаж адыгского фольклора — 377
- Лавров Л.И. (1909–2009), кавказовед — историк, этнолог — 10
- Лавэ, пастор в Пятигорске — 80, 197
- Ланге, пастор — 204, 211, 239, 240
- Лапинский — 134
- Лаурелль А.А. (1801–1852), пастор, профессор догматики и этики в университете г. Хельсинки в 1836–1839 гг., шурин А.М. Шёгрена — 840, 841
- Лаурелль А.Ф. (ум. 1823), доктор медицины и магистр философии, тесть А.М.Шёгрена — 813, 889, 900
- Лаурелль Г.С. (ум. 1880), невеста, затем жена А.М.Шёгрена — 813, 816, 819, 820, 839, 900
- Лахау, доктор, пастор — 189
- Леем, автор труда о саамах Норвегии — 804, 897

- Ленц, исследователь духовоборов — секты духовных христиан — 186, 196, 238, 277
- Лённестрём, приходский настоятель Ийтти — 771
- Лёнрот Э. (1802–1884), знаменитый финский фольклорист, составил из карельских, ижорских и финских рун эпос «Калевала» — 896
- Лерберг Август (Аарон) Христиан (1770–1813), историк, академик СПб. ИАН с 1807 г. — 37, 39
- Лерх П.И. (1827–1884), ориенталист, историк мусульманского Востока, библиограф — 21, 22, 147, 229, 506
- Ливен К.А. (1767–1844), князь, министр народного просвещения в 1828–1833 гг., почетный член СПб. ИАН с 1826 г. — 841, 846
- Линдبلاد, аптекарь в Пятигорске — 238, 240
- Линсен Й.Г. (1785–1848), финский филолог — 897
- Лобанов М.Е. (1787–1846), поэт, почетный член СПб. ИАН с 1841 г., академик с 1845 г. — 34
- Лобойко И.Н. (1786–1861), профессор истории университета в г. Вильно — 36, 150, 788
- Лонгстрём Х. — 761, 762
- Лопатинский Л.Г. (1842–1922), профессор, исследователь фольклора и языков народов Кавказа, редактор авторитетного издания «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» — 13
- Лукан, Марк Анней (39–65 н.э.), древнеримский поэт-лирик — 755, 824, 899
- Любимов Ф., протоиерей Соликамска — 864
- Люлье Л.Я. (1805–1862), автор «Словаря русско-черкесского или адигского, с краткою грамматикою сего последнего» (Одесса, 1846) — 7, 25, 26, 66, 119, 133–137, 157, 160, 161, 306, 357–359, 464–466, 474
- Магнуссен Финн (точнее, Магнуссен Финнур, 1781–1847), профессор университета в Копенгагене — 873, 875, 902
- Маевский А., адресант А.М.Шёгрена; служил во Владикавказе в начале 50-х годов XIX в. — 26, 110, 359
- Майер, врач в г. Ставрополе — 237

- Майков А.Н. (1821–1897), поэт, член-корреспондент СПб. ИАН с 1853 г. — 134
- Майков П., один из представителей дворянского рода Майковых — 151
- Макарий, епископ, см. Булгаков М.П.
- Малиновский А.Ф. — 900
- Мамбетов Г.Х. — 157, 160
- Мамонтов, подпоручик корпуса топографов на Кавказе — 73
- Мантутов Т., старший учитель в Акеруме — 70, 228, 229
- Маннергейм К.Г. (1867–1951), барон, фельдмаршал, президент Финляндии в 1944–1946 гг. — 38
- Маннергейм К.Г. (1797–1854), государственный деятель, зоолог-энтомолог, медик, член-корреспондент СПб. ИАН с 1827 г. — 38, 151
- Манне, директор гимназии в г. Таганроге — 237
- Маннинен О. — 896
- Мантутов Тимер, старший учитель, помогавший А.М.Шёгрену в его занятиях ногайским языком — 70, 228, 229
- Марр Н.Я. (1864–1934), академик СПб. ИАН с 1909 г., вице-президент АН СССР в 1930–1934 гг. — 3, 9, 10, 13
- Мартесненко, итальянец, врач-офтальмолог — 277, 278
- Мартон — 281
- Марцина И.Ю. — 7, 9, 903
- Матасси — 186
- Медведев Г.П., врач в Ставрополе — 237
- Мейер, книготорговец из Петербурга — 795, 796, 799, 801, 802
- Менинский, автор не названной Шёгреном «Грамматики» — 209, 284, 410, 432, 435
- Мениппей, персонаж книги Лукана (см.) — 755
- Меннон Симонис (1491–1561), голландец, католический священник, основатель одной из протестантских сект (секты меннонитов) — 69
- Местр Жозеф Мари де (1753–1821), граф, французский публицист, политический деятель и религиозный философ — 150
- Мжедлов Пр., смотритель Владикавказского духовного

- училища, затем учитель осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии, позже губернский секретарь; переводчик на осетинский язык священных книг — 7, 18, 26, 79, 119–125, 336, 337, 352, 359–361, 363, 365, 366, 368, 369, 371, 391, 392, 434, 442, 443, 447, 448, 450, 458–460, 462
- Миддендорф А.Ф. (А.Т., 1815–1894), российский географ, зоолог и ботаник, академик СПб. ИАН с 1845 г., почетный член с 1865 г., непреременный секретарь в 1855–1857 гг. — 879
- Миккола Й.Й. — 892
- Микушев А.К. — 144
- Миллер В.Ф. (1848–1913), языковед, востоковед — санскриптолог, фольклорист, этнограф, член-корреспондент СПб. ИАН с 1898 г., академик с 1911 г. — 13, 15, 31, 124, 143, 160
- Минас, католический священник, автор «Русской грамматики для армян» — 215, 301
- Мисенкампф Б.П., городничий в г. Ногайске — 231
- Мисост, князь, персонаж адыгского фольклора — 378
- Митридат (Митрадат), понтийский царь Митридат VI Великий Эвпатор (Дионис) (132–63 до н.э.), отличавшийся большой мудростью и необыкновенными лингвистическими способностями — 92
- Михаил, царевич грузинский — 345
- Михайловский-Данилевский А.И. (1790–1848) — военный историк, писатель, академик СПб. ИАН с 1841 г. — 33
- Модзалевский Б.Л. (1874–1928), историк русской литературы, член-корреспондент АН с 1918 г. — 147
- Мозголевский, командующий округом в Грузии — 325
- Монтандон, повар в имении графа М.С.Воронцова — 207, 210, 217, 219
- Мосенкампф, директор таможи в Грузии — 278
- Муравьев М.Н. (1796–1866), государственный деятель, почетный член СПб. ИАН с 1857 г. — 795, 900
- Мусин-Пушкин М.Н. (1795–1862), государственный деятель, почетный член СПб. ИАН с 1837 г. — 822

- Мхитар Севастийский (1676–1749), армянский национальный деятель, сыгравший важную роль в культурном возрождении своего народа в одну из самых тяжелых для него эпох, основатель ордена мхитаристов — 155
- Мчедлов см. Мжедлов Гр.
- Мюльхаузен, статский советник — 203–205, 207–211, 213–215
- Мясников, краевед в Тотъме — 820
- Надрусов, осетинский князь — 250
- Назаров Ф. — 897
- Наполеон (Наполеон Бонапарт, 1769–1821), французский император в 1804–1814 и в 1815 гг. — 36
- Напольских В.В. — 144
- Нарышкин, генерал-губернатор Новороссийский и Бессарабский. (В перечне генерал-губернаторов этих регионов Нарышкин не значится) — 206, 210
- Невская Н.И. — 144
- Недобров, майор в Ставрополе — 290
- Нейман, казначей в Кисловодске — 289
- Ненарокова М.Р. — 7, 9
- Неофит, архангельский епископ — 901
- Нервандер И.Я. (1805–1848), физик, астроном, член-корреспондент СПб. ИАН с 1842 г. — 151
- Нестан-Дареджан, персонаж грузинского фольклора — 295
- Нестеров П.П., генерал-майор, в 1842 г. полковник, комендант Владикавказской крепости — 340
- Нестор, летописец XI — нач. XII в. — 795
- Ниemi А. — 902
- Николай I (Николай Павлович, 1796–1855), император все-русский — 32, 36, 73, 82, 94, 148, 206, 896, 899, 901
- Ногма Ш.Б. см. Ногмов Ш.Б.
- Ногмов Ш.Б. (1796–1844), автор первой кабардинской грамматики и первой истории кабардинского народа — 7, 13, 14, 22, 24, 26, 60–63, 65, 66, 100, 119, 125–132, 145, 160, 183, 238–240, 281, 303, 304, 333, 371, 372, 374–376, 379–382, 475, 500,

- 503, 506–508, 858–861, 868, 878, 880, 881, 886
- Ноймайер, майор из Бессарабии — 204
- Норденстамм И.И. (1802–1882), выпускник Финляндского кадетского корпуса; в 1829–1846 г. служил на Кавказе. С 1838 по 1843 г. оберквартирмейстер и начальник Штаба Кавказской линии, с 1846 г. губернатор Ставрополя — 103, 107, 158, 164, 186, 189–191, 276, 384, 855
- Норденшельд Н.А.Э., барон (1832–1901), химик, минералог, полярный исследователь, иностранный член СПб. ИАН с 1879 г. — 151
- Нордман А.Д., фон (1803–1866), зоолог, ботаник, член-корреспондент СПб. ИАН с 1834 г. В 1835 г. провел экспедицию по Западному Кавказу с зоологической целью — 151, 214
- Нордманн, врач в Пятигорске — 240, 280, 281
- Норов А.С. (1795–1869), писатель, языковед, собиратель рукописных книг, почетный член СПб. ИАН с 1841 г., академик с 1851 г. — 34
- Носков И.Я., майор, комендант г. Кутаиси — 273, 329
- Нюкопп, адъютант по древнегреческой литературе в Академии Або — 775, 784, 787, 841
- Оболенский М.А. (1805–1873), историк, археолог, архивист, археолог, член-корреспондент СПб. ИАН с 1846 г. — 33
- Олаф Святой (Олаф II Харальдсон Святой, ок. 995–1030), норвежский король в 1015–1028 гг. Завершил введение христианства в стране — 325, 845, 847, 864, 901
- Ольдекопп, издатель журнала «St. Petersburgische Zeitschrift» — 797, 804, 807
- Ольшевский М.Я. (1816–1891), генерал от инфантерии; служил на Кавказе. Автор ряда публикаций о народах Кавказа — 237
- Омар, сын осетинского старшины Кубати Кассая (см.) — 253
- Орлов-Денисов В.В. (1775–1844), граф, генерал от кавалерии — 231
- Орлова, графиня — 231

- Остберг Г., пастор — 30, 31, 731, 747, 750
- Остберг С., капеллан прихода в Ловийсе — 747
- Отиа см. Джапаридзе Отия
- Оттель, К.Г. (?—1864), доктор теологии — 753
- Павленок, унтер-офицер Кавказского корпуса топографов в Тифлисе — 73
- Паллас, вдова академика П.С.Палласа (см.) — 205, 211
- Паллас П.С. (1741—1811), естествоиспытатель и путешественник, академик СПб. ИАН с 1767 г. В 1768—1774 гг. провел экспедиции по Северному Кавказу и Закавказью — 28, 46
- Панаев В.И. (1792—1859), писатель, академик СПб. ИАН с 1841 г. — 34
- Паскевич И.Ф. (1782—1856), граф, генерал-фельдмаршал. В 1826—1831 гг. командовал русскими войсками на Кавказе — 157, 272, 273, 355
- Паскевич-Эриванский см. Паскевич И.Ф.
- Патерсон А. — 144, 238—240, 374, 795
- Патон, архитектор — 887
- Патрушев В.С. — 144
- Паули, смотритель карантин — 278
- Пашков А.М. — 144
- Петерманн — 440
- Петриций Иоанн (точнее, Петрици Иоанне; XI—XII вв.), грузинский философ, представитель неоплатонизма — 84, 341
- Петров, подпоручик корпуса топографов на Кавказе — 72
- Пиетомин В., предводитель восстания ненцев в 1820—1840-е годы — 902
- Пиппинг Ф.В. (1783—1868), профессор истории науки, директор библиотеки в университете г. Хельсинки в 1814—1845 гг. — 767
- Платон Игнатъевич см. Иоселиани П.И.
- Плетнев П.А. (1792—1865), литератор, критик, академик СПб. ИАН с 1841 г. — 34, 149
- Погодин М.П. (1800—1875), историк, археограф, писатель, переводчик, издатель, член-корреспондент СПб. ИАН с 1826 г., академик с 1841 г. — 34, 39, 149, 292

- Полевой Н.А. (1796–1846), писатель, критик, журналист, историк, член-корреспондент СПб. ИАН с 1831 г. — 34
- Поленов В.А. (1776–1851), литератор, дипломат, почетный член СПб. ИАН с 1834 г., академик с 1842 г. — 34
- Попов Н.П., составитель полного «Русско-зырянского словаря» — 117
- Поппиус А. (1793–1866), финский поэт, один из первых собирателей финского фольклора — 753, 755, 760, 763, 804, 807
- Пордежстан И.И. — 382
- Портан Х.Г. (1739–1804), финский филолог, этнограф, философ, писатель, публицист — 31, 41, 148, 153, 754
- Потемкин С.П. (1787–1858), князь, писатель, участник войн с Турцией и Швецией в 1805–1809 гг. Последний представитель рода Потемкиных — 207
- Потоцкий И.О. (Ян, 1761–1815), писатель, историк, археолог, этнограф, географ, путешественник, почетный член СПб. ИАН с 1806 г. — 46
- Поуп А. — 895
- Поцхишвили А. — 144
- Правдивин, врач в Мезени — 818
- Прибылов, врач в Тифлисе — 112, 183, 186, 187, 188, 189, 190
- Прокл см. Прокл Диадок
- Прокл Диадок (410–485), главный представитель афинской школы неоплатонизма и последний значительный философ Древнего мира — 83, 84, 278
- Путятин, капитан корвета «Ифигения» — 200
- Пушкин А.С. — 70, 138, 156
- Пуцин И.И. — 887
- Радлов В.В. (Ф.В., 1837–1918), тюрколог, академик СПб. ИАН с 1884 г. — 13
- Раевский Н.Н. (1771–1829), герой Отечественной войны 1812 г., генерал от кавалерии — 73
- Разевский, врач в Ялте — 210
- Райер — 415, 422
- Раковский, аптекарь в Кутаиси — 211, 268
- Раск Р.К. (1787–1832), датский языковед, основоположник скандинавского языкознания

- ния — 32, 390, 770—774, 776, 788, 789, 804, 840, 845, 900
- Рахимова Э.Г. — 7, 9, 892, 903
- Рембиндер Р.И. (1777—1841), граф, статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского, философ, почетный член СПб. ИАН с 1826 г. — 38, 40, 151, 772, 781, 782, 801, 803, 817, 819, 822, 823, 825—828, 833, 834, 844, 845, 847, 866, 897, 898
- Ребутов, князь — 197
- Регули Антал (1819—1858), венгерский лингвист и этнограф — 875—879
- Рейман, врач в Петербурге — 838
- Рейнегтс Я. (1744—1793), немецкий врач и путешественник; в 1783 г. служил на Кавказской линии. Автор ряда работ о народах Кавказа — 46, 76, 300, 301
- Реландер, капеллан, пастор — 755, 758, 804, 826, 836
- Ренвалл Г. (1781—1841), финский религиозный деятель, писатель, исследователь финского языка — 38
- Ридада, богатырь-великан, персонаж адыгского фольклора — 377
- Розен Г.В. (1782—1842), барон, генерал-лейтенант. В 1831—1837 гг. командующий Отдельным Кавказским корпусом, Главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области; почетный член СПб. ИАН с 1836 г. — 48, 51, 63, 70, 71, 112, 126, 157, 166, 183—185, 187, 189, 191, 193, 197, 250, 276, 280, 294, 298, 303
- Розенкампф, барон — 772, 776, 778
- Розинов, коллежский советник — 184, 186—188
- Роллер, управляющий имением М.С.Воронцова в Крыму — 208
- Роци-живописец в Тифлисе — 84
- Румянцев Н.П. (1754—1826), русский государственный деятель, дипломат, создатель коллекции рукописных, этнографических и нумизматических материалов, составивших основу Румянцевского музея — 33, 36—40, 151, 152, 774, 776, 782, 783, 785, 788, 789, 794, 797, 799, 801, 802, 804, 807, 817, 825
- Русудан, царица Грузии — 85, 349

- Рыхлевский А.И. (1783–1830), государственный деятель, в 1821–1825 гг. Олонецкий гражданский губернатор — 811, 821
- Саарнисто М. — 144
- Савваитов П.И. (1815–1895), краевед, лингвист-финно-угровед, член Ученого комитета Министерства народного просвещения — 13, 117
- Савельев П.С., русский археолог, востоковед-арабист, нумизмат — 149
- Савельева Е.А. — 144, 154
- Сакса А. — 144
- Салеев Эльмурза, помощник А.М.Шёгрена в изучении ногайского языка — 58, 302
- Саломатин, подпоручик корпуса топографов на Кавказе — 73
- Санакоев М.П. — 53, 155
- Сахаров И.П. (1807–1863), этнограф, археолог, палеограф, фольклорист, медик, член-корреспондент СПб. ИАН с 1854 г. — 34
- Сахиб-герай-хан, пятый по счету крымский хан, правивший в 1533–1559 гг. — 300
- Свенске К.Ф. (1797–1871), известный картограф и библиограф, переводчик и архивариус в Императорской академии наук — 839, 841, 842
- Святой Георгий, Георгий Победоносец, христианский святой — 94, 270, 275
- Святой Николай, христианский святой — 110, 253, 270
- Святослав, новгородский князь — 793
- Сегерстрале, майор, владелец усадьбы в местечке Вихти в Финляндии — 755, 894
- Седерхольм, пастор — 165
- Семин — 277
- Сен-Мартен Вивьен де (1802–1895), французский географ, в 1847–1854 гг. редактор журнала «Nouvelles Annales des Voyages» — 5, 17
- Сенковский О.И. (Г.И., 1846–1916), востоковед-арабист, писатель, критик, журналист, член-корреспондент СПб. ИАН с 1828 г. — 150, 158
- Сигнеус-мл. З., преподобный (1763–1830), епископ лютеранских приходов в Санкт-Петербургской губернии, публицист, деятель культуры — 783,

- 784, 790, 791, 792, 797, 798, 801
- Симонович, генерал; в начале XIX в. главнокомандующий русскими войсками в Грузии — 272
- Скутте, пастор — 768, 770, 778, 791, 797, 870
- Снегирев И.М. (1793–1868), историк, археолог, этнограф, член-корреспондент СПб. ИАН с 1854 г. — 34
- Соловьев С.В., профессор русского языка и литературы в Александровском университете в Гельсингфорсе — 144, 899
- Соломон (евр. Шеломо, араб. Сулейман, 1020–980 до н.э.), третий и величайший царь израильского народа — 266
- Сокуров В.Н. — 145
- Софроний (Совроний), архиепископ Имеретинский — 78, 335
- Спасский Г.И. (ум. 1864), известный историк Сибири. Последние годы жил в Одессе, изучал древности Черноморского края и посвятил им ряд исследований — 150, 277, 278
- Сперанский М.М. (1772–1839), граф, государственный деятель, почетный член СПб. ИАН с 1819 г.; с 1809 г. канцлер Академии Або — 896
- Срезневский И.И. (1812–1880), филолог-славист, палеограф, этнограф, академик СПб. ИАН с 1849 г. — 34
- Старчевский А. (Адальберт-Войтех Викентьевич, 1818–1889), известный журналист и знаток европейских и восточных языков — 151
- Стивен Х.Х. (1781–1863), естествоиспытатель-ботаник, садовод, энтомолог, член-корреспондент СПб. ИАН с 1815 г., почетный член с 1849 г. — 46, 75, 151, 156, 203, 204, 211, 214, 215, 255, 299, 300, 856–858
- Степанов М. — 150
- Стефани Л.Э. (1816–1887), историк, археолог, филолог, исследователь греческих и римских древностей, академик СПб. ИАН с 1850 г. — 158
- Стокфлет, пастор, норвежский странствующий проповедник — 814
- Страбон (64–63 до н. э. — 23–24 н. э.), древнегреческий географ и историк — 50
- Строганов С.Г. (1794–1882), ба-

- рон, государственный и военный деятель — 150
- Строев П.М. (1796–1876), историк, археограф, член-корреспондент СПб. ИАН с 1826 г., академик с 1841 г. — 33, 165, 173, 899
- Строльберг И.В. (1747–1816), представитель старинного пасторского рода Выборгской губернии, приходской настоятель в Ийтти (Финляндия) — 748, 750, 757, 758, 763, 774
- Строльман А. (1795–1836), финский религиозный деятель — 748, 763–765, 767, 770, 803, 804, 808, 809, 893
- Строльман Й. — 748, 763, 767, 770, 795–798, 804, 806, 807
- Султанов К.К. — 9
- Сундبلاد, аптекарь в Пятигорске — 197, 240, 280
- Суолахти И., сотрудница Литературного архива Финского литературного общества — 28
- Сухомков, лейтенант, комендант г. Пятигорска — 238, 280
- Сухоруков В.Д., сотник — 173
- Таавитсайнен И.-П. — 144
- Таврас, одно из названий осетинского рода Чергессата (см.)
- Такала И.Р. — 144, 148, 153
- Тальквист, государственный аптекарь в Тифлисе — 83, 185–188, 190, 276, 277
- Тамара (ок. сер. 1160-х — 1207), царица Грузии в 1184–1207 гг. — 93, 106, 111, 179, 253, 254, 256, 275, 319, 320, 344
- Тансен — 289, 290
- Тантисов, помощник Ю.Клапрота во время его путешествия по Кавказу; в его доме останавливался Клапрот — 55, 285, 286
- Тариэл, персонаж грузинского фольклора — 295
- Тарханов, грузинский князь — 83, 278
- Татищев В.Н. (1686–1750), русский историк, государственный деятель — 885
- Тахановский, полковник — 278
- Таубе М.М. (1783–1849), барон, генерал-лейтенант. С 1825 по 1831 г. служил на Кавказе при войсках Отдельного Кавказского корпуса. С 1832 г. председатель Кавказского областного управления, с 1835 г. гражданский

- губернатор Ставрополя — 197, 280
- Тауш К.И., титулярный советник, сотрудник Иностранной коллегии в Ставрополе, знаток адыгейского языка — 66, 81, 82, 157, 237, 307
- Тацит (ок. 58 — ок. 117), римский историк — 767
- Теймураз II (1700—1762), царь Кахетии в 1733—1747 гг., царь Картли с 1744 г. — 25, 85, 121, 349, 351, 361
- Тельпо, городской голова в Феодосии — 219
- Тенгстрём Я. (1755—1832), финский теолог и политический деятель, вице-канцлер Академии Або — 38, 769
- Тергукаев С.А. см. Тергукасов С.А.
- Тергукасов С.А., врач в Тифлисе — 26, 184, 186—188, 276—278, 343, 345, 382—384
- Терюков А.И. — 38, 144, 147, 151
- Тернгрэн Й.А. (1772—1859), знаменитый финский медик, с 1825 г. председатель Медицинской коллегии Финляндии — 848, 901
- Тигерстедт, фабрикант — 797
- Тигранов, школьный учитель в г. Нахичевань — 235
- Тигранян см. Тигранов
- Тизенгаузен В.Г. (1825—1902), археолог, нумизмат, член-корреспондент СПб. ИАН с 1893 г. — 147
- Тисик-хан, представитель осетинского рода Бадигата — 105
- Тист Н. — 80, 197
- Тихоновский, полковник — 170
- Токазов Х.А. — 145
- Топка — 229
- Тотлебен Э.И. (1818—1884), русский военный деятель, генерал-адъютант, участник Кавказской войны — 180
- Тотлостанов Карошай Шолохович, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 378
- Тотлостанов Мудармафа, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 378
- Тотлостанов Темрюк Маремикович, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 377
- Тотлостанов Шолох, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 377, 378

- Триниус К.А. (К.Б., 1778–1844), ботаник, медик, иностранный член СПб. ИАН с 1810 г., иностранный академик с 1823 г. — 296
- Туганов, штаб-ротмистр в Кавказско-горском полуэскадроне — 379
- Тургенев А.И. (1785–1845), историк, археограф, почетный член СПб. ИАН с 1818 г. — 34, 39
- Туркин А.И. — 144
- Турчанинов Г.Ф. (1902–1989), кавказовед — 13, 14, 143, 145, 160, 506–508
- Тускаев Н.И., отставной урядник в станице Ново-Осетинской — 55, 246, 285, 287, 289
- Тчинктухо-хан, представитель осетинского рода Бадигата — 105
- Тшетга, персонаж осетинского фольклора, первопредок одноименного осетинского рода — 106
- Уарзиати В.С. (1952–1995), этнолог-кавказовед — 51, 145, 155, 157
- Уваров С.С. (1786–1855), государственный деятель. Почетный член СПб. ИАН с 1811 г., министр народного просвещения в 1834–1849 гг., Президент Санкт-Петербургской Императорской академии наук в 1818–1855 гг. — 19, 32–37, 39, 43–45, 55, 60, 126, 127, 133, 137, 141, 149, 150, 277, 379, 830, 832–834, 841–844, 846, 849, 860, 864, 873
- Уксуль, барон — 211
- Унковский, лейтенант-артиллерист — 293
- Урсин, профессор медицины в Академии Або — 760, 777
- Услар П.К. (1816–1875), лингвист, этнограф, кавказовед, член-корреспондент СПб. ИАН с 1868 г. — 12, 134, 138, 140, 142, 148, 149, 161, 507
- Усметьев — 205
- Устрялов Н.Г. (1805–1870), историк, академик СПб. ИАН с 1844 г. — 33, 39, 87, 158, 872, 873, 883–885
- Ухлениус Г.А. — 895
- Фабритиус, ленсман прихода, полицейский — 758
- Фановский, помощник директора Музея древностей в Керчи — 201

- Фаттенборг Х.Х. (1769–1849), профессор, декан философского факультета в Академии Або — 759, 773
- Федоров, поручик корпуса топографов на Кавказе — 73
- Филарет, митрополит (Дроздов В.М., 1782–1867), с 1826 г. московский митрополит, русский церковный деятель — 34
- Финнер, помощник пастора, друг юности А.М.Шёгрена — 770, 776
- Фишман О.М. — 144
- Флейшер Г.Л. (1801–1888), востоковед-арабист, санскритолог, тюрколог, академик СПб. ИАН с 1835 г., иностранный член с 1849 г. — 149
- Флейшер Т.Л. — 149
- Фокк, вдова медицинского инспектора Фокка — 804, 811, 812
- Фокк, медицинский инспектор в Петрозаводской губернии — 804, 809–811
- Форсманн Яакко (1839–1899), профессор правоведения, затем ректор Александровского университета в г. Хельсинки — 27
- Франк, барон, градоначальник г. Мариуполя — 234
- Френ Х.Д. (Х.М., 1782–1851), востоковед-арабист, тюрколог, нумизмат, академик СПб. ИАН с 1817 г. — 6, 18, 23, 26, 35–40, 45, 49, 58, 62, 66, 69, 70, 74–76, 81, 84, 85, 88, 125, 141, 150, 294, 301, 346, 348, 783, 796, 804, 828, 832, 834, 852, 870, 871, 884
- Фус П.Н. (П.Г.; 1798–1855), математик, академик СПб. ИАН с 1818 г., непреходящий секретарь в 1826–1855 гг. — 57, 109, 136–138, 159, 281, 346, 464, 848, 849, 853, 855, 868, 882, 884, 885, 888, 889, 890
- Хаасенмюллер — 186
- Хаген, автор учебника русского языка для немцев — 749
- Хагер И.Г. — 895
- Хаземейстер — 281
- Хайтов, ингушский пристав — 67, 242
- Хакамиес П. — 144
- Халле А.В. — 880
- Халфин — 209, 300
- Хамель — 165
- Хан-Гирей Султан (1808–1842), генерал-майор, первый адыг-

- ский писатель и этнограф — 82, 106, 157, 160, 237
- Хан-Мурза — 282
- Хангупс — 67
- Ханыков Н.В. (1819–1878), востоковед-арабист, географ, этнограф, член-корреспондент СПб. ИАН с 1852 г. — 35, 158
- Хассель — 235, 236, 297
- Хатокшукин Кургоко, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 378
- Хаханов (Хаханашвили) А.С. (1864–1912), кавказовед, исследователь истории, этнографии, традиционной культуры народов Грузии — 161
- Хачожукин Адиль Гирей, кабардинский князь, персонаж адыгского фольклора — 378
- Хеглер — 767, 895
- Хетагурова Т. — 18, 19, 145
- Химишов Ельджеруко, персонаж адыгского фольклора — 377
- Ховен Р.И., фон дер (1775–1861), генерал-майор, гражданский губернатор Грузии — 71, 76, 103, 184, 185, 189, 191, 192, 277–279, 294, 382
- Хоренский Моисей (370/407–487/492), известнейший армянский писатель, автор «Истории Армении» — 47
- Хорн, немецкий комендант — 757
- Хортвист — 209
- Хоружев — 289
- Хознакер, пастор — 296
- Хрисостомус — 329
- Христос — 106
- Хунтер, крещеный черкес, у которого А.М.Шёгрэн квартировал в Карасе, под Пятигорском — 61, 238
- Хуссим, татарский мулла — 209
- Хэлльстрём Г.Г. (1775–1844), профессор физики, первый председатель Финского научного общества — 759, 901.
- Цамциев Гр., священник во Владикавказе — 79, 80, 338
- Цапанова Р.Г. — 145
- Цвик — 296
- Церетели Георгий, князь, подполковник русской армии — 171
- Цибиров Г.И. (род. 1940), исслед.

- дователь истории и культуры Осетии — 14, 15, 17, 143, 145
- Циклаури, предводитель дворянства в Моздоке — 286
- Цимерманис С. — 144
- Цораев В.Х. (1827–1884), один из первых исследователей традиционной культуры Осетии, первый собиратель осетинского фольклора, переводчик — 142, 143
- Цулукидзе, грузинский княжеский род — 97, 265, 326
- Чахруладзе, грузинский поэт-одописец XII в. — 85, 348
- Чергессата, осетинский род — 105
- Черепанов, комендант в Екатеринограде — 241
- Чересимов А.П., штабс-капитан, комендант почты — 196
- Черников, полковник, и.о. правителя Имеретии — 269, 272
- Чернышев А.И. (1786–1857), российский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии; в 1832–1852 гг. военный министр — 506
- Чертков А.Д. (1789–1858), историк, археолог, нумизмат, член-корреспондент СПб. ИАН с 1842 г. — 33
- Чибириков Л.А. (род. 1932) профессор, этнограф-осетиновед — 15, 143
- Чингисхан (собств. имя Тэмуджин, Темучин; ок. 1155–1227), полководец, основатель единого монгольского государства — 300
- Чистов К.В. — 144
- Чонкадзе Д.Г. (1830–1860), грузинский писатель, автор знаменитой повести «Сурамская крепость», собиратель осетинского фольклора — 142, 143
- Чубинов Д., автор «Грузино-русско-французского словаря». СПб., 1837 — 121, 159, 160, 360, 417
- Чулков Н. — 152
- Чуркин, врач в Пятигорске — 280
- Чуркинилов, прапорщик Кавказского корпуса в Тифлисе — 74
- Шабаев Ю.П. — 144
- Шавтэли Ионэ, грузинский поэт-одописец конца XII — начала XIII в. — 85, 348
- Шадинов, помогал А.М.Шёгрену доставить его багаж в Петербург — 383

- Шамиль (1798–1871), глава мусульманского государства в Дагестане, возглавлял борьбу горцев Дагестана в период Кавказской войны 1817–1864 гг. — 340, 360, 365
- Шармуа Ф.Ф. (Ф.Б., 1793–1868), востоковед-арабист, санскритолог, член-корреспондент СПб. ИАН с 1829 г., адъюнкт по восточной (персидской) словесности с 1832 г., иностранный член с 1835 г. — 60, 62, 86, 127, 149, 183, 303
- Шаховской И.В., князь; в начале 1830-х годов старший адъютант Генерального штаба Кавказского корпуса в Тифлисе, участвовал в составлении общей карты Закавказья — 60, 74, 156, 183, 189
- Шебунин А.Н. см. Степанов М.
- Шевырев С.П. (1806–1864), критик, поэт, историк литературы, академик СПб. ИАН с 1841 г. — 34
- Шёгрэн А.М. (И.А., 1794–1855), филолог и этнограф, занимавшийся изучением финских и кавказских народов в России, член-корреспондент СПб. ИАН с 1827 г., академик с 1829 г. — 3–36, 39–41, 43–55, 57, 59–63, 65–83, 86, 88, 91, 93, 95, 97–100, 103–113, 115–148, 150–162, 164, 294, 299, 301, 308, 310, 311, 335, 353, 375, 376, 385, 447, 448, 458, 459, 462–464, 474, 475, 499, 506, 723–743, 745–835, 837–903
- Шёгрэн Берта София, дочь А.М.Шёгрэна — 844
- Шёгрэн Йохан Теодор, сын А.М.Шёгрэна — 850
- Шёгрэн Матильда, дочь А.М.Шёгрэна — 27
- Шёгрэн М.И., отец А.М.Шёгрэна — 30, 745, 892
- Шёгрэн Сара Иоханна, дочь А.М.Шёгрэна — 870
- Шёгрэн Фани Густава (Ф.Ю.), дочь А.М.Шёгрэна (в замужестве Фуруельм) — 867
- Шёгрэн Фредрика Юстина — 876, 902
- Шенберг, аптекарь в Тифлисе — 186, 189
- Шергилов, инспектор шелководства в Кизляре — 281
- Шик-эль-Ислам, эфенди из Казани — 277
- Шипилов, полковник — 206
- Ширинский-Шихматов П.А. (1790–1853), писатель, археограф, почетный член

- СПб. ИАН с 1837 г., академик с 1841 г. — 34–44, 873, 874
- Широков, комендант во Владикавказе — 298
- Шифнер А.А. (Ф.А., 1817–1879), востоковед-тибетолог, академик СПб. ИАН с 1852 г. — 12, 15, 139, 142, 143
- Шлёцер А.-Л. (1735–1809), немецкий германист, историк, фольклорист — 31
- Шлыгина Н.В. — 144
- Шлютер В.Г., знаменитый врач в Ставрополе — 237
- Шмидт, аптекарь в Тифлисе — 277
- Шмидт, владелец меннонитского хутора — 230
- Шмидт Я.И. (И.Я., 1779–1847), востоковед-монголовед, тибетолог, иностранный член СПб. ИАН с 1826 г., академик с 1829 г. — 35, 884
- Шогенов, владелец старинной кабардинской рукописи, посланной Ш.Б.Ногмовым А.М. Шёгрёну — 377, 380
- Шогенов Алегиго, князь, персонаж адыгского фольклора — 378
- Шопен И.И. (1798–1870), в 1829–1838 гг. служил в гражданской службе на Кавказе, в 1838 г. переехал в Петербург — 85, 107, 344, 348, 349, 383
- Шопен-Курганов И.И. см. Шопен И.И.
- Шора см. Ногмов Ш.Б.
- Шора Бек Мурза см. Ногмов Ш.Б.
- Шторх А.К. (Г.Ф., 1766–1835), экономист, статистик, член-корреспондент СПб. ИАН, с 1796 г. академик; вице-президент Академии наук в 1830–1835 гг. — 839, 842, 843
- Штраух А.А. (1832–1893), зоолог, академик СПб. ИАН с 1867 г., непреходящий секретарь в 1890–1893 гг. — 22
- Шукаев см. Жукаев П.(Т.)
- Шульген Н.Г. (1794–1860), математик, член-корреспондент СПб. ИАН с 1821 г. — 151
- Шульц — 191
- Эвальд — 437
- Эвдемон, последний абхазский католикос — 89, 270, 329
- Эверс — 795

- Эвклид — 751
- Эйхвальд Э.И. (К.Э., 1795–1876), естествоиспытатель — анатом, зоолог, минералог, член-корреспондент СПб. ИАН с 1826 г. — 50, 51, 89, 151, 330
- Экмарк, магистр философии — 31, 748, 756
- Элиас-эфенди, ногайский кадий — 70, 81, 229, 231
- Эль-Мурза, фельдшер в г. Ногайске — 58, 231
- Эльсинг, аптекарь в г. Тифлисе — 82, 234, 235
- Энгельгардт Г. — 830
- Энгельгардт Мориц Федорович (1779–1842), минералог, геолог, путешественник, член-корреспондент СПб. ИАН с 1816 г. — 112, 183
- Энгестрем Иоганн Э. (1699–?), граф, сын министра иностранных дел Швеции и полковник русской службы — 277
- Эристов, грузинский князь, фенрик Нижегородского драгунского полка в Польше — 83, 241, 275
- Эристовы, главная грузинская семья на севере Кударского округа Грузии — 97, 265, 326
- Эрстрём Э.Г. (1791–1835), доцент русского языка в Академии Або — 38
- Эструп, уездный лекарь в Новгороде — 809
- Эфрам Сирос см. Ефрем Сирий
- Юстиниан (482/483–565), византийский император с 527 г. — 377
- Ялгудзев И., Ялгудзиев см. Ялгузидзе И.Г.
- Ялгузидзе, вдова И.Г. Ялгузидзе — 191
- Ялгузидзе (Габараев) И.Г. (1775–1835), один из первых просветителей-осетин, переводчик священных книг на осетинский язык, поэт — 76, 77, 78, 186, 294, 367, 411, 422, 431, 433, 434, 442, 443
- Языков Д.И. (1773–1845), писатель, переводчик, почетный член СПб. ИАН с 1830 г., академик с 1841 г. — 34, 150
- Яковлев — 13
- Ярцов Я.О. (1792–1861), языковед, востоковед, санскриптолог, академик СПб. ИАН с 1818 г. — 149, 205

- Aalto P. — 142
 Abulgasi Bagadur-chan — 47
 Antila L. — 144
- Bergé A. — 160
 Bopp F. — 392, 393, 397, 412,
 426, 430, 438
 Böhlingk — 392
 Branch M. — 142, 148, 151
 Brosset L. — 10
 Brosset M.-E. — 10, 158, 160, 161
 Bzarov R. — 146
- Castrén M.A. — 146
- Dettmering Chr. — 146
 Dorn B. — 154, 158
- Eichwald Edm. — 155
 Engelhardt G. — 152
 Engmann M. — 146
- Frähn Chr. M. — 153
 Fuss P.N. — 153
- Gerstenberg J.D. — 156
 Graff — 421
 Guarmati S. — 31
 Gunneri J.E. — 898
- Hager I.G. — 895
 Hartanovich M. — 146
 Homer — 762, 895, 896
- Ibn Fozlan — 152, 804
 Ihre joh. — 31, 439
 Johnson S. — 895
 Iosèlian P. — 158
- Jenssen E.J. — 898
- Khodarkousky M. — 146
 Kiseleva T. — 146
 Kolari V. — 899
 Krug Ph. — 151, 153
 Kunik E.E. — 151
- Laanekask H. — 146
 Leduc L. — 149
 Leems K. — 897, 898

- Leinonen M. — 148
 Lhukovskaya T. — 146
 Lint Th. van — 146
 Löhnrot E. — 161
 Maistre J. de — 150
 Mikkola J.J. — 892, 893
 Miller T.A. — 146
 Nicolas I — 146
 Ouvaroff (S.) — 149, 150
 Pictet — 412
 Pope A. — 895
 Porthan H.G. — 31
 Pott Th. — 398, 409, 418, 438
 Rehbinder — 792
 Reineggs J. — 156
 Rinne — 406
 Saint-Martin-V. de — 10
 Saleman C. — 148
 Schiefner A. — 161
 Schlözer A.L. — 31
 Schmeller — 420
 Schmid — 420
 Schröder E.E. — 156
 Sergejev O. — 146
 Sjögren A.I. — 10, 142, 146–148,
 152–154, 159, 161, 474, 744
 Snellman J.V. — 161
 Steven Chr. — 154, 156
 Strabo — 47
 Teryukov A. — 146
 Tschoubinoff D. — 160, 417
 Udalov S. — 146
 Uvarov S. — 146, 149, 150
 Vihavainen T. — 146
 Vuller — 431
 Wadlron P. — 146, 149
 Weigel J.A.G. — 895
 Whittaker C.H. — 150
 Wolf E.A. — 896
 Zagrebin A. — 146
 Zhukovskaya T. — 146

Содержание

Введение. <i>А.И. Алиева</i>	3
Академик А.М. Шёгрэн — основоположник российского академического кавказоведения. <i>А.И. Алиева</i>	11

ЭКСПЕДИЦИЯ А.М. ШЁГРЕНА НА КАВКАЗ И В КРЫМ

Дневник А.И. Шёгрена с сентября 1835 до января 1838 г. <i>Пер. с швед. М.Р. Ненароковой</i>	164
Письма А.М. Шёгрена с Кавказа	294
Отрывок из письма А.М. Шёгрена Х.Д. Френу. Пятигорск, 27 апреля 1836 г. (прочитано 27 мая 1836 г.) ...	294
Отрывок из письма А.М. Шёгрена Х.Д. Френу. Симферополь, 26 ноября 1836 г. (прочитано 15 января 1837 г.)	299
Отрывок из письма А.М. Шёгрена Х.Д. Френу. Владикавказ, 19 апреля 1837 г. (прочитано 26 мая 1837 г.)	301
Отрывок из письма А.М. Шёгрена президенту Академии наук. Тифлис, 3 июня 1837 г. (прочитано 23 июня 1837 г.)	308
Письмо А.М. Шёгрена Ф.И. Кругу. Моздок, 20 октября 1837 г. (прочитано 15 декабря 1837 г.)	311
<i>Пер. с нем. А.П. Каштерской</i>	
Письма А.М. Шёгрена с Кавказа	335
Экзарха Грузии Евгения	335

Экзарха Грузии Исидора	338
А. Богданинского	339
П. Жукаева	340
П. Иоселиани	341
Х. Ксенофонтова	355
Л. Люлье	357
А. Маевского	359
Г. Мжедлова	359
Ш.Б. Ногмы	371
С. Тергукасова	381

Подг. текстов писем А.И. Алиевой

ТРУДЫ А.М. ШЁГРЕНА, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОСЕТИНСКОМУ ЯЗЫКУ

Осетинские штудии с особой оглядкой
на индоевропейские языки. Первый выпуск. Гласные
(Прочитано 4 июня 1847 г.). *Пер. с нем. Л.Г. Григорьевой
и Т.В. Кудрявцевой; под ред. К.Г. Красухина* 386

Из рукописного наследия А.М. Шёгрена 447

<Отзыв, представленный в Академию наук
8 октября 1841 г., о переводе «Псалтыря» на осетино-
тагаурское наречие, сделанном смотрителем
Владикавказского духовного училища Г. Мжедловым> .. 447

<Отзыв о вторичном разборе перевода «Псалтыря»
на осетино-тагаурское наречие Г. Мжедлова. Представлен
А.М. Шёгренем в Историко-филологическое отделение
АН 6 сентября 1844 г.> 459

<Отзыв о разборе в третий раз перевода «Псалтыря»
на осетино-тагаурское наречие Г. Мжедлова.
Представлен А.М. Шёгренем в Историко-
филологическое отделение АН 24 апреля 1846 г.> 462

ТРУДЫ А.М. ШЁГРЕНА, ПОСВЯЩЕННЫЕ АДЫГСКИМ ЯЗЫКАМ

Донесение о рукописном сочинении под заглавием
«Словарь русско-черкесский или адигский с краткою
грамматикою». Составленный коллежским асессором Люлье.
360 стр. in folio. (Читано г. академиком Шёгреном
в заседании 16 января 1846 г.) 464

Из рукописного наследия А.М. Шёгрена

Примечания <Рецензия на рукопись Шоры Бек-Мурзина
(Ногмова) «Начальные правила
арыхейской грамматики...»> 475

Донесение экстраординарного академика Императорской
Академии наук статского советника Шёгрена о рукописях,
найденных по смерти кабардинского узденя
штабс-капитана Шоры Бек-Мурзина 500

ПРИЛОЖЕНИЯ

Первая грамматика кабардинского языка. *А.И. Алиева* ... 506

Ш.-Б. Ногма. Начальные правила
арыхейской грамматики 509

Ш.-Б. Ногма. Начальные правила
кабардинской грамматики 623

А.Й. Шёгрэн. Мой путь в науке.
Пер. с финского И.Ю. Марциной, Э.Г. Рахимовой.
Коммент. Э.Г. Рахимовой 743

Список сокращений 905

Указатель имен 907

ΔΑΥ ΣΑΜΕΤΟΚ

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Учреждения Российской академии наук
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН*

ОСНОВОПОЛОЖНИК
РОССИЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИК

Андрей Михайлович ШЁГРЕН
ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТЫ

Редактор *М.Л. Береснева*
Дизайн обложки *Д.К. Бернштейн*
Верстка *А.З. Бернштейн*

Подписано в печать 22.03.2011.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 61,0. Тираж 800 экз.

Учреждение Российской академии наук ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

121069, Москва, ул. Поварская, дом 25 а,
тел. (495) 690-05-61

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6
Заказ 1771

ISBN 978-5-9208-0374-0

9 785920 803740

Постепенному совершению углубляя обзорный
путешествие С. В. Вера, Любительному Г. И. Шерингу.

— — — — —

Вот вам Бурка — друг походный:

Часто в густом поле, в бурю,

Под дождем, под звонким градом,

Завернувшись в бурку, бодрый

Воин, в поле, спит как дома.

Мимо летят праздники тужи,

Трохот грома вторят горы,

Но под буркой сон покоен:

Воин весел в ней как дома!

Вы не воин, но дороги

По лесам и по пустыням

Пробивает должен вы прямо...

Так примите дом походный:

Пусть хранит он вас и ваши

Кам брызглива бумага!

Вам, в знак дружбы, ваш знакомец

Бьет землю — Заркеской буркой...

Ю. П. Петров-Водкин

14. 2. 62 года, Москва 19. 2. 62 года

Ведеръ Зиминка.

Л. П. П.

МОСКВА
ДВЕ ТЫСЯЧИ
ДЕСЯТЫЙ
ГОД

ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК

